ТЮМЕНСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Социальные вызовы и ограничения новой индустриализации в регионах России

Материалы
IV Тюменского социологического форума

08-09 октября 2015 года

Тюмень, 2015

Институт социологии Российской академии наук
Тюменская областная Дума
Правительство Тюменской области
Тюменский государственный университет
Тюменский государственный нефтегазовый университет
Сургутский государственный университет

Социальные вызовы и ограничения новой индустриализации в регионах России

Материалы
IV Тюменского социологического форума

08-09 октября 2015 года

Тюмень, 2015 г.

УДК 316.4
ББК С524.126

Социальные вызовы и ограничения новой индустриализации в регионах России: *Материалы IV Тюменского социологического форума. 08-09 октября 2015 г.* – [электронный ресурс] – Тюмень:Институт социологии Российской академии наук, Тюменская областная Дума, Правительство Тюменской области, Тюменский государственный университет, Тюменский государственный нефтегазовый университет, Сургутский государственный университет, 2015. – 1 электр. оптич. диск (CD-R).

Редакционная коллегия:
Акулич М.М. (председатель)
Ефимова Г.З
Чеблаков А.Л.
Чернышев А.А.

В сборнике представлены материалы Четвертого Тюменского социологического Форума «Социальные вызовы и ограничения новой индустриализации в регионах России». Рассматриваются актуальные теоретические и прикладные проблемы новой индустриализации регионов России. Значительное внимание уделяется исследованию социального потенциала и социально культурных предпосылок этого процесса, выявлению резервов консолидации и изменений социальной структуры.

Материалы публикуются в авторской редакции

ISBN 978-5-906134-02-8

© Институт социологии Российской академии наук, 2015
© Тюменская областная Дума, 2015
© Правительство Тюменской области, 2015
© Тюменский государственный университет, 2015
© Тюменский государственный нефтегазовый университет, 2015
© Сургутский государственный университет, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Для перехода на статью следует кликнуть на фамилию автора или название статьи

Доклады на пленарном заседании

Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. Проблемы формирования положительного человеческого капитала у нестабильно занятых наёмных работников

Шафранов-Куцев Г.Ф. Человеческий капитал – ведущий ресурс новой индустриализации России

Загвязинский В.И. О социальной значимости исследований в сфере образования

Когай Е.А. Потенциал макрорегиональной модернизации: Центральное Черноземье

Соловьев А.К. Социальные вызовы и экономические риски новой пенсионной реформы в регионах России

Конев Ю.М., Белоножко М.Л., Барбаков О.М. Формы хозяйствования на сельских территориях в Тюменском регионе в зеркале общественного мнения

Секция № 1
Социальная структура и социальные перемещения в современном российском обществе

Ануфриев Д.П., Арясова А.Ю., Каргаполова Е.В. Качество социальной среды современного российского региона (на примере Астраханской области)

Арбитайло И.Я. Анализ востребованности платных медицинских услуг

Артем О.Я. Влияние нестабильности в обществе на увеличение миграционных потоков: с Украины в Российскую Федерацию

Багирова А.П., Ворошилова А.И. Образ родительства в информационном пространстве: подходы к социологическому анализу

Басимов М.М. Отношения молодежи к гражданскому браку (связи номинальных и интервальных параметров)

Басимов М.М. Оценка гражданского брака как формы отношений в молодежной среде

Басимов М.М. Политические предпочтения молодежи как следствие субъективного представления о своем материальном положении

Батырева М.В., Мокина М.Н. Профессиональное самоопределение городских и сельских школьников

Богданова В.П., Родионова С.Д. К вопросу изучения феномена бедности в современном обществе

Богданова М.В. Инженерное образование в университете: фактор культуры

Болтаевский А.А. Город в России: депопуляция или развитие?

Винокуров А.И., Цаплина С.П., Ахремцова А.Д. Молодёжная культура как социокультурный фактор новой индустриализации западного приграничья России (на примере Смоленской области)

Гаврилюк В.В. Жизненные стратегии современной российской молодежи

Гаврилюк Т.В. Субкультурная дифференциация молодежи: локальный контекст

Галактионова Н.А. Адаптация этнических мигрантов: властные инициативы и реакция СМИ (на примере Тюменской области)

Ганопольский М.Г. Этос и этнос: региональные версии взаимодействия

Гончаренко О.Н. Выпускники аграрных учебных заведений Тюменской области на рынке труда

Гончарова Н.П. Иностранные трудовые мигранты в сельской местности Алтайского края: этнокультурные аспекты моделей взаимодействия с населением

Данилов Д.Л. О качествах преподавателя современного вуза

Домрачева Л.П., Лаптева Е.В. Нужна ли карьерная стратегия новому поколению?

Енчинов Э.В. Трансформация социальных лифтов в Республике Алтай в начале XXI в.

Жидкевич Н.Н. Потенциал современных отходников для регионального развития: возможности и ограничения

Жилина А.А. Моор С.М. Проявление моды в студенческой среде регионального вуза

Заводовская О.В. Роль ценностных ориентаций современной молодежи в проблеме становления профессиональной самоидентификации

Зыкова О.В. Семейно-брачные установки современной молодежи

Исаченко Н.Н. Проблема рессентимента в современном обществе

Калмыкова М.В. Социальная стратификация населения Владимирской области (на основе данных социологического опроса)

Клех А.С. Студенческое самоуправление в вузах города Тюмени

Кох И.А. Миграционный потенциал территории в структуре региональных рынков труда

Крючева Я.В. Лидерские качества студентов-менеджеров

Кузнецова С.И. Мужское правовое движение: мужской взгляд на вопросы равенства

Лихтенштейн Б.М. Система организации мобильного труда как канал инициирования процессов социальной мобильности в условиях кризиса

Любимова Е.А., Самвелян Л.Г. Актуальность изучения межнациональных отношений в полиэтническом регионе

Мехришвили И.С. Особенность формирования «образа будущего» у современной молодежи

Мехришвили Л.Л. «Образ будущего» как детерминант развития индивидуального и социального потенциала

Миронец Е.В., Яковлева И.П. Представление студенческой молодежи о героизме как факторе формирования гражданственности в современной России

Мишунина А.А. Правовые и социально-культурные аспекты адаптации мигрантов в зарубежных федеративных государствах: проблемы и пути их решения (на примере Канады)

Москвина Н.Р. Инновационный потенциал современной молодежи

Налобина М.В. Воссоздание комплекса норм ГТО как фактор повышения уровня гражданственности и патриотизма российской молодежи

Огорелкова Е.В. Гендерные особенности представлений о семье и браке у молодежи

Павлов Б.С. К вопросу о профессиональной социализации учащейся молодёжи на Урале

Пасовец Ю.М. Трудовые ориентации как личностный ресурс социально-экономической адаптации современной российской молодежи

Пименова О.И. «Материальное благополучие» как стратегия идентичности молодежи (сравнительный анализ читателей и нечитателей глянцевых журналов)

Позаненко А.А. Высшее образование как фактор устойчивости изолированных локальных сообществ

Прокофьева О.О. Технология профессиональной подготовки студентов к экологическому образованию дошкольников

Прядко И.П. Методология научного познания и инновации в системе образования (место критического мышления в обучении студента в XXI в.)

Скок Н.С. Профессиональное самоопределение и высшее образование в оценках молодежи: основные тенденции

Сорокин Г.Г. Геронтообразование: социокультурная интерпретация

Сотков О.Л. Образ будущего в работах российских социологов XIX-XX веков

Стебунова Е.И. Особенности и проблемы молодой семьи в гендерной проекции

Ткачёва Н.А., Фокина А.Б. Модель мониторинга проблем и возможностей достижения высокого уровня профессиональной активности молодежи

Ухабина Т.Е. Женское предпринимательство: проблемы, тенденции развития и перспективы

Фарахутдинов Ш.Ф. Особенности политической социализации молодежи Тюменского региона

Федотова Т.А. Влияние трудовой миграции на региональные рынки труда

Фомичев И.Ю. Социальное развитие: структура и принципы

Черепанова А.В. Телесно-ориентированные практики студенческой молодежи

Черникова Е.В. Трансформация неформальных трудовых практик: российские особенности

Шестакова Н.Н. О перспективах привлечения русской научной диаспоры за рубежом в отечественную научно-инновационную сферу

Шманцарь М.В. Оценка студентами проводимых в вузах изменений

Щербакова М.В. Тактики поиска брачного партнера современной молодежи

Секция № 2
Эффективность государственного и муниципального управления территориями

Акулич Е.М., Шевченко И.В. Специфика социокультурного подхода к исследованию понятия «культурная безопасность»

Басуев К., Манукян А.Г. Лоббизм в законодательных органах власти Российской Федерации

Батырева М.В., Герасимова А.Н. Управление сетевыми ресурсами организаций социальной сферы в современном обществе

Беспалова Ю.М., Зубарева О.В. Пути совершенствования управления социальной адаптацией инвалидов в городе и регионе

Блохин В.Н. Возможности управления социально-экономическим развитием сельских территорий российско-белорусского приграничья

Бочарова А.А. Инструменты управления социально-экономическим развитием региона

Бутуева З.А. Проблемы измерения и факторы формирования социального самочувствия

Валиахметов Р.М., Баймурзина Г.Р. Проблемы реализации человеческого потенциала Республики Башкортостан на субрегиональном и муниципальном уровнях

Герасимова Г.И. Связи с общественностью в парадигме делиберативных процессов

Гужавина Т.А. Социальный капитал как ресурс повышения конкурентоспособности региона

Гуськова М.Н. Проблема адаптации детей-инвалидов в современном обществе

Давыденко В.А. Современный опыт новой индустриализации: на примере Тюменской области

Данилова Е.Н. Проблемы оценки качества оказания социальных услуг населению как основного показателя эффективной организации труда на уровне региона

Данилова Е.О. Факторы формирования городского пространства

Демидова А.В. Правовая культура в системе ценностей современной молодежи

Дилекова С.Д. Основные направления модернизации здравоохранения в еспублике Алтай

Дрегало А.А., Ульяновский В.И. Риск-менеджмент: социетальный и социальный подходы

Дулина Н.В., Каргаполова Е.В. Динамика процессов модернизации в регионах Южного федерального округа

Дьякова Е.Г. Портал государственных и муниципальных услуг РФ: основные характеристики пользователей (на примере Свердловской области)

Емельянова Е.Е. Оценка эффективности муниципального управления инвестиционной привлекательностью территорий

Ермолаева П.О. Оценка удовлетворенности населения Республики Татарстан качеством услуг в сфере образования

Заполева Е.О. Развитие патентной системы налогообложения как фактор стимулирования предпринимательской активности в Тюменской области

Захарченко А.А. Применение метода экспертных оценок для совершенствования региональных нормативно-правовых актов (На примере экспертного опроса по вопросам реализации Закона Тюменской области «О налоге на имущество организаций»)

Зерчанинова Т.Е., Мудрецова Н.П. Государственная поддержка работающей молодежи в Свердловской области в оценках молодежи

Игнатова Е.В. Институциональная автономия - фактор успешного управления системой высшего образования

Изюмов И.В. Правовые аспекты международного сотрудничества высших учебных заведений Российской Федерации в сфере образования

Ишкинеева Г.Ф. Амбициозные градостроительные проекты: перспективы реализации в российских реалиях

Каминский В.С. О факторах формирования общественного мнения в муниципальных районах Вологодской области

Ковалева Е.Н. Формирование имиджа вуза: региональный аспект

Койше К.К. Региональные исследования мнений жителей УрФО об изменении пенсионного возраста россиян

Колесникова О.Н. Некоторые результаты мониторингового социологического исследования социального самочувствия населения Алтайского края

Колпина Л.В. Эйджизм в практиках медицинского и социального обслуживания: опыт регионального исследования

Костко Н.А. Проектирование социального пространства города как элемент муниципального управления развитием территории

Лавренюк Н.М. Эффективность государственного и муниципального управления развитием образования в Башкортостане

Мосин В.И. Инвестиционная привлекательность Тульской области в современных условиях

Петрушина О.А. Применение субъект-субъектного подхода как механизм вовлечения молодежных сообществ в управление регионом

Попкова А.А. Развитие форм территориальной активности населения в системе муниципального управления

Попова Е.И. Воспитание толерантности к людям с ограниченными возможностями здоровья у детей старшего дошкольного возраста

Савельев Д.Л. Культурные кластеры в реализации государственной культурной политики на уровне субъектов Российской Федерации

Сагдиева Э.А. Современная аграрная политика Республики Татарстан

Семенов М.Ю. Формирование мнения о качестве предоставления государственных услуг в сфере общего образования

Сергиенко Н.С., Николаева М.В. Упрощенная система налогообложения как инструмент повышения привлекательности малого бизнеса

Серова Н.А. Государственная политика по формированию благоприятного инвестиционного климата

Скульмовская Л.Г. Социокультурный потенциал региона как фактор его инвестиционной привлекательности (на примере ХМАО – Югры)

Соломатин Я.И. Политические ориентации молодежи современного российского мегаполиса: взгляд на руководителей

Сунцов А.П., Красносельских И.М. К вопросу об основных направлениях взаимодействия депутатских фракций «ЕДИНАЯ РОССИЯ» представительных органов государственной и муниципальной власти (на примере Тюменской области)

Теребихин В.М. Социогуманитарное преображение северного региона: некоторые идеи к проектированию концепции (на примере Республики Коми)

Трахтенберг А.Д. Электронные услуги: государственная стратегия и тактики граждан (на примере Свердловской области)

Трубина И.И. Функциональная грамотность школьников как индикатор социально-экономического развития региона

Урбан О.А. Социальные практики взаимодействия власти и бизнеса в Кузбассе: стимулы и ограничения регионального развития

Целищева Е.Ф., Михель А.А., Трофимова Д.В. Повышение уровня инвестиционной привлекательности малых городов

Чевтаева Н.Г., Саранчук С.Ю. Оценка работниками промышленных предприятий мер, предпринимаемых органами власти, по стабилизации рынка труда

Чемакина А.С. Стратегическое планирование системы пенсионного обеспечения

Чупашева Е.В. Формирование специалиста-менеджера в условиях региона: новые подходы

Чупракова А.В. Гражданская активность в условиях развития информационно-коммуникационных технологий на примере создания электронных петиций

Юдашкина В.В. Развитие молодёжи как фактор развития социального пространства города

Секция № 3

Консолидация социального пространства России

Андрианова В.А. Город и социальное пространство

Артюхова И.Д., Бебнева А.Н., Веселин Р.А. Тюменская область – регион устойчивого развития

Ахмедов А.Э., Смольянинова И.В. Развитие региональной экономики на основе кластерного подхода

Березуев Е.А. Аграрные отношения в условиях постиндустриальной модели развития

Вилков Н.О., Королева С.Л., Черкашов Е.М. Развитие социума в поле сотрудничества субъектов малого и среднего предпринимательства и публичной власти в ХМАО-Югра

Воловская Н.М., Плюснина Л.К. Самозанятость как важное направление содействия занятости населения в регионе

Гильтман М.А., Вотякова А.А. Гибкость занятости в регионах России

Гилязова О.С. Проблемы измерения инвестиционного климата в сфере ЖКХ в Свердловской области

Дремова У.В. Направления развития долгосрочного кредитования банков, работающих в г. Севастополе, до и после вступления г. Севастополя в состав Российской Федерации

Заборова Е.Н. Информационная культура населения: поселенческий аспект

Захарова Л.Н. Мифы и реалии региона освоения

Ильиных С.А., Лазарев Г.Г. Предприниматели в России: теория и практика

Карпов В.П. Арктические программы России (СССР): теория и практика

Кибенко В.А. Ямало-Ненецкий автономный округ: территория временного или постоянного проживания?

Кириллова А.И. Занятость населения национальных районов Камчатки (на примере Быстринского района)

Ковригина Т.А. Оценка состояния институциональной среды в регионах Арктической зоны Российской Федерации

Коморникова О.М. Гражданственность как детерминанта социальной активности современного российского общества

Макушева М.О. Кризисные проявления в ЯНАО и их восприятие населением

Маленков В.В. Образ России в представлениях жителей Тюмени

Мокляк М.В., Попова Ю.М. Социокультурные аспекты развития Украины в условиях евроинтеграции

Осьмук Л.А., Баранова В.Г. Формирование толерантного социокультурного пространства гимназии в контексте многоэтничного города

Осьмук Л.А., Скалабан И.А. Социокультурный парк ремесел: возрождение традиционных практик в регионе

Полтавская М.Б., Васильева Е.Н. Социально ориентированные некоммерческие организации как субъекты развития социального предпринимательства

Пузанова О.А. Формирование патриотизма и гражданственности среди российской молодёжи

Ромашкина Г.Ф. Процессы модернизации в регионах российской циркумполярной зоны

Силин А.Н. Индустриальное освоение Российской Арктики: социологическое обеспечение

Скалабан И.А. Общественное участие: кризис или потенциал для локального и регионального развития?

Тарасов В.Т. Качество человеческих ресурсов как фактор социоэкономической модернизации регионов

Тевлюкова О.Ю. Патриотизм в представлениях студентов крупного города

Трофимова О.М. Движущие силы пространственных сдвигов в старопромышленных регионах

Ушакова Н.В., Мартынов М.Ю., Мархинин В.В., Пуртова В.С. Динамика межэтнических отношений в молодежной среде ХМАО

Фадеева И.М., Мангутова Ю.Н. Потенциал институтов для развития социального предпринимательства в молодежной среде

Шапалов В.Н. Человеческий капитал и современная Россия

Шматко Е.О. Активизация соседских практик в условиях урбанизации

Юдашкин А.В. О современных механизмах влияния на потребительский выбор в массовом сегменте рынка

Секция № 4

Современные социальные риски, коммуникации и социально-экономическая безопасность России

Агишев Р.Р. Результаты контент-анализа газетных публикаций, посвященных региональным коррупционным процессам (на примере средств массовой информации Республики Мордовия)

Аквазба Е.О., Аквазба С.О. Герменевтика-ориентированное управление качеством образования как инструмент сохранения человеческого потенциала

Акулич М.М., Казанцева А. Роль волонтёрского движения в формировании патриотизма в современном российском обществе

Андросова И.В. Проблемы оценки социально-экономического развития территориальных образований

Антипина Н.Л. О проблемах молодежи в современном российском обществе

Бавыкина Е.Н. Проблемы трудоустройства молодых специалистов

Банникова Л.Н., Согрина В.Н. К вопросу о подготовке научно-исследовательских кадров

Бинкин Б.А. Глобализация мировой экономики, как фактор, влияющий на развитие общества и человека

Булашева А.А. Социальные взаимодействия в виртуальной среде: проблема регулирования

Вилков Н.О. Экономические понятия, индустриализация и социальная отрешенность

Гейнц Д.Б. Последствия социальных действий в «обществе риска»: пути преодоления катастрофы

Герасимова А.Н. Распространение элементов интернет-субкультур в молодёжной среде

Головчин М.А., Соловьева Т.С. Изменения в материальном положении педагогов в годы реформ: по материалам социологического исследования

Горшкова И.Д. Подготовка специалистов в учреждениях профессионального образования в оценках работодателей трех российских городов

Грошев И.Л., Грошева И.А. Противодействие коррупции: институциональные ловушки

Грошева Л.И. Практика управления молодёжным бизнесом посредством пролонгированного привития бизнес-активного поведения

Давыдова С.И. Коммуникативное неравенство в блогосфере: результаты исследования

Демидова А.В. Факторы семейного благополучия молодой семьи: социологический аспект

Дончевский Г.Н., Клименко Л.В. Постурбанизационные процессы в российском обществе: социальный побег или новые формы вовлеченности?

Дорошенко С.В. Самооценка молодежного влияния на социально-экономическое развитие мегаполиса

Дулина Н.В., Икингрин Е.Н. Великая Отечественная война: отражение в памяти современных студентов России (по итогам социологического исследования)

Ефимова Г.З. Организация и условия труда учителей юга Тюменской области

Жулева М.С., Политыко Е.А. Роль Интернета в социализации студенческой молодежи

Иванова Е.В. Суицидальные практики как проблема сохранения человеческого ресурса в процессе индустриализации

Игнатов С.Б. Образование эпохи глобальных перемен в жизни общества

Ильина И.В. Солидарность в российском обществе: теория и практика

Канатов А.И. Разновозрастные неформальные образовательные сообщества и их возрастающий потенциал в новых социально-экономических условиях

Касаткина Н.П. Эффективные практики подготовки и закрепления кадров на предприятиях промышленности Республики Мордовия

Кеммет Е.В. Гендерная дискриминация женщин в инженерии: региональный аспект

Кирилова О.В. Особенности механизма мотивации работников аграрной сферы Тюменской области в условиях индустриализации

Киселёва Н.И. Социальные вызовы и ограничения трудовых ресурсов в условиях новой индустриализации

Кичерова М.Н. Виртуальные деньги биткоин как атрибут информационного общества

Кожина Т.П. Использование Интернета в качестве источника информации (на примере Вологодской области)

Козлова Т.А. Развитие компетентностного подхода

Коркина О.А. Развитие региональной социокультурной среды через новые театральные практики

Кулько Е.И. Поствузовское образование в новых социально-экономических условиях

Лимкина Н.А. Удовлетворенность потребителей товаров и услуг состоянием ценовой конкуренции в Республике Мордовия

Мальцева Н.В., Чернышев А.А. Социальные риски инновационных процессов в регионе: механизмы управления

Михайлов В.А. Региональная сфера культуры в период кризисных тенденций

Мищенко А.С. Формирование социально успешного образа педагога в условиях современного кризиса

Моисеева Д.В., Дулина Н.В. Финансовая грамотность населения как фактор социально-экономического развития региона

Мокина М.Н., Голубкова Е.В. Высшее образование в новых социально-экономических условиях

Моор П.К., Моор С.М. Виртуальное взаимодействие - новое явление в образовательном пространстве

Осокина Ю.Н. Роль образования в новых социально-экономических условиях: проблемы модернизации

Павлова М.А. Социальный потенциал молодёжи как фактор развития Арктического региона

Пить В.В. Банки и население: социологическое исследование финансового поведения граждан в условиях кризисной ситуации

Ровбель С.В. Функциональная трансформация современного телевидения

Руденкин Д.В. Эволюция отношения российской молодежи к ценности свободы в 1990-е - 2000-е гг.

Хайруллина Н.Г. Современные проблемы регулирования рынка труда и занятость населения

Шаталов М.А., Мычка С.Ю. Развитие инвестиционного потенциала регионов в условиях нестабильности внешней среды

Шилова В.А. Исследование территориального аспекта коммуникативного неравенства в России

Яппарова Р.Р. Теоретико-методологические проблемы исследования жизненных стратегий сельской молодежи в условиях турбулентности

IV Тюменский социологический форум

Социальные вызовы и ограничения новой индустриализации в регионах России

Доклады на пленарном заседании

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА У НЕСТАБИЛЬНО ЗАНЯТЫХ НАЁМНЫХ РАБОТНИКОВ[1]

З.Т. Голенкова -
д.философ.н, профессор
руководитель Центра исследования
социальной структуры и социального
расслоения Института социологии РАН

Ю.В. Голиусова -
к.социол.н.,
старший научный сотрудник Института
социологии РАН

Сформировавшаяся в XX веке теория человеческого капитала гласит, что знания, умения, навыки, формирующиеся у индивида в процессе обучения должны окупаться в процессе трудовой деятельности и выражаться в повышении уровня заработной платы, получении дивидендов, стабилизации занятости, карьерной перспективе. Таким образом формируется положительный человеческий капитал, который обеспечивает «полезную отдачу от инвестиций в него в процессы развития и роста» [3; 10]. Для того, чтобы знания, умения и навыки были конвертируемы на протяжении всей трудовой жизни индивида, необходимо поддерживать и актуализировать их постоянно, обращаясь при этом в институты непрерывного образования, повышая таким образом свою эффективность.

Социологи непрерывное (перманентное) образование определяют, как «целенаправленное получение и усвоение человеком знаний, умений и навыков в течение всей жизни с целью поддержания общественно и индивидуально необходимого уровня общеобразовательной и профессиональной подготовки» [4; 208].

Речь идёт о внедрении в жизнь более активного и равноправного участия в системе образования за рамками среднего и высшего образования граждан всех возрастов, независимо от социально-экономического положения, пола, этнической принадлежности или физических возможностей.

Отличительной чертой нашего времени XXI века стало то, что знания становятся обусловленными их практическим применением, т. е. то, как человек использует знания в реальной жизни. Возникает потребность в новой образовательной системе непрерывного образования, которая не столько

[1] Материалы подготовлены при поддержке РГНФ, проект № 14-03-00306а

распространяет, тиражирует знания, сколько открывает доступ к ним самым различным социальным группам. В результате образование становится инструментом социальных трансформаций. В рейтингах предпочтений образование, учёба, знания прочно занимают верхние строчки. Понятие «образование в течение всей жизни» становится чрезвычайно востребованным.

Мир стремительно меняется на глазах одного поколения. Динамизм изменений в условиях глобализации экономики и инновационных процессов, происходящих в обществе, приводят к тому, что полученные профессиональные знания стремительно устаревают. Это, в свою очередь, требует непрерывного повышения квалификации. Где и как? Многие университеты сегодня предлагают широкий спектр разноуровневых образовательных программ, начиная с дошкольного («семейная академия»), программы раннего профессионального развития для школьников, профессиональное образование в колледже, высшее, послевузовское и дополнительное профессиональное образование. Практикуются различные многочисленные проекты: от обучения сотрудников отдельных компаний до глобальной электронной системы обучения взрослых, включая дистанционное обучение. В ряде университетов в России заключены контракты с Департаментом труда и занятости в регионах, и проводится профессиональная переподготовка безработных граждан. Это помогает безработным повысить конкурентоспособность на рынке труда. Университеты в свою очередь также должны стремиться к собственному непрерывному развитию, и только тогда они способны реализовать качественное профессиональное образование, в полной мере учитывая требования рынка труда XXI века.

Особенно остро проблема повышения стабильности и безопасности стоит перед новыми социальными слоями, называемыми прекариатом или прекариями – неформально занятыми в формальном секторе экономики, не имеющими стабильного положения на рынке труда, не имеющими гарантий занятости [1; 47]. В российской практике данную группу можно операционализировать через официально оформленную полную занятость по трудовому договору по основному месту работы. Конечно, этот критерий выделения не является единственным, но его достоверность не может быть подвергнута сомнению, т.к. официальная статистика фиксирует этот показатель.

По данным Росстата, в 2013 году численность нестабильно занятых составляла 5634 тыс. человек, что составляет 8,5 % всех наёмных работников России (Рассчитано по http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_61/IssWWW.exe/Stg/2-20.doc). В их числе выделяются работающие по временному трудовому договору, по договору на выполнение определенного объема работ или оказание услуг, на основе устной договоренности. Все эти группы можно причислить к нестабильно занятым, т.к. в любой момент они могут пополнить ряды безработных. Если в первом и втором случае есть хоть какая-то минимальная гарантия занятости, то в последнем такой гарантии вовсе не существует, т.к.

нет документа, подтверждающего взаимоотношения работодателя и работника. Мужчин в этой группе больше, чем женщин, что не является мировым трендом, где в «группу риска» попадают чаще всего незащищённые слои населения: молодёжь, женщины, люди предпенсионного возраста[5].

На основе данных 22 волны «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)» можно отследить, насколько прекарии вовлечены в систему непрерывного образования и способны ли они через неё сформировать персональный положительный человеческий капитал. В поле зрения 22 волны опроса домохозяйств, проведённого в 2013 году, попали 410 респондентов, удовлетворяющих условию наличия официально неоформленной занятости по основному месту работы. Они были отфильтрованы в отдельную группу, которая подлежит анализу. В самом общем приближении мы можем обрисовать контуры этого социального слоя.

Среди прекариев преобладают имеющие семью (62 %), большинство из которых (42%) состоят в зарегистрированном браке, 20 % живут с партнером в незарегистрированном браке. По полу респонденты распределились следующим образом: 53% мужчин и 47% женщин. Большинство (57%) проживает в областном центре. Среди нестабильно занятых преобладает молодежь в возрасте до 30 лет. По уровню квалификации опрошенные распределились следующим образом (Таблица 1)

Таблица 1

Распределение респондентов по уровню квалификации

	%	Ранг среди ответивших
Законодатели; крупные чиновники; руководители высш. и сред. звена	2,0	8
Специалисты высшего уровня квалификации	5,4	6,5
Специалисты среднего уровня квалификации; чиновники	7,1	5
Служащие офисные и по обслуживанию клиентов	5,4	6,5
Работники сферы торговли и услуг	19,8	2
Квалифицированные работники сельского, лесного хоз-ва и рыбоводства	0,2	9
Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом	16,6	3
Квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы	16,1	4
Неквалифицированные рабочие всех отраслей	27,1	1
Неответившие	0,5	
Итого	100,0	

Источник: RLMS-HSE

Как видно из таблицы, больше всего неофициально занятых среди неквалифицированных рабочих, работников сферы услуг и торговли и разного рода квалифицированных рабочих. В целом можно сказать, что в группе неоформленных официально преобладают представители ручного труда и обслуживающий персонал, занятые в третичном секторе.

В своей массе респонденты имеют достаточно высокий уровень образования. Так, 44 % окончили среднюю школу (10-11 классов), 23 % – среднее специальное учебное заведение. Приходится констатировать, что достаточно образованные индивиды вынуждены заниматься неквалифицированным трудом.

Вопреки ожиданию, что прекаризации подвергаются в основном трудовые мигранты из стран Ближнего зарубежья, данные показывают, что подавляющее большинство опрошенных в группе прекариев являются гражданами России по рождению, что идет вразрез с мировыми тенденциями, согласно которым чаще всего прекариат пополняется за счет внешних мигрантов.

Представители прекаризированной группы в целом высказывают удовлетворённость своей работой и условиями труда, однако высказывают неудовлетворённость оплатой труда, считая её недостаточно справедливой. Причём 36% опрошенных знают, что получают «серую» заработную плату, и, что работодатель не платит с неё налоги и страховые взносы. 56 % подтверждают, что не оформлены официально по инициативе работодателя, который не выражает желания произвести оформление в соответствии с Трудовым кодексом РФ. 88% подтверждают, что за последние 12 месяцев у них не было оплаченного отпуска, а те, у кого он был, говорят, что он составил 14 календарных дней.

Опрошенные оценивают свои шансы на продвижение по службе как не совсем удовлетворительные, т.е. констатируют тот факт, что карьера у них не складывается. Респонденты в целом не боятся безработицы и высоко оценивают свою возможность получить подобную работу в другой организации. В качестве ремарки можно отметить, что самый большой процент среди опрошенных составляют продавцы-консультанты в магазинах, на втором месте – телохранители, а на третьем – уборщики помещений.

Каналы трудоустройства вполне предсказуемы. Большинство устроилось на работу через друзей и знакомых, на втором месте – через родственников, на третьем – пришли непосредственно в отдел кадров организации.

Опрошенные прекарии в большинстве не имеют дополнительной занятости или подработки, не выращивают на продажу овощи и фрукты, не разводят живность, не собирают грибы и ягоды, не живут на ренту.

Неформально занятые не отягощают себя различными дипломами и сертификатами. Так, только около 12 % этой группы окончили дополнительно профессиональные курсы для того, чтобы повысить уровень своего базового образования, 4 % посещали курсы повышения квалификации, менее 2% получают высшее, второе высшее образование, 0,2 % учатся в магистратуре. Немногие окончили водительские курсы. Большинство увеличивающих свой индивидуальный человеческий капитал изыскивают для этих целей личные средства, следовательно, организация, в которой они трудятся не заинтересована в повышении их уровня образования и квалификации. 72% опрошенных уверенно сказали, что не планируют повышать уровень своего образования в ближайшие 3 года. Уровень компьютерной грамотности в группе достаточно высок, но компьютер респондентами используется в личных целях для развлечений, поиска информации в интернете, для онлайн-покупок. На работе компьютером респонденты не пользуются.

В целом, все вышесказанное говорит о том, что прекарии не видят необходимости увеличивать свой индивидуальный человеческий капитал, не используют систему непрерывного образования для его повышения, они достаточно пассивны и инертны. По данным исследования, 14% заявляют, что стажа для получения трудовой пенсии у них нет, 63% не хотят менять работу.

Главный вопрос, который предстоит изучить в ближайшее время, чем вызвана такая инертность? Это был личный выбор респондентов или существуют непреодолимые преграды на их жизненном пути? Проблема весьма сложная, поскольку система непрерывного образования и сама по себе противоречива, а в условиях глобализации противоречия только усугубляются. К сожалению, во многих программах повышения квалификации, которые относятся к системе непрерывного образования взрослых преобладает формализм, когда свидетельства и дипломы выдаются только по факту присутствия, что не может не сказываться на качестве получаемого дополнительного образования и повышения квалификации. Все эти проблемы знакомы современным работникам, которые не желают участвовать в подобных схемах. Кроме того, основные институты социализации (семья, школа, право) не всегда способны обеспечить успешное взросление молодёжи. Да и сама система образования зачастую мечется между «гипертрофированным прагматизмом», характерным для американского школьного образования[2] с его системной прагматизацией образования (что дало повод для обсуждения в США в 1983 г. доклада «Нация в опасности») и энциклопедическим образованием, более характерным для европейского континента. Это оказалось своеобразным проходом между Сциллой и Харибдой.

Список литературы:

1. Голенкова З.Т. Голиусова Ю.В. Прекариат как новая группа наёмных работников // Уровень жизни населения регионов России. № 1. 2015.

2. Дьюи Дж. Общество и его проблемы. Перевод с английского: И. И. Мюрберг, А. Б. Толстов, Е. Н. Косилова. — М.: 2002. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 25.04.2012. URL: http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6268

3. Корчагин Ю.А. Человеческий капитал как фактор развития. Доклад в ВШЭ. Воронеж: ЦИРЭ, 2011.

4. Социологический энциклопедический словарь. М. 1998.

5. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ – ВЕДУЩИЙ РЕСУРС НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РОССИИ

Г.Ф. Шафранов-Куцев -
научный руководитель ТюмГУ,
д.филос.н., профессор, академик РАО

Новую индустриализацию следует рассматривать в рамках общего процесса модернизации страны. Практические задачи новой индустриализации приходится решать в определенной последовательности, учитывая природно-ресурсные, технико-технологические, когнитивные, социокультурные и в целом цивилизационные особенности и состояние страны и отдельных регионов.

Модернизацию в целом принято подразделять на первичную, имеющую в основном индустриальный характер и вторичную, приобретающую постиндустриальный характер перехода к шестому технологическому укладу, информационному обществу.

Фазовые переходы процесса модернизации не происходят одномоментно. В стране и в регионе могут одновременно идти и процессы перехода к вторичной модернизации, и одновременно завершаться процессы первичной модернизации. К примеру, в Тюменской области строительство предприятий нефтепереработки и нефтехимии, металлургии, металлоконструкций и др. Хотя их создание идет в значительной мере на основе высоких технологий – это все-таки процесс завершения первичной модернизации, который с достаточным основанием можно обозначить термином – новая индустриализация. Некоторые авторы используют термин «реиндустриализация».

По оценке Н.И. Лапина, интегрированный индекс сбалансированности модернизации (ИИСБ) имеет большой разброс: Россия в среднем – 0,540, Центральный федеральный округ – 0,706, Уральский – 0,238, в два раза ниже среднего по России и в три раза от Центрального [3].

По оценке специалистов Тюменская область с 2000 года находится в фазе начала перехода к вторичной модернизации. Общепринятые экономические критерии завершения первичной модернизации в основном достигнуты. К 2010 году самый высокий индекс реализации вторичной модернизации среди регионов УрФО достигнут в Тюменской области. Правда, в последующие годы за югом Тюменской области по интегрированному индексу модернизации закрепилось третье место среди субъектов УРФО.

Коллектив социологов ТюмГУ под научным руководством члена-корреспондента РАН Лапина Н.И. совместно с депутатами Тюменской областной Думы многие годы работает над социально-культурным портретом Тюменской области, позволяющим видеть наши сильные и слабые места.

Социально- культурный паспорт области издавался в мониторинговом режиме в 2007, 2009,2011,2013 и 2015 годах.

На основе материалов социально-культурного паспорта региона, можно сделать вывод, что в Тюменской области, к примеру, несмотря рост индекса знаний, заметного повышения инновационной активности населения пока не происходит. При относительно высоком индексе качества жизни индекс инноваций в знаниях оказался ниже среднероссийского в полтора раза. Число инженеров и научных работников, полностью занятых в НИОКР составляет лишь треть от стандартного значения. Мало заявок на патенты, а это, пожалуй, основные признаки определяющие процессы модернизации [2].

Перейти к вторичной модернизации, не реализовав полную зрелую фазу индустриализации невозможно. Поэтому тюменскую новую индустриализацию надо рассматривать как совершенно необходимое условие ускоренного перехода к вторичной модернизации. Их принципиальная разница заключается в том, что, если первичная модернизация ориентирована больше на индустриально-экономическое развитие, даже если речь идет о производстве высокотехнологической продукции, то результатом ВМ является формирование наукоемкого производства, экономики знаний, мощного развития сферы услуг и прежде всего производственного сервиса, сетевого взаимодействия, распространение цифровых технологий во всех сферах общественной жизни, восприимчивость и активность населения к инновациям и т.п.

Сам термин индустриализация отсылает нас к 30-м годам прошлого века. Вроде бы отработанный термин, понятные проблемы. Но тогда индустриализация проходила в условиях избытка трудовых ресурсов, во многом неэкономических методов использования трудовых ресурсов (ГУЛАГ, оргнабор, научные шарашки и т.п.). Этого, слава богу, сегодня у нас нет, и не может быть. Надо найти новые подходы для нашего новоиндустриального рывка. Стоит также напомнить, что в тридцатые годы прошлого века в условиях мирового экономического кризиса США, Германия и другие страны строили в СССР тысячи заводов, а сегодня политика экономических санкций сдерживает наше развитие в высокотехнологичных отраслях экономики.

По нашему мнению, вторичная модернизация принципиально отличается от первичной, прежде всего, возрастанием роли человеческого фактора, качества трудовых ресурсов, человеческого потенциала и этот потенциал должен накапливаться на завершающей стадии первичной модернизации.

Экономика все больше насыщается элементами шестого технологического уклада, подготавливая переход всего социума к новому информационному, постиндустриальному состоянию. Можно сказать, что будущее информационное общество буквально прорастает из общества зрелого индустриального уклада: компьютер, мобильник, планшетник и другие гаджеты.

В современном обществе можно выделить два основных вида капитала и, следовательно, два вида инвестиций: во-первых, физический капитал (техника, оборудование, здания, производственная инфраструктура и т. п.; во-вторых, человеческий капитал (образование, продолжительность жизни, состояние здоровья населения, профессиональная подготовка и др.). В отличие от первичной индустриализации, где на первом плане были инвестиции в основном в физический капитал, определявшие темпы индустриального развития, то уже на стадии перехода ко вторичной модернизации многократно увеличивается значение человеческого капитала. Вышеприведенные слабые места в модернизации региона относятся в основном к уровню человеческого капитала.

В современной экономической и социологической теории под «человеческим капиталом» принято понимать тот запас знаний, навыков, способностей, компетенций, которые могут использоваться как в производственных, так и в потребительских целях. Человеческий капитал – это знания, навыки, компетенции, воплощенные в людях, позволяющие им создавать и поддерживать личное и общественное социальное и экономическое благосостояние.

Отличительная черта человеческого капитала – его неотделимость от личности своего носителя. Но в остальном человеческий капитал подобен физическому: он представляет собой благо длительного пользования, но с ограниченным сроком службы, как и любой исчерпаемый ресурс, он требует расходов по своему содержанию, может морально устаревать, амортизироваться и т.п.

Общепризнано, что накопление человеческого капитала, является одним из главных «моторов» социально-экономического развития, ключевым фактором экономического и социального благосостояния общества. Прошлый двадцатый век уже назван веком человеческого капитала. Еще с большим основанием эта характеристика приложима к нынешнему веку. Оценки, которые производились в разные годы в самых разных странах мира: развитых, развивающихся постсоциалистических – однозначно показывают, что экономическая отдача от человеческого капитала, а, следовательно, и от инвестиций в человеческий капитал и потенциал многократно превышает отдачу от капитала физического [5]. Современная экономика – это экономика человеческого капитала, понимаемая как экономика информации и знаний, так называемая «знаниевая экономика», постиндустриальная экономика, шестой технологический уклад и т.п. Терминология не устоялась, есть свобода творчества.

В большинстве стран-участниц Международного проекта ОЭСР запасы человеческого капитала превосходят годовой ВВП в 10-16 раз. Это соотношение варьировало от 8,3 в Нидерландах до 16,0 в Южной Корее. Соотношение между человеческим капиталом и капиталом физическим от 3,6 в Италии и до

7,0 в Великобритании. По расчетам Р.И. Капелюшникова в 2010 году валовой объем человеческого капитала России в реальном выражении приближался к 263 трлн. руб. превысив объем 2002 года более чем вдвое. Ежегодные темпы прироста человеческого капитала в среднем достигали 10,2%. Почему выбраны 2000 и 2010 годы? Это годы проведения Всероссийских переписей населения, позволяющие получить необходимую статистическую информацию.

По расчетам Р.И. Капелюшного на каждого россиянина приходится в среднем 6 млн. руб. человеческого капитала. Его валовый запас примерно в 13 раз превосходит ВВП страны и 5 с лишним раз объем физического капитала. Вот такие расчеты и оценки необходимы для прогнозирования не только по стране, но и по отдельным регионам, крупным городам. Можно предположить, что будет создана и методика оценки индивидуального человеческого капитала. Она очень необходима в первую очередь для оценки кадров, формирующих политическую и экономическую элиту общества. Конечно, такие оценки ведутся и сегодня, но с какими ошибками, просчетами. Причем здесь можно выделить одну любопытную закономерность. Господь бог дал не всем одинаковые условия для вложения физического капитала: природные ресурсы, климат. А вот условия для инвестиций в человеческий капитал, его наращивания практически у всех одинаковые. Вот где надо соревноваться, конкурировать. В итоге выиграют те регионы, где интенсивней, креативней будет наращиваться человеческий капитал. Возьмите Японию, Южную Корею, Сингапур, Финляндию. О каких природных ресурсах здесь можно говорить. Поразительные результаты, достигнутые экономикой этих стран за счет высокоразвитого человеческого капитала. Именно эти страны в образовательных рейтингах занимают места в первой десятке. Какие еще нужны доказательства места, значимости образования в процессах модернизации.

Общепризнано, что для вторичной модернизации характерны процессы опережающего роста инвестиций в человеческий капитал. По имеющимся оценкам, в США доля инвестиций в человеческий капитал составляет более 15% ВВП, что превышает валовые инвестиции в основные фонды (физический капитал). Это подтверждает тезис, что высокий уровень вложений в человеческий капитал напрямую связан с самыми высокими в мире показателями развития экономики. Исследователи делают вывод, что вложения в человеческий капитал дают значительный по объему, длительный по времени и интегральный по характеру экономический и социальный эффект [1].

В нашей стране процессы формирования, оценки человеческого капитала находятся практически в зачаточном состоянии и поэтому важно выделить первоочередные исследовательские и организационно-управленческие задачи. Хотя Россия и является участником консорциума, но международные организаторы проекта расчеты по ней не проводили из-за недостатка необходимых статистических данных.

Самая первоочередная исследовательская задача – создание статистической системы показателей, дающей возможность оценки человеческого капитала не только в национальном масштабе, но и по регионам, крупным городам. Инвестиционно-привлекательными являются как раз те страны, регионы и города, которые располагают большими накопленными ресурсами именно человеческого капитала. А еще к тому же дешевыми. Уровень, качество человеческого капитала в решающей степени определяет уровень эффективности капитала физического.

Причем, если инвестиции, вложения в физический капитал всегда адресные, известно кто, куда и сколько вкладывает, то формирование человеческого капитала многоаспектное: государство, семья, сам человек, система образования и другие социальные институты, гражданское общество и т.п. К тому же эти вложение во многом безадресные, исключая, пожалуй, только профессиональное образование.

Социологические исследования последних лет выявляют тревожные тенденции. Россияне стали реже прикладывать усилия для наращивания и даже поддержания своего человеческого капитала. Само это наращивание стало вгораздо меньшей степени предопределять их карьерные перспективы и в этих условиях их озабоченность возможностью приобретения новых знаний заметно снизилась. Социологи отмечают, что в современной России сворачиваются инвестиции в дополнительное профессиональное образование и повышение квалификации. По оценке академика М. К. Горшкова, с 15% в 2003 году до 6 % в 2013 году [8].

Следует вести расчеты человеческого капитала не для всего населения, а только на тех, которые задействованы в экономике, национальном хозяйстве. С этим напрямую завязаны многие социальные проблемы, к примеру, потери человеческого капитала по причинам безработицы, теневой экономике, установления пенсионного возраста, использования труда людей пенсионного возраста, возраст сложившиеся сроков дожития, состояния здоровья и т.п.

Инвестиции в человеческий капитал имеют свои принципы и особенности. По мере накопления человеческого капитала его доходность повышается до момента окончания активной трудовой деятельности человека. Поэтому важно иметь представление о запасах такого капитала по отдельным возрастным когортам, особенно старших возрастных групп. Такие данные пока можно получить только по данным переписи населения.

Износ, амортизация человеческого капитала определяется, во-первых, степенью естественного износа человеческого организма, а во-вторых, степенью морального износа вследствие устаревания знаний особенно прикладных.

Уровень образования, а, следовательно, инвестиции государственные, семейные, личные в совокупности и есть – основной фактор, определяющий позицию человека на рынке труда. Чем больше запас накопленного

человеческого капитала, тем меньше риск попасть в ряды «лишних людей». Отмечается, что люди, обладающие развитым человеческим капиталом, отличаются более высоким уровнем миграционной подвижности (реальной и потенциальной). Главным их ресурсом являются их знания и навыки, способность к доучиванию и переучиванию.

Еще одна особенность инвестиций в человеческий капитал – высокая степень риска инвестиций в образование из-за невозможности в достаточной мере прогнозировать и тем более гарантировать ожидаемый результат. Без затрат времени, финансов и других ресурсов человеческий капитал увеличиваться и прирастать не может. К примеру, в профессии специалиста до 80% знаний приходится на самостоятельное обучение.

Пока, к сожалению, наш идол – привлечение инвестиций, физического капитала, формирование благоприятного инвестиционного климата, создание новых предприятий, проценты роста, налоговые платежи. При оценке человеческого капитала в лучшем случае называется возможное количество рабочих мест на новых предприятиях. И ни одного слова о качестве, запасах человеческого капитала в городе, регионе, а ведь это главное условие эффективного использования физического капитала. Кстати, оценка накопленного человеческого капитала является одной из самых притягательных характеристик для инвесторов. Другое дело, что такие характеристики трудно вывести из-за нехватки статистической информации. Пока интуитивно инвесторы выбирают столичные и крупные региональные центры особенно при размещении высокотехнологичных производств именно из-за накопленного здесь человеческого капитала, а не только развитости производственной инфраструктуры.

Представляется необходимым на стадии размещения новых предприятий сразу разрабатывать проекты формирования трудовых коллективов, особенно специалистами с необходимым уровнем подготовки, точнее человеческого капитала, заключать договора с профильными учреждениями профессионального образования. К примеру, только для третьей очереди Тобольского нефтехимического комбината потребуется более 10 тыс. специалистов и высококвалифицированных рабочих.

Основными видами вложений в человека считаются образование, производственная подготовка, охрана здоровья и т.п. Однако в более узком смысле под инвестициями в человеческий капитал понимаются затраты на образование и производственную подготовку. Большинство попыток измерений запасов человеческого капитала исходит из такой трактовки.

Особенно много возникает проблем с оценкой человеческого капитала в связи с модернизацией профессионального образования, необходимостью повышения его качества. Именно профессиональное образование дает самый большой прирост человеческого капитала.

В отличие от фазы начальной индустриализации сейчас приходится готовить кадры, как говориться, в одном флаконе и для новой индустриализации, и для следующего шестого технологического уклада – основы информационного общества. Для этого не обязательно делить учебные заведения профессионального образования на традиционные, готовящие кадры для индустриализации и новые, специализирующиеся на подготовке кадров для вторичной модернизации. Все дело в пропорциях, которые могут относительно легко меняться в зависимости от сложившейся ситуации, гибкости и вариативности учебных программ.

На индустриальном этапе развития можно было особо не задумываться над подготовкой элитных специалистов. При массовой подготовке специалистов в общем потоке всегда выделялись одаренные молодые люди, и не требовалось каких-то особых усилий для подготовки элитных специалистов.

Если взять выборочно сотню биографий выдающихся людей в сфере науки и техники, проанализировать их творческие биографии, то можно выделить некоторые закономерности, которые позволяли без особых затрат и усилий формировать интеллектуальную элиту.

В условиях вторичной модернизации элитных специалистов потребуется значительно больше и для этого необходимо реализовать достаточно масштабные программы подготовки элитных специалистов на всех уровнях общеобразовательной и тем более профессиональной подготовки, вплоть до реализации целевых программ, выделения или создания с чистого листа специальных учебных заведений, подготовки в зарубежных университетах.

В РФ работает 4 тыс. учреждений профессионального образования, в том числе 1,1 тыс., которые готовят квалифицированные кадры прикладных квалификаций в 98 городах и поселениях страны. Основная часть таких центров проходится на Москву (22), Свердловскую (16) Брянскую (13), Белгородскую (10), Тюменскую (8), Воронежскую (7) области, Санкт – Петербург (7). До конца 2018 года планируется создать еще более 300 многофункциональных центров прикладных квалификаций в более чем 220 населенных пунктах.

Начата реализация пилотного проекта совместно с ФРГ «Подготовка рабочих кадров, соответствующих требованиям высокотехнологических отраслей промышленности, на основе дуального подхода». Правда, за этим термином ничего нового нет. Речь идет о совместной с заинтересованными предприятиями подготовке кадров, которая широко использовалась в нашей стране, вплоть до заводов-втузов, где будущие инженеры сочетали учебу с работой на предприятии, проходя все ступеньки рабочей профессии, техника до получения диплома инженера.

Общий контингент вузов составляет 5,6 млн человек, из них 2,9 млн. обучаются по программам прикладного и академического бакалавриата, 0,2 млн.по программам магистратуры, 2,3 млн. по программам специалитета.

В рамках реализации приоритетного национального проекта «Образование» усиленная государственная поддержка оказывается 40 вузам, так называемым ведущим российским университетам: двум ведущим российским университетам (МГУ и СПГУ), обладающим особым правовым статусом, 9 федеральным университетам и 29 национальным исследовательским университетам. Теперь намечено выделить опорные региональные вузы и на этом по задумкам реформаторов высшее образование, скорее всего, заканчивается. Дальше идут колледжи, которые будут готовить прикладных бакалавров и специалистов среднего звена.

Правом разработки и реализации самостоятельно устанавливаемых образовательных стандартов по всем уровням высшего образования, учитывающим актуальные требования предприятий региона, воспользовалось 35 ведущих университетов. К числу таких экспериментов можно отнести и созданную в 2015 году тремя университетами Тюмени сетевую Политехническую школу. Выпускник этой школы – системный инженер, технический эксперт, способный управлять высокотехнологичным производством, разработками, создавать команды и управлять коллективами, оценивать риски и результаты. Девиз школы «Придумай. Разработай. Внедряй. Управляй». Обучение будет проходить в составе мультидисплинарных групп, в которые войдут студенты естественно-научных и физико-технических специальностей разных вузов и специальностей – физики, химики математики, геологи, экологи и другие. Преподавателями школы наряду с университетской профессурой будут и ведущие инженеры предприятий.

В последние годы решительно устраняются сложившиеся перекосы в развитии профессионального образования. На протяжении последних 15 лет на гуманитарные и экономические специальности и направления российских вузов поступало вдвое больше абитуриентов, чем на инженерные. При этом число «платников» по экономике и управлению составляет почти 80% от общего числа обучающихся. Для сравнения – 60% будущих инженеров традиционно обучается за счет бюджета.

Эта проблема не только российской высшей школы. По данным мониторинга из 60 японских вузов 17 университетов прекращают набор на юридические и экономические специальности. Решение правительства вызвало волну протестов в студенческой среде. Два университета – Токио и Киото – заявили, что не будут подчиняться требованиям правительства.

Есть реальная опасность, что до 2020 года вузы выпустят избыточное для нашей экономики число инженеров. На протяжении последних лет объемы контрольных цифр на инженерные специальности наращивались и к 2014 году достигли половины от общих контрольных цифр бюджетного приема. В вузы Тюмени в этом году на инженерные специальности подали заявления 54% абитуриентов. На сегодняшний день фактически достигнуты показатели приема

на инженерные специальности 1980-1985 годов. Однако необходимо учитывать, что внедрение высокотехнологичных производств, приведет к сокращению потребности в инженерах. Придется, как в советское время, вводить должности инженеров по соревнованию, охране труда и т.п., чтобы трудоустроить выпускников.

В связи с необходимостью повышения качества профессиональной подготовки появляется необходимость сертификации дипломов, разделения их по уровням подготовки. Скажем так, первой категории – дипломы с отличием, красные дипломы, второй категории – на уровне хорошистов и третьей категории – с преимущественно удовлетворительными оценками. Пока все выпускники вузов идут по категории лиц с высшим образованием вне зависимости от качества подготовки. Такое положение не дает достаточно чувствительного инструмента для оценки вклада высшего профессионального образования в формирования человеческого капитала. Такую же схему можно реализовать и по другим уровням профессионального образования.

Ставка должна делаться не только на молодежь. Переподготовка и повышение квалификации старших поколений рабочих и специалистов быстрее и намного дешевле. Это самые эффективные вложения в человеческий капитал. Можно использовать самые разнообразные формы организации: и частные, и государственные, привязанные к конкретным новым промышленным кластерам. Только так и должны реализовываться новоиндустриальные проекты. Конечно, только за счет молодых специалистов кадровые проблемы такого масштаба не решить.

При формировании кадрового потенциала новой индустриализации придется в немалой мере рассчитывать и на гастарбайтеров. Конечно, речь идет не о стихийных потоках неквалифицированной рабочей силы, что, буквально захлестывает Россию. Эти потоки надо сделать управляемыми на основе межправительственных соглашений, возможно в рамках Евразийского экономического Союза. Одним из возможных вариантов могло бы быть создание в среднеазиатских республиках филиалов профильных учреждений профессионального образования для целевой подготовки кадров для крупных строек и предприятий новой индустриализации.

Надо видеть другое. Мощное нарастание человеческого капитала ведет к существенным изменениям в отношениях собственности. Ведь, по сути, человеческий капитал есть интеллект. Собственность конкретного человека, участвующего в производстве интеллектуальной собственности превращается в главную разновидность собственности. Это в перспективе может кардинально изменить всю общественную структуру.

Нынче более чем в сотне стран мира закреплено право работников на участие в управлении производством, имуществом и прибылью предприятия. В США 11 тыс. фирм, на которых занято 12 млн. человек перешли в полную или частичную собственность их персонала. Полагаю, что необходимо и в нашей стране закрепить такие социальные эксперименты, сформировать для этого необходимую законодательную базу.

Одним словом, необходимо всесторонне анализировать возможности наращивания и оценки человеческого капитала, как основного условия нашего успешного продвижения по пути новой индустриализации и модернизации.

Список литературы:

1. Беккер Г. Не жалейте денег на людей // Busiess week. – 1996. №6.
2. Г.Ф. Ромашкина. Оценка стадий и фаз модернизации на примере Тюменской области // Казанская наука. – 2012. № 6. – С. 255.
3. Н.И. Лапин. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследования российской модернизации» // Социс. – 2015. № 1. – С. 7-8.
4. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010).
5. Р. Е. Капелюшников. Сколько стоит человеческий капитал. М., 2012. С. 3.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели (статистический сборник). М. 2013.
7. Ромашкина Г.Ф. Процессы модернизации в регионах Уральского федерального округа // СОЦИС. – 2015. № 1.
8. Средний класс в современной России: 10 лет спустя (аналитический доклад). М., 2014. С. 43-45.
9. Сумарокова Е.В. Инвестиции в человеческий капитал // Образование и общество. – 2004. № 2.

О СОЦИАЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ ИССЛЕДОВАНИЙ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ[1]

В.И. Загвязинский -
зав. академической кафедрой методологии и теории социально-педагогических исследований Тюменского государственного университета,
доктор педагогических наук, профессор,
академик РАО

Прошло уже четверть века с начала последнего коренного социального переустройства российского общества и его образовательной сферы. Социальные трансформации повлекли за собой обновление образования, его диверсификацию, демократизацию, обеспечили его выживание, однако привели и к серьезным утратам, особенно в отношении воспитания, нравственных ориентаций и ценностей. Российское образование утратило ведущую роль в рейтинге мировых образовательных систем, которое занимало советское образование. Предстоит бороться за возрождение и развитие многих традиций в российском образовании.

Отвечая на острые вопросы собеседников из радиостанции «Эхо Москвы», министр образования и науки РФ Д.Ливанов, посетовав на то, что сейчас в образовании приходится вычищать мусор, накопившийся в предшествующие годы в виде «лжевузов», «лжеспециалистов», обесцененных аттестатов и дипломов, сделал весьма ответственное заявление об отсутствии в ряде общественных наук серьезного научного потенциала, необходимого для развития образования. Он заявил: «Сейчас у нас нет в целых широких областях науки, в таких как экономика, социология или педагогика серьезного научного потенциала для развития. Нам нужно создавать научные школы» [1].

Мы могли бы возразить министру, сославшись и на работы классиков педагогики, и на разработки современных отечественных ученых, и на опыт педагогов-новаторов. Однако приходится признать, что в упреках министра есть немалая доля истины. Радует то, что министр образования и науки, наконец-то попытался связать общественные науки с процессом переустройства образования. Доселе эти объекты, вернее их управленческие структуры, сосуществуют под одной министерской крышей, но не сотрудничают, а практика реформирования образования мало опирается на науку и лишена

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Формирование практикоориентированной исследовательской деятельности педагога в многоуровневом университетском образовании» (регистрационный номер НИОКР 114071440036)

стратегического стержня, который в общем виде достаточно четко отражен на уровне общей социальной стратегии развития образования.

Произошел опасный разрыв социальной стратегии и образовательной политики, построенной на началах рыночной экономики и низводящей образование до уровня сферы услуг, а также политикой и наукой, говоря конкретнее – комплексом наук, обслуживающих образование и прежде всего теми науками, которые назвал министр – социологией, педагогикой, экономикой, которые призваны тесно сотрудничать друг с другом в определении содержания и способов обновления образования.

Этим наукам необходимо серьезно разрпабатывать проблемы социализации и социального воспитания подрастающего поколения в условиях агрессивной внешней среды и определенной ценностной и культурной деградации общества, социальной аномии и роста социальных контрастов. Предстоит поиск гармонизации баланса личностно-ориентированных и социально обусловленных позиций и влияний в становлении личности и системы общественных отношений.

В педагогике и образовательной практике от господства социоцентриской концепции советского воспитания в период перестройки был совершен решительный переход на позиции гуманной педагогики в виде личностно-ориентированного обучения и воспитания. Это было сделано и в продолжении гуманистических традиций отечественного образования и под влиянием западной гуманистической философии и психологии (К.Роджерс, А. Маслоу, Л. Кольберг, Э. Фромм и др.). Личностная ориентация образования принесла много ценного и полезного. Внимание к каждому человеку, его внутреннему потенциалу, развитию его способностей, навыков и умений самореализации, становлению человека как субъекта собственной деятельности, способного ставить и реализовывать цели деятельности – все это несомненные ценности личностно-ориентированного подхода в образовании, связанного с именами таких ученых и педагогов как В.А. Сухомлинский, Ш.А. Амонашвили, Е.В. Бондаревская, И.С. Якиманская, Н.А. Алексеев и др.

Однако с личностно-ориентированным образованием мы явно «пережали», признавая, что личность по своей сущности социальна, мы сосредоточились на ее внутреннем мире, на деятельности для себя, на смыслообразовании как деятельности по освоению значения (объективной категории) для субъекта. Произошел отрыв личности от социума, от среды, которые задают цели, во многом определяют запросы, содержание и условия деятельности, в которую вливаются все результаты образования.

В психологии неоднократно подчеркивалось, что новые знания, способы деятельности, навыки, умения, личностные качества у детей наиболее успешно формируются в деятельности партнерской, совместной, в сотрудничестве со взрослыми, педагогами, сверстниками, в разновозрастных сообществах.

Очень часто новообразования личности возникают из того, что описывается терминами, начинающимися с «со», а потом уже подрастающий человек приобретает способность к «само» – самостоятельности и самоопределению. Причем «само» само должно быть открыто для сотрудничества, и даже личностный смысл (значение для себя – по А.Н. Леонтьеву) должен быть открыт для перехода в смысл для других, иначе возникает опасность эгоизма и самоизоляции.

Значит, и обучение, и воспитание, и образование в целом должны быть одновременно и социальными, и личностными. Этому и соответствует социально-личностная концепция образования [2]. Она охватывает, по крайней мере, шесть глобальных направлений, по которым следует работать и получить соответствующий современным требованиям образовательный результат, а, следовательно, иметь средства для его измерения и диагностики.

Укажем эти направления, которые должны быть научно обоснованы и положены в содержание всех образовательных реформаций:

- развитие личности, формирование способностей и личностных качеств, потенциальной талантливости детей, молодежи, взрослых;
- социализация, социальное (гражданское) воспитание, формирование отношений в социуме;
- формирование способности к производительному труду в материальной и духовной сферах, часто именуемое «человеческим капиталом»;
- здоровьесбережение и здоровьесозидание;
- приобщение всех субъектов образования к культуре, аккультурация как общая основа всего содержания образования, что сегодня необходимо реализовать через компетентностный подход и метапредметные умения, навыки и способности.

Упорно не отпускающие от себя проектантов и руководителей образования знаниеформирующий подход (ЗУН-концепция – знания, умения, навыки), ЕГЭ (единый государственный экзамен), а также сопутствующие ему формы контроля знаний, которые отражают (хотя и далеко неполно) только первые из указанных выше направлений, не соответствуют требованиям последнего поколения государственных стандартов, несмотря на все усовершенствования и громадные затраты на организацию экзамена. Нужна научная разработка средств комплексного государственного мониторинга условий, процесса и результатов образовательной деятельности с учетом его отсроченных результатов.

И теоретические положения, и аппарат созидания и диагностики личностного развития в зарубежной и отечественной психологии уже детально разработаны. Нужно только адаптировать их к практике и подготовить к его использованию кадры. Целесообразно, однако, освоить

комплексный подход к организации и осуществлению проектирования и диагностики в образовательной системе. Он должен быть социологический, психологический, экономический и педагогический одновременно и требует совместной работы социологов образования, экономистов, психологов и педагогов.

От социологов, помимо изучения запросов, оценок, мнений, намерений, отношений людей, причастных к образованию, на наш взгляд, требуется серьезное аналитическое изучение выполнения образованием своих социальных функций, изучение ошибок, достижений, учета социальных рисков принимаемых решений, их отдаленных по времени последствий. Необходимо также развитие конструктивного направления в социологии образования: изучении проблем социально-педагогического проектирования, социальной прогностики, опережающего предвидения последствий и результативности принимаемых решений для развития общества и судеб самого образования и его субъектов.

Экономистам было бы полезно продолжить начатые еще в 20-е годы и продолженные в 60-е годы прошлого века исследования, доказывающие, что вложения в образование оказываются в конечном итоге наиболее эффективными видами вложений, оказывающими серьезное влияние на повышение производительности труда [3, 4]. Сохраняется ли (и в каком виде) эта зависимость сегодня? Стоит выяснить, каким путем можно добиться серьезного увеличения инвестиций в образование не за счет только перехода на платные образовательные услуги, насколько эффективна в перспективном плане усердно проводимая сегодня «оптимизация», ведущая к сокращению кадров в образовательных учреждениях и увеличению нагрузки на оставшихся работников.

В педагогике нужно преодолеть тенденцию боязни исследования социально значимых тем и проблем, связанных со стратегией и методологией развития образования, с реформированием образовательной политики. Эта тематика должна активно разрабатываться не только в Высшей школе экономики, но и в Российской академии образования и в университетах. Она может идти в рамках разработки проблем педагогической и социально-педагогической прогностики, педагогической политологии и методологии развития образования, включая и методологию исследования, и методологию развития самих педагогических систем. Важно не отказаться от «мелкотемья»: детали и нюансы в педагогике, где имеет место штучное «производство», где как раз очень нуждаются в изучении и совершенствовании, частностей, деталей, важно не упустить за частным общее, за деталями стратегию и целенаправленную систему деятельности.

В решении этих задач особую роль, и это верно заметил министр Д. Ливанов, призваны сыграть научные школы. Только их трудно «создавать»,

их нельзя учредить, им нужен многолетний срок развития и вызревания. Видимо, важно уже сегодня поддержать и использовать результаты работы существующих научных школ. По педагогике и вопросам образования такие школы сложились не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в Казани, Волгограде, Ульяновске, Екатеринбурге и других научных центрах.

В Тюменском университете сложились признанные в стране научные школы по социологии (руководитель академик РАО Г.Ф. Куцев) и педагогике (руководитель академик РАО В.И. Загвязинский).

Научная школа по педагогике и образованию разрабатывает проблемы стратегии инновационного развития российского и регионального образования, методологии социально-педагогического исследования, условий возрождения некогда высокого мирового уровня российского образования. В школе уже выросли 24 доктора и 150 кандидатов наук. 15 докторов наук работают в Тюменском университете. Вместе с практическими работниками и руководителями образовательной сферы и образовательных учреждений разработаны и реализованы более 20 программ и проектов развития образования субъектов федерации и муниципальных объединений и более 50-ти образовательных учреждений нового типа. Не без активного участия ученых Тюмень стала территорией-консультантом по проблемам инновационного развития образования, утвердилась на позициях лидерства по образованию в стране. Почему не поддержать такую школу? Однако министерство выделило на 2015 г. университету всего одно бюджетное место в аспирантуре по педагогике, а ходатайство ректората о признании Тюменского научно-образовательного центра уже много месяцев лежит в министерстве без движения. Удивляет и позиция полного подчинения Российской академии образования министерству образования и науки РФ, что значительно ограничивает возможности фундаментальных и рассчитанных на перспективу исследований, а также реальные возможности коррекции курса и исправления ошибок в управлении образованием.

Список литературы:

1. Научные исследования в образовании // Профессиональное образование. Столица. 2015. № 6. С. 15.
2. Загвязинский В.И. Наступит ли эпоха Возрождения?.. Стратегия инновационного развития российского образования. М.: Логос, 2015. С. 31-32.
3. Струмилин С.Г. Хозяйственное значение народного образования. М.-Л., 1924.
4. Жамин В.А. Экономика образования (Вопросы теории и практики). М., 1969.

ПОТЕНЦИАЛ МАКРОРЕГИОНАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: ЦЕНТРАЛЬНОЕ ЧЕРНОЗЕМЬЕ[1]

Е.А. Когай -
зав. кафедрой социологии и политологии
Курского государственного университета,
доктор философских наук, профессор

В настоящее время перед отечественными социологами стоит задача комплексной репрезентации динамики социокультурных процессов в российских регионах, выявления потенциала модернизационных преобразований. Сфокусируем внимание на процессах, осуществляемых в отдельно взятом районе (назовем его макрорегионом) – Центральном Черноземье (ЦЧ) как части Центрального федерального округа.

В рамках экономического районирования России выделяется Центрально-Черноземный регион как отдельная экономическая зона, включающая в себя регионы юго-запада России: Курскую, Белгородскую, Воронежскую, Липецкую и Тамбовскую области. Понятие экономического района акцентирует достаточно условный характер разделения российской территории и не отражает всего многообразия и силы социокультурных связей между территориально и исторически близкими субъектами федерации. Соответственно возникает необходимость обращения к более емкой в этом отношении, не получившей до настоящего времени должной оценки, категории макрорегиона. В качестве макрорегиона, объединяющего российские субъекты, имеющие сходный природный, социально-экономический и социокультурный облик, Центральное Черноземье наряду с перечисленными областями включает и Орловскую область. Этническая и культурно-историческая близость жителей Центрального Черноземья позволяет говорить о культурном единстве входящих в него регионов. Помимо того, следует отметить, что существенную роль в развитии экономики этого макрорегиона играет сельскохозяйственное производство, значительная доля его пахотных и естественных угодий (в Орловской области – свыше 40 %) представлены черноземом.

Особую актуальность приобретает проблема разработки сбалансированной стратегии социокультурной модернизации регионов Центрального Черноземья, учитывающей специфику состояния и динамики регионального социокультурного потенциала, исторический опыт развития данного макрорегиона, а также реальные возможности для модернизационных преобразований и их перспективы. Исследования последних лет отчетливо показали, что регионы ЦЧ в рамках оценки модернизационных процессов

[1] Работа подготовлена при поддержке РГНФ в рамках проекта № 15-03-00506.

в России проявляют состояние, которое может быть охарактеризовано как «между стагнацией и заторможенным ростом первичной модернизации регионов» (Н.И. Лапин). В данном макрорегионе фиксируется невысокая востребованность культурного потенциала, отставание технологического уклада, низкое развитие предпринимательской инициативы и инновационной деятельности, преимущественно «бедный профиль» материальной стратификации населения, невысокий потенциал самоорганизации регионального сообщества и ряд других проблем. При этом со стороны населения все более отчетливо вырисовывается запрос на промышленно-техническую модернизацию, интенсивное социокультурное развитие и повышение разнообразия, более активное осуществление модернизационных преобразований.

В исследованиях по измерению и анализу уровней и фаз модернизации России в целом и в ее регионах, осуществляемых под эгидой ЦИСИ ИФРАН, используются индикаторы и индексы первичной, вторичной и интегрированной модернизации (разработанные китайским профессором Хэ Чуаньци и адаптированные для оценки российских регионов Н.И. Лапиным), выделенные по трем сферам общества – экономической, социальной и когнитивной (знания) [1]. Их применение к оценке модернизационных процессов в Центральном Черноземье позволяет создать целостную картину, демонстрирующую степень «вписываемости» тенденций развития макрорегиона в общецивилизационные тренды.

Таблица 1

Тренды эволюции состояний (типов) модернизированности регионов и несбалансированность ее составляющих: регионы Центрального Черноземья в контексте РФ и ЦФО

Регионы	Динамика состояний типов модернизированности				Интегрированные индексы, ИИСБ			
					Значение ИИСБ	Уровень ИИСБ	Суб-индексы ниже ИИМ	Суб-индексы выше ИИМ
	2000	2005	2010	2012	2012 г.			
2. Вторичная (информационная) стадия модернизации								
Переход к ВМ (к типам 5, 6). Опережают социальная и когнитивная составляющие.								
Центральный ФО	3	5	5	5	1,189	В	эк, зн.	соц.
Переход к ВМ (к типу 4; фаза начала). Опережает социальная составляющая.								

РОССИЯ	3	3	5	5	0,969	В	эк, зн.	соц.
1. Первичная (индустриальная) стадия модернизации								
Медленное повышение ПМ (к типам 2, 3). Отстают экономическая и когнитивная составляющие.								
Воронежская обл.	1	3	3	3	0,546	ВС	эк., зн.	соц.
Белгородская обл.	1	2	2	2	0,231	НС	эк., зн.	соц.
Курская обл.	1	1	2	3	0,285	НС	эк., зн.	соц.
Стагнация ПМ (типы 1, 2; фазы начала, роста). Отстают экономическая и когнитивная составляющие.								
Орловская обл.	2	2	2	2	0,275	НС	эк., зн.	соц.
Липецкая обл.	2	2	2	2	0,208	НС	эк., зн.	соц.
Тамбовская обл.	1	1	1	1	0,209	НС	эк., зн.	соц.
* Обозначения, источник. ИИСБ – интегрированный индекс сбалансированности модернизации, формула получения ИИСБ включает квадраты отклонений субиндексов от ИИМ. ИИМ – интегрированный индекс модернизации; он включает три субиндекса: экономический (эк.), когнитивный, или знаниевый (зн.), социальный (соц.); относительно значений ИИМ фиксировано положение субиндексов – «выше» или «ниже». Уровни ИИСБ: В – высокий, ВС – выше среднего, С – средний, НС – ниже среднего, Н – низкий. При повышающей динамике отмечены составляющие выше ИИМ, а при застойно-понижающей – ниже ИИМ. Таблица построена с помощью информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда, 2015 г.).								

Оценка динамики движения регионов по шкале модернизации с 2000 по 2014 гг., согласно расчетам, выполненным в ИСЭРТ РАН (Вологда) на основе информационной системы «Модернизация» (см. табл. 1), отчетливо демонстрирует тот факт, что Воронежская, Белгородская и Курская области показывают медленный подъем в рамках первичной модернизации, а Орловская, Липецкая и Тамбовская области, по сути, с 2000 по 2014 гг. не меняют своих позиций. Соответственно, можно вести речь о *двух трендах первичной модернизации Центрального Черноземья* – 1) медленное повышение первичной модернизации в трех первых регионах и 2) застой первичной модернизации в трех других регионах. При этом оба вектора свидетельствуют о том, что в ЦЧ существуют серьезные препятствия на пути осуществления модернизационных процессов.

Потенциал модернизационных преобразований может быть проявлен через три его ключевые составляющие – сквозь призму *реформаторского, социально-инновационного и адаптационного потенциала* региональной модернизации. Опираясь на концептуальные представления Т.И. Заславской об инновационно-реформаторском потенциале общества, определяющем его будущее [2], обратимся к составляющим модернизационного потенциала в двух группах регионов ЦЧ, выделенных нами в соответствии с проявленными трендами модернизации.

Регионы с медленным повышением первичной модернизации. Реформаторский потенциал включает в себя установки и деятельностные проявления региональных элит, включая верхние слои региональной бюрократии. Нельзя не отметить, что данный потенциал в выделенной нами первой группе является невысоким. На это указывают социологические исследования, проводимые в данных регионах. Так, экспертная оценка общественно-политической ситуации в Курской области 2015 г. (№=22), показала, что помимо губернатора области, эксперты затруднились назвать имена тех, к кому прислушиваются граждане региона. Опрос экспертов, проведенный воронежскими исследователями в 2012 г. в рамках реализации проекта «Модернизационный потенциал Воронежской области: опыт исследования и условий реализации», установил, что политическая элита региона имеет определенный модернизационный потенциал на уровне властных структур и «в какой-то мере может выступить в качестве субъекта модернизационных преобразований, однако накопление и реализация рассматриваемого потенциала сдерживаются как институциональными характеристиками, так и сложившимися неформальными практиками» [3, 70]. При этом были отмечены косность, социальный эгоизм и снобизм большей части управленческой элиты. Белгородские исследователи акцентируют внимание на том факте, что в настоящее время региональная политика ориентирована, в первую очередь, на достижение результатов, измеряемых в «физических» показателях. Что же касается психологии региональных элит, то она является «федерально-ориентированной», вследствие чего многие руководители и чиновники оказываются неспособными и неготовыми «предлагать и отстаивать собственные модели развития, учитывающие местную специфику» [4].

Социально-инновационный потенциал модернизации включает в себя потенциал предпринимателей, менеджеров, профессионалов, чиновников, руководителей и представителей НКО. Укажем на тот факт, что оценка данного потенциала в обозначенных субъектах РФ является амбивалентной. С одной стороны, официальные порталы администраций регионов пестрят материалами, вдохновленно рапортующими о повышении инвестиционного потенциала регионов, повсеместной поддержке предпринимательства, активизации деятельности социально ориентированных НКО. С другой стороны, социологические исследования, да и статданные проявляют совсем не радужную картину в данной сфере. Так, проведенные в Курской области полевые социологические исследования[1] в 2007, 2009 и 2012 гг. показали невысокую активность населения региона в создании инноваций, а также

[1] Исследования проведены на основе типового инструментария «Социокультурный портрет региона России» (авторы: чл.-корр. РАН, руководитель ЦИСИ ИФРАН Н.И. Лапин, д. соц. н., ведущий научный сотрудник ЦИСИ ИФРАН Л.А. Беляева, 2010).

проявили тенденцию снижения этой активности в последние годы (табл. 2).

Таблица 2

Участие жителей Курской области в создании и/или внедрении чего-либо нового (новая фирма, общественная организация, новое оборудование, новый продукт и т.п.), %

	2007	2009	2012
Участвовал как организатор	5,6	3,0	3,8
Участвовал наравне с другими	9,7	7,2	6,5
Не участвовал	78,5	85,3	81,5
Затрудняюсь ответить	4,1	3,1	3,7
Отказ от ответа	2,2	1,4	4,5

В качестве препятствий росту инновационной активности в 2012 г. в регионе названы *недоступность финансирования для создания новых фирм и инновационных проектов* – 65,2 %; *избыточная бюрократизированность* – 59,9 %; *нехватка в регионе «мозгов»* (идей и специалистов, способных их разрабатывать) – 56,6 %; *недостаточная поддержка инноваторов со стороны региональной власти; условия жизни и работы, малопривлекательные для предпринимателей и творческих людей* – 55,8 %.

Что касается адаптационного потенциала, то существенным индикатором его проявления является социальное самочувствие жителей регионов ЦЧ. Отметим, что в кризисные годы конца первого десятилетия и начала второго десятилетия XXI в. оно в целом не претерпело существенных негативных изменений. На это указывают, в частности, результаты трех волн полевых социологических исследований, проведенных сотрудниками Курского государственного университета в типичном регионе ЦЧ – Курской области (2007, 2009, 2012 гг.). Данные результатов исследования свидетельствуют об определенной самодостаточности населения регионов ЦЧ, постепенном преодолении патернализма в экономическом поведении, критической оценке своего социального и экономического положения.

Регионы застоя первичной модернизации – Липецкая, Орловская и Тамбовская области. Реформаторский потенциал получает свое осуществление, прежде всего, в *Липецкой области*, благодаря созданию в регионе особых экономических зон (ОЭЗ) федерального и регионального уровней, позволившим связать более 20 муниципальных районов региона и тем самым обеспечить устойчивое развитие области. Здесь активно идет диверсификация экономики области, привлекаются инвестиции

в реальный сектор экономики. Однако при этом существенные затруднения встречает реализация социально-инновационного потенциала (обращение к индексам модернизации региона показывает, что на 2012 г. в регионе крайне малым был индекс инновации в знаниях – 6,6 – минимальный в ЦЧ) вследствие доминирующей практики тотального администрирования, заформализованности. У региона нет достаточных ресурсов для модернизации сельского хозяйства и промышленных предприятий, ограничены возможности для реализации предпринимательской деятельности.

В *Орловской области* вследствие негативного демографического тренда в настоящее время идет объединение сельских поселений: из 223 планируется к концу 2015 г. оставить 196. Уязвимыми местами в развитии региона являются низкий ВРП на душу населения, невысокая эффективность экономики и менеджмента организаций, низкая производительность труда. В регионе фиксируются также дефицит транспортной инфраструктуры области, зависимость экономики от деятельности естественных монополий, технологическое отставание по ряду направлений, низкая инновационная и инвестиционная активность. Политическая нестабильность в регионе оборачивается пролонгацией нахождения области в группе регионов стратегического отставания.

Что касается *Тамбовской области,* то она отнесена в 2012 г. в хронотипологии комплексных состояний (типов) модернизированности регионов к самому низкому – первому типу (высший – шестой). Для региона характерны стабильность управленческой элиты, повышение темпов роста инвестиций, довольно высокий ранг по инновационному потенциалу от «Эксперт-РА» (2014 г. – 15-й ранг среди регионов РФ), а также опережающее развитие систем образования и науки. При этом область значительно отстает от других регионов по таким важным показателям, как ВРП на душу населения и уровень жизни населения. Индекс инновации в знаниях на 2012 г. в регионе составил 13,1 и проявил тенденцию к снижению (для сравнения: 2010 г. – 17,6). Экономика отстает по качеству основных фондов, производительности труда, эффективности и инвестиционной привлекательности, характеризуется существенной долей в ней теневого сектора. В итоге – «средняя норма накопления инвестиций в основной капитал (относительно ВРП) низка (ниже 20%) и не обеспечивает устойчивого развития экономики, простого обновления ее основных фондов и, тем более, их модернизацию» [5]. Для обозначенной группы регионов существенен риск длительной задержки в рамках первичной модернизации, – недостаток финансовых ресурсов, низкая эффективность развития экономического сектора, снижение численности трудовых ресурсов, низкий уровень жизни населения, непрозрачность управления и ряд других факторов препятствуют продвижению на пути модернизационных процессов.

В Центральном Черноземье именно АПК занимает существенную позицию в социально-экономическом развитии, поэтому в новых экономических условиях данный макрорегион получает некоторые преимущества, связанные с реализацией курса на обеспечение импортозамещения в производстве продовольствия. Однако вызовы модернизации требует проведения институциональных преобразований, активизации законотворчества, а также системной работы по повышению востребованности интеллектуального и культурного потенциала.

Список литературы:

1. Лапин Н.И., Беляева Л.А. От стабилизации к интегрированной модернизации России. Аналитический доклад Центра изучения социокультурных изменений ИФ РАН [Электронный ресурс]. М., 2011. URL: http://www.intelros.ru/strategy/gos_rf/9462-ot-stabilizacii-k-integrirovannoj-modernizacii-rossii-analiticheskij-doklad-centra-izucheniya-sociokulturnyx-izmenenij.html (дата обращения: 09.07.2012).

2. Заславская Т.И. О социальных акторах модернизации России // Общественные науки и современность. – 2011. – № 3. – С. 13-25.

3. Глухова А.В. Модернизационный проект: перспективная стратегия или упущенная возможность? (на примере Воронежского case study) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2014. – № 4. – С. 68-73.

4. Бабинцев В.П., Ушамирская Г.Ф. Стратегия формирования солидарного общества в регионе // ДИСКУССИЯ: Политематический журнал научных публикаций. – 2013. – №№ 5-6. Режим электронного доступа: http://journal-discussion.ru/publication.php?id=115 (дата обращения – 30.06.2015).

5. Корчагин Ю. Тамбовские экономика, элита, перспективы развития [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.lerc.ru/?part=articles&art=26&page=3 (дата обращения: 24.06.2014).

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РИСКИ НОВОЙ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

А.К. Соловьев -
профессор Финансового университета,
доктор экономических наук, заслуженный
экономист РФ

В условиях углубления бюджетного кризиса в нашей стране и планируемой стагнации экономики все активнее навязывается обществу идеология «неоправданно высокой пенсионной нагрузки», которая якобы тормозит инвестиционную и инновационную инициативу отечественного бизнеса. При этом однозначно подразумевается, что отечественная система пенсионного обеспечения должна выполнять функцию социального вспомоществования особо нуждающимся категориям граждан.

Действительно, современная система социального обеспечения, и в первую очередь – пенсионное – является приоритетной функцией каждого цивилизованного государства и расходы на него занимают все более существенное место в структуре государственного бюджета и направлениях использования ВВП. Однако, вопреки навязываемому представлению, что российская пенсионная система является чрезмерно дорогой для государства следует уточнить, что по данным статистики ОЭСР данный вид расходов составляет не 15-20% ВВП,, в то время как у нас – менее 9%, при том, что сюда относятся даже такие расходы, которые никакого отношения к пенсионерам не имеют (материнский капитал – 0,5% ВВП, выплаты за особые заслуги перед государством, жертвам техногенных и природных катастроф, социальные доплаты, инвалидам с детства и т.д. и т.п.). Более того, отечественная пенсионная система все еще носит ущербный характер, не охватывая давно ставшие традиционными в цивилизованных странах формы государственной поддержки нетрудоспособных: пенсии по уходу за нетрудоспособными гражданами, реабилитационными услугами и др.

Апологеты необходимости экстренного и шокового сокращения пенсионных расходов полностью не учитывают законодательно многократно закрепленный факт, что отечественная пенсионная система является (или, по крайней мере, должна таковой стать) «страховой», да и сама пенсия получила название – «страховой пенсии по старости», «инвалидности» и «по случаю потери кормильца». Таким образом, по своему экономическому содержанию «страховая пенсия» не может иметь благотворительный характер «на бедность», а имеет исключительно финансовое содержание – как отложенная часть доходов (заработка) путем систематического отчисления страховых взносов.

Отсюда следует, что каждый застрахованный в ПФР работник при наступлении страхового случая должен получить не благотворительное пособие, а собственные отчисления [1, 56].

В таком контексте никакой экономии бюджетных расходов федерального правительства не может быть, так как государство в соответствии с конституцией несет ответственность не только за процессами формирования страховых пенсионных прав каждого застрахованного работника, но и за реализации всего объема накопленных пенсионных обязательств в течение всего пенсионного периода. Тем более что современная система персонифицированного учета позволяет отслеживать оба процесса в течение периода жизни человека.

Предлагаемый отказ от выполнения государственных пенсионных обязательств в любой форме и под любым предлогом означает только одно, что страховая система пенсионного обеспечения не существует. Следует напомнить, что в советский период пенсионное обеспечение было основано на бюджетно-налоговом механизме финансирования, который в полной мере позволял государству устанавливать размер пенсии без какой-либо зависимости от участия гражданина в собственном материальном обеспечении при утрате трудоспособности. В рыночных условиях при утрате государства рычагов контроля за рынком труда и отношениями между работником и собственником-работодателем возврат к системе «бюджетного финансирования» пенсионеров в кратчайшие сроки подорвет финансовые основы пенсионной системы, так как исчезнут с трудом появившиеся ростки экономического стимулирования как работника, так и работодателя в активном участии в формировании пенсионных прав.

Таким образом, решение бюджетно-финансовых проблем современной пенсионной системы надо искать не путем изменения ее институционального содержания как части рыночной экономики, а путем ускорения завершения страховой пенсионной реформы. Именно в торможении пенсионной реформы лежат все проблемы пенсионного обеспечения.

Напомним основные из них:

- повышение недопустимо низкого уровня размера пенсии, который не стимулирует к легальному участию в формировании трудовых пенсионных прав,

- сокращение и ликвидация «дефицита» бюджета ПФР в форме значительного бюджетного трансферта как страховые, так и не нестраховые виды пенсионных обязательств,

- адаптация (социальная и экономическая) пенсионной системы к растущим рискам демографического кризиса, который выражается в сохранении «низкого пенсионного возраста».

Среди выделенных теоретических и ряда других узко профессиональных проблем развития пенсионной системы наибольший интерес широких кругов общественности традиционно привлекает проблема пенсионного возраста. В процессе подготовки бюджетной политики правительства на предстоящую трехлетку повышение пенсионного возраста предлагается как едва ли не главный инструмент обеспечения устойчивости пенсионной системы и федерального бюджета в целом.

В условиях глубокого бюджетно-финансового кризиса проблеме повышения пенсионного возраста в России придается значение, которое далеко уходит от традиционного контекста «адаптации пенсионной системы к изменению демографических факторов». Это требует принципиального пересмотра методологических подходов к решению данной задачи, а с учетом социально-экономической ситуации в стране придает данной проблеме дополнительную остроту.

Актуарный анализ проблемы пенсионного возраста показывает, что сложившееся представление о линейной зависимости возраста назначения государственной от демографических параметров не может рассматриваться как инструмент регулирования эффективности развития пенсионной системы. Для этого необходимо выполнение комплекса макроэкономических условий как внутри ПФР, так и в макроэкономической системе государства.

С позиций самой пенсионной системы проблема пенсионного возраста представляет собой чисто актуарную задачу с однозначно конкретным и, по сути, безальтернативным решением, вытекающим из формулы актуарно-страхового баланса:

ЧП х РП х Д = ЧР х РЗ х Т х ПУ,

где: ЧП – численность пенсионеров,

РП – размер пенсии,

Д – период выплаты пенсии («дожитие») после наступления пенсионного возраста,

ЧР – численность работников – застрахованных лиц,

РЗ – размер заработка (дохода),

ПУ – период уплаты страховых взносов,

Т – размер страхового тарифа.

Пенсионный возраст в страховой пенсионной системе, основанной на трудовом участии работника в формировании собственного материального обеспечения, если абстрагироваться от нерешенных пока вопросов солидарного перераспределения пенсионных прав между различными категориями пенсионеров, непосредственно зависит как от продолжительности периода дожития, так и от продолжительности периода трудовой деятельности, в течение которого работник производит страховые отчисления.

Учитывая, низкую продолжительность периода дожития (особенно у мужчин – сейчас около 16 лет) и низкий (по причине многочисленных ограничений на формирование страховых пенсионных прав) за традиционный период трудовой деятельности (32-35 лет) пенсионный возраст, установленный действующим законодательством экономически адекватен, а для мужчин даже существенно завышен (на 2-3,5 года). Поэтому финансовой необходимости в повышении возраста в текущем бюджетном периоде никакой нет. Соответственно, его повышение не может помочь сократить дефицит бюджета на плановый период. Наоборот, принудительное продолжение накопления страховых пенсионных прав необратимо приведет к росту государственных пенсионных обязательств уже в следующем бюджетном периоде – 2018-2020 гг. Причем в весьма существенных масштабах. Это далеко не единственное из экономических последствий «линейного» повышения пенсионного возраста [2, 60].

Другое дело, что позитивные (в отличие от исключительно негативной оценки «демографического кризиса») демографические сдвиги в части повышения общей продолжительности жизни позволяют создавать дополнительные возможности для граждан по повышению размера своей пенсии путем продолжительности трудового стажа и увеличения страховых отчислений. Это достигается за счет дополнительного стимулирования лиц предпенсионного возраста к продолжению трудовой деятельности.

Однако в решении последней задачи все механизмы и регуляторы находятся вне пенсионной системы: на рынке труда и в макроэкономических отношениях. В частности, для пожилых граждан нужны соответствующие (высоквалифицированные и высокооплачиваемые) рабочие места, которые не создавали бы конкуренцию для молодых «специалистов», в социальной политике – должны быть созданы благоприятные условия для поддержания здоровья пожилых граждан, продолжающих трудовую деятельность и т.д. Все эти задачи должны решаться, в том числе, и на региональном уровне с учетом конкретных местных условий [3, 68].

Такой подход принципиально отличается от предлагаемых в настоящее время шоковых инструментов ограничения прав работающих пенсионеров – секвестирование (в 3 раза условий формирования пенсионных отчислений, конфискация полного размера страховых пенсий у т.н. «миллионеров»). Понятно, что «дестимулирующие» меры если и дадут незначительный тактический результат, то в ближайшей перспективе приведут к многократному отрицательному результату.

Несомненно, что повышение пенсионного возраста с учетом ожидаемого увеличения продолжительности жизни к 2030-м годам, должно осуществляться в непосредственной взаимоувязке с комплексом мероприятий по завершению

пенсионной реформы на страховых принципах. Формально нормативно-законодательные действия по актуарному обоснованию схемы повышения возраста можно будет осуществлять только после создания минимально необходимых условий для актуарно-страховой сбалансированности пенсионной системы.

Список литературы:

1. Кудрин А.Л., Гурвич Е.Т. Старение населения и угроза бюджетного кризиса. – Вопросы экономики. 2012. № 3 С. 52–79.

2. Соловьев А.К. К вопросу повышения пенсионного возраста. – Финансы. 2015. № 6. С. 58–64.

3. Соловьев А.К., Мележик Н.В., Нуриева Н.Н. Актуарный анализ пенсионного обеспечения застрахованных лиц, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. – Вопросы статистики. 2013. №3. С. 60–70.

ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ НА СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ В ТЮМЕНСКОМ РЕГИОНЕ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Конев Ю.М. -
депутат Тюменской областной Думы,
д.с.н., профессор

Белоножко М.Л. -
заведующая кафедрой Маркетинга
и муниципального управления,
Тюменский государственный
нефтегазовый университет,
д.с.н., профессор

Барбаков О.М. -
заведующий кафедрой Бизнес-
информатики и математики, Тюменский
государственный нефтегазовый
университет, д.с.н., профессор

В 2014 году авторы издали монографию «Социально-экономическое развитие села: реалии и прогнозы», в которой предложены основные направления аграрных преобразований на территории Тюменской области на основе разработанных авторских принципов моделирования реформирования сельских территорий, повышения эффективности взаимодействия властных структур разного уровня и сельского населения, улучшения уровня и качества их жизни. Основой для написания монографии были проведенные в 1996 и 2013 гг. социологические исследования среди сельского населения юга Тюменской области, которые ставили перед собой цель изучения реальной ситуации, сложившейся в сельском хозяйстве юга Тюменской области и определения того, насколько, выявлено мнения сельчан по поводу тех преобразований, которые происходят в данное время на селе.

Социологическое исследование включало в себя анкетирование сельского населения юга Тюменской области в 1996 и 2013 г.г., что дало возможность провести сравнительный анализ результатов исследования, и на основе его сформулировать рекомендации властным структурам всех уровней и форм власти. При этом выбор методов исследования обусловлен необходимостью получения достоверной и профессионально грамотной информации.

В процессе исследования были рассмотрены основные формы хозяйствования на сельских территориях на уровне всего массива данных

и выделены важнейшие причинные связи и мотивация респондентов по данному поводу. Безусловно, успех осуществления аграрных преобразований в значительной степени зависит от форм хозяйствования. Выдвигаются различные, часто полярные предложения о разных моделях формирования сельскохозяйственных предприятий; о целесообразности упразднения колхозов и особенно низкорентабельных и убыточных; об изменении статуса акционерных обществ и о фермерских хозяйствах.

Все эти проблемы сложны и неоднозначны. Их решение требовало глубокого анализа, оценки и переоценки сложившихся форм хозяйствования с учетом конкретных условий производства, поиска новых более эффективных научно обоснованных решений применительно к особенностям ведения агропромышленного производства: его специализация и концентрация; оснащение хозяйств основными фондами; обеспеченность предприятий трудовыми ресурсами и квалифицированными кадрами; развитие региональных отношений.

При этом важным должен был быть учет мнения различных категорий работников, особенно тех из них, которые непосредственно заняты в сельскохозяйственном производстве. На деле же этого не произошло. В основном существующие сегодня формы хозяйствования на земле сложились, без учета как специфических условий в каждом сельскохозяйственном районе, так и не бралось во внимание мнение самих сельскохозяйственных производителей.

В 1996 г. в Тюменской области функционировали 41 колхоз и 17 совхозов. В 2013 г. на юге Тюменской области осталось только 2 колхоза и 59 сельскохозяйственных кооперативов. Основная масса сельских жителей работает в 170 акционерных обществах различного типа. Всего 41 сельскохозяйственное предприятие является государственным, остальные формы хозяйствования на земле находится в частной собственности.

В настоящее время более 30 % половины респондентов являются членами акционерных сельскохозяйственных предприятий различного типа. Вообще в Тюменской области сельскохозяйственные предприятия указанных организационно-правовых форм составляют 57 % от общего количества сельскохозяйственных предприятий. Казалось бы, что эта форма хозяйствования, будучи коллективной, должна была бы, во-первых, заменить колхозы и совхозы как сельскохозяйственные предприятия с унитарным типом управления на сельскохозяйственные предприятия с более прогрессивным типом управления; во-вторых, привлечь сюда желающих в связи с возможностью помимо работы в коллективном хозяйстве иметь еще и дивиденды от результатов своей работы, то есть иметь документальное подтверждение на часть собственности предприятия, на котором работаешь,

часть собственности на землю, средства производства и на часть реализованной продукции.

Но оказалось, что количество желающих работать в акционерных предприятиях значительно уменьшилось (17,1 % в 2013 г. против 23,6 % в 1996 г.).

Сегодня на территории юга Тюменской области функционируют 220 крестьянских (фермерских) хозяйств, и индивидуальных предпринимателей. По сравнению с 1996 г. их количество уменьшилось в 10 раз.

Тем не менее, несмотря на сокращение количества фермерских хозяйств, несмотря на неблагоприятные финансовые и материально-технические условия деятельности фермеров, численность желающих заниматься фермерством не уменьшилась. На вопрос анкеты «Если бы Вам было предоставлено право выбора, на каком сельскохозяйственном предприятии Вы хотели бы работать?», число приверженцев фермерства достигло в 2013 г. 13,2 %, что в три раза больше, чем количество фермеров, принявших участие в опросе 1996 года.

Большинство же, по данным опроса, сельскохозяйственных товаропроизводителей (44,3 %) хотели бы работать на государственных предприятиях, хотя 26,4 % респондентов оценивают фермерство как наиболее эффективную форму ведения сельскохозяйственного производства в современных условиях.

Высок также процент, считающих колхоз наиболее эффективной формой хозяйствования (19,2 %). Акционерное общество считают наиболее эффективной формой хозяйствования лишь 14,1 % респондентов, хотя по данным опроса в акционерных обществах трудится 33,1 % опрошенных, что подтверждает теоретические выводы о том, что акционерное общество является не лучшей формой ведения сельскохозяйственного производства (это же подтверждает и зарубежная практика). Необходимо отметить также, что примерно треть респондентов затрудняются с оценкой каждой из форм хозяйствования, т.к. зачастую не имеют конкретных знаний о разнице между различными формами ведения сельскохозяйственного производства, в тоже время проблемы самостоятельного выпуска продукции вызвали практически у всех какую-то реакцию.

Оценка экспертов относительно наиболее эффективных организационно-правовых форм хозяйствования на земле значительно отличается от мнения сельских жителей. Так, эксперты наиболее эффективной формой хозяйствования называют акционерное общество, полагая, что именно эта форма может способствовать эффективному развитию сельского хозяйства (52%).

Кроме акционерных обществ они видят будущее и за агропромышленными фирмами (25,5 % назвали такую организационно-правовую форму как наиболее эффективную).

Наименее эффективны, по мнению экспертов, колхозы и крестьянские (фермерские) хозяйства. Таким образом, эксперты придерживаются мнения о том, что хозяйствовать на земле должны коллективные хозяйства, но с частной формой собственности.

В то же время среди экспертов есть и те, кто отмечал, что любая организационно-правовая форма хозяйствования на земле не только имеет право на жизнь, но и при наличии определенных условий может быть эффективной. Другие утверждали, что главное – это решение кадрового вопроса, т.к. именно от руководителя и специалистов зависит, насколько предприятие может быть эффективным и рентабельным.

Отдельная проблема, связанная с формой хозяйствования на земле, касается личного подсобного хозяйства. Здесь сплетается целый клубок противоречий, конфликтов, интересов.

Поэтому необходимо говорить о крестьянские специфики семьи, которая проявляется во всех ее функциях, в частности, в хозяйственно-производственной, которая напрямую связана с ведением личного подсобного хозяйства на основе разделения и кооперации семейного труда. И тогда личное подсобное хозяйство имеет свою организационную форму в виде крестьянского двора, где члены семьи являются собственниками имущества и одновременно непосредственными работниками.

Отношения, складывающиеся на базе крестьянского двора, становятся основой при производстве материальных благ. Социальная деятельность крестьянства, таким образом, заключается в двух самостоятельных, но связанных теснейшим образом процессах: продолжении человеческого рода и производстве материальных благ.

Личное подсобное хозяйство (ЛПХ) обеспечивает крестьянской семье более полное удовлетворение материальных и социальных потребностей, а, значит, более устойчивое ее функционирование. Личные подсобные хозяйства Тюменской области произвели в 1997 году 48,3 % от общего объема валовой продукции сельского хозяйства, а в 2013 г. – 49,6 %.

Личное подсобное хозяйство существовало в России всегда и во все времена, в последнее время оно существует на основе кооперации и интеграции его с бывшими колхозами и совхозами. Важно заметить, что как ЛПХ оно может находится в симбиозе и дальше, до тех времен, пока можно существовать за счет общественного.

Следовательно, для того, чтобы превратить ЛПХ в личный товарный двор (ЛТД), необходимо наличие предприятия, способного обеспечить его кормами, минеральными удобрениями, закупить продукцию по договору, при этом обеспечить ежемесячное авансирование в течение всего года, оказывать другие услуги. То есть нужно предприятие, объединяющее в одних руках производство, хранение, переработку и реализацию. Данное предприятие должно объединить крупное машинотракторное хозяйство, крупное

землепользование, систему заготовок, переработку, собственную торговую сеть и рынок сбыта.

В настоящее время уже определился слой собственников на естественной основе – личном подворье. Таким образом, именно через мелкотоварное производство село можно направить по пути расширения воспроизводства на базе неизбежной интеграции и естественной кооперации, то есть на путь, по которому идет вся цивилизация. Роль же подобного предприятия (технологического центра) заключается еще в том, что оно подрывает монополизм посреднических звеньев. И это главное. Без решения этого вопроса у сельского товаропроизводителя нет будущего, а значит и нет путей улучшения социально-экономической обстановки. Отсутствие межведомственных перегородок внутри техцентра, т.е. присутствие монополизма посредников (заготовительно-перерабатывающих и торгующих предприятий), которые в силу своего монополизма на рынке продовольствия имеют возможность поддерживать высокие розничные и низкие закупочные цены на сельскохозяйственное сырье, что не только снижает конкурентоспособность отечественных продовольственных товаров, но и в финансовом отношении просто душит непосредственных сельских товаропроизводителей. Необходимо решение, способное преодолеть данное противоречие, восстановить объективную закономерность распределения доходов в зависимости от нормативов затрат на существующем рынке продовольствия.

Следующий вопрос, требующий пристального изучения, это выявление мнения сельских жителей о проблемах, препятствующих развитию крестьянского (фермерского) хозяйства, которые, по мнению реформаторов, должны были стать закономерным итогом расширенного личного подсобного хозяйства.

В 1996 г. среди наиболее важных проблем, препятствующих развитию новых форм хозяйствования, занимала проблема отсутствия первоначального капитала для самостоятельного хозяйствования на земле – 3,72 балла (5 – максимальная оценка, 1 – минимальная).

Реформирование организационных форм хозяйствования на селе требует огромных капиталовложений, что подтверждают ответы работников аграрного сектора. Второй по важности является проблема реализация продукции – 3,67 балла. На третье место респонденты поставили проблему, связанную с нехваткой сельскохозяйственной техники, технологий и стройматериалов – 3,64 балла. Проблемы юридической защищенности оказались на четвертом месте – 3,45 балла.

Относительно незначительными были названы проблемы с посадочными материалами, кормами, удобрениями – 3,15 балла. Отсутствие на сельскохозяйственных предприятиях обслуживающих подразделений –

3,12 балла. Трудности с распределением земли оказались на последнем месте – 2,81 балла.

Если в 1996 г. на первом месте стояла проблема отсутствия первоначального капитала, то в 2013 г. основной проблемой являлось недостаточное обеспечение хозяйств сельскохозяйственной техникой и отсутствие передовых технологий. А проблема с отсутствием средств на развитие своего хозяйства или невозможность получить кредит на эти цели стоит на 2-м месте.

Таким образом, и в 1996 г., и в 2013 г., и в настоящее время одной из острейшей проблем, стоящих перед сельскими товаропроизводителями всех форм собственности, является недостаток средств для их развития. Государство сократило инвестиции, подавляющее большинство отраслей сельскохозяйственного производства стало убыточным. Необходимые кредиты из-за недостатка собственных оборотных средств производители вынуждены брать у коммерческих банков, у которых высокие процентные ставки ориентированы на торгово-посреднические, достаточно прибыльные предприятия. Сельскохозяйственная отрасль с невысоким оборотом капитала не сможет выплачивать такие кредитные ставки. Но несмотря да эти проблемы будущий рост сельскохозяйственного производства большинство респондентов видят за развитием всех форм хозяйствования на земле. Именно многоукладность сельского хозяйства, по единодушному мнению, большей половины опрошенных (57,7 %), не только позволяет способствовать развитию сельскохозяйственного производства и повысить их уровень жизни, но и будет главным залогом обеспечения продовольственной безопасности страны.

Список литературы:

Конев Ю.М., Белоножко М.Л., Барбаков О.М. Социально-экономическое развитие села: реалии и прогнозы / Ю.М. Конев, М.Л. Белоножко, О.М. Барбаков. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. – 192 с.

IV Тюменский социологический форум

Социальные вызовы и ограничения новой индустриализации в регионах России

Секция № 1

Социальная структура и социальные перемещения в современном российском обществе

КАЧЕСТВО СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО РЕГИОНА
(НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Д.П. Ануфриев –
ректор, к.техн.н., профессор,
Астраханского инженерно-строительного института

А.Ю. Арясова –
к.полит.н., доцент
зав.кафедрой Философии, социологии и лингвистики Астраханского инженерно-строительного института

Е.В. Каргаполова –
д.социол.н, доцент,
профессор кафедры Философии, социологии и лингвистики
Астраханского инженерно-строительного института

Одним из индикаторов состояния общества является качество социальной среды. Под социальной средой в широком смысле понимается состояние общественно-экономической системы в целом – производительные силы, совокупность общественных отношений и институтов, общественное сознание, культура данного общества. В узком смысле социальная среда (микросреда) «будучи элементом социальной среды в целом включает непосредственное окружение человека – семью, труд, учебные и другие коллективы и группы» [1; 199]. Здоровая социальная среда, а, следовательно, и оптимальное ее качество, существует в обществе, которое «комплексно создает жизненное пространство, осуществляя интеграцию процессов жизни, труда, транспорта, услуг, культуры и отдыха» [2].

Как показывают исследования, статистическим индикатором качества социальной среды является ожидаемая продолжительность жизни населения, то есть в тех регионах России, где ниже уровень преступности и разводимости, ожидаемая продолжительность жизни – выше [3]. Качество социальной среды также возможно исследовать на основе массовых опросов населения. В статье используются предварительные результаты конкретного социологического исследования социальных отношений в Астраханской области, проведенного Лабораторией социально-психологических исследований Астраханского инженерно-строительного института (АИСИ) в марте-мае 2015 г. методом

анкетирования. Были опрошены жители областного центра – г. Астрахань, а также всех районных центров Астраханской области. На сегодняшний момент обработано около 4000 анкет четырех районов г. Астрахань, ПГТ Володарский, г. Камызяк, ПГТ Лиман, г. Нариманов, с. Началово, с. Черный Яр. Обработка и анализ данных осуществляется с использованием Vortex 8. В анкетировании использованы вопросы Типовой методики Всероссийской программы «Проблемы социокультурной эволюции регионов России», разработанной ЦИСИ ИФ РАН (руководители: Н. И. Лапин, Л. А. Беляева), что позволяет сопоставить результаты данного исследования с результатами мониторингового социологического исследования, проведенного также Лабораторией социально-психологических исследований АИСИ в Астраханской области. Первый этап был проведен в декабре 2009 г. (N = 1000), второй – в мае-июне 2012 г. (N = 600) [более подробно см., например, 4–8].

По результатам опроса в Астраханской области видно, что семья находится на первом месте среди кругов взаимопонимания, далее следует круг друзей, следующий круг взаимопонимания – профессиональный и замыкают перечень близость соседей (см. табл. 1). Ранжирование кругов взаимопонимания астраханцами в 2015 г. совпадает с результатами опроса в Астраханской области в 2009 и 2012 гг., а также опросами в Российской Федерации 2006 и 2010 гг. Исключением здесь являются ответы жителей ПГТ Лиман, в котором с минимальным отрывом, но все-таки на третье место вышел круг не коллег по работе, а соседей. Возможным объяснением является то, что в постсоветской России именно малые города и поселки городского типа особенно пострадали от деиндустриализации, то есть – работать негде, и круг коллег по работе начинает уступать соседям.

Таблица 1.

Ответы жителей Астраханской области на вопрос «Среди каких людей Вы встречаете наибольшее взаимопонимание? Оцените по степени значимости по 10-балльной шкале (1 балл – наименьшая степень значимости, 10 баллов –наибольшая степень значимости) (2015 г.; баллы/ранги)

Варианты ответов	**Единицы территориального деления**								
	Г. Астрахань	ПГТ Володарский	Г. Камызяк	ПГТ Лиман	Г. Нариманов	С. Началово	С. Черный Яр	Астраханская область (2009/2012 гг; ранги)	Российская Федерация (2006/2010 гг.; ранги)
В семье	9,24/1	9,27/1	7,34/1	9,62/1	8,33/1	9,26/1	9,41/1	1/1	1
В компании друзей	8,14/2	8,62/2	7,13/2	8,76/2	7,97/2	8,32/	8,40/2	2/2	2
Среди соседей	5,77/4	7,22/4	6,09/4	6,86/3	7,06/4	6,94/4	6,77/4	4/4	4
Среди коллег по работе	7,06/3	7,62/3	6,79/3	6,79/4	7,35/3	7,70/3	7,25/3	3/3	3

В 2015 г. выборы всех кругов взаимопонимания преодолели пятибалльную отметку средневзвешенных баллов, что свидетельствует о достаточно высокой степени их значимости для опрошенных. При этом очень высокие значения круга семьи ряд исследователей объясняют тенденцией к герметизации жизненного мира россиян, социальной самоизоляции как ответ на системную колонизацию в условиях протяженных транзитивных состояний [9; 22, 10; 18]. На уровне общественного сознания эта тенденция находит свое выражение в «ностальгии» по утраченному единству институтов, целей и ценностей позднесоветского времени. На уровне территориальной идентичности герметизация проявляется, на наш взгляд, в снижении, по результатам опроса астраханцев в 2009 и 2012 гг., постсоветской (с 14,7 до 4,3 %) и планетарной идентичности (с 14,7 до 6,1 %), в высоком уровне локально-поселенческой идентичности, а также замыкании кругов взаимопонимания, в основном, на семье.

Обращают на себя внимание отличия в выборах кругов взаимопонимания по районным центрам Астраханской области, что, в какой-то степени, отражает процессы дифференциации социокультурного пространства региона. Так, минимальные значения выбора семьи зафиксированы в городе Камызяк (7,34 балла) и ПГТ Лиман (8,33 балла), максимальные – в селе Черный Яр (9,41). Минимум выборов компании друзей приходится опять же на город Камызяк (7,13 баллов), максимум – на ПГТ Володарский (8,62 балла). Максимум выборов круга коллег по работе фиксируется в селе Началово (7,7 баллов) и ПГТ Володарский (7,62 балла), минимум – в городе Камызяк и ПГТ Лиман (по 6,79 баллов). Круг соседей является самым значимым для ПГТ Володарский (7,22 балла). Минимум выборов круга соседей (что достаточно логично) приходится на областной центр – город Астрахань (5,77 баллов): чем больше город, тем в большей степени формализуются отношения, в том числе и по месту непосредственного проживания.

По этой же логике значения выборов всех кругов взаимопонимания должны быть меньше в областном центре и увеличиваться в малых городах, ПГТ и селах. Но эта закономерность в Астраханской области не прослеживается. Причина заключается в размытости территориально-поселенческой идентификации астраханцев, в свою очередь, обусловленной спецификой территориально-поселенческой структуры области, которая характеризуется наличием одного крупного города – областного центра, города Астрахань, основанного в 1558 г. Кроме того, в регионе есть малые города, численность которых в некоторых случаях приближается (Харабали, Камызяк), а в некоторых случаях меньше, чем численность населения некоторых сел – районных центров. Необходимо также отметить, что все малые города Астраханской области получили статус города во второй половине XX в., поэтому не имеют многовековых традиций городской культуры, характерных, например, для «старых» городов Центральной части России.

В этих условиях тип ментальности астраханца можно в целом охарактеризовать как «сельский», «деревенский». Как отмечают С. И. Барзилов и Е. Н. Барябина, «провинциальная ментальность обладает свойствами периферийности, производности в основном от крестьянской ментальности… Естественно, что культурно-ценностные аспекты менталитета этих жителей даже в условиях города во многом являются типично крестьянскими… «Деревенская» ментальность свойственна и типично сельскому населению, и жителям средних городов, и населению индустриальных и культурных центров регионов. Она характеризует, хотя и в различной степени, маргинальные слои, средний класс и элиту» [11]. Возможно именно поэтому даже в областном центре, крупном городе по численности населения, круг соседей «перевалил» через пятибалльный рубеж. С одной стороны, можно говорить о том, что носители этого типа ментальности обладают устойчивостью к переменам, значительным адаптационным потенциалом. Но с другой стороны, адаптационный потенциал жителей малых городов в постсоветское время имеет тенденцию к снижению, девальвируется их социальный статус, снижается престиж проживающего. Если в Советском Союзе жить в малом городе означало иметь лучший уровень жизни, то в условиях российского города тенденция развернулась на прямо противоположную – покинуть малый город значит улучшить условия жизни своей семьи. Основные причины нисходящей социальной мобильности – закрытие градообразующих предприятий, узость рынка труда, снижение доходов, отток наиболее квалифицированной части населения, деградация материально-технической базы массово-спортивных учреждений [12]. Особенно ярко это прослеживается, как мы видели, в городе Камызяк, в котором значения выборов кругов взаимопонимания ниже, чем в других районных центрах. Название этого города в последние годы приобрело нарицательное значение благодаря наименованию команды КВН Астраханской области – Сборная Камызякского края. В выступлениях этой команды в гротескных формах мы видим проблемы этого малого города. И не было бы так смешно, если бы не было так грустно! Не узнают ли в нарицательных образах «камызяков» зрители насущные проблемы качества социальной среды своих городов, и не только малых? Пока же при снижении показателей «взаимопонимания» Камызяк демонстрирует достаточно высокие показатели незащищенности от одиночества и заброшенности (34,7%).

Список литературы:

1. Гольцова, Е. В. Снижение качества социальной среды / Е. В. Гольцова //Бюллетень восточно-сибирского научного центра СО РАМН. – 2005. – № 8. – С.198–201.

2. Маркович, Д. Ж. Социальная экология / Д. Ж. Маркович. – М.: Просвещение, 1991. – 176 с.

3. Русинова, Н. Л. Продолжительность жизни в регионах России: значение экономических факторов социальной среды / Н. Л. Русинова, Л. В. Панова, В. В. Сафронов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2007. – Т. X. – № 1 (38). – С. 140–161.

4. Каргаполова, Е. В. Развитие социокультурного потенциала современного российского региона в условиях институциональных изменений: дис….д-ра социологических наук по специальности 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы / Е. В. Каргаполова. – Астрахань., 2014. – 378 с.

5. Каргаполова, Е. В. Тридцатый регион: потенциал социального развития: монография / науч. ред. проф. Н. В. Дулина / Е. В. Каргаполова. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2011.– 375 с.

6. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Институт философии РАН. Составление, общая редакция: Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М.: Academia, 2013. – 416 с.

7. Регион: пространство смыслов и содержание: коллективная монография / Н. В. Дулина, Е. В. Каргаполова, Д. П.Ануфриев, А. Ю. Арясова, Е. О. Беликова, И. Н. Наумов, В. А. Парамонова, М. А. Симоненко, В. В. Токарев / под общ. ред. Н. В. Дулиной, Е. В. Каргаполовой. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. – 294 с.

8. Социокультурный портрет Астраханской области. Опыт социологического, экономического и политологического анализа /А. Ю. Арясова, Т. Ю. Гречкина, Е. В. Каргаполова, Л. А. Лебединцева, Ю. И. Убогович /отв. ред. Е. В. Каргаполова. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2010. – 307 с.

9. Головацкий, Е. В. Политические нововведения: ресурсное обеспечение в современном российском обществе : автореф. дис. … д-ра социол. наук по специальности 23.00.02. – политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии (социологические науки) / Е. В. Головацкий. – Кемерово, 2009. – 54 с.

10. Пржиленская, И. Б. Эволюция жизненного мира россиян в условиях трансформирующегося социума : автореф. дис. … д-ра социол. наук по специальности 22.00.06 – социология культуры, духовной жизни / И. Б. Пржиленская. – Ставрополь, 2009. – 48 с.

11. Барзилов, С. И. Особенности политической ментальности провинциального социума / С. И. Барзилов, Е. Н. Барябина / Регион как субъект политики и общественных отношений. – М. : Московский общественный научный фонд, 2000. – Сер. Научные доклады. – Вып. 107. – С. 202–204.

12. Саначин, А. А. Сравнительный анализ социальной реальности малого города (на примере Пермского края) / А. А. Саначин // Научные труды кафедры культурологии и глобалистики (к 20-летию кафедры) / под ред. И. Ф. Кефели. – СПб. : Балтийский гос. техн. ун-т, 2009. – С. 152–160.

АНАЛИЗ ВОСТРЕБОВАННОСТИ ПЛАТНЫХ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

И.Я. Арбитайло –
аспирант Тюменского государственного университета

В обстановке преобразований общественной формации и связанных с этим социальных изменений представляется необходимым исследовать происходящие процессы модернизации здравоохранения как социального института в контексте изменения политических, экономических, социокультурных и других факторов. Происходящие в современной российском здравоохранении изменения связаны с его ценностной «перекодировкой», выраженной в замене принципа социальной справедливости на постулат экономической эффективности системы охраны здоровья, в формировании новых ценностно-нормативных координат деятельности субъектов здравоохранения [1; 3]. Сформированная в 90е годы XX века система российского здравоохранения подверглась значительным изменениям, результатом которых стало снижение качества и доступности, а так же объема медицинских услуг населению. Потребность в совершенствовании механизмов предоставления медицинских услуг продиктована реально существующими вызовами. Важной проблемой является несостоятельность экономических механизмов деятельности учреждений здравоохранения различного уровня, разрыв между финансированием и объёмом медицинской помощи, разрыв финансирования по бюджетным обязательствам и ОМС; экономической проблемой является также лекарственное обеспечение населения в рамках программы госгарантий. Несмотря на всю принципиальную важность и значимость здоровья и здравоохранения в стране, финансирование отрасли происходит по остаточному принципу, что обостряет противоречия развития системы, и обнажает самые слабые стороны сферы здравоохранения.

Проблематика нашего исследования заключается в смене парадигм общественного развития, трансформация советской системы предоставления медицинских услуг, порождающая развития такой новой экономической единицы, как рынок платных медицинских услуг. В поле исследований попадают вопросы деятельности медицинских учреждений в свете новой социально-экономической реальности. Современный период развития отечественной системы здравоохранения ставит проблему необходимости перехода на новые технологии планирования и управления. Основной темой статьи является смена парадигм общественного развития, трансформация советской системы предоставления медицинских услуг, порождающая развитие такой новой экономической единицы, как рынок платных медицинских услуг.

Проблемы развития экономических отношений в здравоохранении в рыночной среде исследуются в работах отечественных ученых Л.А.Алексеевой, В.А. Миняева, Н.И. Вишнякова, Л.Ю. Трушкина, С.В. Шишкина, Н.Г. Шамшуриной, И.М. Шеймана и другие [2-7]. Переход на принципиально новые рыночные отношения в здравоохранении связывают с трансформацией советской экономической системы. Созданная за предшествующие десятилетия громоздкая социальная сфера в новых условиях оказалась обществу просто не по карману. Не отрицая приоритетности государственного финансирования здравоохранения, государство ищет новые формы, которые позволили бы более рачительно использовать явно недостаточные средства, имеющиеся в его распоряжении, в частности выделить сегменты, способные существовать без бюджетной поддержки. Одним из путей выходы из затяжного кризиса является коммерциализация сферы здравоохранения, которая позволит адаптироваться в современных условиях российской экономики. В последнее время здравоохранение все более полно вовлекается в экономический оборот общества, чему способствует активное функционирование медицинских учреждений на рыночных основах.

Отношение населения к платным медицинским услугам стало одной из тем фокус-групп, в рамках качественного социологического исследования 2015 года по теме: «Здравоохранение в Тюменской области: восприятие, факторы, логики поведения»[1]. Проведенное исследование подтвердило, что основная часть российских пациентов получает медицинскую помощь бесплатно. Но уже значительная часть пациентов платит за лечение, и распространенность практик оплаты медицинской помощи нарастает. Анализ причин оплаты лечения в государственных и муниципальных медицинских организациях свидетельствует о наличии принципиальных изъянов в системе бесплатного оказания медицинской помощи населению: для части пациентов востребованные ими медицинские услуги не предоставляются бесплатно. Довольно часто пациентам приходится платить, чтобы преодолеть барьеры доступа к ограниченным ресурсам, которые в принципе должны предоставляться бесплатно. Более чем для трети тех пациентов, кто оплачивал лечение, это выступало инструментом их влияния на качество оказываемых им медицинских услуг. Эти характеристики сложившихся практик оплаты населением медицинской помощи служат аргументом в пользу пересмотра существующих гарантий бесплатного оказания медицинской помощи населению [8].

---

[1] Всего было опрошено 123 в возрасте от 18 лет и старше в рамках фокус-групп, репрезентирующих общественное мнение горожан по ключевым вопросам организации медицинского обслуживания.

Ответы различных представителей фокус-групп на вопросы об оплате медицинской помощи сводятся к тому, что основная часть российских пациентов получает медицинскую помощь бесплатно. При этом были даже утверждения о том, что «бесплатная» медицинская помощь по качеству оказанной услуги ничем не хуже «платной». Единственная проблема, которая возникает в данном случае – это рост трансакционных издержек (в основном, это очереди). Проведенное обследование также подтвердило, что в пределах последнего года посещении врача около 10% от всех участников фокус-групп – платили за прием. Заметно чаще производится оплата услуг врачей-специалистов (об этом сообщили 20% участников фокус-групп), чем терапевтов (6% от всех участников фокус-групп). В фокус-группах было выявлено, что диагностические обследования чаще оплачиваются самими пациентами – это делали 25% от всех участников фокус-групп за последний год в случае их проведения. В основном респонденты оплачивали ультразвуковые исследования (55%) и томографию (60%). В фокус-группах было выявлено, что, будучи пациентами стационаров, несли определенные расходы за получаемую там медицинскую помощь (25%). В половине случаев (50% от всех участников фокус-групп, от лечившихся в стационаре) пациентам больниц приходилось приобретать за свой счет лекарственные препараты. Бесплатное оказание необходимой медицинской помощи более последовательно декларируется применительно к стационарному лечению [8; 47]. Здесь реже встречаются ситуации, когда требуемая помощь может быть оказана только как платная услуга. Распространенность практик оплаты лечения выше как раз при оказании стационарной помощи.

В условиях трансформации общественно-политического уклада жизни, глобализации рынка, происходят принципиальные изменения в характере потребления медицинских услуг [9; 15]. Само появление и развитие такого понятия как рынок платных медицинских услуг может быть связано с дифференциацией медицинских учреждений по разным формам собственности и соответствующей экономической поляризацией социальных групп и слоев населения. Можно предположить, что противоречие в современном развитии института здравоохранения определяется тем, что диктуемые социально-экономическими трансформациями, ориентацией на рыночные формы взаимоотношений в социально-значимых сферах жизнедеятельности не имеют стабильно социальной базы поддержки в различных социальных слоях.

Список литературы:

1. Тимченко Н.С. Социальная культура здравоохранения в российском обществе начала XXI века: проблемы и пути их решения. Автореферат диссертации, Барнаул. 2007. – с. 23

2. Перфильева Г.М., Алексеева В.В., Шамшурина Н.Г., Кобяцкая Е.Е., Галкин Е.Б, Ильясова Л.В. Экономика здравоохранения. Изд-во: ГОУ ВУНМЦ. 2004. 224 с.

3. Основы экономики здравоохранения. Под ред. Н.И. Вишнякова, В.А. Миняева Изд-во МЕДпресс-информ.,2008. 144 с.

4. Шамшурина Н.Г. Показатели социально-экономической эффективности в здравоохранении / Н. Г. Шамшурина. – М.: МЦФЭР, 2005. – 320 с.

5. Шейман И. М. Реформа управления и финансирования здраво охранения / И. М. Шейман. – М.: Издатцентр, 1998. – 337 с.

6. Шишкин С. В. Реформа финансирования российского здравоохранения / С.В. Шишкин – М.: Институт экономики переходного периода, 2000. – 444 с.

7. Экономика и управление здравоохранением / Л.Ю.Трушкина [и др.]. – Ростов-на-Дону «Феникс», 2007. – 501 с.

8. Всероссийское социологическое исследование мнения населения о доступности и качестве медицинской помощи в 2008 г. URL: http://www.zdrav.ru/articles/practice/detail.php?ID=79106 (дата обращения 10.09.2015)

9. Кочкина Н.Н., Красильникова М.Д., Шишкин С.В. Доступность и качество медицинской помощи в оценках населения; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015 – 56 с.

10. Калашников К.Н. Калачикова О.Н. Доступность и качество медицинской помощи в контексте модернизации здравоохранения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз № 2 (32), 2014.

ВЛИЯНИЕ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ НА УВЕЛИЧЕНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ: С УКРАИНЫ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ

О.Я. Артем –
аспирант кафедры прикладной
социологии Уральского федерального
университета

Еще со временем Древней Руси существовала тенденция перемещения населения из одной территории на другую, что было обусловлено разными обстоятельствами, например – войнами, климатическими условиями, завоеванием новых земель и т.д. На одной территории могли проживать люди различных национальностей. Они обладали своими, специфичными только для них культурными особенностями, что проявлялось в одежде, традициях, обычаях, языке общения, ритуалах. Однако, существование на одной территории нескольких национальностей могло послужить основанием для появления конфликтов, общественных волнений, дискриминации, что в свою очередь, являлось показателем нестабильности общества.

Исторически сложилось, что российское государство всегда стремилось к поддержанию экономической, политической и социальной стабильности в стране. В связи с этим, в виду многообразия национальностей, проживающих на одной территории, правительство всегда было заинтересовано в том, чтобы в обществе присутствовало взаимопонимание и согласие людей. Чтобы граждане проявляли толерантность к другим национальностям, не было дискриминации в правах и национальных традициях каждого.

Граждане Украины стали одним из самых важнейших и преобладающих по количеству миграционных партнеров в российском государстве. Мигранты прибывают из восточных областей Украины, где в основном, проживают русскоязычные украинцы, уважающие российские традиции и воспринимающие Россию как свое родное государство.

Обращает на себя внимание, что согласно данным переписи, с 1989 по 2002 года количество прибывших граждан с Украины в Россию значительно сократилось с 4 до 3 млн. В 2010 году тенденция сокращения прослеживалась до 2 млн. [3], а в 2012 году ситуация была совсем иная, уже около 50 тыс. человек прибыли в Россию [1].

К сожалению, вплоть до конца 2013 году тенденции миграционных потоков свидетельствовали лишь о том, что Российская Федерация становится менее привлекательным государством для граждан Украины с целью заработков и места жительства. Также стоит отметить, что по данным Федеральной Миграционной Службы из находившихся примерно к концу 2013 года около 1 млн. мигрантов с Украины только 200 тыс. из них получили

официальное разрешение на работу [3]. Рассмотрим возможные причины тенденции снижения заинтересованности граждан Украины в трудоустройстве на территории Российской Федерации.

Для большинства мигрантов с Украины более привлекательными для постоянного места жительства являются страны Запада (США, Канада, Германия и др.), для заработков – Польша, Чехия, Португалия, Испания и др. Кроме того, Западная часть Украины более критично относится к гражданам Российской Федерации, нежели Восточная. К тому же, для многих государств, в том числе и Украины российский рынок труда не обладает особенной, конкурентной привлекательностью.

Однако с 2014 года по сегодняшний день, миграционные потоки граждан Украины в Россию несколько меняются. Во-первых, с 1 января 2014 году вступил в силу закон [2], согласно которому граждане стран СНГ могут находиться на территории России до 90 суток. Многими он был воспринят категорично, тем не менее, в связи с этим возросло количество мигрантов, обратившихся с целью получения патентов, что как раз давало возможность увеличить свой срок пребывания на территории Российской Федерации до одного года. Во-вторых, в связи с политическим кризисом, который затронул всех граждан Украины и продолжается затянувшейся гражданской войной, особенно выраженной в Восточной части Украины, увеличилось количество людей, иммигрировавших в Россию с целью убежища, заработков и на постоянное место жительства.

По данным Федеральной Миграционной службы на 4 марта 2015 года в Российской Федерации находится около 450 тыс. мужчин и 250 тыс. женщин граждан Украины в возрасте от 18 до 29 лет. По остальным возрастным категориям указано менее 200 тыс. человек [2]. Очевидно, что данный возраст можно охарактеризовать как наиболее трудоспособный. Большинство из мигрантов имеют высшее и средне специальное техническое образование, которое сейчас наиболее престижно в России. Поэтому Правительство Российской Федерации крайне заинтересовано в том, чтобы население нашей страны увеличивалось, в том числе с помощью прибывающих мигрантов с Украины. Это объяснимо и тем, что многие граждане Украины идентифицируют себя с Советской властью и в том числе, российским государством.

Однако согласно результатам исследования, проведенного Левада-центром в мае 2014 и сентябре 2014 года об отношении российских граждан к мигрантам с Украины необходимо обратить внимание, что в мае чуть более 80% населения России относились к мигрантам с Украины хорошо и очень хорошо, к сентябрю результаты изменились и сократились до 61%. Это говорит об увеличении числа россиян, которые относятся недоброжелательно к гражданам Украины. Стоит отметить, что в сознании российских граждан скорее ощущается плохое отношение не к мигрантам с Украины, а к сложной

политической ситуации в этой стране, что безусловно отражается на нашем государстве. Тем не менее, в связи с нарастающей тенденцией отрицательного отношения российских граждан к украинским, в виду политических событий, экономических, тем не менее, самих граждан Украины многие воспринимаем как наиболее ближайших соседей.

Каковы перспективы стоит нам ожидать в дальнейшем? На данный вопрос крайне тяжело ответить, так как ответ на него зависит от политических, социальных и экономических обстоятельств. Предположительно, количество мигрантов с Украины будет постепенно увеличиваться. В свете последних политических событий, большинство приезжают в Россию с целью убежища. Существует тенденция, что многие уезжают на Запад, в страны Евросоюза, но и этому часто есть опровержение, в виду трудностей в визовом режиме, не знании языка и т.д.

Список литературы:

1. Ивахнюк И. Перспективы миграции населения из Украины в Россию в свете украинского политического кризиса / Российский совет по международным делам. 2014. [электрон. ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3530#top-content.

2. Изменения в законодательстве / Офиц. Сайт Федеральной миграционной службы [электрон. ресурс]. URL: http://www.fms.gov.ru/foreign_national/izmenzakon/.

3. Троицкая О. Украинский кризис и миграция / Российский совет по международным делам. 2014. [электрон. ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3497#top-content.

ОБРАЗ РОДИТЕЛЬСТВА В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПОДХОДЫ К СОЦИОЛОГИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ

А.П. Багирова –
д. э.н., профессор кафедры социологии
и технологий государственного
и муниципального управления
Уральского федерального университета

А.И. Ворошилова –
ассистент кафедры социологии
и технологий государственного
и муниципального управления
Уральского федерального университета

В связи с неоднородностью демографических процессов в мире одним из актуальных направлений исследований является изучение факторов репродуктивного поведения молодежи. Анализ зарубежной литературы на данную тематику показывает, что исследователи выделяют несколько групп важнейших факторов, определяющих репродуктивное поведение молодежи. В первую группу включают те, которые прямо или косвенно связаны с непосредственным социальным окружением молодых людей (и прежде всего с семьями, в которых они воспитываются). Об этом, в частности, пишут Manago, Ward, Aldana [19], Ryan [24], Thompson, Jones, Litrownik, English, Kotch, Lewis, Dubowitz [26], Hanson, McMahon, Griese, Kenyon [16], Crockett, Beal [13].

Во вторую группу факторов репродуктивного поведения молодежи включены общие социально-экономические условия, при которых происходит формирование отношения к семье и родительству, условия восприятия семейных ценностей, а впоследствии – и репродуктивных установок молодежи. Подробно эти вопросы исследовались в работах корейских исследователей [25], Wellings, Collumbien, Slaymaker, Singh, Hodges, Patel, Bajos [29], McEwen, Stewart [21], Cinamon, Rich [12]. В этих работах показано, что позитивная социально-экономическая динамика в целом ряде стран привела к увеличению брачного возраста, росту числа сексуальных партнеров, что, в свою очередь, изменило модель репродуктивного поведения молодежи.

Наконец, третья группа – это культурные факторы, к которым исследователи относят традиции (Biktagirova [10], Alipio [8], Cansler, Updegraff, Simpkins [11], Barr, Simons [9]), вероисповедание (Veliz [28], McBride [20], Dohotariu [14], Knafo, Daniel, Gabay, Zilber, Shir [18]), субкультуру (Hodkinson [17], Ngo [22], Riley, Anderson-Butcher [23]), средства массовой информации (Tolmacheva [27], Gubrium и Torres [15]). В работах отечественного ученого Толмачевой “Impact of advertising on the formation of the value orientations of

young people” [27; 403], и Gubrium и Torres “The Message is in the Bottle: Latino Youth Communicating Double Standard Ideologies Through Photovoice” [15; 147]. отмечено, что рост свободы коммуникаций в странах Европы и Америки привел к либерализации социальных норм, дестабилизации традиционных семейных ценностей и моделей репродуктивного поведения.

Тотальное распространение информационных технологий заставляет исследователей все чаще обращаться к мониторингу информационного поля в поисках детерминант социальных процессов. Актуальным направлением исследований в этой связи является образ семьи и родительства в информационном пространстве.

Вообще понятие образа широко используется в социально-гуманитарных науках. Данная проблема изучена в работах отечественных исследователей, в частности В. С. Тюхтина, М. М. Бахтина, А. М. Коршунова, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, Г. П. Бакулева, А. И. Черных, М. М. Назарова, А. Э. Геворгяна, Т. В. Науменко, Л. Н. Федотовой, О. Г. Филатовой, И. Д. Фомичевой, В. И. Шаркова.

В философии образ является одним из основных понятий в теории познания, характеризующих результат отражательной (познавательной) деятельности субъекта [4]. В психологии образ является одной из ключевых категорий в изучении структуры человеческого сознания, выступающей важнейшим фактором системы психической регуляции деятельности человека. Современные трактовки образа в психологии приписывают ему несколько важнейших функций: считается, что образ в психике человека является связующим звеном между внутренним миром и миром внешних объектов, облегчающим построение ассоциативных связей и упорядочивающим хранящуюся в памяти информацию [5,3].

Отечественный исследователь Е. В. Сильнова предложила уточненное определение образа с позиции собственно социальной проблематики как устойчивого феномена общественного сознания, создающего и аккумулирующего социальные смыслы, способствующего пониманию социокультурных явлений и процессов и формирующего мировоззрение. Автор данной концепции выделяет ряд механизмов, формирующих социальный образ, которые могут быть отнесены к разным уровням общественной жизни: на макроуровне социальный образ формируется за счет традиций, идеологических ориентаций, общественного мнения, значимых общественных сфер, PR-, масс-медиа и имиджевых стратегий и реализуется посредством механизмов социальной регуляции на мезоуровне; на микроуровне социальный образ складывается из субъективно-воспринимаемых представлений и психологических оценок, обусловленных индивидуальностью восприятия и особенностями личного опыта [6].

Исследования информационного пространства показывают, что в последние годы максимальный удельный вес материалов, посвященных семье, в федеральных, региональных СМИ и «глянцевых» изданиях не превышает 1,96%. Преимущественно данной тематике уделено внимание в печатных изданиях на региональном уровне. При этом основными источниками информации служат региональные органы власти, подающие информацию в формализованном виде по узконаправленной тематике, что делает данный материал скучным и непривлекательным на фоне остального информационного массива [7].

При этом анализ структуры мотивации родительского труда [2] позволяет выделить одну общую для всех уровней регуляции поведения личности детерминанту – образ родительства. На макроуровне он представляет собой некий общий стереотип, отражающий общую направленность формирования социально приемлемых форм удовлетворения потребностей в родительстве в процессе реализации родительского труда. На мезоуровне социально одобряемый образ родительства тиражируется через конкретные механизмы регулирования сферы семьи и воспитания. И, наконец, на микроуровне существует индивидуальный образ родительства, сформированный в психике каждого индивида с учетом его психологических особенностей на основе предшествующего социального опыта. Схематично данная особенность образа родительского труда показана в таблице 1.

Таблица 1

Образ родительства в системе организации родительского труда

Уровень организации родительского труда	**Объект сферы управления**	**Образ родительства как механизм регуляции поведения личности**
Макроуровень	Общепризнанные институциональные нормы регуляции сферы родительского труда	*Социально транслируемый* образ родительства через институты культуры и нормы права
Мезоуровень	В сфере родительского труда на этом уровне устанавливаются представления о конкретных методах реализации родительских потребностей. Выбирается «стиль» родительства	Тиражирование социального опыта через конкретные *механизмы распространения* социального образа родительства
Микроуровень	Ежедневные простейшие бытовые действиях по уходу за ребенком.	*Индивидуальный образ* родительства, сформированный в опыте личности и накладываемый на ее уникальные психологические характеристики

Образ родительства – это идеальная модель родительского поведения, социально одобряемая в данном социуме. Идеальная модель родительства, тиражируемая в массовом сознании, является механизмом распределения приоритетов в родительском труде и влияет на целевые показатели продукта родительского труда. Измерить образ родительства, формируемый в массовом сознании, можно исходя из акцентуированных характеристик родительского труда в этом сознании.

Если рассматривать родительский труд как деятельность, в его структуре можно выделить три основных компонента: субъект родительского труда, сам процесс родительского труда и его результат [1]. Фиксирование характеристик образов всех трех компонентов позволит сделать совокупную оценку тиражируемого образа родительского труда.

Так, к примеру, измерение объема внимания, акцентируемого в средствах массовой информации на какой-либо функции родительского труда, позволит спрогнозировать необходимость развития определенной стороны формируемого человеческого капитала.

Схематично принцип действия данной установки на тиражирование моделей родительства изображен на рис. 1.

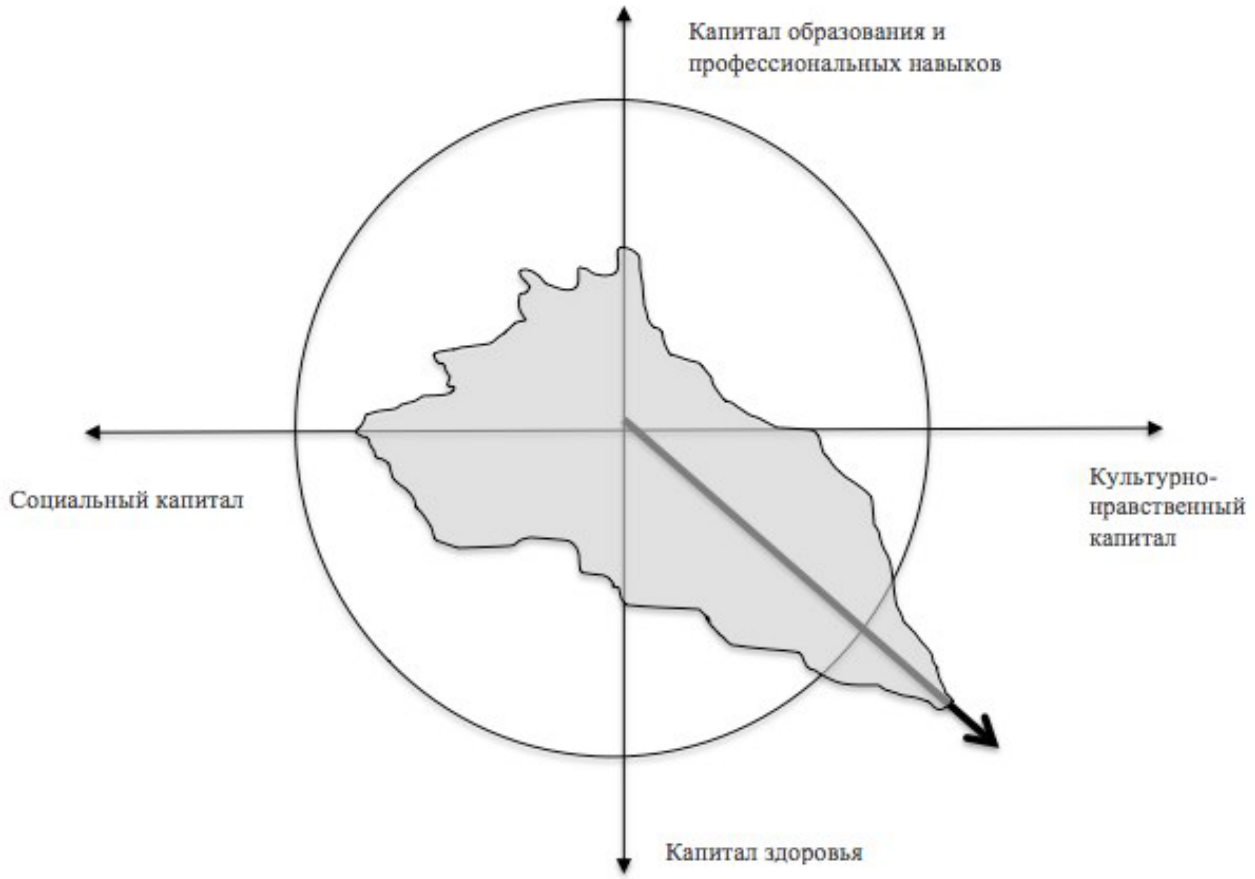

Рисунок 1 – Акцентированные направления родительского труда, влияющие на формирование характеристик человеческого капитала.

На данном рисунке кругом обозначен идеальный результат развития всех компонентов человеческого капитала. Стрелками показаны акценты на приоритетных направлениях усилий родительского труда в массовом сознании. Серой областью – результат акцента деятельности в родительском труде, выраженный в неравномерном развитии человеческого капитала. Акцентов может быть несколько, что определяет «форму» результата родительского труда.

Данное свойство образа родительства можно положить в основу методики его анализа. Проанализировав методом контент-анализа информационное поле, можно выявить, какие приоритетные направления развития человеческого капитала сейчас наиболее освещены и сделать вывод о направленности образа родительства, формируемого на данный момент.

Анализ данной модели позволит выделить наиболее значимые на данном этапе направления развития человеческого капитала, распространяемые в информационном поле. Аналогично можно проследить параметры образа родителя как субъекта родительского труда, основываясь на характеристиках личности, значимых для анализа мотивационной структуры (функциональных, личностных, рефлексивных [2]. Совокупное представление о субъекте родительского труда и направленности выполняемых им функций в рамках реализации репродуктивной деятельности позволит оценить параметры образа родительского труда в массовом сознании и спрогнозировать характеристики формируемого человеческого капитала.

Список литературы:

1. Ворошилова А. И., Багирова А. П. Родительский труд: уровни и подходы к социологическому изучению // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (35). С. 150-160.
2. Ворошилова А. И. Диспозиционный подход к изучению мотивации родительского труда // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (37). С. 81-87.
3. Леонтьев А.Н. Образ мира. Избр. психолог. произведения, М.: Педагогика, 1983, с. 251-261.
4. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. 2-е изд., испр. и допол. — М.: Мысль, 2010.
5. Полищук Е. А. Подходы к пониманию категории образа в психологии // Журнал научных публикаций. 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.jurnal.org/articles/2010/psih11.html.
6. Сильнова Е. И. Социальный образ России в исторической динамике: автореферат дисс.... д. филос. наук: 09.00.11. Саратов, 2013. 44 с.
7. Тучкова В. В. Отражение семейных ценностей в Российских СМИ // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. № 150. С. 158-163.

8. Alipio C. Young Men in the Philippines: Mapping the Costs and Debts of Work, Marriage, and Family Life // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2013. № 646 (1). P. 214-232.

9. Barr A. B., Simons R. L. Marriage Expectations Among African American Couples in Early Adulthood: A Dyadic Analysis // Journal of Marriage and Family. 2012. № 74 (4). P. 726-742.

10. Biktagirova G. Family traditions as they are viewed by contemporary Russian teenagers // Proceedings of the 2nd International Congress on Interdisciplinary Behavior and Social Sciences ICIBSoS «Recent Trends in Social and Behaviour Sciences – 2013». (2013), November 4-6; Jakarta, Indonesia, 333-336.

11. Cansler E., Updegraff K. A. Simpkins S. D. Mexican American Seventh Graders' Future Work and Family Plans: Associations With Cultural Experiences and Adjustment // Journal of Early Adolescence. 2012. № 32 (3). P. 313-339.

12. Cinamon R. G., Rich Y. Work and Family Plans Among At-Risk Israeli Adolescents: A Mixed-Methods Study // Journal of Career Development. 2014. № 41 (3). P. 163-184.

13. Crockett L. J., Beal S. J. The life course in the making: Gender and the development of adolescents' expected timing of adult role transitions // Developmental Psychology. 2012. № 48 (6). P. 1727-1738.

14. Dohotariu A. Rituals and religious holidays and their representations among young unmarried couples. A qualitative investigation Romania-France // Revista de Cercetare si Interventie Sociala. 2012. № 39. P. 59-81.

15. Gubrium A. C., Torres M. I. The Message is in the Bottle: Latino Youth Communicating Double Standard Ideologies Through Photovoice // American Journal of Health Education. 2013. № 44 (3). P. 146-155.

16. Hanson J. D., McMahon T. R., Griese E. R., Kenyon D.B. Understanding gender roles in teen pregnancy prevention among American Indian youth // American Journal of Health Behavior. 2014. № 38 (6). P. 807-815.

17. Hodkinson P. Family and Parenthood in an Ageing 'Youth' Culture: A Collective Embrace of Dominant Adulthood? // Sociology. 2013. № 47 (6). P. 1072-1087.

18. Knafo A., Daniel E., Gabay S., Zilber R., Shir R. Values, Religion, and Culture in Adolescent Development // Cambridge University Press. 2012.

19. Manago A. M., Ward L. M., Aldana A. The Sexual Experience of Latino Young Adults in College and Their Perceptions of Values About Sex Communicated by Their Parents and Friends // Emerging Adulthood. 2015. № 3 (1). P. 14-23.

20. McBride D. F. Uplifting the Family: African American Parents' Ideas of How to Integrate Religion into Family Health Programming // Journal of Child and Family Studies. 2013. № 22 (1). P. 161-173.

21. McEwen A., Stewart J. M. The relationship between income and children's outcomes: A synthesis of Canadian evidence // Canadian Public Policy. 2014. № 40 (1). P. 99-109.

22. Ngo B. Hmong and American: Negotiating Identity, Community, and Culture ("There are no glbt Hmong people": Hmong American Young adults navigating culture and sexuality) // Department of Curriculum and Instruction, University of Minnesota, United States. 2012. P. 113-132.

23. Riley A., Anderson-Butcher D. Participation in a summer sport-based youth development program for disadvantaged youth: Getting the parent perspective // Children and Youth Services Review. 2012. № 34 (7). P. 1367-1377.

24. Ryan C. L. Queerspawn Speak Out: A Review of Let's Get This Straight: The Ultimate Handbook for Youth With LGBTQ Parents // Journal of LGBT Youth. 2012. № 9, (4). P. 397-401.

25. Strengthening social cohesion in Korea. Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD), 2013. 26 p.

26. Thompson R., Jones D. J., Litrownik A. J., English D. J., Kotch J. B., Lewis T., Dubowitz H. Linking Mother and Youth Parenting Attitudes: Indirect Effects via Maltreatment, Parent Involvement, and Youth Functioning // Child Maltreatment. 2014. № 19. P. 233-246.

27. Tolmacheva S.V. Impact of advertising on the formation of the value orientations of young people // World Applied Sciences Journal. 2013. № 27 (13 A). P. 402-405.

28. Veliz E. Rising souls: Religion and family relationships among Latino adolescents // Sociological Studies of Children and Youth. 2014. № 18. P. 151-172.

29. Wellings K., Collumbien M., Slaymaker E., Singh S., Hodges Z., Patel D., Bajos N. Sexual behaviour in context: a global perspective // The Lancet. 2006. № 368 (9548). P. 1706-1728.

ОТНОШЕНИЯ МОЛОДЕЖИ К ГРАЖДАНСКОМУ БРАКУ (СВЯЗИ НОМИНАЛЬНЫХ И ИНТЕРВАЛЬНЫХ ПАРАМЕТРОВ)

М.М. Басимов –
д.псих.н., доцент, профессор
кафедры психологии труда и
служебной деятельности Российского
государственного социального
университета

Брак – особый общественный институт для регулирования отношений между его гражданами. Это исторически обусловленная, санкционированная и регулируемая обществом форма отношений между полами, между мужчиной и женщиной, устанавливающая их права и обязанности по отношению друг к другу и к детям, своему потомству [1]. Другими словами, брак – традиционное средство формирования семьи и общественного контроля за ней, один из способов самосохранения и развития общества.

Однако одной из характеристик современного российского общества принято считать распространение незарегистрированных союзов, которые в народе обозначают как “гражданский брак”. Под “гражданским браком” понимается – сожительство, или фактический брак, или незарегистрированный брак – отношения между партнёрами – “супругами”, не оформленные в установленном законом порядке. Отношение общества к гражданским бракам становится все более лояльным, поэтому такая форма отношений стала распространенной.

В рамках плана работы социологической лаборатории КГУ (Курганский государственный университет) было проведено социологическое исследование феномена “гражданского брака”. Для анализа причинно-следственных связей одновременно для интервальных и номинальных переменных применялся новый вариант авторского метода.

Чтобы одновременный анализ номинальных и интервальных параметров в рамках множественного сравнения (при изучении связей) стал более строг в плане отбора тех или иных результатов для описания и интерпретации, необходимо было ввести критерии такого отбора. Это удалось сделать при объединении двух задач в одну: задачи изучения связей для интервальных переменных через множественное сравнение квантильных разбиений данных по каждому параметру [2,5] и задачи множественного сравнения тех же интервальных параметров для групп по многозначным номинальным признакам (вопросы с номинальными ответами для выбора) [3,4]. Объединяя квантильные разбиения по интервальным параметрам и группы по номинальным ответам в одну задачу множественного сравнения, получаем результат для номинальных и интервальных параметров по единой шкале сравнительной весомости.

После чего (триады или кварты) по интервальным параметрам, как и раньше, позволяют построить коэффициенты силы связи и нормировать их на аналог единичной корреляции (зависимость интервального параметра от самого себя). Той же нормировке необходимо подвергнуть и аналоги коэффициентов связи для групп по номинальным ответам. Отметим, что в случае с номинальными переменными о зависимости можно говорить только в одном направлении: как от номинальных параметров зависят интервальные параметры.

Таким образом, стало возможным говорить о зависимости интервального параметра от многозначной номинальной переменной и отбирать нужные по силе связи, исходя только из числовых значений.

При построении коэффициентов силы связи (после общей задачи множественного сравнения для всех параметров) предлагаются две стратегии:

1. Берется два номинальных ответа, соответствующих максимальному и минимальному значениям сравнительной весомости интервального параметра, зависимость которого от номинального параметра определяется.

2. Берется каждый раз (перебор всех вариантов) три (в случае триад для интервальных параметров) или четыре (в случае кварт) номинальных ответа, далее определяются аналоги коэффициента связи для трех (четырех) номинальных ответов, после чего коэффициенты связи усредняются по всем перестановкам, т.к. номинальные ответы между собой равноправны и операция упорядочения для них не реализуется.

Первая стратегия, очевидно, более жесткая и определяет, как значимые меньшее количество связей. Мы рассмотрим как эта стратегия определила значимые связи в случае, когда причина – это три номинальных переменные:

1. Причины, когда гражданский брак должен уступить место законному браку.

2. Причины вступления молодых людей в гражданский брак.

3. Недостатки гражданского брака.

I. Независимый (номинальный) параметр «Причины, когда гражданский брак должен уступить место законному браку (G07)» определяется вопросом анкеты:

Когда “гражданский брак” должен уступить место законному браку?

1. Когда партнеры решают завести ребенка

2. Когда позволяет материальное положение

3. Когда партнеры убеждены в прочности союза

4. Когда партнеры прожили уже много лет вместе

5. Никогда

6. Другое

Определилось четыре значимые зависимости интервальных параметров от данного номинального.

1. Зависимость интервального параметра «Отношение к гражданскому браку (X01)» от номинального параметра «Причины, когда гражданский брак должен уступить место законному браку (G07)»:

Коэффициент силы связи = 0.54

Стратегия выявления связи ‘min-max’, ответы:

max 777 Когда позволяет материальное положение (G07-02)

min -5860 Никогда (G07-05)

Наиболее положительно к гражданскому браку относятся респонденты, которые считают, что главной причиной, когда гражданский брак должен уступать место законному браку, является материальное положение (сравнительная весомость = +777).

2. Зависимость интервального параметра «Приемлемость гражданского брака как формы отношений (X02)» от номинального параметра «Причины, когда гражданский брак должен уступить место законному браку (G07)»

Коэффициент силы связи = 0.62

Стратегия выявления связи ‘min-max’, ответы:

max 2106 Когда позволяет материальное положение (G07-02)

min -5514 Никогда (G07-05)

Наиболее высоко приемлемость гражданского брака как формы отношений также оценивают респонденты считающие, что главной причиной, когда гражданский брак должен уступать место законному браку, является материальное положение (сравнительная весомость = +2106).

3. Зависимость интервального параметра «Возможность рождения ребенка в гражданском браке (X03)» от номинального параметра «Причины, когда гражданский брак должен уступить место законному браку (G07)»:

Коэффициент силы связи = 0.71

Стратегия выявления связи ‘min-max’, ответы:

max 4272 Когда позволяет материальное положение (G07-02)

min -4490 Когда партнеры прожили уже много лет вместе (G07-04)

Возможность рождения ребенка в гражданском браке наиболее высоко оценивают респонденты считающие, что главной причиной, когда гражданский брак должен уступать место законному браку, является материальное положение (сравнительная весомость = +4272).

А совершенно не допускают возможности рождения ребенка в гражданском браке респонденты считающие, что главной причиной, когда гражданский брак должен уступать место законному браку, когда партнеры прожили уже много лет вместе (сравнительная весомость = +4490).

4. Зависимость интервального параметра «Необходимость регистрации брака в случае рождения ребенка (X04)» от номинального параметра «Причины, когда гражданский брак должен уступить место законному браку (G07)»:

Коэффициент силы связи = 0.55

Стратегия выявления связи ‘min-max’, ответы:

max 4464 Когда партнеры прожили уже много лет вместе (G07-04)

min -2319 Когда позволяет материальное положение (G07-02)

На этот раз экстремальные группы по номинальному вопросу те же, что и в предыдущей зависимости, но необходимость регистрации брака в случае рождения ребенка они оценивают противоположно по сравнению с возможностью рождения ребенка в гражданском браке.

Необходимость регистрации брака в случае рождения ребенка отвергают прежде всего респонденты считающие, что главной причиной, когда гражданский брак должен уступать место законному браку, является материальное положение (сравнительная весомость = -2319).

А регистрацию брака в случае рождения ребенка считают крайне необходимой респонденты считающие, что главной причиной, когда гражданский брак должен уступать место законному браку, когда партнеры прожили уже много лет вместе (сравнительная весомость = +4464).

II. Независимый (номинальный) параметр “Причины вступления молодых людей в гражданский брак (G08)” определяется вопросом анкеты:

Какие, по Вашему мнению, могут быть причины вступления молодых людей в “гражданский брак”?

1. В гражданском браке партнерам формально легче разойтись
2. Препятствия со стороны родственников
3. Финансовые затруднения
4. Уход от ответственности
5. Партнеры не уверены в своих чувствах
6. Возможность сохранить свободу
7. Проверка совместимости характеров
8. Проверка бытовой совместимости
9. Проверка сексуальной совместимости
10. Попытка репетиции семейных отношений
11. Другое

Определилось три значимые зависимости интервальных параметров от данного номинального.

1. Зависимость интервального параметра «Отношение к гражданскому браку (X01)» от номинального параметра «Причины вступления молодых людей в гражданский брак (G08)»:

Коэффициент силы связи = 0.73

Стратегия выявления связи ‘min-max’, ответы:

max 3448 Препятствия со стороны родственников (G08-02)

min -5563 Уход от ответственности (G08-04)

Наиболее положительно к гражданскому браку относятся респонденты, которые считают, что главной причиной вступления молодых людей

в гражданский брак являются препятствия со стороны родственников (сравнительная весомость = +3448).

Наиболее отрицательно к гражданскому браку относятся респонденты, которые считают, что главной причиной вступления молодых людей в гражданский брак является уход от ответственности (сравнительная весомость = -5563).

2. Зависимость интервального параметра «Приемлемость гражданского брака как формы отношений (X02)» от номинального параметра «Причины вступления молодых людей в гражданский брак (G08)»:

Коэффициент силы связи = 0.69

Стратегия выявления связи ‘min-max’, ответы:

max 3116 Препятствия со стороны родственников (G08-02)

min -5386 Уход от ответственности (G08-04)

Аналогично эти две группы по номинальным ответам (G08-02 и G08-04) дают оценку приемлемости гражданского брака как формы отношений.

3. Зависимость интервального параметра «Возможность рождения ребенка в гражданском браке (X03)» от номинального параметра «Причины вступления молодых людей в гражданский брак (G08)»:

Коэффициент силы связи = 0.84

Стратегия выявления связи ‘min-max’, ответы:

max 5834 Проверка сексуальной совместимости (G08-09)

min -4551 Уход от ответственности (G08-04)

III. Независимый (номинальный) параметр “Недостатки гражданского брака. (G09)” определяется вопросом анкеты:

Какие недостатки гражданского брака имеют значимость для Вас?

1. У людей, состоящих в гражданском браке, нет социального статуса

2. У людей, состоящих в гражданском браке, нет ощущения серьезности отношений

3. У людей нет ощущения стабильности своего положения

4. Это юридический риск

5. Против такой формы брака обычно активно возражают родители – мои и (или) моего партнера

6. У гражданского брака нет недостатков

7. Другое

Определилось две значимые зависимости интервальных параметров от данного номинального.

1. Зависимость интервального параметра «Отношение к гражданскому браку (X01)» от номинального параметра «Недостатки гражданского брака. (G09)»:

Коэффициент силы связи = 0.72

Стратегия выявления связи ‘min-max’, ответы:

max 5360 У гражданского брака нет недостатков (G09-6)

min -3502 У людей состоящих в гражданском браке нет ощущения серьезности отношений (G09-02)

2. Зависимость интервального параметра «Приемлемость гражданского брака как формы отношений (X02)» от номинального параметра «Недостатки гражданского брака. (G09)»:

Коэффициент силы связи = 0.72

Стратегия выявления связи ‘min-max’, ответы:

max 5268 У гражданского брака нет недостатков (G09-6)

min -3573 У людей состоящих в гражданском браке нет ощущения серьезности отношений (G09-02)

Таким образом, появляется возможность анализировать связи одновременно и в единой системе мер между интервальными и номинальными переменными. В статье рассмотрены примеры, позволяющие без широкого описания, продемонстрировать метод анализа причинно-следственных связей.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 13-06-00525а

Список литературы:

1. Андреева Т. В. Психология современной семьи: монография. Санкт-Петербург: Речь, 2005. – С. 19.

2. Басимов М.М. Нелинейная социология: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 120 с.

3. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.

4. Басимов М.М. Методы множественного сравнения в психологических исследованиях // Методы исследования психологических структур и их динамики. Выпуск 3. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. – С. 128-157.

5. Басимов М.М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. Москва-Воронеж, 2008. – 432 с.

6. Басимов М.М. Математические методы в психологических исследованиях: Монография. – Курган: Курганский гос. ун-т, 2011. – 183 с.

7. Басимов М.М. Социологические и психологические методы изучения политических предпочтений // Коллективная монография Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 525 с.: ил. – (Политология России). – С. 474-491.

8. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociologcal Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 906.

9. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociologcal Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 684.

10. Basimova P.M., Basimov M.M. Approval of a marriage between representatives of different nationalities in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociologcal Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 1346.

11. Basimov M.M. The analysis of the data in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociologcal Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 988-989.

12. Basimov M.M. Nominal variables as external factors of the group for multiple comparison of interval variables // European Society or European Societies: a View from Russia / Ed. by V.A.Mansurov. – M.: Maska, 2009. – C. 185-188 p.

13. Basimov M.M. Non-linearity and synergism in sociological research // European Society or European Societies: a View from Russia / Ed. by V.A.Mansurov. – M.: Maska, 2009. – C. 196-199 p.

14. Basimov, Mikhail M. Demographic Plans of Inhabitants of Region as an Object of Synergetics // Russian Sociology in Turbulent Times / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2011. – P. 208-223.

15. Basimov M.M. Method of multiple comparison in sociology // Russian Sociology on the Move / Ed. by V.A.Mansurov. – Moscow: RSS, 2010.

16. Basimov M.M. Family as the object of research of non-linear sociology Russian Sociology on the Move / Ed. by V.A.Mansurov. – Moscow: RSS, 2010.

17. Basimov M.M. Analysis of statistical dependences in sociological research // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.

18. Basimov M.M. Non-linearity and synergism in sociology of profession // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.

19. Basimov M.M. Depending the responses in sociology of profession on the psychological type of respondent // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.

ОЦЕНКА ГРАЖДАНСКОГО БРАКА КАК ФОРМЫ ОТНОШЕНИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

М.М. Басимов –
д.псих.н., доцент, профессор
кафедры психологии труда и
служебной деятельности Российского
государственного социального
университета

“Нелинейность” – фундаментальный концептуальный узел новой (синергетической) парадигмы, в том числе, и социологического исследования. Можно даже сказать, что новая парадигма есть парадигма нелинейности [17].

Но при этом можно отметить, что большинство социологов крайне далеки от концепции нелинейности в социологии, и это подтверждает последний европейский конгресс “11th Conference of the European Sociological Association 2013 (Torino)”, в тезисах которого “non-linear” или “nonlinear” как слово или часть слова встречается (кроме наших материалов [18, 19, 20, 21] только в 10 тезисах (всего около 3000 тезисов). При этом чаще это общие фразы о нелинейности и авторы далеки от конкретной реализации этой концепции.

Используя авторский подход к понятию статистической связи (нелинейной, линейной) [3, 5] в социологических исследованиях посредством реализации обобщенного варианта метода множественного сравнения [2, 4] для квантильных разбиений (триады, кварты, квинты) данных по каждому измеряемому параметру, отказываясь от предварительного выдвижения гипотезы о форме зависимости (линейная или какой-то конкретный вид нелинейной зависимости), для изучаемой матрицы данных можно определить как формы зависимостей, так и степени их выраженности на различных отрезках шкал рассматриваемых переменных [6, 7]. При реализации данного метода изучения связей вычисляются сравнительные весомости параметров Y для кварт (триад, квинт) по шкалам X (зависимость Y от X) и сравнительные весомости параметров X для кварт (триад, квинт) по шкалам Y (зависимость X от Y).

Изучение нелинейных связей по авторскому методу [22] ранее апробировалось в различных по содержанию социологических исследованиях: социология молодой семьи [14, 25], демографические планы населения [15, 24], социология профессий [23], здоровье и здравоохранение [16], политическая социология [1] и т.д.

Кроме того, изучение нелинейных связей по авторскому методу [6, 7] апробировалось также в различных психологических исследованиях, представляющих разноплановые области психологической науки: психология

дошкольников и подростков [8, 9], этнопсихология [10, 11], психология профессий [12], психология стресса [13] и т.д.

Линейные зависимости по определению симметричные, и для них не важно, что является причиной (независимая переменная), а что следствием (зависимая переменная). Это определяется по воле исследователя, и часто диктуется интересами исследователя, его концепцией и моделью, его теоретическими доводами, субъективными взглядами на предмет исследования. Корреляционный метод и линейные связи, им выявляемые, не дают возможности выбирать направление связи. Причина и следствие в этом случае равноправны и могут интерпретироваться произвольно по воле исследователя.

В рассматриваемом социологическом исследовании изучались отношения к институту “гражданского брака”, а также политические предпочтения студенческой молодежи.

Брак – особый общественный институт для регулирования отношений между его гражданами. Это исторически обусловленная, санкционированная и регулируемая обществом форма отношений между полами, между мужчиной и женщиной, устанавливающая их права и обязанности по отношению друг к другу и к детям, своему потомству. Другими словами, брак – традиционное средство формирования семьи и общественного контроля за ней, один из способов самосохранения и развития общества.

Однако одной из характеристик современного российского общества принято считать распространение незарегистрированных союзов, которые в народе обозначают как “гражданский брак”. Под “гражданским браком” понимается – сожительство, или фактический брак, или незарегистрированный брак – отношения между партнёрами – “супругами”, не оформленные в установленном законом порядке. Отношение общества к гражданским бракам становится все более лояльным, поэтому такая форма отношений стала распространенной.

Среди нелинейных связей для качественного анализа мы отбираем только те случаи, когда наши коэффициенты силы связи SV>0.5, а линейные корреляции по модулю в 2 и более раза их меньше (близки к нулю).

Рассмотрим три зависимости в которых параметры отношения к институту «гражданского брака» определяются как следствия либо интереса к политике, либо субъективной оценки своего материального положения. Одна зависимость – это зависимость с максимумом (причина – политика), а две другие – это убывающие монотонные зависимости (причина – оценки материального положения).

1. Зависимость параметра «Отношение к гражданскому браку» (Y) от параметра “Интерес к политике” (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (Y= +137); X-2 (Y= +1337); X-3 (Y= -189); X-4 (Y= -1507)

Коэффициент силы связи = 0.88 (0.49)

Коэффициент корреляции = -0.38

Начальный рост положительного отношения к политике, начало формирования интереса к ней способствуют формированию более лояльного отношения к гражданскому браку как форме отношений между мужчиной и женщиной (с +127 до +1337 по сравнительной весомости). Но в дальнейшем интерес к политике начинает менять отношение к институту гражданского брака на противоположное: вначале при переходе со 2 кварты на 3-ю изменение в негативную сторону (неприятие) до значений близких к первоначальным (с +1337 до -189 по сравнительной весомости), а в дальнейшем наблюдается еще более значительное отрицание института гражданского брака до значений значительно меньших (-1507), чем первоначальные (+137).

Таким образом, наряду с максимумом (+1337) на второй кварте мы наблюдаем общую отрицательную динамику зависимого параметра (с +137 до -1507), т.е. интерес к политике только на первом этапе своего формирования качает молодого человека к принятию формы отношений в виде гражданского брака, а в дальнейшем более серьезный интерес к политике, дает совершенно противоположный результат. Это проявляется и в отрицательном значении коэффициента корреляции (-0.38), который хотя и невелик по величине, но все-таки далеко ненулевой (зависимость монотонная).

Обратная зависимость также присутствует (коэффициент силы связи = 0.49), но она все-таки сильно уступает по величине коэффициента связи прямой зависимости – зависимости параметра «Отношение к гражданскому браку» от параметра «Интерес к политике». Интерес к политике является вэтой зависимости скорее причиной, чем следствием, и, значит, его полезно формировать у молодого поколения.

2. Зависимость параметра «Отношение к гражданскому браку» (Y) от параметра “Субъективная оценка своего материального положения” (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (Y= +2215); X-2 (Y= +484); X-3 (Y= +477); X-4 (Y= -470)

Коэффициент силы связи = 0.58 (0.18)

Коэффициент корреляции = -0.17

Субъективная оценка своего материального положения также выступает как причина положительного или отрицательного отношения к институту “гражданского брака”. Безусловное принятие гражданского брака (сравнительная весомость = +2215) свойственно респондентам с низкой субъективной оценкой своего материального положения (1 кварта). Для кварт более высоких субъективных оценок своего материального положения (2-4 кварты) положительное отношение (явное одобрение) к “гражданскому браку” сменяется вначале умеренно положительным (2 кварта: +484, 3 кварта: +477) отношением, а затем умеренно отрицательным (4 кварта: -470 по шкале сравнительной весомости).

Таким образом, зависимость монотонная убывающая, но далекая от линейной (коэффициент корреляции = -0.17): с увеличением субъективной оценки своего материального положения происходит смена положительного отношения к гражданскому браку на отрицательное, но линейная корреляция не представляет интереса для интерпретации. Кроме того, следует отметить явную односторонность зависимости, причина – это субъективная оценка своего материального положения, т.е. материальная сторона жизни, и не наоборот.

Следующая зависимость аналогична рассмотренной, где зависимый параметр по содержанию родственный параметру Y предыдущей зависимости, что в свою очередь подчеркивает неслучайность этих двух зависимостей, достоверность опросных данных.

3. Зависимость параметра “Приемлемость гражданского брака как формы отношений” (Y) от параметра “Субъективная оценка своего материального положения” (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (Y= +2223); X-2 (Y= +585); X-3 (Y= +183); X-4 (Y= -1405)

Коэффициент силы связи = 0.79 (0.49)

Коэффициент корреляции = -0.27

Зависимость как и предыдущая монотонная убывающая, далекая от линейной (коэффициент корреляции = -0.27), но при этом следует отметить, что если первые кварты двух зависимостей (наибольшие значения зависимого параметра) определяют примерно одинаковые его значения (+2215 и +2223), то представители 4 кварты (субъективно высоко оценивающие в сравнении с другими свое материальное положение) в еще большей степени отрицательно оценивают приемлемость гражданского брака как формы отношений (-1405), чем просто отношение к институту гражданскому браку (-470).

Рассмотренные зависимости не вписываются в линейные модели и дают повод синергетического взгляда на сложные процессы социальной и политической жизни общества. Нелинейная социология – это новый подход к изучению социологических явлений, ставящий своей главной задачей изучение специфически нелинейных свойств социальных явлений.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 13-06-00525а

Список литературы:

1. Басимов М.М. Социологические и психологические методы изучения политических предпочтений // Коллективная монография Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 525 с.: ил. – (Политология России). – С. 474-491.

2. Басимов М.М. Методы множественного сравнения в психологических исследованиях // Методы исследования психологических структур и их динамики. Выпуск 3. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. – С. 128-157.

3. Басимов М.М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. Москва-Воронеж, 2008. – 432 с.

4. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.

5. Басимов М.М. Нелинейная социология: Монография. – Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 120 с.

6. Басимов М.М. Математические методы в психологических исследованиях: Монография. – Курган: Курганский гос. ун-т, 2011. – 183 с.

7. Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods). Monograph. – Germany, Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 185 p.

8. Басимов М.М. Учет нелинейных связей при освоении дошкольниками программы «Развитие» // Мир психологии. – 2007. – №2. – С. 83-93.

9. Басимов М.М. Психологическая типологизация старшеклассников (старших подростков и юношей) по фактору успеваемости в школах нового типа // Мир психологии. – 2007. – №4. – С. 142-158.

10. Басимов М.М., Хромов А.Б. Типология зависимостей между параметрами отношений к жизненным трудностям и проблемам в различных этнических группах // Мир психологии. – 2009. – №2. – С. 209-222.

11. Басимов М.М., Хромов А.Б. Актуальные жизненные проблемы в оценках студентов России, Индии и США // Ученые записки РГСУ. – 2010. – №2. – С. 140-155.

12. Басимов М.М. Требования к профессии как объект синергетики // Акмеология, Научно-практический журнал. – 2011. – №3 (специальный выпуск). – С. 54-57.

13. Басимов М.М., Достовалов С.Г. Исследование стресса в нелинейной психологии // Акмеология, Научно-практический журнал. – 2011. – № 3 (специальный выпуск). – С. 57-61.

14. Басимов М.М. Семья и демография в нелинейной социологии // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып.5. Ч.I. Пивоваров Ю.С. (отв.ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – С. 522-528.

15. Басимов М.М. Демографические планы жителей региона как объект синергетики // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 6. Часть 2. Редкол.: Пивоваров Ю.С. (отв. Ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН. 2011. – С. 195-203.

16. Басимов М.М. Здоровье и здравоохранение в демографическом исследовании как объект синергетики // Общество и здоровье: современное состояние и тенденции развития: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 19-20 сент. 2013 г.). – М., 2013. – С. 119-128.

17. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Синергетическое мировидение. М.: КомКнига, 2005. – 240 с.

18. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociologcal Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 906.

19. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociologcal Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 684.

20. Basimova P.M., Basimov M.M. Approval of a marriage between representatives of different nationalities in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociologcal Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 1346.

21. Basimov M.M. The analysis of the data in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociologcal Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 988-989.

22. Basimov M.M. Analysis of statistical dependences in sociological research // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.

23. Basimov M.M. Non-linearity and synergism in sociology of profession // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.

24. Basimov, Mikhail M. Demographic Plans of Inhabitants of Region as an Object of Synergetics // Russian Sociology in Turbulent Times / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2011. – P. 208-223.

25. Basimov M.M. Family as the object of research of non-linear sociology Russian Sociology on the Move / Ed. by V.A.Mansurov. – Moscow: RSS, 2010.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ МОЛОДЕЖИ КАК СЛЕДСТВИЕ СУБЪЕКТИВНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СВОЕМ МАТЕРИАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ

М.М. Басимов –
д.псих.н., доцент, профессор
кафедры психологии труда
и служебной деятельности Российского
государственного социального
университета

Политические предпочтения — это взвешенные диспозиции. В их основе лежит рациональный выбор, осмысленное отношение к политической действительности. Эмоциональные компоненты установки здесь присутствуют, но они дифференцированы по шкале: больше — меньше, сильнее — слабее. На этом уровне человек понимает свою позицию в поле политики, ее отличие от других позиций, а также степень близости или отдаленности этих позиций от своей собственной. Политические ориентации представляют собой обоснование предпочтений с точки зрения усвоенной человеком системы ценностей. Они связаны с убеждениями людей относительно целей и средств действия властей, политических партий и лидеров. На основе этих убеждений люди принимают решения о поддержке политического курса или о противодействии ему, об участии или неучастии в выборах, о поддержке определенной партии и кандидата на выборах.

“Нелинейность” – фундаментальный концептуальный узел новой (синергетической) парадигмы, в том числе, и социологического исследования. Можно даже сказать, что новая парадигма есть парадигма нелинейности [17].

Но при этом можно отметить, что большинство социологов крайне далеки от концепции нелинейности в социологии, и это подтверждает последний европейский конгресс “11th Conference of the European Sociological Association 2013 (Torino)”, в тезисах которого “non-linear” или “nonlinear” как слово или часть слова встречается (кроме наших материалов [18, 19, 20, 21] только в 10 тезисах (всего около 3000 тезисов). При этом чаще это общие фразы о нелинейности и авторы далеки от конкретной реализации этой концепции.

Используя авторский подход к понятию статистической связи (нелинейной, линейной) [3, 5] в социологических исследованиях посредством реализации обобщенного варианта метода множественного сравнения [2, 4] для квантильных разбиений (триады, кварты, квинты) данных по каждому измеряемому параметру, отказываясь от предварительного выдвижения гипотезы о форме зависимости (линейная или какой-то конкретный вид нелинейной зависимости), для изучаемой матрицы данных можно определить как формы зависимостей, так и степени их выраженности на различных

отрезках шкал рассматриваемых переменных [6, 7]. При реализации данного метода изучения связей вычисляются сравнительные весомости параметров Y для кварт (триад, квинт) по шкалам X (зависимость Y от X) и сравнительные весомости параметров X для кварт (триад, квинт) по шкалам Y (зависимость X от Y).

Изучение нелинейных связей по авторскому методу [22] ранее апробировалось в различных по содержанию социологических исследованиях: социология молодой семьи [14, 25], демографические планы населения [15, 24], социология профессий [23], здоровье и здравоохранение [16], политическая социология [1] и т.д.

Кроме того, изучение нелинейных связей по авторскому методу [6, 7] апробировалось также в различных психологических исследованиях, представляющих разноплановые области психологической науки: психология дошкольников и подростков [8, 9], этнопсихология [10, 11], психология профессий [12], психология стресса [13] и т.д. Линейные зависимости по определению симметричные, и для них не важно, что является причиной (независимая переменная), а что следствием (зависимая переменная). Это определяется по воле исследователя, и часто диктуется интересами исследователя, его концепцией и моделью, его теоретическими доводами, субъективными взглядами на предмет исследования. Корреляционный метод и линейные связи, им выявляемые, не дают возможности выбирать направление связи. Причина и следствие в этом случае равноправны и могут интерпретироваться произвольно по воле исследователя.

В рассматриваемом социологическом исследовании изучались отношения к институту “гражданского брака”, а также политические предпочтения студенческой молодежи.

Среди нелинейных связей для качественного анализа мы отбираем только те случаи, когда наши коэффициенты силы связи SV>0.5, а линейные корреляции по модулю в 2 и более раза их меньше (близки к нулю).

Рассмотрим четыре зависимости в которых независимым параметром является такой важный для каждого человека субъективный показатель как “Субъективная оценка своего материального положения”, т.е. как человеку представляется его материальное благополучие, доволен или нет он им. Зависимые параметры – это параметры политических предпочтений. Характерной особенностью представленных зависимостей – это наличие одной кварты независимого параметра, для которой сравнительная весомость зависимого параметра значительно превосходит все остальные.

1. Зависимость параметра “**Интерес к политике**» (Y) от параметра “**Субъективная оценка своего материального положения**» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (Y= -2124); X-2 (Y= -225); X-3 (Y= -247); X-4 (Y= +797)

Коэффициент силы связи = 0.65 (0.19)

Коэффициент корреляции = 0.17

Субъективная оценка своего материального положения выступает как причина для такого нейтрального к различным политическим силам параметра как «Интерес к политике». Безусловное отсутствие интереса к политике (сравнительная весомость = -2124) наблюдаем у молодых респондентов с низкой субъективной оценкой своего материального положения (1 кварта). Для кварт более высоких субъективных оценок своего материального положения (2-4 кварты) картина постепенно выправляется: 2 и 3 кварты среднего уровня оценивания своего материального положения по интересу кполитике приближаются к нулевой сравнительной весомости (-225 и -245). А вот явный интерес к политике является следствием высокого уровня субъективной оценки своего материального положения (+797). Хотя при этом антипатия к политике при низкой оценке материального положения (-2124) значительно более существенная, чем интерес к политике при высокой оценке материального положения (+797).

Таким образом, зависимость практически монотонная возрастающая, но далекая от линейной (коэффициент корреляции = 0.17): с увеличением субъективной оценки своего материального положения происходит рост интереса к политике, но линейная корреляция при этом не представляет интереса для интерпретации. Кроме того, следует отметить явную односторонность зависимости, причина – это однозначно субъективная оценка своего материального положения, т.е. материальная сторона жизни, и не наоборот. Сила связи обратной зависимости (0.19) значительно меньше силы связи прямой (0.65) зависимости.

2. Зависимость параметра «**Отношение к партии Единая Россия**» (Y) от параметра “**Субъективная оценка своего материального положения**» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (Y= -167); X-2 (Y= +363); X-3 (Y= -459); X-4 (Y= +1752)

Коэффициент силы связи = 0.78 (0.62)

Коэффициент корреляции = 0.02

Субъективная оценка своего материального положения выступает как причина положительного или отрицательного отношения к партии власти Единая Россия. Безусловное принятие партии Единая Россия (сравнительная весомость = +1752) наблюдаем у молодых респондентов с высокой субъективной оценкой своего материального положения (4 кварта). Для первых трех кварт оценок своего материального положения картина совершенно другая: колебание зависимого параметра вблизи нулевой сравнительной весомости (-167, +363, -459), после чего на 4 кварте наблюдается резкий скачек в положительном отношении к партии власти (+1752).

В отличие от предыдущей зависимости связь практически симметричная: коэффициенты силы связи прямой и обратной зависимости

мало отличаются друг от друга (0.78 и 0.62). Но, несмотря на симметричный характер связи она крайне далека от линейной (коэффициент корреляции = 0.02). Причина и следствие для данной пары параметров явно не определяются, что является редкостью для нелинейных зависимостей.

3. Зависимость параметра «**Отношение к партии Яблоко**» (Y) от параметра “**Субъективная оценка своего материального положения**» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (Y= +1936); X-2 (Y= -170); X-3 (Y= +57); X-4 (Y= -130)

Коэффициент силы связи = 0.55 (0.06)

Коэффициент корреляции = -0.04

Субъективная оценка своего материального положения также выступает как причина положительного или отрицательного отношения к оппозиционной партии “Яблоко”, но при этом картина противоположная. Безусловное принятие партии “Яблоко” (сравнительная весомость = +1936) наблюдаем у молодых респондентов с низкой субъективной оценкой своего материального положения (1 кварта). Для следующих трех кварт оценок своего материального положения наблюдаются лишь незначительные колебания вблизи нулевой сравнительной весомости (-170, +57, -130). Отметим явную односторонность зависимости, причина – это однозначно субъективная оценка своего материального положения, т.е. материальная сторона жизни, и не наоборот. Сила связи обратной зависимости (0.06) значительно меньше силы связи прямой (0.55) зависимости. Значит, положительное отношение к партии “Яблоко”, причем очень сильное, формируется только у молодых респондентов, чья субъективная оценка своего материального положения находится на низком уровне, а не наоборот, когда отношение к партии влияет на другой параметр. Линейная корреляция для данной пары параметров интереса не представляет (-0.04).

4. Зависимость параметра «**Отношение к Г.А. Зюганову**» (Y) от параметра “**Субъективная оценка своего материального положения**» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (Y= +1428); X-2 (Y= -62); X-3 (Y= -526); X-4 (Y=-49)

Коэффициент силы связи = 0.53 (0.27)

Коэффициент корреляции = -0.13

Похожим образом субъективная оценка своего материального положения выступает как причина положительного или отрицательного отношения к другой оппозиционной партии КПРФ, но при этом наблюдается существенное отрицательное отношение (-526) к партии КПРФ для респондентов 3 кварты независимого параметра, т.е. зависимость можно определить как зависимость с минимумом на 3 кварте и максимальным значением на 1 кварте. Таким образом, наблюдается убывание зависимого параметра с 1 по 3 кварту (с +1428 до -526 по сравнительной весомости), но потом для 4 кварты с высоким уровнем субъективной оценки своего материального положения происходит

переход к более доброжелательному (нейтральному) отношению к партии КПРФ, после явно отрицательного отношения (-526) для представителей 3 кварты независимого параметра.

Таким образом, безусловное принятие партии КПРФ (сравнительная весомость = +1428) наблюдается, как и в случае партии “Яблоко”, у молодых респондентов с низкой субъективной оценкой своего материального положения (1 кварта), хотя это положительное отношение оценивается в меньшей степени (+1428), чем у партии “Яблоко” (+1936).

Отметим также явную односторонность зависимости, причина – это однозначно субъективная оценка своего материального положения, т.е. материальная сторона жизни, и не наоборот. Сила связи обратной зависимости (0.27) значительно меньше силы связи прямой (0.53) зависимости. Значит, положительное отношение к партии КПРФ, причем очень сильное, формируется только для молодых респондентов, чья субъективная оценка своего материального положения находится на низком уровне, а не наоборот, когда отношение к партии влияет на другой параметр. Линейная корреляция для данной пары параметров интереса не представляет (-0.13).

Рассмотренные зависимости не вписываются в линейные модели и дают повод синергетического взгляда на сложные процессы социальной и политической жизни общества. **Нелинейная социология** – это новый подход к изучению социологических явлений, ставящий своей главной задачей изучение специфически нелинейных свойств социальных явлений.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 13-06-00525а

Список литературы:

1. Басимов М.М. Социологические и психологические методы изучения политических предпочтений // Коллективная монография Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 525 с.: ил. – (Политология России). – С. 474-491.

2. Басимов М.М. Методы множественного сравнения в психологических исследованиях // Методы исследования психологических структур и их динамики. Выпуск 3. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. – С. 128-157.

3. Басимов М.М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. Москва-Воронеж, 2008. – 432 с.

4. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.

5. Басимов М.М. Нелинейная социология: Монография. – Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 120 с.

6. Басимов М.М. Математические методы в психологических исследованиях: Монография. – Курган: Курганский гос. ун-т, 2011. – 183 с.

7. Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods). Monograph. – Germany, Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 185 p.

8. Басимов М.М. Учет нелинейных связей при освоении дошкольниками программы «Развитие» // Мир психологии. – 2007. – №2. – С. 83-93.

9. Басимов М.М. Психологическая типологизация старшеклассников (старших подростков и юношей) по фактору успеваемости в школах нового типа // Мир психологии. – 2007. – №4. – С. 142-158.

10. Басимов М.М., Хромов А.Б. Типология зависимостей между параметрами отношений к жизненным трудностям и проблемам в различных этнических группах // Мир психологии. – 2009. – №2. – С. 209-222.

11. Басимов М.М., Хромов А.Б. Актуальные жизненные проблемы в оценках студентов России, Индии и США // Ученые записки РГСУ. – 2010. – №2. – С. 140-155.

12. Басимов М.М. Требования к профессии как объект синергетики // Акмеология, Научно-практический журнал. – 2011. – №3 (специальный выпуск). – С. 54-57.

13. Басимов М.М., Достовалов С.Г. Исследование стресса в нелинейной психологии // Акмеология, Научно-практический журнал. – 2011. – № 3 (специальный выпуск). – С. 57-61.

14. Басимов М.М. Семья и демография в нелинейной социологии // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып.5. Ч.I. Пивоваров Ю.С. (отв.ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – С. 522-528.

15. Басимов М.М. Демографические планы жителей региона как объект синергетики // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 6. Часть 2. Редкол.: Пивоваров Ю.С. (отв. Ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН. 2011. – С. 195-203.

16. Басимов М.М. Здоровье и здравоохранение в демографическом исследовании как объект синергетики // Общество и здоровье: современное состояние и тенденции развития: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 19-20 сент. 2013 г.). – М., 2013. – С. 119-128.

17. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Синергетическое мировидение. М.: КомКнига, 2005. – 240 с.

18. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociologcal Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 906.

19. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociologcal Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 684.

20. Basimova P.M., Basimov M.M. Approval of a marriage between representatives of different nationalities in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociologcal Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 1346.

21. Basimov M.M. The analysis of the data in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociologcal Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 988-989.

22. Basimov M.M. Analysis of statistical dependences in sociological research // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.

23. Basimov M.M. Non-linearity and synergism in sociology of profession // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.

24. Basimov, Mikhail M. Demographic Plans of Inhabitants of Region as an Object of Synergetics // Russian Sociology in Turbulent Times / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2011. – P. 208-223.

25. Basimov M.M. Family as the object of research of non-linear sociology Russian Sociology on the Move / Ed. by V.A.Mansurov. – Moscow: RSS, 2010.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

М.В. Батырева –
к.социол.н., доцент,
доцент кафедры общей и экономической социологии
Тюменского государственного университета

М.Н. Мокина –
магистрант кафедры общей и экономической социологии
Тюменского государственного университета

Выбор профессии в юношеские годы – проблема для социологии не новая. Профессиональное самоопределение – это выбор не только определенной профессии, но и выбор всей жизни.

Эта проблема стояла перед молодежью всегда, а сегодня она особенно актуальна, так как быстро изменяющиеся условия рынка труда ведут к тому, что большинство выпускников не имеют ясной жизненной перспективы.

Многие молодые люди поступают учиться по специальностям, не соответствующим их индивидуальным склонностям и способностям. О множестве новых профессий молодежь практически не имеет информации, традиционные профессии требуют от современного молодого человека умения быстро перестроиться. Неудачное профессиональное самоопределение и недостаточная самореализация могут стать причиной многих психологических, жизненных проблем, поэтому данному вопросу необходимо уделять должное внимание. Кроме того, огромный информационный поток зачастую не только не помогает старшекласснику при выборе профессии, но и вводит его в состояние растерянности, неопределенности.

Проблема исследования состояла в необходимости изучения проблем профессиональной ориентации городских и сельских старшеклассников, а также влияющих на них факторов, и последующей разработке мероприятий по профориентационной работе со школьниками.

Цель выпускной квалификационной работы заключалась в выявлении и анализе особенностей профессионального самоопределения современных старшеклассников, проживающих в городе и на селе.

По окончанию исследования профессионального самоопределения были даны рекомендации по решению обозначенной проблемы.

Необходимо отметить, что в ходе данного исследования старшеклассники 10-11-ых классов СОШ № 50 г. Курган и КСОШ № 4 пгт Каргаполье были определены как объект исследования, а особенности профессионального самоопределения учеников 10-11-ых классов СОШ № 50 г. Курган и КСОШ № 4 пгт Каргаполье как предмет.

Исследование было направлено на получение практических результатов о профессиональном самоопределении старшеклассников и факторов, которые на него влияют.

На данном этапе исследования была применена целевая выборка, которая позволила выделить целевые группы, а именно учащихся 10-ого и 11-ого классов МОУ «СОШ №50» г. Курган и КСОШ№4 пгт Каргаполье. В общей сложности объем выборочной совокупности составил 200 человек.

Метод сбора информации по исследованию профессионального самоопределения старшеклассников – анкетирование.

По результатам исследования большинство старшеклассников (79 %) стремится поступить в высшие учебные заведения. Многие (58%) настроены, сначала, попробовать поступить на бюджетной основе, но если не получится, то готовы учиться и платно. Важно отметить и тот факт, что немалое количество старшеклассников уверено в своих силах, так как среди респондентов был популярен ответ «только на бюджет», так ответили 36% городских и 22% сельских старшеклассников. Кроме того, абсолютное большинство (94% опрошенных) хотят учиться на очной форме обучения.

На сегодняшний день, как, впрочем, и несколько лет назад, наиболее популярными профессиями среди молодежи остаются юрист, экономист, бухгалтер, врач. Кроме того, прослеживается интерес у старшеклассников к таким специальностям, как учитель начальных классов, товаровед, автомеханик, программист, следователь, а также специальности, связанные с нефтегазовым делом. Менее популярны такие направления, как хоровое дирижирование, радиотехнические средства передачи, приема и обработки сигналов, а также специальности: специалист по зарубежному регионоведению, специалист по работе с молодежью.

Одна из гипотез исследования: «на большинство сельских школьников 10-11-ого классов оказывает влияние позиция старших членов семьи или лиц, их заменяющих» частично подтвердилась. Действительно, родители оказывают серьезное влияние на профессиональный выбор как сельских, так и городских школьников (34 %). Но все же, учащиеся уже стремятся самостоятельно подходить к решению данного вопроса (25 %), поэтому также был популярен ответ: «никто, сам(а) принимал(а) решение». Даже друзья, сверстники оказывают незначительное влияние на профессиональный выбор друг друга (9 %), учителя, педагоги (8 %), взрослые знакомые (8 %), СМИ (7 %), специалист по профорентации (3 %), классный руководитель (3 %) и психолог (3 %). Можно сделать вывод, что современный школьник чаще самостоятелен

в своем выборе, скорее всего именно поэтому, уже после окончания школы почти у каждого уже есть свои личные профессиональные планы.

Городские и сельские школьники одинаково оценивают уровень своих способностей и умений в профессиональном плане: большинство респондентов оценило его как «средний», каждый пятый – как «высокий», лишь незначительное количество старшеклассников оценивают уровень своих способностей и умений как «низкий» (2 % сельских старшеклассников).

Большинство учащихся 10-11 классов осведомлены о правилах поступления в учебное заведение, которое они выбрали. Однако не все владеют информацией, так как каждый третий городской школьник (28%) не знает или, скорее всего, не знает, правила поступления в учебное заведение, которое он выбрал. В пгт Каргаполье всего лишь каждый десятый старшеклассник (12%) не осведомлен о том, какие документы нужны при поступлении в учебное заведение, в какие, сроки их необходимо предоставить и в какой форме.

На выбор профессии влияют множество причин. Одним из них можно назвать желание добиться уважения со стороны окружающих. По результатам исследования можно отметить, что уровень притязаний на общественное мнение у сельских школьников намного выше по сравнению с городскими выпускниками 10-ого и 11-ого классов.

Также важную роль при выборе профессии играют такие мотивы, как «наличие способностей, склонностей к определенному виду деятельности» (70 % старшеклассников), «интерес к профессии» (87 % респондентов), «желание приносить пользу обществу» (86 % сельских школьников и 68 % городских), «стремление к самосовершенствованию» (83% старшеклассников).

Кроме перечисленных мотивов был отмечен и такой как «желание добиться определенного уровня материальной обеспеченности», который оказывает значительное влияние на профессиональное самоопределение старшеклассников, как проживающих в пгт Каргаполье (его отметили 56 % опрошенных), так и проживающих в г. Курган (36 %). Кроме того, 22% сельских школьников отметили, что данный мотив, «пожалуй, оказывает влияние», также считают 32 % городских старшеклассников.

Гипотеза «сельские школьники чаще руководствуются мотивами, связанными со стабильностью существования, нежели городские» подтвердилась. Интересен тот факт, что среди сельских школьников нет ни одного старшеклассника, на которого данный мотив бы не повлиял. Каждый второй сельский школьник (54 %) отметил, что такой мотив, как гарантия занятости, оказывает решающее влияние при выборе профессии, в то время как каждый четвертый сельский старшеклассник (24 %) отметил, что гарантия занятости, «пожалуй, влияет» на его профессиональное самоопределение. На городских старшеклассников данный мотив также оказывает значительное влияние (60 %).

В процессе профессионального самоопределения старшеклассники руководствуются мотивами, связанными со средой общения. Поэтому был выделен такой мотив, как «стремление приобрести определенный круг общения, знакомств». Данный мотив также не остался без внимания школьников, так как «оказал решающее влияние» при выборе профессии на 42% старшеклассников. 22% отметили, что стремление приобрести определенный круг общения, знакомств, «пожалуй, повлияло» на их профессиональное самоопределение. Последняя гипотеза не подтвердилась, современные школьники стремятся к общению и взаимодействию с другими людьми.

Кроме того, профессиональное самоопределение городских и сельских школьников было изучено еще одним методом, а именно анализ документов. Данный анализ был проводен на основании «Отчета о результатах самообследования деятельности МБОУ Средней общеобразовательной школы № 50» г. Курган и документа «Продолжение образования выпускников 11 классов МКОУ Каргапольская средняя общеобразовательная школа № 4» пгт Каргаполье за 2010 – 2011 г., 2011 – 2012 г. и 2012 – 2013 г.. В результате чего удалось отследить, в какие учебные заведения поступают школьники и на какие специальности чаще всего, то есть какую профессию стремятся приобрести.

На сегодняшний день, как впрочем, и несколько лет назад наиболее популярными профессиями среди молодежи остаются юрист, экономист, бухгалтер, врач. Даная тенденция прослеживается как среди городских, так и среди сельских школьников.

Кроме того, у городских школьников прослеживается интерес к таким специальностям, как таможенное дело, страхование, электроснабжение железных дорог, финансы и кредит, документоведение.

Интерес сельских школьников направлен на такие специальности, как налоги и налогообложение, менеджмент, землеустройство и кадастры, строительство, пожарная безопасность, машиностроение, технология продукции общественного питания, товаровед, педагогическое образование, а именно учитель математики, социальный педагог, следователь.

Таким образом, можно сделать вывод, что основная масса старшеклассников как городской СОШ № 50, так и сельской школы КСОШ № 4, стремится поступить в высшие учебные заведения г. Курган, г. Шадринск, г. Тюмень, г. Екатеринбург, г. Челябинск, г. Омск и городские школьники – г. Москва.

Кроме того, наиболее популярными вузами, как среди сельских, так и среди городских школьников являются: Курганский Государственный Университет (КГУ), Курганская государственная сельскохозяйственная академия имени Т.С.Мальцева (КГСХА) и Шадринский государственный педагогический институт (ШГПИ). Это можно объяснить тем, что выпускники не всегда готовы уехать далеко от родного дома, от своей семьи.

Вторые по популярности: Уральский федеральный университет (УрФУ, г. Екатеринбург), Тюменский государственный университет (ТюмГУ) и Академия труда и социальных отношений (АТиСО, г. Курган).

Третьи по популярности вузы среди выпускников СОШ № 50 и КСОШ № 4 были отмечены: Тюменский государственный нефтегазовый университет (ТГНУ), Тюменский государственный архитектурно-строительный университет (ТюмГАСУ).

Начальное профессиональное образование и профессиональное обучение сельские школьники обычно получают в ПУ № 23, пгт Каргаполье, а городские – в Курганском профессиональном училище № 5, Курганском профессиональном училище № 8, Курганском профессиональном училище № 11 и в Курганском профессиональном лицее №6, тем самым выпускникам не нужно менять свое место жительства (ни сельским, ни городским).

Небольшое количество выпускников обеих школ поступают в среднее специальные учебные заведения, такие как: Курганский базовый медицинский колледж, Курганский государственный колледж, Курганский областной колледж культуры, Курганский техникум машиностроения и металлообработки и Курганский торгово-экономический техникум.

Одним словом, выбор школьника зависит только лишь от него, от его способностей и его целеустремленности. Самое главное принять правильное решение, выбирая свою будущую профессию.

Проведенное исследование позволило разработать ряд рекомендаций, направленных на решение проблем, существующих в сфере профессионального самоопределения старшеклассников и совершение профориентационной работы:

Для эффективной профориентационной работы в каждой школе необходимо введение должности профконсультанта, в обязанности которого будет входить: проведение ознакомления школьников с профессиями, оказание помощи ученикам в профессиональном самоопределении, принятии обоснованного решения о выборе профессии, с учетом их психологических особенностей, потребностей, возможностей, состояния здоровья, перспектив развития профессиональных способностей, а также с учетом социально-экономической ситуации, сложившейся на рынке труда.

Профконсультанту необходимо создать в каждой школе информационную базу, в которой содержится перечень профессий, которые востребованы на данный момент с их краткими характеристиками, а также информацию о том, какие учебные заведения выпускают таких специалистов. Профконсультанту необходимо постоянно обновлять эту информационную базу и обеспечивать свободный доступ к ней учащихся.

Необходимо организовать систематическое изучение интересов, склонностей и способностей школьников для выявления и формирования мотивов профессионального выбора.

Важно осуществить регулярное взаимодействие с родителями выпускников, для того чтобы совместными усилиями помочь им сделать правильный профессиональный выбор.

Регулярно, не реже раза в месяц, начиная со средней ступени школы проводить экскурсии, поездки в учебные заведения, на производство, которые положительно влияют на школьников, так как у них возникает интерес познакомиться с различного рода специальностями, профессиями.

Необходимо организовать тесное взаимодействие профконсультанта, классных руководителей и учителей-предметников с тем, чтобы использовать в полной мере те возможности для профессионального информирования, которое предоставляет учебная программа.

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА БЕДНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В.П. Богданова –
к.пед.н, доцент
Тюменского государственного
нефтегазового университета

С.Д. Родионова –
начальник отдела по работе с семьей
Администрации г. Ноябрьск

Переход России к рыночным отношениям обернулся тотальным изменением стратификационной системы общества, повлекшим за собой рост числа бедных, и реабилитацией феномена бедности как объекта анализа и управления. Для исследователей, занимающихся разработкой эффективной программы мер, нацеленных на сокращение бедности, вопросы определения и измерения бедности являются ключевыми, так как ответы о масштабе, динамике, глубине, продолжительности и профиле российской бедности во многом зависят от того, что подразумевается под данной категорией. Бедность существует в любом обществе, но в различной форме, и до сих пор нет однозначного и общепринятого ее определения, так как по своей природе понятие бедности относительно, и оно постоянно изменяется.

Изучение бедности как социально-экономического явления на современном этапе развития России, выявило формирование социально-экономической поляризации и обострение проблем бедности населения. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в 2013 г. численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в России составила 15,6 млн. чел., или 11% населения. Несмотря на то, что доля населения с доходами ниже прожиточного минимума продолжает снижаться, проблема бедности и неравенства населения не утрачивает своей остроты. Так, в России между поколениями формируется воспроизводство бедности, в структуре бедных наблюдается рост семей с детьми. Концентрация детей в бедных семьях влечет за собой падение качества человеческого потенциала, а также формирование особой субкультуры бедности [6].

Особенностью российского профиля бедности является бедность среди работающего населения («работающие бедные»), которая сложилась в результате низкого уровня доходов от занятости населения, что свидетельствует о недостаточной эффективности программ по содействию занятости и изъянах в политике оплаты труда (Разумов,2002). По-прежнему

актуальной остается проблема преодоления экстремальной бедности населения, в частности, в области ликвидации голода и недоедания самых уязвимых групп населения.

Таким образом, в настоящее время главными причинами бедности и дефицита доходов в России является низкий уровень заработной платы на рынке труда, отсутствие работы у населения трудоспособного возраста, а также отсутствие адекватной социальной поддержки семей с детьми.

Так, анализ декомпозиции дефицита доходов на основе данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, 2010» подтверждает, что катализатором бедности является положение на рынке труда и слабая социальная поддержка бедных: 35% дефицита доходов обусловлены низкой заработной платой; 6% – слабой поддержкой зарегистрированных безработных; 22% – отсутствием работы у трудоспособных; 25% – слабой социальной поддержкой семей с детьми; 12% – остальными факторами [6].

Распространение бедности и социальной дифференциации населения в России приводят к неблагоприятным условиям воспроизводства рабочей силы, затрагивая такие составляющие, как здоровье, производительность труда, уровень образования и профессиональной подготовки. Важным является тот факт, что снижение качества рабочей силы ведет к ухудшению экономического потенциала общества, сокращению общественного труда, эффективности производства и, как следствие, приводит к замедлению темпов экономического роста.

Уровень и масштабы бедности влияют также на платежеспособность спроса населения, тем самым снижая емкость внутреннего рынка, так как бедное население будет предъявлять все меньший спрос на товары и услуги. В свою очередь, сужение внутреннего рынка под воздействием роста бедности населения приводит к сокращению общественного богатства, что вызывает цепную реакцию и усиливает дальнейший процесс обеднения населения.

Одним из последствий бедности является также социальная дезинтеграция населения. Значительный контингент бедных, оказавшихся лишенными или ограниченными в доступе к социально-экономическим ресурсам общества, впоследствии остаются в стороне от социально-экономической жизни общества. Это может привести к распаду общества, разъединению его элементов и разрушению социально-экономического единства страны.

Таким образом, бедность является не только экономической, но и общественно значимой проблемой, которая требует практических действий со стороны правительства в области ее сокращения.

В нормативных, правовых документах Российской Федерации понятия «бедность» и «малообеспеченность» употребляются как однозначные, но в социологических теориях наблюдается расхождение во

взглядах, определяющих данные понятия, что обусловлено историческими и социальными условиями. Таким образом, до середины XVIII в. общество состояло либо из очень богатых, либо из нищих и понятия «бедность» в то время не существовало. В эпоху Просвещения во время создания в европейском обществе социальных стандартов жизни, выяснилось, что некоторые люди не способны соответствовать этим стандартам. Очевидно, что не существует единого для всех стран определения бедности.

Прав А.А. Подузов, когда пишет, что бедность в разных странах качественно неоднородна и не существует «общепринятого, научно обоснованного определения бедности, справедливого для всех времен и народов» [3, с.107]. То есть различные исторические эпохи, особенности технического и общественного устройства, политические системы и уровни культуры накладывают свой отпечаток на понимание состояния бедности и малообеспеченности. Таким образом, в данном параграфе автор попыталась раскрыть понятие бедность, сопоставив его с другими экономико-социологическими понятиями, определяющими материальный и социальный уровень жизни населения.

Для более полного определения понятия «бедность» необходимо обратиться к его этимологии. Слово «бедный» общеславянское, производное от слова «беда». В этимологическом словаре русского языка дано следующее определение: «бедный – вынужденный подчиниться силе», «несчастный» [7, с. 35].

Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля трактует так понятие бедный – «убогий, неимущий, скудный, недостаточный, нужный, т.е. нуждающийся. Если говорить о человеке – небогатый человек, у кого нет достатка, имущества и средств для жизни. Состояние бедного – недостаточность, убожество, скудость, нищета, голь, нагота» [2]. Современный экономический словарь определяет бедность как «крайнюю недостаточность имеющихся у человека, семьи, региона, государства имущественных ценностей, товаров, денежных средств для нормальной жизни и жизнедеятельности» [4].

По определению Всемирного банка бедность – состояние человека (части населения), характеризующееся низким уровнем доходов и потребления, образования, недостаточным питанием и ухудшением здоровья, бессилием перед обстоятельствами, отсутствием права голоса, ощущением беззащитности и страх.

Таким образом, бедность не является постоянной величиной, она постоянно меняется. При множестве ее определений отсутствует единая категория, адекватно отражающая изучаемое нами явление. По определению английского социолога П. Таунсенда, к бедным следует относить тех, у кого «не хватает ресурсов для приобретения продуктов питания, участия в социальной деятельности и обеспечении себя жизненными условиями, которые широко приняты в обществе, к которому они принадлежат» [5, с. 116.]. Исходя из

этого, можно сказать, что бедным считается тот человек, который не может удовлетворить свои потребности, поскольку они превышают имеющиеся средства.

Английский экономист А. Пигу к числу бедных семей относит те, «чьи доходы настолько низки, что даже если бы доходы расходовались абсолютно разумно, с их помощью все равно было бы невозможно обеспечить должное существование».

Другой автор, экс-глава Всемирного банка Дж. Вульфенсон отмечает, что бедность как явление означает не только низкий уровень доходов и потребления, но и низкий уровень образования, здравоохранения, питания, а также отсутствие прогресса в других сферах развития людских ресурсов, включающее бессилие перед обстоятельствами и отсутствие права голоса, ощущение беззащитности и страха [1, с. 142].

Таким образом, разные авторы отмечают различные границы бедности от «низкого уровня потребления» до «отсутствия ресурсов для приобретения продуктов питания», что граничит с нищетой.

Но все социологи схожи во мнении, что бедность – это социологическая категория, представляющая собой определенную часть населения, которая, в силу определенных обстоятельств, не имеет возможности активно участвовать в полноценной социальной жизни, аргументируя это высказывание тем, что в бедности одними из первых оказываются люди с низким образовательным и квалификационным уровнем. Граждане этой категории, обладая заведомо низкими стартовыми возможностями (не только по причине отсутствия значимых ресурсов, но и по причине их низкой грамотности, плохой информированности и недостаточного уровня образования), зачастую не в состоянии самостоятельно планировать свою жизнь и просчитывать угрожающие им социальные риски.

Одним из наиболее часто встречающихся является определение бедности, принятое Советом Европы в 1984 г.: «бедными людьми, семьями или группой людей считаются те, чьи ресурсы (материальные, культурные и социальные) настолько недостаточны, что они не обеспечивают им минимально приемлемый образ жизни населения в странах, где они проживают». Такое определение подчеркивает с полным основанием множественность учитываемых видов ресурсов и необходимость рассматривать индивида в рамках конкретных условий общества, в котором он живет, не поднимаясь до чего-то универсального и вневременного.

Н.М. Давыдова продолжает данную мысль, отмечая, что «бедность – неспособность поддерживать определенный приемлемый уровень жизни» , что в свою очередь, влечет за собой другие социально-культурные и жизненно-образующие лишения.

Результаты, проведенного анализа свидетельствуют о том, что бедность – это понятие многомерное, включающее в себя различные грани

и имеющее различные способы проявления. Понятию бедность сопутствуют другие социально-экономические понятия, описывающие уровень материальной обеспеченности человека и его возможности пользоваться теми или иными общественными благами – малообеспеченность (нищета), которые регулируются посредством прожиточного минимума, а он обычно рассчитывается либо в виде соотношения со средним доходом в стране, либо методом прямого расчета [4].

По мнению А.Ю.Шевякова «выбор значения прожиточного минимума, так или иначе, достаточно субъективен, так как осуществляется практически без консультаций с наукой, общественностью и профсоюзами и самое главное не соответствует современным реалиям».

Но, каким бы дискуссионным не был этот вопрос, прожиточный минимум является основным мерилом порога бедности в нашей стране и одной из основных категорий, разграничивающих понятия, определяющие уровень материального достатка.

Таким образом, феномен бедности стал предметом исследования в современной отечественной социологии вначале 90-х гг. XX в., так как в советский период понятие бедности в науке не использовалось, поскольку было заменено понятием малообеспеченность, которое раскрывалась в рамках теории благосостояния и социалистического распределения. Сегодня в практике российской социологии выделяют два практически тождественных друг другу понятия – бедность и малообеспеченность, часто отдавая предпочтения последнему, так как оно вуалирует проблему острого социального неравенства.

В связи с тем, что долгое время из-за идеологических запретов в нашей стране проблема бедности практически не анализировалась, по мнению ряда исследователей (Г. Гутман, О. Дигилина, Т.И. Заславская, В.И. Ильин, В.П. Култыгин, В. Старостин, Н. Чукин), основными причинами малообеспеченности в советской России были размер заработной платы, пенсий, стипендий, различных пособий, в том числе и на детей, ассоциированных с большой иждивенческой нагрузкой в семье. Прежде всего, к категории малообеспеченных ученые (Т.И. Заславская, В.И. Ильин) относили тех, кто зарабатывал больше, чем прожиточный минимум, но не на много, то есть, имея деньги на пропитание, они покупают одежду раз в 2-3 года и не могут себе позволить получить качественное образование и медицинскую помощь.

К определению малообеспеченных в современной России можно отнести ту же самую категорию, размеры которой, по данным Информационно-аналитического бюллетеня Института социологии РАН составляют 43% населения. Следовательно, к малообеспеченным категориям в современной России можно отнести представителей низших классов в профессионально-статусной иерархии, которые характеризуются, с точки зрения их позиции, на рынке труда тем, что могут предложить лишь свою «физическую

способность к труду», которая заведомо не может обеспечить достаточных для благополучного уровня жизни доходов. В условиях фактической открытости границ для мигрантов из-за рубежа, в основном устремляющихся на этот же рыночный сегмент, на нем формируется «рынок покупателя» с соответствующим демпингом стоимости рабочей силы такого качества за счет переизбытка ее предложения.

Как отмечает Н.М. Римашевская, «оценка масштабов малообеспеченности в доперестроечной России осуществлялась на основе использования показателей минимального, нормативного, перспективного и рационального бюджетов, исчисляемых в бывшем СССР. Исходя из минимального бюджета, определялись семьи, которые получали государственные пособия. В представлениях населения бедными считались неблагополучные семьи, неспособные обеспечить условия своего существования на уровне общепринятых норм. Малообеспеченность определялась как некий минимальный предел, обеспечивающий биологическое и социальное воспроизводство человека».

Таким образом, разграничивая современные трактовки данных понятий, можно подчеркнуть, что под малообеспеченностью в научной литературе подразумевается материальная необеспеченность людей, когда доходы человека или семьи не позволяют поддерживать общественно-необходимое для жизнедеятельности потребление.

Список литературы:

1. Беклемешев В.П. Рынок труда: становление и адаптация. – Иркутск: изд-во ИГУ. – 2005. – 398 с.

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т./ В.И. Даль. – М.: Рус. яз., 1998. – 541 с.

3. Подузов А.А. Измерение бедности (зарубежный опыт) // Проблемы прогнозирования. – 1999. № 5. С. 107-109.

4. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. «Современный экономический словарь». ИНФРА-М, 2006. – 283 с.

5. Рослин Е.Г. Система понятий уровня жизни. – Ростов-на-Дону: Феникс. – 2007. – 406 с.

6. Стратегия – 2020: Новая модель роста – новая социальная политика / Промежуточный доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Москва. – 2011.- 517 с.

7. Шанский Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов/ Н.М. Шанский, Т.А. Боброва – 7-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2004. – 398 с.

ИНЖЕНЕРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УНИВЕРСИТЕТЕ: ФАКТОР КУЛЬТУРЫ

М.В. Богданова –
д.социол.н., доцент, ведущий научный сотрудник НИИ прикладной этики Тюменского государственного нефтегазового университета

Университетская тематика в разных ее аспектах является атрибутивным признаком исследований, ориентированных на познание современного динамичного общества. При этом университет рассматривается либо как субъект современных трансформаций, либо как объект преобразований с целью сохранения своей полезности для государства. «Встраивание» современного образования в инновационную экономику определяет университет в качестве одного из основных ее элементов [10]. Этот процесс видится как решение задачи сочетания глобализации, формирующей университету запрос на сопоставимость его результатов с мировыми достижениями, – и маркетизации, превращающей студента в главного потребителя, «диктующего свои условия» [1].

Однако даже если отвлечься от функции университета создавать и распространять культуру через научные исследования и образование, то и функция производства человеческого капитала, подлежащего прямой последующей капитализации его обладателями, предполагает субъктность и автономность университета. Удержание университетом позиции субъекта в развитии инновационных направлений в научных исследованиях и содержании образовательной подготовки обеспечивает в качестве долговременного эффекта производство уникальных интеллектуальных ресурсов, формирующих конкурентные преимущества страны в условиях глобализации. Университет играет важную роль в модернизационных процессах общества: именно этот социальный институт, осуществляя научную, образовательную, экспертную деятельность, предназначен производить человеческий капитал, востребованный в мировом масштабе. Показательно в этом отношении, например, исследование профессиональных сфер конкурентного преимущества выходцев из России на рынках труда Германии, США и Израиля, проведенное Институтом национальных проектов [7]. Исследование показало, что россияне-мигранты наиболее конкурентоспособны в специальностях, связанных с математикой, физикой, химией, информационными технологиями. Предпринятый с применением индексов Инглхарта [5] и коэффициентов Хофстеде [9] анализ связи между культурными характеристиками страны, спецификой образовательного процесса и профессиональным профилем, показал, что сложившаяся культурная рамка,

на которую опирается университет, способствует достижению успеха в одних сферах и препятствует – в других. Это позволило исследователям сделать предположение о возможности использования университетами сложившейся в культуре предрасположенности к некоторой группе специальностей в качестве основы образовательной подготовки, способной создавать «высококачественный по мировым меркам человеческий капитал».

Сохраняется ли в культурной рамке российского общества потенциал, значимый для развития образовательной подготовки по инженерному делу? Способен ли сегодня отечественный университет, прежде всего технический, опереться на этот культурный потенциал в создании такого человеческого капитала, как качественное инженерное образование?

Тема инженерной деятельности, инженерного образования после двух десятилетий невнимания сегодня перемещается с периферии в центр отечественного публичного и исследовательского дискурсов. Однако, как и в ситуации с университетом, инженерная профессия рассматривается, преимущественно, с точки зрения ее потенциала для развития инновационной экономики. При этом назревающие не планируемые социальные эффекты ускоренного технического прогресса не получают должной научной рефлексии и, соответственно, профилактирования.

Ситуация в сфере инженерного образования характеризуется противоречием между востребованным современностью образом инженера и практикуемым образом инженера-выпускника технического университета. Жизнь в современном глобальном технологически усложняющемся мире, мире всеобщего риска (О.Яницкий) делает запрос на инженеров «профессионалов высокого класса, инженеров в подлинном смысле креаторов – Homo creans»[6]. А рынок труда, как отмечают специалисты, «полон выпускниками университетов, которых производственники называют «эмбрионами» инженера из-за вопиющей некомпетентности..., которую выпускники несут в своём ментальном багаже» [6].

Такая ситуация – вызов, прежде всего, университету, имеющему определенный опыт, традиции и сложившуюся культуру образовательной подготовки инженера. Вопрос о ресурсах, которые способен задействовать технический университет в условиях интенсивных трансформаций сферы высшего образования, а также не получившей развитие в силу ослабленной после кризиса 90-х индустриальной функции производственной сферы, звучит особенно актуально. Не менее актуально звучит и вопрос о том, что могут воспринять в процессе обучения на технических специальностях молодые люди, имеющие имеют в основном недостаточную для обучения этим специальностям общеобразовательную подготовку.

Тем не менее, студенты технических специальностей университетов, как фиксируют социологические опросы, продолжают выделять в качестве

основного мотива выбора профессии мотив – «склонность к технической деятельности», а также демонстрируют выраженную ориентацию на работу по специальности по окончании обучения[2, 8, 3].

Являются ли эти характеристики (мотивы поступления студентов на технические специальности и намерения в отношении работы по окончании университета) своего рода индикаторами «работы» культуры по поддержанию определенной направленности образовательной подготовки? Пока этот вопрос, представляет собой, скорее, предварительную гипотезу поискового исследования. Тем не менее, если в российской культуре сохраняется предрасположенность к определенным видам профессиональной деятельности – в данном случае, инженерной – она может выступать ресурсом для университета в образовательной подготовке инженеров.

Одна из специфических особенностей, присущая лишь университету как социальному институту, состоит в том, что он в своей научно-образовательной деятельности опирается на конкретную культурную рамку и, в то же время, производит культуру. В таких обстоятельствах склонность к технической деятельности и ориентация на работу по специальности у студентов инженерных специальностей может быть значимым фактором производства университетом качественного инженерного образования. Сохранение отечественным, прежде всего, техническим университетом, субъектности в определении смыслов, стратегии своей научно-образовательной деятельности, превосходящих потребности инновационной экономики, формирует интеллектуальный и социокультурный контекст востребованного человеческого капитала. Представляется уместным привести здесь слова российского социолога В.Чесноковой, которыми она характеризует феномен нации, но которые, на наш взгляд, выражают значимый ценностный ориентир формирования университетом стратегии развития инженерного образования: «Не заимствовать все без разбора и не догонять постоянно кого-то: при такой установке ничего нельзя изобретать, более того, теряется сама эта способность… чтобы изобретать новое, нужно уметь смотреть на мир своими глазами, подходить к нему с неожиданной стороны, воздействовать оригинально. Нужно выдвигать свои идеи, чтобы что-то создать» [10, 278].

Список литератураы:

1. Барбер М., Доннели К., Ризви. Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция // Вопросы образования. 2013. С. 152-236

2. Богданова М.В. Высшее профессиональное образование – институционализированный или инкорпорированный социальный капитал? (по материалам опроса студентов ТюмГНГУ // Университет – центр формирования и воспроизводства этики профессии. Ведомости прикладной этики. Вып. 46 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2015. С. 138-162.

3. Богданова М.В. Этика инженера: представления выпускников ТюмГНГУ (ТИИ) об ответственности профессии, технократизме, перспективах профессиональной биографии // Жизнь в профессии. Ведомости. Вып. 19 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2001. С. 6-19.

4. Волков А.Е., Кузьминов Я.И., Реморенко И.М., Рудник Б.Л., Фрумин И.Д., Якобсон Л.И. Российское образование – 2020: модель образования для инновационной экономики // Вопросы образования. 2008. № 1. С. 32-64.

5. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М.: Новое издательство, 2011

6. Лифшиц В.И. Проблема лакунарности в модернизации инженерного образования // Аккредитация в образовании. 2011. № 7. С. 40-4.

7. Ставинская А., Никишина Е. Социокультурный профиль России и человеческий капитал: возможности для большой Москвы // Большая Москва: формирование смысла. М., 2012. [Электронный ресурс]. http://inp.ru/wp-content/uploads/2013/07/2012-%d0%91%d0%be%d0%bb%d1%8c%d1%88%d0%-b0%d1%8f-%d0%9c%d0%be%d1%81%d0%ba%d0%b2%d0%b0.pdf (дата обращения 08.09.2015).

8. Формирование инженерной элиты индустриального региона: социологический анализ / под ред. Л.Н.Банниковой, Ю.Р.Вишневского. Екатеринбург: Изд−во Урал. ун-та, 2013.

9. Хофстеде Г. Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур // Язык коммуникации и социальная среда. № 12, 2014. С. 9-49.

10. Чеснокова В.Ф. Язык социологии: курс лекций. М.: ОГИ, 2010.

ГОРОД В РОССИИ: ДЕПОПУЛЯЦИЯ ИЛИ РАЗВИТИЕ?

А.А. Болтаевский –
к.истор.н., доцент, доцент кафедры философских и социально-гуманитарных дисциплин Московского государственного университета пищевых производств

Последние два столетия можно смело назвать эпохой урбанизации. В 2008 г. впервые в истории человечества число горожан на планете достигло числа жителей сельской местности. На лицо резкий взрыв урбанизма вВосточной Азии, Африке, Латинской Америке: через десять лет количество городов-миллионеров может превысить цифру 500 [5; 268]. При этом качество городского пространства в развивающихся странах зачастую оставляет желать лучшего, а неотъемлемыми спутниками Рио-де-Жанейро, Сан-Пауло, Мехико, Лагоса и других мегаполисов стали бесконечные кварталы трущоб. Несмотря на попытки, как архитекторов, так и политиков построить новые города без серьезных социальных различий, они не увенчались успехом: более того, незапланированные постройки стали кольцами окружать и Бразилиа, и Сьюдад-Гуаяна. По меткому высказыванию, «*бараки* или лачуги так же характерны для образа Бразилиа, как и колоннады дворца Алворада, башни дворца Национального конгресса или кварталы многоквартирных домов» [2; 196].

В Европе и Северной Америке, напротив, развиваются процессы субурбанизации, связанные с развитием благоприятных условий проживания на сельскую местность. Центры восточногерманских городов, застроенные панельными многоэтажными домами, все более и более становятся местом проживания неблагополучных слоев населения – безработных, трудовых мигрантов – и средоточием повышенной криминогенности. Подобные процессы наблюдаются во Франции, США и т.д.

В то же время наблюдаются процессы старения городского населения. В последние десятилетия в мире увеличивается число пожилых людей: по данным Организации экономического сотрудничества и развития, в 1950 г. лиц старше 65 лет насчитывалось 7, 7 %, в 2010 г. – 17, 8 %, а по прогнозам к 2050 г. составит 25, 1 %. При этом в настоящее время свыше 43 % пожилых людей проживают в городах [7]. Это означает, что с каждым годом будут увеличиваться требования к среде обитания, которая по-прежнему во многих странах слабо приспособлена для людей с ограниченными возможностями. Уже сегодня наблюдается формирование ряда городов, которые становятся убежищем для пожилых людей: в США, например, это населенные пункты Флориды.

Россия в процессах урбанизации занимает промежуточное положение между евроатлантическим сообществом и развивающимися странами. Резкое ухудшение социально-экономической ситуации в стране в конце 1980-х – 1990-е гг. привело не только к серьезному демографическому кризису, но и оттоку населения из Дальнего Востока и Крайнего Севера. Если первое обстоятельство угрожает национальной безопасности России в среднесрочной и долгосрочной перспективе, то сокращение численности населения в азиатской части страны (особенно большая убыль в 1990-е гг. отмечалась в Магаданской области) может привести к геополитическим проблемам уже в ближайшем будущем. Всем известно, что свято место пусто не бывает, а огромные слабо- и почти полностью незаселенные территории могут стать целью иных государств. В данной связи достаточно странными выглядят предложения о превращении Камчатки в огромный заповедник: отсутствие постоянного населения в рубежных территориях неминуемо делает их лакомым куском в геополитических интригах.

В России прекратилось увеличение числа города-миллионеров, выполняющих функцию своеобразного каркаса в условиях огромных пространств 1/7 части суши. Больше того, согласно данным переписи населения 2010 г., из их числа выпал город Пермь [1]. По прогнозам, в ближайшие десятилетия помимо Москвы увеличение численности населения в данной категории возможно только в Казани, ставшей неофициальной столицей Поволжья [3]. Что касается российской столицы, то ее рост на фоне сложной демографической ситуации в стране, является серьезным препятствием для прогресса. Впрочем, еще в середине XIX в. В.Ф. Одоевский считал, что в будущем Москва и Петербург сольются в один город, в котором будут искусственно поддерживаться благоприятные климатические условия: «в той части города, которая называется Московскою, где находятся величественные останки древнего Кремля, есть в характере архитектуры что-то особенное» [4].

Таким образом, одной из серьезных проблем в социально-территориальной картине России может стать сокращение числа городов-милионеров, этих подлинных центров жизни. Существует даже точка зрения, согласно которой «при быстром спаде людности города главной задачей станет не строительство жилья, а снос старого» [6; 63]. Однако, на наш взгляд, грамотная государственная политика, в том числе направленная на привлечение русскоязычного населения не только из стран Ближнего Зарубежья, но и со всего мира (подобную стратегию в отношении казахов осуществляет Н.А. Назарбаев) сможет позволить избежать подобной пессимистической перспективы.

Список литературы:

1. Газеты пишут о сокращении числа городов-миллионеров в России [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0463/gazeta037.php (дата обращения: 09.09.2015).

2. Гилберт А. Перенос столицы Аргентины: еще один пример утопического планирования? // Логос. 2013. № 4. С. 191-206.

3. Индикаторы социально-экономического развития муниципальных образований. М., «Институт экономики города», 2002.

4. Одоевский В.Ф. 4338-1 год. Петербургские письма // Последний квартет Бетховена / Сост., вст. статья, примечания Вл. Муравьева. М.: Моск. рабочий, 1982.

5. Рубл А. Блэр. Мировой опыт в эпоху мировых агломераций: уроки для управления Москвой // Логос. 2013. № 4. С. 267-287.

6. Смирнягин Л. Трудное будущее российских городов // Pro et contra. 2007. № 1. С. 56-71.

7. Ageing in Cities. Paris, OECD, 2015.

МОЛОДЕЖНАЯ КУЛЬТУРА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ЗАПАДНОГО ПРИГРАНИЧЬЯ РОССИИ
(НА ПРИМЕРЕ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

А.И. Винокуров –
к.психол.н., доцент, проректор по научной работе Смоленского государственного института искусств

С.П. Цаплина –
к. культурологии, доцент,
доцент кафедры гуманитарных наук Смоленского государственного института искусств

А.Д. Ахремцова –
студентка Смоленского государственного института искусств

Новая индустриализация в России направлена на структурную модернизацию социально-экономической системы России, комплексное развитие всех отраслей народного хозяйства на базе опережающего развития науки, инноваций и передовых технологий. Вектор преобразований ориентирован на Дальний Восток, Сибирь и Север нашей страны. В рамках задач социокультурной модернизации нельзя забывать и о старо-освоенных территориях Запада России.

Актуальными являются исследования социокультурных предпосылок и ограничений новой индустриализации на пространстве западного приграничья России. Здесь наблюдаются феномен «сжатия населения» к центру, выраженная миграция молодого населения на работу с достойным заработком в Москву и Санкт-Петербург, депопуляция [1;10-18]. Достижение цели новой индустриализации – приближение качества жизни россиян к среднеевропейским стандартам, в регионе западного приграничья становится проблематичным. В этой связи особое значение, в контексте учета социокультурных вызовов и ограничений в региональном развитии, приобретает феномен молодежной культуры.

Наши исследования показывают, что в молодежной среде Смоленской области отчетливо проявляется поляризация молодёжи по уровню материального благосостояния, качеству жизни, степени освоения культурных ценностей. Существовавшая ранее система массово-доступных, коллективных форм культуры изменилась. Теперь доступность благ в сфере

культуры обусловлена, в большинстве случаев, платёжеспособностью семьи, местом проведения свободного времени подростков всё больше становится домашний досуг с компьютерными играми и интернетом. Отмечаются проявления социально-психической напряжённости, компьютерная и интернет зависимости, которые вызывают девиации поведения молодёжи, случаи психосоматических расстройств адаптации: неврозов, депрессивных состояний, склонности к суициду. Стремление к снятию этих состояний, часто, приводит молодых людей к попыткам уйти от жизненных проблем с помощью мистики, религиозных сект, алкоголя, наркотиков. Ранняя трудовая занятость вместо учёбы отвлекает молодёжь от перспективы личного саморазвития и порождает «массовидные» формы поведения, характеризуемые заниженными культурными потребностями, подражанием «псевдогероям», пьянством, отсутствием личной жизненной позиции.

Наряду с перечисленными проблемами молодёжного культурного развития необходимо назвать и отсутствие эффективного охвата из таких «резервных» ниш в культурном потреблении, как культурная адаптация социальных слоёв, по тем или иным причинам утратившим прежние культурные связи. В данном качестве могут выступать мигранты и переселенцы, местные жители сел и городов, там, где функционируют учреждения культуры, не стремящиеся к особенному разнообразию проводимых мероприятий.

Всё это определяет актуальность разработки современной молодёжной культурной политики, имеющей чётко выраженные приоритеты, соответствующие ключевым проблемам молодёжи в обновляющейся России. Её целевой ориентацией должны стать условия образования и развития; занятости и социальной востребованности молодёжи, реализации её творческих возможностей. Молодёжная культура – сложное системное образование, отражающее особенности культурного процесса, протекающего в среде молодых людей. Молодёжная субкультура – относительно автономная культурная система, образующаяся внутри общей молодёжной культуры. Ей свойственен протест против общепринятых установок. Молодёжная субкультура требует от своих носителей отказа от системы традиционно-официальных ценностей во имя свободы самовыражения, личной причастности к новому стилю жизни, который выражается в одежде, манерах, жаргоне, специфических увлечениях молодых. Нередко всё ограничивается эксцентричностью поведения и эпатирующими общество «выходки», смысл которых заключается в том, чтобы заявить о себе и удивить других [2;134].

На культурное поведение молодёжи большое влияние оказывает институциональная культура взрослых, та культура, которая создаётся для молодых, и которая может внедрятся в широкие массы молодых людей с помощью специальных технологий. Культура молодёжи предельно пластична, она обусловлена эмоциональной сферой личности.

Впервые наши исследования в Смоленской области фиксируют появление в содержании общения смоленской и белорусской молодежи 17-24 лет (белорусов, проживающих на территории Смоленщины) идеи Белорусской Смоленщины и такого утверждения как: «Великое Княжество Литовское – белорусское государство».Востребованными для работников регионального управления Смоленской области становятся вопросы предупреждения возникновения конфликтов на межнациональной и межконфессиональной почве; разрешение проблем, связанных с национальной нетерпимостью; владение способами своевременного выявления и прогнозирования конфликтных процессов, происходящих в сфере межнациональных отношений; владение методами анализа современного состояния государственной национальной политики в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений; применение технологий социально-культурной адаптации мигрантов (переселенцев) в практике муниципального управления; использование методов гармонизации межнациональных отношений и профилактики межэтнических конфликтов; владение современными технологиями коммуникационного менеджмента, приёмами выявления и урегулирования конфликтных ситуаций в сфере межнациональных отношений. Все это указывает на появление отдельных случаев трансформации идентичности молодежных субкультур западного приграничья России.

Следует заметить, что на территории западного приграничья России с севера на юг проходит культурный рубеж, характеризующийся многовековой традицией культурного влияния Польши, Литвы, Эстонии, Беларуси. Этот рубеж проявляется в особенностях местных диалектов, фольклоре, топонимике; этническом происхождении переселенцев, что при определенных условиях может стать социальным вызовом конкретной политики «общей исторической судьбы» ЕС и США в модели «Украіна – це Европа». В связи с этим, крайне важно анализировать региональные особенности молодежной культуры и субкультуры, чтобы они не стали социальными вызовами западного приграничья; разрабатывать рекомендации по тактике и стратегии противодействия угрозам сохранения самобытных народных культур пространства западного приграничья; технологии нейтрализации практики давления «прямого соседства».

(Работа осуществлялась при финансовой поддержке РГНФ (проект №-15-0300443).

Список литературы:

1. Винокуров, А.И. Социокультурные ограничения развития Смоленской области / А.И. Винокуров // «Социокультурные основания стратегии развития регионов России»: материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Смоленск, 6-9 октября 2009 г. – Смоленск: «Универсум», 2009. – С. 10-18.

2. Цаплина, С.П. Молодёжная культура в России: проблемы современного развития. Монография / С.П. Цаплина. – Смоленск: СГИИ, 2009. – 134 с.

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В.В. Гаврилюк –
д.социол.н., профессор,
заведующий кафедрой социологии
Тюменского государственного
нефтегазового университета

Поколение 2000-х – первое поколение, социализация которого протекала в условиях стабильного развития, в обществе, преодолевшем период аномии постпрестроечного общества. В современном глобальном мире динамика социальных изменений оказывает определяющее влияние на возможность трансформации системы ценностных ориентаций. Согласно Э. Тоффлеру, «оборот» ценностей сейчас происходит быстрее, чем когда-либо в истории. [7,330-331.] В целом, как и всякий период аномии, конец XX века в России, породил не ценностный вакуум, а большое разнообразие, разброс индивидуальных и групповых ценностных ориентаций. Современную стадию общественного развития западного мира исследователи определяют уже как посткапиталистическую. Это выражается не только в переосмыслении динамики его базовых характеристик, но и в осознании сущности и способов формирования новых элит. Сегодня на смену «производственному человеку» как лицу элиты XX века, пришли «бобо» – богемная буржуазия, новый креативный класс, совмещающий ценности

самореализации, свободы, образования с элитарным образом жизни, осознанием собственной социальной роли как новой элитыпосткапиталистического мира. [1]. Утверждение о либерализации ценностного мира россиян, часто встречающееся в современной повседневности, не подтверждается новейшими социологическими исследования[4, 13; 7, 83]. Авторы известного социологического проекта, на основании мониторинга 1990, 1994. 1998 г.г. пришли к выводу о состоявшейся трансформации идеологизированной советской системы ценностей в поливариантную, плюралистическую. Поливариантность современных ценностных систем определяет актуальность изучения их содержания в поколенческом аспекте. Изучение ценностного мира молодежи – вечная социологическая тема, сегодня особую важность в ней приобретает аспект,

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ – 15-03-00284а «Образ будущего в выборе алгоритма социальной мобильности современной российской молодежью»

связанный с выбором жизненных стратегий, образом будущего у новых поколений. М. Вебер выявил социологическую связь между картинами мира и типами рациональности и показал, как «картины мира» господствуют над поведением человека.Тип миросозерцания задает основные параметры действия человека, направленного в будущее. В теории М.Вебера выделено три способа отношения к миру, задающих установку, как некоторый вектор их социального действия: приспособление к миру; бегство от мира; овладение миром [2, 762].

Молодёжная политика, в том числе и региональная, должна ориентироваться не только на существующие мобилизационные схемы молодёжного активизма, модернизационный потенциал этой социальной группы, но и учитывать факты негативной мобилизации как контрмодернизационной стратегии. Для той и другой жизненной стратегии молодёжи в современной России есть объективные основания. В докладе, посвященном реализации «Стратегии 2020», отмечается: «Анализ институциональной динамики России в рамках панели лидеров догоняющего развития показывает, что за последние годы Россия ухудшила свои позиции, переместившись из второго эшелона этой группы стран в конец третьего эшелона. Это демонстрирует её отставание в институциональных улучшениях от основных конкурентов на рынке инвестиций» [5] .

При этом, страны, демонстрировавшие высокие темпы роста до мирового экономического кризиса 2008 года – восстановили их в 2010 г., это – Бразилия, Индия, Индонезия, Китай, Малайзия, Мексика, Таиланд, Турция, Южная Африка. В эту же группу вошёл Казахстан, конкурент России на рынке инвестиций и член Таможенного союза. Не лучше, к сожалению, развивается и качество государственного регулирования экономики и социальной сферы. В рейтингах Мирового банка, характеризующих качество регулирования и правовой среды (GovernmentEffectiveness, RegulatoryQuality, RuleofLaw, ControlofCorruption), Россия также продемонстрирует максимальное ухудшение позиций в рамках панели развивающихся государств (см. табл.1).

Таблица 1

Динамика институциональных изменений
в странах догоняющего развития[5]

Динамика (изменение позиций) стран в рейтингах Мирового банка, характеризующих качество госуправления и правовой среды, 2005–2009 гг.	Эффектив-ность прави-тельства	Качество регули-рования	Верховенство закона	Контроль коррупции	Сумма изменений
Бразилия	+2	-1	+10	+6	+17
Китай	+8	-2	+4	+8	+18
Индия	+1	-4	-2	+4	-1
Индонезия	+9	+6	+6	+7	+28
Малайзия	-3	-6	-1	-7	-17
Мексика	+3	-2	-7	+1	-5
Казахстан	+13	+2	+6	+1	+22
Россия	+3	-11	+1	-16	-23
Таиланд	-6	-2	-5	-4	-17
Турция	+3	0	+3	+4	+10

Сегодняшние турбулентные процессы, растущая изоляция страны от западного мира, отражается на настроениях молодежи. Итак, недостаточный рост экономики и замедление модернизационных процессов с одной стороны и негативные тенденции, ухудшение качества социальной среды обостряют проблему, связанную с негативной мобилизацией молодежи. Факт распространения в молодёжной среде негативистских настроений подтверждается многочисленными фактами и социологическими исследованиями. Повсеместное распространение информационных технологий снимает вопрос о трансляции этих настроений в различные социальные группы, практически любое событие, мнение, выраженная позиция становятся доступными «здесь и сейчас». При этом, проблема гораздо глубже, чем может показаться на первый взгляд. «Глубокая конфликтность и сложность происходящего обусловливается тем, что инициируют контрмодернизационный поворот не конкретные антидемократические силы или политики, а большая (значительная) часть трансформирующегося общества. Это обнаруживается в дискредитации ценностей свободы и демократии, собственности

и экономической независимости, поддержке снизу роли государства, росте экстремистских организаций, движений правого и левого толка» [5, с. 142]

Несмотря на заметные негативные тенденции в социально-экономическом развитии современном России «нынешнему поколению российской молодёжи сегодняшняя жизнь в стране нравится гораздо больше, чем их предшественникам, также поколению отцов. На это, в частности, указывают без малого две трети (59 %) представителей молодого и меньше половины (45 %) старшего поколения» [3, с. 357].

Прогнозы будущего, его образ имеют не только общество, но и социальные группы, отдельная личность. Насколько человек осознаёт себя частью социального целого, настолько он предвосхищает не только свою субъективную судьбу, но и судьбу общности, нации, государства. Социальный контекст вытекает из обобщённости представлений, которые можно назвать осознанием социального будущего. Так как человек соотносит свои проекционные ожидания с представлениями о социальном будущем, то возникает комплексный образ будущего, например, на уровне поколения.

Проверке ряда выдвинутых авторами гипотез было посвящено социологическое исследование, проведенное в Тюменском регионе в 2013 -14 г.г. под руководством В.В.Гаврилюк. Проект был посвящен изучению ценностного мира современных поколений российской провинции. В этом проекте был и блок, посвященный исследованию образа будущего у современных поколений, изучению влияния образа будущего у современной молодежи на выбор ею жизненного пути. Одним из базовых методов был анкетный опрос, проведенный в городах и селах Юга Тюменской области. Репрезентативная выборка включала в себя 700 респондентов, из них -552 человека (262- мужчин и 290 –женщин) городские жители; 148 респондентов (69 –мужчин и 79 женщин) – сельские жители. Было выделено 7 возрастных групп респондентов от 15 до 60 (и старше) лет. В ходе полевого этапа в проекте принимала участие аспирант Садыкова Н.Х.

Одним из ключевых понятий в исследуемой теме является вопрос о содержании представлений о жизненном успехе. Различия в оценке этого понятия имеют ярко выраженный поколенный характер. В оценках самой юной части респондентов (15- 17 лет) доминирующими оказались социальные признаки жизненного успеха: уважение, признание -85,7%; патриотические ценности- 42,9%; ценности профессиональной самореализации -28,6%; слава, известность -14,3 %. В группе более взрослой молодежи 18 -30лет) ранг этих ценностей как признаков жизненного успеха – значительно снижается. Ценности коллективизма, преемственности поколений – абсолютно утрачены новыми поколениями. Сохраняется высокая значимость профессионализма, самореализации, дружбы. Стремление к славе, как показателю жизненного успеха относится только к группе самых юных , «взрослая» молодежь не

преувеличивает этот критерий жизненной состоятельности. Обращает на себя внимание разрыв в отношениях к патриотическим ценностям и смыслам. Отрадно, что новое поколение россиян относится к своей стране с большей гордостью за ее историю и настоящее. Подъем патриотического духа является вполне благоприятным фоном для социализации новых поколений. Ориентация на жизненный успех, четкое представление о его составляющих для молодежи может свидетельствовать об уровне сформированности личности. То, что с течением жизни критерии жизненного успеха претерпевают значительные изменения ни в коей мере не отменяют этого утверждения, т.к выбор жизненной стратегии в юности может опираться только на образ желаемого будущего. Наличие образа для выбора жизненных стратегий – необходимое, но не достаточное условие.Это подтверждается и в нашем исследовании оценки роли страны в недалеком будущем современными поколениями. Представление о российском обществе через 10 лет подчеркивает патриотический настрой современной молодежи, особенно характерно это для самой юной части поколения, большинство из них утверждают, что «Россия будет играть всё большую роль в мировом сообществе». Различия в содержании образа будущего, безусловно, имеют поколенный характер. Специфика современного периода развития состоит в том, что общественное мнение возлагает слишком большую ответственность за будущее общества на молодёжь, как на движущую силу, авангард преобразований.настоящем». На наш взгляд, вариативность образа будущего у молодежи сегодня и есть единственное основание для социального действия, т.к. в неустойчивом транзитивном обществе невозможно исходить только из одного образа, сценария. Скорость перемен, не позволяет планировать ни профессиональную карьеру однажды и на всю жизнь, ни приверженность одной идеологической концепции, ни даже свою частную жизнь. Именно поэтому базовым понятием для выбора жизненной стратегии новых поколений и может служить понятие «образ будущего», которое только в обобщенном, стратегическом плане определяет выбор жизненного пути, содержит возможность его варьирования без ущерба для базовых ценностей, добиться успеха на пути самореализации.

Список литературы:

1. Брукс Д. Бобо в раю: откуда берется новая элита. М.,: АМП, 2014.

2. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем./сост., общ.ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990.

3. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: опыт социологической диагностики) / М.К. Горшков. – М.: – Новый хронограф, 2011. С. 360-362.

4. Динамика ценностей населения реформируемой России. Отв. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева М.: Эдиториал, УРСС, 1996.

5. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период 2020 г. http://www.intelros.ru/reports/13467-itogovyy-doklad-o-rezultatah-ekspertnoy-raboty-po-aktualnym-problemam-socialno-ekonomicheskoy-strategii-rossii-na-period-do-2020-goda-strategiya-2020-novaya-model-rosta-novaya-socialnaya-politika.html (дата обращения: 20.03.2014).

6. Лапин Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России// Мир России, 2003, № 4 с. 120 -160,

7. Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.

8. Трубицын Д.В. «Модернизация» и «негативная мобилизация»: конструкты и сущность. В кн. Новые идеи в социологии: монография / отв. Ред. Ж.Т.Тощенко, – М.,ЮНИТИ-ДАТА, 2013, – 479 стр. стр.134-т 150, цит. стр. 142.

СУБКУЛЬТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МОЛОДЁЖИ: ЛОКАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Т.В. Гаврилюк –
к.социол.н., доцент
Тюменского государственного
нефтегазового университета

Возникнув как протестные или эскапистские движения, разнообразные формы субкультурных солидарностей молодёжи на сегодняшний день претерпели значительные изменения, вписавшись потребительские рынки и превратившись в одну из форм стилевых игровых практик молодёжи. Задачей нашего исследования является выявление специфики глокализации молодёжных субкультур в российском социальном контексте, включающее этапы, логику развития и основные особенности субкультурной дифференциации молодёжи в постсоветской России.

Путём качественного анализа интернет-источников и печатных субкультурных изданий, а также многолетнего участвующего наблюдения в местах сбора представителей субкультур в Германии (Берлин, Кёльн, Хильдесхайм) и России (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Тюмень), был получен ряд выводов, касающихся специфики проявления глобальных субкультурным феноменов в реалиях современной России.

Фазы развития глобальных субкультур в России

Логика субкультурной дифференциации молодёжи в постсоветской России согласуется с западноевропейскими тенденциями: от протестного субкультурного бума до инкорпорации альтернативных жизненных стилей в потребительские практики массовой культуры. Однако период смены различных фаз цикла значительно короче в силу направленности «догоняющей модернизации» российского общества. Оставим за рамками нашего исследовательского интереса динамику молодежных субкультур в советский и ранний постсоветский период и обратимся к последней субкультурной волне в России, отсчёт которой, на наш взгляд, следует вести с первой половины 2000-х гг., когда общество перешло от состояния турбулентности к периоду относительной экономической и социальной стабильности. Внимание молодёжи на данном этапе переключилось с экономических стратегий выживания в трансформирующемся обществе на поиск форм самовыражения и самоидентификации в пространстве культуры. Поколение перестройки (середина 1980-х – начало 1990-х гг.), ставшее воплощением этой субкультурной волны, уже было полностью лишено советской ментальности, детство и подростковый возраст его представителей пришёлся на период ценностной дестабилизации российского общества, порвавшей со старыми культурными кодами и активно, а зачастую бездумно, поглощавшего продукцию

массовой культуры развитых стран. Очевидно, что российская субкультурная сцена также почти полностью состоит из заимствованных направлений, идей и стилей.

Можно выделить *три фазы, отражающие цикл субкультурной динамики в России:*

1. Первая половина 2000-х гг. – бурная популяризации глобальных субкультурных направлений (в большей части западного образца, но присутствуют и субкультурные стили, вдохновлённые востоком – например, J-рокеры и поклонники анимэ); попытка конструирования собственного культурного пространства в крупных городах, возникновение клубной и медиа-инфраструктуры; доминирование эскапистских тенденций в сознании субкультурной молодёжи; нарастание «моральных паник» в обществе, связанных с неприятием визуальных проявлений субкультурной идентичности.

2. Вторая половина 2000-х гг. – стабилизация субкультурного пространства и начало его адаптации в молодёжной мэйнстрим-культуре; сформированность коммуникативной инфраструктуры основных субкультур; интенсификация мобильности в рамках глобального субкультурного пространства (резкое увеличение количества проводимых мероприятий соответствующей тематики, интернет-торговли, медиаконтента); начало распада аутентичной стилистики субкультур, вызванное их колонизацией массовой культурой; устойчиво негативное или безразличное отношение общества к имиджевым субкультурам.

3. Первая половина 2010-х гг. – спад популярности глобальных субкультур; коммерциализация и виртуализация субкультурного пространства; стирание граней между массовой культурой и субкультурной средой; отказ от ценностной составляющей в пользу стилистической; субкультурные имиджи и способы групповых действий целиком заданы «гиперреальностью» интернет-сообществ; практически полное исчезновение субкультурного дискурса из СМИ, безразличие общества к данной тематике.

Российские реалии третьей фазы новейшего субкультурного цикла, на наш взгляд, достигли синхронизации с общемировыми тенденциями. Сегодня экспансивная политика глобальных молодёжных брендов пресекает любые попытки субкультурного сопротивления, как провокационного, так и эскапистского, в течение нескольких лет поглощая любую «инаковость» путём инкорпорирования её стилистики в массовую культуру. Даже стратегии альтернативного маркетинга, использующиеся в пространстве молодёжных сообществ, сегодня уже не являют собой никакой альтернативы, т.к. обрели функцию апробированного набора инструментов для работы на нишевых рынках.

Помимо отмеченных тенденций развития глобальных субкультур, следует отметить отчётливо наблюдающийся в третьей фазе консервативный поворот массового, в том числе и молодёжного, сознания. Взамен идеологии

субкультурного плюрализма и индивидуализации, всё большую популярность обретают попытки реанимации утраченной под воздействием глобализации культурной самобытности. Эта тенденция находит отражение в растущей численности приверженцев так называемой «фолк-культуры», имеющей склонность к демонстрации этноцентристской идеологии. Вместе с тем, тенденции её развития не противоречат отмеченным ранее свойствам третьей фазы субкультурной волны, а скорее являются их продолжением. Отчётливо наблюдается влияние глобальных тенденций социокультурной динамики, в частности, так называемого «folk revival», имеющего место в западной массовой культуре и искусстве и выражающегося во всплеске интереса к этнике в XX в. Особенно ярко этот процесс нашёл отражение в музыке [6]. Данное явление можно считать частью «ретроспективной глобализации» культуры (термин Б.М.Бернштейна [1]) – вовлечения в мир искусства артефактов и практик, изначально ему чуждых, например, архаических форм, сохранившихся в традиционных культурах или в субкультурных нишах, где они получают новые функции и интерпретируются в системе его понятий и ценностей.

Закат молодёжной субкультурной активности в третьей фазе цикла согласуется с идеями П.Бурдье [5] относительно необходимости сохранения автономии «художественного поля». Коммерциализация, активное вмешательство органов молодёжной политики, «демонизация» представителей субкультурных групп в СМИ привели к снижению ценности субкультурной идентичности в сознании молодёжи и, как следствие, отсутствию воспроизводства и развития данных молодёжных сообществ.

2. *Специфика российского контекста функционирования глобальных молодёжных субкультур*

Глобализация молодёжной культуры определяет общие для молодёжных групп ценностные и стилистические черты, воздействует на структуру потребления и реализуемые культурные практики. Вместе с тем, пристального внимания заслуживает и локальная специфика общемировых субкультурных феноменов, их функционирование в условиях специфического социального контекста, влияние, которое они оказывают на местную молодёжь, механизмы интернализации и экстернализации смыслов, ценностей и идей. Мы выявили ряд факторов, обуславливающих специфику глокализации субкультурных практик и субкультурного дискурса в России, их отличия от процессов, протекающих в развитых «странах-донорах»:

Различия в демографической структуре. Субкультурные группы в России почти полностью представлены подростками и молодёжью. Люди старшего возраста встречаются крайне редко (за исключением, пожалуй, сообществ байкеров и реконструкторов) и являются, как правило, состоявшимися музыкантами или организаторами клубных мероприятий. В европейских субкультурах, напротив, наблюдается очевидный рост среднего

возраста их представителей до 30 лет и выше. Этот феномен объясняется, во-первых, превращением субкультур в Европе из оппозиционных жизненных стилей в рекреационные практики, не требующие постоянной идентификации и, во-вторых, снижением популярности субкультур альтернативного стиля жизни у подростков и молодёжи.

Различия социального контекста и окружения, обусловленное характеристиками коллективного сознания. Многие аспекты субкультурной стилистики, давно вошедшие в культурный мэйнстрим в Западной Европе, в России продолжают восприниматься как проявление девиации.

Различия, обусловленные территориальной дифференциацией. Тенденция к децентрализации, характерная для развитых обществ, пока ненаходит своего воплощения в российской действительности. Провинциальные и столичные «неформалы» демонстрируют отличные друг от друга стили жизни, что связано с их культурным и социальным бэкграундом, уровнем владения иностранным языком и общей информационной компетентности, объективными экономическими факторами, детерминирующими различия в качестве жизни представителей молодого поколения.

Различия, обусловленные спецификой социальной структуры. Российское общество начала 2010-х уже не настолько поляризовано, как в 1990-е, однако средний класс в нашей стране по-прежнему развит недостаточно (порядка 40% населения по данным по Института социологии РАН [4]). Связь социально-классовой и субкультурной принадлежности молодого человека доказана британскими теоретиками ещё в 1970-е гг., следовательно, и сегодня мы можем выявить определённые корреляции между этими параметрами. Сохраняющееся доминирование в социальной структуре низшего слоя (хотя в России не стоящую за чертой бедности его часть принято называть «базовым слоем») приводит к маргинализации значительной части молодёжи, жизненные шансы которой в образовательной и профессиональной сфере крайне низки. В то же время, расширяется высшая часть среднего слоя, представленная, в основном, жителями столицы и мегаполисов. Этот дуализм воплощается в параллельное существование двух молодёжных «культурных миров»: молодежи из низшего и низшего среднего класса российской провинции, пополняющей уличные группировки «гопников» [2] и продвинутых «хипстеров» – обеспеченную молодёжь крупных городов, увлекающуюся современными арт-практиками, инди-музыкой и креативными трендами.

Различия в содержании научного дискурса. В России субкультурная проблематика традиционно рассматривается в контексте проблематизации. Вплоть до 2000-х гг. субкультуры большинством исследователей трактовались как формы девиантного поведения, нуждающиеся в корректировке институциональными способами. Концептуализируя субкультурные общности как гомогенные образования, авторы рассматривали их как объект

социального контроля и воздействия. Недостаточно внимания уделялось проблематике внутрисубкультурной дифференциации. Различия проявлялись и на уровне методологии: западные исследователи традиционно использовали качественный анализ текстов и этнографические методы, позволяющие получить достоверные данные о многообразных видах молодёжной активности в социальной, политической, культурной, досуговой, интимной сфере, изучить особенности социокультурной саморепрезентации молодых людей, включающей в себя символические аспекты субкультурной стилистики и телесного экспериментирования. Российские исследователи опирались преимущественно на количественные методы и массовые опросы, интерес к качественным исследованиям в русле интересующей нас проблематики наметился лишь в последнее десятилетие.

Различия государственной молодежной политики. Молодёжные субкультуры в России испытывают давление не только со стороны общественного мнения, но и со стороны государства. В 2008 году были предприняты попытки законодательно ввести запрет на ношение атрибутики готики и эмо в школах, что вызвало ряд протестных акций со стороны нонконформистски настроенной молодёжи. Это было вполне закономерно, т.к. данные субкультуры не являются антисоциальными и любые попытки пресечь культурное самовыражение молодёжи не были санкционированы демократическими нормами. Школьная форма в России также не является общеобязательной, поэтому попытки внедрения подобного рода ограничительных мер на общегосударственном уровне представляются нам ярко выраженной дискриминацией определённых субкультурных групп. Молодёжь традиционно рассматривается представителями российской власти как ресурс социокультурного воспроизводства и инновационной активности, вместе с тем, направления этой активности чётко регламентированы. Так, сегодня на государственном уровне поддерживается хип-хоп- движение, байкеры и фолк-культура, но многие иные формы молодёжных объединений рассматриваются как потенциально социально опасные.

Таким образом, сегодня в развитых обществах нормой является ситуация субкультурного плюрализма, когда социум представляет собой совокупность сосуществующих этнических, профессиональных, религиозных, территориальных, и, конечно, молодёжных субкультур, каждая из которых обладает собственной картиной мира, включающей собственную систему норм и ценностей, взглядов, убеждений и интересов. Качественные методы исследования позволили выявить ряд базовых факторов, определяющих специфику глокализации глобальных молодёжных субкультур и движений в России и определить фазы их динамики.

Список литературы:

1. Бернштейн Б.М. Три стрелы глобализации искусства // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Вып. №12. СПб: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 278 — 281.

2. Гаврилюк В.В., Латышева Т.В. Грани девиации российской молодёжи: субкультурный аспект // Вестник Тюменского Государственного Университета, №4, 2009. С.139 – 148.

3. Татарова Г.Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М.: Издательский Дом «Высшее образование и Наука», 2007.

4. Средний класс в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации. Москва – 2014. URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_Sredny_klass/full.pdf (дата обращения: 2.09.2014).

5. Bourdieu P. ‘The Field of Cultural Production’ in Johnson, R. et al (Eds.), Essays on Art and Literature, Cambridge, Polity. 1993.

6. Cohen R.D. Rainbow Quest: The Folk Music Revival & American Society, 1940–1970. Amherst: University of Massachusetts Press, 2002.

АДАПТАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ: ВЛАСТНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ И РЕАКЦИЯ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Н.А. Галактионова –
к. филолог.н, доцент Тюменского
государственного института культуры

Индекс развития человеческого потенциала Тюменской области (ИЧРП), рассчитанный по методике ООН, признан наивысшим в России, Тюменская область по этому показателю опережает Москву (0,866 против 0,846). Тюменский регион нуждается в притоке рабочей силы, каждый год территориальные органы федеральной службы государственной статистики фиксируют рост объема трудовых мигрантов за счет различных форм миграции: внутригосударственной, внутрирегиональной и межгосударственной. Благополучная экономическая ситуация, сложившаяся в регионе, делает Тюменскую область привлекательной в плане привлечения миграционных потоков, как внутрироссийских, так и внешних, в основном, из стран СНГ. Рост объемов вводимого жилья способствует привлечению рабочей силы, и инициирует развитие рынка съемного жилья. Дачная реформа, разрешившая прописку в садоводческих комплексах, также облегчила возможность покупки или аренды жилья в частном секторе, садоводческих обществах для вновь прибывающих мигрантов, особенно для тех, которые решили перевезти в Россию семьи.

Образование мигрантов – реальное проблемное поле, в котором приходится работать тюменским педагогам, и возникающие проблемы в этой области решаются эмпирически. Данный вопрос в Тюменском регионе не стал предметом властного интереса, поэтому инициатив и различного рода управленческих решений относительно образования детей мигрантов в области нет. С 2013 года в регионе существует система тестирования на знание русского языка, ведь согласно законодательству, с 2009 года, чтобы получить российское гражданство, следует документально подтверждать знание титульного языка. С 2012 года такой экзамен должны сдать и трудовые мигранты. В регионе есть специалисты и возможности для решения проблемы адаптации детей мигрантов, при условии финансирования государством или заинтересованными лицами (диаспорами, правительствами стран СНГ) затрат на обучение мигрантов. Сейчас проблемы адаптации мигрантов волнуют конкретных преподавателей, которые вынуждены самостоятельно обучать не владеющих языком страны пребывания учеников путем организации дополнительных неоплачиваемых занятий. Учитель современной школы отвечает за сдачу его

учениками единого государственного экзамена (ЕГЭ), поэтому подготовка к этому экзамену заставляет педагогов находить пути повышения языковой, знаниевой и общекультурной подготовки обучающихся.

В Стокгольме за бюджетные средства преподавание ведется на 110 языках. По свидетельству российского политолога В.С. Малахова, поощрение преподавания на языке родителей мигранта вызвано отнюдь не исключительно гуманными целями, а по принципу бюрократической рациональности – для избежания аномии этой части общества. Обучение на материнском языке позволяет мигранту социализироваться в принимающем сообществе. В Голландии в этих же целях поощряется строительство мечетей как один из путей социализации мигрантов в привычных для них рамках. В Великобритании возникают идеи учить своих мулл, чтобы не завозить их из Иордании. По Конституции РФ государство является светским, но оно не отделяет себя от интересов своих верующих сограждан. Наиболее финансово обеспеченными стоит признать запросы православного населения области. В регионе функционируют монастыри, отреставрированы храмы. Действуют православные гимназии, духовные училища. В Тюменской области проводится большая работа по обеспечению духовных запросов мусульманского населения. В области строятся и восстанавливаются мечети, отреставрирован комплекс Ембаевского медресе, в 2008 году открыта мечеть в Ярковском районе.
Осуществляют деятельность паломнические организации. С подписанием Россией Болонской конвенции стало возможным организовать теологические кафедры, одна из них существовала при Тюменском нефтегазовом университете. Из средств областного и городского бюджета финансируются различные конфессиональные праздники, ряд лет организовываются крещенские купания. Для оценки уровня конфликтогенности в обществе важно обратить внимание на информационный фон.

Приходится признать, что российские СМИ искусственно подогревают интерес к межэтнической вражде. Некоторое снижение количества публикаций, заостряющих внимание на теме межэтнической вражды, снизился в начале – середине 2000 годов. По данным исследований Г.В. Кожевниковой, А.М. Верховского и О.А. Сибиревой, с 2001 года наметилась тенденция к снижению фиксирования на эксплицитном уровне в языке СМИ этнической принадлежности, однако предшествующими годами была настолько удобрена почва, что зерно в виде упоминания явно «нерусской» фамилии моментально падает на благодатную почву, и выводы читателя о том, кто совершил преступление, сразу вызывают «понимание», «кто виноват», и безошибочно делается вывод о «понаехавших». [1] С ухудшением экономической ситуации негативизм в отношении мигрантов неизбежно нагнетается.

Следует особо указать, что актором внедрения негативных установок нередко являются не собственно СМИ, а власть в лице конкретных чиновников,

представителей органов правопорядка. В сфере правопорядка принято сегментировать криминальное пространство по национально-этническому признаку. Так, закрепилось представление о преобладании граждан стран Центральной Азии среди лиц, совершающих преступления, связанные с наркотиками. [4; 103 – 124] Для повседневной правоохранительной практики такое сегментирование – рабочий инструмент, помогающий раскрывать преступления. Однако есть опасность выхода таких воззрений в широкий общественный обиход, их переход в устойчивые негативные стереотипы. Журналисты используют в своих материалах информацию со специализированных ресурсов, пользуются данными, опубликованными на сайте Следственного комитета РФ, других сугубо профессиональных сегментах, подавая эту информацию напрямую в общество. Таким образом, исключительно профессиональная характеристика криминальной сферы становится основой для обывательской стереотипизации, закрепляясь в сознании граждан неизменно в отрицательном ключе: «кавказцы – члены организованных бандитских группировок», «мигранты – насильники и убийцы» и т.д.

Увеличение материалов с этноненавистническим подтекстом начался во время событий в Кондопоге, уральском селе Сагре, а кульминации количество публикаций достигло после убийства болельщика Егора Свиридова в декабре 2010 года, участники нападения были отпущены и скрылись из Москвы, что вызвало возмущение и выплеснулось в противостояние на Манежной площади. Это убийство породило цепь подобных, в самых резонансных столкновениях последних лет гибли именно футбольные фанаты, а, как известно, наиболее радикальная их часть – ультрас – хорошо скоординированная многочисленная группа, с разработанной тактикой и стратегией поведения, тренированная в уличных боях, поэтому их протестные выступления после очередного происшествия становятся массовыми, пользуются поддержкой блогосферы и СМИ. С 2010 года идет рост публикационной активности, отмечается акцентирование этнического подтекста совершаемых преступлений, нагнетается истерия, связанная с мигрантофобией. В СМИ подчеркивается лояльность правоохранительных органов по отношению к преступникам либо их коррумпированность и близорукость в искоренении преступлений на этнической почве. [2; 138 – 142]

В поисковых браузерах по тегу «убийство» возникает множество публикаций ксенофобского содержания. Для интернет-источников характерна ориентация на освещение национальной принадлежности преступника, описание жертвы как исключительно мирного, случайного прохожего, тональность публикаций подчинена логике мигрантофобии: *Убийство болельщика «Спартака» мигрантами в Пушкино.* (РИА Новости); *Новое убийство фаната: в Петербурге гастарбайтер…* (newsru.com)*; Объявлен розыск обвиняемого в убийстве болельщика команды ЦСКА. Следственным*

комитетом России в федеральный, а также в международный розыск был объявлен Хосрувл Наила – уроженец Азербайджана (crims.ru)*; Новое убийство фаната: в Петербурге гастарбайтер забил трубой болельщика «Зенита»* (lenta.ru).

По данным правозащитного центра «Сова», с января по апрель 2014 года в конфликтах на почве ксенофобии и национальной ненависти пострадало не менее 29 человек, 7 из них погибли. По данным NEWSru.com. (1.04. 2014: 13:54), с января 2014 года зафиксировано не менее 12 акций вандализма, обусловленных неонацистскими взглядами. В марте 2014 года Центром изучения национальных конфликтов (ЦИНК) совместно с «Клубом регионов» был подготовлен первый рейтинг межэтнической напряженности в регионах Российской Федерации. Наиболее напряженная межэтническая ситуация сложилась в Москве, Санкт-Петербурге, Ставропольском крае и Республике Татарстан. По мнению составителей рейтинга, основными факторами этнической напряженности являются неконтролируемая миграция, социально-экономическая депрессия в регионах, невнятная национальная политика, отсутствие должной культуры общения, неосведомленность населения, противостояние элит и кланов. Обострение мигрантофобии происходит в случае ухудшения политической и социально-экономической ситуации; зависит от иммиграционной и этнонациональной политики региональной и государственной власти, в том числе в области правовых отношений; важную роль играет отсутствие общественных организаций соотечественников типа землячеств, НКА, ассоциаций и ассамблей; многое зависит от уровня преступности и коррупции в регионе. Необходимым условием поддержания стабильной атмосферы является ответственность СМИ: следует с осторожностью тиражировать такие характеристики криминальной среды, которые относятся исключительно к служебной сфере и допустимы в дискурсе работников правоохранительных органов. Использование этноориентированных фиксаций различного рода преступлений облегчает работу полиции, но при опубликовании в широком информационном пространстве может способствовать развитию этнонегативизма и ксенофобии. В РФ требуется государственная идеология, призванная упорядочить систему гражданских ценностей, объединяющих общество на принципах общероссийского патриотизма. Центральные электронные СМИ во многом определяют общие для всей страны не только социально-политические, но и культурные установки. Но именно СМИ представляют отдельные конфликтные ситуации, имеющие вполне очевидную экономическую или противоправную подоплеку в системе координат этнической розни. С 2010 года в электронных СМИ фиксируется наибольшее количество ультранационалистических воззваний, блогосфера активно используется в нагнетании истерии вокруг событий, связанных с межгосударственной

и межэтнической политикой. С декабря 2013 года основная масса этнонегативизма связана с украинской тематикой, идет широкомасштабная информационная война.[3]

Мониторинг областной прессы Тюменской области, осуществляемый автором данной статьи с 2009 года показал, что СМИ стремятся осмыслить образ региона как части России, и – шире – СНГ и мира в целом. Помимо внутренних проблем СМИ освещают проблемы межнационального, межгосударственного взаимодействия с другими странами. Официальные издания стремятся к поддержанию политики центральной и региональной власти, суть которой – в формировании межэтнической и межкультурной толерантности. СМИ Тюменской области не разыгрывают карту этничности, что говорит об объективном отсутствии по крайней мере на юге региона причин к возникновению конфликтов на межэтнической почве. При анализе межэтнических проблем журналисты и их визави не употребляют научных понятий «этнос», «этничность», подменяя их не совсем корректными понятиями «национальность», «нация». Путь решения проблемы видится в организации семинаров, обучающих курсов для работников СМИ.

Качественный и количественный анализ прессы в области позволяет сделать вывод о неравномерности освещения этнических проблем в областном центре и округах. Окружная пресса в целом более радикально настроена по отношению к мигрантам, к освещению событий в республиках СНГ, в то же время лояльна и подчеркнуто корректно относится к представителям коренных этносов, однако в освещении жизни малочисленных народов подчас излишне оптимистична. С одной стороны, окружная пресса отвечает требованиям плюрализма мнений в демократическом обществе, с другой провоцирует межэтническую конфронтацию, что со всей очевидностью демонстрируют опросы экспертов, анализ ситуации в округах Тюменской области. Уровень компетенции журналистов, освещающих проблемы межэтнического взаимодействия, не всегда способствует толерантному освещению событий в регионе, и может провоцировать развитие негативных этнических стереотипов в обществе.

СМИ Тюмени, подчиненные областной и городской администрации склонны к идеализации проблемы межкультурного и межэтнического взаимодействия, что не всегда отражает реальную ситуацию. В целом СМИ Тюменской области соответствуют модели «управляемой свободы слова», которая обусловлена властью харизматичных лидеров области и округов, а также бюджетными возможностями, потенциалом рынка.

Анализ областной прессы говорит об отсутствии выраженной общей стратегии, которой подчинена пресса. Темы, проблемы, аспект отражения зависит от мнения автора материала. Такое положение свидетельствует о двух разнонаправленных тенденциях, в которых существует региональная печать – с одной стороны, очевидная подчиненность власти, с другой –

относительная свобода. Подчиненность газет местным администрациям выражается в необходимости освещения мероприятий, курируемых властью, освещения текущих событий, но в целом власть мало использует агитационные возможности прессы, ее роль в идеологическом и патриотическом воспитании, нет политики использования прессы как инструмента влияния. Эти обстоятельства обусловили то, что местная пресса, не имея четко выраженной навязанной политики, имеет возможность быть площадкой для разных мнений, подчас не всегда корректных.

В области, являющейся одним из центров притяжения миграционных потоков, складывается благоприятная ситуация для формирования гражданской идентичности с учетом региональной и этнической ситуации.

Очевидное на фоне других регионов материальное благополучие населения области снимает возможные конфликтные ситуации, поскольку жители не конкурируют в борьбе за материальные блага, образовательные возможности, рабочие места, социальное благополучие. Власти, учитывая полиэтнический состав населения, дают возможность развитию не только государственных, но и частных и инициатив в области образования, в том числе полиязыкового и поликультурного. Учитывая конфессиональный состав населения, в области ведется работа по удовлетворению религиозных потребностей населения – функционируют учреждения культа, религиозные образовательные заведения, есть возможность проведения конфессиональных праздников с одной стороны, и с другой, власть не расположена вводить «спорные» предметы в школы. Лояльность к деятельности СМИ с одной стороны, делает местную прессу рупором самых разных общественных сил, признавая демократический характер прессы, с другой, это нередко влечет за собой непродуманные действия со стороны ангажированных журналистов.

Список литературы:

1. Верховский А.М. Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2007 году / А.М. Верховский, Г.В. Кожевникова, О.А. Сибирева – М.: СОВА, 2008. 77 с.

2. Галактионова Н.А. Особенности освещения криминальной хроники: ксенофобия как ориентир современных СМИ / Н.А. Галактионова // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России (ТИПК). – 2014. – №2. С. 138 – 142.

3. Лисовский Ю.А., Самарин А.Н. Украина и Крым сквозь дым информационной войны / Ю.А. Лисовский, А.Н. Самарин // Конфликтология . – 2014. – №1. С. 57 – 76.

4. Пядухов Г.А. Преступность среди этнических групп внешних мигрантов / Г.А. Пядухов // Пядухов Г.А. Этнические группы мигрантов: тенденции притока, стратегии поведения. – Пенза: ПГАСА, 2003. С. 103 – 124.

ЭТОС И ЭТНОС: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЕРСИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

М.Г. Ганопольский –
д. философ.н., профессор,
главный научный сотрудник Института
проблем освоения Севера СО РАН

Слово *этнос* и производные от него (этничность, этнический) стали в последнее время довольно популярны. Из специальных научных текстов они проникли в речи политиков и статьи публицистов, утвердились в современном общественно-политическом лексиконе, легко преодолели и без того не слишком строгие терминологические рамки. В итоге, они приобрели преимущественно идеологическое звучание, что отрицательно сказалось на тональности обсуждения этносоциальных и этнокультурных проблем.

Этосу повезло несколько больше. Он, как правило, считается реликтом античной классики, слишком академичным для современных социально- политических интерпретаций. Разве что путаница, вызванная его сходством с *этносом*, приводит к некоторым недоразумениям. Они-то, по-видимому, и стимулируют версии совместного или же последовательного происхождения этих слов. Однако подобные выводы, обладая определенным эвристическим значением, ближе к народной этимологии, нежели к серьезному лингвистическому анализу. А поскольку такого рода анализ потребовал бы сопоставления понятий этоса и этноса, взятых в полном объеме, то народной этимологией всё, как правило, и заканчивается.

Данные заметки представляют собой попытку рассмотреть взаимодействие этих понятий в “региональном масштабе”, причем применительно к вполне определенному объекту – Тюменской области периода ее интенсивного индустриального освоения. Речь пойдет о воздействии индустриального этоса на этнокультурную ситуацию в регионе. Но что же такое индустриальный этос, да и этос вообще?

Слово э*тос* древнегреческого происхождения. Задолго до того как обрести пусть и размытый, но все же терминологический статус, *этос* означал логово зверя, птичье гнездо, затем – дом, местопребывание, совместное жилище. И только впоследствии – обычай, темперамент, характер, нрав. И хотя такой вариант этимологии порой оспаривается, несомненно другое: в формировании духовно-практического комплекса античной культуры доминирующую роль сыграло общностное, поселенческое начало. Иными словами, созидался этот комплекс преимущественно “по месту жительства”.

Как известно, Аристотель образовал от существительного *этос* прилагательное *этический*, а для обозначения совокупности этических качеств как особой предметной области знания ввел термин *этика*. Удачный

неологизм сделал свое дело. Этос постепенно утратил свою непосредственную значимость, произошла переакцентировка его содержания: на смену этосу места пришла этика поведения и действия, пусть и не всегда в явном виде.

Впоследствии этос неоднократно переоткрывался. На заре индустриальной эры статус термина придал этосу Макс Вебер. Хотя он и не позаботился о строгом определении, содержание понятия проясняется в контексте его исследовательской программы по изучению рациональности западного образца. Оперируя выражениями “профессиональный этос”, “хозяйственный этос”, Вебер стремился противопоставить житейскую мудрость, практическую нравственность рационально организованным формам деятельности. Этос у него – и нравственный ореол действия, и его импульс, и посредник между рациональной моралью и ее внерациональными основаниями.

Нестрогость дефиниции термина, намеренная нечеткость его употребления породили целый веер последующих интерпретаций. Расширительное толкование этоса как совокупности обычаев, образцов поведения, стиля жизни каких-либо сообществ сводит его к нравам. Понимание же этоса как добровольно принятых на себя некоторой социальной группой обязательств или согласованных правил поведения формализует этос, приближая его к этическому кодексу. По сути дела, в этих рамках и заключено большинство трактовок этоса, прямых или косвенных попыток понятийного анализа.

Вместе с тем ретроспективный взгляд на факторы, которые Вебер и его последователи считали необходимыми и достаточными для индустриального варианта развития, позволяет заметить нечто общее в их структуре и способах функционирования:

- процедурность, регламентированная последовательность действий или же логическая цепочка аргументов, то есть все то, что в наши дни обычно связывается со словами: *методика, технология, алгоритм*;
- эволюционное видение тех трансформаций, которые претерпел Запад на пути в “царство индустрии”;
- структурно-организационный анализ данной эволюции;
- наконец, взаимообусловленность этической и организационной сторон становления индустриального общества, выразившаяся в способах изменения социального порядка.

Следует сразу отметить, что рассмотрение этих моментов предпринято не с тем, чтобы анализировать индустриальное освоение северных сибирских регионов “с томиком Вебера в руках”. Скорее, наоборот – чтобы показать, что *этос* Вебера представляет собой зрелую, индустриальную форму этоса, столь же уникальную, как и тот тип общества, который был предметом анализа в его социологии. Соединение же необходимых и достаточных факторов индустриализации в северном сибирском исполнении произошло, как известно,

не по Марксу, не по Веберу и даже не по североамериканскому или канадскому сценариям. Тем не менее, большинство моментов, которые отразил Вебер в своей каузальной модели в той или иной степени определяли и продолжают определять индустриальный облик региона. Правда, освоение индустриального опыта потребовало соответствующего “перевода” каждой из составляющих. Каким же образом тогда осваивался индустриальный этос?

Индустриальная схема освоения, индустриальный язык в основе своей наднациональны. Они нивелировали национально-культурные различия, этническое своеобразие в жизни и деятельности людей, приехавших осваивать регион. Этому соответствовали идеологические установки периода активного освоения: принцип пролетарского интернационализма, тезис о советском народе как новой исторической общности. Как видно теперь, в этом нивелировании были свои плюсы и свои минусы. В подобном же ключе прямо или косвенно определялась судьба коренных народов Тюменского Севера. В те годы их будущее не слишком принималось в расчет, а подходящие идеологемы всегда были наготове.

В сообщении основное внимание будет уделено двум основным направлениям воздействия индустриального этоса на этнокультурную ситуацию в регионе.

Первое – это послойное индустриальное освоение. Первый слой, как известно, закладывался геологами, которым принадлежит честь открытия области в ее новом качестве. Так уж распорядились природа и административная практика, что Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция почти полностью уместилась в границах Тюменской области. Реализуя схемы поиска и разведки углеводородного сырья, геологи разметили территорию и подготовили ее к дальнейшему послойному освоению. При этом они произвели еще одну “разметку”. Геологические партии, экспедиции – это одновременно и производственные коллективы, и “кочевые” поселенческие микрообщности, а сами геологи в силу особенностей своей профессии – наиболее яркие представители безместного утопического сознания. Они не только задали региону первоначальный палаточный стандарт, окрашенный романтикой неустроенности, но и на старте процесса освоения предопределили субординацию организационных структур – подчинили структуру расселения задачам производства. Затем эту эстафету подхватили строители, для которых безместность собственной жизни подчинена новоместности Великой стройки. Нефтяники, газодобытчики в профессиональном отношении ориентированы на менее мобильную организацию, но и они стали следовать заданному стандарту. Таким образом, в основу жизни людей закладывались, с одной стороны, геологическая разметка территории в сочетании со схемой административного подчинения ее фрагментов, а с другой – динамичные индустриальные ритмы жизнедеятельности, которые требовали адекватных способов и структур расселения.

Действительно, в северной части Тюменской области на слабозаселенном, практически безлюдном пространстве за короткий период (два-три десятилетия) сформировалась урбанизированная система расселения. В отличие от староосвоенных районов, где такого рода системы вызревают не столь стремительно и, как правило, на основе расселения сельского типа, картина урбанизации Тюменского Севера была иной. Рисунок городского расселения здесь вначале оформлялся эскизно, затем проектным образом наносился на якобы чистое пространство, согласуясь в большей степени с динамикой послойного освоения территории, нежели с уже сложившейся расселенческой схемой, и лишь впоследствии усложнялся и рос на своей собственной основе. Это было обусловлено характером планомерного освоения обширной нефтегазоносной провинции, когда ведущим фактором становится размещение производственных объектов, приуроченных к месторождениям углеводородного сырья, а люди рассматриваются как мобилизуемый и распределяемый в необходимом количестве ресурс для их возведения и функционирования. В итоге пространственная структура современной Тюменской области стала результатом взаимодействия двух различных схем освоения-расселения: аграрной, складывавшейся в течение трех столетий, и промышленной, причем наиболее значим был период интенсивного индустриального освоения нефтегазоносного Тюменского Севера. Сформировался характерный для Тюменской области региональный этос, сочетавший динамизм производственных процессов с тенденцией оседлости и укоренения людей на новом месте.

В устном выступлении данные тезисы будут проиллюстрированы фрагментами структуры расселения Тюменской области, представленными в исторической динамике.

ВЫПУСКНИКИ АГРАРНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ НА РЫНКЕ ТРУДА

О.Н. Гончаренко –
к.истор.н., доцент,
директор института экономики
и финансов Государственного аграрного
университета Северного Зауралья

В настоящее время передовые в индустриальном отношении страны неуклонно отходят от ориентации на промышленное развитие и берут курс на создание экономики, основанной на знаниях. Это предполагает изменение характера трудовой деятельности, что выражается в смене приоритетов. Данный подход, сформулированный в Лиссабонской стратегии (март 2000 г.), утверждает приоритетную роль знаний и обучения в структуре общества и признает знания главной ценностью человека и общества. [3] Центральное место знаний в обществе означает переход к постиндустриальному обществу. Так же как и во всех европейских странах в России в начале 21 века остро стоит вопрос подготовки грамотного молодого поколения вне зависимости от профессии, способного самостоятельно решать жизненные вопросы, обладать конкурентоспособностью на рынке труда. Получая образование и рассчитывая на свою компетентность, многие выпускники современных вузов и средних учебных заведений не находят своего покупателя на рынке труда и вынуждены получать скромные пособия или минимальную заработную плату, несмотря на то, что молодежь – наиболее активный и перспективный слой населения с точки зрения кадрового резерва. Очень не простой является ситуация и в сельской местности. Эффективность производства в аграрном секторе экономики в значительной мере определяется кадровым потенциалом, формирование которого во многом зависит от сложившейся демографической ситуации на селе, существенно ухудшившейся. Идет процесс старения квалифицированных кадров и одновременно оттока молодых специалистов из села, что обусловлено объективными причинами. Наиболее острыми остаются проблемы – трудоустройство и закрепление молодых кадров на селе. Складывается исключительная ситуация: с одной стороны выпускаем специалистов, способных заместить все вакантные должности, с другой стороны эти вакансии регулярно не заполняются. Решение проблемы очевидно – необходимо либо вводить распределение, бытовавшее в советскую эпоху, либо агро-бизнес-сообществу подключиться к решению этой проблемы. Либерально-демократическая направленность развития современной России не позволяет вводить жесткие, ограничивающие права и свободы человека меры, поэтому остается обращаться вузу к государственным органам власти и к бизнес-сообществу. Для того чтобы выяснить готовность бизнес

сообщества к совместной работе по подготовке специалистов и понять как они оценивают уровень подготовки выпускников, существует ли проблема востребованности выпускников аграрных учебных заведений на конкретном предприятии был проведен в 2013 году социологический опрос (N-68) ведущих сельскохозяйственных организаций юга Тюменской области. [1, 77]

В нашей области несколько образовательных учебных заведений среднего профессионального образования, в которых готовят специалистов для аграрного производства. Непосредственное сотрудничество с производителями на протяжении всего периода обучения позволяет этим учебным заведениям быстрее реагировать на изменяющиеся потребности производства, на его заказ на подготовку специалистов.[1,67] Государственный аграрный университет Северного Зауралья (ранее ТГСХА) единственный в своем роде вуз занимающийся подготовкой специалистов для сельскохозяйственного производства в регионе. 56,92% респондентов сотрудничает именно с этим учебным заведением. 10,77% , в случае не возможности найти зоотехника, ветврача или иного специалиста обращаются в аграрные вузы соседних областей – 22% респондентов. Этот показатель подтверждается и результатами следующего вопроса «Выпускников какого Вуза Вы хотели бы видеть в числе своих сотрудников?». 75 % опрошенных опять выделили ГАУ Северного Зауралья, на втором месте ТГУ – 11%. Респонденты отметили необходимость всех направлений подготовки осуществляемых ГАУ Северного Зауралья, при условии если будут вакансии на предприятии. Таким образом, региональный аграрный вуз на сегодняшний день имеет именно те направления подготовки, которые необходимы для формирования кадрового резерва и планомерной работы сельскохозяйственного производства. [2,77] При сравнении заявленных потребностей на кадры работодателей сельскохозяйственных предприятий нашего региона и, сравнивая их с результатами опроса 2008 года, наблюдается сохранение общих тенденций нехватки специальностей естественнонаучных профессий, инженерных, технических и экономических. По мнению респондентов, самыми востребованными на сегодняшний день остаются специалисты со средним профессиональным образованием технического профиля – 37%; на втором месте ветеринарные фельдшера -26% и на третьем – специалисты по экономике и бухгалтерскому учету – 24%. Такие же специалисты требуются и с высшим образованием.[2,78] И это не случайно, так как современное сельское хозяйство имеет хорошие технические возможности, современную технику на которой должны работать и которую должны обслуживать профессионалы. Самая низкая востребованность, пока, присутствует на менеджеров и агроэкологов. Скорее всего, это связано с тем, что работодатели не знакомы с новыми направлениями и программой их подготовки, а так же возможно и с тем, что такие специалисты попросту не введены в штатное расписание предприятий. Кроме того, в первой половине 2009 года активно обсуждались проблемы диспропорций отечественного

высшего образования, что повлияло на формирование общественного мнения и, косвенно, на предпочтения работодателей. Тем не менее, общая ситуация и структура предпочтений остаются достаточно стабильными. Временной лаг между изменением запросов рынка труда и его влиянием на структуру выпуска специалистов составляет 4–5 лет (для дополнительного и послевузовского образования – 2–3 года), поэтому в ближайшее пятилетие выделенные нами специалисты будут востребованы.

Важным при трудоустройстве выпускника являются его личностные и профессиональные показатели, формирование которых осуществляется в образовательных профессиональных учреждениях аграрного профиля. Выпускники образовательных учреждений аграрного профиля востребованы на рынке труда. Руководители предприятий отмечают их профессионализм и дисциплинированность. Но при этом востребованным, что видно из ответов наших респондентов являются две основные специальности – механизация и ветеринария. Необходимо информировать работодателей о новых специальностях, образовательным учреждениям наладить более тесное сотрудничество в плане, как дальнейшего обучения, так и профориентационной работы. Организации, прежде всего предприятия производственной сферы, хотели бы нанимать на работу «готовых» специалистов, обладающих не только высшим образованием, но и опытом практической работы. Такой подход вполне оправдан с экономической точки зрения, однако в результате имеется большое количество выпускников вузов, не находящих работу по специальности, и одновременно – существенное количество незаполненных вакансий. Во многих отраслях недостаток специалистов с высшим образованием достигает примерно 20% (иногда даже до 40%), что является одним из факторов, препятствующим качественным изменениям технологии и организации производства. На основе собранных данных была рассчитана потребность респондентов в дополнительном образовании работников (на базе среднего специального образования). При допущении, что повышение уровня образования персонала будет осуществляться постепенно, в течение не менее 5 лет, и с учетом продолжительности периода обучения (3–3,5 года), расчетная потребность в дополнительном образовании достигает 6–12% от общей численности руководителей и специалистов ежегодно. К сожалению, работодатели частично не осознают эту проблему, либо не готовы не только оплачивать обучение своих работников, но и временно освобождать их на время обучения за свой счет от исполнения должностных обязанностей.[3]

Востребованность выпускников учреждений аграрного профессионального образования реально ощущается в обществе. Ближайшее десятилетие – это время когда будет ощущаться нехватка специалистов с высшим аграрным образованием, т.к. государство идет на сокращение вузов. В решении данной проблемы с одной стороны может помочь набирающая

обороты система предпринимательства и частного бизнеса, с другой стороны, естественно, никак не обойтись без помощи государства и поддержки местных органов самоуправления. Особенно необходима перестройка в образовательной деятельности современных учебных заведений. Сегодняшние аграрные профессиональные учебные заведения должены выпускать качественно иного специалиста с четкой профессиональной направленностью; выпускник должен быть уверен в востребованности своих знаний: специальности должны подбираться с учетом перспективных тенденций на рынке труда; на базе любого современного вуза или техникума/лицея необходима кадровая служба по работе с выпускниками, которая будет обеспечивать устойчивые взаимосвязи с действующими предприятиями-работодателями; должны организовываться курсы дополнительной специализации и повышения квалификации, практиковаться распределение на предприятия хотя бы наиболее перспективных выпускников. Естественно, система мер по решению проблем востребованности выпускников вузов не исчерпывается приведенным перечнем, существует огромное поле для творческого поиска путей выхода из сложившейся на рынке труда ситуации. В Тюменской области многое делается для закрепления кадров на селе.

С 2013 года накоплен опыт использования «пунктов коллективного пользования» при подготовке специалистов агропромышленного профиля в 8 профессиональных образовательных организациях области. Решается задача расширения содержательного взаимодействия с работодателями посредством их привлечения к процедуре сертификации квалификаций выпускников. Созданы новые инфраструктурные единицы (подразделения, кафедры) на «базовых» предприятиях региона, обеспечивающие адаптацию выпускников к условиям реального производства. Благодаря реализуемым организационным механизмам уровень трудоустройства выпускников находится на стабильно высоком уровне 60-70%. По оснащению, содержанию профессионального образования большинство образовательных организаций не отличаются от зарубежных. В регионе сформирован новый подход к планированию подготовки рабочих кадров и специалистов среднего звена на основе внешнего прогноза, анализа потребности регионального рынка труда в квалифицированных кадрах с учетом показателей эффективности деятельности организаций. Обновлен механизм подготовки кадров с высшим образованием в соответствии с потребностями экономики Тюменской области. Получили развитие программы прикладного бакалавриата по направлениям аграрного профиля. В целях развития олимпиадного движения профессионального мастерства WorldSkills Russia в Тюменской области к 2015 году перечень компетенций будет увеличен за счет номинации «Тракторист-машинист сельскохозяйственного производства».

Сформирован опыт профессионального ориентирования школьников сельских школ. Начиная с 2013 года, в ряде сельских территорий реализуется проект «Агропоколение», который является новым форматом

профориентационной работы, направлен на закрепление молодежи на селе независимо от выбранной профессии. В рамках проекта отрабатывается работа по организации системы кооперации старшей ступени школы с учреждениями дополнительного и профессионального образования, а также с промышленными, сельскохозяйственными, образовательными и индивидуально-частными предприятиями села на основе использования методов социальных проб и организации профессиональных практик. В проект вовлечено более 315 обучающихся сельских школ, начиная с 5 класса.

Новой инициативой ГАУ Северного Зауралья явился проект «Агроцивилизация», реализуемый совместно с филиалом Президентской библиотеки им. Б.Н.Ельцина в Тюмени. В рамках проекта осуществляется обучение всех школьников с 1 по 11 класс основам пользования фондами библиотеки в режиме удаленного доступа, а также получение школьниками знаний о преимуществах сельского образа жизни и основах аграрных профессий. Планируемые результаты и социальные эффекты направлены на формирование высокого уровня мотивации выпускников школ на получение профессии агротехнологического профиля с последующим закреплением на селе.

Список литературы:

1. Гончаренко О.Н., Зеленов Ю.Н. Востребованность выпускников системы СПО в аграрной сфере// Агропродовольственная политика. 2014. № 1. С. 67-70.

2. Кулов А.Р., Гончаренко О.Н., Кучеров А.С. Востребованность выпускников учреждений высшего профессионального образования в сфере агропромышленного комплекса// Агропродовольственная политика. 2013. № 9. С. 77-84.

3. Олейникова О.Н., Муравьева А.А., Аксёнова Н.М. Обучение в течение всей жизни как инструмент реализации Лиссабонской стратегии // http://www.omsktec.ru/files/doc/LLL-Lisboa_red.pdf

ИНОСТРАННЫЕ ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МОДЕЛЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С НАСЕЛЕНИЕМ

Н.П. Гончарова –
к.социол.н., доцент,
доцент кафедры эмпирической
социологии и конфликтологии Алтайского
государственного университета

Миграционные процессы в стране, особенно в ее приграничных регионах, масштабы и структура трудовой миграции определяют сегодня во многом современное состояние и перспективы их устойчивого социально-экономического развития [5; 190]. Помимо включенности в экономическую сферу мигрантские сообщества в определенной степени помогают преодолеть проблему существенного сокращения населения трудоспособного возраста, особенно его молодой части, которое практически вымывается из этих регионов. Высвобождение дополнительной рабочей силы за счет сокращения производств и закрытия ряда организаций усиливает вектор миграционных направлений населения приграничья [2; 126]. В сложившихся условиях приток трудовых иммигрантов из соседних стран происходит параллельно с нарастающим оттоком из приграничных регионов постоянного населения, т.е. происходит весьма неадекватное замещение населения по различным социально-демографическим и этническим признакам, нарушается социально-культурное равновесие в регионе.

Каков характер этнокультурного воздействия трудовой иммиграции на развитие регионального рынка труда? Улучшает она социально-экономическую ситуацию в регионе, пополняя рынок труда рабочей силой, способствуя притоку специалистов верхнего сегмента рынка труда, или поддерживает низкоквалифицированную работу, снижая уровень оплаты труда и способствуя «утечке» высококвалифицированных специалистов? И какие типы взаимоотношений иностранных трудовых мигрантов, отличающихся иной этнической культурой и традициями, с местным населением формируются в сфере труда и занятости? Способствуют ли они росту социальной напряженности на рынке труда или, напротив, культурному взаимообогащению и эффективному взаимодействию в этой области? Чтобы ответить на поставленные вопросы, проанализируем этнокультурный аспект взаимоотношений трудовых мигрантов с сельскими жителями в Алтайском крае, одном из приграничных аграрных регионов Сибири, который граничит с Республикой Казахстан, являясь, тем самым, естественным географическим звеном между западными и восточными регионами России с одной стороны и странами Средней Азии, Китаем, Монголией – с другой. Удобные

транспортные пути способствуют не только увеличению миграционных потоков и реструктуризации региональных рынков труда, но и распространению практик межкультурного взаимодействия.

Методология исследования представлена положениями институциональной концепции моральной экономики Дж. Скотта [6]. Также мы опираемся на труды исследователей, акцентирующих внимание на видах и стратегиях адаптации мигрантов в сельских сообществах (П.П. Великого [1], Т.Г. Нефедовой [3], В.В. Пациорковского [4] и др.). Информационная база сформирована на данных экспертного опроса 63 руководителей органов местного самоуправления, проведенного в 39 сельских муниципальных районах Алтайского края в 2014 г.

По данным экспертных опросов распространенность трудовой миграции в крае довольно высока. В более чем 70% районов трудятся мигранты из других стран и регионов страны. Помимо мигрантов, приехавших в 1990-е гг. в край из стран СНГ, прошедших адаптацию и во многом интегрированных в сельское сообщество, значительную часть трудовых мигрантов составляют временные мигранты из Казахстана, стран Средней Азии (Узбекистана и Таджикистана), Азербайджана и Армении; в последние годы существенно увеличилась трудовая миграция из Кореи и Китая.

Для выявления моделей взаимодействия трудовых мигрантов с местными сельскими жителями проведены нарративные интервью с трудовыми мигрантами, занятыми в сельском хозяйстве в отдельных районах края. Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ (проект «Трудовые мигранты в российском агропродовольственном комплексе: модели социально-экономического взаимодействия с коренным населением», № 14-03-00033а). Опишем одну из моделей таких взаимоотношений с использованием методики кейс-стади.

Трудовые и предпринимательские практики оседлых мигрантов в растениеводстве открытого типа. Такая модель взаимоотношений характеризуется высоким уровнем взаимодействия мигрантов с местными сельскими жителями как в сфере труда и бизнеса, так и в хозяйственно-производственной и культурно-бытовой сферах. Формируются устойчивые обменные практики, что приводит к максимально возможной кооперации с местными жителями, высокой социабельности в новой среде и активной адаптации мигрантов в сельском сообществе. Преобладает рассеянная (фермерская) форма расселения мигрантов, что способствует их ассимиляции при длительном периоде проживания. Важным фактором интеграции в местное сельское сообщество являются социальные сети мигрантов (диаспоральные, родственные, дружеские). Данный тип отношений характерен, прежде всего, для постоянной или безвозвратной миграции.

Характерным примером такой модели отношений является деятельность индивидуального предпринимателя С.Р. Мограбяна в Третьяковском районе

Алтайского края. Первоначально его трудовая деятельность была связана со строительством объектов животноводства в колхозах района и носила сезонный характер на протяжении нескольких лет. В перестроечный период началась его предпринимательская деятельность сначала в сфере реализации продукции животноводства, затем – торговли и реализации ГСМ, далее – полеводство (*«всегда хотел фермером быть, потому что в селе родился… Из колхоза ушел, землю свою забрал, взял в колхозе в аренду еще 1,5 тыс. га, попробовал – получилось… Так землей начал заниматься»*). Сегодня индивидуальный предприниматель имеет пошивочный цех для изготовления мешкотары (*«мешки шью для муки, на мельницы сдаем»*), мастерскую для сельхозтехники, новый «мехток» (механизированный ток) и несколько складов для хранения зерна (*«склады с нуля строил, у меня же ничего не было, только землю взял», «сейчас еще один склад строим, потому что тесно, когда много сортов выращиваешь, должны быть больше склады»*), обрабатывает 2860 га земли, из которых 1500 га – собственные угодья, остальная площадь взята в аренду у местных жителей по договору, согласно которому они обеспечиваются *«сеном, соломой, отходами, а если кому не надо, то деньгами за аренду земли»*.

Но не только арендодатели обеспечиваются сеном и соломой – все нуждающиеся сельчане могут получить продукцию «с доставкой на дом» (*«мы им по домам возим, чтоб людям удобно было»*), в дополнительном объеме (*«мы им еще сено, соломы лишней даем»*), по льготной цене или в рассрочку (*«200 тюков человек купил, у него коровы, сено негде брать, до сих пор даже половины суммы не отдал»*). Такая практика способствует формированию устойчивых обменных процессов между бывшим мигрантом и сельским сообществом. Также на устойчивость обменных практик влияет организация наемного труда местного населения. У предпринимателя работают в основном жители района, хотя встречаются сезонные и маятниковые мигранты (*«зять мой здесь, на поле трудится, вагончик у нас там», «приезжаем каждый день из Горняка* (прим. – Локтевский район)*», «полгода как приехал, через полгода только я отсюда уезжаю»*).

Положительный опыт руководителя не только способствовал развитию предпринимательской деятельности в растениеводстве (*«после меня еще три предпринимателя пошли на землю»*), но и стимулировал большой приток в район трудовых мигрантов из Армении («*Сурен позвал, он же земляк наш», «они же родственники, ну как не помочь»*), многие из которых остались на постоянное местожительство и постепенно ассимилируются. Существенным фактором ассимиляции являются межэтнические браки (*«у меня жена русская, и у сына моего – тоже русская»*), которые существенно облегчают обменные процессы между мигрантами и местными жителями. В процессе межкультурного взаимодействия и естественной ассимиляции мигрантов в местах вселения происходит обмен производственными технологиями (*«отец*

вручную сеял и убирал, у нас по косогорам комбайн не идет»), знаниями языка (*«у меня жена русская, армянский знает, и внучку я научил»*).

Оценка воздействия трудовой миграции на экономику региона и занятость в АПК. Экспертные оценки показывают, что в последние годы существенного влияния мигрантов на ситуацию с занятостью в АПК сельских районов Алтайского края не ощущается, мигранты не конкурируют с местными жителями за рабочие места (так считает 78% экспертов). Вместе с тем встречаются точки зрения (16% экспертов из 10 районов края) о наличии некоторого влияния: незначительную часть таких рабочих мест мигранты все-таки занимают. И только эксперт из Бийского района оценил такое влияние как значительное: *«мигранты занимают значительную часть таких рабочих мест, на рынке труда растет напряженность»*.

Несмотря на это, трудовая миграция оценивается экспертами преимущественно как позитивный фактор социально-экономического развития региона. Так, в первую очередь позитивная роль трудовой миграции отводится пополнению рынка труда различной по квалификации рабочей силой (более 60% экспертных оценок), а также довольно часто – выполнению мигрантами низкоквалифицированной работы, за которую не берутся местные жители (47%). Кроме того, положительное воздействие трудовой миграции проявляется в увеличении численности населения трудоспособного возраста в районе (29%). Среди положительных последствий трудовой миграции экспертами также названы обогащение местного населения знаниями о культуре и традициях стран мигрантов, увеличение рождаемости вследствие более высокой репродуктивной активности мигрантов и появления смешанных браков, передача местному населению знаний и опыта мигрантов в сфере ведения сельского хозяйства.

Между тем эксперты отмечают и нежелательное влияние трудовой миграции на ситуацию в регионе, что выражается в развитии неформальной занятости и теневой экономики (так считает 24% экспертов), снижении уровня оплаты труда (18%). Также прозвучали единичные мнения о повышении социальной напряженности в регионе, росте преступности и коррупции из-за проблем взаимодействия мигрантов с местным населением.

Оценка экспертами направлений совершенствования процессов взаимодействия трудовых мигрантов с сельскими жителями. Для повышения эффективности воздействия трудовой миграции на развитие регионального рынка труда и формирования эффективных практик взаимодействия между трудовыми мигрантами и местным населением, основанных на развитии доверительных кросс-культурных отношений, необходимо не только усилить реализацию существующих мер миграционной политики по первичной адаптации мигрантов, связанных с изучением русского языка и культуры страны, региона, сельских сообществ, сокращением масштабов нелегальной миграции, но и совершенствовать политику более

глубокой адаптации и интеграции мигрантов на основе создания комплекса условий их комфортного проживания в сельской местности, обеспечения социально-экономических условий для их самореализации.

Особое внимание должно быть уделено поддержке практик взаимодействия трудовых мигрантов и местного населения, основанных на взаимном знакомстве с культурными особенностями, формировании уважения к традициям обеих сторон (*«больше знакомить население сельского района и Алтайского края в целом с культурой этих народов, а мигрантов – с культурой района и края»*). Развитие межкультурного общения будет способствовать изменению языка и рода деятельности, совершенствованию социально-экономического взаимодействия, что, в свою очередь, станет условием увеличения производства сельхозпродукции и воспроизводства агропромышленной сферы в целом.

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России № 28.1475.2014/К «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

Список литературы:

1. Великий П.П. Российское село. Процессы постсоветской трансформации. – Саратов, 2012. – 340 с.
2. Горина К.В., Фалейчик Л.М. Особенности иностранной трудовой миграции в контексте развития приграничного региона востока России // ЭКО. – 2014. – №9. – С. 118-133.
3. Нефедова Т.Г. Нерусское сельское хозяйство // Отечественные записки. Административная реформа. – М., 2004. №2. – С. 441–458.
4. Пациорковский В.В. Сельско-городская Россия. – М.: ИСЭПН РАН. 2010. – 390 с.
5. Сергиенко А.М., Гончарова Н.П. Трудовые мигранты в сельском хозяйстве: практики взаимодействия с местными сельскими жителями приграничного аграрного региона // Известия Алт. гос. ун-та. – 2015. – №3/1(87). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. – С. 190–194.
6. Скот Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. – М., 1992. – С. 202–210.

О КАЧЕСТВАХ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ СОВРЕМЕННОГО ВУЗА

Д.Л. Данилов –
аспирант кафедра теории
и истории социологии
Уральский федеральный университет

Инновационные вызовы в образовании, стремление вузов России закрепить статус конкурентоспособных игроков единого международного образовательного пространства – все это предъявляет новые требования не только к высшей школе, но и к ее основному ресурсу – преподавателям. Проблема, которая заключается в том, как преподавателям вузов соответствовать ожиданиям, возлагаемым на них государством, министерством образования и науки РФ, абитуриентами, студентами, работодателями и вузами, при условии высокой вариативности профессиональной деятельности, где наиболее значимая роль сегодня отводится научно-исследовательской работе (университет – это обязательно научно-исследовательский комплекс), инициировала обращение автора данной статьи к рассмотрению качеств преподавателей вузов.

Рассматривая общие теоретические подходы А. А. Дульзона, О. М. Васильевой [1], Н. Н. Ставриновой, Т. М. Захожей [4], предполагающие разработку модели компетенций преподавателя вуза, а также *результаты эмпирических социологических исследований*: нашего исследования «Инновационный потенциал профессиональной деятельности преподавателей российских вузов» 2014-2015 гг. (эмпирическую базу которого составил анкетный опрос преподавателей автономных вузов (28,9%), бюджетных вузов (61,8%), негосударственных вузов (9,3%); выборка квотная целевая N=204) и исследования О. И. Поповой «Современный взгляд на профессию преподавателя вуза» 2012 г. (Интернет-опрос преподавателей, N=58) [3], отметим, если первые представляют собой определенную и, в некоторой степени, универсальную структуру, которая в зависимости от условий среды может быть скорректирована, то *вторые* нацелены на замерение личностных и профессиональных качеств преподавателей.

Далее представим результаты исследования по аспекту «качества преподавателя», но прежде кратко оговорим, что в данной статье мы не будем уделять внимание операционализации понятий «качество»/«компетенция», понимая под последним *право* специалиста осуществлять определенный пласт профессиональных задач (с точки зрения формальных требований к личностным, профессиональным качествам), принимая во внимание их общие «грани», и, отрицая полное тождество двух понятий.

О крайней актуальности рассмотрения структуры и содержания профессиональной *компетентности (как умении пользоваться правом)* профессорско-преподавательского состава вузов, обладающего потенциалом формирования необходимых компетенций у студентов, пишут авторы подходов, о которых говорится выше. Одним из положений выступает следующее – «мода» на компетенции без анализа реальных потребностей *конкретного вуза* приведет лишь к номинальному созданию моделей (ради создания, без дальнейшего использования) [1; 30], [4; 127]. Когда мы говорим о качествах современного преподавателя (личностных, профессиональных) важно понимать на какую конкретную цель эти качества будут работать. К примеру, если в качестве конкретной цели выступает повышение имиджа вуза, то результатом будет реальный инструмент для отбора кандидатов на замещение должностей профессорско-преподавательского состава. По мнению авторов Н. Н. Ставриновой, Т. М. Захожей, преподаватели должны обладать такими качествами, которые позволяли бы им успешно осуществлять как минимум пять видов деятельности: предметную (куда включена и воспитательная), инновационную, научно-исследовательскую, коллективного самоуправления и саморазвития [4; 127]. Ключевые качества преподавателей высшей школы можно зафиксировать только относительно конкретной образовательной системы, в которую они включены.

Учитывая, что деятельность преподавателей вуза в целом лишь наполовину построена на рациональной технологии (другая половина – профессиональное творчество) [4; 129], при том, что научная работа как неотъемлемый ее компонент построена на чистом рационализме, представим некоторые качества представителей данной профессии в оценках самих преподавателей – участников опроса, исходя из *трех групп интегральных качеств* [4; 128]: личностных, коммуникативных (взаимодействие), деятельностных (действие), поскольку они на наш взгляд представляют собой универсальную структуру, применимую к профессиональной деятельности преподавателей любого вуза, как впрочем и универсальная (но более подробная) модель компетенций, предложенная А. А. Дульзоном, О. М. Васильевой [См. подробнее: 1; 32-36].

Личностные качества. Особенностью этой интегральной компетенции является включенность в ее структуру, наряду с личностными качествами, профессиональных качеств. (В нашем исследовании, а также исследовании О. И. Поповой и подходе А. А. Дульзона, О. М. Васильевой они представлены отдельной группой). К ним мы отнесем: креативность (77%), восприимчивость к новому (73,5%), инициативность (67,6%), мобильность («легкость на подъем») (51,5%), стрессоустойчивость (39,7%), стремление к изменениям (28,9%), умение рискнуть в сфере своей компетенции (18,6%).

Конкретизируя вышеперечисленные качества через компетенции второго и третьего уровней [1; 33], отметим, что *стрессоустойчивость* относится к компетенции здоровьесбережения (это из разряда тех, которые характеризуют человека как личность, субъект деятельности и общения, компетенции I уровня);

К профессиональным качествам отнесем: знание предмета на современном уровне (82,8%), практический опыт (58,6%), умение связывать теорию с практикой (51,7%), стремление совершенствовать содержание и формы деятельности (51,7%), доступность объяснения (48,3%) и объективность (24,0%). Первое качество является одновременно не только профессиональной, но и профессионально-педагогической компетенцией 4-го и 5-го уровней [1; 35], а *объективность* – компетенцией ценностно-смысловой ориентации в мире (2-го уровня).

Возвращаясь к началу статьи, где мы говорим о международном образовательном пространстве как стимуле для инновационно-ориентированных вузов, укажем на чрезвычайную необходимость еще одного качества – владения иностранным языком, которое мы относим к разряду профессиональных. В свою очередь, авторы А. А. Дульзон и О. М. Васильева – к компетенции самосовершенствования, саморегулирования, саморазвития, личностной и предметной рефлексии [1; 33]. Так, по результатам исследования Д. Ю. Нархова, только 9,4% преподавателей вузов России владеют иностранным языком в совершенстве и лишь 14,1% преподавателей способны использовать язык в процессе аудиторной работы [2; 18].

Коммуникативные качества. Сюда отнесем *умение работать в команде (34,4%),* которое выступает компетенцией социального взаимодействия с коллективом (а это уже другая интегральная компетенция А. А. Дульзона, О. М. Васильевой «обеспечивающая социальное взаимодействие человека и социальной сферы», I уровня);

Деятельностные качества. На них мы подробно останавливаться не будем, по той лишь причине, что они, по нашему мнению, неразрывно связаны с профессиональными (представлены выше). Необходимым и достаточным доказательством этого факта является то, что ядром носителей профессии «преподаватель вуза» как особой профессиональной общности является профессиональная деятельность, которая отражает состояние их познавательной рефлексии, а также умения работать с информацией и ею управлять.

Подводя некоторый итог сказанного выше, отметим, что результаты нашего исследования демонстрируют в общем и целом значимые для самих преподавателей качества носителей этой профессии и не ограничиваются номинальным перечислением личностных характеристик. Осознание единственно постоянной величины изменчивого мира – его изменчивости, наряду с требованием, предъявляемым к преподавателям современного вуза –

высокого профессионализма, усиливает острую необходимость ценностной переориентации их профессиональной деятельности, одними из ключевых элементов которой, по нашему мнению, призваны стать такие качества как «стремление к изменениям» и «умение рискнуть в сфере своей компетенции», что находит подтверждение в воззрениях Н. Н. Ставриновой, Т. М. Захожей о создании таких условий для профессионального роста, которые бы способствовали стремлению заглянуть вперед и поиску новых стратегических путей развития нового поколения [4; 131].

Выбор разных критериев для классификации качеств преподавателей высшей школы приводит к тому, что в трудах исследователей одно и то же качество может быть отнесено к разным интегральным группам и уровням компетенций. Однако, именно эта неоднозначность восприятия проблемы, проистекающая из целей и задач конкретного исследования, приводит к определенным трудностям в осмыслении «идеального» образа и имиджа преподавателя XXI века (как образа «собирательного», с одной стороны, и уникального с другой), что требует дальнейшего ее анализа и системной проработки.

Список литературы:

1. Дульзон А. А., Васильева О. М. Модель компетенций преподавателя вуза // Университетское управление. 2009. № 2. С. 29-37.

2. Нархов Д. Ю. Преподаватели высшей школы как ресурс модернизации высшего профессионального образования : автореф. дис. … канд. социол. наук. УрФУ, 2014. [Электронный ресурс] // URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/27017/1/urgu1419s.pdf (дата обращения: 10.05.2015).

3. Попова О. И. Преподаватель вуза: современный взгляд на профессию. Опыт социологического исследования // Педагогическое образование в России. 2012. № 6. С. 112-119.

4. Ставринова Н. Н. Захожая Т. М. Компетентностная модель и личностные качества преподавателя высшей школы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 3 (18). С. 125-131.

НУЖНА ЛИ КАРЬЕРНАЯ СТРАТЕГИЯ НОВОМУ ПОКОЛЕНИЮ?

Л.П. Домрачева –
к.эконом.н., доцент кафедры финансов
и экономической безопасности
Вятского государственного университета

Е.В. Лаптева –
магистрант кафедры государственного
и муниципального управления
Вятского государственного университета

На сегодняшний день, ситуация на рынке труда, предстает перед нами не в лучшем свете. Многих из тех, кому сейчас от 20 до 30 лет, имеющих образование и хороший трудовой потенциал, уже не привлекает идея карьерного роста, так сказать, идея поступательного движения вверх к успеху и славе. По данным рекрутинговой компании Hay's, четверть из них за свою жизнь хотели бы поработать в семи или даже десяти местах, а возможно – и в разных сферах, чтобы получить разносторонний опыт [1].

Тенденции в выборе и частой смены рабочего места нынешней молодежи, поколения миллениума, показывает на их заинтересованность в работе в небольших фирмах, коллектив которых состоит все больше из коллектива единомышленников, в котором директор или руководитель является идеалом и примером для всех сотрудников. Именно всеобщая заинтересованность в достижении целей и «наглядный пример» идеала, творца фирмы-коллектива, позволяет реализовывать потенциал каждого сотрудника, не решая задачи «сверху», в приказном или обязательном порядке, а реализовывать общепринятые, разработанные всем коллективном в равных частях проекты, задания, задачи взаимодействуя между собой, всеми сотрудниками без исключения. Останавливаясь на таком стиле работы, поколение миллениума придерживаются удобного для них гибкого графика работы с возможностью больше времени проводить с семьей, друзьями, путешествовать. Ну и конечно же, возможность реализовать себя, раскрыть и развить свой трудовой потенциал, свои возможности.

Так же стоит отметить, что половина представителей нового поколения, по-прежнему настроена на формат отношений «начальник–подчиненный», но столько же хотят видеть в руководителе, скорее, гуру и вдохновителя. «Дело не только в возрастных различиях, – считает карьерный консультант Алексей Улановский. – Технологии стремительно устаревают, меняется структура общества. Опыт предшественников уже не помогает при решении новых задач. В этих условиях традиционные модели корпоративной структуры просто не работают» [1].

Карьерная лестница сегодня уже никуда не ведет. – так говорит «Поколение Y». Гоняясь за «недостигаемыми карьерными вершинами», сотрудники фирм теряют интерес к самой работе, растрачивая свой трудовой потенциал, трудовую энергию совсем не на реализацию целей компании и достижения ее миссии

Еще 20–30 лет назад индивиды стремились найти ту самую работу, или отрасль, которой хотели посвятить, и посвящали всю свою жизнь. Разрабатывая для себя на всю жизнь конкретную карьерную стратегию вопределенной отрасли. Сейчас же, молодых специалистов страшит любые идеи о долгосрочных трудовых обязанностях, замкнутость и однообразность вработе. А ведь именно за долгосрочные трудовые контракты, управленцами и государством в целом, нам даруется защита наших прав, гарантии, уверенность в завтрашнем дне, льготы, поощрения.

Причиной страха и несерьезности нынешней молодежи, по нашему мнению, является часто меняющиеся условия труда, трудовые функции, систематическое изменения рынка труда, повышенные запросы к молодым специалистам самими работодателями, отсутствие необходимых навыков и практики, стремительное старение профессиональных знаний и т.д..

XXI век крадет одну из «священных коров» человека – ясную и неизменную профессиональную идентичность. Быть последовательно и преданно «юристом», «экономистом», «журналистом» становится необязательным. Наши профессиональные интересы гораздо более динамичны и изменчивы, чем принято было считать ранее. Поэтому требование выбора профессии на всю жизнь, вызывающее священный трепет родителей подростков, теряет сегодня свою остроту и смысл[2].

Таким образом, можно сделать вывод, что вырабатывать долгосрочную карьерную стратегию, для поколения миллениума – это пережитки прошлого. Человек, поколения Y, обусловливает для себя определенный перечень ценностей: независимость, свобода, развитие, удовлетворенность. Скорее всего, такой человек будет оценивать свою работу не по размеру заработной платы, статусу, а по психологической удовлетворённости от работы, по уровню психологического успеха.

Кроме того, такое отношение индивида к своей профессиональной деятельности (а именно, отсутствие четко выверенной карьерной стратегии в определенной области и неукоснительное ее осуществление) предполагает более легкий, свободный рост, обучение и обновление на протяжении всей жизни, а также большую мобильность сотрудника не зависимо от выбранной им специальности.

По нашему мнению, при ориентации и заинтересованности работодателя в работниках поколения миллениума, стоит применять такие методы управления:

Определение пожеланий миллениумов, и отличия их от требований и пожеланий работников раньше;

Четкое предложение потенциальным работникам индивидуальной системы вознаграждений и мотивации (управленцы должны своевременно реагировать на ситуации, проверять их актуальность, пересматривать свои обещания);

Возможность применения ротации заданий, постановки задачу по поиску новых путей организации процессов и проявлению изобретательности.

Налаживание регулярной обратной связи, подчеркивая положительные достижения, улучшения качества работы или на оборот.

Предложение гибкости в рабочем процессе.

Разработка большого количества уровней или каких-либо других «наград», вместо традиционной карьерной лестницы (Продвижение будет происходить не зависимо от стажа работы или возраста)

Таким образом, отметим, что современные трудовые отношения, положение экономики требуют намного больше гибкости, адаптивности к изменениям, обучения на протяжении всей жизни, анализ своей деятельности, аудит своего профессионального движения.

Список литературы:

1. Улановский А. Поколению Y не нужна карьера// Psychologies.ru – сетевой журнал 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.psychologies.ru (дата обращения: 20.08.2015).

2. Вишневская А. [Электронный ресурс]. URL: //http: www.pwc.com (дата обращения: 21.08.2015).

3. Федотова Н. Жизненные стратегии молодежи. Библиотека НАДПРОФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.nadprof.ru/library/books/teenstrategy.shtml (дата обращения: 21.08.2015).

4. Кожемякин В.К. Управление персоналом: учебник для вузов. – СПб:Питер, 2010.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЛИФТОВ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ В НАЧАЛЕ XXI В.

Э.В. Енчинов –
к.истор.н., ст.научный сотрудник
Научно-исследовательского института
алтаистики им. С.С. Суразакова

Любое общество стратифицировано и должно время от времени проводить ротацию, как внутри одного слоя, так и между слоями. Традиционно под социальными лифтами понимают – условное наименование совокупности факторов, оказывающих определяющее влияние на вертикальную социальную мобильность. Традиционно социальные лифты представлены такими социальными институтами как: армия, церковь, семья, брак, образование и собственность. И такого рода «лифт» может переместить человека, целые группы людей как в восходящем направлении, так и в нисходящем.

В историографии и теории вопроса, как и вообще проблемы трансформации социальной структуры страны и ее регионов большой вклад в понимание проблемы внесли труды таких исследователи как З.Т. Голенкова, Т.И. Заславская, Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, О.И. Шкаратан и др.

Рассмотрим особенности трансформации социальных лифтов в Республике Алтай в начале XXI в., нисколько не умоляя значений традиционных социальных лифтов как семья, собственность, образование, остановимся на таких как правоохранительные структуры, средства массовой коммуникации, спорт, общественные и религиозные организации и объединения.

Правоохранительные структуры, являясь важной составной частью регулирования жизни социума, также служили и служат активным социальным лифтом и в Республике Алтай. Под правоохранительными структурами мы подразумеваем систему правоохранительных органов, состоящую из подразделений полиции (до 1 марта 2011 г. милиция), ГИБДД, ОМСН, ОМОН и др. В правовом отношении данные структуры представляют собой систему государственных органов исполнительной власти, выполняющих функции поддержания общественного порядка и стабильности в стране, области, регионе.

Усердная, добросовестная служба в рядах полиции позволяет многим преодолевать притяжение своей страты и переходить на другой социальный уровень. Так, например, социологи В.И. Добреньков, А.И. Кравченко на примере советского общества установили, что работа в милиции представляла один из постоянно действующих каналов социальной мобильности, в частности перемещения из деревни в город, и происходило это в значительной степени из-за дефицита горожан, желающих служить

в милиции. В московскую милицию принимали отслуживших в армии молодых людей в возрасте до 35 лет и не имеющих московской прописки. Иного способа попасть в столицу, как только устроиться в милицию у выходцев из российской глубинки могло и не существовать. Не только армия и милиция, но и силовые структуры в целом раньше и теперь выступают мощным каналом вертикальной мобильности, позволяющим людям совершить восхождение из периферийных в центральные сегменты общества [1; 405].

Особенностью данного лифта в исследуемом регионе то, что географическая мобильность, приведенная в примере, не является мотивирующей, хотя опосредованно может влиять на восходящую мобильность индивида или мобильность членов его семьи. В Республике Алтай работа в силовых структурах, вне зависимости от места проживания считается, почетной и престижной, позволяющей с уверенностью смотреть служащему в завтрашний день.

СМИ. **Спорт**. **Общественные и религиозные организации, объединения**. Набирающими силу механизмами социальными продвижения нового поколения стали такие социальные институты как средства массовой информации, спорт, общественные и религиозные организации, рост влияния которых во многом связывается с ростом гражданско-правового сознания, медиа культуры, процессами глобализации.

СМИ представлены Государственной телерадиокомпанией «Горный Алтай» являющейся филиалом ВГТРК и газетами республиканского и муниципального уровней. Динамика роста тиража газет и появления новых газет свидетельствует о большом спросе и интересе проявляемого гражданами к общественной жизни, соответственно усиления влияния той или иной газеты, журналистов, редакторов. На 1999 г. в регионе издается 13 газет с тиражом 44,9 тыс. экз.; в 2002 г. – 14, тираж 57,1 тыс. экз.; в 2005 г. – 14, тираж 56,0 тыс. экз.; в 2007 г. – 18, тираж 56,7 тыс. экз. [2; 131, 3; 179, 4; 209]. Увеличение количества изданий связан с включением в информационное поле не только муниципалитетов, но и с ростом интереса населения к тематическим изданиям («Сельская новь», «Горный вестник» и др.). Активное обсуждение общественно-политической жизни республики велась на страницах таких газет как: «Постскриптум», «Листок», что позволило в дальнейшем главному редактору газеты «Листок» С.С. Михайлову стать депутатом Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай. Отметим, что данный пример не является массовым, это опять-таки единичные случаи, но позволяющие говорить о существующих потенциальных возможностях.

Спорт в современном мире служит значимым механизмом социального продвижения, позволяющим совершать восходящую мобильность, в кратчайшие сроки, несмотря ни на группу здоровья, социальное, имущественное положение. Сложное экономическое положение 90-х гг. XX в. не позволяло многим талантливым спортсменам проявить себя в полной

мере. Закрывались спортивные учреждения, прерывались спортивные династии, но ни смотря ни на что спорт в республике был сохранен. С 2000-х гг. восстанавливаются спортивные школы и учреждения, появляются новые виды спортивных секций, такие как: гребля на байдарках и каноэ, рафтинг, кикбоксинг, айкидо и т.д. Высокие результаты традиционно показывают борцы, широко известны имена таких мастеров спорта как Витайлий Уин, Валерий Сороноков, Аймерген Аткунов не раз занимавшие высшую ступень пьедестала на соревнованиях различного уровня. Спорт продолжает оставаться важным социальным институтом для целеустремленных, физически и интеллектуально развитых молодых людей, который может принести дивиденды в виде социального и материального роста. Общая динамика численности занимающихся в спортивных секциях и группах (с 2004 г.) такова: на 2004 г. – 14657 чел.; 2006 г. – 13479 чел.; 2008 г. – 15637 чел.; 2010 г. – 21724 чел.; 2011 г. – 24651 чел. [4; 213, 5; 218]. Исходя из приведенных данных, особенно последних лет, можно констатировать, что современная молодежь, достаточно активно ориентируется на спортивный лифт, но как на один из вспомогательных. Данная ориентация хорошо описывается императивом «спорт вложение в собственное будущее».

Общественные и религиозные объединения, организации в изучаемом периоде окончательно стали «нормой» общественной жизни. В 90-х гг. XX в. в обществе наблюдался эффект маятника, когда люди кидались из крайности в крайность, как например, атеист становился верующим и наоборот. В 2000-х гг. с относительной стабилизацией общественной жизни, люди целенаправленно, обдуманно основывают и вступают в те или иные общественные и религиозные объединения. Стабильным остается рост числа, как общественных, так и религиозных объединений, организаций на 1999 г. общественных – 231 и религиозных – 25; 2001 г. – 239 и 33; 2005 г. – 353 и 40; 2007 г. – 260 и 41; 2012 г. – 200 и 44 [2; 17, 4; 42, 5; 42]. Общественные организации и объединения были представлены различными культурно-досуговыми, молодежными, детскими организациями, общественными фондами, объединениями инвалидов войны и труда, ветеранов, политическими партиями и общественно-политическими объединениями. Религиозные организации, состоящие из добровольного объединения граждан Российской Федерации, иных лиц, постоянно и на законных основаниях, проживающих на территории Российской Федерации, образованные в целях совместного исповедания и распространения веры [5; 43]. Такие организации как, Русская православная церковь, Римско-католическая церковь, религиозные организации Духовного управления мусульман азиатской части России, община буддистов «Ак-Буркан», непротестантские религиозные организации, также незарегистрированные традиционные религиозные движения, осуществляющие свою деятельность самостоятельно [6; 43]. Как общественные, так и религиозные организации, объединения оказывают свое влияние на

социальную стратификацию в Республике Алтай. Так лидеры политические партии, движений благодаря своей деятельности, деятельности партии могут переходить на более высокую страту, даже если ранее человек его родители не принадлежали к верхней страте. Религиозные организации также способствуют социальному восхождению своих наиболее одаренных, деятельных членов.

Таким образом, в первом десятилетии система социальных лифтов в Республике Алтай претерпела трансформации появлением новых сочетании социального продвижения с такими социальными институтами как – силовые структуры, средства массовой информации, спорт и религия, по сравнению с 90-и гг. XX в., когда основной акцент был на собственности и традиционных социальных лифтах как семья, брак, образование.

Список литературы:

1. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3 т. Т. 2: Социальная структура и стратификация. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 519 с.
2. Республика Алтай в 2001 году. Статистический ежегодник. – Горно-Алтайск, 2002. – 382 с.
3. Республика Алтай в 2004 году. Статистический ежегодник. – Горно-Алтайск, 2005. – 382 с.
4. Республика Алтай в 2008 году. Статистический ежегодник. – Горно-Алтайск, 2008. – 436 с.
5. Республика Алтай в 2012 году. Статистический ежегодник. – Горно-Алтайск, 2012. – 427 с.
6. Хвастунова Ю.В. Некоторые методологические аспекты исследования религии (на примере религиозной ситуации в Республике Алтай) // Вестник. Том. гос. ун-та. – Томск, 2012. № 365. – С. 42–44.

ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННЫХ ОТХОДНИКОВ ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Н.Н. Жидкевич –
аналитик проектно-учебной лаборатории
муниципального управления
Национального исследовательского
университета
Высшая школа экономики

Явление внутрироссийской временной трудовой миграции, названное учёными современным отходничеством [см., напр., 1-4], получило широкое распространение после кризиса 1998 г. как реакция на безработицу и снижение уровня доходов в провинции. Спрос на труд мигрантов предъявляют Москва, Санкт-Петербург, другие крупнейшие российские города, а также нефтегазодобывающие районы. Отходничество решает две важнейшие задачи: в значительной мере снимает проблему территориально-экономических диспропорций и удовлетворяет потребность населения в улучшении своего уровня жизни.

Центр оттока отходников, в первую очередь – глубинка, малые и средние города и сёла, которые в кризисные годы «потеряли» основные предприятия и хозяйства. Отходничество затрагивает и некоторые крупные города, в том числе региональные центры [5, 6], но масштабы его там не так значительны. Первыми отходниками стали жители малых и средних городов, где предприятия быстро обанкротились и закрылись, и жители были вынуждены искать способы адаптации к трансформировавшейся экономической системе [7, 8]. В меньшей степени от этих процессов пострадали города с особым статусом – приграничные, военные, северные. На особом положении остались также города, находящиеся в агломерациях мегаполисов: для них решением проблемы дефицита рабочих мест с приемлемыми заработными платами уже не первое десятилетие являлась маятниковая миграция. В сельской местности рабочие места некоторое время обеспечивались засчёт продолжавших функционировать колхозов и совхозов, но затем свернулись и они [9, 10]. Стагнация экономики в сельской местности шла параллельно с её оживлением в малых городах, что позволило исследователям сделать предположение о перемещении центров оттока отходников из малых городов в сёла и деревни [8]. Представляется, однако, что это не совсем так: происходит не перемещение центров оттока, а более равномерное распределение их по территории периферии и вместе с тем увеличение масштабов явления. Наконец, в последнее десятилетие отходничество получило распространение на востоке страны, тогда как

изначально явление было характерно преимущественно для европейской России [8]. По нашим оценкам, на сегодняшний день до трети всех семей страны имеют хотя бы одного трудоспособного члена, занятого отходничеством [10; 87].

Каков потенциал этой группы населения для регионального развития? Вопрос этот разбивается на более частные, а именно: 1) почему отходники не работают по месту жительства? 2) хотели бы они вернуться к работе в своём городе или селе? 3) на каких условиях они готовы были бы работать? 4) насколько эффективной была бы их работа? Иными словами, нужно ли органам власти стремиться к тому, чтобы отходники оставляли работу «на стороне» и работали на восстановленных или вновь открывшихся предприятиях?

Трудоустройство отходников по месту жительства важно не только с экономической, но и с социальной точки зрения. Выездной образ жизни провоцирует большое число социальных проблем, таких как напряжённость супружеских отношений, пробелы в воспитании детей и общее «выпадение» отходников из системы местного общества.

Ответить на поставленные вопросы попытаюсь с помощью материалов исследований отходничества, проведённых в 2011-2014 гг. рамках проектов Ю.М. Плюснина «Отходники в малых городах России» (при финансовой поддержке Фонда «Хамовники») и «Отходники в малых городах» (по гранту РГНФ) (при участии автора) и проекта автора «Социальный портрет современного российского отходника» (при финансовой поддержке Фонда «Хамовники»). Материалы получены в 60-ти населённых пунктах 30-ти муниципальных районов / городских округов 15-ти российских регионов: в Архангельской, Вологодской, Ивановской, Костромской, Ленинградской, Нижегородской (в её заволжской, лесной части), Пензенской, Псковской, Рязанской, Саратовской, Тверской, Ярославской областях, в Пермском крае, в Мордовии и Чувашии. Основными методами исследования были глубинное полуструктурированное интервью и наблюдение. Всего собрано 140 интервью с отходниками и близкими членами их семей, а также 209 интервью с прочими местными жителями, оценивавшими образ жизни отходников «со стороны».

Наши наблюдения показывают, что каждый шестой отходник, как и следует ожидать, был вынужден уехать на заработки по причине нужды, острой необходимости содержать семью. Остальные отходники, которых меньшинство, были мотивированы либо стремлением заработать бóльшие деньги (так как разрыв в заработных платах относительно любой работы в столице и провинциальном городе существенен), либо жаждой новых впечатлений (на это ориентированы молодые несемейные отходники), либо индивидуальными мотивами (например, нежеланием работать на местного предпринимателя).

Девять из десяти отходников предпочли бы работать по месту жительства, если бы размер заработной платы был удовлетворительным. Людей, не выказавших желания вернуться к работе по месту жительства, привлекает автоматизм и стабильность работы, а также возможности регулярного и продолжительного отдыха дома, обусловленного вахтовым режимом. Последнее обстоятельство оказывает развращающий эффект на трудовую мотивацию [4]: подобный образ жизни отучает людей от готовности трудиться каждый день, что было бы необходимо для работы по месту жительства.

Большинство информантов указали, что 25-30 тысяч рублей в месяц (по уровню цен на январь 2013 г.) – это минимум зарплаты, необходимый для того, чтобы содержать себя и семью (в среднем, из 4-х человек, из которых работает только сам отходник).

Исследователи сходятся в том, что отходники в большинстве своём умелы, трудолюбивы и дисциплинированны; что они являются одними из лучших работников в российской провинции [4, 5, 10]. «*Отходники – наиболее работоспособная часть современной деревни, её надежда и опора. Поиск путей возвращения отходников в деревню давно уже должен был стать основной задачей властей*» [4; 29]. Местное предприятие, штат которого составили бы бывшие отходники, получило бы не просто рабочие руки, а ценные и эффективные кадры.

Деятельность отходников, многих из которых можно было бы отнести к самозанятым [10], обнаруживает значительный предпринимательский потенциал. Однако каждый второй наш информант не рассматривает идею организации собственного бизнеса. Препятствует этому, в первую очередь, недоверие к финансовой системе, а для предпринимавших попытку – ощущение препон со стороны государства (налоги, проверки и проч.).

Принимая во внимание ситуацию в целом, остановлюсь на более частных случаях. Наши исследования обнаруживают существенные различия в трудовой деятельности отходников, проживающих на севере и на юге средней полосы Европейской части России [11] (подробнее о делении регионов см. [10; 97-100]). В северных регионах (в нашем случае это Пермский край, Архангельская, Вологодская, Костромская, Ленинградская, Нижегородская, Ярославская области), где большинство местных жителей заняты в относительно доходном лесном хозяйстве, отходников не так много – по нашим оценкам, в среднем около 40% мужского и около 5% женского населения в трудоспособном возрасте. В южных регионах (Чувашия, Пензенская и Саратовская области) иная структура экономики: периферия этих регионов является преимущественно сельскохозяйственной. На сельхозпредприятиях требуется меньше работников, чем раньше, для выполнения того же объёма работ, к тому же часть из них заняты сезонно. В то же время плотность населения на юге в несколько раз

превышает соответствующий показатель на севере, из чего следует более высокая конкуренция за рабочие места. Местные рынки труда гораздо более трудоизбыточны: отходники составляют около 60% мужчин и около 30% женщин в трудоспособном возрасте. Мордовия, Ивановская, Псковская, Рязанская, Тверская области в наших исследованиях занимают промежуточное положение.

При этом северные отходники, исторически имеющие плотницкие навыки, оказываются занятыми преимущественно в сфере частного строительства; их работа хорошо оплачивается. Южные отходники, напротив, заняты в менее доходных сферах: в охране, в торговле, на стройках разнорабочими и т.п.

Сопоставляя наши наблюдения, можно предположить, что, несмотря на общее пожелание работать по месту жительства, северных отходников будет сложнее «переманить» на местные предприятия, так как они успешно заняты на столичных рынках труда. Южные регионы, с точки зрения возвращения отходников на локальные рынка труда, напротив, имеют значительный потенциал для регионального развития. Можно ожидать, что сколь-либо приемлемые рабочие места «дома» для них окажутся предпочтительнее, чем низкооплачиваемая работа на выезде, а высокая конкуренция за рабочие места повысит качество и эффективность их работы.

Список литературы:

1. Мкртчян Н.В. Внутренняя миграция: великое прошлое и скромное будущее // Россия перед лицом демографических вызовов. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008. М.: UNDP, 2009. – с. 80-96.

2. Плюснин Ю.М., Кордонский С.Г., Скалон В.А. Муниципальная Россия: образ жизни и образ мыслей. Опыт феноменологического исследования. – М.: ЦПИ МСУ, 2009. – 146 с.

3. Великий П.П. Неоотходничество, или лишние люди современной деревни // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 44-49.

4. Нефёдова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. – М.: Ленанд, 2013. – 456 с.

5. White A. Internal Migration Trends in Soviet and Post-Soviet European Russia // Europe-Asia Studies, Vol. 59, No. 6 (September, 2007), pp. 887-911.

6. Иванова Т.Д. Трудовая миграция россиян: экономические и социальные эффекты (по результатам социологического исследования) // Проблемы прогнозирования. 2008. № 4. С. 82-98.

7. Флоринская Ю.Ф., Рощина Т.Г. Трудовая миграция из малых городов России: масштабы, направления, социальные эффекты [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly [сайт]. № 175-176, 25 октября – 7 ноября 2004. URL: http://demoscope.ru/weekly/2004/0175/analit03.php (дата обращения: 04.09.2015).

8. Плюснин Ю.М. Отходничество в современной России // Отечественные записки. 2012. № 5(50). С. 240-256.

9. Калугина З.И., Фадеева О.П. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009. – 340 с.

10. Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники / Науч. ред.: С.Г. Кордонский. М.: Новый хронограф, 2013. – 376 с.

11. Жидкевич Н.Н. Региональные различия внутренней возвратной трудовой миграции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 1(29). С. 109-118.

ПРОЯВЛЕНИЕ МОДЫ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ВУЗА

А.А. Жилина –
специалист Центра дистанционного образования Тюменского государственного нефтегазового университета

С.М. Моор –
д.социол.н., профессор,
профессор кафедры социологии,
директор Центра дистанционного образования Тюменского государственного нефтегазового университета

Мода как социальный институт, в первую очередь, выполняет основные функции социальной регуляции, интеграции, коммуникации и социализации. Роль моды состоит в усвоении индивидом тех или иных образцов поведения, которые распространяются через модные значения. Распространение норм модного поведения непосредственно влияет на социальное взаимодействие. Взаимодействие ценностей моды и ценностей личности может в различной степени влиять на принятие индивидом модных образцов. Человек не всегда осознает степень воздействия моды на свое поведение и ценностные ориентации, вместе с тем, он может осознанно и целенаправленно следовать моде, отражая или не отражая движущие мотивы. Мода оказывает влияние как на поведение отдельного человека, так и движение социальных групп и общество массового потребления. Это способ сплочения и дифференциации людей, групп, общества одновременно. Отнесение человека себя к той или иной группе, а группы к тому или иному социальному течению, по большей части, происходит под диктовку моды.

В социальной среде, отличающейся более инновационным и динамичным характером, вероятность зарождения, распространения и смены модных тенденций увеличивается. Наиболее мобильной социальной группой, участники которой демонстрируют постоянное социальное и личностное развитие, является молодежь. Сфера высшего образования интеллектуализирована, динамична, открыта новому и носит эвристический характер. А потому именно в молодежной среде вуза с наибольшей вероятностью можно отследить развитие и проявление моды.

Современная мода многовекторна. Она проникает во все сферы жизнедеятельности современного человека, а процесс возникновения точек отсчета и расширение ареала распространения имеют нелинейный характер. Взаимодействие ценностей моды и ценностей личности может в различной степени влиять на принятие индивидом модных образцов.

Представление о том, каким образом студенческая молодежь отражает значение моды, насколько осмысленно участвует в процессе принятия модных ценностей и осознает влияние моды на свое поведение, позволяют получить некоторые результаты пилотажного исследования, проведенного методом онлайн-опроса в мае 2015 года среди студентов отделения высшего образования Тюменского государственного нефтегазового университета.

Представители студенческой молодежи, чаще неосознанно прибегают к использованию модных образцов, обладающих определенным культурным и социальным значением, что, тем не менее, становится коммуникативным посланием окружающим. Так, из числа опрошенных 12 % относят себя к категории «модный». Не задумываются о моде или редко уделяют внимание моде в равной степени 42 % респондентов. Тогда как 65 % согласны с тем, что они находятся в кругу «модных» людей, и лишь 17 % считают, что в их окружении «модных» нет. Ориентированное на модные образцы поведение может иметь характер не только следования, но и отрицания модных стандартов, однако всего 2 % опрошенных студентов не желают следовать моде.

Мода является фактом определения и фактором самоопределения человека, его общественного статуса, уровня доминирования и места в социальной иерархии; определяет и демонстрирует принадлежность к социальной группе или осознанную (неосознанную) дифференциацию. Погружаясь во внешние формы культуры, которые обладают модными значениями и получили распространение, благодаря моде, индивид перенимает их базовое содержание, ценности и соответствующие им способы поведения. По мнению опрошенных студентов, на формирование их ценностных ориентаций существенное влияние оказывает система образования (70 %), материальное положение (38 %), семья (31 %), научно-технический прогресс (34 %), СМИ (29 %), политическая ситуация (13 %), современная литература (11 %) и музыкальная субкультура (15 %). Среди ценностей ориентация на семью (85 %), личное счастье (41 %), здоровье (46 %) и материальное благополучие (35 %).

Распространение норм модного поведения непосредственно влияет на социальное взаимодействие. Желание следовать моде в большей степени определяют друзья и СМИ – по 43 %, а также семья и сфера современного искусства – по 22 %. Ответы респондентов подтверждают: включение в модные процессы напрямую зависит от условий жизни и деятельности социальной группы, при этом, мода оказывает влияние на мировоззрение и поведение ее представителей.

Мода это не просто разделяемые большинством правила использования культурных объектов, принимаемых за ценные, это определенные образцы потребления, определяющие культуру потребления и образ жизни. Так о модных новинках в кино и литературе осведомлены 87 % опрошенных, в одежде – 57 %, технических новинках – 59 %, зрелищных городских мероприятиях – 63 %, в курсе музыкальных новинок 60 % респондентов. Средства формирования моды в молодежной среде довольно разнообразны, что связано с особенностями предпочитаемых и доступных каналов массовой коммуникации, удовлетворяющих специфические информационные предпочтения молодежи. Массовые мероприятия (форумы, презентации, выставки), личные контакты (в том числе в социальных медиа), средства массовой информации (сетевые издания, теле-шоу, сериалы, глянцевые издания), афиши – являются естественной частью жизни современной студенческой молодежи. В процессе коммуникации молодежь уникальна своим стремлением к использованию технических новинок, как в межличностном общении, так и в качестве средства получения массовых сообщений. При этом, молодежь сама влияет на средства коммуникации, задавая формат удобный для её восприятия.

Институт образования, непосредственно связанный с инновациями и развитием, формирует креативную среду, а образовательный процесс, не только перенимает существующие, но и сам задает новые тенденции. Инновационный характер социальной среды, в которой действует современная студенческая молодежь, определяет высокую степень проявления в ней модных тенденций, поскольку мода связана инновациями по своей сути и определяется ими.

РОЛЬ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

О.В. Заводовская –
аспирант ИС РАН,
директор Научно-производственного
предприятия «Техноград»

События новейшей истории доказывают, что риски российской идентичности в условиях глобальных цивилизационных вызовов велики и актуализация проблемы регулирования социально-трудового потенциала нового поколения современной молодежи, защиты своего Отечества, формы социально-активной деятельности молодежи являются важнейшей задачей общества, граждан и патриотов страны.

Использование системного подхода к осуществлению социологического анализа состояния сельского сообщества, переходящего к жизнедеятельности в условиях новых реалий, дает основания представить анализ текущей общественной ситуации, что свидетельствует о тесной взаимосвязи микро- и макросоциальных процессов и явлений, динамики ее воздействия на массовое сознание молодых людей на селе.

Системный анализ степени удовлетворенности человека (его семьи) своей жизнью позволил выявить «линии» наибольшей и наименьшей зависимости по Горшкову М.К. того, что определяет позитивную и негативную оценку жизнесуществования[6, 5]. У России славная военная история, но связана она не с захватническими войнами. Наш патриотизм – серьезная, крепкая опора в жизни, возможность почувствовать себя «гражданином великой страны».

Что касается ожиданий населения относительно будущего страны по результатам экспертного опроса(руководители муниципальных образований, органов местного самоуправления, представители культурной, образовательной инфраструктуры и бизнеса на сельской территории, ветераны сельских сообществ) назрела необходимость формирования новой системы воспитания и образования нового поколения защитников и патриотов Отечества для сохранения сильных традиций патриотизма, межэтнического добрососедства, толерантности. Социальный контекст, происходящих в стране трансформаций отражается в противоречивом социально-психологическом состоянии сельского населения. Если выделить тех из возрастной когорты сельских молодых людей, кто активно недоволен своей жизнью, то они разделяются: 1) а тех, кто недоволен своей жизнью из-за невозможности удовлетворения базовых физиологических или социальных потребностей; 2) на относительно более многочисленную группу тех, кому жизнь на селе не дает возможность

реализовать ту жизненную модель, которая была бы для них желательна, нет возможностей самореализации ни в производственной, ни в досуговой сферах, при этом собственное материальное положение они оценивают как неудовлетворительное. Группы с разными типами ориентации на модели социальной адаптации сближает общий для них запрос на социальную справедливость в обществе.

Результаты комплексного исследования показывают, что существующая система воспитательной деятельности в духе патриотизма и толерантности недостаточно эффективна, особенно в сельской местности, она в большей степени формальна, ограничивается, по мнению Маркина В.В, .декларированием важности причин возникновения конфликтов в обществе и путей их решения[7,114]. В нынешних условиях – это не просто тормоз на пути развития России, это прямая угроза её безопасности[1]. Формируя у молодого поколения образ Отечества, нужно закладывать в них понимание, что защитник-это не только солдат, умеющий держать оружие и поставленный защищать границы своей страны. Это, прежде всего патриот-гражданин, личность с высоким чувством долга и ответственности за судьбу своей страны, который, может быть, на первый взгляд, в маленьких и незаметных делах творит на благо своей малой и большой Родины и возрастных границ у него не существует.

Духовная культура имеет комплексный многосторонний характер, она представляет собой результат взаимопроникновения образования и науки, литературы и искусства, влияние которых на формирование духовной культуры подрастающего поколения, на его жизненные ценности требует соответствующей государственной политики среди молодежи, особенно сельской молодежи. Объединяющая идеология, должна сочетать плоды научного творчества, мнение Яновского Р.Г., традиции, почитаемые общенациональные ценности, составляющие культуры и образа жизни [4, 81].

Ресурсные группы молодежи имеют значительные нереализованные трудовые возможности, и что предполагает, мнение Маркина В.В., адекватные регулятивно-управленческие механизмы по вовлечению их в активную социально-экономическую жизнь[5, 58]. Формирование, использование и развитие социально-трудового потенциала сельской молодежи делает необходимым институциональное регулирование этих процессов. В настоящее время регулирование происходит в режиме правового и социально-культурного запаздывания, недостаточного уровня трудовой мобильности и культурных компетенций, невысокой компьютерной и функциональной грамотности населения. Для формирования духовной культуры молодежи важнейшее значение имеет качественное состояние информационного поля. Традиционные источники информации, как телевидение, радио и газеты, не утратили свои позиции, интерес к интернету, как к источнику информации, возрастает ускоренными темпами, хотя важность книг подтверждена – 50%

молодых респондентов читают книги и журналы. Нет исторического периода, который бы был одинаково отражен в системе ценностей всего населения, живущего в стране в это время.

Социальная память сельских жителей о прошлых реформах сказывается на их отношении к нынешним реформам, так и на поведении в новых условиях, это огромная инерциальная сила, которая держится дольше в условиях территориальной изолированности и слабом информационном поле. Надо расширять возможности и потенциал граждан. Фактор развития информационного пространства, в том числе интернет, с условием грамотного и культурного использования имеет свое особое значение на селе, это фактор должен устранять территориальную изолированность. Система без обратной связи от внешней среды обречена на разрушение или попадание в тупик.

Жизненные стратегии сельской молодежи формируются не только в определенных социально-экономических условиях, но и на определенном эмоционально-психологическом фоне. В настроениях сельской молодежи четко прослеживается беспокойство за свое будущее, село предоставляет меньше возможности для получения образования, жилищные и культурно-бытовые условия худшие, чем в городе. Создание инновационной экономики невозможно без соответствующего образовательного уровня, прежде всего, молодежи. Неконтролируемая миграция молодежи из села разрушает не только сложившуюся социально-демографическую структуру села, но и его профессионально-квалификационную структуру. Сельская молодежь, не видя, что активность на сельской территории приносит очевидные выгоды материального или карьерного толка и не позволяет реализовываться творчески, при низком уровне информационного «пиара» социальной активности, выбирает другие сферы приложения энергии.

Эти проблемы усугубляются отсутствием в современном обществе должного внимания к воспитанию у молодежи чувства патриотизма, любви к своей малой родине, к России. От степени разрешения проблем зависит общественная стабильность и социальный прогресс в обществе.

Показателями эффективности работы по развитию социальной активности молодежи на региональном уровне могут быть: значимость у молодежи позитивных жизненных ценностей: духовная нравственность, гражданственность, толерантность и др.; интерес молодежи к получению информации об общественной жизни; количество молодых людей, по собственной инициативе включенных в общественно полезную, социально активную деятельность; развитая инфраструктура молодежных организаций социальной и общественно-политической направленности и неформальная вовлеченность в их деятельность разных групп молодежи.

Ведь только имея возможность отнести себя к какой-то системе, направляющей его жизнь и придающей ей смысл, человек не рискует остаться в одиночестве перед натиском бури глобализации и потеряться

в ней. В противном случае, утрачивая свои идентификационные качества, человек «теряет себя», поскольку идентичность есть основа онтологической безопасности и непрерывности его бытия. Перед обществом стоит важнейшая задача – сохранить необходимую меру между инновационной функцией молодёжи и функцией воспроизводства социального опыта, накопленного предыдущими поколениями, с тем, чтобы сущностные силы новых когорт населения реализовывались в социальном творчестве, а не в деструктивных формах.

Важнейшим принципом осуществления государственной политики в области содействия занятости и регулирования социально-трудового потенциала, в том числе молодежи, является сочетание самостоятельности органов субъектов Федерации, органов местного самоуправления, бизнеса и структур гражданского общества, согласованности их действий в этих процессах[5, 57]. Российскому обществу сейчас как никогда необходимо социальное творчество молодого поколения, чтобы сделать прорыв в своём развитии. Стремление к лидерству по выбранному трэнду у сельской территории должно выражаться в управленческих инновациях, которые будут способны решать проблему удержания на своей территории наиболее активного и инновационного человеческого капитала, способного создавать новые производства и принимать участие в осуществлении проектов по комплексному развитию сельской территории и способствовать расширению применения информационных технологий.

Поэтому необходимо выделить культурно-средовой сегмент и сбалансированное развитие, в основу которого может быть заложен простейший механизм – «мне интересно в моем селе, здесь есть чем заняться». Работа по развитию территории – комплексный процесс, важно видеть глубину всех решений. Он должен быть естественным для территории, иметь определенные предпосылки и основания, исходить из ее потенциала.

Список литературы:

1. Путин В.В. Послание Президента РФ [Электронный ресурс] // Официальный сайт администрации Тюменской области. 2015. http://www.admtyumen.

2. Дюргейм Э. Социология образования: пер. с фр. Т.Г. Астаховой. Научн. ред. В.С. Собкин, В.Я. Нечаев. Вступительная статья В.С. Собкина. – М.: ИНТОР, 1996. – 80с.

3. На вопросы «РГ» отвечает академик РАН, директор Института социологии РАН Михаил Горшков/Российская газета. Федеральный выпуск № 6574. 2014.

4. Социология молодежи: учебник/ под ред. д.с.н, проф., чл.-корр. РАН В.Н. Кузнецова. – М.: Гардарики, 2007. – С.81.

5. Маркин В.В., Кижеватова В.А. Стратегия регулирования социально-трудового потенциала российского общества/ Власть. №4. – М.: ИС РАН, 2008. – С. 56-60.

6. Российское общество в контексте новых реалий(тезисы о главном)/ Информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования. Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект 14-28-00218). М: ИС РАН. 2015.

7. Маркин В.В. Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде//Власть. 2012. № 12. С.114.

СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

О.В. Зыкова –
Тюменский государственный университет

Тема молодежи и ее установок на создание семьи в будущем очень актуальна на сегодняшний день. В России уже не первый год наблюдается демографический кризис, а уровень брачности лишь немного опережает уровень разводимости. В 2014 г. в городе Тюмени было зарегистрировано 6777 тыс. браков, а разводов за этот же период оказалось 3975 тыс. [2]. Поскольку в браки вступает преимущественно молодежь, в первую очередь, следует изучить молодых людей и их установки на брак, создание семьи и расторжение брака, выявить причины, по которым молодежь ставит на первое место успешную социализацию и продвижение по карьерной лестнице, а создание собственной семьи – на второе место. Следует выяснить причины отказа молодежи от рождения собственных детей, либо планирование только одного ребенка. Необходимо понять, чем обусловлены молодежные установки на создание семьи и вступление в брак; исследовать отношение современной молодежи к созданию семьи в сравнении с предыдущими поколениями.

Исследование семейно-брачных установок молодежи города Тюмени поможет выявить отношение молодежи к браку и к семье, а также их намерение в будущем создать свою собственную семью. Данное исследование поможет муниципальным учреждениям, работающих с молодежью, понимать установки молодежи и совершенствовать работу с молодым населением города, оказывая положительное влияние на демографическую обстановку.

Данная тема изучалась многими российскими социологами на региональном уровне: Москве, Санкт-Петербурге, Чебоксарах и др. Темой семейно-брачных установок молодежи занимались такие исследователи, как: Балцевич В.А., Темкина А., Елютина М.Э., Спиваковская А.С. и др.

В социологии понятие социальной установки используется впервые Знанецким Ф.В. и Томасом У. для обозначения ориентаций индивида в качестве члена группы относительно ценностей группы. Определение ситуации индивидом посредством социальных установок и ценностей группы дает представление о степени адаптации индивида. Таким образом, социальная установка, в отличие от «установки» в исходном психологическом смысле, фиксирует в большей мере ценностное отношение к социальному объекту, указывает и на факт разделенности (коммуницируемости), и на факт переживания [4].

Социальная установка — это общая ориентация человека на тот или другой социальный объект, предшествующая действию, и выражающая предрасположенность действовать определенным образом относительно данного объекта [5].

Для проведения данного исследования по выявлению семейно-брачных установок современной молодежи в городе Тюмени были использованы такие методы, как анкетирование и контент-анализ.

Анкетирование – это письменная форма опроса, осуществляющаяся, как правило, заочно, т.е. без прямого и непосредственного контакта интервьюера с респондентом [1].

В анкетировании приняли участие молодые люди от 16 до 30 лет, проживающие на территории города Тюмени: школьники, студенты, работающие люди. Выборочная совокупность составила 300 человек, из которых 151 юноша и 149 девушек. Доля респондентов в возрасте 16-20 лет составила 19 %, 21-25 лет – 39 %, 26-30 лет – 42 %.

Контент-анализ – это количественный метод сбора данных, применяемый в социологии, политологии, психологии и других социальных науках. Суть метода заключается в переводе текстовой или графической информации к количественным показателям. Объектом контент анализа в социологии могут выступать самые разные носители информации. Исходя из этого можно выделить такие виды контент-анализа как: контент-анализ печатных СМИ, контент-анализ документов, контент-анализ радио- и телеканала, контент-анализ рекламы, анализ контента сайта и т.д. [3].

В рамках контент-анализа, проводимого с целью изучения семейно-брачных установок молодежи города Тюмени, были проанализированы статьи журнала «Социологические исследования» в период с 2011-2015 г. г., а также выявлена частота упоминаний ключевых категорий, а именно «семья», «брак», «установка», в статьях и аннотациях к ним. Применение этого метода позволило определить степень изученности указанной темы в научной среде в России за последние 5 лет.

Проведя социологический опрос по заранее подготовленной анкете среди 300 человек города Тюмени, из которых 151 юноша и 149 девушек в возрасте от 16 до 30 лет, можно сделать ряд выводов.

Большинство молодежи, а именно 49 %, считают, что отношение к браку и семье у современного поколения изменилось в худшую сторону, обосновывая это тем, что многие сейчас не торопятся закреплять свои отношения официально и нейтрально относятся к «фактическому браку». На втором месте молодые люди (34 %), которые считают, что отношению к браку у современной молодежи не изменилось в сравнении с предыдущими поколениями. Об изменениях в положительную сторону говорят 10 % тюменской молодежи.

На вопрос о личном отношении респондента к браку, большинство, а именно 57 % опрошенных, считают официальный брак обязательным и сами в будущем собираются зарегистрировать свои отношения. Не считают официальный брак обязательным 29 % молодых людей, но в будущем не исключают возможности вступления в брак. Совсем не собираются

вступать в брак лишь 7 % опрошенных респондентов, так как не считают его обязательным.

Что касается «фактического» брака, то большинство респондентов нейтрально относится к «фактическому» браку. Не исключают возможности фактического брака в будущем 32 % опрошенных, 31 % респондентов, несмотря на нейтральное отношение к такому типу брака, не хотели бы придерживаться его в будущем. Отрицательно относятся к «фактическому» браку 29 % молодых людей. Данное распределение ответов говорит о том, что отношение молодежи к регистрации брака становится менее серьезным, так как в предыдущих поколениях официальный брак являлся обязательным, а «фактический» брак не рассматривался как возможный вариант отношений.

На вопрос о расторжении брака большинство респондентов (41 %) ответили, что рассматривают такой исход отношений только в крайнем случае, например, по причине алкоголизма, насилия в семье и т.д. Не исключают такой исход отношений в будущем 25 % опрошенных. Нейтрально относятся к расторжению брака, но для своих отношений считают неприемлемым 19 % опрошенных молодых людей. Совсем не признают такого исхода отношений ни при каких обстоятельствах 15 % респондентов. Полученные данные говорят о том, что семейные ценности у современных молодых людей ослабевают, так как у предыдущих поколений расторжение брака являлось неприемлемым.

На вопрос об идеальном и планируемом количестве детей мнения респондентов сошлись. Большинство респондентов хотят в будущем двоих детей (34 % опрошенных). На втором месте – трое детей (28 % респондентов). На данный момент дети есть лишь у 36 % опрошенных молодых людей.

На вопрос об идеальном возрасте для появления первого ребенка большинство респондентов ответили 21-25 лет: 73 % респондентов выбрали этот возраст идеальным для женщины и 53 % опрошенных выбрали данный возрастной интервал для появления первого ребенка у мужчины. Также, большинство опрошенных молодых людей (49 %) считают, что в идеале ребенок должен появиться в первые 1-2 года совместной жизни.

Наиболее идеальным репродуктивным интервалом для появления детей, тюменская молодежь считает интервал от 1 до 3 лет. Такой вариант ответа выбрали 81 % респондентов.

Таким образом, выявлена специфика семейно-брачных установок современной тюменской молодежи. Молодежь города Тюмени положительно относится к официальному браку и намерена в будущем скрепить свои отношения в органах ЗАГС. Большинство респондентов настроены на рождение двух детей. Отношение к «фактическому» браку у большинства респондентов нейтральное, в то время как расторжение брака считается допустимым лишь в крайних случаях. Таким образом результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что семейно-брачные установки современной

тюменской молодежи являются скорее положительными, чем отрицательными, так как большинство из них нацелено на вступление в брак в будущем и не отрицает ценности семьи.

Данные, полученные в ходе анкетирования, подкреплены вторым методом контент-анализом статей журнала «Социологические исследования» за последние пять лет. Этот метод позволил определить изученность данной темы в социологическом журнале, а также лучше изучить семейно-брачные установки современной молодежи.

В результате исследования было просмотрено 1013 заголовков статей и аннотаций к ним, из которых 18 статей, связанных с проблемами брака и семьи, что составило 1,8 % от общего числа публикаций за последние 5 лет издания журнала «Социологические исследования».

Наиболее часто встречающаяся категория – «семья», отмечена 15 раз за последние 5 лет издания журнала «Социологические исследования». Статьи с этой категорией встречаются в журнале чаще других. Статья с категорией «установка» за отмеченный промежуток времени встретилась 1 раз, на основании чего можно сделать вывод, что тема установок является малоисследованной на данный момент. Статьи с категорией «брак» встретились 2 раза в промежутке 2011-2015 гг. и на основании полученных данных можно сделать вывод, что брак менее исследован, чем семья, тема брака реже встречается в социологических исследованиях и статьях.

Проведя контент-анализ названий и аннотаций к статьям в журнале «Социологические исследования» в области исследования семейно-брачных установок современной молодежи, можно сделать вывод, что к данной тематике редко обращаются современные исследователи. Согласно полученным данным, можно также отметить, что категория «семья» стала упоминаться в статьях чаще, что говорит об увеличении интереса исследователей к теме семьи.

Таким образом, несмотря на значительное ухудшение семейно-брачных установок современной молодежи в сравнении с предыдущими поколениями, ситуация на сегодняшний день не является критической. По-прежнему велико количество молодежи, нацеленной на вступление в брак и создание собственной семьи в будущем. Несмотря на появление новых типов браков, изменение отношения молодежи к расторжению брака, большинство молодых людей склоняются к официальному браку и неприятию развода для своих отношений.

Тема семьи и брака, несмотря на огромную значимость, сравнительно редко изучается современным научным сообществом. В исследовательском поле современной социологии этот вопрос занимает гораздо меньше месте относительно других тем в современных исследованиях. Однако наметилась позитивная тенденция повышения интереса исследователей: все большее количество социологов проводят исследования в разных городах.

Список литературы:

Анкетирование [Электронный ресурс] // Социология. – URL : http://socio.rin.ru/cgi-bin/article.pl?id=30.

1. Демографическая ситуация в городе Тюмени [Электронный ресурс]. – URL : http://www.tyumen-city.ru/vlast/administration/departaments/administrativ/zags/demography.

2. Контент-анализ [Электронный ресурс] // Социология. – URL : http://xn--c1ajbknbbt0c0f.net/metody-sociologicheskih-issledovanij/246-kontent-analiz-primer.

3. Социальная установка [Электронный ресурс] // Новейший философский словарь. – URL : http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1132/%D0%A1%D0%9E%D0%A6%D0%98%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%90%D0%AF.

4. Установка и ее виды [Электронный ресурс] // Энциклопедия практической психологии. – URL : http://www.psychologos.ru/articles/view/ustanovka.

ПРОБЛЕМА РЕССЕНТИМЕНТА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Н.Н. Исаченко –
к.философ.н, доцент,
доцент кафедры гуманитарных наук
Тюменского государственного
нефтегазового университета

В современном обществе под воздействием политических, идеологических, экономических изменений происходят трансформационные процессы в структуре морали, нравственности. Исследование современного общества дают нам основания утверждать о том, что в обществе наблюдается феномен, который Э. Гидденс назвал «испарение морали». Рыночные отношения и искаженные демократические принципы способствуют высвобождению худших человеческих качеств, черт, таких как эгоизм, индивидуализм, гедонизм. Активно проявляются в обществе «...вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная скаредность, корыстное стремление к грабежу»[6; 138]. Существующую ситуацию в обществе можно рассматривать как фальсификацию ценностной системы, что Ф. Ницше назвал как рессентимент.

Концепт «рессентимент», через который критиковал современную ему мораль, был сформулирован Ф. Ницше в 19 веке, и рассматривался как бессильная злость, ненависть, возникающие у слабых людей, испытывающих негативные чувства по отношению к более успешным людям, достигшим какого-то статуса в обществе. «Рессентимент» представляет собой многократное переживание возникших негативных эмоций, чувств, которые не исчезают, а усиливаются на фоне обостренного чувства бессилия. [4]

Возникновению рессентимента, как отрицательного феномена, способствуют определенные факторы. Одним из главных источников его формирования является эмоционально-волевая сфера человека, включающая эмоции, чувства и волю. Часто повторяясь, эмоции превращаются в устойчивые переживания, трансформирующиеся в *страсти* - глубокие чувства, влияющие на мысли и поступки человека. Страсть, становясь господствующей, порождает вспышки обиды, гнева, желания мести, что и формирует рессентиментное состояние.

Еще одним из факторов, способствующих возникновению рессентимента, является склонность к ценностному сравнению себя с другими. Мы постоянно сравниваем себя, свои качества, успехи, достижения с кем-то. В этом случае приходится ориентироваться на некий образец, который человек выбирает сам. В зависимости от того, кто является нашим «героем», формируется ценностная система. В процессе ценностного сравнения у человека начинают появляться вопросы: «чем

я хуже его? почему у него есть, а у меня нет»? Формируются негативные эмоции: честолюбие, гордыня, ревность, зависть, которые не находя выхода, многократно повторяясь, перерождаются в рессентимент. Общество, в котором выстраиваются отношения на «оценочных процедурах», представляет собой «систему конкуренции», в которой все определяется не «качественной ценностью его самого, а является лишь транзитным пунктом» в погоне за «больше-значимостью». [5; 29]

На формирование рессентимента кроме описанных выше, оказывает влияние и рыночная конкуренция. Нездоровая конкуренция создает напряжённость во взаимоотношениях, формирует в человеке негативные эмоции: зависть, жадность, создает условия для формирования тщеславия, карьеризма. Нездоровая конкуренция может перерастать в борьбу, разрушающую человеческие отношения. Стремясь победить в борьбе, конкурент «топит» более успешного, используя **оскорбления**, **сплетни**, п**убличное унижение, месть и другие средства.**

Одним из основополагающих факторов возникновения рессентимента является социальное неравенство. Современное российское общество неоднородно, прослеживается экономическое и социальное неравенство, что применимо и к нашему региону. Наблюдается значительная разница в уровне жизни «севера» и «юга». В российском обществе увеличивается количество населения, принадлежащее к категории малообеспеченных людей, переживающих депривацию, состояние, порождающее ощущение собственной неполноценности, обездоленности. Представители низших социальных слоев затрачивают большую часть своих ресурсов для выживания. При отсутствии материальных благ, у них отсутствует возможность доступа к нематериальным благам (высшее образование, культурный досуг, достойное медицинское обслуживание, активный отдых). Это влияет на мышление и поведение людей, на определение их жизненных приоритетов. Следовательно, представители незащищенных слоев не испытывают большого удовлетворения от жизни, не имеют активной жизненной позиции, у них не сформирована гражданская позиция [2].

Индивиды, переживающие разного вида депривацию, подвержены рессентименту. Социальной депривации подвержен практически каждый индивид, склонный к оценке других индивидов, их способностей, престижа, статуса в сравнении с собой («чем я хуже других»). Этическая депривация связана с ценностными ориентирами, возникающими при несовпадении общественных идеалов с идеалами отдельных индивидов. Традиционная система ценностей, стандарты и правила в современном обществе невилируются, создаются новые ценности, вследствие чего возникает ценностный конфликт. Внутри групп с низким уровнем жизни постепенно накапливаются негативные эмоции, отрицательная «энергия протеста»,

назревают опасные социальные процессы. Представители таких социальных групп ориентируются на более низкие ценности, пропагандируют свою, отличную от традиционной, мораль. Обострение противоречий происходит на фоне значительных различий в идеях, нормах поведения, особенностях образа жизни, огромной разницы в уровне жизни. Все перечисленные факторы создают благоприятную почву для формирования рессентимента.

Когда люди не имеют высокого уровня жизни, и не видят выхода из сложившейся ситуации, они тревожны и начинают искать причины своих несчастий, нацеливают себя на поиск виновных в их проблемах. В силу низкой культуры, виновных они находят среди тех, кто более богат и успешен. И потому из их уст мы слышим недовольные реплики: «Сталина на них нет. Раскулачивать всех надо». Также они видят виновных и в тех, кто говорит на другом языке, выглядит по – другому, молится другому богу. В общественном сознании инокультурная (трудовая) эмиграция воспринимается как угроза не только социальному благополучию граждан «понаехали!», «отнимают наши рабочие места», но и культурному, национальному. Как писал выдающийся русский философ Н. Бердяев, у таких людей существует непреодолимая потребность во враге, «который виновен во всех их несчастьях и которого можно ненавидеть»[1;16]. Бессилие, бессильная злоба, неоднократно переживаемые как отдельными лицами, так и группами, перерастают в ненависть, становятся движущей силой в формировании рессентимента.

Процесс рождения рессентимента, заключающийся в том, что злоба, зависть, отчаяние, месть, не имея возможности реализоваться в поступках, обращают гнев вовнутрь, искажают существующую шкалу ценностей, в процессе чего сильный объявляется слабым, а слабый – носителем добра, происходит психологическое самоотравление личности. Так формируется рессентимент, «становясь творческим и порождающим ценности» [3;19], утверждающим новый способ оценивания. Человек, попадающий под власть рессентимента, не способен овладеть позитивными явлениями, так как его ценностные ориентации искажены противоположными, негативными представлениями. Рессентимент, овладев человеком, искажает его картину мира, что становится причиной глубокого кризиса личности. Рессентимент, изменяя ценностную картину мира, негативно влияет на сферу практического действия, и может проявляться в виде неадекватных поступков, антисоциальных проявлений, что особенно опасно для современного общества. Человеку, находящемуся во власти рессентимента, сложно самостоятельно найти путь избавления от него. И это состояние загнанности в тупик приводит к негативным последствиям, вплоть до совершения преступления.

Рессентимент, активно распространяясь, может охватить большие группы общества. Зараженные рессентиментом, группы людей формируют новые моральные оценки и создают новую мораль. Эти группы активно

проникают во все социальные слои общества, чтобы стать господствующими и уничтожить группы с несоответствующей им моралью. Их действия выплескиваются в виде неадекватных поступков, антисоциальных проявлений, преступных действий, бунтов, революций, что означает движение человечества назад и наиболее опасно для общества.

Современное общество должно осознать опасность в распространении рессентимента и формировании рессентиментного сознания. Мы должны четко понимать, что, основанные на рессентименте, деформированные ценностные нормы, установки, оценки могут разделяться большинством членов общества, и превратиться в элемент коллективного сознания. Это означает, что рессентиментное состояние может охватить значительную часть общества, перерастать в межклассовую, межэтническую ненависть, приводящую к социальным взрывам. В связи с этим, перед обществом стоит задача в определении способов выхода из рессентиментного состояния. Устранить проблему распространения рессентимента можно путем повышением уровня жизни людей, что должно стать одной из главных задач государства, региона на данном этапе развития.

Освободиться от рессентимента «сложно, но стремиться к улучшению человеческих отношений, к взаимному примирению необходимо, формируя определённую систему ценностей, основанную на традиционных православных началах» [2;134]. Как писал в свое время великий русский философ В. Соловьев «воцарившим» в умах и сердцах людей беззаконию и своеволию противостоять очень трудно, освободиться от человеческих пороков сложно, но, мы считаем, что стремиться к улучшению человеческих отношений, к взаимному примирению необходимо.

Особое место в борьбе с рессентиментом мы отводим философии, как одному из главных источников гуманизма. Объединив все лучшее: религиозные заповеди, золотое правило нравственности, категорический императив И. Канта, этику выдающихся философов, необходимо сформулировать новый Нравственный Императив, который бы стал основным моральным законом современного общества. Задача гуманной философии – перенести принципы целостного знания мира во все формы общественного сознания [2; 128]. В сознании людей должна закрепиться мораль, которая сформирует уважение к закону и праву и вернет человеку его гуманистическую суть.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. – П., 1952. – 480с.

2. Исаченко Н. Н. Рессентимент в структуре общественного сознания. Монография. – Тюмень: Тюм ГНГУ, 2013. – 152 с.

3. Ницше Ф. К генеалогии морали. К генеалогии морали: Полемическое сочинение /пер. К.А. Свасьян // Ницше Ф. Соч. в 2 т.: Т. 2. М.: Мысль, 1990. – 491 с.

4. Ницше Ф. Сочинение в 2т. Т.2./перевод К. А. Свасьян. – М.: Мысль,1990. – 491с.

5. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей / пер. А. Малинкина. – СПб. Издательство: Наука, Университетская книга, 1999.- 231 с.

6. Энгельс Ф. Происхождение семьи и частной собственности./Маркс К., Энгельс Ф.; Избранные произведения. В 3-х т. -Т. 3. – М.: Политиздат, 1986. – 413 с.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ[1]
(НА ОСНОВЕ ДАННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)

М.В. Калмыкова –
к.истор.н., доцент
Владимирского филиала РАНХиГС

Повышение уровня жизни является неотъемлемой составляющей общественного развития, так как по мере развития человечества увеличиваются и его разного рода потребности. Существует официальная система измерения уровня жизни населения, которая не всегда совпадает с представлениями самих жителей. Как правило, население судит об уровне и качестве своей жизни, исходя не только из сиюминутных своих возможностей, но и сопоставляя свою жизни с жизнью ближайшего окружения или анализируя современные возможности в сравнении с ситуацией прошлых лет, десятилетий, а иногда даже столетий. На формирование индивидуального представления о качестве жизни влияет ряд факторов: тип поселения, уровень образования, состояние социальной инфраструктуры региона, гендерная специфика, степень уверенности в завтрашнем дне. Поэтому одним из важных показателей является самооценка уровня жизни населением региона.

По данным социологического опроса в 2012 году во Владимирской области 8,4 % жителей денег не хватало на повседневные затраты, еще у 18,3 % на повседневные нужды уходила вся зарплата. 19,7 % хватало на повседневные нужды, но даже покупка одежды для них затруднительна. Самым массовым образом представлена группа, которым в основном хватает денег на жизнь, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг, таких 36,4 %. Еще 13,6 % почти на все хватает, но затруднительно приобретение квартиры и дачи. Только 3,6 % по их собственному признанию практически ни в чем себе не отказывают. Исходя из самооценки населением своего уровня жизни, можно выделить условные социальные слои. Так среди опрошенных в 2012 году было 8,4 % нищих, 18,3 % – бедных, 19,7 % – необеспеченных, 36,4 % – обеспеченных, 13,6 % – зажиточных, 3,6 % – богатых. Отрадным является тот факт, что последние три группы (наиболее обеспеченные) составляют более 50 % всего массива опрошенных, хоть и с незначительным перевесом.

Важной составляющей является самоидентификация населения с жителями собственного населенного пункта. Более 50 % опрошенных считает, что в своем городе (селе) они являются средним классом. Как правило, это

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (исследовательский проект № 12-13-33004 «Социокультурный портрет Владимирской области»)

является свидетельством стабильного уровня заработных плат, наличием достаточно высокого уровня образования и большого количества недвижимого имущества, находящегося в личной собственности. Скорее это внутреннее убеждение жителей в том, что они имеют такой же уровень качества жизни как у большинства представителей их родного населенного пункта. 3,8 % относит себя в данном случае к высшему слою, еще 8,2 % – к слою выше среднего. Самоидентификация себя со слоем ниже среднего встречается в 16,8 %, низший слой – в 4,9 % случаев. Точно не знают к какому слою относятся 9,5 % респондентов.

К какому социальному слою Вы относите себя в своем городе (селе)?
(в % от числа опрошенных)

Высший слой	3,8
Слой выше среднего	8,2
Средний слой	53,8
Слой ниже среднего	16,8
Нижний слой	4,9
Не знаю	9,5
Отказ от ответа	3,0

Отнести себя к среднему слою в рамках целого региона уже осмеливается не так много жителей, таких нашлось 38,3 % опрошенных. Это является свидетельством значительной дифференциации населенных пунктов внутри региона по уровню жизни населения. Представителей, относящих себя к высшему слою и живущих выше среднего тоже меньше, 0,9 % и 3,7 % соответственно. Более массивно представлен слой ниже среднего – 24,8 % опрошенных и нижний слой – 7 %. 21,2 % респондентов точно не знают, к какому слою им себя отнести в рамках Владимирской области. Такой значительный процент, не имеющий представления о своем положении в социальной стратификации региона является свидетельством определенной замкнутости населенных пунктов, низкого уровня территориальной мобильности населения даже в рамках одного субъекта.

К какому социальному слою Вы относите себя в своем регионе?
(в % от числа опрошенных)

Высший слой	0,9
Слой выше среднего	3,7
Средний слой	38,3
Слой ниже среднего	24,8
Нижний слой	7,0

Не знаю	21,2
Отказ от ответа	4,1

Гигантская территория Российской Федерации, разно статусность субъектов государства, их удаленность друг от друга, достаточно низкий уровень передвижения населения по территории страны значительно осложняют возможность адекватной самооценки жителями своего социального положения в масштабе всей страны. Свидетельством этому является то, что более четверти всех опрошенных не знают в данном случае к какому слою себя отнести. Еще более 40 % идентифицируют себя с нижним слоем, либо с живущими в России ниже среднего, таких 15,9 % и 26,4 % соответственно. Уверенно ощущают себя представителями среднего слоя в рамках целого государства 24,6 жителей Владимирской области, мизерное количество, всего 1,5 % признаются, что они способны обеспечить себе уровень выше среднего. Еще меньше, только 0,8 % причисляют себя и свои семьи к высшему слою.

К какому социальному слою Вы относите себя в масштабе всей страны?
(в % от числа опрошенных)

Высший слой	0,8
Слой выше среднего	1,5
Средний слой	24,6
Слой ниже среднего	26,4
Нижний слой	15,9
Не знаю	26,5
Отказ от ответа	4,3

Таким образом, можно сказать, что значительно проще жителям само идентифицировать свое положение в социальной стратификации своего собственного населенного пункта, сложнее ситуация с пониманием своего места в рамках региона, еще сложнее в рамках такой огромной страны как Российская Федерация. Свое положение в рамках собственного населенного пункта, люди ощущают более оптимистично, значительно большее количество в данном случае причисляет себя к первым трем наиболее состоятельным группам. Самым неуверенным образом население Владимирской области воспринимает свое социально – экономическое положение в рамках целой страны. Этому есть определенные объективные объяснения. Регион не является нефтедобывающим, промышленный потенциал достаточно тяжело переживал конверсию постсоветского периода времени. Другим важным фактором является в очередной раз близость такой агломерации как город Москва, в результате чего жители невольно сопоставляют свой уровень жизни с возможностями столичного населения.

Социальная стратификация населения зависит не только от уровня

доходов, но и от уровня образования, жилищных условий, положения в трудовом коллективе. Трудовая стратификация жителей в свою очередь зависит не только от уровня заработных плат, профессии, типа предприятия, но и от того, какое место они занимают в иерархии трудового коллектива конкретного предприятия или организации. Подавляющее большинство опрошенных выполняют на работе только роль подчиненных (78,7 %). Еще 9,4 % несет ответственность за работу небольшого коллектива, который составляет менее 5 человек. Реже среди респондентов встречаются те, кто руководят работой 5 – 10 подчиненных или организуют деятельность сразу достаточно крупной группы в размере от 11 до 50 человек, таких 6,5 % и 4,1 % соответственно. Самые незначительные две последние группы – это руководители больших коллективов. 0,8 % респондентов имеет в своем подчинении от 51 до 100 человек, еще 0,5 % (1 человек из каждых 200 опрошенных) в состоянии организовывать и отвечать за работу сразу более 100 подчиненных.

Социальное расслоение в обществе в последние 20 лет приводило и к разрыву в обеспеченности жильем. «Квартирный вопрос» всегда был одним из наиболее остро стоящих в российском обществе. В 90-е годы стало возможно для части населения путем вложения собственных средств выстроить жилплощадь такого метража, какой просто невозможно было представить в советский период времени, когда существовала определенная уравниловка в обеспечении жильем. В течение последних 20-ти лет произошла диверсификация жилищного фонда, здесь выделяется на настоящий момент времени старый фонд и новые строения эконом класса и элитные дома, а также, безусловно, коттеджное домостроение. На практике пока еще не столь заметно расслоение в жилищном вопросе, так как большая часть жителей региона смогла приватизировать квартиры, полученные от государства еще в Советском Союзе. Уровень стратификации общества в жилищном вопросе определяется не только количеством имеющихся метров, но и их качеством. В современном обществе одним из главных критериев в этом вопросе является уровень благоустройства занимаемого помещения, степень ветхости здания, в котором проживают люди.

Проведенный социологический опрос в 2012 году показал, что большая часть жителей Владимирской области имеет возможность жить в собственной (приватизированной или неприватизированной) квартире, таких 62 %. Еще 23,2 % живет в своем собственном доме, таким образом, достаточно независимо в этом плане себя ощущает более 85 % респондентов. Следующую по численности группу составляют жители снимающие квартиру, таких 6,5 %. 3,8 % опрошенных располагает в данный момент только общежитием, еще 1,4 % – коммунальной квартирой. Самое незначительное представительство встречается среди населения, которое снимает дом, комнату или часть комнаты, это 0,3 %, 0,5 % и 0,1 % соответственно. Положительным моментом является

то, что среди желающих и вынужденных снимать жилье доминируют люди, которые в состоянии оплачивать сразу целую квартиру, а не ютящиеся по комнатам и углам в помещении.

Потенциальные возможности человека для реализации в жизни, его трудовая мобильность, а соответственно и качество жизни зачастую зависят от уровня базового образования. В отличие от традиционного общества современная цивилизация требует от человека профессиональных навыков, получаемых в учебном заведении. Более 70 % жителей Владимирской области уже имеют за своими плечами или в данный момент времени получают профессиональное образование. Конечно, в столь массивно представленной группе варьируется уровень этого образования: от начального профессионального до ученой степени. При этом значительно доминируют лица, имеющие образование не ниже среднего профессионального.

Несмотря на целый ряд социально – экономических сложностей, депрессивный характер экономики региона население Владимирской области достаточно оптимистично оценивает уровень своей жизни. Самым радужным образом это выглядит при сопоставлении с жителями собственного населенного пункта. Это, безусловно, является отражением не столь ярко выраженного расслоения, как в целом ряде других субъектов РФ. Самоидентификация населения региона со средним классом выглядит впечатляюще в сравнении со средними данными по стране. Жители субъекта в 1,5 раза чаще относят себя к стабильной прослойке общества, чем в совокупности граждане Российской Федерации. Казалось бы, наличие под боком такого крупного мегаполиса как Москва должно было сформировать более реалистичное восприятие населением субъекта своего положения в системе социальной стратификации, но на практике этого не происходит.

СТУДЕНЧЕСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ВУЗАХ ГОРОДА ТЮМЕНИ

А.С. Клех –
магистрант Тюменского государственного университета

Наряду со структурными подразделениями вуза, формирующими воспитательную политику и ответственными за внеучебную работу существует особая форма инициативной, самостоятельной общественной деятельности студентов – студенческое самоуправление. Наличие в вузе сильного, независимого, самоорганизующегося органа студенческого самоуправления позволяет сделать процессы распределения социальных благ (повышенных стипендий, премий, мест в общежитиях и др.) прозрачными, поддержку студенческих инициатив более результативной, вузовскую среду более ориентированной на студетов, систему отношений студенчества и администрации вуза более совершенной и мобильной.

За 2012-2014 гг. на развитие студенческого самоуправления в форме грантовой поддержки государством было выделено более 3 миллиардов рублей.

Студенческое самоуправление – целенаправленная деятельность студентов, направленная на подготовку, принятие и реализацию управленческих решений, включение в различные виды социально значимой деятельности.

До 2012 г. в большинстве вузов существовали следующие формы студенческого самоуправления: студенческая профсоюзная организация, объединенный совет обучающихся (союз студентов, ассоциация студентов), форма, сочетающая в себе 2 предыдущие (взаимодействие осо и профсоюза). Главное сходство всех форм студенческого самоуправления – выборность (а не назначаемость) руководителей органов самоуправления. С нашей точки зрения, отличается от всех форм самоуправления только профсоюз, который в силу своего статуса обладает правами и обязанностями, которые закреплены на уровне федерального законодательства. Отметим, что права и обязанности остальных органов студенческого самоуправления разрабатываются, согласовываются и закрепляются лишь внутренними нормативными документами вуза. Данные формы могут сосуществовать в вузе в партнерских отношениях, но в большинстве случаев противодействуют друг другу, при этом профсоюзная организация, находясь под защитой закона о профсоюзах, всегда находится в более выгодном положении, так как имеет официальный статус и регулярное финансирование.

В 2012 г. Министерство образования и науки объявило конкурс развития деятельности студенческих объединений, в рамках которого рекомендовало вузам, в преддверии принятия нового закона об образовании, создать коллегиальный орган студенческого самоуправления – Объединенный

совет обучающихся, который должен стать единым, официальным органом, представляющим права студентов, и объединяющий все виды студенческих сообществ.

В рамках данного исследования мы проанализировали видоизменившиеся в результате данных рекомендаций формы студенческого самоуправления вузов г. Тюмени: профсоюзная организация (ТГАМЭУП), Ассоциация студенческих объединений (включает профсоюз; ТюмГНГУ), Объединенный совет обучающихся (ТюмГУ).

Анализ нормативных документов, на которых базируется самоуправление вузов г. Тюмени показал, что во всех трех вузах в обязанности органов студенческого самоуправления включена социальная защита студентов, поддержка развития студенческих объединений, поддержка студенческих инициатив.

Главным отличием студенческого самоуправления в вузах г. Тюмени является факт, что студенческая профсоюзная организация ТГАМЭУП является частью Профсоюзной организации сотрудников ТГАМЭУП, что позволяет администрации вуза иметь рычаг давления на студенческое сообщество и мешает демократическому процессу выражения студенческого мнения. Так же, исходя из анализа, понятно, что приоритетными направлениями деятельности студенческого профсоюза ТГАМЭУП является защита интересов студентов в вопросах стипендиального обеспечения, представление интересов студентов в сфере учебных и трудовых отношений, социально-бытовых нужд.

Что касается ТюмГНГУ, интересным решением является включение студенческого профсоюза ТюмГНГУ в Ассоциацию студенческих объединений и наделение председателя профсоюза обязанностью контролировать организационное направление в студенческом самоуправлении. Таким образом, руководитель профсоюзной организации, которая на практике подконтрольна администрации вуза, организует деятельность АСО.

Преимуществом ТюмГУ является отсутствие студенческого профсоюза и взаимодействие с администрацией не в форме подчинения, а в форме соуправления. Под эгидой Объединенного совета обучающихся существует более 150 студенческих объединений по направлениям. Руководители студенческих объединений взаимодействуют с руководителями направлений и между собой в рамках одного направления, по необходимости привлекая к работе представителей других направлений.

Для более подробного изучения студенческого самоуправления были рассмотрены особенности студенческих советов институтов Тюменского государственного университета, которые являются неотъемлемой частью Объединенного совета обучающихся ТюмГУ.

Студенческий совет является основной формой самоуправления и создается в целях обеспечения прав студентов на участие в управлении образовательным процессом, решения важных вопросов жизнедеятельности

студенческой молодежи, развития ее социальной активности, поддержки и реализации социальных инициатив.

В ходе исследования был проведен опрос экспертов в виде полуформализованного интервью. Всего было опрошено 10 экспертов, которыми являются председатели студенческих советов институтов ТюмГУ.

Из результатов исследования следует, что, в понимании руководителей, студенческий совет института – это инициативная группа студентов, которые создают условия для развития и самосовершенствования студентов института, создают возможность реализовывать проекты, организовывать мероприятия и участвовать в них. Деятельность студенческого совета безвозмездна, она основана на инициативе студентов и принципе позитивного преобразования, желания созидать. Основная проблема, возникающая в процессе деятельности студенческого совета, заключается в особой активности студентов во время крупных конкурсных мероприятий и угасании активности в перерывах между ними. По мнению председателей студенческих советов лучшей мотивацией выступает внимание и положительная оценка деятельности студентов со стороны администрации вуза и материальное поощрение.

В заключение следует констатировать, что эффективное студенческое самоуправление способствует качественной подготовке инновационно ориентированных, конкурентноспособных специалистов для российского общества, активизации деятельности студенческих объединений и студентов, усилению социализирующей функции университета. Предложенные рекомендации позволят студенческим сообществам совместно с администрациями вузов усовершенствовать существующие структуры самоуправления.

Список литературы:

1. Маширова Е.А. Студенческое самоуправление в высших учебных заведениях Самарской области: информац.-методич. сборник / Е. А. Маширова. – Самара: Агентство по реализации молодежной политики, 2010. – 118 с.

2. Положение Объединенного совета студентов и учащихся ТюмГНГУ [Электронный ресурс]. // Тюменский государственный нефтегазовый университет – Режим доступа: http://www.tsogu.ru/university.html. (Дата обращения: 15.05.14)

3. Положение о структуре, организационных основах деятельности и профсоюзных органах профсоюзной организации ТГАМЭУП [Электронный ресурс]. // Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права – Режим доступа: http://www.tiiel.ru.html. (Дата обращения: 13.05.14)

4. Программа развития деятельности студенческих объединений ТюмГУ [Электронный ресурс]. // Тюменский государственный университет – Режим доступа: http://www.utmn.ru/docs/10698.pdf.html. (Дата обращения: 11.05.14)

МИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИИ В СТРУКТУРЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ ТРУДА

И.А. Кох –
д.социол.н., доцент,
зав. кафедрой философии и культурологии
Уральского государственного горного
университета

Трудовая миграция во многих развитых странах уже много лет является испытанным средством пополнения человеческих ресурсов. Привлечение людей на постоянное место жительства для европейских стран использовалась для пополнения населения, прежде всего рабочей силы. Европейские страны уже давно ощущают острый дефицит трудовых ресурсов, связанный с послевоенными демографическими последствиями и недостатком своего населения вследствие низкой рождаемости в индустриально развитых странах.

Вместе с тем миграция как системное социально-экономическое явление стала причиной снижения качества человеческого потенциала в менее благоприятных территориях и его роста в территориях более благоприятных посредством снижения численности экономически, репродуктивно активного населения с высоким уровнем образования и компетенций. Чаще всего такую миграцию, направленную на улучшение благосостояния индивида, называют трудовой. Трудовая миграция изучается демографами, экономистами, социологами, географами, как правило, методом анализа статистических данных, основанных на совершившихся фактах миграции. С точки зрения социологии, большой интерес представляет изучение первого этапа формирования миграционного поведения, в течение которого у индивида формируется желание мигрировать, а также оформляются миграционные планы, в конечном счете приводящие или не приводящие к миграции. В данном случае мы не говорим об определенных типах административно-территориальных образований, между которыми происходят миграции (страна, город, село, регион), а имеем в виду общую логику миграционного процесса.

Миграционные процессы последних лет в Свердловской области неразрывно связаны с трудовой миграцией. Демографическая ситуация в регионе обусловлена тенденциями депопуляции населения, которые охватили почти все территории. Главным фактором демографической ситуации остается естественная убыль населения вследствие низкой рождаемости в сочетании с высокой смертностью. Показатели смертности в регионе в конце 1991 года впервые превысили показатели рождаемости. В течение десятилетия с 1991 по 2002 годы показатель рождаемости был от 10,8 в 1991 году до 8,3 в 2000 году и 9,8 промилле в 2002 году. С 1991 по 2002 год естественная убыль народонаселения Свердловской области составила 337 тыс. человек.

В то же время миграционный прирост только на 22 процента компенсировал естественную убыль. В этот же период наметилась тенденция сокращения миграционного прироста из стран СНГ и Балтии.

Примерно с 2008 – 2010 годов происходит рост рождаемости, рождаемость начинает превышать смертность. Однако естественное движение населения весьма инерционно, поэтому в ближайшее время за счет увеличения рождаемости и естественного снижения смертности не произойдет значительного роста численности населения в регионе. Позитивное влияние миграционных процессов проявляется в том, что миграция смягчает демографические проблемы и компенсирует естественную убыль населения. Негативное влияние миграционных процессов можно видеть в том, что нарастают потоки нелегальной миграции, в том числе и трудовой. В результате осложняется криминогенная ситуация.

Основными причинами миграции стали личные семейные обстоятельства, возвращение к прежнему месту жительства, переезд в связи с новой работой или учебой. Значительная часть происходящих миграционных процессов в Свердловской области носит характер трудовой миграции. Оживление экономики региона, возобновление работы промышленных предприятий после застойных 90-х годов, повышение благосостояния населения делает Свердловскую область весьма привлекательной для трудовых мигрантов. На рынке труда в регионе иностранная рабочая сила является очень востребованной. Работодатели заинтересованы иметь работников из стран СНГ. Эта категория людей, как правило, согласна на меньшую оплату своего труда, нередко работает без заключения юридических договоров и при этом не требует соблюдения своих прав.

Вместе с тем сохраняется большое количество рабочих мест, не требующих квалифицированной и высокооплачиваемой рабочей силы, которые весьма привлекательны для трудовых мигрантов из Казахстана, Таджикистана, Туркменистана и других республик бывшего СССР. Однако вступление России в ВТО, структурные перемены в экономике требуют наличия квалифицированной рабочей силы, которая будет способствовать реализации экономического потенциала Свердловской области. Очень важно вывести из тени нелегальную трудовую миграцию, повысить эффективность государственного управления миграционными процессами.

Основными сферами использования рабочей силы мигрантов в регионе являются: строительство, (37,8 %), промышленность (28,1 %), торговля (18,6 %), сельское хозяйство (4,6 %), торговля и общественное питание (3,9 %), связь (2,5 %), культура и искусство (1,7 %).

Сложившийся дисбаланс спроса и предложения на рабочую силу вызывает необходимость совершенствовать управление миграцией. Необходимо разработать комплекс мер, направленных на привлечение в регион, Свердловскую область больше трудовых ресурсов, в первую очередь

квалифицированных кадров. Прирост трудоспособного населения за счет миграции, в том числе высококвалифицированных кадров, создаст новые благоприятные условия для улучшения демографической ситуации, будет способствовать активизации хозяйственного развития региона, испытывающих дефицит трудовых ресурсов. Поэтому миграционный приток в регион желателен. Важно добиться того, чтобы миграция в регионе стала позитивным фактором, способствовала развитию экономики, улучшила демографическую ситуацию в Свердловской области.

Совершенствование миграционной государственной и региональной политики требует теоретических разработок, исследования тенденций трудовой миграции и адекватной оценки социальных последствий использования иностранной рабочей силы. Необходима взвешенная оценка возникающих угроз в плане безопасности коренного населения региона, мониторинг социальной напряженности во взаимоотношениях между местным населением и мигрантами.

Актуальность изучения темы миграционного потенциала территории связана с тем, что результат миграционного поведения закладывается на первой стадии миграции, и с точки зрения влияния миграции на качество человеческого потенциала территорий необходимо исследовать, прежде всего, прожективное миграционное поведение населения как первый этап формирования миграционного поведения. Согласно теории трех стадий миграционного процесса, предложенной российским демографом Л. Л. Рыбаковским [1, с. 76], любое территориальное перемещение населения проходит следующие этапы (стадии): 1) исходная, или подготовительная стадия, представляющая собой процесс формирования территориальной подвижности населения. 2) основная стадия, или собственно стадия переселения населения. Этот этап миграции оценивается статистическими методами; 3) заключительная, или завершающая стадия, выступающая как приживаемость мигрантов на новом месте.

Попытаемся систематизировать понятийный аппарат показателя первого этапа территориальной миграции населения – миграционного потенциала территории. Понятие миграционного потенциала используется в социологических исследованиях по проблемам миграции. Однако в научной литературе до сих пор нет его четкого определения этого понятия.

Рассмотрим подходы к определению понятия миграционного потенциала территории в работах демографов и социологов. Л. Л. Рыбаковский дает следующее определение миграционного потенциала. «Миграционный потенциал – это та часть населения стран-доноров, которая обладает возможностью мигрировать в государство-реципиент и соответствует по своим характеристикам его требованиям, т. е. геополитически и социально-экономически заданным критериям отбора, предъявляемым к иммигрантам» [2, с. 25]. Как мы видим, акцент в данном определении делается на международную миграцию и игнорируются миграционные

установки индивидов. В то же время, в работе «Миграция населения. (Вопросы теории)» Л. Л. Рыбаковский дает определение потенциала миграции. «Потенциальная миграция и миграционная подвижность. Потенциальная миграция – это психологическое состояние, готовность человека к переселению, к перемещению, это его установки, намерения на этот вид деятельности. В отличие от этого миграционная подвижность – это как бы объективизированное состояние, способность личности к миграции, сформировавшаяся в результате опыта, полученного в процессе миграционных перемещений. В первом случае – это мера установок на миграцию в их общей структуре, во втором – число различных событий (переселений, поездок на отдых, на выполнение сезонных работ и т.д.)» [6, с. 85]. Как мы видим, потенциальная миграция и миграционный потенциал различаются у автора не только по принципу явления и показателя данного явления, но и по предметной области: потенциальная миграция определяет установки индивида, а миграционный потенциал определяется в отношении международной миграции и статистически определенной доле населения, которая по социально-демографическим группам близка к стране-реципиенту. Миграционная подвижность же определяется как способность к миграции, сформированная у индивида опытом миграций.

Другой исследователь, Н. В. Мкртчан, рассматривает миграционную подвижность статистически выраженный в количественных показателях объем миграций, относящийся к той или иной территории, так и как миграционный опыт отдельного индивида [7].

Понятие миграционного потенциала применяется также «для оценки числа соотечественников, оставшихся после образования независимых государств в новом зарубежье, которые могут переселиться в Россию» [3, с. 177]. При этом миграционный потенциал являлся показателем, основывающимся на близости населения территории-донора к населению территории-реципиента по культурным, языковым, национальным свойствам: «В частности, в качестве миграционного потенциала принимается либо все русскоговорящее население, проживающее в новом зарубежье; либо только титульные для России национальности; либо те, кто является в этих странах мигрантами всех лет вселения туда из России (не их уроженцами); либо те, у кого социологические опросы выявили установки на миграцию в Россию, и др. По-видимому, оценка миграционного потенциала как возможной к иммиграции численности населения должна исходить из страновой направленности миграционных потоков и предпочтительного отношения к составу мигрантов страны вселения» [3, с. 177]. С данным подходом соглашается социолог Т. Н. Юдина, данное определение приводится в ее работе «Миграция. Словарь основных терминов» [4, с. 156].

Российский исследователь В. И. Мукомель рассматривает миграционный потенциал как «максимально возможную на данный момент численность потенциальных мигрантов, которые могут выехать из страны проживания при условии сохранения значимости и структуры выталкивающих и привлекающих факторов» [5, с. 18-27].

Таким образом, миграционный потенциал трактуется в современной демографии и социологии, как правило, как статистический показатель, отражающий количество потенциально вероятного к перемещению населения, мобильность которого обусловлена близостью социально-демографических свойств к населению территории-реципиента. Прежде всего, миграционный потенциал касается международной миграции. К внутренней миграции это понятие в научной среде обычно не применяется. Также существуют близкие понятия «миграционная мобильность» и «потенциальная миграция», которые близки к понятию миграционного потенциала, но не могут заменить его и дифференцируются с предлагаемым нами определением.

Важно иметь в виду, что миграционный потенциал территории, определенный в таком ключе, является предельно расширенной группой населения, желающей покинуть территорию постоянного проживания. Среди представителей этой группы будут те, кто совершит миграцию в ближайшее время, те, кто совершит ее в отделенном периоде, и те, кто не совершит миграцию вообще (как правило, таких людей большинство). Таким образом, люди, которые входят в число миграционного потенциала, должны идентифицироваться как наиболее четко сформулировавшие свое желание мигрировать, или как имеющие планы переезда в ближайшие годы. Здесь для исследователя возникают возможности интерпретации данного показателя: можно определить людей, входящих в миграционный потенциал территории, намеревающихся совершить миграцию в течение одного года, полугода, трех лет или другого периода.

Говоря о миграционном потенциале какой-либо территории, часто имеется в виду количество населения, потенциально способного совершить выбыть с территории. Таким образом, величина миграционного потенциала – это неотъемлемый фактор выездной миграции. Тем не менее, миграция имеет две стороны: процесс выбытия и процесс прибытия. Поэтому имеет смысл рассматривать миграционный потенциал не только как фактор и параметр выездной миграции, но и въездной миграции тоже. Целесообразно выполнить дихотомическое деление понятия миграционного потенциала на два понятия: эмиграционный потенциал и иммиграционный потенциал.

Эмиграционный (выездной) потенциал территории – это количество населения данной территории, имеющего возможность и установки на совершение миграции в другую территорию. Иммиграционный (въездной)

потенциал территории – это суммарное количество населения всех других территорий, имеющего возможность и установки на совершение миграции в данную территорию.

Эти понятия имеют сходство с понятиями, обозначающими въездную и выездную миграцию в страну и из страны проживания (эмиграция и иммиграция). Тем не менее, на наш взгляд, правомерно расширение специализации данных понятий с миграции межстрановой на миграцию между различными типами территорий проживания людей.

Список литературы:

1. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса. (Очерки теории и методов исследования). М., 2003.

2. Рыбаковский, Л. Л. Миграционный потенциал: критерии оценки и современные масштабы /Л. Л. Рыбаковский. – Социс. – № 4. – 2011.

3. Демографический понятийный словарь / Под ред. Л. Л. Рыбаковского; Центр социального прогнозирования. М., 2003.

4. Юдина Т. Н. Миграция. Словарь основных терминов. М., 2007.

5. Мукомель В. И. Миграционный потенциал и перспективы иммиграции соотечественников из государств СНГ и Балтии / В.И. Мукомель // Этнопанорама. 2001. – № 3. – С. 18-27.

6. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения. (Вопросы теории). М., 2003. http://rybakovsky.ru/migracia2z4.html

7. Мкртчан Н. В. Миграционная мобильность в России – оценки и проблемы анализа. М., 2010.

ЛИДЕРСКИЕ КАЧЕСТВА СТУДЕНТОВ-МЕНЕДЖЕРОВ

Я.В. Крючева –
к.пед.н., доцент
Тюменского государственного
нефтегазового университета

Лидер – человек, эффективно осуществляющий руководство группой. В современном понимании менеджер – это руководитель или управляющий, занимающий постоянную должность и наделённый полномочиями в области принятия решений по конкретным видам деятельности фирмы, функционирующей в рыночных условиях. Поэтому менеджер *должен быть лидером, который может:*

- завоевать психологический (не формальный) авторитет в коллективе.
- выработать свой стиль управления.
- создать эффективную мотивацию работников.

Чтобы обладать властью, лидер должен:

1. Хорошо знать подчинённых.
2. Уметь хорошо анализировать ситуацию, определять ближайшие и отдалённые перспективы тех или иных действий.
3. Понимать психологические особенности окружающих и умело использовать их в официальных и не официальных контактах.
4. Обладать обширными знаниями и эрудицией.

Американский исследователь Лайкерт разработал принципы поддержания отношений – лидеры должны обеспечить максимальную возможность того, чтобы все действия в рамках определённой организационной структуры рассматривались как взаимодополняющие и были направлены на формирование и поддержание личного достоинства и значимости сотрудников.

Подчиненные желают, чтобы для их лидера на первом плане были интересы человека, а не интересы производства. Не каждому менеджеру удается стать настоящим лидером. *Таковым может стать человек,* ***обладающий следующими качествами:***

1. Честность – полная ясность по поводу соблюдений норм общечеловеческой морали.
2. Интеллект – быстрота, гибкость, прагматичность ума, любознательность, умение владеть речью.
3. Способность понимать людей – умение вникнуть в поведение собеседника, способность видеть в человеке личность, стремление обогатить окружающих духовно.

4. Устойчивость взглядов – адекватная реакция на ситуацию, контроль над эмоциями, постоянство действий.

5. Уверенность в себе – стремление брать на себя ответственность, осведомленность о своих достоинствах и недостатках.

6. Скромность в быту – отсутствие излишней устремленности к роскоши, рационализм в общении с вещами.

7. Склонность к самообслуживанию.

8. Эрудированность – широта и глубина познаний в различных областях науки и техники, хорошая осведомленность в философии, политологии, истории, знания в области человеческой психологии.

Указанные качества служат фундаментом для создания лидерского потенциала. Выявление степени выраженности этих качеств осуществляется методами наблюдения за деятельностью лидера и использования личностных тестов.

Существует две точки зрения на наличие или формирование лидерских способностей. **Первая заключается в том, что лидером нужно родиться, воспитание лидера – дело безнадежное. Вторая утверждает, что лидерские способности развиваются, хотя для этого необходимы определенные психофизиологические задатки (острое внимание, хорошая память, склонность к продуктивному мышлению и др.). Сегодня преобладающим является второй подход, совмещающий теории наследственности и воспитания. Более подробно об этих точках зрения, говорится в работе А. Томпсона и А. Дж. Стрикленда «Стратегический менеджмент».**

На базе Тюменского государственного нефтегазового университета *мы провели исследование*, которое позволило выявить уровень развития лидерских качеств у студентов группы Мб-13-4 (направление – менеджмент), института менеджмента и бизнеса. В исследовании приняли участие 30 человек.

Для выявления лидерских качеств студентов, мы провели тест «Диагностика лидерских качеств (Е.Жариков, Е.Крушельницкий).

Результаты теста позволяют делать следующий вывод.

24% студентов (7 человек) нуждаются в личностном росте. Способность стать лидером начинается с желания. Это единственное, чего не может дать лидер-наставник. Сила этого желания в значительной мере определит успехи потенциального лидера. Очень сильное желание может преодолеть в лидере множество природных недостатков. Людям, еще не обладающим лидерскими навыками, необходима позитивная и способствующая их росту обстановка. Без таковой они побоятся расти. А, находясь в такой обстановке, они захотят учиться и пытаться сделать что-то новое. Обеспечьте обстановку, а затем позвольте им быть рядом с собой, чтобы они начали учиться понимать, как вы мыслите.

40% студентов (12 человек) потенциальные лидеры. Они могут стать лидерами. Это студенты с нужными талантами и способностями, но им не хватает самодисциплины. Они могут даже обладать способностями суперзвезды, но не в состоянии заставить себя работать. Таким людям нужно развивать в себе самодисциплинированность до уровня «возьми и сделай». Выбирайте среди тех, кто ищет решения. Неудовлетворенность существующим порядком вещей не означает негативное восприятие или недовольство. Она выражается в готовности изменяться и рисковать. Человек не может расти, если он боится изменяться.

24% студентов (7 человек) развивающиеся лидеры. Они должны стать лидерами. Эти студенты обладают редкой одаренностью, но не могут использовать свой талант. Они нуждаются в обучении. Как только им помогут развить имеющиеся навыки, такие люди начнут становиться теми, кем должны стать. Мы должны постоянно наблюдать за потенциальными лидерами, для того чтобы отвечать на вопрос: «Что необходимо этому человеку для развития?». А затем обеспечивать то, что ему необходимо для совершенствования его мастерства продаж. Практика показывает, что большую часть победителей воспитали, а не нашли.

12% студентов (4 человека) сильные лидеры. Они обязаны стать лидером. Единственное, чего недостает таким студентам, – это благоприятной возможности. У них есть нужные таланты, нужные навыки и правильное восприятие. У них есть потребность стать теми, кем им предписано быть от рождения. В вашей власти стать лидером для них и предоставить им такую возможность. Если этого не сделаете вы, они найдут кого-нибудь другого.

Прекрасная сторона развития человека, уже являющегося сильным лидером, состоит в том, что вы сами получаете от этого стимул. Развивая сильных лидеров, вы на самом деле набираете скорость и в собственном развитии. Сильные лидеры практически обучают сами себя. Они схватывают все, просто находясь рядом с вами, а от вас почти не требуется никаких усилий.

Таким образом, в группе Мб-13-1 у 40% студентов имеются лидерские качества, что отражает правильный выбор их профессии. Такие студенты волевые, способны, преодолевать препятствия на пути к цели, самокритичны, трезво оценивают не только свои успехи, но и неудачи, требовательны к себе и другим, умеют спросить отчет за порученную работу. Будущие лидеры-менеджеры решительны, способны самостоятельно и своевременно принимать решения, в критических ситуациях брать ответственность на себя, настойчивы, умеют разумно рисковать.

Для того, чтобы потенциальным лидерам (а их, напомним, 40%) раскрыть себя, необходимо работать над своими недостатками, развивать в себе волевые качества характера, научиться четко и ясно видеть перед собой цели и постоянно стремиться к их достижению. Здесь важен сам факт работы над собой. Постановка целей и их достижение должны войти в привычку.

Также потенциальным лидерам можно предложить участвовать в тренингах на развитие лидерских качеств. Такие тренинги позволяют получить коммуникативно-организаторский опыт для разрешения нестандартных ситуаций и обеспечивать режим непрерывного личностного роста всех членов коллектива. Развитие лидерского потенциала опирается на формирование коммуникативных, организаторских и инструментальных компетенций, обеспечивающих динамику профессионального успеха.

Тренинговые задания моделируют ситуации, в которых есть вызов (например, конкуренция или временные ограничения) и неопределенность (нет готового решения задачи). Участники на собственном опыте убеждаются, что лидером становится тот, кто инициативно предлагает вариант действий, «продает» свою идею другим, вовлекая их в выполнение задачи, и демонстрирует ответственное поведение. Ответственное поведение лидера выражается в умении удерживать цель, несмотря на давление, сопротивление, конкуренцию. Эта демонстрируемая последовательность действий служит для других участников сигналом о том, что лидер не остановится на полпути, что он готов отвечать за результат даже в самом неблагоприятном варианте развития событий. Проявление этой модели поведения (инициатива и ответственность) при выполнении задания с высоким уровнем вызова и неопределенности вызывает у других членов группы доверие и желание прилагать усилия для достижения цели.

Выполнение заданий, связанных необходимостью занятия и удержания лидерской позиции в группе, позволяет участникам тренинга осознать, что основой для лидирования является не статус или параметры имиджевого позиционирования, а демонстрируемая модель эффективного поведения в критической ситуации, контрастная результативность и компетентность при решении задач.

МУЖСКОЕ ПРАВОВОЕ ДВИЖЕНИЕ: МУЖСКОЙ ВЗГЛЯД НА ВОПРОСЫ РАВЕНСТВА

С.И. Кузнецова –
лаборант кафедры теории и истории социологии Уральского федерального университета

В настоящее время нам стали привычны идеи равенства, касающиеся расовой, религиозной принадлежности, а так же сексуальной ориентации. Идеи равноправия, особенно остро поставленные феминистками, так же укладываются в сознании. Однако появляются новые формы реакции на притеснение прав, называемые мизандрией.

Мизандрия, иначе мужененавистничество, становится актуальной дискуссионной темой. Появляются общественные движения за права мужчин, интернет-сообщества, огромная дискуссионная площадка. Фильм, касающийся проблемы мизандрии в России, был выпущен на волне появления мужского правового движения. Режиссер Роман Александров прокомментировал работу над фильмом следующим образом: «Идея Фильма пришла ко мне по «остаточному» принципу, если так можно выразиться. Я исходил из конъюнктуры рынка: чего еще нет в мужских группах. В каком продукте испытывает дефицит набирающий обороты «рынок борьбы за права мужчин» [1]. На самом деле, как Интернет пространство, так и пространство города ежедневно принимает поток информации по теме дискриминации мужчин.

Мужское Движение – это объединение людей, опирающихся на идею о том, что причиной семейной нестабильности, демографических проблем является матриархальный перекос в обществе. Этот перекос ведёт к ущемлению прав мужчин. Участники движения пропагандируют борьбу за мужские права [3].

Мужское Движение имеет в основе несколько основных целей. Среди них можно выделить:

Борьба с дискриминацией мужчин. Дискриминация проявляется на законно-правовом уровне и социокультурном. В правовой сфере отмечается неравенство в наличии квот на рабочие места, в том числе руководящие должности, и их отсутствии в таких профессиях, как шахтёр. Помимо этого мужчины подлежат призыву в армию в отличие от женщин. Таким образом, по мнению участников движения, идеи равноправия хороши только для женщин, мужчины же ими только дискриминируются. И можно ли говорить о равноправии в таком случае?

Социокультурная дискриминация сводится к тому, что декларируемое патриархальное устройство на самом деле является абсолютно

матриархальным. Варианты исправления перекоса ролей – вернуть патриархат или ввести полное равноправие во всем. В социокультурной практике, как отмечают идеологи движения, мужчина всегда виноват, а женщина всегда права.

Общее просвещение. По мнению участников движения, в России распространено подчинение мужчин женщинам. Мужчина должен отстаивать свои интересы и думать своей головой, не опираясь на женскую защиту в лице матери, жены и т.п. Так же, исключение женской манипуляции является одной из важных идей движения.

Основные проблемы, которые обсуждают последователи этого нового движения, можно систематизировать следующим образом:

Правовая незащищенность мужчин в семейном кодексе.

Дискриминация мужчин в профессиональной и семейной сфере.

Доминирование матриархата и феминизма.

Единоличное принятие решения об аборте женщиной.

Высокий процент женских измен.

Рост числа разводов.

Стоит пояснить первый пункт, который предполагает за собой процесс вытеснения мужчины с места главы семьи. Во-первых, незащищенность проявляется в том, что после развода ребенок в большинстве случаев остается матерью. Сами мужчины комментируют это как резко негативными нападками, так и вполне адекватными аргументами. Следует признать тот факт, что получить статус одинокого отца гораздо сложнее, чем статус одинокой матери, а порой и вовсе невозможно.

Во-вторых, мужчины выступают противниками обязательных алиментов. Они отказываются быть донорами для «непутевых» матерей, живущих за счет денег своего ребенка, и считают, что алименты дискриминируют их. Число осужденных в связи с неуплатой алиментов по 157 УК увеличилось более чем в 2,5 раза – в 2000 г. их было 21 тыс. чел, в 2011 г. – 54 тыс. чел.[4; 7] Опираясь на предоставленную статистику в исследовании выплат алиментов в России, можно сделать вывод, что после развода получают поддержку треть детей, а две трети не получают ничего от отцов. Это заставляет обратиться к возникшему противоречию: на 2012 г. добились получения алиментов через суд 26,7% женщин и 9,5% договорились о выплатах без официальных оформлений [4; 17]. Т.е. это как раз та треть одиноких матерей, которые получают алименты. Оставшиеся две трети воспитывают детей без поддержки бывшего мужа по причине отказа выплат, собственного нежелания получать алименты или обоюдного договора на получения имущества вместо алиментов. Можно сказать, что сохраняется давление со стороны законодательства на мужчину, но заставить реальная выплата алиментов на ребенка превращается в совершенно другую историю.

Обращаясь к социологической теории, мы видим, что мужчины в статусной системе современной семьи оказались под сильным влиянием

статуса женщины. Изначально позиции женщин в обществе были низкими, они находились под мужских контролем и были задействованы исключительно в бытовой сфере. На волне феминизма произошла переоценка положения женщин, что активно рассматривалось и рассматривается в социологической литературе, но перестановка произошла и в мужском наборе статусов.

Полюса традиционной семейной власти сместились, предоставив право женщинам решать многие вопросы внутри семьи. Привычное разделение обязанностей стало казаться неправильным, что подвергло пересмотру и институт семьи в целом.

Рассмотренные идеи внутри одного из мужских сообществ коррелируют с фактом семейной нестабильности. Привлекательность семейной жизни на фоне социальных процессов, в частности связанных с институтом семьи, снижается, а конфликтность и неустойчивость, напротив, растет.

Феминизм повернулся другой стороной в современном обществе. Появление мужских правовых движений говорит о назревшей проблеме, требующей решения., И, как это закономерно, идеи мужского движения варьируются от умеренных до радикальных, что очень напоминает феминизм на протяжении своего существования.

Основная цель активистов – вернуть патриархат в семью и общество, чтобы восстановить баланс семейных отношений и мужское статусное положение. В соответствии с этим, мужчина и женщина в семье должны выполнять традиционно закрепленные роли. При этом возникает вопрос: как в современных условиях восстановить традиционную семью?

Государственная семейная политика ориентирована на многодетную полную семью, но при этом поддержка осуществляется минимальная. Семейная политика, в большинстве своем консервативная, направлена на благополучие российских семей, что на деле образует разрыв между планами и реальным положением семьи.

Государство ставит целью получить от семьи традиционное распределение гендерных ролей: мать занимается детьми, отец при этом становится «отстраненным» родителем. Такая картина напоминает вариант советской семьи в отстраненности отцовства. Конечно, повседневность показывает картину совмещения гендерных ролей, поскольку государственная политика не совпадает с проблемами, которые возникают в семье. И здесь же возникает ролевой конфликт – принятия новых ролей или их отторжение.

Таким образом, одну из внутренних причин изменения положения мужчины в семье можно обозначить кризисом семейного взаимодействия мужчин и женщин. Идеи равноправия, воспринимающиеся обоими полами противоречиво, лишают какого-либо диалога в повседневности. Этот диалог должен появиться на теоретическом уровне, чтобы ясно были очерчены границы непонимания. Внешняя причина – законодательная база. Стремление

уйти от доминирования женщин в семье в и отсутствие законодательной поддержки смешивается в противоречивый комок. В результате этого теряется ориентация на семью, в целом её нестабильность, приоритет личных интересов.

Одним из вариантов развития в обществе, где сталкиваются феминизм и мужское движение, может стать кризис семьи. Если на данный момент ещё существуют споры, кризис это или переходный этап, то отсутствие диалога и каких-либо социальных и правовых изменений может поставить точку в этом вопросе.

Список литературы:

1. Документальный фильм «Мизандрия». URL: http://xn--80aihddtkz0l.xn--p1ai/ (дата обращения 8.09.2015)

2. Здравомыслова О.М. Семья: из прошлого – в будущее URL: http://ecsocman.hse.ru/text/16209413/ (дата обращения 20.04.2014)

3. Мужское движение. URL: http://vk.com/mensrights (дата обращения: 26.05.2015)

4. Ржаницына Л.С. Алименты в России: анализ проблем и стратения в интересах детей. URL: http://genderbudgets.ru/biblio/Rzhanistina_alimenty_v_rossii_2012.pdf (дата обращения 8.07.2015)

СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИИ МОБИЛЬНОГО ТРУДА КАК КАНАЛ ИНИЦИИРОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Б.М. Лихтенштейн –
к. социол.н., доцент,
доцент кафедры маркетинга
и муниципального управления
Тюменского государственного
нефтегазового университета

Термин «мобильный труд», используемый для описания трудовой деятельности, характеризует отсутствие стабильности в тех или иных организационных аспектах (место работы, длительность трудовых отношений, территориальная разделённость участников). Мобильные формы организации трудовой деятельности возникают и развиваются как ответ на современные реалии развития общества, такие, как глобализация, ускорение темпов развития техники и технологий, автоматизация и информатизация труда, развитие проектных методов решения проблем, цикличность в формировании спроса и предложения на различные виды товаров и услуг и соответственно на трудовые ресурсы.

Сегодня, в условиях проявления кризисных явлений в социально-экономической жизни страны, на рынке труда нарастают нестационарные негативные тенденции, характеризующиеся закрытием и банкротством ряда предприятий различных сфер деятельности, переходом на неполный рабочий день, наблюдается рост численности официально зарегистрированных безработных (прогноз на конец 2015года порядка 2 миллионов человек) [1].

Социологические мониторинги ФОМ показывают, что у каждого пятого работающего респондента в 2015 году на предприятиях были случаи ухода в неоплачиваемый отпуск, перевода на неполную рабочую неделю или день, более четверти респондентов сообщили о случаях сокращения или задержки зарплат, столько же отметили, что в их организациях были случаи увольнений по сокращению штата [2].

Эти данные заставляет серьезно задуматься над тем, каким образом нужно действовать властным структурам для того, чтобы адекватно реагировать на этот негативный тренд.

Между тем, многие тенденции, проявляющиеся на российском рынке труда, возникли не в связи с кризисом 2014 – 2015г.г. Они имеют повсеместное проявление и особенно наглядно видны при рассмотрении ситуации на молодежном рынке труда. Во всем мире растет число молодых людей, которые не могут найти постоянную работу. Они вынуждены искать временную работу, ориентироваться на образ жизни, который характеризуется

понятием «мультилокальный», предусматривающий, зачастую, отрыв работников от мест постоянного проживания. Социально-трудовые отношения в такой ситуации являются потенциально нестабильными и ненадёжными.

В результате происходит определенного рода переформатирование структуры трудовой занятости, наблюдаемое в течение последнего десятилетия западными и отечественными социологами. Работы Клауса Дёрре в Германии, З. Т. Голенковой в России, ряда японских социологов, констатируют появление и рост новой стратификационной группы, называемой термином «прекариат» – от англ. «precarious» (нестабильный). В прекариат, по мнению исследователей [3,4], входят группы индивидов, которые независимо от размера их дохода, образования, самоидентификации и других характеристик, не имеют формальной занятости, т. е. не имеют стабильного положения на рынке труда и гарантий занятости и это не становится для них трагедией.

Эксперты, анализируя рынок труда в нашей стране полагают, что около 30% трудоспособных россиян уже сегодня находятся в условиях «неустойчивой занятости», то есть их трудовые отношения не оформлены и они находятся в так называемом «нелегитимизированном» секторе рынка.

У лиц, относящихся к данной группе, по мнению Дёрре, происходит переосмысление системы социального устройства, ведь по сути, их трудовая жизнь состоит из смены фаз. В первой – человек работает. Во второй (фазе безработицы) – посвящает себя семье или себе. В третьей – снова работает. В четвертой (фазе безработицы) – занимается, например, самообразованием. Череда и последовательность фаз является произвольной, зависит от индивидуума и ситуации на рынке труда.

Естественно, что в такой системе нельзя говорить о карьерном росте, улучшении благосостояния, вертикальной восходящей социальной мобильности, поскольку накопленные в фазе работы средства, будут расходоваться в периоды безработицы, что негативно сказывается на социальном самочувствии индивида и его семьи, на ситуации на предприятии или в организации, где он трудится, и на территориальном рынке труда в целом.

Рассматривая процессы социальной мобильности в этой ситуации нужно отметить, что на перемещение трудовых ресурсов оказывают влияние комплекс факторов, характеризующих, в том числе, степень информированности индивидуумов о возможных вариантах мобильности (наличие достоверной информации о вакантных рабочих местах и условиях их замещения) и легкость мобильности с точки зрения потенциальных затрат на перемещение.

Результаты исследования мотивов занятия мобильным трудом показывают, что работа в отрыве от места постоянного проживания, например, вахтовым методом, привлекает, в первую очередь, более высоким уровнем оплаты труда. В то же время растет потребность в работниках различных

специальностей не только в районах нового освоения, но и в крупных мегаполисах.

Так, например, ритейлерам, работающим в крупных городах, не хватает кассиров и продавцов – в больших и средних магазинах сегодня пустуют более 100 тысяч рабочих мест, которые могут занимать работники из регионов, что и предусматривается соглашением, подписанным Министерством труда и социальной защиты РФ и Ассоциацией компаний розничной торговли, по сути, возраждающим вахтовый метод в торговле [5].

Кроме вышеназванных профессий, к числу наиболее популярных вакансий вахтового метода работы традиционно относятся строители, водители, разнорабочие, укладчики дорог, технические специалисты. По многим параметрам схожа с вахтовой сезонная работа — большинство вакансий здесь принадлежит к сфере туризма: гиды, администраторы туркомплексов, официанты, инструкторы, подсобные рабочие.

Вышеприведенные примеры показывают, что в для обеспечения нормативного функционирования большого количества предприятий разных сфер деятельности, в современной российской действительности, необходимо налаживание действенной системы взаимоотношений между заинтересованными в персонале различной квалификации работодателями и все возрастающей армией реальных и потенциальных работников, готовых к участию в различных формах мобильного труда.

Важным условием реального обеспечения возможностей такого взаимодействия является использование современных информационных технологий для формирования баз данных работников, заинтересованных в участии в мобильных формах организации труда.

Крупные компании, в первую очередь из добывающих отраслей, традиционно использующих вахтовый труд, такие базы данных на работников профильных специальностей безусловно имеют. Между тем масштабное распространение потребности в мобильном труде, формируемой представителями российского прекариата, поднимает эту проблему на новый уровень.

Разумеется, существует большое количество кадровых агентств, которые профессионально занимаются трудоустройством, существует множество интернет – сайтов, где люди самостоятельно могут найти информацию о потребности в работниках различных квалификаций и специальностей.

Но все эти возможности, пока не выстроены в единую постоянно обновляемую систему межотраслевого и межрегионального характера и, соответственно, невозможно оценить как информационную достаточность, так и потенциальную эффективность и оперативность в удовлетворении существующих и вновь возникающих потребностей.

Определенные шаги в этом направлении Правительством РФ осуществляются. В частности Минтруда РФ представило для общественного обсуждения проект поправок в федеральный закон «О занятости населения в РФ», предусматривающих, что расходы на привлечение работника из другого региона могут быть частично компенсированы работодателю из федерального бюджета.

Этими документами предлагается, для повышения трудовой мобильности граждан, выдавать работодателям денежные сертификаты для компенсации расходов на переезд, обучение и аренду жилья для будущего сотрудника из другого региона, готового заключить трехлетний или бессрочный трудовой договор. Функции оператора по данной программе планируется возложить на территориальные службы занятости. Но простой расчет показывает, что при планируемой оценке усредненных затрат работодателя на привлечение одного работника в 300 тыс. рублей, и, компенсации государством 75% этих средств из бюджета, в условиях проявления кризисных явлений, существующих бюджетных возможностей будет явно недостаточно.

Поэтому, не отвергая возможности предлагаемого проекта, представляется необходимым активизировать деятельность региональных органов власти и управления по развитию инфраструктуры системы организации мобильного труда, с целью налаживания действенной системы взаимоотношений между заинтересованными в персонале различной квалификации работодателями и все возрастающей армией реальных и потенциально высвобождающихся работников.

В 2014году распоряжением Правительства РФ от 24.04.2014 г. № 663-р утвержден план мероприятий по повышению мобильности граждан РФ на 2014 – 2018г.г.[6], предусматривающий совершенствование правового регулирования трудоустройства граждан за пределами места постоянного проживания, совершенствование информационно аналитического обеспечения общероссийской базы вакансий в сети интернет, работающей, в том числе, и в интерактивном режиме, меры по развитию рынка арендного жилья и других элементов инфраструктуры, необходимой для развития мобильности граждан.

Этим же документом широко известному интернет – порталу «Работа в России» предполагается придать законодательно закрепленный статус общероссийской базы вакансий, утвердить порядок ее формирования и ведения. С его помощью можно будет не только получить исчерпывающую информацию о вакансиях, но и пройти собеседование с потенциальным работодателем через интернет, а также получить полную информацию о территории будущего места жительства.

Тюменская область, как один из российских лидеров в реализации программ информатизации, программ электронного правительства, территории, где наработан многолетний опыт использования вахтового метода трудовой

деятельности, имеет все основания выступить инициатором в реализации программ расширения рынка мобильного труда на региональном уровне.

Тем самым, в условиях продолжающегося кризиса, появляются дополнительные возможности улучшения ситуации с трудовой занятостью, решения проблем квалифицированного кадрового обеспечения перспективных проектов в профилирующих отраслях региона и улучшения процессов социальной мобильности населения.

Список литературы:

1. Минтруд: Число безработных в РФ растет на 20 тысяч человек в неделю. Российская газета. 26.02.2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/2015/02/26/bezrabotica-site-anons.html (дата обращения 05.03.2015).

2. Растущая безработица чревата социальной нестабильностью. Независимая газета. 01.03.2015. [Электронный ресурс] URL:http://www.ng.ru/week/2015-03- 01/8_economics.html (дата обращения 1.03.2015).

3. Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. №3. с. 5 -15.

4. Dörre K. Entstehteineneue Unterschicht? Anmerkungen zur sozialen Frage in die Politik // Working Papers: Economic Sociology. Germany. Jena. № 1. 2007.

5. В торговле возродят вахтовый метод работы. [Электронный ресурс] URL:http://www.megamagnat.ru/news_t/2392.html (дата обращения 18.06.2015).

6. Распоряжение Правительства РФ от 24.04.2014 N 663-р «Об утверждении плана мероприятий по повышению мобильности граждан Российской Федерации на 2014 – 2018 годы». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162403/ (дата обращения 18.08.2015).

АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

Е.А. Любимова –
к.социол.н., доцент,
доцент кафедры Общей и экономической социологии Тюменского государственного университета

Л.Г. Самвелян –
магистрант Тюменского государственного университета

Гражданское и межнациональное согласие выступает одним из главных условий функционирования нашей страны. Россия, как многонациональное государство, веками развивалась в ходе взаимного привыкания, проникновения, смешивания народов на семейном, дружеском уровне. Историческое освоение огромных территорий страны было совместным делом многих народов [1].

Объективная оценка актуальных и перспективных многонациональных отношений в России служит основанием для выводов о наличии угрозы национальной безопасности. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) по результатам социологического исследования, проведённого в 2013 г., установил, что межнациональные отношения стали носить напряжённый характер: население видит обстановку в стране накалённой на национальной почве [2]. Национализм, религиозная нетерпимость становятся идеологической базой для самых радикальных группировок и течений. Поэтому для реализации стратегии национальной политики, основанной на гражданском патриотизме, государство нуждается в проведении социологических исследований по изучению межнациональных отношений.

Наибольшую остроту национальный вопрос имеет в полиэтнических регионах, что обусловливает внимание к ним социологов. Полиэтнический регион – это регион, население которого отличается многонациональным и многоконфессиональным характером. Тюменская область традиционно находится среди регионов Российской Федерации, где риски проявления межнациональных конфликтов достаточно велики, что объясняется многонациональным и многоконфессиональным характером территории, высоким уровнем миграционной активности населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. показали, что на территории Тюменской области проживают представители более 150 национальностей, в том числе 26 малочисленных народов Севера [3].

В ходе авторского социологического исследования проанализированы межнациональные отношения в Тюменской области в разрезе молодёжной среды. Методическая база исследования включала проведение взаимодополняющих количественных (анкетный опрос) и качественных методов (экспертный опрос и анализ документов).

Областным центром Тюменской области является г. Тюмень, население которого отличается полиэтническим характером – на территории города проживают представители свыше 120 национальностей [3]. Следовательно, г. Тюмень отражает специфику межнациональных отношений в области. Доля молодёжи составляет порядка одной трети от всего населения. Молодёжь, как социальная группа, не только постепенно вливаются в ряды более взрослого населения, но и принимают активное участие в общественных процессах. Дальнейшее социально-экономическое, политическое и культурное развитие общества и государства в целом обусловлено тем, какие интересы, взгляды, ценности доминируют в молодёжной среде.

Объектами исследования межнациональных отношений выступили молодёжь г. Тюмени (400 чел. молодежи) и эксперты, деятельность которых направлена на укрепление межнациональных отношений в Тюменской области. Также было проанализированы официальные документы Комитета по делам национальностей Тюменской области.

Выделим наиболее значимые результаты исследования. Респонденты в ходе анкетного опроса отмечают, что испытывают самые лучшие чувства, им очень приятно общаться с лицами других национальностей (31%); испытывают хорошие чувства и подчеркивают, что чувства зависят не от национальности человека (35%). Однако сравнительный анализ результатов исследования, проведённого нами в 2013 г. и 2015 г., свидетельствует о возрастании негативного настроя к лицам других национальностей. Среди опрошенных молодых людей оказались те, кто замечает барьеры во взаимодействии с лицами других национальностей и испытывает ненависть к ним.

Следующей задачей нашего исследования было изучение самочувствия молодых людей, как жителей полиэтнического региона. Большинство респондентов (63,8%) указало, что чувствует себя хорошо, бывают некоторые напряжения, но они незначительны. 13,3% молодых людей отметили, что не чувствуют никаких притеснений и неприязни к другим людям, им приятно жить среди людей разных национальностей. Данный вопрос вызвал затруднения у 13,3% опрошенных молодых людей, в то время как 6,5% респондентов чувствуют неприязнь окружающих в отношении себя, а 3,3% – вовсе отметили, что сами чувствуют неприязнь к окружающим людям других национальностей, и им было бы лучше жить «среди своих».

На территории Тюменской области функционируют свыше 100 различных национальных объединений и диаспор. Предполагается, что

именно молодёжь, которая считает себя частью своего народа (89%), должна составлять основу диаспоры, развивать, поддерживать её существование. Но, как выяснилось, 60,3% респондентов никогда не слышали о существовании диаспоры своей национальности, и не интересуются ею, в то время как 39,8% опрошенных отметили, что лишь слышали о диаспоре, но не состоят в ней.

Что касается мероприятий, посвящённых межнациональному, культурному взаимодействию людей различных национальностей, то лишь 9,8% респондентов отметили, что являлись участниками фестивалей и концертов, 6,8% – посещали подобные культурные мероприятия в качестве зрителей.

Все эксперты, принимавшие участие в исследовании, отметили дружеский характер межнациональных отношений в молодёжной среде Тюменской области. Например, «у каждого молодого человека сейчас в кругу друзей есть много лиц других национальностей», «посмотрите, как нашим русским парням нравится культура, танцы дагестанского народа», «молодёжь охотно ходит на межнациональные праздники и фестивали». В данном вопросе ответы экспертов не согласуются с результатами, полученными в ходе проведения анкетирования молодёжи г. Тюмени. Эксперты были единодушны в оценке роли органов власти по улучшению межнациональных отношений в молодёжной среде: «всё возможное делается Правительством», «каждый народ прекрасен и уникален, и каждый человек, будучи молодым, должен понимать это».

Мнения экспертов относительно уровня толерантности молодёжи Тюменской области разделились: работники культуры отмечали, что «уровень толерантности в Тюменской области низкий», остальные эксперты утверждали, что «уровень толерантности находится на достаточно высоком уровне». Можно предположить, что расхождения мнений по данному вопросу обусловлено сферой деятельности экспертов. Работники культуры судят по вовлечённости молодых людей в культурно-массовые мероприятия, проводимые для скрепления отношений разных национальностей. Работники Комитета, Координационного Совета и диаспор основываются на социологических исследованиях, которые проводятся каждый год в рамках Комитета по делам национальностей Тюменской области (анкеты включает 5 прямых вопросов, и ежегодное исследование выявляет толерантность 98% населения области).

В рамках исследования проведён анализ следующих документов: Положение о Комитете по делам национальностей Тюменской области; Положение об отделе по делам национально-культурных объединений и казачества по делам национальностей Тюменской области; Отчёт по деятельности Комитета по делам национальностей в сфере реализации государственной национальной политики и взаимодействия с национальными общественными организациями в 2014 г.

Выяснилось, что в области функционируют более 110 областных и местных национальных общественных объединений. Проводятся мероприятия, направленные на укрепление межнациональных отношений: Дни национальных культур народов Тюменской области, областные национальные фестивали (детский фестиваль национального творчества «Радуга», фестиваль национальных культур «Мост дружбы»), национальные праздники, «Сулеймановские чтения», «Дни славянской письменности и культуры» и т.д.

Согласно документальным источникам, ситуация в сфере межнациональных отношений в Тюменской области стабильная, управляемая и прогнозируемая. Протестных акций, конфликтов на этнической основе в течение за последние 5 лет не отмечено. Анализ документов показал, что национальная политика Тюменской области совершенствуется каждый год: появляются новые проекты, организации для эффективного функционирования в многонациональной среде.

Документы свидетельствуют о том, что толерантность молодого поколения находится на высоком уровне, жители полиэтнического региона демонстрируют лишь уважительные отношения друг к другу, молодёжь регулярно посещает различные этнокультурные мероприятия, участвует в осуществлении программ и проектов. Но данные, полученные в результате нашего социологического опроса молодёжи, показали иные результаты.

Выделим некоторые практические рекомендации по укреплению межнациональных отношений в регионе:

- корректировка политики исполнительных органов власти Тюменской области для большего вовлечения молодёжи в работу диаспор, осуществления национальных мероприятий;
- внесение изменений в формат проведения Дворцом национальных культур «Строитель» фестиваля «Радуга»;
- поскольку результаты исследования показали, что наиболее нетерпимы к лицам иных национальности молодые люди в возрасте 16-18 лет, необходимо во всех учебных заведениях введение дополнительных классных часов, внеурочных мероприятий для расширения кругозора в отношении культур и обычаев других национальностей, создания дружественной атмосферы;
- расширение работы глав диаспор с молодыми людьми, принадлежащими данной диаспоре, для воспитания уважения к другим народам, культуре, языку, традициям, а также общим социальным нормам;
- наиболее важной практической рекомендацией является авторский социальный проект «Все вместе». Социальный проект направлен на сплочение представителей всех национальностей, проживающих на территории Тюменской области.

В заключение важно подчеркнуть, что межнациональное согласие – это кропотливая работа государства и общества, требующая очень тонких решений, взвешенной и мудрой политики, способной обеспечить «единство

в многообразии». Необходимо не только соблюдение взаимных обстоятельств, но и нахождение общих для всех ценностей.

России необходима стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме. Любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и национальной принадлежности, но, прежде всего, он должен быть гражданином России и гордиться этим.

Список литературы:

1. Путин В.В. Россия: национальный вопрос / В.В. Путин. – М.: 2012. – 12 с. [Электронный ресурс]. URL : http://www.ng.ru (дата обращения: 11.05.2015).

2. Межнациональные отношения в России: мониториг [Электронный ресурс]. URL : http://wciom.ru/ (дата обращения: 12.05.2015).

3. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] URL : http://www.gks.ru (дата обращения: 12.05.2015).

ОСОБЕННОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ «ОБРАЗА БУДУЩЕГО» У СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

И.С. Мехришвили –
Студентка Тюменского государственного нефтегазового университета

Одной из важных проблем формирования социальной мобильности молодежи является моделирование и проектирование образа будущего как ценностной социальной установки.

Образ будущего является мультимодальным (включающим различные временные координаты, индивидуально-личностные, эмоционально-психологические и социальные процессы) конструктом, свойственным как отдельной личности, так и социуму в целом [2; 173].

Поскольку человек осознаёт себя частью социального целого (в чём проявляется его социальность), то он предвосхищает не только свою субъективную судьбу, но и судьбу общности, нации, государства.

Интегративность феномена образа будущего обуславливает и комплекс компонентов и факторов его формирования:

* Во-первых, это расслоение общества и уровень жизни;
* Во-вторых, это мировоззрение каждого члена общества;
* В-третьих, это динамика социальных процессов. [4]

Под образом будущего считаем целесообразным понимать сочетание индивидуального и общественного сознания, при котором формируется непротиворечивое представление личности о своём месте и роли в социуме, перспективах, планах и прогнозах социального развития.

Образ как социологический конструкт – это

1. Мысленный или вещественный конструкт, представляющий какой-либо объект.
2. Целостное, но неполное представление о каком-либо объекте или классе объектов.
3. Совокупность типичных видов (способов) жизнедеятельности индивида, социальной группы и т. д. [5;169].

В рамках социологических концепций понятие «образ будущего» употребляют для обозначения определенных позиций во взглядах на будущее, характерных для конкретных социальных групп.

Таким образом, «понятие «образ будущего» мы раскроем как относительно целостную картину будущего, которая вырабатывается в определенное время у определенного социума, конкретной социальной группы, в том числе демографической.

Молодежь как специфичная социально-демографическая группа, с одной стороны, переживает период адаптации к будущим изменениям, а, с другой,

формирует образ будущего и несет функцию его социального воспроизводства. Представляется возможным предположить, что важной, специфичной составляющей процесса социализации молодежи является идентификация, в том числе идентификация себя с образом своего будущего, построение образа себя, своей личности в обществе, настоящем и будущем. [7;79]

Для социально-демографической группы молодежи сегодня характерно явление переосмысления реальности и попытки смены идеалов. Наряду с этим, как отмечают исследователи, в качестве специфики современного периода развития следует вести речь «о возложении слишком большой ответственности за будущее общества на молодёжь, как на движущую силу, авангард преобразований. Как следствие этого, (у молодежи) может возникнуть появление апатии, нежелание чего-либо делать – у одних молодых людей; «гиперответственность» и «гиперзанятость» – у других». [3]

К особенностям формирования образа будущего у молодежи в условиях развития информационного общества отечественные ученые относят:

1. Влияние интернет-пространства, в котором молодой человек видит решение своих проблем, но на самом деле это просто уход от них, способствует *формированию чувства неопределённости и непредсказуемости будущего.*

2. Для современного молодежного сообщества характерно явление жизни «одним днём», и *образ будущего воспринимается недостаточно ясно*.

3. На сегодняшний день играет большую роль *построение индивидуальных траекторий*. Сейчас можно говорить о таком феномене, как «индивидуальное будущее». [1; 215]

Представляется возможным резюмировать, что в настоящее время для молодого человека становится характерным подстраивание своего будущего независимо от внешних обстоятельств, учитывая различные варианты и последующий выбор из них.

Определяя роль и место образа будущего в процессе социализации молодёжи в условиях информационного общества Дедова В. отмечает:

1) у молодёжи образ будущего недостаточно сформирован в связи с высокой скоростью изменений в обществе и неопределённостью идеалов и ценностей;

2) в построении траекторий своего развития и становления современный человек основное место отводит индивидуальному, которое опосредовано от социума и внешних обстоятельств;

3) преобладает вариативность построения образа будущего;

4) необходимы механизмы формирования у молодого поколения устойчивого образа будущего как основы для действий в настоящем. [3]

Формирование образа будущего особенно актуально с точки зрения развития молодого поколения, которое включает, прежде всего, оказание помощи в преодолении социальной отчуждённости и поиск своего места, профессиональную ориентацию и самосовершенствование. [6;137]

Список литературы:

1. Белинская Е.П. Человек в информационном мире // Социальная психология в современном мире / под ред. Г.М.Андреевой, А.И.Донцова. М.: Аспект Пресс. – 2002. – С. 203-220

2. Гоулман Д., Бояцис Р., Макки Э. Эмоциональное лидерство: искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. – М.: Альпина Бизнес Бук, 2005, 301с.

3. Дедова В. Роль образа будущего в процессе социализации молодежи в условиях информационного общества. / Журнал Социальные явления, Институт исследования общественных явлений. № 2, 2013. http://socialphenomena.org/ru/issues/2_2013

5. Новикова А.А. Образ будущего и его формирование в обществе/Образ будущего и его роль в общественном развитии. Самара, Изд. СамГУ, 2013. http://socialphenomena.org/ru/blog/article_category/conf2013

4. Российская социологическая энциклопедия/ Под общей редакцией академика РАН Г.В. Осипова. – М: Ин-т соц-полит исследований РАН 1998. – 238 с.

6. Трынов Д. В., Методологические аспекты исследования образа будущего в контексте становления гражданской культуры / Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие__Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. – М.: РОС, 2012., 187с., С. 134-139.

7. Чупров В.И. Молодёжь в обществе риска / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, К. Уильямс. – М.: Наука, 2003. – 229 с., С. 79.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ – 15-03-00284а Образ будущего в выборе алгоритма социальной мобильности современной российской молодежью.

«ОБРАЗ БУДУЩЕГО» КАК ДЕТЕРМИНАНТ РАЗВИТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА

Л.Л. Мехришвили –
д.социол.н., профессор
профессор кафедры социологии
Тюменского государственного
нефтегазового университета

Словосочетание «образ будущего» достаточно часто встречается в философских, исторических, психологических, футурологических исследованиях. Одним из первых использовать это словосочетание в качестве самостоятельной категории стал нидерландский социолог Ф. Полак, который в работе «The Image of the Future» (1961) определил «образ будущего» как позитивную модель ожидаемого будущего. Важно, по мнению автора, что наши субъективные образы будущего определяют реальный ход событий.

Очевидно, что в конкретный период в социуме функционирует не один, а несколько образов будущего, при этом, образы будущего «не носят произвольного характера, не являются плодом индивидуального воображения, а инициируются тем состоянием социума, в котором формируются… Поэтому в образах будущего наиболее интересным представляется именно их надперсональный характер, то общее, что присутствует в отношении к будущему в рамках некой социальной системы». [3]

Спецификой данного образа является дуализм настоящего и будущего, реального и потенциального. Представляется важным подчеркнуть, что «образ будущего» – важнейший детерминант психологического и социального ***потенциала*** – как личностного, так и группового. «Образы будущего запечатлевают варианты развития, как если бы эти возможности обладали характером действительности. Образы будущего фиксируют следы возможностей, которые были присущи конкретной социальной действительности. В любом случае, образы будущего являются элементом настоящего, в котором функционировали, и потому их исследование позволяет понять, насколько богатым потенциалом наделяли современники свое общество». [3] Таким образом, «сам образ будущего входит в социальную реальность на правах ее элемента и тем самым меняет настоящее».

В конкретных моделях будущего заложены не только указания на возможные в будущем тенденции, но и описание отдельных сторон социальной и индивидуальной жизни, новых качеств и черт человека. Логично предположить, что представление о некой возможности, ожидание определенной перспективы оказывает реальное влияние на эмоциональное и интеллектуальное состояние человека, а социальное ожидание моделирует поведение социальных групп.

Историческая и социально-политическая детерминанта появления разных образов «будущего» напрямую связана с изменением как картин мира в целом, так и векторов развития России. Согласимся с мнением Л.Н. Цоя: «Никакой стратегический план не может быть построен при отсутствии образа будущего, а потому, если будет построено адекватное и уникальное представление о будущем России, то тогда будет точным и ясным видение стратегии ее развития». [11; 134.]

Будущее России возможно рассматривать в рамках мирового культурного контекста, в котором С.А. Смирнов выделяет, следующие *содержательные идеи*:

1. Как понимается будущее в контексте *цивилизованного «фазового» перехода*, который переживает человечество?

*2. Из какой позиции пристраивается будущее: к*ак личная проблема и тогда человек встраивается в деятельность по преодолению перехода. Либо он находится в позиции наблюдателя и оценщика?

3. Если проблема будущего возникает как проблема лишь в пределах более широкой рамки – *идеи развития***,** то какие различные концепты развития могут быть в этом плане рассмотрены?

4. Какие практики и техники работы с будущим, как с некоторым содержанием могут предложить социологи. [7; 321]

Образ страны – это не просто образ-символ, не просто набор знаков, визуальных представлений и ассоциаций, что, как правило, входит в понятие «образ». В данном случае под «образом» будущего России понимается некий идеал, оптимальная, желаемая модель страны в совокупности всех своих параметров, определяющих место и значение нашей страны в мире, её роль, миссию, перспективы и те возможности, которые должны открыться для каждого гражданина России, для каждого русского (в широком смысле) человека в случае реализации данной модели. [9]

Определяя сегодня доминирующие образы будущего современной России, значительная часть исследователей отмечают «лидирующие позиции двух отчасти противоположных образов – проекта социальных преобразований и идеи новой духовности. Так, образы будущего показывают специфику самосознания российского общества, в котором *политика и нравственность* оценивались как ведущие силы будущих трансформаций». [3]

Политическая компонента

В политическом аспекте образа будущего – один из центральных элементов идеологии государства и общества; важная составляющая морально-духовного состояния населения в целом и отдельного индивида в частности; некий идеал, к которому, в зависимости от политического режима страны, стремиться государство, общество и отдельный гражданин в частности. В п*равовом аспекте* – второй элемент, реальная попытка

государства претворить политико-идеологические ценности в жизнь путем использования метода правового регулирования. [4]

В целом приоритеты и стратегии формирования политического образа России закрепляет базовый правовой документ – Конституция РФ. Преамбулы конституций многих стран содержат положения об осознании народом своего прошлого, настоящего и будущего, неотделимости истории государства и его развития. По мнению С.М. Шахрай «основной закон государства принимается на длительное время, и тем самым создаётся «каркас» для формирования и изменения правовой системы, определяет ценности не только настоящего, но и будущего общественного устройства…. Отражение образа будущего также вполне соответствует функциям конституции…. Как главный источник правовой системы, конституция выступает и как главный источник заключённого в ней образа будущего». [12; 248 – 250]. Действующая Конституция РФ определяет правовые и теоретические основы современной социальной политики российского государства. В социальном государстве социальная политика призвана обеспечить создание условий для достойной жизни и свободного развития человека, а значит быть одной из стратегически важных сфер развития общества в целом. Фундаментом и спецификой новой социальной политики является социальная и гуманитарная ответственность Российского государства перед его гражданами, перед настоящим и будущим страны.

С точки зрения современного представления, образ будущего России возможно рассматривать только в контексте *развития и инноваций*, которые являются одними из фундаментальных понятий процесса трансформации российского общества. Представляется, что механизмом реализации данного образа будущего должна стать современная государственная *социальная политика,* которая в контексте исследования трактуется как *механизм регуляции государством, социальными институтами и другими социальными субъектами социально-экономических и социально-политических отношений в обществе, с целью создания благоприятной среды жизнедеятельности для обеспечения оптимальных условий функционирования и развития личности, социальных групп и социальных общностей, посредством удовлетворения индивидуальных и групповых потребностей.*[6; 75]

Развитию социальной политики посвящена Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. В сфере развития человеческого *потенциала* Концепция предполагает реализацию следующих направлений: демографическая политика и политика народосбережения; развитие здравоохранения; развитие физической культуры и спорта; развитие образования, развитие культуры и средств массовой информации; развитие рынка труда; повышение доступности жилья; развитие социальных институтов

и социальная политика; молодежная политика; развитие пенсионной системы; экологическая безопасность экономики и экология человека. Реализация положений Концепции позволит России в 2015 – 2020 годах войти в пятерку стран-лидеров по объему валового внутреннего продукта (по паритету покупательной способности). *Достижение этой цели означает формирование качественно нового образа будущего России.*

Нравственная компонента

С учетом объективных реалий современного социального развития в рамках социологической науки ученые выделяют следующие взаимосвязанные тенденции изменения парадигмы будущего:

*во-первых, возрастание роли и значения гуманистической направленности;

*во-вторых, расширение социальной базы мирового технологического процесса;

*в-третьих, увеличение числа субъектов, охватываемых действием информационной сферы;

*в-четвертых, формирование социального порядка и устройства, отвечающего принципам справедливости и идеалам гражданского общества. [1; 168]

Сегодня представляется возможным констатировать, что в конце XX столетия обозначился заметный парадигмальный сдвиг в понимании стратегий будущего. При смене парадигмы произошел сдвиг в ее сущности и содержании: стал набирать силу гуманистический компонент парадигмы. Отсюда, доминирующими «идеями» (В.Н. Сагатовский) образа будущего выступают не интересы государства, а интересы человека. При этом, любая идея может быть практически реализована лишь в том случае, если она будет согласована с интересами человека, гуманистически ориентирована.

Новой доминантой идеи-образа будущего России, по мнению социологов, должна стать оптимистическая идеология (как определенная система ценностей и теоретических знаний, лежащая в основе развития любого общества) «социального гуманизма». [2;109-110.]. При этом, как подчеркивают исследователи, она должна стать государственной, объединяющей, общенациональной идеологией России. [5]

В логике заявленной парадигмы, адаптируя существующие научно-теоретические подходы, представляется возможным констатировать, что *идеология гуманизма – система гуманистических ценностей, положенных в основание образа будущего преобразования российского общества, превращения его из деформированного состояния в подлинно человеческое общество социального гуманизма.*

Прогностические варианты образа будущего России и мира в контексте глобализационных процессов позволяют сегодня вести речь о формировании информационного гуманизма как идеологии цивилизации нового типа.

В современных реалиях *«информационный гуманизм» – это не просто идеологическая, теоретико-академическая абстракта, а определенная практическая деятельность по созданию человеческих информационных условий для развития общества; гарант качественной жизни человека; средство достижения гуманистических целей.* [8; 326-327]. Таким образом, говоря об информационном обществе, в первую очередь подразумевается развитие технологий, но становится очевидно, что современные технологии не могут быть отделены от области социального.

Смена политической и нравственно-идеологической парадигмы образа будущего, ориентированной на создание «гуманного сверхиндустриального общества» (Э. Тоффлер) потребует трансформации системы индикаторов и приоритетов в направлении «институциализировании озабоченности качеством жизни» (Э. Тоффлер), изменения самого процесса планирования будущего и системы управления им. *«Гуманизация планирования», интегрированная с экономическими индикаторами, направленна «к оценке достижения социальных и культурных целей»* (которые выходят за пределы экономики) [10; 498]. При этом «планы могут быть экспериментальными, текучими, подлежать постоянному пересмотру. Однако гибкость не обязательно означает недальновидность. Чтобы перешагнуть через технократию, наши социальные временные горизонты должны простираться в будущее на десятилетия и даже на поколения. Это требует большего, чем удлинение наших формальных планов. Это означает осознание всем обществом, сверху донизу, *нового, социально понимаемого будущего».* [10; 500.]

Список литературы:

1. Бергер, П.Л. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. М., 1996. 168 с.

2. Волков, Ю.Г., Малиций В.С. Идеология и гуманизм. М., 2004. С. 109-110.

3. Желтикова, И.В. Образ будущего – варианты возможного/ http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/398781/

4. Кехман, Л. Образ будущего как политико-правовое понятие / Журнал Социальные явления, Институт исследования общественных явлений. № 1, 2013. http://socialphenomena.org/ru/blog/article_category/conf2013/

5. Малицкий, В.С. Идеология в современной России /Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология Выпуск № 2 / 2012. http://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-v-sovremennoy-rossii

6. Мехришвили, Л.Л. Социальная политика: концептуальные подходы. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2006. – 226 с., С. 75.

7.С мирнов, С.А. Человек перехода: сб. науч. тр./С.А. Смирнов. – Новосибирск: НГУЭУ, 2005 г. С. 321.

8. Социология. М.: ИНФРА – М, 2004. – 332с., С.326-327.

9. Тамак, В. Образ России – которая будет/ http://inst.eurasec.com/strateg_maser/47/231

10. Тоффлер, Э. Шок будущего: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 557 с., С. 498.

11. Цой, Л.Н. «Будущее» как социологическое понятие //Журнал «Мир психологии» № 2 (74), 2013 г. С.120-134.

12. Шахрай, С. М. Конституция – это желаемый образ будущего [Текст] / С.М. Шахрай, интервьюер Я. Пискунов. //Закон. – 2009. – № 2. – С. 248 – 250.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ – 15-03-00284а Образ будущего в выборе алгоритма социальной мобильности современной российской молодежью.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ О ГЕРОИЗМЕ КАК ФАКТОРЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Е.В. Миронец –
к.социол.н. ст.преподаватель
Кубанского государственного аграрного университета

И.П. Яковлева –
к.истор.н., доцент
Кубанского государственного аграрного университета

Одной из цементирующих основ существования и развития общества и государства является гражданственность. Социологическая энциклопедия отмечает многозначность данного понятия: «а) способность и готовность ощущать себя в роли гражданина; б) активная, сознательная включенность в дела политического общества; в) высшая добродетель свободного и полноправного участника сообщества людей; г) приверженность интересам политического сообщества, готовность идти на жертвы ради этих интересов… В социально-политических науках гражданственность – это комплекс определенных морально-нравственных, психологических, социально-политических качеств политических субъектов, который характеризуется чувством патриотизма, любви к родине, развитым политическим самосознанием» [1; 234].

А.В. Хитрова отмечает, что гражданственность личности проявляется в различных формах: в деятельности, поведении, сочетая в себе знания, социальный опыт, личностные качества и характеристики [2; 242]. По мнению Л.Б. Доржиевой Гражданская позиция актуализирует личностное и профессиональное развитие человека [3; 131].

Особое значение для общества в целом играет морально-этический аспект гражданственности. Он определяется патриотизмом и уровнем нравственной культуры общества, включающих высокую ценность долга и служения Отечеству, гражданскую ответственность, совесть и достоинство [2; 47].

Проблема воспитания гражданственности актуальна для каждого государства, особенно в переломные периоды истории, в период становления новых социально-политических отношений, а также в период кризисов [4; 195]. В последние годы Россия, переживающая период укрепления своих позиций в мире, стремиться найти новые подходы к пониманию гражданского воспитания. Однако эти попытки сталкиваются с рядом сложностей. Прежде

всего, речь идет о ценностной трансформации общественного сознания и отсутствии прежнего единства духовных и идеологических установок. Как указывает Г.А. Казначеева, все большее проникновение в общественное и индивидуальное сознание ценностей прагматизма, индивидуализма и личного успеха, характерных для общества потребления, вступает в противоречие с традиционными для России нравственными ценностями [5; 48].

В отношении воспитания гражданственности у российской молодежи ситуация по мнению Петровой Е.Н. осложняется отсутствием четких положительных жизненных ориентиров, резким ухудшением морально-нравственной обстановки в обществе, спадом культурно-досуговой работы с детьми и молодежью в 1990е – начале 2000х гг. [6; 98].

Формирование гражданина возможно только при условии выработки базовой социальной установки, одной из которой может стать представление о героизме. Р.А. Лукьянова определила героизм как доблесть, бесстрашие, стойкость, самопожертвование, проявляемые ради достижения высоких общественных и нравственных целей [7; 177]. Как отмечает М.Г. Делягин, все новые поколения нуждаются в героях – моральных и культурных авторитетах [8; 98]. Героико-патриотическое мировосприятие облегчает поиск ориентиров и стабильности в перенасыщенном информацией, нестабильном мире, вызывающем чувство беспокойства и тревоги [9; 159].

Для выявления представлений современной студенческой молодежи ВУЗов Краснодарского края о героизме было проведено социологическое исследование. Прежде всего, респондентам было предложено выбрать определения, максимально раскрывающие природу данного социального феномена. Наибольшую популярность у студентов имеют следующие определения: «человек готовый пожертвовать всем ради блага людей» (46,6 %), «человек, совершивший какое-либо доблестное, важное для многих людей действие» (45,8 %) и «человек подающий пример другим, который своим примером способен воодушевить большие массы людей на глубокие перемены в обществе» (44,1 %). Выбранные респондентами определения героизма во многом соответствуют тем характеристикам, которые определяют гражданскую позицию личности. Соответственно образ «героя» может выступать основой формирования гражданственности у молодежи.

Почти единодушно респонденты полностью согласны с мнением, что «россияне должны помнить и чтить героев прошлых эпох» – 87,8 %. Всего студентами было названо 104 имени. Рейтинг наиболее популярных среди студенческой молодежи примеров героев, большинство из которых известные исторические личности, выглядит следующим образом:

1. Г.К. Жуков – 36,3 %;
2. Ю.А. Гагарин – 23,8 %,
3. А.В. Суворов – 12,4 %,

4. И.В. Сталин – 11,8 %,
5. З. Космодемьянская – 9,3 %,
6. А.И. Покрышкин – 8,4 %,
7. М.И. Кутузов – 8,0 % и т.д.

Как свидетельствуют представленные данные, одним из наиболее значимых факторов в процессе формирования гражданственности является историческая память.

В то же время существует потребность в новых героях, с чем «полностью согласны» 35,0 % и «скорее согласны» 47,3 % от общего числа опрошенных. Необходимость формирования образов «новых героев» по результатам нашего исследования отражена, прежде всего, в том, что лишь 28,7 % респондентов в качестве примера героев назвали своих современников, среди которых 68 % – россияне. Наибольшей популярностью в данной категории героев у опрошенных пользуется президент РФ В.В. Путин (16,9 %).

В соответствии с предыдущим вопросом особый интерес представляет определение набора личностных качеств, которыми, по мнению респондентов, должен обладать настоящий герой. По результатам ответа на данный вопрос, рейтинг 5 наиболее популярных характеристик героической личности выглядит следующим образом:

1. Мужество – 55,5 %;
2. Самопожертвование – 37,3 %;
3. Храбрость – 30,4 %;
4. Стойкость – 21,5 %;
5. Сила воли – 20,0 %.

Наименьшую популярность получили такие качества личности, как «скромность» (2,5 %), «харизма» (1,9 %), «святость» (1,1 %), «активность» (1,3 %) и «авантюризм» (0,6 %). Отдельно стоит отметить в числе нехарактерных лидерских качеств, такое как «честность» (4,4 %).

Таким образом, на формирование гражданственности молодежи оказывают влияние ряд социально-психологических и политических факторов. Особая роль в данном процессе, на наш взгляд, должна отводиться воспитанию чувства патриотизма молодежи на основе знания исторического прошлого своей страны, почитания подвига «старых героев» и создания образа «новых героев». Образ «героя» в сознании молодых людей может стать основой в воспитании личностных качеств, ориентиром при выборе жизненной стратегии и, как следствие, формирования высокой гражданственности. В настоящее время только активная жизненная, гражданская позиция и позитивная инициатива каждого гражданина Российской Федерации является необходимым условием становления полноценного гражданского общества и демократического правового государства [3; 129].

Список литературы:

1. Социологическая энциклопедия: В 2 т. / главный редактор В. Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. Т. 1.

2. Хитрова А.В. Гражданственность как показатель социализации личности в современном условиях // Проблемы современного педагогического образования. 2014. № 44-1. С. 242-247.

3. Доржиева Л.Б. Теоретические основы формирования гражданственности школьников в информационном обществе // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2012. № 5. С. 129-132.

4. Пекушкина Д.В. «Гражданственность»: философско-педагогический аспект // Язык и коммуникация в современном поликультурном социуме. Сборник научных трудов. М., 2014. С. 195-203.

5. Казначеева Г.А. Формирование гражданственности и патриотизма молодежи – ключевая задача социокультурной модернизации России // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 2. С. 46-48.

6. Петрова Е.Н. Роль патриотического воспитания в формировании гражданственности молодежи // Проблемы социализации личности в контексте непрерывного профессионального образования. Материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В.Н. Скворцова. СПб., 2014. С. 98-101.

7. Лукьянова Р.А. Истинный героизм – духовная составляющая общества // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. № 1. С. 177-180.

8. Делягин М.Г. Мировой кризис: общая теория глобализации. М., 2003. 207 с.

9. Торосян Д.Р. Героизм и патриотизм как социальные факторы стабилизации жизни общества // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2010. № 1. С. 157-163.

ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В ЗАРУБЕЖНЫХ ФЕДЕРАТИВНЫХ ГОСУДАРСТВАХ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КАНАДЫ)

А.А. Мишунина –
д.ю.н., доцент, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права ФБГОУ ВПО «Тюменский государственный университет», руководитель аппарата постоянной комиссии Тюменской областной Думы по вопросам депутатской этики и регламентным процедурам

Характерной особенностью иммиграционных процессов большинства экономически развитых государств является достаточно высокий уровень внешней миграции населения. В последнее время в мире наблюдается существенное оживление иммиграционных процессов.

В значительной степени это связано как с социально-экономической привлекательностью экономически развитых стран, так и с ростом человеческой мобильности в условиях мировой глобализации.

Такая развитая страна, как Канада, имеет многолетний и богатейший опыт регулирования иммиграционных процессов. На протяжении всей своей истории канадское общество развивалось под воздействием мощного притока переселенцев из других регионов мира[1], что обусловило важное значение иммиграции для социально-экономического развития Канады[2], особенно в XX веке, когда Канада стала одним из наиболее развитых и процветающих государств мира[3]. Именно на этот период канадской истории приходится наибольшая динамика роста населения страны за счет иммиграционных потоков.

[1] Канада 1918–1945. Исторический очерк. Издательство «Наука». М., 1976. С.5; Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник/ Отв. редактор – д.ю.н., профессор А.Я. Сухарев. М.: Издательство «Норма» (Издательская группа ИНФРА-М). 2000. С.305.

[2] Чонка А. Трансформация иммиграционной политики Канады на протяжении XIX – XX веков и ее последствия [электронный ресурс] // [WWW-сайт]: URL: http: www.niworld.ru/referat/doklad/Chonk.htm.

[3] Forging our legacy: Canadian Citizenship and Immigration, 1900-1977 [электронный ресурс] // [WWW-сайт]: URL: http: www.cic.gc.ca/english/department/legacy/chap-1.html.

Так, в 1901 –1911 годах иммиграция дала 40 % прироста населения страны. В последующие годы роль иммиграции несколько упала, но после Второй мировой войны резко возросла: в 50-е годы она дала свыше четверти, в 60-е годы свыше 20 %, а в 1971 – 1976 годах – свыше трети общего прироста населения[1]. Благодаря иммиграции темпы прироста рабочей силы в Канаде на протяжении всего XX века были даже выше, чем в США[2]. В 2007 г. количество ежегодно въезжающих в страну иммигрантов составило порядка 220 тысяч человек[3].

Иммиграция в Канаду, хотя и является постоянной, в то же время весьма существенно колеблется от года к году, как по своей численности, так и по качественному составу, что напрямую связано с переменами в иммиграционной политике и законодательстве страны[4].

В частности, в связи с растущим числом преступлений и нарушений законодательства в иммиграционной сфере и в области защиты беженцев в ередине 90-х годов назрела необходимость принятия мер по ужесточению иммиграционного законодательства страны и закреплению в нем более эффективных механизмов привлечения в Канаду лиц, необходимых для развития экономики. На решение именно этих стратегических целей было направлено принятие в 2001 году нового закона об иммиграции и защите беженцев *(Immigration and Refugee Protection Act, далее – Акт об иммиграции),* вступившего в силу 28.06.2002 г.

Предусматривая множество новелл по регулированию иммиграции, рассматриваемый правовой акт воплотил в себе всесторонний и оследовательный подход к достижению максимального социально-культурного и экономического эффекта от реализации иммиграционной политики страны.

Вместе с тем в Акте об иммиграции свое отражение нашли и ранее существовавшие положения канадского миграционного законодательства, в том числе принципы правового регулирования данной сферы отношений. Одним из них является принцип недопустимости дискриминации, означающий, что отбор иностранных граждан для допуска их в страну осуществляется на основе единых критериев вне зависимости от расы, национальности, этнического происхождения, цвета кожи, религиозных убеждений или пола претендентов.

---

[1] Канада на пороге 80-х годов. М.: Издательство «Наука», 1979. С.12.

[2] Canada Yearbook 1978-1979/ Ottawa, 1979, p.154.

[3] Immigration and the Welfare State in Canada: Growing Conflicts, Constructive Solutions. – p.19 [электронный ресурс] // [WWW-сайт]: URL: http:www.fraserinstitute.ca/ admin/books/files/immigration.pdf.

[4] Владимирова М.А. Законодательные основы иммиграционной политики Канады // США – Канада. Экономика – политика – культура. 2002. № 9.

Указанный принцип основывается на статье 15 Конституционного акта Канады 1982 года, согласно которой Закон не делает различий для лиц и в равной мере применяется ко всем, и все имеют право на равную защиту и равное покровительство закона, независимо от каких-либо различий, в частности, основанных на признаках расы, национального или этнического происхождения, цвета кожи, религии, пола, возраста или вследствие психических или физических недостатков.

В этой связи главными факторами, определяющими принятие Министерством гражданства и иммиграции Канады *(Citizenship and Immigration Canada, далее по тексту – Министерство иммиграции)* решений о даче разрешений на въезд в Канаду иностранных граждан, является потенциальная способность последних принести существенную пользу социально-экономическому развитию страны, а также необходимость выполнения гуманитарных обязательств Канады[1].

Одной из самых распространенных форм иммиграции иностранных граждан в Канаду является переезд на постоянное место жительства. Согласно пункту 2 Акта об иммиграции постоянно проживающим признается лицо, получившее статус постоянно проживающего и не утратившее его впоследствии согласно пункту 46 Акта об иммиграции, а именно в случае:

- приобретения подданства;
- принятия окончательного решения, что данное лицо не выполнило обязательства, предусмотренные пунктом 28 Акта об иммиграции;
- вступления в силу предписания о выдворении данного лица либо при принятии в соответствии со статьей 109 окончательного решения об отказе в удовлетворении заявления данного лица в предоставлении защиты как беженцу или при принятии окончательного решения в соответствии с пунктом 114(3) об отказе в предоставлении защиты[2].

В соответствии со статьей 6 Конституционного акта Канады 1982 года всякое лицо, обладающее правом постоянного проживания в Канаде, имеет право:

а) передвигаться по всей стране и селиться в любой провинции;

б) зарабатывать себе средство к существованию в любой провинции.

Актом об иммиграции выделяется три основные категории постоянно проживающих иностранных граждан:

- лица, допускаемые в страну по экономическим основаниям;
- лица, допускаемые в страну по семейным обстоятельствам;
- лица, находящиеся под защитой по гуманитарным основаниям.

[1] История иммиграции [электронный ресурс] // [WWW-сайт]: URL: http: www.city. tomsk.net/~canada/ih.htm.

[2] Immigration and Refugee Protection Act, 2001 (официальный сайт Министерства юстиции Канады) [WWW-документ] // [WWW-сайт]: URL: http://laws.justice.gc.ca/en/ I-2.5/64755.html.

Категория иммигрантов по экономическим основаниям, которая представляет для нас наибольший интерес. Именно она представлена трудовыми иммигрантами и включает:

- квалифицированных рабочих (*skilled workes*);
- бизнес-иммигрантов (*business-immigrants*);
- иммигрантов, осуществляющих деятельность в специфических сферах (*live-in caregivers*);
- иммигрантов, специально отобранных провинциями и территориями Канады для осуществления трудовой деятельности (*provincial nominees*).

В 2004-2005 гг. примерно 55 - 60% вновь прибывающих на постоянное проживание иностранных граждан относились именно к иммигрантам по экономическим основаниям[1], среди которых можно выделить следующие категории иностранных граждан.

Квалифицированные рабочие. В целях соответствия текущим и будущим требованиям канадского рынка труда, введенные Актом об иммиграции, критерии в отношении данной категории иммигрантов связаны с отбором тех, кто способен адаптироваться к развивающемуся рынку труда. Новая система отбора направлена на привлечение в страну действительно высококвалифицированных специалистов, которые смогут легко адаптироваться к постоянно развивающейся экономике, основанной на использовании все большего количества информации.

Если раньше предпочтение отдавалось специалистам, чья профессия была востребована в данный момент, то в соответствии с новым законодательством более важным считается критерий профессиональных навыков, позволяющих быстро адаптироваться к меняющейся ситуации на рынке труда[2].

Серьезным изменением является и отмена списка приоритетных профессий для лиц, иммигрирующих в Канаду. При подсчете баллов предпочтение должно отдаваться специалистам широкого профиля с практическим опытом работы; при рассмотрении документов учитываются также неофициальные приглашения на работу от представителей семейного и малого бизнеса.

Несмотря на то, что, по данным переписи населения 2001 года, в рассматриваемый период в Канаде наблюдалось снижение экономического эффекта от иммигрантов[3], Министерство иммиграции считало, что внесенные в законодательство изменения позитивно сказались на общей экономической ситуации в стране.

1 Annual Report to Parliament on Immigration 2005. p.16 [электронный ресурс] // [WWW-сайт]: URL: http: www.cic.gc.ca/english/pdf/pub/immigration2005_e.pdf.

2 Proposed Changes to Canadian Immigration Law [электронный ресурс] // [WWW-сайт]: URL: http: www.mccarthy.ca/pubs/publication.asp?pub_code=452.

3 Annual Report to Parliament on Immigration 2005. p.17 [электронный ресурс] // [WWW-сайт]: URL: http: www.cic.gc.ca/english/pdf/pub/immigration2005_e.pdf.

Бизнес-иммигранты. Отбор бизнес-иммигрантов осуществляется с учетом их возможностей по обеспечению работой себя и иных жителей Канады, а также вложению ими средств в канадскую экономику. В рамках данной группы законодательством Канады предусмотрена их дифференциация на следующие виды иммигрантов.

1. По иммиграционной программе *«Инвестор»* привлекаются иммигранты, имеющие опыт управления бизнесом и капиталом. Претенденты данной группы должны продемонстрировать свой управленческий опыт и доказать наличие у них состояния на общую сумму не менее 800 тысяч канадских долларов, из которых не менее 400 тысяч долларов должны быть инвестированы в экономику Канады.

2. Иммиграционная программа *«Предприниматель»* направлена на привлечение мигрантов, имеющих опыт предпринимательской деятельности, который может быть использован во благо Канады. В течение двух лет с момента их прибытия данные иммигранты обязаны владеть не менее 1/3 активов созданного или приобретённого канадского предприятия, осуществлять непосредственное руководство данным предприятием и обеспечивать работой хотя бы одного канадца или постоянно проживающего иностранного гражданина.

3. *«Самонаемные»* иммигранты (*self-employed persons*) должны продемонстрировать свою способность и намерение к самонаемному труду по прибытии в Канаду и способность внести вклад в особые сферы экономической деятельности, например, в области культуры, спорта или фермерства.

Иммигранты, осуществляющие деятельность в социальной сфере. Данная категория включает иммигрантов, пребывающих в Канаду для осуществления видов работ, в отношении которых испытывается недостаток рабочих из числа канадцев и постоянно проживающих иммигрантов. У лиц данной категории должны быть навыки ухода за детьми, больными и престарелыми людьми. Кроме того, от них требуется знание английского или французского языков на уровне свободного общения. Изначально кандидатам, прошедшим отбор, предоставляется статус временно проживающих, после двух лет они получают право подачи заявления о предоставлении статуса постоянно проживающих.

Иммигранты, отбираемые провинциями и территориями для осуществления трудовой деятельности. Программа по привлечению иммигрантов, отбираемых провинциями и территориями для осуществления трудовой территории, позволяет провинциям и территориям Канады оказывать влияние на формирование иммиграционных процессов в целях оптимального использования иммиграционных ресурсов в интересах своего развития.

Главным инструментом активной, экономически ориентированной миграционной политики Канады является балльная система отбора, которая

была введена в 1967 г.[1] Она включает минимальное число баллов, которое кандидат должен набрать для прохождения. Пять основных критериев, которые присутствуют в системе: образование, сфера деятельности, опыт работы, язык, возраст. Затем баллы могут начисляться по следующим показателям: предложение работы, размер предыдущей зарплаты, предыдущий опыт работы или образование в стране иммиграции, присутствие близких родственников, особенности поселения (где именно хочет селиться иммигрант), инвестирование в экономику принимающей страны с созданием рабочих мест.

Балльная система имеет преимущества не только в экономической, но и социально-политической сфере. Во-первых, универсальные, объективные критерии отбора, определяемые в соответствии с потребностями общества и экономики, внушают больше доверия гражданам и самим иммигрантам. Долгосрочное планирование снижает негативное отношение местных рабочих к приезжим и посылает сигнал о том, что отбор служит экономическим интересам страны, укрепляя ее конкурентные позиции в современном мире. Кроме того, правительство берет на себя ответственность за функционирование иммиграционной системы, снимая ее с работодателей и семей мигрантов.

Во-вторых, балльная система заранее информирует мигрантов о том, какие требования будут к ним предъявляться, и дает возможность рассчитать свои шансы на получение разрешения, мотивируя их, таким образом, пройти необходимую подготовку[2].

К недостаткам балльной системы можно отнести то, что она недостаточно гибкая (за последние 40 лет функционирования этой системы в Канаде была внесена лишь одна поправка) и не отражает реального спроса рабочей силы на внутреннем рынке труда. Однако подобный недостаток в целом компенсируется программами временной миграции населения.

В Канаде накоплен богатейший опыт успешной миграционной политики благодаря хорошо отработанной балльной системе, которая позволяла им повышать процент квалифицированной миграции в последние два десятилетия. Механизмы отбора со временем подвергались усовершенствованию[3].

В 2002 г. в Канаде был принят Акт об иммиграции и защите беженцев[4]. Если ранее система отбора была более ориентирована на удовлетворение конкретных запросов канадского рынка труда, то в новой системе акцент делается на повышении общего человеческого капитала для улучшения перспектив долгосрочного экономического роста. Баллы, начисляемые за

1 Immigration, Asylum and Nationality Act 2006 // http://www.opsi.gov.uk/ acts/acts2006/ plain/ukpga_20060013_en.

2 Papademetriou Demetrios G. Selecting Economic Stream Immigrants through Points Systems // Migration Policy Institute. May 2007.

3 Kapur Devesh and John McHale. Give Us Your Best and Brightest. The Global Hunt for Talent and Its Impact on the Developing World. Center for Global Development, Washington D.C. 2005. P. 40 – 58.

4 Immigration and Refugee Protection Act 2001 // http://laws.justice.gc.ca/en/.

профессии, в которых страна испытывает недостаток, были убраны и отданы в пользу показателей, свидетельствующих о большей адаптивности кандидата в целом: предыдущий опыт работы, уровень образования и языковые навыки. Например, дополнительные баллы даются за несколько лет обучения кандидата или его супруга(-и) в Канаде, предыдущий опыт работы в стране и даже уровень образования супруга(-и).

Правовой основой данных иммиграционных программ является статья 95 Конституционного акта от 1967 года, устанавливающая, что регулирование иммиграции является сферой совместного ведения федерального законодательного органа власти Канады и законодательных органов власти провинций и территорий Канады[1], а также статья 8 (1) Акта об иммиграции, согласно которой министр гражданства и иммиграции вправе подписывать соглашения с провинциями и территориями для координации и повышения эффективности реализации иммиграционных программ[2].

В настоящее время иммиграционная политика Канады в большей степени имеет экономическую направленность. Так, 20% постоянного населения и 50 % ежегодного роста населения — иммигранты. Иммиграционная политика поставлена на государственный уровень инаправлена на решение:

- демографической проблемы в стране;
- привлечения инвестиций и высококвалифицированной рабочей силы и специалистов;
- проблем воссоединения семей;
- гуманитарных программ и предоставление политического убежища беженцам.

В настоящее время иммиграция в Канаду возможна по следующим федеральным иммиграционным программам:

- «*Квалифицированный специалист*» (Skilled Worker Class);
- *бизнес-иммиграция для предпринимателей и инвесторов* (Business Class);
- *иммиграция по семейному классу или воссоединение семьи* (Family Class);
- *беженцы* (Refugee);
- *гуманитарные программы*.

1 The Constitution Act, 1867 (официальный сайт министерства юстиции Канады) [электронный ресурс] // [WWW-сайт]: URL: laws.justice.gc.ca/en/const/ c1867_e. html#distribution.

2 Immigration and Refugee Protection Act, 2001 (официальный сайт Министерства юстиции Канады) [WWW-документ] // [WWW-сайт]: URL: http://laws.justice.gc.ca/en/I-2.5/64755.html.

Также в Канаде действуют провинциальные и территориальные (региональные) программы для мигрантов. Так, Министерством иммиграции Канады заключено шесть рамочных соглашений по вопросам миграции с Квебеком, Манитобой[1], Британской Колумбией, Саскачеваном, Островом Принца Эдуарда и Юконом. Данные соглашения определяют полномочия территорий и провинций и механизмы взаимодействия с федеральным органом власти в сфере иммиграции (например, исключительное право некоторых субъектов на осуществление отбора иммигрантов и на определение числа иммигрантов, которые необходимы региональной экономике).

Такие соглашения позволяют определять количество работников, необходимых для собственных экономических нужд каждого из субъектов федерации, входящих в состав Канады. Иммигранты данной категории должны соответствовать федеральным требованиям по состоянию здоровья и национальной безопасности, но не подпадают под требования о профессиональной подготовке для получения разрешения на въезд, установленные федеральным законодательством.

Одним из наиболее комплексных соглашений в сфере иммиграции является Канадско-Квебекское соглашение по вопросам иммиграции и допуска временно пребывающих иностранных граждан, заключенное 5 февраля 1991 года (далее – Соглашение об иммиграции)[2].

Согласно данному соглашению власти Квебека вправе определять ежегодные цели своей иммиграционной политики, самостоятельно осуществлять отбор мигрантов, желающих проживать на территории данной провинции[3] (кроме лиц, допускаемых в Канаду по семейным основаниям, и беженцев, правовое положение которых определено федеральным законодательством).

В то же время на власти Квебека возлагается и ряд обязанностей, в частности, по языковой и культурной интеграции постоянно проживающих в Квебеке иммигрантов, а равно их консультированию и организации размещения. Однако расходы на осуществление данных мероприятий компенсируются Квебеку федеральным правительством при том условии, что они соответствуют аналогичным мероприятиям, проводимым федеральным

1 Canada-Manitoba Immigration Agreement [электронный ресурс] // [WWW-сайт]: URL: http:www.cic.gc.ca-english-policy-fed-prov-can-man-2003b.

2 Еще в 1978 году благодаря договору между федеральным правительством Канады и Квебеком провинция получила право проводить независимую иммиграционную политику и оценивать кандидатов на профессиональную иммиграцию в соответствии с собственной балльной системой, списками профессий привилегированного образования. В рамках этого договора правительство Квебека открыло в канадских посольствах ряда стран свои иммиграционные представительства (Виды иммиграции в Квебеке [электронный ресурс] // [WWW-сайт]: URL: http: www.immi.com.ua/can/2q.php).

3 Federal-Provincial-Territorial Meeting of Ministers responsible for Immigration [электронный ресурс] // [WWW-сайт]: URL: http: http://www.how2immigrate.net/canadanews/ canada-immigration.html.

правительством на остальной территории страны, и постоянно проживающие иммигранты провинции (вне зависимости от того, были ли они специально отобраны провинцией по соответствующей иммиграционной программе или въехали в Квебек по иным основаниям) имеют реальный доступ к ним.

Начиная с 1990 года базовой суммой компенсации является 90 миллионов долларов. Однако фактическая сумма компенсации может и превышать это базовое значение, например, при увеличении количества иммигрантов, проживающих в Квебеке. При этом размер компенсации, уплачиваемой Квебеку за размещение иммигрантов и проведение мероприятий по обучению их языку, не может быть меньше, чем базовая сумма, методика расчета которой определена Соглашением об иммиграции[1].

Таким образом, одним из факторов успешного формирования экономической иммиграции в Канаде на региональном уровне является активная вовлеченность провинций и территорий данного государства в решение вопросов иммиграционной политики, прежде всего с позиции их собственных экономических интересов и потребностей.

По нашему глубокому убеждению, именно такую иммиграционную политику может проводить Россия в отношении лиц, претендующих на статус мигрантов.

Федеративное устройство России предопределило необходимость участия субъектов Российской Федерации в регулировании миграционных отношений, как и в Канаде. Однако предусмотренная действующим российским законодательством роль субъектов Российской Федерации в этих процессах, как представляется, не позволяет в полной мере учесть специфику экономического развития, исторических, демографических и других местных условий каждого из субъектов Российской Федерации для наиболее эффективного привлечения и спользования на их территории внешних миграционных ресурсов.

Так, согласно Федеральному закону «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»[2] полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в отношениях, связанных с въездом (выездом) и пребыванием иностранных граждан на территории Российской Федерации, практически исчерпываются лишь следующими полномочиями в сфере миграции населения:

- направление предложений в Правительство Российской Федерации для учета их при утверждении квот на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию для временного проживания и в целях осуществления трудовой деятельности;

1 Immigration: the Canada-Quebec Accord [электронный ресурс] // [WWW-сайт]: URL: http: www.parl.gc.ca-information-library-PRBpubs-bp252-e.

2 Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (в ред. от 13.07.2015 г.) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

- учет иностранных граждан, обучающихся в образовательных учреждениях, расположенных на территории соответствующего субъекта Российской Федерации, и направление в федеральный орган исполнительной власти, ведающий вопросами образования, и территориальный орган федерального органа исполнительной власти, ведающий вопросами внутренних дел, информации о прибытии указанных граждан в соответствующие образовательные учреждения и об их убытии из этих образовательных учреждений;

- установление перечня медицинских организаций, уполномоченных на заключение с иностранным гражданином договора на оказание ему платных медицинских услуг, необходимого для получения патента и образовательных организаций, имеющих право на проведение экзамена на владение русским языком, знание истории России и основ законодательства Российской Федерации, а также порядка и формы проведения указанного экзамена;

- подготовка мотивированного предложения высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) о приостановлении выдачи федеральным органом исполнительной власти в сфере миграции на определенный период выдачи патентов на территории субъекта Российской Федерации;

- принятие решения об указании в патенте, выдаваемом на территории данного субъекта Российской Федерации, профессии (специальности, должности, вида трудовой деятельности) иностранного гражданина;

- контроль за трудовой деятельностью иностранных работников в пределах их компетенции.

В этой связи международный опыт организации экономической иммиграции при федеративной форме государственного устройства свидетельствует о неотъемлемых преимуществах договорного механизма организации взаимодействия между федеральными органами власти и органами власти субъектов федеративного государства. Такой подход мог бы стать основой для проведения единой государственной иммиграционной политики Российской Федерации, учесть мнение субъектов Российской Федерации и интересы муниципальных образований.

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Н.Р. Москвина –
к.социол.н., доцент,
доцент кафедры общей и экономической
социологии Тюменского государственного
университета

Развитие инноваций во многих отраслях и сферах общественной жизни ориентировано преимущественно на молодежь как потенциального потребителя научно-технических, предпринимательских и социальных инноваций. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года (распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р) отмечается, «что в быстроизменяющемся мире стратегические преимущества будут у тех государств, которые смогут эффективно развивать и продуктивно использовать инновационный потенциал развития, основным носителем которого является молодежь» [2].

Именно молодежь представляет собой ту часть человечества, которая не обременена стереотипным мышлением и всегда готова к радикальным переменам, а главное – имеет для этого таланты и способности. С другой стороны, проблема воспроизводства кадров в наукоемких производствах приобрела в России критический уровень. В России сегодня «молодежь в возрасте до 29 лет составляет менее 20% от общего числа исследователей. Все это происходит на фоне нарастания формальных показателей, свидетельствующих об интенсификации работы по подготовке новых научных кадров. Формально численность аспирантов во всех отраслях науки увеличивается, притом на порядок, и заканчивают аспирантуру в среднем около 75% аспирантов, при этом 25% – с защитой диссертации» [1]. Однако основная часть выпускников аспирантуры продолжает работу в других отраслях, не связанных с инновационной деятельностью. Причиной тому является проблема катастрофического падения престижности работы в науке.

Выбор молодежью более выгодных профессий, отвечающих конъюнктуре рынка и дающих возможность быстрого обогащения при минимальных интеллектуальных затратах, делает профессию ученого или научного сотрудника весьма непривлекательными для будущих абитуриентов. Об этом свидетельствуют, в частности, данные Института социологии РАН, осуществившего масштабное исследование динамики жизненных установок и предпочтений молодого поколения по итогам десятилетия 1997-2007 годов. Согласно его данным, на протяжении изучаемого периода изменились только количественные, но не качественные характеристики профессиональных предпочтений молодежи. На фоне других профессий престижность профессии ученого, научного работника неизменно оставалась одной из самых низких

(0% – 1997 г., 3% – 2007 г.). Условиями получения хорошей работы и высокого заработка большинство представителей молодого поколения считают наличие «правильного» образования (64%), а также связей и знакомств (53%). Лишь 29% полагают, что залогом успеха может стать личная инициативность, предприимчивость, инновационное поведение – за 10 лет их доля сократилась на 5% [1].

При этом инновационный потенциал современной российской молодежи остается достаточно высоким, о чем свидетельствуют результаты проведения многообразных научных конкурсов среди учащейся и студенческой молодежи. О повышении образовательного потенциала молодежи говорят и данные переписи населения 2010 года: рост числа лиц с высшим профессиональным образованием за межпереписной период составил 153,5% [3, 12]. Однако личный многолетний опыт организации научной работы со студентами показывает, что интерес к научной деятельности у студентов ежегодно снижается. Если 10 лет назад порядка 30% студентов-социологов регулярно принимали участие в научных конференциях регионального и федерального значения, участвовали в конкурсах и олимпиадах, выездных «Школах юного социолога», то сегодня – это не более 10%.

Вполне очевидно, что данная ситуация требует серьезных изменений в содержании государственной молодежной политики и той ее части, которая ориентирована на поддержание творческих инициатив молодежи. Сегодня молодежная политика в России должна ориентироваться не только на формирование спортивного резерва страны, но и на создание условий для всестороннего раскрытия инновационного потенциала современной молодежи, ее творческой самореализации.

В обществе должна быть создана атмосфера творческого сотрудничества и обмена между учеными разных возрастов и регионов проживания, в том числе и международного сотрудничества. Идея преемственности в научной сфере должна стать главенствующей, так как «зрелые» и опытные ученые во все времена выступали хранителями академического научного подхода инаставниками для молодых изобретателей. Нельзя вмиг скидывать со счетов достижения зрелых ученых, объявлять их идеи «устаревшими» и требовать заменить их на «свежие», передовые идеи. Отказ от традиций в науке неизбежно приведет к профанации науки вообще под видом «молодежной науки». Кроме того, на взгляд автора статьи, такой подход значительно снизит инновационный потенциал молодежи, во многом формирующийся благодаря высокому научному потенциалу их наставников.

Если обратиться к опыту зарубежных стран, которые ведут активную культурную инновационную политику в отношении молодежи, то можно заметить, что она базируется на четком разделении функций воспитания и помощи молодежи в осуществлении ее инновационной деятельности между семьей и государством. «Государство при этом обеспечивает свою роль

в воспитании молодежи по формированию у нее инновационной культуры путем участия в проведении постоянных мероприятий, направленных на создание условий для проявления молодежью активности в сфере создания инновационных проектов» [2].

К примеру, в Великобритании велика роль самоорганизующихся негосударственных объединений, которые традиционно несут ответственность перед обществом за реализацию молодежной политики в сфере инноваций, привлекая на эти цели значительные ресурсы из негосударственных источников. «При этом государство, как один из возможных инвесторов, направляет ресурсы на решение тех проблем, которые в данный момент считает приоритетными, предоставляя гранты негосударственным организациям и их объединениям, а также венчурным фондам, специализирующимся на поддержке инновационных инициатив молодежи. Такая система обеспечивает оперативное и эффективное решение актуальных для государства проблем в сфере инновационной деятельности молодежи» [2].

Безусловно, нам необходимо опираться на опыт передовых стран в плане формирования инновационного потенциала молодежи. Однако не следует забывать и о российской практике функционирования общественно-государственной системы поддержки талантливой молодежи. Сегодня как никогда ранее у российских предпринимателей есть возможность создавать самим свой кадровый потенциал в российских ВУЗах путем формирования опытных лабораторий для инициативной и талантливой студенческой молодежи.

В России издавна практиковался отбор талантливой молодежи на периферии страны, в деревнях и среди бедных слоев населения, для которых достойное образование и занятие наукой было недоступно по материальным соображениям. Сегодня многие выпускники сельских школ и малых городов руководствуются при поступлении в ВУЗ соображениями дешевизны проживания и обучения рядом с домом, нежели содержательной стороной образовательного процесса в том или ином вузе. В то же время участие автора статьи в качестве члена жюри в ежегодном общероссийском конкурсе «Шаг в будущее» показал, что научный потенциал сельских школьников достаточно высокий: учащиеся сельских школ, начиная с седьмого класса, выступают полноправными исследователями серьезных социальных и социально-экономических проблем.

В 2012 году в своем ежегодном послании Президент В.В. Путин подчеркнул, что «нужно развивать систему технического и художественного творчества, открывать кружки, секции для детей. Все это должно быть доступно каждому ребенку, вне зависимости от места жительства или материального положения семьи» [4]. На решение этой задачи направлена реализация программы по созданию центров научно-технической направленности, которая стартовала в России.

С 2012 года в рамках Программы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства Минэкономразвития России реализуется проект по созданию и обеспечению деятельности центров молодежного инновационного творчества – «ЦМИТ». Приоритет – некоммерческое использование оборудования детьми и молодежью с целью приобретения навыков работы на высокотехнологичном оборудовании [4].

Основные требования к Центрам – это наличие в штате специалистов, имеющих опыт работы с детьми; предоставление открытого доступа к оборудованию; наличие в штате не менее двух специалистов, умеющих работать со всем спектром оборудования Центра молодежного инновационного творчества. Задачи Центра молодежного инновационного творчества – это обеспечение доступа детей и молодежи к современному оборудованию прямого цифрового производства для реализации, проверки и коммерциализации их инновационных идей; взаимодействие, обмен опытом с другими центрами молодежного инновационного творчества в Российской Федерации и за рубежом и прочее. На сегодняшний день открылись 37 центров в различных регионах и городах России. А по итогам реализации мероприятия в 2013 году финансирование получили 21 центр в 10 регионах. Создана карта фондов, программ и конкурсов, поддерживающих инноваторов. Недавно – 27 марта 2015 года в рамках реализации проекта ЦМИТ прошла сессия «Устойчивое будущее России» – пространство молодежных идей и проектов. Задачами Конкурса являлось выявление талантов среди студентов и аспирантов, их профессиональное и личностное развитие, повышение заинтересованности молодежи в освоении профессиональной деятельности в интересах устойчивого развития России [5].

Все эти данные свидетельствуют о положительных тенденциях в развитии творческого потенциала молодежи России. Создана целевая федеральная программа поддержания научной инициативы талантливых детей и молодежи, которая стимулирует развитие у них таких качеств, как креативность мышления, исследовательский поиск, творческая инициатива. При этом обеспечен доступ всей заинтересованной наукой молодежи клучшим в стране и регионе образовательным проектам и лабораториям, которые возглавляют заинтересованные, творческие и ответственные ученые. Со стороны государства обеспечена гарантия поддержки молодежных творческих проектов, находящихся в высокой степени готовности. Однако эффективность программы снижается в силу отсутствия прямой связи между научными идеями учащейся и студенческой молодежи и их внедрением в производство. Это значительно снижает мотивацию их научно-исследовательской деятельности.

Необходима также структурная перестройка системы высшего образования в России, переориентированная с трансляционной формы преподавания профильных дисциплин на опытно-эксперементальную

форму, при которой студент уже в процессе обучения в ВУЗе получает исследовательские навыки. Необходимо предоставлять студентам больше времени на исследовательские проекты, на самостоятельное изучение научной литературы в библиотеках и архивах. Роль преподавателя в высшем учебном заведении должна быть переориентирована с роли дублера научной информации на роль научного консультанта и руководителя проектов, которые создают творческие студенческие коллективы. Только при таких условиях, на наш взгляд, можно рассчитывать на формирование и раскрытие высокого инновационного потенциала российской молодежи.

Список литературы:

1. Комплексные меры по реализации молодежной политики: http://rudocs.exdat.com/docs/index-184583.html?page=8.
2. Концепция: http://it4b.icsti.su/docs/concept.htm.
3. Менова Н.Ф. Исследование динамики развития человеческого потенциала в Тюменской области //Человеческий и профессиональный потенциал молодежи региона: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых/ под ред. В.В. Гаврилюк. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. – 366 с.
4. События и новости проекта «ЦМИТ»: http//www.i-innomir.ru/projects/1.
5. «Устойчивое будущее России» – пространство молодежных идей и проектов: http://www.устойчивое-будущее.рф/university/

ВОССОЗДАНИЕ КОМПЛЕКСА НОРМ ГТО КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

М.В. Налобина –
магистрант Тюменского государственного университета

За последние два десятилетия в общественно-политической жизни нашей страны произошли изменения, касающиеся всех, без исключения, ее сфер. Одним из важнейших факторов является разрушение идеологии. На протяжении многих лет формировалась система гражданско-патриотического воспитания, которая мгновенно рухнула после распада СССР. Страна практически потеряла целое поколение, представители которого были потенциальными истинными патриотами с активной гражданской позицией. Насмену гражданскому долгу пришло полное равнодушие, причем одновременно во всех направлениях: в политике, социальной сфере, образовании, культуре и т.д. В итоге, произошла резкая смена ориентации на зарубежные стандарты.

В современном российском обществе наблюдаются нездоровые, и даже опасные тенденции: снижение образовательного и культурного потенциала, что в результате может привести к нравственной деградации целого поколения, разрыве преемственности не только по идеологическим, но и по нравственным характеристикам.

Развитие физической культуры и спорта является важнейшей составляющей социальной политики государства, т.к. именно этот аспект способен воплотить в жизнь гуманистические идеалы, ценности и нормы, которые удовлетворяют интересам и потребностям людей, повышают качество жизни. Именно о не разрывной связи между физическим и умственным, нравственным и эстетическим воспитанием в последнее время все чаще и чаще упоминают ученые-исследователи.

Отметим, что после развала СССР, т.е. начиная с 90-х гг. 20 века, оказались забыты традиции советского массового спорта. Исследования показывают, что в стране наблюдается тенденция физической деградации подрастающей молодежи. И это не удивительно, т.к. на состояние здоровья детей и взрослых неблагоприятное влияние оказывают социальные и экологические условия. Одной из главных причин ухудшения здоровья населения специалисты считают нарушение правил здорового образа жизни.

На сегодняшний день в Российской Федерации наметились положительные тенденции в развитии физической культуры и спорта. В первую очередь, это связано с улучшением материально-технической, нормативно-правовой, организационной и научно-образовательной основ физкультурно-

спортивного движения. Вместе с тем, для того чтобы повысить вклад физической культуры и спорта в социально-экономическое развитие страны, необходимо существенно увеличить число российских граждан, ведущих активный и здоровый образ жизни.

В соответствии со «Стратегией развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года» [1] и Государственной программой Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» [3] доля населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом, к 2020 году должна достигнуть 40%, а среди обучающихся – 80%. В тексте стратегии отмечено, что на сегодняшний день в целом в России не менее 60 % обучающихся имеют нарушения здоровья. По данным Минздравсоцразвития России, только 14% обучающихся старших классов считаются практически здоровыми. Свыше 40% допризывной молодежи не соответствует требованиям, предъявляемым армейской службой, в том числе в части выполнения минимальных нормативов физической подготовки. При этом большинство граждан не имеют возможности систематически заниматься физической культурой и спортом. Так, в настоящее время 85% граждан, в том числе 65% детей, подростков и молодежи, не занимаются систематически физической культурой и спортом.

Исправить ситуацию и достичь указанных целей, призван ряд мер, принятых на государственном уровне. Ключевой из них стало введение в действие с 1 сентября 2014 г. в Российской Федерации Всероссийского физкультурно-оздоровительного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) [2], главной целью которого является охват всего населения страны общим спортивным движением. Предполагается, что нормы нового ГТО будут сдавать и взрослые, и дети. При этом начнут внедрение именно в системе образования: необходимо с ранних лет приучить подрастающее поколение к правильному здоровому образу жизни, в школьные годы необходимо заложить основы здорового образа жизни, в студенческие годы – развивать и более осмысленно подходить к укреплению и совершенствованию физического здоровья.

Главными принципами внедрения комплекса ГТО являются – добровольность и доступность системы подготовки для всех слоев населения, медицинский контроль, учет местных традиций и особенностей. Содержание комплекса – нормативы ГТО и спортивных разрядов, система тестирования, рекомендации по особенностям двигательного режима для различных групп.

Структура комплекса включает 11 ступеней, для каждой из которых установлены виды испытаний и нормативы их выполнения для права получения в первых семи из них бронзового, серебряного или золотого знака и без вручения знака в остальных четырех в зависимости от пола и возраста. Кроме того, для каждой ступени определены необходимые знания, умения и рекомендации к двигательному режиму.

Методика внедрения комплекса ГТО включает разработку нормативных документов, выполнение плана мероприятий, разработанных Правительством РФ, создание тестирующих центров, организацию тестирования в соревновательных условиях, моральное и материальное стимулирование выполнивших нормативы ГТО (вручение знаков, учет наличия знака ГТО при поступлении в учебное заведение, назначение повышенной стипендии при наличии золотого знака).

Тщательная и детальная разработка нормативов ГТО, выполненная Правительством РФ 2014 г. в соответствии с медицинскими нормами двигательного режима для каждого возраста, безусловно позволит возобновить массовое физкультурное движение в стране, улучшить физическую подготовку и увеличить продолжительность жизни населения.

Список литературы:

1. Стратегия утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 августа 2009 г. № 1101-р.
2. Указ Президента РФ от 24 марта 2014 года № 172 «О Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО)» // Российская газета. 26.03.2014. № 68.
3. Государственная программа Российской Федерации» Развитие физической культуры и спорта» (утв. постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014г. N 302)
4. ГАРАНТ: http://base.garant.ru/70643480/#block_1000#ixzz3lLCpyQqU

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЕМЬЕ И БРАКЕ У МОЛОДЕЖИ

Е.В. Огорелкова –
магистрант Тюменского государственного нефтегазового университета

Студенческие годы – это не только время для получения профессионального образования, но и благоприятная пора для выбора брачного партнёра и создания семьи. Представления о брачно-семейных отношениях, существующие у студенческой молодёжи в данное время, в дальнейшем напрямую повлияют на демографическую ситуацию в стране, заключение браков и статистику разводов.

Гендерные стереотипы и представления о гендерных ролях как компоненты сознания молодежи определяют не только стиль меж полового взаимодействия, будущие семейные и профессиональные роли, но и образ жизнедеятельности в целом, жизненные позиции и также способы их реализации.

В данное время отмечается значительное ослабление регулирующего воздействия ранее установленных в обществе и закрепленных в общественном сознании норм и стандартов поведения в семье. Связано это в первую очередь с тем, что в современных условиях исчезли некоторые важные функции, игравшие существенную роль в традиционной семье. Значительно изменились и функциональные роли, типичные для мужчины-супруга и женщины-жены, имевшие место в прошлом.

Традиционные роли, при которых женщина вела домашнее хозяйство, рожала и воспитывала детей, а муж был хозяином, часто единоличным собственником имущества, и обеспечивал экономическую самостоятельность семьи, сменились ролевыми нормами, при которых подавляющее большинство женщин стало участвовать в производственной, политической деятельности, экономическом обеспечении семьи и принимать равное, а иногда и ведущее участие в принятии семейных решений. Это существенно изменило характер функционирования семьи и повлекло за собой ряд позитивных и негативных для общества последствий. С одной стороны, оно способствовало росту самосознания женщины, равенство в супружеских отношениях, с другой стороны, усугубило конфликтную ситуацию, воздействовало на демографическое поведение, приводя к снижению рождаемости.

Устойчивость брачно-семейных отношений зависит от готовности молодых людей к семейной жизни, где готовность к браку понимается как система социально-психологических установок личности, определяющая эмоционально положительное отношение к семейному образу жизни.

Любовь имеет значение в отношениях более у девушек. Молодые люди же более допускают возможность построения семьи без любви.

По результатам теста «знаете ли вы психологию мужчин и женщин?» большинство испытуемых имеют средний или выше среднего уровни осведомленности о психологии противоположного пола. Однако, показатель парней в этом вопросе немного выше.

Результаты адаптированного опросника «Ролевые ожидания и притязания в браке» (РОП) А.Н. Волковой дали нам возможность выявить гендерные различия в позициях молодых людей.

Методика «Ролевые ожидания и притязания в браке» содержит по 36 утверждений в каждом варианте (мужском и женском) и состоит из 7-ми шкал. Супругам предлагается самостоятельно ознакомиться с набором утверждений, соответствующих их полу, и выразить свое отношение к каждому утверждению, используя следующие варианты ответов: «Полностью согласен», «В общем, это верно», «Это не совсем так», «Это неверно».

Цель методики:

Уточнение представлений парней и девушек о значимости в семейной жизни сексуальных отношений, личной общности мужа и жены, родительских обязанностей, профессиональных интересов каждого из супругов, хозяйственно-бытового обслуживания, моральной и эмоциональной поддержки, внешней привлекательности партнера. Эти показатели, отражая основные функции семьи, составляют шкалу семейных ценностей.

Уточнение представлений парней и девушек о желаемом распределении ролей между мужем и женой при реализации семейных функций, объединенных шкалой ролевых ожиданий и притязаний (ШРОП). Таким образом, результаты данной методики позволяют выявить иерархии семейных ценностей супругов, а так же сделать вывод о социально-психологической совместимости супругов в семье.

Если мы сравним ролевые установки парней и девушек, то увидим следующее. Парни ставят на более значимый уровень сексуальные отношения, чем девушки. Помимо этого, заметна тенденция перекладывания друг на друга эмоционального лидерства в семье, а также своеобразное перетягивание позиции большей социальной активности.

Наибольшее расхождение мы видим в шкалах личной идентификации с партнером. Также замечены расхождения в шкалах хозяйственно-бытовой сферы, эмоционально-психотерапевтической и внешней привлекательности.

Расхождения присутствуют в шкалах родительско-воспитательской, социальной активности, эмоционально-психотерапевтической, внешней привлекательности. Именно по этим показателям возможны разногласия в будущих семьях.

Таким образом, мы видим целый ряд причин возможного ролевого несоответствия в будущих семьях.

Разумеется, взгляды на семью в пред брачный период и реальная практика супружеских отношений – не одно и то же. Тем не менее, добрачные представления в определенной мере сказываются на дальнейшей семейной жизни, особенно в начальный ее период.

При оценки результатов исследования были разработаны рекомендации для работы с молодыми людьми.

Необходимо ознакомить с условиями, при которых молодые люди могут создать семью. Многочисленные исследования социологов, психологов, педагогов говорят о том, что стабильная семья может быть создана при определенной готовности молодых людей к семейной жизни. Понятие «готовность к семейной жизни» включает в себя социально-нравственную, мотивационную, психологическую и педагогическую готовность.

Прослеживается мотив вступления в брак ради продолжения рода, необходимо ознакомить молодых людей с рекомендациями по рождению здоровых детей.

Можно предложить молодым людям еще до брака обговорить основные аспекты их будущей семейной жизни и распределить обязанности.

Так как в своем исследовании я столкнулась с недостатком теоретических данных по вопросу гендерных особенностей современной молодежи по отношению к семье и браку, можно говорить о недостаточной изученности вопроса подготовленности молодежи к браку, что требует более полных исследований.

Таким образом, подводя итоги исследований, можно сделать вывод отом, что в представлениях современной молодежи идет обесценивание более высоких, духовных аспектов семьи и браки. Любовь уходит на второстепенный план, однако большинство девушек же считает, невозможными брак и интимные отношения без неё. Целью создания семьи ставится функция продолжения рода, но исполнении родительско- воспитательской функции большинство девушек ждут от парней, они же в свою очередь готовы делить обязанности, беря себе чуть меньшую долю ответственности. В описании отношений семьи юноши использовали более общие понятия, чем девушки. Всоздании будущих семей возможны проблемы с нахождением эмоционального лидера в отношениях, так как существует тенденция к перекладыванию ответственности друг на друга. Большую социальную же активность свойственно приписывать себе вне зависимости от пола. Также для девушек большое значение имеет внешняя привлекательность обоих супругов, парни же говорят о том, что более привлекательны должны быть девушки, а от них самих это не требуется.

Можно говорить о необходимости просветительской деятельности по вопросам семьи и брака среди молодежи.

Список литературы:

1. Алешина Ю. Е, Волович А. С. Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины // Вопросы психологии. 1991. № 4. С. 74–82.
2. Бендас Т. В. Гендерная психология: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2005. – 431 с.
3. Берн Ш. Гендерная психология. – СПб.: Прайм–ЕВРОЗНАК, 2001. – 320 с.
4. Воронина О. А. Глоссарий по гендерному образованию // Гендерные исследования. Региональная антология исследований из восьми стран СНГ / Под общ. ред. И. Н. Тартаковской. – М.: Вариант, ИСГП, 2006. С. 443–511.
5. Гендерология и феменология: Учебное пособие / Р.Г.Петрова. – 5-е изд.. перераб и доп. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2009. – 272 с.
6. Киммел М. Гендерное общество / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2006. – 464 с.
7. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования: учеб. Пособие для студ. высш. учеб. заведений/ Е.А.Арматонова, Е.В.Екжанова, Е.В.Зырянова и др.; под ред. Е.Г. Силяевой. – 5-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 192с.

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЁЖИ НА УРАЛЕ

Б.С. Павлов –
д.философ.н., профессор,
ведущий научный сотрудник
Института экономики УрО РАН

Усиление роли знаний, информации в общественном развитии, постепенное превращение знаний в основной капитал принципиально изменяют роль сферы образования в структуре общественной жизни. При этом, проблемы развития системы профессионального образования затрагивают не только интересы государство, отдельных его регионов. Они являются злободневными для подавляющего большинства российских семей и, в первую очередь, тех семей, тех молодых людей и их родителей, которые связывают свою жизнь, своё профессиональное будущее, не только с необходимостью получения высшего образования, но и последующей трудовой деятельности на предприятиях конкретного региона, конкретного города [1].

Одной из актуальных задач представляется обоснование методических и методологических подходов к выявлению спроса населения на региональном рынке образовательных услуг и учёта этого спроса в развитии профессионального образов*ания (в частности, высшего)* в регионе, разработка предложений по созданию соответствующих механизмов определения и удовлетворения в характере спроса на региональном рынке труда. Решение этой задачи, в свою очередь требует проведения анализа особенных черт и условий конкретного региона, конкретного города, *(в нашем случае – это города Уральского федерального округа – УрФО),* влияния этих условий на процесс профессиональной ориентации и жизненного самоопределения молодых людей и их родителей [2].

Исследования, проведённые авторами статьи, позволяют выявить некоторые наиболее актуальные аспекты проблемы профессиональной социализации уральской молодёжи. В частности, речь идёт о следующих социологических опросах:

– *2012 гг.* – анкетный опрос по квотно-репрезентативной выборке: а) 1000 студентов IV–V курсов семи уральских вузов. Один из основных аспектов исследования – отношение будущих молодых специалистов к своей учебной и потребительской деятельности (гг. Екатеринбург, Нижневартовск,

Челябинск)[1]; б) 250 – преподавателей этих вузов; в) 150 руководителей предприятий (подразделений), на которых работают выпускники указанных вузов – в дальнейшем – ***«Урал-1»***.

- *2013 гг.* – был проведен социологический опрос 510 учащихся средних и старших классов 15 общеобразовательных школ Кировского района г. Екатеринбурга и 300 учащихся 9 школ ЗАТО «Лесной» Свердловской области, связанный с анализом процессов социализации и подготовки молодых горожан к будущей взрослой жизни (юноши – 46%, девушки – 54%) – ***«Урал-2».***

Прошедший за последние два десятилетия общий процесс перераспределение трудозанятости российской молодежи *(в нашем случае – уральской)* из сферы материального производства в сферу распределения и обращения увеличило в десятки раз численность включенных в коммерческую и посредническую деятельность. Получили распространение скрытые формы занятости. Изменения (как позитивные, так и негативные) отразились в структуре ее потребления и привели противоречию между опережающим ростом потребностей *(по сравнению с ростом уровня жизни молодежи)*, и отсутствием четкой зависимости уровня жизни от количества и качества труда [3].

В условиях нецивилизованных рыночных отношений подобная деятельность не может не оборачиваться формированием, по преимуществу, извращенной мотивацией труда, распространением в молодежной среде неэкономических *(в том числе «теневых», криминальных)*, форм распределения. При этом, в сознании молодых людей утверждается модель экономического поведения, при которой их материальное положение лишь в незначительной степени должно зависеть от результатов труда, уровня образования и квалификации. Основная ставка в жизненных планах делается на «удачу», «счастливый случай», «родственные связи», «сиюминутную выгоду» и т.п.

Остановимся на двух аспектах профессиональной социализации молодёжи

1. Трудовое воспитание. «Самое воспитание, если оно желает счастья человеку – писал К.Д. Ушинский, – должно воспитывать его не для счастья, а приготовлять к труду жизни... Воспитание должно развить в человеке привычку и любовь к труду; оно должно дать ему возможность отыскать для

[1] В выборку вузов были включены: в г. Екатеринбурге – Уральский федеральный университет (УрФУ) и Уральский государственный университет путей сообщения (УрГУПС); В Челябинске – Челябинский государственный педагогический университет (ЧГПУ) и Южно-Уральский… государственный университет (ЮУрГУ); В Нижневартовске Нижневартовский государственный гуманитарный университет (НГГУ) и некоторые другие. Науч. рук. исследования – проф. Павлов Б.С.

себя труд в жизни» [4, 155].

Попытаемся ответить на вопрос: в какой мере сегодня родительские семьи «зажигают в детях жажду серьёзного труда». Взрослая жизнь – это не только возрастной период, но и участие в труде и выполнение семейных обязанностей. Однако без надлежащей подготовки к взрослой жизни, в том числе семейной, или же в том случае, если сформировавшиеся позиции или модели поведения молодежи не могут быть адаптированы к изменяющимся социальным условиям, период юности может стать временем утраченных возможностей и повышенного *(с медицинской точки зрения)* риска. Обратимся к результатам опроса ***«Урал-2»***, *«не перерабатывают» особо* в домашнем хозяйстве и городские подростки на Урале.. На вопрос анкеты: *«Какую работу по дому и саду ты выполняешь регулярно (более или менее постоянно)?»* ответы учащихся школ двух уральских городов распределились следующим образом (% от общего числа опрошенных в по каждому городу; в числителе – ответы респондентов из г. Екатеринбурга 510 чел., в знаменателе – из ЗАТО «Лесной» – 300 чел.):

а) выполнение работ в квартире:

- убираю пыль пылесосом	- 67 / 64
- мою, чищу посуду	- 65 / 66
- регулярно хожу в магазин за продуктами	- 49 / 51
- делаю влажную уборку, мою полы	- 46 / 46
- готовлю еду (суп, второе блюдо)	- 32 / 32
- глажу бельё	- 27 / 28

б) выполнение работ в саду, в огороде:

- поливаю овощи, цветы, ягоды	- 51 / 39
- собираю «трудоёмкие» ягоды (облепиху, смородину и др.)	- 37 / 33
- пропалываю грядки	- 33 / 26
- копаю землю, грядки	- 27 / 23
- топлю печь (в доме, в бане)	- 21 / 17
- отвечаю за приготовление еды	- 13 / 13

в) работы, которые выполняют или дома, или в саду:

- ухаживаю за домашней «живностью» (собакой, кошкой и др.)	- 59 / 55
- помогаю в ремонтных работах по дому, саду	- 35 / 36
- ухаживаю за младшими братьями, сестрами	- 32 / 33
- ухаживаю за пожилыми родственниками (бабушкой)	- 22 / 19
- высаживаю (ухаживаю) за рассадой, цветами	- 17 / 15

- ухаживаю за автомобилем, мотоциклом - 12 / 10

«Интеллектуализм» современного подростка, большой объем усвоенных им знаний нередко достигается ценою полного освобождения его от трудовых обязанностей в семье и в процессе школьной учебы. А между тем проблема трудового воспитания органически связана с формированием социальной зрелости подростка, далеко не синхронной с ускорением физического развития и насыщением информацией. И здесь на первое место выступает трудовое воспитание, способствующее формированию уважительного отношения к материальным ценностям, к труду, воспитанию чувства долга и ответственности перед собой и окружающими поколения [5].

1. Отношение к учёбе в ВУЗе. В исследовании **«Урал-1»** студентам старших курсов пяти ВУЗов Урала задавался вопрос: «Чем Вас привлекает (привлекал) вуз, в котором Вы учитесь сейчас?» – на этот вопрос анкеты го-лоса наших двух групп респондентов распределились следующим образом (% от общего числа опрошенных – 1000 чел.):

- в этом вузе можно получить хорошую профессию, необходимую в новых «рыночных» условиях	- 63
- мне нравятся профессии, которым здесь учат	- 56
- возможность учиться вместе со своими друзьями	- 27
- просто так сложились обстоятельства	- 28
- близость учебного заведения к дому, к семье родителей	- 23
- возможность «осмотреться», пока не определится настоящее профессиональное призвание	- 20
- отсрочка от армии	- 15
- здесь легче учиться, проще программа обучения	- 12
- здесь проще получить диплом	- 12
- высокая стипендия, бесплатное питание и т.д.	- 6
- другие факторы, обстоятельства	- 10

Опрос показал, что большая часть выпускников школ на Урале стремится поступить в ВУЗы, исходя из их профессиональной привлекательности. Вместе, с тем, 30-40 % абитуриентов подают заявления в уральские *(скорее всего, и не только уральские)* ВУЗы в силу условий и обстоятельств весьма опосредованно связанных с профессиональным самоопределением и предпочтениями («за компанию» с друзьями, удобством решения жилищно-бытовых вопросов, использования факта учёбы в ВУЗе для отсрочки от армии, пролонгации бездеятельного жизненного времяпрепровождения…). Общий вывод здесь однозначен. В настоящее время техническим (да, и не только им) нужны, более эффективные

подходы по обеспечению притока хорошо подготовленных и профессионально ориентированных абитуриентов.

Можно утверждать, что выпускники школ делая профессиональный выбор вполне в духе конъюнктуры времени, не всегда соотнося это с потребностями регионального хозяйства и с возможностями реализовать себя на местном рынке труда. В условиях рыночных отношений потребность в образовании выступает как взаимозависимый процесс выбора и освоения личностью выбранной и установившейся в его сознании своеобразной образовательной траектории. Чем шире спектр образовательных услуг, тем больше возможность у потребителя найти реальное воплощение образа своей потребности.

Формирование той или иной компетенции как определяющей профессионально-личностного качества специалиста предполагает актуализацию мотивации студента, его активную, целеустремлённую адаптацию к учебному процессу. О трансформации мотиваций в сфере профессиональной социализации молодых людей на Урале свидетельствуют данные нашего опроса – ***«Урал-1»***. *«В чем вы видите основные причины, практически, «повального» безответственного отношения молодых людей к получению своего профессионального образования?»* – на этот вопрос нам ответили как преподаватели вузов, так и руководители предприятий, производств, подразделений. Вот их мнение по этому поводу (% от общего числа опрошенных» в числителе – преподаватели вузов – 250 чел.; в знаменателе – руководители производств – 150 чел):

– студенты особо не задумываются о своей дальнейшей трудовой деятельности	- 52 / 65
- платное обучение диктует кафедрам и преподавателям снисходительно относиться к нерадивым студентам	- 46 / 43
- у работающих студентов существенно ограничены возможности для серьёзных занятий в вузе	- 33 / 36
- молодые люди поддаются общему настроению – учиться без особого «напряга»	- 30 \ 22
- низкая требовательность к студентам со стороны администрации вуза	- 28 / 30
- молодые люди не приучены к труду и трудностям	- 29 / 37
– отсутствие потребности получить серьёзные профессиональные знания	- 25 / 25
- виноваты преподаватели, которые не могут заинтересовать студентов серьёзно относиться к учёбе	- 17 / 17

- студенты надеются и после окончания вуза «сидеть на шее» родителей	- 10 / 10

«Зри в корень!» советовал небезызвестный Козьма Прутков. Отмеченные экспертами причины низкой заинтересованности студентов в качестве своего профессионального образования – это своеобразный компас в проведении модернизации системы высшего образования. И, не только на Урале! [6].

Попытаемся ответить на вопрос: *«В какой мере готовы студенты в вступлению в реальное производство, в реальные производственные отношения»?* В анкетах, предложенных будущим молодым специалистам реального сектора экономики ***(«Урал-1»)***, предлагалось ответить на вопрос: *«Отметьте, пожалуйста, те качества, которых Вам* ***не хватает*** *в настоящее время, если таковые имеются».* Вот какие ответы были получены нами (% от общего числа опрошенных – 1000 чел.):

Не хватает:

- профессионализма в работе	- 31
- хорошей теоретической подготовки	- 27
- трудолюбия	- 27
- сильной воли	- 27
- предприимчивости	- 18
- жесткости позиции, если уверен в своей правоте	- 15
- мобильности как способности менять место жительство	- 15
- жизненного оптимизма, веры в свои силы	- 14
- способности переносить удары судьбы	- 13
- общительности, умения ладить с окружающими	- 12
-физической выносливости	- 11
- целеустремленность	- 10
- стремление совершенствовать профессиональное мастерство	- 10

Анализируя полученные данные, необходимо учитывать одно важное обстоятельство. Социологи «не ограничивали» респондентов в выборе числа вариантов ответов. В принципе, каждый студент мог «признаться», в недостаточности у него каждого из 14-ти предложенных личностно-профессиональных качеств. Вместе с тем, нетрудно видеть определённую «скромность» наших респондентов. Лишь каждый десятый из них (10 %) считал *на момент опроса,* что ему «не хватает» такого качества, как «целеустремлённость», каждый четвёртый (27 %) чувствовал *«нехватку хорошей теоретической подготовки»* и т.д. Мы не случайно сделали оговорку «*на момент опроса*». Действительно, в нашей выборке из 1000 респондентов 15 % составляли студенты 1-3 курсов, 40 % – 4 курс и 45 % – пятикурсники. Для многих из них ещё *«оставалось время»* для

того чтобы сформировать у себя то или иное «недостающее» качество… Но подобную «скромность» в ответах мы склонны связывать с двумя обстоятельствами. С одной стороны, это «завышенные самооценки» молодых людей. Судите сами: 8 из 9 опрошенных (89 %) посчитали, что они *«физически выносливы»*. С другой стороны здесь проявляется определённая инфантильность студентов в оценках содержания и требований тех или иных профессиональных качеств к ним, как будущим молодым специалистам. Достаточно привести. Можно ли сегодня серьёзно говорить о том, что 82% будущих молодых инженеров, учась ещё в Вузе, достаточно «готовы» к предпринимательской деятельности, а 73 % – «достаточно трудолюбивы»…? Ответ здесь однозначен: «вряд ли!»

Сегодня уже стало очевидным, что жизненные планы выпускников учебных заведений и, в первую очередь, учеников старших классов школ, их профессиональная ориентация представляют несомненный интерес для социологов, так как их изучение, определение меры соответствия реальной динамике профессиональной и социальной структуры территориальной общности позволяет более целенаправленно развивать систему профессионального образование в условиях конкретного региона.

Список литературы:

1. Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретические и методические аспекты социально-экономического анализа *(на примере Урала)*.– Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2014. – 575 с.

2. Павлов Б.С., Сиражетдинова А.А., Разикова Н.И., Степанова А.Ю. Проблемы организации системы подготовки инженерных кадров на Урале. Дискуссия. 2013. № 10 (40). С. 120-126.

3. Павлов Б.С. Потребление и потребительство молодежи в «интерьере» бедности родительских семей (на примере Урала) // ЭКО. 2013. № 7. С. 128-138.

4. Умом и сердцем: мысли о воспитании. М.: Политиздат. 1980.

5. Павлов Б.С. Из школьного в рабочий класс. М. Советская Россия. 1989. 240 с.

6. Павлов Б.С., Сиражетдинова А.А. Формирование кадрового корпуса инженеров на Урале: социологический аспект // Экономика региона. 2012. № 2. С. 62-75.

ТРУДОВЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАК ЛИЧНОСТНЫЙ РЕСУРС СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Ю.М. Пасовец –
Курский государственный университет

Для современного молодого поколения россиян актуальной жизненной задачей выступает социальная адаптация как процесс приспособления субъекта к внешним и внутренним изменениям, что обусловлено изменениями в социальном положении молодежи в связи с переходом от первичной к вторичной социализации и макросоциальными изменениями, вызванными трансформацией российского общества. Содержание целей адаптации во многом определяется ценностями как ключевым компонентом личностного адаптационного ресурса. Для молодежи вопрос о приоритетности определенных ценностей, их мотивирующем влиянии на социальное поведение имеет особое значение в силу так называемого жизненного старта, начала жизненного пути и необходимости включения в социальные сферы, освоения значимых социальных статусов. Ценность работы, связанная с включением в сферу труда, получением возможности самореализации в этой области и приобретением средств к существованию, другими необходимыми для жизнедеятельности возможностями, становится определяющей для социально-экономической адаптации молодежи.

Как показывают результаты социологического опроса молодежи Курской области, проведенного в 2013 г. (N=380 человек), ценность любимой работы оценена молодыми людьми в среднем в 4,12 баллов в расчете средневзвешенного балла по пятибалльной шкале. Данная ценность обладает достаточно высокой значимостью для молодежи и в системе ценностей относится к интегрирующему резерву. Согласно концепции Н.И. Лапина, в зависимости от места ценности в статусно-иерархической структуре ценностного сознания членов общества различаются четыре группы ценностей: ценности высшего статуса (интегрирующее ядро, ценностное «ядро»), которые доминируют в общественном сознании, их разделяют более 60 % населения; ценности среднего статуса (интегрирующий резерв, структурный резерв), поддерживаемые 45-60 % населения; ценности ниже среднего статуса (оппонирующий дифференциал), одобряемые немногими (30-45 % населения) и поэтому являющиеся источником конфликтов; ценности низшего статуса (конфликтогенная периферия) – ценности меньшинства, их поддерживает менее 30 % населения [3, С. 7; 4, С. 70]. Применяя данный подход к анализу места ценности работы в системе ценностей молодежи, можно охарактеризовать, что означает отнесенность данной ценности к интегрирующему резерву. Ценность

любимой работы является значимой для большинства молодежи, однако для некоторой части молодых людей она не имеет приоритетного значения и может выступать источником социальной дифференциации внутри молодежи как социальной общности. Вместе с тем поддержка данной ценности большинством молодого поколения указывает на то, что основная часть молодежи придает существенное значение работе при определении своих жизненных приоритетов, стремится включиться в процесс общественного производства и реализовать свои интересы в сфере труда.

В сравнении с данными других региональных социологических исследований, включающих оценку важности для молодежи ценности работы, можно сказать, что в этом вопросе российская молодежь, несмотря на проживание в разных регионах федерации, демонстрирует единство мнения. Так, по результатам социологического исследования, проведенного среди молодежи Тюменской области в 2010 гг. (N=1274 человека), среднее значение ценности работы, оцененное по пятибалльной шкале, близко к показателю по курской молодежи и составляет 4,5 балла [5, С. 8-9].

Важность ценности работы для российской молодежи подтверждается и результатами общероссийского социологического опроса, проведенного Центром социального прогнозирования и маркетинга в 2009 г. в 21 субъекте Российской Федерации (N=2000 человек). По данным этого исследования, 60,2 % опрошенной молодежи связывают понятие «жизненный успех» с наличием крепкой семьи, детей, 40,2 % – с уважением окружающих, 38,1 % – с богатством, 30,5 % – с интересной работой, 28,4 % – с наличием надежных друзей, 15,9 % – с возможностью быть хозяином самому себе, 12,8 % – с наличием престижной собственности (иномарки, коттедж и т.п.) и т.д. [2, С. 129].

В целом ценность работа обладает для большинства современной российской молодежи существенной значимостью, в силу чего она выступает значимым компонентом личностного ресурса социально-экономической адаптации молодого поколения, задает направление жизнедеятельности этой социально-демографической общности. При этом возникает вопрос о трудовых предпочтениях молодежи, определяющих запрос молодых людей на содержание и условия желаемой работы.

Среди основных характеристик работы для большей части курской молодежи особую значимость имеют высокий уровень оплаты труда даже при достаточно интенсивной напряженности труда, а также стабильность работы и ее обеспеченность социальными гарантиями. Об этом свидетельствует выбор многими молодыми людьми в вопросе о предпочтении работы с определенными параметрами таких вариантов ответа, как «много работать и хорошо зарабатывать» (41,3 % от общего количества респондентов) и «иметь спокойную стабильную работу, обеспечивающую все социальные гарантии…»

(35,3 %). В то же время только некоторые представители молодого поколения (3,7 %) склонны к выбору малооплачиваемой работы, но предоставляющей больше свободного времени (см. таблицу).

Таблица

Предпочтения молодежи в выборе работы

Варианты ответов	Количество человек, в %
Много работать и хорошо зарабатывать	41,3
Иметь спокойную стабильную работу, обеспечивающую все социальные гарантии – больничный, отпуск и т.д.	35,3
Иметь интересную работу, независимо от заработка	12,1
Небольшой заработок, но много свободного времени	3,7
Не работать и не учиться, но иметь все, что хочется	7,6
Итого	100

Следует отметить, что достаточно значительная доля молодежи предпочитает интересную работу вне зависимости от уровня оплаты труда. Как видно из таблицы, соответствующего мнения придерживается 12,1 % от общего числа курских респондентов.

Интересно, что по данным социологического опроса, проведенного среди молодежи Ростовской области в 2012 г. (N=1050 человек), в вопросе о выборе между высокой зарплатой и интересной работой наблюдается достаточно высокая поляризованность мнения молодежи, хотя большинство ростовской молодежи отдает предпочтение высокой оплате труда. В этот исследовании 40 % опрошенных заявляют, что при трудоустройстве выбрали бы неинтересную работу с высокой заработной платой, 34 % – наоборот, предпочтут интерес к работе, 26 % – затрудняются сделать однозначный выбор [6, С. 29].

В общероссийском опросе молодежи, осуществленном Центром социального прогнозирования и маркетинга, основная часть молодых людей (79,2 %) считает, что работа должна быть хорошо оплачиваемой, чтобы удовлетворить запросы молодежи. В то же время около половины опрошенных (48,2 %) придерживаются мнения, что работа должна быть интересной, 39,7 % утверждают, что должны быть хорошие условия труда, 30,4 % – хорошие социальные гарантии, 27,0 % предъявляют к работе требование о возможности профессионального роста и др. [2, С. 169].

Некоторые различия между численностью молодежи, предпочитающей высокий уровень оплаты труда в трех приведенных исследованиях, вероятно, связан со спецификой методики опросов. При этом их общей чертой является большая распространенность среди молодежи приоритетности высокого уровня оплаты труда по сравнению с другими характеристиками работы.

Следует особо отметить, что в целом подавляющее большинство молодежи Курской области (92,4%) ориентировано на занятость в сфере общественного производства и включение в трудовую деятельность, отдавая при этом предпочтение наиболее значимым для себя характеристикам работы. Только для 7,6 % молодежи характерны иждивенческие ориентации, заключающиеся в нежелании работать и учиться и быть обеспеченным всем необходимым.

Сопоставляя полученные нами данные с результатами опроса ульяновской молодежи, проведенного также в 2013 г. (N=327 человек) [1, С. 62], можно отметить, что наблюдается сходная иерархия трудовых ориентаций и соответственно сходная распространенность предпочтений определенных характеристик работы в молодежной среде. Большинство ульяновских респондентов (44,3 %) так же как и молодых курян хотели бы много работать и хорошо зарабатывать. Примерно четвертая часть ульяновской молодежи (27,1 %) предпочитает спокойную стабильную работу со всеми социальными гарантиями, что несколько меньше, чем среди курской молодежи. В то же время среди молодых ульяновцев доли предпочитающих интересную работу независимо от заработка (11,0 %) и работу с непродолжительным рабочим временем и невысоким заработком (3,8 %) примерно равны с подобными показателями по курской молодежи. Однако в среде ульяновской молодежи сравнительно больше тех, кто предпочитает не работать, не учиться, но иметь все, что хочется (13,8%).

Говоря о предпочтениях молодежи в выборе работы с определенными характеристиками, интересно обратить внимание на различие позиций молодых людей по этому вопросу в зависимости от их социально-профессионального статуса.

Определяя свой социально-профессиональный статус в настоящее время, 56,1 % респондентов относят себя к занятым, включая категорию находящихся в отпуске по уходу за ребенком; 40,3 % – к студентам учебных заведений среднего и высшего профессионального образования и учащимся образовательных учреждений общего образования; 3,6 % – к безработным. Вместе с тем 3,2 % опрошенных из числа занятых определяют себя одновременно и как студентов вузов. Интересно, что 3,0 % респондентов, обозначая свое социально-профессиональное положение как студентов вузов и сузов, отмечают также, что имеют при этом основную работу, то есть для студенческой молодежи актуальна проблема вторичной занятости и причин, обусловливающих совмещение учебы на очном отделении учебного заведения и работы.

Среди занятой молодежи примерно одинаковы доли тех, кто предпочитает много работать и хорошо зарабатывать (44,1 % от числа этой категории молодежи) или иметь стабильную работу с полным социальным пакетом (39,4 %), и эти ориентации являются преобладающими у молодых

работников. В числе этой категории молодежи значительно меньше тех, кого в большей степени привлекают такие характеристики работы, как интерес к ней (7,0 %) и большая продолжительность свободного времени (2,9 %), а также тех, кто отмечает у себя нежелание быть занятым в сфере работы или учебы (6,6 %).

Среди студенческой и учащейся молодежи при наличии общих моментов в распределении трудовых предпочтений встречается сравнительно большее число приверженцев интересной работы независимо от уровня вознаграждения за труд (19,6 % от количества данной категории молодежи). При этом удельный вес тех, кто предпочитает в работе высокий уровень оплаты труда и интенсивности (39,9 %) или стабильность, обеспеченность социальными гарантиями (28,8 %), несколько ниже, чем среди занятой молодежи.

Существенные отличия наблюдаются в трудовых предпочтениях безработной молодежи. Среди этой категории молодых людей самой распространенной позицией становится желание иметь спокойную стабильную работу, обеспечивающую все социальные гарантии (42,9 %), что объясняется стремлением иметь постоянный, гарантированный источник средств к существованию и обрести социальную поддержку и защиту своих трудовых прав. Между тем достаточно массовой позицией в среде безработной молодежи, к сожалению, оказывается и приверженность иждивенческим ориентациям: практически пятая часть этой категории молодежи (21,4 %) не хочет ни работать, ни учиться, что говорит о добровольном принятии статуса безработных и нежелании с ним расставаться.

Таким образом, ценность работы имеет высокую значимость для большинства современной российской молодежи и оказывается ключевым личностным ресурсом ее адаптации в социальной и экономической сфере. Среди основных параметров работы наиболее массовой поддержкой пользуются высокая оплата труда и стабильность работы, ее обеспеченность социальными гарантиями. В среде безработной молодежи достаточно распространены иждивенческие ориентации, что является субъективным препятствием ее успешной социально-экономической адаптации.

Список литературы:

1. Галкина Е.П., Кадничанская М.И. Мотивация трудовой деятельности молодежи в социальном пространстве региона: на примере г. Ульяновска // Youth World Politic. –2013. – №3. – С. 60-64.

2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги; Рос. акад. наук, Ин-т социологии. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2010. – 592 с.

3. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. – 1996. – №5. – С. 3-23.

4. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2010. – 111 с.

5. Молодежь в социальном пространстве региона: коллективная монография / А.И. Ковальчук и др.; науч. ред. Г.Ф. Ромашкина; ФГБОУ ВПО «Тюмен. гос. ун-т». – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2012. – 236 с.

6. Социологический портрет молодежи Ростовской области: коллективная монография / М.Ю. Барбашин, Ф.А. Барков и др.; отв. ред. Ю.Г. Волков; Рос. акад. наук, Южнорос. филиал Ин-та социологии, Ком. по молодеж. политике Ростов. области, Ин-т по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуман. и соц. наук Южного федерального ун-та. – Ростов-н/Д.: Изд-во Март, 2012. – 342 с.

«МАТЕРИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ» КАК СТРАТЕГИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ
(СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЧИТАТЕЛЕЙ И НЕЧИТАТЕЛЕЙ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛОВ)

О.И. Пименова –
к.социол.н., доцент кафедры теории
и истории социологии
Уральского федерального университета

Эмпирическую базу исследования составили материалы, полученные в результате опроса молодежи (N=700, г. Екатеринбург и г. Киров, 2012 г.) методом раздаточного анкетирования с использованием квотной выборки, выровненной по поло-возрастному и образовательному признаку.

Проведенное исследование доказало, что внутренняя дифференциация молодежи, а также их медийные предпочтения (задачей нашего исследование было сравнение молодых людей, читающих и не читающих глянцевые журналы) обусловливают специфическую разницу в выборе векторов идентификационных стратегий.

Под идентификационной стратегией мы понимаем основное направление и способ самоопределения, реализуемые через социальные механизмы под воздействием агентов социализации, актуальных объективных факторов, а также индивидуальных предпочтений и ресурсных возможностей самого актора. В идеале результатом идентификационной стратегии должно быть успешное достижение цели, то есть желаемой идентичности, посредством определения конкретных способов и механизмов ее достижения.

Механизм функционирования идентификационных процессов сочетает в себе, с одной стороны, объективное, не зависящее от молодого человека воздействие социальной среды, социальных процессов и институтов (сегодня все более актуализируется роль СМИ), влияние установок малых социальных групп (родители, сверстники, друзья, коллеги, авторитет отдельных личностей), а также ресурсную базу (совокупность экономического, социального и культурного капитала, которым располагает актор), с другой стороны, – индивидуально-личностные устремления и характеристики молодого человека, систему его внутренней мотивации, ценностно-поведенческих приоритетов. Этот комплекс составляющих впоследствии ляжет в основу конструирования той или иной формы и типа социально-статусной идентичности. Сочетание указанных факторов детерминирует сложности и противоречия, которые в совокупности усложняют выбор молодым человеком вектора идентификационной стратегии.

Молодёжь, конкретные представители которой обладают различными социально-экономическими и социокультурными базовыми статусами,

характеризуется специфическими и отличными друг от друга условиями социализации, а также разницей выбираемых идентификационных стратегий.

На примере одной из наиболее актуализированных в молодежной среде идентификационных стратегий – «материальное благополучие» – рассмотрим и проиллюстрируем эмпирическими данными специфику ряда сложностей, с которыми сталкиваются молодые люди (активные потребители глянцевой периодики и те, кто ее не читают), конструируя свою идентичность.

Идентификационный вектор материального благополучия основан на стремлении человека улучшить, сформировать (реже сохранить) определенный материальный уровень своей жизни. Основными социально-статусными маркерами, закрепляющими данный вектор идентичности, будут такие параметры, как размер дохода, а также наличие собственности.

В рамках описываемой стратегии необходимо отличать два кластера молодых людей: (1) те, для кого богатство и финансовое благополучие является самоцелью и проявляется в накопленном денежном эквиваленте; (2) те, для кого подтверждение статусной позиции в рамках данного вектора будет осуществляться не за счет накопления денежных средств, а как бы опосредованно – через практики потребления. Стоит оговориться, что речь здесь будет идти не о товарах повседневного спроса, а о так называемых товарах особого спроса (например, дома, квартиры, автомобили, дорогие телефоны, ноутбуки и т. д.).

Исследовательские результаты позволяют проследить интересную закономерность: если первый кластер включает в себя преимущественно молодежь, неудовлетворенную своим материальным положением, то второй кластер – тех, кто не удовлетворен своим статусом в обществе.

Первый кластер представлен в основном юношами (г. Киров – 24%, г. Екатеринбург – 21%); для сравнения: лишь 7% девушек г. Кирова и 12% девушек г. Екатеринбурга придерживаются этого вектора. Материальные ресурсы как средство обретения желаемого статуса и достижения свободы и независимости чаще всего используются работающей молодежью, покинувшей свою семью и уже ведущей относительно самостоятельный образ жизни.

Второй кластер включает в себя преимущественно молодежь г. Екатеринбурга – 39% юношей и 35% девушек желает в ближайшие пять лет улучшить жилищные условия (показатели по кировской молодежи в 1,5 раза ниже). Разница идентификационных стратегий кировской и екатеринбургской молодежи может быть объяснена тем, что в г. Екатеринбурге порог доступности покупки квартиры в 3-4 раза выше, чем в г. Кирове, поэтому в силу целого ряда сложностей и барьеров приобретения недвижимости в г. Екатеринбурге, ее наличие является гораздо более престижным достижением. 25% екатеринбургских юношей и 21% девушек желает приобрести крупные предметы личного пользования (в частности, автомобиль), в случае с кировскими юношами - это 21%, девушек же, сориентированных на покупку

авто, в 2 раза меньше. В этом смысле мы можем фиксировать относительную гендерно-ролевую унификацию молодежи г. Екатеринбурга по сравнению с их кировскими ровесниками.

Если проецировать эту идентификационную стратегию на читателей и нечитателей глянца, то мы сможем проследить следующую закономерность: «накопители» – это в основном те, кто глянец не читает, «потребители» – это преимущественно те, кто является поклонником глянцевых журналов.

В случае с молодыми читателями глянцевых журналов мы сможем проследить прямо пропорциональную зависимость: чем активнее, чем чаще и чем больше респондент читает глянцевые журналы, тем выше у него уровень социальных амбиций. Так, например, около 20% постоянных читателей глянцевых журналов на ближайшие пять лет планируют заключить контракт на работу за границей (для не читающих эта цифра в 2 раза ниже). Именно амбиции в совокупности с завышенным уровнем социальных ожиданий и потребностей будут мотивировать человека к материальным достижениям и определенным образом задавать структуру его социальных действий.

Эмпирические результаты доказывают факт того, что социальная амбициозность, самоуверенность, идеализация жизненных планов, стремление к чему-то большему – свойства, которые характеризуют прежде всего читателей глянцевых журналов. На наш взгляд, это может быть объяснено тем, что такие молодые люди, познакомившись (пусть даже виртуально и опосредованно), усвоив, интериоризировав социально-статусные паттерны идеального мира, представленного в глянцевой периодике, задали перед собой, тем самым, достаточно высокую планку социальных достижений.

Таким образом, для читателей глянцевой периодики богатство и финансово-денежное накопительство не является самоцелью и приоритетом в вопросах достижения идентичности. Это связано с тем, что, во-первых, эти молодые люди имеют высокий уровень социальных притязаний и желание отчасти соответствовать глянцевым стандартам, а во-вторых, они изначально располагают определенным (пусть даже не высоким, но средним) уровнем финансовой обеспеченности, экономическим капиталом. Иными словами, они могут позволить себе потреблять здесь и сейчас, но желают потреблять еще больше и более дорогие товары, что призвано помочь им в дальнейшем презентовать свой социально-статусный образ в глазах окружающих.

Говоря о механизмах, которыми пользуются молодые люди в рамках данной идентификационной стратегии, стоит заметить, что это либо целерациональные механизмы, которые в итоге позволяют сконструировать позитивную социально-статусную идентичность (13% респондентов копит деньги, чтобы достичь поставленную перед собой идентификационную цель); либо механизмы самопрезентации, характеризующие в основном читателей глянцевой продукции и позволяющие им на невербальном уровне закрепить за собой желаемый социальный статус и доказать его окружающим.

Представляя свой идеальный образ в будущем, респонденты-читатели глянца ассоциировали себя со следующими атрибутами: «Машина, дом, жена-модель, дорогой телефон, имущество за границей» (г. Киров, мужчина, 15 лет); «Очень дорогой автомобиль, муж, дети, квартира» (г. Екатеринбург, женщина, 22 года); «Автомобиль с водителем, часы, счастливая семья» (г. Екатеринбург, женщина, 16 лет); «Хороший заграничный дом, семья без детей, автомобиль» (г. Екатеринбург, женщина, 18 лет) и т. д. Как видим, у некоторых молодых людей (преимущественный возраст 15-22 года) дорогие автомобили, престижная недвижимость и дети-мужья-жены стоят в одном ассоциативно-смысловом ряду, что подтверждает степень значимости для них этой статусной атрибутики. Так 34% юношей и 23% девушек полагают, что марка машины поможет охарактеризовать конкретного человека как «занимающего высокое положение в обществе», и 20% считают, что такой человек должен обладать недвижимостью за рубежом.

В качестве агентов социализации, на которых ориентируется молодой человек, адаптируясь к социально-статусной позиции в рамках выбранного пути, выступают семья, люди, «уже достигшие материальной независимости» и те, кто «занимает в обществе престижное положение». Как видим, выбор референтных групп осуществляется адекватно идентификационной цели, что в целом будет способствовать рационализации всей стратегии.

Здесь любопытно проследить динамику: если в середине 1990-х гг., как показывают результаты исследований, проведенных под руководством В.А. Ядова [1; 3], идентификация по материальному признаку занимала одну из первых позиций, то сейчас ситуация изменилась: только 3% молодых людей идентифицирует себя с людьми аналогичного материального достатка, что доказывает снижение роли денег, дохода как параметров статусной позиции.

Раскрывая содержательную особенность этой идентификационной стратегии важно указать на тенденцию, которая была выявлена нами в ходе анализа данных: несмотря на то, что ценность денег актуальна для 60% респондентов, она приобретает скорее инструментальный, нежели терминальный характер, то есть деньги – это не ценность-цель, это ценность-средство, позволяющее вести определенный образ жизни. Иными словами, подтверждение молодым человеком статусных позиций осуществляется преимущественно не за счет количества накопленных им денежных средств, а посредством того образа жизни, тех товаров и статусных атрибутов, которые он может себе позволить, располагая определенным объемом финансов, в результате чего «на первый план выходят различия демонстрируемые» [2].

Естественно, учитывая неоднородность молодежных групп, современные тенденции индивидуализации, важно понимать, что рассмотренный нами вектор идентификационной стратегии («материальное благополучие») носит идеализированный, рафинированный и буквальный характер, а потому представляется достаточно условным. Однако анализ указанного вектора позволил сделать некоторые выводы.

Доминантный характер той или иной цели идентификационной стратегии в каждом конкретном случае будет детерминирован социально-контекстуальными условиями, различными факторами и их сочетанием: социально-демографическими характеристиками молодого человека, его ресурсным капиталом, ценностно-нормативным набором, стилем жизни, уровнем, качеством и условиями жизнедеятельности, реально занимаемой им статусной позицией, городом, в котором он проживает, влиянием референтных лиц, а также предпочтениями в сфере СМИ. Среди типологического многообразия средств массовой информации сегодня особое значение придается глянцевому журналу, презентующего идеализированный мир.

Глянцевые журналы как фактор формирования социально-статусной идентичности имеют актуальное влияние, прежде всего, на индивидуалистски ориентированных представителей молодежи. Проблема же заключается в том, что имея высокий уровень социальных амбиций, сформированных под влиянием глянца, молодой человек не располагает капиталом, достаточным для конструирования идеальной, желаемой идентичности; кроме того статусные нормативы, предлагаемые глянцевыми журналами не соответствуют тем, которые отражают реальную социальную структуру и тем, которые постулируются семьей молодого человека, его первичными группами членства.

Комплекс отмеченных противоречий приводит к трудностям конструирования социально-статусной идентичности молодого читателя глянцевого журнала, его идентичность в таком случае может иметь номинальный, виртуальный, диффузный характер, то есть, по большому счету, она будет не сконструированной. Достижение же результата идентификационной стратегии (сконструированной желаемой идентичности) может обеспечить адекватный и целерациональный выбор механизма идентификационной стратегии. Так, чем отчетливее и осознаннее молодой человек подходит к выбору идентификационного вектора в актуальный момент времени, чем адекватнее оценивает совокупность ресурсов, которыми располагает, тем легче, быстрее и эффективнее проходит процесс конструирования его социально-статусной идентичности.

Список литературы:

1. Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян. URL: http://www.nir.ru/Socio/scipubl/sj/sj3-4-00dan.html (дата обращения: 9.02.2014).

2. Конева А.В. Мода и имидж: презентация индивидуальности или идентификационные ловушки? URL: http://ntsa-ifon-npu.at.ua/blog/moda_i_imidzh_prezentacija_individualnosti_ili_identifikacionnye_lovushki/2010-11-15-158 (дата обращения: 8.12.2014).

3. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. – 1994. - № 1. URL: http://sj.obliq.ru/article/29 (дата обращения: 12.08.2014).

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ ИЗОЛИРОВАННЫХ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ

А.А. Позаненко –
аналитик Проектно-учебной лаборатории
муниципального управления
Национального исследовательского
университета Высшей школы экономики

В постсоветский период в России стали появляться населённые пункты, так или иначе изолированные от остального общества. С одной стороны, это удалённые деревни и посёлки, оказавшиеся в изоляции не по своей воле, а в результате значительного снижения их транспортной доступности. В первую очередь, речь идёт о регионах с низкой плотностью населения и слабо развитой дорожной сетью, в которых многие населённые пункты были связаны с «большой землёй» исключительно или преимущественно посредством речного транспорта и малой авиации. Именно эти виды общественного транспорта больше всего пострадали после развала Советского Союза (см., напр., [1]), в большинстве районов исчезнув полностью. Малая авиация, где она сохранилась, стала неподъёмно дорогой (но всё равно убыточной для перевозчиков, не будь государственных субсидий) для регулярных перелётов. Таким образом, затронутые населённые пункты оказались в изоляции. Я её называю пространственной.

С другой стороны, это сообщества, объединённые определённой идеологией или, по крайней мере, мировоззрением, селящиеся в сельской местности и намеренно ограничивающие свои связи с внешним миром. Как правило, это разного рода экопоселения, среди которых наиболее распространёнными в России являются поселения родовых поместий (ПРП). Я это называю самоизоляцией.

Нахождение в столь экстремальных условиях, накладываясь на общую стремительную депопуляцию российского села, заставляет активно искать пути развития или, по крайней мере, сохранения этих сообществ.

Доклад преимущественно основан на материалах индивидуального исследовательского проекта «Социальная структура локальных сообществ, пространственно изолированных от институтов публичной власти», проводившегося в 2012-2014 гг. при финансовой поддержке Фонда «Хамовники». Основными исследовательскими методами выступили полуструктурированные глубинные интервью и наблюдение с элементами включённого наблюдения. Было посещено 15 пространственно изолированных сообществ в 5 субъектах федерации (взято 63 интервью с 85 информантами) и 9 самоизолирующихся сообществ (включая одно сообщество, посещённое в ходе внепроектной поездки) в 7 субъектах федерации (31 интервью

с 53 информантами). География исследования ограничилась регионами европейской части России.

Поселения родовых поместий стали создаваться после выхода книги Владимира Мегре «Анастасия» (1996 г.), положившей начало серии «Звенящие кедры России» (ЗКР) из десяти книг. Последователей движения стали называть анастасийцами, или анастиевцами. Основной практический посыл, помимо философско-эзотерической составляющей, состоит в том, что каждый человек должен собрать или основать род в своём родовом поместье, площадь которого не может быть меньше одного гектара. Также необходимо отказаться от алкоголя и курения, употребления мяса, сквернословия; вести экологически чистый образ жизни, стремиться к самодостаточности или, по крайней мере, независимости от «системы», то есть от государства и современного технократического общества. Поместье нельзя продавать, делить, использовать не по назначению (например, исключительно как землю под бизнес). Можно лишь передавать его по наследству. Дети или внуки, если одного поместья для всех станет мало, могут основывать новое. Однако предполагается, что кто-то из представителей рода будет жить в каждом из поместий вечно и получать от них родовую энергию (подробнее см. [3]).

ПРП возникают преимущественно на территории бывшего СССР, хотя есть примеры создания поселений и в дальнем зарубежье (как правило, они основываются и заселяются выходцами из постсоветского пространства, однако, благодаря переводу ЗКР на множество языков, идея получила некоторый, пусть и незначительный, отклик на Западе). Впрочем, создать полноценное ПРП в Европе затруднительно, поскольку, в условиях высокого уровня жизни и дефицита земли, купить по гектару на семью практически невозможно. Участки под индивидуальное жилищное строительство в Европе, как правило, лишь немногим превышают площадь земли под домом.

Наибольшее распространение ПРП получили в России и на Украине. В России наивысшая плотность экопоселений наблюдается по всей средней полосе и югу европейской части страны (от западных границ до Свердловской и Челябинской областей на востоке и от окрестностей Санкт-Петербурга на севере до Северного Кавказа, за исключением ряда республик, на юге), а также в окрестностях Кемерово, Томска, Новосибирска и Барнаула. Восточнее Иркутской области ПРП единичны (неполную карту расположения поселений см. здесь – [2]). Также поселенцы не забираются далеко на север. Самые северные известные мне поселения находятся на юге Карелии и на севере Свердловской области. В среднем приходится по 5-6 поселений на субъект федерации. Крупнейшие поселения насчитывают 100-300 поместий. Точно измерить невозможно, поскольку не все поселения так или иначе заявляют о себе в публичной сфере, однако численность людей, создающих свои поместья, измеряется десятками тысяч, а численность постоянно живущих (зимующих) в них – тысячами.

Жители пространственно изолированных деревень и посёлков максимально приспособлены к жизни в глуши. Огромным подспорьем для них, а часто и основой их моделей жизнеобеспечения, являются дары природы, на которые она всегда особенно щедра там, где нет или практически нет людей. Местные, помимо личных подсобных хозяйств, занимаются собирательством, рыбалкой, охотой, самостоятельно заготавливают лесоматериалы, дрова и т.д. Иными словами, стараются взять от природы всё, что она может дать, причём делают это не хищнически, поскольку это для них не забава, а образ жизни. Сбыт же на сторону, как правило, оказывается затруднён или невозможен.

В удалённых деревнях обычно царят отношения, близкие к общинным. Со стороны взаимодействия между жителями выглядят практически как семейные (впрочем, если это не посёлок, созданный в советское время, то практически все местные и так являются между собой родственниками разной степени близости). Уровень солидарности и взаимовыручки чрезвычайно высок.

Интересно, что, согласно моим наблюдениям, большинство жителей пространственно изолированных деревень считают свою изоляцию благом. Они опасаются, что появись удобное и не слишком дорогое сообщение, их местность наводнят приезжие, в том числе охотники и рыбаки, которые станут массово уничтожать дичь и рыбу. Показателен случай одного посещённого мной удалённого села, куда на данный момент можно добраться только вертолётом (в снежный период ещё снегоходом), преодолев около 120 километров от ближайшего населённого пункта на дороге. К ним прилетал губернатор и предлагал за счёт регионального бюджета построить дорогу, но на сходе жители проголосовали против, опасаясь нарушения сложившегося устраивающего их мироустройства.

Высокий уровень приспособленности к природно-климатическим условиям, привязанность к своим образу жизни и сообществу, относительная независимость от социально-экономических условий в стране, а также, для некоторых, сложности с перевозкой имущества приводят к тому, что пространственно изолированные локальные сообщества устойчивее аналогичных соседних неизолированных сельских сообществ и, зачастую, депопулируют медленнее. Однако у них есть одно слабое место. Если в деревне закрывается школа (а соответствующее решение принимается на районном и региональном уровне, местным жителям на него повлиять трудно), то всем семьям, в составе которых есть школьники, приходится либо переезжать, либо отправлять детей родственникам или в интернат, поскольку ездить в другую школу отсюда невозможно, и школьный автобус сюда не приедет. Это неизбежно ведёт к опустению деревни.

Члены самоизолирующихся локальных сообществ, в среднем, значительно моложе жителей удалённых деревень. Объясняется это, в том числе, тем, что большинство экопоселений стараются принимать в свой

состав молодые семьи, желательно с детьми (многодетность приветствуется). Поселенцы полагают, что молодые эффективнее смогут решать какие-то общие проблемы, а семейные с детьми с меньшей вероятностью станут в поселении временщиками.

Почти все поселенцы приезжают из городов. Как правило, у них нет не только опыта жизни на селе, но даже опыта дачного. Следовательно, создание собственного поместья даётся им крайне тяжело. Урожайность огородов у большинства оказывается низкой, на собирательство не хватает ни навыков, ни времени, преимущественно уходящего на стройку, которая длится годами и никак не заканчивается. Быт долгое время остаётся неналаженным. Как результат, очень многие поселенцы «ломаются» и возвращаются в город.

Жители большинства экопоселений стремятся к возникновению общинных отношений на уровне всего поселения, что им, как правило, не удаётся (в лучшем случае, это получается на уровне нескольких семей). Люди собираются самые разные, и после первого этапа эйфории выясняется, что ужиться друг с другом оказывается очень непросто. Это также становится причиной возвращения некоторых поселенцев в город.

В большей части поселений (в частности, в ПРП) люди, ограждая себя от современного общества и «системы», отказываются от всех проявлений официальной медицины (в том числе, от прививок, которые, по их мнению, не укрепляют, а разрушают здоровье) и, по возможности, стараются не отдавать своих детей в обычные школы, но игнорировать законодательно определённую обязательность основного общего образования они не могут. У подавляющего большинства (как правило, у 75% и более) взрослых поселенцев есть высшее образование, и они в состоянии самостоятельно обучать своих детей, которые ездят в школу лишь несколько раз в год, чтобы сдать экзамены, и дети обычно показывают очень хорошие результаты. Экопоселения стремятся к созданию собственных полноценных школ, которые бы позволили им вовсе не взаимодействовать с государственной системой школьного образования. Пока что это им не удаётся, однако в ряде успешных поселений родители смогли договориться о создании, по сути, неофициальных школ, в которых родители, в зависимости от своих знаний, ведут разные предметы сразу для всех поселенческих детей.

Итак, пространственно изолированные сообщества гораздо лучше приспособлены к сельской жизни в условиях изоляции, однако ликвидация школы полностью нарушает устойчивость их существования. В таких населённых пунктах, как правило, нет или почти нет людей с высшим образованием, которые могли бы взять на себя обучение детей школьного возраста. Более того, им и не приходит в голову, что детей можно обучать дома, в отрыве от государственной школы, профессиональных педагогов (учителя, остающиеся после ликвидации школы, обычно либо уезжают, либо уже находятся в пенсионном возрасте) и т.п. Представители самоизолирующихся

локальных сообществ, напротив, мало приспособлены к жизни в сельской местности и зависят от города (доходы, продукты и другие покупки и проч.). Экопоселения и создаются, как правило, в местах куда несложно и не слишком долго добираться. Однако поселенцы обладают серьёзным преимуществом. Благодаря высшему образованию у них есть возможность самостоятельно обучать своих детей, что позволяет им не зависеть от наличия общеобразовательных школ поблизости. Таким образом, высшее образование оказывается одним из факторов, влияющим на устойчивость изолированных локальных сообществ.

Список литературы:

1. Ильин В.И. Российская глубинка в социальной структуре России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 4. С. 25-47.

2. Карта родовых поселений, экопоселений [Электронный ресурс] // Поселения.ру. Экопоселения, родовые поселения, родовые поместья [сайт]. URL: http://poselenia.ru/map (дата обращения: 15.09.2015).

3. Позаненко А.А. Поселения родовых поместий как новая форма жизни на селе // В кн.: Регион в период модернизации: социальные институты. Материалы II Международной научно-практической конференции, 5 апреля 2013 г. / Науч. ред.:Д. А. Шпилев. Н. Новгород : Издательство НИСОЦ, 2013. С. 163-173.

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ К ЭКОЛОГИЧЕСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ ДОШКОЛЬНИКОВ

О.О. Прокофьева –
к.педагогич.н., доцент
заведующая кафедрой педагогики детства
и семьи Могилевского государственного
университета имени А.А. Кулешова

Диверсификация образования обеспечила общую направленность обучения и воспитания на разностороннее гармоничное развитие личности ребенка, пересмотр его содержания, разработку и внедрение новых педагогических технологий, обусловила возможность для роста профессионального творчества и инновационных процессов в повышении качества дошкольного образования. Особую актуальность для современного дошкольного образования приобрела проблема экологического образования ребенка-дошкольника. Целью экологического образования дошкольников является формирование основ экологической культуры личности ребенка, которая базируется на формирование осознанно-правильного отношения к природным явлениям и объектам, постоянно окружающим его, к человеку как живому существу, к своему здоровью и среде, в которой он живет. Различные аспекты экологического образования детей дошкольного возраста, исследованы рядом ученых (Н.Н. Кондратьевой, С.Н. Николаевой, З.П. Плохий, И.А. Хайдуровой, В.А. Дрязгуновой, И.А. Комаровой, А.И. Васильевой), что позволило определить его содержание, методы, формы и условия. Однако, как показал анализ научных работ вопросы профессиональной подготовки будущих педагогов учреждений дошкольного образования к экологическому образованию детей изучены в недостаточной степени. Это является основанием для того, чтобы выделить в системе профессиональной подготовки будущих педагогов учреждений дошкольного образования особое направление – экологическое образование студентов.

Профессиональная подготовка будущих педагогов к экологическому образованию детей дошкольного возраста в условиях университетской подготовки предполагает, на наш взгляд, диалектическое единство двух компонентов:

- формирования экологической направленности личности студента, которая выражается степенью готовности к деятельности в области охраны окружающей среды;
- овладение методикой экологического образования детей дошкольного возраста.

В нашем исследовании эффективность работы по профессиональной подготовке студентов к экологическому образованию дошкольников

определяется целостностью педагогического процесса. Мы рассматриваем целостный педагогический процесс в университете как процесс реализации цели обучения, воспитания и развития личности будущего педагога-воспитателя на учебных и внеаудиторных занятиях; как совокупность деятельности преподавателя и студентов, направленной на овладение основными профессиональными знаниями, умениями и навыками, развитие субъектной позиции будущего специалиста дошкольного учреждения.

Такие подходы позволили нам разработать технологию профессиональной подготовки студентов к экологическому образованию дошкольников, включающую в себя три взаимосвязанных этапа, которые были реализованы нами экспериментальным путем в определенной логической последовательности.

I этап – познавательный, направленный на формирование у студентов познавательного интереса к экологической ситуации в мире и Республике Беларусь, формирование знаний экологического содержания, которые вызывают потребность применить их в защиту окружающей среды, путем введения в содержание специальных дисциплин экологического аспекта (дошкольная педагогика, теория и методика физического воспитания детей дошкольного возраста, теория и методика ознакомления детей дошкольного возраста с природой, теория и методика развития речи детей дошкольного возраста, теория и методика формирования элементарных математических представлений у детей дошкольного возраста).

II этап – развивающее-практический, направленный на формирование у будущих педагогов дошкольных учреждений психологической установки на значимость экологического образования дошкольников, приобретение опыта профессиональной деятельности, обеспечивающего формирование профессиональных функций и профессионально-значимых качеств личности педагога посредством специального курса «Основы экологии и методика экологического образования детей дошкольного возраста».

Основная цель спецкурса состоит в экологическом образовании студентов, в формировании у них компетенций в области методики экологического образования детей дошкольного возраста, что обеспечивает подготовку специалиста, способного осуществлять экологическое образование детей дошкольного возраста в соответствии с современными требованиями практики учреждений дошкольного образования.

III этап – практический, направленный на трансформацию профессиональных знаний, умений, навыков, профессионально-значимых качеств в профессиональные ценностные ориентации студентов в процессе самостоятельной внеаудиторной работы, выполнения курсовых и дипломных работ, производственной практики.

Важной стороной для реализации каждого этапа технологии явилось целенаправленное педагогическое руководство самостоятельной

работой студентов в планировании и осуществлении учебного процесса по экологическому образованию будущих педагогов учреждений дошкольного образования. В связи с этим мы выделили алгоритм деятельности преподавателя по организации самостоятельной работы студентов.

Педагогическое руководство самостоятельной работой студентов по экологическому образованию было сведено нами в систему, которая представляла собой разноуровневую организацию самостоятельной работы на основе профессиональных знаний, умений, навыков, мотивации профессиональной деятельности в процессе лекционных, практических занятий и внеаудиторной работы [1; 87].

Эффективное влияние на качество профессиональной подготовки будущих педагогов дошкольных учреждений к экологическому образованию детей оказали игровые обучающие ситуации. Игровая обучающая ситуация определяется нами как ситуация имитирующая определенный отрезок педагогической деятельности, в которой сочетаются как познавательные, так и игровые элементы. Игровая обучающая ситуация выполняет три функции: инструментальную (формирование профессиональных умений и навыков, развитие профессиональных способностей); гностическую (формирование профессиональных знаний); социально-психологическую (формирование профессионально-значимых качеств личности [2; 108].

В ходе экспериментальной работы нами были выделены три вида игровых обучающих ситуаций (ИОС): ролевые ИОС, моделирующие ИОС, познавательные ИОС. Суть ролевых ИОС заключается в создании максимально приближенных к реальным условиям ситуаций экологического образования дошкольников, в процессе которых студент, выполняя роль педагога, отрабатывает профессиональные умения, приобретает опыт практической деятельности. По форме организации мы разделили ролевые ИОС на ролевые интервью, ролевые обсуждения, ролевые проигрывания. Практика показала, что ролевые ИОС существенно повышают интерес студентов к специальным знаниям в области экологического образования детей, так как дают представление об их практическом применении, придавая процессу обучения действенный мотивационный фон, содействуя тем самым формированию экологической направленности профессионализма будущих педагогов дошкольных учреждений.

В процессе эксперимента в качестве эффективного метода профессиональной подготовки студентов к экологическому образованию детей дошкольного возраста мы выделили моделирующие ИОС. Их эффективность основана на многозначности игровой модели познания действительности по сравнению с однозначной логико-познавательной моделью. Познавательно-творческая функция моделирующей ИОС заключается в нестандартном подходе студентов к решению ряда экологических проблем. Используемые в ходе исследования моделирующие ИОС стали внутренним организующим стержнем,

вокруг которого накапливались и закреплялись знания профессионального характера. Сама логика решения моделирующих ИОС способствовала формированию потребности в новых профессиональных знаниях. Таким образом происходило не механическое накопление информации, а творческое ее распределение.

Большой интерес у студентов вызвали введённые в учебный процесс познавательные ИОС, цель которых заключалась в формировании и закреплении профессиональных знаний, умений и навыков, в развитии профессиональных способностей, а также в отработке определенных методов и технологий экологического образования дошкольников. По количеству участников мы разделили познавательные ИОС на индивидуальные и групповые. Познавательные ИОС не требуют специального времени, изменения учебного плана, они органически сочетаются с уже апробированными формами работы, способствуют эффективному усвоению программного материала.

Опытно-экспериментальная работа показала, что введение ИОС в учебный процесс позволило студентам избежать шаблонов мышления; развить пластичность ума; реализовать творческие способности; развить их субъектную позицию, свободно ориентироваться в изучаемом материале; усилить интерес к предмету; реализовать свои знания в привлекательной для них форме; овладеть профессиональными функциями.

Нами было установлено, что использование ИОС очень важно при дифференцированном обучении, потому как они позволяют учитывать динамику психических процессов студентов, создавать условия для психологических разгрузок. За счет смены видов деятельности студентов поднимается их общий тонус, создается настрой на обучение; организуется психологический и физиологический отдых.

В результате проведенного исследования, мы пришли к выводу, что использование инновационных образовательных технологий в профессиональной подготовке студентов к экологическому образованию детей способствует повышению качества профессионализма будущих педагогов учреждений дошкольного образования.

Список литературы:

1. Прокофьева, О.О. Основы экологии и методика экологического воспитания детей дошкольного возраста / О.О. Прокофьева, И.А., Комарова // Учебно-методический комплекс. – Могилев, 2003. – С. 87.

2. Прокофьева, О.О. Использование игровых обучающих ситуаций в профессиональной подготовке студентов / О.О. Прокофьева // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. – 2002. – № 1. – С. 108.

МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ И ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ
(МЕСТО КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТА В XXI В.)

И.П. Прядко –
к. культур.н., доцент,
доцент кафедры социальных, правовых
и психологических коммуникаций
Московского государственного
строительного университета

На фоне происходящей сегодня экономической и социокультурной интеграции, на фоне формирования единого образовательного пространства, гарантированного Болонским процессом, на фоне процессов устойчивого роста и коньюнктурного обновления хозяйственной и социальной сфер особую значимость приобретает внедрение в сферу науки и образования новых методов обучения.

Многие из современных авторов подчеркивают, что инновации в обучении имеют огромное значение для функционирования организаций и предприятий различных секторов современной российской экономики. Ведь именно современная система образования обеспечивает специалистами промышленность, информационный бизнес, систему управления государством и многие другие сферы жизнеобеспечения современного социума. В учебных программах последнего поколения инновационному тренду принадлежит одно из наиболее почетных мест. Инновации в системе образования должны способствовать интенсивному развитию экономики, внедрению в производство достижений науки и техники, способствовать более полному удовлетворению потребностей людей в разнообразной высококачественной продукции и в услугах.

В настоящей статье автор обращается к одному из многочисленных аспектов предлагаемых в настоящее время образовательных инноваций, связанному с уточнением роли критического мышления в познавательной деятельности и обучении.

Развитие критического мышления у специалиста, работающего в любой из ключевых областей народного хозяйства, выступает в качестве жизненно необходимого. Это качество требуется как инициативному исполнителю, так и управленцу, вовлеченному в процесс принятия решений. В настоящее время вступившие в силу программы учебных дисциплин 3-го поколения ФОГС нацелены на применение широкого спектра инноваций в сфере педагогики: причем инноваций не только технических, но и методологических. Новое поколение программ дает широкий выбор для специалиста – преподавателя-лектора или педагога, проводящего практические занятия. Значительную

вариативность обеспечивает модульный принцип организации учебного материала. В структуре этих модулей по дисциплинам философско-гуманитарного профиля следовало бы расширить содержательные блоки, связанные с критическим подходом, применявшимся великим методологом наук, логиком и общественным деятелем Карлом Раймундом Поппером.

Попытаемся оценить, какие именно фрагменты попперовского учения, могут оказаться полезны в обучении и воспитании студентов-бакалавров высших учебных заведений. Ведь именно фальсификационизм К. Поппера (см. [1], о нем см. [2]) дает возможность ответить на вопрос о степени достоверности теоретических обобщений науки. Современная эпоха заявляет о себе как об эпохе оптимизации во всех сферах деятельности человека. Эта оптимизация происходит как в сфере теоретико-познавательной, так и практической. О некоторых аспектах применения логических схем автор уже говорил в своих работах [3, 230–232] [4, 83–85] [5, 105–107], [6, 76–87]. В свете истории аргументации данные проблемы обсуждают коллеги автора настоящей статьи [7, 44-64]. Разработка методологических проблем в социальном познании, причем не только на уровне общесоциологических теорий, но и в рамках теорий среднего уровня, представлена в работе [8].

Оптимизация деятельности сама по себе предполагает активное применение принципа экономии мышления, который выступает отправной точкой попперовского фальсификационизма. И действительно, опровергать общие суждения теории легче, чем находить им подтверждение, т.к. для опровержения достаточно обнаружить всего один противоречащий факт, а для подтверждения — обратиться ко всей бесконечной совокупности фактов.

В настоящей статье автор анализирует различные аспекты применения критического подхода К.Р. Поппера в ключевых областях исследования – как гуманитарного, так и естественнонаучного. Положительную роль при решении поставленной задачи может сыграть обращение к методологии и логике научного поиска на практических занятиях по общественным и естественнонаучным дисциплинам. Именно владение схемами формальной логики, способность использовать эти схемы применительно к изменяющейся ситуации, позволит быть вовлеченным в инновационную деятельность общества.

При всем скептицизме или, как определял сам Поппер, критическом рационализме, его программа все же имела положительное содержание. Ведь каждая новая научная теория, новая парадигма знания заменяющая собой старую сфальсифицированную, приближает нас к истине, дает нам больше верной, а потому в практическом плане полезной информации о действительности. Объективно происходит рост истинного содержания научных теорий, возрастает степень их правдоподобия. В этом смысл рассматриваемых Поппером процессов, происходящих в сфере научного познания. Людям от всего этого представляется, что происходит прогресс

науки. На самом деле прогресс наук связан не с расширением круга знаний, а с расширением круга проблем. Чем далее развивается научная теория, тем внушительней объем вопросов, которые перед исследователем возникают. Отсюда сведение научного поиска не к теориям, не к эмпирическому исследованию, а к совокупности проблем. Крушение любой из научных теорий влечет с неизбежностью новые проблемы. Историю науки Поппер представляет в виде последовательной череды теорий, «вставленных в обойму» проблемных областей. Любую из них ждет проверка и фальсификация, приводящая к устранению выдвинутых теорий.

Зафиксируем для себя этот тезис. Мы к нему вернемся при анализе основополагающих аспектов марксистской теории.

Итак, по Попперу, прогресс состоит не в выдвижении новых теорий, а в возрастании глубины и сложности проблем. Попперовский фальсификационизм перебрасывает мост от научной аналитики к исследованию научной динамики. Все это вполне приложимо и к социальным наукам. Напр., социология марксизма в настоящий момент в значительной мере сфальсифицирована, несмотря на то, что элементы понятийно-категориального аппарата марксистской теории используются даже ее противниками (ср. упоминаемый антиковедом Ростовцевым «первобытный коммунизм»). Современные социологи и социальные мыслители в отличие от Маркса предлагают иные, более сложные критерии для разделения общества на классы. Можно утверждать, что сегодня не произошло полного отказа от марксистских идей, но очень сильно ограничена область их применения. Еще существуют марксистские школы на Западе, но не они правят бал в науке. Многие, например, считают неверными политические прогнозы немецкого мыслителя. Вместе с тем, заслугой Маркса признается осуществленный им анализ конфликта, возникающего в сфере общественного производства на основании неравномерного распределения прибылей от этого производства. Рассматривая теорию Маркса как конъюнкцию посылок, современные социологи фальсифицируют ее, находя несоответствие ее выводов с историческим опытом XX века. Здесь, другими словами, отрицается консеквент импликации (I) в предлагаемой ниже схеме рассуждения.

$$\frac{(a \wedge b) \rightarrow \bar{c}}{\overline{(a \wedge b)}} \quad \text{(I)}$$

где *a, b* и *c* – пропозициональные переменные, которые обозначают простые суждения естественного языка – посылки и вывод нашей теории, $\wedge$ – знак конъюнкции, $\rightarrow$ – знак импликации. Черта над переменной означает отрицание.

В итоге мы приходим к отрицанию всей входящей в антецедент конъюнкции, т.е. марксовой теории. Но это не означает ложности отдельных членов данной конъюнкции, т.е. отдельных положений теории Маркса.

И действительно, социально-экономическое учение Маркса внутренне противоречиво, как внутренне противоречивы социально-политические и политико-экономические доктрины, появлявшиеся как до, так и после. Провозглашая тезис отмирания государства, уменьшения его роли в руководстве экономикой при переходе от классового к бесклассовому обществу, Маркс полагал, что необходимым этапом такого перехода должно стать государство диктатуры пролетариата. В то же самое время, обращаясь к опыту революционной борьбы пролетариата в XIX веке, Маркс подверг резкой критике практику становления такой диктатуры (это было сделано при анализе причин поражения Парижской коммуны). Из данного противоречия делали прямо противоположные выводы последователи Маркса: с одной стороны “ревизионист” и “соглашатель” Э.Бернштейн, а с другой стороны – сохранивший революционное содержание марксизма В.И. Ленин. Так в самом теоретическом каркасе марксистской теории и ее эмпирической части вступал в действие принцип «Из противоречия следует все, что угодно». Именно поэтому построения марксистов вписываются в тождественно-истинную формулу:

(II) $(a \wedge \bar{a}) \rightarrow b$, Формула показывает, что из тривиального суждения, т.е. суждения, содержащего противоречие, может быть получен истинный вывод. Для рассуждения по представленной в формуле (II) схеме совершенно не важно, является ли посылка *a* ложной или истинной. Все равно формула окажется тавтологией, тождественно-истинной формулой.

В заключение раздела отметим, что критический подход К. Поппера прекрасно иллюстрируют и другие конкретные примеры из истории науки. Однако их анализ не вписывается в формат настоящей статьи.

***

Вернемся к обсуждению проблем инноваций в науке и образовании.

Даже те мыслители и естествоиспытатели, которые стояли на крайних эмпирических позициях, проявляли смелость в выдвижении гипотез, стремясь тем самым расширить горизонты научного исследования. Ведь тезис Карла Поппера состоял о том, что прогресс науки происходит благодаря выдвижению новых неординарных предположений, «сумасшедших» гипотез. Только новшества определяют прогресс общества. И чем смелее действуют ученые-инноваторы, тем быстрее новые теории завоевывают для себя место под солнцем. Принято, к примеру, говорить о преимущественно индуктивной природе методологических принципов Исаака Ньютона, а его знаменитое *Hipotesis non fingo* сделалось крылатой фразой. И тем не менее даже Ньютон выдвигал смелые предположения, каждое его обращение к эксперименту было

связано с предварительным выдвижением новой объяснительной концепции, нуждающейся в своем обосновании. Приведем только два примера. Великий философ и методолог науки первым выдвинул предположение о превращении света в материю и обратно. Выдвигая эту гипотезу, Ньютон, по сути, возрождал мифологическое воззрение на действительность, согласно которому природа едина и предпочитает превращаться, меняя ипостась. Поэтому свет и непрозрачная материя в безграничном космосе представляет собой нерасторжимое целое. Догадка британского физика была экспериментально подтверждена только в 30-е гг. XX века, когда было обнаружено явление фотоэффекта. В ходе экспериментов 1933–1934 гг. был описан факт превращения электрона и позитрона в гамма-квант (фотон). В той же серии экспериментов было подтверждено и обратное явление – рождение электронно-позитронной пары при взаимодействии фотона с заряженными частицами. Другой пример использования Ньютоном метода гипостазирования связан с предположением о влиянии материальных тел на распространение света. Эффект был предсказан Общей теорией относительности (ОТО). А эмпирическое подтверждение его появилось лишь в 1911 году, когда во время солнечного затмения выяснилось, что лучи звезд искривляются в поле тяготения нашего светила. Именно смелость в выдвижении гипотез (см. слова Поппера) позволила Ньютону надолго опередить время и выдвинуть предположения, нашедшие подтверждение более чем через 100–150 лет! С перечисленными фактами научно-познавательной деятельности важно будет ознакомить студентов вузов и сузов, поскольку они дают представление о возможностях гипотетико-дедуктивного метода в различных областях науки.

***

В заключение отметим, что логика приходит на помощь рационально-научному обоснованию и служит надежной опорой прогресса в области естествознания, техники, в сфере социального постижения. Этим формальная логика и будет полезна для учащихся разных специальностей в высшей школе.

Список литретарутры:

1. Поппер К.Р. Логика научного исследования [Текст] / Карл Поппер ; [пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского]. Москва: АСТ: Астрель, 2010.

2. Никифоров А. Л. Философия науки: история и методология. М., 1998.

3. Прядко И.П. Логика и история науки XX в. о соотношении эмпирического и теоретического в научном исследовании // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке материалы X Общероссийской научной конференции. редколлегия : В. И. Кобзарь и др. Санкт-Петербург, 2008. С. 230-232.

4. Прядко И.П. Неклассическая логика и педагогическая практика (из опыта преподавания гуманитарных дисциплин в строительном вузе) // Казанская наука. 2014. № 8. С. 83-85.

5. Прядко И.П. Логика в аспекте эпистемологии: П.А.Флоренский решает задачу Л. Кэрролла // Социогуманитарные проблемы строительного комплекса труды 6-ой Международной и 8-ой Всероссийской научно-практической конференции. М.: МГСУ, 2010. С. 105-107.

6. Бирюков Б.В., Прядко И.П. Применение логики в градостроительстве: трудный путь обретения // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2014. № 2. С. 76-87.

7. Петруня О.Э. Тупики софистики и пространства философии: новый этап борьбы за логос // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2007. № 3. С. 44-64.

8. Власенко Л.В., Голомазова Т.Н., Иванова З.И., Прядко И.П. Социология менеджмента. Конспект лекций. М.: МГСУ, 2013.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ОЦЕНКАХ МОЛОДЕЖИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Н.С. Скок –
к.социол.н., доцент,
доцент кафедры социологии управления
Донецкого государственного университета
управления

Сегодня высшее образование пребывает в центре трансформационных процессов. За последние годы произошли изменения, касающиеся методов, организационных форм и целей образовательной деятельности в высшей школе. Среди главных функций высшего образования актуализировалась адаптивная функция – высшая школа должна подготовить студентов к вызовам информационного общества [1] и профессионального становления после окончания учебы. Успешная интеграция молодежи в социально-профессиональную сферу обусловливает актуальность темы нашего исследования.

В социологической литературе исследования профессионального самоопределения осуществлялись во взаимосвязи с социальной группой, первичным профессиональным самоопределением, профессиональной деятельностью в условиях изменения потребностей рыночной экономики, мотивами поступления в вуз, проблемами мотивации молодежи в контексте высшего образования. Целью нашей статьи является исследование профессионального самоопределения на этапе формирования профессиональных намерений, а также высшего образования в оценках молодежи. Эмпирическим материалом послужили результаты исследований, проводимых научно-исследовательской лабораторией кафедры социологии управления Донецкого государственного университета управления (ДонГУУ) (Украина) при участии автора [2], [3].

В современных исследованиях профессиональное самоопределение рассматривается с разных точек зрения, обусловленных различными подходами к исследуемой проблеме. Под профессиональным самоопределением мы будем понимать процесс определения индивидом своего места в социально-профессиональной структуре общества, в отдельных социальных группах, в ходе которого социальный субъект реализует личностный алгоритм интеграции, формируя собственный стиль жизни, в том числе в профессиональной деятельности, на основе самопознания, соотношение своих возможностей требованиям будущей профессии [4; 426].

Одной из важнейших предпосылок подготовки молодежи к жизни является получение образования. По результатам исследования молодежи г. Донецкая [2], респонденты отмечали, что они выбрали специальность, по

которой получили образование, исходя из ее перспективности (44,2%), потому, что им специальность нравится (42,6%), почти каждый пятый опрошенный (19,0%) выбирал ту или иную специальность исходя из экономических соображений (возможность поступить на бюджетное место). Как видим, почти каждый второй респондент выбирает специальность, веря в ее перспективность, но такой, по нашему мнению, она кажется благодаря общественному мнению, а не является следствием продуманного выбора, согласованного с потребностями рынка труда.

Уверенность молодежи в будущем, дальнейшее профессиональное становление зависит от решения проблемы получения рабочего места после окончания обучения. По результатам исследования можно увидеть, что почти половина всех опрошенных молодых людей считают перспективы трудоустройства для молодых специалистов по получаемой (полученной) специальности благоприятными (41,6%). Однако, половина опрошенных считает, что им придется после получения одной специальности осваивать еще одну (50,4%). Такая ситуация может свидетельствовать как о положительных, так и отрицательных тенденциях. В качестве положительной можно отметить стремление молодежи повышать свой образовательный уровень. Среди негативных можно отметить следующие: 1) отсутствие социальной интуиции у молодежи при выборе специальности для обучения; 2) потеря выбранной специальностью в процессе обучения привлекательности; 3) существующую несогласованность между учебными заведениями и рынком труда. Данные результаты показывают необходимость работы с молодежью на этапе формирования профессиональных намерений, а также внедрения программ по адаптации выпускников на рынке труда.

Подтверждают вышеизложенные результаты и данные исследований студентов-первокурсников ДонГУУ [3]. По результатам исследования можно отметить, что современная молодежь осуществляет выбор будущей профессии, специальности для обучения достаточно стихийно. Поскольку специальность для поступления выбирается меньше, чем за полгода (21,9%), от шести месяцев до года (20,7%), при подаче документов (17,0%). Относительно выбора вуза студенты-первокурсники демонстрируют осознанную мотивацию. Прежде всего, для них имеют значение основные характеристики учебного заведения: его государственный статус (59,5%), уровень аккредитации (57,9%), наличие специальности, которую они мечтали получить (44,4%). Также их интересуют реальная возможность поступления на бюджетную форму обучения (38,9%), популярность вуза, его репутация (30,9%). Таким образом, у студентов присутствуют две формы мотивации – внешняя и внутренняя. Внутренняя мотивация показывает наличие определенного убеждения, позиции, в частности желанная специальность. Внешняя мотивация показывает, что поступление в вуз рассматривается как «средство достижения цели, например, заработать деньги, получить признание, занять высокую должность» [5]. В нашем

случае, это мотивация, связанная с имиджем учебного заведения, уровнем его образовательных услуг (государственный статус, уровень его аккредитации, реальная возможность вступления в бюджет, приемлемая плата за обучение).

Важным фактором при анализе проблем профессионального становления будущих специалистов является показатель формирования профессиональной направленности, в том числе выбор сферы будущей деятельности. Как показывают результаты исследования, первокурсники не имеют однозначного ответа на вопрос о своих планах после окончания университета. Однако, большая часть опрошенных собирается работать по специальности, в частности, треть опрошенных планирует работать по специальности в государственных структурах (31,3%), меньший процент будет пытаться открыть собственное дело (27,6%), почти четверть респондентов ответили, что надеется работать по специальности в частных структурах (22,6%). Также благоприятными представляются студентам-первокурсникам и перспективы получения первого рабочего места (67,3%).

По результатам исследования также можно сделать вывод, что выбор специальности с мотивацией «дальнейшего карьерного роста», потому, что «нравится», «специальность, о которой мечтал» – это скорее не обоснованный выбор, а желание видеть себя в будущем в привлекательных социальных статусах, предлагаемых обществом, несмотря на личностные предпочтения и возможности. Причиной такого положения могут быть отсутствие информации у индивида о содержании труда или оплату, а также ее недостоверность, социальные стереотипы восприятия и др.

В целом, по результатам исследований, следует отметить, что оценка профессионального самоопределения и перспектив образования у молодежи дифференцированные по возрасту, претерпевает некоторые изменения на протяжении всего обучения и имеет свою динамику. Студенты, которые только поступили в вузы, в отличие от тех, которые уже обучаются, имеют большее желание учиться, становиться профессионалами, быть социально активными в общественной жизни.

Выбор будущей профессии и места обучения, осуществляется в зависимости как от объективных, так и субъективных факторов и мотивов. Мотивация при выборе вуза имеет практическую направленность, связанную с финансовыми возможностями, поскольку выбирают вуз, специальность, прежде всего, с возможностью обучения на бюджетной форме, или более низкой, по сравнению с другими учебными заведениями, ценой. Студенты четко определяют параметры и характеристики вузов, главными из которых становятся государственный статус учебного заведения и высокий уровень его аккредитации (рассматривается как надежный, стабильный). Мотивация при выборе специальности достаточно часто имеет стихийный характер или формируется под влиянием социальных стереотипов.

На протяжении обучения у части студентов возникает разочарование в профессиональном выборе, несоответствие представлений и реальности. Чаще такие проблемы возникают у тех студентов, которые осуществляли выбор специальности для обучения ситуативно, поэтому в дальнейшем одни, вероятно, не могут справиться с учебной нагрузкой, другие разочаровываются в специальности, третьи – в выбора вуза. Вышеуказанные ситуация приводит к тому, что выпускники после окончания учебы или должны дополнительно адаптироваться и осваивать профессиональные навыки, или долго ищут работу по специальности, пополняя ряды безработных, или оказываются перед необходимостью выбирать новую сферу профессиональной деятельности и снова начинать обучение.

Учитывая характер вышеизложенного, считаем необходимым обратить внимание на стихийный характер профессионального самоопределения значительной части молодежи. Работа с этим фактором впоследствии поможет снять возникающую остроту разочарований профессии у индивидов. Этапы формирования профессиональных намерений и профессиональное обучение фактически должны осуществляться одновременно в рамках учебных заведений в виде постоянного подкрепления процесса обучения студентов деятельностью относительно толкования содержания будущей профессии. Поскольку именно такая работа в вузах поможет выйти из ситуации накопления отрицательного профессионального потенциала в обществе и снизить экономически неоправданные затраты.

Список литературы:

1. Садрицькая С.В. Мотивация вступления в ВУЗ украинских студентов: тенденции последних лет [Электронный ресурс] / С.В. Садрицькая // Socioпростір. – 2010. – № 1. – С. 56-60. – Режим доступа: http://www.sociology.kharkov.ua/socioprostir/files/magazine/1_2010/2_3_2.pdf.

2. Ставлення до молодіжної політики і вивчення потреб, інтересів молоді м. Донецька : звіт за результатами соціологічного дослідження / В.В. Бурега, Н.С. Скок, М.О. Передерій. – Донецьк : ДонДУУ, 2013. – 31 с.

3. Соціально-психологічний портрет студентів-першокурсників та їх мотиви вступу у ДонДУУ : звіт за результатами соціологічного дослідження / В.В. Бурега, Н.С. Скок, М.О. Передерій. – Донецьк : ДонДУУ, 2013.

4. Скок Н.С. Професійне самовизначення українських студентів: соціологічний аспект // Сучасні суспільні проблеми у вимірі соціології управління : зб. наук. пр. Т. XIII. Вип. 217. Сер. «Соціологія». – Донецьк : ДонДУУ, 2012. – С. 423-431.

5. Ребрин Ю.И. Управление качеством : учебное пособие [Электронный ресурс] / Ю.И. Ребрин. – Таганрог : Изд-во ТРТУ, 2004. – Режим доступа: http://www.aup.ru/books/m93/4_3.htm

ГЕРОНТООБРАЗОВАНИЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Г.Г. Сорокин –
к.социол.н., доцент,
доцент кафедры бизнес-информатики и
математики Тюменского государственного
нефтегазового университета

Интерес научного сообщества к проблемам образования пожилых людей значительно возрос в последние десятилетия. Во многом это обстоятельство связано с тенденциями увеличения доли пожилого населения в возрастной структуре общества и повышения демографической нагрузки на трудящихся граждан. Решение данных злободневных проблем связано с поиском путей реинтеграции геронтов в производственно-экономическую сферу, что невозможно без реализации специальных образовательных мероприятий. Сегодня по всему миру специализированными обучающими программами охвачены миллионы мужчин и женщин старше 60 лет. Геронтообразование всё чаще рассматривается социологами и экономистами в качестве перспективного инструмента социальной и экономической политики государства.

Термин “геронтообразование” в настоящее время широко используется в научной литературе, но в социологии пока отсутствует его чёткое определение. Авторы практически всегда используют данную дефиницию как синоним словосочетания “образование пожилых людей”, при этом нередко игнорируя многозначность самого понятия “образование”. Из контекста опубликованных работ, посвящённых проблемам образования старшего поколения, можно выделить несколько значений термина “геронтообразование”:

1. Образовательная деятельность пожилых людей, процесс обучения в пожилом возрасте [4; 78].
2. Направление педагогической практики, ориентированное на представителей старшего поколения [5, 118-124].
3. Дополнительные образовательные услуги для пожилых [1,131-134].
4. Многокомпонентная составляющая геронтополитики, ориентированная на расширение возможностей пожилых граждан, их развитие, реализацию потенциала. Геронтообразование в данной трактовке включает в себя образовательные программы для пожилых людей, образовательную работу с ближайшим окружением пожилых, научно-исследовательскую работу в области геронтологии, подготовку геронтологических кадров, социальное волонтёрство людей пожилого возраста [6, с. 289-295].
5. Социальный институт, ориентированный на удовлетворение потребности общества в образовании его старших членов [7, с. 88-96].

Недостатками большинства предложенных интерпретаций термина “геронтообразование” и соответствующих подходов к исследованию образования старшего поколения является их абстрагирование от самой сущности феномена и фиксация лишь его проявлений и последствий. Так в первом определении геронтообразование представляется одним из видов активности пожилых людей, во втором – отраслью педагогики, в третьем – формой дополнительного образования, в четвёртом – направлением социальной защиты населения. В пятой интерпретации геронтобразование рассматривается как результат реакции общества на конкретную социальную потребность. Несмотря на то что в образовании старшего поколения действительно можно обнаружить некоторые характерные черты социального института, необходимо признать, что пока в социуме (в том числе и среди основной части самих пожилых людей) до конца не осознана важность повышения образовательного уровня геронтов. В связи с этим попытка объяснения природы геронтообразования как результата реакции общества на неудовлетворённую социальную потребность представляется сомнительной или, по крайней мере, преждевременной. Этот подход также не раскрывает подлинной сущности феномена геронтообразования. Образование пожилых людей существовало и продолжает существовать даже в условиях отсутствия его легитимации широкими слоями населения.

Главным недостатком всех рассмотренных толкований, на наш взгляд, является игнорирование культурной составляющей образовательной активности в пожилом возрасте. Без учёта культурных факторов не может быть в полной мере осознана ни сущность геронтообразования, ни его роль в современном обществе. Важным доводом в пользу необходимости учёта культурной составляющей образования пожилых при его исследовании, является то обстоятельство, что возникновение геронтообразования стало возможным только после формирования в обществе определённого культурного фундамента – совокупности предрасполагающих культурных новообразований и трансформаций. Некоторые из них были обусловлены социальными изменениями, другие ростом образовательного и культурного уровня общества в целом. Мы обратим внимание лишь на отдельные культурные предпосылки возникновения и развития геронтообразования.

1) Утверждение в социуме идей гуманизма, всеобщего просвещения и непрерывного образования. Данные идеи, высказанные впервые мыслителями средневековья, в середине прошлого века получили в западном обществе большое распространение и послужили культурной почвой для возникновения и развития практик обучения пожилых граждан.

2) Возрастание роли префегуративной культуры в обществе. Воплощение гуманистических идей о необходимости образования

в пожилом возрасте в конкретные образовательные практики во многом стало возможным благодаря глубоким изменениям в культуре общества, связанным с трансформацией доминирующих в социуме механизмов создания и распространения духовных ценностей, а также переоценкой места и роли различных поколений в этих процессах. В основе данных культурных трансформаций лежали:

- отказ от признания старшего поколения главным носителем релевантной информации;
- выдвижение молодых поколений на роль флагмана создания и трансляции нового, актуального знания;
- осознание необходимости обучения пожилых граждан у представителей более молодых поколений.

Таким образом, можно утверждать, что геронтообразование является порождением префигуративной культуры и наиболее ярким проявлением её квинтэссенции.

3) Культурные тенденции постмодерна. Определенное влияние на возникновение и развитие практик геронтообразования оказала культура постсовременности. В частности, одной из культурных детерминант стало изменение отношения к рациональности. В обществе модерна с его рациональностью и логоцентризмом практическая реализация идей образования старшего поколения была бы вряд ли возможна. Даже в наши дни целесообразность повышения внимания к проблемам обучения старшего поколения – это предмет непрекращающихся споров. Зачем тратить ресурсы на обучение стариков, когда многие молодые люди не имеют возможности получить необходимое образование? С точки зрения формальной логики, образование старшего поколения нерационально. По мере перехода к обществу постмодерна, эмоциональные и эстетические ориентации в социуме приобретают большее значение, чем рациональные [2; 5]. Изменение в общественном сознании отношения к рациональности как последней инстанции, способствовало формированию культурного фундамента образования старшего поколения. Первые образовательные проекты для пожилых людей в Европе и США были платными. Данный факт содержит в себе ещё одно яркое проявление постмодернизма – превращение знания и образования в товар, за который нужно платить. В этих условиях пожилые люди оказались аудиторией, определяющей спрос на платные образовательные услуги, для удовлетворения которого появились специализированные проекты и учреждения. Ж. Бодрийяр рассматривал постмодерн как “конец социального”, то есть исчезновение всеобщей среды опосредования человеческой деятельности, в рамках которой, происходит взаимодействие людей, в том числе и передача знаний как в пространстве, так

и во времени (между поколениями) [3]. Геронтообразование, представляет собой некое искусственное подобие этой исчезающей среды, внутри которой устанавливается культурный и информационный обмен между представителями разных поколений. В обществе модерна необходимости в таком искусственном формировании просто не было, поскольку взаимодействие между поколениями осуществлялось естественным образом в рамках различных элементов социальной структуры.

Рассмотренные культурные факторы в той или иной мере оказывает влияние на развитие геронтообразования и в наши дни. Наличие в образовании старшего поколения социальных и культурных составляющих обуславливает целесообразность рассмотрения геронтообразования как социокультурного феномена и изучения его в данном контексте. В связи с этим, мы предлагаем следующую интерпретацию категории “геронтообразование”. **Геронтообразование** – это социокультурный феномен, в основе которого лежит значимое и осязаемое взаимодействие субъектов специализированных образовательных проектов для пожилых граждан, возникающее в ходе образовательного процесса. Как можно заметить, при определении геронтообразования как социокультурного феномена, мы придерживаемся социологической традиции, заложенной П.А. Сорокиым. В соответствии с ней, любой социокультурный феномен – это особого рода социальное взаимодействие.

Итак, в связи с обусловленностью функционирования и развития образования старшего поколения не только социальными, но и культурными факторами, представляется целесообразным рассматривать и исследовать геронтообразование как социокультурный феномен, в основе которого лежит взаимодействие педагогов и учащихся. Социокультурная интерпретация феномена геронтообразования, безусловно, не является свободной от недостатков и имеет, возможно, ограниченный диапазон применения. Тем не менее, мы считаем, что социокультурный подход к исследованию геронтообразования позволяет в значительной мере приблизиться к раскрытию его сущности, выйти за рамки сугубо утилитарных критериев оценки социальной роли образования старших членов общества.

Список литературы:

6. Архипова, О.В. Реализация геронтообразования в стационарных учреждениях социального обслуживания / О.В. Архипова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2010 .– № 2. – С. 131-134.

7. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального /Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Н. В. Суслова. – Екатеринбург, 2000. – 96 с.

8. Волков, В. Н. Постмодерн и его основные характеристики / В.Н. Волков// Культурное наследие России. – 2014. – № 2 (5). С. 3-8.

9. Галанина, А.С. «Университет третьего возраста» как средство самореализации лиц пожилого возраста / А.С. Галанина // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. – 2012. – № 2. – С.78-84.

10. Ермак, Н.А. Способы поддерживающего воздействия на пожилых обучаемых в личностной педагогической поддержке / Н.А. Ермак // Культура. Наука. Интеграция. – 2008. – № 1. – С. 118-124.

11. Сидорчук, Т.А. Образовательные программы для пожилых людей / Т.А. Сидорчук // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. – 2013. – № 3. С. 289-295.

12. Шапошникова, Д.Т. Формы наднационального образования в России / Д.Т. Шапошникова // Новое в психолого-педагогических исследованиях. – 2010. – № 2. – С. 88-96.

ОБРАЗ БУДУЩЕГО ОБЩЕСТВА В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГОВ XIX-XX ВЕКОВ

О.Л. Сотков –
аспирант кафедры социологии
Тюменского государственного
нефтегазового университета

В настоящее время заинтересованность «будущем» в науке и в повседневной жизни занимает одно из важных мест, потому что несет в себе неизвестность и, конечно же этим интригует, так как предвидеть будущее, является важным фактором для построения каких-либо дальнесрочных планов в любой науке, и не только в науке, но и в политике, в обществе и т.п. В процессе прогнозирования своих планов и ученые и политики основываясь на существующих тенденциях и факторов в мире, строят некую модель будущего, или образ будущего. Но что же именно скрывается за термином «Образ будущего»? Для раскрытия данного термина можно обратиться к словарю российского языка под редакцией С.И. Ожегова.

Слово «Образ» имеет множество значений, но наиболее подходящее будет философское значение этого слова. Образ – результат и идеальная форма отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека.

Значение слова «будущее» – время и события, следующие за настоящим.

Следовательно, сложив оба этих слова и их значения, можем предположить что термин «Образ будущего» имеет следующее значение. Образ будущего – идеальная форма материального мира, который будет существовать в будущем времени, представляемая в сознании человека. Далее в статье будет использоваться именно такое значение термина «Образ будущего», только в более узком ключе, то есть вместо материального мира будет рассматриваться общество.

В данной статье автор рассмотрит Образ будущего общества, каким его видели российские социологи XIX-XX веков.

В XIX-XX веках социология как наука, была в процессе зарождения, и поэтому большинство ученых рассматривали функцию и деятельность социологии по-разному, и соответственно взгляды на функционирование и строение общества у них тоже отличались друг от друга, что соответственно привело к образованию различных социологических школ и направлений в России. И так как в основном деятельность ученых была направлена на составления своих моделей строения и взаимодействия общества, то их «Образ будущего» раскрывался в основном в представлении идеальной разработанной ими модели общества.

Миненков Г.Я. в книге «Введение в историю российской социологии» выявил несколько ведущих направлений социологической мысли в России.

В данной статье автор рассмотрит образ будущего представителей направлений и школ социологии в России, представленных Г.Я. Миненковым.

Направление этико-психологической социологии (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский).

Первое течение, так или иначе касающееся социологии в России, было так называемое «народничество». Данное течение включало большой комплекс различных ориентаций (философский, социологических, политических и т.п.), главное их направление это было вера и поддержка русского народа. Образ будущего общества данного течения предусматривал такой идеальный образ мира, где России в будущем миновала стадию капитализма, и русский народ решил мировой социальный вопрос посредством утверждения социализма.

Так же к этико-психологическому направления в социологии относились работы П.Л. Лаврова.

В его работах важное место занимали такие понятия как Социальная эволюция и теория прогресса (данные термины использовали почти все социологи в России, но при этом взгляды на них у каждого были свои). П.Л. Лавров видел такой образ будущего, где в процессе эволюции и прогресса в обществе гармонично бы сочетались две важных тенденции общественная солидарность и личностный индивидуализм.

Н.К. Михайловский имел немного иной Образ будущего общества, чем П.Л. Лавров. По его мнению, главное в процессе прогресса и эволюции общества был большой акцент на личностную индивидуальность. Его Образ будущего основывался на отвержении современной цивилизации, и будущее общество должно было бы основываться на сочетании характерной для первобытности разнородности индивидов с высокой степенью развития [2; 72].

Ранняя версия Натуралистической социологии в России (А.И. Стронин, П.Ф. Лиленфельд, Л.И. Мечников).

Образ будущего идеального общества по А.И. Стронину выразил в своей «теории общественных болезней» – различных переворотов и революций, так как они вели за собой не прогресс, а регресс. Идеальное общество должно было бы существовать без них. То есть эволюция общества должна проходить через процесс постепенных реформ. По его мнению, Образ будущего общества, через эволюцию за счет образования, просвещения и соответственно роста среднего класса и интеллигенции.

П.Ф. Лиленфельд видел Образ будущего идеального общества в прогрессе трех сфер: Политический прогресс – усиление власти и расширение политической свободы, экономический прогресс – увеличение собственности и расширении экономической свободы, юридический прогресс – упорядочивание права и развитие юридической свободы [2;89]. Итак, если обобщить главным критерием Образа будущего общества у него была – всеобщая свобода.

Л.И. Мечников так же при построении своего Образа будущего общества видел в процессе эволюции. Как и П.Л. Лавров он видел идеальное общество, в котором расцветает социальная солидарность и кооперация. Благодаря которым общество должно придти в процессе прогресса к высшему периоду общества, в котором расцветает свободные объединения, когда люди соединяются в силу общности интересов и сознательного стремления к солидарности [2;94].

Направление синтеза натурализма и психологизма в социологии (М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин).

Ученых в данном направлении объединяла общая идея, это Анархизм. Ядром данного течения было отрицание государства, то есть с небольшим отличием у всех представителей данного направления Образ будущего общества сводился к одному – к отрицанию государства.

М.А. Бакунин видел Образ будущего общества в бунте общества против устоявшихся порядков, так как он открыл бы новые русла для социального прогресса. Анархия, по его мнению – заключительный этап общественной эволюции.

П.А. Кропоткин считал, что достижение анархии и соответственно достижения Образа будущего общества состоит в естественной и социальной эволюции по пути взаимопомощи, справедливости и нравственности, и государство для этого являлось главным препятствием. Уничтожение государства он видел в социальной революции, которая отличалась от бунта М.А. Бакунина, так как к ней вело не отчаянье как к бунту, а надежда на улучшения.

Направление объективной социологии (Е.В. де Роберти).

Как и многие другие Е.В. де Роберти видел Образ будущего общества через социальный прогресс и эволюцию. Социальный прогресс и эволюцию общества он видел через понятия того, что в будущем общество должно основываться на трех постулатах: 1) В будущем должен быть высокий уровень развития и усовершенствования техники, что в свою очередь повлечет улучшение «средних» условий существования. 2) Прогресс состоит в том, чтобы общество направило свои действия на нравственное усовершенствование личности, общественных групп, что приведет к уважению общества свободы личности.

Направление систематизации этико-психологической социологии (Н.И. Карнеев).

Н.И. Карнеев как и большинство социологов того времени, тоже был эволюционистом. Последним этапом социальной эволюции и соответственно достижения Образа будущего общества в восхвалении социальных идеалов и определения пути их осуществления, каждая личность имеет возможность развиваться, то есть достижения наибольшей меры свободы доступной для каждого человека.

Направления систематизации объективной социологии (М.М. Ковалевский).

М.М. Ковалевский так же видел развитие общества с помощью социальной эволюции и прогресса. Главными подсистемами, которые требовалось развивать для достижения Образа будущего общества, по его мнению, были – экономическая, политико-правовая, духовно-нравственная подсистемы. М.М. Ковалевский имел такой Образ будущего общества как общества «всемирного хозяйства», которая станет основой для всемирной солидарности. По его мнению, так же в будущем должно иметь место ограничение полновластия государства и утверждение свободы и суверенности личности, гражданского общества.

Направление неоконтианской социологии (Б.А. Кистяковский, Л.И. Петражицкий).

Б.А. Кистяковский Образ будущего общества видел в снижении влияния так называемой стихией общественной жизни. Он считал, что в будущем обществе долженствование должно победить слепую стихию общественной жизни посредством этики и права при активном творчестве человека.

По мнению Л.И. Петражицкого для достижения и нормального функционирования Образа будущего общества необходимо согласие двух видов права: интуитивного и позитивного права в направлении унификации общества.

Направление христианской социологии.

Хотя термин христианская социология не является общепринятым и вызывает до сих пор споры, пройти мимо данного направления нельзя.

По мнению представителей данного направления для достижения Образа будущего общества во внутреннем изменении человека как средства для совершенствования социального мира, достижения гармонии личной свободы и общественной солидарности на фундаменте воссоединения личности с Богом.

Религия в будущем обществе рассматривается как важная основа гуманистических ориентированных социальных изменений. То есть положительные начала общественной жизни будут укорены в религии.

Из всего вышеописанного следует, что большинство социологов XI-XX веков не подходили с точки зрения прогнозирования для создания Образа будущего общества. Так как было описано их видения Образа будущего, общества строилось построенной ими идеальной модели общества. Но так же не стоит забывать тот факт, что хоть их модели и различались друг от друга, очень много было схожих идей и моментов среди видения их Образа будущего общества.

Список литературы:

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка – Москва.: Мир и образование, 2008.

2. Миненков Г.Я. Введение в историю российской социологии – Мн.: ЗАО «Экономпресс», 2000.

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ МОЛОДОЙ СЕМЬИ В ГЕНДЕРНОЙ ПРОЕКЦИИ

Е.И. Стебунова –
к.философ.н., доцент кафедры
гуманитарных наук
Тюменского государственного
нефтегазового университета

Современное российское общество можно смело охарактеризовать как стабильно развивающееся, экономически стабильное и, главное, переживающее период различных реформ – от экономико-политических, масштабных, до образовательно-воспитательных, семейных. При этом в государстве четко были определены приоритеты развития, среди которых выделяются повышение рождаемости, здравоохранение и образование. В связи с этим вопрос социального воспроизводства приобрел особую значимость, поскольку сегодняшние дети (рожденные или не рожденные) – это основа, база всего будущего развития и благосостояния государства и общества. Попытки государственной экономической поддержки материнства, безусловно, имеют важнейшее значение в решении демографического вопроса. Однако при этом нельзя забывать о глубинных, коренных причинах проблемы и прежде всего о проблеме гендерного неравенства женщин и мужчин в российском обществе.

Гендерное неравенство, то есть дискриминация в обществе по признаку пола, в нашей стране процветало веками, со времен Домостроя, которым было официально закреплено второстепенное положение женщины. Существенные изменения в этом вопросе произошли в советский период, которые привели к тому, что положение советской женщины в корне отличалось от положения предыдущих эпох. Главное достижение советского времени в решении «женского вопроса» заключалось в том, что женщины приобрели равные с мужчинами права и возможности, в первую очередь право на образование и общественную работу. Результатом такого «равноправия» явилось то, что женщин с высшим и средним специальным образованием в нашей стране больше, чем мужчин, с одной стороны, а с другой стороны российские женщины в большинстве своем превратились в тружениц, добытчиц (наравне с мужчинами или преимущественно), при этом продолжая выполнять в полной мере контракт домохозяйки, хранительницы семейного очага. Таким образом, женщины в России не только не приобрели свободы, но наоборот еще более закабалились, разрываясь, как говорится, «на два фронта».

В современном обществе остро проявляется кризис в области воспитания и социализации детей, связанный со снижением доли материнского и отцовского участия в жизнедеятельности детей. Высокая занятость женщин в общественном производстве привела к уменьшению объема времени, которое

мать может посвятить воспитанию и занятиям с детьми. Дети нередко остаются безнадзорными даже в полной, благополучной в социальном и экономическом смысле, семье. Кроме того, двойная нагрузка женщин – домашняя и на производстве – причина раздражительности, эмоциональной негативности, агрессивности и жестокости женщины, являющейся матерью, воспитывающей детей часто при самоустраненнии отца от процесса взаимодействия с подрастающим поколением. Непрестижность статуса домашней хозяйки, невозможность выжить семье без участия доходов женского производительного труда, психологическая негативная перегрузка матерей и детей, ставшим широко распространенным насилием в семьях привели к невиданному росту социального сиротства детей.

Репродуктивная функция женщины – решающая в деле воспроизводства человеческого рода. Однако материнство остается пока одним из немногих социальных институтов, которого процесс модернизации коснулся в наименьшей степени. Сегодня, как и раньше, материнство ассоциируется с выполнением большей части домашней работы и по обслуживанию других членов семьи – и детей, и взрослых. В экономических терминах это можно обозначить как существенный аспект воспроизводства рабочей силы. В современной экономике, где фактор качества рабочей силы и, соответственно, роль инвестиций в ее воспроизводство приобретают решающее значение, неизбежно встает вопрос о том, кто будет нести связанные с этим издержки. Оказывается, что, несмотря на возрастающую роль рынка и государства как институтов социального воспроизводства и его определенную реструктуризацию, семья (женщина) по-прежнему несет основное бремя этих издержек.

Все эти обозначенные проблемы в полной мере касаются молодых семей, а их негативные последствия влияют на формирование и существование полноценной крепкой благополучной семьи даже в большей степени, чем на другие. Современные молодые женщины в большей мере не соответствуют традиционному семейному «стандарту»: многие из них не торопятся выйти замуж и рожать детей, поскольку хотят реализовать себя в профессиональной, интеллектуальной, творческой деятельности. Как бы ни старалось общество и государство повлиять на подобную негативную динамику, корень проблемы лежит глубже – в социально-экономической и культурной плоскостях.

Как отмечают исследователи, во время проведения российских социально-экономических реформ сложились две идеологии относительно статуса женщин в обществе: первая – идеология равенства, всегда присутствовавшая в законодательных актах и нормативных документах; другая – патриархатная, доминирующая в реальной жизни и представляющая женщину в ограниченном качестве матери-домохозяйки-хранительницы семейного очага. [2, с. 246] Соответственно этому в нашем обществе сложилась достаточно противоречивая тенденция. С одной стороны, демократические

преобразования в обществе открывают действительно широкие возможности для самореализации женщины, что находит свое воплощение в различных инициативах. С другой стороны, реализация появляющихся для женщин возможностей ставит новые проблемы, связанные с неконкурентоспособностью их как рабочей силы на рынке труда. Объективно возможности расширяются, а субъективно трудности возрастают и для женщин, и для мужчин. [3, с.22]

Вопрос о разделении труда между полами с учетом женской репродуктивной функции, проблема соотношения семейных ценностей и ценностей работы, проблемы самореализации женщин в бизнесе, творчестве, искусстве и т.п. – вот лишь небольшой перечень актуальных для современной социологии и гендерологии направлений исследований.

Конфликт «семья – работа» является одним из главных для большинства женщин. После рождения ребенка многие не продолжают образование, не повышают квалификацию. Но именно в этот период у молодых специалистов осуществляется процесс становления их как профессионалов. Семья или профессиональный/карьерный рост – подобная проблема стоит почти перед каждой женщиной, решившейся на материнство. В большинстве случаев женщина выбирает семью и ближайшие 3-5 лет посвящает себя ребенку. Как неизбежное следствие – профессиональное/карьерное отставание от мужчин, которое остро проявляется в возрастном интервале до 35 лет и существенно определяет их дальнейшую трудовую деятельность, снижает конкурентоспособность на рынке труда.

В современной российской ситуации уже становится нередким явление добровольного отказа женщин от материнства в пользу карьерного роста: женщина решает не рожать детей до 30-35 лет и создать свой бизнес, занять прочное высокое положение на служебной лестнице, пробиться в высшие эшелоны государственной власти.

На пути решения данной проблемной ситуации, как мы полагаем, могут быть предприняты следующие шаги. Во-первых, в современном российском обществе необходимо усилить пропаганду семейных ценностей и особенно материнства, так как семья в любом обществе остается важнейшим институтом социализации нового поколения, а роль женщин (активная и пассивная) в культурном воспроизводстве социальной системы, нации, класса возрастает как никогда.

Во-вторых, вклад в создание и поддержание семьи женщин и мужчин должен оцениваться равнозначно, т.е. государству необходимо поддерживать не материнство, а родительство и детство. Это станет возможным в том случае, если роли мужчин и женщин в государстве, социуме, семье, производстве будут оцениваться как равнозначные согласно принципа их природосообразности. [3, с. 23]

В-третьих, если для государства репродуктивная функция женщины в какой-то период становится важнее производительной, то этот вид деятельности тоже следует сделать официально оплачиваемым, т.е. женщина, уходящая в декретный

отпуск и отпуск по уходу за ребенком, должна получать зарплату, а не детское пособие, особенно в тех случаях, когда речь идет о рождении второго или третьего ребенка. Безусловно, подобные меры будут экономически затратными, но зато позволят укрепить экономическую базу молодых и не только молодых семей, а соответственно снизить уровень многих социальных проблем.

Список литературы:

1. Журженко, Т.Ю. Социальное воспроизводство как проблема феминистской теории / Т.Ю. Журженко // ОНС. – 2000. -№ 4. – С. 27-40.

2. Римашевская, Н.М Гендерные аспекты социально-экономической трансформации в России // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций (По ред. М.М. Малышевой). – М.: Academia, 2001. – С. 243-258.

3. Стебунова, Е.И. Гендерный аспект философско-психологических оснований формирования человеческого капитала // Человеческий и профессиональный потенциал молодежи региона: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / под ред. В.В. Гаврилюк. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. – 366с. – С. 21-23.

МОДЕЛЬ МОНИТОРИНГА ПРОБЛЕМ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДОСТИЖЕНИЯ ВЫСОКОГО УРОВНЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Н.А. Ткачёва –
д.социол.н., профессор
Тюменского государственного
нефтегазового университета

А.Б. Фокина –
соискатель Тюменского государственного
нефтегазового университета

Известно, что молодежь, как социальная категория, обладает такими сущностными характеристиками как гибкость, способность не только воспроизводить социальную структуру общественных взаимодействий нынешних и предшествующих поколений, но и изменять ее посредством реализации потенциальных сил.

В то же время как субъект общественных преобразований современная российская молодежь, по мнению исследователей, не проявляет интереса к тому, что выходит за пределы личной жизни, не видит смысла в социальной активности. Это приводит к тому, что в сфере производства работающая молодежь демонстрирует узость социально-инновационной деятельности и деловой активности [1; 197]; [2; 36].

Тем не менее сегодня наметились тенденции к росту социальной активности молодежи, проявляющиеся в развитии молодежных объединений, реализации социальных проектов и инициатив, в различных формах самоуправления. В данном случае речь идет о предпринимаемой молодыми людьми попытке объединиться и отстаивать свои права на своеобразие, право на существование своих взглядов и способов поведения. Возросшая социально-политическая активность молодежи может рассматриваться и как ответ на отсутствие реальных социальных лифтов. Представляется, что именно социальная активность делает молодежь социальным, политическим и экономическим ресурсом модернизации России.

Социальная активность как феномен привлекает ученых многих гуманитарных, экономических и политических наук. Такой интересен вполне закономерен, поскольку в трансформирующемся обществе формируются новые потребности, особенности поведения, стереотипы, представления и идеалы молодежи. Глобальные миграционные процессы обусловили актуальность социокультурной и социально-экономической адаптации и активности молодежи [3; 49-50].

Как отмечалось выше, современный этап исследования активности молодежи характеризуется множеством подходов, широтой и дифференцированностью анализа. Взгляды отечественных и зарубежных ученых на сущность феномена активности представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Подходы к определению сущности феномена активности

Комплексный анализ обозначенных подходов позволяет сделать вывод о том, что при грамотном формировании, развитии и реализации социальной активности молодежи она способна не только адаптироваться к изменяющимся окружающим явлениям, но и совершенствовать, позитивно преобразовывать социальную реальность в соответствии с современными условиями, тем самым запуская и реализуя механизмы своей профессиональной активности.

Особенности формирования профессиональной активности молодого поколения нашли отражение в модели (см. рис. 2).

Модель разработана на основе концепции единичного действия Т. Парсонса, при этом основные контуры схемы были предложены Дж. Тернером.

Рис. 2. Модель формирования и реализации
профессиональной активности молодежи

Согласно модели, первый элемент «запуска» профессиональной активности – это сами молодые люди, обладающие определенными взглядами, ценностями, потребностями и способностями. Следовательно, действие побуждается потребностью молодых людей, т.е. внутренним импульсом активности, его энергетическим источником.

Второй важнейший структурный элемент – это цель, представляющая собой ожидаемый результат профессиональной активности, в которой потребности должны найти удовлетворение, способности – применение, а ценностные противоречия и несоответствия сняты.

Третий и четвертый элементы «запуска» профессиональной активности отражают условия социальной реальности, в которых молодые люди стремятся к достижению цели: неконтролируемые (неподвластные молодому человеку) и контролируемые.

Неконтролируемые условия – это внешние, не зависимые от молодого человека обстоятельства (в текущий момент социальной реальности):

- природные, материально-технические, вещественные и другие (в том числе генетические особенности, интеллектуальные способности молодых

людей, финансово-материальные возможности, природно-климатические условия). Следует подчеркнуть, что условия изначально предлагают, а точнее, имманентно содержат в себе определенный более или менее ограниченный набор различных вариантов, средств, способов достижения цели;

- принятые в данном обществе правила, нормы и другие культурные традиции, диктующие, как, каким образом следует удовлетворять эту потребность в данных условиях, т.е., что следует считать целью и какие средства следует выбрать для ее достижения.

Контролируемые элементы представляют собой отобранные самими молодыми людьми средства, методы, тактика действий для достижения цели. Данные элементы непосредственно обусловлены желаниями, пристрастиями, жизненными притязаниями молодежи и отражают потребности и способности индивида.

Таким образом, внешние условия представляют собой предпосылку, возможности и угрозы формированию профессиональной активности молодых людей, а образцы, культурные символы, традиции и нормы – некий «банк идей» о целях и способах, направлениях реализации профессиональной активности.

В современном образовании обозначенная модель должна учитываться при формировании профессионального выбора и профессиональной активности молодежи. Именно в условиях образовательного пространства высшего учебного заведения, которое призвано, с одной стороны, отличаться мобильностью, способностью приспосабливаться к мировым тенденциям, а, с другой, адаптироваться к социально-экономическим потребностям региона, обеспечивается развитие профессионального потенциала молодых.

В контексте сказанного актуально проводить мониторинг проблем и возможностей достижения высокого уровня профессиональной активности молодежи. Мониторинг может охватывать как внешние, так и внутренние условия формирования и реализации активности молодежи, отраженные в модели 2 (см. рис.3).

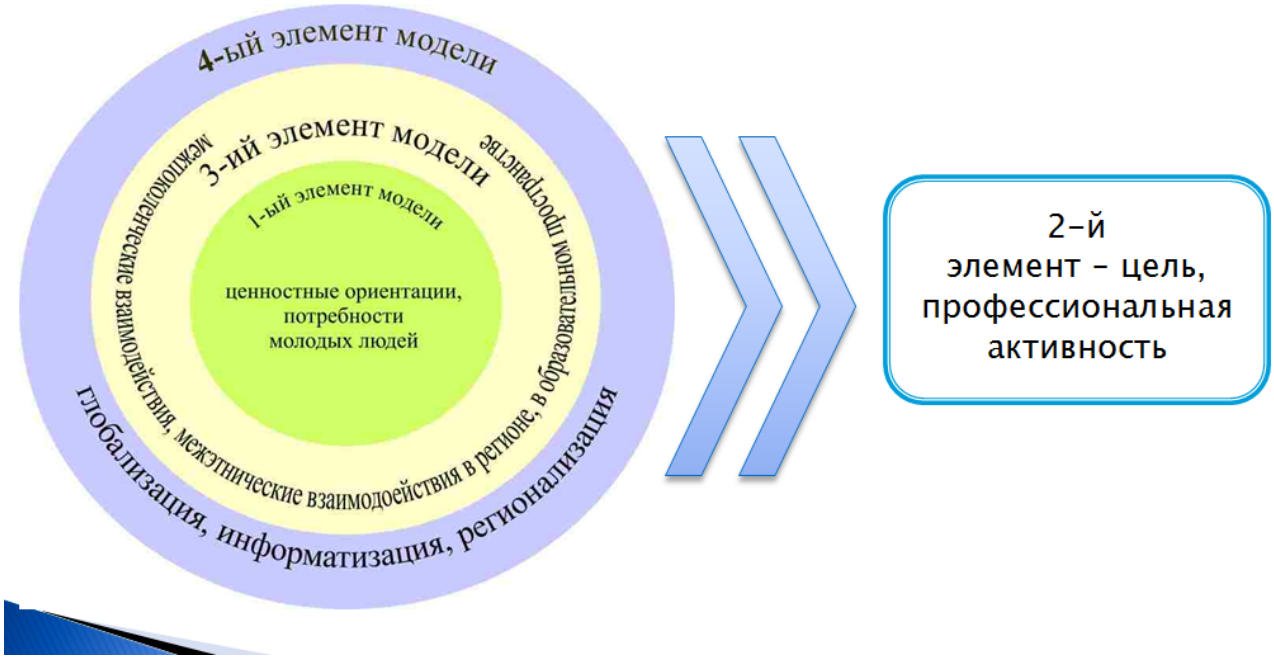

Рис. 3. Модель мониторинга проблем и направлений достижения профессиональной активности студенческой молодежи

Предлагаемая авторами модель мониторинга проблем и направлений достижения профессиональной активности студенческой молодежи представляет научно-практическую значимость, отражает реалии современной мировой и региональной социальной действительности, актуальна для использования в развитии современного российского образовательного пространства в направлении повышения качества формирования профессионального потенциала, а вместе с ним и профессиональной активности молодежи.

Следует признать, что для появления способности к самостоятельной инициации социальной и профессиональной активности необходимо создание оптимальных условий. Очевидно, что такая работа должна осуществляться, начиная с первичных институтов социализации, каковыми выступают семья и школа, и целенаправленно продолжаться в вузе, а также в процессе трудовой деятельности молодых специалистов.

Список литературы:

1. Соколова Е.С. Социальная активность современной российской молодежи // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – №1. – С.197-202.
2. Кротов Д.В. Социальный капитал российской молодежи: монография. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2009. – 167 с.
3. Ткачева Н.А. Миграционные процессы в условиях глобализации // Глобализация: настоящее и будущее России. – М.: Изд-во РГСУ, 2007. – Т.2. – С. 49-50.
4. Аристотель. Сочинения в четырёх томах. Т.1. / Ред. В. Ф. Асмус. – М.: «Мысль», 1976. – 830 с.
5. Спиноза Б. Избранные произведения: в 2-х томах. Т. 1. – М.: «Госполитиздат», 1957.
6. Лейбниц Г.В. Рассуждения о метафизике // Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х т. – М.: «Мысль», 1982. – Т.1. – С.125-163.
7. Кант И. Критика чистого разума / Иммануил Кант; [пер. с нем. Н. Лосского; свер. и отред. Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; прим. Ц.Г. Арзаканяна]. – М.: «Эксмо», 2008. – 736 с.
8. Кондильяк Э.Б. Опыт о происхождении человеческих знаний // Кондильяк Э.Б. Сочинения. – М.: «Мысль», 1980. – Т. 1. – С. 65-302.
9. Thorndike E.L. Human nature and social order. – N.Y., 1940. P.47-49.
10. Skinner B. F. Recent Issues in the Analysis of Behavior Columbus, OH: Merrill // Whatever Happened to Psychology as the science of behavior, 1989.
11. Уотсон Д. Б. Психология как наука о поведении. М.: Л., 1926, Харьков, 1926; статьи KS Lashley // Psychol. Rev. – 1925.
12. Watson J.B. Behavior: An introduction to comparative psychology. – H. Holt, 1914.
13. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – Издательский дом «Питер», 1999.
14. Петровский А. В. Личность. Деятельность. Коллектив. – М.: «Политиздат», 1982. – 255 с.
15. Асмолов А.Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества // Вопросы образования. – № 1. – 2008. – С. 65-86.
16. Арнольдов А.И., Кругликов В.А. Теория культуры: историзм и вопросы методологии // Культура, человек и картина мира.- М.: «Наука», 1987. – С. 5-27.
17. Шибанов В.К. Влияние некоторых факторов па развитие общественно- политической активности личности // Социологические исследования работы общественных организаций. – М., 1981. – С. 139.
18. Дмитрук Л.А. Социальная активность производственного коллектива: истоки, формы, тенденции. – Минск, 1977.
19. Ткачёва Н.А., Фокина А.Б. К вопросу о потенциале наставничества // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №. 1-2. – С. 193.
20. Зыков М.Б. Формирование и развитие человеческого и социального капитала как содержание образования // М.: «ФИРО», 2008.

ЖЕНСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Т.Е. Ухабина –
к.социол.н., доцент
доцент кафедры социологии
Тюменского государственного
нефтегазового университета

Экономические спады вызвали изменения в сфере труда и занятости населения: понижение доходов, бедность, безработицу, падение жизненного уровня, резкое социальное расслоение. Внимание теоретиков и практиков к положению женщин усилилось в связи с тем, что в процессе преобразования усложняется выполнение ею как трудовых, так и материнских функций. Экономическое, физическое, психическое состояние женщин определяет качество существующего и будущего человеческого потенциала страны. Женщины вытесняются в сферу менее квалифицированного и престижного труда. Уровень официально зарегистрированной безработицы среди женщин выше, чем среди мужчин. Женская рабочая сила менее конкурентоспособна на рынке труда, найти новую работу женщинам труднее, чем мужчинам.

Неподдельный интерес к российскому предпринимательству все чаще сопровождается серьезными попытками осмысления созидательной деятельности женщин. Знакомство с историческим материалом убеждает нас в том, что главной целью женских инициатив было не получение прибыли ради обогащения, а поддержка женщин в их стремлении приобрести экономическую независимость.

Стоит отметить тот факт, что занимаемая женщинами ниша в российском обществе, соответствует их реальным возможностям или хотя бы декларациям новых политических общественных сил. В условиях трансформации российского общества статус женщины не всегда воспринимается на должном уровне. Многолетняя практика показывает грани противоречия, выраженные в том, что, с одной стороны у женщин появилась возможность реализовать свои карьерные притязания в такой сфере общественной жизни, как предпринимательство, менее успешно – в политике. С другой стороны, наряду с усилением сегрегации и дискриминации женщин в некоторых областях экономики, растет занятость женщин в неформальной экономике.

Единичные случаи женского предпринимательства встречаются еще в средневековье, далее с каждым поколением и столетием количество фирм, организаций, с женщиной во главе, начинает расти. В России с 19 века можно начать отслеживать особо выдающихся представительниц женского

предпринимательства, которые внесли свой вклад в историю развития предпринимательства в нашем государстве.

1917 год изменил рыночное понимание дела – оно стало трактоваться в связи с реальным участием человека в общественном производстве. В итоге, все женщины, работающие наравне с мужчинами: на поле, в лабораториях, цеху, стали деловыми. С изменением государственного строя и приходом коммунизма и коллективизма, в СССР появилось равноправие. Женщины и мужчины работали на заводах, в колхозах, у советских женщин появились декретные отпуска, то чего женщины Запада и Востока добивались еще долгие годы. А с конца 20 и начала 21 века в России активно развивается женское предпринимательство и с каждым годом позиции растут. Женщины охватили не только сферу услуг, близкую им, но и сферу недвижимости, строительство, торговлю и прочие.

Понятие «женское лидерство» начало изучаться в России еще в первой половине 20 века, но до сих пор изучено не до конца и требует новых исследований, в связи с тем, что данный феномен продолжает укрепляться и изменяться, приобретая новые черты. Женщины, в среднем, гораздо позже мужчин начинают заботиться о личной карьере. И в своей работе они более эмоциональны и не умеют так же хорошо управлять собой как мужчины, они менее склонны к риску.

Женское предпринимательство преимущественно сконцентрировано в отраслях, технология которых не претендует на многочисленность работников. Женщины-предприниматели более ориентированы на контроль за своим временем, нежели на рост прибыли. Попытка найти удачный баланс между работой и домом выступает ограничителем расширения масштаба предприятия. Небольшой размер женского бизнеса во многом определяется незначительным «возрастом» возглавляемых женщинами предприятий, так как женщины пришли в эту сферу позднее, чем мужчины, следовательно, многие из них еще не успели развить свое дело.

Несмотря на то, что женщина-предприниматель имеет свои особенности в ведении бизнеса, такие как эмоциональность и избегание риска, интеллектуальные возможности женщин-предпринимателей довольно высоки. Они способны успешно овладевать различными знаниями, их мышление имеет ярко выраженную практическую направленность. В решении проблем они ориентируются, прежде всего, на здравый смысл. Мотивы женщин-предпринимателей абсолютно разные, начиная от желания заработать и обеспечить свих детей, заканчивая желанием самовыражения. Конечно же, женский бизнес в большинстве своем социальный и на одну из первых позиций они ставят благотворительность, ввиду своей психологии, которая направлена зачастую на помощь другим.

Сегодня в нашей стране к общим проблемам малого бизнеса, также характерным для женского предпринимательства, можно отнести следующие:

- Негибкая, чересчур усложненная система налогообложения, лицензирования и отчетности, коррупция и бюрократизм.
- Отсутствие доступных кредитов для социально значимых коммерческих проектов.
- Сложности в нахождении гарантий для получения кредитов.
- Отсутствие эффективной системы страхования рисков.
- Невозможность приобретения новых производственных технологий в лизинг.
- Систематические неплатежи по контрактам.
- Недостаточная поддержка малого бизнеса со стороны государства

Кроме того, современные исследователи феномена женского предпринимательства выделяют и специфические барьеры, препятствующие развитию исключительно женского предпринимательства, а именно:

- Отсутствие у женщин необходимого опыта работы в бизнесе.
- Проблема получения средств для организации собственного дела и обеспечения его функционирования, неравный доступ к кредитным и финансовым ресурсам.
- Нехватка времени для занятий бизнесом, так как женщина-предприниматель вынуждена совмещать руководство своим предприятием с функциями воспитания детей и ведения домашнего хозяйства.
- Сложившиеся в обществе гендерные стереотипы, препятствующие участию женщины в бизнесе наравне с мужчинами на уровне восприятия ее как бизнес-партнера.
- Низкий статус женщин в обществе, политике и культуре и связанные с этим ограниченные возможности.

Для более подробного изучения проблемы женского предпринимательства Тюменского региона и ХМАО-Югры в феврале – мае 2015 года было проведено социологическое исследование. В опросе приняли участие 370 предпринимателей Белоярского района, из которых 185 мужчин и 185 женщин; большая часть в возрасте от 25 до 45 лет и имеют семейное положение – замужем/женат.

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов и выявить некоторые тенденции и проблемы женского предпринимательства.

Во-первых, женское предпринимательство набирает обороты и основным видом для женщин является малое предпринимательство, о чем позволил судить небольшой штат сотрудников среди опрошенных и интервьюер.

Во-вторых, женщинам не принципиальна гендерная принадлежность в налаживании партнерских отношений.

В-третьих, женщины-предприниматели ставят на первое место удовлетворение и заработок, а мужчины самовыражение и заработок.

В-четвертых, при приеме на работу, налаживании партнерских отношений большинство мужчин и женщин отдают предпочтение представителям своего пола. Однако, это может быть связано со сферой деятельности.

В-пятых, данные опроса показали, что благотворительная деятельность на данном этапе развития малого предпринимательства, в том числе и женского, присуща не только женщинам, но и большинству мужчин-предпринимателей.

Что касается специфических проблем, возникающих в организации и ведении собственного дела женщиной, то наиболее актуальной и приоритетной следует считать налаживание деловых отношений с партнерами и поставщиками. В то время как мужчинам сложнее всего приходится на этапе работы с клиентами. Это может быть связано с тем, что женщины в самом начале развития самого понятия «женское предпринимательство» работали, в основном, в сфере услуг, обучения и им легче найти общий язык и понять потребности клиента.

Одной из приоритетных тенденций становления и развития женского предпринимательства является то, что женщинам-предпринимателям важно не просто вести дело, которое будет приносить им прибыль, но и получать удовлетворение от своего дела. Деньги, в данном случае, не являются абсолютной ценностью. Предпринимательство для женщины – это, прежде всего, возможность заниматься любимым делом и получать прибыль.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на то, что женщины-предприниматели наравне с мужчиной ведут свой бизнес, все-таки они имеют свои особенности, которые формировались годами и столетиями.

Для достижения реальной динамики в области развития женского предпринимательства необходима разработка и реализация на уровне отдельного региона специальных программ и проектов, ориентированных на конкретную цель повышения конкурентоспособности женского предпринимательства. Данные региональные программы должны представлять собой комплекс мер по вовлечению экономически активных женщин в частную предпринимательскую деятельность, включающий не только обучение тому или иному бизнесу, но и помощь в получении подходящего помещения, финансовую поддержку, предоставление налоговых льгот, организацию практикумов по вопросам управления бизнесом и т.д.

Кроме программ по стимулированию и поддержке предпринимательской деятельности женщин, для регионов большое значение имеет также активизация бизнеса, обеспечивающего занятость женского населения. В качестве стимулирующих мер в данном случае также могут быть:

- предоставление льгот по местным налогам и сборам;
- помещений для функционирования бизнеса (на приемлемых условиях), а также осуществление профессиональной переподготовки женщин в соответствии с потребностями развивающегося бизнеса.

- льготное кредитование предприятий;
- организацию выставок, пропагандирующих выпускаемую женскими предприятиями, продукцию;
- создание совместных российско-зарубежных предприятий, возглавляемых женщинами в сфере оказания туристических услуг;
- организация и проведение международных конкурсов сотрудничества в области малого предпринимательства, выставок, ярмарок, смотров, благотворительных акций;
- государственная политика стимулирования и поддержки социально ответственного малого и среднего предпринимательства;
- гибкая налоговая и инвестиционная политика; льготы мелким товаропроизводителям; упрощение отчетности (налоговая инспекция и внебюджетные фонды должны принимать отчеты по почте или факсу); предоставление дешевых кредитов и гарантий по кредитам для социально значимых коммерческих проектов; содействие в страховании рисков, лизинге новых производственных технологий, рекламе товаров и услуг отечественных производителей;
- содействие развитию кредитных союзов и мелким отечественным производителям в льготной аренде помещений – все эти меры достаточно облегчат предпринимательскую деятельность женщин;
- специальные меры по выравниванию возможностей женщин на рынке: одной из таких мер является обязательное включение специальных разделов по развитию женского предпринимательства во все федеральные и региональные программы.

Список литературы:

1. Конституция РФ. – Ростов н/Д.: Феникс, 2006. – 64 с.
2. Указ Президента РФ О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин [Электронный ресурс]. – URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_55603.html. – (дата обращения: 02.09.2015)
3. Указ Президента РФ О повышении роли женщин в системе федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_56248.html. – (дата обращения: 02.09.2015)
4. Высоцкая М. И. Специфика развития женского предпринимательства в современной России / М. И. Высоцкая, А. И. Чалова // Российский академический журнал. – 2013. – № 3 (25). – С. 12 – 15.
5. Четвертина Т. Оценка конкурентоспособности женщин на российском рынке труда [Текст] / Т.Четвертина, И.Соболева // Вопросы экономики. 2011. – № 8. – С. 34 – 36.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ ТЮМЕНСКОГО РЕГИОНА[1]

Ш.Ф. Фарахутдинов –
к.социол.н.к, доцент,
доцент кафедры социологии
Тюменского государственного
нефтегазового университета

В современном российском обществе политическая социализация молодежи приобретает особое значение. Именно этой возрастной группе принадлежит первостепенная роль в общественно-политических преобразованиях, в том числе осуществляемых такими радикальными способами, как протестные акции или даже государственные перевороты, наблюдаемые в последнее десятилетие по всему миру в виде так называемых «цветных революций». Эффективность процесса политической социализации во многом будет определять деятельность молодых людей как самостоятельных субъектов политики, способных преобразовывать политическую действительность и противостоять манипулированию.

Политическая социализация особенно интенсивно происходит именно в молодости, когда человек становится активным участником политического процесса в России. Это происходит в результате усвоения политических норм и ценностей, формирования взглядов, убеждении и установок молодых людей и их непосредственного деятельностного участия в политической сфере общества.

В рамках исследования, осуществляемого коллективом социологов Тюменского нефтегазового университета, направленного на изучение образа будущего современной молодежи, в инструментарий исследования был включен блок вопросов, направленных на изучение процессов и явлений в молодежной среде, связанных с политической социализацией. Методом сбора информации выступил онлайн-опрос, который был реализован при помощи сервиса «SurveyMonkey». Данная технология позволяет быстро и качественно опросить современную молодежь на обширной территории. Тюменская область, включая ХМАО-Югру и ЯНАО, занимает большую площадь, и опросить респондентов во всех субъектах было бы практически не возможно в силу ряда ограничений. В то же время, сегодня практически нет молодых людей, которые бы не пользовались Интернетом, даже в самых отдалённых уголках страны.

[1] При поддержке гранта РГНФ № 15-03-00284 «Образ будущего в выборе алгоритма социальной мобильности современной российской молодежью»

В исследовании использовался целевой тип выборки – молодежь Тюменской области (включая автономные округа). Рассылка приглашений к опросу учащимся старших классов школ осуществлялась по электронной почте. Для этого нами была специально создана база данных, включающая адреса школ юга Тюменская области, включая город Тюмень, ХМАО-Югры и ЯНАО. Письма отправлялись на имя директоров, с просьбой оказания содействия в исследовании. Рекрутинг студентов для участия в опросе осуществлялся при содействии общественных студенческих организаций, а также с использованием личных контактов исследовательского коллектива. Учитывая, что проект стартовал в конце мая, когда школьники заканчивают учебу, а студенты сдают сессии и выходят на каникулы, к моменту написания данной работы, было опрошено всего 248 человек. Представляется, что этого достаточно, чтобы осуществить первый «срез» мнений и, наметить основные тенденции, связанные с политической социализацией молодежи. В то же время важно указать, что дальнейшее исследование и реализация более представительной выборки позволит детальнее изучить интересующие нас вопросы.

Обработка результатов исследования осуществлялась с помощью статистического пакета программы IBM SPSS Statistics, версии 19. Основными видами статистического анализа выступили частотный анализ и анализ таблиц сопряженности.

В контексте рассматриваемой проблемы, в анкете было сформулировано три блока вопросов, каждый из которых раскрывает свой аспект, связанный с политической социализацией молодежи. Начальный блок был посвящён изучению мнений современной молодежи относительно будущего нашей страны, путей дальнейшего её развития. Первый вопрос этого блока звучал следующим образом: «Наша страна сегодня переживает непростые времена. Как ты считаешь, какой путь её развития наиболее предпочтителен?». Ответы респондентов указывают на патриотическую настроенность современной молодежи. Так вариант «Западноевропейская и американская модель развития должны быть эталоном для нас» отметили всего 6,4% ответивших. Несколько больше оказалось тех, что считает, что «Мы должны ориентироваться на сближение с быстро развивающимися азиатскими странами» – 12,8%. Подавляющее большинство выбрали варианты, согласно которым «Мы должны отстаивать собственную национальную идею, идти своим путём» и «Нам следует восстанавливать и укреплять авторитет страны, стремясь стать доминирующей мировой державой». Таковых при ответе на вопрос оказалось 42,6% и 33,0% соответственно. 5,3% указали, что они не задумывались над этим вопросом.

Следующий вопрос блока включает 16 позиций, характеризующих возможное будущее нашей страны. В процессе формирования этого вопроса анкеты мы заложили 8 пар противоположных по смыслу понятий и предложили

респондентам выбрать 5 вариантов. Результаты показали, что будущее России ассоциируются у респондентов с позитивными перспективами. Лидерами этого списка являются понятия: «патриотизм» (64,9%), «процветание» (54,3%), «инновации» (40,4%), «лидерство» (47,9%), «демократия» (39,4%), «стабильность» (38,3%). В число аутсайдеров попали такие термины как: «Запад» (3,2%), «потребительство» (19,1%), «упадок» (16%). Интересно, что дихотомия коллективизм – индивидуализм (16% и 13,8% соответственно), приблизительно в равной мере слабо ассоциируются у молодежи с будущим России. В то же время обращает на себя внимание частота выбора позиции «неопределенность» (30,9%).

Исследование сопряженности ответов на данный вопрос с возрастом респондентов, показало интересные результаты. Здесь не будем приводить таблицу с данными полностью по причине её солидного объёма, ограничимся её частью, наиболее ярко иллюстрирующей выявленную закономерность. Оказалось, что более оптимистичные и патриотичные взгляды выражает младшая группа, и наоборот, негативные характеристики чаще встречаются у старшей (табл. 1.).

Таблица 1

Ассоциации респондентов относительно будущего страны
в зависимости от возраста

	Возрастная категория		
	<= 17	18 – 20	21+
Патриотизм	69,8%	64,0%	57,1%
Процветание	62,8%	44,0%	42,9%
Стабильность	41,9%	40,0%	21,4%
Демократия	46,5%	40,0%	21,4%
Неопределенность	23,3%	36,0%	50,0%
Потребительство	16,3%	20,0%	35,7%

Последний вопрос рассматриваемого блока предлагал респондентам выразить своё согласие, частичное согласие либо несогласие с рядом высказываний относительно будущего страны.

Из таблицы 2 видно, что современная молодежь, по большей части, выступает за сохранение традиционных семейных ценностей и равенство полов и не соглашается с тем, что российская культура не нуждается в религии. Также респонденты считают, что «российский народ живёт неплохо, и в будущем будет не хуже». Спорными оказались высказывания относительно необходимости доминирования в стране славянского этноса, ужесточения цензуры в области культуры и СМИ, важности «смотреть только вперёд, пробуя различные новшества, не оглядываясь на традиции». По поводу этих высказываний среди исследуемых отсутствует единая позиция: ответы распределены относительно равномерно или доминирует вариант «частично согласен». Интересно распределение ответов на такое провоцирующее

высказывание: «Россия – не место для готов, фриков, хипстеров и прочих неформалов». Здесь респонденты разделились на две противоборствующие стороны и только менее четверти согласились с этим высказыванием частично.

Таблица 2

Согласие / несогласие респондентов с рядом суждений относительно будущего России

	Согласен	Частично согласен	Не согласен
Будущее нашей страны должно быть связано с доминированием славянского этноса	25,8	36,6	37,6
Российская культура не нуждается ни в какой религии для сохранения своих ценностей	27,7	27,7	44,6
Мы должны сохранять наши традиционные семейные ценности	76,3	20,4	3,2
В будущем в нашей стране будет усиливаться неравенство полов	13,8	29,8	56,4
Россия – не место для готов, фриков, хипстеров и прочих неформалов	34,4	23,7	41,9
Мы должны смотреть только вперёд, пробуя различные новшества, не оглядываясь на традиции	25,8	45,2	29,0
Ужесточение цензуры в области культуры и СМИ – необходимая мера, без которой развитие нашей страны станет затруднительным	26,6	38,3	35,1
Российский народ живёт неплохо, и в будущем будет не хуже	42,6	40,4	17,0

Следующий блок вопросов, был направлен на выявление степени влиятельности агентов, оказывающих социализирующее воздействие на современного молодого человека.

В первом вопросе этого блока мы предложили респондентам указать частоту получения информации в различных источниках. Как и ожидалось, Интернет здесь оказался безусловным лидером: 92,2 процента пользуются им часто и еще 7,8% время от времени. Варианты «редко» и «никогда» не выбрал ни один респондент. На втором месте по популярности оказался такой источник как «родственники, друзья, знакомые» – «часто» и «время от времени» информацию из него получают в совокупности около 83% молодежи. Довольно неожиданным оказалось третье место в рейтинге популярности источников информации. Оно «досталось» книгам, что в корне опровергает стереотипы относительно того, что современная молодежь мало читает (табл. 3).

Таблица 3

Частота использования респондентами различных источников для получения информации

	Часто	Время от времени	Редко	Никогда
Телевидение	23,1	26,4	39,6	11,0
Радио	3,3	10,0	45,6	41,1
Пресса (газеты, журналы)	11,0	29,7	36,3	23,1
Интернет	92,2	7,8	-	-
Родственники, друзья знакомые	48,3	34,8	15,7	1,1
Книги	35,6	31,1	24,4	8,9

Ответы на следующий вопрос рассматриваемого блока раскрывают содержание уже рассмотренного выше варианта «родственники, друзья, знакомые». Это представляется важным, поскольку влияние окружающих человека людей на процесс социализации может быть решающим. Принципиальным отличием этого источника информации является то, что контакт с ним может осуществляться в форме диалога, спора, дискуссии и т.п., в то время как другие источники информации на это не способны. Исключение может составить, пожалуй, Интернет, однако вряд ли участие в чатах, форумах по степени воздействия может сравниться с «живым» общением.

Анализируя данные, представленные в таблице 4., можно сделать вывод, что наибольшее социализирующее воздействие оказывают родители и друзья. Учитывая, что большая часть изучаемой нами возрастной группы молодежи живёт, в основном, с родителями или поддерживает с ними тесные связи, полученные результаты представляются логичными.

К сожалению, категория собеседников «бабушки и дедушки», оказалась на одном из последних мест. Это указывает на низкую степень преемственности поколений. Общение с бабушкой и дедушкой (прародителями) позволяет удерживать связь с прошлым, иметь более четкое представление о жизни предыдущих поколений. У такого общения возникает более глубокая пространственно-временная перспектива, формируется идеальный образ будущей семьи. Прародители способствуют передаче традиций, культурных норм и ценностей, этических принципов, что, в свою очередь, может существенным образом повлиять на политическую социализацию. Психологические особенности взаимодействия с бабушками и дедушками обусловлены более высокой степенью принятия и низким контролем.

Таблица 4

Частота общения респондентов с окружающими людьми.

Категории собеседников	Постоянно	Часто (3 раза в неделю и чаще)	Редко (1 раз в неделю)	Реже 1 раза в месяц
Родители	84,4	11,1	4,4	-
Бабушки и дедушки	13,6	17,0	29,5	39,8
Родственники	8,8	23,1	34,1	34,1
Соседи, знакомые	15,7	29,2	30,3	24,7
Друзья	75,8	19,8	2,2	2,2

Последний раздел второго блока анкеты был направлен на раскрытие особенностей ценностных ориентаций современной молодежи, а также их отношения к политике.

Ценности, как справедливо отмечал Ч. Кули, являются «энергетическими узлами», точками эмоционального приложения в отношениях с миром, и в то же время основой механизма мотивации социального поведения людей [1;. 315]. Именно ценности обеспечивают интеграцию общества, помогая индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях.

Современная молодежь – это дети, рожденные в период радикальных социально-политических и экономических перемен. Период их воспитания в изни родителей совпал с жестко продиктованными реальностью требованиями выработать новые жизненные стратегии для приспособления, а подчас и выживания в динамично меняющейся жизненной реальности. Как же это могло сказаться на мировоззрении и жизненных ценностях современной молодежи? Исследование этого вопроса представляется весьма значимым, поскольку в ее ценностных ориентациях и выборе жизненного пути содержатся элементы новых характеристик будущего российского общества.

Оценивая предложенный набор базовых ценностей (табл. 5), респонденты традиционно указывают на ценности семьи, здоровья. Творчество и самореализация также находят отзыв в ответах молодежи. Примечательно, что власть в иерархии ценностей опрошенных занимает низкую позицию. Полное распределение ответов представлено ниже.

Таблица 5

Оценка респондентами значимости базовых ценностей

Наименование ценности	Главное в жизни	Важно, но есть вещи и поважнее	Отношусь равнодушно	Отношусь с презрение м
Богатство	5,5	63,7	29,7	1,1
Карьера, хорошая работа	25,3	70,3	3,3	1,1
Власть	4,4	25,6	55,6	14,4
Проживание за границей	2,2	14,3	67,0	16,5
Признание, уважение окружающих	26,7	51,1	18,9	3,3
Семья	89,0	8,8	2,2	0
Творчество, самореализация	42,2	48,9	8,9	-
Здоровье, физическое самосовершенствование	68,1	25,3	6,6	-

Второй вопрос блока был направлен на степень проявления интереса современной молодежи к политике. 30% респондентов указали, что они постоянно следят за информацией о политических событиях в стране, 61,8% изредка обсуждают политические события с друзьями, родственниками и лишь 7,9% указали, что не интересуются политикой. Полученные данные аналогичны результатам исследований ведущих социологических центров нашей страны. Так, по данным опроса ФОМ, политикой интересуются 37% молодежи и почти две трети молодых граждан (62%) не проявляют интереса к этой сфере [2].

В следующем вопросе мы попросили респондентов указать, являются ли они сторонниками какого политического направления и если да, то какого. Согласно полученным результатам, сторонниками радикальных рыночных реформ и быстрейшего сближения со странами запада являются 4,5% ответивших, а сторонником самостоятельного русского пути развития страны – 13,5%. 5,6% считают себя сторонниками социализма, а 16,9% считают что необходимо сочетание различных идей, но при этом важно избегать крайностей. Большая часть респондентов (59,6%) не считают себя сторонником политических направлений. Данный вопрос предполагал возможность внесения своего варианта, чем воспользовался один респондент, указавший, что он считает себя сторонником монархии.

Еще один вопрос позволил выявить наличие политических авторитетов у тюменской молодежи. Чуть более половины указали, что у них такого авторитета нет (54,3%), а оставшиеся указали, что авторитет имеется.

Как и следовало ожидать, чаще всего в качестве такого авторитета молодые люди называли В.В. Путина. Это является отражением общероссийской тенденции, поскольку рейтинг нашего Президента, достигший в марте 2014 года 80%, держится на столь высоком уровне уже почти год, несмотря на заметное ухудшение социально-экономической обстановки

в стране. Также несколько раз респонденты указывали фамилии С. Лаврова, С. Иванова, С. Шойгу, Д. Медведева, С. Собянина, В. Жириновского.

Оценивая свои возможности в будущем заниматься общественно-политической деятельностью, 20,2% респондентов считают, что это им по силам. 15,7% указали, что хотели бы этого, но вряд ли смогут этого добиться, а подавляющее большинство не рассматривают возможности такой деятельности в своих жизненных планах. Отметим, что респонденты мужского пола чаще склонны планировать общественно-политическую деятельность в своей жизни.

Подводя итоги отметим, что проведенное исследование показало, что современная молодежь является активным субъектом процесса политической социализации, который не только испытывает на себе влияние политических норм, ценностей, но и способен к избирательному восприятию политической культуры общества. Это обусловлено такими качествами молодых людей, как высокая адаптивность, активность, инновационность, творчество, критическое мышление и самостоятельность. Также современная молодежь обладает довольно высоким уровнем патриотизма и проявляет качества гражданственности.

Действие агентов политической социализации молодого человека на современном этапе характеризуется высокой ролью глобальной сети Интернет, а также людей из близкого окружения. То есть на процесс политической социализации молодого поколения влияют, в первую очередь, группа вторичных политических агентов, а также ряд неполитических агентов первичной группы, при этом роль средств массовой информации снижается. Также можно отметить ослабление преемственности поколений и снижение роли прародителей в процессе социализации.

Можно выделить следующие специфические особенности процесса политической социализации российской молодежи на современном этапе: Значительную часть российской молодежи интересуют политические процессы, происходящие в современной России, но этот интерес носит в основном несистемный характер. Среди молодого поколения России востребованными оказываются в первую очередь информационные формы политического участия.

Несомненно, что за рамками данной работы осталось много важных аспектов политической социализации, которым следовало бы уделить должное внимание. Хочется надеяться, что наши дальнейшие исследования позволят раскрыть эти вопросы более детально.

Список литературы:

1. Кули, Ч. Социальная самость / Ч. Кули // Американская социологическая мысль: Тексты Под общ. ред. В.И. Добренькова. – М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. – 496 с.
2. Сайт Фонда Общественное мнение http://fom.ru/

ВЛИЯНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЫНКИ ТРУДА

Т.А. Федотова –
к.э.н., доцент Днепропетровского
национального университета
им. О. Гончара

Экономический кризис и связанный с ней резкий рост безработицы стали толком для возникновения и роста новой разновидности добровольного перемещения людей – трудовой миграции.

Глобальная миграционная подвижность населения и прежде всего достаточно большие миграционные перемещения трудовых ресурсов за границу ярко отражают ту ситуацию, которая сложилась в настоящее время во многих постсоветских странах на национальном и региональных рынках труда.

Трудовая миграция является одним из немаловажных факторов, что оказывает существенное влияние на конъюнктуру рынка труда. Миграция – перемещение населения из одних населенных пунктов в другие с переменой местожительства, а трудовая миграция подразумевает еще и смену рабочего места.

С начала 1990-х годов и особенно после принятия нового эмиграционного законодательства масштабы выезда из бывших советских республик стабильно растут. Среди них в эти годы Украина опережала даже Россию по масштабах эмиграции в США (1994 г. – 21 тыс. чел., 1999 г. – 22,1 тыс. чел.) [2].

Чтобы осознать, что региональный рынок теряет, рассмотрим один из фактов статистического материала по США. Середина 1990-х годов – 11 млн. иммигрантов. Их общий доход, по оценкам, составляет 240 млрд. дол. в год. Из него они платят 90 млрд. налогов в год. На социальную помощь правительство в год тратит 5 млрд. дол. Отдача от иммигрантов даже в чисто денежном выражении очень большая, и немалую долю в ней формируют страны бывшего СССР [3].

Но неизмеримо выше тот вклад, что вносят высококвалифицированные специалисты в развитие принимающей страны или региона. Бюджеты стран, принимающих квалифицированный персонал, ощущают позитивное внешнее влияние в виде отсутствия необходимости тратить определенную часть средств на поддержку образования, а экономика стран-доноров – негативное влияние в форме дополнительных расходов на образование рабочей силы.

Численности рабочей силы регионов не является стабильной, изменяясь под воздействием совокупности социально- экономических факторов, при этом размер колебаний бывает значительным. Во многих регионах как правило

присутствуют такие виды миграции, как постоянная, циклическая, маятниковая, эпизодическая.

Так в летний период происходит значительный отток иногородних студентов, выезд в отпуска работников. Зато в этот период растет маятниковая внутренняя миграция сельских жителей, которые привозят на рынки города для реализации продукцию своих хозяйств.

В отношении города к сельским регионам идет обратная реакция. За городской чертой обычно расположено большое количество детских и студенческих лагерей; турбазы предприятий и организаций. В этом направлении осуществляется циклическая миграция.

Миграция рабочей силы – чрезвычайно сложное общественное явление, которое зависит от совокупности факторов, определяющих количественные и качественные характеристики данного процесса. Их условно можно разделить на три группы:

- постоянные – это природно-климатические условия, транспортно-географическое положение регионов и т.д.,
- временные – половозрастная структура населения и т.д.,
- переменные, – уровень развития и структура рабочих мест, состояние трудообеспечения жильем и развитие социально-бытовой инфраструктуры.

Миграционные процессы оказывают существенное влияние на процесс формирования, распределения (перераспределения) и использования рабочей силы.

Сейчас наблюдается тенденция возврата в сельскую местность – не потому что там лучшая жизнь, а потому что жить в городе с каждым годом все сложнее: задержки выплаты зарплаты, большой размер квартирной платы, нехватка жилой площади, рост цен на первоочередные продукты питания. В селах у многих стоят «родительские дома», да и ведение подсобного хозяйства дает возможность получать питание и средства для жизни (при реализации продукции на рынках).

В то же время нельзя обойти вниманием тенденцию, что около 50 % студентов по окончанию учебных заведений пополняют ряды рабочей силы региона обучения и в процессе учебы порядка 30-35 % студентов предлагают свою рабочую силу на рынке труда этого региона [3].

Таким образом, исследуя внутреннее миграционное движение рабочей силы, можно сделать вывод, что в предыдущие десятилетия преобладал миграционный поток из сел в города, а сегодня стала преобладать и обратная тенденция – нарастание потоков переселения из городов в сельскую местность.

Современному миграционному пространству СНГ свойственны новые тенденции миграционного движения рабочей силы, что в условиях обретения бывшими республиками независимости, отличаются от ранее сложившихся. Это в первую очередь отразилось на значительном росте объемов внешних

межгосударственных миграций рабочей силы, в росте численности эмигрантов. И особенно – в резком увеличении зарубежных трудовых поездок.

Внешнюю миграцию можно разбить на три группы: интеллектуалы, профессионалы, смешанный контингент. Можно выделить две ситуации в основном присущи внешним трудовым мигрантам в зависимости от направленности потоков: 1) уровень образования трудовых мигрантов значительно более высок, чем всего населения; 2) трудовая миграция низкоквалифицированной рабочей силы либо рабочей силы без квалификации.

Многие вынуждены ехать работать за границу в связи с тяжелым экономическим положением в целом в постсоветском регионе, и невозможностью найти соответствующую работу в своем регионе. По данным официальной статистики, численность выезжающих работать за границу с постсоветского пространства, в десятки раз превышает число трудовых мигрантов иностранцев. Если учесть нелегальную миграцию, то этот разрыв будет еще больше. Имеет значение и тот факт, что даже на наиболее низкооплачиваемых и непрестижных работах за границей трудовые мигранты получают в несколько раз выше зарплату, чем могут заработать дома.

Украина все постсоветские годы является вторым по значимости миграционным партнером России, занимая второе место в сфере трудовой миграции после Узбекистана (по официальным данным работает около 50 тысяч украинцев).

В 2013 году численность трудовых мигрантов по данным официальных источников значительно возросла после принятия нового миграционного законодательства в 2012 году, в частности речь идет о выдаче миграционной карты и разрешения на трудоустройство в течение 3-10 дней. Однако следует учитывать, что большинство украинских мигрантов работает в России нелегально. Так по различным оценкам общее количество трудовых мигрантов в России достигает 15 миллионов [1].

Ограничение выезда со стороны украинских властей в связи с политическим противостоянием в свою очередь ведет к росту нелегальной миграции. А остановка многих предприятий и значительный рост безработицы в Украине увеличивают миграционные потоки в приграничные регионы. В данной ситуации особой актуальности приобретают нормы Законов РФ «О беженцах», «О вынужденных поселенцах», т.к. многие украинцы в сложившейся ситуации пока не стремятся возвращаться обратно.

В заключение следует отметить, что официальные данные о внешней трудовой миграции серьезно недооценивают даже легальную миграцию, что же касается нелегальной миграции, то она еще намного больше. Постоянно растет трудовая обусловленность миграции. Миграция особенно активно влияет на соотношение спроса и предложения на региональном рынке труда. Миграционные процессы не только изменяют объем предложения рабочей силы, но и влияют на ее качество.

Список литературы:

1. Интервью Председателя Всеукраинского профсоюза работников-мигрантов в Украине и за ее пределами С. Олейника для DW. – Режим доступа: http://migrant.org.ua/category.

2. Официальный сайт Государственной службы статистики Украины. – Режим доступа: http://www.ukrstat.gov.ua.

3. Федотова Т.А. Усовершенствование механизма регулирования потоков рабочей силы на фиксированном рынке труда промышленного региона // Автореферат дисс. канд, экон. наук. – Днепропетровск, 2005. – 21 с.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ: СТРУКТУРА И ПРИНЦИПЫ

И.Ю. Фомичев –
д.социол.н., профессор
Тюменского государственного
нефтегазового университета

Глупо объяснять все социальные пороки моральной деградацией, особенно в тех сферах общества, где расцвета порядочности, по сути, никогда и не было. Разного рода вызовы сегодня определяют актуальную повестку дня, а социальное развитие, особенно в его антропном, моральном аспекте, остается, как обычно, важной государственной задачей, но «по умолчанию». Тем не менее, методология этого процесса требует дальнейшего прояснения и уточнения, в том числе в сфере организационной практики, в ценностном поле которой (положительном или отрицательном) наиболее интенсивно формируются и мобилизуются индивидуальные и коллективные идентичности.

Если рассматривать организационное бытие в аспекте его социального развития, то в реальной практике оно принципиально осуществимо по двум фундаментальным направлениям. Во-первых, это развитие во-вне, развитие во внешней среде в ее социальной тотальности, во-вторых, это развитие внутрь, то есть развитие внутренней среды организации. Внешнюю среду развития организации в целом можно обозначить такими категориями как социум, социальный универсум. Универсум, по Лейбницу – это множество всех возможных миров в своей нерасчлененности. В данном случае под социальным универсумом понимается вся совокупность общественных связей и отношений, которые существуют или могут возникнуть в процессе организационного развития. Такие связи и отношения носят субъект – субъектный характер, что, при этом, совсем не исключает субъект – объектных взаимодействий, которые, соответственно природе социума, будет методологически корректно рассматривать в качестве частного случая субъект – субъектных, когда субъект в процессе взаимодействия взаимосвязан с другим субъектом, находящимся в объективированной форме.

Другими словами, основным содержанием социального универсума, социальной реальности являются люди, совокупность их разнообразных отношений, межличностное пространство их взаимосвязей. где сосуществуют и источник, и адресат социальной активности. Люди, как социальные субъекты, являются партнерами по взаимодействию, воспринимающими и реагирующими. При этом необходимо отметить, что в социальном универсуме индивид пребывает в маргинальном состоянии отчуждения своей человеческой сущности, утраты родовой определенности и трансцендирует в социальное инобытие, в соответствующую совокупность социальных отношений, каждый

раз оригинальную, но неизбежно детерминированную конкретным социальным полем.

Организация, развивающаяся в пространстве социального универсума, рассматривается как элемент социальной структуры, как репрезентативная форма социальных отношений и как их субъект. Отметим, что в специальной литературе под организацией обычно понимается группа людей, деятельность которых сознательно координируется для достижения общей цели (или целей), носит характер устойчивого образования, характеризующегося социальным взаимодействием с разнообразным ролевым репертуаром, формализованными и неформализованными межличностными связями. Применительно к социальному универсуму значащими моментами в феномене организации выступает интегрированная целостность, разворачивающаяся в своем содержании как совокупность социальных позиций, социальных связей и отношений, которая в своем развитии и деятельности реализует определенную общественно значимую функцию в соответствие с присущей данному социальному универсуму нормативностью.

Надо отметить, что несмотря на кажущуюся очевидность, мысль об особом значении внешней среды для жизнедеятельности организации в социальной теории стала актуальной только в шестидесятых годах прошлого века, что принято считать вкладом системного подхода в развитие теории управления организацией. Действительно, ни один управляющий не работает в рамках замкнутой системы и поэтому объективно вынужден учитывать в своих решениях многокачественное влияние внешнего окружения, в котором существует данная производственная структура. Любое управленческое решение имеет право на воплощение только в том случае, если внешние обстоятельства допускают его осуществление.

Такая ситуация порождается не отсутствием у руководителей собственной позиции или навыков самостоятельного мышления, а обусловлено объективно. Организации не в состоянии удовлетворить все свои нужды собственными средствами. Внешняя среда является единственным источником, откуда организация черпает ресурсы, находясь в состоянии перманентного обмена с окружающим миром, поэтому жизнеспособность любого предприятия зависит от того, насколько успешно оно решает проблемы взаимодействия с внешней средой.

Общим доминирующим принципом во взаимодействии организации с внешней средой выступает принцип сотрудничества, вытекающий из общественной природы бытия организационных структур, которая делает в буквальном смысле жизненно необходимым их гармоничное взаимодействие друг с другом в контексте социума. В человеческом обществе стереотипы такого сотрудничества, особенно в наиболее ответственных ситуациях, приобретают характер моральной нормативности и описываются в рамках деловой и профессиональной этики, шире – в рамках трансцендентной

этики социальной ответственности, побуждающей субъекта к максимальной социализации своей экзистенции, к коэволюции со всем социумом.

В логике перестроения социума складываются социальные установки на сотрудничество современных организаций с внешней средой, детерминирующие содержание процессов социального развития организации. Конечно, возможны и даже в какой-то степени оправданы воззрения на мир современных организаций как на джунгли, где хищники жуют травоядных, где определяющим фактором является не сила закона (в том числе и нравственного), а закон силы. Но это в большей мере характерно для взволнованного публицистического взгляда. Теоретические подходы основываются, как правило, на допущении, в соответствии с которым взаимодействие между организационными структурами рассматривается в качестве прагматического сотрудничества, регламентированного соответствующей правовой и моральной нормативностью. При этом действия, оптимизирующие это сотрудничество и, следовательно, способствующие развитию участвующих в нем организаций, закрепляются в социальной практике. Соответственно закрепляются и нормативы, отражающие ценности социального сотрудничества.

Стратегической целью развития организации в рамках социального универсума является формирование репутации добропорядочности и имиджа социально – ответственного члена сообщества. В этом процессе формируется определенная структура ценностных установок, позиций субъектов общественного взаимодействия, представляющая собой сеть общественных связей и отношений в их социально-нравственном измерении. Организация как субъект социальной активности в своих действиях детерминируется именно этой сложившейся – складывающейся структурой социальных нормативов и можно утверждать, что субъект и внешняя среда в своем взаимодействии представляют собой некую ценностно координированную систему, своеобразную форму общественного договора постмодернистского толка.

Социальное развитие организации во внешней среде можно отнести, как ни странно, к нетрадиционной методологии анализа данного процесса. Как правило, социальное развитие рассматривается только как преобразование внутренней структуры организационного универсума, представляющего из себя совокупность социальных связей и отношений, которые существуют или могут возникнуть в процессе распаковывания организационного бытия. Такое развитие дифференцируется в зависимости от форм функционирования организационного универсума, который реализуется в тотальности его а) формальных и б) неформальных связей и отношений.

Так, контуры формальной организации определяются институционально-санкционированными производственными процедурами, упорядоченной и безличной структурой профессиональных контактов в иерархии и условиях горизонтальных взаимодействий. Идеологема

формальной организации, подчиняющейся в своем внутреннем развертывании лишь имманентным законам своей институциональной целостности, конституирует все свойства и качества индивида в виде их должностных проекций. Мерой всех вещей и самой личности здесь оказываются организационные притязания, при этом вся тотальность целого комплекса человеческих функций сводится лишь к сумме организационных связей, а родовая сущность в превращенной и отчужденной формах растворяется в практикуемых социальных ролях.

Если рассматривать формальную организацию как в определенной мере практическое воплощение веберовской бюрократии, то есть как порожденную некими предписанными нормативными положениями форму существования профессиональных отношений, то реализация задач социального развития оказывается полностью предопределенной законодательными актами и внутриорганизационной нормативностью, реализуется в рамках официальных процедур и специально адаптированных социальных технологий. Стратегической целью такой деятельности является воспроизводство определенной профессиональной культуры организации в целом в соответствие с заданной нормативностью. Нормативность может быть задана субъективно или объективно, например, специальными управленческими решениями, трудовым кодексом, культурными традициями и т.п. В настоящее время во многих коммерческих и некоммерческих структурах явно обозначена тенденция формирования аутентичных организационных культур на основе принципов корпоративного коллективизма, укоренения особого «корпоративного духа» посредством разработки и внедрения разного рода профессионально-нравственных кодексов и других легальных форм конвенциональной моральной нормативности – «организационных кредо», «дресс-кодов» и тому подобных формализованных социотехник, придающих этому процессу социального развития структуру и оформленность.

Социальное развитие организации осуществляется и на том онтологическом уровне, который охватывает сфера субъект – субъектных отношений, сфера индивидуального универсума, который можно рассматривать как частный случай развития универсума социального. Как и в любой другой социальной практике, в организационных отношениях параллельно осуществляется компенсаторный процесс, позволяющий в определённой мере снять последствия тотальной формализации. В организационной структуре наряду с формальной существует и неформальная организация, возникающая на фоне спонтанных производственных контактов. Профессиональные межличностные взаимодействия, в которые вступают организационные субъекты, всегда имеют дуалистическую природу: по своим целям и задачам они объективно детерминированы организационной необходимостью, но в то же время они опосредованы личностными качествами этих субъектов, привносящими в процесс профессионального общения субъективные смыслы,

репрезентирующие ценностное содержание таких взаимодействий. Таким образом, в профессиональных отношениях участвуют целостные личности, в определенной мере сохраняющие автономность по отношению к должностной функции, которые формируют вполне понятные предпочтения относительно межличностных контактов в конкретных производственных группах. Тем самым возникает и устанавливается специфический для данной социальной группы морально – психологический климат, возникают спонтанные моральные принципы и нормы межличностных коммуникаций. Другими словами происходит естественный стихийный процесс индивидуальной самоорганизации.

Целью социального развития организации на этом уровне является индивидуальная идентификация работников как субъектов межличностных профессиональных взаимодействий и гуманизация последних. В сфере этого рода отношений человек укореняется в качестве целостного субъекта и возникает необходимость формирования индивидуальных стратегий поведения субъектов производственного общения, способствующих сохранению паритета их целостностей, индивидуальных смыслов и программ, репрезентирующих универсальность ценностей человеческого общения. Одним из ведущих принципов такого развития является принцип гуманизма, гуманистической моральной нормативности общения. В отличие от трансцендентной сути морали социальной ответственности и конвенциональной сути организационной морали гуманистическая мораль укоренена в родовой сущности индивида, вытесняющей социальное и организационное и наполняющейся смыслами феноменального человеческого начала, универсальностью гуманистических ценностей.

Принцип гуманизма не теряет своего принципиального своеобразия, будучи инкорпорированным в процесс институционализации моральной нормативности в сфере межличностных взаимоотношений в организации, где его сущность в наиболее общем виде выражена в требовании ориентации на человека как на непреходящую, высшую ценность. В этом случае доминирующим фактором в профессиональном взаимодействии становятся не интересы одного из субъектов этого процесса, а именно индивидуальная самоценность каждого, когда участники общения сознательно ценят и уважают партнера как продолжение своего “я”, что по сути является интенциальным проявлением отношения человека к самому себе как к Роду. При этом деловые интересы не теряют своей ценностной валентности и прагматичности, но должны быть гармонизированы с принципом гуманизма. Моральная регуляция в данном случае проявляется не во внешней по отношению к субъектам сфере, а в них самих.

ТЕЛЕСНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПРАКТИКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А.В. Черепанова –
аспирант Новосибирского
государственного технического
университета

В настоящем сложилось немало концепций по изучению телесности и тела, но очень явно прослеживается все большая заинтересованность в этой проблематике представителей разных отраслей социального знания. Сегодня человеческая телесность выступает как объект не только социально – философского знания, но так же рассматривается в разных отраслях социально–гуманитарного знания, «тело» и «телесность» рассматривается как социокультурный феномен. В то же время наработки, существующие в разных теориях гуманитарного знания дают возможность выстраивать содержание различных положений по проблеме тела и телесности. Феномен «тела» и «телесности» на сегодняшний день становится одной из обсуждаемых тем современности. [1,76] А свою очередь телесно – ориентированная практика может непосредственно раскрыть в полной мере суть этих феноменов, ведь сегодня мы уже можем наблюдать повышенный интерес людей к своему телу, к своей внешности. Для современного человека важно выглядеть красиво, привлекательно, иметь хорошую физическую форму. Современный человек стремится менять свою внешность так, чтобы нравится окружающим, ему важно, что о нем подумают окружающие, как его воспринят.

В разное культурно – историческое время тело рассматривалось с разных сторон, создавались различные новые образы тела, которые создавались под стандарты красоты исторического времени. Тело человека, живущее в той или иной эпохе, культуре, является носителем ее особенностей. Тело человека эпохи древнегреческой цивилизации в период ее восхождения безлично, не субъективно, гармонично. Тело для средневековья – греховная физическая оболочка, в то время оно воплощало в себе плотское начало. Тело человека «возрождения» отражает его индивидуальное величие. Тело же человека, который жил в новое и новейшее время, выполняет очень много ролей. Канон телесности утрачивает устойчивость характеристик. Это тело, которое готово быть таким, каким его хотят видеть другие. Это тело роли, его красота экспрессии и изменчивости. Актуальность этой проблемы подчеркивает тот факт, что тенденция к увеличению значимости телесной идентификации будет исчерпываться до той степени, в какой наука будет способна раскрыть все возможности человека.

Вовлечение людей в телесно – ориентированные практики объясняются тем, что существует непосредственно прямая связь между физической привлекательностью и социальным статусом в современном обществе. Та самая мода – мода на красивое, физически совершенное тело нашло свое отражение именно у студенческой молодежи. Полагаем, что ценностными ориентациями в XXI веке для современных студентов становятся ценности красоты и модели тела, ценности здорового образа жизни. [1,125 – 129] Ведь именно они сегодня стараются следить за тем, что популярно и имеет повышенной интерес в социальной реальности. Также студенческая молодежь подвержена влиянию со стороны средств массовой информации, которые диктуют свои нормы и правила по улучшению собственного тела и собственного здоровья.

Таким образом, телесно – ориентированные практики студенческой молодежи особо интересны, во-первых, потому что в практику вовлечены в основном люди, активно и сознательно работающие над своей «формой» и внешним обликом, телом; во-вторых, она объединяет два важных аспекта мотивации заботы человека о своем теле – здоровье и красоту.

Для того, чтобы понять что же такое телесно – ориентированные практики и дать им определение, следует обратиться к начальным истокам этого понятия. Начать следует с раскрытия того понятия как «социальная практика». На сегодняшний день понятие «социальная практика» занимает ведущее место в социо – гуманитарном знании. Исследования в данной сфере обращаются к тому, что социальная практика выступает как социальный феномен, который нашел свое отражение еще XX веке. В тоже время данное понятие приобрело социальное значение, ведь на первый план в социальном обществе выходит деятельность людей, чем они занимаются, каким образом происходит коммуникация между людьми, а именно та деятельность, куда включены общество и индивид. В различных сферах социальной реальности происходит реализация и становление деятельностной единицы индивида и общества. «Социальная практика – вид практики, в ходе которой конкретно – исторический субъект, используя общественные институты, организации и учреждения, воздействует на систему общественных отношений, изменяет общество и развивается сам». [3, 233]

В современных условиях проблематика тела и телесности весьма актуальна. В настоящем, обращение внимание к своему телу становится повседневной практикой человека. Сегодня можно говорить о существования различных телесно-ориентированных практик человека вообще, и молодых людей в частности.

Особое место в структуре повседневных практик студентов занимают практики, связанные с телом. Для современного студента его тело становиться существенным условием, которое определяет профессиональную, социальную,

и даже личностную успешность. Успешность в свою очередь выступает как категория модели конструирования собственного тела и красоты, пропаганды здорового образа жизни и совершенствование физической формы, при помощи спорта и фитнеса, изменение имиджа человека под стандарты красоты современности и восприятие собственного тела через призму «другого» тела (образца для подражания). Все больше молодых людей уделяют внимание физической культуре и спорту, фитнесу – все, что касается различных аспектов моделирования своего тела. Поэтому интерес и вызывает виды и содержание телесно-ориентированных практик студентов в настоящем. Тело человека больше не рассматривается как биологический и физиологический организм, оно приобретает новые социальные очертания. Студентов интересует вопрос о теле и телесности. Уже сегодня можно заметить стремительное увлечение молодых девушек и парней вести здоровой образ жизни, изменить свое тело под идеальные стандарты, которые приняты в социально-культурном пространстве.

На сегодняшний день под телесно – ориентированными практиками – мы можем понимать практики конструирования собственного тела и красоты при помощи фитнес – индустрии, сервисов красоты и здоровья. Массовое появление практик работы с телом и авторских методик, пропаганда здорового образа жизни, которая внедрилась в общественное сознание молодежи, совершенствование физической формы человека, изменение индивидуального имиджа человека под стандарты красоты современности – все это в настоящее время отражает телесно-ориентированные практики. Они становятся непосредственной частью общественной культуры, и являются социокультурным явлением с элементами образа жизни человека вообще и молодых людей в частности. Кроме того, стоит заметить, что телесно – ориентированные практики выступают способом конструирования собственной социальной идентичности. Поскольку тело становится носителем информации о человеке, является одновременно средством самовыражения.

Новое время диктует более высокие требования к биологическим и социальным возможностям человека. Это проявляется непосредственно в социальных практиках, которые, так или иначе, связанны с телом, а именно сервисы красоты и здоровья, в том числе и красоты тела, эстетические нормы и образцы для подражания, восприятие собственного тела через призму «другого» (идеального тела), духовный аспект тела.

Таким образом, телесно – ориентированные практики приобрели очертания глобальной исследовательской проблемы. Данная социальная практика становиться главным аспектом изменения норм и ценностей в молодежной культуре, изменение собственного тела как носителя символической ценности, переоценка ценностей в сфере, которая непосредственно связанна с имиджем человека и его тела.

Список литературы:

1. Подорога В. А. «Феноменология тела» :Введ. в филос. антропологию: Материалы лекц. курсов 1992-1994 гг / В.А. Подорога. – М.: AdMarginem, 1995. – 129с.

2. Максименко А. М. основы теории и методики красивого и эстетического тела и телесности в современном мире. М.: Колидазпад, 2002. 236 с.

3. Давыдов В.В., Громыко Ю.В. Теория деятельности и социальная практика: доклад на Международном конгрессе о теории деятельности [Электронный ресурс] URL: http: www.sitution.ru/app/j_937.htm (дата обращения: 01.05.20150).

ТРАНСФОРМАЦИЯ НЕФОРМАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ ПРАКТИК: РОССИЙСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Е.В. Черникова –
ассистент кафедры социальных коммуникаций и социологии правления Новосибирского государственного университета
экономики и управления

В ходе проведения экономических реформ 90-х годов в российском обществе начались существенные изменения, которые привели не только к перестройке формальных структур, но и к глубинным трансформациям в обществе в целом. В частности, это отразилось на трудовой сфере, которая явила собой симбиоз социальных и экономических перемен. В поле зрения ученых попали латентные, скрытые процессы, протекающие в обществе переходного периода.

Причиной этому служит беспрецедентные масштабы распространения неформальных трудовых отношений. Так, Г.С. Латыпова приводит следующие данные: «по данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, в 1994 г. 5,3% всех занятых имели разовые подработки или оказывали временные услуги, не имея при этом никакой другой работы, в то время как к 2004 г. их доля выросла почти вдвое, достигнув отметки 9,7%. Лишь каждый третий россиянин, ищущий работу, регистрируется официально». [1, с. 89]

Активное развитие неформальных трудовых отношений именно в сфере труда отмечают многие исследователи [2]. Специалистами отмечается преобладание неформальных связей и норм над принципами формально-правовой организации труда, что рассматривается как главная причина неудач реформ и становления работника рыночного типа [3]. Состояние трудовой сферы, которое мы имеем сегодня генетически связано с советским периодом, в нем корни актуальных ныне событий. Безусловно, дальнейшее развитие трудовой сферы также не будет свободно от наследия недавнего прошлого. Социокультурные установки, а также накопленный социальный опыт оказывает и, очевидно, продолжит оказывать влияние на состояние социально-трудовой сферы России в новейшее время.

Неформальные трудовые отношения можно рассматривать как своеобразный адаптационный механизм приспособления к изменяющимся условиям. Как выразился Т. Шанин, «советская экономическая система вообще не смогла бы работать без этой «смазки». Чрезмерная централизация, бюрократические несуразности, сложности распределения и обмена, ограниченные услуги и упадок ремесленничества, дефициты и недостаточно

развитые кредитные отношения преодолевались через широкий спектр персонализированных отношений. Работа крупных индустриальных и сельскохозяйственных комплексов обеспечивалась обширными сетями «толкачей», бартером и взятками. Личные контакты и «блат» обеспечивали снабжение дефицитными продуктами и услугами, часто порождая многогранные рынки обмена привилегиями» [4, с. 30].

Как и любое сложное явление, неформальные трудовые отношения имеет и негативные последствия. Во-первых, они подрывается авторитет закона и вера граждан в справедливость; во-вторых, государство недополучает налоги, а работники несут потери в пенсионном обеспечении и, порой, и в стаже; в-третьих, эти процессы замедляют формирование нормальной деловой этики, тормозят рост иностранных инвестиций в Россию.

На наш взгляд, в развитии неформальных трудовых отношений в России следует выделить ряд этапов. В основу выделения этапов нами положено развитие законодательной и нормативной базы в трудовой сфере.

I этап. Зарождение социально-трудовой сферы в советском обществе.

Начало формированию советского трудового законодательства было положено Декретом СНК о восьмичасовом рабочем дне, продолжительности и распределении рабочего времени от 29 октября 1917 г. Этот период отмечен жесткой регламентацией трудовых отношений, на практике явившей собой механизм принуждения к труду.

Этот этап характеризуется следующими чертами: всеобщей трудовой повинностью, которая, по сути, законодательно была закреплена в КЗоТе; обязанностью всех работать вне зависимости от вознаграждения; использованием военно-мобилизационных методов внеэкономического принуждения к труду. То есть в этот период вырабатывается механизм формального управления трудовой сферой, закладываются рамочные характеристики формальных трудовых отношений.

II этап. Развитие социально-трудовой сферы в период новой экономической политики (НЭП).

С 1922 г. начинаются процессы, совершенно отличные от предыдущего периода. Самое главное, что было сделано во время НЭПа в области трудовых отношений – от методов принуждения в регулировании трудовых отношений государство переходит к методам рыночного характера. Например, был разрешен свободный найм рабочей силы, то есть можно говорить о появлении рынка труда.

Трудовые отношения рассматриваемого периода представляли собой противоречивое явление, с одной стороны – наследие дореволюционного периода (частная инициатива), а с другой – формальные рамки, заданные советской политикой. Прямых и сознательных решений в области труда не было. Объясняется это тем, что рудовая политика государства в годы НЭПа была подчинена главной задаче — восстановлению народного хозяйства [5].

III этап. Развитие социально-трудовой сферы в сталинский период.

В это время происходит дальнейшая формализация трудовых отношений, кроме того необходимо отметить, что в это время формируется система жесточайшего контроля в трудовой сфере.

Взаимодействия между работником и работодателем были жестко подчинены официально установленному порядку. Следует упомянуть и об активном использовании командно-распорядительных и мобилизационных методов («великие стройки века», коллективизация крестьян и т.д.). В данном случае мы можем говорить о главенстве формальных предписаний над неформальными трудовыми отношениями.

IV *этап. Развитие социально-трудовой сферы в период «зрелого советского общества».*

На этом этапе важным является принятие нового Кодекса законов о труде (1971 г.), ознаменовавшего собой переход от репрессивно-карательных к командно-административным методам. В дальнейшем это сказалось на большем разнообразии социальных взаимодействий работников и работодателей, получивших право выбора – вида занятости, режима неполного рабочего времени и т.д.

Карательные меры прошлого периода теряли свое значение, специалистами отмечается снижение уровня дисциплины, мотивации работы и широкому распространению неформальных трудовых отношений [6]. Неформальные трудовые отношения реализуются через неправовые практики, которые, в свою очередь, представляют собой нечто иное как «устойчивые системы взаимосвязанного и взаимно ориентированного ролевого поведения индивидов, организаций и групп, имеющие массовое распространение и укорененные в социокультурных нормах» [7].

Пространство трудовой сферы начинает трансформироваться в направлении массового распространения неформальных трудовых отношений, буквально пронизывающих общество. Важно отметить, что в сущности, их существование было возможно благодаря молчаливому согласию администрации. Широко известны случаи и воровства (т.н. «несуны»), и нарушения трудового распорядка (опоздания, преждевременное завершение рабочего дня), использование помещений и оборудования организации в своих целях и т.д. [8]. В конце рассматриваемого периода неформальные трудовые отношения стали весьма обыденным явлением.

V *этап. Развитие социально-трудовой сферы в постсоветский период.*

Как отмечает Н.Н. Седова, в 2000-х, возникает интерес «к вопросам о природе, роли и функциях неформальных отношений в советской социально-экономической системе», без чего трудно понять существенные особенности этих отношений в постсоветской системе. Последние 20 лет внимание исследователей приковано к изучение неформальных трудовых отношений в контексте трансформации российского общества (переходного периода).

После распада советского союза, многие специалисты, в частности М.В. Удальцова, современное российское общество называет транзитивным. Транзитивность накладывает отпечаток и на сами неформальные отношения, будучи адаптационным механизмом, они получили такое массовое распространение, что можно говорить об их превращении в устойчивые социальные практики.

К числу основных областей существования неформальных трудовых практик относятся: подбор, найм и увольнение работников; оплата труда; соблюдение социальных прав и гарантий в сфере труда; обеспечение организации и необходимых условий труда. Все виды неформальных трудовых отношений не изолированы друг о друга, а проявляются во взаимосвязи [1, с.90].

Таким образом, нынешнее состояние трудовой сферы, с учетом всех ее трансформаций и окончательной институционализацией неформальных трудовых отношений в качестве массового явления, несет в себе множество отголосков советского прошлого. Задача ослабления неформальных трудовых отношений требует системного подхода – использование правовых, экономически инструментов, но без учета советского наследия и социокультурных установок, все эти попытки буду тщетны.

Список литературы:

1. Латыпова Г. С. Проблема неформальных трудовых отношений на российском рынке труда//Вестник Челябинского государственного университета. Научный журнал. Серия: Философия. Социология. Культурология. Выпуск 7,2008. – № 14(115) – С.89.

2. Алашеев С. Ю. Неформальные отношения в процессе производства: «взгляд изнутри»//Социс. – 1995. – № 2. С. 12-19; Заславская Т.И., Шабанова М.А. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России //Социс. – 2002. – № 6. С. 3-17; Клеман К. Неформальные практики российских рабочих//Социс. – 2003. – № 5. С. 62-72.

3. Темницкий А. Л. Отношение к труду молодых рабочих промышленных предприятий в советский и постсоветский периоды// Социс. – 2003. – № 4. С. 66-85.

4. Латыпова Г. С. Проблема неформальных трудовых отношений на российском рынке труда//Вестник Челябинского государственного университета. Научный журнал. Серия: Философия. Социология. Культурология. Выпуск 7,2008. – № 14(115) – С.89

5. Шанин Т. Почему до сих пор не умер русский народ. Эксполярные структуры и неформальная экономика современной России // Эксперт. – 2000. – № 1, С. 30.

6. Павлова Л. А. Трудовая политика советского государства в годы НЭПа// Актуальные вопросы социологии, политологии, философии и истории»: материалы междунар. заоч. науч.-практ. конф. – Новосибирск, 2012. – С.90.

7. Бородкин Л. И. Неформальные социальные практики рабочих в годы «позднего социализма»: к историографии вопроса//Рабочий и общественно-политический процесс в России в конце XIX-XX вв.: материалы VI Всерос. науч. конф. – Кострома, 2012. – Ч. 1. – С. 35

8. Заславская Т. И., Шабанова М. А. Социальные механизмы трансформации неправовых практик//Общественные науки и современность. – 2001. – №5. С.-21.

9. Алашеев С. Ю. Неформальные отношения в процессах производства: взгляд изнутри//Социс. – 1995. – №2. С.12-19; Клеман К. Неформальные практики российских рабочих и человеческая «пластичность»//Социс. – 2003. – № 5. С. 62-72.

МОЖЕТ ЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С РУССКОЙ НАУЧНОЙ ДИАСПОРОЙ ЗА РУБЕЖОМ СТАТЬ СПОСОБОМ ВОСПОЛНЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУЧНО-ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЫ?

Н.Н. Шестакова –
к.тех.н. доцент, ст.научный сотрудник
Института проблем региональной
экономики РАН

Переориентация нашей страны на инновационный путь развития предполагает формирование и использование в экономической и социальной сферах специфической рабочей силы: рабочей силы, обладающей необходимыми для инновационной экономики свойствами и качествами. И в первую очередь, это относится к ученым, исследователям и разработчикам: тем людям, которые должны закладывать основы инновационного развития государства.

Между тем, тогда как, по данным Организации экономического сотрудничества и развития [1, 14], в период с 2000 по 2012 г. показатель общей численности исследователей (в эквиваленте полной занятости) почти во всех странах-членах ОЭСР либо имел постоянную тенденцию к росту, либо практически не менялся (например, в Японии), только в России он демонстрировал постоянную тенденцию к снижению. По показателю количества исследователей на 10 000 занятых в экономике (как индикатору наукоемкости экономики), имеющему к тому же понижательную тенденцию, Россия заметно уступает многим странам мира: в 2000 г. он составлял 78, а в 2011 уже только 63 исследователя на 10000 человек, занятых в экономике страны.

Одним из возможных источников некоторого смягчения обозначившейся тенденции может служить приглашение сложившихся исследователей, и в том числе ученых-иностранцев и перспективных молодых кадров к работе в научно-инновационной сфере Российской Федерации.

Гипотетически можно было бы предположить, что наиболее простым вариантом установления контактов с зарубежными учеными в различных целях, включая и цели приглашения их для работы в РФ, могло бы стать налаживание и/или поддержание отношений с русской научной диаспорой за рубежом как с той категорией исследователей, которые, располагая российским (советским) менталитетом, получили определенный опыт работы в зарубежных университетах или научных организациях.

Тема организации отношений с российской научной диаспорой, вопросы ее участия в развитии и реформировании российской науки, а также системы высшего профессионального образования и т.п. в последние годы стала довольно популярной в публикациях, на конференциях, интернет-

форумах. В 1990-е гг. эта тема возникла из проблемы «утечки мозгов» (brain drain) из России и с тех пор сама является предметом дискуссий и различных исследований.

В общей сложности за период с 1989 по 2002 г. включительно, по данным МВД России, из России на постоянное место жительства в страны дальнего зарубежья выехали 1265 тыс. человек. Но эти данные не точны, поскольку не учитывали тех, кто уехал на ПМЖ за рубеж без получения официального разрешения из МВД или не снялся с учета по месту жительства [2, 505].

В Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года [3] приводятся по этому поводу такие альтернативные данные: «По экспертным оценкам, с 1989 по 2002 гг. за рубеж уехали более 20 тыс. ученых и около 30 тыс. работают за границей по временным контрактам. Хотя это составляет около 5-6% кадровой численности научного потенциала страны, уехавшие являются, как правило, наиболее конкурентоспособными учеными, находящимися в самом продуктивном возрастном интервале». В 90% случаев основной причиной отъезда за границу являлась низкая оплата научного труда на родине.

Директор исследований фонда Открытая экономика Иван Стерлигов показывал: до 2002 г. 33% самых цитируемых российских ученых проживало в России, а остальные жили за границей. За последние пять-шесть лет количество самых цитируемых российских ученых, живущих в России, снизилось до 10%. Это говорит о том, что зрелые, успешные ученые продолжают уезжать даже больше, чем в прежние времена [4].

Однако надо понимать, что исключительно количественные показатели в полной мере не отражают реальное положение дел: ведь речь идет о миграции работников интеллектуального творческого труда. Лишь немногие из сотен тысяч людей, занимающихся исследованиями и разработками, достигают высокого и высшего уровня. А на мировом рынке высококвалифицированного интеллектуального труда востребованы прежде всего состоявшиеся ученые, уже добившиеся значимых результатов, и перспективная талантливая молодежь. Научные же работники среднего уровня квалификации имеют невысокие реальные шансы устроиться на Западе по специальности. Более того, набор этих востребованных специальностей принципиально ограничен сферами, определяющими перспективы развития науки и технологии: физика, математика, информационные технологии, биология, химия, медицина, космические исследования.

В настоящее время точных сведений о численности российской научной диаспоры нет. По оценкам Е. Письменной и С. Рязанцева, из числа эмигрантов из России к научной диаспоре можно отнести примерно 100–150 тыс. человек [5], причем примерно 70% из них работают в США. В основном успешные ученые-выходцы из России работают в университетах и крупных корпорациях.

По данным А. Коробкова (проф. Университета штата Теннесси, США), в 2010 г. в структуре российской научной диаспоры по отраслевой принадлежности 33,6% составляли физики, 22,8% – биологи, 12,7% – специалисты в технических науках, 9,3% – математики и 6,1% – химики [6] .

По данным проекта «Международное научно-техническое сотрудничество в России» (2013), составлена следующая картина научной эмиграции из России [7]:

В 2000 –е годы по сравнению с 1990-ми:

- В 2 раза уменьшилось количество ученых, покидающих Россию навсегда, и в 2 раза увеличилось количество ученых, выезжающих временно;

- За период 2002-2010 гг. из России выехало:

• на ПМЖ 476 000 человек, в т.ч. 102 000 – с высшим образованием и 665 с научной степенью;
• на временное трудоустройство 200 000 человек.

- Структура научной диаспоры в США:

• 40% исследователей с докторской степенью – иностранцы, в т.ч.:
  - *выходцы из бывшего СССР – 6%;*
  - британцы – 7%;
  - индийцы – 14%;
  - китайцы – 22%.

Однако помимо статистической информации о научной диаспоре важно понимать отношение ее членов к своей исторической родине, а также к участию в развитии и модернизации ее научно-инновационного потенциала. Определенный ответ на эти вопросы можно получить из материалов двух проведенных форумов ученых-соотечественников: «Научная диаспора и будущее российской науки» (СПб, 2010) и «Точки роста российской науки» (СПб, 2014). Совокупное мнение целого ряда российских ученых-эмигрантов может быть сведено к следующему: если эмигранты первой волны (1990-х годов) совершенно искренне тяготели к России и были готовы к сотрудничеству в различных формах («У России в конце 80-х, в 90-х и начале 2000-х годов имелась совершенно уникальная возможность, огромное число ученых работало на Западе и не потеряло связи с Россией. Их потенциал можно было очень здорово использовать. Но постепенно получилось так, что имело место только отстранение Академии от диаспоры вместо контакта с ней» (Анатолий Вершик, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского отделения МИАН)[8]), то с введением в мае 2014 г. закона о двойном гражданстве [9] они – из опасений за свободу своего передвижения – заняли иную позицию: «Пока этот закон не будет отменен, диаспора будет все больше и больше дистанцироваться от России. … по поводу закона о втором гражданстве все единодушны…» (Максим Франк-Каменецкий, биомедик, Бостонский университет) [10]. Неясными, по их мнению, остаются

и перспективы созданных <под специальную программу по привлечению в российские вузы ведущих ученых, в том числе и зарубежных> лабораторий по окончании проекта; не устраивает ученых-эмигрантов «система грантового финансирования с непрозрачными конкурсами, непонятной системой оценки результатов и необходимостью готовить многостраничные формальные отчеты»; существующие проблемы с поиском и привлечением финансирования долгосрочных проектов по окончании мегагрантов; проблемы «с перемещением людей, препаратов, оборудования через границу»; и проч. [11].

Что касается эмиграционных настроений научно-исследовательской части общества, то сегодня вариант выезда на постоянное место жительства постепенно замещается временной работой по контракту, что, впрочем, не исключает и безвозвратный выезд. Масштабы выезда по временным контрактам, на стажировку и учебу, например, в начале 90-х гг. превышали выезд ученых на постоянное место жительства в 3-5 раз [12, 113 со ссылкой на 13]. Примерно такое же соотношение было получено в результате обследования 16 институтов РАН в середине 1990-х годов. Так, из Института химической физики им. Н.Н. Семенова за 2 года по контрактам уехало 172 научных работника, а на постоянное место жительства – ни одного [12, 113]. Из Физико-технического института им. А.Ф. Иоффе – 83 и 15 человек соответственно.

Рассматривая пути вовлечения представителей русской/российской научной диаспоры в научную и научно-образовательную деятельность в России, целесообразным представляется: организация взаимодействия представителей диаспоры с российскими научными и учебными организациями в части приглашения их для чтения лекций, проведения консультаций (в т.ч. по подготовке заявок на гранты, подаваемые в зарубежные фонды), участия в научных конференциях; участие в экспертизе научных и инновационных проектов; участие в организации и реализации совместных исследовательских проектов (научных проектов, государственных программ и планов, проектов на региональном уровне и проч.); рецензировании статей; создание совместных структур (кафедр в вузах, лабораторий в научных организациях) и параллельно реализуемых <в двух странах> проектов; обсуждения проблем реформирования и организации российской науки и образования и др. (позитивный пример – опыт Китая).

Вероятно, рассчитывать на возвращение российских ученых, добившихся успехов в западных странах, не приходится без создания необходимых и достаточных условий для их профессиональной деятельности. Последнее же, очевидно, принципиально восходит к вопросам увеличения финансирования науки.

Список литературы:

1. Международное научно-техническое сотрудничество Российской Федерации: краткий обзор и вопросы развития / [Киселев В.Н.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по междунар. делам (РСМД). — М.: Спецкнига, 2014. — 60 с.

2. Население России 2010 – 2011. Восемнадцатый – девятнадцатый ежегодный демографический доклад /Ответственный редактор А.Г. Вишневский М., Изд. дом Высшей школы экономики, 2013, 530 с.

3. Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года. Утверждена Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике (протокол от 15 февраля 2006 г. N 1) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_101907/?frame=1

4. Научная диаспора – ключ к успеху научной реформы (15.01.09) Радио Свобода [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.courier-edu.ru/cour0902/1100.htm

5. Письменная Е.Е., Рязанцев С.В. Новая российская диаспора, некоторые аспекты развития // Миграционное право. 2012. № 4. С. 20–23.

6. Korobkov A.V., Zaionchkovskaia Zh.A. The Scale and Social Impact of the Russian Intellectual Migration. Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies. 42nd Annual National Convention. LosAngeles, CA, November 2010.

7. Материалы сайта Российского совета по международным делам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/common/upload/Russia_ISTC.pdf

8. Научная диаспора и будущее российской науки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sanktpeterburg.bezformata.ru/listnews/diaspora-i-budushee-rosiijskoj-nauki/26693309/

9. Федеральный закон Российской Федерации от 4 июня 2014 г. N 142-ФЗ «О внесении изменений в статьи 6 и 30 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2014/06/06/grajdanstvo-dok.html

10. Резунков В., Добрынин С. Научная диаспора: без политики? Протест против реформы РАН (Радио свобода) (08.12.2014) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.svoboda.mobi/a/26731993.html

11. Меркулов А. Диагноз от диаспоры: Соотечественники называют болевые точки российской науки (08.09.2010) //Российская газета – Федеральный выпуск №5280 (201)

12. Ушкалов И.Г., Малаха И.А. «Утечка умов» как глобальный феномен и его особенности в России // Социологические исследования. 2000, № 3, с. 110 – 117.

13. Оценка социально-экономических последствий интеллектуальной миграции в России и странах СНГ. Методология подсчета ущерба от эмиграции высококвалифицированных кадров // Научный доклад. М., 1993.

ОЦЕНКА СТУДЕНТАМИ ПРОВОДИМЫХ В ВУЗАХ ИЗМЕНЕНИЙ

М.В. Шманцарь –
аспирант Уральского федерального
университета

Образование играет значительную роль в социокультурном, правовом и экономическом развитии общества. Посредством образования передается и трансформируется культура, достигаются и поддерживаются социальные статусы [2]. Оно служит фактором обновления всей социальной системы, поэтому в современной России образование – активно реформируемая сфера общества. Проводимые в стране масштабные реформы образования порождают изменения в образовательных организациях (в том числе в вузах), результаты которых имеют неоднозначный характер.

Вузы сталкиваются с противоречием между стабильностью и развитием: с одной стороны, в условиях современности необходимо соответствовать ее базовым ценностям, среди которых можно выделить динамичность, гибкость, адаптивность; с другой стороны, в образовании как крайне консервативной сфере изменения угрожают подрывом фундаментальных принципов, составляющих основу образования.

Реформа высшего образования и изменения в вузах как конкретные проявления ее реализации рискованны, поскольку имеют долгосрочные последствия, не всегда очевидные даже для инициаторов и тем более сложно сочетаемые с ожиданиями отдельных групп населения, которых эти изменения касаются [1]. С целью изучения отношения основных участников образовательной деятельности к изменениям в вузе в октябре 2014 года нами было проведено социологическое исследование, объектом которого стали студенты старших курсов очной формы обучения четырех вузов Екатеринбурга: УрФУ, РГППУ, УрГУПС, УрГЮУ (использовалась гнездовая выборка, объем выборочной совокупности составил 200 человек).

По результатам исследования мы пришли к выводу, что в целом к осуществляемым в вузах изменениям студенты относятся отрицательно: только два новшества получили положительную оценку. Во-первых, студенты положительно относятся к введению единых государственных стандартов подготовки студентов. Это обусловлено тем, что в эпоху, когда знания являются основным ресурсом общества, к профессионалу предъявляются повышенные требования. Рынок труда и сама система высшего образования заявляют, что выпускник вуза должен быть «компетентен» в сфере своей профессиональной деятельности; и для понимания этих требований, использования соответствующих методов обучения, позволяющих их удовлетворить, необходима закрепленная, признанная основными заинтересованными сторонами, унифицированная система качеств, которыми

должен обладать выпускник по завершении обучения в вузе. Студенты поддерживают введение ФГОС, так как это изменение делает образовательный процесс и предполагаемые результаты обучения более понятными, то есть существуют четкие задачи получения высшего образования, необходимые для профессионального будущего выпускника вуза.

Несмотря на это, введение стандартов сопровождается сложностями на этапе внедрения. Эксперты оценивают ФГОС как «сырой» документ, положения которого не понятны и часто противоречат друг другу. В исследовании, посвященном организационной готовности вузов к реализации ФГОС ВПО, ~~авторы (~~В.В. Зырянов, И.Б. Котлобовский, А. В. Синяков пришли к выводу, что успешное внедрение принципов, заложенных в стандартах, возможно при условии понимания преподавателями и административным персоналом ответственности перехода на эти принципы и наличия нормативно-правового регулирования всех содержательных вопросов перехода [3; 91].

Во-вторых, студенты положительно относятся к постепенному отказу от классических лекций и семинаров в пользу форм проведения занятий, направленных на развитие творческих способностей. Это можно объяснить тем, что декларируемое стремление к инновациям, к обновлению сущности и содержания высшего образования предполагает появления таких форм обучения, которые будут на практике подтверждать данное стремление.

Вместе с тем, ряд изменений получил негативную оценку со стороны студентов. К ним относятся: сокращение бюджетных мест в государственных вузах, введение уровневой системы высшего образования, установление единого государственного экзамена в качестве вступительного, оценка знаний студентов с помощью балльно-рейтинговой системы.

Отметим, что наиболее отрицательно студенты оценивают рост числа негосударственных вузов, а также увеличение количества часов на самостоятельную работу за счет сокращения учебных, отведенных на аудиторные занятия. На наш взгляд, первая тенденция обусловлена тем, что образование всегда служило одним из ключевых оснований социальной стратификации, посредством него осуществляется социальная мобильность, достижение и поддержание статусных позиций.

Это ограниченный и очень ценный ресурс, и доступ к нему открыт только для тех, кто проявляет свои способности в определенной области знания. Но в условиях коммерциализации образование стало доступным не только для «способных», и это привело к тому, что наличие высшего образования не воспринимается как исключительная характеристика, не ассоциируется с интеллектуальной элитой общества. В итоге оно теряет свои позиции в качестве стратифицирующего признака.

Результаты исследования позволяют нам предположить, что большинство опрошенных поддерживают меритократическую модель доступности высшего образования, согласно которой только умственные

способности, а не финансовая возможность оплачивать обучение в вузе, могут служить «пропуском» в эту сферу. В образовании должно существовать неравенство на основании интеллектуальных характеристик. Также негативное отношение к указанному изменению можно объяснить тем, что все опрошенные являются студентами государственных вузов, поэтому воспринимают негосударственные вуза как «кузницу» своих будущих конкурентов в трудовой деятельности.

Вторая тенденция обусловлена тем, что очная форма обучения в сознании студента связана, в первую очередь, именно с аудиторными занятиями, с личным взаимодействием преподавателей и студентов, и уменьшение числа таких занятий противоречит сложившимся принципам. Кроме этого, сокращение количества аудиторных занятий освобождает время для других видов деятельности студента, но многим из них сложно посвятить это время самостоятельному образованию. Легче полагаться на аудиторные занятия, где преподаватель берет на себя наиболее существенную часть задач по формированию у студентов определенных компетенций, соответствующим образом отбирает и преподносит материал.

Необходимо было узнать, как студенты характеризуют изменение качества высшего образования под влиянием внедряемых изменений. По оценке 61 % опрошенных, эти изменения приводят к снижению качества образования; 30 % считают, что оно существенно не меняется, и лишь 9 % полагают, что качество образования повышается. Повышение качества образования выступает стратегической целью реформирования этой сферы, но в представлениях студентов трансформации приводят к обратному результату – к снижению качества высшего образования, то есть наблюдается противоречие предполагаемых и реальных итогов реформ.

Также нужно было выяснить, каковы конкретные результаты осуществляемых в вузе изменений, по мнению студентов. С точки зрения опрошенных, основные результаты этих изменений связаны с отсутствием каких-либо гарантий трудоустройства выпускника и ориентацией деятельности вуза преимущественно на улучшение его финансового положения. То есть, во-первых, завершение обучения в вузе не делает ближайшее профессиональное будущее выпускника определенным. Во-вторых, в деятельности вуза появляется новая цель, которая нередко начинает вытеснять изначальную миссию этой образовательной организации.

Чуть более 40 % студентов отмечают, что одним из последствий внедрения изменений является повышение доступности образования. Данный результат преобразований деятельности вуза нельзя оценивать однозначно, поскольку, с одной стороны для абитуриента и студента это, безусловно, положительная тенденция, так как повышение доступности увеличивает шансы на получение высшего образования по выбранной специальности. С другой стороны, как уже было указано выше, высшее образование – это такая сфера,

где необходимо поддерживать и сохранять неравенство, основанием которого выступают способности абитуриента и студента.

По мнению четверти студентов, одним из основных результатов проводимых в вузе изменений служит расширение сети взаимодействий с зарубежными вузами. Это выражается, в первую очередь, в развитии академической мобильности студентов, а также в проведении в российских вузах международных конференций и в зарубежных грантах.

Чуть менее 20 % − считают, что под влиянием изменений в вузе произошло избавление от субъективности оценки знаний студентов. Эта положительная тенденция имеет оборотную сторону, которая заключается в превращении преподавателей из наставников в управленцев. Такая формализация отношений ухудшает психологический комфорт студентов.

Таким образом, мы выяснили, что основные изменения, происходящие в системе высшего образования и в конкретном вузе, не поддерживаются студентами и оцениваются ими скорее в негативном аспекте. Это связано, на наш взгляд, с тем, что студенты как участники образовательного процесса не ощущают пользу данных трансформаций. У студентов не сложилось потребности в проводимых изменениях, поэтому они отрицательно относятся к ним и оценивают итоги внедрения новшеств как то, что ухудшает качество высшего образования. Исходя из этого, студенты позиционируют себя как «жертвы» изменений (поскольку они происходят без учета их интересов). Изменения, происходящие в вузе, формируют условия для обострения рисков в образовательной деятельности студентов ввиду того, что прежние нормы уже не действуют, а новые не до конца установились, поскольку нередко вступают в противоречие с традиционными практиками участников образовательного процесса.

Список литературы:

1. Казак А.Ю. Риски, связанные с реформированием национальной системы образования: проблемы оценки и управления // Фундаментальные исследования. 2013. № 6 (часть 1). С. 159-163.

2. Калинковская С.Б. Образование и современное общество. URL: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1749 (дата обращения: 03.04.2014).

3. Экспертно-аналитическое обеспечение качества образовательных программ профессионального образования: опыт внедрения ФГОС: материалы семинара-совещания для руководящих работников учреждений профессионального образования Уральского федерального округа. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2012. 342 с.

References:

1. Kazak A.Ju. Riski, svjazannye s reformirovaniem nacional'noj sistemy obrazovanija: problemy ocenki i upravlenija // Fundamental'nye issledovanija. 2013. № 6 (chast' 1). S. 159-163.

2. Kalinkovskaja S.B. Obrazovanie i sovremennoe obshhestvo. URL: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1749 (data obrashhenija: 03.04.2014).

3. Jekspertno-analiticheskoe obespechenie kachestva obrazovatel'nyh programm professional'nogo obrazovanija: opyt vnedrenija FGOS: materialy seminara-soveshhanija dlja rukovodjashhih rabotnikov uchrezhdenij professional'nogo obrazovanija Ural'skogo federal'nogo okruga. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. 2012. 342 s.

ТАКТИКИ ПОИСКА БРАЧНОГО ПАРТНЕРА СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

М.В. Щербакова –
аспирант Уральского государственного университета

В связи с трансформациями происходящими сегодня в сфере семейно-брачных отношений, выражающихся в росте числа консенсуальных, то есть юридически не оформленных браков, увеличении возраста вступления в первый брак и в целом, в модификации брачно-семейных установок молодежи, проблема брачного выбора становится одной из актуальных социальных проблем. Брачный выбор осуществляется под воздействием множества факторов (субъективных и объективных), которые в свою очередь определяют стратегии и тактики поиска брачного партнера.

Для анализа данной проблемы, в конце 2014 года нами было проведено исследование на тему «Стратегии брачного выбора молодежи г. Екатеринбурга». Целью нашего исследования было проанализировать стратегии выбора брачного партнера, характерные для молодежи города Екатеринбурга. В объект исследования в равных долях вошли две группы молодежи: работающая и учащаяся (студенты вуза). Всего в г. Екатеринбурге было опрошено 200 человек.

Важную роль в процессе брачного выбора играет процесс поиска потенциального супруга/супруги. Период поиска брачного партнера вплоть до принятия решения о вступлении в брак имеет значимое место в последующем развитии и функционировании семьи.

Осуществляя поиск, индивиды пользуются тактиками, которые характеризуются определенными действиями в ситуации брачного выбора. В первую очередь, тактики поиска определяются местами знакомств будущих супругов.

Результаты нашего исследования показали, что самыми подходящими местами выступают компании друзей/знакомых (65,5%), места учебы/работы (54,5%). Это свидетельствует о том, что, по мнению молодежи, лучше всего искать партнера в тех местах, где проводится большая часть времени. Кроме того, для молодых людей важен близкий социальный статус, близкое с партнером социальное окружение. Этот факт свидетельствует, с одной стороны, о рациональности при выборе партнера, с другой стороны, некоторой инфантильности, нежелании расширить поиск. Возможно, важную роль здесь играют такие факторы как безопасность и уверенность, поскольку иные пути поиска партнера (клубы, бары, театры, кинотеатры, кафе, рестораны, спортзалы, фитнес-центры, социальные сети, сайты знакомств, форумы, чаты и т.п.) остались за пределами внимания опрошенных. Вместе с тем,

8% опрошенных – фаталисты и рассчитывают только на случайность: «как повезет», «где угодно».

В подтверждение полученных нами данных хотелось бы привести результаты исследования ВЦИОМ: по мнению россиян, поиск брачного партнера лучше всего осуществлять в кругу друзей (69%), также к наиболее удачным опрошенные относят знакомства на местах работы/учебы (49%). Кроме того, говоря о реальных встречах со своими нынешними партнерами, россияне признаются, что знакомства произошли именно в кругу друзей (35%), на работе/учебе (26%), на улице (11%). Для совсем небольшой доли респондентов удачные знакомства произошли в Интернете (3%), несмотря на это, почти половина опрошенных пробовавших такой способ знакомства считают его самым эффективным. [2]

Для современного брака характерны эгалитарные отношения. Равенство полов в нашем исследовании отразилось в ответах на вопрос об инициаторе знакомства. По мнению большей половины опрошенных (57%) неважно от кого исходит инициатива. Сегодня становится нормой, когда девушка/женщина берет «инициативу в свои руки». Следует отметить, что для третьей части опрошенных, в основном студентов, характерны традиционные взгляды на данный вопрос. Мы связываем данный факт с большим брачным кругом, характерным для студенческой молодежи. Это отличает ее от молодежи работающей, для которой брачный круг сужен.

По результатам опроса, проведенного одним из крупнейших сайтов знакомств Match.com, 22% опрошенных женщин никогда не станут проявлять инициативу при знакомстве, и будут ждать ее от мужчины. В свою очередь, лишь 5% мужчин ожидают ее от женщин [4]. Такие данные также демонстрируют вполне традиционные взгляды на процедуру знакомства.

Несмотря на то, что, по мнению молодежи, неважно от кого должна исходить инициатива при знакомстве, большинство опрошенных отмечают, что самостоятельно проявляют активность редко, причем, это касается практически в равной степени, как девушек, так и юношей. Вместе с тем, «слабая половина» полагает, что молодые люди проявляют знаки внимания с целью знакомства чаще, в отличие от юношей, считающих, что девушки реже инициируют такие практики.

Особое значение при формировании стратегии брачного выбора и поиска партнера имеют субъекты, чье мнение может оказаться решающим. Результаты исследования показали: большая часть опрошенных в ситуации брачного выбора будут опираться только на собственное мнение (64,5%). К мнению родителей и родственников прислушиваются 28% молодых людей, однако оказать влияние на решение о выборе брачного партнера эти субъекты могут на 34% опрошенных, в отличие от друзей и знакомых, мнением которых молодежь готова пренебречь. Эти показатели демонстрируют стремление к самостоятельности в брачном выборе и достаточно высоком

авторитете родителей (родственников). Ценность родительских отношений выше среди студентов, нежели у работающих, поскольку студенты, как правило, материально зависимы от родителей, они, по сути, иждивенцы. Отсюда, авторитет родителей становится весьма значимым для них фактором практически во всех сферах жизнедеятельности.

Исследователь Чистякова Т.С. изучала деятельность посредников на рынке брачных услуг, исторически их роль выполняли свахи, в обязанности которых входило не только само сватовство, но и подбор партнера. Кроме того, для нее были важны сведения о материальном положении семей. От свах узнавались и условия заключения брачного союза, которые ставили та и другая сторона. В результате право брачного выбора принадлежало не жениху и невесте, а их родителям. Таким образом, роль родителей в браке молодых была велика. Браки строились на экономических соображениях, которые основывались на стремлении войти в более богатую семью, или же получить в дом нового работника. Однако, как отмечает автор, с начала XX века произошли культурные и социальные изменения, которые привели к ослаблению функции семьи. Таким образом, случился переход к свободному выбору, который теперь основывается на добровольном согласии партнеров при вступлении в брак. Самостоятельность молодежи в таких вопросах как проведение досуга, отдыха и знакомств привела к самостоятельности в поисках партнера по браку. Роль родителей и родственников существенно изменилась, сегодня выбор остается за самим индивидом, а родители могут лишь выразить свое отношение (одобрение/осуждение). Так по результатам исследования проведенного Чистяковой Т.С., выяснилось, что 63% ответивших молодых людей самостоятельно нашли партнера, 6% – приняли во внимание совет родственников, и лишь 3% – родителей. [3, 138]. Таким образом, последнее время брачный выбор молодежи не подвержен тотальному контролю родительской семьи, однако, советы и поддержка со стороны старших, по-прежнему могут быть значимыми в силу неопытности молодых людей.

Первое впечатление от знакомства с человеком может во многом оказать влияние на последующий брачный выбор. По результатам нашего исследования выяснилось, что в первую очередь при знакомстве юноши обращают внимание на внешние данные, в то время как для девушек большее значение играют поведенческие практики партнера. Хорошие внешние данные для девушки могут быть значимым капиталом при выборе партнера на этапе знакомства. Так, по данным опроса, проведенным ФОМ, по мнению 54% респондентов, обладать привлекательной внешностью для женщин важнее, чем для мужчин. Кроме того, чтобы иметь успех у мужчин, женщине необходимо быть красивой, по мнению 72% опрошенных, в то время как, для того, чтобы нравиться женщинам, мужчине важно быть привлекательным, по мнению 41% респондентов.[1]

Поведение при знакомстве, к которому апеллируют девушки, действительно является важным фактором для них в силу психологических особенностей гендерной общности. Общение и внешний вид при знакомстве имеют не столь важное значение, однако доли выборов среди мужской и женской частей опрошенных примерно равны.

Таким образом, при анализе феномена мы вывили некоторые тенденции. При поиске брачного партнера работает принцип гомогамии: молодые люди предпочитают искать партнера в местах «близких» для себя.

Несмотря на стремление к равноправию, у молодых людей сохраняется установка на традиционную процедуру знакомства: инициативность ожидается, прежде всего, от мужчин, однако непосредственно при знакомстве активность молодежь проявляет достаточно слабо.

Наконец, молодежь стремиться к самостоятельности и независимости в своем выборе, однако мнение и советы родителей и родственников, безусловно, являются значимой ценностью.

Список литературы:

1. Внешность и ее роль в жизни человека [Электронный ресурс] База данных ФОМ – Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/healthca/d083225 (дата обращения 19.05.2015).

2. Где найти свою вторую половинку? [Электронный ресурс] ВЦИОМ – Режим доступа: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=113641 (дата обращения: 13.05.2015).

3. Чистякова Т.С. Ценность информации в ситуации выбора брачного партнера./ Т.С. Чистякова. // Социология и социальная работа. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки, 2007, № 3 (8). – 137-142 с.

4. Match.com [Электронный ресурс] Match.com – Режим доступа: http://www.match.com/ (дата обращения 13.05.2015).

References:

1. 1Vneshnost i ee rol v zhizni cheloveka [Elektronnyiy resurs] Baza dannyih FOM – Rezhim dostupa: http://bd.fom.ru/report/cat/healthca/d083225 (data obrascheniya 19.05.2015).

2. Gde nayti svoyu vtoruyu polovinku? [Elektronnyiy resurs] VTsIOM – Rezhim dostupa: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=113641 (data obrascheniya: 13.05.2015).

3. Chistyakova T.S. Tsennost informatsii v situatsii vyibora brachnogo partnera./ T.S. Chistyakova. // Sotsiologiya i sotsialnaya rabota. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Sotsialnyie nauki, 2007, # 3 (8). – 137-142 s.

4. Match.com [Elektronnyiy resurs] Match.com – Rezhim dostupa: http://www.match.com/ (data obrascheniya 13.05.2015).

IV Тюменский социологический форум

Социальные вызовы и ограничения новой индустриализации в регионах России

Секция № 2

Эффективность государственного и муниципального управления территориями

СПЕЦИФИКА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА К ИССЛЕДВАНИЮ ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»

Е.М. Акулич –
д.социол.н., доцент
зав. кафедрой социально-культурной деятельности, культурологи и социологии Тюменского государственного института культуры

И.В. Шевченко –
аспирант Тюменского государственного института культуры

Основание социокультурного подхода составляет тезис о том, что каким бы мотивами человек ни руководствовался в своей деятельности, скрытыми (подсознательными) или явными, в терминах какой бы науки эти мотивы не описывались, все это фиксируется в культуре.

Культуру можно рассматривать как носитель, в котором зафиксирована, записана мотивация людей, хотя сами люди это могут не рефлексировать.

Культура – социальное явление, а это значит, что она входит в социокультурную деятельность, что она входит в социокультурную деятельность людей, охватывающей все ее сферы.

Исследование культурной безопасности может осуществляться с позиций философского, экономического, правового, политического, общественного анализа, поскольку элементы этой деятельности в той или иной мере присущи культурной безопасности.

Проблему изучения культурной безопасности, на наш взгляд, правильнее раскрывать через методологию социокультурного анализа вызовов и угроз целям, идеалам и ценностям человека, семьи, общества и государства. Именно социокультурный подход, т.е.понимание общества как единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека, возможен для анализа динамики культурной безопасности через динамику развития человека, семьи и общества.

В современной культурологической и социологической литературе повышается научный статус самого понятия «культура».

Культура выступает в качестве генеральной детерминанты общественного развития в силу того, что большинство действующих в социальной системе каузальных факторов представляют собой внебиологические, специфические человеческие способы деятельности, т.е.феномены культуры, а также все факторы, действующие в обществе или воздействующие на него (в том числе природные), даже в тех исторических

ситуациях, когда они играют определяющую роль, определяются социокультурным достоянием. Возникновение культурной детерминации обусловлено историей как деятельностью преследующего свои цели человека (К. Маркс).

Суть социокультурного подхода П. Сорокин выразил в книге «Общество, культура и личность: их структуры и динамика».

По мнению П.Сорокина, структура социокультурного взаимодействия имеет три аспекта, неотделимых друг от друга:

«1.Личность как субъект взаимодействия;

2.Общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами;

3.Культура, как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют социализируют и раскрывают эти значения.

Ни один из членов этой неразделимой триады (личность, общество и культура) не может существовать без двух других» [1].

Вслед за Н.И. Лапиным, который опирается на этот фундаментальный синтез, будет понимать под культурной «совокупность способов и результатов деятельности человека (материальных и духовных: идеи, ценности, нормы, образы и др.), а под социальностью – совокупность отношений каждого человека или иного социального субъекта с другими субъектами: экономических, социальных, идеологических, политических отношений, формируемых в процессах деятельности» [2].

Специфика социокультурного подхода, отмечает Н.И. Лапин, состоит в том, что он интегрирует три измерения человеческого бытия (человека в его соотношении с обществом, характер культуры, тип социальности) именно как фундаментальные, каждое из которых не сводится к другим и не выводится из них, но при этом они взаимосвязаны и влияют друг на друга как важнейшие составляющие человеческих общностей.

Применяя социокультурный подход, предложенный П. Сорокиным, важно обратить внимание и на различие социального и культурного. Оно состоит в том, что термин «социальный» – означает сосредоточение на совокупности взаимодействия людей и их отношений, тогда как «культурный» означает сосредоточение на значениях, ценностях и нормах, а также на их материальных носителях (или материальной культуре)» [3].

Культурная безопасность – есть некая интеграция социального и культурного, и применение методологии П. Сорокина это доказывает. В социокультурном подходе системообразующим фактором служит культура. Это является сущностью социокультурного подхода.

В методологическом плане для понимания культурной безопасности, ее специфики и особенностей использованы представления П. Сорокина о социальной и культурной динамике. П. Сорокин разработал оригинальную

теорию культурно-исторического процесса. В предшествующих представлениях Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби культура рассматривалась как уникальная и неповторимая, а сходство культур объяснялось ее периодизацией (от рождения до смерти). П.Сорокин признавая своеобразие культуры, обратил внимание на их содержательное сходство. По Сорокину, культура общества всегда включает в себя наряду с целостными системами значений и ценностей на интегрированные культурные комплексы и феномены, не согласующиеся в ее основных системах. Этим объясняется соотношение традиционного и инновационного в культуре, отражаемое и в содержании культурной безопасности [4].

Разработанный Т.Парсонсом подход к культуре также дает широкие возможности для исследования культурной безопасности. Социокультурные традиции и обычаи также представлены в культурной безопасности, как важные человеческие ценности.

Процесс обучения культурным стандартам, выделенный Т. Парсонсом в определении культуры, имеет непосредственное отношение к определенной социокультурной среде, накладывающей отпечаток на процесс обучения личности культурным стандартам.

Культурная безопасность «вписана» в социокультурную среду, и личность формируется в этой среде через гармоничное сочетание культурных традиций и инноваций – важных ценностей культурной безопасности.

Культура является общепринятой – эту характеристику Т. Парсонс называет в числе трех определяющих сущность культуры. Культурная безопасность необходимая именно общепринятой культуре, принятой обществом как целыми или отдельными социальными группами.

Т. Парсонс разработал свое представление о социокультурном подходе к потребностям общества, позволяющее глубже понять сущность и социальное предназначение культурной безопасности [5].

Важное методическое значение для понимания особенностей применения социокультурного подхода к исследованию культурной безопасности имеет концепция культуры как саморазвивающейся системы М.С. Кагана.

Применение методологии разработанной М. Каганом, в которой утверждается, что культура есть саморазвивающаяся система, к исследованию культурной безопасности, позволяет: рассмотреть и определить место культурной безопасности в социальной системе; проанализировать ее социокультурное значение для личности; выявить ее социокультурную роль и предназначение [6].

Важное методологическое значение для понимания культурной безопасности имеет информационный подход. По определению Ю.М. Лотмана и Б.А.Успенского, «культура есть устройство, вырабатывающее информацию. Культура есть и устройство, запоминающее эту информацию»[7].

Применение методологии социокультурного подхода к изучению культурной безопасности означает, что в центре внимания процесса культурной безопасности находится лишь один субъект истории – это общественный субъект, человек как носитель определенной культуры и общественных отношений. «Культура – это конфигурация усвоенного поведения и его результатов, составные элементы которой разделяются и передаются членами данного общества» – отмечал Р. Линтон [8].

Термин «конфигурация», по Р.Линтону подразумевает, что «различные проявления поведения и его результаты, составляющие культуру, образуют структурное целое» [там же].

Усвоенное поведение объективируется в результаты, признанные и принятые обществом, а они уже являются предметом внимания культурной безопасности.

Социокультурный подход к исследованию термина «культурная безопасность» позволил нам сформировать понятие «культурная безопасность» в авторской трактовке:

«Культурная безопасность – процесс сохранения национальной идентичности конкретной личности и общества в условиях социокультурного взаимодействия традиционного и инновационного в культуре».

Список литературы:

1 Американская социологическая личность :тезисы /под ред. В.И. Добренькова. Москва, 1996. С.500

2. Каган, М.С. Философия культуры /М.С.каган. СПб, 1999

3. Кармин, А.С. Культурология /А.С.Кармин. СПб.: Лань, 2001. 832 с. С. 24

4. Линтон Р. Понятие культуры /Р. Линтон // Личность. Культура. Общество. 2000 Т. II. вып. 4. С.1 63

5. Лапин, Н.И. Социокультурный подход и социально-функциональные структуры. Социс, № 1, 2000 г.

6. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ.ред.сост.и предисл. А.Ю. Соколовцев: Пер.с англ. М.; Политиздат, 1992. 543 с.

References:

1. American Sociological identity: abstracts/ed. V.i. Dobren′kova. Moscow, 1996. C. 500

2. Kagan M.s. culture Philosophy/M.s. Kagan. St. Petersburg, 1999

3. Carmine, A.s. Cultorology/A.s. Carmine. St.p.: LAN, 2001. 832s. C. 24

4. Lynton r. notion of culture/r. Linton//personality. Culture. Society. 2000 Vol. II. Vol. 4, p. 163

5. Lapin N.i., Sociocultural approach and socially functional structure. Socis, no. 1, 2000.

6. Sorokin, p.a. Man. Civilization. Society/AGG ed. compl. and an introd. A. Sokolovcev: translation from English. M.; Politizdat, 1992. 543 s.

ИТОГИ ДВУХ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЙ В АГРАРНОЙ СФЕРЕ

С.Г. Банных –
к.философ.н, доцент,
Государственного аграрного университета
Северного Зауралья

Индустриализация это процесс создания крупного машинного производства во всех отраслях земледелия и животноводства. Он заключается в использовании современных средств комплексной механизации и автоматизации основных производственных процессов, широком внедрении достижений науки, технологий промышленного типа. В связи с этим сельскохозяйственный труд превращается в разновидность индустриального. Индустриализация – одно из основных направлений технического прогресса в сельском хозяйстве.

Индустриализация сельского хозяйства направлена на повышение эффективности производства и производительности труда. Благодаря ей постепенно ослабляется зависимость его от стихийного влияния природных условий и преодолевается сезонность производства. Этому процессу во всём мире способствуют различные государственные программы.

Немного истории. На мартовском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС была выдвинута задача решительно усилить материально-техническую базу колхозов и совхозов. В 1965 г. парк тракторов в сельском хозяйстве (в физических единицах) составлял 1,6 млн с суммарной мощностью 78 млн л. с., а в 1980 г. – 2,6 млн с суммарной мощностью 191 млн л. с. Парк самоходных зерноуборочных комбайнов за эти годы возрос в 1,4 раза, грузовых автомобилей – в 1,7 раза. Резко возросла электровооруженность сельского хозяйства. В 1965 г. на одно сельскохозяйственное предприятие приходилось в среднем 30 тракторов, а в 1980 г. – уже 47. Зерноуборочных комбайнов – соответственно 10 и 14, грузовых автомобилей – 16 и 23. Кроме того, в каждом колхозе, совхозе было много другой сельскохозяйственной техники, обеспечивающей механизацию производственных процессов, построены капитальные механизированные помещения для скота и птицы, склады для хранения продукции, ремонтные мастерские, гаражи и др. Многие хозяйства имели цехи для переработки сельскохозяйственной продукции (овощей, плодов, молока и др.), тепличные комбинаты для выращивания овощей осенью, зимой и весной. В стране были построены крупные высокомеханизированные животноводческие комплексы, птицефабрики.

В наше время такие виды полевых работ, как пахота, сев и уборка основных сельскохозяйственных культур (зерновых, сахарной свеклы, хлопчатника, силосных), полностью механизированы. Значительно повысился уровень механизации и в животноводстве. Такие трудоемкие процессы,

как доение коров, подача воды на фермах, очистка помещений от навоза, приготовление и раздача кормов, в большинстве хозяйств механизированы.

Укрепление материально-технической базы сельского хозяйства связано со все возрастающими объемами капитальных и кредитных вложений в эту отрасль.

Несмотря на рост технической оснащенности, уровень индустриализации сельского хозяйства ещё недостаточно высок. Поэтому стоит задача ускорить перевод сельскохозяйственного производства на индустриальную базу и прогрессивные технологии, для чего необходимы условия для увеличения закупок техники сельским хозяйством.

Индустриализация сельского хозяйства — это не только обеспечение хозяйств техникой, машинами и механизмами. Она предполагает широкое осуществление мелиорации земель и химизации сельского хозяйства, выведение новых сортов сельскохозяйственных культур и пород животных применительно к машинной технологии их выращивания, внедрение стандартизации производимой продукции и т. д.

Успешное развитие индустриализации зависит от развития промышленности, производящей средства производства для сельского хозяйства (машины, технику и т. д.).

Важнейшие условия индустриализации сельского хозяйства – специализация, концентрация и кооперирование производства, создающие простор для применения новейших машин и технологий; наличие высококвалифицированных кадров.

Развивающийся процесс индустриализации сельского хозяйства требует соответственно и совершенствования форм организации производства, системы управления. Здесь важнейшую роль играют крупные межхозяйственные и аграрно-промышленные предприятия и объединения, создаваемые в различных отраслях сельскохозяйственного производства.

Индустриализация сельского хозяйства не только приводит к быстрому росту производительности труда, повышению эффективности сельскохозяйственного производства, но имеет и важнейшие социальные последствия.

Механизатор сейчас ведущая фигура на селе. Успешное решение задач индустриализации немыслимо без дальнейшего повышения профессионально-технического уровня кадров, в том числе и работников массовых профессий, способных овладеть новой техникой и высокопроизводительно использовать её.

Социалистическая индустриализация проводилась в СССР, начиная с 1928 г. Часто, более узко, под ней подразумевается первая пятилетка (1928–1932 гг.). Официальной целью индустриализации было превращение СССР в кратчайшие сроки из преимущественно аграрной страны в ведущую индустриальную державу. Её достижения включали стремительный рост тяжёлой промышленности и последующее массовое

перевооружение. С точки зрения советского народа, она представляла собой страшный по напряжению сил мобилизационный рывок, требовавший исключительно высокой самоотдачи. Став одной из важнейших эпохальных ценностей в советское время и одним из столпов советской пропаганды, в послесоветский период вопрос об историческом значении индустриализации стал предметом ожесточённых споров. Дискуссии идут вокруг подлинной цели индустриализации, выбора средств, её взаимосвязи с коллективизацией и массовыми репрессиями, а также её реальных последствий для советской экономики и общества. В годы советской власти коммунисты утверждали, что в основе индустриализации был рациональный и выполнимый план. Между тем, предполагалось, что первый пятилетний план вступит в действие ещё в конце 1928 г., однако даже к моменту его объявления в апреле-мае 1929 г. работа по его составлению не была завершена. Изначальная форма плана включала в себя цели для 50 отраслей промышленности и сельского хозяйства, а также соотношение между ресурсами и возможностями. С течением времени главную роль стало играть достижение наперёд заданных показателей. Если изначально заложенные в плане темпы прироста промышленного производства составляли 18-20 %, то к концу года они были удвоены. Несмотря на отчёт об успешном выполнении первой пятилетки, на самом деле, статистика была сфальсифицирована, и ни одна из целей не была достигнута даже близко. Более того, в сельском хозяйстве и в промышленных отраслях, зависящих от сельского хозяйства, был резкий спад. Часть партийной номенклатуры была этим крайне возмущена, например, С. Сырцов охарактеризовал репортажи о достижениях как «очковтирательство».

Напротив, по мнению критиков индустриализации, она была плохо продуманной, что проявилось в серии объявленных «переломов» (апрель-май 1929 г., январь-февраль 1930 г., июнь 1931 г.). Возникла грандиозная и насквозь политизированная система, характерными чертами которой были хозяйственная «гигантомания», хронический товарный голод, организационные проблемы, расточительность и убыточность предприятий. Цель (т. е., план) стала определять средства для её реализации. Пренебрежение материальным обеспечением и развитием инфраструктуры с течением времени стало наносить значительный экономический ущерб. Некоторые из начинаний индустриализации оказались плохо продуманными с самого начала. Примером является Беломоро-Балтийский канал, построенный в 1933 г. с помощью труда более 200 000 заключённых, который оказался практически бесполезным.

Индустриализация требовала всё больших трудовых затрат, привлечения миллионов жителей деревень в города и сопровождалась резким падением реальных заработков. Стремление выполнить план приводило к обстановке перенапряжения сил и перманентного поиска причин, чтобы оправдать невыполнение завышенных задач. В силу этого, индустриализация не могла питаться одним только энтузиазмом и требовала ряда мер принудительного

характера. Начиная с 1930 г. свободное передвижение рабочей силы было запрещено, были введены уголовные наказания за нарушения трудовой дисциплины и халатность. С 1931 г. рабочие стали нести ответственность за ущерб, нанесённый оборудованию. В 1932 г. стал возможным принудительный перевод рабочей силы между предприятиями, за кражу госимущества была введена смертная казнь. 27 декабря 1932 г. был восстановлен внутренний паспорт, который Ленин в своё время осуждал как «царистскую отсталость и деспотизм». Семидневная неделя была заменена на сплошную рабочую неделю, дни которой, не имея названий, нумеровались цифрами от 1 до 5. На каждый шестой день приходился выходной, устанавливаемый для рабочих смен, так что заводы могли работать без перерыва. Активно использовался труд заключённых. Все эти подавления свободы стали предметом острой критики в демократических странах, причём не только со стороны либералов, но в первую очередь со стороны социал-демократов.

Индустриализация в значительной степени проводилась за счёт сельского хозяйства (коллективизация). Прежде всего, сельское хозяйство стало источником первичного накопления, за счёт низких закупочных цен на зерно и реэкспорта по более высоким ценам, а также за счёт т. н. «сверхналога в виде переплат на промтовары». В дальнейшем крестьянство также обеспечивало рост тяжёлой промышленности рабочей силой. Краткосрочным результатом этой политики стало падение сельскохозяйственного производства: так, животноводство сократилось почти в два раза и вернулось на уровень 1928 г. только в 1938 г. Следствием этого стало ухудшение экономического положения крестьянства. Долговременным последствием стала деградация сельского хозяйства. В результате коллективизации, голода и чисток между 1926 и 1939 гг. страна потеряла от 16 до 26 миллионов человек.

Некоторые критики также утверждают, что, несмотря на усилия, направленные на повышение производительности труда, на практике средняя производительность труда в 1932 г. по сравнению с 1928 г. упала на 8 %. Эти подсчёты, однако, не отражают полную картину: временный спад был обусловлен наплывом миллионов необученных рабочих, живших в плохих условиях. К 1940 г. средняя производительность труда выросла на 69 % по сравнению с 1928 г. Кроме того, производительность сильно варьировалась по отраслям.

Что касается рекордов стахановцев, то отмечается, что во-первых, их методы представляли собой заново открытый поточный способ увеличения производительности, прежде популяризованный Ф. Тейлором и Г. Фордом. Во-вторых, рекорды были в значительной степени инсценированы и являлись результатом усилий их помощников, а на практике обернулись погоней за количеством в ущерб качеству продукции. В силу того, что оплата труда была пропорциональна производительности, зарплаты стахановцев стали в несколько

раз выше средних заработков по индустрии, что вызвало враждебное к ним отношение со стороны «отсталых» рабочих.

Вторая индустриализация – это есть совокупность научно-технических и иных инновационных идей, проектов и разработок предыдущего и нынешнего поколений нашей страны и всей цивилизации, имеющих возможность быть широко реализованными в практике хозяйственной деятельности в короткие сроки (3-5 лет), которые обеспечат качественно новое духовно-нравственное, научно-технологическое, социально-экономическое и экологическое развитие и благополучие общества в предстоящие 50-75 лет.

Вторая индустриализация – это комплексные оперативные, тактические и стратегические мероприятия по созданию качественно новой материально-технической, кадровой и организационной базы страны, обеспечивающие эффективный выход из всеобщего мирового экономического кризиса и выход на передовые позиции в мире. Сельскому хозяйству требуются профессионалы нового типа, владеющие современными высокоэффективными технологиями, умением организовать производство. Вузы должны принимать более активное участие в проведении научных исследований, продвижении инновационных ресурсосберегающих технологий в сельхозпроизводство, реализации отраслевых целевых программ в регионах.

Главным критерием по оценке эффективности работы аграрных вузов должен стать процент трудоустройства их выпускников по специальности на селе. От этого показателя будет зависеть финансирование вузов за счет бюджета Министерства сельского хозяйства.

Мы отстали от передовых стран на 30-50 лет. Нам надо пробежать отставание от передовых стран за 3-5 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут. Третьего не дано. **Та из стран, которая осуществит этот шаг, – Россия останется недосягаемой для** других стран на века.

ЛОББИЗМ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

К. Басуев –
магистрант Тюменского государственного университета

А.Г. Манукян –
магистрант Тюменского государственного университета

Повышенный лоббистский интерес к российским органам законодательной власти предопределен спецификой продукции, вырабатываемой в процессе законодательного производства. От ее содержания во многом зависит возможность достижения, сохранения и упрочнения позиций социальных групп в долгосрочной перспективе.

Отечественный парламентский лоббизм, согласно исследователям, характеризуется рядом признаков. Во-первых, деятельность групп давления в законодательных органах не отвечает принципам паритета интересов гражданского общества и лиц, наделенных властными полномочиями. Во-вторых, юридическое оформление функционирования института представительства интересов формально открывает возможности для доступа к принятию правотворческих решений широкому кругу лиц благодаря избранию депутатов как от партий, так и на основании самовыдвижения, однако на практике подобный доступ получают группы интересов, обладающие значительным финансовым и административным капиталами. В-третьих, отсутствие прямого законодательного регулирования лоббистской деятельности способствует тенденции развития теневого лоббирования и коррупционных практик. В-четвертых, превращение механизма принятия законопроектов в процесс политического торга влечет блокирование принятия множества законопроектов, имеющих общественную значимость, и продвижение правовых актов, отвечающих запросам узкокорпоративных групп. В-пятых, распространение получают латентные формы лоббизма и влияние с привлечением административного ресурса [13].

Исходя из представлений специалистов в области изучения российского лоббизма, в законодательных органах власти лобби преследуют следующие цели [1]:

- проведение желательного законопроекта;
- внесение в законопроект поправок, отвечающих претензиям заказчика;

• продвижение альтернативных правовых инициатив для задержки процессов рассмотрения невыгодных нормативных актов или их отклонения.

Объектами рассматриваемой лоббистской деятельности являются не только депутаты, их группы и фракции, неформальные депутатские объединения, члены Совета Федерации РФ, но и государственные служащие, работающие в аппаратах парламента. На стадии рассмотрения и принятия законопроекта влияние на его судьбу оказывают несколько институтов, которые также становятся объектами лоббизма: Совет, аппарат, комиссии и комитеты Государственной Думы РФ, комитеты Совета Федерации РФ [6].

Поскольку Совет Государственной Думы РФ решает вопрос о включении законопроектов в программу правотворческой деятельности, раздает поручения определенным комитетам нижней палаты парламента по их подготовке к рассмотрению, назначает парламентские слушания и от него зависит время продвижения законопроектов, он становится одним из ключевых объектов лоббистского интереса. Повышенное внимание сосредотачивается также на правовом, организационном, административном, информационно-аналитическом управлениях и пресс-службе аппарата Государственной Думы РФ. Депутатские объединения, интегрирующие депутатские фракции и депутатские группы, формирующие как Совет, так и аппарат Государственной Думы РФ и оказывающие решающее влияние на законотворческий процесс, также находятся в фокусе лоббистского влияния. Наиболее интенсивно проявляется лоббистская деятельность в отношении комитетов и комиссий Государственной Думы РФ, а также комитетов Совета Федерации РФ, функционирование которых связано с подготовкой, рассмотрением законопроектов, вынесением заключений по ним [8].

Рассматривая вопрос об акторах, оказывающих давление на законодательные органы власти, разные исследователи акцентируют внимание на определенных группах. Наиболее полную систематизацию проводит П. Толстых, который выделяет отраслевых, общественно-политических, региональных лобби, лобби государственных органов власти и иностранных лобби. К первым он относит отдельные отрасли экономики, естественные монополии, финансово-промышленные группы, деловые союзы и ассоциации, религиозные организации, криминальные структуры, ко вторым – общественно-политические, экологические, иные некоммерческие организации и профсоюзы, к третьим – регионы, членов Федерального Собрания РФ, губернаторов, региональные ассоциации, союзы, профессиональные фирмы, отстаивающие интересы региона на федеральном уровне. Лобби государственных органов власти, на его взгляд, могут быть представлены, Президентом РФ, министрами, губернаторами, Правительством РФ и Администрацией Президента РФ, Управлением по взаимодействию с депутатами Федерального Собрания при Администрации Президента РФ. К иностранному лобби автор причисляет страны и иностранные корпорации [2]. По мнению экспертов, сильное

иностранное лобби, действующее в России, представлено экономическими агентами Таможенного союза [12].

По мнению Е. Куценко, Е. Подосинникова и А. Хазина, основными субъектами лоббистской деятельности в законодательных органах власти в России выступают представители финансово-промышленных групп, заинтересованных в расширении сфер экономического влияния посредством монополизации точек доступа к центрам принятия политических решений. Среди них наиболее влиятельными считаются ОАО «Газпром», ОАО «Роснефть», ОАО «Лукойл». Механизм включает как экспансию в рассматриваемые властные структуры представителей делового сообщества, так и спонсирование партий и их представителей во время проведения выборов и далее – в процессе работы инкумбентов. По словам авторов, формально точки доступа к парламентам открыты также для среднего и мелкого бизнеса, однако их возможности в значительной степени уступают ресурсам крупных игроков. Это связано с незавершенностью процесса институционализации отечественного лоббизма, распространением теневых практик и преобладанием в интеракциях методов торга и обмена [3].

С. Муращенков и Я. Коженко в качестве субъектов лоббистской деятельности в парламентских структурах называют Торгово-промышленную и Общественную палаты. По утверждению исследователей, осуществляя общественную экспертизу нормативных актов органов государственной власти и местного самоуправления, данные институты артикулируют интересы идентифицирующихся с ними социальных групп. Однако потенциал их влияния на политический процесс дифференцируется в зависимости от региональной принадлежности, стратегической значимости территории для экономического развития государства [7].

А. Лихой рассматривает военных лобби в качестве влиятельных агентов, представляющих интересы Вооруженных Сил РФ и участвующих в законодательном процессе с целью принятия решений, способствующих повышению статуса армии и флота в обществе, увеличению финансирования на развитие системы национальной безопасности и вооружения страны [10].

Механизм лоббистской деятельности в законодательной сфере напрямую связан со стадиями инициации и принятия политических решений. Соответственно, лоббисты имеют возможность реализовать свои усилия на любой стадии законодательного процесса. С точки зрения достижения успеха в проталкивании законопроекта наибольший интерес для групп давления представляют первые три стадии [9].

На стадии подготовки законопроекта осуществляется поиск сторонников или единомышленников среди наиболее авторитетных парламентариев, формируются специальные рабочие группы на основе неформальных отношений и договоренностей. Субъект законодательной инициативы может

поручить подготовку проекта подведомственным ему государственным структурам, организациям или заказать его разработку на договорной основе научным учреждениям, конкретным ученым или их коллективам. Создание рабочей группы из лояльных специалистов служит фактором эффективного продвижения желательной законодательной инициативы. Отсюда возникает проблема формирования клиентельной сети экспертных сообществ в различных отраслях и интеракции с ними групп интересов, а также правового и процессуального обеспечения процесса образования рабочих групп [4].

На этапе внесения законопроекта субъекты права обладают возможностью самостоятельно воздействовать на процесс продвижения законодательной инициативы, а также представлять интересы иных групп. Характерной особенностью законодательного процесса и лоббизма в России является доминирование исполнительной власти в качестве агента законотворчества и низкий уровень активности других субъектов законодательной инициативы, установленных Конституцией РФ [14]. Кроме того, сама система инициирования законов исключает из процесса население и общественные организации, что способствует поддержанию в России двухзвенной модели законодательного лоббизма, в которой лоббист и парламентарий / чиновник фактически совмещаются в одном лице [5].

Характерной особенностью лоббистской деятельности на третьем этапе является согласование законопроектов, связанных с покрытием расходов за счет бюджета, с Правительством РФ. Речь идет о таких законопроектах в области введения или отмены налогов, освобождения от их уплаты, выпуска государственных займов, изменения финансовых обязательств государства и др. [16]

На стадии рассмотрения законопроекта в Государственной Думе РФ ключевым институтом становится ее Совет. Он регистрирует законопроект, определяет по нему профильный комитет и курирует работу комитета над законопроектом, направляет его органам власти и депутатским объединениям для подготовки отзывов и предложений и, наконец, вносит законопроект в повестку дня [16].

Далее основные лоббистские усилия сосредотачиваются на работе в комитетах Государственной Думы РФ, которые изучают и обобщают поправки к законопроектам [16].

После того, как законопроект принят в первом чтении, вопрос о сохранении его прежнего содержания либо внесении в текст корректив решается на заседании профильного комитета. Влияние лоббистов на данном этапе усиливается. Их роль возрастает в процессе внесения поправок ко второму чтению. Как правило, у законопроектов, особенно связанных с экономическими вопросами, есть как сторонники, так и оппоненты. Лоббисты привлекают на свою сторону депутатов из профильного комитета

для подавления во время дискуссии оппонентов и победы в голосовании. Если решение принимается не в пользу заинтересованной группы, у депутата есть дополнительная возможность выступить на пленарном заседании, когда будет голосование по законопроекту во втором чтении. Однако, если поправка не попала в таблицу поправок, рекомендуемых к принятию, актуализируется проблема поддержки со стороны парламентариев на заседании Государственной Думы РФ [18].

Еще одной формой оказания давления лоббистов является внесение серии поправок разными депутатами. Их общее количество может достигать нескольких сотен либо тысяч вследствие того, что авторы корректив имеют право участвовать в рабочей группе ответственного по законопроекту комитета Государственной Думы РФ, отстаивать каждую поправку на заседаниях рабочей группы и ответственного комитета [16].

Принятый Государственной Думой РФ закон передается на рассмотрение в верхнюю палату российского Парламента – Совет Федерации РФ. Определяется комитет, ответственный за рассмотрение законопроекта. В случае неодобрения Советом Федерации РФ законопроект направляется для повторного рассмотрения в Государственную Думу РФ. Если при повторном рассмотрении нижней палатой отклоненного федерального закона она принимает его с учетом всех предложений Совета Федерации РФ, соответствующий комитет верхней палаты подтверждает это своим заключением и вносит предложение об одобрении закона без обсуждений [15].

Необходимо отметить, что Конституцией РФ предусмотрен порядок дальнейшей работы, если принятый нижней палатой федеральный закон будет отклонен Советом Федерации РФ. В этом случае палатами на паритетных началах может быть создана согласительная комиссия для преодоления возникших разногласий. Комиссия рассматривает возражения по принятому закону и вырабатывает предложения, оформляемые протоколом [17]. Отклонение закона и работа комиссии также может стать объектом лоббизма со стороны групп интересов.

Таким образом, лоббизм в российских органах законодательной власти выступает инструментом создания правовых привилегий для влиятельных групп интересов. Его целью является продвижение выгодных и блокирование нежелательных законопроектов, определяющих конфигурацию позиций различных акторов в социально-экономическом и политическом пространствах страны.

Несмотря на то, что формально точки доступа к российскому парламенту и легислатурам открыт для всех социальных и экономических групп, их ограниченность в ресурсах не позволяет конкурировать с доминирующими экономическими и политическими силами. Во многом

такая ситуация обусловлена несформированностью законодательной базы, регулирующей рассматриваемые отношения, а также широким распространением в политико-административном пространстве коррупционных практик и господством в интеракциях агентов неформальных методов торга и обмена.

Объектами парламентского лоббизма выступают депутаты Государственной Думы РФ, их объединения, члены Совета Федерации РФ, государственные служащие, работающие в различных структурах парламента. Субъекты имеют отношение к различным сферам общественной жизни – финансовой, экономической, политической, социальной, военной, могут быть представлены международным, внутристрановым и региональным уровнями, а также индивидуальными и коллективными агентами. Ключевыми субъектами российского парламентского лоббизма являются финансово-промышленные группы. В последнее время наблюдается наращивание лоббистских усилий со стороны военной страты.

Список литературы:

1. Белоусов А. Б. Глобализация и лоббирование государственных интересов: субъект, объект и понятие лоббизма // Глобализация: реальность, противоречия, перспективы: Тезисы доклада на V ежегодной научно-практической конференции Гуманитарного университета, 15 мая 2002 г. Екатеринбург, 2002. Том 2. С. 14-15; Бинецкий А. Е. Лоббизм в современном мире. С. 97.

2. Васецкий А. А. Указ. соч. С. 85; Толстых П. А. Лоббизм в Государственной Думе Федерального Собрания РФ: структура, технологии, перспективы легитимации. С. 28; Толстых П. А. Теория групп и теория лоббизма: соотношение научных концепций (II). С. 193.

3. Ильичева Л. Е. Специфика лоббизма в трансформирующемся российском обществе // Ученые записки. Серия «Философия. Политология. Социальная история» 2009. № 4. С. 18; Куценко Е. А. Указ. соч. С. 12; Оболенцева С. Д. Группы интересов в политике: на примере нефтяного лоббизма в Государственной Думе РФ: автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. политич. наук. М., 2002. С. 29; Подосинников Е. Ю. Отличительные особенности деятельности и принятия решений в Государственной Думе четвертого и пятого созывов: сайт журнала «Ученый записки». URL: http://www.scientific-notes.ru/pdf/011-l.pdf.

4. Ильичева Л. Е. Указ. соч. С. 19.

5. Ильичева Л. Е. Указ. соч. С. 20.

6. Интервью с депутатом фракции КПРФ в Тюменской областной Думе Т. Н. Казанцевой // Архив автора дипломной работы; Лагутин О. В. Анализ лоббистской деятельности в Государственной Думе РФ // Политический анализ. 2007. № 8. С. 79; Пантелеева М.В. Указ. соч. С. 32.

7. Коженко Я. В. Указ. соч. С. 34; Муращенков С. В. Указ. соч. С. 30.
8. Лагутин О. В. Указ. соч. С. 80.
9. Лепехин В. А. Лоббизм в России и проблемы его правового регулирования // Полис 1998 – №4.
10. Лихой А. В. Указ. соч. С. 32.
11. Оболенцева С. Д. Указ. соч. С. 27.
12. См., например: Интервью с координатором ЛДПР А. Р. Фоминым.
13. См., например: Куценко Е. А. Указ. соч. С. 21, 23; Толстых П. А. Лоббизм в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации: структура, технологии, перспективы легитимации. С. 30-31.
14. Ст. 104 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. (в ред. от 14 апреля 2014 г. № 2-ФКЗ). М.: АСТ, 2013. С. 43-44.
15. Сулакшин С. С. Практика промышленного лоббизма. Как делать законы своими руками. М.: ФРПЦ, 2001. С. 25.
16. Подосинников Е. Ю. Указ. соч.
17. П. 4 ст. 105 Конституции РФ. С. 44.
18. Толстых П. А. Лоббизм в Государственной Думе Федерального Собрания РФ: структура, технологии, перспективы легитимации. С. 29.

УПРАВЛЕНИЕ СЕТЕВЫМИ РЕСУРСАМИ ОРГАНИЗАЦИЙ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

М.В. Батырева –
к.социол.н., доцент,
доцент кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета

А.Н. Герасимова –
магистрант Тюменского государственного университета

Интернет сегоднястремительно развивается, становится все более общедоступным. В настоящее время это не только огромная база данных (как было изначально), но и средство для общения, получения различных услуг: от государственных и муниципальных доконсультирования по различным вопросам, а также покупки – продажи различных вещей.Если первое время Интернет выполнялпрежде всегофункцию хранилища данных, строго каталогизированного и модерируемого, то постепенно, с удешевлением доступа в сеть, с упрощением размещения информации на сайтах и формирования вместо файловых хранилищ всемирной паутины, Интернет стал неструктурированной, а точнее плохо структурируемой библиотекой информации. Каждый пользователь получил возможность размещать свой контент и создавать собственные ресурсыв сети. Это породило потребность отслеживать размещаемую в Интернете информацию государством и создавать механизмы законодательного управления этой информацией. Кроме того, сетевые ресурсы требуют не только государственного управления, но и частного – управления каждым отдельным ресурсом в рамках его администрирования.

Виртуальное пространство неоднородно и содержит в себе различные сетевые ресурсы, имеющие разную направленность, насыщенность и актуальность. Сетевые ресурсы нередко отражают отдельные институты реальной жизни, частично повторяя их структуру, а также дополняя и облегчая их работу. Однако перенос реальных жизненных институтов в Интернет в свою очередь ставит вопрос о том, как управлять новыми ресурсами, так как старые бюрократические методы управления не работают в виртуальной среде.

Прежде всего,отметим, что «сетевой ресурс (или Интернет-ресурс, веб-сайт) – это одна или несколько страниц в Интернете, принадлежащие частному лицу или организации, имеющие постоянный адрес во всемирной паутине, содержащие информацию по определённому вопросу и использующиеся для оказания информационных услуг пользователям по передаче и приёму

данных» [3, 4]. Сетевые ресурсы помогают делать многие сферы жизни более доступными, расширять возможности их использованияне только для обычных людей, но и для людей с ограниченными возможностями.

Интернет открыл большие возможности для обеспечения доступности и открытости власти для общества. Ведется активная работа по созданию высокого уровня сервиса для населения, снижению временных и финансовых издержек граждан при получении государственных и муниципальных услуг. Электронная форма взаимоотношений с гражданами делает все услуги болееэкономичными. В социальной сфере это выражается в том, что образование, медицина, культура становятся доступными вне зависимости от региона проживания потребителя, что позволяет свести территориальное неравенство в обществе к минимуму.

Опыт использования Интернета органами управления был позаимствован у стран Запада. Там сетевые ресурсы используются для повышения эффективности государственной власти, например, для снижения издержек на содержание государственного аппарата, сокращения времени прохождения и согласования документов, усиления межведомственного взаимодействия и тесного взаимодействия с населением, повышения «прозрачности» власти за счёт перехода на новый уровень организации обратной связи.

Использование сетевых ресурсов в социальной сфере даёт возможность реализовать ряд законодательных гарантий доступа граждан к информации, носивших ранее декларативный характер. Так, в соответствии со ст. 12 Закона об информациигосударственное регулирование в сфере применения информационных технологий предусматривает развитие информационных систем различного назначения для обеспечения граждан (физических лиц), организаций, государственных органов и органов местного самоуправления информацией, обеспечение взаимодействия таких систем, а также создание условий для эффективного использования в РФ информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет и иных подобных информационно-телекоммуникационных сетей [2]. Государственные органы, органы местного самоуправления в соответствии со своими полномочиями должны:

1) участвовать в разработке и реализации целевых программ применения информационных технологий;

2) создавать информационные системы и обеспечивать доступ к содержащейся в них информации на русском языке и государственном языке соответствующей республики в составе Российской Федерации [2].

В целом, сетевые ресурсы в социальной сфере в настоящее время создаются все активнее. Так, в сети Интернет свои сайты имеют государственные органы и учреждения социальной сферы, некоммерческие

организации, коммерческие организации (создание и ведение баз данных по социальной тематике, к примеру, по трудоустройству, по частным детским учреждениям, по медицинским услугам).

Управление такими ресурсами сопряжено с рядом проблем, основная из которых – отсутствие во многих органах государственного и местного управления должности специалиста по работе с Интернет-ресурсами. Если же такой специалист имеется, то сайт получает значительное развитие, от чего выигрывают и население, и органы государственной власти, так как общение с населением в электронной формедаёт более актуальную информацию о существующих проблемах и позволяет решать их максимально оперативно.

Примером управления сетевым ресурсом социальной направленности можно считать организацию работы с сайтом для помощи детям-инвалидам. Благодаря благотворительным организациям и поддержке государства был создан сайт, информирующий родителей о синдроме Дауна, содержащий большое количество информации о данной болезни, о том, что именно делается для преодоления этой проблемы. Сайт размещён по адресу http://downsideup.wiki/ru. На примере этого сайта рассмотрим систему управления подобными ресурсами.

Первым шагом, создания сайтов подобного назначения, является разработка структуры сайта, подробное описание проекта. Далее идёт процесс поиска финансирования уже под конкретный проект. Финансирование может быть как государственным, так и исходящим от благотворительной организации или коммерческой компании.

Следующий шаг – разработка сайта. Чаще всего для этого нанимают стороннюю организацию, специалистов по веб-программированию и дизайну (так как дизайн во многом способствует пониманию интерфейса сайта). Это наиболее длительный процесс, так как в процессе разработки сайта приходится решать большое количество вопросов, касающихся не столько наполнения сайтов, сколько создания дружественного пользовательского интерфейса. В нашем конкретном примере происходил выбор между созданием информационного сайта в виде иерархичной системы каталогов или в виде поисковой системы, поиска по ключевым словам. В результате было принято решения создания сайта в виде поисковой системы, так как это более совершенная система хранения информации, в дополнение к которой разрабатывается система «умного» поиска, подразумевающего поиск не по конкретным словам, а по словам синонимам.

Далее следует наиболее важный шаг – наполнение сайта информацией. На данном сетевом ресурсе информация разделена на несколько категорий: это библиотека, содержащая книги и журналы, которые переведены в электронный вид, архивные документы, включающие рисунки детей, видеоматериалы, фотографии, копии документов. После наполнения информацией следует

разработка оказания услуг в режиме он-лайн, наиболее актуальной из которых является он-лайн консультация со специалистом.

Так как объём информации по теме постоянно увеличивается, на данном сетевом ресурсе планируется создание программы-робота, который занимался бы поиском информации по проблеме на международных и российских сайтах и направлял её специальному модератору. Модератор, после тщательного анализа поступившей информации, добавляет или не добавляет информацию о новом ресурсе в каталог информации на сайте.

После создания сайта и наполнения его контентом и удобными свойствами, происходит создание версии для различных устройств: в том числе для планшетов и телефонов.

Когда сайт запущен и правильно функционирует, работа с ним не прекращается, так как информация постоянно дополняется, происходит обратная связь с пользователями. Для этого необходимо наличие модераторов и администраторов сайта, которые бы решали все насущные проблемы сайта.

Наиболее частые ошибки при создании сетевых ресурсов социальной сферы заключаются в следующем:плохая налаженность обратной связи, затрудняющей общение с населением; отсутствие интерактивных разделов, в которых посетители могли бы общаться и решать текущие проблемы (гостевая книга, конференция, чат форум); несоответствие наполнения сайта потребностям и интересам целевой аудитории пользователей; отсутствие оперативного администрирования; плохая проработка интерфейса (структуры сайта, дизайна и основных технологий); не оперативное обновление информации, неактуальность информации.

Сетевые ресурсы, связанные с функционированием организаций социальной сферы, в настоящее время находятся на уровне разработки и носят, по большей части, информационный характер. В дальнейшем эти сайты могут получить большее развитие в сфере оказания электронных услуг, хотя такая работа, безусловно, получит наибольшее развитие в крупных административно-территориальных единицах, где большая часть населения свободно владеет компьютеромии имеет доступ к Интернету.

В управлении уже созданными сетевыми ресурсами социальной сферы можно условно выделить два аспекта. Во-первых, это управление государственными и муниципальными порталами, организациями, имеющими социальное значение (больницы, поликлиники, школы, детские сады, центры трудоустройства и другое), на которых важно предоставить полную и прозрачную информацию о деятельности структуры, наладить обратную связь с населением. Во-вторых, это сайты, созданные для помощи социально неблагополучным слоям населения, к примеру, помощь детям-инвалидам, людям, попавшим в неблагоприятную жизненную ситуацию. В данном случае важно наполнять сайт актуальной информацией по проблемной теме, постоянно

обновляя и совершенствуя её, совершенствовать обратную связь, чтобы в любой момент оказать необходимую помощь и поддержку. Управление, в данном случае, сводится к обновлению информации на сайтах и постоянному контролю обратной связи с населением.

Представленные в статье материалы показывают, таким образом,управление сетевыми ресурсами крайне разнообразно и на данном этапе развития Интернета ещё не совершенно. Необходим дальнейший поиск новых действенных механизмов, которые сделают управление Интернет-ресурсами максимально удобным и выгодным как для самих социальных организаций, так и для населения страны или региона.

Список литературы:

1. Роль Интернет-ресурсов в оказании услуг детям-инвалидам. [Электронный ресурс] // Интернет-телевидение общественной палаты. – URL : https://www.oprf.ru/press/conference/1550

2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч.1). Ст. 3448

3. Интернет-ресурс. [Электронный ресурс] // Официальная терминология. –URL: http://official.academic.ru/2189/

4. Web-сайт. [Электронный ресурс] // Дизайн сайтов. –URL: http://www.desnet.ru/Website/

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИЕЙ ИНВАЛИДОВ В ГОРОДЕ И РЕГИОНЕ

Ю.М. Беспалова –
д.философ.н., профессор,
Тюменского государственного
университета

О.В. Зубарева –
магистр Тюменского государственного
университета

Социальная адаптация выступает важной частью реабилитации людей, имеющих инвалидность. Это процесс активного приспособления индивида к условиям социальной среды, вид взаимодействия личности с социальной реальностью. Социальная адаптация включает комплекс мер, направленных на восстановление разрушенных или утраченных индивидом общественных связей и отношений. Её целью является восстановление статуса личности, достижение материальной независимости, быстрейшее и наиболее полное восстановление здоровья и способности к социальному функционированию.

Е.Р. Ярская-Смирнова выделяет следующие виды социальной адаптации: медицинскую, профессиональную и социальную. Медицинская осуществляется с целью компенсации утраченных или нарушенных способностей человека до социально значимого уровня. Профессиональная включает в себя процессы, направленные на трудовую адаптацию. Социальная – процессы определения оптимальных режимов общественной и семейно-бытовой деятельности инвалидов.[1; 316].

Проблемы социальной адаптации инвалидов рассматриваются в работах региональных авторов А.В.Артюхова и Н.И.Скок [2]. По мнению А.В. Артюхова, необходимо создание сети адаптационных центров для лиц с ограниченными возможностями, где осуществлялись бы профориентация, профобучение, консультирование по психологическим, правовым и организационным проблемам, предлагалась бы конкретная помощь по обеспечению трудоустройства [3; 115].

С целью выявления степени эффективности существующей системы управления социальной адаптацией в нашем регионе, мы провели социологическое исследование в форме анкетного опроса инвалидов г. Тюмени. Изучение процесса управления социальной адаптацией инвалидов проходило в общественной реабилитационной организации «Оптимист» (президент Хамзин Р. Н). В ходе анкетирования было опрошено 300 человек в возрасте от 18 до 70 лет. Анкета состояла из 32 вопросов.

На вопрос анкеты: «Скажите, какие объекты нуждаются, по Вашему мнению, в первоочередном оснащении специальными приспособлениями для более комфортного доступа?», были получены ответы: больницы (53,7%); жилые помещения (46,9%); поликлиники (40%); аптеки (38,5%); помещения жилищно-коммунального хозяйства (33,7%); магазины, торговые центры, предприятия общественного питания (28,7%); транспорт общего пользования (23,5%); здания органов социальной защиты населения (20,6%); пешеходные тротуары и переходы через транспортные коммуникации (20,4%); административные здания органов местной и государственной власти (17%).

Наиболее приоритетными услугами для инвалидов города Тюмени на сегодняшний день выступают следующие: по физической культуре и спорту (26,8% респондентов участвуют в спортивных или оздоровительных мероприятиях); по содействию в поисках подходящей работы (19% опрошенных обращались в службы занятости); специальные библиотеки для слепых (11,8% пользуются услугами данных библиотек); учреждения отдыха и оздоровления (11,6% пользуются данными услугами); предоставление бесплатной юридической помощи (11,2% респондентов получали бесплатную юридическую помощь); профессиональной ориентации граждан из числа инвалидов (6,1% респондентов из числа инвалидов пользовались данной услугой); психологической поддержки безработных граждан из числа инвалидов (5,5% респондентов); профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации безработных граждан из числа инвалидов, включая обучение в другой местности по направлению органов службы занятости (5,3% опрошенных).

С помощью социологического исследования были выявлены наиболее приоритетные сферы жизнедеятельности для лиц с ограниченными возможностями: здравоохранение как сохранение и укрепление физического и психического здоровья; поддержание долголетней активной жизни; предоставление доступной и качественной медицинской помощи; труд как реализация в профессиональной сфере; улучшение материального положения; досуг в качестве удовлетворения потребности в общении; доступность учреждений культуры, занятий спортом, чтения литературы.

Ответы на вопрос: «Информированы ли Вы о нормативных документах, принятых в г. Тюмени по вопросам социальной адаптации?», показали слабую информированность респондентов о данных документах. Так, 25,4% – совершенно не информированы; 38,1% – что-то слышали о подобных документах; только 6% – хорошо информированы о нормативных документа по вопросам социальной адаптации.

На вопрос: «Известно ли Вам о возможностях получения консультационного и информационного обеспечения для инвалидов?», подавляющее количество респондентов ответили отрицательно. Также о праве на предоставление бесплатной юридической помощи (знают 10,4%,

получали 11,2%); об обеспечении инвалидов государственной услугой по организации профессиональной ориентации граждан (знают 8,6%, получали 4,7%); о трудоустройстве инвалидов, обеспечении профессиональной подготовки, переподготовки, повышении квалификации (знают 7,5%; получали 5%); об обеспечении инвалидов услугой по организации психологической поддержки безработных граждан из числа инвалидов (знают 6,3%, получали 5,5%); о формах информирования лиц с ограниченными возможностями здоровья, помогающих социализации в обществе (знают 5% респондентов, однако данной услугой никто из опрошенных не пользовался). Полученными государственными услугами большинство респондентов удовлетворено в целом на среднем уровне.

Подавляющее количество респондентов (75,8%) не используют официальные сайты исполнительных органов государственной власти в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Пользуются данными сайтами для получения какой-либо информации только 24,2% опрошенных. Из них 44,9% респондентов считают, что информация имеет средний уровень доступности; 28,6% респондентов отметили высокий уровень доступности информации; 26,5% респондентов дали низкую оценку доступности информации на официальных сайтах.

Анкетный опрос показал проблемы инвалидов, связанные с получением средств на адаптацию к внутриквартирному пространству: это «очереди»; участники опроса отметили, что «выплачивают средства не всем или не всю стоимость», обратили внимание на «бумажную волокиту» и «слишком долгое ожидание».

На вопрос о доступности социальных объектов для жизнедеятельности инвалидов были получены следующие ответы: наиболее доступны аптеки (59%), поликлиники (56%), жилые помещения (54,4%), больницы (54,1%), магазины, торговые центры, предприятия общественного питания (53,6%), здания органов социальной защиты населения (51%).

Как же относятся инвалиды к деятельности службы занятости? Обращались в службу занятости с целью поиска подходящей работы – 19% из числа опрошенных. Служба занятости помогла найти подходящую работу – 59,8%; не помогла в поисках работы – 40,2%. В целом деятельность службы занятости большинством респондентов (47%) оценивается как достаточно эффективная.

Исследование показало, что в общественных организациях инвалидов состоит только 4,1% опрошенных, 85,7% – не состоят в общественных организациях. 10,2% не дали ответа на данный вопрос.

В реализации различных проектов, акций, мероприятий, проводимых общественными организациями, участвуют 16% опрошенных, 66,6% респондентов не принимают участия, затруднились ответить – 17,4%.

Большая часть опрошенных (48,8%) не принимает участия в спортивных, оздоровительных мероприятиях. Участвуют в спортивных мероприятиях – 26,8%; 24,4% респондентов воздержались от ответа на данный вопрос.

На вопрос: «Есть ли в вашем дворе условия для занятий инвалидов физической культурой и спортом?», ответы респондентов распределились следующим образом: есть -19,4%; есть частично -21,8%; практически нет -22,9%; нет никаких условий -10,4%; затруднились ответить – 25,5%.

Один из блоков вопросов затрагивал также социальное самочувствие исследуемых. В результате опроса выяснилось, что большинство респондентов (67,2%) удовлетворено своим социальным положением; однако 30,9% опрошенных положение в обществе не устраивает. Большинство респондентов (65,8%) удовлетворено своими жилищными условиями, жилищные условия не устраивают 31,9% опрошенных. Большинство респондентов (62,5%) удовлетворено организацией социальной среды, доля тех, кто не удовлетворен, составляет 34,4%. Большинство респондентов (60,3%) удовлетворено возможностями трудоустройства и реализации в профессиональной деятельности, доля не удовлетворенных составляет 33,2%. Большинство респондентов (60,5%) удовлетворено возможностью образовательного и культурного развития, доля не удовлетворенных составила 33%.

Выявлены проблемы, с которыми респонденты постоянно сталкиваются в повседневной жизни. К ним относятся рост цен, финансовые трудности, неудовлетворенность работой органов власти относительно инвалидов, неудачная городская инфраструктура, плохая работа ЖКХ, неудобное обустройство дворов и парков, малое количество оборудованных для инвалидов мест общественного пользования, транспортные проблемы (пробки, качество дорог), психологические проблемы (депрессия, одиночество, конфликты), грубость, невоспитанность со стороны окружающих в отношении инвалидов, проблемы со здоровьем.

Исследование не ограничилось анкетным опросом. Нами был проведен экспертный опрос в форме формализованного интервью. Вопросами социальной адаптации инвалидов на территории города занимаются автономные учреждения социального обслуживания населения: «Областной центр реабилитации инвалидов», «Областной реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями», «Родник», которые оказывают комплекс медицинских, психологических, педагогических, правовых, социальных и трудовых услуг. Нами было опрошено 10 экспертов, занимающихся проблемами социальной адаптации инвалидов в городе и регионе.

На вопрос: «Какие из направлений деятельности Вашего учреждения наиболее влияют на процесс социальной адаптации инвалидов?», эксперты

назвали медицинское, психологическое и правовое направления, в меньшей степени, по их мнению, влияют такие направления как бытовое, педагогическое и трудовое.

На вопрос: «Оцените эффективность направлений деятельности в Вашем учреждении?», эксперты ответили, что наиболее эффективны материальная, социальная, психологическая и моральная помощь инвалидам. Недостаточно пока эффективными направлениями деятельности они назвали бытовую и физическую помощь.

Анализ ответа на вопрос: «Дайте комплексную оценку эффективности деятельности стационарных центров в отношении социальной адаптации инвалидов?», показал, что эксперты считают наиболее эффективными частные центры и стационарные учреждения социального обслуживания, менее эффективными – отделения дневного пребывания и специальные жилые дома для инвалидов.

На открытый вопрос «Напишите Ваши предложения по улучшению деятельности служб в отношении управления социальной адаптации инвалидов», большинство экспертов указали на необходимость финансирования программ, предлагаемых департаментом.

С нашей точки зрения, необходимо создать целостную систему социальной адаптации инвалидов на основе единства мер духовного, социального, экономического, финансового и технологического характера, что в большой степени зависит от органов управления.

Изменение соотношения расходов на финансирование социальной политики, можно добиться, увеличив финансирование мер «активной» политики (обучение и пр.) и акцентируя адаптационные меры.

Усиление работы по привлечению внебюджетных источников финансирования по отношению к инвалидам можно проводить на основе стимулирования малого и среднего бизнеса.

Важно также разработать механизмы повышения уровня жизни инвалидов, прежде всего, с точки зрения социально-гарантированных минимальных норм и льгот. При этом расширение льгот и услуг должно в первую очередь касаться наиболее нуждающихся, с большей степенью потери трудоспособности или функциональных нарушений организма.

В первую очередь нужно полностью осуществить комплекс мер по обеспечению доступности для инвалидов жилых и производственных помещений, транспорта, учреждений здравоохранения, образования, культуры и других объектов социальной сферы. Данную работу надо активизировать и ввести строгий административный контроль и ответственность за несоблюдение необходимых стандартов.

Остро стоит проблема трудоустройства инвалидов. Важно обеспечить условия для независимого выхода их на рынок труда. На фоне сокращения численности трудоспособного населения инвалиды могут восприниматься

как невостребованный трудовой ресурс. Многие инвалиды готовы и хотят продолжать трудовую деятельность. И важно создать такие условия, чтобы они имели возможность участвовать в общественном производстве. Сюда относится создание специализированных рабочих мест для инвалидов, вопросы квотирования, профессиональная подготовка. Необходимо также продолжить и лучше организовать работу по специальной подготовке (переподготовке) специалистов по профадаптации инвалидов.

В системе социальной адаптации необходимо обеспечить постоянное развитие адаптационного потенциала инвалида. Наше социологическое исследование показало, что сами инвалиды проявляют в этом вопросе еще недостаточную активность, хотя и имеют огромный потенциал.

Процесс управления социальной адаптацией инвалидов должен носить комплексный и массовый характер, одновременно обеспечивая также и индивидуальный подход.

Список литературы:

1. Ярская-Смирнова Е.Р. Социальная работа с инвалидами. СПб.: Питер, 2014.

2. Артюхов А.В. Молодежь на Крайнем Севере: проблемы социализации и жизненного самоопределения. Екатеринбург: Институт экономики, 2011.; Скок Н.И. Жизнеобеспечение людей с ограниченными возможностями в современной России. Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 2013.

3. Артюхов А.В. Молодежь на Крайнем Севере: проблемы социализации и жизненного самоопределения. Екатеринбург: Институт экономики, 2011.

ВОЗМОЖНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

В.Н. Блохин –
ст.преподаватель кафедры истории
и педагогики Белорусского
государственного сельскохозяйственной
академии

С момента распада Советского Союза в российском и белорусском обществах происходили значительные трансформации. Этот процесс характерен и для сельских территорий.

Приграничные регионы России и Беларуси столкнулись с серьезными проблемами, что неминуемо отразилось на их месте в экономической и социальной жизни своих стран [3; 4–5].

Целью исследования является разработка рекомендаций по управлению социально-экономической динамикой сельских территорий российско-белорусского приграничья.

Задачи исследования:

- оценить социально-экономическую динамику сельских территорий России и Беларуси в 1990-е гг. и в начале XXI в.;
- проанализировать влияние целевых программ на развитие сельских территорий;
- определить факторы, которые сдерживают социально-экономическую интеграцию в приграничье.

В настоящее время в России и Беларуси продолжается реформирование села. Повышение эффективности аграрного сектора признается в качестве одного из приоритетов управленцами обеих стран. В то же время, стратегия проведения данных преобразований в значительной степени отличается.

В России в 1990-е годы была взята на вооружение политика стихийных рыночных реформ. Произошло фактическое уничтожение командно-административной системы управления аграрным сектором, в то же время не получили достаточного развития фермерские хозяйства. Такая управленческая политика привела к тяжелым социально-экономическим последствиям для сельских территорий, снижению качества и уровня жизни, падению производства, деградации инфраструктуры села, увеличению миграционных потоков в города. Сельские территории оказалось в состоянии затяжного системного кризиса.

В советский период аграрный сектор Беларуси занимал лидирующие позиции. Но с начала 1990-х годов сельские территории оказались в тяжелейшем положении. В ходе либеральных реформ произошло разрушение

прежней системы государственных дотаций сельскому хозяйству и рост нерентабельных сельскохозяйственных организаций.

С 2000 года начал осуществляться новый комплекс организационных, экономических, социальных мер. Была принята программа совершенствования агропромышленного комплекса. Целью этой программы стало создание экономического механизма, основанного на сочетании государственного регулирования и рыночных принципов, развитие всех форм собственности, либерализация ценообразования, переход к единому сельскохозяйственному налогу и т.д. [4; 15–18].

В аграрной сфере Беларуси до сих пор не преодолена сложившаяся за многие годы деформация отношений между командно-административной системой управления и общественной самоорганизацией жителей села. В итоге продолжает действовать низкоэффективный тип организации сельхозпроизводства. Сохраняется низкий уровень индивидуальной мотивации в общественном секторе, постоянно требуется приток материальных и финансовых ресурсов, которые часто нерационально используются [6; 61–63].

Развитие сельских территорий прежде всего зависит от успешного осуществления важных направлений, мер и механизмов агропродовольственной политики государства, и в этом большую роль играет эффективное применение целевых программ.

Целевая программа является управленческим инструментом и позволяет определить основную цель, описать все уровни решения проблемы и требуемые для этого ресурсы, проконтролировать расходование выделенных средств и степень достижения поставленной цели. Кроме того, целевые программы позволяют сконцентрировать дефицитные ресурсы на наиболее приоритетных направлениях, поэтому являются эффективным инструментом государственного регулирования АПК.

В России реализуется приоритетный национальный проект «Развитие АПК», федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» (от 29.12.2006) включающий Доктрину продовольственной безопасности и концепцию долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. В Беларуси действует «Программа устойчивого развития села», Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г.

В условиях ограниченности государственной поддержки сельских территорий необходимость применения целевых программ существенно возрастает, поскольку позволяет обеспечить комплексность и системность решения той или иной проблемы сельских жителей, обеспечить адресную поддержку участников программы через их конкурсный отбор, осуществить контроль за целевым использованием выделяемых средств [5; 429–432].

Оценки успешности проекта «Развитие АПК» в общественном мнении сильно различаются: опросы по общероссийской выборке свидетельствуют

о крайне скептическом отношении людей к задачам и результатам проекта. Опросы сельских жителей рисуют более оптимистическую картину. Так, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в 2006 г. только 1% россиян считал реализацию этого нацпроекта безусловно успешной, еще 11% – скорее успешной. При этом почти половина респондентов затруднилась оценить успешность аграрного проекта (44%) [1; 4].

Настроения работников аграрного сектора Беларуси были изучены автором в 2015 г. в ходе проведенного социологического исследования по методу анкетного опроса на тему «Динамика агропромышленного комплекса Беларуси».

В исследовании приняли участие 310 человек – сотрудники аграрных предприятий Могилевской и Витебской областей.

На вопрос о мере удовлетворенности условиями труда 29% опрошенных ответили, что полностью не удовлетворены и по 23% заявили, что скорее не удовлетворены и скорее удовлетворены. Лишь 19% респондентов отметили, что полностью удовлетворены условиями труда.

Среди причин недовольства условиями труда (можно было выбрать несколько вариантов) 89% отметили низкий уровень заработной платы, 56% указали на отсутствие возможностей профессионального роста, еще по 22% не довольны слаборазвитой инфраструктурой и малыми социальными гарантиями.

Среди наиболее привлекательных фактор в работе 55% респондентов назвали свой коллектив, в то же время более 32% отметили, что вообще не видят ничего хорошего.

55% работников АПК оценили современное положение отрасли как сложное. Почти 23% назвали положение катастрофическим. Лишь чуть более 19% считают, что положение хорошее и прогресс очевиден.

Более 71% участников анкетирования уверены, что сельское хозяйство Беларуси нуждается в реформировании.

60% респондентов думают, что нужно реформировать, прежде всего, систему управления АПК. 26% убеждены, что необходим переход к частному сельскому хозяйству.

87% опрошенных работников аграрного сектора поддерживают развитие фермерства в Беларуси. В то же время только 22,6% уверенно заявляют, что хотели бы стать фермерами. Почти половина опрошенных аграриев не готова взять на себя инициативу и ответственность заниматься фермерством.

В итоге можно сделать вывод, что большинство жителей сельских территорий Беларуси стремятся к улучшению своего уровня жизни и позитивно оценивают продолжение реформирования АПК, в то же время абсолютное большинство до сих пор не готово к радикальным рыночным преобразованиям. Подобную специфику мировоззрения сельчан необходимо учитывать в дальнейшем при разработке аграрной политики.

В развитии межрегионального экономического сотрудничества России и Беларуси имеются серьезные проблемы, не в последнюю очередь связанные с различиями в экономических моделях, используемых государствами. Можно выделить несколько групп «факторов-ограничителей» межрегиональной интеграции.

1. Отсутствие специальных целевых программ на областном уровне для приграничных районов.

2. Недостаточное внимание, уделяемое развитию приграничных регионов на межгосударственном уровне в рамках Союзного государства России и Беларуси.

3. Неэффективное управление и дефицит инициативы местных властей.

4. Нехватка инвестиционных ресурсов.

5. Коррупция и криминализованность, деформирующие все хозяйственные отношения.

6. Несовершенство законодательной базы.

Однако приграничные территории России и Беларуси должны максимально использовать т.н. эффект приграничного соседства. Этот эффект обусловлен не просто исторически сложившимися однотипными культурно-цивилизационными комплексами, но и прагматически – отсутствием языковых барьеров; наличием у деловых кругов ближних стран большей информации о возможностях сотрудничества по сравнению с удаленными регионами; возможностью экономии на транспортных издержках и координации производственных цепочек [2; 12–15].

Одной из важнейших задач местного управления должно стать эффективное использование многофункциональности сельской местности, предполагающее диверсификацию рынка труда, обучение сельчан новым технологиям, развитие социальной инфраструктуры и несельскохозяйственных предприятий.

Подводя итог, можно констатировать, что для улучшения социально-экономического положения сельских территорий России и Беларуси необходима существенная реформа системы местного управления. Органы местной власти в обоих государствах должны иметь максимально широкие полномочия в решении локальных вопросов социально-экономического развития. В настоящее время, таких полномочий у системы местного управления не достаточно ни в России, ни в Беларуси.

Для решения многочисленных проблем сельских территорий России, безусловно, необходимо резкое увеличение финансирования со стороны федеральной власти. Российское село долгое время находится в состоянии хронического недофинансирования (субсидии на АПК составляют менее 2% бюджета) и без увеличения государственных субсидий, ни какие прогрессивные реформы не дадут быстрого эффекта. Так, приграничные с Беларусью сельские территории относятся к числу депрессивных в социальном и экономическом

плане районов, не обладают высокоплодородными землями, в такой ситуации органы местного управления не в состоянии кардинально повлиять на изменение ситуации в позитивную сторону.

Сельские территории Беларуси более 10 лет получают приоритетное финансирование (субсидии на АПК составляют более 22% бюджета), но социально-экономический эффект от огромных государственных вложений остается недопустимо низким (более 35% государственных сельскохозяйственных предприятий являются нерентабельными). Данное положение можно объяснить излишней централизацией управления, сохранением и доминированием командно-административных методов, которые были взяты из советской политико-экономической системы. Поэтому местная система управления в Беларуси нуждается в скорейшем предоставлении большей свободы, что должно привести к увеличению экономического роста, ускорению социального развития и, в то же время, появится возможность снижения государственных субсидий на поддержку АПК.

Параллельное проведение предложенных преобразований в социально-экономической политике двух стран, предоставит возможность для интенсификации приграничного сотрудничества. Взаимодействие между соседними регионами значительно расширится, что позволит реализовывать комплекс совместных программ как в рамках Союзного государства, так и развивать локальные инициативы местной власти. Приграничное положение является выгодным преимуществом, имеет большой потенциал, что необходимо использовать на благо населения обоих государств.

Список литературы:

1. Барсукова С.Ю. Вехи аграрной политики России в 2000-е годы // Мир России, 2013. № 1. С. 3–28.

2. Гусаков В.Г. Основные концептуальные подходы перспективной организации сельского хозяйства хозяйств // Вестник НАН Беларуси. 2008. № 4. С. 12–19.

3. Катровский А.П., Ковалев Ю.П. Российско-белорусское приграничье: двадцать лет перемен. Смоленск: Универсум, 2012. 288 с.

4. Пролесковский О.В., Криштапович Л.Е. Белорусский путь. Минск: ИАЦ, 2009. 416 с.

5. Семирханова О.Н. Целевая программа как эффективный инструмент регулирования АПК. Труды вольного экономического общества России, 2011. Т. 151. С. 428–451.

6. Шпакова Р.П. Макс Вебер: «Аграрный вопрос». Журнал социологии и социальной антропологии, 2004. Том VII. № 2 (26). С. 61–76.

ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНА

А.А. Бочарова –
преподаватель кафедры Управления АПК
Государственного аграрного университета
Северного Зауралья

Необходимость достижения устойчивого социального и экономического развития регионов является одной из важнейших задач в ходе обеспечения конкурентоспособности экономики России на мировом рынке. В системе управления процессами социально-экономического развития региона, регулирования его направления и динамики, в обеспечении нормального функционирования коммерческих организаций особое место занимает планирование. Разрабатываемые в стране на всех уровнях национальной экономики прогнозы, программы и планы являются важнейшими инструментами реализации политики соответствующих субъектов управления. Они позволяют организовать четкую, продуманную, всесторонне обоснованную работу по достижению поставленных перед обществом и хозяйствующими субъектами задач. Инструменты стратегического планирования в этой связи целесообразно рассматривать в качестве аппарата, который нацелен на решение проблем развития регионов России.

Объективная необходимость в стратегическом планировании появилась в результате того, что в условиях нестабильной внешней среды циклическое планирование оказалось неприемлемым. В сложившихся социально-экономических условиях стратегическое региональное планирование позволяет использовать конкурентные преимущества региона (местоположение, ресурсная база, социальная структура территории и прочие). Так же позволяет определять «точки роста», развитие которых принесёт наибольший социально-экономический эффект, сконцентрировать инвестиционные ресурсы на приоритетных направлениях деятельности региона. На основе стратегического планирования возможно создать базу для обоснованной разработки рациональной схемы территориального планирования и продемонстрировать стремление региональной власти к использованию современных методов управления.

Переход к стратегическому планированию на уровне региона является важным моментом в государственной политике, так как ставит региональную власть в новую более мощную позицию. Следует иметь в виду, что при всем многообразии используемых в практике органов управления территориями видов планирования и планов социально-экономического развития стратегическое планирование и стратегический план имеют существенные особенности по сравнению с долгосрочным планированием. Смешение понятий

долгосрочного и стратегического планирования в научных публикациях встречается довольно часто. Анализ теоретических положений, раскрывающих особенности стратегического регионального планирования [6;80, 7;35], позволил нам выделить следующие принципиальные отличия долгосрочного и стратегического планирования.

Принципиальные отличия долгосрочного планирования и стратегического планирования

Долгосрочное планирование	Стратегическое планирование
Исходным шагом в долгосрочном планировании является построение аналитической модели (описания) реального положения региона	Исходным шагом является ситуационный диагноз интересов, состояния и поведения действующих субъектов территориального развития, при этом целью является не только определение сдерживающих развитие проблем, но и выявление предпосылок развития территории
Разработка долгосрочного плана упорядочена в формате строгих методических процедур	Плохо поддается упорядочению; очень многое определяется неформализуемыми факторами (опыт, интуиция, творческая смелость и другие подобные качества ключевых участников процесса)
Упор осуществляется на техническую сторону процесса и логику формирования планов (программ, проектов), которые отражают желаемое состояние территории	Упор осуществляется на партнёрские отношения субъектов территории и логику реализации планов, отражающих возможное состояние территории (совокупность затрат, определённых на основе консенсуса решений действующих субъектов)

Таким образом, долгосрочный план не является стратегическим, если он не учитывает изменений внутренних и внешних факторов, определяющих развитие сложной социально-экономической системы, не содержит комплекса адаптаций, направленных на смягчение отрицательных последствий.

В контексте изучения вопросов планирования социально-экономического развития регионов следует особое внимание уделить программно-целевому подходу, который становится действенным инструментом государственного регулирования и планирования. Программно-целевое планирование стало широко применяться в качестве альтернативы затратным методам планирования как средство концентрации ресурсов на наиболее приоритетных направлениях социально-экономического развития. [4].

Данный метод планирование позволяет концентрировать значительные объемы финансовых и материальных ресурсов на самых приоритетных направлениях социально-экономического развития, в том числе за счет частичного отказа от финансирования второстепенных проектов. При этом, как правило, сроки реализации программы находятся в прямой зависимости от объёма средств, в неё инвестированных. Вне зависимости от способов и инструментов, используемых в процессе программно-целевого планирования, разработанная по её итогам методология решения социально-экономической проблемы должна обеспечивать тесную интеграцию направленных действий по достижению поставленных целей. Подобная интеграция требует не только формирование комплекса мероприятий, но и их увязку по исполнителям, срокам и ресурсам. Многолетняя практика успешного применения программно-целевого планирования показала, что наиболее эффективным и универсальным средством выражения полученных по итогам планирования результатов является целевая (комплексная) программа.

Целевые программы развития являются одним из важнейших средств реализации региональной экономической политики. В Уральском федеральном округе на период да 2020 года запланировано по 4 блокам 81 мероприятие, направленное на социально-экономическое развитие округа [3]. В частности, в блоке «Мероприятия, направленные на создание условий для эффективного развития экономики» выделены следующие:

4 мероприятия по составлению прогнозов (баланс трудовых ресурсов), анализу действующих региональных программ и состоянию отдельных отраслей, мониторингу инвестиционных проектов;

15 мероприятий, направленных на разработку региональных программ, подготовку предложений, разработку комплекса мер по определённым направлениям деятельности (по улучшению инвестиционного климата, развитие отдельных отраслей и видов деятельности, стимулирование развития и внедрения инноваций и т.д.);

мероприятия по разработке схем территориального планирования субъектов Федерации [1; 25].

В Тюменской области ежегодно реализуются около 30 региональных программ различного назначения [1; 26]. К наиболее крупным региональным программам экономической направленности, реализованным в Тюменской области в 2014 году, отнесены программы развития АПК, малого предпринимательства, содействия занятости населения, ЖКХ.

Программно-целевой метод планирования отличается недостаточной оперативностью. Разработка и тем более реализация целевой программы является достаточно трудоёмким процессом, который может быть растянут во времени на достаточно продолжительный период. Соответственно, от момента возникновения проблемы до её логического разрешения может пройти

достаточно большой отрезок времени, в течение которого может быть нанесен достаточно существенный урон общественному благосостоянию. Этот метод сопряжен с высоким уровнем субъективности при принятии управленческих решений. В частности правильность выбора приоритетной цели целевой программы крайне сложно поддается оценке и практически всегда остается на усмотрение уполномоченного на её разработку лица или группы лиц, в связи с чем достаточно распространённым является ситуация, при которой расходование средств и выбранное для этого направление не отвечает реальным общественным потребностям [5]. Кроме этого необходимо учитывать, что реализация региональной социально-экономической политики осуществляется достаточно большим количеством участников – государственными институтами, политическими и общественными организациями, финансовыми структурами и отдельными индивидуумами (представители органов власти и население региона). В настоящее время в России развитие взаимодействия власти и бизнеса становится одним из важнейших условий формирования эффективной экономической политики, повышения инвестиционной и инновационной активности как в целом по стране, так и в отдельных регионах. Такое взаимодействие при использовании адекватных региональных стратегий способно обеспечить экономический рост региону, привлечение инвестиций, создание новых рабочих мест.

Одним из главных ориентиров социально-экономического развития региона является хорошо развитая инфраструктура. Инфраструктура требует вливания огромных финансовых средств, а у государства их нет. Для того чтобы реализовать стратегию социально-экономического развития на основе стратегического планирования необходимо искать дополнительные источники финансирования, в том числе и у частного бизнеса. Поэтому всё большее значение стал приобретать механизм государственно-частного партнёрства. ГЧП становится важнейшей и наиболее перспективной формой реализации крупных инвестиционных проектов в современной России. Данный способ партнёрства всё чаще рассматривается как один из наиболее действенных механизмов повышения эффективности государственных инвестиций за счет привлечения капитала и управленческого опыта частного сектора. По экспертным оценкам, в социальной сфере потребность в финансировании объектов общественной инфраструктуры в 2013 году составляет 18,2 трлн рублей, в сфере энергетики и водоснабжения этот показатель достигает 6,1 трлн рублей. В 2013 г. основной объём инвестиций приходился на основные фонды предприятий добывающей промышленности (свыше 30%), а объем инвестиций в модернизацию объектов соц. инфраструктуры – не более 3% [2]. Особую роль в настоящее время в социально-экономическом развитии отдельно взятого региона и страны в целом сыграл «Крымский фактор». Ситуация в экономике заставляют государство пересматривать свои планы в отношении мегапроектов

в сторону более технологичных и недорогих проектов. Следовательно, в сложившихся политических и экономических событиях ГЧП выступает самым адаптивным и экономически выгодным инструментом реализации стратегического планирования.

В целом государственно-частное партнерство рассматривается как взаимовыгодное сотрудничество государства и частного бизнеса в реализации социально-значимых проектов. Частный бизнес предоставляет для данного партнерства финансовые ресурсы, профессиональный опыт, эффективное управление, способность к новаторству, гибкость и оперативность принятия решений. Государство в свою очередь даёт возможность предоставления налоговых и других льгот, предоставляет гарантии, выделяет субсидированные кредиты. Механизм применения государственно-частного партнерства способен обеспечить, прежде всего, возможность осуществления общественно-значимых проектов в наиболее короткие сроки, малопривлекательных для традиционных форм частного финансирования, а во-вторых, повысить эффективность проектов за счёт участия в них частного бизнеса, как правило, более эффективного на рынке, чем государственные институты. Кроме того, при этом обеспечивается снижение нагрузки на бюджет за счет привлечения частных средств и переложения части затрат на пользователей, возможность привлечения лучших управленческих кадров, техники и технологий, повышение качества обслуживания конечных пользователей. Наконец, появляется возможность сконцентрировать внимание государственных органов на наиболее свойственных им административных функциях и сократить государственные риски за счет распределения их между частным партнером и властью. Со своей стороны государство обеспечивает правомочия собственника, возможность предоставления налоговых и иных льгот, гарантий, а также материальных и финансовых ресурсов.

Другими словами, партнерство государства и бизнеса направлено на достижение социальных и экономических целей по созданию необходимых условий для функционирования хозяйственного комплекса и обслуживания потребностей населения, удовлетворения растущего спроса на товары и услуги, доступность инфраструктуры. В России меньше всего развит данный вид партнерства в социальной сфере и в агропромышленном комплексе, так как предполагаемые доходы могут не перекрыть величину возможного риска.

Список литературы:

1. Зюбин, А.А. Инструментарий реализации региональной экономической политики/ А.А. Зюбин. // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2012. – №4. – С. 24-27.

2. Основные положения Концепции (стратегии) развития государственно- частного партнерства в РФ до 2020 года [электронный ресурс] // http://pppcenter.ru/assets/docs/conception_2020_16.10.2014.pdf

3. План мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Уральского федерального округа на период до 2020года. [электронный ресурс] // http://www.tvernedra.ru/Uralskifo.doc

4. Райзберг Б.А., Лобко А.Г. Программно-целевое планирование и управление: Учебное пособие. – Москва: ИНФРА –2002.

5. Черняга Р.Ю. Программно-целевое планирование как инструмент реализации государственной экономической политики // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и Право». – 2013. – № 12. [электронный ресурс] // http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/---ep13-12/1084-a

6. Чмышенко Е.В. Стратегическое планирование как фактор регионального развития // Вестник ОГУ. – 2010. – №1. – С.77-82.

7. Швецов А.Н. Традиционный централизм или новый регионализм: подходы к обеспечению территориального развития // Регион. – 2007. – №6. – С. 31-37.

ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ

З.А. Бутуева –
к.философ.н., доцент,
доцент кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета

В настоящее время ощущается явный недостаток надежных инструментов для измерения социального самочувствия. Это связано с тем, что социальное самочувствие как эмоционально-ценностная форма сознания, проявляется в результате субъективного переживания людьми своего состояния и изменяется под воздействием внутренней структуры личности и социальной среды. Д. Гилберт почеркивает: «Люди порой не знают, что чувствуют, или не помнят, что чувствовали, но даже если они знают и помнят это, ученые не в состоянии определить, каким образом на описание переживания влияет само переживание. Следовательно, не знают точно, как интерпретировать утверждения испытуемых. Все это говорит о том, что научные исследования субъективного переживания – дело нелегкое» [1, 90]. Но все же пробовать стоит, ибо важно знать, что можно предпринять, чтобы в будущем социальное самочувствие и благополучие становилось лучше и комфортнее.

В 90-е гг. XX в. украинскими социологами Е. И. Головаха, Н. В. Паниной и А. П. Горбачик была разработана методика измерения социального самочувствия [2, 59]. Измерительный индекс социального самочувствия (ИИСС-20) охватил практически все сферы жизнедеятельности личности, подлежащие самооценке респондентами: «материальное благополучие», «личная безопасность», «политические условия жизнеобеспечения», «межличностные отношения», «самооценка своего образования и способностей», «состояние физического и психического здоровья», «обеспеченность жизненно необходимыми и престижными товарами», «уверенность в своих силах и в своем будущем».

Л. Е Петрова дает следующую цепочку факторов, которые определяют характер социального самочувствия личности. «…мотивация, вырастающая из потребностей и интересов => идентификация в соответствии с ее направленностью => коммуникация => жизненная стратегия, из нее вырастающая => ее практическая реализация => сравнение результатов с группой идентификации => социальное самочувствие». Как видим, в социологическом подходе в исследовании социального самочувствия большое значение имеет обращению к общему уровню самооценки и учет компонентных характеристик. Л. Е. Петрова подчеркивает, что «Социальное самочувствие, будучи сложным формированием, задействует множество

процессов и механизмов сознания и деятельности личности, оказывающих на него влияние» [3, 52].

Интересную трактовку уровней социального самочувствия приводит Я. Н. Крупец. По ее мнению социальное самочувствие может рассматриваться как «индикатор успешности процесса адаптации, который состоит из трех составляющих: внутреннего состояние человека (здоровье, настроение, испытываемые чувства счастья, оптимизма); оценки внешних условий (восприятие ситуации в стране и времени, в котором человеку приходится жить); восприятие собственного положения в новых условиях [4, 143-144].

Операционализация понятия высокой степени обобщения как социальное самочувствие требует построение системы показателей. Д. М. Рогозин выявляет восемь компонентов социального самочувствия. К ним относятся: работа, материальное положение, возраст, семья, личные желания, социальный статус, государство, образование. Эти компоненты наиболее часто упоминаются респондентами при тестировании вопросов о социальном самочувствии. Он пишет «Безусловными лидерами по частоте упоминаний оказываются «работа» и «материальное положение». Второй эшелон составляют сразу три концепта: «возраст», «семья» и «личные желания, устремления» [5, 99].

Социальное самочувствие населения как один из компонентов качества жизни, в которую входит: индекс уверенности в будущем, индекс удовлетворенности жизнью и индекс самостоятельности рассматривается Л.А. Беляевой. В ее работе предлагается методика измерения качества жизни на основе субъективных представлений с использованием индексного метода. Л.А. Беляева рассматривает социальное самочувствие населения как четвертый компонент качества жизни. По нему рассчитывается индекс социального оптимизма, который основывается на оценках населением своего будущего, удовлетворенности жизнью, уверенности, что оно само может решать проблемы ее улучшения [6, 40].

В авторской монографии ученых Г. Д. Гриценко, О. И. Лепилкиной, Т. Ф. Масловой, А. Л. Стризое, М. М. Шульги социальное самочувствие определяется как «органичное сочетание субъективных и объективных жизненных факторов, физиологических и психологических возможностей личности, позитивных и негативных условий формирования жизненной стратегии. Степень успешности прохождения процесса социальной адаптации и интеграции оказывает решающее влияние на состояние социального самочувствия, с одной стороны, а с другой – состояние самочувствия детерминирует данные процессы» [7, 14-15].

В настоящее время российские исследовательские компании (АРИЦ «Группа 7/89», ВЦИОМ, Левада-центр, ФОМ, Циркон и др.) регулярно проводят мониторинговые исследования социального самочувствия населения. В качестве измерительного инструментария, как правило, используют классификацию по трем направлениям: оценка материального положения семьи на

момент исследования; оценка уровня жизни семьи через один-два года; уровень адаптированности к происходящим в стране переменам [5, 107].

Фонд «Общественное мнение» выстраивает рейтинг социального самочувствия регионов России. Межстрановые исследования динамики социального самочувствия населения стран постсоветского пространства проводятся в рамках проекта «Евразийский монитор». Социальное самочувствие изучается по следующим показателям: оценка экономического положения страны, материальное положение семьи, социальная адаптация, социальный оптимизм [8].

Крупномасштабные исследования социального самочувствия за рубежом проводятся в рамках измерения всемирного индекса счастья (The Happy Planet Index), индекса лучшей жизни (OECD Better life index), индекса процветания (Legatum prosperity index), индекса удовлетворенности жизнью в странах мира (Satisfaction with Life Index). Эти индексы официально признаны ООН в качестве альтернативных для измерения уровня развития стран. Одна из главных задач этих индексов отразить реальное благосостояние наций. Поэтому экономические показатели в методологии расчета индексов не используются. Так, всемирный индекс счастья (The Happy Planet Index) включает субъективную удовлетворенность жизнью, ожидаемую продолжительность жизнью и состояние окружающей среды в разных странах мира и отдельных регионов с точки зрения их способности обеспечить своим жителям счастливую жизнь.

Методы измерения социального самочувствия и субъективного благополучия позволяют в режиме реального времени отслеживать происходящие изменения как в регионе, в стране, так и в целом мире, анализировать динамику социального самочувствия, выявлять конфликтогенные ситуации, прогнозировать настроения населения. Знание результатов исследований социального самочувствия населения позволяет своевременно реагировать и регулировать социальные процессы, происходящие в обществе. Принятие адекватных управленческих решений в социальной сфере и проводимой социальной политике во многом зависит от правильного социального диагноза общества.

Анализ теоретических и методологических подходов зарубежных и отечественных ученых приводит к выводу о том, что социальное самочувствие как многомерная характеристика социально-психологического состояния, определяемая внутренней структурой личности и социальными условиями, должна иметь вполне конкретное содержание в практике социологических исследований. Отечественная социологическая наука использует зарубежные подходы, но в то же время вырабатывает свои принципы в изучении социального самочувствия. Следует признать, что на социальное самочувствие воздействуют широкий спектр факторов, усложняя его изучение и анализ. Факторный анализ позволяет классифицировать

и типологизировать социальное самочувствие по многим основаниям. Рассмотрим поподробнее некоторые их них.

Обобщив результаты социологических исследований социального самочувствия российских ученых и используя собственные результаты факторного и корреляционного анализа Л. Е. Петрова приводит типологию социального самочувствия молодых взрослых в трудовой сфере. Эти типологические группы получили название «карьера», «мобилизация», «стабильность», «негативные ожидания» и «альтернативная реализация» [3, 53].

В ходе российского мониторинга экономического положения и здоровья населения за 1994-1996-1998 гг. Г. Л. Ворониным на основе факторного анализа были сформулированы основные метатипы социального самочувствия: конфронтирующие, дискомфортные, толерантные и комфортные. Эти метатипы проанализированы в модели двухфакторного пространства: «уровень удовлетворенности жизнью» с полюсами высокая удовлетворенность жизнью – низкая удовлетворенность жизнью и «характер миропонимания» с полюсами социальная апатия – социальная активность [9, 59-60].

В рамках социологического исследования социально-экономической адаптации населения Самарской области к меняющейся социальной реальности, проведенное в 2001-2002 гг. Я. Н. Крупец выявила пять групп респондентов с различным социальным самочувствием: 1-я – самочувствие «очень хорошее»; 2-я – самочувствие «скорее хорошее»; 3-я – самочувствие «так себе»; 4-я – самочувствие «скорее плохое»; 5-я – самочувствие «очень плохое» [4, 143-144].

Типологизация социального самочувствия в зависимости от степени удовлетворенности личности материально-экономическими, социальными, социально-психологическими, социокультурными условиями существования приводится в монографии под редакцией М. К. Горшкова. Социальное самочувствие может типологизироваться как позитивное, пограничное и негативное, отражающее степень выраженности чувств, оценок эмоционального и физического состояния [7, 14-15].

Таким образом «социальное самочувствие» – многогранное и комплексное понятие и этим объясняется тот факт, что до настоящего времени не достигнута однозначность в его толковании и отсутствует его операционализация через систему индикаторов и показателей. Это также обусловлено разрывами методологической традиции в исследовании социального самочувствия, динамическим состоянием объекта изучения и отсутствием репрезентативной базы для межрегиональных сравнений. Факторы, влияющие на социальное самочувствие коррелируют с социально-демографическими показателями, личностным статусом, этнокультурными и индивидуальными особенностями, зависят от ценностных ориентаций потребностей и интересов личности. Немаловажное значение на изменение социального самочувствия оказывает социально-экономическая, этнополитическая и экологическая ситуация в стране и в регионе. Социальное

самочувствие выражает потребности и интересы личности, которые являются важным сигналом для государственной власти о степени соответствия проводимой ими социальной политики ожиданиям различных слоев населения.

Мы также рассматриваем социальное самочувствие как интегральную характеристику, имеющие субъективные и объективные компоненты. Субъективные характеристики социального самочувствия сосредоточены на рассмотрении ценностных установках, оценке своего сегодняшнего положения в новых условиях, общем эмоциональном состоянии, уверенности относительно своего будущего, т.е. степени удовлетворенности своей жизнью в целом, в то время как объективные характеристики – на таких компонентах, как уровень здоровья, образования, семейного положения, социальной активности в различных сферах жизни, уровень социальной защищенности. При этом субъективные показатели социального самочувствия взаимодополняют объективные.

Разработка инструментария, позволяющего адекватно оценивать социальное самочувствие населения, анализировать его динамику, выявлять позитивные и негативные сдвиги в этой области, выступает одним из важнейших условий формирования эффективной социально-экономической политики и, в связи с этим, представляется актуальной научно-практической задачей.

Список литературы:

1. Гилберт Д. Спотыкаясь о счастье / Д. Гилберт; пер. с англ. – М.: Альпина Палбишер, 2015. – 320 с.

2. Головаха Е. И., Панина Н. В. Интегральный индекс социального самочувствия (ИИСС): конструирование и применение социологического теста в массовых опросах. Киев: Институт социологии НАН Украины, 1997. – 214с.

3. Петрова Л. Е. Социальное самочувствие молодежи / Л. Е. Петрова // Социологические исследования. – 2000. – № 12. – С. 50-55.

4. Крупец Я. Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности / Я. Н. Крупец // Социологические исследования. – 2003. – № 4. – С. 143–144.

5. Рогозин Д. М. Тестирование вопросов о социальном самочувствии / Д. М. Рогозин // Социальная реальность. – 2007. – № 2. – С. 97-113.

6. Беляева Л. А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации / Л. А. Беляева // Социологические исследования. – 2009. – № 1. – С. 33-42.

7. Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / под ред. М.К. Горшкова. – М.: СПб.-Нестор-История, 2011. – 176с.

8. Исследовательская группа ЦИРКОН / URL: http://www.zircon.ru/publications/evraziyskiy-monitor-issledovaniya-v-stranakh-sng/ (дата обращения 05.08.15).

9. Воронин Г. Л. Социальное самочувствие россиян (1994-1996 гг.) / Г. Л. Воронин // Социологические исследования. – 2001. – № 6. – С.59-60.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ И МУНИЦИПАЛЬНЫЙ УРОВНИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Р.М. Валиахметов –
к.социол.н.,
директор Башкирского филиала
Института социологии РАН

Г.Р. Баймурзина –
к.экономич. н.,
старший научный сотрудник Башкирского
филиала Института социологии РАН

Социально-экономическая политика, основанная на приоритетах и ценностях развития человеческого потенциала, сегодня является не только отражением гуманистических целей развития, но и ответом на современные вызовы и требования времени. В соответствии с новыми реалиями и тенденциями в стране и мире, развитие человеческого потенциала становится одним из ключевых условий и факторов жизнеспособности и конкурентоспособности как на уровне государства в целом, так и на уровне его регионов и муниципальных образований.

Развитие человеческого потенциала в настоящее время является одним из ключевых направлений социально-экономического развития, закрепленных в стратегических документах Российской Федерации [1]. На решение этой задачи направлены реализация важнейших национальных проектов в социальной сфере, институциональные преобразования в экономике, поощрение предпринимательской активности и деловой среды, развитие институтов гражданского общества и т.д.

Принципиально важная идея концепции человеческого развития состоит в том, уровень дохода, достигнутый в стране в настоящее время, не гарантирует экономического процветания в будущем; но если полученный доход в достаточной мере инвестируется в человеческое развитие, то экономические показатели в будущем значительно превзойдут современный их уровень. Доход должен рассматриваться не как конечная цель, а как средство, расширяющее человеческий выбор в таких областях, как здоровье, образование, экономическая и общественная деятельность.

В соответствии с этим концептуальным положением экспертами Программы развития ООН был предложен аналитический инструмент, позволяющий прямо или косвенно учитывать важнейшие параметры благополучия человека – индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Межстрановые и межрегиональные сопоставления по уровню развития человеческого потенциала стали одним из основных разделов в глобальных

и национальных Докладах о развитии человека, ежегодно публикуемых в мире с 1990, в России – с 1995 года.

Впервые достижения Российской Федерации как суверенного государства получили официальную оценку в мировом Докладе о человеческом развитии за 1993 год. По данным на 1990 год, Россия занимала 37-е место со значением ИРЧП, соответствующим показателям стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала. Однако, после распада Советского Союза, позиция страны (России) в мировом рейтинге существенно ухудшилась (67-место в 1997 г.), Российская Федерация переместилась в группу стран со средним уровнем человеческого развития. Негативную роль в этих изменениях сыграло падение уровня жизни, сокращение средней ожидаемой продолжительности жизни (с 69 до 65 лет за 1990-2003 гг.), сопровождаемое ростом смертности и падением рождаемости, а также резкое ослабление социальных функций государства в области здравоохранения, образования и науки.

Позитивные тенденции в динамике ИРЧП наметились с 2005 г., Российская Федерация вошла в группу стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала. Одновременно наблюдается общая тенденция роста уровня развития человеческого потенциала и в российских регионах. Так, если в 1998 году самое низкое значение индекса составляло 0,643, то в 2011 – 0,768; если в 1998 году в число регионов с высоким ИРЧП входило т только три субъекта РФ, то в 2011 уже 68 [2;144], [3; 41]. Эта тенденция соответствует следующей закономерности: начиная именно с этого времени (с 2005 г.), стали постепенно возрастать роль и полномочия субъектов Российской Федерации в реализации государственной социальной политики.

Вместе с тем, в силу специфических природно-географических, исторических, социокультурных, социально-демографических, экономических, экологических и других факторов, развитие и реализация человеческого потенциала в регионах России происходит неравномерно и по различным сценариям. На такое неравномерное состояние и развитие существенно влияет и высокий уровень дифференциации бюджетной обеспеченности регионов.

По данным Доклада о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год, в 68 из 80 субъектов РФ, для которых был рассчитан ИРЧП, показатель превысил значение 0,800. При этом в 11 регионах были зафиксированы индексы выше 0,850. Эту группу лидеров (ИРЧП от 0,850 и выше) замыкает Республика Саха (Якутия) со значением индекса равного среднероссийскому уровню [4;40]. Таким образом, 69 регион имеют показатели человеческого развития ниже среднероссийского, что свидетельствует о сохраняющейся региональной дифференциации человеческого развития в России.

До 2005 г. Республика Башкортостан демонстрировала более высокие показатели индекса, чем среднероссийское его значение. В течение многих лет

(1995-2003 гг., а также в 2006 г.) Республика Башкортостан находилась в десятке регионов-лидеров по уровню развития человеческого потенциала. Но с 2007 г. суммарный индекс развития человеческого потенциала Башкортостана стал отставать от среднероссийских значений индекса. Это замедление нашло отражение и в рейтинге РБ. По данным Докладов о человеческом развитии в Российской Федерации за 2012-2014 гг. Республика Башкортостан занимала 18-е место.

Обращают на себя внимание статистические данные, свидетельствующие о том, что в 2004-2005 гг. образовательный индекс республики стал существенно снижаться, индекс доходов – отставать от среднего уровня по стране, а положительный отрыв индекса долголетия Башкортостана от среднероссийского показателя начал сокращаться. По данным Доклада о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 год Республика Башкортостан в 2011 году занимала 20 место по индексу доходов (прогресс), 40-е место по индексу долголетия (регресс), и 26 место – по индексу образования (прогресс).

Исходя из понимания того, что развитие человеческого потенциала общества происходит только при наличии условий и возможностей для его реализации, мы убеждены в необходимости более детального изучения проблемы на «местах», то есть на муниципальном уровне. Вместе с тем, осознавая возможное увеличение погрешности расчетов на муниципальном уровне, мы измерили уровень развития человеческого потенциала в семи общепринятых социально-экономических зонах республики.

Согласно нашим измерениям, к территориям с высоким уровнем развития человеческого потенциала можно отнести центральную, южную и северо-западную социально-экономические зоны. Наиболее динамичное и сбалансированное развитие человеческого потенциала наблюдается в западной и северо-западной зонах. Динамика индексов человеческого развития Зауралья свидетельствует о том, что и здесь в последние годы наметились небольшие положительные сдвиги.

Наиболее сложные проблемы в развитии человеческого потенциала наблюдаются на севере и северо-востоке республики. Основные социальные и демографические индикаторы развития этих субрегионов контрастно отличаются от аналогичных показателей центральной социально-экономической зоны республики: уровень доходов населения меньше в 3,1 раза и на 5 лет короче ожидаемая продолжительность их жизни. Динамика ИРЧП в этих субрегионах показывает, что дистанции и разрыв с территориями-лидерами в последние годы только растет.

Следующим методическим шагом, в наибольшей степени приблизившим нас к пониманию проблем реализации человеческого потенциала на местах, стала адаптация универсальной методики к муниципальному уровню.

Расчет ИРЧП на уровне муниципальных образований осложняется в связи с тем, что на уровне более мелких муниципальных образований вероятность статистической погрешности возрастает. Кроме того, учитывая относительную статичность данных по уровню образования населения, которые рассчитываются на данных Всероссийских переписей населения, ежегодное измерение их динамики также становится невозможным. Поэтому для отражения динамики ИРЧП на муниципальной уровне, нами были рассчитаны и проанализированы компоненты ИРЧП для двух трехлетних периодов: 2005-2007 гг., и 2012-2014 гг.

Как и ожидалось, динамика ИРЧП в муниципальных районах и городских округах существенно различается. Компоненты долголетия и доходов в целом растут как в городских округах, так и в муниципальных районах. Однако, есть и исключения. Так, ожидаемая продолжительность жизни снизилась в одном городском округе (моногород Агидель) и 5 сельских муниципальных районах (Аскинский, Балтачевский, Бурзянский, Зианчуринский, Чекмагушевский). Образовательный индекс проявил себя разнонаправлено: практически во всех муниципальных районах (включающих в себя сельские поселения) средняя продолжительность образования сократилась, в городских округах – увеличилась. В целом, эти два компонента свидетельствуют об очень неблагоприятных процессах в целом ряде сельских территорий и в г. Агидель.

Одной из наиболее сложных методических задач, при расчете ИРЧП на муниципальном уровне, является отсутствие точных данных о валовом муниципальном продукте, среднедушевых денежных доходах населения. Вместе с тем, анализ среднемесячных заработных плат и пенсий, показывает существенный абсолютный рост во всех муниципальных районах республики.

Так среднемесячная заработная плата работников организаций в 2012-2013гг. выросла относительно 2005-2007 гг. в городских округах в 2,5 раза, а в муниципальных районах в 3,3 раза. Среднемесячные размеры пенсий выросли равномерно во всех муниципальных образованиях в 3,2 раза. Эти официальные статистические данные являются отражением и результатом мер целенаправленной федеральной и региональной политики по повышению денежных доходов населения. Очевидно, что реальные доходы населения в условиях системного социально-экономического кризиса не растут, а падают.

Тем не менее, в целях обеспечения корректности расчетов, мы должны принимать во внимание не только зарплатно-пенсионную часть денежных поступлений, но и другие источники доходов (социальные трансферты, доходы от предпринимательской деятельности, ЛПХ, от собственности и т.д.). Более точный расчет индекса доходов населения на муниципальном уровне остается задачей, требующей не только статистического и/или социологического, но и комплексного методического решения.

Комплексный статистический анализ свидетельствует о том, что замедление роста ИРЧП в Республике Башкортостан обусловлено многими факторами, наиболее существенными из которых являются: долговременная низкая оплата труда, и как следствие, утрата возможностей к развитию человеческого капитала и стимулов к повышению производительности труда; устаревание основных фондов предприятий и постепенная утрата экономических основ их развития; коммерциализация систем здравоохранения и образования, недостаточные темпы их модернизации. Процесс коммерциализации социальной сферы в условиях высокой дифференциации доходов населения обуславливает рост неравенства населения не только в экономической сфере, но и в образовательном уровне населения и ожидаемой продолжительности жизни. В совокупности они повышают риски отставания республики в развитии человеческого потенциала региона.

Наши исследования подтвердили, что наиболее динамичные города сохраняют и развивают свой человеческий потенциал, а в сельских районах и моногородах наблюдается обратная тенденция. Несмотря на рост среднедушевых доходов, происходит сокращение средней продолжительности обучения, не растет индекс долголетия.

Таким образом, развитие человеческого потенциала имеет несколько уровней от глобального и национального/странового до регионального и муниципального. На каждом уровне есть свои специфические проблемы и, соответственно, свои механизмы и инструменты их решения. Наиболее перспективным направлением и исследований, и практической работы является муниципальный (местный) уровень, в которой сфокусированы и локализованы все основные проблемы развития и реализации человеческого потенциала.

Список литературы:

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. N 1662-р)
2. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2000. – Москва, Права человека, 2001.- 196 с.
3. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. / Под общей редакцией С.Н. Бобылева. – ООО «РА ИЛЬФ», 2013. – 202 с.
4. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год / под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. — М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014. – 204 с.
5. Республика Башкортостан. Доклад о развитии человеческого потенциала за 2008 г. / под общей редакцией Р.М. Валиахметова, Ф.Б. Бурхановой, Г.Ф. Хилажевой. —Уфа: Гилем, 2009. – 352 с.

СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В ПАРАДИГМЕ ДЕЛИБЕРАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Г.И. Герасимова –
к.социол.н., доцент
Тюменского государственного
нефтегазового университета

Важным элементом социально-политических российских трансформаций является гражданская активность как отдельной личности, так и различных общностей. Преодоление отчуждения в обществе, формирование доверия граждан к институтам публичной власти возможны через эффективное сотрудничество и социальный диалог, целью которого является достижение консенсуса. В связи с этим актуализируется исследовательский интерес к содержательным характеристикам социального взаимодействия, среди которых следует выделить такую, как «делиберация» («обсуждения»).

В соответствии с классификацией Д.М. Бессета делиберация проявляет себя в форме «открытой публичной дискуссии», «диспута» или «обмена мнениями» [1, с. 76]. Д. Драйзек и Х. Лист выделяют следующие направления делиберации: информационное, когда субъекты интерпретируют новые факты и события; аргументативный аспект связан с доказательствами, позволяющими проанализировать имплицитную составляющую проблем; рефлексивное направление делиберации активизирует их изучение; социальная сторона проявляется как разноплановое взаимодействие всех участников [2, p.9].

Развитие делиберативных процессов привело к появлению теории делиберативной демократии, в которой, по мнению Б. Докторова, «центральным становится не голосование, а широкое обсуждение и выработка решений, учитывающих различные мнения» [3, с. 233.]. При такой форме правления не используются воздействующие механизмы администрирования и жесткого иерархизированного управления, регулирование осуществляется за счет консалтинговых процедур, обмена мнениями и общественной экспертизы.

Д. Дьюи полагает, что в информационную эпоху различного рода дискуссии, открытые слушания и дебаты не могут существовать «без установления полной публичности в отношении всех значимых для него последствий» [4, с. 121]. Делиберативный процесс открывает возможности для социального диалога, артикуляции гражданами своих потребностей, их участия в принятии решений. Кроме того, в ходе диалога формируется согласительный тип общественных отношений.

По мнению Ю. Хабермаса, невозможно навязать солидарные действия другой стороне с помощью манипуляции, которая в основном «производится путем внешнего воздействия». Известная концепция ученого о коммуникативном действии декларирует взаимопонимание, результативность

и «согласование плана действий», относительно ситуаций и ожидаемых последствий, которые или уже «имеются, или о них еще только предстоит договориться» [5, сс. 199-200].

Бородина Т.В. определяет диалог как «функциональную характеристику общества» [6, с. 21], формируемую коммуникативными практиками, среди которых большую роль играют связи с общественностью. Они широко востребованы в экономике, где с их помощью создаются нематериальные активы (известность, имидж, репутация). В политической и социальной сфере осуществляются избирательные кампании и масштабные публичные акции, проходят переговорные процессы, предпринимаются лоббистские действия, устанавливаются GR-связи с государством. В социальной сфере реализуются программы и проекты (фандрайзинговые, спонсорские, благотворительные, краудсорсинговые и краудфандинговые), целью которых является улучшение уровня жизни социума.

Реализация связей с общественностью в парадигме делиберативных процессов обеспечивает субъект-субъектное взаимодействие с приоритетным гибким реагированием, в соответствии с изменяющейся коммуникативной стратегией. В отличие от целей организационно-процедурных манипуляций, предполагающих воздействие на субъект и управление его поведением, связи с общественностью с выраженными структурными и качественными делиберативными характеристиками способны эффективно осуществлять координацию интересов и базовых представлений социальных субъектов, нивелируя потенциальные риски и социальные конфликты, создавая условия для общественного согласия.

Список литературы:

1. Бессет Д.М. Тихий голос разума: делиберативная демократия и американская система государственной власти. – пер. с англ. Ю. Шпакова. – М.: Росспэн, 2011. – 336 с.

2. Dryzek J. S., C. List Social Choice Theory and Deliberative Democracy // British Journal of Political Science, Vol. 33, No. 1 (Jan., 2003), pp. 1-28.

3. Докторов Б.З. Социологические методы XXI века. Опросы обогащенного общественного мнения // Современные проблемы формирования методного арсенала социолога. Материалы III Всероссийской научной конференции памяти А.О. Крыштановского. – М.: Государственный Университет – Высшая Школа Экономики, 2009. – С. 229-244.

4. Дьюи Д. Общество и его проблемы. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 160 с.

5. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб: Наука, 2001. – 380 с.

6. Бородина Т. В. Социальный диалог: коммуникативные стратегии личностной репрезентации общественных отношений: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филос. наук: спец. – Ростов н/Д, 2003. – 26 с.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК РЕСУРС ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА

Т.А. Гужавина –
к.философ.н, доцент,
ведущий научный сотрудник
Института социально-экономического
развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН)

Социальный капитал в современном социальном знании стал не только комплексной концепцией, но и популярной метафорой, позволяющей объяснить значительную совокупность явлений, начиная с паттернов голосования и завершая объяснением экономического успеха стран. Он превратился и в основу для принятия как политических, так и управленческих решений. Причинами такого интереса к социальному капиталу стали стремление глубже понять механизмы функционирования общества и происходящие социальные изменения, стремление к контролю над имеющимися и возникающими процессами и, наконец, тот факт, что социальный капитал превращается в фактор повышения конкурентоспособности как стран, так и внутренних регионов. Это аспект становится наиболее актуальным в условиях кризисного существования российского социума и роста межрегиональной конкуренции. Возрастающий интерес к проблемам межрегиональной конкуренции обусловлен ростом экономической самостоятельности регионов, расширением возможностей включения в федеральные и международные проекты.

Межрегиональная конкуренция предстает как конкуренция властей за мобильные факторы воспроизводства – труд, капитал, инвестиции, информацию, то есть всего того, что может обеспечивать устойчивое развитие. В этой конкуренции предлагается специфический товар – территория, географические преимущества, инфраструктурные компоненты, социально-экономический потенциал региона, накопленный человеческий и социальный капитал. Идет борьба за привлечение целевых групп потребителей ресурсов территории. При этом регион предстает как сложноорганизованный организм, функционирующий на основе вертикальных и горизонтальных взаимодействий[3,14].

Применяемые методики оценки конкурентоспособности регионов дают возможность ранжировать их с точки зрения наличия конкурентных преимуществ, оценки экономического потенциала и региональной эффективности, инвестиционной привлекательности, уровня жизни населения, по наличию и эффективности использования ресурсов. Анализ, проведенный А.С. Барабановым [3], позволил исследователю дать оценку регионов СЗФО и рассчитать сводный индекс их конкурентоспособности. Но среди показателей отсутствует индекс социального капитала. Причин несколько: отсутствие

устоявшейся методики измерения, отсутствие устойчивой статистической информации, отсутствие мониторинговой практики исследований данного феномена, а так же недостаточный уровень внимания научного сообщества к данной категории и недооценка ее эвристических возможностей.

Проблема измерения социального капитала на сегодня относится к категории сложных и противоречивых в рамках данной концепции. В основном это связано с тем, что все формы проявления социального капитала носят неявный характер, индивидуальное поведение (участвую/не участвую) или характер отношений (доверие/недоверие) дают относительно достоверную информацию. Тем не менее, показатели измерения социального капитала должны соответствовать его концепции, согласно которой в структуру данного вида капитала входят доверие, нормы и правила, сети, информация и коммуникация. Характер измерений во многом зависит от уровня анализа – макро-, мезо- или микроуровня.

Измерение социального капитала на макроуровне связано с поиском закономерностей между объемом накопленного социального капитала и темпами экономического роста. Примером такого анализа служит известное исследование Дж. Хиливелла и Р. Патнама[1], изучавших взаимосвязь социального капитала и экономического роста в Италии и установивших прямую связь между ними. К таким же выводам в своих исследованиях пришел и итальянский исследователь Р. Лапорта[2], который предложил измерять уровень социального капитала при помощи индексов, учитывающих уровень коррупции, участие населения в политических партиях и ассоциациях, качество инфраструктуры.

Некоторое представление о возможных индикаторах измерения социального капитала дает таблица 1.Приведенные здесь данные позволяют получить представление о проводимых исследователями ИСЭРТ РАН замерах

Таблица 1

Индикаторы измерения социального капитала

1.***Доверие к институтам*** власти и общественным структурам **Измерение** -Интегральный индекс доверия институтам власти и общественным структурам ***2.Межличностное доверие*** **Измерение** -Распределение ответов на вопрос : «Кому Вы можете доверять», анализ численности групп населения по уровню межличностного доверия. Индекс межличностного доверия (радиус доверия	***Согласие и сплоченность на различных уровнях(страна, область, место проживания, окружение*** **Измерение** Распределение ответов на вопрос: Как Вы считаете, чего сегодня больше: согласия, сплоченности или несогласия, разобщенности? Анализ динамики количества респондентов с положительным и отрицательными ответам (в % от числа опрошенных). Индекс сплоченности и согласия.	***Готовность к объединению с другими людьми для совместных действий с целью защиты общих интересов*** **Измерение** -Индекс готовности к объединению	***Степень участия в общественной и политической жизни; Протестные настроения; Ответственность за состояние дел на различных уровнях(семья, работа, область, страна)*** **Измерение** -Индекс степени участия в общественной и политической жизни - Индекс осведомлённости о работе НКО (в пунктах) - Индекс участия в работе НКО - Индекс влияния НКО - Индекс протестного потенциала	***Влияние на состояние дел на различных уровнях*** **Измерение** Распределение ответов на вопрос «Как вы считаете, можете ли Вы лично сегодня повлиять на состояние дел?» -Анализ динамики количества респондентов с положительными ответами (в % от числа опрошенных) -Возможна корреляция по возрасту и профессиональной принадлежности!

Таким образом, можно отметить, что, не смотря на всю сложность категории социального капитала, в научной среде накапливается опыт измерения данного феномена. Однако следует учитывать особенности изучаемого объекта или уровня изучения.

Многие исследователи считают основой социального капитала, его выражением доверие. Ф. Фукуяма в своей киевской лекции обозначил доверие как важнейший продукт социального капитала[6]. Социальный капитал и доверие неотделимы друг от друга. Причина кроется в сущностной характеристике доверия, которое является и продуктом существующего социального капитала, и одновременно условием его формирования. Вот почему доверие выступает наиболее значимой измеряемой характеристикой социальных отношений.

Проводимые многолетние замеры доверия в ходе мониторинговых исследований, проводимых ИСЭРТ РАН на территории Вологодской области, позволяют увидеть преобладание вертикального или институционального доверия. Так, например, среднее значение доверия Президенту за период

с 2000 по 2014 г.г. составило 55%, Правительству 47%. На региональном уровне доверие руководству области достигло 39%, органам МСУ – 33%. Структуры демократического характера, такие как Госдума (33%), Общественная палата РФ (30%) и области (29%), профсоюзы (29%), общественные организации (25%), партии (20%), имеют более низкий уровень доверия[4]. Что касается межличностного доверия, или доверия на микроуровне, то данные свидетельствуют о его довольно низком уровне. Так по данным за 2014 год никому не доверяют 28% вологжан, тогда как доверяющих близким людям практически вдвое больше– 54% [4]. Если в первом случае фактор личностного взаимодействия менее значим и преобладают формальные нормы и правила, то во втором – доверие основывается на неформальных правилах, составляющих основу социального капитала индивидов. Налицо явный дефицит подобных норм взаимодействия. В свою очередь этот дефицит создает препятствия для объединения граждан в различные структуры и организации общественного плана. Так по результатам опросов ИСЭРТ РАН только незначительное число респондентов отмечает свое участие в деятельности НКО (Таблица 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Принимаете ли Вы участие в деятельности НКО или являетесь членом какой-либо из них?» (в % от числа опрошенных)

Показатель	2008 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+ / -) 2014 г. к			
						2013	2011	2009	2008
Являюсь членом организации	4,9	7,0	5,4	4,5	4,9	0	0	-2	0
Принимаю участие как доброволец, волонтер	6,4	9,9	10,4	6,2	6,4	0	-4	-4	0
Не участвую и не состою	85,3	81,0	82,9	88,2	87,0	-1	+4	+6	+2
Индекс участия в работе НКО	26,0	35,9	32,9	22,5	24,3	+1	-9	-12	-2
Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области (ИСЭРТ РАН) 2008-2014 г.г.									

Тем не менее, потребность в таком объединении существует и прослеживается в результатах социологических исследований. На вопрос о готовности к объединению положительные ответы дает большая часть респондентов (Таблица 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Готовы ли Вы объединиться с другими людьми для каких-либо совместных действий для защиты общих интересов?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2011 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+ / -) 2014 г.	
				к 2013 г.	к 2011 г.
Готов и скорее готов	47,1	43,0	54,6	+12	+8
Не готов и скорее не готов	25,2	19,9	15,1	-5	-10
Индекс готовности к объединению	121,9	123,1	139,5	+16	+18
Затрудняюсь ответить	27,7	37,1	30,3	-7	+3
Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области; ИСЭРТ 2010-2014 г.г. Вопрос задается с 2011 г. В 2012г. вопрос не задавался.					

Такой потенциал роста доверия в социуме необходимо рационально использовать. Большую роль здесь может сыграть государственная власть, которая традиционно сильна в российском обществе. Но для этого ей необходимо делегировать ряд своих полномочий общественным и низовым структурам, приблизив тем самым решение вопросов и проблем к месту их возникновения. Это один аспект вопроса. Второй состоит в выяснении возможностей использования социального капитала для экономического роста и развития. И здесь важен социальный капитал мезоуровня присутствующий в организациях и бизнес-структурах. Это наименее изученный аспект в концепции социального капитал. Если опросы общественного мнения населения той или иной территории дают представление об институциональном и межличностном доверии, то данные методы не позволяют рассматривать ситуацию в организациях либо между организациями. Как утверждает Г.В. Рожков , «Важнейшим фактором, ограничивающий в России развитие экономики, рост ВВП и влияющий на инвестиционный климат является нехватка социального капитала. Что же это? Ответ – это доверие и уверенность, который значительно снижают трансакционные издержки. Прозрачность бизнеса и уверенность в том, что ты можешь доверять партнерам, сотрудникам, чиновникам и государству, всегда дешевле и выгоднее»[5, 441]. И здесь встает вопрос об управлении доверием, о том? как добиться доверия со стороны партнеров, клиентов, потребителей. Нужны инвестиции в социальный капитал. Они возможны через привлечение бизнес-сетей, клубов потребителей, через традиционные организации типа профсоюзов, кооперативов и т.п. Нужен поиск новых форм взаимодействия. Следует шире использовать возможности интернет-сообществ.

Таким образом, в современной научной литературе накоплен как теоретический, так и эмпирический материал, свидетельствующий о полезности социального капитала в таких областях общественной жизни, как экономическое развитие, политическое управление, демократия, образование, школа, здравоохранение, управление природными ресурсами и даже катастрофами. Однако далеко не все аспекты концепции достаточно проработаны. Тоже касается и системы эмпирических показателей.

Список литературы:

1. Helliwell, J.F., Putnam R. Economic Growth and Social Capital in Italy // Eastern Economic Journal. – 1995, – № 21, pp. 295-307.
2. La Porta R., Lopez-De-Silanes F., Shleifer A., Vishny R.W. Trust in large organizations // American Economic Review Papers and Proceedings. – 1997 № 87(2) – pp. 333-338.
3. Барабанов А.С. Управление региональной конкурентоспособностью [Текст]: монография/ А.С. Балабанов; под научн. рук. д.э.н. Т.В. Усковой. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014; 186 с.
4. Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области (ИСЭРТ РАН) 2008-2014 г.г.// URL: http://www.vscc.ac.ru/?module=Articles&action=view&aid=4581
5. Рожков Г.В. Генезис инновационной экономики в России: монография/ Г.В. Рожков// Макс-Пресс. 2009. 888с.
6. Что такое социальный капитал? Киевская лекция Ф. Фукуямы / URL: http://www.day.kiev.ua/ru/article/podrobnosti/chto-takoe-socialnyy-kapital

ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

М.Н. Гуськова –
магистрант Тюменского государственного университета

Инвалидность — одна из важнейших проблем не только одного человека или группы лиц, но и всего общества в целом. Это проблема взаимодействия инвалидов с окружающей действительностью, что влечет за собой,

во-первых, многочисленные социальные барьеры, не позволяющие инвалидам активно включиться в жизнь общества. Во-вторых, это проблема отношения социума к инвалидности как к социальному феномену, а также проблема государственной поддержки и социальной защиты инвалидов.

В мире отмечается устойчивая тенденция к увеличению доли инвалидов в структуре населения. Численность инвалидов ежегодно увеличивается в среднем на 10%. По данным Всемирной организации здравоохранения каждый десятый житель Земли — инвалид. Ежегодно 20 миллионов человек получают увечья. По оценкам экспертов ООН, инвалиды составляют в среднем 10% населения, и примерно 25% населения страдает хроническими заболеваниями.

В 1995 г. был, принят Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в РФ», который стал основой для реформы системы социальной защиты инвалидов. Согласно законодательству, **инвалид,** – это лицо, которое имеет нарушение здоровья, причиной которого является заболевания, последствия травм или дефекта. В результате чего, все это приводит к ограничению жизнедеятельности и вызывает необходимость его социальной защиты. Ограничение жизнедеятельности, как поясняется в данном законодательстве, – это «полная и частичная утрата лицом способности или возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, контролировать свое поведение, обучаться и заниматься трудовой деятельностью». В зависимости от степени расстройства функций организма и ограничения жизнедеятельности лицам, признанным инвалидами, устанавливается группа инвалидности, а лицам в возрасте до 18 лет устанавливается категория «ребенок-инвалид» [2].

С каждым годом в мире рождается все больше и больше детей с различными нарушениями здоровья. С точки зрения Т. В. Грузиновой, к основным категориям нарушений развития, врожденных и приобретенных в первые годы жизни относятся: нарушения слуха; нарушения зрения; нарушения двигательной сферы, где нарушения встречаются в разных формах — от неподвижности (параличи, парезы) до гиперкинезов (непроизвольных чрезмерных движений); нарушения речи; нарушения

интеллектуального развития, где основным критерием нарушения является нарушение познавательной деятельности; нарушения психического развития, где нарушения выражаются в проблемах общения, поведения, сложности адаптации различной степени тяжести (от полного отсутствия контакта с окружающими до небольших сложностей в адаптации к новым условиям) [1, 60].

Таким образом, дети-инвалиды это особая социальная группа и субкультура, специфическая социальная общность, требующая повышенного внимания, подхода к воспитанию. В силу специфики данной социальной группы, выделяется ряд особенностей процесса адаптации детей-инвалидов в социуме. Главными составляющими в работе с особыми детьми являются индивидуально-личностный и дефференцированный подход к каждому ребенку, а также комплексность, непрерывность, систематичность и преемственность в адаптационной работе. Среди факторов адаптации детей-инвалидов особо следует выделить фактор семьи. Дети с ограниченными возможностями испытывают повышенную необходимость в опоре на взрослых. Дальнейшая судьба таких детей в значительной степени зависит от позиции семьи. Успешность адаптационных мероприятий, практик, осуществляемых семьей в отношении ребенка, зависит от ее социокультурного потенциала, оптимальной реализации множества функций. Среди функций семьи следует рассматривать не только экономическую, ведения хозяйства и заботу о здоровье, но и рекреационную (например, хобби и другие мероприятия, как семейные, так индивидуальные), социализирующие (например, развитие социокультурных навыков и межличностных взаимосвязей), самоидентификацию (например, признание сильных качеств и слабостей формирования чувство принадлежности), аффективную (например, развитие интимности и способности к воспитанию), образовательно-профессиональную [3, 47].

Огромное значение в адаптации ребенка-инвалида также играет, такай фактор как реабилитация. Одной из главных целей социальной реабилитации является приспособление, адаптация человека к социальной реальности, что служит, пожалуй, наиболее возможным условием нормального функционирования общества. Процесс социальной реабилитации – это процесс взаимодействия личности и общества. Данное взаимодействие включает в себя, одной стороны, способ передачи индивиду социального опыта, способ включения его в систему общественных отношений, с другой стороны, процесс личностных изменений [4, 62].

Для изучения специфики инвалидности в Тюменской области нами было проведено пилотажное исследование в форме анкетного опроса, на тему: «Адаптация детей-инвалидов в современном обществе (на примере Юргинского района, Тюменской области)».

По результатам проведенного исследования, в Юргинском районе по состоянию на 1 января 2015 года общая численность инвалидов составила

1668 человек от общего числа населения (11735 человек), где численность детей-инвалидов составила 68 человек. Решением проблемы адаптации детей-инвалидов занимаются специалисты АУ «Комплексного центра социального обслуживания населения Юргинского муниципального района».

С целью выявления проблем адаптации нами были заданы ряд вопросов, касающихся процесса адаптации. Большинство детей-инвалидов приобщены к окружающей социальной среде. Это проявляется, прежде всего, в активном участии в общественной жизни, а также тесном взаимодействии с обществом. Большинство опрошенных отметили, что включены во все социальные процессы, то есть образовательную и воспитательную среду, благодаря которым дети-инвалиды усваивают и воспроизводят определенную систему знаний, норм, ценностей и чувствуют себя полноправными членами общества.

Исследование также показало, что не каждый член общество терпимо относится к детям-инвалидам, так как большинство испытывают чувства жалости (57%) и любопытство (51%). Сочетание этих эмоций вызывает состояние пассивности по отношению к инвалидам и ограничивает желание помочь. И лишь 19% испытывают чувство безопасности, при общении с детьми-инвалидами, то есть люди готовы поддержать, контактировать и помочь в трудных ситуациях детям с инвалидностью.

В целом семьи воспитывающие ребенка-инвалида активно принимают участие в их адаптации. При этом государственная политика направлена на поддержку и на приобщение большинства опрошенных респондентов к обществу, предоставляя помощь и участие в социальных программах.

Как видно из результатов нашего опроса, основная проблема при адаптации детей-инвалидов – это их восприятие окружающими и готовность социального окружения к конструктивному общению. Можно предположить, что для успешной адаптации детей-инвалидов сегодня необходимо.

Во-первых, создание специализированных детских площадок для приобщения детей – инвалидов и к спорту, играм т.е. возможности их общения, и как следствие реабилитации и социальной адаптации в обществе.

Во-вторых, создание условий для организации инклюзивного образования, для беспрепятственного доступа инвалидов к образовательной и воспитательной среде.

В-третьих, организация и проведение культурно – развлекательных мероприятий для детей- инвалидов и их родителей.

В-четвертых, важно организовать родительские клубы, группы взаимопомощи для детей и родителей, в которых родители и дети могли бы вмесите учиться преодолевать трудности и наращивать позитивный жизненный опыт.

В-пятых, создать эффективную систему информирование родителей об имеющихся социальных услугах, программах в государственных и общественных организациях. Необходимо с помощью средств массовой

информации информировать общество о проблемах детей-инвалидов, включать здоровых сверстников и родителей в проблемы поддержки детей с особыми жизненными потребностями.

В целом же, сегодня нужны новые подходы к формированию общественного и личного здоровья, новые меры, направленные на интеграцию детей-инвалидов в социум.

Список литературы:

1. Грузинова, Т. Дети с ограниченными возможностями: мифы, реальность, пути интеграции / Т. Грузинова //Директор школы. – 2009. – № 4. – С. 59-64.

2. О социальной защите инвалидов Российской Федерации»: Федеральный закон от 24 ноября 1995 г., № 181-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 4.

3. Туленкова, Н. В. Значение социально-психологического статуса семьи в решении проблем социализации ребенка с ограниченными возможностями здоровья / Н. В. Туленкова // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 305 (декабрь). – С. 47-49 с.

4. Холостова, Е. И. Социальная реабилитация: учеб. пособие для студ. вузов, обуч. по спец. «Социальная работа» / Е. И. Холостова, Н. Ф. Дементьева. – 3-е изд. – М.: Дашков и К, 2009. – 340 с.

СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ: НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

В.А. Давыденко –
д.социол.н,, профессор
начальник научно-исследовательского центра Финансово-экономического института Тюменского государственного университета

Введение. Провозглашенный в мае 2011 года президентом России В.В. Путиным новый курс на новую индустриализацию актуализирует вопрос о том, как эта программная установка реализуется на практике в России и в её регионах [1]. Существуют различные подходы к самому пониманию концепции «новой волны индустриализации». Чисто экономические подходы ориентируют на необходимость модернизации отечественной промышленности на основе проведения системной промышленной политики, предполагающей обновление производственного аппарата промышленности; восстановление структурной целостности; решение кадровых проблем; выравнивание пространственных характеристик промышленного потенциала [2]. Однако кроме экономических и технологических факторов, результаты хозяйственной деятельности зависят от институтов, организационных структур и систем реального управления. Для России традиционен крен в сторону централизации власти, вследствие чего на региональном уровне недостаточно не только экономических и финансовых ресурсов, но и политической воли, полномочий [3].

Анализ реализуемых практик и сопутствующих им концепций контроля *[conceptions of control]* оказывается достаточно сложным делом, поскольку в России и в её регионах права собственности, структуры управления, правила обмена до сих пор чётко не определены. Реальные региональные проблемы хорошо известны: это несоответствие объема финансирования и функций чиновников, пересечение полномочий уровней власти, влияние внутриэлитных конфликтов на жизнь регионов, дестимулирование развития локальных территорий, коррупция, и многое другое. С теоретической точки зрения проблема реиндустриализации заключается в том, что реально работающие институты (правовые нормы, правила игры, неформальные практики) и организационные структуры в том или ином государстве, регионе, фирме (предприятии), сети отношений между акторами на рынках порождают значительно более обширные социальные структуры, чем это предполагается большинством экономических, социологических и социально-экономических теорий (концептов) [4].

Если исходить из того, что групповые интересы периферийных (региональных) элит являются результатом эволюции постсоветской

номенклатуры, а закрытость и ограничение доступа в такие группы есть важнейшее условие их воспроизводства и стабильности, то можно предположить, что процессы реиндустриализации в России должны трансформировать установленный институциональный порядок. Экономисты не без оснований утверждают, что ключевой проблемой государственного вмешательства в работу рынков является соблазн для государственных чиновников начать «погоню за рентой» – стремление добиваться с помощью правительства передачи дохода (богатства) поставщику ресурса, частному предприятию или потребителю за чужой счет или за счет общества. В этом случае какой-то сектор хозяйства может быть захвачен государством или некоей группой. В качестве ресурса может выступать и контроль над политической сферой [5].

Концептуальный переход от идеи «погони за рентой» возникает в том случае, когда рыночные акторы соглашаются с альтернативой развития индустриальных производств, основанных на возрастающей отдаче. Как показал Б. Артур, в традиционном индустриальном мире, который связывают с именем Альфреда Маршалла, господствовала убывающая отдача. Но в процессе становления *IT* индустрии (и индустрий иных новых технологий), экономическое развитие стран, государств или регионов с доминированием индустриальных производств основано на возрастающей отдаче. Возрастающая отдача является механизмом положительной обратной связи, которая направлена (внутри рынков, предприятий и отраслей) на усиление тех, кто имеет успех, и торможение отставших, уже навсегда. Продемонстрировано, что механизмы возрастающей и убывающей отдачи существуют практически во всех отраслях, но убывающая отдача наиболее характерна для традиционного сектора экономики, обрабатывающей промышленности [6].

Проблема перехода на новый, «реиндустриальный» тип развития заключается в том, что все элитарные группы настроены использовать свои возможности в политических сферах для реализации собственных целей, а эти цели как правило лежат с сфере сохранения существующих институтов, но не выстраивания новых. Парадигма реиндустриализации, связанная с возрастающей отдачей, может переориентировать частные фирмы, предприятия и государственных представителей – чиновников и бюрократов – на конструктивные формы экономического поведения и формирование новых институций, адекватных новой индустрии.

С теоретической точки зрения проблемы реиндустриализации, ориентированные на возрастающую отдачу, могут быть представлены в русле *властно-ориентированного подхода (power-oriented approach)*, который предложили У. Бейкер, Н. Биггарт, П. Димаджио, У. Пауэлл, Н. Флигстин и др. [7-10]. Нейл Флигстин предложил модель действия, согласно которой участники рынка стремятся к созданию стабильных миров и решению проблемы конкуренции социальными средствами. На этапе формирования рынков,

когда акторы в фирмах еще только пытаются выстроить статусную иерархию, укрепляющую *несостязательные формы конкуренции [noncompetitive forms of competition],* политическое действие напоминает *социальные движения [social movements].* В условиях стабильных рынков *фирмы, обладающие большей властью [incumbent firms],* защищают свои позиции от *претендентов на эту власть [challengers and invaders].* А в периоды рыночной трансформации такие «захватчики» могут провоцировать создание более изменчивой ситуации на рынке, подобной той, которая возникает под воздействием «социальных движений» *[social movements]* [4]. Любое региональное сообщество вынуждено решать проблему материального воспроизводства, но конкретная форма хозяйственной организации в разных обществах остаётся различной. Хозяйственная жизнь показала, что многие полезные институты развивались неформально как практики, и оставались неформальными практиками, следуя достаточно жёстким правилам «практического интеллекта» и *неявного знания (tacit knowledge)* [11].

Если традиционная экономическая теория предполагает, что хозяйственными агентами движут в основном экономические интересы, то *властно-ориентированный подход* предусматривает более широкий круг ключевых мотивов: так, помимо экономических интересов, действия агентов структурируются социокультурными и культурно-нормативными схемами, включающими идеальные и практические стандарты экономического поведения, разделяемые клиентами, конкурентами и другими акторами, и санкционируемые местными региональными сообществами [12]. При этом основной единицей анализа для нас являются не столько сами институты, сколько экономическое действие, понимаемое в веберовском духе. Рассматриваемый опыт становления новой индустриализации в Тюменской области (юг) изучается с точек зрения социокультурного [13] и социоэкономического контекстов [14].

Тюменская область – успешный, социально стабильный регион, с хорошей динамикой экономических показателей, здесь и далее, если не оговаривается иное, подразумевается юг региона, без северных автономных округов. По темпам роста промышленного производства регион входит с число наиболее успешных в России. Так, если за 2014 год индекс физического объема промышленного производства России составил 101,7%; Москвы – 95,9%; Санкт-Петербурга – 91,8%, то в Тюменской области – 112,9%, табл. 1. Даже в самый разгар мирового кризиса 2009 г. промышленный рост юга Тюменской области составлял 108,4%, в то время как всероссийский аналогичный индекс зафиксирован на уровне 89,3%.

Рост наблюдается не только в сегменте добычи углеводородов, но и в инфраструктурных, обрабатывающих производствах, в строительстве (строительный кластер является сегодня одним из основных драйверов роста ВРП на юге Тюменской области, особенно жилищное строительство)

и в других отраслях региональной экономики, на которые делаются особые инвестиционные ставки региональным правительством, – агрокомплекс, пищевая промышленность, производство строительных материалов, машиностроение, металлургия.

По сравнению с 2013 годом, который тоже был достаточно успешным, в 2014 году индекс промышленного производства вырос на 12% – а это основной показатель качества роста экономики. Индекс роста обрабатывающих отраслей промышленности в 2014 году составил 118% [14].

По объёму ВРП в текущих (номинальных) основных ценах Тюменской области вместе с северными субрегионами – ХМАО-Югрой и ЯНАО-Ямалом – попадает в двадцатку лучших регионов России. Этот рост достаточно устойчив, даже несмотря на серьезные искажения в связи с непрозрачностью распределения нефтегазовой ренты. Известно, что существенная доля ВРП реализуется через штаб-квартиры, находящиеся в Москве, Московской области, в Санкт-Петербурге, а не по месту «реальной прописки» добычи углеводородов [14, с.28].

Текущие социально-экономические преимущества Тюменского региона начали складываться в течение многих десятилетий. В 1960-х годах началось освоение территории после первых геологических открытий, а к концу мая 1964 г. первые баржи с нефтью с месторождений Шаима, Усть-Балыка и Мегиона были направлены на Омский нефтеперерабатывающий завод (с 1 июня 2006 г. Омский НПЗ перерегистрирован в Санкт-Петербурге). В 1960-1970-е годы покорители Тюменского севера проявляли героические образцы профессиональной и самоотверженной работы, рядовым явлением были трудовые подвиги и комсомольские стройки. За долгий и бурный период формирования и развития нефтегазового комплекса севера Западной Сибири население ЯНАО увеличилось в семь раз (с 80 тыс. чел. в 1970 г. до 550 тыс. чел. в 2011 г.), Югры – почти в шесть раз (с 270 тыс. чел. в 1970 г. до 1550 тыс. чел. в 2011 г.). Тот прорыв в индустриализации, который мы сегодня наблюдаем – это следствие постоянных инвестиций в социальную и экономическую сферы Тюменского региона и в его административную инфраструктуру. Тюменский регион с точки зрения использования нефтяной ренты существенно продвинулся еще с 1990-х годов.

Современная концепция «регионального освоения нефтегазовой ренты» была заложена в указе президента РСФСР № 122 от 19 сентября 1991 года «О развитии Тюменской области». Ключевой его момент – право формировать и свободно использовать территориальный фонд товарных и сырьевых ресурсов в объеме 10% от общего производства нефти и газа и 10% другой продукции, производимой предприятиями, расположенными на территории области и автономных округов, для обеспечения социально-экономического развития региона. Тем самым, тюменская территория попала в привилегированный статус прямых получателей сырьевой ренты, потому что руководству региона

доставалась в ведение и свободное использование «десятины» – 10% любого производства на подведомственной земле.

В начале 1990-х годов именно это во многом стало сначала спасением для Тюменской области, а затем – ключевыми факторами её конкурентного превосходства над другими регионами России. Указ №122 проработал недолго, однако его сущностный смысл (принцип необходимости региональной части сырьевой ренты) трансформировался в Закон «О недрах», который был подписан Б.Н. Ельциным 21 февраля 1992 г. В целом, налогообложение нефте- и газодобычи в 1990-е годы в России было довольно путаным и непрозрачным, оно состояло из многих платежей платы за пользование недрами, которое прямому администрированию практически не поддавалась, налога на воспроизводство минерально-сырьевой базы, акцизов на сырую нефть. В итоге до 60% налогов и сборов до 2000 года оседали в региональных бюджетах. Эти рентные доходы позволяли региону, во-первых, иметь качество жизни выше среднего по стране, а во-вторых, постоянно инвестировать в развитие социальной сферы и инфраструктуры области, выстраивая базу социально-экономической устойчивости.

С 2002 г. был введен единый рентный налог – на добычу полезных ископаемых (НДПИ), отменявший ряд прежних платежей, определявшихся законом «О недрах». Региональная доля в распределении нефтяных сборов резко сократилась до 14,4%. В это время начался взлет углеводородной конъюнктуры, федеральной власти эта ставка показалась очень большой. В результате с 2004 г. по всем типам ресурсов и регионам вводилась новая пропорция распределения рентных платежей: 95% отводилось федеральной казне, 5% оставалось на территории. Финансово-экономический кризис, разразившийся к концу 2008 г., заставил федеральное правительство искать новые способы повышения доходности федерального бюджета; в итоге было принято решение, начиная с 2010 г. превратить НДПИ в полностью федеральный налог. К тому моменту свою долю налога имели 32 субъекта РФ, и правительство определило им переходный период. Его стандартная схема такова: в 2010 г. федеральный бюджет компенсирует казне субъекта через субвенции и субсидии 60% выпадающих из НДПИ доходов, в 2011 г. – 40%, в 2012-м году – 20%. Для Тюменской области была разработана специальная схема, поскольку регион зависел от платежей НДПИ более всех, а ежегодные доходы от него к тому моменту составляли более 30 млрд рублей. Было принято решение, чтобы для Тюменской области в 2010 г. федеральные дотации покрывали 100% выпадающих региональных доходов, в 2011 г. – 75%, в 2012 г. – 50%, в 2013 г. – 25%, а с 2014 г. бюджеты субъекта Федерации полностью освободились от рентных платежей с углеводородной добычи. Ввиду того, что весь налог НДПИ стал изыматься в федеральный бюджет, а нефтяным регионам оставили только налог на прибыль, многие субъекты РФ основную прибыль стали выводить либо в оффшоры, либо в свои штаб-квартиры. В итоге

получилось так, что только сборы налога на доходы физических лиц (НДФЛ) с занятых в обрабатывающей промышленности стали основой доходной части бюджетов субъектов Федерации.

Поиск способов развития экономики и достижение стабильной бюджетной обеспеченности стали основными направлениями деятельности с 2005 г. губернатора Тюменской области В.В. Якушева. В 2006 г. в Тюменской области был учрежден департамент инвестиционной политики и государственной поддержки предпринимательства. С точки зрения политико-экономического контекста, начался новый процесс – конвертации дипломатически обеспеченных высоких бюджетных доходов в подъем собственного реального сектора экономики Тюменской области. Весь период после 2008 года в России характеризовался нехваткой инвестиционных ресурсов. Чтобы рецессия не трансформировалась в стагнацию на макро- и мезоуровнях, государству следует добиться, чтобы люди захотели реально инвестировать. Как показывает пример отдельно взятого региона Тюменской области – это вполне может быть сделано на отдельной территории (табл. 1). Справедливо считается, что Тюменский регион – один из наиболее благоприятный для инвестиций. Чёткий деловой климат, конструктивное отношение власти к инвесторам – как мелким и средним, так и к крупным, желание руководства области искать и находить нестандартные пути создания новых рабочих мест и высокотехнологичных производств – всё это говорит в пользу Тюменского региона. Несмотря на то, что Тюменская область – далеко не единственная из тех, которая богата нефтью и природным газом, что именно здесь сложились предпосылки для формирования институциональной среды, побуждающей инвестировать в основной и человеческий капитал [13, с.102].

Попробуем проанализировать механизмы реализации новой индустриализации на примере Тюменской области. Например, выступая в прямом эфире ГТРК “Регион-Тюмень” 17 января 2015 г., директор департамента инвестиционной политики и государственной поддержки предпринимательства В.М. Шумков отметил, что прошедший 2014 год был щедрым на инвестиции в Тюменской области [15]. Открыт 21 новый крупный завод: такого не было за предыдущие двадцать лет. Заводы представляют различные направления промышленности: от нефтепереработки, нефтехимии, металлургии, что совершенно ново для экономики Тюменской области, до рыбопереработки и рыборазведения, пищевой промышленности, деревообработки, производства строительных материалов. Три из них принято называть промышленными гигантами. Во-первых, летом 2013 г. в Тюмени начат выпуск сортового проката «УГМК-Сталь» – это 21,3 млрд рублей инвестиций и более тысячи новых рабочих мест. Во-вторых, осенью того же 2013 г. в Тобольске открыто новое предприятие СИБУРа «Тобольск-Полимер» – это 62,4 млрд рублей инвестиций и почти пятьсот рабочих мест (в настоящее время СИБУР продолжает развитие Тобольской промышленной площадки: расширяет

комплекс широкой фракции легких углеводородов, подключает новый продуктопровод). В-третьих, в начале 2014 г. введен в строй первый пусковой комплекс третьей очереди Антипинского нефтеперерабатывающего завода: объем инвестиций по третьей очереди 56,9 млрд рублей (140 миллиардов рублей по проекту целиком), число новых рабочих мест по проекту целиком 2,6 тыс. И ещё 18 заводов поменьше, объем инвестиций в которые составляет от 300 млн до 4 млрд рублей. В числе недавних, например, запуск цеха металлоконструкций и цеха железобетонных и арматурных изделий ОАО «Мостострой-11».

Каковы инструменты, применяемые в регионе? Руководство области субсидирует кредитную ставку для бизнеса ещё с 2006 г., причем до 2009 г. под эту программу подпадали практически все предпринимательские кредиты. С наступлением финансово-экономического кризисом 2009 г. для бизнеса пришлось ужесточить условия, стали финансировать ставку только по кредитам на строительство новых производственных зданий, на приобретение оборудования. Второй инструмент помощи инвесторам – лизинг, с 2010 г. в Тюменской области полностью возвращать первый взнос по договору лизинга оборудования и спецтехники в объеме до половины стоимости самого оборудования без учета НДС. Инвестиционное агентство, работающее под эгидой правительства Тюменской области, с 2014 г запустило новый продукт – инвестиционные займы для малого и среднего предпринимательства в сфере производства. Если инвестор строит небольшой завод или фабрику, он может получить прямое финансирование до 50 млн рублей под 7% годовых до пяти лет. Налоговые льготы – это важный инструмент помощи инвесторам, хотя в их эффективности нынче многие сомневаются. В регионе признают, что налоговые льготы не в последнюю очередь играющие психологическую роль: инвестор точно знает, что его в этом регионе ждут и поддержат. Для оптимизации получения налоговых льгот предусмотрена льгота, инвестор, вкладывающий в экономику региона более 300 млн рублей, с 1 января 2015 года освобождается от налога на имущество продолжительностью до трех лет.

Новые административные технологии с целью максимально эффективно воздействовать на инвестиционные процессы – основа механизмов инвестиционного прорыва. На региональном совете по улучшению инвестиционного климата, состоявшемся в 2013 году, все стороны-участники подписали соглашение, обязавшись неуклонно исполнять конкретные меры, способствующие тому, чтобы упростить и ускорить выполнение процедур, находящихся в их компетенции, по всем инвестиционным проектам, внесенным в реестр Тюменской области. Этот реестр является неотъемлемой частью инвестиционного соглашения. Выделены уровни сопровождения инвестиционных проектов: проекты стоимостью свыше 300 млн рублей сопровождает региональное правительство; проекты малого и среднего бизнеса стоимостью ниже 300 млн – фонд «Инвестиционное агентство Тюменской

области». Процедура сопровождения включает в себя не только консультации, но и реальную помощь в решении комплекса вопросов, связанных с получением и оформлением земельных участков, технологическими подключениями, получением разрешений на строительство и ввод в эксплуатацию. Решаются и иные вопросы инвесторов, возникающие в процессе реализации проекта [15]. На сегодняшний день (июль 2015 г.) в реестре уже более 330 проектов с общим объемом инвестиций более 1 трлн 300 млрд рублей, создающих почти 34000 рабочих мест, и это только в реальном секторе экономики.

В заключение подчеркнем, что если исходить из антропосоциетальной парадигмы, изложенной член.-корр. РАН, д.филос.н. Н.И. Лапиным, то нужно обратить внимание на наличие таких фундаментальных компонент в структуре модернизационных процессов российского общества в целом и Тюменской области в частности, как технико-технологическая (например, процессы деиндустриализации 1990-х гг.), социоэкономическая (исследователи отмечают позитивную динамику 2000-х гг.), социокультурная и институционально-регулятивную [16]. На наш взгляд, в социально-экономическом развитии Тюменского региона конструктивно сочетаются все четыре фундаментальные компоненты. При этом институционально-регулятивная компонента становится приоритетной, управленческая деятельность руководства Тюменской области не только осуществляет реальную поддержку ключевых видов инвестиционной промышленной деятельности, в итоге интегрируя их в качественную совокупную промышленную политику, вместе с тем фактически формулирует и реализует базовые цели и инструменты. Это одновременно и сила, и слабость проводимой политики. Сила политики проявляется в краткосрочной перспективе, и, вероятно, с текущей ситуации это единственный реальный путь. Однако, в долгосрочной перспективе, все не так радужно, ибо система работает только в «ручном режиме». Практически нет механизмов, стимулирующих инвестирование в инновационные производства, нет или недостаточно отработаны инструменты отсева неэффективных производств, система запуска новых проектов требует обязательного вмешательства региональных элит. В итоге некоторые из вводимых так называемых новых производств морально устарели уже на момент пуска. Яркий пример тому – Антипинский НПЗ, технологически устаревший с точки зрения энергоэффективности, экологической безопасности, логистики. В планах завода предусматривается выпуск топлива ЕВРО-5, но только после пуска 3-й очереди (http://www.annpz.ru/compane.html).

В Тюменской области новая индустриализация имеет триединую основу. Прежде всего – запуск новых крупных для региона предприятий в отраслях региональной экономики. Второй аспект – управление мультипликативным эффектом от запуска новых производств, то есть встраивание в процесс развития отраслей, производных от роста промышленности: строительства, объектов инфраструктуры, малого и среднего бизнеса, развивающегося

вокруг крупных промышленных предприятий и среды обитания населения, жителей региона. Речь идет о подрядчиках, сфере торговли и услуг. Третье направление – это создание экономически обоснованного сельского хозяйства, базирующегося на частной инициативе, в том числе отказ от привычки хозяйствующих элит рассматривать его как преимущественно дотационную отрасль [14, с. 74-97]. Представление стратегии развития в формате синхронно реализуемого портфеля инвестиционных проектов ставит во главу угла задачу *привлечения инвестиций* для их реализации.

Выводы. В Тюменской области выбрана модель развития новой индустрии, основанная на генерации добавленной стоимости. Региональные власти пытаются выстроить региональную экономику, стремятся, чтобы регион самостоятельно зарабатывал и тратил, в основном, на обеспечение качества жизни людей. Важный нюанс: наблюдается рост показателей социального самочувствия весь период после 2006 года. В текущем 2015 году Тюменская область остается регионом, практически не имеющим долги перед федеральным бюджетом. Регион сделал ставку на реиндустриализацию и диверсификацию экономики с моделью развития, базирующейся на переработке продуктов нефтегазовой отрасли промышленного производства. Ключевое значение с позиций институтов в обществе имеет то, что они определяют *поведенческие паттерны*. В Тюменской области распространена структура экономического поведения элит, когда преобладает инструментарное поведение над церемониальным. Церемониальные ценности заключаются в предпочтении обладания властью и высоким социальным статусом, тогда как во многом противоположные им инструментарные ценности заключаются в предпочтении экономической и технической эффективности. Как видно из практических примеров, региональная элита ориентирована более на инструментарное экономическое поведение, чем на церемониальное.

Список литературы:

1. Дмитриенко Д. Путин провозгласил курс на новую индустриализацию // Ведомости от 11 мая 2011 г.

2. Реиндустриализация экономики России в условиях новых угроз. / под ред. С. Д. Валентея. – Вып. 2. – Москва: ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2015. – С. 7, 8. – (Научные доклады РЭУ).

3. Вольчик В.В., Кот В.В. Институциональные изменения в периферийных регионах: роль гражданских институтов // Terra Economicus. 2013. Т. 11. № 4. С. 19.

4. Флигстин Н. Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XXI века: пер. с англ. А. А. Куракина; под науч. ред. В. В. Радаева – М.: Изд. дом НИУ Высшая школа экономики. 2013. (Социальная теория). С. 17.

5. Бьюкенен Джеймс М. Сочинения. Пер. с англ. Серия: «Нобелевские лауреаты по экономике». Т. 1. / Фонд экономической инициативы. Гл. ред. кол.: Нуреев Р.М. и др. / – М.: «Таурус Альфа». 1997. – 560 с.

6. Артур Б. Возрастающая отдача и два мира бизнеса // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2005. Т. 3, № 4. С. 7.

7. Baker W.E. The Social Structure of a National Securities Market // American Journal of Sociology. Vol. 89. 1984. №4. P. 775-811.

8. Biggart N. Charismatic Capitalism: Direct Selling Organizations in America. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1998.

9. Fligstein N. The Transformation of Corporate Control. Cambridge: Harvard University Press, 1990.

10. Powell W. and DiMaggio P. (eds.). The New Institutionalism in Organizational Analysis. Chicago: University of Chicago Press, 1991.

11. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / Под ред. В. А. Лекторского, В. А. Аршинова; пер. с англ. М. Б. Гнедовского, Н. М. Смирновой, Б. А. Старостина. – М., 1995. 344 с.

12. Радаев В.В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Экономическая социология: электронный журнал. 2001, том 2, № 3. С. 19.

13. Социокультурная динамика – портрет Тюменской области: коллективная монография / науч. ред. Г.Ф. Ромашкина, В.А. Давыденко. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2015. 358 с.

14. Давыденко В.А., Ромашкина Г.Ф., Скрипнюк Д.Ф., Тарасова А.Н., Диденко Н.И. Управление инновационным развитием региона: коллективная монография. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2013. 436 с.

15. Шумков В.М. Административные технологии сопровождения инвесторов в Тюменской области // Налоги, инвестиции, капитал. 2015 г. № 1 (100). С. 64-66.

16. Лапин Н.И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // Социологические исследования 2015. № 1. С. 5-10.

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ОКАЗАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ НАСЕЛЕНИЮ КАК ОСНОВНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА НА УРОВНЕ РЕГИОНА

Е.Н. Данилова –
аспирант Байкальского государственного университета экономики и права

В современном обществе оценка качества оказания социальных услуг населению приобретает все большую значимость. Это связано со стремительным ростом потребностей населения в социальных услугах (образовательные, медицинские услуги, услуги учреждений культуры и социального обслуживания), их влиянием на динамику развития структуры общества и характер социальных отношений. Эти услуги вышли за рамки семьи и соседской общины, непосредственного обмена деятельностью и превратились в один из показателей социального развития страны.

На сегодняшний день оценка качества проделываемой работы является основой для оценки эффективности деятельности любой организации и ее персонала. Большое значение она имеет и для сферы социального обслуживания населения.

Накопленный потенциал системы социального обслуживания России используется не в полной мере. Во-первых, социальными услугами пользуются далеко не все граждане (примерно треть), оказавшиеся в сложной жизненной ситуации. Во-вторых, те меры, которые предприняты на сегодняшний день государством, в большей мере, носят материальный (поддерживающий) характер, нежели профилактический (предупредительный). В-третьих, низкая квалификация специалистов, обслуживающих население, связанная с негативным имиджем профессии специалиста по социальной работе, сказывается на качестве осуществляемой деятельности.

Активное развитие системы учреждений социального обслуживания в современной России, на которое тратятся значительные ресурсы общества, предполагает необходимость формирования системы результирующих показателей их деятельности, к числу которых относятся и показатели качества. Также необходимость создания систем оценки качества определяется развитием стандартизации системы социальных услуг. С одной стороны, соблюдение стандартов качества предполагает их оценку с помощью определенных показателей качества. С другой стороны, тщательно разработанная система показателей оценки качества может помочь улучшить стандарты социального обслуживания [2].

Таким образом, востребованность систем оценки качества социальных услуг со стороны управленческих структур и учреждений социального обслуживания высока. В то же время проблема оценки качества в современной

науке и практике решается достаточно трудно, поскольку ее решение связано с огромным количеством трудностей теоретического и практического характера, например:

- недостаточная теоретическая проработка категории «качество социальной услуги»;
- разнообразие социальных услуг (социально-бытовые, социально-медицинские, социально-психологические, педагогические и т. д.);
- субъективизм при формировании подходов к оценке;
- распространенность при оценке качества услуг количественных подходов и показателей и др.

За последние годы (особенно в последние пять лет) появилось значительное количество публикаций, научных трудов связанных с оценкой качества социальных услуг.

Проблемы изучения особенностей формирования социальной защиты, важнейшей частью которой является предоставление услуг в системе социального обслуживания в современном российском обществе, включая такие ее подсистемы, как социальное страхование, пенсионное обеспечение, социальное обеспечение, стали объектом научных исследований современных отечественных социологов Е. Н. Жильцова, З. П. Замараевой, Т. З. Козловой, Л. П. Якушева. Проблемы качества социального обслуживания рассматривались в работах И. Д. Григоренко, А. В Максимова, И. В. Малофеева.

Тем не менее, научное осмысление качества оказания услуг в системе социального обслуживания населения не отражает реальные потребности практики, теоретико-методологическое осмысление проблем разработки моделей и технологий их оказания, влияния смены теоретических и практических парадигм социального обслуживания населения на изменение их функций. Указанные и другие авторы уделяют внимание скорее обоснованию необходимости оценки качества социальных услуг, нежели исследованию критериев и подходов к ее изучению, а имеющиеся работы, посвященные параметрам оценки оказания социальных услуг, затрагивают преимущественно количественные аспекты деятельности учреждений социального обслуживания. Такой же результат дает изучение практического опыта учреждений социального обслуживания – отчетность учреждений предполагает подсчет объема осуществляемой работы, а также стоимости оказанных услуг. Используемый подход не раскрывает всей сущности социальной помощи: поддержка граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации не только в материальном плане, но и поддержка их нравственного и психологического самочувствия.

В настоящее время, помимо экономического, появилось множество разнообразных аспектов понятия «качество»: социальный, технический, управленческий, личностный и другие. Каждый из подходов содержит свои

трактовки и понимание содержания этой категории в зависимости от объекта исследования.

В экономике и управлении, где, собственно, и было впервые упомянуто понятие «качество», данный термин связан с созданием и использованием продукции и услуг конкретным потребителем, поэтому объектом исследования и управления здесь является, в первую очередь, качество продукции и услуг. «Качество продукции – совокупность свойств продукции, обусловливающих ее способность удовлетворять определенные потребности в соответствии с ее назначением» [1, 45-46].

Тем не менее, проблема качества в непроизводственном секторе, в частности – в сфере социального обслуживания населения в настоящее время актуальны в силу нескольких причин.

Во-первых, социальными услугами пользуются далеко не все граждане (примерно треть), оказавшиеся в сложной жизненной ситуации. В интересах государства увеличивать число обслуживаемых граждан, тем самым обеспечивать благополучие своих граждан. Поэтому, данный интерес вменен и специалистам учреждений социального обслуживания: постепенно качество работы и число клиентов все больше и больше влияют на заработную плату, возможность получить повышение и конкурентоспособность специалиста.

Во-вторых, те меры, которые предприняты на сегодняшний день государством, в большей мере, носят материальный (поддерживающий) характер, нежели профилактический (предупредительный). Задача специалиста учреждения социального обслуживания обеспечить качественные показатели работы, в том числе и предупреждения повторного возникновения трудной жизненной ситуации.

В-третьих, низкая квалификация специалистов, обслуживающих население, связанная с негативным имиджем профессии специалиста по социальной работе, сказывается на качестве осуществляемой деятельности. Задача борьбы с конкретной проблемой ложится на руководителя учреждения социального обслуживания, качество работы которого зависит от личности и деятельности руководящего звена.

Тем не менее, несмотря на высокий уровень востребованности контроля качества оказания социальных услуг как на локальном (уровне конкретного учреждения социального обслуживания), так и на региональном уровне (министерство социального развития, опеки и попечительства региона), данный вопрос в современной науке и практике решается достаточно трудно. Данная ситуация объясняется особенностями объекта социальной работы. Человеческую судьбу очень сложно обернуть в количественные показатели. Также определенная сложность существует и с процессом отслеживания, мониторинга изменений в ситуации клиента учреждения социального обслуживания.

Большинство исследований и научных разработок направлено на изучение необходимости, актуальности оценки качества оказания услуг населению учреждениями социального обслуживания, в то время как потребность этих самых учреждений заключается в разработке конкретных показателей, используя которые они могут оценивать собственную деятельность.

В рамках исследования вопросов качеств социально-значимых услуг, с целью всестороннего анализа рассматриваемого вопроса, было проведено исследование мнения клиентов учреждений социального обслуживания населения. Подобно сфере торговли и сервиса, деятельность любого учреждения, осуществляющего социальную помощь и поддержу, направлена на клиента, на полное удовлетворение его потребности и разрешение сложившейся у него сложной жизненной ситуации.

Анализ полученных данных о мнении клиентов одного из наиболее распространенных типов учреждений социального обслуживания населения в большинстве регионов России, а, в частности, Иркутской области – Комплексного центра социального обслуживания населения (далее – КЦСОН), условно можно разделить на две части: теоретические представления о качестве обслуживания государственными учреждениями, в т. ч. и учреждениями социального обслуживания и опыт взаимодействия с КЦСОН.

Информанты отмечают, что в сфере торговли и сервисного обслуживания качество является важнейшей составляющей успеха организации, среди огромного числа аналогичных, предоставляющих такие услуги, следовательно, гражданам предоставляется возможность выбора наилучшего для них варианта.

Организации, оказывающие социальные услуги (помимо учреждений социального обслуживания, сюда можно отнести учреждения образования, здравоохранения и т.д.), в свою очередь, значительно отличаются отсутствием такого выбора от коммерческих. Это обусловлено двумя причинами.

Во-первых, деятельность организаций, предоставляющих социальные услуги, направлена не на получение прибыли, а на решение проблем общества. Следовательно, отсутствие материального стимула сказывается отрицательно на числе «желающих» работать в данной сфере деятельности. Отсюда возникает вторая причина монополизации области социального обслуживания. Любое государство, согласно своей Конституции, является гарантом обеспечения населения всеми необходимыми для полноценного существования благами. Если торговое и сервисное обслуживание «охотно» обеспечивается коммерческим сектором, то социальное обслуживание остается на государственном обеспечении.

Отсутствие возможности получения социальных услуг в иных организациях, помимо государственных, приводит к монополизации сферы

социального обслуживания. По всем экономическим законам, – отсутствие конкурентов негативно влияет на качество предоставляемых услуг.

Во многом качество обслуживания, по мнению информантов, зависит от личностных особенностей (тип темперамента, степень вовлеченность в среду, наличие акцентуаций характера и т. п.) и качеств специалистов (чуткость, внимательность, доброжелательность, коммуникабельность), оказывающих услуги клиентам, а также от уровня их образования, опыта работы в сфере обслуживания.

Определенное влияние на восприятие клиентов также оказывает элементарное «незнание», неграмотность населения, неосведомленность граждан о своих правах: люди привыкли бороться со своими проблемами самостоятельно, активное, а главное действенное, участие со стороны государственных органов кажется диковинным.

Тем не менее, одной из функций учреждений социального обслуживания является информирование граждан о видах предоставляемой помощи. Постепенно, в обществе наблюдается повышение уровня грамотности населения, осведомленности граждан о своих правах на тот или иной вид помощи. Следующим этапом данного развития станет активное участие населения в обеспечении качества предоставляемых ему услуг.

Значительное влияние на работу специалистов оказывает, по мнению их клиентов, поощрение их работы со стороны руководства центра. Стоит отметить, что в целях становления и развития сотрудников КЦСОН предпринимаются различные меры: материальные (премии); моральные: поощрения внутри учреждения и представления к наградам различного уровня. Развита корпоративная культура: совместный отдых, походы, предоставление санаторно-курортного лечения. Подобные положительные тенденции продиктованы рядом направлений деятельности региональной властной управленческой структуры.

Таким образом, стоит отметить, что качество оказания социальных услуг населению во многом определяется влиянием региональных и местных (локальных) аспектов. Более того, данный показатель является отражением не только эффективной организации труда в сфере социального обслуживания, но и уровня жизни населения региона, его лояльности.

Список литературы:

1. Вениаминов Ю. С., Гличев А. В. Качество продукции, потребительная стоимость и их показатели / Ю. С. Вениаминов, А. В. Гличев // «Стандарты и качество». – 1972. – № 1. С. 45-46.

2. Калинина Ю. А. Оценка качества социальных услуг, предоставляемых в сфере социального обслуживания населения [электронный ресурс] / А.Ю. Калинина // http:www.lib.socio.msu.ru/l/library.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА[1]

Е.О. Данилова –
ассистент Волгоградского
государственного университета

Город представляет собой пространство, целью которого является создание максимально благоприятной для извлечения прибыли городской среды и структурируется взаимодействиями между индивидуальными и коллективными акторами. Следует согласиться с лидером чикагской урбанистической школы Р. Парком, который отмечает, что город определенно состоит из групп, различающихся своей культурой, социальным составом и образом жизни [2]. В подобных условиях государство сталкивается с новыми социальными движениями, объединяющими группы, места их выходов и входов, пересечения и узловые центры.

Наше исследование базируется на представлениях о пространстве обоснованных П. Бурдье [3]. В центре сконцентрированы основные общественные блага, административные центры, развита инфраструктура, и наблюдается активное «движение» во всех отношениях. Часто происходит соотнесение аспектов пространства между собой, например, в случаях, когда размещение слоев населения с различными социально-экономическими статусами связывают с образованием и закреплением за ними собственных территорий поселения. Однако проблема современности заключается в количественном измерении данных показателей, так как современные города складываются под влиянием многих факторов (рис. 1).

Рисунок 1. Основные факторы, влияющие на формирования пространства города

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ и Правительства Волгоградской области (проект № 14-13-34016 а(р))

Мы не можем отрицать наличие различий между городами, но при этом присутствует совокупность их взаимосвязи определяющей характер пространства РФ. Поэтому для нахождения факторной ориентации и специализации городов нам необходимо охарактеризовать значимость их деятельности посредством расчета индекса присутствия: Ип = До/Дн. Где: До – доля города в общенациональном объеме деятельности данного типа; Дн – доля города в населении страны (отношение численности населения города к отношению численности населения страны). Опираясь на основные факторы формирования городского пространства, определим индекс присутствия на примере центров Южного федерального округа РФ (табл. 1).

Так, население городов РФ сконцентрированы на небольших территориях большой страны. Как показывают данные – территориальный фактор имеет маленький процент, а индекс присутствия отражает реальную действительность пространства городов.

Таблица 1

Индекс присутствия по территориальному фактору

Город	Доля города в населении страны	Доля городав общенациональном объеме деятельности данного типа / Отношение площади территории города к площади территории страны	Индекс присутствия
Астрахань	0,36 %	0,0012 %	0,0033
Волгоград	0,7 %	0,005 %	0,0071
Краснодар	0,6 %	0,002 %	0,0033
Майкоп	0,1 %	0,00034 %	0,0034
Ростов-на-Дону	0,8 %	0,002 %	0,0025
Элиста	0,07 %	0,00054 %	0,0077

Чем меньше индекс присутствия, тем выше плотность населения в том или ином городском пространстве. И как следствие прямая зависимость освоенной территории от плотности населения. Но надо не забывать, что в каждом городе показатели развития отличаются не только по территориальному фактору.

Пространство во многом формируется под влиянием экономических факторов, так как человеческий потенциал и труд становятся самыми значительными ресурсами современного мира. Для расчета индекса присутствия мы взяли показатель зарегистрированной безработицы. Данный

индекс отображает зарегистрированную безработицу городов в рамках РФ, в которых, чем больше индекс, тем выше безработица. Излишне говорить, что безработица – это и проблема, и индикатор состояния экономики города. Трудность в использовании показателей безработицы в качестве индекса экономического благополучия состоит в том, что регистрируются в центрах занятости далеко не все ищущие работу. Многие люди в принципе избегают таких способов трудоустройства, не найдя работу в первое время прекращают активный поиск (табл. 2). Следует отметить, что реальные цифры по безработице всегда выше официальных.

Таблица 2

Индекс присутствия по экономическому фактору

Город	Доля города в населении страны	Доля городав общенациональном объеме деятельности данного типа	Индекс присутствия
		Процент зарегистрированных безработных от общего населения города	
Астрахань	0,36 %	0,4 %	1,11
Волгоград	0,7 %	0,11 %	0,157
Краснодар	0,6 %	0,09 %	0,15
Майкоп	0,1 %	0,54 %	5,4
Ростов-на-Дону	0,8 %	1,6 %	2
Элиста	0,07 %	1,37 %	19,6

Большинство экспертов убеждены, что экономический рост невозможен без пополнения трудовых ресурсов за счет миграции [4]. Основываясь на синтетической теории миграции Д. Массея можем утверждать, что миграция выступает как естественное следствие политических и экономических процессов [1]. Достаточно высокий процент безработицы сопровождается сокращением численности трудоспособного населения, что свидетельствует об экономической потребности в привлечении рабочей силы мигрантов (табл. 3). Данные показывают, что чем выше миграционный прирост, тем больше индекс.

Таблица 3

Индекс присутствия по социально-демографическому фактору

Город	Доля города в населении страны	Доля городав общенациональном объеме деятельности данного типа / Процент миграционного прироста от общего населения города	Индекс присутствия
Астрахань	0,36 %	0,069 %	0,19
Волгоград	0,7 %	0,162 %	0,23
Краснодар	0,6 %	2,47 %	4,12
Майкоп	0,1 %	3,55 %	35,5
Ростов-на-Дону	0,8 %	0,2 %	0,25
Элиста	0,07 %	-0,87 %	-12,43

Государственные структуры заинтересованы в привлечении мигрантов на рынок труда. Тем не менее, мигранты сталкиваются с рядом проблем – необходимость сдавать экзамен по русскому языку, адаптация в инокультурной среде, коммуникативные барьеры. Следует обратить внимание, что в небольшом городе Майкопе, при миграционном приросте в 3,55 % от общего количества населения, индекс присутствие очень высок на фоне небольшого общего населения города. Если сравнивать с городом Волгоградом, где процент миграционного прироста мал – 0,162 %, а население города большое, то индекс присутствия очень мал. Эта же ситуация прослеживается и в других крупных городах с небольшим миграционным приростом: Ростов-на-Дону и Астрахань.

Имеет место территориальное закрепление этнических групп. Поэтому городское пространство также формируется под воздействием соприкосновения межэтнических взаимодействий, где сталкиваются разнонаправленные коммуникационные потоки. Коммуникативное пространство выступает полем построения социальных сетей, без которых индивид не в силах реализовать экономические интересы.

Взаимоотношения между этносами ужесточаются в моменты экономических кризисов. И как следствие межэтническое взаимодействие в «социальном пространстве» может быть эффективным, только если есть четкая система координации экономических интересов разных групп, а пересечение интересов, не является точкой их столкновения. Методология исследования, построенная на принципе взаимодействия между структурными характеристиками общества, особенностями социальной и этнокультурной среды, а так же мотивациями личности, на наш взгляд, является одной

из наиболее перспективных для изучения современных миграционных процессов.

Взаимообусловленность культуры и структуры взаимодействия населения города накапливает в процессе повседневной жизни – историю. В результате устоявшегося уклада жизни складывается программа поведения, формируется социально-экономическая и культурно-историческая структура города (табл. 4). Коммуникационный потенциал дает возможность для развития города.

Таблица 4

Индекс присутствия по культурно-историческому фактору

Город	Доля города в населении страны	Доля городав общенациональном объеме деятельности данного типа		Индекс присутствия	
		Национальный состав населения города			
		Русские	Другие национальности	Русские	Другие национальности
Астрахань	0,36 %	77,93 %	22,07 %	216,47	61,3
Волгоград	0,7 %	92,3 %	7,7 %	131,86	11
Краснодар	0,6 %	90,7 %	9,3 %	151,17	15,5
Майкоп	0,1 %	71,29 %	28,71 %	712,9	287,1
Ростов-на-Дону	0,8 %	90,1 %	9,9 %	112,625	12,38
Элиста	0,07 %	25,0 %	75 %	357,14	1071,43

Территория на которой формируется городская сфера должна соответствовать специфики населения с учетом национальных особенностей и поставленных управленческих задач, так как информация о населении и об отношении данного населения к территории несомненно влияет на управление и прогнозирование. В нашем исследовании национальность понимается как фактор формирования культуры того или иного региона.

В ходе проведенного анализа мы пришли к выводу, что городское пространство обладает целостностью, но при этом включает множество элементов, которые выполняют координирующие функции (распределительную, руководящую, коммуникационную) сконцентрированные в определенных зонах города. Таким образом, изучив различные особенности территории Южного федерального округа РФ, мы можем представить схему

отражающую структуру городского пространства (рис.2).

Зоны городского пространства приобретают социально-экономический характер доминирования того или иного вида деятельности и поведения населения. Присутствует динамика – в различных зонах появляются определенные элементы, но исчезают другие. К тому же главным элементом

пространства становятся сообщества и группы.

Рисунок 2. Структура городского пространства

Город по своей сути является многоуровневой структурой, где сконцентрированы все сферы жизнедеятельности человека. Изучение требует, помимо анализа факторов формирования пространства более глубокого анализа пространственно-экономических характеристик территории самого города. В результате чего возможно несомненное улучшение активности, быстрой адаптации индивида к современным городским реалиям.

Список литературы:

1. Martin Ph. L., Taylor E.J. The Anatomy of a Migration Hump // Development Strategy, Employment, and Migration: Insights from Models / J.E. Taylor (ed.). Paris: OECD, 1996, pp. 43-62.

2. Park R. The City as a Social Laboratory // Robert E. Park On Social Control and Collective Behavior / Selected Papers, Ed. and with introduction by Ralph H. Turner. – Chicago a. London: Phoenix Books, The University of Chicago Press, 1967. – P. 13.

3. Бурдье П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии ; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.

4. Российское экономическое чудо: сделаем сами. Прогноз развития экономики России до 2020 г. Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. Деловая литература. Москва, 2007. С. 155.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

А.В. Демидова –
к.социол.н, доцент,
ведущий специалист отдела
взаимодействия с дочерними обществами
ООО «Стройгазконсалтинг»

Одним из важнейших показателей, определяющих степень социальной зрелости государственно-правовой системы, является состояние правового развития общества, отражающееся в уровне его правовой культуры.

В этой связи наибольшее внимание, с исследовательской точки зрения, привлекает процесс формирования правовой культуры молодежи как особой социальной группы, которая, является и наиболее уязвимой, и наиболее перспективной категорией граждан. Молодые люди играют двойную, на первый взгляд, противоречивую роль: с одной стороны, они активно способствуют процессу социальных перемен, а с другой — являются его жертвами.

Воспитание высокой правовой культуры граждан является на современном этапе необходимым условием успешного социального управления обществом и государством, основой успешного функционирования нормативно-правовой системы. Необходимо помнить, что конечной целью сложного и длительного процесса формирования правового сознания и высокой правовой культуры современного поколения молодых людей должно стать воспитание у них устойчивых правовых взглядов, убеждений, оценок, установок. Формирование ценностно-нормативной системы молодежи включает восприятие правовых идеалов и символов как основы привития им навыков правомерного и социально активного поведения в правовой сфере. Важным обстоятельством в этом является установление такой взаимосвязи между личностью и обществом, при которой индивид служит источником правотворческой деятельности, а общество – гарантом сохранения его прав, свобод, самобытности и индивидуальности.

Произошедшие в современном обществе перестройки социальной, экономической, политической и правовой системы повлекли трансформации ценностно-нормативной системы общества. Другими словами, новое поколение молодых людей имеет систему ценностных ориентаций, которая в значительной степени отличается от системы ценностей предыдущего поколения. Ситуация осложняется тем, что объективно духовный мир отдельного человека является необходимым условием его личностной идентичности, которая, однако, невозможна там, где нет ценностей, обладающих универсальным значением и абсолютным авторитетом для всех членов общества. Здесь особый интерес

представляет изучение процесса усвоения молодежью культурных образцов поведения, выявление специфики приобщения к правовой культуре в системе современного гуманитарного образования.

Динамизм социальных процессов в трансформирующемся обществе, кризисная ситуация во многих сферах общественной жизни неизбежно приводят к возникновению все новых сложностей в процессе формирования правовой культуры личности: правовая безграмотность, нередкое противоречие нормативно-правовых актов реальной действительности и, как следствие, правовой нигилизм, отрицание нравственных принципов, рост количества девиаций.

Особую остроту эта проблема приобрела сегодня в постсоветских странах, где все сферы общественной жизни претерпели серьезные изменения, произошла девальвация прежних норм и ориентиров в поведении. Рассогласование между ожиданиями и реальностью повышает напряженность в обществе, порождая готовность человека изменить модель своего поведения, выйти за пределы сложившейся нормы. Причем наряду с ростом позитивных девиаций (политическая и правовая активность населения, экономическая предприимчивость, научное и художественное творчество) усиливаются девиации негативные – насильственная и корыстная преступность, алкоголизация и наркотизация населения, подростковая делинквентность, аморальность молодежи [2; 203].

В сознании многих молодых людей до сих пор понятия избить «за дело» или «под горячую руку» остаются совершенно нормальным явлением, несмотря на то, что рукоприкладство прямо запрещается нормами административного и уголовного права. Более того, многие респонденты, принявшие участие в опросах 2010–2013 гг., проводимых при непосредственном участии автора статьи, высказывают удивление, узнав, что применение физических наказаний в отношении детей «в воспитательных целях» является преступлением, точно также как грубость в общественном месте предусматривает привлечение к административной ответственности. Проблема еще больше осложняется, когда речь заходит об общественных отношениях, регулируемых гражданским правом, о правах потребителей. Зачастую весь «мир права» у людей с низким уровнем правового образования сводится только к уголовному законодательству, они забывают о конституционной, административной, гражданской, трудовой и других отраслях права, без знания которых легко запутаться в трудных вопросах повседневной жизни [1; 7].

Нередко бывает и так, что молодые люди знают законы, но соблюдать их не спешат, потому что не верят в их силу, не признают их роли в обществе (правовой нигилизм), или готовы использовать законы только в корыстных личных целях (правовой цинизм). Всё это говорит о недостаточности правового воспитания – целенаправленной деятельности государства, а также

общественных структур, средств массовой информации, трудовых коллективов по формированию высокого правосознания и правовой культуры граждан, в частности.

Таким образом, приходится констатировать, что уровень правосознания большинства молодых людей остается сегодня достаточно низким, а значит и нынешнее состояние правовой культуры молодежи оставляет желать лучшего. И здесь не лишним будет отметить, что тем, кому сегодня 16 – 30 лет, придется в скором времени решать самые трудные задачи и ответственные решения: участвовать как в разработке стратегии формирования правового и гражданского общества, так и практического преобразования политики и культуры. В результате, несформированность правосознания молодых людей может стать значительным препятствием для стабильного развития социума, в котором усиливаются демократические тенденции, развивается новая социально ориентированная правовая система.

В этой связи необходимость социологического изучения правовой культуры и правового сознания (в особенности молодежи) еще более актуализируется, так как полученные знания позволяют прогнозировать социальные процессы и тенденции развития современного общества, обеспечивая тем самым его стабильное развитие, определяют вектор социального, экономического и политического развития государства.

Список литературы:

1. Демидова, А.В. Правовая культура учащейся молодежи: состояние, проблемы, тенденции развития : монография / А.В. Демидова, А.А. Дыжова. – Могилев : УО «МГУП», 2014. – 213с.

2. Дыжова А., Демидова А. Основные формы деструктивной девиации в молодежной среде / А.А. Дыжова, А.В. Демидова // Молодежная галактика : Ежегодный альманах. – 2014. – № 10. – С. 200 – 207.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ

С.Д. Дилекова –
аспирант, младший научный сотрудник
НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова

Отличительной особенностью Республики Алтай является то, что треть населения проживает в сельской местности, и от того, как организована медицинская служба на селе, во многом зависит состояние здоровья большинства жителей региона. Медицинская помощь сельскому населению России продолжает оставаться «болевой точкой» социальной инфраструктуры. Вопросы здоровья, управления, организации и состояния медицинской помощи сельским жителям имеют огромное социальное, политическое и экономическое значение.

Нехватка медицинских кадров на селе, пожалуй, основная проблема сельского здравоохранения, как по всей стране, так и в нашем регионе. В Республике Алтай, по состоянию на 2013г., 902 врача, из которых 456 работают в сельских лечебных учреждениях из 2 880 средних медработников на селе трудятся 1 564. Показатель обеспеченности врачами в Республике Алтай составляет 36,5 на 10 тыс. населения (в РФ – 35,27, в СФО – 36,75), средними медработниками – 124,2 на 10 тыс. населения (в РФ – 92,4, в СФО – 98,53). При этом 220 врачей и 387 средних медработников, работающих в регионе, старше 56 лет [1].

Для решения данной проблемы еще в конце 2011 г. был принят закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации», который детализировал некоторые аспекты этапов реализации программ, направленных на модернизацию отрасли здравоохранения в России на период с 2011 по 2012 гг. В этот период была утверждена федеральная программа «Земский доктор», которая ориентирована на стимулирование притока медицинских работников с высшим образованием для работы в российское село. На основании данной программы молодые врачи до 35 лет, которые отправляются в сельскую местность на работу и проживание, получают 1 млн. руб. в качестве единовременной выплаты. Данная программа действует по всей стране без ограничений. С молодым специалистом заключается договор, в котором обговаривается период работы в сельской местности – пять лет. В Республике Алтай в 2013-2014 гг. по федеральному проекту «Земский доктор» единовременную выплату в размере 1 млн. рублей получил уже 71 врач, прибывший в сельские учреждения здравоохранение. До конца года единовременную выплату получат еще 26 врачей: 20 – в ноябре и шесть – в декабре. Наибольшее число молодых врачей – 14 – приступили к работе в Майминской Центральной районной больнице, 12 – в Шебалино,

по 8 – в Чемале и Кош-Агаче [1]. Для привлечения кадров в села в рамках реализации республиканской программы «Модернизация здравоохранения Республики Алтай на 2011—2012 гг.», 20% выделенных из бюджета средств для реализации данной программы направлены на повышение уровня заработной платы медицинских работников. Дополнительные денежные выплаты за период реализации проекта позволили увеличить заработную плату участковых врачей, врачей общей практики и работающих с ними медицинских сестер в среднем в 2,6 раза. Муниципальными образованиями в Республике Алтай также ведется активная работа по предоставлению жилья и иных мер социальной поддержки медицинским работникам: предоставляются в селах земельные участки для индивидуального строительства, служебное жилье, осуществляется наем жилых помещений (50% субсидирование), предоставляются места в детских дошкольных учреждениях, компенсируются расходы за оплату коммунальных услуг. Это способствовало увеличению численности врачей первичного звена и позволило повсеместно перейти к участковому принципу оказания медицинской помощи сельским жителям. В Республике Алтай наблюдается увеличение численности врачей почти на 300 человек и среднего медицинского персонала на 500 человек в 2012 г. (таблица1).

Таблица 1

Численность работников, занятых в здравоохранении на территории Республики Алтай [2].

Годы	Число врачей, человек	Средний медицинский персонал, человек
1995	631	2357
2000	698	2465
2010	898	2877
2011	889	2880
2012	902	2880

В сфере здравоохранения Республики Алтай беспрецедентными темпами идет ввод в эксплуатацию новых объектов сельского здравоохранения. В 2009 г. сданы первые очереди сразу четырёх ЦРБ: в Усть-Коксе, Онгудае, Шебалино, Кош-Агаче. В 2010 г. полностью завершилось строительство Усть-Коксинской и Шебалинской больниц, в 2014 г. открылся новый корпус центральной районной больницы с. Турочак, в котором располагаются поликлиника, отделение физиолечения, операционный блок, дневной стационар. Также за последние несколько лет отремонтирован и построен ряд сельских врачебных амбулаторий и фельдшерско-акушерских пунктов в районах республики, так, например, в 2014 г. открылся новый фельдшерско-

акушерских пунктов (ФАП) в с. Мухор-Тархата Кош-Агачского района. Всё это является важнейшим условием для повышения доступности населению высокотехнологичной медицинской помощи.

Современная система здравоохранения в Республике Алтай характеризуется неравномерным ее развитием и разными возможностями в муниципальных образованиях по видам и объемам оказания медицинской помощи, что требует индивидуальных подходов в развитии первичной медико-санитарной и специализированной помощи. В рамках программы модернизации сельского здравоохранения и приоритетного национального проекта «Здоровье» оснащены муниципальные учреждения здравоохранения, приобретён санитарный транспорт, современное лечебно-диагностическое оборудование.

Для приближения специализированной медицинской помощи сельским жителям в республике было открыто межрайонное отделение травматологии, в с. Большой Яломан открылось акушерско-фельдшерское отделение, в с. Иня открыли кардиологическое и сосудистое отделение, а также отделение для медицинской скорой помощи. что значительно облегчило получение высококвалифицированной помощи жителям отдаленных районов, таких как Кош-Агачский, Улаганский. В сосудистом отделении, рассчитанном на 20 мест, одновременно специализированную помощь могут получать 15 кардиологических и пять инсультных больных. В отделении функционируют такие жизненно важные аппараты, как дефибриллятор, кардиомонитор, суточный и прикроватный мониторы. Также стало возможным принимать на лечение в это отделение больных, с болезнями хронической формы сердечного заболевания. Эти отделения межрайонные и работают вне зависимости от границ муниципальных образований.

Еще одним приоритетным направлением модернизации здравоохранения является обеспечение сельского населения скорой медицинской помощью. В 2012 г. на базе БУЗ РА «Центр медицины катастроф» создан единый диспетчерский пункт для г. Горно-Алтайска и муниципального образования «Майминский район», что позволило повысить доступность и качество скорой медицинской помощи (выезд врачебных бригад) для населения Майминского района. В 9 учреждениях здравоохранения на селе, на базе центральных районных больниц, функционируют отделения скорой медицинской помощи, диспетчерская скорой медицинской помощи и приемные отделения объединены, что значительно сокращает время госпитализации больных, нуждающихся в экстренной медицинской помощи. В двух многопрофильных учреждениях здравоохранения на базе приемных отделений (хирургического и терапевтического), организованы до госпитальные койки, где при неясных ситуациях определяется необходимость госпитализации после обследования больных и оказание неотложной помощи. На базе медицинских учреждений для повышения доступности медицинской помощи при сокращении малоэффективных дорогостоящих круглосуточных коек в участковых

больницах дополнительно открыты отделения скорой медицинской помощи в густонаселенных пунктах – Черга, Манжерок, Иня, практически на базе каждого ФАП сел есть машина скорой помощи для экстренной доставки больных в районные центры.

В общем контексте проблем модернизации здравоохранения вопросы младенческой и материнской смертности остаются одними из наиболее обсуждаемых. Качество оказания медицинской помощи матери и ребенку, снижение материнской, младенческой и детской смертности в последние годы стали одними из основных критериев оценки эффективности работы системы здравоохранения. На решение этих задач направлена программа «Родовой сертификат», которая с 2006 г. реализуется в составе мероприятий приоритетного национального проекта «Здоровье». Медицинским работникам становится выгодно, чтобы на учёт становилось больше беременных женщин, ведь дополнительные начисления к заработной плате зависят от количества зарегистрированных родовых сертификатов в их учреждении. По этой же причине идет сокращения абортов. Кроме того, родовые сертификаты предоставят беременной женщине возможность выбора женской консультации, в которой она предполагает встать на учёт и наблюдаться по беременности, а в дальнейшем и родильного дома. Все это приводит к улучшению технического состояния родильных домов в районных центрах, повышению доступности высококвалифицированной помощи специалистов беременным женщинам. Как отметил один из информантов, появление данной программы значительно уменьшило количество женщин, приезжающих из периферии в город для родов.

По итогам реализации программы «Родовой сертификат» почти в два раза увеличилось число женщин, закончивших беременность родами точно в срок (таблица 2).

Таблица 2

Состояние здоровья беременных, рожениц, родильниц и новорожденных [2].

Численность женщин закончивших беременность – всего, человек в том числе:	1995	2000	2010	2011	2012
родами в срок	2691	2747	4026	4376	4324
преждевременными родами	134	111	150	127	218
абортами	119	122	126	147	120

Важно отметить, что к 2013 г. Республика Алтай является одним из немногих регионов России, где сохранен естественный прирост населения. В 2012 г. естественный прирост населения составил +10,9 промилле и обусловлен как ростом рождаемости, так и стабилизацией показателей общей смертности населения.

Таким образом, модернизация системы здравоохранения, активно проводимая с 2000-х гг., способствовало улучшению технического состояния здравоохранительных учреждений, повышению заработной платы медицинских работников, привлечению молодых специалистов в села республики, была упрощена доступность сельского жителя к услугам здравоохранения и возможности получения ее в полном объеме, также реформирование привело к укреплению позиций районной медицины, во многом этому способствовала реализация федеральных проектов и республиканских программ.

Список литературы:

1. Об итогах работы Министерства Здравоохранения Российской Федерации в 2013 году и задачах на 2014 год/ Электронный ресурс. URL: http://www.rosminzdrav.ru

2. Республика Алтай в 2013 году. Статистический ежегодник. Горно-Алтайск, 2013. 437 с.

3. Щепин О.П., Коротких Р.В., Щепин В.О., Медик В.А. Здоровье населения – основа развития здравоохранения. – М. : 2009. – 220 с.

РИСК-МЕНЕДЖМЕНТ: СОЦИЕТАЛЬНЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ

А.А. Дрегало –
д.философ.н., профессор
Северного (Арктический) федерального
университета имени М.В. Ломоносова

В.И. Ульяновский –
д.социол. н. профессор
Северного (Арктический) федерального
университета имени М.В. Ломоносова

Актуальность исследования определяется тем, что трансформационные процессы современной России несут в себе прогнозируемый рисковый потенциал действий (бездействий) и последствий принимаемых решений, как на федеральном, так и региональном уровне. За прошедшие 20 лет увеличивается разрыв в экономическом и социальном развитии территорий. Сложившийся в России экспортно-сырьевой характер экономики, основанный на технологических укладах эпохи раннего капитализма, в силу объективных обстоятельств (упущенных возможностей модернизации экономики, конфликт с Украиной, Европейским и мировым сообществом) сохранится в перспективе ближайших 25-30 лет. Мы исходим из того, что в современном обществе, прежде всего, должны быть обеспечены не только рискобезопасностьчеловека, но и личности, социальных групп, общества и государства. В первом случае мы рискуем утратой человеческого, во втором случае – социальногокапитала.

Расширяющийся спектр рисков в пореформенной России побудил О.Н.Яницкого назвать российское общество «обществом всеобщего риска»[1]. Из всей совокупности рисков на первый план выходит анализ функционирования и последствий **социальных рисков.** Дифференциация социальных рисков по цели (качество жизни человека и устойчивость отношений в социуме) позволяет избегать неопределенности в управлении социальными рисками. В методологическом плане – обеспечить операциональное определение субъекта и объекта управления.

Социальные риски рассматриваются в широком и узком смысле, что связано с полисемантичностью термина «социальное».

В широком смысле, социальные риски – это риски социального происхождения, где «социальное» отождествляется с категорией «общественные отношения». Отсюда все риски социальны, сводятся к социальным, так как связаны с жизнью и отношениями людей во всех сферах общества – экономической, политической, социальной, духовной.

В узком смысле социальные риски связаны с основными условиями жизнедеятельности человекаирассматриваются как опасность, которая может отрицательно сказаться на жизнедеятельности индивидов или отдельных социальных групп. Здесь социальный риск понимается как негативная ситуация для индивида. Такой подход характерен для государственных организаций, осуществляющих социальную защиту и страхование населения.

Социальные риски можно оценивать по *объективным исубъективным* критериям, относящихся к различным ***уровням социальных систем***. В теории социальных систем выделяют три уровня. *Первый уровень* – супер система, т.е. социетальный, общество. *Второй уровень* – экономические, социальные, политические, идеологические структуры. *Третий уровень* включает системы менее общего социального порядка – семья, трудовой коллектив и др.

Согласно Т. Парсонсу, общество – это социетальная подсистема общей социальной системы, представляющая собой единый коллектив людей, объединенных определенным нормативным порядком. В свою очередь, нормативный порядок характеризуется набором статусов, прав и обязанностей членов социетального сообщества. Основой такого сообщества является единая культурная ориентация на стадии зарождения социальной идентичности.

Развивая идеи теории социальных систем, Н.И. Лапин углубляет содержание дефиниции «социетальный уровень» за счет концентрации внимания на человеке[2]. В предложенном автором обновленном понятии «антропосоциетальная подсистема» человек рассматривается как многомерное биосоциокультурное существо, а общество – как гибкая система, порождаемая противоречивыми взаимодействиями людей и способная реагировать на угрозы рисков.

По нашему мнению, к социетальным рискам, следует относить риски касающиеся развития общества как социальной системы и возникающие вследствие принятия, или непринятия управленческих решений на государственном уровне, нехватки ресурсов, голода, финансового кризиса, войны и др.

При оценке социетальных рисков можно констатировать, что пореформенная Россия находится в состоянии постоянного социального дефолта, связанного с инфляцией и обесценением национальной валюты в 1998 году более чем в 2,5 раза (с 6,7 рублей за 1 доллар США до 21 рубля к 1999 году), в 2008 году обвал рубля, обесценение рубля по отношению к доллару в пиковый период более чем в два разав 2014 году, переход к системному кризису в 2015 году. Систематическое обесценение национальной валюты ведет к обесценению произведенных материальных благ, **к снижению национального богатства страны.**

Большинство социетальных рисков не лежат на поверхности, имеют латентный характер, и проявляются с определенным временным лагом. Общество риска аккумулирует протестный потенциал, внешним проявлением

которого является высокий уровень недоверия ксуществующим политическим структурам.Для анализа социетальных рисков современная наука использует методы неравновесной термодинамики, синергетики, самоорганизации сложных структур[3].

Для оценки социальных рисков возможно применение адаптированного метода предельно-критических (пороговых) показателей. С.Ю. Глазьев, В.В. Локосов обращают внимание при этом, что для глубины анализа следует различать показатели и соответствующие им предельно критические (пороговые) значения, определяющие способность системы к *простому воспроизводству* и *способность системы к развитию*[4].

Обычно в качестве предельно критического значения определяется одно число, превышение (при растущем показателе) или снижение (при падающем показателе) которого свидетельствует *о вхождении системы в зону риска***.** (Курсив наш. А.Д, В.У.)

Исследователи в результате социетального анализа выделяют результаты рисковой деятельности и ее последствия в период трансформаций общества последних десятилетий[5].

В экономической сфере: проведена «реструктуризация естественных монополий; обеспечен упадок государственной и становление частной собственности; сформирована экономика «физических лиц»; в домохозяйствах произошло нерыночное приспособление к рынку.

В политической сфере: изменились предпочтения российских избирателей. По модели Хотеллинга-Даунса – движение граждан к центру за счет устремления левых – к правым, правых – к левым [6].

Учитывая результаты социальных трансформаций на социетальном уровне субъекты риска «обречены» прогнозировать, предвидеть варианты развития российского общества, реализовывать превентивный тип управления рисками. Иначе риски в процессе воспроизводства человеческого и социального капитала будут только возрастать.

Социальный риск-менеджмент (управление рисками) предполагает выделение субъекта и объекта рисков с учетом особенностей социетальной и социальной систем.

Субъекты и объекты управления социальными рисками социетальной и социальной подсистем общества существенно различаются по функциям. Как было отмечено в теоретическом обзоре проблемы социальных рисков, *социетальный уровень* – это суперсистема, общество. Субъектами управления социальными рисками на «социетальном уровне являются институты власти, устанавливающие структурированный нормативный порядок, посредством которого организуется коллективная жизнь популяции» (Т.Парсонс).

Основная функция социетальной подсистемы – разработка и реализация правовых норм развития, направленная на рост качества жизни человека, накопление и эффективное использование человеческого

капитала. Следует различать социальные отношения, регулируемые субъектом социальных рисков на социетальном и социальном уровне. На уровне общества (социетальнаяподсистема) управляющее социальными рисками государство, соответствующие институты власти обеспечивают в пределах своих возможностей каждого отдельного человека, нуждающегося в социальной защите, социальной помощи. В данном случае под термином «социальное» понимается забота общества с помощью государства, местных органов власти, волонтеров, благотворителей о нуждающихся в этом отдельных людях.

Субъектами управления социальными рисками выступают: законодательные и исполнительные государственные и муниципальные структуры (органы власти); социальные институты, в том числе хозяйствующие субъекты, некоммерческие организации; циальные общности, отдельные личности.

Объекты риска различаются на социетальном и социальном уровне. На социетальном уровне объектом социального риска, прежде всего, является общество, сферы деятельности, организация, человек, для которых возможно наступление негативного последствия. Речь идет об источнике потенциального ущерба,вреда или ситуации с возможностью нанесения ущерба. На *социальном уровне* объектами социальных рисков выступают социальные отношения и социальные институты. Лишь при взаимном доверии между личностями и социальными институтами формируется социальный капитал.Именно в социальных отношениях между субъектами деятельности зарождаются риски, угнетающие личность, общность, социальный институт. Создается угроза потери социального капитала, «общепринятых норм и ценностей, практикуемых определенной группой людей и позволяющие им сотрудничать»[7]. Идеальной, проверенной столетиями структуры, направленной на снижение социальных рисков в социальном пространстве, достижение гармонии в социальных отношениях пока не существует. Отдельные фрагменты возможной системы снижения рисков в социальных отношениях можно выявить, но они скорее позволяют создать некую мозаичную картину. И лучше это можно исполнить в конкретной локальной среде социальной подсистемы общества.

Общими ориентирами управления социальными рисками в социальной подсистеме для субъектов всех уровней являются нормативные документы государственных и местных органов власти. Однако каждый из субъектов отличается спецификой выполняемых ими функций.

Выводы:

- Современные трансформации российского общества диктуют необходимость сохранения и воспроизводства человеческого и социального капитала.

- Лечение недугов общества посредством риск-менеджмента имеет крен в сторону остро нуждающихся в помощи индивидов. Вне защиты явно остается социум, основу которого составляют личность, группа, общность, социальный институт.
- Предложенный авторами анализ социальных рисков уточняет структуру и элементы систем управления рисками и позволяет более гармонично (системно) влиять на процессы снижения уровня опасностей, как для человека, так и для социума.

Список литературы:

1. Яницкий О. Н. Досье инвайронменталиста. Очерк интеллектуальной биографии. – М.: ИС РАН, 2009.
2. Лапин Н.И. Антропосоциетальный подход//Общая социология. – М.: Высшая школа, 2006. С.26.
3. Bowen C. Taming the Leviathan –a New Approach to Risk for the Military Leader.2012. URL:http://www.ssrn.com/abstract=2182321(дата обращения: 10.04.2015); Боуэн С. Укрощение Левиафана-новый подход toRisk для военных. Leader.2012. URL:http://www.ssrn.com/abstract=2182321 (10.04.2015).
4. См.: Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием//Вестник Российской академии наук (2012, том 82, № 7. С. 587-604.).
5. Нуреев Р.М. Россия: особенности институционального развития: монография /Нуриев. – Норма: ИНФРА-М.2015. – 448 с.
6. Садовский В.Н. Смена парадигм системного мышления// Системные исследования. Ежегодник. 1992-1994. – М.: Наука, 1996. С. 71.
7. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: [пер. с англ.] ФрэнсисФукуяма.- М.: АСТ: МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.

ДИНАМИКА ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ В РЕГИОНАХ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Н.В. Дулина –
д.социол.н., профессор,
зав. кафедрой Истории, культуры
и социологии Волгоградского
государственного технического
университета

Е.В. Каргаполова
д.социол.н., доцент,
профессор кафедры Философии,
социологии и лингвистики
Астраханского инженерно-строительного
института

Нарастающая дифференциация социального пространства в современной России актуализирует изучение специфики, преимуществ, дисбалансов и противоречий модернизационных процессов по регионам. Выявление динамики процессов модернизации в Российской Федерации стало возможным благодаря реализации второго этапа инициативной Программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов», разработанной Центром изучения социокультурных изменений ЦИСИ) Института философии РАН (руководители: Н. И. Лапин, Л. А. Беляева). На этом этапе была использована методика Центра исследований модернизации (ЦИМ) АН Китая [1] и измерены уровни и фазы двух стадий современной модернизации (индустриальной (первичной) и информационной (вторичной) во всех субъектах Российской Федерации [см., например, 2]. Далее анализ процессов модернизации по этой методике сосредоточился на более крупных административно-территориальных единицах – федеральных округах России [3–8].

Что касается Южного федерального округа (ЮФО), то он был образован Указом Президента России В. В. Путина от 13 мая 2000 г. № 849. С 19 января 2010 г. Южный федеральный округ (ЮФО) существует в своих нынешних границах, в составе шести субъектов Российской Федерации – Краснодарского края, Ростовской, Волгоградской и Астраханской областей, Республик Калмыкия и Адыгея. Центром округа является город Ростов-на-Дону.

В 2000 г. индексы **первичной модернизации** в ЮФО и в среднем по России заметно различались (соответственно, 89 и 91,9 %), как и фазовые их значения (соответственно, 2,5 – фаза «роста» и 3,25 – фаза «зрелости»). В итоге, по состоянию модернизированности Россия относилась к среднему типу 3, а ЮФО – к самому низкому типу 1 (см. табл. 1). К 2005 г. состояние

модернизированности округа повысилось до типа 2, «ниже среднего», а Россия в целом оставалась в типе 3. К 2010 г. округ поднялся в фазу «зрелости», но его состояние модернизированности сохранилось как тип 2. Россия же в целом, благодаря более быстрому развитию ряда других федеральных округов повысила свое состояние сразу на две ступени: поднялась из типа 3 в тип 5. Это означало, что Россия вошла в начальную фазу **вторичной модернизации**, а ЮФО достиг лишь третьей фазы («зрелость») первичной модернизации и остался во втором типе модернизированности. Следовательно, дистанция между модернизированностью округа и страны в целом увеличилась не только количественно, но и качественно. Но в 2011 г. округу удалось несколько сократить это отставание за счет перехода в тип 3 модернизированности – «выше срединного» третьей фазы («зрелость») первичной модернизации.

Значения индекса первичной модернизации по макрорегиону в 2000–2012 гг. увеличились с 89 % до 98,8 %, то есть на 9,8 %. В целом по России аналогичный показатель увеличился на 8,1 %. Но страна достигла «финиша» (100%) в 2011 г., а в округе отставание движения к финишу составляет 1,2%. Таким образом, процессы первичной модернизации в среднем по стране и по округу идут с разной скоростью. В округе за исследуемый период индексы трансляции в знаниях, качества жизни и качества экономики выросли (с 56,5 % до 91,8 %; с 79,6 % до 92,6 %;с 36,5 % до 42,8 % соответственно), а индекс инновации в знаниях несколько уменьшился – с 28,7 % до 25,2 %.

Таблица 1

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ. Векторы эволюции состояний (типов) модернизированности регионов (2000-2012) и несбалансированность основных ее составляющих(на основе интегрированных индексов и их субиндексов)*

Регионы	Динамика состояний (типов)				Интегрированные индексы, ИИСБ			
					Значение ИИСБ	Уровень ИИСБ	Суб-индексы ниже ИИМ	Суб-индексы выше ИИМ
	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2012 г.			
2. Вторичная (информационная) стадия модернизации								
(3) Быстрый переход к ВМ (к типу 5). Опережает социальная составляющая					[В целом Россия]			
Россия	3	3	5	5	0,969	В	эк., зн.	соц.
1. Первичная (индустриальная) стадия модернизации								
(2) Заторможенное повышение ПМ (к типам 2, 3; фазы роста и зрелости). [В целом ЮФО] Отстают экономическая и когнитивная составляющие								
ЮФО	2	2	2	3	0,397	С	эк., зн.	соц.
Ростовская обл.	1	2	2	3	0,38	С	эк., зн.	соц.
Краснодарский край	1	1	2	3	0,523	ВС	эк., зн.	соц.
Астраханская обл.	2	2	2	3	0,293	НС	эк., зн.	соц.
Волгоградская обл.	2	2	2	3	0,227	НС	эк., зн.	соц.
Республика Адыгея	1	1	1	2	0,317	С	эк., зн.	соц.
1. Стагнация ПМ (типы 1,2; фазы начала, роста). Отстают экономическая и когнитивная составляющие								
Республика Калмыкия	1	1	1	1	0,281	НС	эк., зн.	соц.

* Обозначения, источник. ИИСБ – интегрированный индекс сбалансированности модернизации, формула получения ИИСБ включает квадраты отклонений субиндексов от ИИМ. ИИМ – интегрированный индекс модернизации; он включает три субиндекса: экономический (эк.), когнитивный, или знаниевый (зн.), социальный (соц.); относительно значений ИИМ фиксировано положение субиндексов – «выше» или «ниже». Уровни ИИСБ: В – высокий, ВС – выше среднего, С –средний, НС – ниже среднего, Н – низкий. При повышающей динамике отмечены составляющие выше ИИМ, а при застойно-понижающей – ниже ИИМ. Таблица построена с помощью информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда).

Основные итоги эволюции Южного федерального округа за период 2000–2012 гг. следующие:

– все регионы ЮФО находятся в стадии первичной модернизации и не вошли в стадию вторичной модернизации. К 2012 г. округ занимает 4-е место среди федеральных округов по сбалансированности модернизационных процессов, 6-е место – по итоговому показателю первичной модернизации, последнее место – по итоговому показателю вторичной и интегрированной модернизации, сохраняется отставание всех индикаторов первичной и вторичной модернизации от среднероссийских. Округ несколько уступает среднероссийским показателям модернизации по индексам трансляции знаний (91,8 % против 93,6 %), качества экономики (42,8 % против 53,5 %), заметно уступает по индексу инновации в знаниях (25,2 % против 55,7 %), интегрированному индексу сбалансированности модернизации (значение 0,397 против 0,969). Хотя и значение последнего показателя повысилось с уровня «ниже среднего» до среднего. Разница в показателях интегрированного индекса модернизации по округу и стране – около 10 % (59,1 % и 67 %);

В ЮФО можно выделить *три кластера регионов*, соответственно их комплексным состояниям (типам) регионов.

Кластер 1 включает регионы, начинающие, начавшие и возобновившие индустриальную (первичную) модернизацию (тип 1). В нем представлена Республика Калмыкия, которая отстает по экономическим и когнитивным показателям, а также по сбалансированности модернизации. Если в 2010 г. регион несколько обгонял аутсайдеров и Волгоградскую область по последнему показателю, то в 2012 г. уступил и Адыгее. Необходимо отметить, что в 2013 г. для Калмыкии были характерны самые высокие показатели выезда населения из региона среди субъектов ЮФО, тогда как для Адыгеи – обратный процесс въезда населения [Здесь и далее по тексту источник статистической информации: 9].

Кластер 2 включает регионы, продолжающие индустриальную (первичную) модернизацию (тип 2). К ней относится Республика Адыгея, которая отстает по интегрированному знаниевому индексу модернизации и индексу инновации в знаниях, приблизившись к более развитым регионам округа по качеству экономики и качеству жизни. Регион также вышел на третье место после Краснодарского края и Ростовской области по сбалансированности модернизационных процессов (значение интегрированного индекса сбалансированности модернизации повысилось с уровня «ниже среднего» до среднего). Нами уже отмечался ряд преимуществ Адыгеи перед Калмыкией, начиная от ее анклавного (внутри более развитого соседа Краснодарского края) географического положения и заканчивая преимуществами в 2010 г. по качеству жизни, качеству экономики и трансляции знаний [4]. В итоге с 2011 г. Республика перешла из типа 1 модернизированности («предварительный)

первой фазы первичной модернизации («традиционный, начало, рост») в тип 2 («ниже срединного) второй фазы первичной модернизации («зрелость»).

Кластер 3 включает регионы в зрелой фазе индустриальной (первичной) модернизации (тип 3). К нему относятся Краснодарский край, Астраханская, Волгоградская и Ростовская области.

Ростовская область к 2010 г. достигла фазы «зрелость» первичной модернизации и, как уже отмечалось выше, «срединного» уровня вторичной модернизации. Достичь подобного результата позволило существенное преимущество области по индексам инновации в знаниях (41,5 %, на втором месте Волгоградская область с аналогичным показателем 23,5 %), вторичной модернизации (67,3 %, Волгоградская область – 62,3 %), сбалансированной модернизации (значение 0,046, Волгоградская область – 0,031), интегрированным индексам знаний и модернизации в целом (62,9% и 62,2% соответственно). Регион входит в группу лидеров среди субъектов ЮФО по индексам трансляции в знаниях, качества жизни, качества экономики, интегрированным экономическому и социальному индексам модернизации, а также интегрированному индексу сбалансированности модернизации, значение которого повысилось с 2010 г. с уровня «ниже среднего» до среднего.

Краснодарский край повысил качество модернизационных процессов от стадии «начало, рост» (тип 1 модернизированности, 2005 г.) к стадии «зрелость» (тип 3 модернизированности, 2012 г.). Если Краснодарский край сохранит темпы развития, то, учитывая его лидирующее положение по качеству жизни и качеству экономики, а также сбалансированности процессов модернизации, можно предположить, что регион выйдет на 1–2-е место среди регионов ЮФО. Это единственный из субъектов ЮФО, который к 2012 г. достиг «финиша» (100%) по индексу первичной модернизации. Кроме того, интегрированный индекс сбалансированности модернизации с 2010 г. повысился практически в два раза (от 0,284 до 0,523, с уровня «ниже среднего» до уровня «выше среднего»). Но при этом Краснодарский край занимает 3-е место, существенно уступая лидерам по ЮФО – Ростовской и Волгоградской областям, по процессам распространения инноваций в знаниях.

Волгоградская область занимает 2-е место по индексу инновации в знаниях и интегрированному индексу знаний модернизации. На наш взгляд, здесь самая большая проблема – несбалансированность модернизационных процессов (последнее место среди регионов ЮФО, хотя и ИИСМ повысился с 2010 г. с низкого уровня до уровня «ниже среднего»), вызванная отставанием по качеству экономики, которое влечет за собой отставание по качеству жизни. При этом для Волгоградской области характерен процесс выезда населения.

Преимуществом *Астраханской области* является ее лидирующее положение по индексу трансляции знаний, основной проблемой – разбалансированность процессов социокультурной модернизации и отставание

от лидеров по инновациям в знаниях. В 2013 г. область занимала 1-е место среди регионов ЮФО по уровню разводимости и преступности и ожидаемой продолжительности жизни.

Таким образом, для пяти из шести субъектов ЮФО характерна восходящая мобильность модернизационных состояний. Ростовская область с 2008 г. вошла в фазу первичной модернизации «зрелость» и перешла на более высокий уровень – от типа 2 к типу 3. Краснодарский край с 2005 г. также повышает свое качество процесса первичной модернизации – регион преодолел фазу «традиционный предварительный» (тип 1) и перешел к фазе «ниже срединного» (тип 2), в 2012 г. – к фазе «срединный» (тип 3). Три субъекта – Астраханская и Волгоградская области, Республика Адыгея – в 2011 г. вышли из состояния заторможенного роста первичной модернизации: Астраханская и Волгоградская области вошли в стадию «срединный» (тип 3), а Республика Адыгея перешла из стадии «традиционный, предварительный» (тип 1) в стадию «ниже срединного» (тип 2). Республика Калмыкия находится в фазе устойчивой стагнации первичной модернизации – в низшей фазе «традиционный, предварительный» (тип 1).

*Полный текст доклада передан руководителю Всероссийской программы «Социокультурная эволюция регионов России» члену-корр. ИФ РАН Н. И. Лапину.

Список литературы:

1. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / гл. ред. Хэ Чуаньци; пер. с англ. под общ. ред. Н. И. Лапина. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2011. – 256 с.

2. Проблемы социокультурной модернизации регионов России: колл. монография /под общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. – М.: Academia, 2013. – 416 с.

3. Дулина, Н. В. Между заторможенным ростом и развитием модернизации регионов. Южный федеральный округ /Н. В. Дулина, Е. В. Каргаполова // Социологические исследования. – 2015. – №3. – С. 22–29.

4. Дулина, Н. В. Модернизация регионов Южного федерального округа: дисбалансы и противоречия /Н. В. Дулина, Е. В. Каргаполова // Конфликты в социальной сфере: сборник материалов IX Всероссийская научно-практической и научно-методической конференции Казань, 20-21 марта 2015 г. – Казань: Изд-во КНИТУ, 2015. – С. 80–85.

5. Когай, Е.А. Два тренда первичной модернизации регионов. Центральное Черноземье / Е. А. Когай, А. А. Когай // Социологические исследования. – 2015. – №3. – С. 37–44.

6. Лапин, Н. И. Несбалансированность процессов модернизации регионов. Центральный Федеральный округ. Центральный район ЦФО

/ Н. И. Лапина, Н. А. Касавина // Социологические исследования. – 2015. – №3. – С. 29–36.

7. Ромашкина, Г. Ф. Процессы модернизации в регионах Уральского федерального округа / Г. Ф. Ромашкина // Социологические исследования. – 2015. – №1. – С. 19–26.

8. Тарасов, В. Т. Неравномерность модернизации регионов Приволжского федерального округа / В. Т. Тарасов, И. И. Бойко, В. Г. Харитонова // Соцологические исследования. – 2015. – №1. – С. 11–19.

9. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2014 г. – М.: Росстат, 2014.

ПОРТАЛ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ РФ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Е.Г. Дьякова –
д.полит.н., ведущий научный сотрудник
Института философии и права
Уральского отделения РАН,

Единый портал государственных и муниципальных услуг Российской Федерации (ЕПГУ) www.gosuslugi.ru является основной площадкой для предоставления граждан услуг всех уровней. Он был введен в публичную эксплуатацию в конце 2009 года, и с тех пор его востребованность постоянно растет. Во многом благодаря наличию «очень солидного и репрезентативного портала» [3, с.39], Россия в 2012 году поднялась с 69 на 27 места в международном рейтинге развития электронного правительства, который каждые два года публикует Департамент ООН по социальному и экономическому развитию (в рейтинге 2014 года Россия сохранила 27 позицию).

Количество граждан, зарегистрированных в Единой системе идентификации и аутентификации пользователей (ЕСИА), т.е. имеющих личный кабинет на ЕПГУ, в конце 2014 года составило 13 миллионов человек. В 2014 году пользователи заказывали услуги в электронном виде 16,8 миллиона раз. В первом квартале 2015 года было заказано еще 4 миллиона услуг.

Однако если перевести абсолютные цифры в относительные, выяснится, что имеют личный кабинет на портале www.gosuslugi.ru 11,7% жителей России. Между тем согласно указу Президента РФ от 06 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», в соответствии с которым доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, должна к 2018 году должна достичь не менее 70%, при этом уровень удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных и муниципальных услуг должен составить не менее 90%.

Для того, чтобы достичь этого показателя, необходимо четко представлять качественный состав как реальных, так и потенциальных пользователей ЕПГУ. С этой целью в рамках количественного социологического исследования, которое прошло в Свердловской области в июне 2015 года, был проведен анализ социально-демографической структуры пользователей Портала. Объем выборки – 350 человек, выборка носила вероятностный стратифицированный характер, опрос проводился методом стандартизированного интервью по месту жительства респондентов.

На момент опроса слышали о самом факте существования Портала государственных и муниципальных услуг 48,7% опрошенных жителей Свердловской области. Что касается посещаемости Портала, то 14,7% опрошенных бывали на нем неоднократно, 6,3% – однажды, а 28,0%, хотя и слышали о Портале, ни разу его не посещали.

Для сравнения укажем, что, согласно официальной статистике, доля жителей Свердловской области, не просто побывавших на Едином портале, но получивших код идентификации и зарегистрировавших на нем Личный кабинет, составляла на 15 июня 2015 года 10,02% от общего числа жителей [2].

Постоянные посетители Портала государственных и муниципальных услуг обладали целым набором социально-демографическим характеристик, которые отличали его от остальных потенциальных пользователей. Особенно резкие различия были зафиксированы между постоянными посетителями Портала и теми, кто вообще не слышал о его существовании – см. Сводную Таблицу 1.

Как видим, среди тех, кто посещал Портал неоднократно, явно преобладают представители младших возрастных групп, в то время как среди тех, кто не слышал о Портале – старших. Аналогичная тенденция прослеживается, когда речь идет об образовании: доля лиц с высшим образованием среди постоянных пользователей ЕПГУ составляет 47,7% (что существенно выше среднего по области), в то время как среди тех, кто вообще не знает о таком информационном ресурсе – всего 9,2%. Отметим также, что среди тех, кто не слышал о Портале, несколько больше женщин, чем среди тех, кто им неоднократно пользовался.

Таблица 1

Социально-демографические характеристики посетителей Единого портала государственных и муниципальных услуг РФ

Отношение к ЕПГУ	Посещали неоднократно	Вообще не слышали
Пол:		
Мужской	45,5	39,2
Женский	54,5	60,8
Возраст:		
18-29 лет	34,1	22,9
30-49 лет	52,3	24,8
50-59 лет	11,4	17,0
60 лет и старше	2,3	35,3
Образование:		
начальное и неполное среднее	0,0	5,2
среднее общее	4,5	43,8
среднее специальное	47,7	41,8
высшее и незаконченное высшее	47,7	9,2

Чрезвычайно важным фактором, влияющим на востребованность Портала государственных услуг, оказалось социальное положение – см. Таблицу 2.

Если в группе неоднократных пользователей почти половину (47,6%) составляют руководители различного уровня и специалисты, занятые умственным трудом, то в группе неосведомленных о Портале респондентов высока доля служащих и работников, занимающихся физическим трудом (38,6%). 41,2% опрошенных в группе составили пенсионеры, в то время как в группе неоднократных пользователей их оказалось всего 2,3%.

Таблица 2

Социальное положение посетителей
Единого портала государственных и муниципальных услуг РФ

Отношение к ЕПГУ	Посещали неоднократно	Вообще не слышали
руководитель, заместитель руководителя, руководитель подразделения	13,6	0,0
специалист, занятый умственным трудом	34,1	3,3
служащий, технический исполнитель	15,9	19,6
работник, занятый физическим трудом	13,6	19,0
пенсионер	2,3	41,2
студент, учащийся	4,5	3,3
Домохозяйка	13,6	7,8
Безработный	0,0	4,6
другое	2,3	1,3

Таким образом, по отношению к Порталу государственных и муниципальных услуг, несмотря на то, что представленные на нем услуги рассчитаны на все слои населения, воспроизводится «информационное неравенство». Активными пользователями Портала, успешно применяющими при взаимодействии с органами власти новые возможности, являются молодые, хорошо образованные, занимающиеся престижными видами деятельности группы населения. В то же время среди тех, кто вообще не слышал о том, что теперь с органами власти можно взаимодействовать в электронном виде, оказались представители социально-незащищенных слоев: пожилые,

малообразованные, занимающиеся сравнительно менее престижными видами деятельности или находящиеся на пенсии.

О том, что пользователи Портала действительно представляют собой наиболее благополучные в социальном отношении слои населения, свидетельствует и перечень наиболее востребованных электронных услуг. Среди них – проверка штрафов ГИБДД (означающая, что у пользователя имеется в собственности автомобиль), налоговой задолженности (предполагающей, например, наличие недвижимости), наличия исполнительных производств в Федеральной службе судебных приставов, а также оформление загранпаспорта (возможность совершать поездки за границу также является маркером социального благополучия) [1].

Социально-демографическая структура пользователей Портала государственных и муниципальных услуг типична для ранних этапов адаптации социальных инноваций, когда выгоду из их появления извлекают наиболее активные и успешные пользователи. Для того, чтобы пользование Порталом стало действительно массовым, необходима целенаправленная политика, направленная на широкое информирование и обучению пользованию электронными государственными услугами, представителей менее успешных групп населения. Иначе информационное неравенство будет продолжать воспроизводиться и в сфере взаимодействия с органами власти.

Список литературы:

1. Воронина Ю. Быстро и без бумаги: Госорганы расширяют предоставление электронных услуг. «Российская газета», 12 мая 2015 года. № 997 (18). [Электронный документ]. Режим доступа: http://www.rg.ru/2015/05/12/gosuslugi.html. Проверено 10.09.2015.

2. Министерство транспорта и связи Свердловской области. Динамика регистрации жителей Свердловской области в ЕСИА. [Электронный документ]. Режим доступа: http://mtis.midural.ru/article/show/id/102. Проверено 10.09.2015.

3. UN Department of Economic and Social Affairs. United Nations E-Government Survey 2014: E-Government for the People. UN, 2012. 142 p.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬЮ ТЕРРИТОРИЙ

Е.Е. Емельянова –
к.экономич. н.,
научный сотрудник
Института экономических проблем им.

Г.П. Лузина –
Кольского научного центра РАН

Экономическая политика является неотъемлемой составляющей деятельности органов власти, важнейшей частью которой является привлечение инвестиций и развитие инвестиционных процессов на подведомственной территории. Поэтому экономическая политика в сфере инвестиций на местном уровне определяется как деятельность органов власти по привлечению инвестиций и их эффективному использованию на территории муниципального образования [1, 74-77].

В настоящее время высокая дотационность и дефицитность муниципальных бюджетов значительно ограничивает возможности органов власти в непосредственном участии в инвестиционных процессах.

Поэтому важным направлением экономической политики муниципальных образований должна стать политика по созданию благоприятных условий для инвестиционной деятельности. При этом важным этапом для органов самоуправления является оценка инвестиционной привлекательности муниципальных образований. Однако, в настоящее время нет общепризнанной модели оценки привлекательности, адаптированной к муниципальному уровню, а существующие методики оценки включают значительный набор показателей, требующих привлечения большого количества информации и экспертов, а также не учитывают деятельность органов власти, направленную на создание благоприятных условий для инвестиционной деятельности, как результата реализации инвестиционной политики.

Исходя из особенностей функционирования муниципальных образований, а также проблем оценки инвестиционного климата на муниципальном уровне была разработана методика оценки инвестиционной привлекательности муниципалитетов. Особенность данной методики заключается в учете как социально-экономических параметров развития муниципальных образований, так и деятельности местных органов власти по формированию муниципальной экономической политики в сфере инвестиционной деятельности.

Оценка привлекательности муниципалитетов строилась на основе разработанной модели инвестиционной привлекательности (рис. 1). Предложенная модель позволяет оценить инвестиционную привлекательность муниципальных образований и учесть такие необходимые составляющие как инвестиционный потенциал территории и активность, которая в свою очередь отражает как активность инвесторов, так и органов власти по созданию благоприятных условий для предпринимательской деятельности и непосредственному участию в инвестиционных процессах.

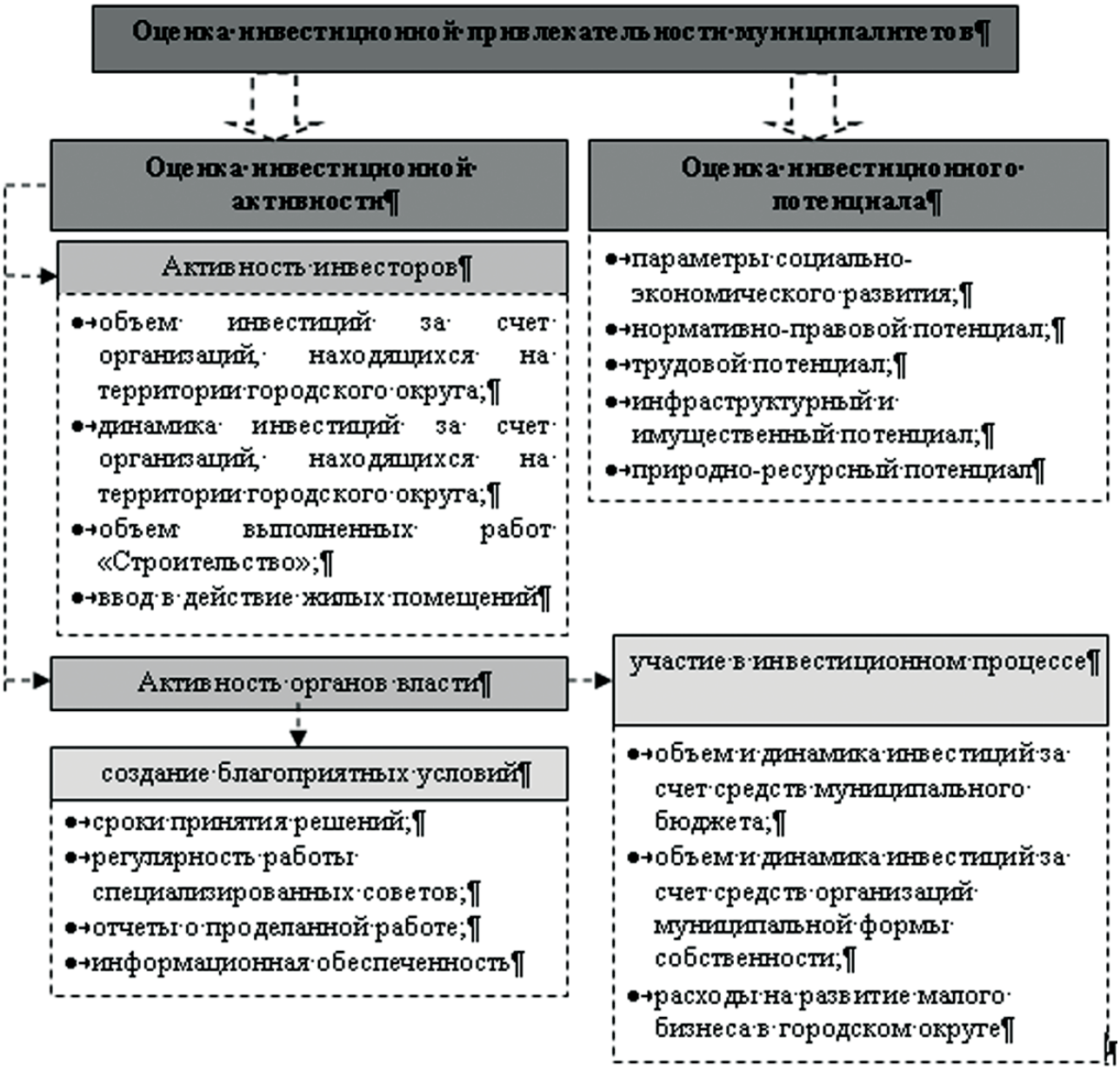

Рисунок 1. Модель оценки инвестиционной привлекательности муниципалитетов

На основе данной модели была разработана методика оценки инвестиционной привлекательности муниципальных образований и включающая ряд показателей, наиболее полно отражающих потенциал территории и важность данной информации для инвесторов при принятии решения об инвестировании [см.: 2; 43-47; 3; 4; 697-701].

Выбор параметров для оценки производился с учетом значимости их влияния на инвестиционную привлекательность малых и средних муниципальных образований, а также с учетом доступности информации по ним для легкости применения данной модели оценки на муниципальном уровне, что позволит местным органам власти самостоятельно, без привлечения дополнительных финансовых и кадровых ресурсов, производить оценку привлекательности подчиненных им территорий.

Для оценки инвестиционного потенциала учитывались показатели, характеризующие социально-экономическое развитие городских округов, развитость нормативно-правовой базы; инфраструктуры, а также обеспеченность природными ресурсами и туристической инфраструктурой (таблица 1).

Таблица 1

Показатели ресурсного потенциала городских округов Севера

1. Параметры социально-экономического развития	2.7. предоставление льгот для инвесторов
1.1. доля трудоспособного населения в общей численности	**3. Инфраструктурный и имущественный потенциал**
1.2. резерв трудовых ресурсов	3.1. доля используемых (занятых) земель
1.3. доля собственных доходов в общем объеме бюджета	3.2. кадастровая стоимость земли
1.4. кол-во индивидуальных предпринимателей и малых предприятий на 1000 чел.	3.3. транспортная обеспеченность
2. Нормативно-правовой потенциал	3.4. удаленность от столицы региона
2.1. наличие стратегии развития города	3.5. динамика основных фондов
2.2. наличие инвестиционного плана	3.6. уровень износа основных фондов
2.3. наличие Положения об инвестиционной деятельности	**4. Природно-ресурсный потенциал**
2.4. наличие Положения о МЧП	4.1. объем сырьевых ресурсов
2.5. наличие органа, ответственного за управление инвест. процессом	4.2. объем рекреационных и особо охраняемых территорий
2.6. предоставление бюджетных кредитов и муниципальных гарантий	4.3.уровень развития туризма (инфраструктура, потенциал)

В параметры социально-экономического развития был включен ряд показателей, оказывающих наиболее важное влияние на решения потенциальных инвесторов, и отражающие трудовые ресурсы муниципального образования, самостоятельность местного бюджета, развитие предпринимательской деятельности. Для оценки нормативно-правового потенциала учитывались такие необходимые составляющие как наличие стратегических документов, состояние нормативно-правовой базы городского округа в области инвестиционной деятельности, созданные органами власти условия для привлечения инвестиций. Показатели для оценки инфраструктурного и имущественного потенциала отражают такие важные для городских округов факторы как состояние основных фондов, транспортная доступность и наличие свободных земельных ресурсов. В природно-ресурсный потенциал было решено включить факторы, отражающие как ресурсный потенциал территории, так и туристический.

Основу оценки инвестиционной активности составляет оценка участия в инвестиционной деятельности инвесторов и органов муниципальной власти, при этом оценка деятельности органов власти ведется по двум аспектам управленческой деятельности: созданию благоприятных условий и прямому участию в инвестиционном процессе (таблица 2).

Таблица 2

Показатели инвестиционной активности

Активность инвесторов	**Активность органов власти**	
	Создание благоприятных условий	**Участие в инвестиционных процессах**
1. Объем инвестиций организаций, находящихся на территории городского округа	1. Сроки принятия решений	1. Объем инвестиций в основной капитал за счет средств муниципального бюджета
2. Динамика инвестиций организаций, находящихся на территории городского округа	2. Регулярность работы специализированных советов	2. Динамика инвестиций в основной капитал за счет средств муниципального бюджета
3. Объем выполненных работ «Строительство»	3. Наличие отчетов об экономической деятельности	3. Объем инвестиций в основной капитал за счет средств организаций муниципальной формы собственности
4. Ввод в действие жилых помещений	4. Наличие инвестиционного паспорта	4. Динамика инвестиций в основной капитал за счет средств организаций муниципальной формы собственности

Активность инвесторов	Активность органов власти	
	Создание благоприятных условий	**Участие в инвестиционных процессах**
	5. Доступ к информации об экономической политике, проектах, земельных участках и т.д.	5. Доля расходов на развитие малого бизнеса в городском округе
	6. Наличие программ развития маркетинга и продвижения имиджа города	

Инвестиционная активность инвесторов оценивается по четырем основным показателям: объем и динамика инвестиций организаций, расположенных на территории муниципалитетов, а также по количеству вводимых в действие жилых помещений и объему выполненных работ «Строительство», рассчитанных на одного жителя.

Если, для оценки активности инвесторов были выбраны показатели, характеризующие их прямое участие в инвестиционной деятельности, то для оценки деятельности органов местного самоуправления помимо этого были выбраны показатели, отражающие реально созданные условия органами власти для ведения хозяйственно-экономической деятельности. К ним относятся нормотворческая деятельность по созданию благоприятных условий, наличие и работа специальных органов и структур по ведению и поддержке инвестиционной деятельности на территории муниципального образования, сбор и предоставление инвесторам необходимой информации об инвестиционных процессах, создание льготных условий для предпринимательства и т.д.

Для определения созданных условий органами власти для ведения хозяйственной деятельности при оценке показателя «Срок принятия решения» были взяты данные муниципальной базы данных, отражающие эффективность деятельности органов власти. В базе данных обозначены сроки принятия решения от подачи заявки на земельное строительство до даты принятия решения о предоставлении земельного участка, продолжительность периода с даты подачи заявки на получение разрешения на строительство до даты получения разрешения на строительство и средняя продолжительность периода с даты принятия решения о предоставлении земельного участка для строительства до даты получения разрешения на строительство. При оценке показателей «Наличие отчетов об экономической деятельности» и «Доступ к информации об инвестиционных процессах» учитывалась их полнота, представленная на официальных сайтах Администраций городских округов, их актуальность и быстрота поиска. Показатель «Продвижение имиджа» указывает на наличие в городских округах программ маркетинга и программ,

направленных на создание благоприятного имиджа городского округа. В показателе «Положение об инвестиционной деятельности» учитывалось наличие любого нормативно-правового акта, характеризующего регулирование инвестиционных процессов на территории городского округа. В показателе «Наличие специализированного органа» учитывалось наличие какого-либо совета или комиссии, целенаправленно ведущих работу по развитию предпринимательской деятельности.

Для оценки непосредственного участия органов власти в инвестиционных процессах использовались показатели объема и динамики инвестиций в основной капитал за счет средств муниципального бюджета и за счет средств организаций муниципальной формы собственности в % к расходам бюджета.

Таким образом, в современных условиях важным направлением экономической политики муниципальных органов власти является создание условий для привлечения потенциальных инвесторов и оценки инвестиционной привлекательности муниципальных образований. Применение данной методики оценки позволяет не только оценить привлекательность, но и определить уровень развития инвестиционных процессов в муниципалитете в сравнении с другими муниципальными образованиями.

Список литературы:

1. Бабун Р.В., Муллагалаева З.З. Вопросы муниципальной экономики. М.: Феникс, 2001. – 143 с. – С. 74-77.

2. Емельянова Е.Е. Селин В.С. Экономическая политика в муниципальных образованиях Севера // Наука и бизнес: пути развития. – 2014. – №6(36) .– С. 43-47.

3. Емельянова Е.Е. Совершенствование политики привлечения инвестиций на основе модели оценки инвестиционной привлекательности муниципальных образований Севера [Электронный ресурс // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3. – Режим доступа: http://www.science-education.ru/117-13285.

4. Емельянова Е.Е., Селин В.С. Инвестиционная политика северных городских округов // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 8(3). – С. 697-701.

ОЦЕНКА УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН КАЧЕСТВОМ УСЛУГ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ[1]

П.О. Ермолаева –
к. социол.н., доцент,
заведующая социологическим отделом,
ЦПЭИ АН РТ

Современный институт образования находится в процессе динамичных изменений: происходит переосмысление старых форм и практик работы и формулирование новых целей, адекватных мировым тенденциям и новым вызовам, запросам различных стейкхолдеров. В мировой практике растет интерес к анализу эффективности деятельности учреждений образования.

Основная цель, которая стояла перед нами в исследовании заключалась в оценке качества деятельности образовательных учреждений Республики Татарстан через оценку удовлетворенности потребителями образовательных услуг. Исследование проводилось нами по ряду параметром, которые отразились в исследовательских задачах. К основным можно отнести следующие: общая оценка удовлетворенности качеством оказываемых услуг, оценка основных качественно-количественных параметров учреждений образования Республики Татарстан (уровень компетентности педагогов, условия обучения, степень информированности о приеме, уровень компьютеризации и т.д.), оценка уровня компьютеризации учреждений образования, оценка технико-гигиенических условий учреждений образования, оценка трудоустройства потребителями учреждений образования, общие проблемы в работе учреждений образования в республике. Исследование проводилось по заказу Центра экономических и социальных исследований Кабинета Министров Республики Татарстан.

Объектами исследований выступили потребители услуг учреждений начального, среднего и высшего профессионального образования, а также дополнительного образования для детей, находящиеся в ведомстве Министерства образования Республики Татарстан и финансируемые из республиканского бюджета. Опрос был осуществлен в форме индивидуального стандартизированного интервью по месту фактического жительства респондента. Выборка – целевая многоступенчатая стратифицированная (n=806).

[1] Исследование выполнено в рамках Гранта РГНФ №15-32-01322 «Имитационное моделирование геодемографической инфраструктуры региона: прогностическая геоинформационная модель»

Анализ данных производился при помощи статистического пакета SPSS (версия 21.0). Были использованы «жесткие» методы обработки информации: одномерные и двумерные распределения, построение индексов.

В результате проведенного исследования, выяснилось, что общая оценка учреждений образования – чуть ниже «четверки» (3,9). Острую нехватку потребители выразили в отношении следующих образовательных учреждений республики: детские сады (ясли-сады) (38,3%), учреждения для детей, нуждающихся в оказании психолого-педагогической и медико-социальной помощи (39,6%), учреждения дополнительного и послевузовского профессионального образования (34,1%).

Самые высокие оценки получили такие образовательные учреждения, как лицей (4,4), детский сад (4,3), школа (4,2), государственный вуз (4,2), художественная школа (4,2), Детско-юношеский центр творчества (4,1). Самые низкие оценки получили профессиональное училище (3,9) и учреждение для детей, нуждающихся в оказании психолого-педагогической и медико-социальной помощи (4).

Потребители услуг государственных вузов в одинаковой степени, как среди городского населения, так и среди сельского более всего удовлетворены профессиональным уровнем работников учреждений (4,2); учащиеся техникумов – чистотой помещения (4,3) и обеспеченностью мерами пожарной безопасности (4,4), причем сельское население в большей степени, чем городское ценит профессионализм работников техникумов (4,4). Учащиеся колледжа (4,4) и ПТУ (3,8) также в большей степени удовлетворены обеспеченностью учреждения мерами пожарной безопасности. Потребители школ более всего довольны чистотой помещения (4,3), причем в значительно большей степени такой позиции придерживаются сельчане (4,3). Лицеисты более всего удовлетворены общим состоянием здания учреждения (4,5), причем эта доля также велика среди сельского населения. Потребители детских садов более всего удовлетворены чистотой помещения (4,35) и отношением педагогов к учащимся (4,35).

При получении услуг дошкольного образования опрошенные столкнулись со следующими проблемами: слабая материально-техническая база (26,8%), высокая наполняемость групп (28,4%), нехватка нянь (20,6%), нехватка воспитателей (17,2%), трудность устройства ребенка в детский сад из-за нехватки мест (14,4%).

Учащиеся школ, лицеев, гимназий отметили следующие узловые проблемы данных образовательных учреждений: чрезмерная учебная нагрузка (22,4%), неудовлетворительное качество питания для детей (17,9%), слабая материально-техническая база (15,9%), неудовлетворительно качество полученных знаний по итогам обучения (15%), слабая физкультурно-оздоровительная работа (14,6%).

Потребители услуг начального профессионального образования отметили следующие проблемы данных образовательных учреждений: слабая материально-техническая база (16,8%), нехватка квалифицированных преподавателей (13,7%), чрезмерная учебная нагрузка (13%), отсутствие занятий по практике (11,5%).

Потребители услуг среднего профессионального образования отметили следующие проблемы данных образовательных учреждений: чрезмерная учебная нагрузка (14,9%), слабая материально-техническая база (13,7%), высокая наполняемость групп (13,7%), нехватка мест в общежитии (10,7%) и другие проблемы (рисунок 1.4.6). Отсутствие каких-либо проблем отметили 35,1% респондентов.

Студенты вузов отметили следующие проблемы: чрезмерная учебная нагрузка (18,9%), слабая материально-техническая база (15,7%), нехватка мест в общежитии (13,5%), неудовлетворительная организация практической работы со студентами (10,3%), высокая наполняемость группы (7,6%). Относительное большинство опрошенных отметили, что никаких проблем не возникло (26,5%).

Основные проблемы учреждений для детей, нуждающихся в оказании психолого-педагогической и социально-медицинской помощи: отсутствие информации о существующих учреждениях (17,7%), невнимательное отношение к детям (7,3%), слабая материально-техническая база (6,5%), отсутствие индивидуально ориентированной педагогической и психологической помощи воспитаннику и его родителям (представителям) (5,6%) и другие проблемы. Примечательно, как и по всем другим учреждениям, относительное большинство отметило, что никаких проблем у них не возникло (40,3%).

Основными проблемами, с которыми приходилось сталкиваться посетителям учреждений дополнительного и послевузовского профессионального образования, стали: неудобное расписание занятий (14,2%), отсутствие у учащихся доступа в Интернет (11,5%), неудовлетворительный уровень знаний по итогам обучения, хотелось бы более высокого качества образования (7,4%), недостаточное внимание к учащимся, формальный подход к обучению (6,1%) и другие проблемы. Относительное большинство отметило, что никаких проблем не возникало (39,2%).

РАЗВИТИЕ ПАТЕНТНОЙ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ КАК ФАКТОР СТИМУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Е.О. Заполева –
социолог, ООО «Научно-технический центр «Перспектива»

Сложности, возникающие в течение последнего года в российской экономике, связанные с падением мировых цен на нефть, становятся серьезным вызовом как для государства в целом, так и для большинства регионов. Как никогда актуализируется вопрос о построении экономики, при которой стоимость национальной валюты и пополнение государственного и местных бюджетов будут зависеть главным образом от доходов несырьевого сектора как залога экономического развития. Более того, опыт политических преобразований на постсоветском пространстве (так называемые «цветные революции») указывает на необходимость поддержания стабильности и благополучия общества, чему не способствует снижение реальных доходов населения. Ответом на возникшие вызовы современности может стать формирование в России и Тюменской области в частности крупного «среднего класса» как основы социальной, экономической и политической стабильности посредством, в том числе стимулирования развития индивидуального предпринимательства и самозанятости. Предоставление предпринимателям возможности зарабатывать и создавать рабочие места при понятных и доступных условиях ведения бизнеса позволит укрепить национальную и региональную экономику, если малый и средний бизнес станет альтернативным базисом экономического развития.

«Стержнем нашей экономической политики должна стать конкурентоспособность всех ключевых факторов ведения бизнеса в России. Это прямой практически путь к обновлению экономики, к уходу от сырьевой зависимости» [1].

Одной из главных трудностей ведения бизнеса для индивидуальных предпринимателей является сложность налоговой системы. В виду этого в течение последних нескольких лет в субъектах РФ действуют специальные налоговые режимы, призванные упростить отчётность и снизить издержки плательщиков. В качестве одного из таких режимов выступает патентная система налогообложения.

Патентная система налогообложения для Тюменской области представляет собой относительно новый способ взаимодействия индивидуальных предпринимателей с налоговыми органами. Довольно непродолжительный опыт применения данного налогового режима в регионе, вероятно, является основной причиной слабой распространенности ПСН

среди предпринимателей Тюменской области. По данным ИФНС России по Тюменской области, на 2015 г. выдано 188 патентов. Отмечен вялотекущий рост числа предпринимателей, обращающихся к применению ПСН, тем не менее, наблюдается тенденция положительная.

С целью оценки эффективности реализации Закона Тюменской области «О патентной системе налогообложения для индивидуальных предпринимателей», выявления преимуществ и недостатков ПСН и получения рекомендаций по совершенствованию данной системы на региональном уровне в июле 2015 года был проведен экспертный опрос предпринимателей, применяющих патентную систему, руководителей и специалистов органов государственной власти в сфере поддержки предпринимательства, специалистов налоговых органов, представителей объединений предпринимателей на территории Тюмени, Тобольска, Ишима и Ялуторовска.

При многочисленных очевидных преимуществах патентной системы налогообложения, способных значительно облегчить для предпринимателей тяготы налогового бремени, эксперты указывают на необходимость соблюдения ряда условий, при которых ПСН в Тюменской области получит необходимое распространение и станет стимулом для развития предпринимательской активности в регионе. Среди них можно выделить следующие:

Информирование. Наиболее остро в вопросе развития ПСН в Тюменской области стоит проблема осведомленности предпринимателей о данной системе налогообложения. По мнению специалистов, системная и активная информационно-разъяснительная работа может дать ожидаемый эффект через 1-1,5 года. В данном случае для распространения информации о ПСН необходимо привлечение различных ресурсов. Так, налоговая служба в силах распространить необходимые сведения единовременно, охватывая значительную часть целевой аудитории при непосредственном личном контакте. Например, выдавая каждому индивидуальному предпринимателю в руки информацию о ПСН в момент подачи налоговой декларации. Также предполагается позитивный эффект от работы в университетах, откуда через несколько лет вполне возможно выйдут молодые предприниматели, имеющие достаточно правовых знаний о ПСН. Кроме того, по мнению специалистов, необходимо привлекать к просветительской работе представительства Фонда «Инвестиционное агентство Тюменской области», все возможные бизнес-площадки, региональные и муниципальные средства массовой информации, в том числе заявления первых лиц региона. Помимо этого важно проводить с представителями бизнес-сообщества тематические встречи, где предприниматели смогу задать интересующие их вопросы, в том числе выезды в муниципалитеты. Вклад в популяризацию патентной системы могут внести так называемые «истории успеха», где вполне конкретные предприниматели делятся опытом применения патентов.

Регуляция норм потенциально возможного дохода. Эксперты полагают, что необходимо сбалансировать реальную рыночную ситуацию с установленным в Законе потенциально возможным доходом по отдельным видам экономической деятельности (в частности, речь идет о розничной торговле, бытовых услугах и аренде нежилых помещений), считая уменьшение стоимости патентов – серьезным стимулом. Также можно рассмотреть отдельные ставки по ПСН для ИП, ранее не занимавшихся предпринимательской деятельностью.

Однако при регуляции стоимости патентов важно соблюсти баланс, так как минимизация налоговых платежей для индивидуальных предпринимателей может привести к избыточно выпадающим доходам и дроблению среднего бизнеса. Тем не менее, массовый переход предпринимателей на ПСН будет возможен при ощутимой выгоде по сравнению с другими системами налогообложения.

Единое администрирование налога. Специалисты предполагают, что весомым плюсом к популярности патентной системы мог бы стать единый платеж, т.е. включение в стоимость патента взносов в Пенсионный фонд России и Фонд социального страхования. Орган администрирования в свою очередь распределяет налоговые отчисления по фондам, а предпринимателю, произведя единожды оплату, не требуется контактировать с другими госучреждениями.

Простота получения патента. Предполагается, что предприниматели будут более мотивированы перейти на ПСН в случае, если появится возможность приобретения патентов в уполномоченных органах, таких как государственные банки, не сталкиваясь с налоговыми инспекциями.

Законодательная стабильность. Формирование позитивного представления о ПСН связано помимо всего прочего и с неизменностью правил получения и использования патентов. Стабильное существование ПСН в течение 3-5 лет, отсутствие увеличения процентных ставок или норм потенциально возможного дохода, позволит предпринимателям поверить в данную налоговую систему, развеет опасения о её упразднении.

Патент для самозанятых. Возможность приобретения патентов самозанятыми физическими лицами позволит вывести «из тени» часть предпринимателей, работающих вне правового поля и не имеющих достаточной мотивации для юридического оформления ИП, что позволит им узаконить свои взаимоотношения с государством, и в частности с налоговыми органами, и в свою очередь отроет перспективы для развития бизнеса. Кроме того данное решение пополнит местные бюджеты небольшими налоговыми отчислениями, которые сейчас скрыты от органов взыскания.

Расширение возможных видов деятельности. Привлечение большего числа предпринимателей к переходу на ПСН может быть обеспечено путем расширения имеющегося списка видов экономической деятельности, предусматривающих оплату налога посредством приобретения патента.

Обратная связь. Оценка достоинств и недостатков ПСН с целью совершенствования и развития данной системы предполагает проведение системного мониторинга, включающего работу с предпринимателями, пользующимися патентами (проведение личных встреч, совместных мероприятий, сбор мнения, предложения и нареканий).

Экономическая стабильность в стране. По мнению экспертов, залогом развития любой системы налогообложения, в том числе и патентной, является уверенность предпринимателей в потенциальном доходе. Кризисные явления в экономической сфере, как правило, сопровождаются снижением покупательской активности населения и падением прибыли бизнесменов. Поэтому авансовая оплата налога на потенциальную прибыль может казаться ненадежным способом налогообложения.

Таким образом, при соблюдении ряда вышеизложенных условий патентная система налогообложения, по мнению экспертного сообщества, может стать новым импульсом для развития малого и микробизнеса в регионе, стимулируя тем самым развитие и укрупнение среднего класса. Однако стоит отметить, что специальный налоговый режим – лишь одна из важных мер в комплексе мероприятий по повышение экономической стабильности в стране и регионе. Сложившиеся экономические проблемы необходимо решать системно.

Список литературы:

1. В.В. Путин. Послание Президента РФ Федеральному собранию [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_171774/ (дата послания 04.12.2014)

2. Закон Тюменской области от 06.10.2014 №67 «О патентной системе налогообложения для индивидуальных предпринимателей» [Электронный ресурс] URL: http://www.klerk.ru/doc/406999

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ (НА ПРИМЕРЕ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА ПО ВОПРОСАМ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ «О НАЛОГЕ НА ИМУЩЕСТВО ОРГАНИЗАЦИЙ»)

А.А. Захарченко –
начальник отдела социологических исследований ООО Научно-технический центр «Перспектива»

На сегодняшний день прикладные социологические исследования становятся одним из значимых механизмов повышения эффективности и совершенствования региональных нормативно-правовых актов. Качественные методы исследований, такие как экспертные опросы, позволяют получить оценки, мнения и консультации, позволяющие в дальнейшем применять их для оптимизации уже существующих нормативно-правовых актов или при разработке новых. Экспертные опросы являются достаточно простым в реализации и при этом качественно информативным методом получения данных. Как правило, применяются экспертные опросы с целью решения различных задач и долгосрочного планирования. Получение информации от эксперта в ходе проведения исследования значительно повышает его достоверность, так как в качестве экспертов выступают специалисты определенной области с высокой степенью компетенции, и позволяет провести всесторонний и полный анализ изучаемого явления.

На примере проведенного социологического исследования, посвящённого вопросам реализации Закона Тюменской области «О налоге на имущество организаций», можно рассмотреть выводы о специфике реализации Закона, которые основаны на методе экспертных оценок.

Острой проблематики в сфере реализации Закона Тюменской области «О налоге на имущество организаций» не наблюдается. В целом эксперты достаточно высоко оценивают все пункты закона, не высказывая негативных оценок и критики. Это является значимым и показательным фактором в общей оценке существующего регионального законодательства в сфере налогообложения имущества юридических лиц.

Специалисты в своем большинстве считают, что существующая система налогообложения имущества организаций находится на удовлетворительном уровне. Эксперты отмечали, что система налогообложения имущества на сегодняшний день отлажена и эффективна. Так же, по мнению большинства опрошенных специалистов, существующая система налогообложения имущества организаций за последние годы существенно улучшилась, стала

более ясной и прозрачной. Среди положительных изменений за последние годы можно отметить:

- отмену налога на движимое имущество;
- отсутствие налога на землю юридических лиц;
- повышение эффективности взаимодействия с налоговыми органами;
- внедрение электронного документооборота.

К основным минусам в изменениях системы налогообложения эксперты отнесли увеличение налоговой ставки до 2,2%. Тем не менее, значительная доля экспертов считает размер налоговой ставки на имущество (2,2%) вполне приемлемым. Представители юридических организаций считают размер данной ставки привычным и необременительным. За снижение данной налоговой ставки высказалась достаточно большая часть специалистов. Но эксперты зачастую в этой связи говорят о необходимости градации налоговой ставки с различным ее уровнем для разных категорий организаций. Наиболее часто предлагается ввести пониженную ставку для производственных, промышленных предприятий, медицинских учреждений. Рекомендуется обратить внимание на мнения в этой части и рассмотреть перспективную возможность внесения подобных изменений в существующее законодательство.

Практически однозначно эксперты говорят о том, что существующие налоговые льготы, освобождающие некоторые группы организаций от уплаты имущественного налога, полностью обоснованы. Единственно, что отметили специалисты – это необходимость расширения перечня льготных категорий организаций и внесения в него, к примеру, уже упомянутых производственных и медицинских организаций.

Те, кто считает представленные льготы по уплате имущественного налога необоснованными, в первую очередь связывает это с тем, что большое число льгот нарушает основной принцип налогообложения, равенство в уплате налогов.

Механизм уплаты налога на имущество организаций, его удобство эксперты в высшей степени оценивают положительно. Практически однозначно утверждается об удобстве существующего механизма уплаты налога, сроков уплаты, оптимальности авансовых платежей. Ежеквартальная система уплаты налога в большой степени позволяет организациям планировать расходы на весь текущий год. Трудностей с уплатой налога на имущество у организаций, как правило, не возникает.

Эксперты сходятся во мнении, что существующий Закон Тюменской области «О налоге на имущество организаций» соответствует всем требованиям Налогового кодекса и в целом федерального законодательства. По мнению экспертов, региональный закон эффективен, действенен и удобен в исполнении. Большинство специалистов не высказали мнения о необходимости внесения каких-либо изменений в существующий региональный закон.

Основные предложения по изменениям регионального законодательства касалось возможности и необходимости расширения перечня организаций, для которых предполагаются льготы по уплате налога на имущество и снижения налоговых ставок для отдельных категорий организаций. Эксперты считают эффективным исчисление налога на имущество исходя из кадастровой стоимости. Заметим, что в ходе проведенного опроса выявлено, что мнения о возможности расчета налога на имущество с учетом кадастровой стоимости недвижимости, неоднозначны. Так, одна группа высказывает одобрение данной возможности и поддерживает ее, другая же, напротив, считает, что это значительно повысит налоговое бремя организаций и ухудшит ситуацию в сфере налогообложения имущества организаций. В связи с этим предлагается дополнительно провести мониторинг мнений экспертов касательно непосредственно внедрения расчета налога на имущество на основе кадастровой стоимости, а также разработать прогнозные планы в области применения такой практики.

Среди рекомендаций по совершенствованию механизма реализации Закона Тюменской области «О налоге на имущество организаций» отметим в первую очередь:

- возможность предоставления льгот по налогу на имущество для предприятий, с дорогостоящим оборудованием, большими помещениями, для производственных и крупных промышленных предприятий;
- необходимость более широкого освещения в средствах массовой информации разъяснений по части нововведений и изменений в законодательстве, повышение информированности организаций о действующем законодательстве;
- важность организации эффективной системы взаимодействия между органами власти и организациями. Для этого уместно организовывать брифинги, круглые столы, дискуссии в части обсуждения существующего закона и необходимости внесения в него изменений, учитывать мнения непосредственно плательщиков налога на имущество;
- необходимость внесения конкретики и уточнения существующего законодательства в данной сфере;
- необходимость упрощения бюрократической системы сдачи отчетности и уплаты налога;
- важность учета кадастровой стоимости недвижимости;
- необходимость четкого определения льготных категорий организаций;
- необходимость повышения доступности и прозрачности существующего регионального законодательства в сфере налогообложения имущества организаций.

Список литературы:

1. Закон Тюменской области о налоге на имущество организаций/ http://www.nalog.ru/rn72/about_fts/docs/5329582/

2. Научно-исследовательская работа «Изучение экспертного мнения по вопросам реализации Закона Тюменской области «О налоге на имущество организаций», Тюмень, 2014.

3. Ядов В.А. Социологические исследования: методология, программы, методы, – М.: Наука, – 1987. – 458 с.

4. Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н. Социология права,- Ростов н/Д: Феникс, 2001. – 480 с.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ОЦЕНКАХ МОЛОДЕЖИ

Т.Е. Зерчанинова –
к.социол.н., доцент,
и.о. заведующего кафедрой
регионального и муниципального
управления Уральского института
управления – филиала РАНХиГС

Н.П. Мудрецова –
соискатель кафедры теории и социологии
управления
Уральского института управления –
филиала РАНХиГС

Актуальность исследования государственной поддержки работающей молодежи обусловлена тем, что в рамках государственной молодежной политики основное внимание направлено на учащуюся молодежь. В то же время работающая молодежь также нуждается в государственной поддержке.

При достаточной разработанности различных аспектов государственной молодежной политики в научной литературе, проблема государственной поддержки работающей молодежи не нашла достаточного освещения в ней.

Цель статьи – проанализировать содержание и оценить социальную эффективность государственной поддержки работающей молодежи в Свердловской области и предложить рекомендации по её совершенствованию.

Государственная поддержка работающей молодежи – это «система приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации работающей молодежи, для развития ее потенциала и, следовательно, способствует обеспечению социально-экономического и культурного развития страны, ее конкурентоспособности и укреплению национальной безопасности» [1, с. 160].

Под социальной эффективностью региональной государственной поддержки работающей молодежи мы понимаем степень обеспечения государственным управлением благоприятных условий для работающей молодежи с точки зрения релевантности, экономичности, полезности полученных в ходе реализации государственной программы результатов.

В целях исследования содержания и социальной эффективности государственной поддержки работающей молодежи в Свердловской области нами было проведено эмпирическое социологическое исследование, которое включало анализ официальных документов, отражающих содержание государственной поддержки молодежи Свердловской области, а также анкетный опрос работающей молодежи Свердловской области (опрошено 420 человек).

Анализ нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации позволил сделать вывод о том, что единственным регионом, в котором принята и действует Концепция поддержки работающей молодежи на период до 2020 г. [2] (далее – Концепция), является Свердловская область. Более чем десятилетний период её существования закономерно ставит вопрос об оценке эффективности государственной поддержки работающей молодежи, обозначенной в ней.

Работающая молодежь в Концепции понимается как «граждане в возрасте от 14 до 30 лет, находящиеся в соответствии с российским законодательством в трудовых отношениях с каким-либо работодателем, независимо от организационно-правовых форм и форм собственности» [2]. Основные направления поддержки работающей молодежи в регионе: развитие механизмов социального партнерства, информационное направление, развитие социальной и профессионально-экономической активности работающей молодежи, поддержка молодых семей поддержка работающей молодежи, временно находящейся в трудной жизненной ситуации [2].

Опрос молодежи Свердловской области показал, что в качестве основных проблем работающей молодежи респондентами были выделены жилищная проблема и отсутствие (недостаток) рабочих мест (табл. 1):

Таблица 1

Какие проблемы работающей молодежи Свердловской области Вы считаете основными?

№	Варианты ответа	%
1	Невозможность трудоустроиться по специальности	30
2	Отсутствие (недостаток) рабочих мест	50
3	Жилищная проблема	56
4	Наркомания	11
5	Алкоголизация молодежи	21
6	Платное образование	38
7	Низкое качество образования	31
8	Низкий уровень материального благополучия	45
9	Невозможность организовать для себя адекватный досуг	29
10	Отсутствие возможности заниматься спортом	13
11	Низкий уровень здоровья молодежи	10
12	Отсутствие мотивации на успех	17
13	Недостаточный уровень поддержки со стороны государства	31
14	Свой вариант	3
	Итого:	385 *

* Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно. Среднее число ответов на 1 опрошенного 3,9.

Анализ уровня информированности респондентов о мерах государственной поддержки молодежи показал, что 60% опрошенных ничего не знают о них, 39% кое-что знают о некоторых мерах, 1% респондентов имеет полное представление о мерах государственной поддержки работающей молодежи. Те респонденты, кто информирован о государственной поддержке молодежи, назвали следующие меры: обеспечение жильем молодых семей (48% опрошенных), материнский капитал (17%), различные виды пособий при рождении и уходу за ребенком (11%), организация и финансирование различных молодежных мероприятий (8%).

Основными источниками информации для молодежи о государственной поддержке служат средства массовой информации (табл. 2):

Таблица 2

Из каких источников Вы получили информацию
мерах государственной поддержки работающей молодежи?

№	Варианты ответа	%
1	Через средства массовой информации	26
2	В органе власти	11
3	На предприятии (школе, вузе)	7
4	В молодежной или иной общественной организации	6
5	Через родственников, друзей, знакомых	11
6	Через специализированные сайты, социальные сети	14
7	Никакой информации ниоткуда не получал	55
8	Другой вариант	1
	Итого:	131 *

* Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно. Среднее число ответов на 1 опрошенного 1,3.

Респондентам было предложено оценить по 5-балльной шкале уровень распространения и доступности информации о различных мерах государственной поддержки для работающей молодежи в Свердловской области (где 1 – самая низкая оценка, а 5 – самая высокая). В результате был получен средний балл 1,7.

Исследование показало, что только 11% респондентов получали какую-либо государственную поддержку. 28% респондентов указали, что в настоящее время они нуждаются в государственной поддержке, в том числе 17% указали на меры поддержки, связанные с решением жилищной проблемы (приобретение жилья, улучшение жилищных условий, получение льгот, субсидий на жилье, выделение земельных участков под индивидуальное жилищное строительство и т.п.).

Самым актуальным направлением государственной поддержки для работающей молодежи, по мнению респондентов, является поддержка молодых семей (табл. 3):

Таблица 3

Какие из приведенных направлений государственной поддержки 0Вы считаете актуальными для молодежи

№	Варианты ответа	%
1	Развитие механизмов социального партнерства	11
2	Информационное направление	47
3	Развитие социальной активности работающей молодежи	47
4	Развитие профессионально-экономической активности работающей молодежи	40
5	Поддержка молодых семей	75
6	Поддержка работающей молодежи, временно находящейся в трудной жизненной ситуации	45
7	Свой вариант	1
	Итого:	266 *

* Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно. Среднее число ответов на 1 опрошенного 2,7.

Каждое из перечисленных направлений поддержки содержит перечень видов деятельности, осуществляемых в рамках данного направления. Респондентам было предложено оценить необходимость и значимость предлагаемых мер для решения проблем работающей молодежи.

Так, в качестве актуальных и необходимых мер поддержки ***молодых семей*** респонденты указали: содействие в обеспечении социальным жильем молодых семей, имеющих детей и социально активной работающей молодежи (78%), включение в коллективные договоры предприятий положений, увеличивающих социальные и трудовые гарантии семейных молодых работников, имеющих детей (52%), развитие учреждений, оказывающих молодым семьям консультационные, психологические, образовательные и другие услуги (33%), проведение областных конкурсов программ, направленных на формирование у работающей молодежи позиции ответственного супружества и родительства (20%).

Основными мерами государственной поддержки для развития ***социальной активности молодежи***, по мнению респондентов, являются: оказание помощи в формировании и реализации социальных инновационных инициатив (47%), проведение областного конкурса социальных проектов и программ общественных объединений работающей молодежи (38%), развитие молодежного парламентаризма, продвижение наиболее подготовленных

и активных молодых людей в органы государственного и муниципального управления (28%), создание региональной базы данных молодежного кадрового резерва органов государственного и муниципального управления (23%), 15% не считают актуальным ни одно из предложенных направлений.

Для обеспечения реализации ***информационного направления*** необходимо, прежде всего, обеспечить оперативное многоканальное информирование о деятельности по государственной поддержке работающей молодежи (78% опрошенных), создание базы данных о программах поддержки работающей молодежи, издание информационно-методических материалов о реализации этих программ (54%), разработку информационно-поисковых систем и регионального банка данных по вакансиям рабочих мест для молодых работников (35%). 63% опрошенных отмечают необходимость развития сети учреждений, оказывающих информационные, консультационные и образовательные услуги как основную меру государственной поддержки работающей молодежи, временно находящейся в трудной жизненной ситуации.

Для развития ***профессионально-экономической активности*** работающей молодежи, более 60% молодых граждан, участвующих в опросе, считают необходимым создание системы, обеспечивающей социально ориентированный выбор молодежью профессии, получение молодыми людьми современного качественного и востребованного на рынке труда профессионального образования и социально эффективное трудоустройство молодых граждан, более 30% считают необходимым поддержку молодежного предпринимательства и внедрение современных форм и технологий профессиональной ориентации молодежи, помощь в планировании карьеры.

Для развития ***механизмов социального партнерства*** 64% опрошенных считают необходимым сформировать областную систему обучения молодых лидеров и активистов, направленную на совершенствование их деятельности в отношении работающей молодежи, повышение их компетентности при участии в переговорном процессе с представителями работодателя и власти, при этом 70% от числа так ответивших сами готовы пройти такое обучение.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: в большинстве случаев молодежь нуждается в различного рода материальной поддержке, прежде всего, в улучшении жилищных условий; необходимо развивать сеть и улучшать качество услуг различными учреждениями (образование, дополнительное образование, здравоохранение, физическая культура и спорт); обращает внимание слабый уровень информированности молодежи о проводимой политике и необходимость создания различных доступных электронных сервисов о состоянии рынка труда, вакансиях, перечне мер государственной поддержки, которыми они могут воспользоваться.

Список литературы:

1. Зерчанинова Т.Е., Мудрецова Н.П. Поддержка работающей молодежи в системе государственного управления // Современные тенденции развития государственного управления: монография / Под. ред. Т.Е. Зерчаниновой, А.В. Ручкина. Екатеринбург: Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, 2015. 192 с.

2. О Концепции поддержки работающей молодежи Свердловской области на период до 2020 года: Постановление Правительства Свердловской области от 20 ноября 2009 г. № 1683-ПП // Собрание Законодательства Свердловской области. 2009. № 18-1. Ст. 1543.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ АВТОНОМИЯ – ФАКТОР УСПЕШНОГО УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМОЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е.В. Игнатова –
директор Офиса Регистратора
Павлодарского государственного
педагогического института (Казахстан)
доктор PhD по социологии

Роль высшего образования в мире постоянно эволюционирует. Сегодня мировое сообщество возлагает большие надежды на университеты, требуя от них выполнения широкого спектра задач, способствующих росту экономики и формированию общества знаний. В государственной образовательной политике многих стран стали широко применятся такие понятия, как «коммерциализация высшего образования» и «менеджмент в высшем образовании». Высшая школа постепенно превращается в полноправный субъект рыночных отношений. Это стимулирует активную трансформацию ее управленческих структур с ориентацией на институциональную автономию.

Накопленный опыт институционального развития вузов показывает, что структура, состав и полномочия органов управления ими разнообразны и зависят от сложившихся в каждом конкретном государстве системы управления, университетских традиций, а также уровня развития культуры, науки и образования. Тем не менее, выявление современных трендов в области институциональной автономии представляется весьма важным, так как позволяет определить общее направление развития наиболее конкурентоспособных систем высшего образования и с учетом лучших мировых практик совершенствовать управление национальными системами.

Анализируя международный опыт управления системами высшего образования становится очевидным, что на протяжении последних десятилетий практически во всем мире наблюдается его масштабное реформирование управления с целью придания ему большей свободы, динамизма, гибкости и эффективности, которые выступают своего рода мерилом конкурентоспособности отдельно взятой системы.

Так, США, страна с трехсот семидесяти пяти летней историей создания и развития системы высшего образования, одна из первых создала Попечительские советы в качестве органов корпоративного управления и внедрила современные управленческие механизмы в образовательных учреждениях. Особенностью высшего образования США является отсутствие единой федеральной системы образования.

Американские университеты обладают значительной автономией в управлении, решении своих собственных финансовых вопросов, формировании спектра и содержания академических программ, распоряжении

имуществом, найме профессорско-преподавательского состава, установлении оплаты за обучение и работу штатных сотрудников.

Роль государства сводится к частичному финансированию научных проектов, выделению образовательных кредитов для студентов аккредитованных университетов. Надзор и финансирование осуществляют администрации штатов[1].

Согласно Конституции Канады, ответственность за все уровни образования лежит на властях провинций, а не на федеральном уровне. Вузы владеют значительной автономией в управлении, распределении денежных средств и сами определяют критерии отбора студентов и требования к академическим степеням. В большинстве вузов практикуется двух уровневая система управления: совет Попечителей, занимающийся финансовой деятельностью и политикой вуза и Сенат, отвечающий за академическую деятельность вуза, в целом.

Управление высшим образованием в Великобритании разделено между правительствами Северной Ирландии, Уэльса и Шотландии. Вузы создаются согласно Королевскому патенту или иному законодательству и частично финансируются из государственных средств, но при этом независимы в управлении. В Финляндии высшее образование предоставляется университетами и политехническими институтами. В отличие от политехнических институтов, университеты являются государственными и финансируются из государственных средств. В вузах Финляндии существует три управляющих органа: Университетская коллегия, Попечительский совет и Исполнительный директор.

В Нидерландах система образования предусматривает, как центральное стратегическое управление высшими учебными заведениями, так и прямое администрирование университетами. На центральном уровне управления вузами осуществляют Наблюдательный совет, Исполнительный совет и Совет университета.

Важно отметить, что значительную роль в управлении университетов Нидерландов играет профессорско-преподавательский состав, который формирует Рабочий совет или Совет факультетов, а также студенты, формирующие Студенческий совет вуза.

Ответственность за управление вузами в Австралии лежит как на федеральном правительстве, так и на уровне штатов и вузов. Государственные вузы финансируются за счет государственного бюджета посредством распределения финансовых средств через департамент образования, занятости и связи с работодателями [2].

Таким образом, сопоставление уровня развития институциональной автономии в странах мира позволяет сделать вывод, что она рассматривается в трех областях деятельности: управленческой, академической и финансовой. Разумеется, подобная классификация элементов весьма условная, так как на

деле они зачастую оказываются переплетенными, взаимоувязанными между собой. В самом общем плане систему показателей институциональной автономии можно охарактеризовать следующим:

Управленческая автономия консолидирует элементы кадровой и организационной автономии и предполагает наличие у вуза возможности:

- отбора и включения в состав управляющего органа внешних членов;
- формирования внутренней структуры (школы, факультеты, кафедры, институты и др.);
- создания самостоятельных юридических лиц;
- самостоятельной разработки процедур и критериев отбора и освобождения от должности, определения сроков полномочий высших должностных лиц (руководящего состава);
- отбора и расстановки кадров (должностные требования, процедуры отбора, оклад, условия продвижения по службе и освобождения от должности сотрудников).

Академическая автономия определяется способностью вуза самостоятельно:

- определять правила приема и количество зачисленных в вуз студентов;
- определять содержание академических программ и язык обучения;
- создавать и закрывать программы обучения по специальностям;
- выбирать механизмы и агентства по обеспечению качества обучения.

Финансовая автономия определяется правом вуза на:

- формирование резерва и сохранение профицита государственного финансирования;
- определение оплаты за обучение;
- заем и инвестирование средств на финансовых рынках;
- выпуск акций и облигаций;
- владение и распоряжение землями и строениями, занимаемыми университетом [3].

Расширение автономии в системе высшего образования отнюдь непростая задача и, как показывает опыт зарубежных стран, процесс может занимать несколько десятилетий и его исход напрямую зависит от того, насколько скрупулезно государство подошло к разработке плана по переходу вузов к автономии. При этом необходимо учитывать, что аспекты институциональной автономии затрагивают, главным образом, три вопроса. Во-первых, какие стратегически важные аспекты государственного контроля должны быть делегированы на университетский уровень. Во-вторых, какие новые механизмы подотчетности могут оказаться необходимыми для удовлетворения потребностей общества в высшем образовании. И в-третьих, если учитывать, что в ряде стран университеты впервые внедряют «корпоративную» практику управления, как привести государственную политику в состояние, в котором она сможет справиться с переходным этапом реформирования управления?

Список литературы:

1. Лукас Д. Американское высшее образование: история. – Нью-Йорк, 2006. – 2-ое издание. – С. 21

2. Керр К. Критическая эпоха в мире университетов, традиции и современные императивы // Европейский журнал образования. – 1987 – № 22 (2). – С.183-193

3. Разработка механизмов по повышению конкурентоспособности высшего образования. Аналитический обзор МОН РК – Астана – 2012. С. 340

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

И.В. Изюмов –
к. юрид.н., доцент,
кафедры социологии
Тюменского государственного
нефтегазового университета

Международная и внешнеэкономическая деятельность вузов представляет собой важнейшее направление развития образования в Российской Федерации, позволяет использовать опыт образовательных учреждений зарубежных стран, который может быть реализован при подготовке специалистов, как для отечественного, так и для мирового рынка услуг. Несмотря на широкий массив законодательных актов, регулирующих вопросы международной и внешнеэкономической деятельности высших учебных заведений, проблема модернизации высшего образования России и усиления его присутствия на международном рынке образовательных услуг остается по-прежнему актуальной.

Как было отмечено, важность данного направления обусловлена рядом следующих аспектов.

Во-первых, международная и внешнеэкономическая деятельность вузов позволяет использовать опыт образовательных учреждений зарубежных стран, который может быть реализован при подготовке специалистов, как для отечественного, так и для мирового рынка услуг.

Во-вторых, эффективное использование имеющегося образовательного потенциала, являющегося также одним из весьма значимых национальных экспортных ресурсов, позволит вузам привлекать новые средства финансирования своей деятельности.

И, в-третьих, интеграция в европейское образовательное пространство способствует привлечению инвестиционных средств в отечественную образовательную сферу, что, несомненно, соответствует целям проводимой образовательной реформы.

Тем не менее, анализ практики осуществления вузами международной и внешнеэкономической деятельности свидетельствует о наличии недостатков в данной сфере, что порождает трудности правоприменительного характера.

По нашему мнению, такое положение дел связано с отсутствием должного понимания механизма реализации вузами той или иной формы международной или внешнеэкономической деятельности.

В соответствии с Концепцией экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011 – 2020 гг. приоритетным направлением развития экспорта образования является содействие двустороннему и многостороннему сотрудничеству с государствами – участниками СНГ. Особое внимание уделяется поддержке соотечественников, созданию условий для эффективного строительства Союзного государства; укреплению ЕврАзЭС, как ядра экономической региональной интеграции.

Кроме того, Концепцией установлено, что Россия выполняет обязательства по содействию международному развитию и выделяет значительные средства на обучение студентов из развивающихся стран (данные). В рамках программ по поддержке соотечественников Россия обучает граждан из стран ближнего и дальнего зарубежья (данные). Ведущие российские вузы принимают на различные формы обучения и программы студентов из развитых индустриальных стран (36 тысяч студентов из стран – членов ОЭСР). Вместе с тем, по данным ОЭСР Россия принимает только 2 % от общего количества иностранных студентов, составившего в 2014 году три миллиона. В то время как США принимает 20%, Великобритания обучает 12 %, Германия и Франция – 9% и 8% соответственно. Кроме того, значительное количество студентов обучается в Австралии (7%), Канаде (4%), Японии (4%). Если в течение ряда лет Советский Союз занимал второе место (после США) по числу иностранных студентов, то сейчас Россия по числу иностранных студентов находится на 9 месте, и даже доля иностранных студентов в общем количестве студентов внутри России существенно снизилась [1].

Несмотря на то, что в рамках Федеральной целевой программы развития образования, инновационных образовательных программ российских вузов, мер по созданию федеральных университетов и поддержке исследовательских университетов, инвестированы значительные ресурсы на развитие инновационных программ, интеграцию науки и образования, повышение качества программ, в настоящее время, российские вузы не занимают ведущие места в международных рейтингах лучших университетов.

Другим направлением развития следует признать совершенствование нормативно-правовой основы, которая должна носить четкий, отвечающий современным реалиям характер.

Создание современной законодательной базы сферы международного образования обусловлено, в первую очередь, радикальными изменениями государственно-политического устройства общества и социально-экономических условий в России. Подготовка и принятие нового законодательства, регулирующего международное сотрудничество

в образовании и приведение в соответствие действующего законодательства, является кардинальной мерой, призванной обеспечить наиболее полное соответствие системы действующих норм права современному состоянию образовательных отношений и устранить большую часть недостатков, имеющихся в действующих федеральных законах и иных нормативно-правовых актах, принятых по вопросам образования [2].

Новые формы правовой поддержки должны обеспечить следующие фундаментальные условия: 1) создание единого, целостного механизма правового регулирования на базе уже сложившихся и эффективно действующих правовых институтов образовательного законодательства и обеспечение полного и системного регулирования отношений в сфере образования; 2)приведение законодательства Российской Федерации в соответствие с нормами и принципами международного права; 3) творческое использование передового зарубежного опыта, адаптация его с учетом специфики образовательных отношений в Российской Федерации на данном этапе ее развития; 4) принятие во внимание законотворческий опыт субъектов Российской Федерации.

Представляется оправданной позиция профессора А.Н. Козырина, считающего, что законодательство об образовании должно урегулировать вопросы международного сотрудничества с учетом коренного изменения ситуации в этой сфере, связанного с динамично развивающимися процессами глобализации в образовании, с развитием интеграционных процессов и включением в них Российской Федерации [3].

Наряду с законодательным закреплением целей, необходимо отразить правовые «рамки» реализации международного сотрудничества Российской Федерации в сфере высшего и послевузовского профессионального образования посредством закрепления принципов. То есть основополагающих элементов развития и функционирования всего международного сотрудничества в сфере высшего и послевузовского профессионального образования.

В теории права под правовыми принципами понимаются руководящие идеи, которые выражают сущность, основные свойства и общую направленность развития правовых норм в пределах системы права либо ее отдельных отраслей или институтов [4].

Таким образом, исходя из понимания «принципа» как правовой категории, можно сформулировать следующие принципы осуществления международное сотрудничество Российской Федерации в сфере высшего и послевузовского профессионального образования:

1) взаимное уважение субъектов международной и внешнеэкономической деятельности высших учебных заведений;

2) равенство участников международной и внешнеэкономической деятельности высших учебных заведений;

3) обоюдная выгода субъектов международной и внешнеэкономической деятельности высших учебных заведений;

4) международная и внешнеэкономическая деятельность высших учебных заведений не должна наносить ущерб национальному суверенитету, национальной безопасности Российской Федерации и интересам общества и государства.

Наряду со сказанным представляется необоснованным включение в закон «Об образовании» нормы, посвященной академической мобильности. Анализируя содержание данной нормы, следует отметить ее не логичность и дублирующий характер как уже существующих положений, так и закрепленных в проекте закона «Об образовании».

В частности, п. 1 ст. 164 закона содержит определение академической мобильности, под которой понимается обмен обучающимися, педагогическими и научными работниками Российской Федерации и иностранного государства в целях обучения, повышения квалификации, совершенствования научной и педагогической деятельности.

Тем самым законодатель определяет академическую мобильность как форму внешнеэкономической деятельности вузов, несмотря на то, что ее содержание полностью подпадает под существующую форму международной деятельности вузов – участие в программах двустороннего и многостороннего обмена студентами, аспирантами, докторантами, педагогическими и научными работниками.

Теоретические выводы и практические рекомендации по совершенствованию правового регулирования международной ивнешнеэкономической деятельности высших учебных заведений в самом общем виде могут быть сформулированы виде следующий положений:

1. Международное сотрудничество в сфере образования представляет собой постоянную целенаправленную деятельность Российской Федерации по развитию международных связей в сфере образования и научного сотрудничества, которая осуществляется на основе общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации путем ее координации с деятельностью других субъектов международных отношений.

2. Считаем целесообразным законодательное закрепление права на осуществление международной и внешнеэкономической деятельности субъектом предоставления образовательных услуг различного уровня целесообразно оставить в Законе РФ «Об образовании», а конкретизированный механизм реализации осуществления международной и внешнеэкономической деятельности на уровне высших учебных заведений отразить в ФЗ «О высшем образовании…».

3. Представляется возможным сформулировать и включить в валютное законодательство России норму, устанавливающую освобождение государственных образовательных учреждений от обязательной уплаты части валютной выручки и освобождающую от обязательной продажи части валютной выручки в той части, в которой она была трансформирована инвестициями в образовательную сферу.

Список литературы:

1. Концепция развития Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011 – 2020 гг. \\ режим доступа: http://www.russia.edu.ru/information/analit/official/3783/

2. Закон РФ «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 № 273 – ФЗ // СЗ РФ 31.12.2012, N 53 (ч. 1), ст. 7598.

3. Козырин А.Н. Международное сотрудничество в сфере образования: к разработке концепции интегрирующего федерального закона об образовании // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2014. №3. С. 27.

4. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 102-103.

АМБИЦИОЗНЫЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКИХ РЕАЛИЯХ

Г.Ф. Ишкинеева –
ассистент кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжский) федерального университета

Обеспечение устойчивого городского развития является одной из наиболее обсуждаемых и актуальных проблем в современном обществе. Сложившиеся городские экосистемы становятся неустойчивыми, не обеспечивающими комфортную среду для жизнедеятельности человека, растет антропогенная нагрузка на трансформирующуюся урбоэкосистему. Меняется и ментальность современных горожан, пересматриваются ценности, формируются новые потребности, которые находят отражение в новых программах, определяющих направление городского развития.

Поиск облика и структуры города будущего в начале советского этапа существования России вызвал бурные споры урбанистов и дезурбанистов, породил проекты «города-сада», «города-микрорайона», «оптимального города», «города направленного развития», которые хотя и обладали рациональным зерном, вместе с тем не учитывали глубинные процессы, формирующие города и системы расселения.

Все это актуализирует необходимость пересмотра многих теоретических и практических установок и поиск новых идей и путей решения городских проблем, способных обеспечить гармоничное развитие его жителей.

Процесс проектирования новых и реформирования существующих городов привел к смене парадигмы городского развития, произошел переход от концепции индустриального города к принципиально новому городскому решению.

Так, сегодня ключевым вектором развития становится экология и качество жизни. Ориентация городских поселений смещается в сторону креативного, интеллектуального класса, наблюдается конкуренция за талантливых людей, для привлечения которых города стремятся создать максимально благоприятные условия.

Сегодня достаточно много примеров строительства новых городов и модернизации существующих. Среди них можно отметить города, строительство которых ведется исключительно на частные инвестиции, проекты государственно-частного партнерства и преимущественно государственные проекты. В большинстве случаев, города, строящиеся с нуля, возводятся около мегаполисов, являются привлекательными с точки зрения

экологии, развитости городской инфраструктуры и применения новейших технологий.

Одним из примеров строительства города в рамках государственно частного партнерства является город Новое Ступино [1]. Это эко-город, расположенный в 70 км от Москвы [2]. Основной причиной привлекательности проекта Новое Ступино является доступность жилья и развитая инфраструктура, застройщики территории Новое Ступино предоставляют недорогое жилье в экологически чистом районе вблизи Москвы.

Кроме того, с целью перспективного развития территории запущено строительство индустриального парка Ступино-Квадрат, на территорию которого планируется привлекать иностранные инвестиции с целью создания и развития экологического производства. Ожидается, что в последующем индустриальный парк Ступино-Квадрат будет предоставлять рабочие места жителям Нового Ступино и обеспечит самостоятельность города.

В то же время, проблемными зонами реализации проекта является неодинаковая скорость застройки территории, в связи с чем объекты проживания вводятся в эксплуатацию быстрее, чем инфраструктурные и вызывает неудобства для жителей территории, что понижает общую привлекательность проекта.

Проект, реализация которого осуществляется полностью за счет частных инвестиций – «Гудвил» расположен на территории Владимирской области. В отличие от Нового Ступино, целевой аудиторией проекта является преимущественно обеспеченное население, которому предоставляется качественная городская инфраструктура на собственной закрытой территории. Проектной документацией закреплено предоставление социальных и образовательных услуг населению с высоким уровнем достатка – частные школы, детские сады, Spa-процедуры, дорогостоящие фитнес-центры [3]. На территории города осуществляется планомерная застройка жилого сектора и инфраструктурных объектов, к сданным домам подведены все необходимые коммуникации, применены современные технологические решения. Девелоперы позиционируют «Гудвил» как город для жизни, город, способный освободить жителей от лишних забот и обеспечить комфортное проживание.

Не последнюю роль в успешности реализации проекта играет выгодное географическое расположение города, экологически-чистая территория с одной стороны и относительная близость федеральной трассы с другой, что определяет транспортную доступность крупных городов (Москвы, Владимира, Нижнего Новгорода). После строительства высокоскоростной магистрали Москва-Казань, можно будет добраться из Москвы до «Гудвила» за 55 минут [4].

Кроме того, в рамках развития территории запланирован запуск IT-Парка, который станет центром привлечения специалистов IT-индустрии, обеспечивая комфортные условия для бизнеса и проживания.

Градостроителями предусмотрено создание развитой спортивной инфраструктуры на территории, где помимо стандартных фитнес-центров

запланировано строительство спортивного курорта, с возможностью занятия 44 видами спорта. Предполагается, что данный спортивный курорт будет привлекать как жителей ново-построенного города, так и жителей близлежащих территорий.

Помимо вышеперечисленного, на территории «Гудвил» уже запущено строительство первого в России многофункционального медицинского центра с привлечением лучших специалистов области и страны и оказанием полного спектра медицинских услуг, который в дальнейшем сможет стать центром, привлекающим жителей как нового города, так и ближайших территорий.

Таким образом, разработчики «города для жизни» предусмотрели многоаспектное развитие территории, предполагающее вложение инвестиций в отдельные самостоятельные направления – элитное жилье, спортивный курорт, IT-Парк, многопрофильный медицинский центр. На данный момент сложно судить об успешности данного проекта с точки зрения будущих горожан, девелоперы предусмотрели несколько точек роста с точки зрения максимальной окупаемости, однако можно ли вопрос определения данной территории в качестве города пока остается открытым.

Другим примером города, строительство которого осуществлялось «с нуля» является инновационный город «Сколково», который также располагается вблизи крупной городской агломерации – Москвы. В отличие от двух других проектов, строительство «Сколково» [5] осуществлялось преимущественно за счет государственных инвестиций.

Основной целью строительства наукограда явилась необходимость создания территории с привлекательной инфраструктурой для талантливой молодежи с целью разработки и внедрения научных и инновационных решений в стране, «Сколково» часто сравнивают с Кремниевой долиной.

В процессе планирования проекта предполагалось строительство университета «Сколково» как высокоорганизованного ядра научно-технических разработок и малых фирм. Согласно задумке девелоперов город должен был стать удобной площадкой для коммерциализации научных идей, городом будущего, комфортным для проживания.

Однако проект оказался нежизнеспособным, что было обеспечено в первую очередь высокой степенью зависимости от государственных инвестиций и низкой окупаемостью капиталовложений.

Высокая степень зависимости российских проектов градостроительства от политической конъюнктуры определила судьбу и другого проекта развития территории. В Татарстане запускался проект по созданию города и игорной зоны на территории Камских Полян [6], были вложены государственно-частные инвестиции, построены объекты развлекательно-досуговой сферы, однако в связи с запретом игорного бизнеса на территории Российской Федерации (с 2009 года проведение азартных игр в России разрешено только в четырех зонах: в Калининградской области, Алтайском и Приморском краях и на границе Ростовской области и Краснодарского края [7]) реализация проекта

была приостановлена и идея по развитию территории с помощью игорного бизнеса оказалась неуспешной.

Среди проектов по модернизации существующих территорий можно отметить стратегию интенсивного развития Первоуральск-300 [8]. В рамках реализации стратегии запланировано расширение городской территории и увеличение населения города.

Городской администрацией запланировано создание агропромышленного комплекса, который будет решать задачи импортозамещения и обеспечения жителей города рабочими местами, а городской бюджет налоговыми поступлениями. Предполагается, что с созданием агропромышленного комплекса увеличится количество собственной отгруженной продукции Первоуральских предприятий и улучшится экономическое благосостояние региона. При разработке стратегии развития, администрация города ориентируется на близлежащую агломерацию Екатеринбург, рассматривая в качестве позитивного проживание в Первоуральске людей, трудоустроенных в Екатеринбурге [9].

Кроме того, запланировано привлечение частных инвестиций на реализацию коммерческих проектов на территории города.

Несмотря на то, что в рамках реализации проекта запланирована модернизация городской инфраструктуры, оптимизация жилищного фонда и улучшение образовательной сферы, проект вызывает неоднозначные оценки местных жителей и представителей бизнеса [10]. Основной причиной критики явился недостаточный уровень осведомленности жителей о перспективах реализации программы, ее потенциала и степени влияния на городское пространство. Очевидно, ни одна программа развития и привлечения инвестиций не может быть осуществлена исключительно силами городской администрации и представителе власти, необходимо активное включение горожан и предпринимателей города в процессы принятия управленческих решений, разработки стратегии и ее реализации. Это позволит избежать недовольства со стороны населения и использовать человеческий потенциал для развития территории и реализации амбициозных стратегий.

В России существуют разные виды расселения, успешность реализации градостроительных проектов детерминирована в первую очередь ожиданиями и предпочтениями населения. Зачастую недостаточная прозрачность в описании проектов и недостаточное информирование населения о планах по реорганизации территории влекут за собой недовольство населения, могут стать препятствием успешного развития проекта. С другой стороны, очевидно, что основным адресатом и потребителем градостроительного проекта являются люди, сложно представить город без людей. Существует много возможностей вовлечения населения в процессы разработки управленческих решений и выстраивания облика города. Так, в Европе активно используется механизм краудсорсинга [11], предполагающего использование интеллектуального

потенциала населения с целью выработки оптимальных управленческих решений по различным вопросам.

Таким образом, только на базе системного комплексного подхода при разработке градостроительных проектов, с учетом специфических особенностей и потенциала развития территории, потребностей местного населения и имеющегося опыта можно говорить об успешном развитии территории и строительстве города.

Список литературы:

1. Эко-город Новое Ступино [Электронный ресурс] // Официальный сайт проекта Новое Ступино [Интернет-портал]. URL: http://www.novoestupino.ru/

2. Город-спутник Новое Ступино [Электронный ресурс] // GDP Industry, technology, development [Интернет-портал].URL: http://gdpquadrat.com/gorod-sputnik-novoe-stupino/

3. Город Гудвил. [Электронный ресурс] // Официальный сайт проекта Город Гудвил [Интернет-портал].URL: http://goodwill-city.ru/o-proekte/

4. Губернатор оценила перспективы городского жилищного комплекса в городе Гудвил [Электронный ресурс] // Askona invest [Интернет-портал].URL: http://askonainvest.ru/novosti/189-gubernator-otsenila-perspektivy-zhilishchnogo-stroitelstva-v-gorode-gudvil

5. Расследование РБК: что случилось со «Сколково» [Электронный ресурс] // РБК Татарстан [Интернет-портал].URL: http://daily.rbc.ru/special/business/23/03/2015/5509710a9a7947327e5f3a18

6. Прощай, Тат-Вегас! В Татарстане доживает последние дни игорная зона в Камских Полянах [Электронный ресурс] // Татарстан [Интернет-портал]. URL: http://www.tatarstan.net/news.php?id=62471

7. Создание игорных зон в РФ [Электронный ресурс] // РИА Новости [Интернет-портал].URL: http://ria.ru/trend/gambling_zones_17062009/

8. Стратегия развития Первоураск 300 [Электронный ресурс] Стратегия развития Первоуральск 300// [PDF-документ].URL: http://sospp.ru/wp-content/uploads/%D0%94%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2-%D0%90.%D0%98..pdf

9. Развитие территории совместными усилиями РФ [Электронный ресурс] // Городской округ Первоуральск [Интернет-портал].URL: http://www.prvadm.ru/news/newsadm/482-razvitie-territorii-sovmestnymi-usiliyami.html

10. Программа Первоуральск 300 и это все? [Электронный ресурс] // Городские вести [Интернет-портал].URL: http://www.gorodskievesti.ru/2015/04/14/programma-pervouralsk-300-i-eto-vse/

11. Daren C.Bradham Crowdsourcing the Public Participation Process for Planning Projects [Электронный ресурс] // Planning theory. Sage journals [Интернет-портал].URL: http://plt.sagepub.com/content/8/3/242

О ФАКТОРАХ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНАХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

В.С. Каминский –
Инженер-исследователь
Института социально-экономического
развития территорий Российской
академии наук (ИСЭРТ РАН)

На современном этапе развития одной из приоритетных задач является повышение эффективности управления на всех уровнях власти. Особенное значение имеет муниципальный уровень управления, поскольку местная власть наиболее близка к реальным потребностям жителей и к специфике социально-экономического развития территории, находящейся в её ведении.

Одним из способов оценки эффективности государственного управления является анализ общественного мнения, позволяющий соотносить результаты управления с потребностями, интересами и ожиданиями населения. В Вологодской области регулярные опросы общественного мнения проводятся Институтом социально-экономического развития территорий Российской академии наук (ИСЭРТ РАН). Мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

Вологодская область включает в себя 28 муниципалитетов (26 муниципальных районов и 2 городских округа – Вологда и Череповец), различающихся по своему местоположению, состоянию экономической и социальной сферы. Социологический мониторинг осуществляется в 10 муниципальных образованиях: в обоих городских округах и в 8 районах (в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском).

Целью исследования, результаты которого представлены в данном докладе, выступило изучение факторов, формирующих общественное мнение жителей муниципальных районов.

Общественное мнение анализируется по трём ключевым направлениям:

1. Восприятие жителями муниципальных образований основных тенденций в развитии политической ситуации в стране и в регионе (включая их отражение на оценке деятельности органов государственного управления и партийно-политических предпочтениях);

2. Отношение населения к изменениям, происходящим в динамике социально-экономической ситуации (в том числе, тенденции потребительских настроений и самооценок материального положения);

3. Социальное самочувствие населения (динамика социального настроения, запаса терпения и протестного потенциала).

Согласно Федеральному Закону №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в России существует пять видов муниципальных образований: городские и сельские поселения, муниципальные районы, городские округа, внутригородские территории городов федерального значения [4]. В нашем исследовании мы анализируем оценки населения муниципальных районов.

Результаты исследования показали, что общественное мнение жителей муниципальных районов формируется под воздействием ряда факторов, доминирующими являются:

1. Социально-экономические. Реальная социально-экономическая ситуация и материальное положение населения.

Автором был составлен рейтинг районов по ключевым показателям общественного мнения *(табл. 1)*. Решение этой задачи протекало в несколько этапов:

- Выбраны ключевые показатели общественного мнения (оценка политической и экономической ситуации в России и области, уровень одобрения органов власти и оценка успешности деятельности Президента, социальная самоидентификация, ИПН, социальное самочувствие);
- Определено место, которое каждый район занимает по каждому критерию;
- Рассчитан средний балл для каждого района. В соответствии с ним определено место района по общественному мнению в целом, а также выделены группы районов со средним баллом выше и ниже среднего по районам.

Произведена группировка данных муниципальных образований по принципу выше или ниже среднего по всем районам. В результате были получены группы лидеров и аутсайдеров. В первую группу вошли: Бабаевский, Великоустюгский, Шекснинский и Кирилловский районы. Во вторую – Тарногский, Грязовецкий, Никольский, а также Вожегодский районы *(табл. 2)*.

Таблица 1

Обобщение оценок жителей районов по всем критериям, использованным в исследовании, 2014 г.

Район	Бабаевский	Великоустюгский	Вожегодский	Грязовецкий	Кирилловский	Никольский	Тарногский	Шекснинский
Оценка политической ситуации в стране и регионе (доля отрицательных оценок)								
Оценка политической ситуации в России	1	8	6 – 7	4	2	5	6 – 7	3
Оценка политической обстановки в области	1	6	5	4	3	7	8	2
Партийно-политические предпочтения населения								
Уровень поддержки партии «Единая Россия»	1	3	5	7	6	8	2	4
Никакая партия не выражает интересы	1	6	4	2	5	8	7	3
Уровень одобрения деятельности органов власти (доля положительных оценок)								
Одобрение деятельности Президента РФ	5	1	6	7	3	8	2	4
Одобрение деятельности Председателя Правительства РФ	5	1	6	7	3	8	2	4
Одобрение деятельности Государственной думы	4	2	8	6	3	5	7	1
Одобрение деятельности губернатора Вологодской области	2	4	5	7	3	6	8	1
Одобрение деятельности главы местной администрации	3	5	2	7	4	6	8	1
Оценка успешности деятельности Президента РФ по решению ключевых проблем страны (доля положительных оценок)								
Наведение порядка в стране	2	1	8	7	3	6	8	4
Подъём экономики, рост благосостояния граждан	4	1	7 – 8	6	2	5	7 – 8	3
Защита демократии и укрепление свобод граждан	4	1	7	6	2	5	8	3
Укрепление международных позиций России	2	1	8	6	4	5	7	3
Оценка социально-экономической ситуации (доля отрицательных оценок)								
Доля «бедных» и «нищих»	5	2	7	6	4	8	1	3
Доля негативных оценок экономического положения в России	1	3	8	7	2	6	5	4
Доля негативных оценок экономического положения в области	1	3	8	7	2	6	5	4
Индекс потребительских настроений	1	3	6	7	2	8	5	4
Социальное самочувствие населения								
Доля позитивных характеристик социального настроения	1	3	8	6	5	7	2	4
Доля позитивных характеристик запаса терпения	1	2	8	6	5	7	3	4
Потенциал протеста	1	2	8	6 – 7	5	4	3	6 – 7
Средний балл*	2,3	2,9	6,5	5,7	3,4	6,4	5,2	3,3
Место района в рейтинге	1	2	8	6	4	7	5	3
* Чем меньше средний балл, тем выше место								

Таблица 2

Рейтинг районов на основе общественного мнения, 2014 г.

Итоговое место по всем критериям	Средний балл по всем критериям	Район*
1	2,3	Бабаевский
2	2,9	Великоустюгский
3	3,3	Шекснинский
4	3,4	Кирилловский
5	5,2	Тарногский
6	5,7	Грязовецкий
7	6,4	Никольский
8	6,5	Вожегодский

*зелёным цветом отмечены районы, в которых средний балл по всем критериям выше среднего по районам, красным цветом обозначены районы со средним баллом ниже среднего по районам. Чем ниже средний балл, тем лучше ситуация в районе, и, соответственно, тем выше место в рейтинге он занимает.

Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН

Результаты исследования социально-экономической ситуации в районе-лидере (Бабаевский) и районе-аутсайдере (Вожегодский) совпадают с реальным социально-экономическим положением данных муниципальных образований в 2014 г. Это подтверждается как данными официальной статистики, так и публичными докладами глав муниципальных районов. Проиллюстрируем это следующими примерами:

- Уровень среднемесячной номинальной заработной платы в 2014 г. Бабаевском районе составил 27836 руб., в Вожегодском – 18948 руб. [7; с. 56].

- В Бабаевском районе в 2014 г. было введено 12590 кв.м. жилья, в Вожегодском районе – 10436 кв. м. жилья.

- Число заявленных вакансий в Бабаевском районе превышает численность безработных – 164 против 157 чел. [5], в Вожегодском – численность безработных составляет 140 чел., в то время как потребность работодателей в работниках, заявленная в государственные учреждения службы занятости населения – лишь 63 чел [6].

2. Политический. Целесообразно разделить этот фактор на внешнеполитический и внутриполитический.

Внешнеполитический: Приобрёл особую актуальность в 2014 г. Украинский кризис, и связанный с ним рост напряжённости в отношениях с довольно значительной частью мирового сообщества привели к ухудшению суждений о политической обстановке в России в большинстве муниципальных районов Вологодской области (в 6 из 8).

В то же время во всех исследуемых районах зафиксирован рост уровня одобрения деятельности Президента РФ. Рейтинг В.В. Путина в течение 2014 г. резко вырос и в целом по России. По мнению А.А. Возьмителя, это обусловлено Олимпиадой в Сочи, умело пролонгируемой в СМИ эйфорией в связи с воссоединением Крыма с Россией, а также санкциями, введёнными Западом

в ответ на открытое провозглашение и практическую реализацию Президентом РФ долговременных национальных интересов России и мер, направленных на их реальную защиту [1; с. 44].

Внутриполитический. Первостепенное значение здесь играет федеральный, а не муниципальный уровень управления. Районы, входящие в группу лидеров, отличаются более высоким уровнем одобрения Президента РФ и Председателя Правительства РФ. В отношении же глав местной администрации однозначной взаимосвязи не выявлено: например, уровень одобрения главы Вожегодского района один из наиболее высоких среди муниципальных образований (2 место), в то же время по другим показателям общественного мнения этот район является аутсайдером *(см. табл. 1)*.

Тем не менее, муниципальный уровень управления участвует в формировании общественного мнения (в связи с тем, что местное самоуправление представляет собой публично-правовое образование, наиболее приближенное к населению) [3; с. 104]. Такой вывод позволяет сделать анализ корреляции длительности выполнения главой местной администрации своих функций и места района в рейтинге по ключевым показателям общественного мнения.

Авторы получили следующие результаты. В трёх из четырёх муниципальных образований, которые являются лидерами по ключевым показателям общественного мнения, действующий глава местной администрации исполняет свои обязанности первый срок (в Бабаевском, Великоустюгском и Шекснинском районах). И, напротив, в трёх из четырёх районов-аутсайдеров главы администраций были избраны на второй срок (Никольский, Вожегодский) или являются политическими долгожителями (Грязовецкий; *табл. 3)*.

Таблица 3

Зависимость общественного мнения от срока исполнения функций действующим главой района

Район	Срок деятельности главы района	Средний балл района на основе общественного мнения
Бабаевский	Первый	2,3
Великоустюгский	Первый	2,9
Шекснинский	Первый	3,3
Тарногский	Первый	5,2
Кирилловский	Второй	3,4
Грязовецкий	Четвёртый	5,7
Никольский	Второй	6,4
Вожегодский	Второй	6,5

Скорее всего, это обусловлено психологией людей: с новым лидером всегда связаны ожидания позитивных изменений в экономической, политической сферах, личном материальном положении и т.д..

Муниципальный уровень управления особо важен для повышения эффективности государственного управления. Однако его роль в формировании общественного мнения жителей области, согласно результатам исследования, не является доминирующей. Большинство жителей муниципальных районов считают, что возможности по решению имеющихся проблем и по управлению муниципальным образованием сокращаются. Более того, так полагает и часть самих руководителей муниципальных образований [2; с. 51]. Поэтому, необходимо оказывать поддержку и способствовать развитию местного самоуправления.

Список литературы:

1. Возьмитель, А.А. Рейтинги и их социологический анализ [Текст] / А.А. Возьмитель // Власть. – 2015. – №8. – С.44-51.

2. Ворошилов, Н.В. Институт местного самоуправления сегодня (по материалам опроса глав муниципальных образований Вологодской области) [Текст] / Н.В. Ворошилов // Проблемы развития территорий. – 2015. – № 1 (75). – С. 49-62.

3. Груздева, И.В. Муниципальная реформа в Вологодской области (2004 – 2005 гг.) [Текст] / И.В. Груздева // Местное самоуправление и гражданское общество: региональные аспекты развития. Материалы областной научно-практической конференции. 17 апреля 2014 г. – Вологда, 2014. – С. 104-109.

4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ – Режим доступа: http://www.rg.ru/2003/10/08/zakonsamouprav.html

5. Публичный доклад о результатах деятельности Главы Бабаевского муниципального района Вологодской области за 2014 г. [Электронный ресурс] / сайт Губернатора Вологодской области. – Режим доступа: http://okuvshinnikov.ru/files/ocenka2015/babaevskij_r.pdf

6. Публичный доклад о результатах деятельности Главы Вожегодского муниципального района Вологодской области за 2014 г. [Электронный ресурс] / сайт Губернатора Вологодской области. – Режим доступа: http://okuvshinnikov.ru/files/ocenka2015/vozhega_glavy.pdf

7. Социально-экономическое положение по муниципальным районам и городским округам Вологодской области в январе 2015 г.: статистический бюллетень [Текст] / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области, 2015. – 64 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА ВУЗА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Е.Н. Ковалева –
старший преподаватель кафедры
рекламы и дизайна Смоленского
филиала Российского экономического
университета имени Г.В. Плеханова»

В последние десятилетия проблема формирования имиджа как специфического инструмента маркетингового воздействия на основные группы целевых потребителей приобрела особую актуальность для образовательных организаций высшего образования (далее также вузов), которые, руководствуясь едиными требованиями, выдвинутыми государством, предлагают формально схожие стандартизированные услуги как в сфере образования и воспитания, так и в области научных исследований и учебно-методических продуктов. Факторы внешней среды, в частности, демографический кризис и необходимость освоения новых рынков, побуждают вузы искать варианты особого позиционирования, основой которого является формирование определенного образа организации в восприятии целевых групп. Сильный, позитивный имидж способен повысить ценность оказываемых услуг, поэтому рассматривается как фактор, формирующий репутацию и тем самым влияющий на принятие стейкхолдерами решения относительно вступления в ресурсный обмен с вузом.

Под имиджем организации будем понимать образ организации, сложившийся в результате планируемой интеракции субъекта формирования имиджа на основе управляемых знаковых систем, предъявляемых при помощи различных маркетинговых инструментов стейкхолдерам организации. Имидж является основой формирования репутации. По аналогии с идентичностью имидж может быть подразделен на корпоративный и организационный имиджи, первый из которых формируется у внешних, а второй – у внутренних стейкхолдеров организации.

В системе маркетинга имидж выступает в двух ролях:

- является неотъемлемой частью всего комплекса маркетинга, являясь «видимой», представляемой внутренним и внешним целевыми группами холистической оболочкой каждого элемента комплекса маркетинга;

- выступает как самостоятельный объект маркетинговой деятельности. Данное утверждение особенно актуально для некоммерческих организаций, целью деятельности которых является достижение социального, а не экономического эффекта.

В настоящее время формирование имиджа российских вузов с большей или меньшей степенью осознанности и целенаправленности ведется на следующих уровнях, внутри которых могут быть выделены отдельные составляющие (рис. 1).

Рис. 1. Формирование имиджа вуза в его современном состоянии

Особый интерес представляет уровень формирования имиджа, складывающийся у стейкхолдеров региона. Сложность процесса формирования имиджа образовательной организации высшего образования на данном уровне обусловлена следующими факторами:

- специфика федерализации России, предполагающая сильную централизацию и федеральное подчинение большого числа вузов, находящихся в регионе, в связи с чем отсутствует возможность системного контроля за деятельностью этой части вузов на уровне субъекта федерации;
- отсутствие в системе критериев оценки эффективности деятельности вузов значимых показателей взаимодействия с региональным бизнес-сообществом;
- преимущественно формальный характер взаимодействия вузов и работодателей;
- отсутствие нормативно закрепленного механизма воздействия со стороны Совета ректоров региональных вузов за деятельностью образовательных организаций высшего образования на региональном уровне;
- минимальный уровень коопетиции вузов региона;
- отсутствие действенных механизмов взаимодействия профессионального сообщества для решения важных отраслевых задач: формирования рационального спроса на образовательные услуги,

регулирования плана набора, обеспечение качества предоставляемых образовательных услуг и научных продуктов, отсутствие системы экспертной деятельности, отраслевого взаимодействия в части ПР-активности.

В настоящее время данный уровень реализуется при помощи следующих механизмов:

- *взаимодействие бизнеса и вузов в сфере образовательной и научной деятельности*, которое с 2015 г. имеет нормативную регламентацию – Постановление Правительства РФ от 10.02.2014 N 92 [1]. Однако данный нормативный акт регулирует только взаимодействие объединений работодателей и федеральных органов власти, не затрагивая региональный уровень;

- *освещение событийных мероприятий в СМИ* различных мероприятий, участия представителей работодателей в образовательном процессе, заказах научных исследований и разработок, совместной экспертной деятельности и т.д.

В целях выявления взаимодействия региональных вузов с бизнес-сообществом и работодателями был проведен контент-анализ официальных интернет-сайтов вузов Смоленской области. Из 32 вузов методом неслучайной выборки были отобраны вузы и филиалы, успешно прошедшие мониторинг эффективности за 2014 год (четыре и более выполненных критерия). Результаты проведенного исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1

Освещение кооперационных отношений с региональными организациями-партнерами вузов Смоленской области (на основании данных контент-анализа официальных сайтов вузов)

Исследованные вузы	Наличие в структуре сайта легкоступной закладки «Партнеры»	Статьи, пресс-релизы о взаимодействии с работодателями (за последние 3 месяца), ед.	Описание реализованных совместных научных и исследовательских проектов (за последние 3 года), ед.	Наличие информации о составах экзаменационных комиссий на государст-венных экзаменах и информации об их прохождении
Вуз 1	-	1	-	-
Вуз 2	+	0	-	-
Вуз 3	-	2	-	-
Вуз 4	-	0	-	-
Вуз 5	-	0	-	-
Вуз 6	-	0	-	-
Вуз 7	+	1	-	-
Вуз 8	-	0	-	-
Вуз 9	-	0	-	-
Вуз 10	-	0	-	-

Как видно из данных, приведенных в таблице 3, ведущие вузы региона не проявляют видимой активности в отношении визуализации кооперационных отношений с региональными организациями-работодателями. Несмотря на то, что по итогам мониторинга представленные в выборке вузы представили данные о том, что имеют договорные отношения на подготовку специалистов и предоставление мест практики в совокупности с 1141 предприятием и организацией региона, фактическая информация о результатах взаимодействия в образовательной и/или научной сфере с ними отсутствует. Не представлена информация о деятельности государственных экзаменационных комиссий, об их составе и результатах работы, внедренных в практическую деятельность выпускных квалификационных работах, мнении специалистов-практиков об уровне подготовки выпускников. На сайтах десяти организаций, упомянутых вузами в качестве партнеров, не представлена информация о взаимодействии с вузами. Приведенные факты говорят, как минимум, о нежелании вузов представлять подобную информацию или об отсутствии фактически налаженных, а не декларируемых партнерских отношений.

Подобная ситуация складывается и в отношении работы Совета ректоров региональных вузов. Так, деятельность Совета ректоров вузов Смоленской области отражена только на отдельной вкладке Смоленского государственного университета, за 2014-2015 годы имеются два кратких пресс-релиза о заседаниях совета. У общественности нет доступа к информации об Уставе, принципах и направлениях работы, составе, регламенте заседаний данного совещательного органа. Деятельность Совета, в отличие от подобных структур в зарубежных странах, не носит публичный характер, отсутствует возможность доступа на заседания, в свободном доступе отсутствует план работы и отчеты о деятельности данного органа. Данные факты не способствуют формированию позитивного имиджа региональной системы образования как открытой, доступной и ориентированной на консолидацию системы образования региона в целях устойчивого развития.

Исходные возможности формирования имиджа на данном уровне также можно диагностировать по степени освещённости деятельности вузов в региональных СМИ. Было проанализировано 3 наиболее популярных в Смоленске и области новостных Интернет-ресурса – интернет-версия журнала «О чем говорит Смоленск», интернет-порталы Смолньюс и Реадовка. Результаты проведенного за период с июля 2014 по июль 2015 г. контент-анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты контент-анализа новостных интернет-изданий Смоленской области

Параметры оценивания	О чем говорит Смоленск [2]	Смольнюс [3]	Реадовка [4]
Общее количество упоминаний о деятельности вузов	27	61	22
Контекст упоминания:			
Проблемы коррупции	6	1	2
Проблемы коммунальной сферы	2	1	
Закрытие и реорганизация вузов, лишение лицензии	1	1	5
Сотрудничество с другими вузами	2	11	0
Освещение результатов мониторинга эффективности	2	3	3
Событийные мероприятия (визит статусной персоны, проведение презентаций на базе вузов и др.)	14	30	11
Вуз-организатор крупных мероприятий (конференции, проекты)	0	12	0
Совместные проекты бизнеса и вузов, значимые социальные проекты	0	1	0
Интервью первых лиц вузов	0	1	1

Представленные в таблице 4 данные позволяют утверждать, что освещение в СМИ деятельности региональных вузов носит спорадический характер, в значительной мере отражая негативные стороны (коррупция, проблемы в коммунальной сфере, закрытие вузов, лишение лицензии и приостановка приема) и событийные мероприятия, в которых вузы выступают в роли предоставляющих помещения для различных презентаций, выступлений значимых персон, проведения мероприятий невысокой значимости для региона. Только одно упоминание за год касается взаимодействия бизнеса и вуза – строительство фармацевтического центра, который в дальнейшем планируется использовать как базу практики для Смоленского государственного медицинского университета. Реальные результаты взаимодействия работодателей и вузов в новостном интернет-пространстве более никак не отражены, так же, как и деятельность регионального Совета ректоров.

Таким образом, имидж вуза на уровне региона в настоящее время складывается несистемно, что делает необходимым совершенствование мероприятий прежде всего по информированию стейкхолдеров о длительности вузов как первого этапа формирования позитивного образа и репутации образовательных организаций высшего образования.

Проведенные исследования позволяют сделать вывод о необходимости применения следующих инструментов, способствующих формированию позитивного имиджа вузов на региональном уровне:

- формирование критериев эффективности с учетом вклада вузов в региональное устойчивое развитие;
- изменение формата Совета ректоров региональных вузов – привлечение в состав представителей ведущих предприятий и организаций региона/области;
- нормативное закрепление полномочий и ответственности Совета ректоров региональных вузов;
- консолидированный план ПР-активности Совета ректоров региональных вузов.

Список литературы:

1. Постановление Правительства РФ от 10.02.2014 N 92 «Об утверждении Правил участия объединений работодателей в мониторинге и прогнозировании потребностей экономики в квалифицированных кадрах, а также в разработке и реализации государственной политики в области среднего профессионального образования и высшего образования»
2. Официальный сайт О чем говорит Смоленск http://smolensk-i.ru/
3. Официальный сайт Смольнюс http://www.smolnews.ru/
4. Официальный сайт Реадовка http://readovka.ru/

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МНЕНИЙ ЖИТЕЛЕЙ УРФО ОБ ИЗМЕНЕНИИ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА РОССИЯН

К.К. Койше –
д. филол.н., профессор
кафедры социологии
Тюменского государственного
нефтегазового университета

В целях изучения общественного мнения о развитии системы пенсионного обеспечения граждан и о возможном изменении пенсионного возраста россиян в 2012 и в 2013 гг. среди жителей Уральского Федерального округа под руководством профессора Н.Г. Хайруллиной были проведены анкетные опросы. Рассмотрим некоторые результаты исследования. Пенсионное обеспечение является социальной гарантией для граждан любого цивилизованного государства. Известно, что уровень пенсионного обеспечения оказывает влияние на продолжительность жизни и образ жизни пожилых людей, их участие в различных сферах жизнедеятельности общества. Одновременно, считают Белоножко М.Л., Барбаков О.М., Хайруллина Н.Г., Беринцева И. Н., Кирсанов К.В., Баранова К.Л., повышается и социальная ответственность государства за принимаемые в пенсионной сфере решения и требует анализа всех сторон жизни лиц пожилого возраста [1].

На вопрос «Какие проблемы Вас беспокоят в большей степени?» участникам анкетного опроса разрешалось выбрать пять наиболее острых проблем. Перечислим в порядке убывания значимости. В 2013 г. респонденты назвали следующие проблемы: наркомания – 41,1%; повышение тарифов ЖКХ – 34,9%; дороговизна жизни – 44,7%; дороговизна жизни – 34,7%; алкоголизм – 33,7%; произвол чиновников – 32,1% [2].

Вскрытая Хайруллиной Н.Г., Барановой К.Л. неудовлетворенность респондентами социальными проблемами подтвердилась и при ответе на вопрос об ограничениях, которые они испытывают в повседневной жизни (табл.) [2].

Таблица

Ответы респондентов на вопрос об испытываемых ограничениях, в % к общему числу ответивших

Ограничения	Периодичность							
	Постоянно		Изредка		Никогда		Затрудняюсь ответить	
	2012	2013	2012	2013	2012	2013	2012	2013
В продуктах питания	4,0	7,0	37,1	26,2	53,3	56,4	6,6	10,3
В отдыхе	39,5	26,0	47,8	44,7	5,7	18,5	7,0	10,8
В одежде	10,4	7,3	61,7	35,6	22,1	46,6	5,8	10,6
В потреблении электричества	3,4	4,2	16,8	13,8	73,2	70,7	6,7	11,3
В поездках на транспорте	6,0	7,0	28,0	26,7	59,3	53,2	6,7	13,2
В медицинском обслуживании	12,0	9,6	40,0	23,9	40,0	54,6	8,0	11,9
В лекарствах	9,8	7,3	30,1	22,2	53,6	58,5	6,5	12,0
В ремонте жилья	28,4	16,9	43,9	33,3	14,8	32,8	12,9	17,1
В посещениях театра	23,8	15,9	39,1	34,4	23,8	37,9	13,3	11,7
В газетах	11,3	10,1	14,7	15,2	59,3	54,8	14,7	19,9

Как видим, постоянно испытывать ограничения респондентам приходится в отдыхе (39,5% опрошенных), в ремонте жилья (28,4%), в посещениях театра, кино (23,8%). Никогда не испытывают ограничения в потреблении электричества 73,2% респондентов, в газетах (59,3%), в лекарствах (53,6%) и продуктах питания (53,3%) [3].

На вопрос «Интересуются ли респонденты основными направлениями реформирования социальной системы?», три четверти участников анкетного опроса (72,5%) ответили утвердительно («да»). Противоположное мнение («нет» и «никогда») высказал каждый шестой участников опроса (13,5 и 1,9% соответственно), чуть меньшее число опрошенных (12,2%) затруднились ответить на поставленный вопрос.

Три четверти участников анкетного опроса (73,9%) в 2012 г. полагали, что социальная система в регионе отражает интересы отдельных социальных групп, каждый шестой респондент считает, что она отражает интересы всего регионального сообщества, Только 3,8% респондентов полагают, что социальная система в регионе отражает интересы каждого отдельного индивида.

Следующий вопрос данного блока анкеты позволил Хайруллиной Н.Г., Барановой К.Л. определить основные проблемы реформирования социальной системы в государстве. Приведем шесть наиболее актуальных: уровень заработной платы – 67,1%; уровень развития системы здравоохранения – 42,2%; уровень обеспеченности жильем – 32,9%; уровень развития пенсионной системы – 28,0%; уровень развития ЖКХ – 24,8%; уровень безработицы – 22,4% [4].

Насколько удовлетворены респонденты реализуемыми приоритетными направлениями развития социальной политики в регионе? На данный вопрос один из четырех участников анкетного опроса в 2012 г. ответил положительно (1,9% полностью удовлетворен, 23,9% – удовлетворен в целом). Одновременно почти половина опрошенных (44,7%) выразили неудовлетворенность уровнем реализации приоритетных направлений развития социальной политики в регионе. При этом около трети участников опроса (29,2%) затруднились ответить на поставленный вопрос.

Определенный интерес представляют в этой связи ответы на данный вопрос экспертов и респондентов. Так, чуть более трети опрошенных экспертов удовлетворены в целом уровнем реализации приоритетных направлений развития социальной политики в регионе, среди респондентов таких только 25,7%.

К курсу социально-политических реформ, проводимых сегодня руководством государства, чуть более трети участников анкетного опроса (35,2%) относятся положительно. Чуть меньшее число респондентов (31,4%) придерживаются противоположного мнения (отрицательно). При этом каждый десятый (13,2%) к курсу социально-политических реформ, проводимых сегодня руководством государства, относится безразлично, а каждый пятый (20,1%) затруднился ответить на поставленный вопрос [5].

Анализ ответов участников анкетного опроса и экспертов на данный вопрос показал, что каждый второй эксперт положительно относится к курсу социально-политических реформ, проводимых государством. Среди респондентов, высказавших такую позицию, в два раза меньше. Каждый третий респондент отрицательно относится к курсу социально-политических реформ, проводимых государством. Для сравнения, среди экспертов таких только 21,1%.

Следующий блок затрагивал вопросы так или иначе, связанные с пенсионной системой государства. В первом вопросе данного блока анкеты респондентам предлагалось из перечисленных трех суждений о пенсионной системе выбрать одно, с которым они согласны в большей степени. В ходе анализа мы выяснили, что только один из двадцати участников опроса (5,6%) удовлетворен пенсионной системой нашей страны. Каждый второй (49,7%) считает, что в пенсионной системе нашей страны много недостатков, но их можно устранить путем постепенных реформ. Чуть более трети опрошенных

(37,1%) ответили, что их не устраивает пенсионная система нашей страны, ее необходимо радикально изменить [6].

Далее респонденты охарактеризовали изменения, произошедшие в пенсионной системе области за последние 5 лет. По мнению трети опрошенных (33,3%) ситуация улучшилась. Примерно такое же число респондентов (30,8%) ответили, что ситуация не изменилась. Каждый десятый (11,9%) полагает, что она стала более тяжелой и примерно в два раза большее число участников опроса (20,7%) затруднились ответить на данный вопрос.

Далее рассмотрим ответы на тот блок вопросов анкеты, которые непосредственно связаны с изменением возраста выхода на пенсию россиян, Так, на вопрос «Несмотря на то, что В.В.Путин отрицательно относится к изменению пенсионного возраста, как Вы относитесь к возможному изменению пенсионного возраста?» Анализ ответов показал, что три четверти респондентов (76,9%) к изменению пенсионного возраста относятся отрицательно, противоположное мнение (положительно) высказали в пять раз меньшее число участников анкетного опроса (14,4%), При этом только 6,2% опрошенных затруднились ответить на поставленный вопрос.

Несмотря на то, что большинство респондентов отрицательно относятся к возможному изменению пенсионного возраста, каждый третий участник анкетного опроса считает, что в России реально изменить возраст выхода на пенсию. Исходя из ответов на следующий вопрос выявлено, что три четверти респондентов (74,4%) полагают, что изменение пенсионного возраста не будет отвечать интересам населения.

Кто же заинтересован в изменении пенсионного возраста россиян? Ответы участников анкетного опроса представлены в прядке убывания значимости: федеральный центр – 57,3%; представители финансовых групп – 16,6%; руководители федеральных округов – 10,2%; граждане федеральных округов – 7,6%; представители промышленных групп и кругов – 5,1% [1].

В некоторых странах возраст выхода на пенсию у мужчин и женщин одинаковый. Нам интересно было узнать, возможно ли уравнять возраст выхода на пенсию у мужчин и женщин в России? Анализ ответов показал, что чуть более половины участников анкетного опроса (60,6%) полагают, что в России это невозможно, При этом четверть опрошенных (26,9%) высказали противоположное мнение (возможно), одновременно 12,5% респондентов затруднились ответить на поставленный вопрос [2].

В ходе анализа ответов участников анкетного пороса мы выяснили, что изменение пенсионного возраста приведет больше к отрицательному результату, чем к положительному (66,5 и 10,8% соответственно). При этом каждый десятый респондент высказал мнение, что никакого результата не произойдет, и такое же число опрошенных затруднились ответить на вопрос.

Респондентам, положительно ответившим на поставленный вопрос, предлагалось определить, в чем это выразится, Ниже представлены ответы

респондентов в порядке убывания их значимости: улучшится экономическое положение страны – 25,0%; улучшатся перспективы карьерного роста – 19,2%; снизится противоречие между поколениями – 15,0%; продлится молодость – 12,5%; повысится уровень жизни – 12,5%; увеличится продолжительность жизни – 9,2%; другом – 6,7%,

Респондентам, отрицательно ответившим на поставленный вопрос, также предлагалось определить, в чем это выразится, Ниже представлены ответы респондентов: многие не доживут до пенсии – 24,6%; увеличатся расходы на поддержание здоровья – 10,6%; ухудшится состояние здоровья – 20,9%; обострится социальная напряженность – 11,2%; снизится продолжительность жизни – 10,0%; уменьшится время на общение с детьми – 8,9%; снизится уровень жизни – 7,5%; снизятся доходы – 3,2%; обострится противоречие между поколениями – 2,3%; уменьшится время на саморазвитие – 0,9% [3].

Таковы предварительные результаты анализа ответов респондентов и экспертов, полученные в ходе опроса в четырех областях Уральского Федерального округа региональными социологами. Мониторинговые исследования следует проводить и в дальнейшем, поскольку вопрос повышения возраста выхода на пенсию все чаще становится объектом дискуссий политиков, ученых, бизнесменов, общественности.

Список литературы:

1. Социальное обеспечение россиян: теория и практика [Текст] / Белоножко М.Л., Барбаков О.М., Хайруллина Н.Г., Беринцева И. Н., Кирсанов К.В., Баранова К.Л. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2013. – 326 с.

2. Хайруллина Н.Г., Баранова К.Л. Пенсионный возраст россиян: оценки и мнения. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2012. – 100 с.

3. Хайруллина Н.Г. Социальные аспекты устойчивого развития Тюменской области // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2014. № 3(42). С. 74-80.

4. Хайруллина Н.Г. Пенсионный возраст: оценки и мнения россиян / В сборнике: «Инновации в управлении региональным и отраслевым развитием» материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. /Отв. ред. В.В. Пленкина. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2012. – С. 257-261.

5. Хайруллина Н.Г., Пяльченков В.А. Международные и внутрирегиональные предпосылки формирования рынка труда (на примере Тюменской области) //Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. С. 642.

6. Hairullina N.G. The economic policy in the field of pension security of Russian citizens //International Journal of Advanced Studies. 2013. Т. 3. № 2. С. 23-33.

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ: ОТДЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ МОНИТОРИНГОВОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

О.Н. Колесникова –
к.социол.н., доцент,
декан факультета социологии
Алтайского государственного
университета

Изучение социального самочувствия населения как обобщенной эмоционально – оценочной реакции на социальные изменения и свое положение в обществе – актуальная проблема на современном этапе развития российского общества. Задача в рамках поставленной проблемы состояла в возможности получить эмпирическими социологическими методами данные о социальной ситуации в регионе, о результатах проводимых социальных реформ, об изменениях основных показателей социального самочувствия населения. Исследование проведено на факультете социологии Алтайского государственного университета в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ по теме «Мониторинг социального самочувствия и безопасность населения Алтайского края». *Эмпирические данные* проанализированы по основным критериям социального самочувствия и безопасности населения Алтайского края: общая характеристика населения, его социальные особенности, уровень и качество жизни, протестная активность населения, эффективность государственного регулирования и самоуправления в социальной сфере региона и др. Это позволило провести сравнение с результатами, полученными в ходе предыдущих исследований по проекту: «Социокультурный портрет Алтайский края: специфика приграничного агропромышленного региона России» (грант РГНФ 2010 г.). Целью проведенного исследования был анализ динамики (2010-2014 гг.) основных параметров социального самочувствия и безопасности населения Алтайского края, на основе которого получена современная информация о процессах, протекающих в экономике и социальной сфере, а также о складывающейся социальной ситуации в регионе, проблемах и перспективах развития. Методики и техники мониторингового социологического исследования включали: анкетный опрос, экспертный опрос, контент-анализ СМИ и основаны на разработанном чл.-корр. РАН Н.И. Лапиным антропосоциетальный подход, а также концепции и методы многомерного анализа социального расслоения российского общества, созданные д.с.н., профессором Л.А. Беляевой. Антропосоциетальный подход предполагает понимание общества как социокультурной системы, порождаемой разнонаправленной деятельностью людей. Антропосоциетальная система изучается как взаимосвязь трех

главных компонентов: индивидов, культуры и социальности. В общем плане, социокультурное пространство есть взаимосвязь культуры и социальных отношений, локализованная территорией проживания их субъектов (индивидов, социальных групп, этносов, территориальных общностей) и выражающая особенности данного этапа их истории [3].

Что касается социального самочувствия, то философы, психологи, политологи рассматривают его как составную часть образа жизни, нравственное состояние общества в их конкретно-исторической определенности и обусловленности спецификой переживаемого периода существования. Важность социологического подхода в том, что он улавливает основу, на которой формируется социальное самочувствие, т.е. результат субъективного отражения в сознании социума объективных условий его жизни. При этом социальное самочувствие соотносится не просто с чувствами, а именно с социальными чувствами. В рамках социологического подхода социальное самочувствие характеризуется как «относительно устойчивая эмоциональная реакция субъекта на воздействие социальной среды и условий его жизнедеятельности». Оно выступает «результатом осознания и переживания человеком смысла и значимости различных сторон жизни, вырастает из непосредственных условий бытия человека, определяющих степень удовлетворения его многообразных потребностей, возможностей развертывания индивидуальной жизни, самоутверждения, самореализации» [4]. Социальное самочувствие, таким образом, определяется как интегральная характеристика удовлетворенности/неудовлетворенности человека своим положением, как индикатор его настроений и ориентаций. Важным в данном определении является то, что это в большей степени субъективный показатель. Социологическая наука рассматривает социальное самочувствие как сложную форму достаточно устойчивого целевого социально-психологического состояния, возникающего у человека или группы людей под влиянием объективных обстоятельств их жизнедеятельности в обществе. Это состояние является тонким индикатором социального бытия людей, показывает удовлетворенность ими, своим положением, своей жизнью, отражает их уверенность или неуверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне. Роль социального самочувствия сказывается в поведении человека, как регулятора поведения выражаясь в различных формах активности / пассивности личности.

В связи с отсутствием единого методологического подхода к изучению социального самочувствия мы основывались в своем исследовании на определении Н.И. Лапина, согласно которому социальное самочувствие населения основывается на *защищённости от опасностей, удовлетворённости жизнью и социальном оптимизме* [3]. Во-первых, общую картину социального настроения, самочувствия населения показывают ***оценки степени личной защищенности от существующих угроз и опасностей***. По результатам исследования 2010 г. выявлено, что в рейтинге опасностей, волнующих

разные группы населения, социально-экономические проблемы занимают лидирующие позиции: на первом месте стояли проблемы бедности, от которых население чувствует себя наиболее незащищенным, и которые осознаются ими как проблемы особой важности, порождающие клубок новых проблем. Во-вторых, это преступность. На третьей позиции – экологические угрозы. Высоко, на четвертой позиции, стоит проблема произвола чиновников и правоохранительных органов. Пятерку вызовов защищенности населения замыкают их опасения потерять работу. Далее идут проблемы одиночества и заброшенности; притеснения из-за возраста или пола; преследования за политические убеждения; религиозные; ущемления по национальному признаку. В целом, серьезных расхождений в ранжировании существующих угроз и опасностей в 2014 г. не наблюдается, за исключением опасности потерять работу, которая поднялась с пятого на второе место. Экспертами в большей степени отмечено несоблюдение права равенства всех перед законом; право безопасности и защиты личности; свобода объединений, групп, союзов. Все остальные права и свободы отметили эксперты, в регионе соблюдаются. Из представленных результатов проведенного контент-анализа явственно следует приоритет внимания региональных журналистов к социальной проблематике, выделенной и в экспертном опросе. Это экономические проблемы, коррупция и преступность, качество здравоохранения и образования, сфера ЖКХ и другие важнейшие сферы общественной жизни. Основные проблемы, которые мешают развитию края, по мнению экспертов как в 2010, так и в 2013г.: бедность, низкий уровень жизни; рост цен; безработица, низкие социальные гарантии государства (маленький размер пенсий, пособий), жилищные проблемы, алкоголизм, наркомания, падение нравственности. Эти проблемы можно отнести к хроническим для края и типичным для многих регионов России.

Вторым важным критерием оценки социального самочувствия населения является, по определению Н.И. Лапина, это оценка ***степени удовлетворенности жизнью*** [3]. Понятие удовлетворенности жизнью является комплексным и многослойным и отражает общую субъективную оценку респондентом своей жизни в целом, ее качества и перспектив. Нас интересовал вопрос о том, насколько респонденты удовлетворены своей жизнью в целом. Результаты, полученные в исследованиях 2010г. и 2014г. оказались примерно одинаковыми: четвертая часть населения ответила отрицательно на этот вопрос. Применительно к удовлетворенности жизнью в своем регионе основным показателем стало – в целом довольны, но многое не устраивает, хотя покидать родные места не желают. В связи с этим респондентам было предложено выделить особенности Алтайского края, его привлекательные и непривлекательные черты. Результаты исследования в 2014г. выглядят следующим образом: *привлекательные черты* – это красивая природа – 83%; добрые, душевные люди -31%; регион, перспективный для жизни- 14,3%; здесь

много возможностей для инициативных людей – 11,3%; приграничный регион, позволяющий вести активный образ жизни -16,3%; *непривлекательные черты:* бедный регион, с низким уровнем жизни -47%; суровый климат -26,8%; здесь жизнь заглохла – 24,5%; здесь не любят инициативу -14%; неприветливые люди -13%. В годы реформ в Алтайском крае, как и в других регионах России и Сибири, происходило качественное изменение характера и динамики процессов в сфере доходов и уровня жизни населения. В связи этим интерес представляют полученные результаты об оценках населения материального положения. По результатам массового опроса населения Алтайского края в как в 2010 г. так и 2014 г. подавляющее большинство респондентов оценили свое материальное положение как среднее. Есть небольшая положительная динамика тех, кто отнес себя к людям бедным (их количество уменьшилось) и к зажиточным, богатым (увеличение количества). Интересны оценки экспертов социально-экономического положения населения в крае. Так, они считают, что среди других регионов страны наш край по уровню развития человеческого потенциала, т.е. доходов, образования, продолжительности жизни населения находится на уровне ниже среднего. Хотя более половины экспертов отмечают, что ситуация за последние годы стала «пожалуй немного лучше». Отмечая проблемы, мешающие развитию нашего региона, респонденты говорят и о путях разрешения таких трудностей. Среди наиболее эффективных мер по преодолению проблемы региона опрошенные назвали следующие: создавать новые рабочие места; улучшить медицинское обслуживание; быстрее строить новые дороги; навести порядок, бороться с криминалом, коррупцией; развивать малый и средний бизнес. Видим, что предложенные меры напрямую связаны с выделенными в массовом опросе социальными проблемами населения Алтайского края.

Третий важный показатель социального самочувствия – это ***уровень социального оптимизма.*** Проведенное исследование показало приоритет положительных оценок жизни опрошенными респондентами. Так, в 2014 г. 54% опрошенных «полностью удовлетворены» и «скорее удовлетворены» своей жизнью в целом. Полностью неудовлетворенных и частично не удовлетворенных жизнью оказалось меньше – 4,6% и 21,7% соответственно. Указанные результаты исследования свидетельствуют о росте субъективной удовлетворенности своей жизнью населения Алтайского края. При проведении аналогичного исследования в 2010 году было выявлено 47% удовлетворенных респондентов и 34% неудовлетворенных своей жизнью опрошенных жителей края. Общую картину социального оптимизма, самочувствия населения края дополняют оценки ретроспективы и перспективы. Около трети респондентов отмечают улучшение и пятая часть опрошенных ухудшение материального положения своей семьи за последние 12 месяцев. Молодежь в целом дает более оптимистичные оценки ретроспективы, по сравнению с другими группами. Сельские жители оказались более оптимистичны в своих оценках: более трети

опрошенных отметили улучшение материального положения их семьи за последнее время. Эти оценки заметно лучше оценок городских групп населения: в данной категории больше семей, чье положение, по их собственному мнению, ухудшилось. Такая разница в пользу села объясняется скорее особенностями субъективного восприятия селянами происходящих изменений, тогда как горожане обычно более критично настроены. Оценивая перспективы жизни своей семьи, респонденты оказались более оптимистичными. Лишь 6,3% опрошенных оценивают будущую жизнь в негативном ключе, они считают, что они сами и их семья будет жить хуже, чем сейчас. Оптимисты составили 34,8% респондентов; 40,3% респондентов посчитали, что для их семей ничего в корне измениться. Последняя цифра косвенно указывает на определенный уровень стабильности общественной жизни [1].

Полученные сравнительные результаты мониторингового исследования свидетельствуют о том, что позитивная динамика материального положения населения является важным индикатором улучшения его социального самочувствия, настроения, оптимизма, которые в свою очередь объективно выступают показателями изменения уровня благополучия, социальной стабильности, степени удовлетворенности граждан общественным и экономическим положением, ростом социального самочувствия и безопасности не только в регионе, но и в стране в целом.

Список литературы:

1. Колесникова, О. Н. Социальное самочувствие как интегральная характеристика жизнедеятельности населения региона: результаты мониторингового исследования / О. Н. Колесникова, В. А. Артюхина, Т. В. Чуканова // Вестник алтайской науки. – 2014. – № 1. – С. 115–120.

2. Колесникова, О. Н. Социокультурный портрет Алтайского края: специфика приграничного агропромышленного региона России / О. Н. Колесникова // Наука – Алтайскому краю: сб. науч. ст. – Барнаул : Алтайский дом печати, 2010. – Вып. 4. – С. 158–167.

3. Лапин, Н. И. Подход к социокультурной типологии регионов // Социокультурные портреты регионов России: Опыт комплексной реализации: сб. материалов IV Всерос. науч-практ. конф. 18–22 сентября 2008 г., Чебоксары. – Чебоксары : ЧГИГН, 2008. – С. 11.

4. Лепешкин, Н. Я. Социальное самочувствие населения на современном этапе трансформации российского общества: Региональный аспект : автореф. …дис. докт. соц.. наук : 22.00.04 / Н. Я. Лепешкин // Электронная библиотека диссертаций [Электронный ресурс]. – Электр. дан. – Режим доступа : http://www.dissercart.com/content/sotsialnoe-samochuvstvie-naselen. – Загл. с экрана (дата обращения 17.07.2013).

5. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы / под ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. – М., 2006. – 275 с.

ЭЙДЖИЗМ В ПРАКТИКАХ МЕДИЦИНСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ: ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Л.В. Колпина –
к.социол.н., доцент
Белгородского государственного
университета

Ухудшение состояния здоровья старших возрастных групп – очевидный факт. Это обстоятельство сильнее, чем во всех остальных возрастных категориях, определяет характеристики жизнедеятельности и качество жизни престарелого населения. По данным глобального исследования «Индекс качества жизни пожилых людей» (The Global Age Wath Index, 2013г.) [1], Россия занимает 78 место. Этим обусловлена высокая зависимость качества жизни пожилых людей от эффективности социального и медицинского обслуживания, в то время, как эйджистские установки и практики в деятельности медицинских и социальных работников выступают этому серьезным препятствием.

Эйджизм представляет собой процесс систематической стереотипизации, предвзятое отношение, а также прямая или косвенная дискриминация людей старших возрастных групп по причине их пожилого возраста. [2; 234-246] В отношении лиц пожилого возраста данное явление обозначается как геронтологический эйджизм.

Эйджизм – это, прежде всего, социокультурое явление, поскольку явные и латентные дискриминационные общественные практики, и на институциональном, и на бытовом уровнях, имеют в качестве своей основы стереотипы относительно старения и пожилых людей, существующие в общественном сознании. В тоже время нельзя отрицать и индивидуальную обусловленность эйджизма, связанную с личным негативным опытом взаимодействия субъекта с пожилыми людьми и его генерализацией на всю данную возрастную группу, со спецификой социализации субъекта (негативное отношение к пожилым в семье), а также – с вытесняемым на периферию сознания страхом старости, смерти, с которыми ассоциируется пожилой возраст, и компенсаторно реализующимся в негативе относительно пожилого возраста и его «носителей».

С целью осуществления скрининга проявлений эйджизма в деятельности медицинских и социальных работников, нами было реализовано исследование, включившее в себя: анкетирование врачей, медицинских сестер и социальных работников Белгородской области, работающих с населением пожилого и старческого возраста (2014 г., N=207 человек), проведение 4 фокус-групп с той же категорией (2014 г.), а также анкетирование пациентов и клиентов

учреждений здравоохранения и социальной защиты в возрасте 60 лет и старше (2014 г., N= 118 человек).

Исследование позволяет утверждать, что социальным и медицинским работникам свойственны эйджистские проявления в той же мере, что и населению в целом. Об этом можно судить исходя из данных, согласно которым 62,3% опрошенным специалистам в профессиональной деятельности с той или иной частотой приходилось сталкиваться с ситуациями пренебрежительного отношения к пожилым людям. И хотя в ответах преобладал вариант «иногда приходилось» (44,9%), что свидетельствует об ограниченной распространенности этого явления, тем не менее, только треть участников указала на то, что с такими практиками никогда не встречалась. С такими значениями, в целом, согласуются ответы пожилых людей. С утверждением, что пожилые люди в России в той или иной мере относятся к ущемляемой в правах, к дискриминируемой группе, в сумме согласились 58,5% респондентов (в полной мере – 16,1%, и еще 42,4% – отчасти), а категорически не согласились 23,7%.

Каковы же проявления эйджизма? Обзор научной литературы позволяют говорить, что эйджизм в практиках медицинского и социального обслуживания проявляется:

- в неэтичном поведении и оценочных суждениях со стороны медицинских и социальных работников о качестве или ценности жизни людей старших поколений;
- в недостаточном внимании к специфическим нуждам пожилых людей как на уровне национальной политики, так и в практиках социального и медицинского обслуживания;
- в низкой доступности для пожилых ряда услуг в этих сферах в силу, во-первых, официально или полуофициально декларируемых «верхних» возрастных ограничениях на те или иные процедуры, программы, услуги, реализуемые учреждениями здравоохранения и социальной защиты, во-вторых, обстоятельств, которые для них без посторонней помощи сложно преодолимы;
- во влиянии возрастных стереотипов на постановку диагнозов и принятие решений относительно схем лечения пожилых пациентов;
- в невнимании к жалобам, просьбам и потребностям пожилых людей, пренебрежении этическими аспектами работы с ними в силу представления о них как о вздорных, сварливых, незащищенных, инфантильных и т.д;
- в «инфантилизирующем» поведении (речь идет о таких явлениях, как покровительственный язык, отношение к пожилым людям, и «детский лепет» (baby talk) – упрощенный тип речи с высоким тоном и преувеличенными интонациями, который часто используется для общения с детьми, домашними животными. Пожилые люди неоднозначно реагируют на такое обращение. Одни исследователи считают, что часть из них положительно относятся к такой форме общения, даже чувствуют себя лучше, другие полагают, что пожилых

это возмущает, они с неприязнью относятся к людям, которые таким образом разговаривают с ними.

Результаты фокус-групповых интервью, проведенных в Белгородской области с социальными и медицинскими работниками, показали, что основные эйджистские проявления в сфере здравоохранения и социальной защиты таковы: пожилые люди вызывают «скорую помощь», но врачи со скорой помощи отказываются их госпитализировать, мотивируя это их старостью, «оказывают помощь на месте и оставляют ”долеживать”», либо скорая помощь, узнав возраст, вообще не выезжает. – «Скорую» вызывала – 70 лет человеку. А мне говорят: «Пусть вечером позвонят и подтвердят, действительно ли нужна «скорая». «…А Корочанская «скорая» вообще не приезжает после 70 лет. Врач спрашивает мужчину [больного], какой у него возраст. Отвечает, что 70. Это было 11 часов вечера. Бедный дед бегает, не знает что делать, а «скорая» так и не выехала».

Во многом, эйджистские проявления есть результат незащищенности пожилых людей и безнаказанности врачей. – «Врач, которая работает на «скорой». Вот она возвращается, а мы спрашиваем: ну как, все прошло? А она: представляете, вот приезжаем, а они свою жизнь угробили и говорят, чтоб я им прям помощь выказывала». «Если человек одинокий вызывает врача, то тот говорит: «А кто по ним плакать будет? Чего мне спешить?». Пожилых людей легко запугать, обмануть. «Бабушка после инфаркта пошла к доктору неврологу, жалуется ему, что у нее летают мухи перед глазами. А он ей сказал, чтобы она никому не рассказывала, а то поедет на ул. Новую [улица, на которой расположена психиатрическая больница]. И все. Ни лечения не было назначено, ничего». «…Пожилой человек приходит, которому за семьдесят, и говорит: «Вот у меня болит позвоночник… А ему назначают [неоправданно] очень дорогостоящий препарат… Потому что он [пожилой человек] не понимает, что есть варианты..». «В принципе, с пожилыми никто не хочет возиться – возраст… А они [пожилые люди] думают: если дорого, значит, поможет. Пожилые готовы купить дорогое, лишь бы помогло. И их родственники готовы часто на все. К тому же пожилые ещё настаивают, требуя от них: врач сказал, что поможет!».

Множество примеров геронтологического эйджизма приводится работниками интернатов для пожилых людей. «Есть люди, которые не соображают, куда они положили свои деньги и руководство забирает у них эти деньги. У кого 300 р. остается, у кого 500 р. А умирают бабушки, эти деньги исчезают, никто не знает, где они. А если она слабоумной становится и просит соку купить, то просит или не просит – не имеет значения – никто не купит. Все деньги по карманам прячут». «А ещё эти книжки. Когда они сюда переводятся, то у них снимается все с этих книжек – 10, 20, 30 тыс. А ещё был такой случай, когда старичок пропивал свою пенсию, и они [руководители] отбирали у него деньги. А потом к этому дедушке приехал внук, тот ему

сказал, что даст денег, что у него лежит 30 тыс. А директор ему говорит: «Какие у тебя деньги? Я тебе телефон купил, дубленку». А на самом деле она из секонд-хэнда. А он уже больше года прожил и денег у него там немеряно, плюс он ещё за год подсобирал, а в итоге ему сказали, что ничего у него там и нет. А директор же его припугнул, что отправит в специфический интернат закрытого типа, где заключенные присутствуют». «А ещё поставщик, может привезти не очень хорошую крупу, с мошками… и это все равно раздается бабушкам». «Когда приходит бабушка, у неё спрашивают: хочет ли она, чтоб ее хорошо похоронили? И она отдает эти деньги на похороны. В итоге все это по-настоящему проходит бесплатно и нет никаких поминок. Также и с вещами: ничего не покупают, а передают от умерших к живым».

Участники фокус-групп, обсуждая геронтостереотипы, практически единогласны, что наиболее распространенным является убеждение, что болезнь – непременный атрибут старости. «… Когда на прием к врачу приходит пожилой человек и начинает жаловаться на свои «болячки», то в ответ слышит: «А что вы хотите в вашем возрасте?»…и «…ваши ровесники уже там…». Одна из участниц группы добавляет, что «…фраза эта: «У вас уже возраст такой» постоянно звучит». «Я привезла маму в областную больницу с переломом ноги – кость неправильно срослась, на два миллиметра выше, чем надо. В областной больнице доктор сказала: «Сколько вам тут осталось дохромать?». А ей-то 64 года». «Бабушка, когда её привезли. Ей 70 лет. Деформация коленного сустава. Тоже мы приехали к хирургу. На что он сказал: «А что вы хотите в таком возрасте?». Это ее самое первое выражение».

Дополняют эти высказывания ответы на открытый вопрос, в котором специалистам нужно было привести примеры ситуаций предвзятого отношения к пожилым людям, их дискриминации в сфере профессиональной деятельности респондентов. Судя по их ответам, эйджизм проявляется в «нежелании медиков госпитализировать пожилого человека», «нежелании уделить больше времени пожилым (прогулки, беседы)», «в неприязни, пренебрежении, раздражении к ним»; в позиции, согласно которой «не хватает лекарств для лечения молодых, пожилым же – по «остаточному принципу»; или же: «а что вы хотели в вашем-то возрасте?». А причиной эйджизма выступает «физическая непривлекательность…», «неухоженность, неаккуратность пожилых людей», «бескультурье и наглость специалистов», в целом «озлобленность людей, потому что в последнее время они потеряли уверенность в завтрашнем дне и смысл жизни».

В завершение отметим, что, несмотря на то, что исследование выявило широкий спектр эйджистских проявлений в сфере здравоохранения и социальной защиты, однако он далеко не полон. Это обусловлено, во-первых, низкой рефлексией этой проблемы социальными и медицинскими работниками и низким уровнем их геронтологической грамотности, что взаимосвязано. Так, скорее всего такие поведенческие паттерны социальных

и медицинских работников как «детский лепет» и «покровительственное поведение не расцениваются как эйджизм, а, напротив, как «сочувствующее» и, в этом смысле, адекватное поведение. Рефлексия ошибочных диагнозов и «верхних» возрастных ограничений при определении схем лечения затруднена в силу представления о том, что возраст является достаточным показателем для построения прогнозов о течении болезни и возможностях ее излечения. Во-вторых, проблема эйджизма во многом имеет бессознательные корни (как например, вытесняемый из сознания страх смерти, старения, компенсирующийся негативом в отношении пожилых людей). Кроме того, аморальность эйджизма также заставляет ряд работников вытеснять из сознания негативные чувства, эмоции, обусловленные сложностью работы с пожилыми людьми, что непременно сказывается на практике работы. В-третьих, государственный эйджизм, проявляющийся в сферах здравоохранения и социальной защиты в отношении пожилых людей, заставляет воспринимать эйджистские практики как норму. Причем, государственный эйджизм проявляется не только в недостаточном внимании к нуждам пожилых людей, но и в низкой оценке значимости профессий, связанных с работой с пожилыми людьми.

Одновременно с этим отметим, преодоление эйджизма – это вполне посильная задача, о чем свидетельствует не только опыт многих развитых стран. Даже несколько лекций об эйджизме и по социально-психологической специфике работы с пожилыми людьми с включением элементов тренинг, проведенные в рамках курсов повышения квалификации, в частности, в Белгородской области, позволили существенно изменить позицию социальных и медицинских работников в отношении данной проблемы в сторону преодоления негативных героностереотипов и усиления рефлексии паттернов, влекущих за собой эйджизм.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. № 14-03-00624.

Список литературы:

1 . Рейтинг стран мира по показателю качества жизни пожилых людей — информация об исследовании. URL: http://gtmarket.ru/ratings/global-age-wath-index/info (дата обращения: 25.10. 2014)

2. Butler R.N. Age-ism: Another form of bigotry // The Gerontologist. – 1969. Vol. 9. – P. 243-246.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА КАК ЭЛЕМЕНТ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ТЕРРИТОРИИ

Н.А. Костко –
д.социол.н., профессор
Тюменского государственного
нефтегазового университета

В статье представлены результаты анализа имеющихся подходов в определении сущности понятия социального пространства города, его структуры, индикаторов и возможности их использования в практике управления развитием города, оцениваются как предварительные и требуют дальнейшей верификации посредством социологических исследований, которые и проводятся в настоящее время. В данной работе, предложен более развернутый вариант обоснования идеи расширения спектра использования методологии социального проектирования в муниципальном управлении как основание для проведения серии социологических исследований [12; 21].

Города и процессы, происходящие в них, в фокусе внимания ученых, практиков, политиков, активной части населения, что обусловлено стремительностью, масштабностью и не предсказуемостью перемен, происходящих в мире, средоточением и порождением которых, во многом являются города. Город рассматривается как сложная социальная, замкнутая, но не закрытая система (согласно идеям Н.Лумана) [14] со своим набором элементов, отношений и взаимодействий, целей, управленческих моделей развития.

Развитие города ставится в зависимость от его способности создавать средствами управления, условия, активизирующие внутренние факторы и элементы системы, как общего, так и специфического характера. Собственная сложность системы определяется её возможностью к саморазвитию, самоуправлению, гибкости, функциональной полинаправленности, что рассматривается в качестве системного условия высшего порядка. Перспективным видится поиск новых идей в плоскости целеполагания развития города и определения методов управления по активации внутренних элементов города как сложной социальной системы.

По действующим нормам права, города являются муниципальными образованиями, управление которыми, осуществляется в рамках системы местного самоуправления, представляющей собой общественно-политическую форму функционирования города. В границах этой правовой конструкции за муниципальными образованиями разных уровней в рамках законодательно закрепленных принципов территориальной организации местного самоуправления, вопросов местного значения не указаны цели развития, речь

ведется лишь о стандартизированном *перечне условий*, которые необходимо обеспечить для жизнедеятельности населения. Только в статье 17 пункта 6 Федерального закона от 06.10.2003 №131 (ред от 29.12.2014) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к опросам местного значения отнесены «принятие и организация выполнения планов и программ комплексного социально-экономического развития муниципального образования» [19]

Цели развития, зафиксированные в стратегиях и планах социально-экономического развития большинства муниципальных образований страны условно можно разделить на те, что напрямую связаны с необходимостью развития экономико-инвестиционного, инновационного потенциалов муниципальных образований для эффективного функционирования воспроизводственных процессов и те, что обеспечивают, включение социальных факторов, нематериальных ресурсов в процесс развития. Именно в этой части наблюдается расхождение подходов. Шагом вперед в муниципальном управлении можно назвать признание в качестве целевого ориентира и прикладного значения развитие человеческого потенциала. Однако экономико-технократический подход сужает суть и возможности использования данной целеориентации до горизонтов среднесрочного/долгосрочного планирования достижения нормативных экономико-статистических показателей развития социальной инфраструктуры, развитие социального пространства городов, муниципальных образований не рассматривается, человеку как субъекту и источнику развития отводится пассивная роль. При этом, можно считать доказанным, что экономический эффект от действенности человеческого потенциала и капитала превышает отдачу от физического капитала [10;28]. Кроме того, ряд исследователей напрямую говорят о том, что «между материальным благосостоянием города и его способностью обеспечить устойчивый рост почти нет связи» [15]

Назрела острая потребность в определении целей развития города, которые охватывали и отражали бы совокупность сущностных характеристик города как сложной социальной системы, проектируя цели развития социального пространства города. В настоящее время понятие «социальное пространство» не входит в обиход муниципального управления, но знание состояния, тенденций его развития, проектных моделей, позволяет даже в условиях жестко структурированного и стандартизированного подхода выстраивать перспективную, системную и комплексную стратегию муниципального управления развитием территорий.

Акцент делается на формирование качественных характеристик человеческого потенциала и капитала в муниципальном управлении, что позволяет получить обратный системный эффект во всех сферах жизнедеятельности

Инструментально это достигается через социальную инфраструктуру. Уровень и качество услуг, предоставляемых социальной инфраструктурой населению, косвенно характеризует уровень и качество человеческого капитала. Но, ни как не свидетельствует о роли последнего в жизни города, степени его отдачи, в разрешении сложных городских проблем.

Действенность и позитивная результативность человеческого капитала может проявиться через возможности установления отношений взаимодействия, где индивид, отдельные группы, сообщества выступают субъектами в соуправлении развитием общества наравне с муниципалитетом, органами местного самоуправления на принципах партнерства, совместной ответственности.

Взаимодействие рассматривается в качестве инструментально-организационного начала любого управленческого действия активизации горожан, что наиболее последовательно и логично можно осуществить через городские общности и сообщества. Условием благоприятным/не благоприятным и одновременно одним из участников взаимодействия является социальное пространство города.

Пространство естественным образом является той платформой (в рамках акторно-сетевой теории сетью, потоком), которая обеспечивает эффект взаимодействия и взаимовлияния как материально-вещественных параметров развития общества, так и социальных с определением четкой локализации объектов, субъектов, их связей и отношений.

Базовым методологическим основанием, обосновывающим возможность и необходимость выстраивания механизмов взаимодействия между властью, управленческими структурами и населением, проектированием социального пространства и учета его состояния и развития в практике муниципального управления развитием города является теория социального действия, теория структурации Э.Гидденса, Р.Бхаскара [7. 3].

Одновременно, понимая, что существует противостояние идей социального структурализма и акторно – сетевой теории (ANT), необходимо исходить, из требований учета сложности социальной системы коей является город, и необходимости принять наличие взаимовлияния материально-вещественных и нематериальных элементов пространства согласно традиции П.Бурдье [2;137].

Говоря о социальном пространстве как базовом условии развития необходимо определить набор показателей, характеризующих его. В этот перечень входят как объекты материально-вещественной среды (которые образуют основу физического пространства), а так же их образы, восприятие и влияние на человека (в этой работе о них не ведется речь, хотя четко подразумевается), так и нематериальные ресурсы, а именно человеческий потенциал, человеческий и социальный капитал, которые приобретает

созидательную функцию при развитости социальных качеств, локальной идентичности, социальных норм, как регуляторов отношений, где активная позиция граждан приобретает значимый и результирующий характер.

Идентичность, почему именно данный показатель необходимо учитывать при выстраивании муниципального управления развитием территории.

В науке понятие идентичности достаточно хорошо и глубоко изучено, сложились научные подходы и школы, характеристика которых представлена Горшковым В.К. [9;9-10.]

В любом случае, рабочим является тезис о том, что, человек основной субъект действия по формированию своей идентичности в границах социального пространства, которое выступает условием, обеспечивающим взаимодействие между различными элементами общества и одновременно фактором влияния на определение и конструирование сущностных характеристик идентичности человека, сообществ и т.д. Социальное пространство рассматривается не как абстракция, не как поток, не как феномен отражения чувств человека, а как объективная реальность, имеющая свои свойства и черты, при вступлении во взаимодействие с которыми человека и возможно формирование идентичности [18]

Идентичность реализуется посредством общественных отношений, акты и механизмы которой, в свою очередь, обеспечивают связность функциональных и символических единиц социального пространства [16;110].

Идентичность, коллективная идентичность, в большей степени национальная «все чаще рассматривается в качестве важнейшего фактора, цементирующего общество, обеспечивающего включенность его граждан в реализацию общегосударственных задач социально-политического развития и препятствующего общественной дезинтеграции» [4.18.17]. Идентичность это сложное, многогранное явление формирование которого сопряжено с процессами актуализации ожиданий, встречных требований к обществу, потребности во взаимодействии, установления индивидуальной системы координат приоритета интересов через соотношение личного и общественного, что может быть причиной формирования условий для конфликтности в обществе.

Понятие идентичность синонимично понятию социальная идентичность человека, включающее в себя весь спектр проявлений и характеристик данного явления с акцентуацией на восприятие и адаптацию социальной реальности, ценностей и норм общества, отношений взаимодействия, поведения и проявления активности, определения собственного места и роли, конструируемые индивидом.

Одновременно признавая тот факт, что «широкий выбор потенциально значимых для современного человека систем ориентиров, связанный

с развитием информационного общества, предопределяет дробность социальной идентичности, актуализируя то одну, то другую ее составляющие» [17;40].

Территориальная или городская идентичность одна из ряда других идентичностей в условиях, используя терминологию В. Беккера, доминирования регулятивной морали [1] Характеристики и проявления городской идентичности населения напрямую связаны с уровнем, степенью развитости городской общности. Человек самоидентифицируя себя с городским обществом, по сути, становится не просто его элементом, а потенциальным ресурсом его развития. По мнению ряда исследователей, **управленческим ресурсом развития города** в связи с этим является проявление солидарности с этой общностью, признавая тот факт, что идентичность, её определение и осознание не приводит априори к солидарности. Климова С.Г., на основе своих исследований, [11;33] выделяет в качестве основания для проявления солидарности такие свойства человека, как ответственность за себя и за сообщество, с чем нельзя не согласиться. Как следствие, исследование, социальное проектирование связки идентичность-солидарность должно войти в фокус управленческих действий, развивая идеи согласования и участия населения в управлении. Такая постановка вопроса во многом обусловлена и актуализирована целым рядом тенденций, приобретающих разнонаправленный вектор.

Согласно теории С. Хантингтона [20] XXI век это век борьбы ценностей, идей, смыслов, как следствие, роста значимости активности, инновационности, идентичности, солидарности, управляемости, в целом, роли человека, смыслового содержания его участия в этих процессах и явлениях. Одновременно, исследователи указывают на размывание идентичности, прежде всего, национальной под давлением насаждения образов глобальной культуры, которые имеют огромную притягательную силу и всё больше приобретают характер инструмента политики [5;47] При этом, все больше приходит понимание того, что идентичность это не противопоставление глобализационным процессам и не попытка искусственно закрыться от них, это условие сохранения и главное развитие своей субъектности, самостоятельности, суверенитета, в определении принципов, целей, механизмов и методов развития общества.

В условиях реформирования российского общества моделей модернизации много и их суть определяется характеристиками населения, социальной структурой, генезисом общества и государства, где понятие идентичность играет одну из ведущих ролей при определении, при конструировании модели модернизации [9.13;32-33].

По мнению исследователей, есть угроза распространения «гибридных идентичностей усиливая их конфликт с традиционалистскими

установками массовых групп. Это противостояние будет развиваться не столько в межпоколенческом, сколько в идейно-политическом измерении… Утверждение локальных характеристик идентичности в противостоянии общероссийским будет представлять в будущем серьезную угрозу для продвижения ее национальных интересов» [17;49].

Поэтому вполне обоснованным видится тезис о необходимости введения «политики идентичности» [9;20.], социального проектирования условий и механизмов выстраивания социальной идентичности граждан и общностей, с учетом угроз развития современного общества.

При допущении того, что социальное пространство города вольно или невольно формируется системой управления города, образуя объективную реальность, которая в свою очередь, как было отмечено ранее, оказывает влияние на формирование социальной идентичности человека, как следствие, можно говорить и о формировании средствами управления последней. В случае целенаправленного формирования социального пространства системой управления развитием города используются конструктивистские методы социального проектирования пространства, которые направлены на материально-вещественные объекты: ландшафт, архитектуру, пространственно-планировочную структуру, памятники, инфраструктуру и нематериально-вещественные элементы: образ и имидж города, социальный, человеческий капитал, социальное качество, образ жизни, историко-культурное наследие, местные сообщества и т.д. При конструктивистском подходе есть вероятность возникновения проблем, противоречий, рисков. В результате управленческих действий по конструированию социального пространства города необходимо учитывать наличие как бы двух реальностей (возможно и больше) ту, что уже есть, существует и ту реальность, которая встраивается/или нет методами управления в пространство города. В связи с этим возникает проблема их сосуществования, восприятия и присвоения населением, влияния на формирование идентичности, определения тесноты связи с местом жизни, активности участия горожан в жизни города, выбор моделей управления развитием. Постановка этих вопросов приводит к необходимости внимания к понятию идентичности, активности, вклада населения в развитие города.

Почему развитие социального пространства города видится через актуализацию активности населения. Активность населения это данность современного этапа развития, которая требует по отношению к себе не столько учета и контроля со стороны власти, сколько принятия и включения в современные процессы и явления общественной жизни. Важной составляющей такого включения является использование ресурса активности населения в практике управления. Системные, организационно-упорядоченные отношения взаимодействия между населением, его активной частью и властными структурами позволяют не только синхронизировать

и скоординировать цели развития, определить приоритеты и возможные пути решения, но главное перейти от пассивных форм управления к конструктивистским. Следовательно, нужны условия, как для проявления активности, так и условия, и механизмы перевода этой активности в плоскость принятия конкретных управленческих решений, посредством технологий, инструментов, организационных процессов. Стоит обратить внимание, что речь не идет о предоставлении муниципальных услуг, в том числе по информированию, акценты переводятся на более широкое вовлечение населения в соуправление. Как один из результатов такого подхода, это гармонизация интересов и целей развития социального пространства города с потребностями населения.

Проявления активности (как в прочем и иных социальных свойств и характеристик населения) без определения её сущностных оснований, характера, типа, направленности не позволит использовать данный ресурс в управлении в полном объеме.

Таким образом, если мы хотим учесть в практике муниципального управления степень развития социального пространства и его влияния на развитие города, следовательно, мы должны располагать данными, которые характеризуют состояние: территориальной идентичности, как показателя развития территориальной общности; социальной самоидентификации, как показатель включенности в жизнь города; норм и регуляторов отношений в рамках конкретной городской общности. Что, в итоге позволяет получить интегрированный показатель состояния социального пространства. Предлагается следующий набор показателей и индикаторов состояния социального пространства города:

Таблица 1

Операционализация понятий, характеризующих состояние социального пространства города

Понятие	Показатель	Индикаторы
	Социальная идентичность	
Идентичности	территориальной идентичности через показатели, характеризующие взаимодействие горожанина с местом	Образ города: известный, разделяемый, принимаемый, отторгаемый; история города, его символический капитал; личностно определяемые границы города, освоенность территории, присвоенность (количество, разнообразие и характер используемых мест); комфортность территории; воспринимаемое функциональное разнообразие территории, практики общения (чувствования города); степень свободы человека в городе; определение общего и приватного пространства (их совпадение/разделение)
	Коллективная идентичность	традиции
	самоидентичность через определение своего личностно места в системе координат города	потенциальная готовность в определении места; четкая определенность своего места; не определенность места
Активности	взаимоотношение горожан с территориальной общностью	участие в территориальных сообществах; участие в организованных сообществах; характер заинтересованности в решении проблем (интерес, желание участвовать, готовность участия, участие в роли исполнителя, участие в роли инициатора);
	доверие	наличие/отсутствие доверия: внутри городского сообщества/локальных сообществ; между горожанами и властью
	вклад горожан в развитие города	видение своего вклада (в чем видят своё участие); формы участия в развитии города и предложения со стороны горожан; оценка своего вклада и участия в развитии города; проблемы участия в развитии города
	Отношение к системе местного самоуправления, особенности восприятия власти, уровень активности в решении проблем	Активность в делах муниципального образования через формы, установленные в том числе в ФЗ №131: выборы, референдум, сходы, собрания и конференции граждан, правотворческая инициатива, ТОСы, публичные слушания, обращения граждан
Ценностей, норм и регуляторов отношений в рамках территориальной общности	Доверие, солидарность как социальные нормы	Ценностно-нормативные характеристики горожан; Ценностные принципы и модели индивидуального и коллективного поведения

Что до системы управления, то главный тезис заключается в том, что в условиях неопределенности, многовариантности сценариев развития, усложнения адаптационных процессов и механизмов рефлексии на происходящее, современная система управления не в состоянии отвечать на вызовы времени без активного привлечения активистского потенциала своих граждан. Речь идет о признании созидательной активности отдельных индивидов, групп, сообществ, общественных движений как ресурса развития. Актуальность именно такого подхода обусловлена, в том числе и возрастающим проявлением активности населения во всех сферах жизнедеятельности и вектор этой активности не всегда совпадает с провозглашенными целями развития общества. Недооценка актуализации активности населения в практике управления приводит к управленческим действиям не на опережение, а в догонку на решение, преодоление уже имеющихся проблем и противоречий, различной степени проявления и влияния на общество, что многократно умножает ресурсные затраты на их преодоление. На сегодняшний день в практике муниципального управления отсутствует комплексный подход к определению показателей характеризующих его вектор развития с учетом возрастающего влияния активности населения различного рода и форм проявления. Можно сказать, что есть иные индикаторы: уровень социального самочувствия, доверия к власти, они хороши в дополнение, выше названные работают на действенное и продуктивное развитие в целом. Кроме того, обозначается весь спектр интересов активных субъектов взаимодействия и как следствие, это оптимизирует поиск альтернатив, компромиссов, наилучших результатов управленческого действия по развитию городского сообщества, города. Следовательно, одной из целей муниципального управления развитием города является определение сопряжения различных целей в единую и работу по включенности горожан в процесс соуправления. Речь идет о двух процессах, первый, выработка цели, второй создание оснований по легитимации этих целей, в том числе, через формирование условий и технологий по включенности населения в процедуру, как принятия общей цели, так и в её реализации. Говоря о создании механизма взаимодействия с населением, наверное, надо разделять механизм по предоставлению услуг населению и механизм взаимодействия с активной частью населения.

Если взять за основу теорию Тевено и Болтански о трех режимах вовлеченности в общественную активность, которая активно представлена в работах Гладарева Б.С. [8] и других исследователей, а именно режима близости, режима планового действия, режима критики и публичного оправдания. В рамках первых двух режимов человек действует в рамках рационального, нормативно-правового поля, переход к третьему режиму менее контролируем и управляем. То есть, на втором этапе режима вовлеченности , когда человек исследует проблему, пишет письма, тем кто отвечает

по его мнению за решение проблемы, и надо выстраивать необходимые и эффективные схемы взаимодействия не для купирования активности, а для совместной работы с органами управления, выработки совместных решений, поиска компромисса И далее, органы управления сами должны включаться в работу по взаимодействию с активистами, населением, что бы выступить организатором, актором третьего режима критики и публичного оправдания и перевода его в плоскость дискуссии, обмена экспертным мнением, мозгового штурма и т.д. С одной целью, перевести активистский потенциал в русло конструктивного совместного действия по решению проблемы с привлечением большего числа людей в процесс соуправления, созидания. Причем управленческим маркером к активным действиям со стороны органов управления могли бы стать письма, жалобы от нескольких адресатов по одной проблеме. Организационным шагом в этом направлении могло бы быть создание центра сбора, классификации и направления по необходимым каналам писем и обращений граждан по принципу единого окна под эгидой прокуратуры, которая обеспечивала бы не только правильность направления обращений граждан по инстанциям, но и их исполнения этими инстанциями. Тем самым решалось бы несколько проблем, это не надо гражданам ходить от инстанции к инстанции в поисках решения своей проблемы, наконец, налаживается не только обратная связь с населением, но и усиливается контроль за исполнением, к которому можно приобщить и активистов, общественные организации и движения. Самое главное, создаются реальные условия предотвращающие чувство беспомощности, оторванности от власти, от принимаемых решений, социальной апатии и нигилизма, создаются условия для мотивационных оснований к активной гражданской позиции, ответственности за свои действия и за то, что происходит в стране. Данный алгоритм позволяет уйти от пассивно-универсальной формы управления к активно-селективной её форме.

К основным социальным регуляторам относятся социальные нормы, которые лежат в основании связей и отношений, которые и формируют ткань социального пространства. Значимым для понимания социального пространства города является характер и направленность связей и отношений между его субъектами/элементами. Эти отношения чрезвычайно распространены и многообразны, могут быть представлены в неформализованной форме, но от этого являются не менее значимыми для устойчивого развития социальной системы города. При этом, всецело поддерживается мысль о том, что помимо «социально-управленческих, правовых и нравственных регуляторов, нужна ответственность личности, являющаяся здесь основным регулятором» [4;51]. В рамках данной статьи не даётся развернутая характеристика сущности, свойств, влияния социальных норм на социальное пространство города.

Вывод: в практику муниципального управления должны войти знания о проявлениях территориальных идентификационных характеристик горожан как показатель развития территориальной общности, об оценках социальной самоидентификации, социальной активности, норм и регуляторов отношений в рамках конкретной городской общности что, позволяет получить не только интегрированный показатель состояния социального пространства, но и даёт возможность развивать его с помощью методов социального проектирования. Проектное развитие пространства, предполагает включение в действие принципа лукавицы в рамках системного подхода и устойчивого развития, когда сферы и слои общественного развития развиваются не параллельно и тем более, не по принципу приоритетности, а врастая и прорастая, через действие процессов диффузии перетекания одной плоскости в другую достигая эффекта эмерджентности и синергии.

Список литературы:

1. Беккер В. Сообщество и общество//Электронная библиотека по философии –http://filosof.historic.ru

2. Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть//Thesis. 1993. Вып.2 с. 137-150.

3. Бхаскар Р. Общества//Сборник. Социо-Логос:Пер. с англ., нем., франц./М.: Прогресс, 1991. с. 219-240

4. Ванштейн Г.И. Идентичность инокультурных меньшинств и будущее европейской политики// Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 4 с. 3-15 URL: http://demoscope.ru/weekly/2014/0587/analit05.php (дата обращения) 13.01.2015

5. Галкин Д.В. Стратегии культурного развития городов: современные подходы// Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Том VIII. № 4 . с.41-57.

6. Гелих О.Я. Принцип либерального управления и российский социальный порядок//Социальное обоснование стратегий городского, регионального и корпоративного развития: проблемы и методы исследования. Материалы IX Дридзовских чтений/Редколлегия: А.В. Тихонов отв. Ред., Е.М. Акимкин, Е.И. Рабинович, В.А. Шилова – М.: ИС РАН, 2010. – 520 с.

7. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М.: Академический проект. 2003 с.185.

8. Гладарев Б.С. Градозащитные движения Петербурга накануне «Зимней революции» 2011-2012г.: Анализ из перспективы французской прагматической социологии// Мониторинг общественного мнения. – 2012. – №4(110) с. 29-43

9. Горшков М.К. Модернизационный потенциал идентичности//Россия реформирующаяся. Вып. 12 : ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. — Москва : Новый хронограф. 2013 с. 3-20.

10. Капелющников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России?// Вопросы экономики. – 2013. – № 1. –с. 27-47

11. Климова С.Г. Идеи и практики солидарности в добровольческом движении//Социс. – 2013. – № 6 с. 32-41

12. Костко Н.А. Теоретические основания исследования социального пространства города в системе координат муниципального управления Вестнике Челябинского государственного университета.2014 № 25(353) с. 13-16 ISSN -1994-2796

13. Кравченко С.А. Гуманистически ориентированная модернизация: востребованность преобразований, адекватных чаяниям россиян//Россия реформирующаяся. Вып. 12 : ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. — Москва : Новый хронограф, 2013. — 528 с. — ISBN 978-5-94881-247-2. с. 21-42

14. Луман Н. Теория общества //Теория общества . – М.: «КАНАО-пресс-Ц», «Кучково поле», 1999, с.211.

15. Новые модели развития городов. Точка зрения McKinsey & Company. McKinsey on Sustainability & Resource Productivity, 2012. The McKinsey Quarterly – № 27, 2013 год. // [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. – 2013.04.21. URL: http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5974 http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2010/2596 jn 15/10/2014

16. Орлова Э.А. Концепции идентичности/идентификации в социально-научном знании//Вопросы социальной теории. 2010 т.4 С.87-111.

17. Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития//Полис. 2010 №3 с.40-60

18. Смирнягин Л.В. О региональной идентичности// Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. / под ред. А.Ю. Мельвиля; Росс. ассоциация междунар. исследований. – М.: МГИМО-Университет, 2007. Т. 2: Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий / под ред. И.М. Бусыгиной. с. 81-107 URL: http://demoscope.ru/weekly/2014/0597/analit05.php (дата обращения 13.01.2015)

19. Федеральный закон от 06.10.2003 №131 (ред от 29.12.2014) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166232/ от 18.02.2015

20. Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций? //http://sbiblio.com/biblio/archive/hantington_stolknovenie/

21. Kostko N.A. Aims of city development: a sociological view//Glocalism: Journal of culture, politics and innovation, 2014, 3, DOI: 10.12893/gicpi.2014.3.10 Published by “ Globus et Locus” at www.glocalismgournal ISSN 2283-7949

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ОБРАЗОВАНИЯ В БАШКОРТОСТАНЕ

Н.М. Лавренюк –
к.социол.н., старший научный сотрудник
Башкирский филиал Института
социологии РАН

Изучение эффективности государственного и муниципального управления в регионах России не потеряет своей актуальности, пока они существуют. Эффект выражает результат любой деятельности. В данном случае эффект от управленческой деятельности на уровне региональной и муниципальной администрации предметно нацелен на развитие образования. Образование рассматривается как отрасль, а развитие отраслью образования – как накопление его ресурсов и повышение эффективности их использования. В связи с этим эффективность управления развитием образования на уровне региона – Республики Башкортостан и его муниципальных образований – муниципальных районов и городских округов, рассматривается через оценку эффективности накоплении ресурсов образования и оценку эффективности их использования.

Поиск интегративной методики, привел к следующему решению. Во-первых, эффективность муниципального управления развитием образования оценить по разрывам в размещении ресурсов отрасли по муниципальным образованиям. Результат покажет разбалансированность и дифференциацию муниципальных образований в развитии и в условиях управления. Во-вторых, оценить эффективность использования ресурсов отрасли на уровне региона по динамике позиций в рейтинге отраслей образования среди регионов РФ. Для этого были отобраны показатели на каждом уровне образования от дошкольного до аспирантуры, которые отражают изменения: в составе контингента учащихся, в их охвате и выпуске и в численности персонала; в развитии инфраструктуры и финансов. Были использованы данные официальной статистики Росстата за 2005 и 2013 годы. В-третьих, по показателям эффективности управления отраслью образования на основе достижения целевых значений государственных программ, реализуемых в отрасли в РБ.

В результате проведенных расчетов получены следующие результаты.

Разрывы в значениях показателей эффективности, определенных для оценки деятельности муниципальных служащих, показывают сильную их дифференциацию по размещению и по использованию в МО Бакшкортостана. Так расходы бюджетов МО на общее образование в расчете на 1 обучающегося разнятся в 10 раз, доля муниципальных ДОУ, здания которых находятся

в аварийном состоянии или требуют капитального ремонта, в общем числе МДОУ, варьируется в пределах [0;50]. Охват детей дошкольного возраста услугами ДОУ в пределах [40,1; 86,1]. См. таблицу 1.

Таблица 1

Разрывы в размещении ресурсов по муниципальным образованиям в Республике Башкортостан

Показатель эффективности	МО- лидер	МО-аутсайдер	Разрыв (2-3)
Охват детей дошкольного возраста услугами ДОУ*	г. Кумертау (86,1%)	Ермекеевский район (40,1%)	46%
Доля муниципальных дошкольных образовательных учреждений, здания которых находятся в аварийном состоянии или требуют капитального ремонта, в общем числе МДОУ*	22 МО (0,0%)	Уфимский район (50,3%)	50,3%
Сокращение школ с 2005 по 2013 гг.	г. Дюртюли (1)	Кугарчинский район (-54 школы)	53 ед.
Расходы бюджета муниципального образования на общее образование в расчете на 1 обучающегося	Белокатайский район (112,2 тыс. рублей)	Белорецкий район (9,59 тыс. рублей)	102,6 тыс. рублей
Выдача аттестатов по результатам ЕГЭ	22 МО (100%)	г. Салават (96,17%)	3,83%

Источник: База данных муниципальной статистики Башкортстанстата

Изменения в итоговом рейтинге среди регионов РФ с 10 в 2005 г. на 12 в 2013г. говорят о недостаточной эффективности использования ресурсов отрасли образования в республике. Однако следует отметить улучшение позиций в системе подготовки кадров рабочей квалификации (НПО со 2 на 1 место), аспирантуры (с 16 на 9 место), дошкольного образования (с 28 на 26 место). С 2005 года произошло снижение эффективности использования ресурсов в отрасли в системе общего образования (с 8 на 17 место), высшего профессионального образования (с 10 на 18 место), СПО (с 3 на 5 место), эффективность использования финансов (с 5 на 9 место). В целом, эффективность использования ресурсов высокая, поскольку среди регионов РБ входит в число 12 регионов РФ с наиболее развитыми отраслями образования. См. таблицу 2.

Таблица 2

Конкурентоспособность отрасли образования Республики Башкортостан
(на основе рейтинга среди отраслей образования регионов РФ)

Уровень образования	**Позиция РБ в 2005 г.**	**Позиция РБ в 2013 г.**
Дошкольное образование	28	26
Общее образование	8	17
Начальное профессиональное образование	2	1
Среднее специальное образование	3	5
Высшее профессиональное образование	10	18
Аспирантура	16	9
Финансы	5	9
Итоговый рейтинг	10	12

Источник данных для расчета: Регионы России. Социально-экономические показатели. –М.: Росстат, 2014г. – С. 567-654

Согласно Отчету ГАС «Управление» за 2014 год, достижение целевых индикаторов и показателей государственных программ в отрасли образования РБ выполнено на 76,92 %. Соответственно, управление отраслью по этим показателям не эффективно примерно на 23%. См. рис.1

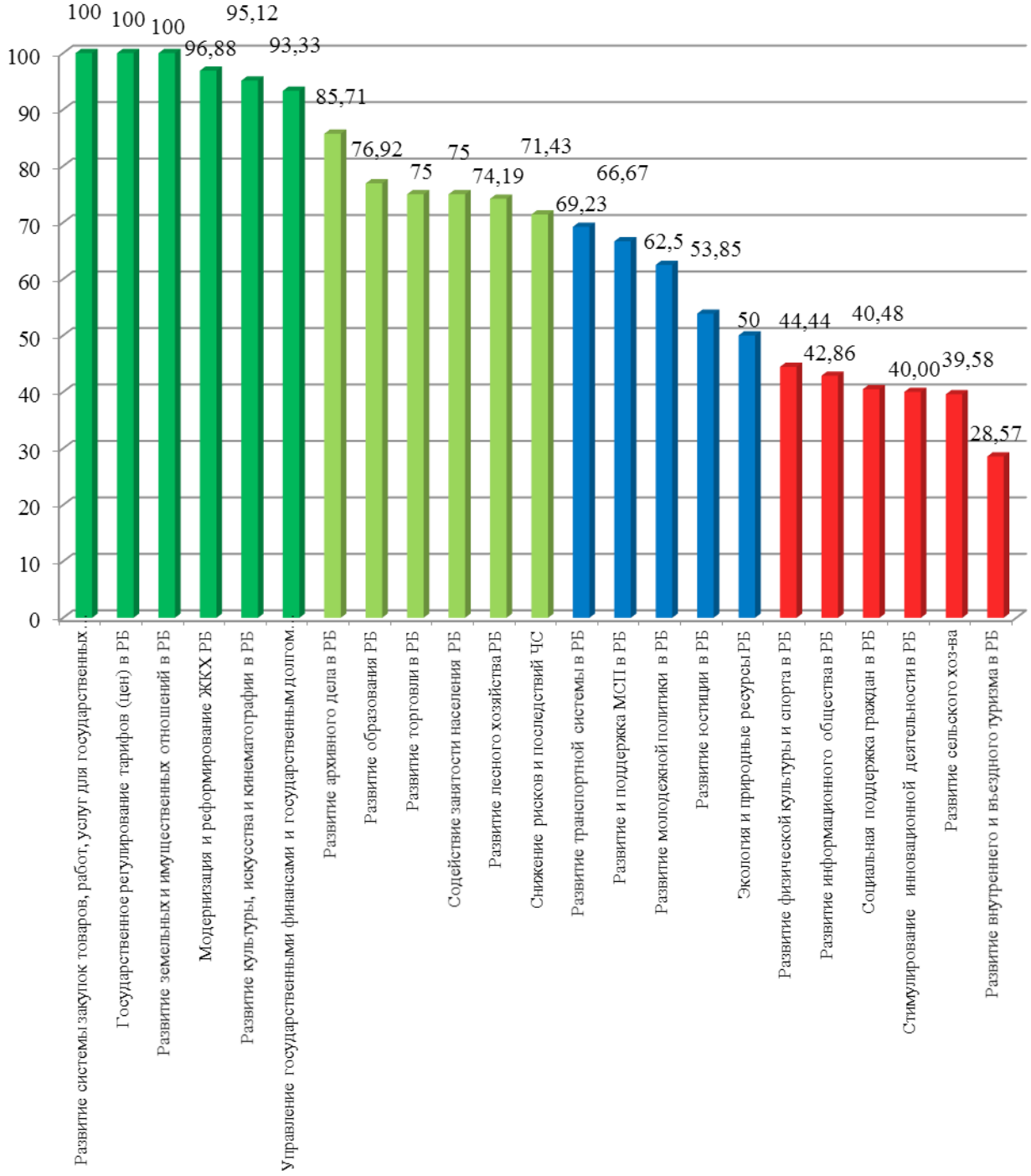

Рис. 1. Достижение целевых индикаторов и показателей государственных программ в Республике Башкортостан,%

Источник: Отчет ГАС «Управление» за 2014 год // Официальный сайт Министерства экономического развития Республики Башкортостан.

По итогам оценки эффективности был реализован стратегический анализ на основе матрицы SWOT-анализа. Он показал, что отрасль образования РБ обладает и сильными и слабыми сторонами, готова сдерживать внешние угрозы и использовать внешние возможности, которые будут способствовать социально-экономическому стратегическому развитию республики.

Образование является фактором создания отличительных конкурентных преимуществ, потенциалом социально-экономического развития РБ. Его доступность определяет широту возможностей для включения жителей в процессы экономической, политической, социокультурной и других видов жизнедеятельности. Чем более образованное население, тем больше у него шансов прожить качественную, долгую жизнь, а у Башкортостана – для процветания и занятия лидерских позиций.

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В.И. Мосин –
К.философ.н., доцент
генеральный директор Тульского
социологического центра

Важнейшим направлением экономических связей любого региона с зарубежными странами является ***инвестиционная привлекательность***. Привлечение иностранного капитала является в настоящее время одной из актуальных задач экономики регионов. Благодаря иностранным вложениям появляются новые возможности деятельности компаний, привлекаются современные технологии. Тульская область достигла в этом направлении положительных результатов.

Общий объем накопленных иностранных инвестиций в экономике Тульской области на конец 2013 г. составил 1350.4 млн. долларов США [1.Здесь и далее цифры взяты из данных Тулоблстата], что на 8.2% больше, чем на конец предыдущего года. Более половины объема в накопленном иностранном капитале приходилось на прямые инвестиции – 51.8% (на конец 2012 г. – 53.5%), доля прочих инвестиций составила 47.3% (46.4%), портфельных инвестиций – 0.9% (0.1%).

Объем накопленных прямых иностранных инвестиций в области на конец 2013 г. увеличился по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года на 4.9% до 700.0 млн. долларов США, наибольший объем которых приходился на Германию (37.6%), Нидерланды (16.3%), Кипр (17.7%). Накопленные на конец года прямые иностранные инвестиций были аккумулированы, в основном, в производстве прочих неметаллических минеральных продуктов (47.8% объема накопленных прямых инвестиций), в организациях, осуществляющих деятельность по операциям с недвижимым имуществом, аренде и предоставлению услуг (8.0%), сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве (6.1%).

Объем накопленных прочих иностранные инвестиции на конец 2013 г. равнялся 637.7 млн. долларов США (увеличение за год на 10.1%). Основу их составили инвестиции из Германии (37.3%), Соединенного Королевства (Великобритания) (19.7%), Люксембурга (14.8%). На конец 2013 г. 44.2% общего объема было накоплено в производстве прочих неметаллических минеральных продуктов, 36.8% – в производстве пищевых продуктов, включая напитки, и табака.

Объем накопленных портфельных инвестиции на конец 2013 г. увеличился в 9.8 раза до 12.7 млн. долларов США. Их них 93.1% составили инвестиции Виргинских островов (Брит). Основной объем накопленных

портфельных инвестиции на конец года сконцентрирован в организациях, осуществляющих деятельность по операциям с недвижимым имуществом, аренде и предоставлению услуг – 96.2%.

На конец 2013 г. наибольшая доля (82.4%, на конец 2012 года – 75.3%) в общем объеме накопленных иностранных инвестиций (прямых, портфельных и прочих) была сосредоточена на предприятиях обрабатывающих производств, наименьшая доля – в организациях оптовой и розничной торговли; ремонте автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (3.9%, на конец 2012 г. – 3.7%).

Более половины (55.4%) всех накопленных иностранных инвестиций обрабатывающих производств приходилось на производство прочих неметаллических минеральных продуктов. В производстве пищевых продуктов, включая напитки, и табака их доля составляла 23.6%, в химическом производстве – 9.8%, в текстильном и швейном производстве – 4.7%.

С начала 2013 г. объем накопленных иностранных инвестиций с учетом притока, изъятия (погашения) и переоценки увеличился в организациях обрабатывающих производств на 21.8% и составил на конец года 1112.3 млн. долларов США; в организациях, осуществляющих деятельность по операциям с недвижимым имуществом, аренде и предоставлению услуг – на 18.8%, 71.9 млн. долларов США; в производстве и распределение электроэнергии, газа и воды – на 2.3%, 475.9 тыс. долларов США, в организациях сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства– на 1.2%,97.0 млн. долларов США.

В экономике Тульской области на конец 2013 г. ***накоплены инвестиции*** более чем из 50 стран мира. На долю основных стран-инвесторов (Германия, Кипр, Нидерланды, Соединенное Королевство (Великобритания) приходилось 73.5% общего объема накопленных иностранных инвестиций и 74.3% общего объема накопленных прямых иностранных инвестиций.

В 2013 г. объем поступления иностранных инвестиций в область составил 1145.0 млн. долларов США, что в 6.0 раза больше уровня предыдущего года. Основными инвесторами, по-прежнему, выступают страны дальнего зарубежья (99.9% объема). Инвестиции государств-участников СНГ в экономику области остаются достаточно низкими – 0.2 тыс. долларов США (в 2012 г. – 2.2 тыс. долларов США).

Поступление прямых инвестиций в 2013 г. увеличилось по сравнению с предыдущим годом в 18.2 раза и составило 659.6 млн. долларов США.

Наибольший объем прямых иностранных инвестиций в 2013 году поступил из Швейцарии – 606.3 млн. долларов США (91.9% от общего объема прямых инвестиций), представленный взносами в капитал. Из Израиля прямых инвестиций в виде кредитов от зарубежных совладельцев организаций направлено 18.0 млн. долларов США (2.7%); из Кипра – 7.7 млн. долларов США (1.2%) в виде взносов в капитал и 5.0 млн. долларов США (0.8%) в виде кредитов от зарубежных совладельцев организаций.

Увеличились поступления в область прямых инвестиций в 2013 году по сравнению с предыдущим годом в обрабатывающие производства в 26.7 раза, что обусловлено, в основном, поступлением взносов в капитал в виде денежных средств в размере 606.2 млн. долларов США из Швейцарии; в организации оптовой и розничной торговли – в 9.7 раза, в основном, за счет поступления взносов в капитал в виде денежных средств в размере 7.7 млн. долларов США и кредитов от зарубежных совладельцев организаций в сумме 5.0 млн. долларов США из Кипра; в организации, осуществляющие деятельность по операциям с недвижимым имуществом, аренде и предоставлению услуг – в 1.9 раза за счет поступления взносов в капитал в виде денежных средств из Соединенного Королевства (Великобритания) и Соединенных Штатов Америки по 5.5 млн. долларов США от каждой, и взносов в капитал в виде денежных средств из Виргинских островов (Брит.) – 2.7 млн. долларов США. В тоже время в 4.4 раза сократились поступления в сельское хозяйство, охоту и лесное хозяйство.

Среди ***видов экономической деятельности*** наиболее привлекательными для вложения иностранного капитала по прежнему оставались организации обрабатывающих производств. В 2013 г. в обрабатывающие производства поступило 1115.4 млн. долларов США, или 97.4% от общего объема иностранных инвестиций (в 2012 г. – 158.4 млн. долларов США, 82.5%). Из них в химическое производство направлено 606.5 млн. долларов США (53.0% от общего объема поступления иностранных инвестиций), в производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака – 388.1 млн. долларов США (33.9%), в производство прочих неметаллических минеральных продуктов – 91.0 млн. долларов США (7.9%).

Значительное увеличение объема поступления иностранных инвестиций в 2013 г. отмечено в оптовой и розничной торговле – в 9.7 раза, производстве машин и оборудования – в 4.4 раза, в организациях, осуществляющих деятельность по операциям с недвижимым имуществом, аренде и предоставлению услуг – на 39.7%. В текстильное и швейное производство объемы вливания иностранного капитала выросли с 0.3 тыс. долларов США в 2012 г. до 18000 тыс. долларов США в 2013 г. В тоже время снижение объемов поступления иностранных инвестиций за год отмечено в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве в 26.7 раза, в производстве и распределение электроэнергии, газа и воды – в 5.2 раза. Объемы поступления в эти виды деятельности составили 778.2 тыс. долларов США и 10.9 тыс. долларов США соответственно (в 2012 г. – 20754.1 тыс. долларов США, 56.7 тыс. долларов США).

Поступление ***портфельных инвестиций*** зафиксированы только в организации г. Тулы, в размере 41.5 тыс. долларов США, или в 16.6 раза меньше, чем в 2012 г.

Среди субъектов ***Центрального федерального округа*** в общем объеме поступления иностранных инвестиций в 2013 г. Тульская область занимала 5 место, уступая г. Москва, Московской, Белгородской и Калужской областям.

Увеличение поступления иностранного капитала в 2013 г. по сравнению с 2012 г. отмечено в Белгородской области в 30.4 раза, Тамбовской – в 6.9 раза, Тульской – в 6.0 раза, Брянской и Орловской – в 1.7 раза, Московской – в 1.4 раза, г. Москва и Калужской области – в 1.2 раза, Смоленской области – в 1.1 раза.

Снижение поступления наблюдалось в Рязанской области в 8.3 раза, Ярославской – в 1.7 раза, Курской – на 42.1%, Липецкой – на 33.0%, Тверской – на 30.7%,Костромской – на 29.1%, Владимирской области – на 27.4%, Воронежской – на 7.0%, Ивановской области– на 2.4%.

В расчете на душу населения Тульской области иностранные инвестиции в 2013 г. составили 752 доллара США (в 2012 г. – 125 долларов США), в том числе прямые – 434 доллара США (23 долларов США). Среди субъектов Центрального федерального округа Тульская область по этим позициям занимает 6и 3места соответственно.

В 2013 г. ***иностранные инвестиции использовались***, в основном, на погашение кредитов банка и займов (38.5% общего объема) и оплату сырья, материалов, комплектующих изделий, полуфабрикатов, топлива, энергии и т.д. (24.8%).

Инвестиционный доход от вложений иностранных инвесторов в экономику области (дивиденды, доходы от акций, других ценных бумаг организации, от доли в уставном капитале, от предоставленных кредитов и др.) уменьшился в 2013 г. по сравнению с 2012 г. на 7.5% и составил 43927.2 тыс. долларов США. В структуре инвестиционного дохода иностранных инвесторов за последний год произошли некоторые изменения. Так, доля дохода от прямых инвестиций осталась на уровне 2012 г. – 97.0% при увеличении доли доходов от прочих инвестиций – с 2.8% до 3.0% и снижении доли от портфельных инвестиций – с 0.2% до 0.0%.

Основной объем дохода получен иностранными инвесторами в организациях по производству прочих неметаллических минеральных продуктов (92.8% общего объема инвестиционного дохода), по производству пищевых продуктов, включая напитки, и табака (4.0%).

Доход от инвестиций, вложенных в экономику области, распределили между собой Германия – 95.8% общего объема инвестиционного дохода (42083.1 тыс. долларов США) и Кипр – 4.2% (1844.1 тыс. долларов США).

Объем ***инвестиций из области,*** накопленных за рубежом, на конец 2013 г. составил 17524.1тыс. долларов США и увеличился по сравнению с концом 2012 г. в 2.1 раза. Наибольший объем накопленных инвестиций за рубежом (95.3%) приходился на Виргинские острова (Брит.), Кипр и Францию.

В 2013 г. объем инвестиций, направленных за рубеж, составил 9045.4 тыс. долларов США, из них во Францию– 7345.4 тыс. долларов США, Кипр – 1700.0 тыс. долларов США).

В заключении можно сделать следующее выводы:

общий объем наколенных иностранных инвестиций на конец 2013 г. увеличился по сравнению с концом 2012 г. на 8.2%,

общий объем поступивших иностранных инвестиций увеличился по сравнению с предыдущим годом в 6.0 раза; поступления прямых иностранных инвестиций выросли в 18.2 раза, портфельных – уменьшились в 16.6 раза, прочих – увеличились в 3.1 раза,

основными странами-инвесторами являлись Швейцария (53.0% общего объема поступлений), Соединенное Королевство (Великобритания) (26.1%), Люксембург (8.2%), Германия (4.9%),

объем изъятых (погашенных) инвестиций, поступивших ранее из-за рубежа, увеличился в 8.3 раза,

среди видов экономической деятельности наиболее привлекательными для вложения иностранного капитала оставались организации обрабатывающих производств, на которые приходилось 97.4% общего объема поступления иностранных инвестиций,

основными направлениями использования иностранного капитала являлись погашение кредитов и займов (38.5% общего объема), оплата сырья, материалов, комплектующих изделий и др. (24.8%),

инвестиционный доход от вложений иностранных инвесторов в экономику области (дивиденды, доходы от акций, других ценных бумаг организации, от доли в уставном капитале, от предоставленных кредитов и др.) уменьшился в 2013 г. по сравнению с 2012 г. на 7.5%,

среди субъектов Центрального Федерального округа в общем объеме поступления иностранных инвестиций область занимает 5 место,

иностранные инвестиции в расчете на душу населения области составили 752 доллара США.

Все эти показатели дают основания утверждать, что эффективное государственное и муниципальное управления территориями является важным фактором повышения инвестиционной привлекательности Тульской области.

Список литературы:

Тульский статистический ежегодник. 2013: Статистический сборник/ Туластат. – Тула, 2014 – 397 с.

ПРИМЕНЕНИЕ СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНОГО ПОДХОДА КАК МЕХАНИЗМ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖНЫХ СООБЩЕСТВ В УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ

О.А. Петрушина –
аспирант ТГАМЭУП
заместитель генерального директора
АНО «Агентство современных
коммуникаций

Социально-экономическое развитие и модернизация России – это процесс, требующий активизации как государственных, так и общественных ресурсов. Инициатива и самоорганизация россиян, а в первую очередь, наиболее ресурсной части населения – молодежи, позволит эффективнее развивать гражданское общество, конструктивно находить и принимать решения возникающих проблем совместными усилиями государства и социума.

Такой подход требует соответствующего отношения и соответствующего политического курса, в рамках которого необходимо развивать общественно-государственное партнерство, поддерживать молодежные инициативные группы, передать им часть полномочий и ответственности в решении широкого круга социальных, экономических, культурных и политических проблем, которые затрагивают молодежь[3].

Стремление молодежи к общественному участию, обретению субъектности реализуется через деятельность в различных молодежных общественных объединениях, движениях, некоммерческих организациях – все их необходимо объединить общим понятием «молодежное сообщество», вкладывая в него понимание таких сообществ как особых промежуточных институтов, объединяющих в себе особенности способов разрешения общественных проблем, применяемых властью, бизнесом и в сфере непосредственных отношений.

Впервые такое понимание было вложено и последовательно описано П. Абрахамсоном[7], а в настоящее время активно используется европейскими исследователями. Особая функция молодежных сообществ состоит в том, что они, развиваясь, формируя сферу «самоуслуг», обслуживая большое количество молодежи (независимо от того, становятся ли они некоммерческими организациями в будущем) обеспечивают связь между подсистемами «государство» (типичная логика действия: иерархия, принуждение, бюрократия), «рынок» (типичная логика действия: свободный обмен) и «неформальная область» (семья, дружба, соседство, частные группы и объединения самопомощи; типичная логика действия: солидарность, дружеские отношения, любовь)[3].

Анализ литературы и полученный в ходе исследования опыт позволяет выделить отличительные характеристики молодежных сообществ и качества,

отличающие их членов: высокий культурный уровень, самореализация через решение общественно значимых проблем, высокая степень адаптивности членов молодежных сообществ, обладание расширенным набором прикладных навыков[6]. Характерной особенностью молодежных сообществ является существование в Интернете виртуальной странички – своеобразного Интернет-сообщества. Интернет предоставляет безграничные возможности для создания сообществ: это позволяет, во-первых, легче найти людей со схожими взглядами, во-вторых, знакомство и общение в интернете происходит намного быстрее, т. к. человек не выходит из своей зоны комфорта [1].

Таким образом, принимая во внимание специфические черты такого вида социальной общности как молодежное сообщество, мы вправе говорить об изменении взаимоотношений между молодежными сообществами и органами, осуществляющими работу с молодежью (региональные, муниципальные органы власти и учреждения), и переходе к субъект-субъектным отношениям.

Проведенный автором анализ применения субъект-субъектного подхода в отношении молодежных сообществ Тюменской области показал, что в целом этот инструмент дает более качественные результаты, чем привычный программно-целевой подход, что наглядно демонстрируют результаты экспертного опроса.

В проведенном заочном экспертном опросе приняли участие 25 человек, среди которых специалисты областного и городского органа по молодежной политике и сотрудники подведомственных учреждений, руководители информационных агентств, работающих на молодежную аудиторию, представители Тюменской областной Думы (депутаты и специалисты по работе с Общественной молодежной палатой), а также руководители крупных общественных организаций. Приведем некоторые результаты.

Сложившуюся в настоящий момент ситуацию в сфере работы с молодежью в Тюменской области эксперты оценили позитивно, выделили тенденцию возрастания значимости этой отрасли как комплексного направления. Это объясняется, по мнению экспертов, «повышением роли человеческого фактора в решении задач развития государства». В целом, уровень развития молодежного сектора в регионе на уровне Российской Федерации был оценен экспертами, как достаточно высокий, выше среднего.

По оценке общего состояния были выделены следующие затормаживающие факторы:

- «мероприятийный подход» – нет комплексного решения проблем – существует несколько подведомственных учреждений, организаций, каждая из которых проводит в своем направлении отдельные, часто не связанные друг с другом события. Это приводит к снижению эффективности, хотя могло бы, напротив, привести в действие «эффект синергии»[4].

- «теоретический кризис» – в отрасли нет единого научно-обоснованного представления не только о социальных технологиях, но даже о предмете молодежной политики, отсутствует законодательная база на федеральном уровне, требует доработки региональный.

- нет системы кадровой подготовки, отсутствует «профессиограмма» (модель) специалиста по работе с молодежью, а значит, нет единого подхода к развитию кадровой базы отрасли.

- в отрасли не задерживаются молодые талантливые специалисты, достаточно большое количество сотрудников вышло из возрастной категории молодежь (до 35 лет).

В отношении прогнозирования изменения ситуации по удовлетворенности молодых людей услугами молодежной политики были высказаны достаточно негативные мнения относительно включения молодежи или организации ей оппозиционных и стихийных движений; «будет усиливаться вовлечение молодежи для получения услуг из альтернативных источников: националистические, религиозные, политические, коммерческие организации, рассматривающие молодежь либо как источник дохода, либо резерв для решения политических задач». Также было высказано несколько мнений, поддерживающих углубление деятельности молодежи в Интернете, в том числе в оппозиционных и националистических организациях, которые готовы на сегодняшний день такую форму участия и взаимодействия предложить.

В вопросах, касающихся применения субъект-субъектного подхода, экспертам было предложено оценить применение социальных технологий субъектизации молодежи.

С точки зрения процесса технологизации внедрение субъект-субъектного подхода с помощью социальных технологий, по мнению экспертов, проходит в интересной форме подачи для целевой аудитории, обладает в достаточной степени привлекательностью цели и простотой её обоснования, гибкостью внедрения процедур и операций. Многолетний опыт реализации социальных технологий в Тюменской области позволяет говорить о «надежности теоретического и методического обеспечения», профессиональной грамотности и подготовленности команды к реализации, практическим опытом в сфере работы с молодежью и применения в молодежной среде социальных технологий[5].

В ходе анализа процесса технологизации экспертами были отмечены:

- непротиворечивость между ними: процедурами и операциями технологии, уровнями качества их воспроизводства; объектом и субъектом;

- разграничение, разделение, расчленение социального процесса на связанные между собой этапы, фазы;

- координация и поэтапность действий;

- возможность многократного применения отработанных стандартных

алгоритмов деятельности для решения типовых задач социального управления[2].

В отношении доступности и актуальности услуг для молодежных сообществ и их лидеров эксперты высказались единогласно, поддержав идею создания и работы единой коммуникативной площадки, которая действует одновременно как коворкинговый центр и как центр реализации молодежных проектов. Примером такой площадки в Тюменской области является «Молодежный информационный центр «Моя территория». В сущности своей, отмечают эксперты, он является «генератором социальной энергии», которая жизненно необходима для процесса самоорганизации общества, что в свою очередь положительно влияет на развитие гражданского общества и повышения социальной ответственности у молодежи. Предложенные этой площадкой проекты «позволяют молодежи поверить в свои силы, реализовать себя».

В основе деятельности коммуникативной площадки лежит механизм прямого взаимодействия с молодежью, обеспечивающий высокую результативность и оперативность в управлении процессами, проистекающими в молодежной среде. Можно выделить следующие ключевые принципы.

Установление двусторонней коммуникации с законодательными и исполнительными органами государственной власти и местного самоуправления:

- регулярные встречи молодежных сообществ с представителями органов государственной власти и местного самоуправления;
- согласование ключевых болевых точек, на которые направлены реализуемые проекты власти и молодежных сообществ, координация в связи с этим планов, программ, направлений обеих сторон;
- выработка форм организации совместных событий в молодежной сфере.

Передача молодежным сообществам части полномочий по реализации отдельных региональных и городских событий, а также проведения совместных с молодежными сообществами мероприятий за счет их привлечения к организации крупных региональных политических встреч, выставок, круглых столов, конференций, форумов и т.д.

Обеспечение мониторинга внедряемых проектов и самое главное – гибкое внесение изменений в сформированные программы деятельности сообществ (в соответствии с технологизацией социального пространства молодежной среды) с целью их совершенствования в условиях изменяющихся запросов целевой аудитории, целей и задач самого проекта (или сообщества).

Особенностью работы с молодежью на сегодняшний день должно стать сосредоточение не только на решении проблем молодежи в сфере получения образования, трудоустройства, уровня жизни, но и огромное внимание к сфере развития и получения «переносимых навыков» (в пер с англ «transferable skills»). Эти навыки позволяют молодому человеку становится

более конкурентоспособным, включают его не в узкоспециализированную социализацию в рамках получаемой специальности (доктор, маркетолог, бурильщик) – они позволяют сформировать навыки построения коммуникации, публичного выступления, организации собственного рабочего, временного, ресурсного пространства, получить основы фандрайзинга, продвижения и «тегирования» себя в социальной среде, а также применить эти навыки на практике в рамках своей малой группы – молодежного сообщества в реальной деятельности[10].

Проблема субъектизации молодежи может быть решена только на основе эффективного развития субъект-субъектного взаимодействия власти и молодого поколения. Вовлечение молодых людей в активную социальную жизнь возможно через включение их в социальные технологии, понятные и интересные самой молодежи, с условием того, что часть этой технологии молодой человек создает самостоятельно. Кроме того, это способствует формированию у молодежи ответственности за совершаемые действия, культуру взаимодействия, а поощрение различных форм инициатив и активности способствует выстраиванию новой матрицы отношений государства и молодых граждан.

Список литературы:

1. Асеева О.В. Социологический анализ социальной активности молодежи в сетевых сообще-ствах интернет Журнал Современные исследования социальных проблем Выпуск № 4 / том 8 / 2011

2. Иванов В.Н., Патрушев В.И. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. М.: Экономика, 2001

3. Кострикин А. В. Молодежные общественные объединения как институт гражданского общества // Журнал Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, СПб, 2008. № 80. С.181-185.

4. Кофырин И.В. Проблемы изучения неформальных групп молодежи // Социологические исследования. – 2007. – №5 – С. 12-16.

5. Морозов В.В. Противоречивость социализации и воспитания молодежи в условиях реформ // Социально-политический журнал. – 2009. –№ 1 – С. 163-167.

6. Рябухин С.Н. Приоритеты государственной молодежной политики // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. – 2000. – № 4(116). – С.5.

7. Abrahamson P. Social policy in changing Europe. Roskilde University Press, 1993

8. Ardoina N.M., Castrechinib S., Hofstedtb M. K. Youth–community–university partnerships and sense of place: two case studies of youth participatory action research // Children’s Geographies, Volume 12, Issue 4, 2014. P. 479-496.

РАЗВИТИЕ ФОРМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

А.А. Попкова –
к.социол.н., доцент,
доцент кафедры маркетинга и
муниципального управления
Тюменского государственного
нефтегазового университета

В условиях парадигмальных изменений в системе российского государства, разработки новых механизмов государственной политики, формирования гражданской идентичности значимую актуальность приобретает исследование социальной активности населения, провоцирующих ее факторов и форм проявления. Так как именно проявление активности в последнее время все больше формирует реальные субъектные основания для включенности населения в систему управления государством, регионом, городом.

Современное развитие муниципалитетов в условиях трансформации происходящих в обществе процессов приобретает новые характерные черты. Это связано с институализацией новых элементов в структуре территориального пространства, одним из которых является активность населения. С одной стороны, активность выступает в качестве системного элемента этого пространства, с другой, формирование и проявление активности населения определяет структуру и содержание пространства современного муниципалитета.

Активность населения проявляется в разных формах и направлениях, может носить конструктивный и деструктивный характер. Определение факторов провоцирующих ее проявление, влияющих на выбор населением форм участия в развитии муниципалитета, формировании условий его проживания на территории является первичным основанием в исследовании современного городского пространства.

Город Тюмень является одним из самых динамично развивающихся городов современной России. В рейтинге городов РФ с численностью населения свыше 500 тыс. чел. по качеству жизни, составленного на основе комплексной методики Департаментом социологии Финансового университета при Правительстве РФ именно город Тюмень занял в 2014 году первое место. При этом, оценивая состояния различных элементов городского пространств, позиция города неоднородна. Позиция Тюмени в рейтингах экономико-демографических показателей высокая. Показатели, характеризующие состояние социальной инфраструктуры, ее кадровую обеспеченность и удовлетворенность обслуживанием населения, а также уровень преступности не формируют у города Тюмени лидирующих позиций, опуская ее даже

в четвертую десятку рейтинга из 37 российских городов. Нестабильность значения показателей характеризующих состояние социально-экономических и политических процессов определяет необходимость исследования проблем развития территории через призму включенности в их решение населения.

Именно стремление к преодолению неудовлетворенности условиями проживания на территориях, нерешенность социальных, хозяйственных вопросов являются значительными причинами проявления управленческой активности горожан. Условия проживания населения, характеристики места повседневной жизнедеятельности определяют потребность проявления активности и формируют новую категорию «территориальная активность».

Территориальная активность – это деятельность индивида, социальных групп, сформированная потребностью решения вопросов места проживания, определяемых особенностями территории.

При этом территориальная активность проявляется как явление комплексное, включающая в себя разные формы и направления. Исходя из анализа проявления территориальной активности горожан можно разделить ее на следующие направления и компоненты:

1. Политическая территориальная активность:

- взаимодействие с депутатами;
- взаимодействие с политическими партиями, объединениями;
- участие в выборах;
- участие в публичных слушаниях и др.

2. Экономическая территориальная активность:

- привлечение финансовых ресурсов для развития территории (в форме грантов, благотворительных акций, средств фондов местных сообществ и т.д.)
- участие в бюджетном процессе.

3. Социальная территориальная активность:

- социальные проекты, направленные на вовлечение населения, проживающего на территории;
- социальные, культурные, досуговые мероприятия, проводимые на территории (микрорайон, квартал, улица, дом, подъезд и др.);
- социальная помощь отдельным категориям граждан, проживающих на отдельной микротерритории города.

4. Бытовая (хозяйственная) территориальная активность:

- благоустройство территории (субботники, акции по озеленению и др.)
- вопросы ЖКХ (обращения, связанные с качеством услуг, мониторинг качества услуг и др.)
- контроль качества работ подрядных организаций осуществляющих деятельность на территории.

Проявление территориальной активности может носить как организованный характер, так и неорганизованный и проявляться стихийно, переходя из латентного состояния в явное противостояние.

Организованные формы территориальной активности населения определены, в большинстве случаев, законодательно. К ним относятся публичные слушания, «электронный муниципалитет», территориальное общественное самоуправление, товарищества собственников жилья, квартальные, старшие по подъезду, старшие по площадке.

Данные формы территориальной активности населения активно используются населением города Тюмени для решения вопросов территорий проживания.

Застройка территории, использование земель по целевому назначению, необходимость своеременного и функционального размещения объектов социальной инфраструктуры, явилось основанием для проявления территориальной активности населения в форме публичных слушаний. Сама процедура принятия градостроительных решений в городе предполагает проведение публичных слушаний и, следовательно, привлечения населения к этому процессу. Интенсивность возникновения необходимости использования данного механизма растет с каждым годом.

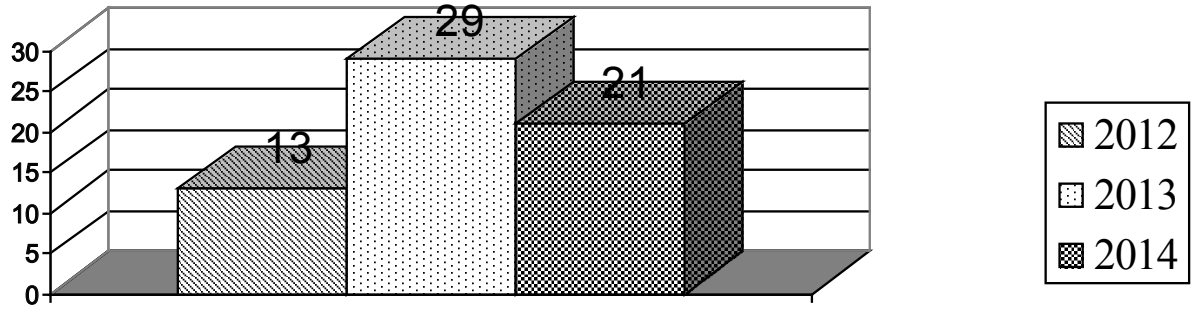

Рис.1 Количество публичных слушаний в г. Тюмени в 2012-2014 гг.

Особенностью проводимых публичных слушаний, становится возрастание интереса населения к данной форме проявления активности, они перестают носить формальный характер и приобретают форму дискуссионной площадки органов местного самоуправления и населения, на которой последние отстаивают свои интересы, особенно по вопросам застройки территории и использования объектов строительства в социальных целях.

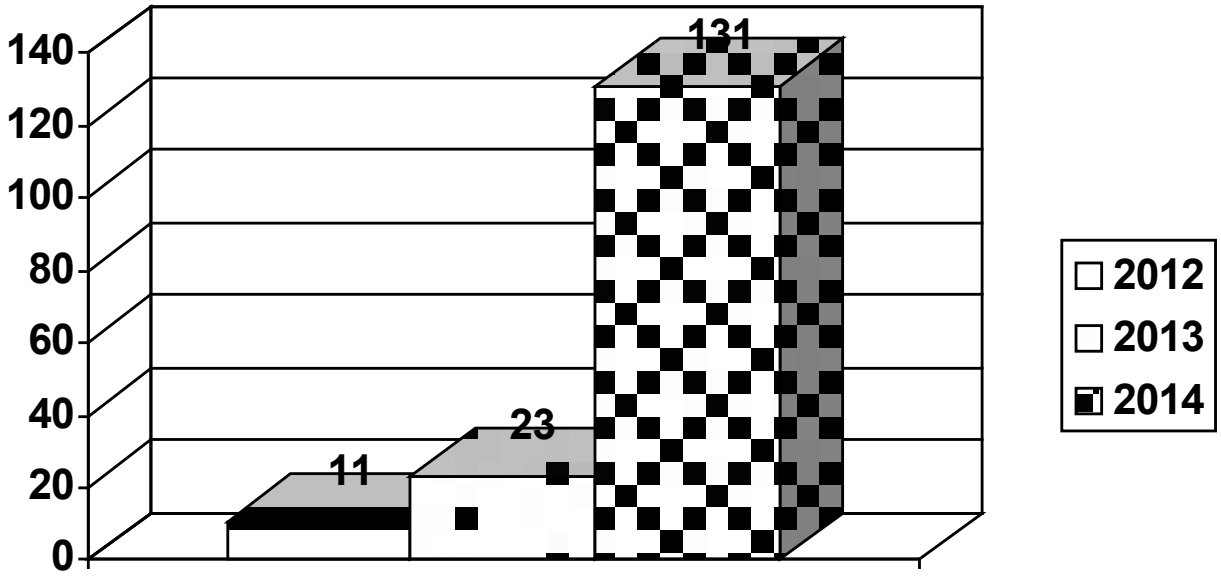

Рис. 2 Количество участников публичных слушаний

Развитие коммуникативных связей с использованием сети Интернет позволило населению проявлять активность в формате «электронного муниципалитета». Реализуемые в городе Тюмени проекты «Тюмень – наш дом», «ТвоЯ Тюмень» и «Я решаю» аккумулирует инициативы горожан по выявлению проблем территории проживания, и повышают оперативность их решения со стороны органов местного самоуправления.

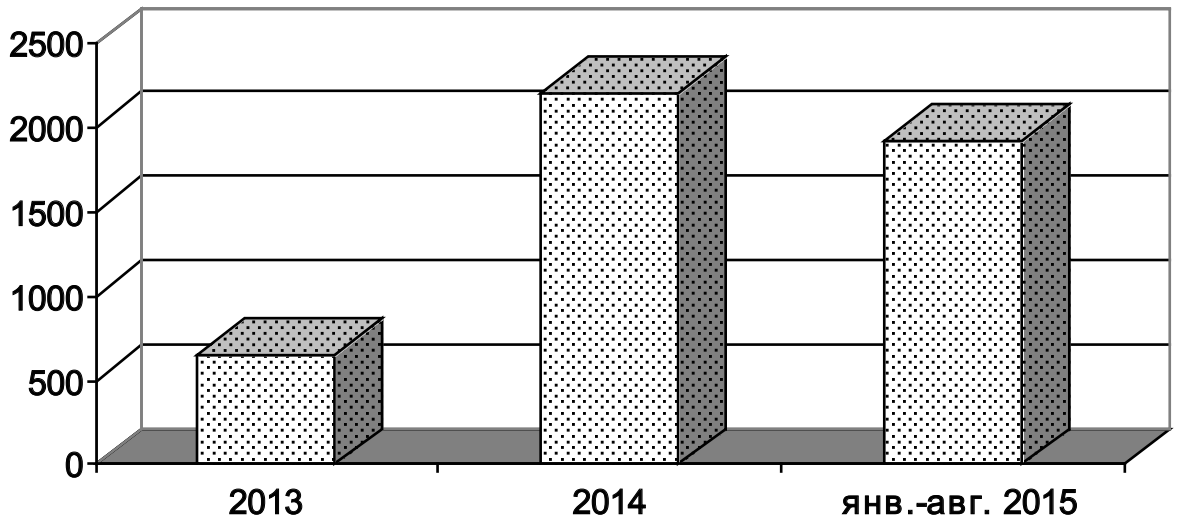

Рис. 3 Количество обращений в рамках проекта «Тюмень – наш дом»

Количество обращений населения в рамках проекта «Тюмень – наш дом» ежегодно растет, что определяет развитие данной формы территориальной активности горожан. При анализе обращений граждан на сайте используется метод картографирования, который позволяет отследить территориальный характер проявления активности населения и подтверждает территориальную дифференциацию ее проявления.

Проблемность городских окраин – отсутствие социальной инфраструктуры, транспортная удаленность, низкая степень благоустройства априори всегда рассматривалась как характеристика неблагополучия, низкого качества жизни горожан. Вот в этих условиях для решения сложившихся проблем формируется и проявляется, как показало исследование, активность населения.

Имеющиеся на территориях проблемы имеют комплексные характер, поэтому наибольшее распространение получают те формы территориальной активности, которые позволяют решить разносторонние проблемы жизнедеятельности населения.

Одной из распространенных форм активности, направленной на решение проблем территории является территориальное общественное самоуправление. Город Тюмень имеет значительный опыт по развитию данного института в системе местного самоуправления. Уже найдены организационные механизмы, позволяющие ТОСам выступать не только в качестве транслятора социальных настроений территориальных сообществ, но и реальным участником реализации муниципальной политики по отдельным вопросам на территории города.

Социальное картографирование локализации активности в территориальном общественном самоуправлении также определило, что она в большей степени проявляется на проблемных окраинах города.

Соответственно, именно там формируются новые качественные условия, способствующие развитию активности населения и включению его в качестве субъекта управления территорией. Возможно даже, фактором, формирующих данную активность является не столько «проблемность» территории, сколько тяготение окраин к полноценной включенности в реализацию современной муниципальной политики, эффективное решение проблем города.

Население через активность стремится обеспечить включенность в процессы, происходящие на территории города, реализацию себя в качестве субъекта управления. Доминирующим направлением его деятельности является решение хозяйственных вопросов на территории проживания.

В этих условиях перед органами муниципального управления формируются новые задачи управленческой деятельности:

1. Обеспечение мониторинга форм и направлений активности горожан.

2. Формирование механизмов включенности населения в процесс реализации целей развития города.

3. Разработка стратегических планов развития муниципалитета с учетом проявления активности горожан, как неотъемлемого условия эффективности управления территорией.

Развитие организованных форм активности населения и использование социального картографирования для определения территориальных тенденций ее проявления позволит исследовать территориальную активность населения, установить взаимосвязь с факторами ее побуждающими, формами проявления и направлениями. Что позволит использовать потенциал населения в практике муниципального управления, конструировании городского пространства и достижении нового качества жизни населения.

ВОСПИТАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ К ЛЮДЯМ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Е.И. Попова –
к. педагогич.н., доцент кафедры теории и методики начального и дошкольного образования Ишимского филиала Тюменского государственного университета

В ФГОС дошкольного образования особое внимание уделяется коррекционной работе и/или инклюзивному образованию.

В период, когда в стадии решения находятся вопросы нормативно-правового, организационного, кадрового, методического и научно-методического обеспечения инклюзивного образования в ДОУ, необходимо подготовить детей, родителей, педагогов к принятию детей с ограниченными возможностями здоровья.

Анализ практики достаточно большого числа государственных образовательных учреждений показал, что:

- недоброжелательность, озлобленность, агрессивность все больше распространяются в детской среде;
- взаимная нетерпимость, агрессия и эгоизм через средства массовой информации и социальное окружение детей проникают в образовательные учреждения;
- физическое, эмоциональное насилие, дискриминация становятся привычными проявлениями социальной жизни;
- толерантность не является доминирующей в структуре личностных ценностей детей и современной молодежи;
- стереотипы, страхи, запреты, отсутствие знаний способствуют развитию негативного отношения к людям с ограниченными возможностями здоровья и др.

Известно, что в дошкольном возрасте закладывается базис культуры личности, происходит становление механизмов толерантности, поэтому представляется оправданным рассматривать данный возраст как сензитивный период для формирования данного интегративного личностного образования.

С этой целью на базе муниципального автономного дошкольного образовательного учреждения «Детский сад № 9 общеразвивающего вида» г. Ишима была открыта муниципальная инновационная площадка «Воспитание толерантности к людям с ограниченными возможностями здоровья у детей дошкольного возраста».

Научно-методической основой экспериментальной деятельности послужили общие положения антропологического, личностного и деятельностного подходов.

Толерантность старшего дошкольника мы понимаем как интегративное качество личности, формирующееся на основе познания многообразия мира и определяющее его желание и умения устанавливать социальные контакты с другими детьми и взрослыми, независимо от их пола, этнической принадлежности, физических особенностей, на основе терпимого, уважительного отношения и готовности к взаимодействию и сотрудничеству.

Воспитание толерантности у детей старшего дошкольного возраста в условиях дошкольного образовательного учреждения мы рассматриваем как специально организуемый и управляемый процесс вовлечения ребенка в активное взаимодействие со сверстниками и взрослыми, моделирование ситуаций взаимодействия с людьми с ограниченными возможностями здоровья с целью формирования представлений о многообразии и единстве человечества как основы для проявления им деятельного сочувствия и готовности к бесконфликтному сотрудничеству.

Поскольку результатом и основанием любой деятельности являются знания \ представления, поведение и отношение, в структуру толерантности ребенка как результата деятельности по усвоению социального опыта и необходимого условия успешной деятельности в социуме мы включили следующие компоненты: мотивационно-ценностный, когнитивный, эмоционально-волевой, поведенческий.

Мотивационно-ценностный: усвоение ненасилия как ценности с провозглашением смыслов добра, смиренности и т.д.; определяющей мотивацией являются мотивы помощи, сотрудничества, любви, содействия, сопровождения, уступчивости, снисхождения.

Когнитивный: умение понять происходящее, мотивацию, миропостроение противоположной стороны, рефлексивное сознание и мышление; знание, осознание и интериоризацию идей о ценности ненасилия, толерантной культуры; знание о правах человека и границах толерантной культуры; о своеобразии другой группы; знание о способах общения и поведения в различных жизненных ситуациях.

Эмоционально-волевой: доброжелательность как дружеское расположение к другим людям, настрой на позитивные взаимоотношения; позитивное отношение к представителям других рас и национальностей, проявляющееся в интересе, желании познакомиться и подружиться с ними; активно-гуманистическое отношение к людям с ограниченными возможностями здоровья, проявляющееся в сопереживании и стремлении оказать посильную помощь; эмпатийность как способность к сопереживанию, сочувствию и содействию, самоконтроль и саморегуляция

Поведенческий (конативный): способность регулировать свое поведение; общительность, проявляющуюся в открытости, естественности и легкости в установлении непосредственных межличностных контактов со сверстниками, в том числе с ограниченными возможностями здоровья и взрослыми; умение выстраивать отношения со сверстниками на основе понимания их чувств и желаний; миролюбие, проявляющееся в стремлении к достижению согласия, в стремлении разрешать конфликты без использования принуждения и насилия.

Следует подчеркнуть, что процесс формирования толерантного, терпимого отношения участников образовательного процесса к детям с ограниченными возможностями здоровья осуществляется комплексно и предусматривает работу со всеми субъектами образовательного процесса: детьми, родителями, педагогами.

Важное значение имеет предупреждение возникновения психотравмирующих, стрессо- и рискогенных ситуаций в системе межличностных отношений: «ребенок с ограниченными возможностями здоровья – здоровые сверстники», «родители ребенка с физическими и/или психическими нарушениями – педагог», «родители ребенка с физическими и/или психическими нарушениями – родители здоровых детей» [1; 18].

В процессе экспериментальной деятельности нами были разработаны и апробированы:

- модель взаимодействия дошкольной образовательной организации и семьи в воспитании толерантности к людям с ограниченными возможностями здоровья у детей старшего дошкольного возраста, включающая концептуальный, нормативный, организационно-методический, результативно-диагностический блоки и представляющая целостную систему формирования толерантности у дошкольников, инициированного компетентными взрослыми (педагогом и родителями);
- комплекс организационно-педагогических условий формирования толерантности к людям с ограниченными возможностями здоровья у детей старшего дошкольного возраста (научно-методическое обеспечение формирования толерантности к людям с ограниченными возможностями здоровья, технология формирования толерантности к людям с ограниченными возможностями здоровья, комплексная психолого-педагогическая диагностика сформированности толерантности к людям с ограниченными возможностями здоровья у всех субъектов экспериментальной деятельности (детей, родителей, педагогов), программа мониторинга взаимодействия ДОУ и семьи по проблеме формирования толерантности к людям с ограниченными возможностями здоровья);
- критерии и показатели сформированности толерантности к людям с ограниченными возможностями здоровья у всех субъектов экспериментальной деятельности (информационно-познавательный, эмоционально-ценностный и опытно-деятельностный компоненты) и диагностический аппарат оценки их уровней;

- авторская программа для детей старшего дошкольного возраста «Мир один для всех».

Программа «Мир один для всех» содержат цикл занятий, направленных на воспитание толерантности к людям с ограниченными возможностями здоровья у детей старшего дошкольного возраста и младших школьников [2; 33-41].

Цель занятий по воспитанию толерантности к людям сограниченными возможностями здоровья – овладение детьми знаниями о людях с ограниченными возможностями здоровья, о специальных технических средствах, помогающих людям с ограниченными возможностями здоровья, о возможностях личности инвалида, равных возможностях людей с ограниченными возможностями здоровья со здоровыми людьми, о правилах общения с людьми с ограниченными возможностями здоровья и др., а также овладение конкретными навыками толерантного поведения; правах людей с ограниченными возможностями здоровья и др.

Перечень тем занятий представлен в программе следующим образом: «Кто же все-таки люди с ограниченными возможностями здоровья?», «Чувства людей с ограниченными возможностями здоровья», «Чем мы можем помочь людям с ограниченными возможностями здоровья?» «Достижения людей с ограниченными возможностями здоровья», «Город удобный для всех», «Права людей с ограниченными возможностями здоровья».

Для закрепления и последующего применения на практике полученных знаний в занятия включены тренинги толерантного поведения.

В качестве методических средств предлагаются ролевые игры, психогимнастические игры, коммуникативные игры, игры-драматизации, свободное рисование и др.

Овладение знаниями и отработка необходимых поведенческих навыков осуществляется через использование активных методов обучения, к числу которых мы отнесли: проблемный рассказ; беседу; проблемные наглядные пособия; метод познавательных игр; метод аналогий; моделирование и анализ жизненных ситуаций; элементы дискуссии; проблемные ситуации, этюды и игры на выражение отдельных качеств характера и эмоций.

С целью активизации и обогащения эмпатийного опыта детей в программу включены произведения художественной литературы о людях с инвалидностью, предназначенные для чтения и обсуждения. К числу таких произведений мы отнесли следующие: «Цветик-семицветик» (В.П. Катаев), трилогию «Кэти» (Сьюзен Кулидж), «Аленький цветочек» (С.Т. Аксаков), «Карлик Нос» (В. Хауф), «Стойкий оловянный солдатик» (Г.Х. Андерсен) и др.

Есть основания считать, что предлагаемая нами программа социально-коммуникативного развития ребенка «Мир один для всех» может быть воспроизведена в любом образовательном учреждении.

Предполагаемые результаты инновационной деятельности:

Новообразования в развитии толерантности детей:

В мотивационно-ценностной сфере: отсутствие психологических барьеров, стереотипов, и предрассудков по отношению к иным; определяющей мотивацией являются мотивы помощи, сотрудничества, любви, содействия, сопровождения, уступчивости, снисхождения.

В когнитивной сфере: сформированность объема, глубины, действенности знаний о толерантности и толерантном поведении, а именно: приемах, способах, стратегиях толерантного взаимодействия; осознанное желание соответствовать представленным образцам (мотивированность); умение понять мотивацию, миропостроение противоположной стороны (соотнести предмет познания со своими знаниями и представлениями, со своим жизненным опытом, включить этот предмет в систему причинно-следственных связей, на основании которых возможно его объяснение, интерпретация и оценка).

В эмоционально-волевой сфере: сформированность толерантного отношения к другим людям и к самому себе, где определяющей мотивацией являются мотивы помощи, сотрудничества, любви, содействия, сопровождения, уступчивости, снисхождения, т.е. «сочувствие-сопереживание», а также умения преодолевать раздражительность, невыдержанность и проявлять выдержку, самообладание, самоконтроль, саморегуляцию.

В поведенческой (конативной) сфере: осознанное отношение к своим действиям, выражающееся в опыте воплощения соответствующих знаний и представлений в конкретных ситуациях («сочувствие-действие»).

Новое в содержании, формах и методах педагогической деятельности: изменение социальных стереотипов к людям с ограниченными возможностями здоровья через разработку и апробацию содержания и форм сотрудничества ДОУ и родителей; развитие профессионального сознания, позиции воспитателя в сфере толерантного отношения к людям с ограниченными возможностями здоровья, готовности к реализации авторских программ, социально-значимых проектов, городских акций, мероприятий с родителями нормативно развивающихся детей и детей с ограниченными возможностями здоровья.

Список литературы:

1. Писаревская, М.А. Формирование толерантного отношения к детям с ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивного образования / М.А. Писаревская. – Краснодар : Краснодарский ЦНТИ, 2013. – 132 с.

2. Попова, Е.И. Воспитание толерантности к людям-инвалидам в период дошкольного детства / Е.И. Попова // Современное дошкольное образование. Теория и практика. – 2011. – № 2. – С. 33-41.

КУЛЬТУРНЫЕ КЛАСТЕРЫ В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ НА УРОВНЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д.Л. Савельев –
к.истор.н., доцент,
доцент кафедры государственного
и муниципального управления
тюменского государственного
университета

Культура в своём понимании – гораздо шире, нежели деятельность отраслевых учреждений. Культура не только меняет мировосприятие людей, но и приводит к переменам в экономических и социальных системах. Динамика социально – экономического развития региона в современных условиях во многом определяется культурной составляющей. В рамках развития территории, региональными и местными органами власти должны быть пересмотрены взгляды на содержание и роль отрасли культуры. Отказ от традиционного подхода к культуре как исключительно затратной сфере должен сопровождаться формированием представлений о культурной отрасли как инновационном компоненте территориального развития. Реализация потенциала учреждений культуры в качестве субъектов региональной экономики, помимо реализации ими традиционных функций (сохранение объектов историко-культурного наследия, адаптация людей к неблагоприятным жизненным обстоятельствам, обеспечение условий для проявления социально-культурной активности, формирование духовных и нравственных ценностей) должна предусматривать возможность использования ресурсной базы учреждений культуры в качестве инвестиционного потенциала развития территории. Данный подход предусматривает неизбежность кардинальных институциональных изменений в деятельности учреждений культуры, моделировании нового формата государственной культурной политики, технологий и механизмов ее реализации.

Диверсификация региональной экономики должна предусматривать создание культурного сектора, который специализируется на производстве товаров и услуг, имеющих культурную ценность. При этом сфера культуры как высокотехнологичная отрасль региональной экономики ориентируется на раскрытие инновационного потенциала территории региона посредством реализации креативных культурных проектов: выставок, фестивалей, конференций, флеш-мобов и т.п и взаимоувязана с такими направлениями как туризм, дизайн, народные промыслы, прикладное искусство.

Наиболее ярко данные процессы проявляются в центрах концентрации учреждений культуры, а так же организационных структур обеспечивающих

или содействующих их деятельности. В рамках городского пространства создаются условия для развития большого количества творческих направлений деятельности, внедрения инновационных и организационных форм производства и предоставления культурных услуг: творческих и креативных индустрий, фандрайзинга, некоммерческого маркетинга и других.

В настоящий момент все большее внимание со стороны экспертов, при оценке региональных конкурентных преимуществ, привлечено к анализу региональных экономических кластеров. Кластерный подход к организации и функционированию отраслей региональной экономики рассматривается в качестве наиболее эффективного подхода для повышения инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности территории.

Согласно теории М. Портера, кластер – это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний (поставщики, производители, субподрядчики) и связанных с ними организаций (образовательные заведения, органы управления, инфраструктурные компании), действующих в определенной сфере и совместно обеспечивающих региональную конкурентоспособность [1]. Культурный кластер позволяет сосредоточить материальные, организационные, инфраструктурные, кадровые ресурсы в целях формирования привлекательной для населения культурной среды. Одновременно с этим кластерный подход служит базой для дополнительных инвестиционных вливаний в культурную сферу, и создает предпосылки инновационной деятельности. На основе пространственной локализации учреждений культуры происходит концентрация «культурного продукта», создаются условия для активизации различных форм кооперации, сотрудничества и выстраивания неформальных коммуникаций между участниками осуществления культурной политики. Как следствие, распространение «лучших практик», внедрение управленческих инновационных технологий в рамках кластера происходит предельно быстро. В этой связи, создание и функционирование культурного кластера, позволяет обеспечить эффективное развитие культурной сферы и творческого потенциала жителей территории.

Формирование внутригородского культурного кластера способствует созданию с одной стороны формированию городской идентичности на основе локальных культурных кодов, повышению интенсивности взаимодействия групповых и индивидуальных субъектов в рамках создания и трансляции культурного продукта, а с другой стороны – расширению системы взаимодействия и культурного обмена между городами отдельного региона и межрегионального взаимодействия. В данной ситуации «сеть творческих городов позволила бы обмениваться знаниями и опытом, популяризировать наиболее эффективную практику и укреплять собственную индустрию культуры, создавая новые возможности в области инвестиций и трудоустройства и развивая культурный туризм».[2. с. 2.]

Функционирование культурного кластера обеспечивает широкие возможности для обеспечения занятости местного населения и удовлетворения потребностей граждан в культурных услугах, сохранения и рационального использования объектов культурно-исторического наследия.

В рамках кластерного подхода ярко проявляется «эффект масштаба» производства и предоставления культурной услуги, когда учреждения культуры, составляющие «ядро кластера», формируют сконцентрированный спрос на персонал соответствующей квалификации, смежные сервисные услуги. Локализация предприятий и организаций, содействующих реализации культурного продукта или использующих культурный продукт для извлечения прибыли (предприятия общественного питания, туристические фирмы, транспортные предприятия, гостиницы, типографии и т.д.) позволяет расширить масштабы обслуживания большого спроса со стороны «ядер кластера».

Одновременно с этим кластерный подход принципиальным образом меняет содержание государственной культурной политики. Региональные органы государственной власти выступают в качестве субъекта создающего базовые условия для формирования рынка услуг в культурной сфере. При этом деятельность государственных структур должна ориентироваться не столько на поддержку отдельных учреждений культуры, сколько на создание оптимального, с точки зрения клиента, механизма предоставления культурной услуги или продукта. Эффективность реализации данного подхода будет определяться степенью интегрированности учреждений культуры в иные отрасли региональной экономики, к примеру, туристическую.

Формирование культурного кластера, как направление деятельности региональных органов власти, предусматривает реализацию комплексного подхода к социально-культурному развитию территории, развитие системы горизонтальных взаимосвязей различных организаций и учреждений социальной сферы на основе разработки целевых программ и проектов и переориентации деятельности учреждений культуры на производственный сектор экономики. В данном контексте осуществление региональной культурной политики будет содействовать дальнейшему развитию человеческого и творческого потенциала индивидуума, повышению уровня культурных потребностей населения и качества предоставляемых культурных услуг.

Инновационная составляющая развития культурных кластеров будет содействовать развитию творческого потенциала специалистов культурной отрасли, повышению престижности культурных профессий, развитию финансово – экономической самостоятельности и доходности учреждений культуры.

В современных условиях отрасль культуры может рассматриваться в качестве мощного фактора стимулирования инновационного развития и повышения инвестиционной привлекательности территории.

Степень влияния учреждений культуры на развитие социально – экономического потенциала региона во многом определяется масштабом использования ими современных технологий, эффективных форм и методов работы с населением и бизнес – структурами, уровнем квалификации специалистов, вовлеченных в процесс формирования культурного продукта. Современные подходы к деятельности учреждений культурного и культурно – досугового типа должны предусматривать комплексность и разнонаправленность их деятельности с учетом национально – культурных традиций региона культурных потребностей и интересов адресных групп. В этой связи формирование культурных кластеров, как инновационной формы осуществления государственной культурной политики на региональном уровне позволит, на наш взгляд, в определенной степени решить задачу по формированию культурной среды на уровне локальной территории, оптимизировать финансово – экономические затраты для осуществления культурной политики и повысить эффективность деятельности учреждений культуры.

Список литературы:

1. Портер М. Международная конкуренция: Пер. с англ./Под ред. и с предисловием В.Д. Щетинина. М.: Междунар. отношения, 1993. 896 с.

2. Метелева Е.Р. Креативные и культурные индустрии как основа развития туризма в сибирском регионе // Известия иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2010. № 6. – URL: http://eizvestia.isea.ru (дата обращения 28.10.2014)

СОВРЕМЕННАЯ АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Э.А. Сагдиева –
к.социол.н., старший научный сотрудник
Центра этнологических исследований
Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан

Сельскому хозяйству Республики Татарстан оказывается серьезная поддержка на государственном уровне. Президент Республики Татарстан Р.Н. Минниханов в Послании Государственному Совету Республики Татарстан отметил: «Сельское хозяйство – не только важнейшая сфера экономики, но и уклад жизни. Мы всегда поддерживали и будем поддерживать село. За последние 5 лет в АПК из федерального и республиканского бюджетов направлено более 100 млрд руб. Кроме того, реализуются республиканские программы поддержки села. В их числе строительство дорог, фельдшерско-акушерских пунктов (ФАПов), сельских клубов, универсальных спортивных площадок, опорных пунктов для участковых полиции, восстановление уличного освещения, программа «Чистая вода» и другие программы. Продолжается реализация крупных инвестиционных проектов нашими агрохолдингами. Это запуск нового производства мяса птицы «Агросилой Групп», удвоение производственных мощностей на «Камском беконе», увеличение выпуска мясной и молочной продукции с собственной переработкой в «Ак барс» холдинге, создание крупнейшего в России комплекса по производству козьего молока, расширение тепличного хозяйства в компании «Майский» – крупнейшего производителя овощей в нашей стране. Наряду с развитием агрохолдингов особое внимание следует уделять развитию семейных ферм, личных подворий граждан, а также иных малых форм хозяйствования» [1].

Экономическое состояние сельского хозяйства напрямую зависит от государственной поддержки агропромышленного комплекса (АПК). На финансирование мероприятий по господдержке АПК в Татарстане в 2015 году выделяется 6095,7 млн. руб. По Постановлению Кабинета министров Республики Татарстан от 26 февраля 2015 г. №120 «О мерах государственной поддержки агропромышленного комплекса в 2015 году» господдержка оказывается в форме субсидий и предусматривает возмещение части затрат сельхозтоваропроизводителям. Одним из основных направлений господдержки АПК – оказание несвязанной поддержки в области растениеводства. Вторым крупным направлением господдержки АПК является отрасль животноводства. Выделяются средства на финансирование технической и технологической модернизации сельхозпроизводства, на уплату страховых премий по договорам

сельскохозяйственного страхования, на возмещение части процентной ставки по краткосрочным кредитам (займам). Также предоставляются гранты и финансирование мероприятий, связанных с подготовкой квалифицированных специалистов аграрного профиля и по государственной поддержке кадров АПК Республики Татарстан. Также в 2015 году будут предоставляться субсидии на возмещение сельхозтоваропроизводителям (за исключением граждан, ведущих личное подсобное хозяйство (ЛПХ)), организациям АПК и крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ) части затрат уплаченного налога на имущество организаций [2].

В рамках реализации Государственной программы «Развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы», в Республике Татарстан действует ряд программ поддержки сферы сельского хозяйства. Особое внимание и всесторонняя поддержка уделяется малым формам хозяйствования в рамках подпрограммы «Поддержка малых форм хозяйствования». Основной задачей данной подпрограммы является устойчивое развитие сельских территорий через организацию и развитие производства товарной продукции в формате семейных ферм, ЛПХ и КФХ. «За этим термином *[устойчивое развитие сельских территорий – прим. авт.]* скрывается необходимость обеспечения прогресса в долгосрочном периоде, не нарушая баланса между сохранением природно–ресурсного потенциала и решением всего комплекса социальных, экономических, демографических, культурных, институциональных и других проблем» [4, с.8].

Государственную поддержку сельского хозяйства, по словам президента Республики Татарстан Минниханова Р.Н. «надо эффективно, рачительно использовать. Пока это не везде удается, есть эффективные, средние и менее эффективные предприятия. Конечно же, мы должны говорить сегодня не только о крупных сельхозформированиях, мы должны помнить о личном подворье – это огромное количество людей, это проект социальный, потому что без личного подворья мы задачу не решим. Село – это основа наша. В республике на сегодня действует 1093 семейные фермы, 138 – на стадии строительства» [5].

В 2014 году в республике функционировало 448,1 тыс. единиц ЛПХ с освоенной площадью в 113,7 тыс. гектар; 4,6 тыс. единиц КФХ, занимающихся сельскохозяйственным бизнесом, с площадью земли 276,6 тыс. гектар. В Татарстане, на октябрь 2014 года их количество составило 1001 единица. Стимулирование малых форм хозяйствования в республике происходит за счет льготного кредитования личных подсобных хозяйств. Общая сумма выданных кредитов, оценивается в 36,3 млрд. рублей, в том числе в 2014 году, было выдано кредитов на 5,1 млрд. рублей и выплачено субсидий 2,6 млрд. рублей [6]. С начала 2015 г. КФХ и ЛПХ получили 853 кредита на 230 млн. рублей на развитие частных подворий и аграрного бизнеса на селе [3].

Малые формы хозяйствования используют эти кредиты на закупку скота, строительство животноводческих помещений, закупку техники и оборудования для развития животноводства. Данное технологическое оборудование семейным фермам обходится по половине стоимости, также осуществляется помощь в обустройстве территорий ферм.

В рамках популяризации предпринимательства и начала бизнеса на селе, в республике с 2012 года реализуются программы с федеральным соучастием «Поддержка начинающих фермеров» и «Развитие семейных животноводческих ферм». Высоко оценивается фермерами и программа «Лизинг-грант», по которой грантополучателям предоставляется в лизинг, сроком до 5 лет техника и оборудование любых отечественных и зарубежных производителей с субсидированием платежей. Для увеличения объема закупок сельскохозяйственной продукции от населения в 2014 году, в республике создан 151 сельскохозяйственный потребительский кооператив по сбыту, заготовке и переработке и 45 сельскохозяйственных кредитных потребительских кооператива [7].

Проводимая аграрная политика в сельском хозяйстве Республики Татарстан привела к созданию многоукладной структуры экономики, состоящая из трех групп форм хозяйствования, разных по численности, объему производимой валовой и товарной продукции, вовлекаемых трудовых, материальных и финансовых ресурсов, эффективности ведения производства. В первую группу входят крупные коллективные сельскохозяйственные организации разных форм собственности (общества с ограниченной ответственностью, сельскохозяйственные производственные кооперативы и т.д.). Вторую группу образуют КФХ, хозяйства населения, представляющие собой экономическую единицу в составе одного или нескольких лиц. В республике широко развито направление «семейные фермы», деятельность «крестьянских подворий». Третью группу образуют индивидуальные предпринимательские практики. В татарских селах они самые разнообразные: производство на ЛПХ продукции для реализации населению (например, выращивание клубники, тепличное хозяйство и т.д.); содержание на ЛПХ скота для самообеспечения семьи; ручное изготовление для реализации товаров, как первой необходимости, так и имеющих национальную специфику (пошив национальных татарских головных уборов – тюбетеек, катание валенок и т.д.); организация сельского туризма (создание этнической деревни, страусинная ферма, верблюжья ферма, конная ферма и т.д.); оказание услуг населению (автомастерские; небольшие магазины с хозяйственными и продуктовыми товарами, ателье, ремонт обуви и т.д.).

С 2014 года, поддержка сельских жителей осуществляется в рамках федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 года и на период до 2020 года». В Татарстане для привлечения

новых специалистов на село реализуются такие программы, как: «Улучшение жилищных условий граждан в сельской местности» и «Обеспечение жильем молодых специалистов и молодых семей на селе» [8]. По результатам 2013 года, в сельской местности было введено 51,0 тыс. кв. м. жилья для молодых семей и молодых специалистов. Количество получивших государственную поддержку составило 9063 семей. 66,1% сельских территорий обеспечены питьевой водой, а уровень газификации домов сетевым газом достиг 96,1% [7].

На конец 2014 года, по результатам работы по укреплению материально-технической базы здравоохранения, в сельской местности республики смонтировано 231 модульных ФАПа, отремонтировано и оснащено 1333 объекта здравоохранения. В следующем году все модульные ФАПы планируется переоборудовать в Смарт-ФАПы. По словам главы министерства здравоохранения Республики Татарстан А. Вафина «специальное оборудование и программный продукт, которыми оснастят ФАПы, трансформирует пункты в мини диагностические центры, которые интернет соединит с центральными районными больницами» [9]. Работа новых ФАПов позволит сельчанам проходить начальные этапы диспансеризации у себя в селе, а продолжать обследование уже в центральной районной больнице.

Количество общеобразовательных школ в сельской местности Татарстана в 2013-2014 году составило 1378 [11]. По распоряжению Кабинета министров РТ, в 2015 году, в Татарстане планируется ремонт спортивных залов сельских школ и на это выделены средства в размере 57 млн. рублей [10].

Для обеспечения сельскохозяйственных организаций республики специалистами с аграрным образованием Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан проводит целевое обучение выпускников сельских школ Татарстана с целью их дальнейшего обустройства на сельскохозяйственных предприятиях районов. Студенты старших курсов также получают именные стипендии Министра сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан за прохождение производственной практики в сельхозформированиях [7].

Наряду с позитивными процессами проводимой аграрной политики в республике, следует отметить и негативные тенденции, подрывающие социальное благополучие в селах, которые носят общероссийский характер. Это безработица на селе и как следствие – высокий отток населения (особенно молодого трудоспособного возраста), низкий уровень заработной платы, отсутствие стабильного и эффективного рынка сбыта сельскохозяйственной продукции и низкая социальная благоустроенность некоторых сел. Уровень жизни и благосостояния сельчан во многом зависит от строительства и содержания объектов социально – культурного назначения, производственной и социальной инфраструктуры, организации социально-культурной жизни сельчан. Большинство сельских территорий оказалось неспособным в силу

разных причин успешно решать эти проблемы и создать для селян достойные условия жизнедеятельности.

Таким образом, государственная поддержка АПК в Республике Татарстан осуществляется в виде субсидирования возможностей для развития разнообразных форм хозяйствования: коллективных хозяйств, крестьянско-фермерских хозяйств, индивидуальных предпринимательских практик. Такое рациональное сочетание разных форм собственности и хозяйствования наблюдается во многих современных селах Татарстана и позволяет говорить об экономически эффективном состоянии и развитии села.

Список литературы:

1. Послание Президента Республики Татарстан Государственному Совету Республики Татарстан // [Электронный ресурс] Официальный Татарстан. – URL: http://president.tatarstan.ru/news/view/123093 (дата обращения: 05.05.2015).

2. Постановление КМ РТ от 26 февраля 2015 г. N 120 «О мерах государственной поддержки агропромышленного комплекса в 2015 году». [Электронный ресурс] URL: http://www.garant.ru/hotlaw/tatarstan/614450/#ixzz3XMnMUkQZ (дата обращения: 15.04.2015).

3. Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан. [Электронный ресурс] URL: http://agro.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/427067.htm (дата обращения: 06.05.2015).

4. Киселев С.В. Государство, развитие села и сельской экономики. Изд-во ИНФРА-М. 2007. – 436с.

5. Минниханов: «Наша задача – ценовая стабильность и недопущение сокращения ассортимента продуктов». [Электронный ресурс] URL: http://www.tatar-inform.ru/news/2015/02/18/442577/ (дата обращения: 22.04.2015)

6. Агропромышленный комплекс Республики Татарстан. [Электронный ресурс] URL: http://agro.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_209266.pdf (дата обращения: 19.02.2014).

7. Отчет о выполнении Госпрограммы развития сельского хозяйства на 2013-2020 гг. за 1 квартал 2014 года РТ (06.05.2014). [Электронный ресурс] URL: http://agro.tatarstan.ru/rus/gosudarstvennaya-programma-razvitiya-selskogo.htm (дата обращения: 13.04.2015).

8. Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан. [Электронный ресурс] URL: http://agro.tatarstan.ru/rus/plans.htm (дата обращения: 16.02.2015); Поддержка начинающих и опытных фермеров (КФХ, семейных ферм, ЛПХ) в Республике Татарстан. [Электронный ресурс] URL: http://решение-верное.рф/selhoz (дата обращения: 16.02.2015).

9. Татар-информ. [Электронный ресурс] URL: http://ati-times.tatar-inform.ru/news/society/29384875/ (дата обращения: 06.05.2015); Информационное агентство «РосБизнесКонсалтинг». [Электронный ресурс] URL: http://rt.rbc.ru/tatarstan_topnews/24/12/2014/960036.shtml (дата обращения: 06.05.2015).

10. Сельские школы Татарстана получат 57 млн. рублей на ремонт спортзалов в 2015 году. [Электронный ресурс] URL: http://www.business-gazeta.ru/article/126524/ (дата обращения: 06.05.2015).

11. Общее образование в Республике Татарстан. [Электронный ресурс] URL: http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/ru/statistics/sphere/ (дата обращения: 03.05.2015).

12. Республика Татарстан – «Дорожная карта» устойчивого развития сельских территорий // Сельское строительство. – 2014. – №1. – С. 5. [Электронный ресурс] URL: http://www.centrselstroy.ru/data/_CC_1_2014.pdf (дата обращения: 28.04.2015).

ФОРМИРОВАНИЕ МНЕНИЯ О КАЧЕСТВЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В СФЕРЕ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

М.Ю. Семенов –
аспирант Тюменского государственного университета

Мнение о качестве предоставления государственных услуг обусловлено отношением к ним различных возрастных групп общества. Естественно, что и молодежь, как одна из социальных групп населения, так же принимает участие в процессе формирования общественного мнения о каком-либо явлении.

Социальный институт образования, характеризующийся значительным количеством функций и задач, на наш взгляд, в первую очередь направлен на работу с молодым поколением, которое в большей степени нуждается в интенсивном процессе усвоения как знаний, умений и навыков, так и понимании образцов и норм поведения в конкретном обществе. Согласно данным приведенным на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики количество обучающихся в общеобразовательных организациях на 2013/14 год насчитывается 13,7 млн. человек, что является 1/10 частью от всего населения РФ. Из них обучаются в 1-4 классах 5,6 млн. человек, в 5-9 классах – 6,1 млн. человек и в 10-11(12) – 1,4 млн. человек. [7].

Научная категория «общественное мнение» на протяжении многих веков привлекает внимание мыслителей в различных отраслях знания. Среди них, представляется возможным, выделить труды: Платона, Аристотеля, Ф.Бэкона, Т.Гоббса, Н.Михайловского, Г.Тарда, Ю. Левады, Ж.Тощенко и многих других. [4, С. 371]. Естественен тот факт, что вышеупомянутые философы и ученые анализировали данное явление с разнородных позиций. Одни рассматривали его как важнейший контрагент власти (Платон, Аристотель), другие пытались понять его природу, структуру и процесс развития (Т.Мор, Дж. Локк и т.д.), кто-то объяснял «общественное мнение» с позиций социально-психологического подхода (Г. Лебон, Г. Тард), так же присутствует рассмотрение специфических характеристик, присущих общественному мнению на территории России (Ю. Левада, А .Ослон) и т.д. [4, С. 372].

Процесс формирования общественного мнения представляется возможным понимать, как выработку и закрепление (кристализацию) совокупности относительно устойчивых коллективных суждений, чувств, поведенческих установок различных социальных общностей по представляющим для них интерес проблемам [6, С.45]. При этом в данном процессе следует выделить три источника формирования общественного мнения (Индивидуальный опыт, коллективный опыт, слухи) [6, С.46]. Следовательно, субъект общественного мнения формирует его

многокомпонентно, опираясь на целый ряд различных факторов, с помощью которых он получает информацию об объекте. Тем самым, считаем возможным предположить, что изучение общественного мнения наиболее близкого к действительности о каком-либо явлении или событии возможно только при анализе отношения к нему тех субъектов, которые имели возможность не только воспринять слухи или опыт коллектива, но и сами поучаствовать в нем.

Типология государственных и муниципальных услуг характеризуется внушительным количеством различных критериев на основе которых выделяется та или иная классификация. К данным критериям относятся: сфера оказания, практика применения, доступность и т.д. [3].

Изучение общественного мнения наиболее близкого к действительности о качестве предоставления государственных и муниципальных услуг в сфере общего образования невозможно без осознания того, кто и в каких услугах является их реальным получателем, или тем, кто ими пользуется, а, следовательно, в распоряжении данного субъекта общественного мнения имеется индивидуальный опыт взаимодействия с объектом, что даёт ему более полную картину миру для формирования своего отношения.

Тюменский государственный университет по заказу правительства региона на протяжении четырех лет проводит мониторинг качества предоставления государственных и муниципальных услуг в Тюменской области (под руководством проф., д.с.н. Акулич М.М.). С отдельными результатами вышеупомянутого мониторинга есть возможность ознакомиться в следующих публикациях: [1], [2]. Естественно, что сфера общего образования также попадает в поле данного ежегодного исследования. Так, например, в 2013 году, согласно программе мониторинга, 2 из 25 услуг были в общеобразовательной сфере, а в 2014 – 1 из 20. Государственные и муниципальные услуги в сфере общего образования, предоставляемые на территории Тюменской области связаны с электронными дневниками и журналами, подачей заявлений в школу, информацией об учебных планах и результатами ЕГЭ/ГИА[5]. Данный факт указывает на то, что в сфере общеобразовательных государственных и муниципальных услуг есть те, которые, на наш взгляд, в большей степени направлены на их использование учениками школы, а не их родителями. Следовательно, в этом случае именно молодёжь, ученики школ, имеют большую возможность и потребность в получении индивидуального опыта взаимодействия с процессом предоставления услуг.

В последующем процессе коммуникации учеников с членами своей семьи, именно их мнение, основанное на реальной практике использования государственной или муниципальной услуги, будет играть весомую роль для формирования мнения в малой социальной группе(семье), что в перспективе несомненно скажется на выработке мнения всего социума. Тем самым, мнение учащейся молодежи сказывается на представления всего общества о сфере государственных услуг в общем образовании.

Информированность властных структур страны о реальном отношении общества, связанным с различными отраслями человеческой действительности, даёт возможность адекватно и эффективно реагировать на определенную сферу с целью её поддержания и развития. Общественное мнение о качестве предоставления государственных и муниципальных услуг в сфере общего образования реализует функцию социального контроля, которая в конечном счете необходима для улучшения этого социального института. Следовательно, и отношение молодежи, как основного объекта образовательной деятельности сказывается на усовершенствование и прогресс вышеупомянутой сферы.

Список литературы:

1. Акулич М.М., Батырева М.В., Семенов М.Ю. Исследование качества предоставления государственных услуг как способ социального контроля власти/Академический вестник ТГАМЭУП №2(24) [текст]: научно-аналитический журнал. Тюмень: «Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права» («ТГАМЭУП»), 2013. – 336 с.

2. Акулич М., Батырева М. О качестве государственных услуг, предоставляемых населению/ Научно-популярный журнал «Государственная Служба». Учредитель и Издатель: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. №4(78) июль-август 2012.

3. Мониторинг государственных и муниципальных услуг в регионе как стратегический инструмент повышения качества регионального управления: опыт, проблемы, рекомендации / С.И. Неделько, А.В. Осташков, С.В. Матюкин, В.Н. Ретинская, И.А. Мурзина, И.Г. Кревский, А.В. Луканин, О.С. Кошевой. Под общ. ред. В.В. Маркина, А.В. Осташкова. – Москва, 2008. – 321 с/ с91

4. Поминов Д.Ю. Общественное мнение как способ формирования общественного сознания граждан России/ Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 114/2009. С. 370-375.

5. Портал государственных и муниципальных услуг в сфере образования Тюменской области. Электронное образование. Точка доступа: http://education.admtyumen.ru/

6. Социология общественного мнения: учебное пособие / сост. Е.П. Селькова. – Благовещенск: Амурский гос. Ун-т, 2011. – 84 с.

7. Численность обучающихся и учителей в государственных и муниципальных общеобразовательных организациях. Сайт Федеральной службы государственной статистики. Точка доступа: http://www.gks.ru/

УПРОЩЕННАЯ СИСТЕМА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ МАЛОГО БИЗНЕСА

Н.С. Сергиенко –
к.эконом.н.,
доцент кафедры Финансы и кредит
Калужского филиала
Финансового университета при
Правительстве РФ

М.В. Николаева –
студентка Калужского филиала
Финансового университета при
Правительстве РФ

В современных условиях хозяйствования малым организациям и индивидуальным предпринимателям зачастую оказывается крайне сложно вести свою деятельность: условия рыночной экономики предполагают наличие конкурентов, требуют огромных финансовых вложений.

Как известно, «малое предпринимательство, выступая особой формой экономической активности, является ключевым звеном и индикатором развития российской экономики» [4;184]. В связи с этим, малым предприятиям и ИП требуется всесторонняя поддержка со стороны государства, особенно в создании льготного налогообложения.

В этих целях в 2003 году Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и некоторые другие акты законодательства Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных актов законодательства Российской Федерации о налогах и сборах» в Российской Федерации была введена упрощенная система налогообложения (далее – УСН).

Так, УСН представляет собой специальный налоговый режим, предусматривающий особый порядок уплаты налогов юридическими лицами и физическими лицами, которые являются индивидуальными предпринимателями [5;90].

УСН ориентирована на стимулирование развития малого бизнеса, поэтому существуют определенные условия для перехода на данную систему налогообложения, установленные Налоговым кодексом Российской Федерации. Прежде всего, ограничивается количество работников организации или ИП: оно не должно превышать 100 человек. Доход организации или ИП должен

составлять менее 60 млн. руб., а остаточная стоимость имущества – менее 100 млн. руб. Кроме того, доля участия в организации, переходящей на УСН, других организаций не должна превышать 25%, организация не должна иметь филиалов и представительств. Организация не имеет права перейти на УСН, если по итогам девяти месяцев того года, в котором организация подает уведомление о переходе, ее доходы превысили 45 млн. рублей [1].

Для организаций УСН заменяет налог на прибыль организаций (за исключением налога, уплачиваемого с доходов по дивидендам и различным видам долговых обязательств), налог на имущество организаций (за исключением имущества, налоговой базой которого является его кадастровая стоимость), а также налог на добавленную стоимость.

Для индивидуальных предпринимателей УСН заменяет налог на доходы физических лиц (в отношении доходов от предпринимательской деятельности), налог на имущество физических лиц (в отношении имущества, используемого в предпринимательской деятельности), а также налог на добавленную стоимость (за исключением НДС, уплачиваемого при ввозе товаров на таможне, а также при выполнении договора простого товарищества или договора доверительного управления имуществом) [1].

Таким образом, УСН заменяет все основные налоги, уплачиваемые организациями и ИП, тем самым упрощая ведение налогового учета субъектами хозяйствования.

Налоговым периодом для упрощенной системы налогообложения является год. УСН не предусматривает льгот для налогоплательщиков. Уплаченные суммы УСН перечисляются в бюджеты субъектов РФ по нормативу 100%.

Упрощенная система налогообложения позволяет налогоплательщику самостоятельно выбрать объект налогообложения, в качестве которого могут выступать либо доходы, либо доходы, уменьшенные на величину расходов. Кроме того, налогоплательщику предоставляется право изменить объект налогообложения со следующего календарного года.

В связи с тем, что УСН предусматривает два разных объекта налогообложения, для каждого из них предусмотрены соответствующие ставки. При объекте налогообложения «доходы» ставка устанавливается в размере 6% и не предусматривает каких-либо изменений. Если же объектом налогообложения являются доходы, уменьшенные на величину расходов, устанавливается ставка 15%. Данная ставка может регулироваться законами субъектов РФ и устанавливаться в размере от 5 до 15 процентов. Кроме того, субъекты имеют право дифференцировать данную ставку для разных категорий налогоплательщиков.

В связи с тем, что «состояние российской экономики в значительной степени определяется экономическим положением российских регионов» [3;316], рассмотрим функционирование упрощенной системы налогообложения на примере двух субъектов Центрального федерального округа Российской Федерации – Калужской и Тульской областей.

Калужская область является ярким примером региона с бурно развивающейся экономикой, что, в свою очередь, влечет и необходимость развития малого бизнеса. Так, проведенная комплексная оценка социально-экономического развития Калужской области показала, что на улучшение социально-экономического развития Калужской области положительное влияние оказывает рост инновационной и инвестиционной привлекательности, который будет продолжаться и в дальнейшем [3;319].

Как говорилось выше, при объекте обложения «доходы» регион не вправе вносить изменения в установленную ставку налога. Однако при объекте обложения «доходы, уменьшенные на величину расходов» субъекты имеют право устанавливать пониженные ставки. В Калужской области установлены пониженные ставки по следующим видам деятельности:

- добыча полезных ископаемых, предоставление услуг по ведению домашнего хозяйства, деятельность экстерриториальных предприятий, образование – в размере 5%;
- строительство – в размере 7%;
- обрабатывающее производство, производство и распределение электроэнергии, газа и воды – в размере 10% [9].

Таким образом, органы государственной власти Калужской области значительно уменьшают ставки УСН по отдельным видам экономической деятельности, и можно предположить, что именно данные направления являются приоритетными в развитии экономики региона.

Тульская область является регионом с развитой промышленной отраслью. Наиболее развиты в регионе машиностроение, химическая промышленность, черная металлургия, а также угольная промышленность. Пониженные ставки по УСН в регионе установлены для 22 видов экономической деятельности, среди которых можно выделить производство некоторых видов продукции, сельское хозяйство, обрабатывающая отрасль, строительство, научно-исследовательская деятельность и разработки.

Упрощенная система налогообложения является привлекательной и доступной для многих налогоплательщиков. Основные показатели, характеризующие применение упрощенной системы налогообложения в Калужской и Тульской областях, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Основные показатели применения УСН в Калужской и Тульской областях

Показатель	Калужская область			Тульская область		
	2011	2012	2013	2011	2012	2013
Количество налогоплательщиков, шт., в т. ч.	5943	18965	18904	6333	19303	20033
- организаций	3916	8769	9094	4597	10524	10833
- ИП	2027	9926	9810	1736	8779	9200
Доходы бюджета от поступлений по УСН, тыс. руб.	1587183	1787031	1929159	1606619	1860114	2090534

Источник: Составлено автором на основании данных Федеральной налоговой службы[9]

Анализируя данные таблицы 1, можно сказать, что в 2011 году в Калужской области насчитывалось 5 943 плательщика УСН, в том числе 3 916 организаций и 2 027 индивидуальных предпринимателей. Эти налогоплательщики в 2011 году обеспечили бюджету Калужской области доход в размере 1 587 183 тыс. руб. В 2012 году количество налогоплательщиков УСН в регионе возросло до 18 695, то есть 8 769 организаций и 9 926 индивидуальных предпринимателей. Доход от уплаты налогов в связи с применением УСН составил 1 787 031 тыс. руб. В 2013 году количество налогоплательщиков сократилось и составило 18 904, из которых 9 094 являлись организациями, и 9 810 – индивидуальными предпринимателями. Однако был обеспечен доход в размере 1 929 159 тыс. руб., что превышает показатель предыдущего года на 7,95% .

В Тульской области в 2011 году УСН использовали 6 333 плательщика, из которых 4 597 – организации, 1 736 – индивидуальные предприниматели. Доход, поступивший в связи с применением УСН, составил 1 606 619 тыс. руб., что превышает показатель Калужской области за данный период. В 2012 году количество налогоплательщиков увеличилось до 19 303, включая 10 524 организаций и 8 779 ИП, которые обеспечили бюджету Тульской области доход в размере 1 860 114 тыс. руб. В 2013 году УСН в Тульской области использовали 20 033 налогоплательщика: 10 833 организации и 9 200 индивидуальных предпринимателей. Доход бюджета от уплаты налога в связи с применением УСН составил в данном периоде 2 090 534 тыс. руб. Таким образом, мы видим, что показатели Тульской области превышают показатели Калужской области (рис. 1).

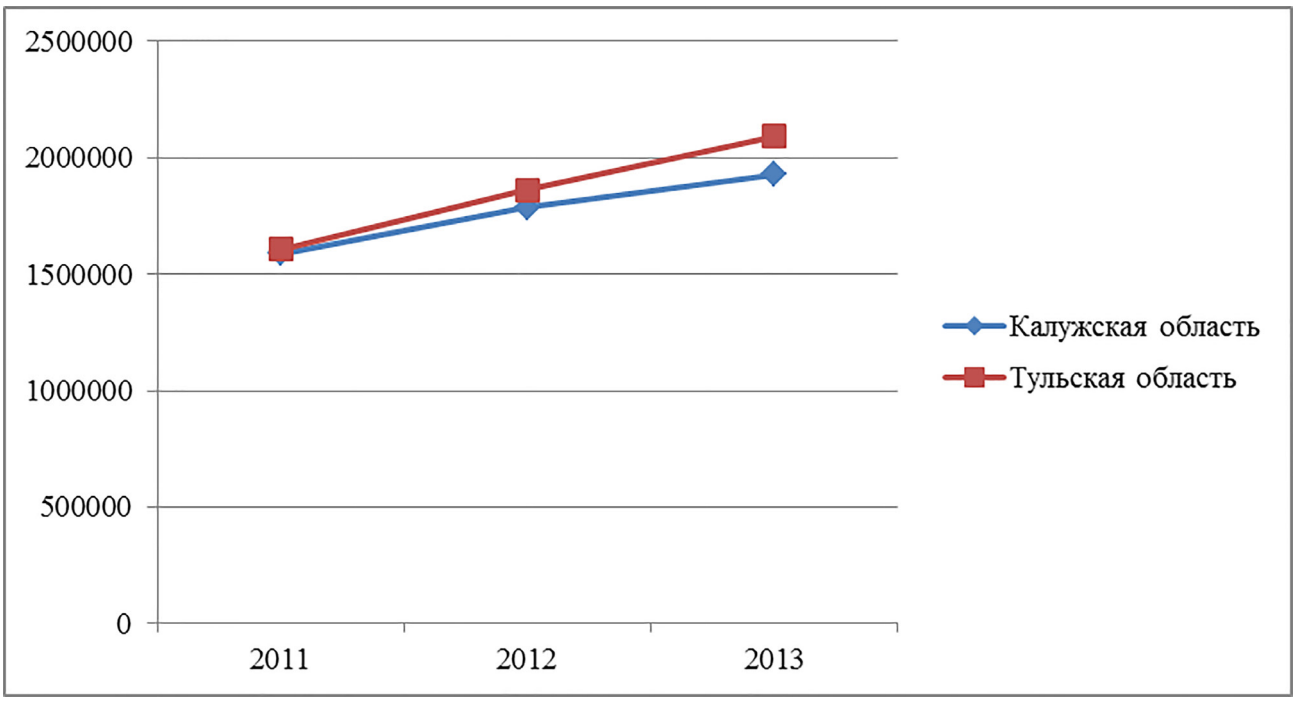

Рисунок 1. Динамика поступлений бюджетов
от УСН в Калужской и Тульской областях

Источник: Составлено автором на основе данных Федеральной налоговой службы [9]

Резкое увеличение количества налогоплательщиков в 2012 году, вероятнее всего, связано с тем, что Федеральным законом от 28.11.2011 № 338-ФЗ в налоговое законодательство были внесены изменения, сделавшие данную систему налогообложения более привлекательной: с 1 января 2012 года предприниматели, применяющие УСН с объектом «доходы» и не имеющие наемных работников, могут уменьшить единый налог (авансовый платеж по нему) на всю сумму взносов, рассчитанную исходя из стоимости страхового года, даже если размер взносов составит более 50 процентов суммы налога (авансового платежа), что ранее не было регламентировано[2].

Подводя итог, можно сказать, что упрощенная система налогообложения является эффективным инструментом развития малого бизнеса, позволяющим значительно облегчить налоговое бремя законными способами. В то же время, упрощенная система налогообложения из года в год становится популярнее, и, не претерпевая значительных изменений, а также при наличии грамотной экономической политики российского государства, с ее помощью также можно будет решить одну из наиболее острых проблем – несбалансированность региональных бюджетов.

Список литрературы:

1. Налоговый кодекс РФ (часть вторая) – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/nalog2/. Дата обращения: 27.08.2015

2. Федеральный закон от 28.11.2011 № 338-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»

3. Балынин И. В. Комплексная модель оценки рисков несбалансированности бюджетов субъектов Российской Федерации в контексте социально-экономического развития регионов. Аудит и финансовый анализ. – 2014. № 3. С. 316-319.

4. Балынин И.В. Развитие малого предпринимательства в Российской Федерации в 2011-2013 гг.// Theoretical & Applied Science. 2015. № 1 (21). С. 184-189.

5. Митрофанова И.А., Тлисов А.Б. Упрощенная система налогообложения – способ налоговой оптимизации.// Налоги и финансовое право. 2015. № 5. С. 90-97.

6. Сергиенко Н. С. К вопросу о сущности казначейского исполнения бюджетов. Финансы. – 2006. № 11. С. 30-31.

7. Сергиенко Н. С. К проблеме сбалансированности территориальных бюджетов. Пути социально-экономического развития региона: финансовое обеспечение, перспективы и направления оптимизации. Калужский филиал Финансового университета при Правительстве РФ. Под редакцией Пироговой Т. Э., Никифорова Д. К. – 2015. С. 221-224.

8. Старикова С.С Упрощенная система налогообложения в налоговой системе региона// Наука – промышленности и сервису. 2013. № 8-1. С. 294-299.

9. Официальный сайт Федеральной налоговой службы – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.nalog.ru/. Дата обращения: 25.08.2015

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ФОРМИРОВАНИЮ БЛАГОПРИЯТНОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА

Н.А. Серова –
к.эконом.н,
старший научный сотрудник
Института экономических проблем им.

Г.П. Лузина –
Кольского научного центра РАН

Переход России к рыночной экономике характеризовался отсутствием системности в проведении реформ и ограниченными возможностями внутренних накоплений (ростом недоверия иностранных и отечественных инвесторов к проводившейся экономической политике; дефолтом внутреннего и внешнего долга; увеличением темпов инфляции и др.), что привело к небывалому спаду инвестиций в 1990-х годах (рисунок) [1, с.375-379].

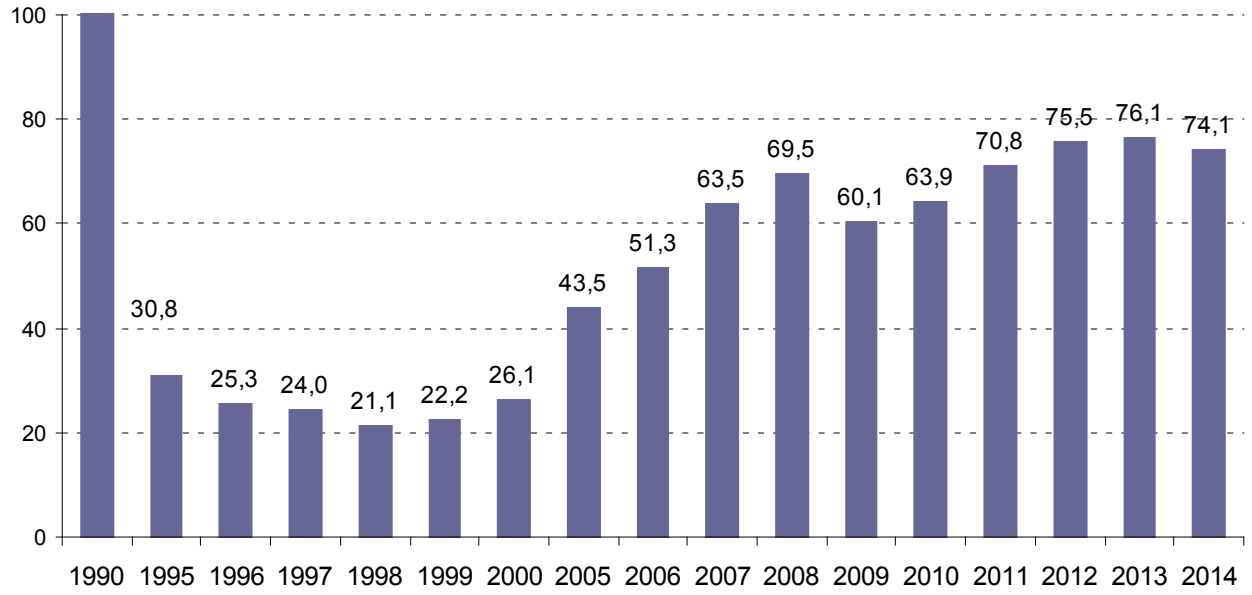

Рисунок. Динамика инвестиций в основной капитал, в соп. ценах, в % к 1990 г.

Начиная с 2000 г. экономическое развитие страны стабилизировалось. За 2000-2006 гг. в структуре российских инвестиций произошел ряд позитивных изменений: возросло обеспечение инвестиционными ресурсами в сферах агропромышленного комплекса, связи, транспорта; наблюдалась положительная динамика иностранных инвестиций в российскую экономику. Наряду с этим сохранялся и ряд воспроизводственных проблем (структурная

несбалансированность инвестиционного роста, усиление расслоения населения по уровню доходов, повышение реальной покупательной способности рубля)/

В этот период на государственном уровне было создано несколько институтов формирования благоприятного инвестиционного климата. Так, в 2005 г. был создан *Инвестиционный фонд РФ*, главной целью которого является поддержка конкретных инвестиционных проектов, отвечающим приоритетам социально-экономического развития России или отдельных субъектов РФ. За период существования Фонда была оказана государственная поддержка 16 федеральным и 34 региональным инвестиционным проектам, общая сумма которых составляет более 1 трлн. 244 млрд. рублей [2, с.80-86].

В 2008-2009 гг. экономическое развитие России происходило под влиянием мирового финансового кризиса, что вновь привело к значительному сокращению инвестиционной активности и замораживанию большинства планировавшихся проектов в строительной отрасли (снижение объема работ составило 16%) [3]. Однако, несмотря на глубокую рецессию, серьезно от мирового финансового кризиса Россия не пострадала и уже с середины 2009 г. рост российской экономики стабилизировался.

В 2010 г. оздоровление и создание благоприятного инвестиционного климата всех субъектов РФ было выделено в самостоятельную деятельность Минэкономразвития РФ, которая велась по двум направлениям: формирование институтов совершенствования инвестиционного климата и принятие законодательных актов по основным аспектам инвестиционной деятельности. Так, для сопровождения проектов иностранных инвесторов в 2010 г. был создан *институт федерального инвестиционного уполномоченного* (инвестиционный омбудсмен), основными задачами которого являются: защита прав и интересов российских и иностранных предпринимателей; взаимодействие с предпринимательским сообществом; участие в формировании и реализации государственной политики в области развития предпринимательской деятельности, защиты прав и интересов предпринимателей и др.

Также в 2010 г. на оперативное решение проблем, возникающих у иностранных инвесторов и выработку рекомендаций по совершенствованию условий ведения бизнеса в России, была переориентирована деятельность созданного в 1994 г. *Консультативного совета по иностранным инвестициям (КСИИ)*. Всего за 20-лет работы консультативного совета в нем приняли участие более 60 иностранных компаний и банков (Exxon Mobil Corporation, Ford Motor Company, Renault, Deutsche Bank, Всемирный банк и др.), асовокупный объем инвестиций в российскую экономику превысил 120 млрд. долларов.

Для привлечения иностранных инвестиций в лидирующие компании наиболее быстрорастущих секторов российской экономики в 2011 г. создан *Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ)*. Во всех сделках РФПИ выступает соинвестором вместе с крупнейшими в мире институциональными

инвесторами (фондами прямых инвестиций, суверенными фондами, ведущими отраслевыми компаниями). Совместно с партнерами РФПИ уже инвестировал в российскую экономику более 400 млрд. рублей. В настоящее время в проработке РФПИ находятся более 40 проектов в сфере электроэнергетики, энергосберегающих технологий, телекоммуникаций, медицины и других сферах на общую сумму инвестиций 8 млрд. долларов.

Для поддержки российского, прежде всего высокотехнологичного (машины, оборудование и транспортные средства, строительные и инженерные услуги) бизнеса в 2011 г. было создано *Агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций (ЭКСАР)*. Основными направлениями деятельности ЭКСАР являются: страховая поддержка экспорта товаров и услуг российского производства; развитие современной системы финансирования экспорта, обеспеченного страховым покрытием ЭКСАР; страховая поддержка российских инвестиций за рубежом; поддержка экспортно-ориентированных субъектов МСП. В 2012-2014 гг. агентством было застраховано экспортных кредитов на сумму более 14 млрд. долларов.

Для содействия в преодолении административных барьеров и привлечения софинансирования для перспективных коммерческих, социальных и инфраструктурных проектов в 2011 г. создано *Агентство стратегических инициатив* (АСИ), которое в настоящее время реализует два крупных проекта по улучшению инвестиционного климата: Национальная предпринимательская инициатива (НПИ) и Стандарт деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе [4, с.232-234].

В рамках Национальной предпринимательской инициативы осуществляется разработка дорожных карт по 22 сферам государственного регулирования, которыми предусматривается совершенствование законодательства и реализация мероприятий, направленных на достижение эффектов, предусмотренных законодательными инициативами. В качестве критериев эффективности их реализации используются индикаторы конкурентной среды PMR и предпринимательской активности New Business Density, а также место России в рейтинге Doing Business. Целевым показателем реализации «дорожных карт» Национальной предпринимательской инициативы является улучшение качества предпринимательской среды, позволяющее выйти на 20-е место рейтинга в 2018 г.

Стандарт деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ предусматривает единые правила поддержки бизнеса в регионах, в частности, утверждение инвестиционной стратегии, принятие регионального закона о защите прав и механизмах поддержки инвесторов, создание инфраструктуры для размещения производственных объектов инвесторов (технопарков, бизнес-инкубаторов), создание совета по улучшению инвестиционного климата, постоянное информационное сопровождение инвестиционной политики

региона. Указанные меры призваны способствовать в первую очередь взаимодействию власти и бизнеса, а также формированию инфраструктуры, необходимой для развития бизнеса и продвижению инвестиционных проектов региона в России и за рубежом.

Необходимо отметить, что создание АСИ, в частности реализация «дорожных карт» и внедрение Стандарта, сыграли важнейшую роль в улучшении инвестиционного климата регионов, т.к. до 2011 г. в России не существовало специального государственного органа ответственного за улучшение инвестиционного климата и все предпринимаемые меры носили несистемный характер.

Помимо создания институтов совершенствования инвестиционного климата Правительством РФ в 2010-2011 гг. был также принят ряд законодательных мер по различным направлениям [5; 6]:

- налоговое стимулирование (освобождение от налога на прибыль организаций, осуществляющих деятельность в сфере образования издравоохранения и др.).
- упрощение миграционного режима (сокращение сроков получения разрешения на работу, увеличение сроков действия виз и др.).
- сокращение административных барьеров (введение институтов оценки регулирующего воздействия и др.).
- оптимизация процедур по доступу к инфраструктуре (сокращение платы за подключение к электросетям, ответственность за нарушение правил подключения и др.);
- совершенствование таможенного администрирования (снижены ставки ввозных таможенных пошлин на технологическое оборудование, используемое в металлургии, пищевой и медицинской промышленности и др.);
- упрощение процедур в сфере строительства (сокращение сроков получения разрешения на строительство, отмена обязательной технической инвентаризации при новом строительстве и др.).

Результатом такой активизации усилий государства стали позитивные изменения позиционирования России в различных международных рейтингах [7, с.79-80]. Так, в рейтинге Doing Business Россия поднялась с 2010 г. к 2015 г. на 65 позиций (со 124-го места до 62-го), улучшив условия ведения бизнеса по трём из 10 индикаторов: по направлению «Регистрация предприятия» – на 24 позиции, по направлению «Регистрация собственности» – на 5 позиций, по направлению «Разрешение на строительство» – на 16 позиций. Кроме того, в рейтинге самых дешевых для ведения бизнеса стран Россия в 2012 г. заняла четвертое место из 19 развитых и развивающихся стран, уступая лишь Индии, Китаю и Мексике [8, с.130-133]. По объему привлеченных инвестиций в 2013 г. согласно исследованию компании Ernst & Young (EY) Россия заняла 3-е место в мире, уступив США и Китаю [9].

Таким образом, очевидно, что предпринимаемые государством и субъектами РФ шаги по созданию институтов совершенствования инвестиционного климата способствуют повышению инвестиционной активности и улучшению позиций России и ее регионов на мировой арене.

Список литературы:

1. Залкинд Л.О., Серова Н.А. Инвестиционные процессы и дифференциация северных регионов России // Проблемы современной экономики, 2008. – № 4(28). – С.375-379.

2. Калинина А.Г. Институт реализации государственных экономических предпочтений в России // Вопросы регулирования экономики, 2013. – Том 4. – №1. – С.80-86.

3. Мониторинг «Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2009 году» [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития России. – URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/monitoring/doc20100203_01 (дата обращения 09.04.2015).

4. Серова Н.А. Об основных государственных проектах по улучшению инвестиционного климата в субъектах РФ // Общество в эпоху перемен: современные тенденции развития: материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, проводимой в рамках II Международного форума студентов, аспирантов и молодых ученых «Управляем будущим!» (24-26 ноября 2014 г.) в двух частях. – Ч. 2. – Новосибирск: Издательство СибАГС, 2014. – 458 с. – С.232-234.

5. Изменение законодательства в Российской Федерации и направления дальнейшего совершенствования [Электронный ресурс]: аналитические материалы Министерства экономического развития РФ – URL: http://www.iip.ru/analytics/analiticheskie-materialy-ministerstva-ekonomicheskogo-razvitiya-rossiyskoy-federacii (дата обращения 16.04.2015).

6. О ходе реализации мер по улучшению инвестиционного климата в Российской Федерации [Электронный ресурс]: доклад Министерства экономического развития РФ. – URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d3c7a9c80e76ee8521.pdf (дата обращения 16.04.2015).

7. Серова Н.А. Предпринимательский и инвестиционный климат России в международных рейтингах // Общество в эпоху перемен: формирование новых социально-экономических отношений: материалы VI международной научно-практической конференции (20 ноября 2014 г.) в 2-х частях – Ч 2. / Отв.ред. А.Н.Плотников – Саратов: Издательство ЦПМ «Академия бизнеса», 2014. – 134 с. – С.79-80.

8. Дьякова Ю.Н., Самарина М.В. Инвестиционный рейтинг России // Инновации и инвестиции, 2015. – № 3. – С.130-133.

9. Global investment trends monitor [Электронный ресурс] // United nations UNCTAD, 2014. – No 15, pp.6. – URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/webdiaeia2014d1_en.pdf (дата обращения 09.04.2015).

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНА КАК ФАКТОР ЕГО ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ХМАО – ЮГРЫ)

Л.Г. Скульмовская –
д.социол.н, профессор,
профессор кафедры СКД,
культурологии и социологии
Тюменского государственного института культуры

Региональный хозяйственный комплекс выступает важным фактором успешного экономического и социального развития страны, в связи с этим каждый регион при формировании стратегии своего развития опирается на совокупность наиболее перспективных отраслей экономики. Долгосрочная стратегия развития регионов России состоит в создании инновационной экономики, модернизации регионального пространства, в котором одна из главных ролей принадлежит туризму.

Во всем мире туризм является высокодоходной отраслью, занимая третье место после торговли нефтью и оружием в экономически развитых странах. Как специфическое социально-экономическое явление туризм способствует развитию сферы рекреации и досуга, предпринимательской деятельности, повышению уровня образования в регионе, внедрению новых средств распространения информации и т.д.

Современное развитие России и ее социокультурные перспективы в XXI веке невозможно прогнозировать без учета регионального фактора, поэтому социологическое изучение отдельных регионов становится особо актуальным в процессе сохранения и накопления социокультурного потенциала России. Независимо от количества располагаемых природных ресурсов все территории могут обладать туристской ценностью, которая в значительной степени детерминирована выбранной туристской специализацией. Регионообразующим фактором выступают территориальные сочетания конкретных подсистем в комплексе с элементами окружающей природной, социально-экономической и культурной среды.

Большое значение в формировании туристского региона играет имидж его территории, который может быть представлен, в первую очередь, через понятие культурного ландшафта, включающего в себя природно-географические, материальные и духовно-интеллектуальные компоненты культуры. Имидж региона является одним из действенных социально-психологических региональных регуляторов: он может служить целям привлечения инвестиций, выравнивания экономического уровня регионов, взаимодействия с региональными властными структурами и т.п. Выделение

тех или иных культурных ландшафтов происходит посредством выявления территорий с уникальным сочетанием природных и культурных признаков. В качестве наиболее значимых из них называют природно-географические компоненты территории, этническую специфику населения, историю формирования культурного пространства, лингвистические, хозяйственные, административно-политические и ряд других характеристик [1; с. 210].

При оценке степени освоенности туристских территорий в современных условиях Е.А. Джанджугазова выделяет следующие типы [2; с. 53]:

- территории с наиболее ценными и разнообразными туристскими ресурсами, используемыми для организации отдыха в период массовых отпусков;
- территории с разнообразными ресурсами для каникулярного, отпускного и праздничного отдыха;
- территории с ограниченными ресурсами, где туризм и рекреация могут развиваться в зависимости от имеющихся потребностей в организации мест отдыха, в том числе – по инициативе местных органов государственной власти с целью ускорения социально-экономического развития регионов.

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра относится к территориям с ограниченными туристскими ресурсами. Высокие экономические показатели вызвали в середине 1990-х гг. необходимость целенаправленной работы по формированию имиджа округа, преодолению статуса «сырьевого придатка», приобретению репутации социально и культурно привлекательной территории.

Быть привлекательным для отечественных и зарубежных инвесторов – основная задача каждого конкретного региона – это одно из важных, но не единственное условие эффективного регионального развития. В сознании инвесторов, особенно зарубежных, должен быть сформирован образ, основанный на новых идеях и принципах, который бы демонстрировал роль и миссию региона на общероссийском и мировом уровне. Становление региона в качестве сильного бренда является объективным условием и логическим результатом его процветания.

В условиях повышенной конкуренции и усиливающейся тенденции бифуркации социально-экономических систем перед российскими территориальными образованиями встает необходимость поиска ресурсов для эффективного поступательного развития. Инфраструктурное обеспечение территорий является центральной проблемой конкурентоспособности регионального развития. Ведущей технологией современного территориального развития выступает концепция маркетинга территорий [3; с. 6].

Территориальный имидж в настоящее время становится реальным и важным ресурсом экономики, и происходит это в связи с ростом значения информации для обеспечения конкурентных преимуществ хозяйствующих и политических субъектов. Территориальный маркетинг предполагает специфическую оценку сырьевых, человеческих, материальных ресурсов,

бизнесов территории. С одной стороны, все это, фактически существующее на территории, является ее ресурсом, с другой – потенциалом для ее развития. Жители и бизнесы сами являются ресурсом, они же выступают и как потребители благ данной территории [4; с. 65].

Организация общественного мнения в территориальном маркетинге как деятельность по созданию благоприятного отношения широкой общественности к территории и ее продукту, формирование положительного имиджа территории и руководителей органов ее власти включает в себя три основных элемента:

- организацию связей с общественностью (public relations), одной из основных функций которых является установление и поддержание благожелательных отношений между руководством территории и ее общественностью;

– не персональную деятельность по созданию известности территории и ее продукта через использование отзывов в средствах массовой информации (publicity) на некоммерческой основе, а также информирование клиентов и партнеров о своих новостях;

– осуществление целого комплекса работ: проведение социологических исследований, организацию работы общественных приемных, проведение общественных слушаний, круглых столов, встреч с коллективами, информирование о событиях, проведение общественных конкурсов и мероприятий, направленных на формирование положительного имиджа территории, и др.

Без учета специфики региона весь комплекс инструментов маркетинговых коммуникаций, зачастую, не дает ожидаемого эффекта. Маркетинг имиджа дополняет маркетинг достопримечательностей и развлечений, при этом территория использует естественные достопримечательности, известных личностей, объекты культуры и отдыха. Комплексное оформление территории как единого целого повышает ее привлекательность и уникальность.

Туризм как вид хозяйственной деятельности и способ освоения территории имеет важное значение для развития региона, так как практически на любой территории может быть создан полноценный прибыльный туристский продукт. Имидж территории становится важнейшим конкурентным ресурсом для установления партнерских отношений, и, прежде всего, речь идет о привлечении инвестиций, трудовых ресурсов, развитии различных видов туризма.

Одним из условий повышения инвестиционной привлекательности регионов является создание сетевых туристских проектов на основе усиления концентрации собственности и капитала в регионе. С.А. Степанова отмечает особую важность вопросов повышения инвестиционной привлекательности регионов на основе выявления тенденций, закономерностей, факторов и условий их функционирования и развития [5; с. 5].

Привлекательность имиджа территории связана с особыми чертами, присущими ей и гарантирующими конкурентные преимущества. В России активно развивается практика создания бренда территорий, и уже сейчас можно утверждать, что ХМАО-Югра обладает полноценным имиджем, привлекательной для инвестиций экономической средой и узнаваемым брендом, не уступающим по уровню западным аналогам.

Известно, что потребитель ждет от отдыха новых впечатлений и положительных эмоций, в этой связи даже название самого тура имеет значение, например, «Увидеть Югру – влюбиться в Россию!» – само название уже формирует образ предлагаемого для путешествия региона и активизирует у потребителей соответствующие ассоциативные представления. Фактически, имидж выступает в качестве инструмента достижения стратегических целей, затрагивающих основные стороны деятельности территории.

С целью определения основных структурных компонентов имиджа региона А.Е. Кирюниным был проведен опрос более чем в 50 государствах, республиках и городах мира. Результаты опроса свидетельствуют, что регион чаще всего ассоциируется с географическим положением, культурой, народом, природой и историей, то есть всем тем, что включает в себя понятие культурного ландшафта. Исходя из этого, по мнению автора, к основным составляющим имиджа региона можно отнести географическую, культурную, этническую и историческую компоненты [6; с. 37-38].

Проанализируем отдельные компоненты имиджа Ханты-Мансийского автономного округа как самостоятельного субъекта РФ, входящего в состав Тюменской области, которые непосредственно связаны с формированием его социокультурного потенциала. В частности, культурная компонента связана с особенностями проявления духовной жизни, таких ее сфер, как экономика, политика, религия, мораль, право, наука, искусство и др. В экономическом плане ХМАО – Югра – один из самых развитых регионов России, по своему экономическому потенциалу входящий в первую десятку субъектов Российской Федерации. Важнейшим показателем стабильности ХМАО – Югры являются позитивные отношения, сложившиеся между властью всех уровней и бизнесом, взаимодействия в системе самой власти, между округом и муниципальными образованиями. Важной стороной устойчивости региона стало установление прочных экономических и социально-культурных связей с Тюменской областью и Ямало-Ненецким автономным округом.

Большую роль в формировании имиджа региона играет творческий потенциал местной интеллигенции. Литературу коренных народов Севера и русскоязычного населения, отражающую новое понимание диалога культур древней Югры, представляют местные поэты и писатели, интенсивно развивается художественная жизнь округа. В последнее время автономный округ стал местом проведения различного рода фестивалей и конкурсов, среди которых – Международный музыкальный фестиваль «Югра», Международный

кинофестиваль дебютного кино «Дух огня», Международный фестиваль финно-угорских народов, Международные соревнования по биатлону и др. Значительное внимание в округе уделяется сохранению природного и культурного наследия и развитию социально-культурного сервиса (гостиничного и ресторанного бизнеса).

Этническая составляющая имиджа региона – это освоение ценностей национальной и общечеловеческой культуры. В округе сложился чрезвычайно многообразный и имеющий тенденцию к изменениям за счет свойственных северным регионам миграционных процессов этнокультурный, языковой и конфессиональный субстрат. Национальный состав населения является следствием взаимодействия славянского, тюркского и угро-самодийского культурных миров. На территории округа проживают представители более ста наций и народностей, что, в сравнении с другими регионами, позволяет утверждать о продолжающемся процессе ассимиляции. Можно считать одной из особенностей ХМАО – Югры, его «визитной карточкой» проживание на данной территории коренных малочисленных народов Севера (ханты, манси), культура которых в большей степени привлекает внимание туристов.

Региональное бизнес-сообщество активно работает над продвижением внутреннего туристского продукта с той целью, чтобы туризм стал действительно значимой отраслью экономики округа, наряду с нефтедобычей. Развитие туризма в округе – один из важных пунктов программы диверсификации экономики и формирования его как культурного и туристского региона. Сформировавшийся имидж ХМАО – Югры позволяет привлечь на данную территорию зарубежных и отечественных инвесторов и туристов.

Список литературы:

1. Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. – М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 1998.

2. Джанджугазова Е.А. Маркетинг туристских территорий. – М.: Академия, 2006.

3. Волков С.К. Маркетинг инфраструктуры как необходимое условие эффективного развития территорий в современной России // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. – 2014. – №3 (39). – С. 6-12.

4. Бельских И.Е. Территориальные стратегии имиджа туристского бизнеса в мировой экономике // Региональная экономика: теория и практика. – 2009. – № 8. – С. 62-67.

5. Степанова С.А. Формирование инвестиционной привлекательности туристско-рекреационных территорий: монография. – СПб.: СПбГИЭУ, 2010. – 218 с.

6. Кирюнин А.Е. Имидж региона как интериоризация культуры. – М.: Книжный дом «Университет», 2000.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО МЕГАПОЛИСА: ВЗГЛЯД НА РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Я.И. Соломатин –
аспирант кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета

Зимой 2014-2015 гг. кафедрой прикладной социологии УрФУ в г. Екатеринбурге был проведено исследование на тему: «Политические ориентации молодежи мегаполиса в современной России». В опросе принимали участие студенты ведущих вузов столицы Среднего Урала и представители работающей молодежи в возрасте до 30 лет. Опираясь на часть полученных данных, можно сделать выводы о том, кем современная екатеринбургская молодежь видит сегодняшних руководителей своего города, а также Свердловской области и России в целом, – политическими лидерами или лишь политическими менеджерам. Поясним, что главное различие между лидером и менеджером состоит в том, что лидер выбирает курс развития (то есть создает желаемый образ будущего, а также разрабатывает стратегию осуществления мер, необходимых для воплощения этого образа в жизнь), а менеджер создает необходимые для реализации намеченного лидером курса условия, решая организационные, кадровые, финансовые и иные вопросы [1; С. 52]. Помимо этого, менеджер – это исполнитель воли лидера, не принимающий самостоятельные решения и действующий исключительно в рамках поставленных лидером задач.

Главной политической фигурой современной России является В.В. Путин. И результаты исследования говорят о том, что, в целом, представители молодого поколения екатеринбуржцев считают нынешнего Президента России именно политическим лидером. Во-первых, политика нынешнего руководства России (олицетворяемого Путиным) пользуется поддержкой (полной или частичной) 54,1% молодежи Екатеринбурга (таблица 1). Во-вторых, на момент проведения опроса за Путина уверенно готовы были проголосовать 60,2% молодых избирателей (таблица 2). В-третьих, Путин пользуется очень высоким доверием представителей молодежи: в целом или, по крайней мере, частично ему доверяют, в общей сложности, 79,2% респондентов (таблица 3). В-четвертых, мнение Путина по политическим вопросам является наиболее значимым для 52,3% екатеринбургской молодежи (таблица 4) [2; С. 1709–1710].

Таблица 1

Распределение мнений респондентов по вопросу:
«Поддерживаете ли Вы политику нынешнего руководства России?»

Варианты ответов	Ответы, %
1) полностью поддерживаю	8,3
2) скорее поддерживаю, чем не поддерживаю	45,8
3) скорее не поддерживаю, чем поддерживаю	19,4
4) полностью не поддерживаю	6,5
5) затрудняюсь ответить	19,9

Таблица 2

Распределение мнений респондентов по вопросу: «Если бы выборы Президента России проходили сегодня, проголосовали бы Вы за В.В. Путина?»

Варианты ответов	Ответы, %
1) да	60,2
2) нет	22,2
3) затрудняюсь ответить	17,6

Таблица 3

Распределение мнений респондентов по вопросу:
«Насколько Вы доверяете Президенту РФ?»

Варианты ответов	Ответы, %
1) В целом доверяю	35,2
2) Частично доверяю	44,0
3) Не доверяю	15,7
4) Ничего не знаете об их деятельности	0,0
5) Затрудняюсь ответить	5,1

Таблица 4

Распределение мнений респондентов по вопросу: «Чьё мнение по политическим вопросам является для Вас наиболее значимым?»

Варианты ответов	Ответы, %
1) Президента РФ	52,3
2) иных представителей руководства России	12,0
3) руководства Вашего региона	3,7
4) руководства Вашего города	4,2
5) известных общественных деятелей	18,1
6) известных политических деятелей	16,2
7) религиозных деятелей	2,8
8) друзей, знакомых	15,3
9) коллег	10,2
10) родственников	15,7
11) ничьё	21,3
12) иных лиц (напишите)	14,8

В отличие о Президента, иные представители нынешнего руководства России рассматриваются представителями молодого поколения, скорее, как политические менеджеры, а не лидеры. В пользу этого свидетельствует тот факт, что их мнение по политическим вопросам имеет значение только для 12,0% молодежи. Помимо этого, даже Правительство РФ пользуется меньшим доверием молодых екатеринбуржцев, чем Путин: в целом или частично Правительству Д.А. Медведева доверяет, в общей сложности, 66,7% опрошенных (таблица 5). Еще меньше молодежь Екатеринбурга поддерживает Федеральное Собрание РФ: Государственной Думе и Совету Федерации доверяет, в той или иной мере, 47,2% и 49,6% респондентов соответственно (таблицы 6 и 7).

Таблица 5

Распределение мнений респондентов по вопросу:
«Насколько Вы доверяете Правительству РФ?»

Варианты ответов	Ответы, %
1) В целом доверяю	13,4
2) Частично доверяю	53,2
3) Не доверяю	25,9
4) Ничего не знаете об их деятельности	1,9
5) Затрудняюсь ответить	5,6

Таблица 6

Распределение мнений респондентов по вопросу:
«Насколько Вы доверяете Государственной Думе?»

Варианты ответов	Ответы, %
1) В целом доверяю	8,3
2) Частично доверяю	38,9
3) Не доверяю	42,6
4) Ничего не знаете об их деятельности	2,8
5) Затрудняюсь ответить	8,3

Таблица 7

Распределение мнений респондентов по вопросу:
«Насколько Вы доверяете Совету Федерации?»

Варианты ответов	Ответы, %
1) В целом доверяю	10,2
2) Частично доверяю	39,4
3) Не доверяю	27,8
4) Ничего не знаете об их деятельности	14,4
5) Затрудняюсь ответить	8,3

Нынешнее руководство Свердловской области (в лице, в первую очередь, Е.В. Куйвашева) не пользуется авторитетом и популярностью у молодежи Екатеринбурга. Во-первых, его деятельность одобряет (полностью

или частично) только 39,3% опрошенных, в то время как 40,7% респондентов вообще затруднились с ответом (таблица 8). Во-вторых, как показано в таблице 4, лишь для 3,7% молодых екатеринбуржцев мнение руководства их региона по политическим вопросам имеет значение. Что касается нынешнего губернатора Свердловской области, то ни он лично, ни назначенное им правительство не могут похвастаться высоким доверием молодежи Екатеринбурга: Куйвашеву доверяет, в общей сложности, 46,8% респондентов, а правительству Д.В. Паслера – 44,0% (таблицы 9 и 10).

Таблица 8

Распределение мнений респондентов по вопросу:
«Одобряете ли Вы деятельность нынешнего руководства Вашего региона?»

Варианты ответов	Ответы, %
1) полностью одобряю	4,6
2) скорее одобряю, чем не одобряю	34,7
3) скорее не одобряю, чем одобряю	16,2
4) полностью не одобряю	3,7
5) затрудняюсь ответить	40,7

Таблица 9

Распределение мнений респондентов по вопросу:
«Насколько Вы доверяете главе Вашего региона?»

Варианты ответов	Ответы, %
1) В целом доверяю	10,2
2) Частично доверяю	36,6
3) Не доверяю	30,6
4) Ничего не знаете об их деятельности	12,5
5) Затрудняюсь ответить	10,2

Таблица 10

Распределение мнений респондентов по вопросу:
«Насколько Вы доверяете правительству Вашего региона?»

Варианты ответов	Ответы, %
1) В целом доверяю	4,6
2) Частично доверяю	39,4
3) Не доверяю	25,5
4) Ничего не знаете об их деятельности	18,5
5) Затрудняюсь ответить	12,0

Описанное отношение молодых екатеринбуржцев к действующему руководству Среднего Урала обусловлено, по их собственному признанию, тем, что они не видят реальной деятельности Куйвашева и его команды, а также мало интересуются ею. Губернатор Свердловской области в восприятии молодежи – это именно политический менеджер, назначенный «сверху» и обеспечивающий реализацию курса руководства России в регионе.

Руководители Екатеринбурга в глазах молодых горожан не намного популярней руководителей регионального уровня. Например, Е.В. Ройзману в общей сложности доверяет 48,6% участников опроса, а возглавляемой А.Э. Якобом екатеринбургской администрации – 50,5% (таблицы 11 и 12). Ободряет деятельность руководства Екатеринбурга (полностью или частично) 40,8% представителей молодежи при 37,5 затруднившихся ответить (таблица 13).

Таблица 11

Распределение мнений респондентов по вопросу:
«Насколько Вы доверяете главе Вашего города?»

Варианты ответов	Ответы, %
1) В целом доверяю	17,6
2) Частично доверяю	31,0
3) Не доверяю	27,8
4) Ничего не знаете об их деятельности	13,0
5) Затрудняюсь ответить	10,6

Таблица 12

Распределение мнений респондентов по вопросу:
«Насколько Вы доверяете администрации Вашего города?»

Варианты ответов	Ответы, %
1) В целом доверяю	11,1
2) Частично доверяю	39,4
3) Не доверяю	24,5
4) Ничего не знаете об их деятельности	15,3
5) Затрудняюсь ответить	9,7

Таблица 13

Распределение мнений респондентов по вопросу:
«Одобряете ли Вы деятельность нынешнего руководства Вашего города?»

Варианты ответов	Ответы, %
1) полностью одобряю	4,2
2) скорее одобряю, чем не одобряю	36,6
3) скорее не одобряю, чем одобряю	17,6
4) полностью не одобряю	4,2
5) затрудняюсь ответить	37,5

Одна из причин весьма сдержанного отношения представителей екатеринбургской молодежи к руководству их города, как и в случае с руководством Свердловской области, заключается в том, что молодые люди мало интересуются деятельностью Ройзмана и Якоба и мало о ней знают. «Двуглавому» руководству Екатеринбурга не респонденты доверяют еще и потому, что ни мэр, ни сити-менеджер не берут на себя реальной ответственности за развитие города, перекладывая её друг на друга. Ройзману не добавляет популярности и то, что, по словам опрошенных, он «дискредитировал себя, не выполнив свои предвыборные обещания». Мэра, не обладающего реальной властью, считают слабым. Также респонденты указывают на то, что руководство Екатеринбурга «зачастую решает собственные вопросы, а не работает на благо города и его жителей». Таким образом, можно сделать вывод о том, что для молодых екатеринбуржцев Якоб – это политический менеджер, а Ройзман, не имеющий реальных управленческих возможностей, – это, скорее, фиктивная политическая фигура, то есть не лидер и не менеджер.

Результаты проведенного исследования показывают, что в глазах молодых екатеринбуржцев из всех политических руководителей, чья деятельность попадает в поле зрения молодежи, только Путин (в силу как

объективных, так и субъективных причин) является политическим лидером. Все остальные руководители федерального, регионального и местного уровней – это уже политические менеджеры, для которых выборы станут еще более серьезным испытанием, чем для Путина. Ведь именно представители нынешней молодежи будут составлять в ближайшие годы значительную часть электората, от голосования которой будут зависеть результаты, полученные на выборах тем или иным кандидатом. Перед политическими руководителями всех уровней в 2015г. стоит непростая (с учетом нынешних реалий) задача, как минимум, не потерять ту поддержку, которой оно пользуется у молодежи в настоящее время. Также политикам необходимо делать всё возможное, чтобы создать условия, которые способствуют росту их популярности у молодых избирателей непосредственно перед выборами.

Список литературы:

1. Коттер Дж. П. Истинная роль лидера. // Лидерство / Пер. с англ. – М., 2006. – С. 48-74.

2. Соломатин Я.И. Уровень поддержки В.В. Путина молодежью Екатеринбурга: итоги 2014 года. // Материалы XVIII Международной конференции «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования». / редакционная коллегия: Грунт Е.В., Кораблева Г.Б., Меренков А.В., Рыбцова Л.Л., Старшинова А.В. – Екатеринбург, 2015. – С. 1707–1712.

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДЕПУТАТСКИХ ФРАКЦИЙ «ЕДИНАЯ РОССИЯ» ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

(НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Сунцов А.П. –
д.ю.н., профессор кафедры конституционного и муниципального права ТюмГУ

Красносельских И.М. –
магистрант кафедры государственного и муниципального права СурГУ

С принятием 12 декабря 1993 года Конституции Российской Федерации в субъектах Российской Федерации сформирована новая система государственной и муниципальной власти. Так, в соответствии с Уставом Тюменской области законодательные функции в нашем субъекте Российской Федерации возложены на Тюменскую областную Думу. Сегодня одними из ее основных структурных элементов являются депутатские фракции.

Значимость депутатских фракций «Единая Россия» в представительных органах не только государственной, но и муниципальной власти в Тюменской области трудно переоценить, так как до 90 % депутатов регионального и муниципального уровня являются членами Партии «Единая Россия». Это позволяет фракциям «Единая Россия» в Тюменской областной Думе и в думах представительных органов местного самоуправления стать важным структурным органом представительного органа государственной и муниципальной власти;

В связи с чем, в рамках науки конституционное право возникла настоятельная необходимость изучить опыт деятельности депутатских фракций представительных органов государственной и муниципальной власти (на примере Тюменской области) и внести соответствующие рекомендации.

История формирования и деятельности в России депутатских фракций представительного органа с законодательными функциями начинается с партийных фракций в Государственной Думе, которые создавались в 1906-1907 годах первыми российскими политическими партиями.

Особенность I-ой Государственной Думы, избранной в 1906 году, была обусловлена во многом именно отсутствием конструктивной работы депутатских фракций. Каждый выступающий депутат считал своим долгом очернить правительство. По оценке А.И. Солженицына, «… Дума собралась не копаться в скучной законодательной работе да по комиссиям, не утверждать

да исправлять какие-то законы или бюджеты, а – соединённым криком сдунуть с мест, сорвать и это правительство, и эту монархию»[1].

Именно благодаря конструктивной деятельности политических партий активную работу в Государственной Думы стали проводить депутатские фракции, сформированные по политическому признаку.

Структурное построение фракций приобрело четкие очертания в период II-ой Государственной Думы. Стали избираться руководящие органы, комиссии, подкомиссии и секции по отдельным вопросам. Высшими органами фракций были собрания депутатов, являющихся их членами. К руководящим же органам относились президиум или совет, комитет или бюро фракции, именно на них была возложена координирующая функция по руководству деятельностью фракции в целом. Комиссии фракций играли роль предварительных инстанций для разработки и обсуждения какого-либо законопроекта2.

Членом фракции в Государственной Думе мог быть депутат, который:

- официально записался в ее состав;
- должен был подчиняться партийной дисциплине;
- должен был регулярно посещать собрания фракции;
- должен был признавать программу и устав партии.

В целях обеспечения финансовой самостоятельности в некоторых фракциях для депутатов вводилась обязанность уплаты членских взносов3.

Депутатские фракции в Государственной Думе обладали равным статусом, характеризующимся следующими основными элементами:

- в зале заседаний депутаты размещались по фракциям;
- все фракции были представлены в Совете старейшин палаты;
- с учетом фракций избирались думские комиссии. Фракции стремились к тому, чтобы их представители находились во всех комиссиях;
- в Государственной Думе сразу же укоренился обычай, согласно которому все руководящие должности, включая председателей комиссий, считались «добычей» фракций4.

Первая депутатская фракция, созданная в Тюменской области, - это депутатская фракция Партии **«ЕДИНАЯ РОССИЯ»** Тюменской областной Думы. Инициаторами ее создания выступили десять депутатов областной Думы третьего созыва (постановление областной Думы от 19.09.2002 № 446).

---

[1] Солженицын А.И. Август Четырнадцатого. Книга 2, - М., 2006. С. 172.

[2] См.: Лошманкин Е.А. История развития фракций политических партий в России // Вопросы теории и практики российской правовой науки: Сб. VII Межд. науч.- практ. конф.. – Пенза, 2011.

[3] См.: Козбаненко В.А. Партийные фракции в I и II Государственной Думе России. 1906-1907. – М., 1996. С. 236.

[4] См.: Зырянов П.Н. Как работала Государственная Дума //Политическое образование.1989. № 15. С. 86.

В четвертом созыве фракцию сформировали 30 депутатов (88,2 % от общего числа депутатов) из 34. Депутатская фракция «ЕДИНАЯ РОССИЯ» областной Думы пятого созыва состоит из 38 депутатов (79,2 % от общего состава депутатского корпуса, всего 48 депутатов) и является самой крупной депутатской фракцией областной Думы.

В областной Думе пятого созыва были сформированы еще три депутатские фракции:

- депутатская фракция ЛДПР (пять депутатов);
- депутатская фракция КПРФ (три депутата);
- депутатская фракция «Справедливая Россия» (два депутата).

Несмотря на различия в численном составе депутатские фракции областной Думы, также как депутатские фракции первых Государственных Дум России и Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, имеют равный правовой статус.

Так, каждая депутатская фракция Тюменской областной Думы вправе:

- выдвигать своих представителей в руководящие органы областной Думы;
- направлять своих представителей в комитеты и постоянную комиссию областной Думы;
- создавать экспертные советы;
- вносить в областную Думу проекты областных законов, в порядке законодательной инициативы.

Аналогичные положения действуют в законодательных (представительных) органах государственной власти других субъектов Российской Федерации.

Именно законотворческая деятельность является наиболее важным направлением работы фракции «ЕДИНАЯ РОССИЯ». Ежегодно около 50 % принятых законопроектов вносятся Правительством Тюменской области. В 2013 году аналогичное количество законопроектов были разработаны с участие членов депутатской фракции «ЕДИНАЯ РОССИЯ». Часть законопроектов члены депутатской фракции «ЕДИНАЯ РОССИЯ» подготовили с участием представителей других фракций. Основной формой такой законотворческой деятельности являются заседания профильных комитетов областной Думы, в состав которых входят представители различных депутатских фракций областной Думы.

Другой наиболее значимой формой совместной реализации права законодательной инициативы депутатскими фракциями Тюменской областной Думы, но уже федерального уровня, следует рассматривать пленарные заседания областной Думы. В соответствии с частью 1 статьи 104 Конституции Российской Федерации именно областная Дума обладает правом внесения

в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации федеральных законопроектов, и реализация этого права осуществляется путем принятия соответствующего постановления на пленарном заседании областной Думы.

Так, Тюменской областной Думой пятого созыва в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесены **десять** федеральных законопроектов, инициированных депутатской фракцией «ЕДИНАЯ РОССИЯ» и один проект федерального закона, инициированный депутатской фракцией «ЛДПР».

С первых дней своего создания депутатская фракция «ЕДИНАЯ РОССИЯ» Тюменской областной Думы стала устанавливать тесное взаимодействие с депутатскими фракциями «ЕДИНАЯ РОССИЯ» представительных органов местного самоуправления.

На первоначальном этапе это была методическая помощь в формировании и организации депутатских фракций представительных органов.

Сегодня такое взаимодействие осуществляется по следующим основным направлениям:

- законотворческая деятельность;
- работа с обращениями граждан;
- реализации проектов Партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ»;
- благотворительная деятельность.

Проведенное исследование показывает, что реализация каждого из указанных направлений взаимодействия депутатских фракций осуществляется в следующих основных формах:

- организационная форма (например, взаимное информирование, обмен опытом организации работы фракции);
- правовая форма (связана с принятием решения нормативного или индивидуального характера).

Примерами использования правовой формы деятельности депутатских фракций Тюменской областной Думы и представительных органов городских округов и муниципальных районов могут служить следующие направления их деятельности:

- регистрация фракции;
- планирование работы фракции;
- заседание фракции;
- отчеты фракции.

Вместе с тем главным направлением деятельности депутатских фракций, независимо от их партийной принадлежности является правотворческая деятельность.

Для депутатской фракции «Единая Россия» Тюменской областной Думы, осуществляющей взаимодействие в этом направлении с депутатскими фракциями «Единая Россия» представительных органов городских округов и муниципальных районов представляется важным выполнение требования Президента Российской Федерации В.В. Путина о необходимости улучшения языка правотворчества. По его мнению «Язык правотворчества надо сделать если не благозвучным (в древнем мире законы часто писали стихами для лучшего запоминания), то хотя бы понятным для адресатов норм»[1].

А этого можно достичь только за счет широко вовлечения наших граждан в правотворческий процесс, как одну из основных форм реализации их конституционного права на участие в управлении делами государства.

[1] Путин В.В. Россия сосредотачивается. Ориентиры. М.: ОЛМА. Меде Групп, 2012. С. 50

СОЦИОГУМАНИТАРНОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА: НЕКОТОРЫЕ ИДЕИ К ПРОЕКТИРОВАНИЮ КОНЦЕПЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

В.М. Теребихин –
к.философ.н., эксперт ГБУ «Центр Наследие» имени Питирима Сорокина

Актуальность проектирования и практического осуществления концепции социогуманитарного преображения региона имеет «множественную каузацию» (П.Сорокин).

Во-первых, это детерминируется необходимостью практического обеспечения сформулированных в Конституции России и Республики Коми стратегических целей государственного управления – создание условий для развития человека как высшей ценности, повышение качества человеческого потенциала («качества качеств населения») и качества жизни.

Во-вторых, несмотря на то, что в регионе в 2010-2013 годах отмечался ряд позитивных тенденций в сфере демографического развития, общая социально-гуманитарная (антропологическая) ситуация особенно, в сфере духовно-нравственной, характеризуется как кризисная. В наших публикациях социогуманитарная ситуация с 1994 года в Республике Коми и в России в целом, оценивается понятием «антропологический кризис» как системный гуманитарный кризис, кризис развития человеческого потенциала, многоаспектный, интегральный антропофеномен, сформированный комплексом когерентных, всесторонне взаимозависимых, взаимообусловленных, системно взаимоувязанных социогуманитарных кризисов. Развернутое определение и характеристика антропокризиса представлена в ряде публикаций автора доклада [3]. С 2014 года в регионе началось новое «обострение» антропологической ситуации, в том числе, существенное (4-кратное) снижение естественного прироста населения и переход в режим кризисного воспроизводства сельского населения.

В республике отмечается существенная ассиметрия, межсферная поляризация, «ножницы» между уровнем экономического и социально-гуманитарного развития. По целому ряду важнейших качественных показателей социогуманитарного развития регион, занимает в российском «субъектном табеле о рангах» рейтинговые позиции не соответствующие его экономическому потенциалу, общему уровню экономического развития: 64 место по интегральному индексу человеческого развития (12 место из 13 регионов европейского и азиатского Севера, Тюменьская область – 7 место в РФ), 53 место по интегральному индексу качества жизни (2013 – 50 место, 2012 – 46 место) и, 8 место в рейтинге северных регионов, 56 место по продолжительности жизни населения; 43 место по индексу здоровья населения;

12 место по уровню самоубийств, 14-15 место по уровню насильственной смертности, 10 место по уровню смертности от алкогольных отравлений; 18 место по уровню смертности от внешних, «неестественных» причин, связанных с негативным образом жизни и т.д.

Республика «входит» в первую десятку регионов (6 место) с самой высокой миграционной убылью населения; в первую десятку «самых пьющих» субъектов России; в состав 30 регионов с уровнем здоровья населения «ниже среднего по России; в состав 15 регионов с наиболее высокой долей экономических потерь (более 40% от всех экономических потерь) в результате преждевременной смерти населения в экономически активном возрасте; в группу 10 субъектов с самым низким рейтингом по параметрам уровня привлекательности.

В регионе многие количественные индикаторы, характеризующие социопсихологическое, духовно-нравственное, ментальное здоровье, находятся за пределами критических значений (предельно-критических величин), «параметров порядка» социогуманитарного развития.

Кризисные тренды антропологических процессов в республике в 2015 году сохраняют основные негативные интегративные «характеристики – состояния». Эти антропотенденции как социогуманитарные вызовы, ограничения, уязвимости входят в единый комплекс финансово-экономических, политических, технико-экономических, социальных, управленческих и иных «средовых» вызовов и ограничений осуществления процесса региональной неоиндустриализации, («новой индустриализации») республики, формирования региональной нооэкономики, являются, угрозами гуманитарной (человеческой) безопасности, снижают эффективность социогуманитарного обеспечения инновационного развития региона.

В данном контексте, автор доклада в полной мере согласен с выводом академика РАН А.И.Татаркина о том что, «в соответствии с положениями концепции развития человека, новая индустриализация, социально не ориентированная на всестороннее развитие человека, неизбежно будет способствовать появлению сложных сочетаний «нежелательных типов» экономического роста, углублению противоречия между социальным и экономическим векторами общественного развития», а также, то, что, «высшей целью и главным критерием качества экономического роста во все большей степени становится человек» [1, с.16]

Исходя из вышеизложенного органам государственной власти республики в контексте осуществления социогуманитарного преображения, рекомендуется продуцировать и принять ряд концептуальных, программно-мировоззренческих, политических документов и нормативно-законодательных актов, обеспечивающих социогуманитарное преображение (развитие) республики и, прежде всего, «Концепцию социогуманитарного преображения Республики Коми». На основе данной концепции рекомендуется принять

«Стратегию социогуманитарного преображения (развития) Республики Коми на период до 2025 года». Для подготовки концепции и стратегии целесообразно провести региональную научно-практическую конференцию по проблемам социогуманитарного преображения (модернизации), а также, гражданский «Социальный (гуманитарный) форум Республики Коми».

В общем комплексе работ по проектированию «Концепции социогуманитарного преображения (модернизации) Республики Коми» необходимо разработать систему концептообразующих, основополагающих понятий проектируемого документа, в том числе: «социогуманитарное преображение региона», «гуманитарная успешность субъекта России», «региональное социогуманитарное пространство», «антропополитика» и другие «категориальные» теоретические понятия концепции, определить стратегические цели, сформулировать «желаемый интегральный социогуманитарный образ Республики Коми», как «социогуманитарную футуромодель» региона, «итоговое видение» успешности процессов реализации концепции и стратегии социогуманитарного преображения и др.

Для экспертного обсуждения предлагаются следующие варианты номинирования некоторых перечисленных выше понятий:

Социогуманитарное преображение региона:

Это «системокомплекс» когерентных, взаимообусловленных, всесторонне взаимозависимых процессов регионального развития «целеориентированных» на создание условий для, опережающего, динамически устойчивого, сбалансированного человеческого развития в северном регионе;

Это гуманистическое, человеко-ориентированное, социокультурное, духовно-нравственное развитие;

Это «гуманистически ориентированная модернизация» (С.А.Кравченко), нацеленная на раскрытие многогранных духовных и интеллектуальных потенций Человека в сложном современном региональном социуме;

Это такое развитие и креативное управление региональным развитием, при котором обеспечивается существенный и опережающий рост «гуманитарных инвестиций» превосходящих по уровню, и опережающих по темпам инвестиции в материальные производственные фонды, рост абсолютных размеров нематериального (или невещного) накопления в человекоориентированные инвестиционные сферы обеспечивающих создание необходимых инфраструктурных, «средовых» условий для гармоничного развития человека, повышения качества человеческого потенциала региона, формирования «инновационного человека», процесс модернизации всех сфер (подсистем) социальной и духовной жизни региона, процесс формирования новой региональной идентичности, целостности *регионального социогуманитарного пространства, «*создания новой культурной среды функционирования социума» (Астафьева О.Н), преображения регионального социокультурного ландшафта;

Это такое развитие региона, которое расширяет возможности населения получить хорошее образование, прожить долгую и здоровую жизнь, иметь интересную и достойную работу, способную обеспечить духовное и материальное благополучие.

Социогуманитарное преображение (модернизация), с точки зрения государственного управления, понимается нами как осуществляемый органами государственной власти и местного управления, при конструктивном, солидарном участии политически активного населения и институтов гражданского общества, синхронный и интерактивный, общественно согласованный процесс научно-обоснованных инновационных, креативных институциональных, структурно-функциональных преобразований (изменений) в системе управления социогуманитарным развитием региона, процесс формирования человеко-ориентированной модели государственного управления и местного самоуправления, процесс модернизации социальных и гуманитарных (человеко-ориентированных) государственных политик, внедрение технологий ценностно-ориентированного, креативного управления, инкорпорирование высоких инновационных гуманитарных технологий (креативных социогуманитарных, социокультурных инноваций) в практику государственного управления и местного самоуправления.

Главным, исходным тезисом и парадигмальной установкой осуществления социогуманитарного преображения региона является Человек, его гармоничное развитие. Он – альфа и омега социогуманитарного преображения, центр и фокус развития современного регионального социума.

Стратегическая цель социогуманитарного преображения республики – обеспечение расширенного воспроизводства условий (социальных, экономических, политических, правовых, гуманитарных и др.) для свободного развития человека как высшей, приоритетной цели регионального государственного управления, повышения качества человеческого потенциала, реализации заложенных в человеке многомерных способностей и потенций, «формирования гармонично развитой личности» [4],«креативного», «инновационного человека» (Э.Хаген), человека, способного адаптироваться к постоянным изменениям, активным инициатором и производителем этих изменений, создание условий для формирования у граждан компетенций инновационной деятельности, реконструкция доминирующей в настоящее время в регионе «экономикоцентристской» модели государственной политики и формирование гуманистической, социогуманитарной, «человекоцентрированной» парадигмы региональной государственной политики и человекоориентированной модели политико-административного управления, обеспечивающей переход от «человекопотребляющего» типа развития к «человековоспроизводству», развитию и в целом, общего уровня «гуманитарной успешности» республики.

«Первоцелями» практической реализации концепции или ее «минимакс –стратегией» являются: демпфирование кризисности антропологической

ситуации в регионе, смягчение остроты социально-антропологической напряженности.

«Желаемый интегральный социогуманитарный образ Республики Коми» к 100-летию образования Коми автономии (государственности), может быть номинирован и репрезентирован следующим образом: «Республика Коми к 2021 году – гуманитарно успешный, человеко-ориентированный регион, регион в котором целевым вектором интегративного стратегического развития является человеческое счастье, регион, в котором, органами государственной власти и местного самоуправления, осуществляется системная работа по созданию условий для развития человека, как высшей ценности, «меры всех вещей» на основе реализации системной региональной гуманитарной мегаполитики (антропополитики); регион, в котором реализуются принципы социальной справедливости, социогуманизма, преемственности поколений, солидарности, социальной сплоченности, обеспечивается сохранение культурного разнообразия и поддержка межкультурного диалога, гражданский мир, межнациональное и межконфессиональное согласие, реализация конституционных прав и свобод граждан, их активное участие в государственном управлении и местном самоуправлении на основе использования инновационных политических и гуманитарных технологий, в том числе, технологий государственного и муниципального электронного управления, электронной демократии».

Важнейшим инструментом, механизмом осуществления социогуманитарного преображения является многоуровневая и полисубъектная региональная государственная гуманитарная мегаполитика (антропополитика) включающая 30 человекоориентированных субполитик. Ее нормативная модель представлена автором в ряде научных публикаций [2]

Список литературы:

1. Татаркин А.И., Романова О.А., Бухвалов Н.Ю. Новая индустриализация экономики России// Вестник УРФУ. Серия: Экономика и управление, № 3/2014, С.16.

2. 5.Теребихин В.М. Антропополитика – гуманитарная мегаполитика развития человеческого потенциала как цели и условия системной модернизации России: идеи к проектированию концепции//Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник.Вып.8.РАН.ИНИОН.Отд.научного сотрудничества и международных связей; Отв.ред.Ю.С. Пивоваров.-М.,2013.-Ч.1, С.145-151

3.Теребихин В.М. Концепция «качество качеств населения» в контексте проектирования концептосферы социоинновационной «человеческой» модернизации России: контуры исследовательского поля. [Электронный ресурс]- Режим доступа: http://www.gosbook.ru/node/53464

4. Указ Президента РФ «Основы государственной культурной политики». [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d526bc0d7d43e934f4.pdf

ЭЛЕКТРОННЫЕ УСЛУГИ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКИ ГРАЖДАН (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

А.Д. Трахтенберг –
к. полит. н., старший научный сотрудник
Института философии и права Уральского
отделения РАН

Одним из важнейших элементов повышения эффективности государственного управления считается переход к взаимодействию органов власти с гражданами режиме посредством использования информационно-коммуникационных технологий. Данный переход осуществляется во всем мире и концептуально описывается в государственных стратегических документах с помощью таких терминов, как «электронное правительство», «умное правительство», «цифровое правительство». С их помощью подчеркивается радикальный характер происходящих изменений, принципиально изменяющий базовые характеристики взаимодействия граждан с органами власти. Утверждается, что переход к «электронному правительству» не просто позволяет повысить оперативность взаимодействия граждан с органами власти, но придать ему качественно иной характер, превратив государство в набор удобных в пользовании сервисов.

В России переход к электронному правительству начался с принятия и реализации Федеральной целевой программы «Электронная Россия» (утверждена постановлением Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65). С 2010 году действует государственная программа «Информационное общество» (утверждена распоряжением Правительства РФ № 1815-р от 20 октября 2010 года), при разработке которой был учтен как опыт реализации программы «Электронная Россия», так и лучшие мировые практики. В соответствии с указом Президента РФ от 06 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», в соответствии с которым доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, должна к 2018 году должна достичь не менее 70%, при этом уровень удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных и муниципальных услуг должен составить не менее 90%. Тем самым были заданы ключевые индикаторы, определяющие эффективность перехода к электронному правительству.

В 2013 году была принята «Концепция развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде» (утверждена распоряжением Правительства РФ от 25 декабря 2013 года № 2516-р), в которой подробно прописано, каким образом должна быть

проведена декомпозиция услуги и ее оптимизация с целью последующей автоматизации ряда административных процедур, а также определены 20 федеральных и 14 региональных услуг, подлежащих первоочередной оптимизации.

На региональном уровне процессы формирования инфраструктуры электронного правительства осуществляются в соответствии с «Концепцией региональной информатизации» (утверждена распоряжение правительства от 29 декабря 2014 года №2769-р) и региональными программами. Так, в Свердловской области в настоящее время завершается реализация областной целевой программы «Информационное общество Свердловской области» на 2011-2015 годы (утверждена постановлением Правительства Свердловской области от 11 октября 2010 года №1477-ПП). Она направлена на создание информационно-коммуникационной инфраструктуры, обеспечивающей предоставление органами государственной власти Свердловской области государственных услуг в электронном виде, и предполагает, что к концу 2015 года доля (количество) государственных услуг, предоставляемых органами государственной власти Свердловской области в электронном виде составит 85% (44 единицы).

Государственная стратегия, направленная на переход к оказанию услуг в электронном виде, оказалась достаточно эффективной. Согласно исследованию, проведенному Федеральной службой государственной статистики, доля граждан, использовавших электронные услуги от общей численности граждан, получавших государственные услуги, по итогам 2014 года составила 35,2%. В Свердловской области доля населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг от общей численности населения, получившего за тот же период государственные и муниципальные услуги, была заметно выше: 51,2% (53,0% в городском населении и 40,4% в сельском) [1, табл. 5.7.].

Однако, на наш взгляд, эти данные не вполне отражают реальную картину. Существующая методология оценки, основанная на концепции «электронного правительства» как качественно нового способа организации государственного управления, предполагает противопоставление услуг, оказываемых гражданам в традиционной форме (при личном контакте в государственных учреждениях или Многофункциональных центрах оказания государственных и муниципальных услуг) и электронных услуг, оказываемых дистанционно. Ситуация описывается таким образом, словно гражданин стоит перед альтернативой – или лично взаимодействовать с чиновниками, или предпочесть дистанционный, автоматизированный режим. На самом деле граждане воспринимают взаимодействие с органами власти как сложный, многоступенчатый процесс, в котором присутствуют как традиционные, так и дистанционные элементы. Они также производят декомпозицию услуги с целью оптимизации [своих усилий], но по другим основаниям,

чем сотрудники органов власти, ответственные за переход к электронному правительству.

Этот переход воспринимается гражданами не как радикальная реформа в сфере государственного управления, а как набор новых возможностей, облегчающий традиционное взаимодействие (а в идеальном варианте – вообще избавляющий от необходимости посещать соответствующее учреждение и контактировать с его сотрудниками). Об этом свидетельствуют данные количественного социологического исследования, проведенного нами в Свердловской области в июне 2015 года (объем выборки – 350 человек, выборка носила вероятностный стратифицированный характер, опрос проводился методом стандартизированного интервью по месту жительства респондентов). Количественное исследование было дополнено качественным – серией фокусированных интервью с гражданами, имевшими опыт взаимодействия с органами власти в электронном виде (дистанционно).

Результаты опроса показали наличие корреляции между позитивным отношением к получению услуг в электронном виде и частотой посещения государственных учреждений: если в группе респондентов, которые за последние полгода ни разу не бывали в государственных учреждениях, готовность взаимодействовать с органами власти в электронном виде выразили 30,4% опрошенных (остальные указали, что во всех ситуациях предпочли бы традиционное взаимодействие), то в группе тех, кому приходилось посещать такие учреждения неоднократно – 43,8%.

Какого рода действия предпринимали респонденты в электронном виде при посещении государственных учреждений? – см. Таблицу 1.

Таблица 1

Получение услуг в электронном виде

За последние полгода …	%% к общему числу опрошенных[1]
смотрели информацию по штрафам, задолженностям и т.п.	18,7/1
искали информацию о том, что делать при обращении в госучреждения	16,7/2
искали образцы документов для скачивания и заполнения	16,3/3
записывались на прием в госучреждение	7,3
получали квитанции для уплаты налогов, штрафов и других сборов	6,3

[1] Сумма по столбцу превышает 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

направляли в электронном виде документы в госучреждение	5,7
вообще не использовали электронные услуги	66,0
затруднились ответить	1,7

Электронной услугой «в чистом виде», избавляющей как минимум от одного посещения органа власти, является только отправка заявления через ЕПГУ или региональные и муниципальные сайты/порталы. Такого рода услугой за полгода воспользовались 5,7% опрошенных. Остальные услуги носят подготовительный и сопроводительный характер: узнав, какие документы следует взять с собой, предварительно заполнив заявление и записавшись на прием, респонденты затем отправлялись в учреждение для традиционного личного взаимодействия (которое тем самым, безусловно, облегчалось, что они неоднократно признавали в ходе интервью). Характерно, что в ходе дополнительных фокусированных интервью респонденты в качестве примера электронной услуги охотно и с явным одобрением упоминали «электронные очереди» в самих государственных учреждениях – услугу, сопроводительный характер которой вполне очевиден.

Чем чаще респондентам приходилось посещать государственные учреждения, тем активнее они осуществляли подготовительные действия. Эти действия не замещали посещение государственных учреждений, а составляли элемент более общего действия «взаимодействие с органами власти» – см. Таблицу 2.

Если официальная стратегия формирования электронного правительства исходит из противопоставления традиционных и электронных услуг, то граждане, при решении жизненных задач, ситуативно объединяют те и другие в единый комплекс действий, направленный на оптимизацию взаимодействия с органами власти. В их сознании электронные услуги не вытесняют традиционные, а помогают общаться с представителями власти более эффективно: заранее определять время и место приема, готовить необходимые документы и т.п. Ни о какой радикальной смене имеющихся тактик взаимодействия с органами власти в этих условиях говорить не приходится.

Таблица 2

Характер получения услуг в электронном виде в зависимости от частоты посещения государственных учреждений

За последние полгода …	Посещали госучреждения за последние полгода[1]	
	Неоднократно	Однажды
искали информацию о том, что делать при обращении в госучреждения	31,5/1	16,5/2
искали образцы документов для скачивания и заполнения	30,1/3	20,3/1
смотрели информацию по штрафам, задолженностям и т.п.	31,5/2	16,5/2
записывались на прием в госучреждение	16,4	8,9
направляли в электронном виде документы в госучреждение	11,0	7,6
получали квитанции для уплаты налогов, штрафов и других сборов	9,6	8,9
вообще не использовали электронные услуги	45,2	60,8
затруднились ответить	0,0	2,5

Если идеология электронного правительства основана на противопоставлении новых и старых форм оказания услуг, то в реальности граждане используют те и другие формы ситуативно, в зависимости прежде всего от того, насколько значимой для них является та или иная услуга. Например, как показали фокусированные интервью, при отправке заявления в электронном виде они в одних случаях готовы вполне положиться на орган, который будет работать с данным заявлением (если речь идет о получении загранпаспорта), в других – считают необходимым личный контроль и взаимодействие с получателем заявления (если речь идет о записи ребенка в школу).

[1] Сумма по столбцу превышает 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Таким образом, переход к использованию информационных технологий не воспринимается гражданами как процесс, требующий кардинального пересмотра сложившихся тактик взаимоотношения с властью. Они отмечают явные улучшения в работе органов власти (выражающиеся прежде всего в том, что «очередей стало меньше»), однако не видят никаких резких перемен. Электронные услуги в их глазах не вытесняют, а дополняют традиционные. В этом смысле концепцию «электронного правительства» можно назвать административной идеологией, используемой для легитимации перемен, однако не проникающей за пределы государственного аппарата. Граждане используют электронные услуги гораздо более гибким и многообразным образом, чем предполагается схемой «от традиционного правительства к электронному/умному/цифровому».

Список литературы:

Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-коммуникационных сетей. Электронный документ. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/fed_nabl-croc/index.html. Проверено 10.09.2015.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАМОТНОСТЬ ШКОЛЬНИКОВ КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

И.И. Трубина –
к.пед.н., профессор
ведущий сотрудник Института стратегии развития образования РАО

Проблема достижения функциональной грамотности, т. е. уровня образованности, достаточного для продуктивного функционирования в обществе, впервые была обозначена в документах ЮНЕСКО в середине XX века. Изменение общества в силу его технического, информационного, ценностного развития приводит к появлению новых требований к уровню функциональной грамотности. Уровень, допустимый пятьдесят лет назад, сегодня не позволяет эффективно жить в современном обществе.

Функциональная грамотность рассматривается как «аналогичная образованию на протяжении всей жизни, насколько эта вторая концепция также охватывает все то, что включает жизнь» [1]. В итоге участники Генеральной ассамблеи ЮНЕСКО 1978 г. согласились с тем, что «функционально грамотным считается тот, кто может участвовать во всех тех видах деятельности, в которых грамотность необходима для эффективного функционирования его группы и общины и которые дают ему возможность продолжать пользоваться чтением, письмом и счетом для своего собственного развития и развития общины» [1].

Это определение, используемое по сей день, содержит очень важное концептуальное зерно: грамотность определяется через единство трех важнейших компетенций – чтение, письмо и счет. Такая формулировка естественным образом исключает из концепции грамотности такие навыки, как «компьютерная грамотность», «медийная грамотность», «здравоохранительная грамотность», «экограмотность» и «эмоциональная грамотность» [1]. Однако, если мы обратимся к концепции функциональной грамотности, принятой в российском образовании и включенной в понятийный аппарат, действующий на государственном уровне, в системе стандартов образования и в проектах его модернизации, мы увидим, что она выходит за рамки этих трех компетенций: «Функциональная грамотность характеризуется способностью решать проблемы учебной деятельности, стандартные жизненные проблемы, проблемы ориентации в системе ценностей, проблемы подготовки к профессиональному образованию» [4]. Использование понятия «функциональная грамотность» в России призвано повернуть весь процесс общего образования лицом к реальной жизни – во всех ее социокультурных, экономических и личностных проявлениях, где есть место всем исключенным выше определениям, от технических навыков до проявлений эмоциональной культуры

Традиционная педагогика рассматривает грамотность как психологическую способность индивида — внутреннее когнитивное свойство. Отличие понятия базовой грамотности от функциональной грамотности состоит именно в наличии социального контекста. Если базовая грамотность является устойчивым свойством личности, то функциональная грамотность есть ситуативная характеристика для осуществления жизнедеятельности в конкретной социокультурной среде. Тенденция к расширению понятия «функциональная грамотность» выразилась во введении в него деятельностного аспекта, то есть способности человека эффективно выполнять свои профессиональные или социальные функции.

Стандарт предполагает формирование функциональной грамотности как способности адаптироваться к изменяющимся условиям жизни и успешно в них функционировать. Поэтому функциональная грамотность – это не только такие умения, как умение грамотно писать, умение говорить (строить речевое высказывание) и умение читать. Функциональная грамотность включает в себя умения совершать определённые учебные действия, необходимые школьнику для получения основного общего, среднего (полного) общего, профессионального образования. Это универсальные учебные действия: личностные, познавательные, коммуникативные, регулятивные.

При этом знания, умения и навыки рассматриваются как производные от соответствующих видов целенаправленных действий, т. е. они формируются, применяются и сохраняются в тесной связи с активными действиями самих учащихся. Качество усвоения знания определяется многообразием и характером видов универсальных действий. Приоритетным направлением новых образовательных стандартов становится обеспечение и реализация их развивающего потенциала. Развитие личности в логике этих стандартов обеспечивается, прежде всего, через формирование универсальных учебных действий, которые выступают инвариантной основой образовательного и воспитательного процесса. Овладение учащимися универсальными учебными действиями выступает как способность к саморазвитию и самосовершенствованию путем сознательного и активного присвоения нового социального опыта. Универсальные учебные действия создают возможность самостоятельного успешного усвоения новых знаний, умений и компетентностей, включая организацию усвоения, то есть умения учиться.

В контексте стандартов в широком значении термин «универсальные учебные действия» означает способность субъекта к саморазвитию и самосовершенствованию путем сознательного и активного присвоения нового социального опыта. В более узком (собственно психологическом значении) термин «универсальные учебные действия» можно определить как совокупность действий учащегося, обеспечивающих его культурную идентичность, социальную компетентность, толерантность, способность к самостоятельному усвоению новых знаний и умений, включая организацию

этого процесса. (Асмолов А.Г. и др.). Следование этой теории при формировании содержания общего образования предполагает, в частности, анализ видов ведущей деятельности (игровая, учебная, общение), выделение универсальных учебных действий, порождающих компетенции, знания, умения и навыки.

Вся соль понимания деятельности в отношении. Обыденное сознание толкует деятельность как набор действий, и потому организатор избирает путь приказа и инструкций для этих действий. Педагог организует деятельность как активную форму выражения отношения к какому-то объекту. Оно, это отношение как двигатель активности, скрыто в цели и мотивации деятельности. Цель и мотивы слиты воедино. Такое единение обуславливает кардинальное отличие «деятельности» от «действий». Самое главное в организации деятельности – направить внимание на деятельность каждого учащегося в качестве «здесь и сейчас» субъекта воплощенного отношения.

При компетентностном подходе к оценке результатов обучения в понятие «функциональная грамотность» вкладывается следующий смысл[2]:

читательская грамотность — способность к пониманию и осмыслению письменных текстов, к использованию их содержания для достижения собственных целей, развития знаний и возможностей, для активного участия в жизни общества;

математическая грамотность — способность человека определять и понимать роль математики в мире, в котором он живет, высказывать хорошо обоснованные математические суждения и использовать математику так, чтобы удовлетворять в настоящем и будущем потребности, присущие созидательному, заинтересованному и мыслящему гражданину;

естественно-научная грамотность — способность использовать естественнонаучные знания для отбора в реальных жизненных ситуациях тех проблем, которые могут быть исследованы и решены с помощью научных методов, для получения выводов, основанных на наблюдениях и экспериментах, необходимых для понимания окружающего мира и тех изменений, которые вносит в него деятельность человека, а также для принятия соответствующих решений.

Эти определения перекликаются с определением функциональной грамотности, сформулированным А. А. Леонтьевым: «Функционально грамотный человек — это человек, который способен использовать все постоянно приобретаемые в течение жизни знания, умения и навыки для решения максимально широкого диапазона жизненных задач в различных сферах человеческой деятельности, общения и социальных отношений»[3].

Говоря о соотношении образования и рынка труда, исследователи подчеркивают, что образование должно помочь личности «овладеть многофункциональностью и способностями, позволяющими плыть по этому

морю…». Детерминантом развития личности выступает не отдельно взятый педагогический прием, а жизненная ситуация, в которой для учащегося происходит некое событие, становящееся содержанием его переживаний. Личностный рост ученика в этом процессе коррелирует с повышением системности знаний, умением самостоятельно их приобретать и творчески использовать, планировать свою деятельность и оценивать результаты, строить отношения сотрудничества и толерантности, интегрируется в способности к самоорганизации, проявляющейся в опыте рефлексируемого поведения с переносом его в различные сферы реальной жизни ученика. Предметом активности ученика становится не учебная, а жизненная задача, которая отражается в сознании как самостоятельно поставленная цель, как самоорганизация интеллектуальных, волевых, нравственных усилий, ведущих к самореализации личности.

Выстраивание продуктивной системы практико-ориентированного базового образования в рамках каждого образовательного учреждения, в масштабе региона требует изменений как в содержании учебных предметов, так и в технологиях обучения, в том числе через активное привлечение дополнительных образовательных ресурсов на основе, например, аутсорсинговых технологий. Образовательный аутсорсинг – это инновационная технология привлечения внешних для школьного образования необходимых ресурсов, которая работает в новой экономической практико-ориентированной среде. Новая образовательная среда и аутсорсинговые технологии стимулируют взаимодействие социальных партнеров, способствуют повышению уровня профессиональной адаптации образовательного учреждения в регионе.

Современное состояние педагогического сознания состоит в своеобразном смешении парадигмы с обучения на развитие. Чтобы выйти за рамки узкой предметности в образовании, надо смоделировать ситуацию жизни с опережением некоторых привычных стереотипов, включить учащихся в преобразование сложных ситуаций. Наконец, и сама функциональная грамотность вырабатывается в обучении, основанном на разрешении жизненных ситуаций и задач.

Формирование функциональной грамотности у учащихся имеет прямое отношение к таким наиболее острым проблемам нашего времени, как достижение экономического благосостояния общества, сохранение окружающей среды, создание правового государства и законосообразности в поведении людей, культуре использования средств информации и коммуникации, устойчивому развитию общества. Уровень функциональной грамотности учащихся отдельного региона может служить одним из индикаторов социально-экономического развития территории.

Список литературы:

1. Бернетт Н. Образование для всех. Грамотность: жизненная необходимость // Всемирный доклад по мониторингу ОДВ 2006 [Текст] / Н. Бернетт, С. Паркер, Н. Белла. – Париж : ООН, 2005. – 505 с.-С.177

2. Ковалева Г. С. Первые результаты международной программы PISA-2009. Презентация и обсуждение первых результатов международной программы PISA-2009, 7 декабря 2010 года. Российская академия образования, Институт содержания и методов обучения, отдел оценки качества общего образования // Сайт отдела оценки качества общего образования ИСМО РАО, страница публикаций — http://www.centeroko.ru/

3. Образовательная система «Школа 2100». Педагогика здравого смысла / под ред. А. А. Леонтьева. М.: Баласс, 2003. С. 35.

4. . Управление качеством образования: сб. метод. материалов [Текст]; сост. О.Е. Лебедев. – М. : РОССПЭН, 2002. – 128 с. – С. 36

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА В КУЗБАССЕ: СТИМУЛЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

О.А. Урбан –
д.социол.н, доцент
зам. директора Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета

На государственном уровне решению проблем перехода к инновационной модели развития регионов с сырьевой экспортно-ориентированной экономикой уделяется много внимания. Это нашло отражение в официальных документах. Однако любые институциональные реформы реализуются людьми. Поэтому стимулы и ограничения регионального развития следует искать на поведенческом уровне в системе отношений основных субъектов модернизации и инновационного развития. В Кузбассе инновационный сценарий развития связан со структурно-инновационным преобразованием отраслей специализации, формирующих точки роста для всей региональной экономики. Закономерно, что основными субъектами модернизации выступают угольные и металлургические холдинги экспортно-сырьевой ориентации и региональная власть, создающая институциональные условия для изменения вектора развития экономики. В этой связи актуальным применительно к долгосрочной стратегии развития региона является анализ сложившихся социальных практик взаимодействия власти и крупного бизнеса.

С начала 90-х гг. в условиях реструктуризации угольной и металлургической отраслей промышленности, сопровождавшейся активным переделом собственности, сформировались и получили широкое распространение неформальные практики взаимодействия власти и бизнеса, значительная часть которых, следуя классификации М.А. Курбатовой [1; 121–122], сосредоточилась в «черной зоне», характеризуемой коррумпированными отношениями. Подобные практики содействовали институализации неправовых трудовых практик и росту социальной напряженности как на отдельном предприятии, так и регионе в целом. В целях преодоления социального кризиса в Кузбассе в 1997 г. произошла смена регионального лидера. Губернатор Тулеев А.Г. традиционными для советской системы способами администрирования с дифференцированным подходом стал главным субъектом формирования локальных и действующих по настоящее время на территории области «правил игры» для бизнеса. Эти правила во многом носят неформальный характер и отражают своеобразную

административную модель управления региональной экономикой, базирующуюся на неформальных соглашениях власти и бизнеса в сочетании с рисками административного воздействия при их невыполнении. Предметом соглашений являются законодательно не установленные региональные социальные требования к бизнесу, которые определяются общей позицией регионального лидера относительно идеологии, способов и методов проведения институциональных реформ. По заявлению губернатора, для собственников предприятий «приоритет – не сиюминутная прибыль, а долговременное стабильное развитие» [2]. В этой связи необходимым условием реализации формальных прав собственности в регионе стали практики соглашений о социальных обязательствах бизнеса, обоснованием которых является рост социальной ответственности бизнеса. Так, в процессе переговоров о приобретении крупнейшей сталелитейной компании Arcelor Mittal угольной компании «Кузбассуголь» (2008 г.) губернатор подчеркнул, что в регионе главными для нового собственника должны стать вопросы безопасности на шахтах, повышения заработной платы, экологии, социальной защиты шахтеров и членов их семей [3].

Выделяются три основные группы неформальных практик, действующих в Кемеровской области: заключение договоров (соглашений) о социально-экономическом сотрудничестве (партнерстве) с собственниками крупнейших промышленных предприятий, учреждение фондов для дополнительных отчислений бизнеса, прямое финансирование различных инфраструктурных и социальных проектов [4; 39].

Соглашения о социально-экономическом сотрудничестве, превратившись в институализированную практику взаимоотношения, определяют уровень социальной нагрузки на крупный бизнес (объемы и структура социальных инвестиций, рост оплаты труда, инвестиции в безопасность и пр.). В докризисный 2008 г. в нацпроекты собственники инвестировали 6 млрд руб. [5, 18]. В период мирового кризиса несмотря на сложную финансовую ситуацию компании продолжали брать на себя широкие социальные обязательства. Уже в 2010 г. социальные инвестиции были запланированы в докризисном объеме с его возрастанием в последующие годы. Только ХК «Сибирский деловой союз», главный социальный партнер Администрации Кемеровской области, в соответствии с заключенным Соглашением на 2015 год взял на себя обязательства направить 400 млн р на социальные выплаты трудящимся и пенсионерам, 411 млн р на реализацию программ в сфере образования и здравоохранения, 65 млн – на выполнение социальных программ области. При этом холдинг обязуется сохранить все рабочие места, обеспечить рост заработной платы на 10%, оказать помощь своим работникам в выплате взятых кредитов на жилье [6].

Практика соглашений законодательно не отрегулирована. В этом смысле закрепленные за бизнесом обязательства не имеют нормативного долженствования, однако в регионе они приобретают обязательный характер и оцениваются бизнесом как нормативные требования. Вместе с тем, по мере трансформации угольных и металлургических компаний в траснациональные значимость регионального административного ресурса начинает снижаться. Уже в 2006 г. «Евраз» вышел из системы заключения соглашений о социально-экономическом сотрудничестве с областной администрацией. Продажа УК «Прокопьевскуголь», принадлежавшей ОАО «Новолипецкий металлургический комбинат» (НЛМК), администрации г. Прокопьевска за 1 долл. США стала следствием того, что В. Лисина не устроили требования социального характера. НЛМК не подписал соглашение с администрациями области и города, а коллективные договоры оказались в социальном плане основательно урезанными [7] .

На местах бизнес также активно участвует в разнообразных практиках дофинансирования территории (организация специализированных фондов, различные формы спонсорства, участие в социальных программах и пр.). Инструментами принуждения бизнеса к соблюдению установленных локальных правил становится дифференциация правил игры и избирательное применение санкций к нарушителям формальных норм и правил (проверки, лишение лицензии, штрафы, инициирование смены собственника и пр.). Например, в 2008 году представитель «Мечела» отказался подписать с областными властями соглашение о социально-экономическом партнерстве. Компанию обвинили в подкупе депутатов в г.Мыски, а также незаконной добыче угля [8]. При этом сами формальные нормы также могут принимать локальный характер, если их действие / бездействие определяется решением должностных лиц исполнительной власти. Применение санкций к угольным компаниям, деятельность которых негативно влияет на окружающую природную среду и нарушает нормы экологического права, имеет в регионе избирательный характер. По сути, происходит воспроизводство советских практик, когда власть административно регулирует ресурсы крупных предприятий для социального развития территории. В рыночных условиях в обмен на финансирование инфраструктурных и социальных проектов власть создает бизнесу условия, которые и так должны существовать согласно нормативной модели взаимодействия власти и бизнеса. При этом подменяется само социально-экономическое содержание понятий социальной ответственности бизнеса и социального партнерства [4; 36–38].

Сложившиеся практики, в которых значительную роль продолжают играть нормы административно-командного управления, а деформализация правил, когда формальные правила в значительной мере замещаются

неформальными и встраиваются в неформальные отношения [9; 135], превратилась в их устойчивую характеристику, содействуют росту социальной ответственности бизнеса и в целом отвечают текущим интересам власти, бизнеса и населения региона. Бизнес получает доступ к ресурсам региона, административную и политическую поддержку региональной власти, власть – дополнительные источники финансирования социальных программ и социальную стабильность, население – дополнительную социальную защиту.

Доказав эффективность в «принуждении» бизнеса к социальной ответственности, рассмотренные выше практики оказываются малопродуктивными для системного решения социально-экономических проблем региона. На неформальном уровне региональная власть стимулирует бизнес к модернизации и инновационному развитию. В 2010–2011 гг. в соглашения уже были включены новые пункты научного, технологичного и экологического содержания. Однако устойчивый тренд развития региональной экспортно-сырьевой, при котором благоприятная конъюнктура рынка на сырьевые товары обеспечивает увеличение объемов производства и получение выручки от экспорта, частично направляемой на социальные программы. Инновационная деятельность осуществляется отдельными компаниями, носит локальный характер и не оказывает существенного влияния на структурные изменения в экономике региона [10, 101–118]. Отставание в инновационном развитии отрицательно сказывается на качестве человеческого потенциала, состоянии среды обитания, что, в свою очередь стимулирует отток квалифицированных кадров и сужает перспективы для экономического роста. По существу, экспортно-сырьевая модель региональной экономики не отвечает долгосрочным интересам как власти, населения региона, так и бизнеса.

Различие сценариев экспортно-сырьевого и инновационного в регионе определяется состоянием и доминирующей стратегией крупного бизнеса, занимающего как в текущий период, так и в длительной перспективе ведущие позиции в региональной экономике. Поэтому риски в трансформации сырьевой модели развития региона могут заключаться в несовпадении интересов собственников и государственных интересов. Существует вероятность, с одной стороны, роста инвестиций в современные технологии, в производство новых видов продукции, в человека, с другой – сохранение сырьевого, экологически грязного производства с неблагоприятными условиями труда и невысоким качеством рабочей силы, но с активной социальной политикой. Анализ производственно-экономических показателей деятельности предприятий базовых отраслей промышленности Кузбасса (состояние основных фондов, уровень производительности труда, качество и ассортимент продукции, объемы и структура инвестиций и пр.) свидетельствуют о недостаточной рыночной

мотивации собственников для решения стратегических задач модернизации и внедрения инновационных технологий в рамках долгосрочного развития

Региональная власть через административное регулирование в рамках сложившихся практик побудила бизнес к социальной ответственности. Вместе с тем, подобного рода практики можно рассматривать как институциональную ловушку, так как они, возлагая на бизнес социальную повинность, обеспечивают в регионе высокий уровень социальной защищенности, но не стимулирует бизнес к воспроизводству трудовых ресурсов с иным качеством на основе модернизации производства. Практики административного принуждения к инновациям не могут быть адекватным ответом на вызовы постиндустриального развития, поскольку не оказывают существенного влияние на изменение мотивации собственников. Фактически институциональные соглашения главных политических и экономических субъектов региона сформировались вокруг экспортно-сырьевой модели развития. С одной стороны, региональная власть не может не поддерживать интересы крупного бизнеса в экспортно-ориентированных отраслях промышленности как основного налогоплательщика и субъекта социального инвестирования, с другой – должна выстраивать баланс интересов в реализации стратегии развития региона. В этом плане встает ряд мотивационных проблем, связанных с формированием общей системы ценностей действующих в сфере своих компетенций органов государственных власти и частного бизнеса, сфокусированной в области конкурентоспособной экономики региона. Сложной проблемой является трансформация социальных практик, воспроизводимых на уровне повседневной управленческой деятельности и являющихся барьером для инновационной модели развития регионального хозяйства.

Список литературы:

1. Курбатова М.В., Левин С.Н. Деформализация правил взаимодействия власти и бизнеса // Вопросы экономики. – 2003. – № 10. – С. 120–128.

2. Денисов А. Дело дошло и до передела // Кузнецкий рабочий. – 2007. – 29 мая.

3. Администрация Кемеровской области информирует: О возможном приобретении «Кузбассугля» сталелитейной компанией Arcelor Mittal // Уголь. –2008. – № 4. – С. 64.

4. Курбатова М.В., Левин С.Н. Деформализация правил в современной российской экономике (на примере взаимодействия власти и бизнеса) // Экономический вестник РГУ. – 2010. – Т. 8. – № 1. – С. 27–50. URL: www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2010/03/27/0000336426/journal8.1-3.pdf (дата обращения 01.09.2015 г.).

5. Соглашение о социально-экономическом сотрудничестве на 2008 год между администрацией Кемеровской области и компанией «МаррТЭК» //Уголь. – 2008. – № 5. – С. 18.

6. Администрация Кемеровской области и ХК «Сибирский деловой союз» заключили соглашение о социально-экономическом сотрудничестве на 2015 год // URL: http://kemoblast.ru/news/prom/2015/02/17/administratsiya-kemerovskoj-oblasti-i-hk-sibirskij-delovoj-soyuz-zaklyuchili-soglashenie-o-sotsialno-ekonomicheskom-sotrudnichestve-na-2015-god.html (дата обращения 01.09.2015 г.).

7. Думенко Т. «Прокопьевскуголь» продан. За 1 доллар // Кузбасс. – 2007. – 3 апреля.

8. Миллиардер Зюзин пожаловался на Тулеева в Москву. URL: http://www.riopress.ru/news/2861.html (дата обращения 01.08.2013).

9. Радаев В. В. Социология рынков: к формированию нового направления. – Москва : ГУ ВШЭ, 2003. – 325 с.

10. Урбан О. А. Субъекты модернизации в монопродуктовом регионе // ЭКО. – 2013. – № 4. – С.101–118.

ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ МАЛЫХ ГОРОДОВ

Е.Ф. Целищева –
старший преподаватель кафедры экономики и управления
Уральского института управления – филиала РАНХиГС

Д.В. Трофимова –
студентка факультета экономики и менеджмента
Уральского института управления – филиала РАНХиГС

А.А. Михель –
студент факультета экономики и менеджмента
Уральского института управления – филиала РАНХиГС

В условиях финансово-экономического кризиса наблюдается нехватка бюджетных средств муниципальных образований по причине сокращения финансирования на федеральном, региональном и муниципальном уровне.

Поэтому в такой ситуации целесообразно говорить о привлечении денежных средств от инвесторов. Основная роль инвестиций состоит в том, что они создают определенную экономическую базу, позволяющую решать социально-экономические проблемы, стоящие перед муниципалитетом. То есть возникает необходимость рационального управления инвестиционной привлекательностью городов, что в результате даст возможность сконцентрировать инвестиции на территории данного города и как следствие решить важнейшие социально-экономические проблемы.

Таким образом, высокая инвестиционная привлекательность города является залогом его конкурентоспособности и соответственно устойчивых темпов социально-экономического роста, поэтому привлечение инвестиций в города становится все более актуальным вопросом.

Однако если объективно оценивать российскую управленческую практику, стоит отметить, что далеко не все города ведут политику, направленную на повышение инвестиционной привлекательности и эффективного использования потенциала города, особенно это касается малых городов.

В 2013 году была разработана Концепция Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие малых городов Российской Федерации на период 2015-2020 годов». Она подразумевала решения следующих задач: повышение благосостояния населения и снижение уровня бедности на основе динамического и устойчивого экономического роста. Для достижения цели, выделяется ряд задач:

- повышение уровня и качества жизни населения;
- повышение темпов роста ВВП;
- повышение эффективности деятельности государственных органов управления;
- переход страны и территорий на инновационный сценарий развития.

Но, улучшение социально-экономического состояния малых городов России только сложившимися привычными методами практически невозможно. Нужен качественный перелом многолетних негативных тенденций, требуются более эффективные, нестандартные, кардинально новые решения, то есть нужны результативные новшества (инновации). Поэтому назрела необходимость разработать меры повышения инвестиционной привлекательности города.

Формирование мер повышения уровня инвестиционной привлекательности были рассмотрены на примере города Верхотурье (город расположен в Свердловской области, численность населения составляет 8748 человек).

Несмотря на то, что город маленький, он обладает серьезными рекреационными ресурсами, а также есть крупное предприятие – ООО «Верхотурский лесозавод».

На данный момент на территории города также существует и большое количество индивидуальных предпринимателей, на которые администрация возлагает огромное количество реализации местных проектов в различных отраслях [1]. При этом развитие и строительство новых крупных предприятий не ведется, так как на это не хватает ни финансовых мощностей, ни человеческих ресурсов.

Город Верхотурье имеет в наличии не мало земельных участков доступных для реализации инвестиционных проектов, также отмечается значительный промышленный потенциал в металлообработке, деревообработке, в производстве сельскохозяйственной продукции. Большие возможности город имеет и для развития строительной отрасли, но справится с данным потенциалом и освоить его могут только крупные предприятия. Возможно при стабильной реализации всех проектов, которые предусмотрены планом мероприятий по социально-экономическому развитию городского округа Верхотурский на 2015 год через 10 – 15 лет город достигнет поставленных целей на 2012 год, но действия по повышению уровня инвестиционной

привлекательности, которые предлагают авторы позволит сделать это в более короткие сроки, примерно в течении 5 лет.

Авторами были предложены меры, которые позволят раскрыть потенциал города и сделать его привлекательным для инвесторов, что позволит развивать крупные компании:

- Государственное-частное партнерство;
- Проявление активности население города;
- Создание логотипа и фирменного стиля, приуроченного к основной тематике города;
- Популяризация туризма в городе Верхотурье;
- Периодическое введение налоговых каникул;
- Проведение на территории города областных и всероссийских форумов.
- Далее рассмотрим все перечисленные меры более подробно.
- Во-первых, государственно-частное партнерство.

Необходимо обеспечить взаимодействие между органами власти и представителями бизнес-структур, это позволит максимально рационально использовать имеющиеся объекты экономики и развить инфраструктуру. Такое сотрудничество частного бизнеса и администрации города является взаимовыгодным: местные органы государственной власти смогут решить социально-экономические задачи без дополнительных бюджетных затрат, а также повысить конкурентоспособность города и развить инфраструктуру; в свою очередь частный бизнес сможет получить облегченный налоговый режим и государственные гарантии. В качестве примера, авторами приведена таблица распределения инвестиционных потоков.

Таблица 1

Распределение инвестиционных потоков

Государственные инвестиции	Частные инвестиции
Благоустройство (озеленение); Реставрация достопримечательностей города; Строительство и реконструкция объектов социальной инфраструктуры, ремонт дорог, объектов коммунальной инфраструктуры.	Создание ресторанов и кафе; Строительство гостиничного комплекса и отеля.

Во-вторых, говоря о привлечении инвестиций в город, ему необходимо себя показать, грубо говоря, заявить о себе для того, чтобы показать, что, не смотря на наличие некоторых проблем, здесь активное население и администрация города готова сотрудничать с инвесторами.

В-третьих, у города Верхотурье за многие годы уже сформировался своеобразный бренд – православная столица Урала. Но его необходимо развить и довести до полного и готового бренда. Необходимо создать логотип и фирменный стиль, приуроченный к основной тематике города.

В-четвертых, используя созданный бренд, необходимо популяризировать туризм в городе Верхотурье [2; 2-3]. То есть речь идет не только об экскурсионных программах, а еще о привлечении туристов за счет определенных мероприятий (с учетом созданного бренда). Например, привозить иконы (привезенная в Екатеринбург икона матроны Московской привлекла верующих людей со всех близлежащих городов)

В-пятых, одним из способов повышения уровня инвестиционной привлекательности авторы предлагают периодическое введение налоговых каникул. Как уже говорилось ранее, на территории города существует Лесозаготовительное предприятие. Данный вид деятельности попадает под один из пунктов, которым могут предоставляться налоговые льготы (вид деятельности, входящий в класс «Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения») [3; 2].

В-шестых, проведение на территории города областных и всероссийских форумов. Данные мероприятия, например, помогут привлечь компании связи для развития высокоскоростного 4G интернета на территории города, взамен на рекламу и размещение баннеров с логотипами компаний.

Таким образом, при использовании всех вышеперечисленных рекомендаций данных авторами малые города смогут повысить свой уровень инвестиционной привлекательности, что позволит развивать малые города за счет частных средств и инвестиций, как это делается в большинстве развитых стран. Предложенные авторами мероприятия также можно применять и на территории других муниципальных образований, но только с учетом местных особенностей.

Список литературы:

1. Об утверждении Плана социально-экономического развития городского округа Верхотурский на 2012 год: Решение городской думы от 24.11.2011 г.

2. Комплексная областная целевая программа «Формирование туристско-рекреационной зоны «Духовный центр Урала» на 2011-2015 годы: Утверждена постановлением Правительства Свердловской области от 25.08.2010 г. № 1251-ПП.

3. «Об установлении на территории Свердловской области налоговых ставок при применении упрощенной системы налогообложения для отдельных категорий налогоплательщиков»: принят Законодательным собранием Свердловской области от 17 марта 2015 г.

ОЦЕНКА РАБОТНИКАМИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ МЕР, ПРЕДПРИНИМАЕМЫХ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ, ПО СТАБИЛИЗАЦИИ РЫНКА ТРУДА

Н.Г. Чевтаева –
д.социол.н., доцент, зав кафедрой управления персоналом Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

С.Ю. Саранчук –
соискатель кафедры теории и социологии управления Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Негативное влияние кризисных явлений в экономике на рынок труда в Свердловской области наиболее остро проявляются в городах с монопрофильным производством. Доминирование в структуре экономики тяжелый отраслей промышленности, крупных предприятий, входящих в различные корпорации и объединения; неблагоприятные демографические тенденции и низкое качество жизни в старопромышленных регионах; дефицит инженерно-технического персонала, отсутствие высококвалифицированных рабочих – все эти специфические факторы способны усугубить ситуацию напряженности на рынке труда в области [1].

Органы государственной власти предпринимают ряд мер, направленных на стабилизацию рынка труда. Постановлением Правительства РФ от 22 января 2015 года №35 (с изменениями и дополнениями 11 июня 2015 г.) «О дополнительных мероприятиях в сфере занятости населения, направленных на снижение напряжённости на рынке труда» утверждены правила, устанавливающие порядок и условия направления в 2015 году субсидий субъектам Федерации на реализацию дополнительных мероприятий в сфере занятости населения, направленных на снижение напряжённости на рынке труда [2].

Среди направлений, реализация которых субсидируется из бюджета, определены: временная занятость работников организаций, находящихся под риском увольнения, и граждан, ищущих работу (участниками этого мероприятия будут работники организаций, находящиеся в простое,

работающие в режиме неполного рабочего времени, заявленные к высвобождению); опережающее профессиональное обучение и стажировка работников организаций, находящихся под риском увольнения, и граждан, ищущих работу (участниками мероприятия будут работники крупных промышленных предприятий, находящиеся под риском увольнения); стимулирование занятости молодёжи при реализации социальных проектов посредством предоставления грантов на реализацию социальных проектов в размере 300 тыс. рублей; социальная занятость инвалидов, включающая сохранение рабочих мест, на которых работают инвалиды, а также создание рабочих мест для их трудоустройства на некоммерческих предприятиях (социальная занятость может быть востребована муниципальными органами управления и муниципальными учреждениями при выполнении социальных заказов).

Органами государственной власти Свердловской области ведется постоянный мониторинг ситуации на рынке труда, определены стратегические приоритеты развития региона, которые призваны вести системную работу по регулированию рынка труда. Особое внимание в регионе уделяется развитию промышленности, вопросам импортозамещения, переходу на новый уровень технологического уклада, создание индустриальных и технопарков, который требует современных подходов к подготовке кадров. Именно для этого глава региона инициировал разработку областной программы «Уральская инженерная школа». По поручению Губернатора Свердловской области и во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 07 мая 2012 года № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» Министерство экономики Свердловской области приступило к формированию Сводной программы модернизации и создания новых рабочих мест на территории Свердловской области на период до 2020 года. Стало традиционным проведение международного конкурса рабочих профессий WordSkills в Свердловской области. Импортозамещение в промышленности и производстве продуктов питания: поставлена задача, чтобы через десять лет полностью закрыть потребности Свердловской области в продовольственных товарах за счёт выпуска продукции собственных предприятий.

Эффективность регулирования рынка труда во многом зависит от того, насколько принимаемые органами власти меры согласуются с интересами различных хозяйствующих субъектов и самого экономически активного населения.

В рамках социологического опроса, проведенного авторами среди работников промышленных предприятий Свердловской области в июне 2015 года, отслеживались оценки населением эффективности мер, принимаемых органами власти по стабилизации рынка труда. Общий объем выборочной совокупности составил 1112 человек. Из них сотрудники научно-производственной корпорации «Уралвагонзавод», промышленного предприятия

холдинга УГМК «Уралэлектромедь», промышленного предприятия ОАО «Серовский механический завод», Качканарского горно – обогатительного комбината, предприятия «Машпром», Ирбитского молочного завода, Березовского монетного щебеночного завода.

Какие действия органов власти могут повлиять на стабилизацию рынка труда? В таблице ответы сгруппированы по степени значимости для респондентов.

Таблица

Какие действия органов власти могут, по мнению работников промышленных предприятий, повлиять на стабилизацию рынка труда? (ответы сгруппированы по степени значимости для респондентов)

Рейтинг		Работники промышленных предприятий (человек)	Процент
1	Государственная поддержка промышленных предприятий Свердловской области	624	56,1
2	Поддержка уральского сельхозпроизводителя	451	40,6
3	Поддержка рабочих профессий на Урале	375	33,7
4	Импорт замещение	351	31,6
5	Финансовая поддержка области из федерального центра	323	29
6	Создание благоприятных условий для развития малого и среднего бизнеса	301	27
7	Создание высокопроизводительных рабочих мест	267	24
8	Подготовка инженерно-технических кадров за счет бюджетных средств	204	18,3
9	Предоставление грантов начинающим предпринимателям	167	15
10	Увеличение пособия по безработице	62	5,6
	Итого:	1112	

Анализ ответов респондентов позволяет расставить приоритеты в комплексе мер, предпринимаемых органами власти, по стабилизации рынка труда.

1. Наиболее эффективной может стать, по оценкам 56, 1 % респондентов, «государственная поддержка промышленных предприятий».

2. Вторую группу составили меры, связанные с обеспечением продовольственной безопасностью региона («поддержка уральского сельхозпроизводителя» – 40,6 %); поддержкой рабочих профессий на Урале 33,7 % и меры, связанные с реализацией такой стратегической задачи, как импортозамещение (31,6 %);

В третью группы можно отнести меры, связанные с необходимостью политики децентрализации, перераспределения финансовых средств в пользу регионов – «финансовая поддержка области из федерального центра» – 29 %. Эффективными являются и мероприятия по созданию новых рабочих мест, как в сфере промышленности – «создание высокопроизводительных рабочих мест» – 24 %, так и в сфере малого и среднего бизнеса – 27 %.

Не пользуются популярностью такие патерналистские меры, как «увеличение пособия по безработице» – 5,6 %.

Предлагая *свой вариант* необходимых действий органов власти, которые могла бы повлиять на стабилизацию рынка труда, респонденты отмечают:

Необходим комплекс стратегических мер: «создание своей высокотехнологичной экономики, экологически чистой».

Точечные меры поддержки: «поддержка ипотечного кредитования и строительства»; «обеспечение крупных предприятий гособоронзаказами»; «выбор и контроль выбранных приоритетных программ развития области».

Антикоррупционные меры: «воровать и транжирить надо меньше, усиление контроля за финансовыми потоками!»; «правильно расходовать бюджетные средства»; «общественный и государственный контроль».

Ценностные установки: «от каждого по способности, каждому по труду», «воспитание уважения к труду собственным примером», «любые действия, не направленные на разрушение».

Список лтературы:

1. Кокшарова В. В., Орехова С.В., Рынок труда Свердловской области: тенденции развития и механизмы адаптации в условиях кризиса http://orekhovasv.ru/stat_4.htm. Дата обращение 09.09.2015.

2. Постановление Правительства РФ от 22 января 2015 года № 35 «О дополнительных мероприятиях в сфере занятости населения, направленных на снижение напряжённости на рынке труда» с изменениями и дополнениями 11 июня 2015 г. // (Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 16.06.2015, N 0001201506160056).

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

А.С. Чемакина –
ведущий специалист-эксперт,
ГУ-Отделение ПФР по Тюменской области

Обязательное пенсионное страхование основано на реализации базовых принципов страхования, среди которых первейшим является долгосрочная финансовая обеспеченность обязательств сторон и их долгосрочная сбалансированность. Отсюда вытекают остальные принципы обязательного пенсионного страхования, при соблюдении которых пенсионная система будет экономически устойчивой и социально справедливой.

По мнению начальника Департамента актуарных расчётов и стратегического планирования Пенсионного фонда РФ, доктора экономических наук, профессора, заслуженного экономиста России А. К. Соловьёва, создать стабильную пенсионную систему только реформой внутри нее самой невозможно, все резервы ее стабильности лежат вне самой этой системы [3]. Пенсионная система – многокомпонентная, динамически меняющаяся экономическая система, и её стабильное функционирование зависит от комплекса факторов: демографических, экономических, трудовых, собственно пенсионных, при этом негативное влияние одних из них практически всегда может быть компенсировано позитивным воздействием других.

Демографические факторы: численность населения, возрастно-половая структура населения, уровень рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет), ожидаемая продолжительность жизни после выхода на пенсию, уровень демографической старости (удельный вес населения старше трудоспособного возраста в общей численности населения).

Макроэкономические факторы: объём ВВП, его темпы роста, средний размер заработной платы и его темпы роста в номинальном и реальном выражении, индекс-дефлятор ВВП и индекс потребительских цен (ИПЦ), уровни занятости и безработицы, прожиточный минимум.

Социально-трудовые факторы (эта группа факторов характеризует состояние рынка труда и трудовых ресурсов): половозрастное соотношение численности экономически активного населения, занятого населения, а также половозрастное соотношение численности безработных.

Изолированное рассмотрение механизма воздействия на пенсионную систему демографических факторов, к примеру, без учета влияния других факторов, например, макроэкономических, как это часто предлагается,

неизбежно закрепляет факт неустойчивости российской пенсионной системы на долгосрочную перспективу.

Возрастная структура населения имеет особое значение для решения многих практических задач. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении по Тюменской области возросла за 6 лет (с 2008 по 2014) на 2,81 года (с 68, 69 лет до 71,5 лет, соответственно), а также наблюдается рост рождаемости: за 2014 год – на 1000 населения приходится 17,1 родившихся, в сравнении с 2008 годом (15,3) на 1,8 родившихся больше. При этом доля пожилых людей в численности населения Тюменской области возросла на 3 процентных пункта (за 2008 год доля лиц старше трудоспособного возраста составляла 11,9%, а за 2014 – 14,9%) [5].

Изучение населения как источника трудовых ресурсов требует выделения трёх групп населения: моложе трудоспособного возраста (лица до 15 лет включительно), трудоспособного возраста (мужчины в возрасте 16 – 59 лет и женщины 16 – 54 лет), старше трудоспособного возраста. По состоянию на начало 2014 года на территории юга Тюменской области возрастное распределение относительно трудоспособности сложилось следующим образом: 19,5% – лица моложе трудоспособного возраста; 60,4% – лица трудоспособного возраста и 20,1% – лица старше трудоспособного возраста, при этом в 2015 году количество лиц моложе трудоспособного возраста и старше трудоспособного возраста увеличивается, в то время как трудоспособного возраста сокращается (20,1% – лица моложе трудоспособного возраста; 59,3% – лица трудоспособного возраста и 20,6% – лица старше трудоспособного возраста) [5].

При оценке текущих и долгосрочных последствий пенсионной реформы главное место уделяется проблеме так называемой «нагрузки» пенсионной системы на экономику страны, которая обусловлена возрастающими демографическими показателями старения населения и увеличения продолжительности жизни людей. Динамика движения численности населения в возрастных группах – недостаточно исследованный процесс, поэтому его влияние на экономические, социальные, политические и демографические процессы в обществе требует дополнительного изучения [4; 31].

Эксперты МОТ (Международная организация труда) предлагают рассматривать демографическую проблему в общем контексте социально-экономического развития цивилизованного государства: изменение возрастного состава населения следует рассматривать не как «негативный фактор инвестиционного роста», а как объективное условие формирования долгосрочной макроэкономической стратегии.

На практике развитые страны уже с прошлого века приступили к осуществлению комплекса мероприятий по корректировке всех факторов долгосрочного развития:

- рост производительности труда, позволяющий меньшей численностью работников производить такой же ВВП;
- увеличение трудоспособного периода за счёт более раннего вступления в трудовые отношения и более позднего выбытия из них;
- увеличение числа работников путём легализации неформального рынка труда и создания больших возможностей для занятости женщин, совмещающих работу с воспитанием детей;
- параметрические настройки отдельных элементов пенсионной системы – определение оптимальных значений пенсионного возраста, исходя из реальной продолжительности жизни населения после выхода на пенсию, и корректировка стажевых требований к формированию пенсионных прав в зависимости от изменения демографических параметров (с учётом увеличения продолжительности периода фактической трудоспособности и др.).

В качестве основного из них следует рассматривать меры по замедлению темпов сокращения и стабилизации численности населения путём борьбы со смертностью и стимулирования рождаемости. Именно они могут иметь долгосрочный положительный эффект для пенсионной системы.

Государственная политика в области демографии определена целевыми ориентирами Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года [2]. Они предусматривают сокращение уровня смертности не менее чем в 1,6 раза, прежде всего в трудоспособном возрасте, снижение младенческой и материнской смертности, повышение суммарного коэффициента рождаемости в 1,5 раза за счёт рождения в семьях второго ребёнка и последующих детей.

Утверждённая Распоряжением Правительства РФ от 25 декабря 2012 г. №2524-р Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации, направлена на совершенствование пенсионной системы, которая должна быть адекватной современному экономическому развитию Российской Федерации и соответствовать международным стандартам [1].

Тенденции развития пенсионной системы Российской Федерации, а также реализация предложений по ее совершенствованию находятся в тесной взаимосвязи с общей социально-экономической и в первую очередь макроэкономической ситуацией в стране.

Следовательно, предусмотренные в Стратегии меры будут эффективно реализованы, если одновременно произойдет позитивная трансформация внешних по отношению к пенсионной системе факторов и положения на рынке труда. При этом главными условиями реализации предлагаемых мер являются преодоление негативных тенденций на рынке труда, которые до сих пор проявляются в сохранении скрытой зарплаты и теневой занятости, стабилизация положения в формальном секторе рынка труда и легализация теневого рынка труда, а также повышение производительности труда. По данным II квартал 2014 года – доля занятого населения по Тюменской области

(без автономных округов) составила 62,2% (в сравнении, за II квартал 2013 года – 63,7%.) при среднемесячной номинальной начисленной заработной плате на одного работника по полному кругу организаций 34 124,9 рубля [5].

За последние несколько лет в России проводились мероприятия, которые направлены на совершенствование пенсионной системы и обеспечение социально приемлемого уровня пенсий. В результате установлен гарантированный минимальный уровень материального обеспечения пенсионера не ниже величины прожиточного минимума пенсионера в субъекте Российской Федерации; повышен уровень пенсионного обеспечения с учётом трудового стажа, приобретённого в советское время (валоризация); с 1 января 2015 введён новый порядок формирования и расчёта пенсии в системе обязательного пенсионного страхования. Вместе с тем в рамках пенсионной системы не достигнуты долгосрочная финансовая устойчивость и сбалансированность бюджета Пенсионного фонда РФ. При этом на сложившуюся ситуацию влияют и негативные внутренние факторы: не решена проблема досрочных пенсий, не установлен сбалансированный тариф страховых взносов для самозанятых граждан, пенсия в значительной мере утратила функцию страхования потери заработка в связи с достижением пенсионного возраста, тарифы страховых взносов не соответствуют обязательствам по выплате трудовой пенсии.

В процессе макроэкономического планирования необходимо преодолеть тенденцию к усилению неравенства в распределении заработной платы по различным видам экономической деятельности при одновременном сохранении низкого удельного веса фонда оплаты труда в структуре валового внутреннего продукта.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. В части повышения эффективности демографической программы (главного источника долгосрочного устойчивого развития пенсионной системы) необходимо реализовать стратегические задачи по снижению смертности в детском и трудоспособном возрастах, улучшить качество здравоохранения и профилактику заболеваемости. Вместе с тем, изучение социально – экономических последствий демографических событий представляет собой актуальное и малоизученное направление исследований, которое требует высокого качества измерения взаимосвязанных социально – экономических и демографических процессов, четкого обоснования выбираемых методических принципов учета, сопоставлений, агрегирования, формирования межведомственных интеграционных информационных ресурсов. Только при условии перехода на качественно новый уровень информации в социальной и демографической статистике станет возможным обоснование и прогнозирование социально – экономического развития на всех уровнях управления: муниципальном, региональном и федеральном.

Список литературы:

1. О Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 25.12.2012 г. №2524-р/ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (часть II) . – ст. 8029

2. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351: по сост. на 1 июля 2014 г. / Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – N 42.- ст. 5009

3. Соловьев А.К. Пенсионная система как объект управления / А.К. Соловьев // Экономическая политика «Экспертный канал». – 2012. [сайт]. Режим доступа: http://ecpol.ru/

4. Соловьев А.К. Пенсионная мифология: пенсионная реформа и макроэкономика/ А.К. Соловьев //Spero, №19, 2014 – С.31-58

5. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. [сайт]. Режим доступа: http://tumstat.gks.ru

ФОРМИРОВАНИЕ СПЕЦИАЛИСТА-МЕНЕДЖЕРА В УСЛОВИЯХ РЕГИОНА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Е.В. Чупашева –
К.социол.н., доцент,
доцент кафедры МиМУ
Тюменского государственного
нефтегазового университета

Современное общество диктует особые требования к профессиональной подготовке студентов вуза. На первый план выходит задача формирования личности с высоким уровнем профессиональной компетентности, способной адаптироваться к экономическим и социальным изменениям. Только качественная подготовка по востребованной профессии делает человека незаменимым на рынке труда.

Перед системой образования стоят задачи: подготовить высококлассного специалиста, способного разбираться в той системе, процессов и явлений, с которой связана его деятельность и не только профессиональная; подготовить человека, обладающего творческим интеллектом, то есть не просто знающего, понимающего, как изменить процесс или явление, а сформировать нравственно зрелую личность, способную оценить свою деятельность, ее последствия для других членов общества через собственную внутреннюю экспертизу нравственности, порядочности, ответственности.

Позиционируясь на рынке образовательных услуг как инновационный и практико-ориентированный многоуровневый университетский комплекс, ТюмГНГУ предполагает перспективу спроса и конкурентоспособности потребителей в реализации основных образовательных программ, ориентированных на подготовку профессионально – компетентностной личности специалиста. Поэтому в университете масштабно реализуется проект «Формирование профессиональной компетенции выпускников». Это позволило разработать и апробировать в ТюмГНГУ инновационную образовательную технологию системного формирования базовых компетенций студентов. А весь комплекс реализованных мероприятий позволил университету обеспечить устойчиво высокий процент трудоустройства выпускников, в свою очередь большая часть работодателей отмечает, что подготовка выпускников всех форм обучения в ТюмГНГУ полностью соответствует требованиям рынка труда. Это означает, что выпускники не будут пополнять армию молодых безработных.

Рыночные отношения в XXI веке обусловили развитие тех отраслей народного хозяйства России, которые дают прибыли в кратчайшие сроки, таких как топливно-энергетический комплекс. Но, не смотря на пристальное внимание к функционированию его предприятий со стороны государства и лидеров отечественного частного бизнеса последствия мирового

кризиса, охватившего подавляющее большинство производственных структур в разных странах, отразились на результатах деятельности российской нефтегазодобывающей отрасли. Такая ситуация сопровождается существенными переменами в управленческих взаимодействиях в организациях, во взаимоотношениях руководителей и подчиненных, менеджеров разных уровней и форм управления персоналом и производством.

В этой связи возникли новые подходы к оценке деятельности руководителей предприятий. В современной ситуации такая оценка осуществляется ими не просто на основе усвоенного объема специальных профессиональных знаний, а с позиций наличия у руководителей определенного набора компетенций, позволяющего им решать важные для производства как тактические, так и стратегические задачи.

Особая роль руководителей в системе современного управления обусловливает необходимость приобретения ими особых, профессиональных знаний и навыков. В свою очередь, необходимость глубокого овладения организационно-управленческими знаниями и навыками обусловливает появление профессионального руководителя – менеджера.

Чтобы выпускник вуза, менеджер организации, был в будущем конкурентоспособным, мог вносить достойный вклад в решение социально – экономических проблем региона и страны, он должен отвечать определенным группам требований:

общая подготовка (знание основ естественных, технических, гуманитарных, общественных наук); экономико-правовая подготовка (основы макро – и микроэкономики, финансы и кредит, статистика, бухгалтерский учет, удит, информатика, экономический анализ, экономико-математические методы, налоги и налогообложение, правовые дисциплины); профессиональная подготовка в области менеджмента (управление, управление конкурентоспособностью, стратегический маркетинг, разработка управленческих решений, умение разрабатывать конкурентоспособные (качественные и эффективные) управленческие решения для условий высокой неопределенности и больших рисков); умение организовывать себя и коллектив на постановку и достижение высоких целей, знание методов управления, методов общения, формирование коллектива, создания в нем нормального социально-психологического климата; способность самостоятельно планировать, осуществлять и контролировать трудовую деятельность; умение пользоваться современной информационной техникой, четко формулировать устно и письменно свои мысли; умение самостоятельно принимать решения, предвидеть их возможный экономический и социальный результат, нести ответственность за принимаемые решения и результаты своей деятельности; поддерживать себя в хорошей форме, обучать персонал реализации программы (здоровье, знание, забота о ближнем).

Таким образом, построение модели квалифицированного менеджера как бы «увязывает» различную степень воздействия на него определенных групп условий и факторов образовательных, экономических, психологических, культурных, социально-демографических; служит ориентиром в организации процесса обучения по специальности с учетом требований Государственного стандарта базового уровня и способностей учащихся.

Наш регион – развивающийся и нуждающийся в большом количестве кадров. Модель выпускника-менеджера должна строиться с учетом региональных требований рынка труда.

Поэтому, кроме общих компетенций, необходимых для успешного менеджера, в Тюменском государственном нефтегазовом университете осуществляется формирование и эксклюзивных, необходимых для работы именно в северном регионе, компетенций, например: знание и умение учитывать криологические условия трудовой деятельности, позволяющие обеспечить устойчивость организации в высоких широтах циркумполярного региона, обеспечивая эффективное эколого-экономическое управление охраной окружающей среды; знание и умение учитывать национально-культурные особенности нашего региона; знание и умение учитывать экстремальные природно-климатические условия, отсутствие полной социальной инфраструктуры, которые показали необходимость использования вахтово-экспедиционного метода организации труда.

Все вышеперечисленные знания менеджера имеют особенный, специфичный характер, и не решаются в рамках традиционного подхода подготовки менеджеров.

Значительную специфику и сложности в управленческие механизмы вносит использование именно нетрадиционных технологий организации производства и, в первую очередь, вахтового метода, масштабы применения которого продолжают ежегодно возрастать.

Успех деятельности любой фирмы во многом связан с качеством человеческих ресурсов, поэтому компетентные работники, прежде всего менеджеры, рассматриваются сегодня как основные активы компании.

Поэтому существует глубокая социальная потребность в исследовании компетентности управленческого персонала, осуществляющего руководящую деятельность на предприятиях в северных регионах, где значительная часть производства опирается на вахтовую организацию труда.

Автором было проведено исследование на нефтегазовых предприятиях, базирующихся в ЯНАО и разработаны модели профессиональной компетентности для большинства управленческих должностей этих северных предприятий. Исследования показали, что наиболее значимыми характеристиками профессиональной компетентности менеджеров являются: способность успешно осуществлять управленческие функции не только в обычных, но и в сложных кризисных ситуациях; степень

освоения инновационных, социальных, экономических и психологических управленческих технологий; ценностные ориентиры; социально-коммуникативная компетентность [1, 109].

При экспертном опросе наибольшее количество баллов получили следующие специфические профессиональные знания и функциональные компетенции, которые необходимо развивать успешному менеджеру, работающему вахтовым методом:

- социальная и профессиональная адаптация руководителя по прибытии на вахту;
- социальная и профессиональная адаптация руководителя при смене коллектива в условиях частой сменяемости состава работников;
- интернальность, развитая интеллектуальная сфера, творческий потенциал, высокая эрудиция, позволяющая действовать в ситуации частой информационной неопределенности, замкнутости производственного процесса или цикла;
- развитые коммуникативные навыки, постоянная активность в тесных социальных контактах;
- эмоциональная устойчивость в условиях вахтового режима труда и отдыха;
- умение осуществлять управленческую деятельность и разрешать организационные, в т. ч. межэтнические, конфликты в условиях многонациональных коллективов, складывающихся из представителей коренного населения, пришлого населения советского периода и проточного населения, не связывающего своих планов с постоянным проживанием на территории Севера;
- способность осуществлять управленческую деятельность при высокой интенсивности труда, обусловленной как организационными и экономическими предпосылками вахты, спецификой суммирования рабочего времени, так и ориентацией подчиненных через эффективную социально-экономическую систему мотивации и стимулирования на напряженный труд;
- умение принимать управленческие решения в условиях удаленности от основной производственной и социально-бытовой инфраструктуры;
- способность действовать в социальной изоляции, вызванной оторванностью от привычной обстановки: семьи, родителей, друзей;
- умение управлять персоналом (производством) в условиях частой сменяемости вахтового состава работников, придерживаясь принципов существующей организационной культуры и транслируя эти принципы. [1,138].

Анализ ситуации, сложившейся в Тюменской области свидетельствует о том, что спрос на получение образовательных услуг в сфере экономики и менеджмента не снижается, и население по-прежнему уверено, что знания, полученные в образовательных учреждениях разного уровня по этим отраслям, необходимы, актуальны и будут востребованы в будущем.

Изменения в политической и экономической сферах как России в целом, так и Тюменского региона, требуют формирования и разработку программы Кадры 2020, в которой будет учтена необходимость соответствия опережающего формирования профессиональных компетенций по отношению к требованиям рынка труда (особенно регионального), к внесению в новые государственные стандарты четких требований к профессиональным компетенциям менеджеров, это позволит качественно и оперативно решать вопрос востребованности и трудоустройства молодых специалистов.

Список литературы:

Чупашева, Е.В. Социологический анализ компетенций менеджеров северных предприятий с вахтовой организацией труда [Текст]: монография / Е. В. Чупашева. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2013. – 192 с.

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (НА ПРИМЕРЕ СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЕТИЦИЙ)

А.В. Чупракова –
магистрант

Информационно-коммуникационные технологии современного общества развиваются стремительными темпами, порождая собой новые сложности, но в тоже время, открывая новые возможности для общества, для граждан.

Под понятием гражданская активность мы понимаем разновидность социальной активности, обусловленной неравнодушным отношением к проблемам социума. Активная гражданская позиция предполагает вовлеченность человека в жизнь общества и его составляющих, отражающую его сознательные реальные действия по отношению к окружающему в личном и общественном плане, которые устремлены на реализацию общественных ценностей при сопоставлении собственных и общественных интересов [3, 40].

Развитие информационных технологий может способствовать росту гражданской активности, инициативности. С формированием информационно-коммуникационных технологий появляется всё больше средств реализации гражданских инициатив. При помощи информационно-коммуникационных технологий граждане создают электронные петиции, посредством которых стараются привлечь неравнодушных граждан и коллективными усилиями решить некоторые социальные проблемы, занимаются организацией разного рода мероприятий и акций, в т.ч., посвященных Великой Отечественной Войне (бессмертный полк), устраивают благотворительные марафоны и т.п.

Один из наиболее известных порталов электронных петиций «Change.org». Петиция представляет собой публичное обращение к одному либо нескольким адресатам с конкретно определенной задачей решить ту или иную проблему. Алгоритм действий несложный. Для начала необходимо определить, кому будет адресована петиция. В качестве адресата может быть отдельное лицо или организация. Далее определяется та проблема, которая требует решения, то есть необходимо сформулировать основные требования к адресату петиции в форме прямого обращения, например, «Остановите строительство Радиоактивного завода, близ Священного Байкала!» Затем автор петиции должен аргументировать свои требования, разъяснить, почему это важно, описать суть проблемы, для чего создается петиция, как она может изменить ситуацию, а также для чего людям необходимо поддержать данную инициативу. При необходимости существует возможность дополнить своё обращение фото и видео, что способствует привлечению большего внимания к проблеме. После того, как необходимая для петиции информация собрана и готова к публикации,

остается только зарегистрироваться (ввести в поле имя, фамилию, адрес электронной почты, пароль) и опубликовать электронную петицию.

В чем же эффективность таких обращений? По словам руководителя русскоязычного сегмента «Change. org» Дмитрия Савёлова, «петиции не только позволяют собрать подписи, но делают нечто более важное – они объединяют в одном месте людей, которым небезразлична какая-то общая проблема. После эти люди могут работать вместе, договариваться о том, как они смогут добиться нужного внимания от адресатов петиции (властей, компаний, организаций) [3].

В целом, сбор подписей является первым шагом, после осуществления которого, следует работа с подписчиками, которую осуществляет автор петиции, организуя различные онлайн и другие акции, общаясь с средствами массовой информации и т.п.

С помощью информационных технологий стало возможным взаимодействие человека и государства, человека и различных общественных институтов на расстоянии, притом оно имеет двусторонний характер, реализуется обратная связь. Отношения между обществом и государством становятся наиболее открытыми. С помощью электронных технологий люди выражают свое мнение, принимают активное участие в общественных делах, реализуют свою гражданскую позицию, отстаивают свои права, решают как личные, так и проблемы, касающиеся общества и государства и многое другое. К примеру, в России свою гражданскую активность можно реализовать посредством Портала государственных услуг (Электронное правительство), также реализовывается электронная запись в учреждениях здравоохранения, есть возможность связаться практически с любым государственным и общественным деятелем с помощью электронных технологий и многое другое.

С одной стороны, появившаяся возможность электронного взаимодействия человека государственных, общественных и иных структур устраняет барьеры, которые в обыденной жизни не позволяют гражданину реализовать свои социальные потребности, мешают реализовать свое гражданское «я», а с другой стороны развитие данного феномена ставит новые препятствия для некоторых категорий граждан.

Существенными препятствиями для реализации данной тенденции может стать угроза того, что вместо таких целей, как активизация гражданской инициативности, будет достигнут эффект роста неравенства и дальнейшей поляризации, а также проблема информационного неравенства, которая является не только и не столько проблемой доступа к использованию информационных технологий, сколько проблемой электронной вовлеченности граждан.

В целом, электронное участие может являться воплощением идей и ценностей гражданского участия, при этом информационные технологии можно считать инструментом, который позволяет избежать ограничений

и недостатков участия, а также дать возможность тем группам, что остаются за бортом политических и общественных процессов, стать вовлеченными в качестве участников в принятие решений. Информационно-коммуникационные технологии должны быть элементом реального и эффективного участия граждан, гражданских инициатив, но не подобием такого участия или манипулирования гражданами со стороны властных структур.

Список литературы:

1. Бронников И. А. Будущее политических интернет-технологий: два сценария развития // Власть. 2014. - №1. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/buduschee-politicheskih-internet-tehnologiy-dva-stsenariya-razvitiya (дата обращения: 2.09.2015).

2. Дрожжинов В.И. Мониторинг услуг электронного правительства. // Социс, 2008, – № 5.

3. Глобальная платформа для ваших кампаний:[Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: https://www.change.org/start-a-petition (дата обращения: 4.05.2015)

4. Новек Б. Wiki – правительство: Как технологии могут сделать власть лучше, демократию — сильнее, а граждан — влиятельнее. — М. : Альпина Паблишер, 2012. – С. 40.

5. Модернизация России как условие ее успешного развития в XXI веке / под ред. А.Н. Аринин. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2010. – 320 с. – ISBN 978-5-8243-1496-0 ; То же [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id= 135321 (4.09.2015).

6. Сединкин М. А. Электронное участие как диалог власти и общества в России /М.А. Сединкин // Рубрика: Социологические науки. – 2013.- №1 (31). – С. 114

7. Социо Гид [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.socioguru.ru/sgurus-665-1.html (дата обращения: 2.09.2015).

РАЗВИТИЕ МОЛОДЁЖИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА

В.В. Юдашкина –
ассистент Тюменского государственного нефтегазового университета

В связи с изменениями в социальной структуре российского общества, актуальным становится вопрос выявления места молодёжи в социальном пространстве общества, социальном пространстве города. Молодёжь – это большая социально-демографическая группа, которая представляет совокупность множества групп молодых людей разного пола, возраста, социального положения. Как часть населения, она занимает особое положение в социальном пространстве общества, в том числе и в социальном пространстве города. От общества же зависит уровень и социальное развитие молодёжи, качество его жизни. Поэтому, изучение проблем молодёжи в социальном пространстве города является особенно актуальным.

Проблемами молодежи занимались многие отечественные (Ю. А. Зубок, И. М. Ильинский, В. А. Луков, В. И. Чупров, Ф. Э. Шереги, В. Т. Лисовский, Н. А. Костко, А. А. Попкова, В.В. Гаврилюк) и зарубежные ученые (К. Мангейм, Н. Стефанов).

Такой научный интерес к проблемам молодёжного сообщества проявляется в силу особенностей социального становления молодежи, неустойчивости её социального положения, формирования личности, ее социальной незрелости. Предметом социологического анализа молодежной проблематики является изучение роли и места молодежи в социально-экономическом и социально-политическом развитии общества, анализ «социального портрета» различных групп молодежи, изучение мотивов, интересов, потребностей, ценностей и социальных ожиданий молодежи во всех сферах общественной жизни, формирование активной жизненной и гражданской позиции и другие. Молодёжное сообщество имеет следующие отличительные характеристики: серьёзный потенциал социального развития, большая социальная мобильность, неопределённая социальная роль, формирующиеся ценности, стремление к новому. Особое поле в социологии молодежи у ученых социологов занимает изучение особенностей формирования и развития социальной активности молодежи.

Молодёжь концентрирует в себе результаты социальных изменений, а также молодёжь несёт в себе потенциал новых идей и отрицает всё то, что отжило себя. Молодёжь осваивает систему социальных отношений, духовные и материальные ценности общества, которые она воспроизводит в процессе дальнейшей жизнедеятельности. Каким будет это воспроизводство, зависит от уровня социального развития общества, а также и от социальной мобильности молодёжи, от положения в социальном пространстве города.

Рассмотрим молодёжь как часть городского сообщества. Проблемами города, формированием и развитием городского сообщества, изучением активности городских сообществ занимались многие учёные (М. Вебер, Р. Парк, Ф. Тённис, Э. Дюркгейм, Г. Блумер). Городское сообщество призвано реализовывать интересы членов сообщества, обеспечивать их социальное развитие. Деятельность по развитию городских сообществ подразумевает объединение людей, живущих на одной территории и обладающих общими интересами. Развивая городское сообщество, можно решить следующие задачи – увеличить самоорганизацию людей для совместной деятельности; наделить население властью, местные жители должны стать субъектами действия, принимать активное участие в развитии территории; формировать отношения доверия, солидарности, готовности людей к сотрудничеству; развивать человеческий потенциал. «В основу стратегии управления развитием города должен быть заложен принцип актуализации человеческого потенциала и капитала через развитие общности и сообществ» Костко Н. А. [1;22].

Город рассматривается как «среда жизни», в которой важно качество социальных взаимодействий. Городское пространство – это не просто территория, административная единица, а социально конструируемое пространство, границы которого определяются не географическими или административными категориями, а чувством принадлежности, набором разделяемых норм и ценностей [2:46].

Социальное пространство города отображает все явления и процессы, происходящие во всех отраслях жизнедеятельности человека, поэтому может стать связующим звеном всех сфер в условиях устойчивого развития территории. На формирование и развитие городского сообщества оказывают влияние такие факторы, как единство интересов членов сообщества, социальные нормы, принятые в данном обществе, традиции, социальные институты, уровень развития и активность индивидов, а также открытость общества для саморазвития и самореализации.

Показателями качества жизни горожан могут выступать: социальная активность, сопричастность к городскому сообществу, социальная напряжённость, социальное самочувствие.

На социальное пространство оказывает влияние внутренняя и внешняя среда города, но также и социальное пространство оказывает воздействие на среду. Само социальное пространство формируется и управляется посредством взаимодействия всех элементов городской среды.

Социальное пространство отражает результат целенаправленной деятельности людей, взаимодействующих между собой в процессе удовлетворения своих потребностей. Таким образом, социальное пространство – это не только население, люди, но и блага и услуги, которые они предлагают и получают, это отношения и связи между ними, духовный мир, созданное ими городское сообщество.

Положение в социальном пространстве города обусловлено уровнем его развития. Должны быть созданы необходимые условия для социального движения, социального развития человека. Обеспечить своё место в социальном пространстве, можно активно используя свои связи, свои способности, получив хорошее образование, хорошую работу, проявляя социальную активность.

Одними из важных характеристик места молодёжи в социальном пространстве городского сообщества являю тся трудоустройство, образование, досуг молодёжи, проявление социальной активности.

В ходе данного исследования было проведено анкетирование молодых людей г. Тюмени с целью определить место, условия для социального развития и качество жизни молодёжи в социальном пространстве города, выяснить, довольны ли молодые люди качеством получаемого (полученного) образования, на кого они расчитывают в трудной ситуации, как проводят своё свободное время.

На данный момент в г. Тюмени проживает 196 тысяч молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет, 28% от общей численности населения [3]. Всего было опрошено 405 человек в возрасте от 16 до 30 лет: 6% в возрасте 16-18 лет, 48% в возрасте 18-19 лет, 21% в возрасте 20-21 год, 6% – 22-23 года, 6% 26-27 лет, и почти 9% респондентов в возрасте 28-30 лет. 64% опрашиваемых женского пола и 36% мужского.

Более половины опрашиваемых (64%) считают, что их успех и благосостояние зависит от них самих, собственной целеустремлённости и активности. 17% отметили, что их успех зависит от условий жизни и собственных усилий в равной степени, 11% от экономической и политической ситуации в стране.

При этом, по мнению молодёжи, для карьерного роста необходимы определённые личностные качества, особенности характера (67% респондентов), образование (54%). Также опрашиваемые отмечали важность наличия связей, знакомств (45%), опыт работы (27%), профессионализм (32%), знание современной техники, современных технологий (17%), знание языков (14%).

Таким образом, молодые люди ответили, что их благосостояние и успех зависит, в первую очередь, от них самих (67%) и 54% респондентов ответили, что для их карьерного роста необходимо образование.

45% опрашиваемых отметили важность связей и знакомств. Это говорит о том, что молодые люди недостаточно уверенны в своих силах или в ситуации на рынке труда, где наличие связей важнее профессионализма, профессиональных знаний или опыта работы, так как опыт работы, профессионализм, знание техники и языков выбрали меньшее количество опрашиваемых. Из чего следует, что препятствием для общественной и профессиональной реализации молодёжи является то, что молодые люди с активной жизненной и гражданской позицией, получив средне-специальное

или высшее образование, не имеют гарантий получения рабочего места по своей профессии, не имеют возможности занять желаемое место в социальном пространстве города.

Учитывая, что молодые люди в возрасте 16-30 лет, как правило, получают образование, на вопрос «Довольны ли Вы качеством получаемого образования?», положительно ответили 28% опрашиваемых, «Скорее да, чем нет», ответили 50% и 16% скорее не удовлетворены качеством полученного (получаемого) образования, 3% опрошенных не довольны полученным образованием. При этом основная причина недовольства качеством образования – большой объём «ненужных», по мнению студентов, предметов, цена за обучение и неуверенность в возможности найти хорошую работу (у тех, кто учится), невозможность устроиться на хорошее место (у тех, кто уже получил какое-то образование, теперь переучивается). Таким образом, можно сделать вывод, что в обществе созданы недостаточные условия для развития индивида, у молодых людей нет уверенности в завтрашнем дне.

Что касается свободного времени, то наибольшую социальную активность проявляет молодёжь в возрасте 18-19 лет (31% опрошенных). Самые популярнее проекты и мероприятия связаны с творчеством (29%), научные и социальные проекты набрали соответственно 8 и 7%. При этом, только 33% опрашиваемой молодёжи хотели бы принять участие в творческих, научных, социальных проектах, 45% ни разу не принимали участие ни в каком проекте, 23% опрошенных вообще не хотят участвовать ни в каких проектах.

По результатам анкетирования можно сделать вывод, что активность молодёжных организаций невысокая, студенты мало и без желания участвуют в общественной жизни, при этом в городе и в учебных заведениях функционируют различные молодёжные организации, работает профсоюз, научные, творческие объединения, регулярно проводятся различные мероприятия, фестивали, конкурсы, но процент активности молодежи остаётся достаточно низким.

Социальная активность должна опираться на моральные и духовные устои общества, это определяет динамику интересов молодых людей, их ценностные ориентации, стиль поведения, характер межличностных отношений, сферу и методы жизнедеятельности.

Что касается ценностных ориентаций молодёжи г. Тюмени, то наиболее важными ценностями для опрошенных молодых людей являются семейное счастье (82%) и здоровье (49%). Материальная обеспеченность (34%) занимает третье место. Верные друзья ответили 28% респондентов. Также были ответы – интересная работа, личная свобода, власть, возможность руководить другими людьми, настоящая любовь. Таким образом, общечеловеческие ценности – семейное счастье, здоровье, верные друзья, личная свобода находятся в приоритете.

Что касается организации досуга, то наиболее популярным видом организации досуга оказалось посещение массовых мероприятий

(51%), пребывание дома с семьёй (34%), 20 % занимаются творчеством. 31% опрошенных в сводное время занимаются спортом. Респонденты отметили, что если будут созданы соответствующие условия, то 96% будут заниматься спортом (65% – постоянно, 31% – хоть и не регулярно, но стали бы).

Проанализировав результаты анкеты, можно сделать следующие выводы.

Основными целями и мотивами проявления социальной активности в образовании и карьере молодёжи в г. Тюмени являются получение и повышение профессиональных знаний, возможность карьерного роста, самореализация, хорошие условия труда. В различных научных, творческих, социальных проектах и организациях молодые люди участвуют с целью познакомиться с новыми людьми, раскрыть свой творческий потенциал, обеспечить профессиональный рост. Основными формами проявления социальной активности являются участие в различных научных, творческих, социальных проектах.

Задачей данного исследования являлось определение места молодёжи в социальном пространстве города, изучение условий социального развития молодёжи как фактора развития самого социального пространства.

Данная анкета выявила проблему «социального аутсайдерства» молодежи города Тюмени (23% респондентов не хотят принимать участие в каких-либо проектах, 45% не участвовало ни в каких мероприятиях, 51% не состоит ни в какой общественной организации). Из этого следует, что данные молодые люди не нашли своего места в социальном пространстве города. Также, на основании анкетирования, можно говорить о низкой социальной активности молодёжи, о неуверенности в своих силах,

Кроме этого, было выявлено, что при определении ценностных ориентаций молодёжи, критерии социально-культурной направленности доминируют над экономическими. Для молодёжи качество жизни определяется полноценным досугом, доступностью культурной и социальной жизни, доступностью образования. Таким образом, необходимо выявлять причины, по которым молодые люди не принимают участия в социальной жизни города, почему они не желают вступать в различные общественные организации, проявлять свою активность и учитывать полученные результаты в практике управления городским сообществом, так как именно социальная активность развивает молодёжь и, в том числе, социальное пространство города.

Список литературы:

1. Костко Н. А. К вопросу о современных подходах к муниципальному управлению в городах// Известия высших учебных заведений Социология. Экономика. Политика, июль – сентябрь, 2013, с. 21-25

2. Г.В. Лысенко Социальные взаимодействия в пространстве современного города// Социология города. 2011, № 2, с. 45-50

3. Реализация молодёжной политики г. Тюмени на 2015-2017 годы. Распоряжение Администрации г. Тюмени от 05.11.2014 № 818-рк.

IV Тюменский социологический форум

Социальные вызовы и ограничения новой индустриализации в регионах России

Секция № 3

Консолидация социального пространства России

ГОРОД И ЕГО СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

В.А. Андрианова –
студентка 5 курса социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

В современной социологии особую популярность приобретает тема социального пространства города. Актуальность темы данной статьи обусловлена характером социальных процессов, которые происходят в современном мире. Половина населения Земли сосредоточена в городах. В России доля городского населения достигла 74% [3]. Это довольно большой скачок, потому что еще в 1926 году доля городского населения составляла всего лишь 18%.

Согласно прогнозу ООН, к 2050 году численность населения мира увеличится до 9,19 млрд человек, а городское население должно составить около 6 млрд или две трети всех живущих на земном шаре. Кроме того, ожидается, что к этому времени численность городского населения в 2,5 раза превысит численность сельского [10; 4].

Существует несколько подходов к изучению города. К. Маркс одним из первых стал упоминать в своих произведениях понятие «города». В «Капитале» он описывал существование классов через призму развития города, город и деревня в его концепции противостоят друг другу на основе разделения труда. Согласно К. Марксу, город определяется как некая оппозиция деревне, пространство, предполагающее развитие рынка труда [11].

Среди первых попыток научного обоснования понятия «город» и выявления урбанистической концепции интересны работы Ф. Ратцеля. Он определил город как «значительное пространство скопления людей и их жилищ, находящееся в очаге крупных коммуникаций», тем самым выделив его внешние признаки (здания, улицы и дороги) в качестве определяющих моментов [11].

Впервые социологическим изучением города и жизни в нем занимался Ф. Энгельс. Главные положения его анализа были изложены во введении к книге «Положение рабочего класса в Англии». Большие города, по мнению Ф. Энгельса, усложняют жизнь их обитателей из-за нехватки открытых пространств, колоссальной централизации и постоянной скученности [6; 231]. Для Энгельса, город – это пространство социальных контрастов и экономических противоречий, именно в них, по его мнению, и раскрывается его специфика.

В дальнейшем город и его характеристики изучали немецкие ученые М. Вебер и Г. Зиммель. Одним из первых дал социологическое определение

понятия города М. Вебер. «Город – это селение, т.е. жительство в тесно друг к другу примыкающих домах, составляющих настолько обширное населенное место, что взаимное личное знакомство жителей друг с другом, отличающее соседскую связь, в нем отсутствует» [2; 335]. Характерными чертами города по М. Веберу, необходимо считать, отсутствие личностных знакомств, тесное пространство для жительства и обширные границы города. Он отметил, что городская среда отлична от сельской зоны, она более замкнута и более враждебна к своим представителям.

Можно выделить концепцию Г. Зиммеля. Он рассматривал город с точки зрения социокультурного пространства и психологического воздействия. Основные характеристики города: темп, бомбардировка со всех сторон жителей, скудность в эмоциональном плане и интелектуальная развитость [4].

Теперь необходимо выделить общие черты городов, вне зависимости от местных особенностей: во-первых, это социально-экономические функции, связанные с общественным разделением труда (ремесло и сельское хозяйство), во-вторых, это производство и обмен с окрестностями, в-третьих, культурный обмен ценностями, в-четвертых, сложная социальная, этническая структура населения[9; 22]. Некоторые черты присущи многим, но не всем городам. Таковы, прежде всего, административные функции. Сложение городского образа жизни происходит при наличии у поселения хотя бы одной из функций города. Данные функции могут положить начало превращению негородского поселения в город.

Одним из приоритетных направлений изучения города является его рассмотрение с точки зрения пространства. Пространство в социологии – совокупность субъектных аспектов жизненной среды, место жизни, существования человека как личности и индивидуальности в её различных аспектах [8]. В социологии принято изучать социальное пространство с точки зрения «другого». Впервые о пространстве личности, как уже упоминалось ранее, писал Г. Зиммель [5]. Странник (в частом случае – мигрант) является замкнутым в определенном пространственном круге.

Пространство – не единственное препятствие для коммуникации. Социальные дистанции далеко не всегда можно адекватно измерить с помощью физических параметров. Конечным препятствием для коммуникации является самосознание, которое есть также застенчивость и ненависть к людям из-за повышенной плотности людей в транспорте и на улицах города. Случай зиммелевского странника – это сопряжение близости и отдаленности.

Можно выделить следующие виды социального пространства города: информационное, нормативное, поведенческое, коммуникативное и ментальное [8]. В каждом из этих видов пространства происходят постоянные процессы развития и совершенствования городской местности. Пространственная рефлексия жителей города по отношению к территории как к родине,

самоидентификация с ней, а также осознание и эмоциональное восприятие участников социального взаимодействия в данном пространстве позволяет определить особенности пространства через само взаимодействие людей [1; 23].

Особенностью современного периода развития общества является дополнение и взаимопроникновение локального и глобального уровня. То есть, в терминах глобалистов, в частности Р. Робертсона, происходит столкновение локальностей (глобализации и глокализации). На фоне глобализации происходит сохранение и усиление местных отличий, вместо их полного стирания. Данные уровни влияния накладывают друг на друга отпечатки.

Подводя основной итог, хотелось ты отметить, что формирование глобального информационно-коммуникационного пространства обеспечивает новые возможности для реализации деловой активности и повышения самостоятельности городов в процессах принятия решений [7; 75]. Сам анализ социальных пространственно-временных отношений рождается в рамках конкретного, характерного для данного города соединения архитектуры, технологий и формирующихся социальных связей. Город – это идеальное место, где человек может лучше всего реализовать свои способности.

Список литературы:

1. Акеленова Т.А. Социальное пространство современного города. Теория и практика общественного развития. №9. 2014. С. 23-25.
2. Вебер М. История хозяйства. Город: монография, М., 2001. 576 с.
3. Всероссийская перепись населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
4. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. «Логос». 2002. № 3-4.
5. Зиммель Г.Избранное. Созерцание жизни, М., 1996. Т.2. 596 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Положение рабочего класса в Англии. Большие города. Т. 2. С. 231-517.
7. Новосельцева А.С. Ключевые функции мегаполисов в глобальной экономике: системность исследования. Экономические науки. Вестник ВолГУ. Серия 9. 2011. № 9. С. 71-77.
8. Пирогов С.В. Социология города. Томск, 2003. 148 с.
9. Рабинович М.Г. К определению понятия «города» (в целях этнографического изучения). С. 19-24.
10. Розанов А.С., Румянцева М.В. Глобальные метрополии. Москва – российский глобальный город // Отчет «Создание и внедрение инновационной образовательной программы «Мониторинг и управление глобальными процессами в больших городах» в рамках деятельности Московской кафедры ЮНЕСКО МГУ по глобальной проблематике», М. 2011. 24 с.
11. Сертакова Е.А. Исследования «города» в классических концепциях зарубежных ученых. Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4.

ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ – РЕГИОН УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Артюхова И.Д. –
к.экон.н. директор департамента НАО «СибНАЦ»

Веселин Р.А. –
заместитель директора департамента НАО «СибНАЦ», Бебнева А.Н. заведующий сектора НАО «СибНАЦ»

Уровень жизни

Экономика Тюменской области объединяет экономику Ханты-Мансийского автономного округа-Югры, Ямало-Ненецкого автономного округа и юга Тюменской области. Среди регионов, входящих в состав Уральского федерального округа, Тюменская область отличается наиболее высокими показателями по темпам роста инвестиций в основной капитал, реальной заработной платы и ввода жилья. В 2013 г. по объему валового регионального продукта в размере около 5 трлн. рублей [3] Тюменская область уступила только Москве, обеспечив производство 9,3% валового регионального продукта всех субъектов РФ [4]. Общая ситуация в реальном секторе экономики и социальной сфере Тюменской области характеризуется позитивными процессами.

Уровень и качество жизни населения в Тюменской области выше среднероссийского уровня [2]. Об этом свидетельствуют такие показатели, как денежные доходы и расходы населения на конечное потребление, наличие предметов длительного пользования [5]. Из года в год отмечается увеличение денежных доходов населения, чему способствуют интенсивное социально-экономическое развитие области. Также в Тюменской области стабильно увеличиваются потребительские расходы: около 11 – 12% каждый год. В целом динамичное развитие Тюменской области обеспечивает жителям высокое благосостояние и благополучную жизнь.

Основные отрасли промышленности и сельское хозяйство

По объёму произведённой промышленной продукции в 2013 г. Тюменская область занимает 2-е место в России и уступает только Москве [8]. Растут объёмы добычи углеводородного сырья, развивается нефтегазопереработка, устойчиво функционирует большинство предприятий машиностроительного комплекса, стройиндустрии и лесопромышленного комплекса.

Базовой отраслью специализации Тюменской области является добыча топливно-энергетических полезных ископаемых, на долю которой приходится

71,5% объёма промышленного производства области. В 2014 г. около 57% нефти и 86% газа страны добыли из недр Тюменской области. Основная часть нефтедобывающего комплекса всей страны сосредоточена в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре, а Ямало-Ненецкий автономный округ является крупнейшим газодобывающим регионом России и мира.

Имеющийся объем запасов нефти и газа позволит Тюменской области оставаться главной нефтегазовой кладовой страны в долгосрочной перспективе. При этом степень разведанности недр Тюменской области остается относительно неизученной, и на территории области выполняется 45 – 50% всех поисково-разведочных работ проводимых в России. Большая часть поисково-разведочного бурения и сейсмических работ проводится в автономных округах, а анализируются и интерпретируются результаты полевых испытаний в основном на юге Тюменской области, где располагаются крупные исследовательские и проектные институты.

Предприятия нефтегазоперерабатывающей промышленности области выпускают бензины всех марок, дизельное топливо, производят большую часть российских объёмов сжиженного бытового газа. В нефтегазохимической и химической промышленности области осуществляется выпуск полипропилена, бутадиена, синтетических смол, полиэтиленовых труб, промышленной химии.

Для бесперебойного и эффективного функционирования нефтегазового комплекса Тюменской области необходима мощная техническая база и потому основная направленность предприятий машиностроения области – нефтепромысловое, геологоразведочное, нефтеперерабатывающее оборудование.

Область имеет мощную электроэнергетику, что позволяет самостоятельно обеспечивать необходимой электроэнергией производственные предприятия и население области, а также экспортировать ее в соседние регионы. По производству и распределению электроэнергии, газа и воды Тюменская область не первый год занимает 1 место в России и производство электроэнергии постоянно растет.

Строительная отрасль Тюменской области занимает второе место среди субъектов РФ по объему выполненных работ, при этом ввод в действие жилых зданий и производственных мощностей, начиная с 2011 г., ежегодно увеличивается на 13-21% [9]. Более 70% строительных работ осуществляется в промышленном строительстве, также регион активно прирастает квадратными метрами жилья. А юг Тюменской области является лидером среди субъектов РФ по вводу жилья на 1000 человек населения: этот показатель в 2013 г. составил 1,047 кв.м на человека [10].

Лесопромышленный комплекс Тюменской области представлен в основном лесозаготовительной и деревообрабатывающей отраслями промышленности. Лесистость территории Тюменской области составляет

около 35,5%, а по общим запасам древесины область занимает 4 место в России, в основном за счет лесопромышленных ресурсов ХМАО-Югры. Лесопромышленный комплекс ХМАО-Югры производит более 70% продукции лесозаготовки и деревообработки всей Тюменской области [11].

Тюменская область занимает второе место в Уральском федеральном округе по объему производства сельскохозяйственной продукции. Около 84% сельскохозяйственной продукции региона производится на юге области [12]. Здесь более благоприятные климатические условия позволяют выращивать зерно, картофель, овощи, грубые и сочные корма. Наличие больших площадей сенокосов и пастбищ создает благоприятные условия для развития мясомолочного животноводства. В автономных округах в основном развиты традиционные для коренных народов Севера промыслы – оленеводство и рыболовство.

Перспективы развития Тюменской области

Перспективы и темпы экономического развития Тюменской области во многом будут определяться крупными инвестиционными проектами и программами комплексного развития промышленных площадок. В 2014 г. на территории Тюменской области были реализованы инвестиционные проекты объемом 1,7 трлн руб., что составило более 11% инвестиций в основной капитал организаций всей страны [13]. Инвестиционные проекты базовой нефтегазодобывающей отрасли составляют около 66% от всех инвестиций в основной капитал Тюменской области, при этом почти 96% инвестиций нефтегазового комплекса Тюменской области приходится на добывающий сектор [14]. В ближайшие десятилетия на территории Тюменской области будут реализованы уникальные проекты освоения месторождений, инфраструктурные и производственные проекты.

Тюменская область останется главной базой страны по добыче нефти и газа на долгосрочную перспективу. Наиболее крупными инвестиционными проектами освоения, разработки и обустройства нефтегазовых месторождений будут проекты комплексного освоения месторождений полуостровов Гыданский и Ямал, геологоразведки и освоения месторождений в акваториях Обской губы, Тазовской губы, освоения месторождений акватории Карского моря, освоения ресурсов Баженовской толщи, разработки ачимовских отложений Уренгойского региона, освоения Уватской группы месторождений. Большая часть из планируемых проектов находится в Арктической зоне России, что само по себе говорит об их уникальности.

В Тюменской области интенсивно развивается один из крупнейших в России нефтегазохимический кластер, включающий в себя проекты по глубокой переработке углеводородов и создание мощностей по сжижению природного газа. К таким проектам относится создание комплекса по

производству этилена и полимеров «ЗапСибНефтехим» на базе Тобольской промышленной площадки, расширение Новоуренгойского газохимического комплекса. В Тюмени начато строительство производственного комплекса третьей очереди Антипинского НПЗ, позволяющее предприятию увеличить глубину переработки до 94%. В ЯНАО реализуется крупнейший в России и мире проект «Ямал СПГ», предусматривающий строительство завода по производству сжиженного природного газа мощностью 16,5 млн. тонн в год на ресурсной базе Южно-Тамбейского месторождения, с расширением мощности до 32 млн. тонн в год на полуострове Гыданский [1].

Реализация проекта «Ямал СПГ» предполагает создание комплекса транспортной инфраструктуры, включающей морской судоходный канал, морской порт и аэропорт в Сабетте, создание мощного танкерного и ледокольного флота, развитие навигационно-гидрографического мореплавания и формирование современной системы навигационного обеспечения движения судов по трассе Северного морского пути.

На севере Тюменской области будет создан новый транспортный каркас, который значительно расширит возможности реализации транзитного потенциала России. Строительство железной дороги Обская – Салехард – Надым, являющейся частью «Северного широтного хода» позволит соединить Северную железную дорогу в районе станции Обская со Свердловской железной дорогой, что обеспечит связь населенных пунктов и предприятий арктического региона с центральной Россией, Западной Сибирью и восточными регионами страны.

В Тюменской области реализуются проекты по усилению производственного потенциала машиностроительного кластера: УГМК-СТАЛЬ – Электросталь Тюмени (сортовой прокат), Тюменьстальмост (мостовые металлические конструкции), ООО «Бентек» (буровые установки), Тюменский завод нефтепромыслового оборудования «Baker Hughes» (нефтепогружной силовой кабель), Технологическая компания Шлюмберже (электропогружные центробежные насосы, комплектующие для перфораторного оборудования, оборудование для интенсификации работы скважин) и т.д.

Во всех отраслях экономики нашей области реализуются масштабные проекты, планируются и закладываются основы следующих. Тюменская область в долгосрочной перспективе останется крупнейшей инвестиционной площадкой страны, стратегически важное значение которой, как гаранта энергетической безопасности государства и связующего звена между Западной Европой и Азией, будет только увеличиваться.

Список литературы:

1. Веселин Р.А., Левинова А.А. Инвестиционные проекты как новый этап освоения и развития Арктики // Горные ведомости – 2012 – № 8 (99) – с. 58-66.

2. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. / Под общей редакцией С.Н. Бобылева // ООО «РА ИЛЬФ», 2013. – 202 с., http://www.undp.ru/documents/NHDR-2013.pdf

3. Тюмстат, статистический сборник «Показатели системы национальных счетов в Тюменской области», 2009-2013 гг.

4. Росстат, «Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации в 1998-2013гг.»

5. Тюмстат, статистические сборники «Уровень жизни населения в Тюменской области» 2003г., 2013г.

6. Тюмстат, статистические сборники 2013-2014 гг. «Численность и оплата труда работников организаций в Тюменской области»

7. Росстат, статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели, 2014»

8. Росстат, статистический сборник «Промышленность России. 2014»

9. Тюмстат, статистический сборник «Строительство в Тюменской области (2009-2013)»

10. Росстат, статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели, 2014»

11. Тюмстат, статистический сборник «Промышленное производство в Тюменской области (2009-2013)»

12. Тюмстат, статистический сборник «Социально-экономическое положение Тюменской области в январе-декабре 2014»

13. Росстат, «Инвестиции в основной капитал в Российской Федерации по видам экономической деятельности, 2005-2014 гг.»

14. Тюмстат, статистический бюллетень «Инвестиции в Тюменской области за 2014 год. Предварительные данные»

РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ НА ОСНОВЕ КЛАСТЕРНОГО ПОДХОДА

А.Э. Ахмедов –
к.экон.н., доцент Воронежского экономико-правового института

И.В. Смольянинова –
к.экон.н., доцент Воронежского экономико-правового института

Одной из характерных особенностей осуществления экономической реформы является возрождение экономической интеграции, при этом применительно к региональной экономике кластерный подход занимает весомое место, привлекая к себе внимание многих ученых. Это связано, в основном, с тем, что спектр его применения весьма многообразен и применяется, как в области биологических и социологических наук, так и в археологии, не говоря о том, что главное место кластеры занимают в экономике.

М.Портер дает определение кластеру, как «группе географически соседствующих взаимосвязанных компаний (поставщики, производители и др.) и связанных с ними организаций (образовательные заведения, органы государственного управления, инфраструктурные компании), действующих в определенной сфере и взаимодополняющих друг друга» [4].

Отсюда можем сформулировать понятие кластерного подхода в региональном разрезе как форму территориально-отраслевой структуры производства, которая благоприятствует воплощению инновационных проектов экономического развития региона, обуславливая синергетический эффект альянса с разнообразными региональными институтами с непосредственным участием и поддержкой МСУ.

Особенности кластерного подхода в региональном разрезе характеризуются следующими обстоятельствами [1; 5; 7]:

- наличие концентрации основной массы хозяйствующих субъектов – участников кластерной системы;
- наличие организации – лидера, который определяет различного рода стратегии развития: хозяйственную, инновационную, управленческую, техническую и другие;
- наличие крепких хозяйственных связей в долгосрочном масштабе в области кластерной организации, которые включают ее связи на межрегиональном и международном уровне;

- наличие координации взаимоотношений в долговременной перспективе всех членов кластерной организации в разрезе из внутрирегиональных и национальных планов развития;

- наличие эффективного менеджмента организации в рамках кластера, обеспечивающего контроль процессов функционирования предприятия, а также постоянного мониторинга деятельности организации в рамках кластерной системы региона.

Нельзя не отметить, что развитие любой интеграционной структуры, особенно региональной, невозможно и нецелесообразно без непрерывного мониторинга эффективности развития кластерной системы (рис. 1).

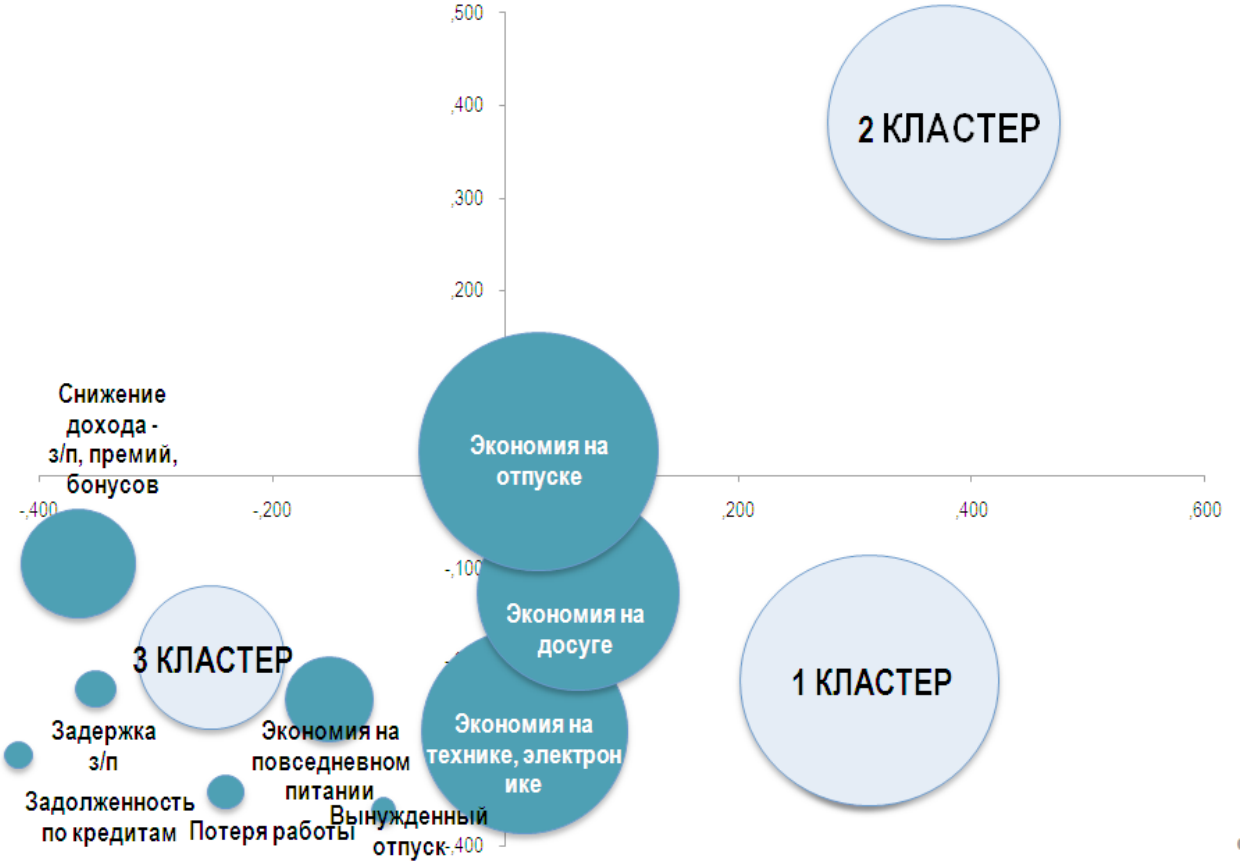

Рисунок 1. Критерии оценки эффективности развития кластерной системы в региональном разрезе

В современной экономике, где правят рыночные законы хозяйствования, просто необходимо вырабатывать умение существовать в рамках этих законов, а также должным образом выполнять их и им соответствовать. Поэтому в сфере региональной кластерной системы целесообразен принцип «4К», благодаря которому происходит благоприятное развитие и функционирование соответствующего кластера [3] (рис. 2).

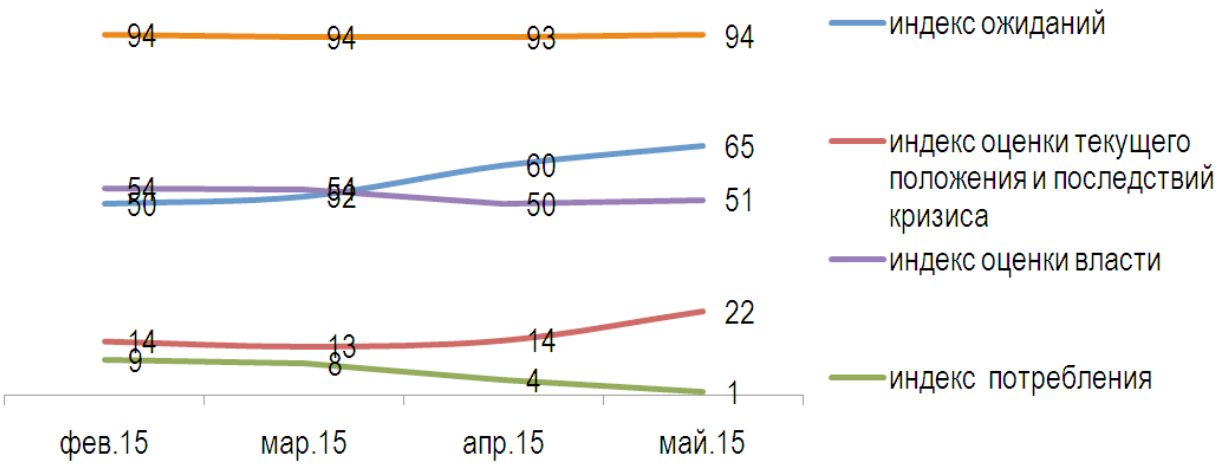

Рисунок 2. Принцип «4К» региональной кластерной организации

Как отмечалось ранее, положительная динамика по стимулированию кластерной системы достижима при существовании региональной стратегии, при разработке которой нужно брать во внимание основные точки регионального роста в целом. В разрезе региона кластерные системы, аккумулируя в себе фундаментальную науку, НИОКР, а также вновь разработанные высокотехнологические производства для обновления промышленности, диагностируют главенствующие направления инвертирований. Отсюда следует, что привлечение инвестиционных вложений в развитие и функционирование кластерной системы обеспечит мультипликационный эффект регионального развития. Кластеры, как система развития региона, благоприятствуют установлению новой техники и технологий, совершенствованию наукоемких производств, чем гарантируют надежность экономики региона в постоянно развивающейся среде рыночных условий [2].

В этой связи для эффективного регионального развития кластерной системы необходим взаимовыгодный диалог между кластером и региональными властями, где однозначно должен быть достигнут определенный консенсус во взаимоотношениях [6].

Таким образом, функционирование кластерной системы в регионе целесообразно, так как ведет к повышению уровня экономического эффекта региона, его конкурентоспособности, как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Поэтому без конструктивного и продуктивного диалога между бизнесом и властями региона, активной помощи и поддержки органов местного самоуправления, нельзя говорить о полной эффективной деятельности кластера в региональной экономике.

Список литературы:

1. Кашбиева Р.Р. Прогнозирование динамики инвестиционного спроса и его влияния на социально-экономическое развитие региональных кластеров// Сегодня и завтра российской экономики. Научно-аналитический сборник. № 37. – 2010.

2. Баутин В.М., Шаталов М.А. Интеграция предприятий пищевой промышленности и сопряженных отраслей на основе кластерного подхода// Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2015. № 1 (63). С. 210-216.

3. Мычка С.Ю. Кластер как приоритетная форма интеграции науки, бизнеса и образования // Территория науки. 2014. № 3. С. 9-12.

4. Портер М. Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран. М.: Международные отношения, 1993. 896 с.

5. Рахманов К.Л. Кластеризация как основа развития конкурентного потенциала экономики региона // Вестник Академии. 2011. № 1.

6. Шаталов М.А., Ахмедов А.Э., Блашенцев Б.О. Формирование региональных экономических систем на основе кластерного подхода// Научно-исследовательские публикации. 2015. Т. 1. № 1 (21). С. 20-26.

7. Шаталов М.А., Ахмедов А.Э., Смольянинова И.В. Модернизация системы управления интеграционными процессами в региональном АПК (на примере Воронежской области)// Региональные агросистемы: экономика и социология. 2015. № 1 (1). С. 2.

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Е.А. Березуев –
к.филос.н., доцент кафедры социально-экономических наук, Государственного аграрного университета Северного Зауралья

Жизнь в XXI веке, на мой взгляд, можно сравнить с золотым веком человечества. Навеки исчезли страдания и страхи, связанные с массовым голодом, неизлечимыми болезнями и страшными истребительными войнами. Качество жизни стало главным мерилом и главной ценностью, что привело к значительным изменениям в образе жизни и менталитете миллионов людей на всех материках.

В 60-ее годы 20 века Д.Белл выделил три технологические революции:

1. Изобретение паровой машины в 18 веке;
2. Научно-технологические достижения в химии и электричестве в 19 веке;
3. Создание компьютеров в 20 веке.

Белл утверждал, что подобно тому как промышленная революция создала конвейерное производство, повысившее производительность труда и подготовившее общество массового потребления, так и теперь возникло поточное производство информации, обеспечившее социальное развитие по всем направлениям.

За последние 50 лет во всех странах снижается удельный вес занятых и доли промышленности в ВВП. Мы наблюдаем процесс деиндустриализации.

Характерное для постиндустриальных стран снижение доли занятых в промышленности не свидетельствует об упадке развития промышленного производства. Напротив, промышленное производство и сельское хозяйство в постиндустриальных странах развиты чрезвычайно, в том числе за счёт развития высоких технологий и разделения труда, что обеспечивает высокую производительность. Например, в США в сельском хозяйстве уже давно работает около 5% всего занятого населения. При этом США давно является одним из крупнейших экспортеров зерна. В то же время в отраслях переработки, хранения и транспортировки занято около 15% работающих.

Таким образом, производство услуг – одна из главных черт постиндустриальной экономики, это направление будет в дальнейшем возрастать и приобретет важнейшее значение в контексте обеспечения продовольственной безопасности. Производство продуктов питания является первейшим условием жизни всех людей. Этим объясняется жизненно важная роль, которую играет сельское хозяйство в жизни людей. По мнению

Г.Мюрдаля: «Каким бы ни был быстрым процесс индустриализации, большие массы населения слаборазвитых стран будут еще на протяжении десятилетий (а может и нескольких поколений) заниматься сельским хозяйством, и их уровень жизни будет определяться темпами сельскохозяйственного производства». [1,69]

Аграрная политика – понятие объемное. Она включает аспекты экономической, социальной, институциональной, технологической, экологической, земельной и других сфер политики. Можно было ожидать, что после сложного и напряженного 20 века наступит более спокойный и социально ориентированный период развития экономики и сельского хозяйства в частности. Но к энергетическим трудностям, вызванным ростом потребления на производственные и социальные нужды, прибавились и трудности устойчивого сельскохозяйственного производства. Если рассматривать данную тему в контексте развития России, то следует признать, что для нашей страны единственным вариантом является инновационный путь развития, который будет включать следующие направления:

1. Сохранение и привлечение трудовых ресурсов в сельскохозяйственное производство и соответственно в сельскую местность;
2. Создание условий для выравнивания доходов сельских и городских жителей;
3. Развитие отраслей, обеспечивающих сельскохозяйственное производство материально-техническими ресурсами;
4. Формирование экономического механизма роста доходности сельскохозяйственного производства;
5. Возрастание экологически чистого сельскохозяйственного производства как фактора.

В целом хотелось бы видеть сельскохозяйственное производство преимущественно индустриально-кооперативным, с развитыми формами малого, среднего и крупного предпринимательства, с доступными здравоохранением и образованием, с нормальной демографической ситуацией.

Список литературы:

Современные проблемы третьего мира. – М, 1999. – С.67.

РАЗВИТИЕ СОЦИУМА В ПОЛЕ СОТРУДНИЧЕСТВА СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В ХМАО-ЮГРА

Н.О. Вилков –
к.экон.н., доцент кафедра мировой экономики и международного бизнеса Тюменского государственного университета

С.Л. Королева –
вице-президент Торгово-промышленной палаты Ханты-Мансийского автономного округа – Югра

Е.М. Черкашов –
к.социол.н., доцент
кафедра мировой экономики и международного бизнеса Тюменского государственного университета

Современный этап развития социума связан для бизнеса с изменением характера внешних связей, что требует изменения и внутренней структуры бизнеса. Особенность современного социального поля, выступающего для бизнеса как совокупность потребителей, связаны с высокой степенью его динамичности и волатильности. Можно указать следующие моменты, порождающие эти изменения. Во-первых, сам бизнес порождает эту изменчивость, осуществляя конкуренцию по всему мировому пространству, перемещаясь от одного региона к другому, образуя многообразные, различной степени глубины и долгосрочности союзы. Во-вторых, государства столь же динамично устанавливают многосторонние экономические союзы, закрепленные политической волей. В-третьих, НТП поставляет всё новые технологии, стимулирующие указанные процессы. В-четвертых, потребители (в значительной степени – сами же бизнесмены) столь же динамично перестраивают свой образ потребления под постоянно изменяющийся образ мира.

Здесь особенно явственно проявляется следующее обстоятельство: растет уровень значимости динамичности бизнеса, которую невозможно реализовать на основе крупных предприятий, мощь которых основана на эффекте масштаба, то есть на экономии издержек. В этой связи всё большее значение приобретают субъекты малого и среднего бизнеса (СМСП), которые

либо сами создают динамичные союзы для решения быстро меняющихся задач, либо вступают в союзы с крупным бизнесом на определенной территории, создавая кластеры всевозможных конфигураций. Сами крупные предприятия преобразуются в крупные фирмы, состоящие из совокупности малых и средних предприятий.

Как показывает практика, успешность подобных союзов в значительной степени зависит от поддержки публичных органов власти как государственного, так и муниципального уровней. Особенность современного этапа развития социума связана с тем, что успешное развитие возможно лишь на основе делового партнерства бизнеса и власти. Власть уже не выступает как внешний контрагент, но непосредственно участвует в решении базовых проблем бизнеса. С ростом роли СМСП всё большее значение приобретают региональные органы власти. Важным становится не столько поддержка отдельного бизнесмена, сколько предоставление инфраструктурной поддержки формированию динамичной бизнес-среды на определенной территории, формирование системы территориального предпринимательства. Но для этого необходима целевая поддержка по разным направлениям деятельности и для СМСП разного уровня развития.

С целью конкретизации высказанных положений, был проведен анкетный опрос субъектов малого и среднего предпринимательства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Опрос проводился при активном содействии Фонда «Центр координации поддержки экспортно-ориентированных субъектов малого и среднего предпринимательства Югры». На вопросы анкеты ответили участники Югорского промышленного форума (г.Ханты-Мансийск), участники конференции по внешнеэкономической деятельности (г. Сургут), слушатели семинаров и посетители сайта Фонда. В опросе приняли участие представители субъектов малого и среднего предпринимательства из городов Ханты-Мансийск, Сургут, Нижневартовск, Советский, Нягань, Пыть-Ях, Белоярский, Радужный, Урай, Нижневартовского, Октябрьского и Кондинского районов, пгт. Приобье, пгт. Пойковский, пгт. Березово, п.г.т. Мортка и др.

Анализ проводился на основе 500 анкет. Оценивались 48 параметров. Между этими параметрами были рассчитаны коэффициенты корреляции, в результате чего получено корреляционное поле размером 48x48, в котором размещено 2304 коэффициента корреляции. Оценки уровня корреляционной зависимости проводились на основе коэффициентов Фехнера.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что СМСП находятся в стадии формирования собственных бизнес-процессов и в этом им нужна помощь со стороны институтов инфраструктуры поддержки предпринимательства. Одним из значимых институтов, с которым СМСП поддерживают тесные связи, является Фонд «Центр координации поддержки

экспортно-ориентированных субъектов малого и среднего предпринимательства Югры», который содействует СМСП в их торговле с другими регионами России и зарубежьем.

На основании проведенного исследования сформулируем представление об образе СМСП ХМАО-Югра, на основании которого появляется возможность системного подхода к решению задач СМСП ХМАО-Югра, включая и их поддержку во внешнеэкономической деятельности.

Можно констатировать, что внешние связи СМСП распределяются по видам продукции достаточно равномерно. Наибольший вес имеет продукция АПК. При этом, доминирующую роль во внешних торговых связях СМСП имеет продукция АПК и дикоросы. С учетом того, что сумма положительных ответов близка к 100%, можно утверждать, что СМСП достаточно специализированы в своей деятельности по видам продукции.

Диверсификация продукции происходит лишь в случае поставок дикоросов.

Зарубежные связи СМСП реализуются, прежде всего, в торговой деятельности, осуществляемой в значительной мере по схеме близкой к бартеру: СМСП вывозят товар, продают и покупают на полученные деньги за границей другие товары, которые и везут в РФ.

Подобный тип международных связей мало зависит от колебаний курсов валют, а определяется, прежде всего, разницей бартерных пропорций обмена продаваемого товара в России и за рубежом. Здесь в наиболее чистом виде работает теория сравнительных преимуществ Д.Рикардо. Отличаются от этой схемы производители дикоросов, работающие ради получения денег, которые, можно предположить, идут на воспроизводство бизнеса.

В зарубежных сделках требуются посредники. Эти посредники преимущественно частные. Помощь в этой сфере от структур поддержки предпринимательства СМСП получают при торговле внутри РФ.

Производственной деятельностью занимаются прежде всего СМСП, имеющие организационно-правовую форму ООО. Индивидуальных предпринимателей в этой группе СМСП немного. Надо отметить, что именно в случае производственной деятельности чаще всего возникают проблемы с таможенными барьерами.

Перспективы своего развития СМСП видят в производственной деятельности (на это указали 67,2% опрошенных). Это прекрасное свидетельство духовного потенциала СМСП и их представления о своем будущем как созидателей.

Выбор способа доставки грузов конкретному потребителю достаточно альтернативен. Здесь СМСП осуществляет ее либо сам, либо через специализированные организации. Это говорит о значимости устойчивости схем доставки грузов и, вероятно, о значимости для некоторых видов

груза значительных партий, которые необходимы для экономии затрат по транспортным издержкам (в частности, в случае железнодорожных перевозок, в которых оплачивается не объем перевозимого груза, а количество арендуемых вагонов).

Но выбор вариантов торговой сети в случае розничной торговли не столь альтернативен: торговля на основе собственной торговой сети может сочетаться с торговлей через представительства торговых брендов.

Указанное обстоятельство позволяет сделать предположение, что СМСП (как и любые другие бизнес-структуры) ориентированы как на индивидуализированного покупателя, так и на продажу в розницу. Но выбор одной из этих схем для СМСП затруднен, в связи с отсутствием достаточно обширной информации о рынках и особенностях покупателей на них.

Проблемы сбыта являются ключевой проблемой СМСП. Они связаны, прежде всего с тем, что СМСП преимущественно самостоятельно занимаются поиском покупателей. Эти проблемы наиболее значимы как у СМСП, занимающихся производственной деятельностью, так и у СМСП, осуществляющих деятельность в сфере услуг. И в том, и в другом случае существенное значение имеют таможенные барьеры. И не только в случае осуществления внешнеторговой деятельности, а и в случае выбора направлений будущей деятельности (особенно, если предприниматели связывают своё будущее с производственной деятельностью).

Необходимость финансовой помощи в значительном количестве случаев сочетается с проблемами сбыта. Это говорит о том, что решить финансовые проблемы СМСП можно не путем предоставления требуемых им финансов, а помощью в решении проблем сбыта, и, прежде всего, в выборе сектора рынка, на котором он мог бы эффективно функционировать.

Самостоятельный поиск покупателей субъектами малого и среднего бизнеса вызывает достаточно случайный выбор рынка сбыта. Возможны варианты торговли как в Азии, так и в Европе. Ориентация на торговлю в России обычно не сочетается с торговлей за рубежом. Вполне возможно, что выход за рубеж связан с высокой конкуренцией в России для этих СМСП, что говорит о наличии у них конкурентных преимуществ, которые в России они реализовать не могут.

Перспективы своего развития СМСП связывают, прежде всего, со своим регионом в том случае, когда занимаются производственной деятельностью. Перспективы производственной деятельности достаточно часто сочетаются с деятельностью в сфере услуг. Это говорит, с одной стороны, о стремлении к созидательной деятельности, а с другой – о не очень высоком уровне производственной специализации СМСП, о поиске СМСП своего места в социуме и его бизнес-процессах.

Свои проблемы СМСП решают либо самостоятельно, либо ожидают помощь, прежде всего, от инфраструктуры поддержки предпринимательства (ИПП). Связь этих показателей говорит о том, что ИПП способствует общению СМСП между собой и стимулирует их кооперацию, без которой СМСП, как показывает практика (в том числе и мировая), не могут эффективно реализовать свой экономический и социальный потенциал.

Если учесть, что особое значение при этом для СМСП имеют проблемы, связанные с квалификацией работников (особенно для СМСП, ориентированных на производственную деятельность), то роль ИПП в деле повышения квалификации работников СМСП существенна.

Одним из важных моментов, который следует из проведенного анализа, является заключение о том, что внешняя среда для СМСП представлена, прежде всего, различными видами требуемой помощи, и лишь затем налоговыми обязательствами, административными препонами и таможенными тарифами.

Не случайно поэтому, сбыт товаров и услуг является наиболее насущной проблемой СМСП, составляя 51,5% среди всех проблем по количеству означенных среди опрошенных. Финансовые проблемы стоят на втором месте, имея 34,9%. И как уже об этом было сказано, снятие финансовых проблем должно связываться не столько с выделением финансовых ресурсов, сколько с помощью СМСП в их институциональном развитии.

САМОЗАНЯТОСТЬ КАК ВАЖНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОДЕЙСТВИЯ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНЕ

Н.М. Воловская –
д. социол. н., профессор, зав. кафедрой социальных коммуникаций и социологии управления Новосибирского государственного университета экономики и управления НИНХ

Л.К. Плюснина –
д. социол. н., доцент, профессор кафедры социальных коммуникаций и социологии управления Новосибирского государственного университета экономики и управления НИНХ

Переход к рыночным отношениям вызвал изменения практически во всех сферах общественной жизни России, в том числе и в сфере занятости населения. Главное изменение в этой сфере – отказ от концепции полной, «поголовной» занятости. Человек стал свободен в выборе видов и форм занятости, а также стал самостоятельно решать работать ему или не работать. В то же время не каждый человек, желающий работать, может быть включен в рынок труда как сферу оплачиваемой занятости. Безработица стала обыденным явлением современной жизни и из сферы занятости вытолкнута часть людей, потерявших привычное место работы по различным причинам: бесперспективности имеющейся профессии, сокращения производства, реструктуризацией отраслей и т.д. Многие из людей потерявших работу не имеют перспектив трудоустройства без смены профессии и специальности, переподготовки, а иногда и места жительства. К тому же в связи с формированием рынка труда люди оказались неадаптированными к ломке сложившихся стереотипов, не осознали, что теперь многое зависит от них, от их умения приспособиться к изменяющимся условиям жизни, не преодолели чувства растерянности, социального и психологического дискомфорта [1].

В настоящее время из «привычного» социума в целом по России вытеснено в виде безработных около 4,1 млн. чел. и уровень общей безработицы в июне 2015 г. составил 5,4%. По сравнению с аналогичным периодом 2014 г. уровень общей безработицы вырос на 10,1% [2].

Для решения проблемы безработицы в настоящее время в России в соответствии с рекомендациями МОТ осуществляется реализация активной политики занятости, которая позволяет интегрировать безработных людей их в социум. В число направлений активной политики занятости включаются

такие как создание рабочих мест, подготовка и переподготовка кадров, выполнение общественных работ, развитие самостоятельной занятости населения [3, 26].

Важным направлением активной политики является самостоятельная занятость, поскольку она способствует активизации человеческого потенциала; помогает решать проблемы занятости комплексно как через обеспечение человека конкретным рабочим местом, так и через изменение отношения к труду, когда осуществляется переход от пассивно-иждивенческого ожидания к активно-творческой работе. Именно самостоятельная занятость предоставляет возможности для развития инициативы человека, совершенствование его как личности и способствует преодолению выжидательных и иждивенческих настроений в обществе.

Для развития самостоятельной занятости в России осуществляется управление данным процессом, как на уровне государства, так и территории (региона): разрабатываются специальные программы, осуществляется помощь и поддержка безработным гражданам, решившим создать собственное дело и т.д. [4; 5]. Однако, для успешного развития самозанятости необходима также готовность и активность самого человека [6, 123].

На решение человека практиковать самозанятость оказывают влияние объективные внешние предпосылки, факторы и условия, которые могут, как сдерживать развитие самозанятости, так и способствовать ее развитию. В частности, неразвитость сферы услуг, дефицит отдельных товаров, недостаток мест общественного питания и др. Все это может подтолкнуть человека к решению занять себя самостоятельно и у него может возникнуть желание, что он может удовлетворить свои потребности, произведя необходимые людям товары, работы и услуги. Кроме того, на решение человека в отношении самозанятости оказывают влияние внутренние факторы, к которым относятся демографические особенности, род занятий, образ жизни, установки, мотивы, ожидания и т.д. Данный подход нами рассмотрен ранее [7; 8].

Управление развитием самостоятельной занятостью в регионе осуществляется с использованием информации как статистической, так и социологической (о мотивах людей в отношении самозанятости, готовности их практиковать данный вид занятости и др.). В этой связи мы хотели бы представить результаты социологического исследования возможностей развития самозанятости в регионе – Новосибирской области. Данные исследования проводятся в режиме мониторинга Министерством труда, занятости и трудовых ресурсов совместно с Новосибирским государственным университетом экономики и управления: в 1995 г. (выборка – 551 чел.), 2002 г. (выборка – 618 чел.), 2013 г. (выборка – 346 чел.). Методика мониторинга подробно представлена ранее [9].

В процессе исследования было выявлено, что большинство респондентов в 1995 г. в основном связывало свою будущую деятельность с работой по найму (69%), а в 2013 г. их доля составила 41%, снижение составило 40,6%. Что же касается лиц, желающих создать собственное дело, то их доля существенно не изменилась: в 1995 г. – 27%, в 2013 г. – 24,3%, снижение доли составило – 10%. При этом, доля лиц, желающих практиковать самозанятость в ЛПХ, выросла весьма существенно с 2,4 % в 1995 г. до 18,7% в 2013 г. или более чем в 7,8 раза. Как мы видим более чем за двадцатилетний период постепенно меняются установки людей на традиционную занятость по найму и они адаптируются к рыночным условиям формируя установки на самозанятость.

Развитие самозанятости в регионе во многом зависит от активности незанятых людей и их готовности осуществлять данный вид деятельности. Как показало исследование, в 2013 г. 20% респондентов готовы и знают, как осуществлять самозанятость, при этом с 1995 г. по 2013 г. их доля выросла на 10%. К лицам, которые могли бы практиковать самозанятость при соответствующей подготовке можно отнести и тех, кто готов, но не умеет это делать: в 1995 г. их доля составила 8%, а в 2013 г. – 21%, в динамике прослеживается рост в 2,5 раза. Анализ социально-демографических характеристик лиц готовых к самозанятости показал, что это преимущественно молодежь. Данная же тенденция была выявлена по результатам опроса в г. Новосибирске и другими исследователями [10, 39]. Если обобщить представленные данные, то можно сделать вывод о том, что доля лиц, среди незанятых людей готовых осуществлять самозанятость в 2013 г. составляет 41%, что является достаточно высоким показателем. Обращает на себя внимание тот факт, что среди респондентов велика доля лиц, не определившихся в отношении самозанятости (в 1995 г. их доля составила 25%, в 2013 г. – 18%), среди которых возможно будут и те, которые могут в будущем практиковать данный вид занятости.

Каковы же основные мотивы людей к самозанятости? Исследование показало, что основным мотивом самозанятости является обеспечение нормальной жизни себе и своей семье (1995 г. – 70%, в 2013 г. – 73,1%), за ним следует возможность реализации своих способностей (в 1995 г. – 14%, в 2002 г. – 7,8%, 2013 г. – 15,6%). Значимым мотивом в 1995 г. был мотив – принести пользу своему селу, району (11%), однако в последующие годы данный мотив перестал быть таковым: в 2002 г. – 1,0%, в 2013 г. – 2,3%.

В процессе исследования нами выявлены сферы деятельности, в которых люди считают возможным практиковать самозанятость в регионе. Сравнение проранжированных результатов показало, что самой перспективной сферой для самозанятости является сфера обслуживания. При этом следует отметить, что в других странах также частный бизнес чаще доминирует в сфере услуг, питания, отдыха и культуры.

Благоприятной сферой для развития самозанятости по мнению респондентов является производство сельскохозяйственной продукции. Однако, на наш взгляд, организация данного производства на началах самозанятости достаточно сложное занятие, требующее значительных финансовых средств, которыми не располагают сельские жители. Ранее мы отмечали, что более доступным является для них расширение ЛПХ, откорм молодняка и птицы по договорам с сельскохозяйственными предприятиями [11, 70-72; 12, 91].

Посреднические услуги по купле-продаже отнесены также к числу приоритетных отраслей для развития самозанятости. По мнению респондентов это связано с тем, что здесь не должно быть проблем со сбытом продукции (26%), для указанных видов деятельности есть незанятая рабочая сила (20,5%), имеется соответствующая сырьевая база (16%).

Должно ли государство поддерживать самозанятых людей? Как показал опрос, число лиц, надеющихся на помощь государства, снизилось с 82,5% в 1995 г. до 51,4% в 2013 г. или на 38,6%. Следовательно, более половины людей по прежнему считают, что государство должно обеспечить поддержку всеми членам общества, однако их доля существенно сократилась. Это свидетельствует также об адаптации населения новым рыночным реалиям. При этом часть респондентов считают, что каждый должен сам заботиться о себе: в 1995 г. – 4,2%, 2013 г. – 20%. Как мы видим число лиц, надеющихся только на себя, увеличилось в 4,7 раза, что является весьма позитивным. Что касается видов помощи для перехода на самозанятость в Новосибирской области, то респонденты среди прочих главными называют такие как предоставление денежных кредитов; налоговые льготы; обучение основам ведения малого бизнеса; обеспечение молодняком крупного рогатого скота, овец, птиц; помощь с арендой техники и др. Следует подчеркнуть, что эти же виды помощи респонденты указывали во всех трех исследованиях [6; 13]. Это говорит о том, что за исследуемый период не произошло каких-либо позитивных изменений в данном направлении. В качестве дополнительных мер, позволяющих облегчить развитие самозанятости, респонденты отметили необходимость возрождения организаций, осуществляющих закупку готовой продукции, стимулирование самозанятости и усиление внимания глав администраций районов, поселков к распространению самозанятости.

В заключении необходимо отметить, в условиях кризисных явлений в экономике современной России происходит сокращение численности работающих по найму. В этих условиях решение проблемы безработицы может быть связано только с одним – активизацией незанятых людей в самозанятость. С этой целью необходимо осуществлять управление самозанятостью населения через реализацию эффективной государственной политики занятости населения. Для повышения эффективности управленческих воздействий необходимо осуществлять социологические исследования возможностей развития самозанятости в режиме мониторинга, что позволит реально оценить реализацию активной политики и создаст информационную основу для принятия эффективных управленческих решений и их корректировки.

Список литературы:

1. Плюснина Л.К. Занятость населения: теория, методология, управление. – Новосибирск, НГУЭУ, 2005. – 388 с.

2. Обследование населения по проблемам занятости. 2015: стат. сб. / Росстат. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_30/Main.htm

3. Воловская Н. М., Плюснина Л. К., Русина А. В. Активизация занятости отдельных социально-демографических групп населения на рынке труда / Н. М. Воловская, Л. К. Плюснина, А. В. Русина – М-во образования и науки Рос. Федерации, Новосиб. гос. ун-т экономики и упр. – Новосибирск, 2004. – 152 с.

4. Воловская Н.М., Удальцова М.В., Плюснина Л.К., Русина А.В. Управление самостоятельной занятостью в регионе //Регион: экономика и социология. – 2005. – № 4. С. 67-76.

5. Воловская Н. М., Плюснина Л. К., Русина А. В. [Текст] Концептуальные вопросы управления самозанятостью безработных граждан в регионе/ Н. М. Воловская, Л. К. Плюснина, А. В. Русина //Идеи и идеалы. – 2013. – Т. 1. – № 4. – С. 120-129.

6. Воловская Н. М., Плюснина Л. К., Русина А. В., Пошевнев Г. С. Самостоятельная занятость в системе отношений занятости: особенности, свойства, проблемы //Вестник НГУЭУ. – 2012. – №2. – С.120-128.

7. Воловская Н. М. Самостоятельная занятость в России: Выживание или свободный выбор? /Н.М. Воловская – Новосибирск: Экор-книга, 2005. – 300 с.

8. Volovskaya N.M., Plyusnina L.K., Rusina A.V. Self-employment as a form of reintegration of unemployed citizens into [Tekst] / Н. М. Воловская, Л. К. Плюснина, А. В. Русина //Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 6. – № 8. – С. 1175-1186.

9. Воловская Н. М., Плюснина Л. К. Мониторинг рынка труда как необходимое условие эффективного управления трудовым потенциалом города / Н. М. Воловская, Л. К. Плюснина// Научные записки НГУЭУ. – 2004. – № 1. – С. 32.

10. Иноземцева А.В. Молодежь и малое предпринимательство: результаты социологического исследования //Теория и практика общественного развития. 2014. №19.. С.34-37.

11. Воловская Н.М., Плюснина Л.К., Русина А.В. Незанятое население и возможности самозанятости в ЛПХ//Экономика сельского хозяйства России. 2015. № 3. С. 69-74.

12. Воловская Н.М., Удальцова М.В., Плюснина Л.К., Русина А.В. Развитие самозанятости в личном подсобном хозяйстве как одно из приоритетных направлений сокращения безработицы на селе //Сибирский вестник сельскохозяйственной науки. 2005. № 6. С. 90-95.

13. Воловская Н.М., Плюснина Л.К., Русина А.В., Иноземцева А.В. Незанятое население и самозанятость в сибирском регионе//Социологические исследования. 2015. № 5. С. 52-60.

ГИБКОСТЬ ЗАНЯТОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

М.А. Гильтман –
к.экон.н., доцент Тюменского государственного университета

А.А. Вотякова –
магистрант направления «Экономика» Тюменского государственного университета

Исследование проводится в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-32-01019

Главной функциональной особенностью российской модели рынка труда (Капелюшников, 2009), считается слабая чувствительность занятости к любым встряскам в экономике [7]. Такие зарубежные исследователи как Basu (1995 и 1997), Grosfeld и Nivet (1997), Köllö (1997), Korosi (1997), Singer (1996), Brauer (1995), Commander и Dhar (1998) оценили коэффициенты эластичности занятости по выпуску в большинстве стран ЦВЕ в диапазоне 0,3-0,9, тогда как в России этот показатель во всех исследованиях оказался статистически незначимым – около 0 [3]. Однако существенные различия в экономическом развитии регионов заставляют задуматься о единых закономерностях проявления этой модели, ее региональных особенностях.

В настоящее время такими учеными как Гимпельсон и Зудина (2014) [4], Лукьянова (2011) [9], Кобзарь (2009) [8], Капелюк (2014) [6], Commander, Nikoloski, Plekhanov (2013) [1], Гимпельсон, Жихарева, Капелюшников (2015) [5], Ощепков (2011, 2013) [11, 12], Мироненко (2010) [10], Muravyev, Oshchepkov (2013) [2] и др. исследованы отдельные аспекты межрегиональных различий функционирования российского рынка труда, но исследований эластичности занятости в регионах РФ и факторов, на нее влияющих, пока не проводились [5]. Основываясь на положении российской модели рынка труда Р.И. Капелюшникова о низкой эластичности занятости по выпуску, результатах эмпирических исследований эластичности занятости в переходных экономиках стран ЦВЕ, а также принимая во внимание результаты исследований о различиях региональных рынках труда, нами были сформулированы цель и гипотеза исследования. Цель исследования – выявление факторов, в наибольшей степени влияющих на изменение численности занятых в субъектах РФ. Гипотеза: если ВРП растет, то численность занятых в регионе увеличивается.

Для количественной оценки факторов, влияющих на динамику занятости в субъектах РФ, была построена и оценена эконометрическая модель с фиксированными эффектами, учитывающими специфические устойчивые региональные особенности, с добавлением лагов. Общая спецификация модели приведена в уравнении (1) [3; 2817].

$$logL_t = \alpha_0 + \alpha_1 log(W)_t + \alpha_2 log(W)_{t-1} + \alpha_3 logQ_t + \alpha_4 logQ_{t-1} + \alpha_5 logX_t + \alpha_6 logX_{t-1} + \alpha_7 logL_{t-1} \quad (1),$$

где L – количество работников,

W – заработная плата (в постоянных ценах),

Q – выпуск продукции (в постоянных ценах),

X – прочие факторы, способные оказывать влияние на занятость,

t – период времени.

Поскольку мы проводили исследование на агрегированных региональных данных, то несколько изменили спецификацию модели, включив в нее переменные, описывающие структуру региональной экономики, в частности, долю занятых в обрабатывающей промышленности и сельском хозяйстве. Также пришлось отказаться от авторегрессии в связи с евыполнением ряда формальных тестов, в частности, теста на адекватную спецификацию модели.

Таблица 1

Результаты оценивания влияния факторов на численность занятых в субъектах РФ в 2006-2012 гг.

Переменная	Коэффициент (ст. ошибка)	Переменная	Коэффициент (ст. ошибка)
const	6,04 (0,86)***	Доля занятых в обраб. пром-ти (%)t	-0,005 (0,004)
ВРП (log)t	0,05 (0,02)*	Доля занятых в обраб. пром-ти (%)t-1	-0,0005 (0,004)
ВРП (log)t-1	0,01 (0,03)	Доля занятых в обраб. пром-ти (%)t-2	0,0009 (0,003)
ВРП (log)t-2	0,01 (0,03)	Доля занятых в обраб. пром-ти (%)t-3	0,001 (0,002)
ВРП (log)t-3	-0,02 (0,02)	Доля занятых в обраб. пром-ти (%)t-4	-0,001 (0,003)
ВРП (log)t-4	-0,01 (0,02)	Доля занятых в обраб. пром-ти (%)t-5	-0,0004 (0,003)
ВРП (log)t-5	0,03 (0,01)*	Доля занятых в с/х (%)t	-0,005 (0,004)
Заработная плата (log)t	-0,03 (0,05)	Доля занятых в с/х (%)t-1	0,008 (0,003)**
Заработная плата (log)t-1	-0,02 (0,08)	Доля занятых в с/х (%)t-2	0,005 (0,004)
Заработная плата (log)t-2	-0,01 (0,06)	Доля занятых в с/х (%)t-3	0,003 (0,002)
Заработная плата (log)t-3	0,04 (0,04)	Доля занятых в с/х (%)t-4	0,004 (0,003)

Заработная плата (log)t-4	-0,08 (0,06)	Доля занятых в с/х (%)t-5	0,0006 (0,004)
Заработная плата (log)t-5	0,05 (0,05)		
Количество наблюдений 158			
Стандартная ошибка регрессии 0,009			
R^2(within) 0,292			
*** однопроцентный уровень значимости, ** пятипроцентный уровень значимости, * десятипроцентный уровень значимости			

Таблица 1 показывает, что увеличение ВРП на 1% увеличивает занятость в регионе в том же периоде на 0,05%. Эластичность эта невелика, однако, показатель значим на десятипроцентном уровне значимости. При этом долгосрочный эффект проявляется с лагом в 5 лет и составляет 0,08%. Из других оцененных переменных значимой оказалась только доля занятых в сельском хозяйстве с лагом в один год. Коэффициент при данной переменной показывает, что увеличение этого показателя в регионе на 1% приводит к росту занятости в следующем периоде на 0,8%. Полученные результаты говорят о том, что в регионах с более высокими темпами прироста ВРП и бóльшим удельным весом занятых в сельском хозяйстве эластичность занятости в 2006-2012 гг. была выше.

Таким образом, несмотря на не очень высокие региональные значения эластичности занятости, результаты нашего исследования показывают, что в ряде регионов значения эластичности занятости по ВРП были несколько выше, чем в среднем по РФ, что позволяет принять сформулированную гипотезу. В целом можно сделать следующие выводы:

- эластичность занятости по ВРП в субъектах РФ в период 1995-2012 гг. была невысока, но в ряде случаев значения этого показателя были выше, чем в РФ в целом;
- как правило, более высокая эластичность занятости наблюдалась в регионах в период «подъема» 1999 – 2008 гг.;
- наиболее высокие показатели эластичности занятости были в регионах с более высокой миграционной активностью населения и высокими темпами роста номинальной заработной платы; наименее эластичной занятость была преимущественно в добывающих регионах с наиболее высокой реальной заработной платой;
- оценки влияния ВРП на численность занятых в регионах в 2006-2012 гг. оказались статистически значимыми, хотя показатели были невысоки и действовали с запаздыванием (лагами);

- изменения в структуре региональной занятости, а именно динамика доли занятых в сельском хозяйстве, оказывали на динамику численности занятых в регионах большее влияние, чем изменения ВРП и заработной платы.

Список литературы:

1. Commander S., Nikoloski Z., Plekhanov A. Employment Concentration and Resource Allocation: One-Company Towns in Russia // IZA Discussion Paper No.6034. 2011. 32 p. [Режим доступа: http://ftp.iza.org/dp6034.pdf] (дата обращения 29.09.2014).
2. Muravyev, A., Oshchepkov, A. Minimum Wages, Unemployment and Informality: Evidence from Panel Data on Russian Regions // IZA Discussion Paper No. 7878. 2013. 36 p.
3. Svejnar, J. Labor Markets in the Transitional Central and East European Economies // Handbook of Labor Economics. Chapter 42. Volume 3B. Part 11. Amsterdam (Netherlands): Elsevier B.V. 1999. p. 2809-2857.
4. В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда: моногр. / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 535 с.
5. Гильтман М.А., Вотякова А.А. Особенности региональных рынков труда в России: обзор эмпирических исследований // Социально-экономические проблемы современной российской экономики. Часть 3: коллективная монография / Под ред. Н.А. Адамова. М.: Институт исследования товародвижения и конъюнктуры оптового рынка, 2014. С. 48-64
6. Капелюк С.Д. Региональная минимальная заработная плата в России: эконометрический анализ // Вестник НГУЭУ. 2014. № 1. С. 157-169
7. Капелюшников Р.И. Конец российской модели рынка труда?: Препринт WP3/2009/06. М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики. 2009. 80с.
8. Кобзарь Е.Н. Минимальная заработная плата и региональные рынки труда в России препринт WP15/2009/06 / Е.Н. Кобзарь; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2011. 60 с. // WP15/2009/06. М.: ИД ГУ-ВШЭ. 2009. 56 с.
9. Лукьянова А. Л. Дифференциация заработных плат в России (1991–2008 гг.): факты и объяснения // Журнал новой экономической ассоциации. 2011. № 12. С. 124-148.
10. Мироненко О. Н. Законодательство о защите занятости и подстройка спроса на труд: эмпирический анализ: Препринт WP15/2010/01 [Текст] / О. Н. Мироненко; Гос. ун-т Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 72 с.
11. Ощепков А.Ю. Влияние минимальной заработной платы на неформальную занятость [Электронный ресурс]: препринт WP3/2013/07 / А. Ю. Ощепков; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Электрон. текст дан. (200 КБ). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 49 с. (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»).
12. Ощепков А.Ю. Отдача от высшего образования в российских регионах // Экономический журнал ВШЭ. Том. 14 (2010). № 4. С. 468–491.

ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА В СФЕРЕ ЖКХ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

О.С. Гилязова –
к.филос.н., доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н.Ельцина

В самом начале сентября 2015 года министр энергетики и ЖКХ Свердловской области в одном из интервью заявил, что только сфере жилищно-коммунального хозяйства области необходимы инвестиции порядка 270 миллиардов рублей в ближайшие годы [1]. Необходимость данных вложений не вызывает сомнений, так как затрагивает фактически всех граждан, проживающих на территории данного субъекта РФ, и имеет острое социальное значение. Всех участников инвестиционного процесса в данной сфере можно условно разделить на три категории:

Государство (в том числе субъект РФ) и муниципалитеты. Государство активно участвует, инвестируя сотни миллиардов рублей, например, по программам расселения аварийного жилья, или по программам капитального ремонта, реализуемой Государственной корпорацией «Фонд содействия реформированию ЖКХ» (http://fondgkh.ru/finance/index.html). Субъект и муниципалитеты осуществляют инвестирование через программы софинансирования, или через свои собственные программы (например, программа СО «Тысяча дворов» [2].

Граждане. Оплачивая платежи за жилищно-коммунальные услуги, граждане участвуют в инвестировании. Фактически во всех муниципалитетах в стоимости коммунальных услуг (вода, тепловая энергия, водоотведение, электричество, газ) есть инвестиционная составляющая. Оплата же жилищных услуг является прямой инвестицией в сферу ЖКХ, что взнос за «капремонт», что взнос за «текущий ремонт и обслуживание».

Юридические лица. Это самая малочисленная категория, сумма инвестиций в разы меньше, чем вышеперечисленные две, но примеры существуют. Например, в Асбестовском городском округе ОАО «Ураласбест» выделило порядка 50 миллионов рублей на покупку и монтаж новой газовой блочной котельной для жителей поселка «101 квартал».

Инвестиционный климат региона формируется большей частью доверием со стороны основных инвесторов (а это чаще всего государство и население региона), наличие видимых результатов производимых вложений, наличие контроля и прозрачности. Для этого в сфере законодательства Российской Федерации были приняты соответствующие нормативные

акты – появилось Постановление правительства РФ № 731 от 23.10.2010, были внесены изменения в Жилищный кодекс РФ, предусматривается обязательное лицензирование организаций, работающих в сфере управления многоквартирными домами, а также – новая форма оплаты взноса на «капремонт». Помимо этого был значительно усилен контроль за расходованием бюджетных средств, направляемых в сферу ЖКХ (например, обязательно должно быть все раскрыто на сайте «РеформаЖКХ»), сейчас формируется Государственная информационная система «ГИС ЖКХ». ГЖИ Свердловской области провело процедуру лицензирования, ведет постоянный лицензионный контроль, и сейчас степень раскрытия информации предприятиями, работающих в сфере управления многоквартирными домами, соответствует требованиям действующего законодательства.

В целом это помогло гражданам и органам власти контролировать средства, направляемые в рамках оплаты за коммунальные услуги и оплаты за «текущий ремонт и обслуживание». Однако в Свердловской области возникла проблема с контролем со стороны федеральной власти и граждан над средствами, направляемыми в рамках взноса за «капремонт» и средствами, направляемыми на реализацию федеральных программ.

В рамках обеспечения открытости информации по капитальному ремонту Министерство строительства РФ и «Фонд содействия реформирования ЖКХ» обязали все субъекты РФ раскрывать данные по капитальному ремонту на сайте «РеформаЖКХ», также был подготовлен соответствующий новостной сюжет, вышедший в эфире «1 канала» [3]. В данном сюжете рассказывается обо всех критериях оценки исполнения региональной программы капитального ремонта, и как каждый гражданин может проконтролировать оплачевыемые им взносы. Если же воспользоваться всеми данными рекомендациями, то становится ясно, что представители правительства Свердловской области представляют на сайте «РеформаЖКХ» недостоверную информацию (отсутствуют данные о суммах накопленных средств, данные о стоимости работ, дома, где ремонт производится в 2015 году по предоставленным данным стоят на 2017 год, например, дом по адресу г. Асбест, ул. Лермонтова, д. 1). Так же есть большое количество претензий к тому, как и кому доверяют проводить запланированные работы. В большинстве муниципалитетов «осваивать» средства населения пришли подрядчики без опыта [4]. В то же время основной общедоступный инструмент контроля (сайт «РеформаЖКХ») показывает, что у Свердловской области «зеленый индикатор» (то есть все хорошо), несмотря на серьезные системные ошибки в деле привлечения инвестиций граждан.

То есть в данном случае население, как инвестор, может наблюдать, что ни один из заявленных механизмов контроля и защиты инвестиций не работает. Но точно так же эти инструменты контроля (например, система «РеформаЖКХ») не доступны для получения объективной информации и органами федеральной власти (которые принимают решения по

соответствующим программам и выделяют финансирование). В августе 2015 года всю Российскую Федерацию облетели новости об обнаруженных активистами ОНФ в Свердловской области «домах – призраках», на строительство которых государство выделяло субъекту десятки миллионов рублей [5]. И в этом случае для фальсификации данных использовался сайт «РеформаЖКХ».

И в том, и в другом случае искажение отчетности приводит к высоким позициям представителей властей субъекта РФ во всевозможных рейтингах, позволяет заявлять о выполнении всех взятых ими обязательств (при их реальном неисполнении), но значительно подрывает доверие как к самим инструментам контроля, так и, после того, как фальсификация вскрывается, к подрыву доверия со стороны граждан и государства.

Список литературы:

1. Аникин А. Министерский кофе-брейк. О проблемах ЖКХ Свердловской области с министром Николаем Смирновым [интервью от 03.09.15] / А. Аникин // Регионы Onlain. Российское информационное агентство. Режим доступа: http://www.gosrf.ru/news/20249/, свободный.

2. Свердловская “1000 дворов” набирает обороты [новость от 14.11.2013, 18:19] // УралИнформБюро. Режим доступа: http://www.uralinform.ru/news/society/188843-sverdlovskaya-1000-dvorov-nabiraet-oboroty/, свободный.

3. Первый канал. Система мониторинга программ капитального ремонта на портале www.reformagkh.ru [видео YouTube, опубликовано 17 июля 2015 г.]. Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=Y5Ow-57KbE4, свободный

4. Свердловские власти признали системные ошибки в организации капремонта жилья [новость от 09.09. 2015, 15:09] // Информационное агентство Европейско-Азиатские Новости. Режим доступа: http://eanews.ru/news/energetics_zhkh/Sverdlovskie_vlasti_priznali_sistemnye_oshibki_v_organizacii_kapremonta_zhilya_09_09_2015/, свободный.

5. Эксперты ОНФ выявили в Свердловской области фальсификацию отчетности о домах для переселенцев из аварийного жилья [новость от 31.07.2015, 11:35] // Общероссийский Народный Фронт. Режим доступа: http://onf.ru/2015/07/31/eksperty-onf-vyyavili-v-sverdlovskoy-oblasti-falsifikaciyu-otchetnosti-o-domah-dlya/, свободный.

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ДОЛГОСРОЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ БАНКОВ, РАБОТАЮЩИХ В Г. СЕВАСТОПОЛЕ ДО И ПОСЛЕ ВСТУПЛЕНИЯ Г. СЕВАСТОПОЛЯ В СОСТАВ РФ

У.В. Дремова –
старший преподаватель
Севастопольского государственного
университета

Наличие проблем в насыщении экономики банковским долгосрочным кредитом определяет необходимость изучения условий и направлений развития долгосрочного кредитования банковской системы в целом и на уровне отдельно взятых банков. Создание определенных условий предоставления долгосрочных кредитов оказывает влияние на формирование платежеспособного спроса со стороны населения и субъектов хозяйствования на долгосрочные ресурсы банков. В то же время на создание условий кредитования оказывает влияние экономическая, политическая ситуация в стране и мировые тенденции. Каждый банк стремится создать благоприятные условия выдачи кредитов, особенно, если касается кредитов с повышенным риском, к которым относятся долгосрочные кредиты. Под благоприятными условиями подразумеваются параметры кредитов, которые удовлетворяли бы потребностям и возможностям населения и субъектов хозяйствования, а также содействовали бы получению банком желаемого дохода. Однако сложная экономическая ситуация в России, вызванная внешним финансовым кризисом и введенными санкциями, а также внутренними структурными деформациями в экономике, приводит к введению жестких условий предоставления банковских кредитных ресурсов на длительной основе, которые сопровождаются высокими процентными ставками, уменьшением срока выдачи кредитов, увеличением суммы первоначального взноса по кредитам, повышением комиссий, приостановлением некоторых программ долгосрочного финансирования и т.д. Данные условия приводят к ограничению реализации спроса на долгосрочные ресурсы банков, что отражается на сокращении участия долгосрочного банковского кредитования в развитии экономики.

Создание банками определенных условий долгосрочного кредитования предопределяет спрос на отдельные виды долгосрочных кредитов и соответственно направление развития долгосрочного банковского кредитования в отечественной экономике.

Актуальным представляется изучение направлений развития долгосрочного кредитования с учетом формирования определенных условий предоставления долгосрочных кредитов на примере банков, работающих в г. Севастополе до и после вступления г.Севастополя в состав Российской Федерации.

До вступления региона в состав РФ банки вели активную деятельность в области долгосрочного кредитования: доля долгосрочных кредитов составляла более 60% кредитного портфеля банков, отмечены высокие темпы роста потребительских и ипотечных кредитов (более 200%), прирост долгосрочных кредитов, выданных юридическим лицам составлял около 50%. Анализ долгосрочного кредитного портфеля трех банков в г. Севастополе показал наличие индивидуального ориентира банков в направлении кредитных ресурсов. Каждый банк выбирал свое направление и сегмент рынка, в котором ему работать было более комфортно (рис. 1). В ПАО Банк «Морской» наблюдалось предпочтение долгосрочным кредитам в текущую деятельность юридических лиц с долей данных кредитов в размере 56,49% в 2013 году в структуре долгосрочного кредитного портфеля. Предоставление инвестиционных кредитов юридическим лицам наблюдалось лишь у одного из рассмотренных банков (Севастопольское отделение ПАО «ВТБ Банк»), занимая при этом наибольший удельный вес в долгосрочном кредитном портфеле (около 48% в 2013 году). Лидером в предоставлении долгосрочных кредитных ресурсов населению выступало Севастопольское отделение ПАО «Укргазбанк» (рис. 1), у которого удельный вес потребительского кредитования достигал 39%, ипотечных кредитов, выданных физическим лицам – 60% за 2013 год. При этом можно отметить полное отсутствие выдачи долгосрочных кредитов с 2011 года субъектам хозяйствования.

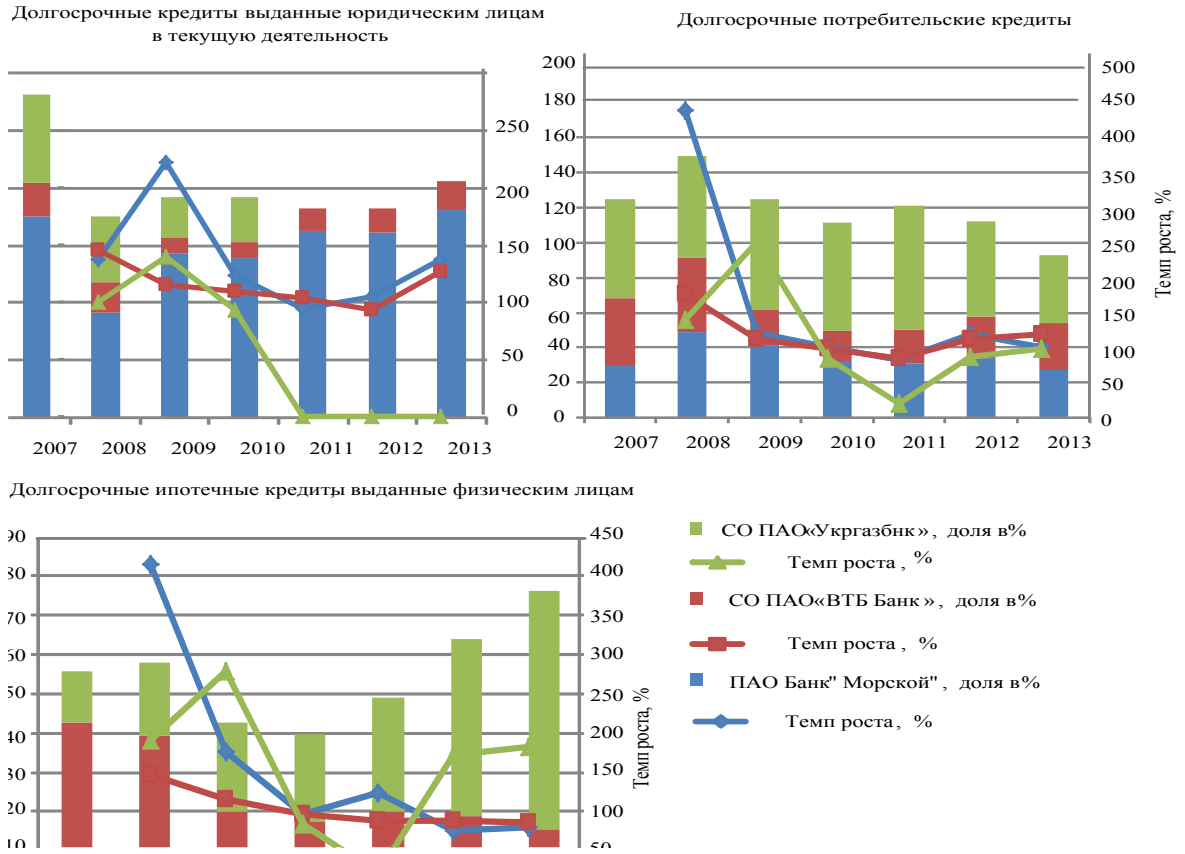

Рисунок 1. Динамика развития отдельных видов долгосрочных кредитов банков г. Севастополя за 2007 – 2013 гг.

Однако наряду с высокими показателями долгосрочного кредитного портфеля, имелась высокая доля сомнительной и пророченной задолженности по долгосрочным кредитам. В рассмотренных банках наибольший удельный вес сомнительной и просроченной задолженности в долгосрочном кредитном портфеле прослеживался по потребительским кредитам. В Севастопольском отделении ПАО «Укргазбанк» доля сомнительной и просроченной задолженности увеличилась до 75% в 2013 году, состоявшая в основном из просроченной задолженности по потребительским кредитам в иностранной валюте (47% – в 2013 году). Относительно высокая доля сомнительной и просроченной задолженности наблюдалась по долгосрочным кредитам в текущую деятельность юридических лиц в ПАО банк «Морской» (69% в 2013 году). По ипотечным кредитам физическим лицам удельный вес сомнительной и просроченной задолженности в 2013 году составлял: в Севастопольском отделении ПАО «ВТБ Банк» – 37%; в ПАО Банк «Морской» – 0,1%; в Севастопольском отделении ПАО «Укразбанк» – 25%, характеризуя наличие более высокого кредитного риска по кредитам, выданным населению. В целом наблюдалось значительное увеличение доли сомнительной и просроченной задолженности за анализируемый период в рассматриваемых банках, которое объясняется усилением неплатежеспособного спроса на долгосрочные банковские кредитные ресурсы со стороны населения и субъектов хозяйствования.

Следствием борьбы банков с массовой неплатежеспособностью клиентов было ужесточение условий долгосрочного кредитования, что сопровождалось повышением процентных ставок по кредитам (до 55%), уменьшением срока кредитования (до 3-5 лет), увеличением первоначального взноса (до 50%) и т.д. Усилились требования к оценке кредитоспособности клиента, велась постоянная работа с проблемными заемщиками, и приостановились некоторые программы долгосрочного финансирования.

В целом, в начале 2009 года внешний дестабилизирующий фактор – финансовый кризис – существенно отразился на показателях роста выдачи долгосрочных кредитов и сомнительной, просроченной задолженности по ним. Данные два параметра характеризовались прямо противоположными результатами: темп роста долгосрочного кредитования сокращался, сомнительная и просроченная задолженность по ним росла. В сложившейся ситуации банки, в первую очередь, вели активную работу с проблемными заемщиками для снижения и по возможности ликвидации просроченной задолженности, которая являлась одним из основных факторов установления жестких условий долгосрочного кредитования.

После включения г. Севастополя в состав Российской Федерации, анализ кредитного портфеля банков, работающих в г. Севастополе показал (рис. 2), что в области долгосрочного кредитования банки в основном ориентированы на выдачу потребительских кредитов. У восьми из десяти рассмотренных банков потребительские кредиты занимают наибольший удельный вес в структуре долгосрочного кредитного портфеля. Банки зачастую предоставляют потребительские кредиты сроком до трех лет и только клиентам своего банка, т.е. под зарплатный проект. В долгосрочном кредитном портфеле у двух банков наблюдается преобладание кредитов, выданных юридическим лицам: КБ «Финансовый стандарт» и ОАО «Севастопольский морской банк». Кредитная политика банков с позиции долгосрочного кредитования направлена на финансирование субъектов хозяйствования, где КБ «Финансовый стандарт» в основном предоставляет долгосрочные кредиты индивидуальным предпринимателям, а ОАО «Севастопольский морской банк» – крупным предприятиям, которые являются клиентами – заемщиками банка в течение длительного периода времени. Двое из рассмотренных десяти банков в структуре долгосрочных кредитов имеют ипотечные кредиты, из них ОАО «Севастопольский морской банк» и ПАО «РНКБ». Только у ОАО «Севастопольский морской банк» наблюдается остаток задолженности по ипотечным кредитам, выданным ранее. ПАО «РНКБ» предоставляет ипотечные кредиты и тем самым реализует ипотечные программы.

Долгосрочный кредитный портфель российских банков, работающих в г. Севастополе с 2014 года, по сравнению с давно работающим на рынке банковских услуг Севастопольским банком ОАО «Севастопольский морской банк», сформирован в незначительном объеме в основном за счет потребительских кредитов. Это связано, прежде всего, с тем, что банки в первую очередь стремятся нарастить ресурсную базу, которая будет направляться на выдачу кредитов. А также отсутствие информации о кредитных историях потенциальных заемщиков увеличивает кредитный риск клиента и значительно снижает степень кредитной активности банков.

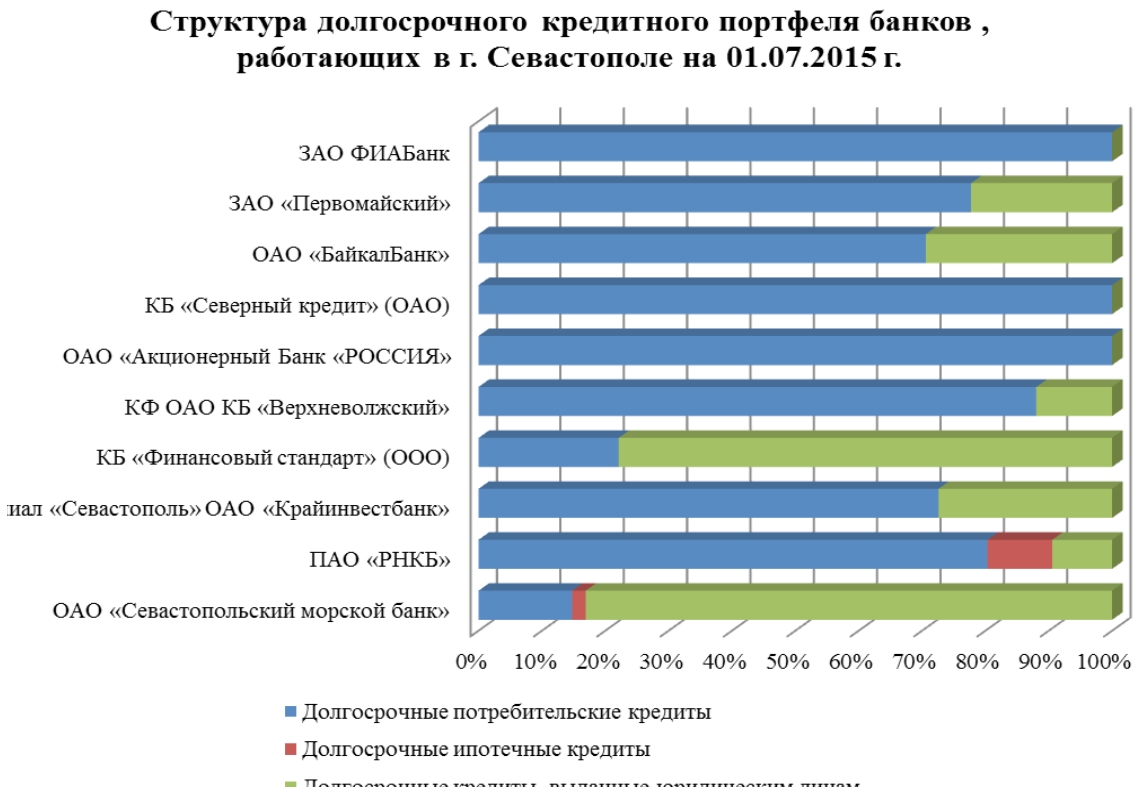

Рисунок2. Структура долгосрочного кредитного портфеля Севастопольских банков на 01.07.2015 г.

Банки заинтересованы в наращении объемов долгосрочного кредитования как одного из основных источников долгосрочных доходов банка. Для создания благоприятных условий работы банков в области долгосрочного кредитования необходимым является реализация мероприятий по следующим направлениям:

1. Повышение платежеспособного спроса на банковские долгосрочные ресурсы со стороны населения и субъектов хозяйствования, которое возможно достичь с помощью:

- активной работы банка с каждым клиентом в индивидуальном порядке в период освоения ими кредитных банковских ресурсов с применением мер, способствующих погашению долга по данным кредитам;
- более тщательного подхода к оценке кредитоспособности заемщика в момент выдачи кредитов на длительный срок с возможным составлением прогноза изменения его кредитоспособности с учетом получения долгосрочных кредитных ресурсов и их целевого использования.

2. Увеличение доступности долгосрочных кредитов банками путем:

- изменения стоимости кредитных банковских ресурсов в сторону сокращения ставок;
- увеличения сроков кредитования;

- снижения величины первоначального взноса по долгосрочным кредитам;
- возможного сокращения дополнительных затрат, связанных с оформлением кредитного дела (особенно обратить внимание на стоимость услуг нотариуса и страховых компаний);
- внедрения, реализации и развития таких программ долгосрочного финансирования как лизинговое и инвестиционное кредитования;
- стимулирования на уровне государства долгосрочного кредитования отечественного производителя.

3. Применение тщательного подхода к оценке и управлению рисками долгосрочного кредитования, включая:

- оценку и мониторинг кредитного риска при долгосрочном кредитовании;
- анализ частных рисков, присущих долгосрочным кредитам;
- расчет уровня риска банковского долгосрочного кредитования.

Реализация данных мероприятий будет способствовать развитию и расширению программ долгосрочного кредитования, что найдет свое отражение в стабилизации долгосрочного кредитования банками и развитии экономики региона в целом.

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ: ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е.Н. Заборова –
профессор, д.социол.н.,
профессор кафедры социологии
и технологий государственного и
муниципального управления Уральского
федерального университета

Успешность реализации любой политики во многом зависит от культуры населения. В современную эпоху наиболее существенным элементом культуры можно назвать культуру информационную. Ключевым и базовым компонентом информационной культуры является информация, которую граждане получают из различных источников. Информация поступает через множество каналов и может быть как случайной, так и неслучайной, полученной в результате более или менее осознанного выбора. Второй вариант – сознательно выбираемая информация – представляется наиболее существенным для научного анализа, так как такой выбор свидетельствует об определенном уровне развития населения и является выражением его потребностей и интересов.

В рамках работы по гранту РГНФ [1] мы попытались ответить на ряд вопросов, касающихся информационной культуры. В частности, нас интересовало, какая информация наиболее интересует население Свердловской области, какими информационными каналами пользуются граждане, как оценивают информацию с точки зрения ее достоверности и полезности, какие эмоции вызывает потребляемая информации и как они используют ее в повседневной жизни. Полученные данные позволили выявить ряд существенных трендов в современной информационной культуре населения в целом и в отдельных типах поселений. В данной публикации мы вынуждены ограничиться только одним сюжетом – анализом спектра интересов к различной информации и целям ее выбора.

Население Свердловской области в основной своей массе предпочитает два вида информации – информацию развлекательную (62,7%) и информацию политическую (62,2%); затем – с существенным отрывом – экономическую и культурно-духовную (40,2% и 36,7%); 32,5% граждан выбирают информацию бытового характера; 28, 3% – спортивную, и меньше всего их интересует реклама (таб.1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос:
«Какая информация Вас обычно интересует?»

N:	Значения:	% отв.
1	Развлекательная (кино, музыка, шоу, компьютерные игры)	62,7
2	Политическая (информация о внутренней и внешней политике)	62,2
3	Экономическая (события в экономике, курсы валют и пр.)	40,2
4	В социально-духовной сфере (культура, образование)	36,7
5	Спортивная	28,3
6	Рекламная (информация для покупки товаров, услуг)	14,2
7	Бытовая (домоводство, садоводство)	32,5
8	Другая	2,2
	Сумма:	279,0

Комментируя полученные данные, отметим, что выявленный приоритет в выборе политической информации еще раз подтвердил хорошо известный факт политизированности российского населения. Наши граждане интересуются политикой, активно смотрят, слушают и читают информационные ресурсы на политические темы.

Более всего привлекает граждан развлекательная информация (шоу, концерты, викторины, фильмы и пр.). Анализируя полученные результаты, можно предложить несколько интерпретационных версий (которые нуждаются в углубленной эмпирической проверке).

Во-первых, предпочтение информации, связанной с развлечениями, может означать уход от чрезмерных сложностей повседневной жизни, от проблем, забот и противоречий современной российской действительности. Усложняющаяся, нестабильная экономическая ситуация, внешние и внутренние политические и социальные проблемы страны, несомненно, находят отражение в жизни каждого человека. В этой ситуации развлекательная информация выполняет компенсаторную функцию, заменяя негативную, тревожную экономическую и социально-политическую информацию на информацию более позитивную.

Во-вторых, приоритет в интересах к развлекательной информации можно интерпретировать как характеристику уровня развития граждан. Согласно широко известной и общепринятой теории А. Маслоу, человек развивается от низших физиологических потребностей (еда, размножение,

развлечения, общение) к более тонким и сложным духовным потребностям, к самореализации и саморазвитию. Развлекательная информация, как правило, не требует от человека большого напряжения его умственных способностей, не нацелена на предоставление новых и развивающих знаний, но она доставляет удовольствие и успешно имитирует удовлетворение таких базовых потребностей человека, как потребности в безопасности, в самосохранении, сексуальные потребности, в целом создается иллюзия адаптации к окружающей среде. Эти, несомненно важные потребности должны быть реализованы, и информация развлекательного плана представляется виртуальным каналом их удовлетворения.

В-третьих, приоритет в выборе развлекательной информации может означать способ переключения, форму отдыха, выполнять функции релаксации. В этом случае человек не столько стремится забыть тяготы жизни, сколько выбирает после напряженного трудового дня пассивный, мало обременительный и эмоционально позитивный отдых.

Возможно, можно обозначить и другие функции развлекательной информации. Все они, как и названные выше, нуждаются в дополнительной проверке, требуют более углубленных исследований.

Если посмотреть на этот вопрос в разрезе поселений, то выявленная тенденция в целом не нарушается: и в мегаполисе и в сельском поселении также преобладает интерес к развлекательной и политической информации.

В то же время обнаруживаются некоторые нюансы в отношении различных типов поселений (таб.2).

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Какая информация Вас обычно интересует?»
(в разрезе городских и сельских поселений, %) V Крамера=0,069 значим

Индикатор	мегаполис	крупный	большой	средний	малый	сельское поселение
Развлекательная (кино, музыка, шоу, компьютерные игры)	22,7	17,1	23,8	23,5	22,0	23,3
Политическая (информация о внутренней и внешней политике	23,0	21,0	20,5	24,0	22,4	20,4

Экономическая (события в экономике, курсы валют и пр.)	16,6	17,1	10,6	15,6	12,3	11,8
В социально-духовной сфере (культура, образование)	12,8	13,3	19,9	12,8	12,3	13,1
Спортивная	10,6	10,5	11,9	8,9	9,7	9,4
Рекламная (информация для покупки товаров, услуг)	5,2	7,6	6,0	5,6	5,3	3,2
Бытовая (домоводство, садоводство)	8,4	12,4	6,0	8,9	15,3	17,7
Бытовая (домоводство, садоводство)	0,6	1,0	1,3	0,6	0,7	1,1
Сумма столбца:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Мегаполис Екатеринбург в плане развития его институциональной, социокультурной и бытовой среды, несомненно отличается от других городов большей насыщенностью, разнообразием, в том числе – разнообразием предлагаемых горожанам информационных источников. Но при этом наше исследование не выявило каких-либо существенных различий в приоритетах выбора информационных тем, хотя можно заметить некоторые отставание в интересе к бытовой (8,4%) и рекламной информации (5,2%).

Специфика Свердловской области заключается в том, что равное количество его жителей (примерно по 40%) проживает в двух типах поселений – в городе-миллионнике Екатеринбурге и в малых и средних городах. В этой связи возникает вопрос: существуют ли различия между группой средних и малых городов и мегаполисом?

Полученные данные показывают, что существенных различий нет, с несущественной разницей (примерно в 4%) в среднем и малом городе люди больше склонны интересоваться бытовой информацией, и меньше – экономической, социально-духовной и спортивной.

Сравнение интересов жителей мегаполиса и жителей села показывает, что в сельских поселениях меньше интересуются политикой, экономическими новостями, рекламой, но существенно больше – информацией бытового

плана: если в мегаполисе такой информацией интересуется 8,4% жителей, то в сельских поселениях – 17,7%.

В целом можно сделать вывод: интересы жителей разных типов поселений в выборе информации хотя и имеют некоторые различия, в то же время скорее гармонизированы, существенно не отличаются.

Сопоставляя ответы респондентов на вопрос о целях поиска информации с ответами на вопрос об интересующей их информации, мы обнаружили явное противоречие: люди ищут информацию, прежде всего, для самообразования, саморазвития, расширения кругозора, чтобы быть в курсе происходящего, для работы и для быта, в то время как реальный интерес связан с развлекательной и политической информацией (таб. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос:
«С какой целью Вы обычно занимаетесь поиском, сбором информации?»

N:	Значения:	% отв.
1	Для расширения кругозора, самообразования, саморазвития	67,0
2	Чтобы быть в курсе происходящего	66,2
3	Информация необходима для работы	45,3
4	Для поиска нужной в быту информации	39,8
5	Для досуга, развлечения	32,5
6	Для совершения покупок, приобретений	26,0
7	Информация необходима для учебы	24,8
8	Чтобы иметь темы для общения с родственниками, друзьями	15,0
9	Другая	0,2
10	Затрудняюсь ответить	1,1

Представленные в таблице 3 результаты отражают мнение всего населения области, при этом значимых различий между типами поселений не выявлено (V Крамера=0,059 незначим).

Зафиксированное противоречие требует определенных комментариев. Можно предположить, что здесь проявляется феномен завышенной самооценки – люди высказывают серьезные и важные цели поиска информации (самообразование, саморазвитие), в то время как на самом деле более склонны потреблять информацию развлекательного и политического плана. Другими словами, они хотят показаться в более выгодном свете. Но также возможна и другая интерпретация – население не получает из информационных источников того, на что они нацелены: они хотели бы получать информацию важную для их духовного роста, труда и быта, а интересной оказывается

развлекательная и политическая информация. В этом случае можно поставить вопрос об эффективности работы средств массовой информации, о том, почему эфир и печатные издания заполнены развлекательными передачами, темами и сюжетами. А. Менегетти писал: «Достаточно взглянуть на культуру и средства массовой информации, чтобы увидеть их постоянный отрыв от реальности. Форма подачи материала становится самоцелью и служит наведению глянца на очередной лозунг дня. … Причин этому много, но для меня очевидно то, что происходит осознанная подача утрированной информации с целью вызвать больше эмоций» [2; 38-39].

Список литературы:

1. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Информационная культура населения Свердловской области: поселенческий и демографический аспекты» № 14-13-66013
2. А. Менегетти. Мудрец и искусство жизни. Россия: Пермь. Хортон Лимитед. 1993.

МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ РЕГИОНА ОСВОЕНИЯ

Л.Н. Захарова –
д.филос.н., профессор кафедры СКД, культурологии и социологии Тюменского государственного института культуры

Выражение региональная культура не совсем привычно в культурологической практике. Есть мнение, что такое понятие в эпоху интенсивных информационных коммуникаций не имеет смысла. Но реальность свидетельствует о том, что региональная культура существует независимо от каких-либо мнений о ней. Российской культуре свойственна мозаичность, существование многих культурных центров. Известны слова В. О. Ключевского о том, что вся история России – это история колонизации. В российской науке XX века утвердился другой термин – освоение. Продолжая мысль знаменитого историка, можно сказать, что история России XX века – это история освоения новых земель, новых регионов, географического и культурного пространства. Пример такого региона освоения связан с разработкой и обустройством месторождений нефти и газа на севере Тюменской области во второй половине XX века.

Культура освоения новых территорий до сих пор мало исследована. Между тем, у нее другой цикл, другая динамика, ценности, нежели у культуры устоявшейся, традиционной. Она обладает, как своеобразием, так и общими, повторяющимися чертами. Хотя понятие регион употребляется чаще всего в социально-экономическом значении, регион – это и культурная общность, густая сеть культурных взаимодействий, взаимовлияний, в результате которых формируется некое единство, называемое региональной культурой, культурным пространством региона. Несмотря на свою мозаичность и разнообразие, культура региона представляет собой определенную систему. Так, И. Ф. Петров и Н. Н. Ге выделяют следующие ее признаки. Во-первых, это устойчивая целостность, находящаяся во взаимосвязи с обществом. Во-вторых, это система, обладающая динамичностью, целевым характером, отвечающим ее внутренней потребности в самосохранении и устойчивости. В-третьих, региональная культура состоит из ряда подсистем, каждая из которых имеет особый набор элементов. В-четвертых, региональная культура обладает рядом определенных способов регулирования и саморегулирования и, следовательно, формой управления [1;19]. Соглашаясь с предложенными элементами, вместе с тем отмечаем и такую особенность региональной культуры, как наличие объединяющей идеи. В целом в России в настоящее время не существует единой национальной идеи. Но региональная культура, по сути, невозможна без таковой. Именно идея дает единство региональной культуре, превращает ее из разрозненных субкультур в единую систему.

В Тюменской области во второй половине двадцатого века сформировалась идея исключительности, значимости региона в экономике не только России, но и Европы. Воплощенная идея о богатейших месторождениях стала центрообразующим фактором культуры нового региона. «Тюмень – передовой край страны» – эта мысль сформировалась в 70–80-е гг. прошлого века и сплотила многих людей разных профессий, возрастов, субкультур. В процессе геологоразведочных работ на нефть и газ в Тюменской области происходило становление и совершенствование форм и методов разведки недр, возникали новые задачи перед инженерами и учеными. Кроме геологов, нефтяников, газовиков в необычных условиях осваивали новые виды деятельности авиаторы, строители автомобильных и железных дорог, мостов и городов. Везде нужны были новые, нестандартные способы деятельности, что стало условием выживания в новом регионе.

К концу прошлого века Тюменская область обеспечивала свыше 2/3 общего объема нефти и газа в России. Темпы освоения недр Тюменского региона ученые называют феноменом, поскольку в геологоразведке, бурении и обустройстве месторождений принимала участие вся страна.

Период освоения, особенно начальный, кроме объединяющей идеи характеризуется также наличием героических личностей. В регион нового освоения устремляется много людей «мессианского» и «героического» типа. Такие люди были в истории всех цивилизациях и стран. Большинство из них были настоящими героями, которые в экстремальных условиях совершали необычные поступки, несущие блага другим людям. Неустроенный быт, отсутствие привычной культурной среды не останавливали их, а, напротив, побуждали открывать и обустраивать новые территории. Первопроходцы отличались мобильностью, стремлением использовать новые технологии, осуществлять прорыв в научной, технической и социальной сферах. Если в местах традиционного проживания творческая активность нужна в профессиональной деятельности для удержания лидерства, в конкуренции, утверждения себя, самореализации, то в местах освоения новых территорий это условие жизни. Определяющей чертой сибирского феномена является высокий профессионализм людей, увлеченных идеями поиска и открытия. В настоящее время им установлены памятники, их именами названы месторождения, улицы и города. Идея новизны, сильных впечатлений, «живой» работы, возможности проявить себя в достойном деле, привлекли многих высококвалифицированных специалистов в регион освоения. Если проанализировать личные качества первого потока «покорителей» новых территорий, то можно заметить такую тенденцию: в область приехало много высококлассных специалистов – ученых и практиков из Баку, Башкирии, Томска (районов с «устоявшимися» методами работы в геологоразведке, нефтяной и газовой промышленности). У большинства приехавших были хорошие должности, оклад, статус на прежнем месте работы и жительства. Возможность испытать себя на новом,

необжитом месте, применить нестандартные методы деятельности привлекла в регион освоения многих специалистов. Субъектами освоения стали в основном представители технической интеллигенции.

Обобщенный тип первопроходца в культурологической литературе назван «строителем»: «строитель был целеустремлен, смысл его жизни заключался в наращивании освоения нефтяных ресурсов и обустройстве территории под освоение» [5]. Складывавшийся в регионе тип личности своим появлением во многом обязан и героическим мифологическим сюжетам, рассказам о подвигах и деяниях конкретных исторических личностей и легендарных героев, почитаемых на данной территории и закрепленных в фольклоре, в традициях. Источник их может быть в культурной памяти, традиционных представлениях, вдохновляющих идеях, мифах, которые являются коллективным продуктом, культурной универсалией. Миф в силу своей универсальной структуры может заполняться различным содержанием, актуализироваться в разные эпохи. Как правило, мифы связаны с историческими событиями, известными личностями. Актуализация мифо-героического произошла в частности, в период освоения новых нефтегазовых территорий тюменского региона во второй половине прошлого века.

Какие же мифы актуализировались в это время? Первый миф. Сибирь – раздольный край, источники сырья, нетронутой природы, а «сибирский характер» – это пример естественности, крепости и чистоты духа. Символом этого мифа была фигура Ермака, обстоятельства его похода, подробности исторических условий освоения Сибири, когда «Ермак с обетом доблести и целомудрия, при звуке труб воинских, 1 сентября 1581 года отплыл рекою Чусовою к горам Уральским , на подвиг славы , без всякого содействия, даже без ведома государева…» [3;760]. Так писал Карамзин, и это историческое событие стало необходимым для людей в XX веке. В регионе появляются новые памятники Ермаку, выпускаются книги, обсуждается его личность, создаются живописные работы. «Героический образ — всегда ретроспектива, идеализация уже случившегося, апелляция к истории, аналогичная к апелляции к культу предков» [4;15].

На основе старых рождались и новые мифологемы. Одна из них основывается на уверенности причастности к истории, к тому, что она делается именно в этом регионе. Так, один из героев 80-х годов – бригадир комплексной строительной бригады треста Самотлорнефтепромстрой Н.П.Нежданов так прокомментировал любопытство иностранных туристов, приезжающих в Москву: «- Смотрят на историю. Приехали бы к нам в Нижневартовск, на Самотлор, посмотрели бы, как история создается» [2].

Многим «первопроходцам» было присуще чувство исключительности, избранности, мессианства («только благодаря разведке и ускоренной добычи нефти и газа в регионе удалось спасти экономику страны»).

Одновременно растет количество людей, которым присваивалось звание Героя Социалистического труда за производственную деятельность. Начиная с начала 60-х до начала 80-х, только в газовой промышленности появилось 25 таких Героев. Выходит ряд теоретических работ, посвященных феномену героического [2].

Еще один источников мифов – представление о Сибири как о «русской Америке», стране предприимчивых людей, с сильным здоровым характером, которые при этом лишены высокомерия по отношению к другим сибирским народам. Многие молодые люди, приехавшие в тюменский регион в период освоения, были воодушевлены «культурными героями» Джека Лондона.

Конечно, не все люди, хлынувшие в регион в период освоения, были вдохновлены этими культурными и историческими героями. «Этика утилитаризма» также была сильна в регионе и остается сильной и дол сих пор. Многие имели вполне прагматические цели: заработать денег, купить дом, машину, вернуться на «Большую землю». Вахтовый метод работы способствовал формированию психологии «временщиков».

И все-таки не они определяли общий настрой в регионе в начальный период освоения. А именно те, кто был вдохновлен идеей, высокой или романтической. Наличие общей вдохновляющей идеи, носителями которой были интеллигенты, молодежь, профессионалы, желающие применить свои знания и умения в достойном деле, способствовало формированию особого настроения, духа региональной культуры.

Список литературы:

1. Ге, Н. Н. Региональная культура как система / Н. Н. Ге, И. Ф. Петров // Культурное пространство региона: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 14–15 апр. 2005 г. / отв. ред. М. А. Капеко. – Тюмень: Мандр и К, 2005. – 368 с.

2. Героическое в буднях./ Ф. А. Селиванов.127 с. Свердловск Сред.-Урал. кн. изд-во. 1980

3. Карамзин Н.М. История государства Российского. – М.: Изд-во Эксмо, 2002.-1024 с.,илл.

4. Континуум культуры регионов. Коллективная монография. / Отв. редактор Л. Н. Захарова. — СПб: Эйдос, 2012. — 637 с.

5. Павлов, А. В. Региональная культура как пространство смыслов / А. В. Павлов, Е. Н. Яркова // Культурное пространство региона: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 14–15 апр. 2005 г. / отв. ред. М. А. Капеко. – Тюмень: Мандр. и К, 2005. – 368 с.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ В РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

С.А. Ильиных –
д.социол.н., профессор Новосибирского государственного университета экономики и управления

Г.Г. Лазарев –
консультант отдела социологии информационно – аналитического управления мэрии города Новосибирска

Тема предпринимательства для России в настоящее время является весьма актуальной. Это связано, во-первых, с развитием малого и среднего бизнеса. Во-вторых, с продвижением и активизацией молодежного предпринимательства. Стоит указать, что развитие малого и среднего бизнеса важно как с точки зрения создания новых рабочих мест, так и с позиции ряда экономических преимуществ, позволяющих успешно конкурировать на рынке с крупным бизнесом. К ним относятся: быстрая оборачиваемость средств; экономия средств за счет снижения затрат на содержание аппарата управления; свобода действий исполнителей, взаимозаменяемость работников; гибкость, умение быстро перестраиваться и реагировать на изменение внешней среды; восприимчивость к инновационной деятельности; способность идти на риск. Эти и некоторые другие характеристики малого и среднего бизнеса придают им принципиальные преимущества.

Однако становление предпринимательства в России – длительный процесс. Так, О.В. Перепелкин выделил три волны. Первая состоит из советских предпринимателей, имевших черты прирожденных бизнесменов, но занимавших периферийное положение в обществе по национальному, возрастному, социальному признакам. При этом в первой волне доля крупных бизнесменов составила 48%, а представителей малого и среднего бизнеса – 18% [1 , с. 36].

Достаточно быстро, примерно за два года, сформировалась вторая волна. Ее составили те, кто также начинал дело с нуля (прирожденные предприниматели, как и первый тип). Но если в первой волне преобладали люди, пришедшие в бизнес потому, что «не могли иначе», то во второй волне все чаще возникали социальные типы, которые пытались реализовать себя в деле, не задумываясь об экономической эффективности. Начиная с 1989 года в среде предпринимателей появляется «начальство», которое основывало чаще всего совместные предприятия (СП), коммерческие банки, биржи, в отличие от первых, ориентированных на кооперативы. Как указывает О.В. Перепелкин, часть представителей этого типа была просто

назначена на «предпринимательские посты». Во второй волне насчитывалось 36% крупных предпринимателей и 44% мелких и средних бизнесменов. После августа 1991 года бизнес превращается в почетное занятие, где наряду с «прирожденным предпринимателем», «предпринимателем-идеалистом» (первая волна) и «начальником» (вторая волна) появился новый тип – «массовый предприниматель» (40% малый бизнес и 13% крупных предпринимателей [1,с. 36].

Стоит сказать, что предпринимательством сегодня оказались заняты представители разных социальных групп, социальных страт. Несмотря на это, в общественном мнении сложился преимущественно негативный образ предпринимателя. Показательно, что об этой проблеме указывается даже в Концепции Стратегии развития молодежного предпринимательства в Российской Федерации на период до 2020 года. Здесь указывается, ключевая проблема в настоящее время заключается в том, что в обществе предприниматель воспринимается как «человек, которого куда-либо ведут в наручниках либо обвиняют в нарушении закона» [2, с.23]. Это, безусловно, не может не сказываться на привлечении в этот вид деятельности молодежи.

Это подтверждается и результатами исследования. Так, по данным института комплексных стратегических исследований (ИКСИ), 78% опрошенных молодых людей считают открытие малого бизнеса отличным способом самореализации, 60% предпочитают собственный бизнес, рассчитывая на получения более высокого уровня дохода по сравнению с работой по найму. Однако сегодня только 3% молодых людей имеют собственных бизнес [3, с.11].

Стоит сказать, что причин сдерживания может быть достаточно много. Это могут быть и условия общества потребления [4]. Само общество потребления является в некотором смысле продуктом предпринимательства. Но и предпринимательство поддерживает это общество. Кроме того, причинами сдерживания могут быть гендерные факторы [5]. Еще одной из причин сдерживания может быть культура ведения бизнеса (см. работу [6]). Однако, как нам представляется, основная причина коренится во взаимодействии с государством. Итак, попытаемся разобраться с некоторыми причинами сдерживания предпринимательства в целом.

Эмпирическое изучение темы

В июне 2015 года отделом социологии информационно – аналитического управления мэрии города Новосибирска (при участии авторов статьи) было проведено исследование предпринимателей города Новосибирска. Задача исследования заключалась в оценке эффективности ведомственной целевой программы «Развитие и поддержка малого и среднего предпринимательства в городе Новосибирске» на 2014-2016 годы, выявление актуальных проблем предпринимателей и возможных ориентиров при выборе способов содействия предпринимателям.

В опросе приняли участие 400 директоров и собственников новосибирского малого и среднего предпринимательства (в том числе индивидуальные предприниматели). Выборочная совокупность строилась с учетом таких критериев, как форма собственности и сфера деятельности. Сфера деятельности рассматривалась в соответствии с классификатором ОКВЭД.

В исследовании были изучены несколько важных тем. Представим результаты лишь некоторых их них.

Мы изучили мнение предпринимателей по поводу существующих государственных программ разного уровня. Оказалось, что взгляды неоднозначные. Если 37,5% согласны с тем, что рассматриваемые программы способствуют развитию предпринимательства, то 42,5% опрошенных имеют прямо противоположную точку зрения. Большую надежду на государство в вопросах поддержки предпринимателей возлагают компании сфер «Производство» и «Гостиницы и рестораны». В то же время, торговые, строительные и транспортные компании не испытывают доверия к эффективности такой поддержки.

ольшинство представителей малого и среднего бизнеса (59,3% опрошенных) не задумывались о возможности участия в подобных программах. Вместе с тем и явного негатива по отношению к ним не прослеживается: 29,8 % респондентов ответили положительно и только 11,0% не интересует участие в них. Чаще планируют стать участниками программ поддержки предпринимательства компании сфер «Гостиницы и рестораны» (в 38,5% случаев) и «Торговля» (в 31,1% случаев). Меньший интерес по сравнению с остальными проявляют транспортные компании (в 29,0% случаев).

Мы поинтересовались тем, какие программы финансовой поддержки вызывают интерес (этот вопрос, безусловно, был адресован тем, уже проявил заинтересованность). Оказалось, что 32,8% опрошенных хотели бы воспользоваться грантами, субсидиями, льготным кредитованием. Показательно, что 51,3% еще не могут точно определиться с типом финансовой поддержки.

Вероятно, это связано еще и с тем, что эффективность конкретных мер по оказанию поддержки и развитию малого и среднего предпринимательства, принятых в 2014 году в г.Новосибирске, оценивается неоднозначно. Мы выяснили, что примерно равное количество отпрошенных высказались положительно, отрицательно и не определились.

Что касается актуальных проблем бизнеса, то на первое место выходят высокие налоги (61,1%), невозможность получения финансовых ресурсов (56,5%) и нестабильность курса рубля (61,3%). В отношении оценки преодоления препятствий во взаимоотношениях государства и бизнеса предприниматели отмечают неэффективную борьбу со стороны государства с трудностями для бизнеса.

Из положительных моментов стоит отметить, что большая часть респондентов практически никогда не сталкивалась с административным давлением. На вопрос: «С каким уровнем власти предпринимателю чаще приходится выстраивать неформальные отношения» 61,8% ответили, что выстраивают только формальные отношения, 15,5% – с представителями местной власти, 13,0% – со всеми понемногу, 1,5% – с представителями областной (региональной) власти, 0,8% с представителями федеральных структур, 0,4 % выбрали другой вариант, ещё 7,0% -затруднились ответить на данный вопрос. А на вопрос: «Сталкиваетесь ли Вы в своей предпринимательской деятельности с административным давлением» 18,5% бизнесменов ответили редко, 16,5% – время от времени. Лишь 4,8% испытывают такое давление постоянно. Практически никогда с ним не сталкивались 58,0% руководителей. Причем значимо чаще сталкиваются с административным давлением компании из сферы строительства (14,0% из этой категории ответили часто), реже – транспорта и связи (73,3% из этой категории практически никогда не сталкивались с ним), торговли и ремонта (3,1% из них выбрали вариант часто). Также чаще, чем другие давление испытывают компании, осуществляющие свою деятельность более 5 лет. 8,8% из этой категории испытывают давление часто. Те, кто проявляет социальную активность, сталкиваются с административным давлением значимо реже.

Одной из главных проблем, волнующих предпринимателей, оказалась нехватка нужных специалистов. 57,8% всех опрошенных заявили о ней. Лишь 26,3% данная проблема не затрагивает.

О существовании каких – либо предпринимательских сообществ хорошо известно только 15,0% всех опрошенных. На открытый вопрос: «О существовании каких сообществ по поддержке и развитию предпринимательства в Новосибирске Вы знаете» 79,3% всех предпринимателей ответили, что не слышали и не знают о них. Тем не менее, остальные предприниматели смогли вспомнить более 30 сообществ, самые популярные из них – организации, образованные городской и областной властью.

Интернет – портал www.MispNsk.ru имеет небольшую популярность среди предпринимателей. 71,8% о нем услышали впервые, хотя и предпочитают получать информацию из интернета. Тем не менее, сайты и порталы мэрии посещают около 35,0% респондентов. На первом месте среди часто используемых источников информации – интернет (58,5 %) и друзья и знакомые (49,0%).

Рассматривая тематику предпринимательства, нельзя не коснуться и еще одной важной темы – социальной ответственности. Респондентам был задан вопрос: «Что, по-Вашему мнению, означает выражение «Социальная ответственность бизнеса?». По мнению владельцев и директоров малого и среднего бизнеса, социальная ответственность – это, прежде всего,

надлежащее и добросовестное выполнение своей работы: соблюдение законов (93,8% всех опрошенных), честность, добросовестность, ответственность (93,3%), гарантия качества продукции (92,8%), выплата налогов в полном объеме (90,5%). Предприниматели понимают важность социальной ответственности бизнеса и готовы ее проявлять не ради выгоды. Так, на вопрос «Готовы ли Вы проявлять социальную ответственность как субъект предпринимательства не ради выгоды» 58% ответили, что уже проявляют подобную активность, еще 19,3% готовы это делать.

Подведем итоги. В рамках представленной статьи мы вкратце теоретически описали состояние проблемы предпринимательства в России. В ходе эмпирического исследования выявили некоторые проблемные аспекты, которые связаны с недостаточной развитостью этого вида деятельности в России. Стоит сказать, что данная проблематика столь обширна, что требует дальнейшего глубокого исследования.

Список литературы:

1. Перепелкин О. В. Российский предприниматель: штрихи к социальному портрету // Социологические исследования. – 1995. – № 2. – С. 35-40.

2. Концепция Стратегии развития молодежного предпринимательства в Российской Федерации на период до 2020 года. [Электронный ресурс]: URL: www.ccitula.ru/userfiles/file/MSB/проект_20_05_2012.doc (Дата обращения: 06.03.2015)

3. Власов Г.Ю. Развитие молодежного предпринимательства на современном этапе // Российское предпринимательство. – 2011. – № 10. – Вып. 2 (194). – С. 11-16.

4. Ильиных С.А. Ключевые понятия общества потребления: исследование с позиции социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – Т. XIV. – № 5. – С. 29-40.

5. Ильиных С.А. Гендерная концепция организационной культуры / автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / Новосибирский государственный университет экономики и управления. – Новосибирск, 2009.

6. Ильиных С.А., Бондаренко Н.А. Управленческая культура бизнес-организаций: социолого-управленческий подход // Идеи и идеалы. – 2013. – Т. 1. – № 4. – С. 146-152.

АРКТИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ РОССИИ (СССР): ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00300

В.П. Карпов –
д.ист.н., профессор
Тюменского государственного
нефтегазового университета

Современной России достался в наследство от СССР богатый опыт государственной северной политики. Новые политические, социально-экономические и демографические реалии вовсе не означают, что в XXI веке не нужно этот опыт изучать. К нему следует возвращаться не только для того, чтобы выбраться из «колеи» прежних ошибок. Следует помнить о том, что недостаточно современная экономика РФ еще долго не сможет обойтись без углеводородной опоры и жива, главным образом, за счет созданного в 1960-80-е гг. технологического и производственного потенциала, за счет нефти и газа Югры и Ямала, в частности.

Это не призыв к консервации сложившейся ситуации. Напротив, самый сильный сектор отечественной экономики – нефтегазовый комплекс (НГК) мог бы стать тем плацдармом, с которого стартует реальная модернизация страны. А перспективы НГК связаны с продвижением в Арктику. Поэтому необходимым условием предложения новых сценариев развития отечественного Крайнего Севера должна стать инвентаризация научных прогнозов и проектов, предпринятых в рамках разработки советских арктических программ.

В России интерес к Арктике уходит корнями в XVIII век, но самым результативным этапом ее освоения стал советский. Страна остро нуждалась в минерально-сырьевых ресурсах для реализации своих амбициозных планов. В этом отношении Север с его громадным природным потенциалом имел стратегически важное значение, что и определило задачу разработки государственной северной политики. Уже в плане ГОЭЛРО (1920 г.) намечался целый комплекс исследований на Севере. Они касались, в основном, разведки топливных и энергетических ресурсов для удовлетворения местных нужд, но проводились по всем правилам геологической науки и давали новые знания как в поиске там полезных ископаемых, так и в плане комплексного изучения северных территорий.

Экономическое значение Севера еще больше возросло с конца 1920-х годов в связи с набиравшей скорость индустриализацией страны. На I Всесоюзной конференции по размещению производительных сил СССР (Москва, 1932 г.) проблема освоения ресурсов советского Севера была поставлена во весь рост. В резолюции, подготовленной в основном группой

Севера при Госплане СССР, подчеркивалось: 1) в связи с трудностями продвижения в высокие широты и удорожанием здесь работ освоение будет носить очаговый характер; 2) необходим дифференцированный подход к освоению каждого района Севера, с учётом конкретных проблем его отдельных экономических комплексов; 3) освоение Севера следует вести на самом высоком научно-техническом уровне [1; 199].

Эти идеи стали ориентиром при составлении средне- и долгосрочных программ индустриализации Крайнего Севера в 1930-50-е годы. Активная государственная деятельность в Арктике привела к созданию важных для общесоюзной экономики очагов индустрии в виде Норильского горно-металлургического комбината, Ухтинского нефтедобывающего района в республике Коми, золотодобывающих предприятий в Якутии и на Колыме, угледобывающих – на Таймыре и в Печорском бассейне. Получила развитие транспортная инфраструктура и военно-стратегическая программа, основным содержанием которой стало создание Северного военно-морского флота.

Геополитическое значение Арктики стало понятно Российскому правительству уже в годы I Мировой войны, поэтому экономические и военные цели страны в этом регионе были тесно связаны. Необходимость укрепления позиций на Крайнем Севере стала еще очевидней в годы II Мировой войны и в условиях послевоенной конфронтации с Западом. Советское правительство усилило внимание к военному развитию арктической территории. Помимо развития военно-промышленного комплекса всё более важным ресурсом СССР в противостоянии с США и НАТО становилась нефть, поиски которой не прекращались в советском Заполярье даже в тяжелые годы Великой Отечественной войны. Открытие в 1950-60-е гг. новой нефтегазоносной провинции на Севере Западной Сибири стало, по признанию председателя Госплана СССР Н.К. Байбакова, спасением для страны.

К началу 1960-х гг. накопленный научный потенциал, с одной стороны, и выросшие масштабы экономики, с другой, требовали повышения уровня экономического обоснования предложений по Северу. Этой задачей, в числе других, была обусловлена подготовка Генеральной схемы развития и размещения производительных сил страны и ее районов (1960 г.), что было новым опытом в советской практике планирования. Генеральная схема (или Генеральная перспектива) становилась по сути предплановым документом, который характеризовал направления развития единого народнохозяйственного комплекса СССР в отраслевом и территориальном разрезах. Наряду с Комплексной программой научно-технического прогресса СССР, разрабатываемой на 20 лет, Генеральная схема служила исходной базой для подготовки Основных направлений экономического и социального развития СССР на 5, 10 и 15 лет.

В период разработки первой Генеральной схемы Совет по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР провел

научно-практические конференции и совещания в большинстве регионов с привлечением ведущих ученых страны, представителей министерств и ведомств, плановых органов, местных партийных и советских лидеров. Такие конференции были проведены, в том числе, по краям и областям Дальнего Востока (1961 г.), Красноярскому краю (1964 г.), Европейскому Северу (1966 г.), Бурятии, Якутии, Тюменской и Томской областям (1969 г.). На них выдвигались и разрабатывались идеи комплексного развития Севера, учета региональных особенностей взаимодействия природы и человека.

В разработку концепции развития советского Севера в 1950-е-60-е гг. существенный вклад внесла созданная в 1954 г. Межведомственная комиссия по проблемам Севера (МКПС) при СОПС. К работе в МКПС были привлечены сотни научно-исследовательских и проектных институтов, выдающиеся учёные. Независимо друг от друга они пришли к выводу о необходимости учёта интересов северян, решения не только экономических, но и социальных, экологических проблем территории. Ученые образованного в 1957 г. Сибирского отделения (СО) АН СССР разработали программы лечебных и профилактических мероприятий для полноценной жизни северян, предложили зональные карты акклиматизации для населения конкретных районов с соответствующим обеспечением государственными учреждениями и ресурсами.

В 1977 г. по инициативе Президиума СО АН СССР была разработана Программа «Сибирь», которая с 1978 по 1995 гг. в значительной степени определяла тенденции социально-экономического развития северного макрорегиона. В 1979 г. по этой программе был сформирован Научный совет, 6 секций которого обеспечивали координацию исследований и разработок специалистов из более 400 организаций 60-ти министерств и ведомств страны. Секция регионально-экономических программ определила основы формирования главных территориально-производственных комплексов (ТПК) Сибири: Братско-Усть-Илимского, Нижне-Ангарского, Саянского, Верхне-Ленского, Южно-Якутского, Западно-Сибирского (ЗСНГК).

В программе «Сибирь» ученые отстаивали принципы: 1) повышения уровня жизни сибиряков как необходимого условия развития экономики региона и планомерного регулирования демографических процессов; 2) комплексного развития экономики Сибири, подразумевавшего достижение баланса добывающих и перерабатывающих отраслей в регионе при максимально возможной эффективности производства, сокращении транспортных затрат и т. п.; 3) комплексного решения экологических проблем. Природоохранная тематика программы «Сибирь» впервые задавала экологические ограничения при выборе стратегии освоения новых районов или использования минеральных и других ресурсов [2; 202-204].

В 1960-80-е гг. были сделаны первые шаги в комплексном развитии арктических районов: в европейской части страны складывался Мурманский

ТПК, в республике Коми и в Ненецком АО – Тимано-Печорский, на севере Тюменской области – Западно-Сибирский нефтегазовый, в северной части Красноярского края – крупнейший Норильский горно-металлургический комплекс. Если за период до 1960 г. инвестиции в северные районы СССР составили 14 млрд руб., то за двадцатилетие с 1960-го по 1980 г. – более 100 млрд руб. Увеличились и темпы роста северной экономики, что хорошо видно на примере отдельных государственных субъектов. Так, в Коми АССР валовая продукция промышленности выросла в 1960-80 гг. в 2,7 раза, в Якутской АССР – в 4,1, в Эвенкийском автономном округе – в 9,7, в Ямало-Ненецком – в 27,4, в Ханты-Мансийском – в 36,8 раза [3; 103].

Что же мешало развивать эти успехи и дальше? Несмотря на то, что в директивных и распорядительных государственных документах принимались решения, созвучные рекомендациям учёных, с началом каждого конкретного строительства теория расходилась с практикой. Центральным элементом реальной, а не декларативной советской политики по отношению к человеку и природе стал узкий утилитаризм, их безудержная эксплуатация во имя быстрых темпов экономического роста. В полной мере все это отразилось на освоении природных ресурсов Арктики.

Если в 1930-1950-е гг. плановая командная система СССР была вполне конкурентоспособной, то на новом витке научно-технической революции привычные мобилизационные механизмы уже не давали нужного эффекта. Отсутствие достаточных материальных средств и перераспределение властных полномочий в сторону «центра» оставили на бумаге многое, что было наработано учёными и специалистами по проблемам освоения Севера.

В постсоветский период оказалась основательно разрушенной инфраструктура Крайнего Севера, почти на треть сократилось количество обитаемых поселков и городов. Военный плацдарм, созданный здесь в эпоху СССР, в значительной степени утрачен. В 2013 г. президент В. Путин подписал стратегическую программу развития Арктики до 2020 г. Её главные задачи – изучение арктического шельфа, подготовка его углеводородных ресурсов к освоению и формированию на их основе резервного фонда месторождений. Возвращение в Арктику началось с Тюмени, ставшей одним из немногих регионов РФ, где проводится политика новой индустриализации.

Крайний Север Тюменского региона является самым подготовленным российским плацдармом для дальнейшего продвижения в высокие широты, стал катализатором инноваций. На территории Ямала реализуется ряд крупномасштабных проектов, которые могут изменить экономику не только Тюменской области, но и всей РФ. Во-первых, это создание центра по производству сжиженного природного газа (*проект «Ямал СПГ»*). Во-вторых, *строительство морского порта Сабетта*. В третьих, «*Северный широтный ход*» – объединяющее название нескольких участков железной дороги и мостовых переходов, которые требуют строительства или реконструкции.

Все ямальские проекты, кроме экономической эффективности, имеют важный геополитический аспект. Межгосударственная конкуренция за право владения богатствами высоких широт растет и подтверждать прежние достижения в Арктике можно лишь наращивая свое присутствие в регионе, демонстрируя миру не только исторические основания, но и возможности работать в Арктике.

Начавшаяся реализация северных проектов вывела Тюменский регион в число лидеров отечественной экономики. Вместе с тем, Тюмень не сможет развиваться в отрыве от общероссийских и мировых трендов. Ограничителями политики новой индустриализации являются как внутренние, так и внешние факторы. К внутренним относится, в первую очередь, несоответствие качества институтов государственного управления современным требованиям, к внешним – мировой экономический кризис, падение цен на нефть и западные санкции.

Серьезные риски для новой индустриализации Севера создает зависимость отечественной экономики от импортных технологий и оборудования, «экономика дешевого человека». Они родом из СССР, но в постсоветский период не изжиты. В результате крупномасштабного импорта западных технологий в счет кредитов под освоение нефтегазовых ресурсов Западной Сибири страна лишь на время решила проблему технологического обновления производства, оставшись в итоге с быстро устаревающей промышленной базой и ослабевшим научно-техническим потенциалом [4; 86]. Что касается возможности сэкономить на человеке, то в условиях нарастающего в РФ кризиса такое искушение усиливается. Однако в долговременной перспективе задача заставить эффективно работать реальный сектор экономики и науку в соответствии с принципом «максимальная прибыль при минимальных затратах» не имеет решения.

Новые арктические программы нуждаются в серьёзном научном сопровождении с учетом накопленного исторического опыта. Важно иметь в виду и то, что северные проекты не будут эффективными без глубокого прогнозировании состояния экономики, совершенствования институтов власти, создания конкурентной экономики и обеспечения условий для полноценного развития человека, науки и новых технологий.

Список литературы:

1. Траектории проектов в высоких широтах / Под ред. Ю.В. Неёлова и др. – Новосибирск: Наука, 2011.
2. Куперштох Н.А. Проблемы природопользования и охраны окружающей среды в программе «Сибирь» // Проблемы территориальной организации природы и общества: материалы Всерос. науч. конф. – Иркутск, 2012. – С. 200–204.
3. Летопись Севера. Т. 11. – М., 1985.
4. Карпов В.П. Новая индустриализация Тюменского Севера: возможности и риски // Гуманитарные науки в Сибири. – 2015. – № 1. – С. 83-88.

ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ: ТЕРРИТОРИЯ ВРЕМЕННОГО ИЛИ ПОСТОЯННОГО ПРОЖИВАНИЯ?

В.А. Кибенко –
младший научный сотрудник сектора политической географии отдела регионоведения Государственного казённого учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики»

Экономические, геополитические интересы Российской Федерации все шире охватывают российский Север. В 2014 году Указом Президента РФ[1] были определены сухопутные территории Арктической зоны Российской Федерации, (далее – АЗРФ) в которую вошли полностью либо частично девять субъектов РФ. Ямало-Ненецкий автономный округ (далее- ЯНАО, автономный округ, автономия, округ) всей территорией отнесён к АЗРФ, имеет высокую степень урбанизации – 84,7% городских жителей. Современная сеть городских поселений округа сформировалась к концу 80-х годов прошлого века в период активного промышленного освоения (1959-1989 гг.). Сейчас ЯНАО переживает новый виток промышленного, оборонного и социального развития территории, который осуществляется на принципиально новых технологических, экономических, экологических и социальных стандартах. Переход к новой государственной парадигме «от освоения к обживанию» северных территорий- «созданию комфортной социально – бытовой инфраструктуры, достаточной для компенсации ущерба здоровью северян в их постоянном месте жительства; формирование адекватного среде «северного» образа жизни» [1, с. 48], ставит ряд задач по изучению, сохранению и развитию человеческого потенциала.

[1] Указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 “О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации».

В статье проанализированы данные социологического исследования[1] по теме «Региональная идентичность городского населения ЯНАО» [2] в части восприятия автономного округа как места постоянного или временного проживания, желания покинуть территорию и в тоже время преемственности поколений. Автор выражает благодарность сотрудникам департамента внутренней политики ЯНАО Ардышеву А.В., Головешко А.В., Борисик Н.А., Макушевой М.О., и руководителю отдела ВЦИОМ Родину К.С. оказавшим помощь в подготовке полевого этапа работ.

Тюменский север, в период активного промышленного освоения, рассматривался как место временной трудовой деятельности с целью заработать «северные деньги», «северную пенсию». С течением времени трудовые мигранты «оседали» на территории автономного округа, продолжительность их жизни на новом месте составляла от 2-х до 10-ти лет [3]. Возводились города, создавались семьи, поколение «романтиков-первопроходцев» сменялось поколением молодых северян. И сейчас, заработок, материальное благополучие, северные льготы доминируют в ответах респондентов (Таблица 1): 10,4% (72% респондентов) – жизнь в автономном округе в первую очередь связана с работой и заработком, 7% (49,8% респондентов) – это чувствовать себя материально благополучным и обеспеченным человеком, 6,7% (47,7% респондентов) – получать северные льготы, северную пенсию; 4,4% (34,4% респондентов) – делать карьеру, реализовать себя в работе; 3,9% (28% респондентов) – обеспечивать будущие, зарабатывать на переезд в другой регион. Ряд актуальных, на заре промышленного освоения территории округа, факторов – романтика – 2% (14,2% респондентов), бытовая неустроенность 1,7% (11,8% респондентов), отсутствие условий для проведения досуга 1,6% (11,5% респондентов), замыкают таблицу ответов.

[1] Исследование проводилось в соответствии с утверждённым Научным планом Ямало-Ненецкого автономного округа на 2014 год, Планом научной и научно-технической деятельности ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» 2014 год, в рамках мероприятий по проведению в 2014 году на территории Ямало-Ненецкого автономного округа Года гражданского единства (Распоряжение Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 20 марта 2014 года № 122-РП). Руководитель проекта, разработка программы исследования, анализ данных – Кибенко В.А. Научный консультант по вопросам построения выборки и непосредственное участие в разработке анкеты к.с.н Макушева М.О. Объектом исследования выступило городское население ЯНАО, предметом – региональная идентичность. Генеральную совокупность составляет постоянно проживающее городское населения ЯНАО (города – Салехард, Лабытнанги, Губкинский, Надым, Муравленко, Новый-Уренгой, Ноябрьск, Муравленко, Тарко-Сале) старше 18 лет. Выборка квотная, репрезентует генеральную совокупность по основным социально-демографическим признакам (пол, возраст, наличие\отсутствие высшего образование), объем – 2285 респондентов, ошибка выборки составляет p±2%. Так же выборка репрезентует по тем же параметрам население городов Салехард (n=414, p±4,9%), Новый Уренгой (n=531, p±4,3%), Ноябрьск (n=571, p±4,1%). Опрос проведён НТЦ «Перспектива», г. Тюмень, по заказу ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» в октябре-ноябре 2014 года методом формализованного личного интервью по месту жительства. Исследование носило описательный характер.

Таблица 1

Для меня жить на Ямале – это, в первую очередь: … (полузакрытый вопрос, любое количество ответов)			
	Частота	% ответов от опрошенных	% респондентов
… работать, зарабатывать.	1631	10,4	72
… растить детей, заботиться об их будущем.	1246	7,7	55
… чувствовать себя материально благополучным, обеспеченным человеком.	1128	7	49,8
… получать северные льготы, северную пенсию.	1080	6,7	47,7
… чувствовать себя в безопасности и быть спокойными за детей.	935	5,8	41,3
… жить в небольшом городе.	901	5,6	39,8
… жить рядом с северной природой.	765	4,7	33,8
…заниматься зимним спортом, экстремальным туризмом, ходить на рыбалку, охоту, по грибы и ягоды, в походы.	729	4,5	32,2
… ждать отпуска.	728	4,5	32,2
… делать карьеру, реализовывать себя в работе.	712	4,4	31,4
… проводить время с близкими, семьёй, друзьями.	703	4,4	31,1
… обеспечивать будущее, зарабатывать на переезд в другой регион.	634	3,9	28
… преодолевать трудности.	518	3,2	22,9
… иметь возможность путешествовать.	514	3,2	22,7
… дорогие продукты питания, низкое их качество.	497	3,1	22
… жертвовать здоровьем.	429	2,7	18,9
… заниматься любимым делом или хобби.	409	2,5	18,1
… экстремальные погодные условия, дискомфорт.	402	2,5	17,8
… большие затраты на одежду.	372	2,3	16,4
… иметь возможность делать крупные покупки.	328	2	14,5
… романтика.	322	2	14,2
… жить среди особенных людей.	318	2	14
… тяжёлые жилищно-бытовые условия.	267	1,7	11,8
… скучать от того, что некуда сходить, нечем занять досуг.	261	1,6	11,5
… работать в неприятных условиях за не высокую зарплату.	258	1,6	11,4
другое.	12	0,1	0,5

Большинство участников исследования считает ЯНАО постоянным местом проживания. Ответ «не согласен» с утверждением, что автономный округ «не место для жизни, здесь нужно работать, зарабатывать и уезжать» дали 65,5%, согласились с утверждением – 34,5% горожан. Выявлены различия в ответах респондентов в зависимости от возраста[1] и стажа проживания в ЯНАО[2], так жители, имеющие стаж проживания менее 7 лет (66,1%) и 15-24 лет (62,4%), 24-34 лет (68,6%) и 35 и более лет (75,1%) в большинстве считают автономный округ местом постоянного проживания. Мнение группы респондентов имеющих стаж проживания 7-15 лет (57,9% и 42,1% соответственно) несколько отличается. Можно сказать, что группа находится в «пограничном» состоянии с перевесом в сторону «не согласен» с утверждением. Оказывает влияние на позиционирование территории место рождения и город проживания участников опроса. Родившиеся в Тюменской области, Ханты-Мансийском автономном округе (Далее – ХМАО) и ЯНАО, считают автономный округ постоянным местом жительства – 70,6%. Мнения жителей административного центра и крупных промышленных городов распределились следующим образом: Салехард – 72,9% жителей окружной столицы считают ЯНАО местом для жизни, 27,1% не согласны с утверждением; мнения горожан крупных промышленных центров автономного округа разошлись, так жители «газовой столицы» – Новый Уренгой ответили практически поровну – 47,1%, 52,9%; «нефтяной столицы» – Ноябрьск – 70,3%, 29,7%, соответственно.

Рассматривая свои перспективы дальнейшего проживания в ЯНАО, горожане дали следующие ответы на закрытый вопрос «Вы бы хотели уехать с Ямала и жить в другом месте?»: «Хочу ещё пожить здесь, а потом уехать» – 60,9%, «Нет, хотел бы остаться здесь на всю жизнь» – 26,7%, «Хочу уехать при первой возможности» – 12,3%. Таким образом совокупная доля тех, кто собирается сейчас или в перспективе покинуть территорию округа составляет 73,2% горожан. В промышленных городах эта доля выше, чем в столице региона и составляет: Новый Уренгой – 87,2%, Ноябрьск – 73,4%, в административном центре – Салехарде – 56,8%. В парных распределениях ответов также доминирует ответ «Хочу ещё пожить здесь, а потом уехать». Выявлена зависимость ответов горожан от возраста респондента[3] (Таблица 2), уровня образования[4] (Таблица 3), материального положения[5] (Таблица 4) и сферы занятости[6], где лидирует ТЭК – 71,3% (Таблица 5).

[1] Статистика хи-квадрат значима на уровне <0,01
[2] Статистика хи-квадрат значима на уровне <0,05
[3] Статистика хи-квадрат значима на уровне <0,01
[4] Статистика хи-квадрат значима на уровне <0,05
[5] Статистика хи-квадрат значима на уровне <0,01
[6] Статистика хи-квадрат значима на уровне <0,01

Таблица 2

	Вы бы хотели уехать с Ямала и жить в другом месте? (% от опрошенных по ЯНАО, закрытый вопрос, один ответ)		
Возраст респондента	Нет, хотел бы остаться здесь на всю жизнь	Хочу ещё пожить здесь, а потом уехать	Хочу уехать при первой возможности
18-24 лет	31,3	57	11,8
25-39 лет	27,1	62,5	10,4
40-54 лет	22,4	65,4	12,2
55 лет и более	31,1	51,1	17,7

Таблица 3

	Вы бы хотели уехать с Ямала и жить в другом месте? (% от опрошенных по ЯНАО, закрытый вопрос, один ответ)		
Уровень образования	Нет, хотел бы остаться здесь на всю жизнь	Хочу еще пожить здесь, а потом уехать	Хочу уехать при первой возможности
Начальное, неполное среднее, до 9 классов	45,6	42,1	12,3
Среднее общее, 11 классов	27,3	59,6	13,1
Среднее профессиональное – колледж, техникум, профучилище	28,9	58,1	13
Незаконченное высшее, высшее	22,3	66,4	11,3
Аспирантура, докторантура, учёная степень	10	80	10

Таблица 4

	Вы бы хотели уехать с Ямала и жить в другом месте? (% от опрошенных по ЯНАО, закрытый вопрос, один ответ)		
К какой из следующих групп населения Вы скорее могли бы себя отнести?	Нет, хотел бы остаться здесь на всю жизнь	Хочу ещё пожить здесь, а потом уехать	Хочу уехать при первой возможности
Едва свожу концы с концами. Денег не хватает даже на продукты	33,3	42	24,6
На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает финансовые затруднения	34,2	50,4	15,4
Денег хватает на продукты и на одежду. Но вот покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника) или отпуск на курорте является проблемой	28	58,4	13,6

Я могу без труда приобретать вещи длительного пользования или позволить себе отпуск. Однако для меня затруднительно приобретать действительно дорогие вещи	24,6	65,5	9,9
Я могу позволить себе достаточно дорогостоящие вещи – дорогую технику, машину, поездки за границу	18,8	73,2	8

Таблица 5

	Вы бы хотели уехать с Ямала и жить в другом месте? (% от опрошенных по ЯНАО, закрытый вопрос, один ответ)		
Сфера занятости	Нет, хотел бы остаться здесь на всю жизнь	Хочу еще пожить здесь, а потом уехать	Хочу уехать при первой возможности
Добыча и транспортировка газа, нефти	19,9	71,3	8,7
Промышленность, строительство	28,6	58,7	12,7
Транспорт, связь	28	56,5	15,6
Коммунальные службы, производство и распределение тепла, электроэнергии	22,5	63	14,5
Образование, медицина, культура, спорт	24,8	68,2	7
Государственное (муниципальное) управление	33,8	58,1	8,1
Работник торговли, малого бизнеса и обслуживания, в том числе обслуживание бизнеса	25,5	62	12,5
Промыслы (охота, оленеводство, рыболовство)	50	16,7	33,3
Правоохранительные органы, МЧС, военная служба	31,3	62,5	6,3
Другое	13,7	70,5	15,8

Отмечается некоторое смещение ответов в пользу варианта «Нет, хотел бы остаться здесь на всю жизнь» для следующих групп: родившиеся в Тюменской области, ХМАО и ЯНАО[1] – 48,3%, 41,4%, 10,3%; проживающие на территории округа более 35 лет[2] – 45,7%, 39,9%, 14,3%; занятых в сфере охотпромысла, оленеводства, рыбодобычи 16,7%, 50%, 33,3% соответственно.

[1] Статистика хи-квадрат значима на уровне <0,01
[2] Статистика хи-квадрат значима на уровне <0,01

Участники исследования, которые в краткосрочной или долгосрочной перспективе, высказали желание покинуть территорию автономного округа хотели бы жить: в Тюмени или Тюменской области – 22,8%, южная полоса России – 15,9%, средняя полоса России – 9,8%, Урал – 8,9, страны ближнего зарубежья – 7,6%, города центральной полосы России – 4,2%, Сибирь – 3,2%, Санкт-Петербург – 3,1%, Москва и Подмосковье – 3%. Основные причины выбора предпочтительного места жительства («почему туда?») участники назвали: 32,9% – «климат», 31,2% – «родственники, близкие люди», 12,5% – «родина, дом».

По результатам проведённого анализа отмечается отрицательная преемственность поколений. Более половины родителей, участвующих в опросе, не хотят, чтобы их дети связали свою судьбу с автономным округом: «Хотел бы, чтобы уехали на совсем» – 57,2% и хотели бы, чтобы их дети жили в автономном округе – 42,8%. Мнение жителей политико-экономических центров распределились следующим образом: Салехард – 42,9%, 57,1%**;** Новый Уренгой – 64,2%, 35,8%**;** Ноябрьск – 61,5%; 38,5% соответственно.

Жизнедеятельность на территории ЯНАО в первую очередь связана с профессиональной деятельностью, которая обеспечивает получение материальных благ, северных льгот и северной пенсии, даёт возможность обеспечить своё будущее и переезд в другой регион. Жизнь в небольших городах позволяет чувствовать себя в безопасности и быть спокойными за детей, заботиться об их будущем. Северная природа и суровый климат предоставляют возможность заниматься зимними видами спорта, экстремальным туризмом, ходить в походы, на рыбалку и охоту, по грибы и ягоды. В меньшей степени жизнь в городах автономного округа связана с преодолением трудностей, потерей здоровья, дискомфортным и экстремальным климатом. Тяжёлые жилищно-бытовые и производственные условия, отсутствие мест проведения досуга – факторы характерные для периода активного освоения территории отошли на задний план. В целом полученные данные свидетельствуют о создании в городах ЯНАО комфортных условий для жизнедеятельности на длительный период трудовой деятельности.

Суровый климат, жизнь вдали от «родины», «дома» и «родственников», а также реализация программ по переселению, стимулируют отъезд из автономного округа. Выезд родителей на постоянное место жительства, по завершении трудовой деятельности, переносит отчий дом в другой регион и закрепляет связь детей уже с этой территорией. Вышеназванные факторы, в совокупности с отрицательной преемственностью поколений, создают установку на временный характер жизни на Ямале.

Список литературы:

1. А.А. Дрегало, В.И. Ульяновский, Образ Севера: продуктивность визуальных моделей и реальность // Журнал «Вестник Северного (Арктического) федерального университета» С. 44–50.

2. Кибенко В.А. и др. Отчёт по результатам социологического исследования на тему «Региональная идентичность городского населения Ямало-Ненецкого автономного округа» URL: http://www.arctic89.ru/wa-data/public/site/data/www.arctic89.ru/Reg_ident_26_02_2015.pdf (26.02.2015)

3. Корнилов Г.Г., Корнилов Г.Е., Михалев Н.А., Оруджиева А.Г. Население Ямала в XX веке: историко-демографический анализ. Екатеринбург, 2013. – 360 с.

ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНОВ КАМЧАТКИ (НА ПРИМЕРЕ БЫСТРИНСКОГО РАЙОНА)

А.И. Кириллова –
старший преподаватель кафедры истории и философии Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга

Согласно проекту «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» предусмотрена ориентация на самообеспечение и повышение рентабельности экономики регионов, в том числе дотационных. Также Концепция предусматривает ориентацию традиционных хозяйств и индивидуальных хозяйств коренных малочисленных народов (далее КМНС) на современный рынок. Быстринский район Камчатского края – является одним из районов Камчатки, ориентированным на развитие национального рекреационного туризма и как национальный район он ориентирован на сохранение и развитие оленеводства.

Однако традиционные хозяйства КМНС зачастую не выдерживают конкуренции в рыночных условиях, оказываются нерентабельными. Не менее важной проблемой традиционных отраслей экономики Камчатки (оленеводства и рыболовства) является недостаток опытных и профессиональных кадров. Так, профессию «оленевод-механизатор» можно получить в Паланском Колледже (с. Палана). В 2014 – 2015 учебном году колледж не смог набрать группу для обучение по специальности «оленевод-механизатор» [9], а в 2015 – 2016 учебном году набор на эту специальность составил 14 человек [1]. В советский период наметилась устойчивая тенденция к сокращению занятости населения в оленеводстве от практически 100 % в 1920-х гг. до 12 % в 2000-х гг. [11]. Это связано также с падением престижа профессии «оленевод» среди молодежи: не более 10% молодежи национальных районов изначально готовы заниматься традиционными видами деятельности [10].

Проблему неполной занятости и перегруженности кадрами оленеводческих колхозов в советский период своих трудах описывали ученые Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. В 1989 г. ими была подготовлена концепция этнокультурного развития народностей Севера на перспективу до 2005 г. Исследователи отмечали, что «в производящих отраслях северных хозяйств занято от 30 до 40 % трудоспособного коренного населения. В эту категорию входят оленеводы, охотники, рыбаки, звероводы, чумработницы, работники пошивочных мастерских, сотрудники хозяйственного аппарата» [14; 21]. Кроме того, в монографии приводятся цифры, описывающие уровень образованности коренного населения: лишь 15 – 20 % населения

работают на должностях, требующих высшего или среднего специального образования, около 10 – 30 % – в сфере неквалифицированного труда (разнорабочие, дворники, сторожа, кочегары и т.п.). Как правило, в колхозной усадьбе трудилось около 150 человек, из них ветеринары, зоотехники, руководители управленческого аппарата, медработники зачастую не являлись представителями коренного населения. Приведенные в монографии данные подтверждают и исследования В. А. Тураева: «специфика традиционных отраслей хозяйства народностей Севера такова, что они не в состоянии обеспечить занятость всего трудоспособного населения» [13; 18]. В поселках Быстринского района в это время проживало 776 эвенов (по данным переписи 1989 г.) [8; 69], а колхозов в районе после укрупнения осталось два, то есть насчитывалось примерно 300 – 350 рабочих мест в сфере производительного труда. Совхоз «Анавгайский» в 1980-х гг. насчитывал 193 колхозника, из них сельским хозяйством было занято 167 человек [4], из них в оленеводстве – 59 человек [3], а совхоз «Быстринский» насчитывал 7 звеньев оленеводов, по одному звену животноводов, коневодов, в которых трудилось менее 150 человек [2]. В табунах Быстринского района, согласно полевым материалам А. Б. Спеваковского, в 1978 – 1982 гг. трудилось 47 человек (пастухи и чумработницы) [12; 202]. В совхозах были стройцеха, хозцеха, мехпарки и аппараты управления. Остальные обитатели сел трудились в учреждениях народного образования (школы, детские сады, ДОУ), культуры, торговли, связи, общественного питания, сферы бытового обслуживания (бани, парикмахерские, ремонтные мастерские и т.п.).

Сформировавшаяся к концу советского периода структура занятости населения национальных районов сохранятся и до наших дней. Согласно доклада главы администрации Быстринского муниципального района Грекова А.Ф. из 1,7 тыс. чел. трудоспособного населения, что составляет 54,1 % населения района, безработных в среднем 3 %, занятых в сфере образования – 13,5 %, здравоохранения – 13,6 %, жилищно-коммунальном хозяйстве – 10 %, в сере культуры и муниципального управления – 18 %, малого и среднего предпринимательства – около 19 % [7]. Таким образом, на занятость в сельском хозяйстве (в основном оленеводстве) и других сферах остается не более 23 %. Многие молодые люди, в силу обстоятельств работающие в оленеводстве, считают это занятие временным и трудятся недобросовестно. Молодежь, привыкшая к благам цивилизации и досугу в кругу друзей своего возраста, тяготится длительным пребыванием в табуне, среди представителей среднего возраста, зачастую малограмотных. Так, в 1997 г. среди сотрудников совхоза «Анавгайский» всего 0,05% имели высшее или неоконченное высшее образование, а 45% окончили не более 8 классов, то есть получили или не получили неполное среднее образование [11]. В целом проблема привлечения молодых кадров в оленеводство остается достаточно острой и требует

вмешательства краевых властей. Первые шаги по решению кадровой проблемы оленеводства предпринимаются.

Для жителей Камчатского края является привлекательным климат Быстринского района – жаркие и солнечные летние месяцы, когда температура доходит +34 – 35 °С [5; 56], и средоточие рекреационных ресурсов (минеральные и термальные источники, лечебные грязи) [5; 31 – 38] способствуют расширению внутрирегионального туризма. Согласно схеме экономического районирования и природопользования Г. П. Яроцкого, в Быстринском районе с 2002 г. приоритетными направлениями экономического развития являются оздоровительный, этнографический туризм и научно-волонтерские исследования и полевые лагеря [15]. Обслуживанием туристских маршрутов в районе занимаются Быстринский природный парк (экологический туризм), Быстринский районный этнокультурный музей, этнокультурный комплекс «Мэнэдек» и мелкие микропредприятия, занимающиеся сбором дикоросов и изготовлением фиточаев, изготовлением сувениров и традиционных изделий (торбаза, кухлянки, бубны и др.). По данным отчета А.Ф. Грекова выяснить точное количество людей, занятых в деятельности этих микропредприятий невозможно с силу сезонности некоторых видов работ. Из числа микропредприятий – 65 % предприятия розничной торговли, 10 % – грузо- и пассажироперевозками, 10 % – оказанием туристических и гостиничных услуг, оставшиеся 15 % – другими видами деятельности [6]. По приблизительным подсчетам администрации района и наблюдениям в Быстринском районе в сфере обслуживания туризма занято около 12 % трудоспособного населения [6]. На сегодняшний день ситуация коренным образом не изменилась.

Занятость в сфере обслуживания туристского потока в силу начавшегося в 2008 г. экономического кризиса растет медленно. Для экономики района – это новая сфера экономики, она также слабо насыщена профессиональными и опытными кадрами. На сегодняшний день получить профильное образование в сфере туризма и сервиса можно в КамГУ им. Витуса Беринга. Набор на направление подготовки «Сервис» в 2014 – 2015 и 2015 – 2016 учебных годах составлял по 10 чел., из них жителей Быстринского района – 0 чел. Выпускников по направлению подготовки «Сервис» из Быстринского района – 0 чел.

Таким образом, занятость населения Быстринксого района в сферах экономики, которые предполагается сделать ведущими, невысока и в начале 2010-х гг. составляла не более 24 % трудоспособного населения, прирост числа людей, занятых в этих сферах, идет достаточно медленно – по 0,5 – 0,7 % по сравнению с 2005 – 2006 гг. Ведущей проблемой оленеводства и обслуживания туризма является кадровая, для ее эффективного и скорейшего решения требуется значительное вмешательство официальных властей

региона. Несмотря на меры, принимаемые Правительством Камчатского края, полностью кадровая проблема не решена. Экономика Быстринского района продолжает оставаться дотационной и на самообеспечение не выходит. Сходная ситуация наблюдается и в других национальных районах Камчатского края.

Список литературы:

1. Броневич В.Т. В Камчатском крае необходимо активизировать профориентационную работу по привлечению кадров в оленеводческую сферу // [официальный сайт Правительства Камчатского края] URL: http://www.kamchatka.gov.ru/?cont=infomenu=1menu2=0news_id=38960 (дата обращения: 08.09.2015)

2. Государственный архив Камчатского края (далее ГАКК) Ф.Р-801. Оп.1. Д.167. Л.144 – 151.

3. ГАКК Ф.Р-802. Оп.1. Д.117. Л.105 – 110

4. ГАКК Ф.Р-802. Оп.1. Д.151. Л.1 – 213.

5. География Камчатской области: учеб. пособие для учащихся, студентов и учителей географии. / под ред. В. И. Волкова – Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, 1994. – 175 с.

6. Греков А.Ф. Аналитическая записка о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности Быстринского муниципального района за 2011 год и планируемых показателей на 3-х летний период

7. Греков А.Ф. Доклад о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности Быстринского муниципального района за 2011 год и планируемых показателей на 3-х летний период

8. Кривошапкин, А. В. Эвены / А. В. Кривошапкин. – СПб.: Отд-ние изд-ва Просвещение, 1997. – 79 с.

9. Оленеводство на Камчатке: намечены пути решения основных проблем // Олюторский вестник [электронная версия] URL: http://olutvestnik/ru/page/olenevodstvo-na-kamchatke-namecheny-puti-reshenija-osnovnyh-problem (дата обращения: 08.09.2015)

10. Опрос учащихся 8-11 классов Анавгайской средней школы и молодежи в возрасте 18 – 22 лет – всего 35 человек (51% молодежи с.Анавгай). На территории Анавгая проживает 60% численности быстринских эвенов, население его является наименее метисированным. Опрос проводился в течение 2007 – 2011 гг. // Полевые материалы автора

11. Приказы по личному составу по совхозу Анавгайский за 1997 г. // Муниципальный архив Эссовского сельского поселения

12. Спеваковский, А. Б. Традиционное в современной хозяйственной деятельности населения севера Дальнего Востока / А. Б. Спеваковский // Культурные традиции народов Сибири / под ред. Ч. М. Таксами.– Ленинград, 1986. – С. 202 – 210.

13. Тураев, В. А. Традиции и современность в социалистическом образе жизни народностей Севера [Текст] / В. А. Тураев // Традиции и современность в культуре народов Дальнего Востока.– Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1983. – С. 21 – 35.

14. Этнокультурное развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса на перспективу до 2005 года (концепция развития) [Текст] / общ. ред. Соколовой 3. П. АН СССР – М.: Ин-т этнографии, 1989. – 131 с.

15. Яроцкий Г.П. Генеральная схема природопользования и хозяйствования на территории Камчатской области и прилегающих акваторий [Карта+текст] // прил. к сборнику Ветер в парусах России. Материалы XX Крашенинниковских чтений, Петропавловск-Камчатский, 2003. – с. + илл.

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ В РЕГИОНАХ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Т.А. Ковригина –
соискатель,
Тюменский государственный
нефтегазовый университет

Национальные интересы Российской Федерации в регионах Арктической зоны нуждаются в системном подходе к их реализации, от разработки документов стратегического планирования и до создания институциональной среды, которая способствует комплексному развитию всего региона, и поддержки проектов.

Одним из ключевых внутренних факторов развития региона выступает уровень развития институциональной среды и инфраструктуры (включая механизмы регулирования, согласования интересов, а также стимулирования всех субъектов арктической политики) [8]. Приоритет отдается внедрению институциональных, организационных и технологических новшеств в систему государственного управления, различных механизмов и форм государственно-частного партнерства на региональном уровне, а также инструментов увеличения мотивации у всего круга заинтересованных субъектов в Арктике к активному участию в развитии региона.

Объективные закономерности перехода к устойчивому росту, внедрению в региональную политику инновационных систем требуют принятия принципиально новых подходов к управлению пространственным развитием Арктической зоны, в первую очередь, в направлении усиления её комплексного характера [2; 13].

Применительно системы стратегического планирования развития региона Арктической зоны под институтом можно понимать механизм координации и мотивации субъектов арктической политики, эффективного стимулирования их поведения. Институциональная среда включает правила, которые обеспечивают порядок во взаимодействиях между субъектами. Главная роль институтов в регионе состоит в снижении неопределенности путем установления стабильной структуры связей внутри региональной социальной сферы и экономики. Эффект координации институциональной среды заключается в создании предпосылок осуществления субъектами арктической политики правильного выбора места в системе стратегического планирования. Однако необходимо не только создание отвечающих современным требованиям, глобальным вызовам институтов, но и формирование правильной институциональной среды, которая будет содействовать системному развитию региона, как в области координации, так и стимулирования. Институциональная среда должна закладываться в основу государственной программы развития

региона. Учитывая эти факторы, в программных мероприятиях развития регионов целесообразно выделить создание новых институтов, нацеленных на внедрение организационных и институциональных инноваций, а также формирование институциональной среды на благоприятном уровне, главным образом, в интересах обеспечения комплексного развития региона.

На данный момент в Российской Федерации идет активный процесс создания институциональных условий для устойчивого развития и комплексного эффективного управления Арктической зоны, а также формирование правовой и законодательной базы для закрепления арктических регионов как объекта особого государственного регулирования. Основные институциональные преобразования в нормативно-правовой базе на федеральном уровне на данный момент во многом осуществлены. Однако минимизация рисков и эффективное использование конкурентных преимуществ территорий Арктической зоны должно осуществляться не только на федеральном, но также и на региональном уровнях. Федеральная составляющая социально-экономического развития территорий Арктической зоны в большей степени, чем региональная, определяется логичным проведением институциональных изменений и преобразований, использованием форм и механизмов государственно-частного партнерства при реализации важных инвестиционных проектов, созданием благоприятной административной и правовой среды для бизнеса.

Многие актуальные проблемы развития Арктической зоны остаются нерешенными, в частности, до сих пор отсутствовала объективная оценка состояния институциональной обеспеченности, выступающая одним из основополагающих моментов, которые требуют постоянного контроля в регионах Арктической зоны Российской Федерации. Оценка состояния институциональной среды включает анализ совокупности институтов власти и бизнеса, а также механизмов их функционирования (а именно, нормативно-правовое, программно-проектное и организационное обеспечение). В проведенном анализе методика оценки институциональных основ базировалась на выявлении инструментов регулирования развития регионов Арктической зоны Российской Федерации. Были изучены и проанализированы более сорока региональных нормативно-правовых актов, программ, соглашений, проектов и бизнес-концепций в области развития отдельных направлений социально-экономической сферы, а также Арктической зоны в целом.

Таблица 1

Оценка институциональной среды регионов Арктической зоны Российской Федерации

Регион	Нормативно-правовое обеспечение	Программно-проектное обеспечение		Организационное обеспечение
	Региональные, межрегиональные и международные соглашения	Региональные акты, стратегии, проекты и программы развития региона и отраслей	Бизнес-концепции компаний	Комиссии, комитеты и другие органы по развитию Арктической зоны
Архангельская область		+		
Ненецкий АО	+	+	+	
Республика Коми	+	+	+	
ЯНАО	+	+	+	
Красноярский край		+		
Республика Саха (Якутия)	+	+	+	+
Чукотский АО		+		

Таким образом, среди лидеров по уровню развития институциональной среды можно выделить Республику Саха (Якутия), в которой, в отличие от других арктических регионов, утвержден орган (Государственный комитет Республики Саха (Якутия) по делам Арктики) [6], ведущий целенаправленную политику с учетом арктических особенностей субъекта.

На данный момент из всех субъектов Арктической зоны Российской Федерации только два имеют региональные программы, в которых подчеркивается их арктический статус: Республика Саха (Якутия) («Социально-экономическое развитие арктических и северных районов Республики Саха (Якутия) на 2014-2017 годы и на период до 2020 года» [5]) и Республика Коми («Социально-экономическое развитие Арктической зоны Республики Коми на период до 2020 года» [4]).

Высокий уровень развития институциональной среды отмечается и в ЯНАО, где, принимая во внимания арктическую специфику, действует больше всего программ развития различных сфер социально-экономического направления. Важно отметить, что в большинстве документов, определяющих стратегическое развитие, ЯНАО заявляет о лидерстве в Арктической зоне Российской Федерации [1].

Архангельская область, именно как арктический региона, в программно-проектном обеспечении институциональной среды делает акцент лишь на развитие сферы туризма и инновационного судостроительного территориального кластера.

Между тем, Ненецкий АО в институциональном плане проявляет активность сфере международных, межрегиональных и межнациональных отношений, а также взаимодействие с бизнес-средой.

Низок уровень институционального обеспечения Чукотского АО, наблюдается единственная программа развития региона, в которой затрагивается арктическая составляющая [7].

Для Ненецкого АО, Республики Коми и ЯНАО и Республики Саха (Якутия) значимость имеют соглашения с крупными компаниями о совместном осуществлении проектов в области геологоразведки и освоения месторождений нефти и газа, а также самостоятельные концепции и стратегии субъектов ТЭК по развитию регионов присутствия.

Развитие институциональных основ служит непременным условием освоения сырьевого потенциала Арктики, оказывает прямое влияние на социально-экономическое развитие территории, экологическое равновесие и качество жизни [3].

Создание институциональной основы развития Арктической зоны Российской Федерации в регионах должно идти с участием государства, бизнеса и общественности. Во взаимодействии региональных органов управления с деловыми кругами акцент необходимо сместить на создаваемые самим бизнесом структуры, способные также вырабатывать институциональные инструменты и механизмы. В частности важно участие таких структур в диалоге и разрешении противоречий среди отдельных ведомств, инициировании разработки новых законопроектов, что прежде являлось прерогативой органов исполнительной власти. Дополнительным фактором, который расширяет для деловых кругов возможности взаимоотношений с государством, выступает рост политической роли малого и среднего бизнеса. В то же время, для крупных компаний существенной линией взаимодействия с органами государственной власти должно стать государственно-частное партнерство. Среди тенденций взаимодействия бизнеса и государства в Арктической зоне намечается перенос активности с федерального уровня на региональный. Данный сдвиг объясняется

улучшением условий ведения бизнеса, большей зависимостью от действий региональных властей.

Таким образом, большинство регионов Арктической зоны слабо подготовлены по уровню развития институциональных основ, что не соответствует геополитическим и социально-экономическим интересам Российской Федерации. В условиях эффективного освоения арктических ресурсов необходимо выявление потенциальных направлений развития и совершенствования институциональной среды регионов Арктической зоны оссийской Федерации, а также определение вектора сотрудничества с другими арктическими государствами.

Список литературы:

1. Закон Ямало-Ненецкого АО «О Программе социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на 2012 – 2016 годы» от 24 декабря 2012 г. № 148-ЗАО // Официальный сайт органов власти ЯНАО.

2. Конвалов А.М. Система государственного стратегического планирования развития Арктической зоны РФ // Наука и транспорт. Морской и речной транспорт. 2013. №1 (5) . С. 13.

3. Методологическая оценка состояния и перспектив институционально-инновационного недропользования в Арктической зоне // Экономика Региона. 2014. №3. С. 146-158.

4. Постановление Правительства Республики Коми об утверждении региональной программы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Республики Коми на период до 2020 года» от 13 мая 2015 г. № 217 // Официальный интернет-портал правовой информации.

5. Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) «О комплексной программе Республики Саха (Якутия) «Социально-экономическое развитие арктических и северных районов Республики Саха (Якутия) на 2014-2017 годы и на период до 2020 года» от 15 августа 2014 г. № 251 // Официальный информационный портал Республики Саха (Якутия).

6. Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) «Об утверждении Положений о Государственном комитете Республики Саха (Якутия) по делам Арктики и его коллегии» от 24 ноября 2014 г. № 420 // Официальный информационный портал Республики Саха (Якутия).

7. Постановление Правительства Чукотского автономного округа «Об утверждении Государственной программы «Стимулирование экономической активности населения Чукотского автономного округа на 2014 – 2018 годы» от 21 октября 2013 г. № 410 // Официальный сайт Чукотского автономного округа.

8. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года от 8 февраля 2013 № П-232 // Официальный сайт Правительства Российской Федерации.

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТА СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

О.М. Коморникова –
к.социол.н., старший преподаватель
кафедры отечественной и всемирной
истории Шадринского государственного
педагогического института

Тенденции развития современного общества (процессы глобализации, изменение способов и механизмов обеспечения социальной стабильности, национальной безопасности) – все это породило качественно новые условия бытия, а соответственно изменились и требования к социальным субъектам, будь то отдельная личность, социальная группа, население страны в целом. Актуализируется значимость личностных качеств, стратегий социального поведения субъектов, которые могут в этих новых условиях обеспечить динамичное развитие социальных общностей. К числу таких качеств можно отнести гражданственность. Прежде всего, необходимо обратиться к содержательной составляющей этого феномена.

Теснейшим образом с гражданственностью связано понятие «гражданин», которое можно рассматривать в качестве базового. В данной ситуации это понятие нас интересует в широком смысле: «Гражданин – человеческий индивид, обладающий необходимыми правами для свободного использования своих сил и способностей и несущий полную ответственность перед законом, обществом и другими гражданами за свои действия» [2, 164]. Это определение соответствует активистско-деятельностному пониманию бытия человека в социокультурном поле независимо от конкретной сферы деятельности (экономическая, политическая и т. д.), его способности с опорой на личностную систему ценностей организовать свои действия и взаимодействия с другими людьми. В схожем ключе трактуется и гражданственность. Например, в политологии это понятие имеет несколько значений: «1) антитеза аполитичности, активная и сознательная включенность в дела политического сообщества; 2) психологическое ощущение себя гражданином, полноправным членом политического сообщества; 3) способность и готовность выступать в роли гражданина 4) высшая добродетель свободного и полноправного участника политического сообщества; 5) приверженность интересам политического сообщества, чаще всего государства, готовность идти на жертвы ради этих интересов» [4, 78]. Приведенные выше подходы к определению понятий «гражданин», «гражданственность» подчеркивают потребность общества в активных, сознательных, ответственных индивидах, которые могли бы строить свою

деятельность на основе баланса личных и общественных интересов, причем акцент делается на том, что в ряде ситуаций последние доминируют.

Сложность теоретического и эмпирического исследования гражданственности состоит в том, что она появляется на стыке других качеств, которые сами по себе необходимую направленность социальной активности субъектов в полной мере не обеспечивают. Тем не менее, несмотря на некоторую размытость, гражданственность субъектов оказывает значительное влияние на развитие общества. Здесь можно привести точку зрения Г. В. Осипова о том, что качество жизни в обществе не является прямым следствием роста благосостояния, а во многом определяется социальной деятельностью людей, а именно ее характером, содержанием и направленностью, мотивацией [3, 6-7]. Все перечисленные компоненты социальной активности теснейшим образом связаны с феноменом гражданственности.

Если обратиться к ситуации в современном российском обществе, то значительные политические и экономические изменения мирового масштаба вновь привлекли внимание к задачам модернизации различных сфер его жизни, соответственно, проблема гражданственности россиян становится очень актуальной. Сразу же встает вопрос о ее наличном уровне. М. К. Горшков высказывает следующую точку зрения: «За годы реформ наши сограждане настолько погрузились в свои проблемы, а государство настолько самоустранилось из сферы целеполагания развития нации, что россияне постепенно стали утрачивать характерную для них ранее энергетику «большой цели». А ведь она позволила им неоднократно совершать, казалось бы, невозможное – достаточно вспомнить индустриализацию страны, восстановление экономики после Великой Отечественной войны, освоение целинных земель, прорыв в космос…» [1, 5]. Соответственно, активная, сознательная деятельность во благо общества, детерминируемая гражданственностью, достаточно слабо выражена у россиян. Это может быть обусловлено не только основными векторами постсоветского развития страны, но и особенностями менталитета, социокультурных принципов организации жизнедеятельности российского общества.

Также при анализе данной проблемы нужно учитывать, что относительно трактовок системы детерминант социальной активности россиян (как в прошлом, так и в настоящем) существует очень много мифов, которые обусловлены помимо откровенного субъективизма исследователей и методологическими трудностями изучения проблемы. Например, в качестве одного из характерных качеств национального менталитета выступает патернализм, который, как правило, рассматривается в негативном оценочном контексте как препятствие модернизации общества и развития отдельных видов социальной активности. С ним в частности можно связать слабую распространенность в общественном сознании представления о том, что гражданин может и должен играть определенную социальную

роль в решении важнейших задач современного общества. С другой стороны, учитывая специфику территориальных, климатических условий существования российского общества, передача полномочий различным государственным структурам – важное условие организации социальной жизнедеятельности, которое совершенно не исключает необходимости социальной активности субъектов при решении тех или иных вопросов. Подобного рода методологические трудности затрудняют изучение проблемы гражданственности социальных субъектов.

Таким образом, в современных условиях гражданственность является важным ресурсом динамичного развития российского общества, учитывая, что в постсоветский период в силу как объективных, так и субъективных причин, эта составляющая социальной активности индивидов значительно ослабилась. Ее сущностные характеристики необходимо рассматривать в контексте активизации механизмов поддержания стабильности и целостности, путем регуляции взаимоотношений как внутри групп, так и между ними.

Основой гражданственности в современном обществе может стать формирование нового понимания сущности социального порядка, места и роли в нем отдельных людей, поскольку дальнейшее развитие напрямую зависит от способности социальных субъектов принять нестандартное, но адекватное решение в постоянно меняющихся условиях жизнедеятельности. Непосредственно она проявляется через наличие определенных ориентаций, например, на согласование своих и чужих интересов, готовности признать существование общественных интересов и ситуаций, когда их необходимо поставить на первый план.

Достаточно широко распространенная точка зрения, что гражданственность в системе детерминант социальной активности современного российского общества достаточно слабо выражена, представляется верной лишь отчасти. На наш взгляд, на микроуровне она имеет более высокую степень выраженности, а на макроуровне – отсутствуют условия для ее реализации. Соответственно, потенциал отдельных субъектов не используется в полной мере как ресурс развития общества.

Список литератураы:

1. Горшков М. К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социс. – 2012. – № 12. – С. 3-11.

2. Кемеров В. Е. Гражданин // Современный философский словарь / под общей ред. д. ф. н. профессора В. Е. Кемерова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 864с.

3. Осипов Г. В. Проблемы включения социологии в систему научного управления российским обществом // Социс. – 2012. – № 7. – С. 5-17.

4. Политология: энциклопедический словарь /общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянов. – М.: Моск. коммерч. ун-т, 1993. – 431 с.

КРИЗИСНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В ЯНАО И ИХ ВОСПРИЯТИЕ НАСЕЛЕНИЕМ

М.О. Макушева –
к.социол.н., аналитик,
Департамент внутренней политики
Ямало-Ненецкого автономного округа

В последний год одной из ведущих тем в информационной повестке стали кризисные проявления. По данным исследований, проводившихся в периоды прошлых кризисных периодов, повышение/понижение уровня материального достатка является наиболее мощным фактором изменения общественных настроений и отношения к власти [см., напр.: 1]. Рассмотрим, как менялись в кризисный период настроения и оценки населения Ямала и как сказался на них кризис. В качестве эмпирической базы использованы данные мониторингового телефонного опроса, проводившегося в период с февраля по май (всего 4 замера). Объем выборки каждого – 1500 респондентов, модель выборки – пропорциональная, квотированная по полу и возрасту, методика отбора – случайная бесповторная из массива стационарных и мобильных телефонных номеров. Полевые работы проводились «Центром изучения региональных проблем», г. Тюмень по заказу Департамента внутренней политики ЯНАО.

В феврале, во время первого замера, 80% опрошенных согласились с тем, что сейчас в России экономический кризис. Эта доля за последующие месяцы плавно снижалась и в мае достигла 68%.

В мониторинге наблюдается несколько переменных, отражающих оценку текущего материального положения и его динамики за последние несколько месяцев, того, насколько сказался или не сказался на семье респондента экономический кризис, ожидания изменения достатка и изменений в экономике страны и региона, инфляционные ожидания, одобрение деятельности органов власти на федеральном, окружном и муниципальном уровне. Отдельные блоки посвящены кризисным проявлениям: во-первых, изменениям в потребительском поведении – экономии на вещах повседневного спроса, не столь распространенной, и экономии на вещах не первой необходимости, распространенной значительно шире; во-вторых, негативным проявлениям на рынке труда (сокращение зарплат, увольнения и т.д.), имеющим существенно меньший охват. Для более компактного представления информации мы объединили переменные в несколько индексов.

В результате факторного анализа по оценочным переменным можно выделить два фактора, объясняющие 61% дисперсии. При этом переменная инфляционных ожиданий практически не связана с остальными, имеет малый собственный вес и была исключена из анализа. Это отражает специфику

региона, где высокий уровень и периодический сезонный рост цен – привычные явления и ситуацией в экономике они, очевидно, не связываются (что подтверждается и индивидуальными фокусированными интервью). Возможно, даже напротив – на фоне ухудшения экономической ситуации проходило развитие инфраструктуры и улучшалось снабжение городов. Первый фактор объединил ожидания от динамики ситуации в стране, регионе и собственном достатке, второй – оценки текущей ситуации и того, насколько ухудшилась или улучшилась она за последние несколько месяцев, насколько сказался на положении респондента кризис. В таблице 1 представлены переменные, вошедшие в факторы.

Таблица 1

Переменные, вошедшие в факторы

Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера	Компонент	
	1	2
Насколько сказалось ухудшение экономической ситуации в стране на жизни респондента	,057	**,802**
Ожидания изменений ситуации в экономике страны	,853	,093
Ожидания изменений ситуации в экономике региона	**,860**	,070
Оценка динамики материального положения за последние 2-3 месяца	,162	**,747**
Ожидания изменения материального положения в ближайшие 2-3 месяца	**,663**	,112
Самооценка материального положения	,056	**,704**

Факторный анализ на бинарных переменных, отражающих кризисные проявления, позволяет выделить два фактора, объясняющие 59% дисперсии: первый объединяет переменные, связанные с сокращением потребления, второй – с негативными тенденциями на рынке труда.

Таблица 2

Переменные, вошедшие в факторы

Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера	Компонент	
	1	2
Экономия на одежде, обуви	,761	,008
Экономия на отпуске	**,713**	,026
Экономия на развлечениях, досуге, спорте	**,749**	,006
Экономия на продуктах не первой необходимости	**,753**	-,029

Экономия на повседневном питании семьи, бытовой химии	**,554**	,147
Экономия на технике, электронике	**,757**	,012
Снижение заработной платы	,078	**,840**
Отмена или снижение премий, бонусов	,117	**,838**
Задержка з/п, пенсии, пособия	,020	**,509**
Вынужденный отпуск	,068	**,802**
Перевод на неполный рабочий день	,011	**,785**

Аналогичная процедура на переменных оценки власти дает нам один фактор, объясняющий 64% дисперсии. Наименьший собственный вес – у оценки Президента (0,390), переменная связана с оценкой Губернатора, но мало – с остальными переменными. Она была оставлена в решении.

Таблица 3

Переменные, вошедшие в факторы

Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера	Компонент
Одобрение экономической и социальной политики российских властей	,749
Одобрение экономической и социальной политики окружных властей	,859
Одобрение деятельности местных властей	,766
Одобрение деятельности Президента	,616
Одобрение деятельности Губернатора	,760

Эта логика позволяет объединить указанные переменные в агрегированные индексы (разница долей положительных и отрицательных ответов, измеряется от -100 до +100, для сокращения потребления и проявлений на рынке труда – разница долей отрицательных (не экономят/не сталкивались) и положительных ответов, измеряется от -100 до +100). Таким образом, для каждого индекса чем ближе значение к 100, тем меньше охват негативных проявлений.

Пиковая негативная динамика по оценке текущей ситуации и по ожиданиям наблюдалась в феврале – марте (ранее, в других проектах, наблюдались не все переменные, поэтому оценки не приводятся), затем с марта-апреля началось повышение – можно предположить, что реальные последствия оказались не столь тяжелыми, как казалось в начале года, опасения не вполне себя оправдали. Тенденция к сокращению потребления, как видно на графике, усиливается, но негативные проявления на рынке труда охвата не расширяют. Однако оценки власти пусть немного, но ухудшились.

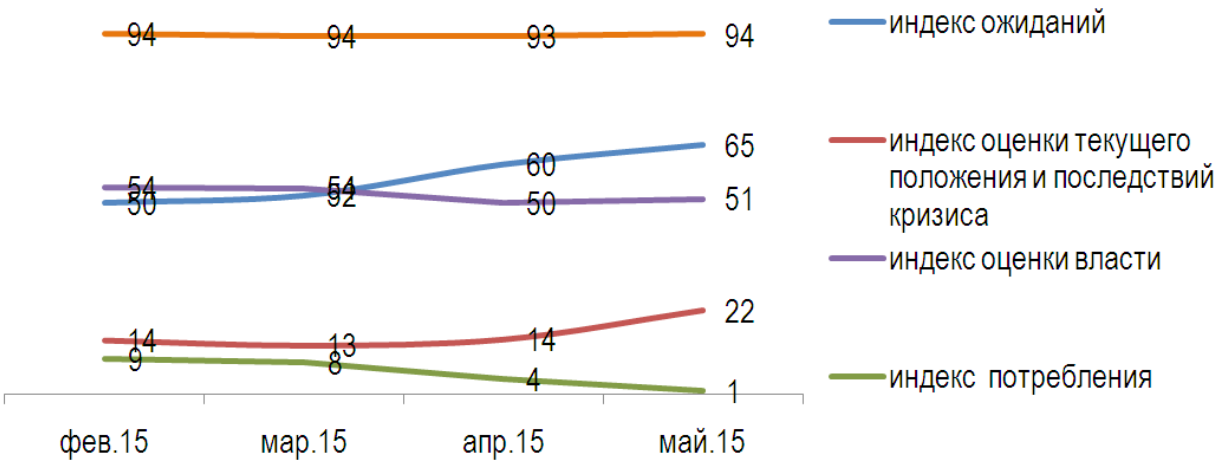

Рисунок 1. Индексы в динамике

Чтобы понять, сконцентрированы ли проявления в виде экономии и негативных тенденций на рынке труда, осложнили ли они жизнь всех или лишь части мы выделили типы респондентов по характеру испытываемых ими трудностей. С помощью кластерного анализа (k-mean, решение для 3 кластеров) было выделено три группы. Кластер 1 включил около половины опрошенных (47%) — тех, кто, столкнулся с экономией, но не на вещах первой необходимости – развлечениях, технике, электронике, отпуске и др. Кластер 2 включил около 43 % опрошенных — тех, кто, по сути, не столкнулся ни с какими проявлениями кризиса и мало экономит, а если и сталкивается с ограничениями, то только на вещи не первой необходимости, например, отпуск (как показывают интервью, для некоторых единственным проявлением кризиса стала коррекция планов на отпуск – вместо еврозоны они выбрали более дешевые страны, например). В оставшуюся группу попало еще около 10% опрошенных – это группа, на которой кризисные проявления сказались наиболее болезненно – они столкнулись со всеми видами экономии, в том числе на продуктовой корзине, со снижением дохода из-за сокращений заработных плат и/или премий и бонусов. При том, что с невозможностью погашения кредита столкнулось крайне мало респондентов, большая их часть сконцентрирована в этом кластере. Они же и наиболее закредитованные – более половины (51%) отдают в погашение кредитов от трети до 70% ежемесячного дохода. Для сравнения, в 1 кластере таких около 43%, во 2, самом благополучном – около 27%. 1 и 3 кластеры характеризуются также низкими накоплениями «на черный день» – 76% и 69% соответственно не имеют накоплений (для сравнения, во 2 кластере таких около 40%).

На карте (рис. № 2) визуально представлены выделенные кластеры и виды последствий. Голубые шары – кластеры. Темно-синие шары – виды последствий. Размер шара – нормированная на 100% доля кластера или тех, кто

столкнулся с определенным видом последствий. Близость вида последствий и кластера свидетельствует о том, что это последствие более характерно для данного кластера и не означает, что представители других кластеров с ним не сталкивались. Вертикальная ось на графике отражает экономию (на карте представлены не все виды экономии, прочие очень тесно связаны с представленными), горизонтальная ось – негативные последствия кризиса на рынке труда в виде сокращения заработных плат, перевода на неполный рабочий день и т.д.

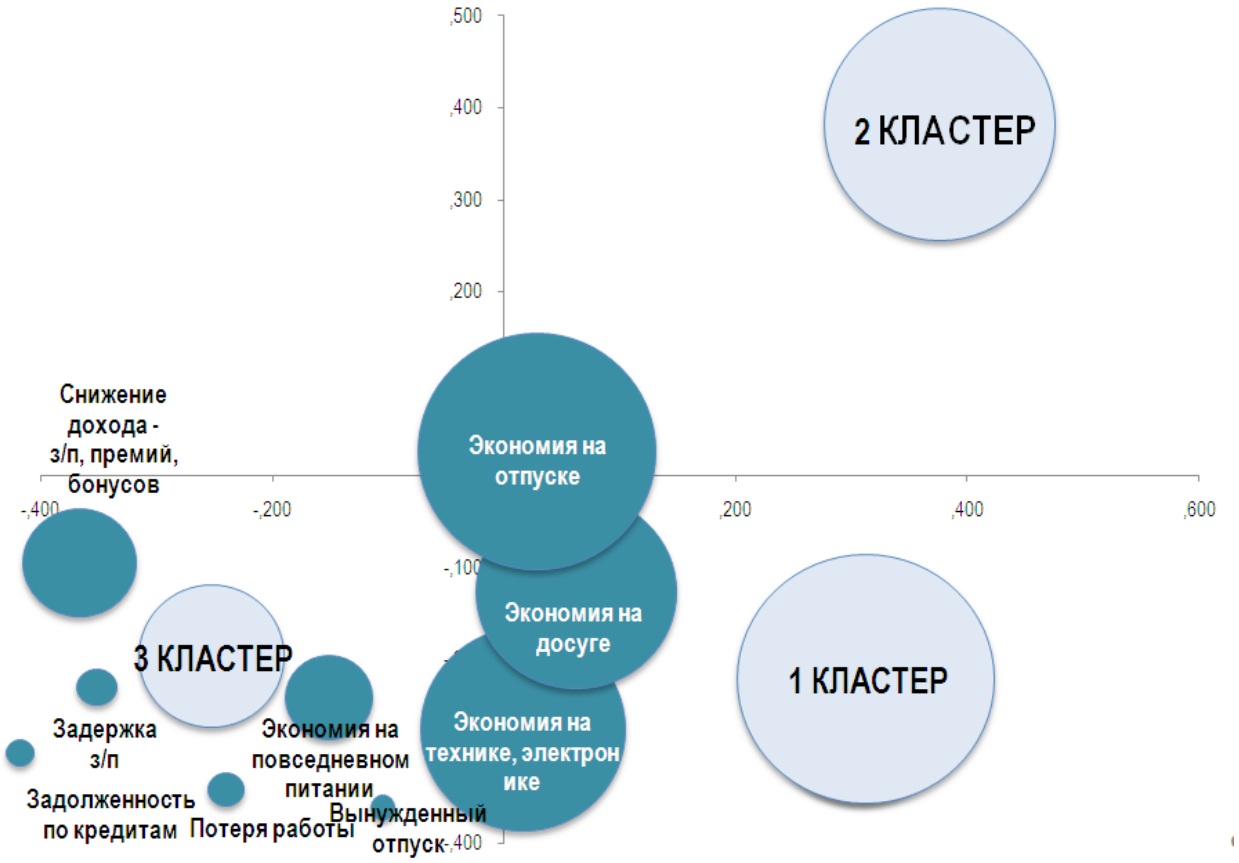

Рисунок 2. Кластеры респондентов по типу кризисных проявлений

Негативная динамика гипотетически должна сказываться на оценке работы органов власти. И мы действительно видим некоторое ухудшение оценок (см. рис. 1). Совместный анализ переменных материального положения, его динамики, ситуации в стране и регионе, прогнозов на будущее позволил выявить несколько закономерностей. Гипотезы проверялась с помощью коэффициента корреляции Спирмена, использовался бутстреп. Нужно подчеркнуть, что корреляционный анализ не позволяет сказать о том, что органы власти на каком-то уровне больше винят в кризисных проявлениях, но лишь о том, что какой-то уровень власти становится более/менее уязвим для критики в связи с изменением достатка.

Во-первых, нужно констатировать, что связь между изменениями в экономическом положении личном, страны и региона, ограничением потребления с оценками власти есть, но слабая (между фактором оценки текущего положения и последствий и фактором оценки власти – Rs= 0,320, p<0,01, с сокращением потребления коэффициент еще меньше). Это можно объяснить исходя их анализа структуры высказываний о причинах кризиса («открытые» ответы на вопросы массового опроса и индивидуальные интервью). Основные причины кризиса связывались и продолжают связываться с действиями внешних сил в отношении России – санкциями стран запада, политикой США и т.д. А ухудшение достатка, сокращение потребления – это следствие изменения курса валют, во-первых, своекорыстия и сговоров местных предпринимателей, пользующихся предлогом для повышения цен, во-вторых (эта объяснительная модель, насколько можно судить, для северной территории типична – *«на северянах стараются нажиться»*, как часто говорят информанты).

Связи с оценками отдельных уровней (федерального, окружного, местного) практически такие же (для Правительство АО, например, Rs= 0,294, p<0,01), как и с агрегированной переменной оценки власти. На фоне этих пусть слабых, но фиксируемых связей, мы видим очень слабую корреляцию с оценками Президента и Губернатора страны и региона (Rs= 0,152, p<0,01 и Rs= 0,131, p<0,01). Первые лица страны и региона – вне критики. При этом доля негативных оценок немного подросла относительно всех уровней власти (не считая Президента, так как здесь доля негативных оценок и ее колебания находятся в рамках погрешности). Возможно, логика здесь косвенная – на фоне опасений, недовольства люди более критичны и формулируют больше претензии любого рода.

Более тесная связь оценки власти (можно расценивать как значимую разницу в коэффициентах корреляции) наблюдается не с оценкой текущей ситуации и последствий кризиса, а с ожиданиями от развития ситуации в стране, регионе, собственном бюджете (Rs= 0,408, p<0,01). Коэффициенты корреляции не позволяют говорить о причинно-следственной связи, но в ряде интервью прослеживается следующая логика – выражаемый оптимизм участники связывали с уверенностью в Президенте или Губернаторе, например.

Список литературы:

Красильникова М. Отношение к власти в структуре социального самочувствия // Вестник общественного мнения. No 2 (112) апрель–июнь 2012. С. 56-62.

ОБРАЗ РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ ТЮМЕНИ

В. В. Маленков –
к.социол.наук, доцент
кафедры туризма Тюменского
государственного института культуры

Образ страны, государства представляется явлением весьма многогранным. В зависимости от объектов ассоциации можно выделить следующие его аспекты: пространственный образ (в т.ч. образ территории), ключевые символы страны (как официальные, так и исторически сложившиеся, неформальные), личностная проекция (исторические личности, выдающиеся люди, действующие политики, государственные деятели и т. д.). Особое место в исследовании образа страны занимает временная проекция, которая фиксирует представления о прошлом (образ прошлого, социальная память), настоящем и будущем (образ будущего), а также цивилизационная (система координат «Восток-Запад») и геополитическая идентичность (империя или нация), актуализированные в последние полтора года.

Россия сегодня оказалась на очередном «крутом повороте», переживает тотальную переоценку и переосмысление своего прошлого, формирует новую стратегию социально-экономического развития, строительства и укрепления нации. Процессы эти вызывают весьма противоречивую оценку, неоднозначное восприятие в общественном мнении. С целью выявить некоторые представления о прошлом и будущем России, ее цивилизационной и геополитической идентичности в апреле-мае 2015 года был проведен анкетный опрос жителей Тюмени. Объем выборки составил 1100 респондентов. Выборка случайная, квотная, репрезентативна по признаку пола и возраста.

В начале анкеты был задан обобщенный вопрос. Респондентам необходимо было оценить значимость различных жизненных сфер по четырехуровневой шкале (от «ничего не значит для меня» до «очень значимо»). Таблица включала 18 позиций. Позиция «возрождение и развитие России» оказалась в среднем диапазоне значимости. Ее отметили как значимую 71,5% опрошенных (37,5% выбрали вариант ответа «достаточно значимо», 34,0% считают возрождение и развитие России «очень значимым»). Лидерами данного рейтинга стали «хорошее здоровье» (89,6%), «материальное благосостояние» (88,9%), «интересная работа» (86,7%). Аутсайдерами рейтинга являются «возможность выражать мнение по политическим и другим проблемам без опасения за личную свободу» (44,4%), «участие в социально-политических движениях и организациях» (38,4%), «возможность критиковать и контролировать власть» (34,2%). Наиболее существенные различия наблюдаются в количестве обозначивших вышеперечисленные позиции как «очень значимые». Хорошее здоровье очень значимо для 66,8% опрошенных,

интересная работа – 60,2%, материальное благосостояние – 56,7%, возрождение и развитие России – 34,0%, возможность выражать мнение по политическим и другим проблемам без опасения за личную свободу – 14,8%, участие в социально-политических движениях и организациях – 14,2%, возможность критиковать и контролировать власть – 10,1%.

В массовом сознании циркулируют различные символические модели, мифологизированные представления о прошлом России. Различные исторические периоды наполнены смыслами и имеют свои особые стереотипизированные образы. Один из вопросов анкеты был направлен на выявление «темпорального образа России». Выяснилось, что большинство тюменцев ассоциируют себя с современной Россией (38,5%). С ушедшими эпохами ассоциируются 36,4% респондентов, из них с историческим концептом «Святая Русь» 10,6%, с Российской Империей 11,9%, с Советским союзом 13,9%. Безразличие к данному вопросу зафиксировали 11,7% опрошенных. С будущей возрожденной Великой Россией себя связывают лишь 11,4%. Результаты ответов на данный вопрос в зависимости от возраста респондентов представлены в таблице 1.

Таблица 1

С каким образом России ассоциируют себя респонденты

Варианты ответа	Возраст (лет)						
	17-20	21-25	26-30	31-40	41-50	51-60	61 и более
Святая Русь	13,2	10,2	11,9	9,9	9,4	7,2	3,0
Российская империя	13,2	14,0	14,4	9,1	9,4	7,2	6,1
Советский союз	4,8	8,7	8,5	19,8	32,5	24,6	33,3
Будущая возрожденная Великая Россия	8,8	11,4	14,4	14,9	9,4	14,5	9,1
Современная Россия, хотя и переживающая трудности, но продолжающая преобразования	41,2	36,4	44,1	38,0	34,2	34,8	39,4
Ни с каким, мне это безразлично	17,6	15,9	5,9	6,6	4,3	8,7	6,1
Затруднились ответить	1,2	2,3	0,8	1,6	0,9	2,8	3,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Роль советского времени в конструировании прошлого и будущего России чрезвычайно велика. В медиадискурсе достаточно часто транслируется идея исторической преемственности, необходимости переосмыслить советский опыт. Хотят ли жители Тюмени возврата в том или ином виде к советской системе? Два вопроса были посвящены этой теме.

С мнением, что необходимо отказаться от попыток восстановления в том или ином виде советской системы, согласны 75,9% опрошенных (22,5% – полностью согласны, 53,4% – согласны частично), не согласны 22,0%. Чем старше респонденты, тем они более согласны с предложенным утверждением, чем моложе, тем больше частично согласных (Табл. 2).

Таблица 2

Согласны ли со следующим утверждением:
«Современная Россия должна отказаться от попыток восстановления в том или ином виде советской системы»

Варианты ответа	Возраст (лет)						
	17-20	21-25	26-30	31-40	41-50	51-60	61 и более
Полностью согласны	23,8	18,3	20,3	20,7	26,5	30,8	30,3
Согласны частично	52,4	60,5	57,6	51,2	46,0	43,1	42,4
Не согласны	23,4	20,2	21,2	26,4	20,4	21,5	18,2
Затруднились ответить	0,4	1,1	0,8	1,7	7,1	3,6	9,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Утверждение, что Россия должна восстановить все хорошее, что было в СССР, поддержали 63,7% опрошенных (19,5% полностью согласны с данной позицией, 44,2% частично согласны). Несогласными оказались примерно треть участников опроса (34,3%). При анализе ответов в зависимости от возраста обнаружились явные различия. Респонденты от 40 лет и старше более половины в каждой возрастной категории ответили отрицательно на это утверждение (Табл. 3). В самой старшей возрастной категории полностью и частично согласных оказалось 42,4%, тогда как в самой молодой 73,3%.

Таблица 3

Согласны ли со следующим утверждением:
«Россия должна восстановить все хорошее, что было в СССР»

Варианты ответа	Возраст (лет)						
	17-20	21-25	26-30	31-40	41-50	51-60	61 и более
Полностью согласны	23,9	23,2	13,7	26,4	9,7	6,1	12,1
Согласны частично	49,4	46,8	48,7	44,6	31,9	33,3	30,3
Не согласны	25,5	29,3	35,9	28,1	53,1	56,1	51,5
Затруднились ответить	1,2	0,8	1,7	0,8	5,3	4,5	6,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В настоящее время в социально-политическом пространстве развернулся дискурс, связанный с определением ключевых для развития страны и становления российской нации вопросов. Некоторые из них имеют конъюнктурный характер, но большинство составляют «традиционные вопросы», получившие новое звучание в современной социально-политической ситуации.

Первый вопрос из данной серии посвящен цивилизационной идентичности России. А именно, является ли Россия составной частью западной цивилизации. Количество не согласных с данной позицией в целом по выборке 17,3%. Полностью согласны с утверждением 31,5%, частично – почти половина опрошенных (49%). Введение независимой переменной «возраст респондента» позволило выявить различия в представлениях разных возрастных групп (табл. 2). Наблюдается зависимость – чем старше респонденты, тем более они согласны с предложенным утверждением.

Таблица 4

Согласны ли со следующим утверждением:
«Россия – составная часть западной цивилизации»

Варианты ответа	Возраст (лет)						
	17-20	21-25	26-30	31-40	41-50	51-60	61 и более
Полностью согласны	23,3	27,4	33,3	33,1	35,1	56,1	51,5
Согласны частично	58,2	52,1	48,7	47,5	46,8	21,2	24,2
Не согласны	17,7	19,4	17,1	18,6	11,7	18,2	12,1
Затруднились ответить	0,8	1,2	0,9	0,8	6,3	4,5	12,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

На вопрос должна ли Россия идти по «западному пути» получены несколько отличающиеся результаты: 47,4% полностью согласны с этой позицией, 36,2% согласны частично и 14,3% выразили свое несогласие. Таким образом, во всех возрастных группах число согласных по сравнению с предыдущим вопросом возросло. То есть количество сторонников западного пути развития оказалось больше, чем считающих Россию частью западной цивилизации.

Таблица 5

Согласны ли со следующим утверждением:
«Россия должна идти по «западному пути»

Варианты ответа	Возраст (лет)						
	17-20	21-25	26-30	31-40	41-50	51-60	61 и более
Полностью согласны	43,8	40,5	46,2	43,0	63,4	66,2	60,6
Согласны частично	42,6	42,4	38,5	34,7	21,4	20,0	18,2
Не согласны	12,9	16,4	13,7	21,5	8,9	9,2	12,1

Затруднились ответить	0,8	0,8	1,7	0,8	6,3	4,6	9,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Концепция особого пути также является ключевой идеей в современном российском идеологическом дискурсе. Большинство респондентов (48,1%) не согласно с такой позицией, 38,3% частично согласны, 12,1% полностью согласны с утверждением.

Таблица 6

Согласны ли со следующим утверждением:
«Россия не похожа на другие страны, у нее свой «особый путь»

Варианты ответа	Возраст (лет)						
	17-20	21-25	26-30	31-40	41-50	51-60	61 и более
Полностью согласны	12,8	10,3	11,1	20,8	9,6	7,4	12,1
Согласны частично	40,8	48,5	36,8	35,8	32,2	23,5	6,1
Не согласны	44,8	40,8	51,3	43,3	53,9	67,6	75,8
Затруднились ответить	2,0	0,4	0,9	0,0	4,3	1,5	6,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Большинство опрошенных (63,4%) согласны с утверждением, что Россия должна быть «империей», другого пути у нее нет. Треть респондентов (34,7%) не согласились с этим утверждением. В самых младших возрастных группах количество «согласных» больше, чем в целом по выборке – в категории от 17 до 20 лет данная цифра равна 71,5%, в категории от 21 до 25 лет 63,5%.

Таблица 7

Согласны ли со следующим утверждением:
«Россия должна быть «империей», другого пути у нее нет»

Варианты ответа	Возраст (лет)						
	17-20	21-25	26-30	31-40	41-50	51-60	61 и более
Полностью согласны	28,9	20,9	22,2	22,3	16,4	22,7	21,9
Согласны частично	42,6	42,6	35,0	43,8	36,4	36,4	34,4
Не согласны	27,7	35,4	41,0	33,1	42,7	36,4	34,4
Затруднились ответить	0,8	1,1	1,7	0,8	4,5	4,5	9,4
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В заключении данной серии вопросов был задан обобщенный вопрос, касающийся актуального вектора развития России. Большинство респондентов (55,6%) отметили свое частичное согласие с приведенным утверждением. Достаточно мало респондентов выразили полное согласие с предложенной позицией (12,9%). Результаты ответов по разным возрастным группам приведены в таблице 8.

Таблица 8

Согласны ли со следующим утверждением:
«Россия в настоящее время развивается в правильном направлении»

Варианты ответа	Возраст (лет)						
	17-20	21-25	26-30	31-40	41-50	51-60	61 и более
Полностью согласны	12,0	11,4	12,8	14,9	13,4	14,9	18,8
Согласны частично	53,4	59,9	50,4	57,9	53,5	50,7	65,6
Не согласны	33,9	27,9	35,9	26,4	27,7	34,3	12,5
Затруднились ответить	0,7	0,8	0,9	0,8	5,4	0,1	3,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ УКРАИНЫ В УСЛОВИЯХ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ

М.В. Мокляк –
к.экон.н., доцент кафедры
международной экономики и маркетинга

Ю.М. Попова –
к.экон.н., доцент кафедры
международной экономики и маркетинга
Полтавского национального технического
университета имени Юрия Кондратюка,
Украина

Опыт становления и укрепления интеграционных связей между европейскими государствами, являющимися суверенными и независимыми, приобретает в условиях глобализации особую важность и актуальность. Переход от Европейского экономического сообщества к Европейскому союзу знаменует собой сложный, порой противоречивый процесс отказа государств от своих суверенных прав в различных отраслях и передачи их в ведение наднациональных органов власти. Евросоюз – это межгосударственный союз, основанный не на принуждении и силе, а на осознании европейцами общности их интересов и понимании, что такие интересы наиболее эффективно реализуются путем совместных согласованных действий и координации сил и средств.

Необходимо отметить, что сегодня наряду с экономической и политической евроинтеграцией происходят процессы, направленные на создание именно европейского общества. Это означает, что наряду с сотрудничеством в политической, экономической, правовой сферах приоритетности приобретают общие европейские образовательная, языковая, культурная, спортивная и другие политики неэкономического характера.

Поэтому важно проанализировать возможное влияние ЕС на тенденции социокультурной среды в Украине, поскольку без внимания к изменениям в культурной сфере невозможны успешные трансформации в обществе в целом.

Разработка основных направлений работы по интеграции Украины в европейское социокультурное пространство, в котором продуцируются общие идеи и ценности, имеет целью ускорения в Украине всех процессов евроинтеграции и их дальнейшее успешное функционирование.

На сегодняшний день можно констатировать роковую недооценку социокультурной сферы в процессах евроинтеграции. Об этом свидетельствует тот факт, что в проекте Соглашения об ассоциации (Association Agenda), над которой работали МИД, сфере культуры, образования, спорта и другим

вопросам неэкономического блока предоставлена одна страница из 38. Причем перечисленные пункты являются поверхностными и не отражают желание включить Украину в социокультурные процессы, происходящие в ЕС. Если вопросы социокультурного характера останутся в соглашении на таком уровне, то евроинтеграция Украины останется только формальностью, как это было все предыдущие годы [5].

Поэтому в данных условиях важно обратить внимание на новые ориентиры в культурной политике, причем под культурной политикой в узком смысле надо понимать деятельность по сохранению, развитию и распространению культурного наследия, а также поддержание функционирования учреждений и организаций, которые принадлежат к сфере культуры.

Целью преобразований должно стать налаживание культурных обменов и диалога, а также изменение системы и подходов к управлению в этой области, которые базировались бы на принципах демократии, признании культурных прав и свобод.

Важным направлением культурной политики является внесение изменений в ценностные установки общественного сознания, поскольку без кардинальных изменений в сфере ценностей украинское общество не имеет шансов на успешную модернизацию. В частности, необходимо формирование новых идей развития, которые заключаются в отказе от идеологии потребления и утверждении новых ценностей гармонии потребностей человека как индивида с потребностями общества.

Другим важным направлением является повышение экономической самодостаточности учреждений культуры. Эта самодостаточность инновационной культурной деятельности должна быть обеспечена, с одной стороны, использованием современных маркетинговых технологий, с другой – протекционизмом государственных органов власти, в том числе путем создания благоприятных условий для привлечения спонсорских ресурсов. Необходимо также повысить квалификацию руководителей и сотрудников учреждений культуры в области управления инновационной деятельностью. Первоначально это касается умения внедрять в работу учреждений культуры новые организационные, технологические и маркетинговые технологии.

Особое внимание необходимо уделить проблеме преодоления дисбаланса между информационными пространствами Украины и ЕС. В Украине сформированы предпосылки информатизации и развития информационного общества согласно европейским стандартам. Так, в 2002 г. был принят Закон Украины «О Национальной программе информатизации», согласно которому государство способствует процессам информатизации украинской экономики, а также развивает и поддерживает все формы международного сотрудничества в сфере информатизации. Закон заложил

фундамент становления информационного общества в Украине. В 2007 г. был принят Закон Украины «Об основных принципах развития информационного общества в Украине на 2007-2015 гг», согласно которому за последние годы осуществляются целенаправленные меры по развитию информационного общества, что прямо пропорционально влияет на место нашей державы в международных индексах.

Следует отметить, что одной из главных задач на пути к европейскому информационному обществу выступает построение цифровой телекоммуникационной инфраструктуры. В 2006 г. Украина, среди других 129 государств, подписала международный документ «Женева-2006», согласно которому к 2015 г. закончится переход от аналогового к цифровому вещанию. В 2012 г., согласно международным

обязательствам, запущено национальное цифровое телевидение «Т2», которое покрывает 98% территории Украины и транслирует 32 канала в цифровом качестве [6].

Решающим показателем социокультурной интеграции страны в сфере информационного пространства должно быть не количество приобретенной техники или подключенных к сети Интернет рабочих мест, а уровень компьютерной грамотности и информационной культуры населения, степень интегрированности информационных технологий во всех сферах хозяйствования, уровень развития информационного насыщения производства (речь идет о создании качественной информационной продукции). Новое информационное пространство становится естественным для людей. Те, кто вовремя не подготовился к интеграции в мировое информационное пространство, рискует остаться на периферии информационного развития. В мире образовалась угроза нового разделения стран по признаку уровня развития информационной сферы на: «информационно богаты х» и «информационно бедных».

Таким образом, решающее значение для социокультурной интеграции Украины будет иметь информационная политика, которую выберет государство в современных условиях перераспределения мирового информационного капитала.

Важнейшей составляющей интеграционных процессов является сотрудничество в сфере науки и образования. Украина является седьмым из самых активных иностранных стран-партнеров 7 Рамочной программы (7РП) ЕС по исследованиям; 150 исследовательских организаций из Украины принимают участие в 112 проектах 7РП с финансированием со стороны ЕС более 14 млн евро. Среди популярных направлений участия выделим программы обмена учеными «Мария Кюри», проекты, направленные на защиту окружающей среды, развитие транспорта и исследованию космического пространства.

Сотрудничество «Украина – ЕС» в сфере образования и культуры основывается на процессе разработки стратегических приоритетов до 2020 г. В мае 2009 г. Совет ЕС утвердил Стратегию Европейского сотрудничества в сфере образования и обучения (Education & Training 2020), выделяя его четыре стратегические цели:

1) обучение в течение всей жизни и мобильность;

2) качество и эффективность;

3) равенство и социальное единство;

4) инновации и творчество, в том числе развитие предпринимательства.

Мероприятия в рамках достижения этих целей должны также способствовать процессу межправительственного взаимодействия в сфере высшего образования в рамках Болонского процесса. Документ определяет: приоритетами модернизации системы высшего образования в ЕС к 2020 г. станут реформирование учебных планов, управленческая реформа и реформа финансирования отрасли образования и обучения [7].

Продолжается сотрудничество Украины и ЕС из образовательных программ. В частности – «Темпус», в рамках которого выполняется 12 проектов и рекомендовано 11 проектов с участием украинских высших заведений образования. Украина принадлежит к числу самых активных участников программы ЕС «Эразмус Мундус». В рамках программы ЕС «Жан Моне» на основе высших заведений образования Украины основано кафедры по изучению европейской интеграции и европейского права. Расширению участия в указанной программе значительно способствует работа Национального «Темпус» – офиса в Украине. Важным инструментом двустороннего сотрудничества стали совместное заседание Подкомитета № 7 «Наука и технологии, исследования и разработки, образование, культура, общественное здоровье, информационное общество и медиа» и заседание тематической платформы № 4 «Межчеловеческие контакты» Восточного партнерства.

В связи с вышеизложенным, считаем целесообразным:

- максимально расширить и детализировать часть текста Соглашения о сотрудничестве;

- сформировать положительный имидж в государствах-членах ЕС;

- создать условия для преодоления «языкового барьера» между Украиной и ЕС;

- внедрить эффективную информационную политику в сфере социокультурной интеграции;

- интенсифицировать процессы включения украинского образования и науки в единое образовательное и исследовательское пространство, которое формируется в пределах ЕС;

- приобщиться к программам и мероприятиям ЕС в рамках спортивной политики объединения;

- присоединиться к проектам построения Европейской цифровой библиотеки «Европеана» (Europeana) и сети GEANT;

- создать мощный Интернет-портал по вопросам евроинтеграции [4].

Именно реализация данных мер будет служить базой для дальнейшей успешной адаптации украинской социокультурной среды в европейскую.

Список лтературы:

1. Круглий стіл «Перспективи модернізації в Україні і тенденції змін суспільної свідомості» (Київ, 11 лютого 2013 р., Інститут соціології НАН України) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://i-soc.com.ua/institute/press_relis.pdf

2. Проблемы и перспективы инновационного развития экономики: Материалы Десятой междунар. науч.-практ. конф. по инновационной деятельности (Алушта, 12–16 сентября 2005 г.). – Киев: Феникс, 2006. – 328 с. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://naukainform.kpi.ua/Nauka_Naukoznavstvo/6-278%20Problemy%20i%20perspect.pdf

3. Концепція реформування державної політики в інноваційній сфері. (Схвалено розпорядженням Кабінету Міністрів України від 10 вересня 2012 № 691-р) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/691-2012-%D1%80

4. Проект Концепції Державної цільової програми інноваційного розвитку української культури на 2009-2013 роки / Міністерство культури України. Офіційний сайт [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://mincult.kmu.gov.ua/mincult/uk/publish/article/129791

5. Інтеграція України в європейський соціокультурний простір: проблеми та перспективи [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://old.niss.gov.ua/Monitor/November09/01.htm

6. Доклад о состоянии информатизации и развитие информационного общества в Украине за 2011 год / / Кабинет Министров Украины. – К.: 2011. – 94с.

7. Education and training [Electronic resource]. – Access mode: http://ec.europa.eu/education/

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ГИМНАЗИИ В КОНТЕКСТЕ МНОГОЭТНИЧНОГО ГОРОДА

Л.А. Осьмук –
д. социол.н., профессор, зав.кафедрой социальной работы
и социальной антропологии
Новосибирского государственного технического университета.

В.Г. Баранова –
директор гимназии № 9 г. Новосибирска

Современное общество, в котором социализируется ребенок, существует в контексте двух противоположных и детерминирующих друг друга тенденций: глобализации (смешении и унификации этнических культур) и реэтнизации на почве роста миграции (возвращении к этническим культурам и стремлении к обособлению). Российские школы уже столкнулись с обеими тенденциями и вынуждены на них как-то реагировать.

Обезличенные («универсальные») ценности глобализации негативно сказываются на духовности ребенка, но в то же время ориентируют его на знание иностранного языка (прежде всего, английского) и владение информационными технологиями. Без этого невозможна культурная коммуникация, ставшая основой современного общества. Одновременно возвращение к этническим традициям (включая язык, обряды, ритуалы) стимулирует формирование этнокультурной идентичности ребенка, но делит его мир на «своих» (принадлежащих конкретной этнической/национальной группе) и «чужих». Таким образом, и в той, и в другой тенденциях есть как преимущества, так и недостатки. Если обозначенными процессами не управлять, они будут провоцировать конфликты, в результате чего возникнет негативная, агрессивная среда для развития ребенка. Особая задача здесь возлагается на школу, которая может и должна формировать социокультурное пространство с учетом современных вызовов. Ребенку необходима дружественная, неконфликтная, неагрессивная среда с высоким уровнем толерантности. Если таковой нет, у ребенка появляются установки и ценности, вызывающие тревогу: превалирование материальных, потребительских ценностей над духовными, поверхностное («туристическое») отношение к достижениям мировых культур; признание только «своей» этнической/национальной культуры с пренебрежительным отношением к «другим» и др.

Социокультурное пространство Новосибирска как города-миллионера полностью отражает обозначенные выше тенденции, а значит,

и школы Новосибирска в своих воспитательных программах вынуждены учитывать этот контекст. Сегодня в городе проживают представители более чем 129 национальностей и этнических групп, каждую из которых отличает своеобразие материальной и духовной культуры[1], а интенсивность миграционных потоков только возрастает, что связано с географическим положением, транспортными коммуникациями и торговым статусом города. Реальность такова, что, если не формировать у детей (и автохтонного населения, и мигрантов) уважительного и толерантного отношения к культурам друг друга, через некоторое время мы столкнемся с разобщенными этническими/национальными группами с устойчивыми нетолерантными и даже агрессивными установками, не способными объединиться в единое многокультурное сообщество.

Решением сложившейся ситуации является формирование толерантного социокультурного пространства в школе, соответствующего многокультурному пространству города. Такое школьное пространство выступает в роли своеобразного «инкубатора» личности духовной, уважительно относящейся ко всем культурам. В советский период аналогом этому был интернационализм, воспитывающий уважительное отношение прежде всего к этническим культурам «братских» республик, входящих в Союз. Но хотя в СССР и формировалась толерантная среда, которую копировали школы (интернациональные мероприятия, праздники, фестивали), принцип интернационализма имел идеологический (классовый) характер и насильственные механизмы. В рамках современной ситуации проблема формирования такой многокультурной среды усложняется.

Модель толерантного образовательного пространства должна быть основана на культурных ценностях, предполагающих уважительное отношение к мировой культуре вообще, к собственной национальной культуре и к любой другой национальной/этнической культуре в частности. Конструирование социокультурного пространства может потребовать решения следующих задач:

1. сформировать в гимназии толерантную социокультурную (визуальную) среду с помощью «культурных площадок», информации разного рода о различных культурах (их традициях и достижениях) в оформлении стендов, выставок и др.;

2. осуществлять в этом пространстве постоянную деятельность, имеющую эстетическую и художественную направленность, связанную с «раскрытием» различных исторических и этнических культур (фестивали, праздники, диспуты, выставки и др.);

[1] Национальный состав населения Новосибирской области: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года /Тер. Орган. Федер. Службы госстатистики по Новосибирской области. – Новосибирск, 2012, – С.23.

3. развивать чувство уважения и толерантности к различным этническим/национальным культурам (через беседы, классные часы и другие мероприятия);

4. выявлять толерантные и нетолерантные позиции с помощью социо – и психодигностики, профилактировать конфликты на этнической почве;

5. сформировать толерантное социокультурное информационно-коммуникативное пространство через использование информационных технологий, использование гимназических печатных изданий, создание видеороликов по культурным и межэтническим проблемам;

6. формирование умений и навыков вести дискуссию по темам, связанным с развитием культуры вообще и этнических культур в частности, объяснять и обсуждать, что такое многокультурное пространство и как оно развивается в Новосибирске;

7. развивать исследовательскую деятельность гимназистов в рамках тематики многокультурного пространства, межкультурных отношений, развития и взаимодействия культур (участие в конференциях, проведение конференций в гимназии).

В формировании толерантного социокультурного пространства реализуется принцип «погружения». Под «погружением» понимается постепенная (от младшего модуля к старшему) адаптация ребенка к окружающему его социокультурному пространству, в котором ребёнок должен чувствовать себя максимально комфортно и свободно, без психологического напряжения, реализовать свои творческие способности в гимназических традициях. Стратегия формирования социокультурного пространства многокультурной модификации может выглядеть следующим образом:

Шаг 1. Формирование в гимназии толерантной социокультурной (визуальной) среды начинается с разработки нескольких (3-4) «культурных площадок» (например, «Русское подворье», «Восточный уголок»), представляющих собой оборудованные и оформленные площадки для коммуникаций (такие площадки могут быть оборудованы в фойе или в кабинетах). Для оборудования понадобятся проекты, которые можно обсудить с детьми и родителями. Одновременно с площадками оформляются стенды, посвященные различным культурам; это могут быть выставки фольклорных изделий (например, этнических кукол, «картинная галерея» этнических праздников и др.). Важно научить детей уважать культуру вообще, свою культуру и культуру других народов.

Шаг 2. Для того чтобы ребенок почувствовал свою причастность к формированию социокультурного пространства гимназии, для выстраивания межкультурных коммуникаций необходимо осуществлять в создаваемом социокультурном пространстве постоянную деятельность. Одним из

мероприятий, поддерживающих пространство, выступает «Парад культур». Социокультурное пространство в гимназии – пространство традиционное. Традиции здесь понимаются широко – берутся традиции как в учебной, так и воспитательной деятельности. В любом случае, традиция понимается как повторяющееся из раза в раз ритуализированное действие, имеющее собственную символику и приобретающую особый смысл для гимназистов.

Отдельное место в социокультурном пространстве всегда занимали фольклорные традиции и праздники, позволяющие лучше понять национальные/ этнические культуры. Обращение к этнической/ национальной культуре позволяет сформировать не только эрудированную, но и глубоко интеллигентную личность. В этих целях уже в младших классах в рамках курса «Основы культуры» изучаются древнерусские традиции; в 5-9 ведется специальный курс, посвящённый русской фольклорной культуре; в 10-11-х проводятся семинары-дискуссии, посвящённые проблеме многокультурного пространства и межэтническим/межкультурным отношениям. В гимназии отмечаются фольклорные праздники, такие, как Кузьминки, Рождество, Масленица; гимназисты знакомятся с фольклорными традициями и праздниками других народов. Приобщение родителей к проведению фольклорных праздников особо значимо для ребят, поскольку в их «замкнутое» пространство входят их близкие, что позволяет говорить о максимальном «проникновении» в этническую культуру, воспитании глубокого чувства гражданственности через эстетическое переживание.

Эстетическое развитие через узнавание этнической культуры приносит понимание этой культуры, чьи традиции и эстетика забыты для детей. При этом важно, чтобы дети не только интуитивно почувствовали это и испытали чувство радости, но и осознали всю важность прикосновения к традициям предков. Эстетика этноса – это цвет, форма, линия, пластика, гармония. Свести всё воедино достаточно сложно, но включение в учебный процесс целых курсов и семинаров, а также отдельных тем: существование «Русского подворья» и других площадок; апробация знаний и эстетических переживаний в театрализованных действах-праздниках – всё вместе это даёт очень хороший результат.

Уже сложившиеся традиции будут прирастать новыми в области межкультурных, межэтнических отношений.

Шаг 3. Развивать чувство уважения и толерантности к различным этническим/национальным культурам можно через беседы, классные часы и другие мероприятия. В старших классах хотя бы один раз в год проводится беседа на тему преимуществ культурного обмена и восприятия «чужих» ценностей и традиций. Беседа проводится и с родителями, администрация гимназии ставит в известность родителей о собственной точке зрения и проекте.

Шаг 4. Проект сопровождается мониторингом толерантности. Важно понять, насколько данная позиция сформирована у гимназистов. В процессе проведения мониторинга выявляются толерантные и нетолерантные позиции гимназистов с помощью социо- и психодигностики, что позволяет профилактировать конфликты на этнической почве.

Шаг 5. Толерантное социокультурное информационно-коммуникативное пространство формируется через использование информационных технологий, использование гимназических печатных изданий, создание видеороликов. На сайте ОУ и в печатных изданиях выкладывается информация, полученная на мероприятиях (праздниках, выставках, дискуссиях и др.); частично публикуются и результаты мониторинга. Вся информация должна быть направлена на развитие толерантности и поэтому тщательно проверяется.

Шаг 6. Проведение дискуссий в старших классах по темам, связанным с развитием культуры вообще и этнических культур в частности, позволяет прояснить многие острые вопросы. Важно, что гимназисты учатся открыто излагать свою точку зрения. Это связано и с формированием гражданской позиции. Дискуссии могут проходить после просмотра фильмов или видео-сюжетов.

Шаг 7. Развитие исследовательской деятельности гимназистов в рамках тематики многокультурного пространства, межкультурных отношений, развития и взаимодействия культур становится возможным через участие в конференциях, а также через проведение конференций (или научных семинаров, круглых столов) в гимназии. Эти мероприятия планируется проводить с участием преподавателей вузов, журналистов, общественных и культурных деятелей. Гимназисты пишут исследовательские работы под руководством преподавателей вузов по обозначенной тематике. Условие и цель: формирование толерантного социокультурного пространства.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПАРК РЕМЕСЕЛ: ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ПРАКТИК В РЕГИОНЕ

Л.А. Осьмук –
зав.кафедрой социальной работы
и социальной антропологии НГТУ,
д-р социол.н., проф.

И.А. Скалабан –
доцент кафедры социальной работы и
социальной антропологии НГТУ,
канд.истор.н., доцент

Курс на возвращение к культурно-историческим истокам в муниципальных образованиях России в значительной степени увеличивает роль культуры в развитии территорий. В соответствии с Федеральной Целевой программой «Культура России (2012-2018 годы)»: «Культурная среда сегодня становится ключевым понятием современного общества и представляет собой не отдельную область государственного регулирования, а сложную и многоуровневую систему, внутри которой решение проблем может быть только комплексным, учитывающим множество смежных факторов и соединяющим усилия разных ведомств, общественных институтов и бизнеса». Данная стратегия инициировала множество проектов, в основе которых лежит развитие традиционных ремесленных индустрий и культурного туризма (Карелия, Московская область, Архангельская область и др.) и, в конечном счете, развитие территорий средствами культуры. Исторические поселения оказываются здесь в более выгодном положении, поскольку имеют социокультурную базу для идентичности, выступающей основой для того, чтобы сдвинуть ситуацию с места.

В Новосибирской области таким известным, историческим поселением является п.Колывань (Колыванский район). Культурное прошлое Колывани может рассматриваться как ресурс для развития территории, однако этот ресурс необходимо активизировать. Колывань – старое купеческое поселение с богатой историей и социальной мифологией, расположенное в 30 км от города Новосибирска, центр муниципального образования. Численность населения Колыванского района на 01.01.2014 года составила 26 885 человек. В настоящий момент здесь сложилась ситуация, требующая новых системных решений в социокультурной и экономической политике района. Таким решением может быть создание многофункционального центра традиционных ремесел, что отвечает интересам как ремесленников (а также жителей, ориентированных на ремесленные практики), так и территориального сообщества. Мы полагаем, что:

1. Экономическое развитие Колывани требует активизации населения, в том числе, готовности его к самозанятости. Отсюда интерес к развитию креативных традиционных индустрий (ремесел, промыслов), которые могут расширить возможности самозанятости населения.

2. Формирование позитивного имиджа Колывани может быть поддержано как созданием самого центра традиционных ремесел, если он превратиться в сосредоточие интересных идей, событий и активности сообщества, так и результатами деятельности ремесленников данного центра.

3. Усиливающийся интерес к Колывани со стороны горожан, а также перспективы туристического бизнеса, требуют нового уровня сопровождающей культурные события ремесленной продукции и сувениров. Появление центра решило бы данную проблему, связанную, в том числе, с дефицитом интересных идей.

4. Если развивать активность местного сообщества, должен быть некоторый организационный центр, который работал бы, в том числе, на благоустройство территории и был сосредоточием проектной деятельности.

5. Существование дефицита мастеров, обучающих детей и молодежь, спрос на мастер-классы и обучение традиционным ремеслам, а также необходимость передачи уникального опыта – все это требует организации центра, активизирующего и систематизирующего данную деятельность.

В целях реализации проекта была проанализирована ситуация с ресурсами, к которым, в первую очередь, относятся люди. В процессе диагностики было проведено три фокус-группы с жителями п. Колывань и Колыванского района: одна с ремесленниками (профессионалами и любителями), сотрудниками творческих учреждений дополнительного образования, активными жителями, лидерами НКО, родителями, заинтересованными в получении дополнительного образования для детей. В общей сложности, в фокус-группах приняло участие 37 человек.

По результатам исследования интернет-контента, фокус-групп можно сделать следующие выводы:

Среда проживания оценивается жителями скорее как комфортная. Факторы проживания, значимые для сообщества: близость города, гармоничное сочетание природной и историко-культурной среды. Жители отмечают некоторое улучшение экономического и социального благополучия и рост активности сообщества. Вместе с тем, жители ощущают усиление социально-пространственного расслоения, как по экономическому признаку (богатые – бедные), так и по месту проживания (местные- горожане/ местные/ приехавшие), что воспринимается ими как размывание традиционно существующего сообщества.

Наличие формирующейся многоуровневой идентичности: п. Колывань – три поселения Колывань, Б.Оёш, Подгорное – Колыванский район. Вместе с тем, от старших жителей к младшим наблюдается усиление избирательности

идентичности по этнокультурному и пространственно-территориальному признаку. Так старшее поколение демонстрирует знакомство с основными культурными практиками сибирских татар, проживающих на севере района, воспринимает их как ингруппу, хорошо ориентируется и воспроизводит топонимику всего района. Молодое поколение интерпретирует татар как «других», не знакомо с их культурой. Воспроизводимая топонимика «сужается», носит территориально ограниченный характер и располагается вдоль трассы Новосибирск-Томск.

Слабая идентификация себя как сообщества жителями Колывани и Б.Оёша. Дискретная выраженность соседских сообществ и слабая выраженность сообществ интересов. В поселке мало референтных личностей, значимых и влияющих на сообщество, при наличии традиционной для подобных поселений структуры общественных объединений, лидеры которых, демонстрируют и имеют наработанные практики сотрудничества. Вместе с тем, со стороны жителей наблюдается устойчивый интерес к активности социо-культурного характера (особенно в сфере прикладного творчества и спорта) широкая распространенность и популярность среди населения практик пассивного участия («зрители»). Наблюдаются одновременно две тенденции: рост информационного запроса и пассивной поддержки жителями, проводимых на территории района анимационных мероприятий – фестивалей, праздников, публичных лекций и театральных постановок, и одновременно, сохраняется тенденция делегирования ответственности за общественную событийность местным органам власти, что сохраняет проблему поддержания инициируемых проектов широкой общественностью.

Очевидная особенность территории: историчность и мифологичность сознания жителей поселения. Колывань воспринимается жителями как центр исторической событийности, трансляции и возрождения социокультурного опыта прошлого. «Память» местных сообществ сохраняет и «воспроизводит» сведения о прошлом на основе воображения, порожденного чувствами и ощущениями, вызванными настоящим. Это формирует особую современную «колыванскую» мифологию, выражающуюся в признании за территорией особой «священной» земли, центра исторической событийности региональной истории. При этом позитивен образ будущего развития данной территории. В данном контексте, образ Колывани в пространственном и временном выражении в представлениях жителей представлен как законченный образ, со своим колоритным архитектурным и социально-культурным дизайном. В основе пространственного образа территории православная символика, объекты. Высокий авторитет православной церкви, особенно монастыря делает данные субъекты перспективными для сотрудничества по развитию проекта. При этом религиозная тематика в сознании колыванцев скорее часть социо-культурного дискурса, чем христианского.

Выделяются два типа «центра» Колывани – территория администрации, возле которой формируются и идентифицируются неформальные молодежные группы, а также территории Храма и музея, как исторических форм памяти территории. Особое значимое пространство отведено спортивной инфраструктуре и ее значимости со стороны местных сообществ. Выделяемая и отмечаемая на картах жителей социальная инфраструктура сообщества ориентирована преимущественно на детей, с ними связан и основной социально-образовательный запрос жителей. Это позволяет их рассматривать как основную обучаемую группу. Вместе с тем, слабо развиты досуговые практики, ориентированные на взрослых, в то время как запрос на них присутствует.

Ремесло и ремесленные практики вызывают у жителей устойчивый интерес. Ремесло как профессия и образ жизни, жители связывают преимущественно с селами Колыванского района. В п. Колывань жители воспринимают их возрождение скорее как развитие досуговых практик и связывают их возрождение с детским творчеством, хотя и выражают собственный интерес в участии в мастер-классах и творческих мастерских. Вместе с тем, у информантов отсутствует понимание значимости и понимания особенностей традиционных ремесел. Присутствует представление о связи ремесел с историческим контекстом, но четкого представления о видах традиционных ремесел нет. Образ купечества как часть исторического образа Колывани сегодня в сознании жителей более устойчив, чем образ ремесленника.

Ремесленные практики в Колыванском районе присутствуют, но регулярная ремесленная деятельность осуществляется только единицами. Ключевая причина, по мнению ремесленников, отсутствие рынка сбыта. Современные ремесленники Колыванского района – выражают интерес к возможности создания центра, и выражают готовность как к участию, как в ремесленной, так и образовательной деятельности.

Таким образом, в целом условия для формирования Социокультурного парка и возрождения традиционных ремесел наблюдаются.

Социокультурный парк – площадка, на которой «выращивается» ремесленное сообщество и воссоздаются ремесленные практики как традиционные индустрии, направленные на развитие территории. В созданном парке используются технологии бизнес-инкубатора как организации, помогающей ремесленникам (и интересующимся ремесленными практиками) развивать, или начать своё дело. С точки зрения Международной ассоциация технологических парков, технопарк – это организация, управляемая специалистами, которые нацелены на увеличение благосостояния местного сообщества посредством продвижения инновационной культуры. Социокультурный характер парка предполагает его специфику: он ограничен, с одной стороны, культурным содержанием возрождающихся ремесленных практик, с другой – территориальными задачами.

Центр направлен на стимулирование развития ремесленнического сообщества и развития творческой ремесленнической среды. Поскольку созданная структура имеет расширенные функции, предполагается оказание дополнительных услуг, направленных на формирование территориального ремесленного сообщества: обучение детей и молодежи основам ремесла; проведение мастер-классов для пожилых людей, инвалидов и женщин, воспитывающих детей; работу с семьями в рамках развития ремесленных практик. Кроме того Центр может осуществлять поддержку в следующих направлениях: поддержка развития туризма через разработку и создание сувенирной продукции, а также участие в создании привлекательного для туристов социокультурного пространства; помощь в проведении районных культурных событийных мероприятий и непосредственное проведение событийных мероприятий в центре (ярмарок, собраний, творческих встреч и др.)

Проблемы развития территорий часто упираются в неразвитое территориальное сообщество со слабо невыраженным уровнем: 1) социального участия и 2) его организованности. Стратегическим принципом Центра является приобщение местного, или территориального, сообщества к работе на площадках парка. Сообщество может решать через парк проблемы благоустройства территории (детские площадки, украшение скульптурами и др. улиц, оформление домов и др.), т.е. выступать одновременно и заказчиком и партнером в разработке проектов. В то же время и сами ремесленные практики не могут превратиться в индустрии по причине отсутствия территориальных ремесленных сообществ, т.е. профессиональных организованных групп. Формирование ремесленного сообщества зависит от уровня развития и интересов местного сообщества. Таким образом, в основании работы с сообществами лежит идея о том, что формирование сообществ требует интенсивных коммуникаций и, прежде всего, развития устойчивых горизонтальных связей. Основой сетевой модели являются стабильные и интенсивные коммуникации. Формой сосредоточения коммуникаций можно считать: территориальное (местное) сообщество; территориальное местное сообщество; любительское сообщество, или сообщество жителей, самореализующихся через ремесло как хобби (проведение досуга). Группа сопровождающих специалистов и экспертов выступает в качестве катализатора коммуникативной деятельности.

Развитие любых социальных практик требует релевантной среды. Система культурных традиций, осуществляемая через ритуалы и праздники, является автохтонной для традиционных ремесленных практик, культурных по своему содержанию. Отсюда деятельность территориального ремесленного сообщества и, соответственно, Парка должна быть привязана к культурным традициям и сопровождать их.

СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СУБЪЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

М.Б. Полтавская –
к.социол.н., доцент кафедры социологии Волгоградского государственного университета

Е.Н. Васильева –
к.социол.н., доцент кафедры социальной работы и педагогики Волгоградского государственного университета, доцент

Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект МК-2659.2014.6)

Социальное предпринимательство одно из обсуждаемых явлений среди современных исследователей. Анализ научной литературы свидетельствует о достаточно глубокой проработке вопросов деятельности малого предпринимательства, спектр проблем социального предпринимательства еще не раскрыты в полном объеме.

Значительный вклад в исследование проблемы внес Грегори Дж. Диз, работы которого посвящены изучению характерных черт социального предпринимательства [10]. Попытки классификации социального предпринимательства предприняты в трудах Р.Л. Мартина, С. Осберга [4], Ж.Б. Сэя [9]. Различными аспектами данной проблемы занимаются Дж. Коллинз, Дж. Поррас, Дж. Кикал [3], Т. С. Лайонс и ряд других зарубежных исследователей. Среди отечественных авторов, изучающих проблему социального предпринимательства, следует отметить М. Баталину, А.А. Московскую, Л. Тарадину [1] (Центр социального предпринимательства и социальных инноваций Высшей школы экономики), И.В.Задорина (ЦИРКОН) [7], Н.И. Звереву [2] и других. Однако данная проблема относится к разряду малоизученных и нуждается в дальнейшем исследовании.

Социальное предпринимательство – социальная активность в формате бизнеса или бизнес, ориентированный на решение социальной проблемы, а не на прибыль [7]. Дж. Г. Диз, которому принадлежит наиболее часто цитируемое определение, выделил пять характеристик социального предпринимательства: принятие на себя миссии создания и поддержания социального блага; выявление и использование новых возможностей для реализации выбранной миссии; осуществление непрерывного процесса инноваций, адаптации

и обучения; решительность действий, не ограничиваемая располагаемыми ресурсами; высокая ответственность предпринимателя за результаты своей [10].

Социальное предпринимательство охватывает виды деятельности и процессы, осуществляемые с целью выявить, определить и использовать возможности в целях повышения общественного богатства путем создания новых предприятий или управления существующими организациями инновационным образом. Как отмечают руководители Фонда «Наше будущее», у социального предпринимательства особая миссия - предлагать бизнес-решения для острых социальных проблем [2].

В России на данный момент отсутствует нормативное регулирование сферы социального предпринимательства. Единственный государственный документ, дающий определение социальному предпринимательству, это приказ 2013 г. №220 Минэкономразвития РФ. Социальное предпринимательство понимается в нём только как «предпринимательская деятельность, направленная на решение той или иной социальной проблемы». Она может идти как путём предоставления услуг категории лиц с ограниченными возможностями, так и путём обеспечения их занятости на предприятии. Изменения в Гражданском кодексе 2014 г. привели к тому, что некоммерческая организация теперь может заниматься не предпринимательской деятельностью, а «деятельностью, приносящей доход». Из-за отсутствия нормативного регулирования этой сферы будут возникать все новые и новые проблемы, поэтому без разработки правовых основ дальнейшая институционализация и идентификация социального предпринимательства будет затруднена.

Не только в России, но и в европейских странах большинство социальных предпринимателей, когда их просят определить свою деятельность, не идентифицируют себя как социальные предприниматели [11]. Это может быть объяснено большим количеством понятий, применяемых в социально-экономическом поле, и их неопределенностью. Многим трудно провести грань между социальными инновациями, социальной экономикой, социальной ответственностью бизнеса, социально ориентированным бизнесом, социальной корпоративной ответственность и другими схожими терминами.

Несмотря на множество правовых проблем, можно выделить некоторые ключевые моменты в процессе институционализации. В 2012-2013 гг. группой ЦИРКОН по инициативе фонда «Наше будущее» было проведено исследование с целью составления «портрета» социального предпринимателя [7]. Респондентами (N=102) являлись социальные предприниматели, которые идентифицировались в данном статусе внешними экспертами. Исследование не является репрезентативным, отмечается в отчете, так как генеральная совокупность социальных предпринимателей России на текущий момент не известна, однако оно отражает основные тенденции институционализации этого явления.

Если в традиционном предпринимательстве доминируют мужчины, то сфера социального предпринимательства представлена преимущественно женщинами (64% и 36% соответственно). Возрастные особенности ярко не проявляются, однако социальных предпринимателей в возрасте от 30 до 39 лет (32%) и от 40 до 49 лет (30%) чуть больше, молодежи до 30 лет (17%) и представителей старшего поколения (старше 50 лет – 21%) поменьше.

Уровень образования весьма высокий - высшее или незаконченное высшее образование имеют 85% и 4% соответственно, что говорит об их социальной активности и склонности к обучению.

Субъектами развития социального предпринимательства в РФ могут выступать социально ориентированные некоммерческие организации: консультируя о том, какие социальные услуги востребованы, являясь связующим звеном между клиентом и предпринимателем. С целью изучения отношения руководителей социально ориентированных некоммерческих организаций (далее СО НКО) к проблеме социального предпринимательства, выявления их представлений о его сущности, целях, функциях, было проведено качественное исследование методом глубинного интервью (N=17). Респондентами являлись руководители некоммерческих организаций, чьи организации входят в реестр СО НКО Волгоградской области [8].

Из опрошенных руководителей шестеро затруднились ответить, что представляет собой социальное предпринимательство, назвать характерные черты. Двое убеждены, что оно очень схоже с социально ответственным бизнесом. «Я так понимаю, социальное предпринимательство – это социально ответственный бизнес, так по новому почему-то стали называть» (Р.В., муж., 31 год).

«Социальное предпринимательство – это социально ответственный бизнес, это бизнес, который построен на создании системы внутри себя, внутри бизнеса. Где наемный работник спокойно работает, получает приличную заработную плату, где идет его обучение, повышают его квалификацию.<…> Когда ты выпускаешь продукцию качественную, без брака». (Т.В., жен., 63 года)

Для некоторых руководителей СО НКО социальное предпринимательство связано только с социально незащищёнными категориями граждан, если услуги предоставляются другим категориям, то оно перестает быть социальным. «Социальное - оно и понятно сразу, социальные группы населения берутся, и здесь уже совершенно другие расценки будут. <…> Возможно, какая-то система взаимозачетов». (В.А., муж., 36 лет)

Одним из вариантов представления социального предпринимательства было, выделение его как формы заработка СО НКО.

«Социальное предпринимательство – это некий бизнес некоммерческих организаций, который приносит некую прибыль этой организации. Если в уставе прописано это социальное предпринимательство, тогда он имеет

право им заниматься, если нет, тогда надо внести изменения в устав, чтобы заниматься этим социальным предпринимательством». (Е.В., муж., 35 лет)

Важными характерными чертами социального предпринимательства респонденты отметили следующее:

«Социальное предпринимательство – это все-таки созвучие социального и предпринимательства. Предпринимательство означает получение прибыли. Социальное – решение каких-то социальных проблем». (Н.В., жен., 41 год)

«Социальное предпринимательство рассчитано на незащищенные категории населения, и стоимость услуг будет на несколько порядков ниже. То есть не ради наживы какой-то…». (И.М., жен., 41 год)

«Отличие некоммерческого сектора от коммерческого - это как две огромные горы. В некоммерческом секторе главное - это цель, которую ты ставишь. А у предпринимателя другая цель - они находят себе какую-то нишу, где можно реализовать себя и заработать какую-то прибыль». (Е.В., муж., 35 лет)

Особенность подхода НКО к социальному предпринимательству заключена в том, что некоммерческая организация может оказывать услуги дешевле и качественнее. «НКО делают тот же вид и объем работ социального заказа, но они делают это более качественнее и намного дешевле, чем бюджетные организации. В этом плане социальное предпринимательство для государства получается выгодным вложением». (И.А., жен., 64 года)

Однако руководители отмечают, что не всякое решение социальной проблемы будет социальным предпринимательством. «Если взять какую-то социальную проблему, и просто «тупо» как люди делают бизнес, то я считают, что это просто бизнес. <…> Допустим, клиники детские, лечащие от ДЦП. Пытаются им за бешеные деньги помочь. И вроде как дело хорошее. Но с другой стороны не то...». (Н.В., жен., 41 год)

Руководители СО НКО отмечают, что у социального предпринимательства есть будущее, а социальному предпринимательству нужно учиться. «Нам нужно научиться заниматься социальным предпринимательством. Все равно этому надо будет учиться, определенно». (С.А., муж., 53 года). «Будущее у социального предпринимательства есть. Огромное будущее. <…> Просто это нужно продвигать законодательно, чтобы люди знали рамки, чтобы были какие-то рельсы, по которым можно идти». (Н.В., жен., 41 год)

Таким образом, среди руководителей СО НКО нет ясного понимания, что представляет собой социальное предпринимательство, каковы его характерные черты. Одной из причин такого положения является несформированность законодательной базы. Социальное предпринимательство чаще всего отождествляется руководителями НКО с благотворительностью или социальной ответственностью бизнеса. Однако общим является

направление деятельности, многие подмечают, что оно нацелено на оказание востребованных услуг, что это достаточно ограниченный ареал деятельности.

Таким образом, в ходе исследования подтвердилась гипотеза: среди руководителей СО НКО нет ясного понимания, что представляет собой социальное предпринимательство, каковы его характерные черты. Новый для российской практики феномен социального предпринимательства в сознании руководителей СО НКО четко не сформирован, что приводит к непониманию его значения и роли в жизни общества. Причинами этого является крайне низкая информированность о социальном предпринимательстве, отсутствие законодательной базы. Все это приводит к ряду проблем: многозначности толкования феномена, трудностям с институционализацией данного явления, затруднениям с самоидентификацией социальных предпринимателей.

Список литературы:

1. Баталина, М. Обзор опыта и концепций социального предпринимательства с учетом возможностей его применения в современной России: [Текст] / М. Баталина, А. Московская, Л. Тарадина. - М.: ГУ ВШЭ, 2007. 180 с.

2. Зверева, Н.И. Законодательное регулирование деятельности социальных предпринимателей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nb-fund.ru/news/dmitriy-medvedev-sotsialnomu-predprinimatelstvunuzhen-zakon.html (дата обращения: 07.08.2015).

3. Кикал, Дж. Социальное предпринимательство: Миссия сделать мир лучше [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.chaskor.Ru/article/sotsialnoe_predprinimatelstvo_missiya_sdelat_mir_luchshe_35095 (дата обращения: 20.08.2015)

4. Мартин, Р.Л. Социальное предпринимательство нуждается в точном определении / Р.Л. Мартин, С. Осберг [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ep-digest.ru/wp-content/uploads/2014/10/Social-Entrepreneurship.pdf – Загл. с экран. (дата обращения: 25.03.2015)

5. Московская, А. А. Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования [Текст] / А.А. Московская. - М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2011. - 288 с.

6. Осберг, С. Социальное предпринимательство – определение понятия / С. Осберг. – М., 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nb-forum.ru/thanalitic_391_76 (дата обращения: 20.12.2014).

7. Портрет социального предпринимателя: ключевые характеристики. Исследовательская группа ЦИРКОН, 2013. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/e4e/Portret_SP_Otchet.pdf [Дата обращения 20.08.2015]

8. Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций - получателей государственной поддержки http://inform.volganet.ru/folder_nko [Дата обращения 20.08.2015]

9. Сэй, Ж.Б. Значение социального предпринимательства / Ж.Б. Сей [Электронный ресурс] – Режим доступа: //http://www.fuqua.duke. edu/centers/case/documents/Dees_SEdef.pdf, свободный. – Загл. с экрана. (дата обращения: 19.05.2014).

10. Dees, G.J. The Meaning of Social Entrepreneurship, Reformatted and revised: May 30, 2001. / G.J. Dees [Электронный ресурс]. – URL: http: // www.fuqua.duke.edu/centers/case/documents/dees_sedef.pdf (дата обращения 20.03.2015)

11. Workshop «A European Ecosystem for Social Business», 25-26 May, 2011. Brussels.http://ec.europa.eu/internal_market/social_business/docs/conference/workshop_en.pdf [Дата обращения 20.08.2015]

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА И ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ СРЕДИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

О.А. Пузанова –
бакалавр социологии,
помощник депутата при Архангельском
областном Собрании депутатов

Молодёжь – это социально-демографическая группа, переживающая период становления зрелости, вхождение в мир взрослых, адаптация к нему и будущее его обновления. Молодёжь несёт особую ответственность за сохранение и развитие своей страны, за преемственность исторического и культурного наследия, за возрождение своего Отечества, является объектом национально-государственных интересов, одним из главных факторов обеспечения развития государства и общества.

«Формирования патриотизма и гражданственности в настоящее время является основной проблемной государства среди российской молодёжи, а так же развитие их жизненных стратегий.

Однако если складывается государство и государственность, должны быть и граждане. Раз есть Родина, должны быть и патриоты. Следует, что главной задачей при написании данной статьи стала попытка отследить гражданские и патриотические ценности именно молодежи как молодой группы современной России, а если смотреть глубже, то и как объективно лидирующей группы общества. Формирование патриотизма и гражданственности у современной российской молодежи имеет выраженную специфику, с учетом условий ее формирования, развития и жизнедеятельности.

Гражданственность и патриотизм российской молодёжи в большей степени развивается через то, как государство осуществляет для молодого поколения поддержку через комитет молодёжной политики. Из этого следует, что деятельностью молодёжной политики является система формирования приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодёжи, для развития её потенциала в интересах России, социально-экономическое и культурное развитие страны, обеспечение её конкурентоспособности и укрепление национальной безопасности». [1;228]

Как известно, что гражданственность и патриотизм молодёжи проявляется в том, насколько они активно принимают участие в формировании своих жизненных стратегий и в целом своего государства.

Так, например, в 2015 году в городе Архангельск проводилось исследование с целью выяснить отношение молодёжи к политической структуре России и её заинтересованность. Основная проблема была – это неявка на выборы. Как выяснилось в ходе исследования, молодёжь

принимает участие в голосовании время от времени, но постоянного прихода на избирательный участок нет. Для решения такого вопроса были предложены варианты: регулярные встречи с кандидатами, проведение совместных мероприятий и работы. Небольшая часть молодёжи готова принимать участие в продвижение жизненных стратегий и решения каких-то вопросов, но с поддержкой власти. При анализе полученных результатов можно выяснить является ли современная молодёжь патриотами и какие преобладают жизненные стратегии.

На сегодняшний момент заинтересовать молодёжи в политической сфере варьируется в соотношении 62,96 % и том, что в обыденной сфере они говорят о политических событиях 61,11%. Следует отметить то, что молодёжь является активной социальной группой, которая готова самореализовываться, готова проявлять интерес, но в отношении политики той части, которую имеют в виду в качестве выборной кампании и так далее, молодёжь, как правило, занимает отстраненную позицию, то есть иногда это позиция неготовности участия в каких-либо вещах, которые кажутся отношением ко взрослому миру, иногда это просто нежелание проявлять какую-то политическую активность осознанно на выборах. Традиционно молодёжь не достаточно активна по приходу на участок и применения своей гражданской позиции. Соответственно результаты оказались таковы, что молодёжь применяет свою гражданскую позицию и патриотизм к своей стране на выборах время от времени, если это им позволяет. По данному вопросу результаты оказались в соотношении 54%, в то время как 20% не принимают никогда участие и только всегда и не пропускают 26%. Но, тем не менее, молодёжь является активной движущей силой организации органов выборной кампании политической активности, участие именно работы в полях, работы с население.

Привлечением участия на выборах, выдвижение своих жизненных стратегий и гражданской позиции, прежде всего, следует считать, если власти будут решать реальные проблемы жизни страны, города; будет возможность надавить на власть, возможность обратить внимание на интересы молодежи; власти и партии дадут людям гарантии социально-экономической стабильности в регионе; представители власти, партийные лидеры и кандидаты на выбранный пост будут активно встречаться с молодёжью. В таком случае, молодёжь начнёт действовать и больше доверять власти, а значит она будет выражать свой патриотизм и гражданственность.

Для выражения своих жизненных стратегий молодёжи было предложена ситуация: «Если бы Вы стали президентов РФ, чтобы Вы изменили (если это нужно) в социальной и политической жизни России»? получилось следующее: «Необходимо улучшить условия жизни людей, чтобы пенсионеры могли прожить на пенсию, увеличить пособия по инвалидности, пособия матерям, в принципе увеличить внимание к тому, чтобы людям было хорошо. Не ограничивать на законодательном уровне их ориентацию, право

на аборт, на выбор профессии и так далее. Отстранить от власти людей, пытающихся выдвинуть абсурдные законы (к примеру, лишить женщин права на образование, аборт и так далее), которые являются преступлением против человека». «Наладить отношения с Европой, ужесточить контроль над здравоохранением и правопорядком, социальной поддержкой, начать настоящую борьбу с алкоголизмом, постараться повлиять на сознание людей, чтобы не было столько мусора и грязи на улицах». « Принятие законов, касающиеся прав ЛГБТ (брак для однополых пар), влияние РПЦ на внутреннюю политику, финансирование научных исследований. Больше бы из бюджета выделяла на нужды населения, например на ремонт дорог, повышений пенсии, зарплаты и стипендии студентам». «Политику в целом. Зачем помогать другим, если у самих полная разруха?! Нужно развивать страну, а не губить. Пару сотен законов. Ужесточила меры наказания для тяжких и особо тяжких преступлений». «Повышение развития с/х, повышение зарплат ученым, повышение финансирования научных проектов, чтобы америкосы прекратили скупку наших мозгов. Развивать нанотехнологии и военную оборону (+кибернетика). Обеспечение молодёжи рабочими местами». «Улучшение здравоохранение, так как здоровая нация- сила государства. А также считаю, что главная ценность не только человек, гражданин, но и семья, ячейку общества тоже надо поддерживать и охранять. Политический строй, увеличила размеры зарплат, пенсий и стипендий, обеспечила людей жильем и работой».

Анализируя данную ситуации можно с делать вывод, что у молодёжи есть представления о жизненных стратегиях и представление о политике. Так, например, для закрепления своих идеологий существуют множество различных, как политических, так и молодёжных организаций.

В политической жизни России молодёжь играет стратегическую роль. Реальный ресурс наравне с значимостью полезных ископаемых, финансовых, общих, глобальных проблем современности это коллосальный ресурс, потому что где не живут люди, там нет страны, обитаемость сознательная, сохранение культурного наследия, пропаганд его, сохранение нации в целом, стратегический вопрос, который напрямую зависит от молодежи её позиции, от её вообще наличия в стране. Преемственность не тогда, когда кто-то готов что-то передать, но и когда есть, кому принять и это тот, кто готов придти на смену и он адекватен и он не развалит страну, не подарит её и сохранит национальные интересы в их единстве, их общем понимании всей страны, всех поколений, всех возрастов. Поэтому относится к молодежи как к некой закрытой группе в резервуаре, которую сначала надо научить, а потом может быть дать возможность управления. Нужно понимать взрослые люди они уже созданы семьи у некоторых серьезный багаж. Быть молодым не значит быть не опытным или необразованным. Возраст в данном случае не помеха. Он скорее возможность больше успеть в жизненном промежутке.

Исследования процессов становления и развития гражданственности и патриотизма современного поколения молодых россиян требует углубленных исследований. Но в то же время следует укреплять и развивать научную базу таких исследований. С одной стороны, речь идет о бережном отношении к социологии молодёжи, отрасли социологического знания. С другой стороны, необходимо развивать интегративный подход к проблемам молодёжи через формирование и развитие общей теории молодёжи, способной не только объединить достижения различных отраслей знания, но и создать новое знание, основанное на достижении науки.

Сегодня можно наблюдать и являться участниками процесса становления поколения, которому суждено определять судьбу России. При всей сложности ситуации и не желания работать можно надеяться, что данное поколение во взаимодействии со старшими поколениями имеет возможность реализовать свою историческую миссию, преодолев разрушительные тенденции и исполнить тем самым свой патриотический и гражданский долг перед Родиной.

Список литературы:

1. Козлов А.А. д.с.н., проф. Учебное пособие для студентов, работников сферы молодежной политики и педагогов/– СПб. «Элексис Принт», 2005. 228 с.

2. Пузанова О.А. ВКР по социологии Отношение к современной российской политике и политические ориентации молодёжи г. Архангельска – г. Архангельск, 2015

ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ЦИРКУМПОЛЯРНОЙ ЗОНЫ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ТУПИК ИЛИ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Г.Ф. Ромашкина –
д.социол.н., профессор,
заведующий кафедрой математических методов, информационных технологий и систем управления в экономике Тюменского государственного университета

Ускоренное развитие российской Арктики – это вопрос стратегической важности. В современных реалиях мы не можем дать ни малейшего повода международной общественности поднимать вопрос об интернационализации северного морского пути и части арктических ресурсов, находящихся в сфере влияния Российской Федерации. На территорию Российской Арктики претендуют не только традиционно арктические страны, но и те, кто заинтересован в развитии транстерриториального транспорта, торговли, освоения арктического шельфа [1]. Поэтому в России актуализировался вопрос создания, а во многом и восстановления предпосылок формирования сильной, динамично развивающейся арктической зоны. В настоящее время практически все развитые страны вошли в новый этап, реиндустриализацию. Фактически речь идет о смене парадигмы развития, и о переходе на постриндустриальные рельсы сегодня уже мало кто говорит. Прогнозы видных экономистов, социологов, философов второй половины 20 века привели к череде глубочайших кризисов в начале века 21-го. Необходимость новой индустриализации, или реиндустриализации обусловлена катастрофическим снижением уровня занятости, снижением емкости внутренних рынков, что фактически привело к исчерпанию ресурсов текущего развития. Для России, с ее почти «самоуничтожившейся» индустрией, исчерпанием потенциала нефтегазовых рынков и растущей самоизоляцией, реиндустриализация превратилась в единственный возможный путь дальнейшего развития.

В данной работе мы попытаемся рассмотреть уровень модернизации российских регионов, входящих в арктическую зону России, сформировать возможные сценарии развития .

Согласно классической теории модернизации, развитие человеческой цивилизации включает три основных периода: первобытное общество, традиционное аграрное общество и современное индустриальное общество. Модернизация — процесс трансформации общества из традиционного аграрного состояния в современное (индустриальное). Даже те страны и регионы, которые не могут принять модернизацию и предпочитают

сохранять традиционный уклад жизни, испытывают социальные перемены, при этом разрыв в уровнях материальной обеспеченности и качестве жизни между ними и лидерами будет расти [2]. В 60-х годах XX века промышленно развитые страны завершили классическую модернизацию, и фокус развития сместился с урбанизации на дезурбанизацию, появилась тенденция перехода от индустриализации к деиндустриализации, что выразилось в постоянно снижающейся доле промышленности и постоянно растущей доле сферы услуг в экономике [3; 44].

Модернизацию экономики традиционно связывают с необходимостью инновационного развития, разработаны системы показателей оценки инновационного развития страны [4], проводится классификация стран по показателям инновационно-технологического развития, мирового рынка товара [5].

Концепция Хэ Чуаньци отличается от всех ранее известных, и сводится к рассмотрению мировой модернизации как длительного исторического процесса, который может быть разделен на два главных периода: первичную и вторичную модернизации. Первичная модернизация (ПМ) как переход от аграрной цивилизации к промышленной цивилизации и эре, она включает аналогичный переход от аграрной к индустриальным экономике, обществу, культуре и т. п. Вторичная модернизация (ВМ) как переход от промышленной цивилизации к цивилизации, основанной на знаниях, в это время также наблюдается переход к информационным экономике, обществу, культуре, происходит переход от материальной культуры к так называемой «постматериальной». Как отмечает Чуаньци Хэ, динамика ПМ проявляется в капитале, технологии и демократии, в то время как динамика ВМ проявляется через инновации в знаниях, институтах и человеческом капитале. Обе модернизации имеют несколько моделей и зависят от предшествующих путей их осуществления [3; 49].

Для того, чтобы была возможность объективной оценки модернизации в разных странах и регионах, на основе вышеизложенной концепции Центром исследований модернизации (ЦИМ) Китайской академии наук (КАН) разработана методика оценки модернизационного потенциала страны. Этот Центр опубликовал в 2001-2012 годах 11 докладов «Модернизация в мире и Китае» на основе анализа статистических данных 131 страны мира (97% населения Земли), включая Россию, к настоящему моменту для нас доступны данные, включая 2012 год [3].

Для анализа модернизации России и ее регионов методика была адаптирована под руководством Н.И. Лапина [6]. Проведена оценка уровня модернизации в различных российских регионах [7].

Инструментом оценки модернизации служат три вида индексов модернизации: индекс первичной модернизации (FMI), индекс вторичной модернизации (SMI) и индекс интегрированной модернизации (IMI). Каждый

из этих индексов имеет субиндексы, отражающие уровни модернизации в экономическом, социальном, информационном секторах. FMI способен лучше отразить ее ход в развивающихся странах (и регионах), SMI лучше отражает ее актуальные уровни в развитых странах (и регионах), а IMI одновременно показывает относительные уровни модернизации в тех и других. Для каждой из двух стадий модернизации создана своя модель количественной оценки, включающая свой набор индикаторов и их стандартных значений. Для количественной оценки первичной модернизации учитываются 10 индикаторов, которые характеризуют три области жизни индустриального общества: экономическую, социальную, уровень знаний [2].

В предложенной ЦИМ КАН методике оценки индекса первичной модернизации в качестве стандартных для этой стадии модернизации были приняты средние значения индикаторов, которые были достигнуты к 1960 году в 19 наиболее развитых индустриальных странах. После этого с помощью метода пропорциональных отношений рассчитывается степень соответствия отдельного показателя своему стандартному значению. Максимальное значение соответствия может равняться 100% (если значение индикатора превышает стандартное, то оно также считается равным 100%). При достижении 100% соответствия стандартному значению принято считать, что индикатор достиг уровня FMI. Наконец, степень осуществления FMI определяется путем подсчета средней арифметической величины всех индикаторов [2, с.35].

Так как каждая стадия включает четыре фазы эволюции (начало, развитие, расцвет, переход к следующей стадии), путем сравнения реальных и стандартных величин четырех сигнальных показателей, интегрально определяется фаза первичной и вторичной модернизации.

Как уже отмечалось, вторичная модернизация связана с информационной эрой или эрой знаний, соответственно именно инновации в знаниях, их передача и использование составляют ее движущую силу. Оценка вторичной модернизации включает в себя четыре группы индикаторов. Как отмечает автор методики, с развитием вторичной модернизации должны быть скорректированы методы и показатели, используемые для ее оценки [2, с.62]. В настоящее время стандартные значения показателей для оценки SMI установлены исходя из средних значений для развитых стран за последний год.

Заметим, что по мнению автора методики, профессора Хэ, существует третий путь модернизации- интегрированный, который оптимален для стран догоняющего типа развития, и для оценки возможности этого пути предусмотрен набор индексов IMI. Так же, как и для FMI, справочное значение для IMI основано на средних значениях в развитых странах за соответствующий год. Уровень определяется путем нахождения среднего арифметического значений всех индикаторов. Более наглядно методику расчета индексов можно увидеть в [7].

Динамика стадий модернизации России и ее арктических регионов

Согласно результатам мониторинга ЦИМ КАН, к 2006 г. 35 стран (из 131) осуществили первичную, индустриальную модернизацию на 100% и более, тем самым они достигли или превысили тот уровень развития, на котором 18 индустриальных стран Запада находились к началу 60-х годов XX столетия. К 2006 г. Россия реализовала эту стадию модернизации на 97%, занимая 41-е место; 8 из 10 индикаторов имели индексы по 100% (полностью соответствовали стандартным значениям), ниже 100% были два индекса: индекс ВВП на душу населения (78% от среднего значения развитых стран 1960 г.); индекс ожидаемой продолжительности жизни составлял 94% от аналогичного среднего значения того времени, принимаемого за стандартное (70 лет). Вследствие быстрого роста нефтегазовых доходов России, к 2008 г. индекс ВВП на душу населения превысил 100% требуемого значения, а индекс продолжительности жизни вырос до 97% от нормы. В целом индекс осуществления первичной модернизации России вырос до 99,7%. а ее место среди 131 страны повысилось на 1 пункт (40 место). Мировой финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 г., снизил темпы развития большинства стран, включая Россию.

К 2010 г. индекс первичной модернизации (FMI) России повысился с 97 до 99,8 баллов, что составило менее 100% в связи с недостаточностью индекса продолжительности жизни (98%). Но в условиях мировой конкуренции позиции России были снижены (с 40-го на 43-е место), поскольку Кувейт, Бразилия, Турция росли быстрее. В этот период средний FMI 131-й страны составлял 96 баллов при огромном разрыве между странами: от 32 до 100 баллов [6].

В этот период регионы циркумполярной зоны России (мы взяли для анализа регионы, указанные в перечне Указа Президента РФ от 02.05.2014) [1] существенно отстают по темпам реализации первичной модернизации даже от среднероссийских показателей, см. рис.1. Практически повторяет среднероссийский тренд Мурманская область, немного отстают Архангельская область, Якутия и Красноярский край. Быстрое развитие модернизационных процессов в первого пятилетия 2000-х годов сменилось неустойчивым ростом, а в некоторых регионах и падением уровня экономического развития.

[1] Согласно президентскому указу от 2 мая 2014 года, в Арктическую зону РФ входят: Мурманская область, Ненецкий, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа, муниципальное образование городского округа Воркута (Республика Коми), а также городской округ Норильска, территории Таймырского и Туруханского районов Красноярского края, ряд территорий Архангельской области, некоторые из северных улусов Якутии, земли и острова в Северном Ледовитом океане. Границы морских владений России в Северном Ледовитом океане определяются международными правовыми нормами.

Существенно отстает Ненецкий автономный округ, в котором FMI повысился с 92,2% в 2000 г. до 90,7% к 2012 г. Неравномерно развитие Чукотского АО, Красноярского края, Якутии обусловлено тем, что эти регионы наиболее сильно пострадали от кризиса 2008-2009 годов. Чукотка даже к 2012 году так и не смогла вернуться к уровню 2005 года. Эти регионы никак нельзя отнести к отстающим по показателям ВРП, но главное, что не позволяет говорить о завершении первичной модернизации в северных регионах-неразвитость сферы услуг и архаичная структура занятости. Но в целом все регионы превысили 90% от уровня развития, на котором 18 индустриальных стран Запада находились к началу 60-х годов XX столетия.

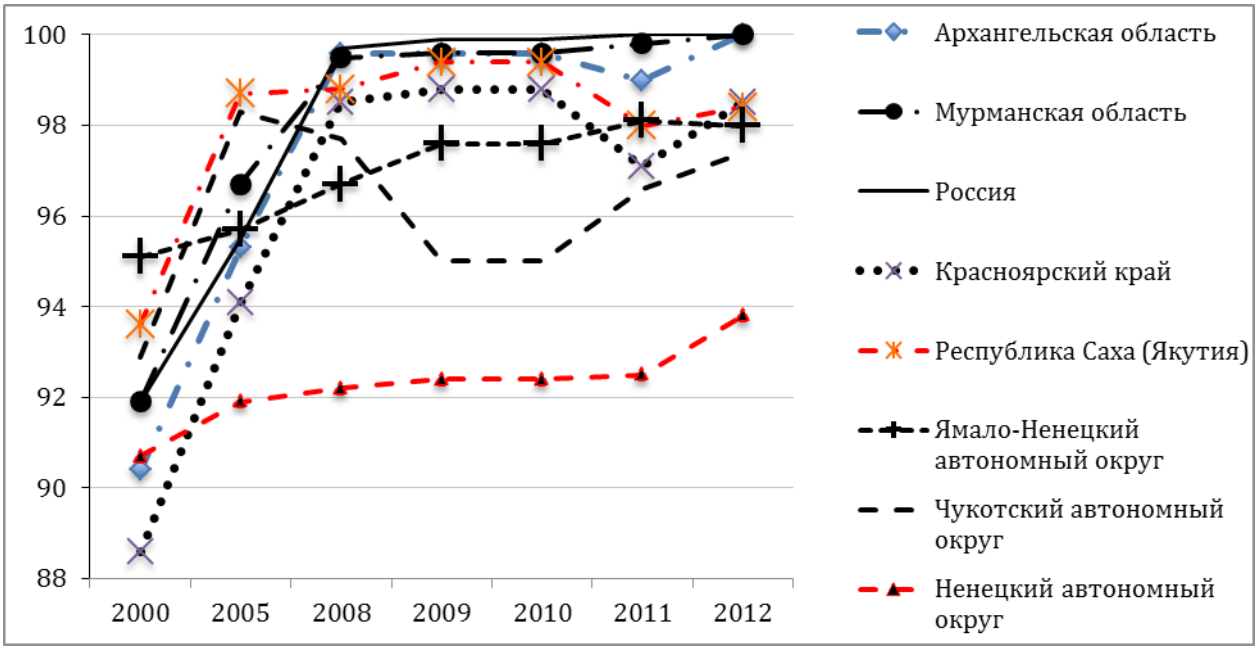

Рис. 1. Динамика индексов первичной модернизации (FMI) регионов циркумполярной зоны России, 2000-2012 гг.

Источник для расчетов http://mod.vscc.ac.ru

© Таблицы подготовлены Институтом социального и экономического развития территорий (ИСЭРТ) РАН (г. Вологда) с использованием Информационно-аналитической системы мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент №2012661285, 2012 г.), в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института философии РАН. Таблицы содержат детализированные данные, в том числе полученные от Центра исследований модернизации АН Китая.

Рис. 1 демонстрирует общие для всей России проблемы- темпы модернизации замедляются при движении от центра как в северном, так и в восточном направлении. При этом наличие ресурсного богатства при отсутствии механизмов конвертации ресурсных преимуществ в социально-экономические не определяет лидерство регионов. Например, отметим качественные отличия в темпах реализации первичной модернизации Ямало-Ненецкого и Ненецкого автономных округов.

Еще более значимым становится отставание регионов российского Севера при включении в анализ показателей вторичной модернизации.

Результатами вторичной модернизации должны стать: формирование наукоемкого общества, информатизация, развитие сферы услуг, сетевое взаимодействие, распространение цифровых технологий, готовность к инновациям, обучение на протяжении всей жизни и т. п.

Россия в 2010 г. вошла в фазу перехода к вторичной, информационной модернизации, при этом Москва достигла уровня SMI=104,5 баллов, но ее отдельные регионы отстают от лидера иногда на порядок. К 2012 г. число стран, охватываемых мониторингом ЦИМ АНК, увеличилось до 135. Всего во вторичную, информационную стадию модернизации вошли около 40 стран; более 90 стран находились на стадии первичной, индустриальной модернизации, а 4 страны оставались полностью аграрными обществами [6]. Различия между индексами стран по уровню SMI находились в диапазоне от 18 до 108 баллов. Среди информационно развитых стран США занимали первое место (108 баллов); Россия оставалась среднеразвитой страной (74,4 балла, 28-е место); Китай – предварительно развитой (54 балла, 51-е место).

Россия поднялась на 28-е место к 2012 г., опередив Кувейт за счет достижения SMI уровня 74,4 балла. От информационно развитых стран Россию отделяют 4 среднеразвитые – Греция, Чехия, Италия, Португалия. В 2006-2012 гг. интегрированный индекс модернизации (IMI) России вырос с 9 до 67, но из-за конкуренции с более успешными странами Россия поднялась по данному индексу лишь на две ступени (с 37 на 35 место). Процессы модернизации в России затормаживаются вследствие низкого качества институтов рынка и управления.

Из 12 составляющих индекса интегрированной модернизации (IMI) для всей России только число врачей на 1000 человек достигло уровня 100%. По всем остальным показателям Россия демонстрировала позитивную динамику, но и мир не стоял на месте, поэтому уровень реализации интегрированной модернизации с уровня 51,1% в 2000 году повысился только лишь до 67% в 2012 году.

Наиболее негативным образом ситуация сложилась в сфере инноваций в знаниях (294 человека, подавших патентные заявки, на 1 млн. человек, что составило 44,5% от уровня развитых стран, доля затрат на НИОКР 1,1% от ВВП, или 45,8% от уровня развитых стран), экологическая эффективность:

ВВП на душу / расходы энергии на душу (цена в ам.долл.) составила 1,9% или 20,9 % от уровня развитых стран.

Все регионы российской Арктики отстают от среднероссийских темпов вторичной модернизации. Так, в 2012 году уровень SMI Архангельской области (65,1), Чукотского АО (64,3) более чем на 10 баллов ниже среднероссийского уровня, Красноярский край (69,2), Якутия (69,3) и ЯНАО (69,8) отстают примерно на 5 баллов. И только Мурманская область примерно соответствует среднероссийским темпам развития, но, тем не менее отстает от них, составляя к 2012 году 73,3% от уровня развития вторичной модернизации.

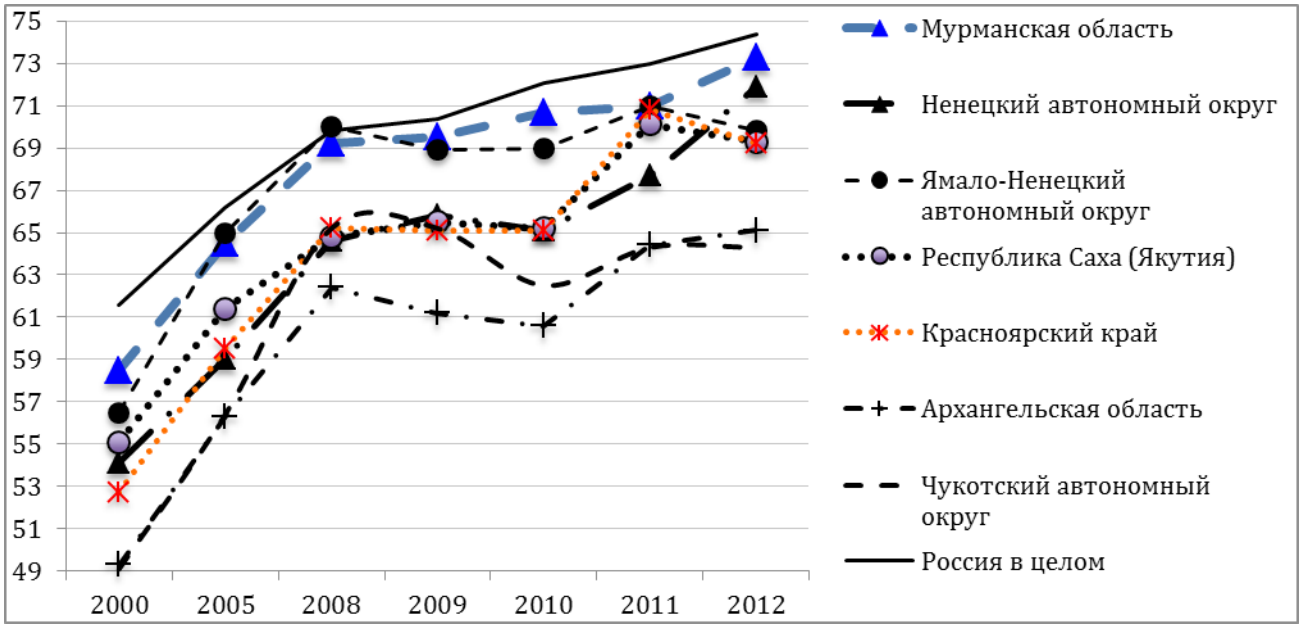

Рис. 2. Динамика индексов вторичной модернизации (IMI) регионов циркумполярной зоны России, 2000-2012 гг.

Источник для расчетов http://mod.vscc.ac.ru

© Таблицы подготовлены Институтом социального и экономического развития территорий (ИСЭРТ) РАН (г. Вологда) с использованием Информационно-аналитической системы мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент №2012661285, 2012 г.), в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института философии РАН. Таблицы содержат детализированные данные, в том числе полученные от Центра исследований модернизации АН Китая.

Индекс качества жизни и связанный с ним индекс трансляции знаний в рассматриваемых нами регионах, как и в целом по России демонстрирует неплохую динамику. Связано это в первую очередь с развитием добывающей отрасли экономики. По показателю качества экономики некоторые северные регионы России даже превышают среднероссийский уровень (ЯНАО, Ненецкий АО), что также связано с высоким уровнем ВРП на душу населения за счет

добывающей отрасли. Но в Архангельской области и Красноярском крае этот показатель ниже – 50,2% и 51,3% в 2012 г, табл.1.

Таблица 1

Динамика индекса вторичной модернизации (IMI) и его составляющих в 2000/ 2012 гг.

Регионы	Индекс инновации в знаниях	Индекс трансляции знаний	Индекс качества жизни	Индекс качества экономики	Индекс вторичной модернизации
Россия	55,7 /55,7	59 /93,6	82,3 /94,9	49,5/ 53,5	61,6 /74,4
Мурманская область	30,8 /32	65 /103,7	88,6 /103,3	49,5 /54,2	58,5 /73,3
Ненецкий АО	6,8 /5,5	60,6 /95,4	74,9 /104,6	74,1 /82,2	54,1 /71,9
Ямало-Ненецкий АО	3,5 /4,2	71,4 /96,4	85,9 /95,1	65,2 /83,2	56,5 /69,8
Республика Саха (Якутия)	28,6 /26,2	64,6 /102,2	78,6 /90,7	48,6 /58,2	55,1 /69,3
Красноярский край	26,1 /36,9	62,3 /95	79,5 /93,6	42,7 /51,3	52,7 /69,2
Архангельская область	12,2 /13,2	59,9 /99,1	82,7 /98,1	42,3 /50,2	49,3 /65,1
Чукотский АО	11,2 /3,1	60,2 /97,2	76,3 /83,1	48,5 /73,9	49,1 /64,3

Источник для расчетов http://mod.vscc.ac.ru

© Таблицы подготовлены Институтом социального и экономического развития территорий (ИСЭРТ) РАН (г. Вологда) с использованием Информационно-аналитической системы мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент № 2012661285, 2012 г.), в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института философии РАН. Таблицы содержат детализированные данные, в том числе полученные от Центра исследований модернизации АН Китая.

Более подробно мы рассмотрим самые успешные (ЯНАО и Мурманская область) и отстающие по темпам модернизации регионы российской Арктики (Архангельская область), в которых ярко проявляются практически все самые серьезные проблемы экономики и социальной сферы.

Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» [12], а также Указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» предусматривают комплекс мероприятий по развитию арктической зоны РФ [8]. Наибольший объем государственной поддержки приходится на Мурманскую область, где расположено федеральное государственное унитарное предприятие «Атомфлот», являющееся заказчиком (застройщиком) по строительству новых

универсальных атомных ледоколов, а также на Ямало-Ненецкий автономный округ, в котором осуществляется строительство объектов морского порта на полуострове Ямал [9], поставлена задача обеспечения возможности занятия Россией лидирующих позиций по приоритетным направлениям на мировом рынке гражданского судостроения (сложная морская техника), в том числе для эксплуатации судов в Арктике.

Насколько задачи, поставленные в этих программах достижимы, покажет время.

Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) располагается в арктической зоне Западно-Сибирской равнины, а также на восточных склонах гор Полярного и Приполярного Урала. Протяженность автономного округа с севера на юг – 1150 км, с запада на восток – на 1130 км. Вся территория ЯНАО относится к территории Крайнего Севера (более половины территории находится за Полярным кругом), занимает 769,3 тыс. кв. км. На северо-западе ЯНАО граничит с Ненецким автономным округом, на западе – с Республикой Коми. На юге проходит граница с Ханты-Мансийским автономным округом – Югрой, на востоке – с Красноярским краем. Климат ЯНАО характеризуется суровой продолжительной зимой (в среднем 182 дня), частым прохождением волн холода, циклонами, сопровождающимися сильными бурями и метелями. По данным 01.01.2014, на этой территории проживает 539,7 тыс. чел., среднедушевые денежные доходы (в месяц) составляли 58040 руб. (2 место в РФ). Почти 84% жителей ЯНАО – горожане, но только столица округа, Салехард, может считаться средним городом, имея население около 50 тыс. человек.

Необходимо отметить, что реализация программы строительства объектов морского порта на полуострове Ямал [10] не будет успешной без увязки сети морского, железнодорожного, автомобильного и трубопроводного транспорта. Современный опорный каркас транспортной системы ЯНАО сформировался в результате реализации крупномасштабной инвестиционной программы развития газовой и нефтяной промышленности в 1970-1990 гг. В связи с очаговым освоением территории наземная транспортная сеть округа разобщена, выделяются два транспортных района: западный и восточный. Основой всей транспортной сети является Салехард, Лабытнангский промышленно-транспортный узел, где происходит перевалка больших объёмов грузов с водного транспорта на железнодорожный и обратно. В 2010 г. была достроена железная дорога Обская – Бованенково – Карская, которая используется для доставки грузов, предназначенных для освоения месторождений полуострова Ямал. Основными системными проблемами в системе магистрального транспорта газа, нефти и газового конденсата являются отсутствие в округе единой системы транспорта газового конденсата; износ системы магистрального транспорта газа и нефти; неразвитость магистрального транспорта нефти.

Основу промышленного производства округа ЯНАО составляют запасы углеводородного сырья – газа, нефти и конденсата. На добычу полезных ископаемых приходится более 88% промышленного производства. Объемы ежегодного извлечения природного газа в границах региона составляют более 80% российской добычи газа, или пятую часть от его мирового производства. Объемы добычи нефти и газового конденсата ЯНАО составляют около 8% общероссийской добычи. Системными проблемами топливно-энергетического комплекса автономного округа ЯНАО являются: недостаточные объемы геологоразведочных работ; снижение уровня добычи нефти; низкая эффективность использования попутного нефтяного и природного «жирного» газа при добыче конденсата; проблема использования «низконапорного» газа.

Уровень доходов населения в регионе (58040 р. в месяц, за 2014 год) – один из самых высоких в стране (в среднем по России 25928 р. в месяц). Высокий уровень доходов и малозаселенность региона во-многом определили стиль и качество жизни в регионе. Первичная модернизация в ЯНАО практически завершена, лишь доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП составляла в 2012 г. 36,1% или 80% от нормы. По уровню качества жизни (кроме высокой младенческой смертности-52,2% от нормы), индекса трансляции знаний ЯНАО опережает все своих соседей (табл.1), но индекс инновации знаний- самый низкий из рассмотренных регионов (4,2%). Так, в ЯНАО 0,85 ученых и инженеров на 10 тыс. человек (2,2% от нормы), но патентная активность существенно выше, чем в НАО (11,2% от нормы развитых стран). Индекс качества экономики невысок в связи с отставание развития сферы услуг (83,2%). Индекс интегрированной модернизации, уровень которой зависит от среднего уровня 20 самых развитых стран, в ЯНАО самый высокий из всех регионов российской Арктики, но после 2008 года его уровень снижается (до 67,8% в 2012 г.), из его 12 составляющих только 3 (ВРП, доля городского населения и число врачей) достигло 100%, а доля затрат на НИОКР составляет 0,01% от ВРП или 0,4% от нормы развитых стран, экологическая эффективность составляет 20,9% от нормы развитых стран (рис. 3).

Мурманская область занимает 144,9 кв. км., на которых проживает 771,1 тыс. чел. [11, с.25] по данным 01.01.2014. Это самый западный из регионов российской Арктики, который граничит с Финляндией. Территория омывается Баренцевым и Белым морями, включает в себя Кольский полуостров. Географическое положение определило специализацию региона- это пограничный форпост России; транспорт, добыча полезных ископаемых, морские промыслы и оборонная отрасль традиционно лидируют в экономике. Структура экономики более диверсифицирована, чем в других северных регионах, из основных: 18,6% добыча полезных ископаемых, 15% обрабатывающая промышленность, 9,6% торговля, 9,4% госуправление и 7,6% рыболовство и рыбоводство [15, с.359]. Выше мы отмечали, что в рамках программ Правительства РФ развития Арктической зоны РФ в регион

была вложена наибольшая доля средств. Тем не менее, по данным 2014 года на предприятиях Мурманской области большая доля устаревших основных фондов, высока доля безработицы, в регионе высок уровень экспортной зависимости, а инвестиции в основной капитал в 2014 году снизились на 12% по сравнению с предыдущим. Кризис 2008 года оказал существенное давление на показатели модернизации в период с 2008 по 2010 годы, и только в 2011 г. возобновился рост экономики региона. По уровню реализации первичной и вторичной модернизации это один из самых стабильно развивающихся регионов. Интегрированная модернизация в Мурманской области по своим темпам уступает только ЯНАО, но уровень сбалансированности (вычисляемый как дисперсия субиндексов) более высокий. По данным 2012 г. в регионе на 100% реализована первичная модернизация, на 73,3% реализована вторичная модернизация. Из составляющих вторичной модернизации несколько отстает индекс инноваций в знаниях (32% от нормы) за счет невысокой по мировым меркам патентной активности (103,8 человека на 1 млн. жителей или 15,7% от нормы), доля затрат на НИОКР составляет 0,85% от ВРП или 35,4% от нормы развитых стран, а число ученых и инженеров составило 17,5 на 10 тыс. чел., или 44,9 % от нормы. Эти показатели отстают от среднероссийского уровня (см. табл.2), компенсируется последнее более высокими доходами населения (32912 руб. в месяц за 2014 год), что определяется главным образом северными надбавками. Интегрированный экономический индекс в регионе невысок (см. табл.3) за счет невысокого подушевого ВРП (26,6% от нормы), низкой экологической эффективности (20,9% от нормы) .

Таким образом несмотря на свой окраинный статус, практически по всем показателям Мурманская область развивается на среднероссийском уровне (рис. 1-3, табл.3).

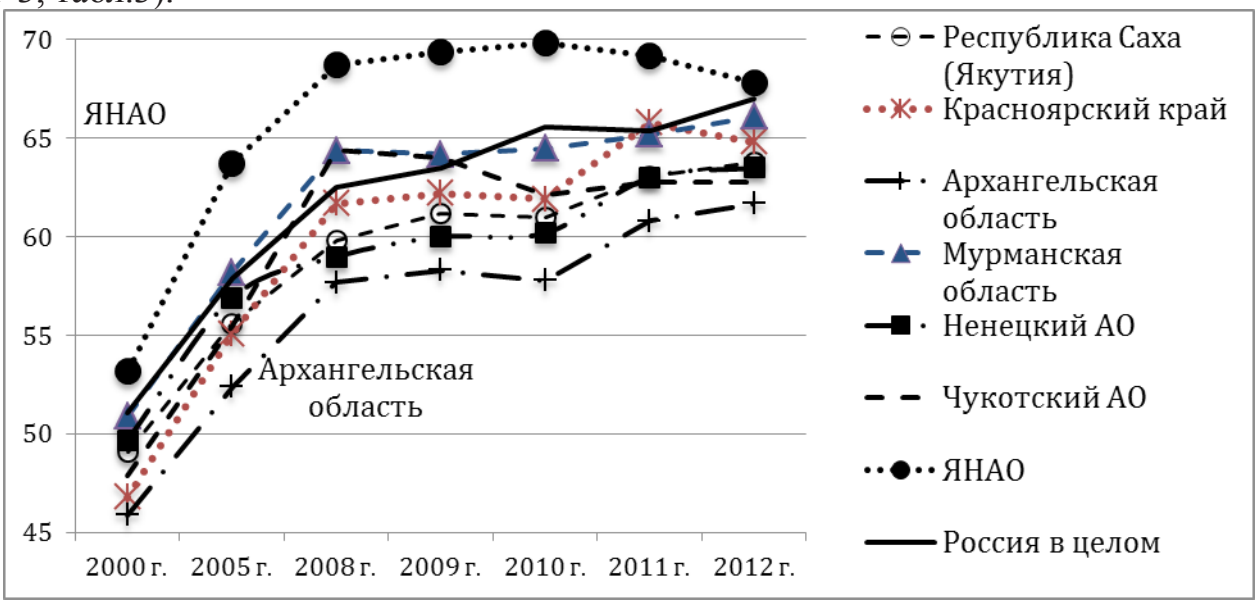

Рис.3. Динамика интегрированной модернизации в регионах Российской Арктики, 2000-2012 гг.

Архангельская область, находится в числе регионов, реализовавших первичную модернизацию к 2008 году почти на 100% (рис.1). Быстрый рост начала 2000-х годов под давлением кризиса 2008 года сменился падением ряда показателей, рис.1-3. В итоге, к 2012 году уровень ВРП составил 12483 ам. долл. на душу или 28,9 % от уровня развитых стран, при этом сфера услуг в регионе развивается достаточно быстро (доля занятых в сфере услуг составила 63,5% при норме 74,2%). В Архангельской области (без НАО) проживает 1,15 млн. чел на территории 413,1, уровень доходов населения (24775 руб. в месяц, за 2014 год) практически совпадает со среднероссийским [15, с.19]. Основные ограничения развития- низкий уровень индекса инноваций в знаниях. Так, доля затрат на НИОКР составила 0,24% от ВРП, число ученых и инженеров 7,1 человек на 10 тыс., а число жителей, подавших патентные заявки - 75,7 человек, на 1 млн. В регионе высок уровень урбанизации (76,6% населения живет в городах), уровень трансляции знаний достиг 99,1% от уровня развитых стран, индекс качества жизни 98,1% от уровня развитых стран, но это не привело к адекватному росту индекса качества экономики. Так, доля занятых в материальной сфере в общей занятости составило 36,4% при норме 26%; доля добавленной стоимости материальной сферы (с/х и промышленность) в ВРП составило 48,1% от нормы. Интегрированная модернизация в Архангельской области также существенно отстает от среднероссийских темпов, рис.3.

Практически все территории российской Арктики располагают значимыми запасами нефти и газа, другими ценными полезными ископаемыми, через эти территории проходит Северный морской путь, граница России. Но суровые климатические условия определили труднодоступность и слабую освоенность регионов. В период 2000-х годов регионы российской Арктики вступили с рядом проблем, обусловленных как распадом единого народнохозяйственного комплекса, так и невысоким качеством управления. В последнее время Правительство РФ, Президент России приняли ряд документов, предполагающих ускоренное развитие регионов, но, как показывают результаты нашего анализа, этого явно недостаточно.

Отметим, что даже в самом поддерживаемом из средств Федерального бюджета регионе- Мурманской области основные показатели, определяющие прогресс в современной экономике, основанной на знаниях, не достигли даже 50% от уровня развитых стран. Остальные регионы продолжают оставаться в парадигме добывающей, ресурсной экономики, а высокий уровень первичной модернизации, вычисляемый по методике ЦИМ КАН, определяется только высоким уровнем подушевого ВРП (ЯНАО, Ненецкий АО, Чукотский АО).

Все вышеизложенное подтверждает тезис о том, что регионам России необходимо найти новый путь развития, и без преодоления последствий нефтегазовой зависимости, перехода на новый индустриальный путь развития страна не сможет выйти их затянувшейся рецессии.

Список литературы:

1. Российская Арктика: современная парадигма развития / под ред. академика А.И. Татаркина. СПб: Нестор-История, 2014. С. 17.

2. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010). Под редакцией Чуаньци Хэ. Русский пер. под ред. Н.И. Лапина. М., Весь мир, 2011.

3. He Chuanqi. Modernization Science. The Principles and Methods of National Advancement. Springer, 2012.

4. Васильев Ю.С., Диденко Н.И. Инновации и глобальная экономика// Геополитика и безопасность. – 2011. – № 1(13). – С. 65-74.

5. Диденко Н.И., Скрипнюк Д.Ф. Методологические принципы анализа мирового рынка товара с использованием системы взаимосвязанных эконометрических уравнений// МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2014. № 19. С. 50-62.

6. Лапин Н. И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации. // Социологические исследования. 2015. № 1 (369). С. 5-210.

7. Ромашкина Г.Ф. Процессы модернизации в регионах Уральского федерального округа. // Социологические исследования. 2015. № 1 (369). С. 19-26.

8. Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года», утвержденная Постановлением Правительства РФ 21 апреля 2014 г.

9. Указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Р32 Стат. сб. / Росстат. –Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года, утвержденная Президентом РФ 8 февраля 2013 г.

10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Р 32 Стат. сб. / Росстат.

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОСВОЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ[1]

А.Н. Силин –
д. социол. н., профессор
Тюменского государственного
нефтегазового университета

Предстоящее крупномасштабное освоение нефтегазовых ресурсов Российской Арктики и Субарктики требует решения не менее сложных проблем создания необходимой инфраструктуры, формирования кадрового потенциала и условий, обеспечивающих нормальную жизнедеятельность людей, в региона, где все это отсутствует.

Эти проблемы действительно сложны, многообразны, во многом взаимосвязаны как друг с другом, так и вопросами, выходящими за рамки рассматриваемой системы. Поэтому прежде всего возникает задача структурировать проблемное поле и выявить иерархию проблем, требующих первоочередного решения.

Как правило, они носят междисциплинарный характер и нуждаются в привлечении широкого круга разнообразных экспертов в областях общественных, медико-биологических, технических и других наук, в первую очередь социологов, экономистов, экологов, юристов, физиологов, антропологов, психологов и т.д.

Особую значимость приобретает роль социологических исследовании, ставших основным инструментом обоснования стратегии освоения циркумполярных регионов. Социология превратилась по сути в управленческую науку. Это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, именно социологические исследования позволяют понять сущность социальных процессов, происходящих в осваиваемых регионах Севера, выявить ценностные ориентации и мотивацию разных групп уже живущих здесь людей (старожилов, новоселов, представителей аборигенных этносов, тех, кто летает сюда на работу вахтовым методом из центральных и южных регионов, а также потенциальных северян, еще думающих, стоит ли связать свою жизнь с Севером). Лишь осознав все нюансы сложившейся ситуации, проанализировав ее динамику возможно принимать взвешенные решения по будущим действиям.

[1] Доклад подготовлен при поддержке гранта РГНФ (проект 15-030—367а)

Во-вторых, лишь социологические исследования могут предоставить властным структурам информацию, необходимую для принятия эффективных управленческих решений. К сожалению, статистика не в состоянии дать такую информацию в полном объеме. Многие необходимые параметры либо не предоставляются совсем, либо приводятся недостаточно достоверные цифры. В качестве примера можно привести уровень безработицы среди коренных малочисленных народов Севера. Судя по нашим опросам, он зашкаливает за 90%. Статистика же дает втрое меньший показатель. И вовсе не из желания показать благостную картину. Просто большинство ненцев, ханты, манси и селькупов не зарегистрированы в качестве безработных в службах занятости. Сами они объясняют это отсутствием необходимых документов (ИНН, свидетельства пенсионного страхования и др.). Чтобы оформить их, нужно ехать в окружной центр, а на это нет денег. Не имеют органы госстатистики информации, касающейся вахтового освоения северных регионов, качества жизни разных социальных групп северян и др.

Таким образом, задачей социологов становится детальное изучение условий жизни разных групп северян, осмысление происходящих процессов, выявление факторов, воздействуя на которые возможно снизить негативное влияние как экстремальных условий жизнедеятельности людей на Севере, так и последствий принятых ранее непродуманных социально-экономических решений, связанных с освоением Севера.

Как известно, ПРООН ежегодно измеряет индекс человеческого развития для разных регионов, который состоит из трех элементов: ВВП на человека, уровень образования и уровень здоровья. Если с первыми двумя составляющими этого показателя на Севере все достаточно благополучно (ВВП и уровень зарплат выше, чем в других регионах, очевидна и необходимость в более квалифицированных специалистах), то со здоровьем ситуация не столь радужная.

При этом для разных из перечисленных выше социальных групп северян выявились собственные проблемы.

Так, для старожилов (т.е. проживших на севере более трех лет), они связаны с накоплением негативных последствий «северного стажа» и ухудшением здоровья у части северян, не способных полностью адаптироваться к экстремальным природно-климатическим условиям Арктики и Субарктики. При этом сказанное не касается представителей аборигенных этносов с их физиологическими особенностями.

Для новоселов это в первую очередь трудности с адаптацией к новому климату с низкими температурами, ветрами, ультрафиолетовой недостаточностью, магнитными бурями, отсутствием привычного светового дня, изменению характера питания и качества воды и др.

У вахтового персонала значимое влияние на состояние здоровья оказывают постоянные перемещения и связанные с этим адаптация и реадаптация, смена часовых поясов, климатической, эпидемиологической и сексологической обстановки, жизнедеятельность в замкнутых коллективах.

К сожалению, серьезные медико-биологические исследования вахтового труда на Севере, проводившиеся СО РАМН с участием социологов 80-х г.г. прошлого века были прекращены. Не уделяется достаточное внимание и другим аспектам научного сопровождения индустриального освоения арктических территорий.

Новые возможности значимого усиления теоретической фундаментальности и при этом практической направленности социологических исследований в Западно-Сибирском регионе появились здесь с созданием филиала головного социологического центра России – Института социологии РАН.

Это позволило привлечь внимание к решению региональных проблем ведущих российских социологов, консолидировать разрозненные ранее силы живущих на этой территории исследователей и практиков, с системных позиций подойти к формированию иерархии социальных проблем арктического региона и научной программы их решения. Позитивную роль в этом играет и внимание, уделяемое властными структурами региона новому научному подразделению, в первую очередь, Областной Думой и Губернатором Тюменской области, и совместная работа двух Тюменских университетов (Государственного и Государственного нефтегазового). Оба заключили двухсторонние договора с Институтом социологии РАН и, объединив усилия двух вузовских команд с академической, получив несомненный синергетический эффект, оказались готовы к решению сложных задач, связанных с предстоящим индустриальным освоением Ямала. Думаю, что на следующем, пятом Тюменском социологическом Форуме можно будет узнать о первых результатах этой работы.

ОБЩЕСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ: КРИЗИС ИЛИ ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ ЛОКАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ?

И.А. Скалабан –
к. ист. н., доцент кафедры социальной работы и социальной антропологии Новосибирского государственного технического университета

В современных работах, посвященных стратегическому планированию, местному и региональному управлению апелляция к общественному участию как инструменту и фактору местного и регионального развития становится уже общим местом. Традиционно оно интерпретируется как нормативно определенный набор инструментов и механизмов взаимодействия граждан с государственными и муниципальными органами власти и организациями при принятии решений. В этом контексте наблюдается определенная «приватизация» проблематики общественного участия теориями гражданского общества и демократии, обсуждение его в исключительно в гражданском дискурсе. Определенная ригидность в трактовках общественного участия приводит к тому, что новые практики участия, в частности сетевые, неформальные практики онлайн или офлайн среды интерпретируются в относительно новых для данной предметной сферы категориях активизма, солидарности, мобилизации и пр. Это ограничивает возможности понимания предметного содержания концепта и собственно пространства общественного участия, его потенциала для социального развития территорий.

Но в мировой исследовательской практике подходы к его пониманию сегодня шире, чем в российской. Они содержат возможности для разработки направленных действий по активизации местных сообществ, стимулированию самоорганизации, перераспределению властных ресурсов, вовлечению жителей в процессы социально-территориального развития социально ослабленных и маргинальных групп, не только в публичной сфере, но и на её границах со сферой приватного.

Такому видению способствует современное понимание участия и как ситуативной социальной практики, и как характеристики целой группы процессов направленных на включение индивидов в групповые социальные и общественно-политические отношения, с учетом их качества, влияния на принятие решений, связанных с удовлетворением индивидуальных и общих интересов. Участие всегда субъектно, интенционально и конечно, а потому дискретно. Ему присуща тесная связь с контекстом, оно устойчиво и, одновременно, изменчиво, что делает его перспективным для использования социальном проектировании.

Являясь непременным компонентом любого группового поведения, участие индивидов или групп в общественно значимых процессах присуще всем обществам вне зависимости от уровня их развития и социокультурного контекста. Не случайно, ряд исследователей рассматривает участие как имманентно присущую человеку потребность и показатель социального лишения.[5; 12] В то же время сохраняет актуальность и понимание общественного участия как активности немногих.[7; 55]

Не смотря на то, что длительное время исследования общественного участия носили, и, отчасти, носят преимущественно отраслевой характер, к настоящему времени в западной социологической мысли сложилось представление об общественном участии как сложной многокомпонентной модели, где отдельные его виды накладываются и пересекаются друг с другом. Среди них сегодня выделяют такие виды участия как политическое, демократическое, гражданское, социальное, соседское, участие в местном сообществе и даже благотворительность рассматривается как вид участия.

В упрощенном виде современная западная модель общественного участия представляет собой трехкомпонентную модель участия (социальное, гражданское, политическое) дополненное другими видами. При этом наблюдается следующая картина: как комплексная теоретическая модель она фактически не исследуется, теоретическое осмысление каждого из её видов осуществляется отдельно с учетом наличия иных видов участия, но, одновременно, её общий эмпирический анализ имеет место быть. К примеру, он осуществлялся в рамках Европейского социального обследования, где спектр вопросов, связанный с исследованием различных аспектов участия, накрывает все компоненты данного социального явления.[3]

Так или иначе, западная социологическая мысль имеет тягу к теоретическому плюрализму. Общественное участие как теоретический концепт в последние десятилетия помимо теорий демократии и гражданского общества реинтерпретируется и анализируется в контексте теорий социального капитала, социальных сетей, социальной депривации, социальной мобилизации, рационального выбора, модернизации, неоинститционализма, коммунитаризма, структурализма и постструктурализма, социальных движений, социологии повседневности и этики потребления.

Вместе с тем, рядом западных исследователей сегодня ставится вопрос о кризисе классической модели общественного участия. [1,4] Главной его характеристикой, можно считать отделение структур участия от индивида как субъекта участия. Его формальными показателями стало сокращение численности участвующих, понижение авторитета традиционных институтов общественного участия, падение интереса населения, к примеру, к таким «классическим» формам общественного участия как политические выборы, которые требуют участия в механизмах пролонгированного, отложенного влияния на органы власти. Как признаки

кризиса исследователями и практиками отмечается высокий процент не членских организаций; бюрократизация ведущих форм общественного участия, их ритуализация за счет выпадение из «смыслов» в процессе их тиражирования в новые социальные пространства участия, а также при их воспроизводстве в новых обществах с иной структурой социальных и властных отношений, традициями самоорганизации в местных сообществах. [1, 2; 4] Стало очевидным, что в ситуации усложнения субъектов и инструментов влияния, классические механизмы общественного участия все чаще превращаются по определению М.Фуко в «политические технологии», используемые для управления и контроля. Этому способствует и упрощение, технократизм, формализация, ограниченность теоретического осмысления базового набора легитимных механизмов общественного участия, особенно используемых во взаимодействии с местными и региональными органами власти.

Симптомами и признаками текущих изменений сегодня выступает стремительный рост сетевых сообществ и новых коммуникативных технологий, появление сильных комьюнитиобразующих ресурсов, многообразии и диффузии дискурсов и практик. Общественное участие сегодня осуществляется внутри дискурсов расширения возможностей, социальной справедливости, личного, социального, академического развития; дискурсе социальной интеграции и социальной инклюзии, социально-управленческом дискурсе. Смешение дискурсов приводит к переописанию, переоценке современных и прошлых практик.

Наблюдаемое изменение общественной структуры требует отказа от ряда традиционных постулатов, используемых в социально-инженерийных проектах, связанных с общественным участием: универсальностью и иерархичностью моделей участия; уместностью использования одних механизмов для разных сфер, культур; наличием в действиях групп разнообразных целей и интересов, что лишает их последовательности и зависимости. Этому способствует и появление в результате возникновения интернет-пространства «новой публики», с иными характеристиками участия, к примеру, со способностью к быстрой мобилизации, но с понижением качества дебатов,стремлением к нарциссической самопрезентации, [6; 107-108] стиранием границ между публичным и приватным.

В условиях дифференциации новых практик, появления множественности пространств, расширения, смешения и фрагментарности пространств и практик участия, усиливается влияние дискурса: исторического, культурного, социального, экономического, и, как следствие, становится все более значимым понимание его смыслов, которые в него вкладывают потенциальные или реальные субъекты общественного участия. Пространство участия и его характер все больше определяется не только собственно практиками, но и их интерпретациями самими субъектами этих практик.

Описанные выше процессы в большей или меньшей мере характерны сегодня и для российской действительности. Становление институтов общественного участия в различных сферах общественных отношений совпало сегодня и со стиранием границ, управляемости и возможности направленного воздействия на процессы участия, как со стороны органов власти, так и со стороны общественности. Конституирование общественного участия сегодня осуществляется в условиях изменения соотношения и влияния формального и неформального, организованного – неорганизованного, роста роли сетевых структур, открытия новых пространств взаимодействия в виде виртуальной среды.

Одновременно реплицируемая и адаптируемая под российские реалии еще с 90-х гг. западная модель общественного участия сегодня все больше видоизменяется. Как ритуализация, так и попытки реального вовлечения населения в процессы гражданского участия, процессы принятия решений на местном и региональном уровне, активность их институализации и формализации, осуществляемая часто через создание очевидно иерархических структур, сегодня опережает процессы развития горизонтальных связей и самоорганизации внутри локальных местных сообществ. Это затрудняет формирование компетенций договороспобности, конфликторегулирования и самоуправления среди населения на низовом уровне, что рождает диспропорции в развитии общественных структур и сокращает потенциал общественного участия, особенно в контексте локального и регионального развития. Не менее важно, что сложившиеся структуры участия и их восприятие и интерпретация их смыслов и функций органами власти, исследовательским сообществом и населением также могут не совпадать, что влечет за собой формирование различных ожиданий.

Это можно наблюдать по результатам социологического исследования жителей Красноярского края, проведенного в сентябре – октябре 2014 года, на территории одного из самых крупных российских регионов – Красноярского края. Исследование осуществлялось по заказу Правительства Красноярского края по теме: «Оценка эффективности органов исполнительной власти Красноярского края». Объем выборочной совокупности – 1800 респондентов, смещение ±2%. Опрашивались как жители г. Красноярска, так и жители 11 городов и 13 муниципальных районов Красноярского края.

Факторный анализ результатов опроса граждан относительно используемых ими механизмов общественного участия показал, что существующая модель общественного участия в крае носит не трехкомпонентный, а двухкомпонентный характер, где сферы и практики участия распадаются преимущественно на два вида: гражданско-политический и социально-гражданский, внутри которых также присутствует определённая

дифференциация. При этом за скобками остаются два таких традиционных вида участия как участие в общественных акциях и выборы. Последние в ответах респондентов скорее также интерпретируются как акции и коррелируют скорее с социальным и даже соседским участием, что сохраняет их потенциал для локальных изменений.

Вопреки классическим представлениям, участие в политической деятельности граждан до сих пор большинством респондентов воспринимается как деятельность преимущественно протестного характера, которая может носить организованный партийный и неорганизованный стихийный характер, но осуществляться в офлайн среде. Онлайн активность, даже если носит характер сбора подписей как политическое участие респондентами интерпретируется слабо.

В свою очередь, социальное участие с точки зрения жителей также будучи как формальным, так и неформальным, может быть направлено на помощь и поддержку близкого окружения, в том числе и соседей. Его границы могут варьироваться от участия в прямой неформальной помощи, организованной волонтерской деятельности до обращения к местным органам власти. В тоже время, благотворительность как вид участия, определяется респондентами как вид финансовой помощи, который может быть направлен только в отношении незнакомых. Помощь знакомым и соседям как благотворительность красноярцами не рассматривается. Примечательно, что в основании мотивации к помощи и социальному участию у респондентов лежат не материальные или коллективные ценности, а семейные и индивидуальные. Исследование показало, что активность населения порождает чувствительность к изменениям, в то время как чувствительность к изменениям порождает активность. Все это требует серьезного пересмотра мотивационных стратегий для вовлечения населения в процессы активности.

Таким образом, общественное участие сегодня все больше превращается не только инструмент, но и самостоятельную цель и ценность, что ставит на повестку дня пересмотр данного концепта, более глубокого понимания его пространства, границ и реальных практик.

Список литературы:

1. Cooke, B, Kothari U. The Case for Participation as Tyranny.// Cooke, B and U Kothari (eds) Participation: The New Tyranny? 2001. London: Zed Press. P. 4.

2. Cornwall A. Participation in Development: Tracks and Traces. //Carrents. (Current issues in international rural development published by the Swedish university of agricultural sciences) −2002. August..−Vol.28. − P.4.

3. Kenneth N., Heiko G. Patterns of Participation: Political and Social Participation in 22 Nations. Discussion Paper SP IV 2008-201.

4. Penderis Sh. Theorizing participation: from tyranny to emancipation. Journal of African and Asian Local Government Studies. −Vol. 1(3). –P. 1-28.

5. Townsend, P. Poverty in the United Kingdom: A survey of ousehold resources and standards of living. London: Penguin. 1979.

6. Twenge, Jean M. & Campbell, Keith. The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement. Free Press, 2009. P. 107-108)

7. Verba S. Democratic Participation.// Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1967. −Vol. 373. Social Goalsand Indicators for American Society. – Vol. 2 (Sep.,) − pp. 53-78.

КАЧЕСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ КАК ФАКТОР СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ

В.Т. Тарасов –
к.социол.н, доцент, профессор
Чебоксарского филиала РАНХиГС при
Президенте Российской Федерации

Социоэкономическая модернизация регионов страны, повышение качества жизни населения, проживающего в них, обусловливают необходимость разработки методологии и инструментов планирования и мониторинга человеческого потенциала, в том числе качества человеческих ресурсов. В статье представлены некоторые результаты исследования, в котором автор предпринял попытку разработать и экспериментально апробировать систему объективно контролируемых показателей для оценки качества человеческих ресурсов на примере одного из регионов Приволжского федерального округа (ПФО) – Чувашской Республики с использованием многомерного подхода.

Многомерный подход к анализу человеческих ресурсов региона предполагает формирование системы достаточно представительных показателей, характеризующих их различные аспекты и структурированных в разрезе классификационных групп. Поэтому разработка комплексных индикаторов социального развития сегодня в центре внимания многих исследователей и исследовательских программ [1, 2, 3, 4, 5]. Исходя из сложившейся практики статистического учета, видится возможной система статистических показателей анализа человеческих ресурсов региона, состоящая из двух групп, одна из которых характеризует качество населения, а другая – качество его трудовой жизни. Расчет сводных индикаторов по каждой группе показателей и на их основе интегральной характеристики для каждого года осуществлялся путем вычисления модифицированной первой главной компоненты набора унифицированных частных показателей-признаков с использованием стандартного метода главных компонент [1; 95–105].

Всего было отобрано 13 показателей качества населения, характеризующих его воспроизводственные и витальные особенности, и 10 показателей, характеризующих особенности его трудовой деятельности (табл.1).

Таблица 1

Показатели качества человеческих ресурсов

Качество населения	Качество трудовой жизни
1. Коэффициент жизненности (отношение общего коэффициента рождаемости к общему коэффициенту смертности) 2. Суммарный коэффициент рождаемости, единица 3. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет 4. Число умерших всех детей до 1 года на 1000 родившихся живыми 5. Коэффициент способности образовывать и сохранять семьи (отношение общего коэффициента брачности к общему коэффициенту разводимости) 6. Удельный вес обучающихся в общеобразовательных учреждениях в населении в возрасте 7-18 лет, % 7. Зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни, чел. на 1000 чел. населения 8. Численность лиц, впервые признанных инвалидами в возрасте 18 лет и старше, на 10000 чел. населения 9. Численность больных злокачественными новообразованиями, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях, чел. на 100 тыс. чел. населения 10. Численность больных с психическими расстройствами и расстройствами поведения, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях, чел. на 100 тыс. чел. населения 11. Численность больных алкоголизмом, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях, чел. на 100 тыс. чел. населения 12. Численность больных наркоманией, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях, чел. на 100 тыс. чел. населения 13. Число самоубийств, чел. на 100 тыс. чел. населения	1. Уровень занятости, % 2. Уровень безработицы по методологии МОТ, % 3. Отношение зарегистрированных безработных ко всем безработным, % 4. Занятые в экономике, имеющие среднее (полное) общее образование в общем итоге занятых, % 5. Занятые в экономике, имеющие начальное профессиональное образование в общем итоге занятых, % 6. Занятые в экономике, имеющие среднее профессиональное образование в общем итоге занятых, % 7. Занятые в экономике, имеющие высшее профессиональное образование в общем итоге занятых, % 8. Численность пострадавших при несчастных случаях на производстве с утратой трудоспособности на 1 рабочий день и более, чел. на 100 тыс. занятых 9. Численность пострадавших при несчастных случаях на производстве со смертельным исходом, чел. на 100 тыс. занятых 10. Численность лиц с впервые установленным профессиональным заболеванием, чел. на 1 млн. занятых

Исходные показатели были заимствованы из ЦБСД Росстата и опубликованных им статистических справочников, причем основной перечень показателей использовался без дополнительных преобразований, однако по отдельным показателям автором были проведены дополнительные расчеты на основе официальных данных из вышеуказанных источников.

Исследование проводилось в разрезе 79 регионов России с включением дополнительно двух условных регионов со среднероссийскими и среднеокружными значениями исходных показателей; при этом анализировались два аспекта – пространственный и временной. Все показатели данных образований за каждый год анализируемого периода (1992–2012 гг.) нормировались стандартным способом в унифицированной линейной шкале в диапазоне наибольшего и наименьшего значений исходного показателя [4; 96].

Качество населения. В целях выявления общих тенденций пространственного изменения показателей были построены линейные тренды сводного индикатора качества населения для Чувашии, ПФО и страны в целом (табл. 2). Расчеты показали небольшие понижательные тренды значений сводных индикаторов республики и страны в целом и более крутой понижательный наклон значений сводного индикатора ПФО. При этом региональный тренд располагался примерно на 2,5–3 процентных пункта выше общероссийского на всем протяжении анализируемого периода, что означает относительно стабильное позиционирование республики по сводному индикатору качества населения на уровне несколько выше среднего по стране. Нормированные уровни сводных показателей страны, округа и республики в большинстве своем, за редким исключением, находились в классификационной группе показателей со средними значениями по шкале Харрингтона (33–67 %), но ближе к его верхней границе. Тренд сводного индикатора качества населения ПФО, находясь выше российского в 1992 г., в силу более крутого понижательного наклона оказался после 2001 г. ниже него. Это говорит о некотором отставании показателя округа от среднероссийского уровня.

Заметим, что динамика сводного индикатора качества населения показывает изменение региональных показателей лишь в диапазоне вариации пространственных уровней. Для выработки представлений об изменении уровней показателей во времени рассчитывались взвешенные евклидовы расстояния значений сводных индикаторов до условного эталона, который формировался на основе уровней лучших значений всех показателей качества населения по всему кругу регионов в каждом году анализируемого периода.

Таблица 2

Параметры качества населения Российской Федерации, Приволжского федерального округа и Чувашской Республики (в линейной нормированной шкале)

Годы	Сводный индикатор качества населения	Евклидово расстояние совокупного индикатора качества населения до условного эталона				
	РФ	ПФО	Чувашия	РФ	ПФО	Чувашия
1992	68,2	68,3	76,8	56,4	56,3	48,2
1995	60,3	62,5	55,3	63,0	61,2	55,3
2000	59,0	60,6	67,0	64,1	62,8	57,5
2005	60,1	58,8	63,5	63,2	64,2	60,4
2008	60,7	58,8	61,6	62,7	64,2	61,9
2009	63,8	61,7	63,6	60,2	61,9	60,3
2010	66,3	64,3	67,7	58,0	59,7	56,8
2011	60,5	58,8	64,6	62,8	64,2	59,5
2012	63,4	60,5	63,1	60,5	62,9	60,7

Отметим, что для страны и регионов округа в целом складывается благоприятная перспектива относительно временно′й динамики сводной характеристики качества населения: тренды имеют понижательный характер, следовательно, значения сводных индикаторов в тенденции приближаются к условному эталону. Между тем значение индикатора республики описывается слегка повышательным трендом, что можно интерпретировать как отсутствие существенных изменений в качестве человеческих ресурсов региона, либо даже как их малозаметное ухудшение. По расчетам, преимущественная позиция Чувашии относительно среднероссийского уровня по совокупному спектру параметров данной группы постепенно утрачивается, практически сравниваясь со средним уровнем по стране, оставаясь, однако, несколько лучшей по сравнению со средним значением округа.

Качество трудовой деятельности населения. Данные табл. 3 наглядно демонстрируют изменения, произошедшие в характере распределения регионов страны по уровню сводного индикатора качества трудовой деятельности, в том числе в пространственной позиции Чувашии в 1993–2012 гг.

Таблица 3

Параметры качества трудовой жизни населения Российской Федерации, Приволжского федерального округа и Чувашской Республики (в линейной нормированной шкале)

Годы	Сводный индикатор качества трудовой жизни населения	Евклидово расстояние совокупного индикатора качества трудовой жизни населения до условного эталона				
	РФ	ПФО	Чувашия	РФ	ПФО	Чувашия
1992	68,1	66,3	68,6	56,5	58,1	56,0
1995	63,9	61,5	62,7	60,1	62,1	61,0
2000	60,4	59,0	61,9	62,9	64,0	61,7
2005	73,2	72,3	71,6	51,8	52,7	53,3
2008	73,0	72,4	70,5	52,0	52,5	54,3
2009	75,1	75,7	75,2	49,9	49,3	49,8
2010	72,5	73,2	75,2	52,4	51,7	49,8
2011	68,8	69,4	70,8	55,9	55,3	54,0
2012	69,7	70,3	70,7	55,1	54,5	54,1

Во-первых, усилилась асимметрия в распределении регионов, о чем свидетельствует дальнейшее смещение среднего значения общероссийского индикатора вверх от медианы. Следовательно, меньшая часть из общего числа регионов с относительно высокими значениями показателя стала играть еще большую роль в формировании среднего значения. Во-вторых, тренды республики и страны в целом почти совпали, а тренд округа, проходивший в исходных точках ниже вышеназванных, к концу периода практически соединился с ними. Таким образом, Чувашия и ПФО в целом в рассматриваемом периоде улучшили свои позиции по значению сводного индикатора качества трудовой деятельности населения относительно большинства других регионов. У республики при этом эти изменения совпали с генеральной тенденцией в пространственном распределении регионов страны, вследствие чего уровень ее показателя в тренде практически соответствовал среднему по стране.

Вместе с тем отмеченные изменения в пространственном распределении регионов практически не привели к уровневым изменениям во времени. Расчеты показывают пульсирующую динамику сводного индикатора качества трудовой жизни страны и округа вокруг стационарного тренда, что свидетельствует об отсутствии долгонаправленных изменений в евклидовом расстоянии между данными значениями и условным эталоном. Между тем тренд аналогичного показателя Чувашии имеет небольшой наклон, показывающий некоторое приближение его уровня к условному эталону в рассматриваемом периоде, т.е. определенный положительный сдвиг в его временно′й динамике.

Качество человеческих ресурсов. Итак, были получены представления об уровне и динамике сводных индикаторов, характеризующих два различных аспекта качества человеческих ресурсов Чувашии в анализируемом периоде. Данные индикаторы с использованием уже вышеуказанного метода агрегирования были представлены в виде единого интегрального индикатора, характеризующего уровень и динамику качества человеческих ресурсов в комплексе (табл. 4).

Таблица 4

Параметры качества человеческих ресурсов Российской Федерации, Приволжского федерального округа и Чувашской Республики (в линейной нормированной шкале)

Годы	Интегральный индикатор качества человеческих ресурсов	Евклидово расстояние интегрального индикатора качества человеческих ресурсов до условного эталона				
	РФ	ПФО	Чувашия	РФ	ПФО	Чувашия
1992	68,1	67,2	72,5	56,4	57,1	52,1
1995	62,3	62,0	59,2	61,7	61,6	58,1
2000	59,8	59,7	64,3	63,6	63,4	59,6
2005	67,3	66,1	67,8	58	58,9	56,9
2008	67,4	66,1	66,3	57,8	58,8	58,1
2009	68,8	67,5	69,7	55,5	56,1	55,1
2010	69,7	69,1	71,6	55,4	56,0	53,3
2011	65,0	64,5	67,9	59,7	60,1	56,8
2012	66,9	65,8	67,1	58,0	59,0	57,4

Обобщая изменения в пространственных соотношениях средних уровней интегрального индикатора качества человеческих ресурсов Чувашии, округа и страны, следует отметить их одинаковый характер, о чем свидетельствуют параллельные повышательные тренды всех трех показателей. При этом республиканский тренд расположен выше общероссийского, а окружной – ниже. Следовательно, республика стабильно удерживает свою позицию, расположенную немногим выше среднего уровня по стране. Это в равной мере относится и к ПФО в целом, однако его позиция находится чуть ниже среднероссийского уровня с некоторым увеличением разрыва в течение рассматриваемого периода.

Вместе с тем расчет уровневых изменений интегрального индикатора качества человеческих ресурсов в динамике по сравнению с эталоном свидетельствуют о менее благоприятной позиции Чувашии относительно средних параметров страны и округа. Тренд республики имеет практически стационарный характер или даже обнаруживает малозаметный рост, отдаляясь от эталона, в отличие от средних показателей страны и округа, тренды которых имеют понижательный характер, причем более выраженный по стране в целом. Следовательно, динамика обобщенного (интегрального) уровня качества человеческих ресурсов Чувашии в определенной мере отстает от средней тенденции по стране и округу, что подводит к необходимости разработки специальных мер стратегического порядка по преодолению данной тенденции в целях успешного решения задач социоэкономической модернизации региона.

Как видим, интегральная характеристика качества человеческих ресурсов региона в условиях многомерного подхода формируется в виде равнодействующей нескольких, часто противоположных, тенденций, знания о которых, по нашему мнению, позволят выработать действенные механизмы управления человеческим потенциалом в целях социоэкономической модернизации страны.

Список литературы:

1. Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения / Центральный экономико-математический ин-т РАН. – М.: Наука, 2012.– 432 с.

2. Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социс. 2009. № 1. С. 33–42.

3. Бобылев С.Н. Устойчивое развитие: методология и методика измерения: Учебное пособие // С.Н. Бобылев, Н.В. Зубаревич, С.В. Соловьева, Ю.С. Власов; под ред. С.Н. Бобылева. М.: Экономика, 2011. – 358 с.

4. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – М.: Едиториал УРСС, 2003.– 264 с.

5. Лапин, Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н.И. Лапин, Л.И. Беляева; Рос. Акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2010. – 111 с.

ПАТРИОТИЗМ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНТОВ КРУПНОГО ГОРОДА

О.Ю. Тевлюкова –
к. социол.н., доцент кафедры социальных коммуникаций и социологии управления Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ»

Трансформация политической и социально-экономической подсистем российского общества, начавшаяся в 90-х годы, изменила систему ценностей и морально-нравственных представлений, сложившуюся в советское время. Новые поколения россиян, социализация которых пришлась на конец XX – начало XXI века, существенно отличается от поколений граждан, выросших в СССР. В первую очередь эти отличия касаются восприятия своей страны. Советские люди испытывали чувство гордости за великую державу, готовы были защищать Родину с оружием в руках, трудиться на благо Отчизны, невзирая на трудности и бытовую неустроенность. Современная молодежь далеко не всегда разделяет патриотические настроения старшего поколения. Распространение западной системы ценностей изменило мировоззренческие установки и сознание подрастающего поколения россиян. В настоящее время на государственном уровне предпринимаются попытки возродить систему патриотического воспитания молодежи, сформировать в молодежной среде благоприятное отношение к собственной стране. В этой связи эмпирическое изучение восприятия патриотизма молодым поколением россиян приобретает особую актуальность.

Любое эмпирическое исследование предполагает уточнение содержания основных понятий, в нашем случае это категории «молодежь», «студенчество» и «патриотизм». Под молодежью понимается социально-демографическая группа, включающая людей в возрасте от 16 до 30 лет, специфические социальные и психологические черты которых обусловлены «возрастными особенностями, процессом становления их духовного мира, спецификой положения в социальной структуре общества» [1; 96].

Студенчество – это «социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных признаков и специфики труда (учебы)» [3; 509]. Представители студенческой молодежи связаны между собой общим видом деятельности и образуют особую социально-профессиональную группу. Специфика данной группы обусловлена характером общественной деятельности студентов, которая, в сочетании с территориальным сосредоточением и возрастной однородностью, порождает у них общность интересов, групповое самосознание, определенную субкультуру и образ жизни.

Согласно толковому словарю русского языка, патриотизм – это «преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу» [2; 496]. В социологической литературе патриотизм определяется как «нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству, гордость за его прошлое и настоящее, готовность подчинить свои интересы интересам страны, стремление защищать интересы родины и своего народа» [4; 765].

Изучение системы ценностей студенческой молодежи целесообразно проводить в крупных городах, являющихся образовательными центрами. Новосибирск – третий по численности населения город России. В городе более 50 высших учебных заведений, в которых обучается не только молодежь Новосибирской области, но и представители других регионов России, а также Казахстана, Китая, Монголии и других стран (доля иногородних студентов достигает 40%). В 2014 г. Социологическим центром кафедры социальных коммуникаций и социологии управления Новосибирского государственного университета экономики и управления был проведен опрос «Городское пространство Новосибирска: взгляд студентов» (исследование финансировалось по внутреннему гранту). Методом анкетирования было опрошено 1273 представителя студенческой молодежи, проходивших обучение на дневном отделении в ведущих новосибирских вузах: Новосибирском государственном университете экономики и управления (33,5% к числу опрошенных), Новосибирском государственном техническом университете (27,3%), Сибирском институте управления РАНХиГС (22%) и Сибирском университете потребительской кооперации (17,3%). Полученные данные обрабатывались с помощью пакета SPSS.

Одной из задач исследования стало выявление преставлений студентов о содержательных аспектах двух измерений патриотизма – «по отношению к своей стране» (общенациональный патриотизм) и «по отношению к своему городу» (локальный патриотизм). В таблице 1 представлено распределение ответов на вопрос: «Что, по Вашему мнению, означает быть патриотом?» (респонденты могли выбрать не более трех вариантов ответов).

Таблица 1

Общенациональный патриотизм в представлении студентов

Варианты ответов	В % к опрошенным				
	НГТУ	НГУЭУ	СибУПК	СИУ РАНХиГС	Итого
Знать и ценить культуру своей страны	68,1	70,2	58,3	68,0	67,1
Любить Родину	58,2	60,7	49,3	61,2	58,2
Гордиться историей страны	48,5	44,8	48,4	41,0	45,6
Верить в будущее страны	43,9	43,6	34,6	51,8	43,9
Быть готовым защищать Родину с оружием в руках	24,9	21,9	28,1	27,7	25,1
Жить и работать только в России	8,5	9,8	10,6	9,4	9,5
Ставить государственные и общественные интересы выше личных	4,1	5,7	2,8	6,5	4,9
Покупать только российские товары	2,0	1,0	8,3	1,1	2,5

Опрос показал, что студенты сосредоточены преимущественно на культурно-ценностном и эмоциональном восприятии своей Родины. Более половины опрошенных студентов полагают, что любовь к своей родине и есть основное определение патриотизма (58,2%). Гордость за историческое наследие своей страны и веру в ее будущее считают важными составляющими патриотизма 45,6% и 43,9% респондентов соответственно. Деятельностный аспект патриотизма – готовность защищать свою Родину с оружием в руках – считает важным четверть опрошенных. В наименьшей степени студенты разделяют экономический и политический аспекты понятия «патриотизм» – всего 9,5% опрошенных согласны с тем, что быть патриотом означает жить и работать только в России, лишь 2,5% воспринимают как патриотизм приобретение исключительно российских товаров. «Ставить государственные и общественные интересы выше своих собственных» является проявлением патриотизма для 4,9% респондентов.

Сравнение ответов респондентов в разрезе места обучения показывает, что культурно-ценностный аспект патриотизма более близок студентам НГУЭУ, среди них 70,2% считают, что быть патриотом означает «знать и ценить культуру своей родины». Экономическая составляющая актуальна для студентов СибУПК, которые чаще других категорий респондентов относят к патриотизму стремление работать только в России и приобретать российские товары (10,6% и 8,3% соответственно). Студенты же СИУ РАНХиГС проявляют большую, по сравнению со студентами других вузов, склонность к отождествлению понятия патриотизм с признанием приоритета государственных и общественных интересов по отношению к личным (6,5%).

Локальный патриотизм проявляется как привязанность к месту рождения или месту проживания, «родному городу». Восприятие места проживания во многом обусловлено территориальной самоидентификацией индивида («я – новосибирец», «я – сибиряк», «я – россиянин»). Распределение ответов на вопрос: «Быть патриотом своего города – это…» представлено в таблице 2 (предлагалось выбрать не более трех вариантов ответов).

Таблица 2

Локальный патриотизм в представлении студентов

Варианты ответов	В % к опрошенным				
	НГТУ	НГУЭУ	СибУПК	СИУ РАНХиГС	Итого
Гордиться своим городом	44,6	58,0	52,8	48,7	51,4
Знать историю своего города	25,5	25,3	26,4	32,4	27,1
Работать на благо своего города	29,0	24,6	28,7	32,0	28,1
Участвовать в общественной жизни своего города	18,2	22,0	17,6	25,5	20,9
Связывать свое будущее с городом	17,3	23,2	11,6	18,9	18,6

Опрос показал, что локальный патриотизм опирается, прежде всего, на эмоциональный аспект – более половины студентов (51,4%) считают, что быть патриотом своего города означает гордиться им. Деятельностный аспект – работать на благо города, – актуален для 28,1% опрошенных. Знание истории своего города с патриотизмом связывает 27,1% респондентов. 20,9% студентов полагают, что быть патриотом своего города значит участвовать в его общественной жизни, и только 18,6% согласны с тем, что связывать свое будущее с городом является проявлением патриотизма. Необходимо отметить, что студенты НГУЭУ в наибольшей степени разделяют мнение: «быть патриотом своего города означает им гордиться», студенты НГТУ – в наименьшей (58% и 44,6% соответственно). Деятельностный аспект близок студентам СИУ РАНХиГС – здесь самый высокий процент тех, кто считает, что работа на благо своего города и участие в его общественной жизни являются проявлением патриотизма (32% и 25,5% соответственно). На наш взгляд, расхождения в ответах респондентов объясняются спецификой направлений обучения в вузах – студентов СибУПК готовят к коммерческой деятельности, а студентов СИУ РАНХиГС – к общественно-политической.

Далее студентам было предложено ответить на вопрос, считают ли они себя патриотами (см. таблицу 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы себя патриотом?»

Варианты ответов	В % к опрошенным				
	НГТУ	НГУЭУ	СибУПК	СИУ РАНХиГС	Итого
Да, я патриот своей страны	35,4	34,9	29,5	35,9	34,3
Да, я патриот своего города	6,4	9,0	19,4	8,4	10,0
Да, патриот своей страны и города	12,6	17,6	20,3	21,2	17,5
Нет, я не считаю себя патриотом	25,4	21,9	19,4	21,5	22,3
Затрудняюсь ответить	20,9	18,5	12,4	15,7	17,4

Анализ полученных данных показал, что студенты более склонны относить себя к «патриотам своей страны» (34,3%) или к «патриотам своей страны и города» (17,5%). Стремление идентифицировать себя со страной в целом свидетельствует о превалировании в сознании студентов общенационального патриотизма. Считают себя патриотами своего города (локальный патриотизм) всего 10% респондентов. В целом патриотические настроения разделяют более половины опрошенных (61,8%). Всего 22,3% респондентов не считают себя патриотами, а 17,4% затруднились ответить на данный вопрос. Сопоставление ответов респондентов в разрезе места обучения показало, что патриотами своей страны в наибольшей степени считают себя студенты СИУ РАНХиГС, в наименьшей – студенты СибУПК (35,9% и 29,5% соответственно), при этом у второй категории респондентов в наибольшей степени выражен локальный патриотизм (19,4%, что почти на 10% выше общего показателя). Доля респондентов, затруднившихся ответить на данный вопрос, выше среди студентов НГТУ (20,9%), что может объясняться высокой долей студентов, приехавших на обучение из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Таким образом, опрос выявил недостаточно высокий уровень патриотических настроений в студенческой среде, а также расхождения в восприятии отдельных аспектов патриотизма, обусловленные спецификой сферы будущей профессиональной деятельности студентов разных вузов.

Список литературы:

1. Краткий словарь по социологии / авт.-сост. П. Д. Павленок. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 254 с.

2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2006. – 944 с.

3. Социологический словарь / Академический учебно-научный центр РАН МГУ им. М.В. Ломоносова; отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. – М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2010. – 608 с.

4. Социология : Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов и др. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ СДВИГОВ В СТАРОПРОМЫШЛЕННЫХ РЕГИОНАХ[1]

О.М. Трофимова –
к.э.н., доцент кафедры экономической теории РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

Глобализация способствовала повсеместному применению теорий специализации и возникновению представления о неравномерности пространственного развития и пространственно-структурных сдвигов в региональной экономике. К настоящему времени теория пространственных сдвигов прошла эволюционный путь, и сегодня число различных вариантов этой теории удивительно велико, а в числе авторов, исследовавших эту проблему, можно отметить Ф. Перу [1], Ж. Будвиля [2], Х.Р. Ласуэна [3], В. Лаундхарта, С. Коэна [4], У. Изарда [5], Н.Н. Баранского [6], Г.М. Лаппо [7], Э. Глойден [8], М.Портера [9], М. Энрайта [10], С. Розенфельда [11], Ф. Листа [12], Д. Якобса [13], Е. Бергмана, Е. Фезера [14] и др. Большинство указанных теорий оперирует некими «идеальными типами», как, например, промышленные кластеры, технополисы, промышленные районы, инновационные сферы, глобальные города, оси и полюса развития. Каждый из этих идеальных типов является исторически сложившимся набором отношений между агентами, а также между агентами и объектами на определенной территории. На основании сравнительного анализа теоретических подходов к пространственному развитию можно однозначно утверждать, что концепт полюса роста является родовым для всех остальных «идеальных типов», поскольку позволяет объяснить не только неравномерность размещения производственных мощностей и экономическую активность, но и неравномерность инновационного и социального потенциалов территорий.

Стоит отметить, что все указанные теории делают акцент на пространственном рисунке именно отраслей хозяйствования, как движущей силе формирования полюсов роста. В качестве детерминант локального развития в них рассматривается неравномерная обеспеченность ресурсами и факторами производства, неравные условия спроса и межрегиональные различия в производственных структурах. Неравенство хозяйствующих единиц имеет своим следствием деформацию экономического пространства, следствием которой является поляризация пространства вокруг ведущей отрасли. При этом выделяются в таком поляризованном пространстве отрасли-

[1] Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ № 14-12-66016

моторы, реализующие эффект доминирования, а в структуре хозяйствования нарушаются принципы свободной конкуренции, выстраиваются локальные отношения и взаимосвязи.

Таким образом, локальные полюса роста представляют собой сложившиеся традиционные центры социально-экономического развития, способные генерировать новые функции территории, придавая комплексный характер ее развитию и распространять его по локальным осям развития на взаимосвязанные территории. Мы предлагаем при этом отказаться от использования термина «пропульсивная отрасль» как ключевого детерминанта отраслевой специализации территории в пользу термина «пропульсивная функция территории», отражающего роль не только производственных объектов, но и всей территории в пространственном социально-экономическом рисунке региона. Пропульсивная функция территории определяет модель локального полюса роста.

Мы полагаем необходимым ввести следующие модели реализации пропульсивной функции территории:

Первая модель: полюс роста строится на основе пространственной близости производственных объектов для достижения эффектов экономии издержек и масштаба (по принципу модели MOLAND с акцентом на производственную специализацию). Данная модель характеризуется устойчивыми производственно-сбытовыми связями и единой цепочкой добавленной стоимости.

Соответственно можно утверждать, что разновидностями полюсов роста первой модели являются территориально-производственные комплексы, индустриальные районы, промышленные узлы, промышленные площадки, промышленные районы, промышленные округа и промышленные кластеры как наиболее развитые формы данной модели.

Вторая модель: полюс роста строится на основе пространственной близости поселений и единства социально-экономических функций (по принципу модели MOLAND с акцентом на социально-экономические особенности территории (-ий)). Данная модель характеризуется постоянными трудовыми, культурно-бытовыми, организационно-хозяйственными, административно-управленческими и другими связями.

Разновидностями второй модели полюсов роста являются технополисы, агломерации и глобальные города как наиболее развития форма.

Третья модель предполагает сочетание как собственно производственно-отраслевых эффектов тяготения, так и социально-культурных факторов близости территорий как основы формирования единого локального полюса роста. В данном случае будут наблюдаться как присущие локализованному производству эффекты масштаба и экономии издержек, так и эффекты синергии социального и инновационного пространств, характерные

для второй модели локальных полюсов роста. Примером реализации третьей модели является межмуниципальное сотрудничество.

Указанные модели определяются следующими условиями:

- степенью изначальной неравномерности пространственного развития, особенностями пространственного рисунка территории;
- характером функций, реализуемых территорией;
- типом производственного и инновационного каркаса территории.

С точки зрения изначальной неравномерности пространственного развития можно отметить, что первая модель отражает появление собственно неравномерности, обоснованное факторами специализации территории. Вторая модель является следствием отраслевой специализации и проявляется в перестройке рисунка расселения внутрирегионального пространства, проявлением внутрирегиональной миграции трудовых ресурсов, необходимостью формирования социальной инфраструктуры вокруг локализованных производственных комплексов, транспортной и инновационной инфраструктуры. Наконец, третья модель предполагает достижение наивысшего уровня конкурентоспособности территории за счет не просто интеграции производственных мощностей, системы расселения, но и формирования единства рынков, а также преодоления эффектов внутритерриториального доминирования, определения интерспецифических паритетных моделей сотрудничества внутритерриториального пространства по осям развития.

С точки зрения характера пропульсивной функции территории, определяющей модель полюса роста, можно утверждать, что в основе первой модели реализуется наиболее эффективно производственная функция территории. В рамках второй модели реализуется социально-организационная функция территории, в третьей модели эффективно реализуются обе указанные функции. При этом третья модель представляет собой не просто сумму функций территорий, но и поиск новой интерспецифической парадигмы полюсного развития.

Приведенные характеристики подчеркивают территориальный аспект концентрации в рамках полюса роста. При этом географические границы полюса роста отражают экономические реалии и не обязательно совпадают с административными и политическими границами входящих в него территорий. Выделим две фундаментальные характеристики полюсов роста.

Третьим и наиболее значимым условием выбора модели полюса роста и стратегии пространственных сдвигов является специфика производственно-инновационного каркаса региона. Основными факторами, определяющими особенности производственно-инновационного каркаса региона, являются:

- инновационное окружение;
- наличие определенных культурных и социальных моделей поведения ключевых акторов;

- конкурентоспособная отраслевая структура;
- географическая концентрация производственных объектов;
- специализация;
- стадия жизненного цикла территории.

Исходя из всего вышесказанного, отметим, что формирование полюсов роста есть следствие пространственных сдвигов, которые представляют собой трансформацию внутрирегионального пространства, обоснованную неравномерностью социально-экономического развития территорий, внутрирегиональной дифференциацией и необходимостью достижения целей устойчивого функционирования локальных социально-экономических систем (локалитетов).

Мы можем утверждать, что во внутрирегиональном пространстве возможны три типа пространственных сдвигов в соответствии с моделями полюсов роста. Первый тип сдвигов характеризуется формированием кластерных инициатив, второй тип сдвигов – развитием агломерационных процессов, третий тип сдвигов – формированием межмуниципального сотрудничества.

Особую значимость трансформационные сдвиги и формирование полюсов роста имеет для старопромышленных территорий, социально-экономическое развитие которых происходит по той же траектории, что и развитие отрасли функциональной специализации, представленной на территории градообразующим предприятием или группой предприятий. На практике, градообразующее предприятие оказывает влияние, в первую очередь, на территориальных акторов, происходит сращивание социокультурных, бытовых и экономических функций в рамках жизнеобеспечения территории.

Специфика внутрирегиональных пространственных сдвигов в старопромышленном регионе таким обоснована следующими факторами:

- пространственная привязка определенных элементов экономико-географического положения городов и места размещения потребителей продукции;
- пространственная немобильность основных видов природных ресурсов;
- снижение динамизма и стагнация социально-экономической сферы;
- исчерпание внутренних ресурсов развития в рамках сложившиеся функциональной специализации;
- исчерпание накопленных исторически ресурсов поселения;
- высокий уровень локализации сферы услуг территорий, а также дисперсия данных показателей в зависимости от рангов муниципалитетов;
- свертывание численности и структуры городов, что связано с потерей внешних смыслом развития территорий, трансформацией административно-правовых статусов локалитетов;

• дифференциация численности населения и значительные отклонения фактической численности населения от идеальной, что говорит о непривлекательности нецентральных территорий для проживания и реализации жизнеобеспечивающих функций.

Указанная многомерность факторов, так же как и разнообразие объектов трансформации, позволяют сделать вывод, что наиболее приемлемой формой пространственных сдвигов в старопромышленном регионе является межмуниципальное сотрудничество.

Использование концепции полюсов роста применительно к старопромышленной территории позволяет институционализировать функции территории в обеспечении эффективных пространственных сдвигов. На их основе становится возможным формирование инновационных целей регионального развития и обеспечение условий для их достижения.

Список литературы:

1. Перу Ф. Экономическое пространство: теория и время. 1950.
2. Boudeville J. L'espace et les Pôles de Croissance. Puf, Paris. 1968.
3. Ласуэн Х.Р. Урбанизация и экономическое развитие: временное взаимодействие между географическими и отраслевыми кластерами. М., 2003.
4. Коэн С. Геополитика в новую мировую эпоху: перспективы старой дисциплины. М., 1994.
5. Изард У. Размещение и пространственная экономика. М., 1993.
6. Баранский Н.Н. Избранные труды. Научные проблемы географии. М.: Мысль, 1980.
7. Лаппо Г. М. География городов. М.: Владос, 1997.
8. Цит. по: Мавлютов, Р. Р. Пространственное развитие крупных городов России в период постиндустриального перехода. Волгоград : ВолгГАСУ, 2015.
9. Портер М. Международная конкуренция: Конкурентные преимущества стран. М.: Междунар. отношения, 1993.
10. Enright, M. Regional Clusters and Economic Development: A Research Agenda // Staber, U., Schaefer, N. and Sharma, B. (Eds.) Business Networks: Prospects for Regional Development. Berlin: Walter de Gruyter, 1996. P. 190- 213.
11. Rosenfeld S.A. Bringing business into the mainstream of economic development// European Planning Studies. 1997. № .5. P. 3-23.
12. Лист Ф. Национальная система политической экономии. М., 1978.
13. Jacobs D. Clusters industrial policy and firms strategy// A menu approach technology analysis and strategic management. 1996. № 8 (4). P. 425-437.
14. Bergman E.M. and Feser E.J. Industrial and Regional Clusters: Concepts and Comparative Applications. London: Regional Research Institute, WVU. 1999.

ДИНАМИКА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

Н.В. Ушакова –
к.ист.н., доцент кафедры политико-правовых дисциплин Сургутского государственного университета

М.Ю. Мартынов –
д.полит.н., профессор политико-правовых дисциплин Сургутского государственного университета

В.В. Мархинин –
к.филос.н., доцент политико-правовых дисциплин Сургутского государственного университета

В.С. Пуртова –
ст. преподаватель политико-правовых дисциплин Сургутского государственного университета

Одной из первых задач исследования являлось выявление динамики межэтнических[1] отношений, с момента предыдущего опроса, то есть в течение года. Для этого респондентам задавался тот же вопрос, что и в предыдущем опросе: «Случалось ли Вам сталкиваться с проявлениями экстремизма, национализма в течение последнего года?»

Судя по ответам на этот вопрос, ситуация в автономном округе за год, по сравнению со времени предыдущего исследования 2012 г., пусть незначительно, но несколько ухудшилась. Это ухудшение не носит резкий, кардинальный характер, но, тем не менее, отметим, что **на то, что им иногда приходилось сталкиваться с этими проявлениями, указало на шесть процентов опрошенных больше, чем ранее** [1, 3].

В результате, если в 2012 г. случаев проявления экстремизма и национализма отмечало менее половины респондентов, то в 2013г. эти факты отметили уже более половины всех опрошенных (55%).

[1] Понятия «межэтнические» и «межнациональные» отношения имеют свои смысловые различия, однако в ходе данного исследования ими было решено пренебречь и использовать в качестве синонимов.

Причем в большей степени на подобные случаи указывают респонденты с этнической принадлежностью к Кавказу или Средней Азии (71% и 67% соответственно).

Можно выдвинуть разные гипотезы о причинах увеличения доли респондентов, отмечающих увеличение случаев проявлений национализма и экстремизма. Например, предположить, что таких случаев, в том числе в отношении к выходцам с Кавказа и из Средней Азии, действительно, стало больше. Однако статистика правонарушений в автономном округе подобной объективной тенденции не фиксирует. Следовательно, рост мнений об увеличении числа проявлений экстремизма и национализма имеет субъективные корни и отражает изменения в общественном мнении [1, 4].

Для объяснения – в качестве гипотезы – выскажем предположение, что эти изменения связаны с ростом этнического самосознания представителей народов, проживающих в автономном округе, в первую очередь, среди выходцев с Кавказа и из Средней Азии.

Дать однозначную оценку данной тенденции роста этнического самосознания достаточно сложно. С одной стороны, ее можно рассматривать позитивно, как часть формирования культуры мультикультурализма, с другой, – можно высказать обеспокоенность в связи с опасностью возможного превалирования в перспективе интересов и ценностей этнических сообществ над общенациональными.

За прошедший год никаких существенных, тем более негативных изменений, в отношении к представителям других национальностей не произошло. По-прежнему наиболее дружелюбное отношение проявляется в отношении русских и татар.

На заданный в ходе фокус-группы вопрос: **«Есть ли среди национальностей, которые проживают в нашем регионе такие, с представителями которых Вы чувствуете более комфортно, и, если это имеет место, то чем Вы это объясняете?»** были, в частности, получены следующие мнения ее участников:

Комфортно с татарами.

Предпочитаю общаться с татарами и представителями славянской национальности, поскольку они хорошо знают русский язык, не ущемляют мои интересы, вежливы и спокойны. Не малую роль играет и мнение родителей. Мой папа советует общаться мне с представителями данных наций. Он мой авторитет, и я не могу его ослушаться.

Я чувствую себя более комфортно с представителями своей национальности (башкирами), т.к. мы имеем одну религию, общий родной язык, общие обычаи и традиции.

Нет плохих наций, есть плохие люди.

С любой нацией чувствую себя комфортно.

Не разделяю людей по национальностям.

Все люди, живущие в нашем округе, так или иначе, чувствуют себя или комфортно или нет.

Тем не менее, наблюдается и более отрицательное отношение в общественном мнении молодежи округа к представителям народов Кавказа и Средней Азии (таблица 1).

Таблица 1

Как Вы относитесь к представителям следующих народов?

		положительно	скорее положительно	скорее отрицательно	отрицательно
русские	2012	78,0	19,7	0,9	1,5
	2013	82,3	15,8	0,9	0,9
татары	2012	47,3	37,9	11,1	3,7
	2013	54,0	35,1	6,5	4,4
китайцы	2012	31,5	39,8	18,3	10,4
	2013	33,4	35,3	20,3	11,0
народности Средней Азии	2012	27,1	38,8	22,9	11,2
	2013	30,0	34,9	23,2	11,9
народности Кавказа	2012	27,5	25,0	30,2	17,4
	2013	27,6	25,6	24,0	22,8

Задав в ходе фокус-группы вопрос: **«Есть ли среди национальностей, которые проживают в нашем регионе такие, к которым Вы испытываете неприязнь?»,** мы получили, в частности, следующие мнения ее участников:

Неприязнь к дагестанцам, чеченцам, азербайджанцам, таджикам и узбекам. Они агрессивны. У нас в г.Сургуте почти все ИП – это кавказцы. Это связано, не с их трудолюбием, а со взяточничеством. Они открывают свой магазин и перетаскивают сюда свои семьи, они считают себя «хозяевами» жизни, а русские и коренное население ходят под ними.

Неприязнь к армянам, азербайджанцам, дагестанцам, узбекам, таджикам, чеченцам. Из–за того, что некоторые личности этих национальностей ведут себя некорректно, в целом у меня сложилось негативное мнение обо всех этих нациях.

Я отношусь ко всем нейтрально, если они относятся также ко мне и к моему окружению. На мой взгляд, переселенцы из Дагестана сильно выпендриваются, качают права и обижают русских, живя на нашей земле. Естественно, это вызывает возмущение.

В ходе опроса молодежи выяснилась любопытная деталь. Казалось бы, наиболее негативно относиться к приезжим, к «мигрантам» должны те, кто давно живет в автономном округе. На деле же, как показал опрос, проявилась обратная зависимость – чем меньше времени молодой человек проживает на территории округа, тем более негативно он относится к приезжим (таблица 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, большое количество приезжих из других городов – это положительное или отрицательное явление для города?» в зависимости от времени проживания респондентов в округе

	менее одного года	от 1 до 5 лет	более 5 лет	всегда жили здесь	затрудняюсь
положительно	50,0	48,6	42,9	31,5	52,9
отрицательно	50,0	51,4	57,1	68,5	47,1

Это подтверждает предположение, что причиной интолерантного отношений к мигрантам и представителям других народов в целом служат не столько культурные и ценностные различия, сколько социально-психологические механизмы неудовлетворенности своим статусом и социальной ролью. Что подтверждает зависимость интолерантности в сознании некоторой части молодежи от чувства социального аутсайдерства или неудовлетворенности своим социальным положением[1, 3].

Социальное недовольство экономическим неравенством чаще всего проявляется в негативном отношении к мигрантам. Так как миграционные потоки носят национальный характер, то именно в представителях определенных национальностей (чаще всего в выходцах из Средней Азии и Кавказа) большая часть опрошенных видит угрозу для стабильности экономического положения коренного населения округа.

Особенно это характерно для группы респондентов с интолерантными настроениями, в их среде фиксируется наибольший процент отрицательного отношения к приезжим – 74% – в почти вдвое больше, чем среди всех респондентов[1, 4].

Как отмечается в «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года» острой проблемой, негативно сказывающейся на межнациональных отношениях, является недостаточная урегулированность миграционных процессов. Даже для такого полиэтнического региона, как Ханты-Мансийский автономный округ, проблема миграции сегодня становится одной из значимых. Приезд в округ большого количества представителей других республик несет в себе не только экономическую выгоду, но и целый

ряд проблем – социальных, межкультурных, межконфессиональных и межэтнических. Это вызывает нескрываемую обеспокоенность коренных жителей округа, которые зачастую высказывают отрицательное отношение к приезжим[3, 5].

Чаще всего негативное отношение к приезжим проявляют респонденты славянской национальности (русские, украинцы). Причем большинство из них – 69% – относят себя к коренным жителям округа, которые родились и живут здесь, даже, несмотря на то, что их родители когда-то также приехали сюда из других мест.

Ответы респондентов на вопрос «Если Вы и ваша семья когда-то приехали в автономный округ, напишите – из какого региона?» продемонстрировали «географию» почти всех уголков бывшего СССР. Однако наибольшее число респондентов, ответивших на вопрос (это 40% от всех респондентов) приехали когда-то из Украины, Башкортостана, Казахстана, Дагестана, Омской и Тюменской областей, Челябинска и Кургана, Самары и Саратова и некоторых других областей и городов.

Несмотря на то, что в прошлом респонденты сами или их родители приехали в округ, они склонны видеть во вновь прибывающих мигрантах конкурентов, которые могут ухудшить их экономическое положение.

Наиболее отрицательное отношение к мигрантам проявляют респонденты из крупных городов округа – Сургута, Нижневартовска, Ханты-Мансийска. Как известно, в этих городах высока как экономическая активность, так и конкуренция за рабочие места (таблица 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, большое количество приезжих из других городов – это положительное или отрицательное явление для города?» в зависимости от территории проживания

	Сургут	Нижневартовск	Нягань	Октябрьский район	Ханты-Мансийск	Березовский район
положительно	31,8	36,8	41,4	56,6	35,2	42,6
отрицательно	68,2	63,2	58,6	43,4	64,8	57,4

Поэтому чаще всего межэтническая напряженность возникает в городах, где наблюдается наибольший приток извне. В сельских районах обстановка в этом отношении более спокойная. Случаи конфликтных ситуаций на национальной почве, как отмечают респонденты, чаще всего характерны для городов Ханты-Мансийск, Сургут и Нижневартовск, более 50% городских жителей ответили, что им приходилось сталкиваться с проявлениями экстремизма и национализма.

Отношение к «мигрантам» напрямую зависит от социального самочувствия респондентов. Подавляющее большинство тех респондентов, кто не удовлетворен своим уровнем материального благосостояния (более 70%), отрицательно относятся к мигрантам.

В свою очередь, недавно приехавшие в округ молодые люди – достаточно часто испытывают на себе трудности адаптации в новой среде, и, прежде всего, в социально-экономической сфере. В их группе наблюдается наибольшее количество тех, кто не удовлетворен своим материальным положением (46%), их процент более чем в два раза больше, чем среди коренных жителей.

Таким образом, интолерантное отношение к приезжим, усугубляемое трудностями адаптации последних и интеграции их в местное сообщество, особенно в экономически развитых и густонаселенных городах округа, могут создавать определенную межнациональную напряженность.

Список литературы:

1. Мартынов М.Ю., Дорогонько Е.В., Ушакова Н.В., Мархинин В.В. (мл.), Гусаров И.Ю. Социально-политическая толерантность молодежи Югры. Отчет по результатам соц.исследования, Ханты-Мансийск – Сургут, 2012

2. Клесова С. В. Воспитание толерантности у студенческой молодёжи // Молодой ученый. – 2012. – №4. – С. 357-359

3. Стратегия социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2020 года и на период 2030 года. URLhttp://www.admhmao.ru.

4. Информационно-просветительский портал ХМАО-Югры URL: http://www.eduhmao.ru/, Молодежный портал ХМАО-Югры URL:http://www.molod.eduhmao.ru/, Интернет-портал «Молодежный парламентаризм в Югре». URL: http://www.mparlament.eduhmao.ru/

ПОТЕНЦИАЛ ИНСТИТУТОВ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

И.И. Фадеева –
д.социол.н. профессор кафедры социологии Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева

Ю.Н. Мангутова –
начальник управления по внеучебной работе Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева

Тема социального предпринимательства является в настоящее время дискуссионной площадкой на различных уровнях социума (научное сообщество, органы власти и управления, бизнес-организации), поскольку прочно входит в систему социально-экономических отношений и затрагивает значительные слои общества. Государство рассматривает социальное предпринимательство как некий инструмент, способный решать социальные проблемы общества. Социальные институты (система образования, институт рынка труда, общественные организации) видят в социальном предпринимательстве потенциал для решения социальных проблем, воспроизводства трудовых ресурсов качественно отличных от существующих в силу формирования новых мотивационных установок относительно субъекта труда, способа реализации модернизационного процесса и создания инновационного продукта. В основе социального предпринимательства лежат технологии социального проектирования, которые направлены на поиск и обоснование средств для решения социальных проблем, использование имеющихся апробированных ресурсов в новых сочетаниях и формах. В данном ключе социальное предпринимательство также направлено на поиск новых источников развития, приносящих пользу обществу, формирующих прибавочную стоимость и новые качества человеческого капитала.

Факторы, влияющие на развитие социального предпринимательства, условно делятся на три уровня: макросреда, мезосреда, микросреда. Макросреда определяется социокультурными и экономическими особенностями общества, формирования российского бизнеса, состоянием рыночной экономики, социально-ориентированной политикой государства, развитием социальных институтов, гуманистической идеологией и т.д. Мезосреда включает многочисленные условия развития на уровне региона (наличие инфраструктуры предпринимательства), поддержку со стороны региональной и муниципальной власти, направленностью института

образования (наличие в учреждениях образования структур формирования предпринимательских интенций и практических навыков) и средств массовой информации (целенаправленное формирование позитивного имиджа предпринимательской деятельности в обществе), интернет-среды и медийного пространства. Микросреда также опосредованно влияет на развитие предпринимательских установок на уровне семьи и ближайшего социального окружения, которые раскрывают личностный потенциал индивида, поддерживают активность потенциальных предпринимателей.

Опыт реализации предпринимательской деятельности в разных сферах общества указывает на то, что одним из факторов социальной активности индивида выступает образование. Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что существует корреляция между уровнем образования и степенью готовности к предпринимательской деятельности. Профессиональное образование позволяет индивиду не только приобретать знания, но и в процессе реализации проектной деятельности (получение профессионального образования также можно рассматривать в качестве жизненного проекта) формировать социальные качества, конструировать будущую деятельность и творчески осваивать действительность. Обучающиеся предпринимают усилия по совмещению разных видов деятельности (учебной, производственной, творческой и др.) в условиях ограниченных ресурсов, концентрируют внимание на разных видах социальных практик (образовательной, культурно-досуговой, волонтерской, трудовой и т.д.). Именно поэтому академически успешная и социально активная молодежь обладает значительным потенциалом для развития навыков социального предпринимательства.

В силу ограниченности у молодежи собственных ресурсов на профессиональном старте и наличия у них сложных социальных проблем (создание семьи, рождение детей, отсутствие жилья, сложности с трудоустройством и др.) возникают барьеры для развития у них навыков предпринимательства. Как показывают исследования, проводимые в Российской Федерации на протяжении последнего десятилетия, уровень предпринимательской активности в стране продолжает оставаться достаточно низким. Этот вывод подтверждается исследованиями «Глобального мониторинга предпринимательства» [2, 16]. Россия до сих пор остаётся в конце списка стран Европы по уровню предпринимательской активности населения. В связи с этим возникает острая необходимость формирования мотивационной системы общества, особенно у молодого поколения, и конкретных действий государства по развитию деятельности в сфере предпринимательства. В целях создания эффективной системы стимулов развития социального предпринимательства необходимо изучение факторов, влияющих на его развитие как современного социального института.

Образовательная система (школа, вуз, учреждение СПО и т.п.) выступает средой генерации и проверки идей, социального экспериментирования под руководством квалифицированных наставников. Среда образовательной организации мобилизует творческий потенциал, формирует навыки взаимодействия в проектной группе и активизирует молодежь на поиск новых идей. Результаты проектов зависят от индивидуальных качеств участников проектных команд, их гибкости и желания следовать новым правилам, а не привычным нормам. В основе процесса социального проектирования лежит общественная потребность, позволяющая сконцентрировать усилия на поиске новых способов ее удовлетворения, исходя из уровня развития общества, последних достижений науки и техники.

Новые веяния современности указывают на то, что к основным факторам предпринимательской активности относится склонность людей к инновациям и материальным усовершенствованиям. Одной из функций проектирования является осуществление таких решений, которые влияют на модернизационные и инновационные процессы в обществе. Например, реализация функции проектирования развивает способности к предпринимательской деятельности, а социальная среда образовательной организации способствует формированию социальных направлений предпринимательства. К тому же субъекты образовательной деятельности (педагоги, психологи) способны выявить обучающихся, имеющих способности и склонности к предпринимательской деятельности.

Значительную роль для развития предпринимательской активности молодежи играет положительный опыт реализации социальных проектов в образовательных организациях, а также их освещение в средствах массовой информации (например, в студенческих СМИ). Примеры ведущих университетов России по развитию проектных технологий при получении образования (кейс-стади, дипломные проекты) и методов организации внеучебных форм деятельности молодежи демонстрируют их высокий эвристический потенциал. Так, в 2014-2015 гг. студенческим сообществом Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева в рамках Программы развития студенческого самоуправления было реализовано более 10 проектов, имеющих социальную направленность. Среди них проект «Мир детства», который направлен на организацию детского досуга на дворовых площадках в каникулярное время. Проект «Социальный адаптив»» – дополнительная образовательная программа для студентов из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, направленная на формирование семейных ценностей. Проект по профилактике употребления психоактивных веществ «Фактор риска». Основной целевой аудиторией данного проекта выступают родители школьников. В качестве площадки распространения опыта выступают телевидение, печатные и интернет-издания.

Факторы, препятствующие участию молодёжи в предпринимательской деятельности, имеют объективную и субъективную природу. Среди объективных факторов выделяют трудности предпринимательского старта, связанного с проблемой первоначального капитала, высокой конкуренцией, кризисными явлениями в экономике. К другим объективным факторам относится недостаток квалифицированных специалистов, способных обучить молодых предпринимателей, а также наличие административных барьеров [3]. Сдерживающим фактором является качество контингента молодёжи в системе образования, по инерции воспроизводящей «советскую» патерналистскую модель поведения либо имеющей необоснованные амбиции, профессионально-карьерный «инфантилизм».

Личностно-ориентированная модель образования и воспитания личности призвана формировать у обучающихся такие качества как инициативность, предприимчивость и социальную ответственность. Использование инновационных методов обучения законодательно закреплено в Федеральном Законе «Об образовании» (№ 273-ФЗ от 29.12.2012) и новых ФГОС. Внедрение проектной деятельности также является предпосылкой к освоению молодёжью ценностей предпринимательства, проектных методов управления, что определено в Концепции социально-экономического развития России до 2020 г. [5].

Ближайшее окружение оказывает значительное влияние на поведение человека. Усиление собственного «Я» осуществляется как за счёт личных успехов, так и за счёт принадлежности к группе. Генерирующим фактором направления социальной активности индивида в данном случае выступают общественные ценности. Общество знаний задает новый тренд, согласно которому «учиться становится модно». Увеличение в академической группе отличников и хорошистов положительно влияет на качество образования, поскольку это становится основной ценностью большинства. Аналогично формируются и ценности предпринимательства: чем больше в социальном окружении людей, которые занимаются предпринимательством, тем больше вероятность того, что субъект будет включен в данную деятельность.

Семья как институт первичной социализации во многом определяет круг интересов и потребностей индивида, его взгляды и ценностные ориентиры. Она предоставляет условия, в том числе материальные, для развития задатков и способностей индивида, его нравственных и социальных качеств. Развитие предпринимательской активности в некоторых случаях зависит от семейных ориентиров и потребностей. Семейный бизнес как совокупность традиций совместной производственной деятельности помогает взращивать в молодом поколении дух предпринимательства и ответственности, оказывает влияние на формирование профессиональных предпочтений. Ведение семейного бизнеса предполагает процесс передачи его по наследству. Рост предпринимательской активности в данном случае обеспечивается за счёт вовлеченности

и адаптивности к бизнес-процессам. В семейном бизнесе чётко просматривается организационное единство, поскольку на бизнес-структуру накладывается структура семейных связей: каждый из членов семьи занимает свою нишу в семейном бизнесе и имеет, как правило, высокий уровень мотивации.

Формирование социальной активности молодёжи во многом происходит под влиянием интернет-среды. Интернет как средство коммуникации позволяет создавать виртуальные сообщества, через быстрый доступ к информации активно познавать окружающую жизнь. Средства массовой информации и интернет не только виртуализируют социальную жизнь, но и способствуют трансляции новых моделей поведения молодёжи, созданию и распространению новых ценностей, мотивационных факторов личностного и профессионального развития. Например, в современных условиях большое внимание уделяется развитию волонтёрства как одной из важных социальных практик, влияющих на развитие социально-активной и развивающейся личности. Сообщества волонтёров, волонтерские организации не только оказывают помощь остронуждающимся людям, но и через волонтерские социальные сети оперативно решают жизненно важные вопросы отдельных социальных групп, что снижает социальную напряженность в обществе.

Учитывая то, что общество живёт в условиях неопределённой картины мира, перспективной практикой решения социальных проблем является обучение проектной деятельности. Интернет-среда содействует развитию данной практики. Сегодня она активно используется как площадка для реализации разных проектов: политических, экономических, социальных, экологических и т.д. [1]. Интернет формирует среду для развития молодёжных предпринимательских идей; через интернет-сообщества происходит популяризация общественных ценностей; интернет-среда также используется как источник привлечения ресурсов (интеллектуальных, партнерских, финансовых и др.).

Развитие социального предпринимательства, в первую очередь, зависит от качественного состояния экономики страны и регионов, субъектов РФ. Уровень социально-экономического развития территорий определяет направления и масштаб предпринимательских инициатив молодежи. Важными составляющими средовыми факторами являются ресурсная обеспеченность региона, географическое положение, природно-климатические условия, качество человеческих ресурсов.

Таким образом, на развитие социального предпринимательства большое влияние оказывают различные факторы, определяющие направления, содержание и интенсивность развития данного социального института в обществе. В связи с этим важно создавать благоприятную среду для развития социального предпринимательства в российском обществе под влиянием потенциала других институтов: семьи, образования, СМИ, органов власти и управления.

Список литературы:

1 Бычкова М. Н., Окушова Г. А Интернет как среда реализации общественных инициатив российской молодёжи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scjournal.ru/articles/issn.

2 Верховская О.Р., Дорохина М.В., Сергеева А.В. Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gsom.spbu.ru/images/cms/data/faculty.

3 Верхошенских Е. Б. Проблемы и факторы, влияющие на предпринимательскую среду. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.econ.asu.ru/pdf/confYprConsult2/verchoshenskih.pdf.

4 Кашпур В.В. Предпринимательство как жизненная перспектива современной молодёжи (на примере Томской области) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru.

5 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008г. № 1662-Р «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». Документ предоставлен Консультант Плюс www.consultant.ru.

6 Федеральный закон от 29.12.2012г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Документ предоставлен Консультант Плюс www.consultant.ru.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

В.Н. Шапалов –
к.пед.н., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Тюменского филиала РАНХ и ГС при Президенте РФ, доцент

По мнению экспертов, Россия на современном этапе развития в результате совокупности объективных и субъективных причин находится в состоянии глубокого системного кризиса, выхода из которого не видит ни руководство страны, ни экономисты. Ситуацию усугубляет и «великая деиндустриализация страны», которая проявляется в том, что наши предприятия всё больше утрачивают способность создавать и производить высокотехнологичную продукцию. Приведу конкретные факты. Доля импорта в потреблении по оценкам экспертов составляет в станкостроении более 90%, в тяжелом машиностроении – 60–80%, в легкой промышленности – 70–90%, в электронной промышленности. – 80–90%, в фармацевтической и медицинской – 70–80%, в машиностроении для пищевой промышленности от 60 до 80% [1]. Оценивая данную ситуацию в целом, замминистра Минпромторга С. Цыб подчеркивает: «Во многих стратегических отраслях промышленности доля потребления импорта оценивается на уровне более 80% и создает потенциальную угрозу как для национальной безопасности, так и для конкурентности российской экономики в целом»[1]. Таким образом, страна, которая в конце 1930-х годов могла производить практически весь спектр промышленной продукции, в 1950-1960 гг. стала пионером в освоении космического пространства, мирного использования атомной энергии, добилась грандиозных успехов в развитии гражданской авиации, в создании ряда прорывных технологий, в настоящий момент в основном живет за счет своих уникальных природных ресурсов, освоение которых началось также в 1960-1970-е гг. В результате сложившейся ситуации «...к 2020 году доля нашей экономики в мировом ВВП станет самой маленькой за все годы новой России – примерно 2,6%»[6]. Даже проведение структурных реформ в силу целого ряда причин, и в первую очередь геополитических, может не дать ожидаемых результатов.

В этих условиях закономерно возникает вопрос о том, как же выходить из сырьевой модели развития, которая полностью исчерпала свои возможности и не обладает потенциалом «второго дыхания».

Отметим, что в настоящий момент мировая экономика в целом переживает не лучшие времена, поэтому «...в современном мире главным ресурсом развития становятся творческие способности человека, его

инициатива» [14]. В этих условиях начнется острейшая конкурентная борьба за качественный человеческий капитал, который является главным двигателем развития в «экономике знаний».

Исследователи единодушны во мнении, что человеческий капитал – это сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком запас знаний, умений, навыков, мотиваций, способностей и здоровья, который содействует росту производительности труда и доходов данного человека.

Известный экономист В. Мельянцев, анализируя роль человеческого капитала в развитии экономики, отмечал, что если 1800 г. в структуре национального богатства наиболее развитых капиталистических стран он составлял 20%, в середине XX века – 48%, то на рубеже веков – уже 65%[9]. В начале XXI в. по расчетам Всемирного банка, в составе национального богатства США основные производственные фонды (здания и сооружения, машины и оборудование составляли 19%, природные ресурсы – 8%, человеческий капитал – 76%. В Западной Европе соответствующие показатели – 23, 2 и 74%[7; 5].

Исследователи отмечают, что увеличение человеческого капитала на 1% приводит к ускорению темпов роста ВВП на душу населения от 1 до -3% [16; 72]. Именно люди, с их мотивацией, целями, потребностями, квалификацией и опытом определили и определяют возможности и результаты политической, экономической и социальной модернизации общества, а в дальнейшем формируют новую стадию общественного производства – «экономику знания», в которой непрерывно возникают новые сферы деятельности и вместе с этим и постоянная адаптация работников к новым вызовам.

На этом фоне рассмотрим более подробно ситуацию с человеческим капиталом в современной России. При анализе структуры национального богатства России среди исследователей нет единства. Так, по оценке экспертов Всемирного банка доля природного капитала составляла 40%, физического капитала – 10% и человеческого капитала – 50%.[12; 10]. А. Мудрак значительно корректирует эти цифры и считает, что в России «природный капитал (ресурсы) составляет 83-88%, производственный капитал – составляет 7-8%, человеческий капитал оценивается только 5-7% [10;39]. Эти цифры без преувеличения позволяют утверждать, что в современной России человеческий капитал по сравнению с другими индустриальными странами практически не востребован и в ней не создано благоприятных условий для его развития, а также моральной поддержки, чтобы его представители осознавали, что они нужны обществу.

Исследователи отмечают, что, «оптимальной модели развития человеческого капитала, которая соответствует современным вызовам, просто не существует»[8; 115]. Можно без преувеличения утверждать, что та страна,

которая сформирует, а в дальнейшем и реализует наиболее эффективную модель развития человеческого потенциала, получит неоспоримые преимущества в современном мире.

Рассматривая проблемы России в этой сфере, необходимо рассматривать не только всю совокупность социальных, демографических, структурных, инвестиционных, политических и финансовых проблем, но также необходимо учитывать исторические традиции, особенности национального менталитета и сложившиеся социально-экономические условия.

Все специалисты едины во мнении, что важнейшим условием формирования человеческого капитала является система образования, которое все больше становится двигателем прогресса. Отметим, что в этой области Россия до сих пор не утратила многих лидирующих позиций. В частности, уровень грамотности взрослого населения в нашей стране является одним из самых высоких в мире и составляет 99,6%, при этом среднее образование имеют 95% населения[2; 48]. Для сравнения отметим, что в Германии – стране с самым высоким уровнем образования в ЕС этот показатель – 78%, в Великобритании – 76%, в Испании – 30%, в Португалии – меньше 20% [16;171].

Россия может гордиться высоким уровнем высшего образования, которое возникнув в XVIII в, уже со второй половины XIX века обогатило мир многими научными открытиями. Традиции развития высшего образования были продолжены в советский период, когда начался настоящий «образовательный бум». Если в 1940/41 учебном году в вузах обучалось 812 тыс. студентов, в 1960/61 уч. году – 2,4. млн. то в 1986/87 – 5,1. млн.» [11; 526]. Таких темпов развития системы высшего образования до сих пор не знала мировая история.

В результате доля работников с полным или неоконченным высшим образованием в общей численности рабочей силы в конце 1980-х гг. составляла 29,2%.[11; 414].

В Российской Федерации эта тенденция была не только сохранена, но продолжена. С 1992 по 2008 год число вузов выросло с 626 до 1,13 тысячи, а численность студентов только очной формы обучения увеличилась в 2,1 раза, достигнув 3,45 млн. человек, что составляло на тот момент 2,7% жителей страны [13; 139]. При всех издержках этого периода, в частности, определенного снижения качества обучения, это позволило России выйти на первое место в мире по количеству граждан с полным или неоконченным высшим образованием в общей численности рабочей силы. По данным Международной организации труда, в России их было 54%, в США 35,7%, 34,3% – в Швейцарии, 28,1% – в Германии, 24,4% – в Малайзии и 17,2% – в Бразилии [4]. В 2008 г. в России дипломы о высшем профессиональном образовании имели 26% занятых во всех сферах экономики, что соответствовало уровню Франции и Германии [16; 72]. О качестве

подготовки наших выпускников красноречиво говорит тот факт, что наши специалисты абсолютно конкурентоспособны в области математики, IT, физики, химии, биологии, медицины, медиа и др. Они не только востребованы в самых развитых странах мира, но и пополнили список нобелевских лауреатов и инноваторов. Как образно заметил декан экономического факультета МГУ им. Ломоносова А. Аузан, Россия «...с конца XIX века «обогревает» мир мозгами и талантами»[15].

В последнее время многие государственные чиновники и эксперты выступают за кардинальную реорганизацию системы высшего образования. Акцентируя внимание на том, что большая доступность высшего образования для современных выпускников породила много «болевых точек», они предлагают практически один выход: кардинально сокращать количество вузов и студентов. Безусловно, система высшего профессионального образования нуждается в институциональных реформах. При всей аргументированности своих выводов, сторонники коренной модернизации системы высшего образования упускают из виду, что образование является не только экономической, но и социальной ценностью. Динамизм современной эпохи порождает все новые сферы деятельности, новые профессии, что неизбежно сопровождается процессом адаптации к новым реалиям, необходимостью непрерывного образования. Кроме того, как показали исследования российских и зарубежных ученых, с ростом уровня образования возрастает и продолжительность жизни граждан. В частности, разница между продолжительностью жизни образованных людей и не получивших высшее образование составляет около 10 лет. Для России этот прирост составляет в среднем 9,2 года – ожидаемая продолжительность жизни составляет 76,35 года [5; 9].

Отмечая особенности социально-экономического развития страны, известный исследователь Н. Зубаревич, отмечает, что «кажущееся на первый взгляд, единое социально-экономическое пространство российских регионов на самом деле весьма неоднородно и его можно разделить на четыре «подстраны». «Первая Россия» – это страна больших городов; «Вторая Россия» – страна средних промышленных городов; «Третья Россия» – это огромная по территории периферия, состоящая из жителей села, поселков и малых городов; «Четвертая Россия» – республики Северного Кавказа и юга Сибири (Тыва, Алтай), в которых живет менее 6% населения страны [3].

Безусловно, эта полярность во многом определяет и будет определять особенности формирования человеческого капитала в России.

Таким образом, анализ состояния развития человеческого капитала в современной России позволяет сделать вывод, что перевод экономики на качественно новый уровень развития и трансформация российского общества

невозможны без достаточного запаса качественного человеческого капитала. В то же время анализ состояния человеческого капитала в современной России свидетельствует о том, что развитие человеческого потенциала до сих пор не входит в число приоритетных задач для страны, многие проблемы его формирования, воспроизводства, рационального использования до сих пор не нашли своего решения. Назревшие проблем нуждается не только в увеличение финансирования, но и в проведении структурных реформ, которые соответствую вызовам XXI века. Без преувеличения можно утверждать, что в данном случае речь идет о новой стратегии борьбы за подлинное величие России – как внутри страны, так и за её пределами. Ведь в начале XXI века невозможно построить будущее на основе принуждения, диктата и «добровольно – принудительной мобилизации» населения.

Список литературы:

1. Воронина Ю. Лекарство от зависимости //Российская газета» – 2014 -05.08. [Электронный ресурс]. Режим доступа:
2. Кудрин А. Правила игры Коммерсант – 2015 – 2.09 [Электронный ресурс]. Режим доступа: /http://kommersant.ru/doc/2800885/http://kommersant.ru/doc/2800885
3. Россия XXI века: образ желаемого завтра. [Электронный ресурс]. Режим доступа://http:// www.insor-russia.ru/files/Obraz_gel_zavtra_0.pdf
4. Мельянцев В. Счастье от ума // Известия – 2000 – 17 мая.
5. Майбуров И. А. Эффективность инвестирования и человеческий капитал в США и России [Текст] /И.А. Майбуров //Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – №4. – С. 3-13.
6. Чупина С.В. Человеческий капитал и современная экономика России [Текст] /С.В. Чупина //Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 12 (114) – С. 71-74.
7. Мудрак А. В. Управление финансовым потенциалом в целях активизации инвестиционного процесса в промышленном регионе (на примере Кемеровской области): монография /А.В. Мудрак . –М.: Флинта: Наука , 2010. – 264 с.
8. Нестеров Л., Аширова Г. Национальное богатство и человеческий капитал // Вопросы экономики. – 2003. – № 2. – С. 8 – 15.
9. Мау В. Человеческий капитал: вызовы для России Текст./В.А. Мау // Вопросы экономики.- 2012. – №7. –С. 114 – 132.
10. Громов, А. Не ниже среднего [Текст] / А. Громов //Эксперт. – 2005. – № 19 – С.48-49.
11. Народное хозяйство СССР за 70 лет. – М.: Финансы и статистика, 1987. -766 с.

12. Россия в цифрах. 2009. – М.,Госкомстат России, 2009. – 525 с.

13. Иноземцев В Как улучшить высшее образование? Тратить на него меньше денег [Электронный ресурс]. Режим доступа: /https://slon.ru/posts/55592

14. Свинаренко И. Может быть, все ещё получится! [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rg.ru/2014/08/05/zameshenie.html

15. Карпенко М.П. [и др.]. Влияние образования на здоровье и долголетие [Текст] /М.П. Карпенко //Инновации в образовании – 2008. – № 10. – С.4-20.

16. Зубаревич Н. В. Четыре России //Ведомости 30.12.2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii)

АКТИВИЗАЦИЯ СОСЕДСКИХ ПРАКТИК В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ

Е.О. Шматко –
аспирант кафедры социальной работы и социальной антропологии Новосибирского государственного технического университета

Соседские практики – один из древнейших способов конструирования социальной жизни, человеческих взаимоотношений, проявляющихся в повседневности. В современном обществе соседство утрачивает свои функции, однако оно продолжает существовать в новом, несколько трансформированном виде. Во всяком случае, все чаще соседские практики рассматриваются как социальный потенциал, например, для местного самоуправления на территории. Соседство в принципе может рассматриваться как показатель, или же одна из форм, существования территориального сообщества. В связи с увеличением значимости социальной активности сообщества и социокультурной жилой среды для самореализации социального субъекта (как индивидуального, так и группового) возрождается и роль соседских практик. В современных условиях появляется необходимость обогатить локальную микросреду, сосредоточив в ней максимум всеобщих предпосылок для личностного развития и самовыражения индивидуальности [2;93-97].

Особое значение возрождение соседских практик имеет для города, особенно для большого города. С одной стороны, городская среда с ее сложной структурой организации и ресурсами считается благоприятным условием для построения развитой сети социальных контактов, которые стимулируют развитие личности, ее креативности и толерантности к «чужому». С другой – личностные контакты становятся все более поверхностными, возрастает чувство индивидуализма и разобщенности, в конечном счете – одиночества. На отчуждение в условиях города влияет и архитектурная среда, и адаптивные стратегии конкуренции, и психологическая потребность выделиться из массы, которую создает город.

Действительно, к проблемам современного большого города можно отнести как распад территориальных общностей, так и ослабление родственных и соседских связей. Современные городские социальные связи рассматриваются как дуальные: отчужденность и недоверие к посторонним здесь сочетается с пониманием значимости социальных контактов в частной и профессиональной сферах. Социальные связи в связи с потребностями горожан сводятся к родственным, дружеским и профессиональным. При этом

выстроенные с помощью социальных связей обозначенные социальные сети (круги) не пересекаются, но отстроены друг от друга. Соседские связи не попадают не поддерживаются социальными потребностями, не попадают ни и в один из кругов, поэтому попросту выпадают и переходят в разряд «чужих».

Проблема соседства актуализируется в современном российском обществе. Соседские практики имеют здесь богатую историю. Так, общинные отношения («гемайншафт» по Ф. Теннису) воплощались в социуме и культуре дореволюционной России и выражались в круговой поруке, взаимопомощи и др. В советский период соседские практики поддерживались идеологическими проектами (например, теми же субботниками) и государственными формами самоуправления. В современных условиях урбанизации и социально-политических кризисов (прежде всего 90-ых гг.) соседские практики начали быстро распадаться. Стремление найти новые формы самоуправления, сплотить общество – заставили как государство, так и само общество обратить внимание на соседство. Развитие института местного сообщества – одна из предпосылок создания в России гражданского общества, соседские практики выступают здесь как инструмент возрождения сообщества на территории. Таким образом, тема трансформации и, одновременно, актуализации соседских практик в российском обществе задает проблемное поле данного исследования. Научная проблема может быть сформулирована как слабая изученность состояния соседских практик в российском городе при существовании потребности интеграции населения в сообщества. Уровень научного осмысления не позволяет разрабатывать успешные социальные/ социокультурные проекты по восстановлению соседских практик. Для преодоления данного противоречия можно использовать социально-антропологический подход к феномену соседских практик в городе и разработке аналогичных социально-антропологических моделей. Социально-антропологический подход позволяет учесть как индивидуальные (личностные), так и социальные потребности в развитии соседства как современного явления.

Социологи сегодня выделяют два основных подхода к изучению соседских взаимоотношений – объективный и субъективный.

Первый – пытается характеризовать связи, возникающие между соседями с позиции внешнего наблюдателя. Соседские отношения при таком подходе рассматриваются как части системы локальных связей на уровне соседства и как один из элементов, связывающих индивида и общество.

Второй, субъективный, подход опирается на конкретного индивида и рассматривает соседские отношения содержательно, принимая во внимание систему его взаимоотношений и деятельностей, его жизненный мир, анализирует их смысл и значимость для личности, их связь с ее переживаниями [1;200].

М. Раудсепп в своей работе приводит следующую классификацию форм соседских взаимодействий и взаимоотношений: по степени психологической близости (от отчужденности и неучастия, нейтрального товарищества до близкой дружбы), конфликтные или кооперативные, простое общение, обмен ресурсами, персонализированная помощь, пространственные и сложные связи, невмешательство, взаимное признание без реального общения, приятельство и дружба [2;130].

По мнению ученых пока не существует полной типологии взаимоотношений людей в городской среде. Различие стилей соседского общения и степени включенности индивида в соседские связи связаны с индивидуальными факторами: возрастом, полом, стадией жизни, социальным положением, национальностью и т.д., а также общительностью, чувством компетентности и благополучия, самоуважением; удовлетворенностью соседством и участием в местных организациях, опытом территориальной мобильности и возможностью выбирать место жительства.

В широком смысле, соседские отношения обычно подразделяются на три группы: нейтральные, дружественные, негативные.

Нейтральные отношения. При встрече с такими соседями человек здоровается, проявляет знаки приветствия, перекидывается парой ничего не значащих фраз. Не стремится добиться большего сам и соседи не проявляют в этом отношении инициативу. Такие отношения находятся на грани и вполне могут перерасти как в дружеские, так и в негативные.

Дружественные. Чаще возникают между соседями, проживающими на одной площадке многоэтажного дома, либо с соседями, проживающими в соседних домах, если это небольшой городок или загородный дачный поселок. Такое общение не сводится только к приветствию соседей – оно приятно всем участникам процесса, времяпрепровождение с соседями за чашкой кофе, обмен новостями, мыслями и мнениями.

Негативные. Чаще возникают с шумными соседями по поводу слишком громкой музыки поздними вечерами или ночами, вечного ремонта или постоянным передвижением мебели, криков и ругани и т.д. Такие отношения утомляют и раздражают, а иногда приводят в негодование. Коммуникация с такими соседями затруднена, часто сопровождается агрессией.

Человеческие отношения – один из важных результатов общения. В реальных условиях общение очень индивидуально – так в одних случаях участники быстро сближаются, в других – вступают в конфликтные отношения. Активизация соседских практик происходит в форме различных объединений и местных организаций, таких как группы взаимопомощи, клубы по интересам, соседское самоуправление, организующие совместную деятельность жителей для решения конкретных проблем. Для индивида в соседстве друг друга взаимно дополняют неформальное общение и формализованные организации.

На формы проявления и динамику соседских отношений существенно влияют условия, в которых он развиваются. Так в городских условиях межличностные взаимодействия более многочисленны, их можно быстро завести и быстро прекратить. Еще один фактор влияния – это время, которое различно в понимании разных этносов. В восточных культурах отношения растянуты во времени, долгосрочны, а в западных культурах – скоротечны и динамичны.

Анализируя условия, в которых протекают соседские практики, можно сказать, что эффективным способом оптимизации межличностных взаимоотношений в соседстве является наличие содержательных целей, общих интересов, отлаженная система совместной деятельности, наличие условий для общений и заинтересованность (эмпатия) личности к окружающим [].

Однако при кажущейся простоте выстраивания отношений с соседями, наличии определенного руководства к действию и советов от специалистов, существует огромная проблема – отсутствие этих самых отношений. Как мы видим, времена коммунальных квартир уступили свое место современным новостройкам, в которых добрососедство отошло на второй план. Все чаще мы сталкиваемся со случаями, когда соседи не знают друг друга в лицо, даже если и проживают много лет в одном подъезде. Что должно повлиять на активизацию соседских практик в нашем исследовании мы определяем при помощи анализа типичных ситуаций соседства.

Ощущение одиночества тем острее проявляется у человека, чем больше город его проживания. Парадокс в том, что жители маленьких городков гораздо реже жалуются на гнетущее чувство одиночества. С одной стороны, большой город предоставляет практически безграничные возможности для общения, широкий выбор групп и тем по интересам – динамичный темп жизни, за ним сюда и приезжают жители маленьких городов. Оказавшись в большом городе, жители начинают испытывать одиночество, как и коренные жители.

Психологами установлено, что для избавления от чувства одиночества и ощущения душевного комфорта, человеку необходимо два-три, по-настоящему близких человека. При этом критерий близости индивидуален для каждого – семья, друзья или соседи – люди, с которыми выстроены доверительные отношения.

Более детально проанализировать типичные ситуации соседства в нашем городе, а также понимание соседства и возможности идентификации соседских отношений с конкретным типом, выделенным нами в теоретической части нам позволит эмпирическое исследование. Результаты нашего исследования помогли уточнить понятие «соседи» и оценить состояние соседских практик с точки зрения жителей Новосибирска. Результаты исследования вполне подтвердили, что жители Новосибирска самостоятельно могут отнести себя к определенному типу соседских отношений – позитивному, негативному или нейтральному.

Интервью респондентов проводились в период с 23 февраля 2015 года по 1 мая 2015.

Объект исследования: современные соседские практики взаимоотношения.

Предмет исследования: самооценка жителями Новосибирска состояния соседских практик.

Эмпирическим объектом исследования были определены жители многоэтажных домов города Новосибирска.

Выбор цели исследования был продиктован необходимостью изучить самооценку состояния соседских практик жителями Новосибирска.

Наши респонденты сами идентифицировали себя с определенным типом отношений с соседями, в студии живо реагировали на предлагаемые вопросы, с интересом включались в беседу с героями, которые дозванивались в прямой эфир. Старались дать определение соседям и определить границы соседства, выделяли преимущества и недостатки соседских взаимодействий. Анализировали личные истории и в сравнении их с другими историями делали выводы о том, как стоит общаться с соседями.

Исследование доказало, что можно объяснить проблему закрытости и отчужденности отсутствием мотивов к выстраиванию отношений с людьми, которые проживают рядом, одним из таких мотивов может являться внешняя угроза или сплачивающий фактор. То есть, ситуация в которой для соседей актуализируется необходимость общения друг с другом. Кроме того, как показывает практика, представители разных типов отношений готовы общаться с соседями, независимо от типов этих отношений. Так все жильцы с нейтральной и негативной моделью взаимоотношений готовы поменять свою позицию, на противоположную. В случае с нейтральными отношениями – поменять на позитивные, т.к. они несут собой комфортное и выгодное сосуществование.

Также в ходе исследования мы пытались определить границы соседства для жильцов, предполагая, что в небольших домах они будут ограничены подъездом, а в многоэтажках – этажом, так как чем больше жильцов, тем уже рамки соседства. Результаты показали, что границы соседств субъективны и зависят от каждого конкретного индивида. В первую очередь, на них влияет система управления домом – в случае со сторонними компаниями, взаимодействие которых с жильцами происходит персонифицировано, границы соседств будут более узкими, так как люди меньше общаются между собой и могут даже не знать тех, кто живет на других этажах. Когда мы сталкиваемся с домами, в которых местное самоуправление находится в руках товарищества собственников жилья или собрания жильцов, связи между соседями более тесные и соответственно границы сообщества шире.

Список литературы:

1. Неделько С.И., Шомина Е.С. Самоорганизация населения как практика местного самоуправления // Полития. 2004. – №4. – С. 200

2. Раудсепп М. Жилая среда и взаимоотношения между соседями // Средовые условия групповой деятельности / Под ред. Х. Миккина. Таллин: Армада, 1988. – 93-130 с.

О СОВРЕМЕННЫХ МЕХАНИЗМАХ ВЛИЯНИЯ НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ ВЫБОР В МАССОВОМ СЕГМЕНТЕ РЫНКА

В.А. Юдашкин –
аспирант кафедры менеджмента,
маркетинга и логистики
Тюменского государственного
университета

Целью статьи является выделение эффективных современных каналов воздействия продавца на покупателя, влияющих на потребительский выбор, посредством анализа действий наиболее результативных участников рынка.

Особенностью мотивации потребителя в условиях современной рыночной экономики является повсеместное поощрение выхода потребления за рамки приобретения и использования лишь необходимых товаров, а сам выбор далеко не всегда является рациональным и зачастую связан с желаниями, умело навязанными индивидууму извне, основан на характеристиках товара, зачастую не связанных напрямую с его основной функцией. И это касается не только продуктов, но и услуг. Компании, умело манипулируя выбором потребителя, не только повышают свою прибыль, но и оказывают влияние на поведение людей.

Так, В.Е. Чунакова [8; 13] отмечает, что сильный бренд оказывается способным объединять членов социума в референтные группы по критерию сходства или различия ценностей, проблем и потребностей, обладает в этом смысле значительным потенциалом стратификации социума и самоактуализации личности. В процессе восприятии бренда и понимания смысла его послания индивид выбирает одну из стратегий поведения: индивидуализацию в потребительском поведении своего жизненного стиля или демонстрацию единства (реального и символического) с субъективно значимой (референтной) группой. Исследователь указывает на эффект социально-идентификационной активности бренда, результатом которой становится возникновение субкультур брендов: а) в большинстве случаев – просоциальных субкультур, которые не несут видимой угрозы для социума, культивируя общепринятые нормы и ценности; б) асоциальных субкультур, дискредитирующих традиционные ценностные установки; в) антисоциальных сообществ, агрессивно отрицающих культурные ценности.

Границы свободы и ее возможность в обществе потребления – острая проблема. Эта тема затронута в трудах таких известных социальных теоретиков, как П. Бурдье, З. Бауман, Ж. Бодрийяр, Д. Слейтер, М. Петерсон и др., которые опираются на идеи классиков социальной мысли (К. Маркса, Т. Веблена, Г. Зиммеля и др.) [7]. Традиция рассматривать потребителя как «свободного актора» восходит к классической экономической теории, как «манипулируемый объект» – к работам К. Маркса и его последователей.

Свобода потребителя есть свобода выбора «кем быть», выбора идентичности, стиля жизни. Формирование идентичности основывается в сфере потребления на «рыночном наборе»: «Все признаки идентичности поставляются рынком» [4; 17]. «Свобода быть собой» сегодня является свободой проецировать свои желания на промышленные изделия. В связи с этим Стивен Майлз говорит о «парадоксе потребления» (consuming paradox) [6; 12], заключающегося в том, что потребление не только дает ощущение возможности реализовать себя в нем, оно в то же время выполняет определенную идеологическую роль, контролируя характер повседневной жизни.

Это означает, что «потребительский рынок стал такой формой контроля, которую контролируемые принимают добровольно и восторженно» [4; 15]. В современном обществе подобными факторами манипулирования (контроля) со стороны фирм выступают обычно выраженные в различных методах и средствах кампании по продвижению продукции.

Одним из главных этапов процесса продвижения продукции является формирование у потребителей определенного имиджа товара, увязывание его с торговой маркой, а в дальнейшем – брендом. В современном мире, при многообразии предложения, на потребительский выбор все в большей степени влияет эмоциональный и информационный фон, создаваемый вокруг продукта, и то, какими методами это делается. На конкурентном рынке, по существу, идет борьба торговых марок за их место в сознании покупателей [3; 6]. Формирование и поддержка сильного бренда – это одна из наиболее важных задач, стоящих перед современными кампаниями. На нем строится конкурентоспособность, так как бренд, в отличие от сырьевых ресурсов, местоположения, технологий и инноваций, не является воспроизводимым для конкурентов. Ключевой характеристикой бренда как инструмента влияния на выбор потребителя является его положительный имидж, создание которого осуществляется на основе сложного и многостороннего плана, все части которого взаимосвязаны и взаимозависимы.

Британский информационно-аналитический сервис для маркетологов «Warc.com» опубликовал исследование «Warc 100. Уроки лучших кампаний мира» [2]. В нем проанализированы различные креативные стратегии, бюджет, продолжительность и другие составляющие самых успешных проектов по продвижению бренда за 2014 и 2015 годы, вошедших в рейтинг Warc 100. Методика анализа является собственностью Warc и в публикациях не раскрывается, приведены лишь несколько ее ключевых особенностей:

Учет особенностей конкретной отрасли. Он обеспечивается специальной методикой отбора экспертов в соответствии со строгими критериями, среди которых – высокая должность, связанная с разработкой и продвижением бренда товара или компании, опыт работы в крупных креативных или медиа агентствах, а так же ответственность за бренд на глобальном или региональном

уровнях на текущем месте работы. Эксперты набирались по американскому, азиатскому и европейскому регионам в целях обеспечения наиболее глобального обзора.

Уровень «потенциальной» конкуренции. Учитывалось, что конкуренция на глобальном рынке более сильная, чем на отдельно взятых локальных рынках, а также что ведение конкурентной борьбы с использованием большего числа маркетинговых каналов увеличивает затраты на нее.

Лучшей компанией в актуальном рейтинге «Warc 100» стала реализованная агентством Lowe Lintas / PHD компания по продвижению бренда Kan Khajura Tesan, кампании индийского подразделения Unilever. Развлекательный канал Kan Khajura, доступный на мобильных устройствах жителям регионов Индии, в которых электричества не бывает по 8-10 часов в сутки, позволил увеличить осведомленность о брендах (brand awareness) Unilever на 25%, и, следовательно, существенно повлиять на потребительский выбор.

Характеристики маркетинговых стратегий «топ-100» (так называемые «Warc 100») имеют заметные отличия от характеристик маркетинговых стратегий, выявленных в целом по массиву обследованных компаний (660 в 2014 и 839 в 2015 году), что позволяет сформулировать следующие выводы, применительно к теме статьи:

1. Масштаб, бюджет и продолжительность компании имеют значение. У наиболее успешных маркетинговых кампаний бюджеты гораздо значительнее, кроме того они длятся дольше «обычных» как минимум на три месяца. В наиболее эффективных кампаниях задействуются большее количество каналов продвижения (7,3 канала против 6,5 канала в среднем по массиву), рис 1.

Рис 1. Использование рекламных каналов
в маркетинговых кампаниях, warc.com

2. Эффективны digital-проекты. Наиболее активно используются для продвижения брендов возможности социальных сетей, что объясняется требованием минимизации затрат. В кампаниях из «топ-100» более активно используются онлайн-видео и косвенная реклама, в то время как в среднем по массиву на втором и третьем местах – использование рекламы на сайтах (в том числе таргетинг) и на TV.

3. Традиционные подходы работают. Несмотря на возросшую популярность и эффективность интернет-рекламы, первое место по эффективности занимают эмоциональный подход и рассказывание историй (формирование положительного образа через рекламный сюжет, демонстрирующий идеальный и наиболее заманчивый для потенциального потребителя вариант использования продукции). Кроме того, популярен краудсорсинг (контент, генерируемый пользователями, – 23% в 2014 и 27% в 2015 году) и партнерские программы. В 2015 году стало больше кампаний, использующих образовательный и юмористический подход, а также рассказывание историй, чем в 2014 году. Персонализированный подход отошел на второй план (рис. 2, рис. 3).

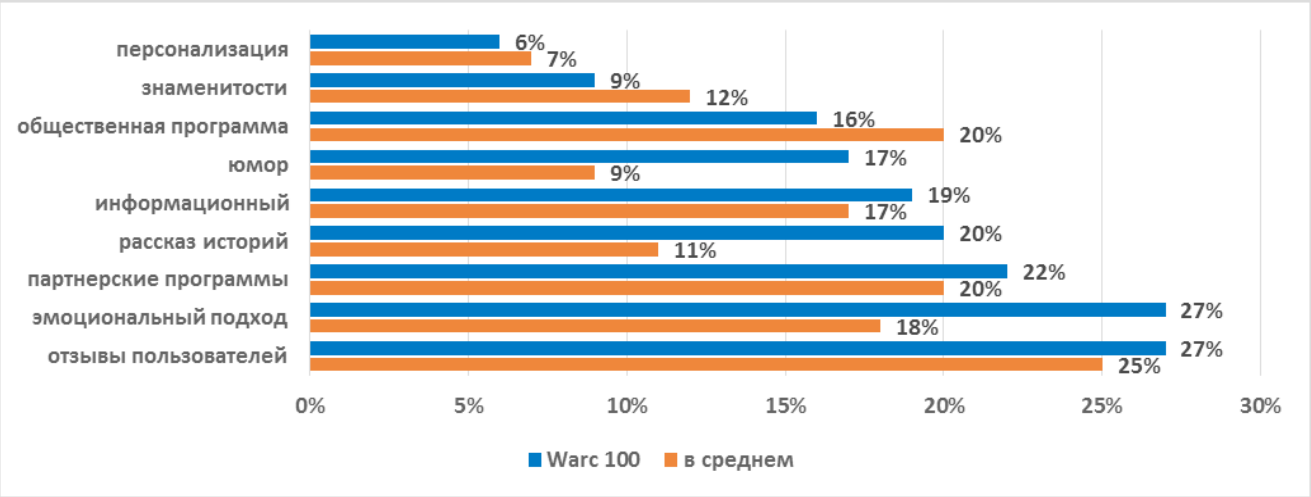

Рис. 2. Использование рекламных каналов в маркетинговых кампаниях, 2015 г., warc.com

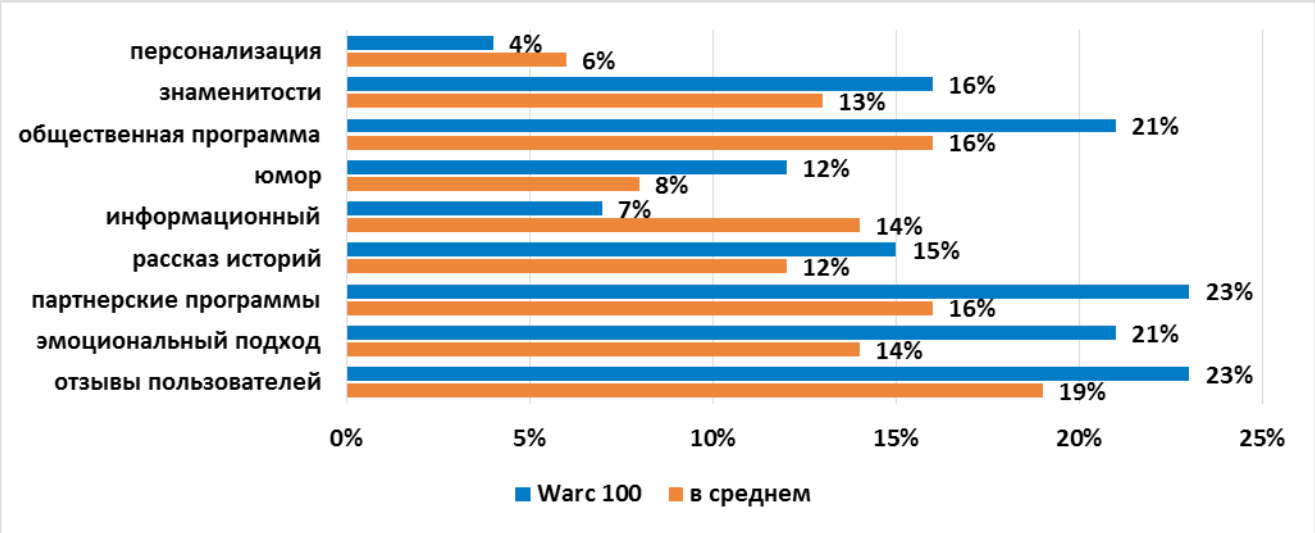

Рис. 3. Использование рекламных каналов в маркетинговых кампаниях, 2014 г., warc.com

Результат рекламной кампании, направленной на улучшение позиций бренда на рынке, зависит не только от размера задействованных средств, но и от используемых каналов. Ключевое отличие между разными по размерам и капиталу компаниями в этом случае заключается в том, что более крупные имеют больше возможностей для апробации различных вариантов стратегий, в то время как менее крупные в связи ограниченностью бюджета тяготеют к использованию проверенных методов. Представленный в статье анализ исследования Warc.com демонстрирует наиболее эффективные каналы воздействия на потребителя, а также разрыв в их использовании между игроками на рынке.

Таким образом, подобное исследование с одной стороны позволяет менее крупным фирмам более эффективно организовывать рекламные компании, пользуясь результатами «экспериментов» лидеров рынка, а с другой стороны демонстрирует основные информационные каналы, по которым идет борьба за умы потребителя. Наиболее сильным инструментом воздействия при этом становится интернет в целом и возможности социальных сетей в частности.

Список литератруры:

1. Social Networking Statistics. – [Электрон. ресурс] – 2013 – Режим доступа: http://www.statisticbrain.com/social-networking-statistics/ (дата обращения: 20.08.2015)

2. Warc 100 [электронный ресурс] – 2015 – Режим доступа: http://warc.com (дата обращения: 21.08.2015)

3. Айзенштадт А.Е. Брендинг, как один из инструментов эффективного менеджмента. [Электронный ресурс] / А.Е. Айзенштадт, 2013. – режим

доступа: http://niu.ranepa.ru/nauka/wp-content/uploads/2012/07/brending1_08.pdf (дата обращения: 20.08.2015)

4. Бауман З. Свобода. [Электронный ресурс] / З. Бауман, 2008. – режим доступа: URL: http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6616 (дата обращения: 23.08.2015)

5. Верховин В.И. Экономическая социология. Том 1. / В.И. Верховин – М.: Издательство «КДУ», 2009. – 409 с.

6. Майлз С. Консьюмеризм как стиль жизни. [Электронный ресурс] / С. Майлз, 1991. – режим доступа: URL: https://books.google.ru/books?id=Fp8WVG1S_QAC&redir_esc=y (дата обращения: 23.08.2015)

7.

8. Радаев В.В., Добрякова М.С. Экономическая социология. Автопортреты. / В.В Радаев, М.С. Добрякова – М.: Издательский Дом ГУ ВШЭ, 2006. – 490 с.

9. Чунакова В.Е. Социально–идентификационные функции бренда в современной культуре: диссертация ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Чунакова Варвара Евгеньевна; [Место защиты: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов].- Санкт-Петербург, 2014.- 156 с.

IV Тюменский социологический форум

Социальные вызовы и ограничения новой индустриализации в регионах России

Секция № 4

Современные социальные риски, коммуникации и социально-экономическая безопасность России

РЕЗУЛЬТАТЫ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА ГАЗЕТНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ РЕГИОНАЛЬНЫМ КОРРУПЦИОННЫМ ПРОЦЕССАМ (НА ПРИМЕРЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)

Р.Р. Агишев –
к.ист.н., ведущий научный сотрудник
отдела мониторинга правовых процессов
ГКУ РМ «НЦСЭМ»

Исследование феномена коррупции и взяточничества – сложного и многоаспектного по своей сути явления – требует применения разных по содержанию методов – статистических, социологических, исторических и т. д., которые позволяют не только выявить и проанализировать истоки данного негативного явления, его современное состояние, но и прогнозировать его будущее развитие. Одним из таких методов выступает контент-анализ газетных публикаций, позволяющий дать оценку тональности размещаемых материалов о коррупции и взяточничестве.

В 2015 г. ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга», в рамках выполнения государственной программы Республики Мордовия «Противодействие коррупции в Республике Мордовия», провел контент-анализ публикаций о коррупции и взяточничестве в ведущих печатных средствах массовой информации региона. Для анализа из широкого спектра региональных средств массовой информации были отобраны газеты «Известия Мордовии» и «Столица С» в соответствие со следующими критериями:

- размер тиража, позволяющий судить о масштабах охвата читательской аудитории. В соответствие с данными Министерства печати и информации РМ наиболее массовыми тиражами выходят из печати такие издания, как «Столица С» (31100 экземпляров в месяц) и «Известия Мордовии» (23380);

- форма собственности печатного издания. Учредителями газеты «Известия Мордовии» являются Правительство РМ и Государственное Собрание РМ, «Столица С» – частные лица. Выбор указанных изданий дает возможность сравнить тональность публикаций и проанализировать специфику освещения одной из злободневных проблем российского общества – коррупцию и взяточничество в средствах массовой информации разных форматов.

Хронологические рамки публикаций включают в себя период с 1 января 2014 г. по 31 декабря 2014 г.

Целью исследования выступило выявление специфики освещения феномена коррупции и взяточничества в региональных средствах массовой информации.

Для измерения количественных характеристик коррупционных процессов в республиканской прессе были выделены следующие позиции классификации публикаций:

- место коррупционного события (федеральный, региональный и муниципальный уровни);
- сфера коррупционного взаимодействия (социальные учреждения, органы исполнительной власти и т.д.);
- тип коррупционного акта (взятка, злоупотребление и непотизм);
- форма стоимостного выражения коррупционного акта (в денежном выражении, в материальном выражении, в денежном и материальном выражении одновременно);
- стадия коррупционного акта (завершен, развивается и неопределенно);
- характер публикаций (анализ случая, аналитическая статья).

После обработки материалов печатных изданий за 2014 г. было отобрано 82 публикации, в которых встречались такие термины, как «взятка», «коррупция», «взяточничество», «коррупционный». В «Столице С» подобного рода публикаций оказалось примерно в полтора раза больше, чем в «Известиях Мордовии» – 49 против 33. Таким образом, в первом издании статьи коррупционной тематики размещались приблизительно 4 раза в месяц (в каждом номере), а во втором – 3 раза в месяц.

По территориальному признаку коррупционного события преимуществом в журналистском внимании обладает региональный центр, который непосредственно упоминается в большинстве отобранных публикаций. Так, в публикациях «Известия Мордовии» факты коррупции на региональном уровне освещаются примерно в два раза чаще, чем на муниципальном, а в публикациях «Столица С» – почти в полтора раза.

В обоих изданиях абсолютно преобладает доля публикаций о коррупции в органах государственной и муниципальной власти. Анализируя частоту упоминания в газетах «Столица С» и «Известия Мордовии» конкретных органов власти, организаций и учреждений в коррупционном контексте, следует выделить ГИБДД и администрации муниципальных районов, противоправным действиям сотрудников которых посвящено около половины всех публикаций коррупционной тематики в обоих изданиях. Следует отметить, что частота упоминания одних и тех же органов власти, организаций и учреждений в анализируемых изданиях неодинакова. Так, на страницах газеты «Столица С» чаще звучала тема коррупции в администрациях муниципальных районов, Министерстве внутренних дел России по РМ.

Оценивая данное обстоятельство следует обратить внимание на разный формат изданий. «Столица С» в отличие от «Известия Мордовии» является в большей степени коммерческим проектом, что накладывает на ее содержание заметный отпечаток. В «Столице С» все работает на то, чтобы повысить привлекательность газеты для читателей. Данная установка в полной мере

проявляется на примере статей коррупционной тематики, которые подаются в виде популярного и востребованного коммерческого продукта со всеми присущими ему атрибутами – яркими завлекающими заголовками статей, «живым» образным языком повествования, динамичным захватывающим сюжетом, пристальным вниманием к деталям и т.д. В качестве иллюстрации выделим несколько наиболее показательных фраз из статей – «развернулся серьезный спор за честное имя...» [1], «шагу не мог ступить, чтобы не опустить в карман очередное подношение...» [2], «отдельная песня о том, как обвиняемый ‘’разводил на колеса’’...», «затем ‘’служивый’’ простил часть долга...» [3] и т.д. В полной мере им соответствуют и названия публикаций – «Только взятки засверкали» [4], «Лесной пассив» [5], «Кому нары, кому Канары?» [6], «Гаи, гаи, моя звезда» [7] и т.д.

В обоих рассматриваемых изданиях коррупционные действия высших должностных лиц чаще всего становятся объектом внимания корреспондентов и охватывают около половины всех классифицируемых случаев. Сравнивая количество подобных публикаций в разных изданиях, отметим, что в «Столице С», в отличие от «Известий Мордовии», материалы о коррупционерах высшего и среднего звена публикуются чаще. В частности, в первом издании о руководителях органов государственной власти, обвиненных в получении взятки, в 2014 г. подготовлено 28 статей, а в во втором – 15.

Подобное распределение информационных материалов в разных изданиях в определенной степени обусловлено тем, что «Столица С» «громким» преступлениям часто посвящает целые серии статей, в которых каждый раз раскрываются все новые и новые подробности уголовного процесса. Например, судебный процесс над бывшими сотрудниками Управления ГИБДД МВД по Республике Мордовия «Столица С» в 2014 г. освещала на протяжении 9 публикаций, судебный процесс над начальником отдела архитектуры и градостроительства – заместителем главы администрации Рузаевки И. Ф. Алемаевым – на протяжении 6 и т. д.

Большая часть публикаций в обоих изданиях фиксирует факт коррупции на стадии развития судебного процесса, включающую в себя такие фазы, как «проводится следствие», «предъявлено обвинение», «идет суд». Меньшая доля статей сообщает о судебных делах, доведенных до конечного результата – «вынесения приговора обвиняемому».

Анализ содержания публикаций коррупционной тематики показывает, что в освещаемых СМИ материалах абсолютно преобладает денежная форма расчета с коррупционером. Лишь в нескольких случаях зафиксирован факт передачи заинтересованному лицу некого материального подарка, который выступил в качестве взятки. То есть взятка в форме материального подношения или подарка, безусловно, присутствует на рынке коррупционных услуг, но по популярности серьезно уступает более универсальному эквиваленту – деньгам.

Абсолютное большинство рассмотренных публикаций по характеру содержания следует отнести к категории «сообщение о факте коррупции или особенностях судебного процесса над коррупционером». Лишь некоторые из газетных статей могут быть отнесены к аналитическим материалам, раскрывающим не просто специфику развития конкретного коррупционного случая, а особенности феномена коррупции в целом (с привлечением статистических показателей, результатов научных исследований и т.д.). С некоторой долей условности аналитическими материалами можно считать 1 публикацию в «Известиях Мордовии» [8] и 2 – в «Столице С» [9], каждая из которых занимает около 1/5 газетного листа.

Таким образом, республиканские средства массовой информации в лице «Столицы С» и «Известий Мордовии» безусловно выполняют свою основных функцию – информирование граждан об основных событиях экономической и социально-политической жизни региона. Указанный вывод в полной мере касается и такой социально значимой темы, как коррупция и взяточничество. На страницах газет оперативно размещаются новостные материалы о вскрытых фактах коррупции в органах государственной власти, учреждениях социальной сферы; достаточно подробно освещаются стадии расследования коррупционных преступлений. В тоже время в сложившейся системе информирования населения Республики Мордовия о развитии региональных коррупционных процессов следует выделить следующие негативные моменты, которые затрудняют формирование у граждан объективной оценки актуальности проблемы коррупции и взяточничества:

- в региональных средствах массовой информации (на примере газетных изданий «Столица С» и «Известия Мордовии») не достаточно высока доля публикаций коррупционной тематики, которые можно было бы отнести к аналитическому жанру. Абсолютное большинство публикаций указанной тематики несет в себе, как правило, оттенки информационного или в отдельных случаях художественно-публицистического жанров. Учитывая, что средства массовой информации должны не только сообщать новости, но и искать причины происходящих событий, выявлять их взаимосвязи, можно утверждать следующее – сформировавшийся уровень коррупционной публицистики в регионе не в полной мере отражает существующую ситуацию в информационной сфере и в недостаточной степени удовлетворяет потребности граждан в разнообразной по жанрам информации о проблеме коррупции;

- в региональных средствах массовой информации практически отсутствуют статьи, которые бы отражали позицию правоохранительных органов не только по конкретным уголовным делам в сфере коррупции и взяточничества, но и по антикоррупционной борьбе в целом. Республиканские информационные площадки (в первую очередь, газетные издания) не достаточно активно используются правоохранительными органами

и органами государственной власти как для отражения «теории и практики» антикоррупционной борьбы (описания специфики расследования данной категории преступлений, публикация статистических показателей развития сферы и т.д), так и в целях антикоррупционной пропаганды (описание лучших практик работы, аналитика о причинах явления и методах борьбы с ним и т.д.).

Список литературы:

1. Эпизодическая роль Ивана Алемаева // Столица С. – 1 апреля 2014 г.

2. Против вице-мэра Рузаевки возбуждено третье антикоррупционное дело // Столица С. – 22 апреля 2014 г.

3. Полковник Иноземцев сядет на скамью подсудимых // Столица С. – 24 июня 2014 г.

4. Только взятки засверкали» // Столица С. – 9 сентября 2014 г..

5. Лесной пассив // Столица С. – 24 июля 2014 г.

6. Кому нары, кому Канары? // Столица С. – 29 июля 2014 г.

7. Гаи, гаи, моя звезда // Столица С. – 4 августа 2014 г.

8. Владимир Волков: «Ни одно преступление не должно оставаться безнаказанным» // Известия Мордовии. – 4 марта 2014 г.

9. Кому еще из чиновников «выписали» суровый приговор? // Столица С. – 8 июля 2014 г.; В Мордовии зафиксировано свыше 400 коррупционных преступлений // Столица С. – 18 февраля 2014 г.

ГЕРМЕНЕВТИКА-ОРИЕНТИРОВАННОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Е.О. Аквазба –
к.филос.н., доцент кафедры социологии
Тюменского государственного
нефтегазового университета

С.О. Аквазба –
к.пед.н., директор Муниципального
автономного общеобразовательного
учреждения средней
общеобразовательной школы № 59 города
Тюмени

В образовательной парадигме современного общества первостепенное значение уделяется формированию, развитию и приращению человеческого потенциала. В этой связи актуальным становится обращение к принципам, методам и приемам герменевтико-ориентированного управления, в основу которого положены идеи создания диалогового пространства, установления субъект-субъектных отношений, опора на витагенный опыт субъектов образования, рефлексия чувственных переживаний, создание ситуации успеха и понимания важности работы в команде единомышленников.

Современная государственная образовательная политика РФ и социокультурные изменения в общественной жизни страны взаимообусловлены и актуализируют интерес к проблеме качества образовательной организации, основной задачей которой сегодня становится достижение определенного качественного уровня обучения и воспитания, который обеспечил бы рост уровня культуры, обученности, качества жизни.

Базой экспериментального исследования по реализации герменевтико-ориентированного управления качеством образования являлась средняя общеобразовательная школа города Тюмени. Исследование проводилось в несколько взаимосвязанных этапов. Первый этап (2010-2011 гг.) – изучение теоретико-методологической, научно-педагогической литературы по теме исследования, вхождение в различные аспекты проблемы, определение логической структуры исследования, его инструментария. На этом этапе выявлялись противоречия и нерешенные задачи, определялись подходы, исходные принципы и основные направления исследовательского поиска, формулировалась его общая гипотеза. Второй этап (2012-2013 гг.) – выявление теоретических предпосылок исследования, его научно-методологического обеспечения, выявление педагогических условий, повышающих эффективность

качества образовательной организации. Третий этап (2013-2015 гг.) – систематизация и обобщение теоретических положений и научно-методических рекомендаций, разработка и апробирование герменевтико-ориентированной модели качества образовательной организации, анализ эффективности разработанного материала; математико-статистическая обработка эмпирических данных, полученных в ходе экспериментальной работы.

Понятие процесс в материалах стандартов международной системы менеджмента качества (ИСО) [6] определяется как совокупность взаимосвязанных ресурсов (кадровых, технических, технологических, временных и др.) и деятельности, которая преобразует продукт (индивида) на входе и на выходе. Роль поставщика в системе образования играет образовательная организация, предоставляющая образовательные услуги, потребители – родители или законные представители обучающихся. В образовательной организации осуществляется несколько процессов, например, воспитание, образование, социализация и др. Образовательный процесс является основным процессом в системе образования, поэтому вопрос о критериях оценки результативности данного процесса является основополагающим и в системе менеджмента качества выходит на первый план.

Происходящие в условиях модернизации системы образования изменения обуславливают демократический характер управления качеством образования, который раскрывается в принципах партисипативности, субсидиарности, рефлексивности и дуальности [5].

Содержание герменевтико-ориентированного управления представляет аналитико-синтетическую деятельность по глубоко личностному творческому осмыслению (постижению) значимости преобразований в образовательном процессе с целью повышения его качества; интерпретацию образовательной реальности, рефлексирующее проектирование предстоящего процесса с учетом объективных и субъективных факторов и условий, обретение личностных смыслов и на этой основе деятельность по внедрению модели управления качеством образования [3]. Герменевтико-ориентированный подход к процессу управления качеством образования предполагает поливариантность подходов, уход от логической однозначности, жесткой детерминированности. Это способствует осмыслению и пониманию значимости внешних и внутренних преобразований, рефлексивному осмыслению эмоционально-духовного витагенного опыта, так как оперируя понятиями «объяснение» и «понимание», выделяется в понимании некий субъективно-психологический оттенок, связанный с восприятием мыслей, чувств и духовного мира других людей и самих себя.

Потребителем услуг в образовательной организации являются обучающиеся и их родители (законные представители), что обуславливает акцентуацию внимания на развитии личности обучающегося. Содержание герменевтико-ориентированного управления процессом развития личности в

рамках образовательной организации представляет аналитико-синтетическую деятельность по глубоко личностному творческому осмыслению (постижению) значимости преобразований в образовательном процессе с целью повышения его качества; интерпретацию образовательной реальности, рефлексирующее проектирование предстоящего процесса с учетом объективных и субъективных факторов и условий, обретение личностных смыслов и на этой основе деятельность по саморазвитию, самосовершенствованию, самостановлению [2].

Под качеством образования нами понимается, с одной стороны, соответствие сформированных компетенций обучающихся государственным стандартам, а с другой, – успешное функционирование самой образовательной организации, включающее деятельность всех субъектов образовательного процесса (обучающиеся, педагоги, администрация, родители, социальные партнеры и др.), направленную на обеспечение качества образовательных услуг; соотношение цели и результата, выражающееся в совокупности характеристик, которые отражают уровень достигнутых количественных и качественных показателей деятельности образовательной организации; уровень реализации учебно-воспитательного процесса, условия, в которых он протекает; конкурентоспособность образовательной организации на рынке образовательных услуг [4].

Под управлением качеством образования в образовательной организации нами понимается комплекс средств, условий, способов организации деятельности; мотивация всех участников образовательного процесса на качественный конечный результат; контроль как процесса выявления отклонений от целей; мониторинг (системы отслеживания изменений в развитии); регулирование и анализ результатов образовательной деятельности [2]. Данное определение позволяет выделить ряд условий, необходимых для эффективной реализации процесса управления: наличие цели управления качеством образования и средств для ее достижения; наличие информации о состоянии, цели, средствах, условиях функционирования элементов образовательной системы; возможность рефлексии и мониторинга качества образовательного процесса и его результатов на каждом этапе управления.

Анализ структурных компонентов модели герменевтико-ориентированного управления качеством образования показал, что герменевтический акт (постижение, приращение и превращение в собственно-смысл) можно рассматривать как процесс постижения смысла преобразований образовательного процесса всеми его субъектами в процессе активного коммуникативного действования (направленной рефлексии), инициированного средствами объясняющего понимания в деятельностной (со-деятельность и со-управление) парадигме. Результатом преобразований выступает: создание собственного типа управления (интерпретации); моделирование отношения к изменениям в образовательном процессе с последующей коррекцией собственного отношения к происходящему. Личностное приобщение к

процессам изменений в образовательной парадигме школы не сводится к осведомленности или знанию, а носит смысловой, экзистенциональный характер. Знание применяется, полученное в процессе командного со-управления субъектами образовательного процесса в практике интерпретации (педагогический полилог), а понимание реализуется в качестве приобретенного опыта в личной деятельности (компетентностный рост, формирование адекватной самооценки, социальной и гражданской активности).

В процессе реализации модели герменевтико-ориентированного управления качеством образования нами были выделены следующие этапы: аналитический (анализ педагогической ситуации образовательного учреждения; постановочный (выделение проблемы); прогностический (прогноз развития образовательного учреждения; моделирующий (создание комплексной прогностической модели, направленной на управление); практический (реализация программы по внедрению модели управления качеством образования); оценочный (мониторинг результатов деятельности ОУ, отслеживание пути продвижения); корректировочный: внесение поправок в деятельность ОУ по внедрению модели управления качеством образования.

Качество образования открывает новые горизонты и становится фундаментальной опорой нового качества жизни, изменения ее характеристик, Основой для формирования нового качества жизни становится управление качеством образования, как основного ресурса человеческого потенциала. Эффективность деятельности образовательной организации и качество образования зависят от системы управления ее персоналом на основе модели управления, учитывающей педагогические условия. Основными критериями эффективного управления педагогическим персоналом являются: качество школьного менеджмента, эффективность работы педагогического персонала, качество образовательного процесса [1].

Список литературы:

1. Аквазба Е.О. Особенности социального управления образовательной организацией в современных российских условиях // Фундаментальные исследования № 2 (часть 16), 2015, С.3634-3638.

2. Аквазба С.О. Герменевтико-ориентированное управление образовательными системами как фактор развития человеческого потенциала обучающихся // Человеческий и профессиональный потенциал молодежи региона: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / под ред. В.В. Гаврилюк. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. – 366с. С.25-27, С.26.

3. Аквазба С.О. Формирование социальной активности субъектов образовательного пространства как инструмент системы управления качеством образовательной организации // Социальный активизм молодежи региона: Материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов,

аспирантов и молодых ученых / отв. Ред. В.в. Гаврилюк. Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. – 416с. С. 100-104, С101.

4. Аквазба Е.О., Аквазба С.О. Герменевтико-ориентированное управление качеством образования в современной школе. // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 4; URL: http://www.science-education.ru/127-21306 (дата обращения: 17.08.2015).

5. Варченко Е. И. Управление качеством образования в образовательном учреждении [Текст] / Е. И. Варченко // Молодой ученый. – 2013. – № 3. – С. 471-474.

6. Международные стандарты: Сборник новых версий стандартов ИСО серии 9000. — М., 1995.

РОЛЬ ВОЛОНТЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПАТРИОТИЗМА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

М.М. Акулич –
д.социол.н., профессор, зав. кафедрой общей и экономической социологии Тюменского государственного университета

А. Казанцева –
студент магистерской программы «Социология управления» Тюменского государственного университета

В настоящее время в современном российском обществе происходят глобальные социальные, экономические, политические и культурные изменения, формируются и предъявляются новые требования к воспитанию и обучению молодого поколения.

Обществу необходимы творческие, инициативные люди, отличающиеся мобильностью, конструктивностью, способные к сотрудничеству и обладающие чувством ответственности не только за свою судьбу, но и за социально-экономическое процветание страны. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема развития патриотизма. Важная роль в формирования и развитии патриотизма принадлежит волонтерам.

Волонтеры – это люди, добровольно оказывают помощь в трудных социальных и индивидуальных ситуациях. Синонимом слова «волонтер» является слово «доброволец». Иногда волонтеров называют общественными помощниками, внештатными добровольными сотрудниками, ассистентами, лидерами, посредниками. Общее, что их объединяет – добровольность (деньги не являются основным мотивом работы).

Волонтерская деятельность является одним из способов участия человека в процессе социального развития общества. Волонтеры осуществляют многие виды социально значимой деятельности, связанной с разработкой и участием в социальных и экологических проектах, профилактикой социальных болезней, и другое. Участие в жизни общества, как известно, положительно воздействует на мировоззрение молодежи. Волонтерство в его практическом проявлении оказывается одной из эффективных форм и методов работы с молодым поколением, дающим возможность быть ей социально активной и патриотичной.

Так, по мнению, Соколовой Е.С. основными формами социальной активности молодежи являются:

- Молодежное добровольчество.

- Студенческое (ученическое) самоуправление.

- Участие в политической деятельности (политических партиях, движениях, выборных кампаниях, электоральная активность, выдвижение в депутаты, молодежные парламенты).

- Участие в деятельности молодежных объединений. [6].

На сегодняшний день, к сожалению, общая численность волонтеров в России едва превышает 1,5% от всего населения. В основном это, конечно, молодежь. Между тем, если говорить, например, о волонтерстве за рубежом, то например, в США волонтерами являются свыше 26,4% взрослого населения (61, 8 млн.чел.). В 2012 году 61,8 млн. волонтеров осуществили своих услуг на 8 млн рабочих часов [4].

Ведущие современные социологи, педагоги, психологи, и философы считают, что волонтерская общественная деятельность молодежи сегодня не только может помочь решить многие социальные проблемы общества, но и способствовать развитию социально-значимых качеств юношей и девушек, формированию у них активной жизненной позиции.

В марте 2015 года, при участии авторов, было проведено исследование изучения влияния волонтерской работы на социальную активность молодежи. Опрос проходился в высших учебных заведениях г. Тюмени. В исследовании приняли участие студенты с 1 по 5 курсы семи вузов г. Тюмени. Студентам вузов задавались различные вопросы, касающиеся социальной активности, волонтерской деятельности и патриотизма. Представим наиболее интересные вопросы и ответы респондентов.

Анализ результатов проведенного исследования показал следующее: большинство респондентов под социальной активностью понимают участие в различных мероприятиях(66%); участие в жизни университета (58%) и общества (48%); проявление инициативы и лидерских качеств (45%). Быть социально активным для молодежи означает также быть готовым прийти на помощь. Социальную активность 3% респондентов связали с расширением круга общения. Это свидетельствует о том, что некоторая часть молодежи не представляет в полной мере, что же такое социальная активность молодежи и в чем она проявляется.

На вопрос о том. чем, помимо учебы, интересуются и занимаются студенты, 30% отметили, что их ничего не интересует. 20% входят в состав волонтерского движения, 14% посещают спортивные секции, 9% состоят в молодежных и иных движениях, 15% отметили, что являются членами студенческого самоуправления. а 12% отметили, что являются членами студенческого научного общества. Таким образом, опрос показал, что волонтерское движение находится в числе значимых направлений деятельности студенческой молодежи в сравнении с другими социально направленными формами деятельности.

На вопрос, что для вас есть патриотизм, ответы респондентов распределились следующим образом. Самым востребованным оказался вариант «Патриотизм – это любовь к Родине» – это наиболее распространенное смысловое клише в массовом сознании и пропаганде. Любовь к своей семье, родным, близким – на втором месте. Далее предпочтения распределились так: «любовь к родному городу, деревне» – третье место (42%), а на четвертом месте «любовь к русской культуре» (38%). 27% – «любовь к народу», «возрождение традиций российского государства» – 21% респондентов, «стремление к социальной справедливости» – 19%. Сложившееся распределение ответов имеет свою логику. Большинства респондентов, в первую очередь, отождествляет «патриотизм» с любовью к «малой Родине» – семье, родным, близким, родному городу, селу, дому. В определенной мере можно сказать, что эти ценности составляют ядро патриотизма в современном российском обществе.

Исследование показало, что студенческой молодежи созданы условия для саморазвития и самоутверждения личности, совершенствования своих способностей. Однако в силу неких причин (нехватка денег, лень, отсутствие интереса и мотивации) многие студенты отказываются от занятий внеучебной деятельностью. Волонтерская же деятельность сейчас для студенческой молодежи находится не в приоритете и требует изменений и мотивации студентов в данной сфере деятельности, что снижает уровень патриотизма среди студентов.

На основе результатов проведённого социологического исследования можно сделать вывод о том, что большая часть опрошенных студентов г. Тюмени, среднюю социальную активность, чаще всего проявляет себя в качестве участников, готовых помочь в любом деле. Наиболее распространенными сферами жизнедеятельности для проявления социальной активности выступают культурно-досуговая и спортивная. Экологическая, научно-исследовательская сферы представлены не значительно. В ходе исследования установлено, что фактором, способствующим формированию социальной активности является стремление молодежи к самореализации, а наиболее распространенной формой волонтерской деятельности является нефинансовая материальная помощь.

Внеучебная работа помогает в подготовке специалистов и формирует у студентов гражданскую позицию, а также вырабатывает такие качества как нравственность, предприимчивость, развивает лидерские качества, а главное такие студенты имеют активную жизненную позицию. Студенты, которые ведут активный образ жизни, принимают активное участие и в волонтерской деятельности. В основном это выражается в передаче и сборе вещей нуждающимся, в проведении акций, в сдачи крови. Также необходимо отметить тот факт, что студенты готовы тратить свое время для помощи благотворительным, волонтерским организациям. Однако до настоящего времени наиболее популярной формой среди студентов остается нефинансовая

материальная помощь, т.е. помощь вещами, продуктами, лекарствами. В связи с этим становится ясно, что необходимо разрабатывать в первую очередь такую форму как личное участие студентов.

В настоящее время общество нуждается в такой системе образования, которая реализует свои функции не только в образовательном учреждении, но и обществе в целом. Волонтерская деятельность студентов в разных волонтерских объединениях способствует осознанию повышению социальной активности молодых людей, искоренению молодежного инфантилизма и иждивенчества, потребительского отношения к жизни. Благодаря волонтерской деятельности молодой человек научается общаться с разными категориями людей, взаимодействовать со специалистами разного рода служб и учреждений. Волонтерство позволяет познакомиться с большим кругом самых разных групп населения, как правило, интересных и активных людей. При организации даже небольшой акции приходиться контактировать и с государственными органами, и с некоммерческими организациями, инициативными людьми города и часто с бизнесом, если необходимы дополнительные средства. В ходе такой работы складываются партнерские отношения, завязываются знакомства, есть возможность увидеть работу данных организаций изнутри, получить необходимый опыт и рекомендации совершенно бесплатно. Волонтерская работа постоянно формирует вызовы для ее участника, поэтому, выполняя ее, он развивается.

Волонтерская, добровольческая деятельность позволяет знакомиться с очень разнообразными сферами жизни, о которых студенты до этого мало знали или не знали вообще. Волонтёрские детские и молодежные объединения привлекательны для современных школьников и студентов, позволяют им включиться в общение со сверстниками и интересных дел.

Приобретенный в период волонтерской деятельности опыт влияет на его мировоззренческие установки и те позиции, которую он будет занимать в всей жизни. Молодой человек, реализовавший себя в социально значимой деятельности, и будучи взрослым, будет сочувствовать и сопереживать другим людям, ответственно относится к своим поступкам, понимать что такое безопасность. Волонтерское объединение в определенной мере создает многомерную образовательную социокультурную среду развития и социального и профессионального становления, а также создает почву для развития патриотизма современной российской молодежи.

И в заключении хотелось бы сказать словами Карла Манхейма, что молодежь не прогрессивна, не консервативна по своей природе, она – потенция, готовая к любому начинанию. Поэтому очень важно помочь становлению молодого человека, создать условия для того, чтобы у него была возможность получать знания, умения и навыки, необходимые ему для дальнейшей жизни, а затем предоставить самостоятельность при определении целей, задач и форм его участия социальном развитии общества.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» №135 от 11.08.1995 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW&n=162618&req=doc (дата обращения: 11.05.2015).

2. Федеральный закон «О добровольчестве (волонтерстве)» №300326-6 от 01.01.2014 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=PRJ&n=107564&req=doc (дата обращения: 11.05.2015).

3. Закона Тюменской области от 26 ноября 2009 г. N 1828 «О молодежной политике в Тюменской области» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://lawsrf.ru/region/documents/559152/ (дата обращения: 10.05.2015).

4. Волонтерство и благотворительность – опыт США// Pandia.ru (Энциклопедия знаний) [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.pandia.ru/805328/ (дата обращения: 09.09.2015).

5. Кудринская, Л. А. Благотворительность и спонсорство в современном российском обществе: опыт теоретического анализа / Л. А. Кудринская // Омский научный вестник. – 2013. – №6. – С. 73-77.

6. Соколова, Е.С. Социальная активность современной российской молодежи [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.zpujournal.ru/zpu/contents/2011/1/Sokolova_Social_Activity/31_2011_1.pdf (дата обращения: 09.09.2015).

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

И.В. Андросова –
к.экон.н., доцент Юго-Западного
государственного университета

Повышение уровня социально-экономического развития является ключевым условием повышения качества жизни населения региона и страны в целом. В настоящее время общепризнанно, что никакое существенное повышение качества жизни населения невозможно без условия экономического роста. Низкий уровень жизни граждан и неэффективность труда являются одновременно и причиной, и следствием депрессивности региона. Безусловно, устойчивое развитие территориальных образований и социально-экономическая стабильность региона в целом достигаются только при активной роли государства. Зачастую проблемы развития регионов и городов РФ обусловлены не столько общей социально-экономической ситуацией, сколько неэффективностью мер региональной социально-экономической политики. В концепции долгосрочного социального экономического развития России до 2020 года обеспечение сбалансированного социально-экономического развития регионов рассматривается как один из целевых ориентиров социально-экономического развития Российской Федерации в целом.

Исследованием проблемы социально-экономического развития регионов проходит не только теоретически, но и практически – в последние годы во многих регионах РФ разработаны специализированные программы стратегического развития. Анализ данных программ позволяет сделать вывод об актуальности исследования и разработки методов оценки уровня и потенциала социально-экономического развития территориальных образований РФ. В программе стратегического развития Министерства определены главные цели и приоритетные стратегические направления развития. Тем не менее зачастую формулировка целей и задач не соответствует в полной мере реальным социально-экономическим потребностям региона. К примеру, конкретные цели развития приведены без учета интересов населения региона и сферы бизнеса [3,119].

Основными целями при разработки подобных программ стратегического развития являются:

1. Обеспечение высокого качества жизни населения региона;
2. Создание условий для эффективного использования человеческого потенциала;
3. Развитие малого и среднего бизнеса в регионе;
4. Формирование модели экономического развития территории, опирающееся на инновации и интеллектуальные ресурсы.

Тем не менее, как таковая конкретная цель социально-экономического развития региона в программах отсутствует. Все результаты развития оцениваются совокупностью локальных показателей, которые не дают полную системную оценку происходящим в регионе изменениям с позиции интересов населения.

Несмотря на значительное количество работ по исследованию проблемы развития регионов, а также практические результаты формирования и реализации программ социально-экономического развития регионов и муниципальных образований России, многие вопросы управления развитием остаются теоретически неразработанными и инструментально необеспеченными. До сих пор остается актуальной ситуация, которую А.Г. Гранберг еще в 2000 году определил таким образом: «Региональная политика современной России представляет собой нечетко обозначенный и только еще формирующийся предмет деятельности федеральных органов государственной власти».[1, 9] На данный момент времени отсутствует единство мнений в понимании истинных целей социально-экономического развития, сложно количественно оценить результаты развития, отсутствует четкое понимание критериев эффективного развития и деятельности органов управления территориальных образований.

С позиции количественного определения целей развития региона конструктивным представляется определение, данное в монографии ученых Института проблем региональной экономики РАН: цель – это научно обоснованный, выраженный качественно и количественно прогнозируемый результат регионального развития, который намечается достигнуть в конкретный момент времени. Под результатом должен пониматься конкретный комплексный, интегральный показатель, точно и однозначно определяемый по определенной методике.

Следовательно, текущее состояние территориального образования должно описываться системой показателей, выражающих цели управления и доступные имеющиеся ресурсы, а эффективность управления должна отражать соотношение конкретных результатов с целями социально-экономического развития. Общепризнанной обобщающей характеристикой муниципального образования является уровень социально-экономического развития. Однако единство мнений в понимании этого показателя и его количественного измерения отсутствует, и это существенно затрудняет прогнозирование развития и дальнейшую политику управления территориальным образованием.

Критерий уровня развития региона является социальным по своей природе. То есть экономическое развитие – не основная цель, а лишь средство повышения уровня жизни населения (развитие человеческого потенциала, социальная стабильность и т.д.). Проблема адекватности критериального подхода к определению социально-экономического развития является

существенной при разработке прогнозов региональной политики. Например, использование необоснованных критериев может существенно снизить результативность управления территориальным образованием и не даст возможность корректно сформулировать цели и задачи для конкретной территории с ее региональными особенностями.

В таблице 1 приведены классификации и краткий анализ критериев оценки социально-экономического уровня развития региона, выражающих основную цель и результаты развития [2, 19].

Таблица 1

Критерии социально-экономического развития регионов

Критерий уровня развития	Преимущества	Недостатки
1. Индекс качества жизни	Использование статистических данных позволяет оценить уровень жизни (уровень доходов населения), занятость (уровень безработицы), здоровье населения (продолжительность жизни и уровень смертности). С помощью индекса можно проводить мониторинг и диагностику социальной ситуации в регионах.	Представление о качестве жизни выявляется через субъективные оценки, но использование их невозможно. Используют объективные данные; проблема определения значимости отдельных компонентов качества жизни; проблема достоверности измерений большинства индикаторов.
2. Ранг регионов, типология регионов	Простота расчетов; Возможность использования широкого набора показателей.	Все типологии субъективны Результаты расчетов зависят от набора статистических показателей («что заложишь, то и получишь»). Отсутствие возможности использовать формализованные оценки степени модернизированности образа жизни, человеческого и социального капитала в регионах, стратегий адаптации населения.
3. Индекс инновативности развития	Приоритетное направление оценки – через реально существующие достижения, измеренные путем опросов и (или) с помощью объективных статистических показателей. Используются показатели количества патентов, числа ученых и инженеров, занятых исследованиями и разработками.	Низкая достоверность статистики инновационной деятельности и отсутствие многих показателей в региональном разрезе. Оценку инновативности регионов пока можно ввести только по косвенным показателям, отражающим «готовность» социально-экономической среды к инновациям.

4. Индекс развития человеческого потенциала	Человеческое развитие рассматривается как цель и критерий общественного прогресса, а не средство для экономического роста. Выделение базовых критериев социального развития (долголетие, образование, доход). Возможность количественно сопоставить критерии социального развития.	Формально заниженные показатели образования. Неполнота статистической информации (многие показатели могут быть получены лишь при всеобщей переписи населения).
5. Методика комплексной оценки Минэкономразвития РФ	Присутствие широко набора показателей, охватывающих практически все сферы социально-экономической жизни региона (3 блока – производственный, ресурсно-инфраструктурный и социальный). Возможно разделение регионов на группы не только при помощи кластерного анализа, но и при помощи простого ранжирования. Интегральный индекс, т.к. рассчитывается методом ранжированной балльной оценки, отвечает требованиям формализованности, комплексности и простоты анализа.	Относительная сложность расчета интегрального показателя. Наличие показателей, не являющихся репрезентативными. Отсутствие ряда важных показателей («наличие собственных автомобилей на 1 тыс. чел.» и т.д.) Сложность алгоритмизации процедуры «взвешивания»различий отдельных регионов по экономическим, социальным, демографическим, природно-климатическим и транспортно-географическим условиям хозяйственной деятельности.

Серьезной проблемой применения показателей социально-экономического развития является их количественная оценка. В теории системного анализа сложные системы рассматриваются как многокритериальные. Многокритериальность системы, с одной стороны дает большую объективность, но, с другой стороны, управлять такой системой сложнее. Чтобы преодолеть это противоречие используют различные методы формирования и выбора обобщающего критерия.

В итоге текущая социально-экономическая ситуация в регионе может быть определена следующей системой характеристик: характеристика социальной ситуации; финансово-экономическое состояние в регионе (производственный потенциал, инвестиционная политика, динамика бюджета); политическая ситуация в регионе; формирование целей развития любого региона должны осуществляться с учетом следующих принципов.

На сегодняшний день управление социально-экономическим развитием региона осложнено следующими факторами:

- ограниченностью бюджетных ресурсов. Число дотационных регионов (по данным на конец 2014 года) – 70 субъектов РФ из 83, т.е. 84 % всех регионов

России находится в зоне убыточности. В них проживает 74,2 % населения страны, они охватывают 87 % территории государства. Такая ситуация (хроническое пребывание около 85 % всех регионов страны в числе убыточных) сохраняется более 10 лет подряд [4, 982];

- структура расходов региональных бюджетов не соответствует условиям инновационного развития бизнеса и производств;
- низкий уровень конкурентоспособности отечественного производства. Основная доля добывающих производств, а не перерабатывающих;
- ограничение инвестиционных возможностей регионов.

Реальное текущее состояние и потенциальные сценарии развития территориального образования непосредственно связаны с экономическим потенциалом региона, эффективностью его использования и качеством управления этим регионом. Таким образом, цели экономического и социального развития территориального образования должны не противоречить друг другу и обеспечивать дальнейшее развитие потенциала региона. Эти цели должны быть четкими, количественно определенными, учитывать реальную ситуацию и быть контролируемыми и изменяемыми в своем развитии. Именно это условие и диктует необходимость сформулировать систему количественно измеряемых показателей, которые бы объективно отражали затраты ресурсов и полученные результаты развития.

Безусловно, необходимо разрабатывать различные сценарии развития региона. Данные сценарии могут учитывать различные варианты использования природно-ресурсного потенциала и пути привлечения финансовых вложений (интенсивное использование природных ресурсов, производственные инновации, иностранные инвестиции в регион и т.д.). Реализация любого варианта сценария управленческие решения административного аппарата должны основываться на объективных оценках текущей ситуации; учитывать прогноз изменений во внутренней и внешний среде; оценивать принимаемые решения по степени их влияния на достижение поставленных целей развития.

Список литературы:

1. Гранберг А.Г. Актуальные проблемы регионального развития и региональной политики //Федерализм. 2001. № 2. С. 9.
2. Ершова И.Г.Совершенствование систем целей при формировании концепции развития региона// диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Курск, 2002
3. Симоненко Е.С., Кононов А.А. Сущность и возможный состав многоотраслевых комплексов региона//Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 7-2. С. 117-120.
4. Согачева О.В., Варфоломеев А.Г. Эффективное управление социальным развитием региона //В мире научных открытий. 2014. № 1.2 (49). С. 980-1000.

О ПРОБЛЕМАХ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Н.Л. Антипина –
к.социол.н., доцент Тюменского государственного нефтегазового университета

Проблемы молодёжи, отображая зеркальным образом наиболее значимые процессы и явления, происходящие в обществе, могут свидетельствовать не только о том, что происходит сегодня, но и о том, что ожидает завтра. Сегодняшняя ситуация в стране такова, что мало кто из ведущих экспертов в отваживается прогнозировать развитие нашего общества в будущем.

Состояние российского общества в период очередного кризиса в нашей стране свидетельствует об усилении негативных тенденций, проявляющихся в общественных настроениях. Очевидно, кризис ударил не только по кошелькам граждан, но и по психологическому состоянию нации в целом.

По мнению социологов общественное настроение россиян отличается крайней нестабильностью и противоречивостью. С одной стороны, наблюдается достаточно высокое одобрение политики властей. Так, по оценкам Левада–Центра свыше 80 % населения поддерживают действия президента, несмотря на претензии к властям [7]. Вместе с тем у людей нарастает серьезная обеспокоенность по поводу их экономического положения, связанного с ухудшением ситуации в стране.

Тревожные опасения проявляются прежде всего в среде образованных горожан мегаполисов, где люди острее и быстрее чувствуют ухудшение своего экономического положения на фоне роста цен, инфляции, падения курса рубля. В частности, москвичи как представители наиболее обеспеченных групп населения в России, наиболее четко осознают катастрофичность своего положения: многие из них действительно потеряли от трети до половины сбережений в зависимости от того, в чем они их пытались сохранить.

Неопределенное раздражение в массах растет и в провинции, однако население не совсем ясно понимает, кому, собственно говоря, предъявлять претензии. Скорее всего, люди осознают, что развитие событий в стране происходит помимо их воли и они просто безропотно ждут, что будет дальше. традиционно пребывая в состоянии апатии. Кстати, именно население периферии обеспечивает высокий уровень рейтинга власти, о чем политики наверняка хорошо осведомлены .

Еще большую тревогу вызывает развитие негативных тенденций в молодежной среде, что отражается в весьма печальной статистике в сфере демографии, здоровья, образования, безработицы, а рост молодежной

преступности в стране весьма впечатляет. Сегодня Россия продолжает оставаться одной из лидирующих стран в мире по количеству самоубийств среди подростков и молодежи. Так, в 2009 г. количество самоубийств в возрастной группе 15–19 лет составило 30,6 случаев среди юношей и 8,5 – среди девушек. Этот показатель в среднем в 4 раза превышает уровень самоубийств в Европейских странах[1].

Наркомания и алкоголизм среди молодежи достигли устрашающих размеров. Так, 80% (из 6 млн.) употребляющих наркотики в России, – молодые; наркозависимых в возрасте 11-24 лет – более 1 миллиона; две трети смертельных случаев от передозировки (20 тыс. чел. в год) – 17-20-летние; 80% (из 1,4 млн.) ВИЧ-инфицированных – до 30 лет; российские темпы распространения ВИЧ-инфекции – самые высокие в мире (если они сохранятся, то в ближайшее десятилетие СПИДом будет инфицировано более 5,5% населения страны);54% учащихся 8-мых классов принимают алкоголь раз в месяц; более 50% учащихся 6-х классов не только попробовали спиртные напитки, но и покупали их; 40% юношей курят (средний возраст начала курения табака в России – 10-12 лет);29% учащихся 11-х классов употребляют алкоголь не менее раза в неделю[3].

Еще большую тревогу вызывает нравственное здоровье молодежи. Поломав прежние нравственные идеалы, государство так и не создало новых ориентиров и ценностей. Вместо них повсеместно предлагается низкопробная западная массовая культура, идеология потребительства, стяжательства и эгоизма оказалась весьма живучей в условиях нестабильности развития российского общества. Место нравственных убеждений зачастую замещается в сознании молодежи физиологическими потребностями и извращенными «культурными» интересами. Массмедиа активно занимаются нравственным растлением молодежи, ее мировоззренческой дезориентацией и простым оглуплением.

Как показывают результаты относительно недавнего исследования, проведенного среди студентов тюменских вузов (апрель 2013 г.), лишь 2,7 % учащихся ощущают уверенность от того, что происходит в нашем обществе. Так, например, на вопрос «Какое чувство, чаще всего, вызывает у Вас нынешняя ситуация в стране?» большинство респондентов ответили неуверенность (41,7%) и тревога (16,5%) (рис.1)[2].

Потеряв уверенность в завтрашнем дне, российская молодежь сегодня живет настоящим и с опаской говорит о своем будущем.

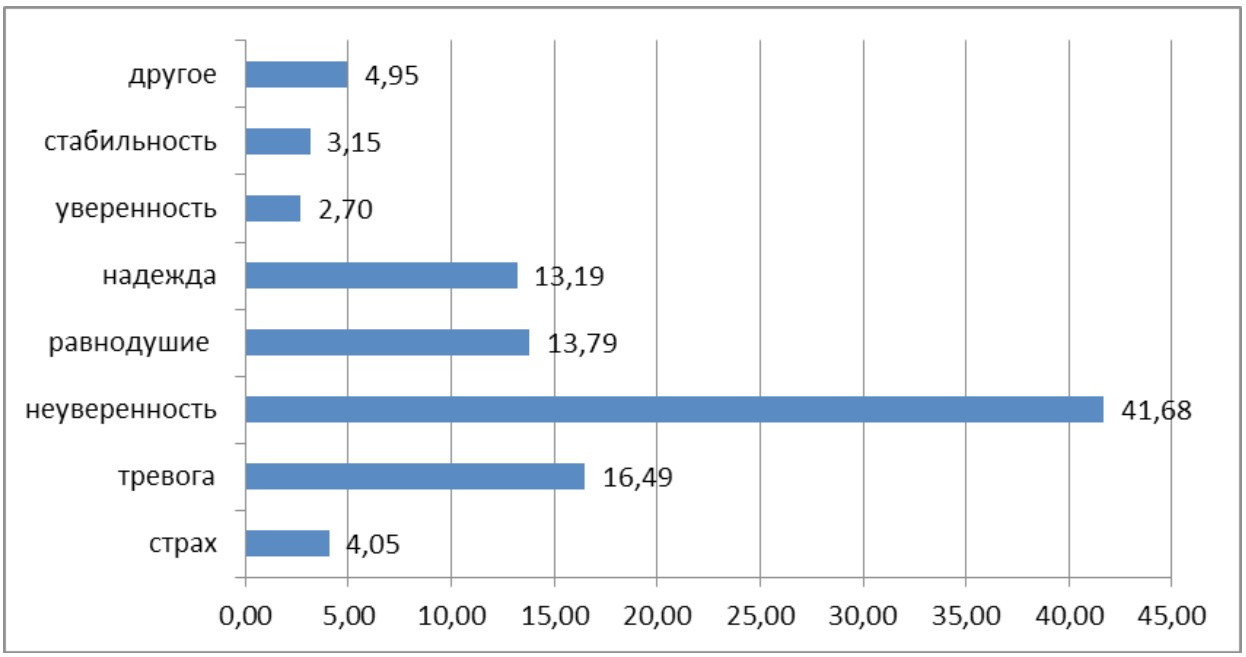

Рис.1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какое чувство, чаще всего, вызывает у Вас нынешняя ситуация в стране?»

На вопрос «Какие из проблем нашего общества Вас тревожат больше всего?» ответы распределились следующим образом: на 1 месте (57,7%) – будущее детей, на 2-ом (47,2%)- кризис культуры и нравственности, на 3-ем (43,3%) оказалась проблема безработицы. Характерно при этом, что лишь 1,0% опрошенных ничего не тревожит (рис.2).

На вопрос «Чего Вы опасаетесь в большей степени?» почти половина опрошенных (42,7%) отметили терроризм, чуть меньше (39,9%) – кражи детей и почти столько же (37,5%)- потери здоровья. В числе весьма распространенных страхов среди студентов можно отметить страх убийства(33,7%), сексуального насилия (28,9%) и остаться без средств к существованию (25,5%) (рис. 3).

Рис.2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие из проблем нашего общества Вас тревожат больше всего?»

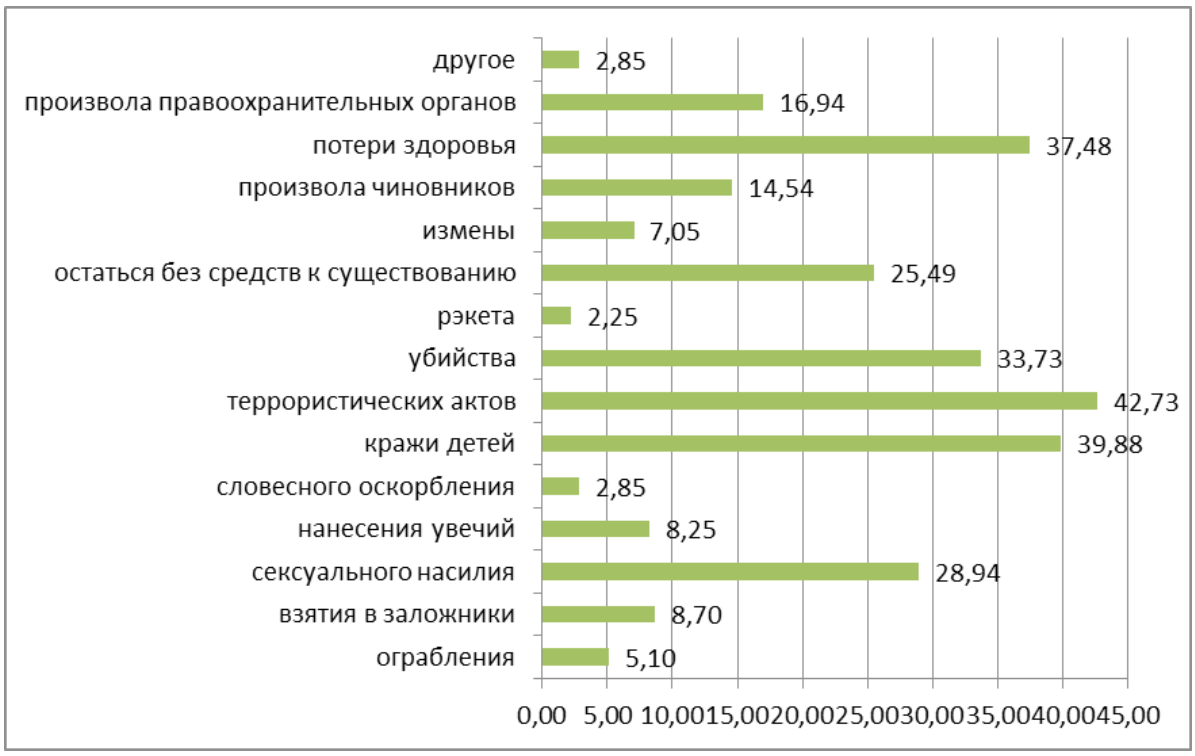

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос
«Чего Вы опасаетесь в большей степени?»

Представленные данные могут свидетельствовать лишь об ухудшении социального самочувствия молодых людей в нашем обществе. Если ощущение тревоги и бесперспективности существования характерно для наиболее благополучной категории молодежи, причем в докризисный период, то что же можно говорить о тех, кто лишен возможности учиться и не имеет шансов на перспективную работу в будущем? Страх, растерянность, пессимизм, неуверенность в завтрашнем дне, агрессия характеризуют социально-психологический фон, на котором происходит формирование мировоззрения современного молодого человека в нашей стране. Готов ли он бороться за свое будущее?

Хотя поводов для выражения студенческого недовольства накопилось сегодня немало, политическая активность российской молодёжи практически равна нулю. По мнению аналитиков «Левада-центра» наша молодёжь в целом аполитична в том смысле, что уровень её политического участия очень низок по сравнению с развитыми западными обществами. Только около одного процента российских студентов состоит в политических партиях и общественных организациях [2].

Хотя некоторые молодые россияне, особенно в крупных городах, воспринимают более критично происходящее в стране, вряд ли они склонны сегодня к тому, чтобы афишировать эту критичность и конвертировать ее в общественно-полезные действия. Политическая аморфность молодёжи,

по мнению экспертов, связана во многом с теми социальными условиями, в которые поставлены 18-29-летние. Кроме того, они не знают, в каких более-менее официальных и приемлемых для государства формах можно выражать социальный протест, а главное – они не хотят [6].

Таким образом, проблемные особенности развития сознания в молодежной среде могут свидетельствовать об усилении тревожных тенденций, связанных с глубокой и системной социальной деградацией значительной части современной российской молодежи и общества в целом.

Список литературы:

1. Доклад «Молодежь России 2000-2025: развитие человеческого капитала» – Официальный Интернет-ресурс Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь). [Электронный ресурс]. URL:http://www.fadm.gov.ru/news/17105/ (дата обращения: 08.09.2015).

2. Антипина Н.Л. Проблемы молодежи в России как отражение молодежной политики. -Академический вестник №2 (24): научно-аналитический журнал. Тюмень: Тюменская государственная академия мировой экономики и права (ТГАМЭУП), 2013, с.119-126

3. Антипина Н.Л. Молодежная политика в России и за рубежом. -Академический вестник №2 (28): научно-аналитический журнал. Тюмень: Тюменская государственная академия мировой экономики и права (ТГАМЭУП), 2014, с.113-121

4. Ильинский И.М. Будущее России и молодежь: к новой концепции молодежной политики.URL: http://www.ilinskiy.ru/publications/stat/budros.php(дата обращения 05.09.2015)

5. ВЦИОМ. URL: http://www.wciom.ru (дата обращения 05.05.2013)

6. Еникеева А. Молчание молодых ягнят. URL http://academsolidarity.wordpress.com/2011/03/28/(дата обращения 05.09.2015)

7. Интервью с Л. Гудковым. URL: http://www.levada.ru/category/tegi/gudkov (дата обращения 05.09.2015)

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Е.Н. Бавыкина –
старший преподаватель Бийского
технологического института (филиала)
Алтайского государственного
технического университета
имени И.И. Ползунова

В настоящее время в Российской Федерации одной из самых трудных проблем в социально-экономической жизни страны является проблема безработицы и занятости. Безработица в России влечет за собой потерю большого числа трудоспособного населения, а, следовательно, и потерю значительного количества валового и национального продукта страны.

Таким образом, проблема безработицы и увеличения занятости в России требует особого подхода и внимания со стороны правительства и ученых-экономистов.

За последние годы ситуация на рынке труда Алтайского края улучшилась и характеризуется как стабильная с тенденцией к улучшению. Снизился уровень регистрируемой безработицы, увеличился рост потребности работодателей в работниках, существенно снижен коэффициент напряженности на рынке труда. Немаловажную роль в этом сыграли стабилизация и рост экономики края.

Численность граждан, нашедших работу по профессии рабочего в 2014 году, составляет 75 % из обратившихся, в 2013 году нашли работу 74 % рабочих, в 2012 году – 65 % рабочих.

Структура потребности в работниках по видам экономической деятельности изменилась по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Увеличилась потребность в работниках сферы здравоохранения, гостиничного и ресторанного бизнеса, строительства, оптовой и розничной торговли. Снижение доли вакансий, заявленных предприятиями и организациями края, отмечено в обрабатывающих производствах, производстве и распределении электроэнергии, газа и воды, сфере услуг.

Основная доля заявленных вакансий в 2015 году приходится на образование – 16%, обрабатывающие производства – 15%, оптовую и розничную торговлю – 12%, на долю сельского хозяйства и здравоохранения приходится по 11%, государственное управление и операции с недвижимым имуществом – по 8%, строительство – 5%, транспорт и связь и производство и распределение электроэнергии, газа и воды – по 4%, гостиницы и рестораны – 3%. Организациями прочих видов экономической деятельности было заявлено около 3% вакансий.

Среди работодателей растет спрос на молодых специалистов. Рассмотрим результаты опроса работодателей Алтайского края.

По результатам опроса, проведенного в мае 2015 года, более 60% работодателей готовы принять на работу молодых специалистов, не имеющих за плечами опыта работы.

Доля молодых специалистов на рынке труда составляет порядка 30 %. Доля молодых специалистов среди безработных на рынке труда составляет 20 %. Для выявления причин безработицы была разработана анкета, содержащая ряд вопросов, адресованных работодателям. В результате анкетного опроса было выявлено, что на сегодняшний день существует ряд причин, по которым молодые специалисты не востребованы работодателями на рынке труда (рисунок 1).

Рисунок 1. Причины невостребования молодых специалистов на рынке труда

Основными причинами невостребования молодых специалистов является несоответствие профессиональной подготовки и как следствие требованиям работодателей.

Для оценки уровня профессиональной подготовки (компетентности) молодых специалистов нами была разработана комплексная методика оценки выраженности компетенции у молодых специалистов. Для этого был определен перечень компетентности необходимых работодателю для выполнения деятельности предприятия.

В этой связи работодателям, как экспертам, было предложено выбрать

ряд компетенции наиболее востребованных и необходимых молодым специалистам при трудоустройстве на работу (Таблица 1).

Таблица 1

Требования работодателей к компетенциям молодых специалистов при трудоустройстве

Компетенция	Обязательное требование, %	Желательное требование, %	Нет требования, %	Всего, %
Личностные компетенции				
Исполнительность, дисциплинированность	90	10	-	100
Инициатива в работе	45	45	10	100
Самостоятельность	20	60	20	100
Организаторские способности	11	71	18	100
Способность планировать	30	50	20	100
Коммуникабельность	60	30	10	100
Способность к самосовершенствованию	50	40	10	100
Гибкость	30	40	30	100
Базовые профессиональные компетенции				
Базовые теоретические знания	90	10	-	100
Умения применять знания на практике	80	20	-	100
Навыки поиска информации	60	30	10	100
Владение методами познания	70	25	5	100
Умение строить прогнозы	50	30	20	100
Умение работать на компьютере (знание базовых программ)	70	30	-	100

Весь перечень компетенций условно можно разделить на две группы: личностные и базовые профессиональные. Среди личностных особое место занимают такие компетенции, как исполнительность, дисциплинированность, коммуникабельность, инициатива, способность к самосовершенствованию. Избазовых профессиональных особого внимания заслуживают умения применять знания на практике и базовые теоретические знания.

Для исследования степени выраженности компетенций среди молодых специалистов на рынке труда была разработана анкета, включающая перечень компетенций, вес (степень), выраженность. Респондентами выступили молодые специалисты. Результат анкетирования представлен в таблице 2.

Таблица 2

Распределение респондентов по выраженности компетенций

Компетенция	Низкий, %	Слабый, %	Средний, %	Высокий, %
Работоспособность	10	30	40	20
Ответственность	15	45	20	20
Исполнительность, дисциплинированность	20	10	35	35
Самостоятельность	10	30	20	40
Организаторские способности	20	10	30	20
Коммуникабельность	40	25	15	20
Гибкость	35	35	20	10
Базовые профессиональные знания	25	30	35	10
Умение применять знания на практике	10	25	15	50
Владение методами познания	30	20	40	10

В результате проведённого исследования следует сделать вывод о том, что следует отметить не совпадение по многим параметрам. Безусловно, молодым специалистам чаще всего не хватает практической подготовки – так считает почти половина работодателей. А среди личных качеств, которыми, зачастую, они не обладают, были названы ответственность, работоспособность и инициативность. Результаты опроса помогут молодым людям взглянуть на себя глазами работодателей и лучше соответствовать их запросам.

Следует отметить, что самым слабым звеном на рынке труда по прежнему остаются молодые специалисты, в связи с этим нами было предложено ряд мероприятий направленных именно на эту категорию. Необходимо:

- организовать мониторинг и прогнозирование рынка труда с целью определения потребности в кадрах определённых профессий и специальностей;
- в соответствии с потребностями рынка труда выработать рекомендации для учебных заведений профессионального образования относительно приёма абитуриентов, корректировки учебных планов. Введения дополнительных курсов;
- организовать профориентационную работу со школьниками и студентами;

• содействовать организации стажировок и длительной практики выпускников на предприятии;

• проводить работу со студентами в целях повышения их конкурентоспособности на рынке труда, посредством обучения навыкам самопрезентации, делового общения, проведение семинаров и тренингов по вопросам трудоустройства.

Одной из актуальных проблем сферы профессионального образования является оптимизация территориальной структуры профессионального образования. На сегодняшний день важно знать не только чему и как учить, но и где эффективнее с точки зрения территориальной организации общества, интересов регионов и страны в целом создавать и развивать соответствующие учебные заведения. Таким образом, очевидно, что при разработке стратегии развития профессионального образования на территории конкретного региона необходимо учитывать все сложившиеся характеристики новой системы профессионального образования, а также возможности научно-образовательного комплекса территории и перспективы его дальнейшего развития.

Список литературы:

Бавыкина Е.Н. Взаимодействие рынка труда и рынка образовательных услуг в Алтайском крае [Текст] / Е.Н. Бавыкина, С.С. Гущина, Г.М. Дзюина, О.В. Мельникова, Т.В. Позднякова // Мир науки, культуры образования. – 2015. – №1 [50] – С. 217-220.

Беглова Е.И. Безработица молодёжи: первоочередная проблема современного рынка труда // Экономические науки. – 2010. – №11. – С. 172.

К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КАДРОВ[1]

Л.Н. Банникова –
д.социол.н., профессор Уральского
федерального университета

В.Н. Согрина –
к.филос.н., доцент
Тюменского государственного
медицинского университета

Грандиозные задачи структурной перестройки экономики, продвижения научно-технического прогресса сложно решать без эффективной подготовки студентов к карьере исследователя, ученого. Слабым местом в развитии науки и инноваций в нашей стране остаётся возможность обеспечить их в достатке молодыми кадрами. Средний возраст специалистов, имеющих ученую степень, в нашей стране составляет под 60 лет, тогда как требованиями экономической безопасности он определен в 48 лет. В странах с развитой рыночной экономикой он составляет 44 года. [1] Особенно высок удельный вес старших возрастов в структуре научных и научно-педагогических работников высших учебных заведений. В этой связи требуется оптимизация форм обучения в вузах, формирование установок на привлечение талантливой студенческой молодёжи в науку, развитие у них творческого мышления, технологических способностей.

Проведенный нами анализ статистических данных по кадрам исследователей в РФ позволил выявить далеко не оптимистические тенденции в этой области занятости [2].

Таблица 1

Структура персонала, занятого научными исследованиями и разработками по областям наук (2000-2010, %)

	Естественные науки	Технические науки	Медицинские науки	С/х науки	Общественные науки	Гуманитарные науки
2000	23	64	3	3	3	1
2010	24	60	4	3	3	3

[1] Статья подготовлен в рамках гранта № 15-03-0069 «Формирование профессионального этоса современного инженера: гендерный и функциональный аспекты», поддержанного РГНФ.

Подавляющее большинство исследователей (более трёх четвертей) занято в области технических и естественных наук.(Таблица 1) Сохраняется и усиливается начавшаяся в 1990-х гг. тенденция сокращения их численности. В абсолютных показателях за последнее десятилетие численность исследователей по всем областям наук уменьшилась на 14%, в том числе, в области естественных наук уменьшилась на 11%, в области наук технических на 4%, а в сельскохозяйственных науках уменьшение составило 12%. Выросло число занятых НИР у медиков на 6%, в области общественных наук на 8% и у гуманитариев на 41%. Рост числа исследователей в общественных и гуманитарных науках происходил в основном за счет сектора высшего образования. По данным исследователей, в расчёте на 10 тысяч жителей России всё ещё приходится порядка 20 обществоведов и гуманитариев, по этому показателю мы занимаем одно из последних мест в мире, опережая страны вроде Китая, Мексики и Румынии. В странах Организации экономического сотрудничества и развития референтная цифра – 40-50 [3].

Так же была рассчитана структура научных кадров высшей квалификации по областям наук за последнее десятилетие, за период с 2000 по 2010/2011 гг. [2].

Таблица 2

Доля докторов и кандидатов наук по областям науки (2000-2010, %)

	Естест-венные науки	Техни-ческие науки	Меди-цинские науки	С/х науки	Общест-венные науки	Гуманит-арные Науки
Доктора наук						
2000	46	20	14	5	5	7
2010	45	17	15	5	7	8
Кандидаты наук						
2000	43	33	8	6	4	4
2010	42	27	9	6	7	6

Наблюдается та же тенденция: при абсолютном количественном преобладании докторов и кандидатов наук в области технических и естественных исследований сохраняется устойчивая тенденция сокращения их удельного веса в структуре научных кадров высшей квалификации. Анализ структуры исследователей по каждой отдельной области науки выявил следующие факты. В области технических наук каждый десятый исследователь – кандидат наук, один из пятидесяти – доктор наук, в естественных науках доктором наук является каждый седьмой исследователь, а каждый третий – кандидат наук. Самая высокая концентрация научных кадров высшей квалификации в области медицинских и гуманитарных наук. (Таблица 2)

Известно, что для подготовки кадров высшей квалификации по техническим наукам требуется значительное количество ресурсов, временных и материальных, необходимо соответствующее оборудование для проведения экспериментов. Не случайно, согласно Федеральному закону от 28.12.2010 № 426-ФЗ, по отдельным специальностям научных работников технических, естественных отраслей наук был продлён срок обучения до четырёх лет в очной форме, пять лет в заочной форме. Кроме того, на технические направления аспирантуры государство выделяет наибольшее количество бюджетных мест.

Занятие научно-исследовательской деятельностью стабильно непопулярно и студентов-«технарей», и у гуманитариев. Анализ профессиональных планов студентов-третьекурсников всех направлений обучения выявил устойчивое снижение интереса к занятию научно-исследовательской деятельностью: от 5% в 1995 г. до 1% от всех опрошенных в 2012 г [4;С.146-147]. Между тем подготовка инженерных исследовательских кадров – наиболее значимое направление становления инновационной экономики. Категория инженеров-исследователей, обладающих углубленными современными инженерными знаниями в определенной сфере профессиональной деятельности, развитыми творческими способностями и приобретенными навыками научной работы составляет ядро структуры инновационной занятости.

Столь же неутешительные выводы были нами получены по результатам исследования социального самочувствия и профессиональных планов магистрантов (N =80) и аспирантов (N =88) STEM-направлений подготовки, представляющих разные технические институты Уральского федерального университета. [5; С.175-190]. Данные опроса аспирантов подтвердили выводы исследователей вывод о том, что аспирантура в постсоветской России утратила свою изначальную ценностно-целевую функцию – подготовка высококвалифицированных научных кадров для системы ВПО. Из всех аспирантов, окончивших обучение в 2012 году (и бюджет, и контракт) менее половины (42,8%) остались работать в вузе. Из выпускников аспирантуры технической направленности остаются в вузе менее половины (41,5%). [6]

Российская модель магистратуры также не соответствует концепции магистерской подготовки, определённой Болонскими соглашениями, не выполняет в полной мере функцию институционального канала формирования научно-исследовательских кадров, является связующим звеном между высшим образованием и научно-исследовательской деятельностью, оценивается обучающимися как подготовка к карьере «улучшенного» практического инженера. Научно-исследовательской деятельностью после окончания обучения планирует заниматься треть опрошенных магистрантов, Каждый второй из магистрантов планирует посвятить себя практической инженерной деятельности. Мужчины задумываются о предпринимательской деятельности,

о создание своего бизнеса. В среднем один из пяти опрошенных магистрантов готовы заняться административно-управленческой деятельностью. [5; С.175-190]

Сегодня активно обсуждается вопрос об активизации профориентационной работы, развитии научно-технического творчества молодёжи. Безусловно, это важнейшие направления работы. На наш взгляд, не менее значимым направлением деятельности по привлечению талантливой молодёжи в науку является активизация интереса преподавателей к научно-исследовательской деятельности по принципу «воспитатель сам должен быть воспитан».

По данным предварительного анализа материалов экспертного опроса преподавателей общетехнических и специальных технических дисциплин ряда вузов Екатеринбурга, проведённого нашей исследовательской группой в июне 2013 г., сегодняшнюю ситуацию в этой области сложно оценить оптимистично. Было опрошено 146 преподавателей общетехнических и специальных технических дисциплин вузов Екатеринбурга. Должностная и возрастная структура опрошенных практически совпадает с общероссийской, что даёт основания для осторожных обобщений. [7]

На вопрос анкеты о профессиональных целях преподавателя инженерных дисциплин в качестве самой важной, наиболее приоритетной цели более чем две трети опрошенных выбрали классическую формулировку цели «дать прочные знания по своему предмету и научить использованию их в будущей практической деятельности». Такое же количество опрошенных дружно проигнорировали выбор такого целевого приоритета, как «работать в своей науке, быть исследователем». Напротив, при оценке преподавателями значимости формирования у выпускников тех или иных профессиональных качеств, уровень важности для молодого специалиста такого качества как «опыт участия в научно-исследовательских проектах» получил 3,8 балла (при максимальной оценке 4,2 балла по характеристике «способность к самостоятельной работе»). В ранговой оценке своих профессиональных целей подобная характеристика преподавательской деятельности «работать в своей науке, быть исследователем» получила оценку 2,5 балла, что соответствует качественному значению «менее важно/не важно». [7]

Справедливости ради, следует отметить, что указанные диспропорции в оценках – скорее не вина, а беда современных преподавателей. На вопрос анкеты о том, что же в первую очередь необходимо для повышения профессионального мастерства преподавателя инженерных дисциплин, каждый второй выбрал вариант ответа о желательности своего участия в выполнении актуальных научных исследований, инновационных проектов.

Список литературы:

1. Перспективы взаимодействия производства и науки. Вып.6. Кадровый потенциал российской науки: структура, карьерный рост, миграция / Ф. Э. Шереги и [др]. М. 2012. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/2012/nauka_6.pdf (Дата обращения 30.08.2015)

2. Данные приведены по изданию: Труд и занятость в России / статистич. сб. 2011. М. URL: http://www.gosbook.ru/node/42456 (дата обращения 18.10.2014)

3. Полетаев А. В. Общественные и гуманитарные науки: количественные характеристики //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.2009. №4(92). С.252-265.

4. Студент-2012. Материалы шестого этапа социологического мониторинга / отв. ред.Ю.Р.Вишневский. – Екатеринбург: УрФУ. 2012

5. Воспроизводство инженерных кадров: вызовы нового времени. / Под общ. ред. Банниковой Л.Н. – Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2015. 364 с.

6. Рассчитано: Статистический сборник о работе в сфере послевузовского профессионального образования в 2012году. СПб. 2013.

7. Формирование инженерной элиты индустриального региона: социологический анализ / Под ред. Банниковой Л.Н., Вишневского Ю.Р. Екатеринбург : изд-во Урал. Ун-та, 2013. 216 с.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ, КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА И ЧЕЛОВЕКА

Б.А. Бинкин –
экономический обозреватель
независимого Бостонского альманаха
“Lebed” к. э. н., заслуженный
экономист РФ

Уважаемые коллеги, дамы и господа !

Мне доставляет удовольствие выступить с сообщением « Глобализация мировой экономики,как фактор , влияющий на развитие общества и человека« в зале, в котором 25 лет тому назад я выступал с программным заявлением по реформированию ЗСНГК и Тюменской области. В 1988 году возглавил в г. Тюмени консалтинговую компанию, главной задачей которой стало подготовка Концепции реформирования ЗСНГК в интересах различных групп местного населения и страны в целом. Моя команда изучила опыт регионального развития США, Канады, Финляндии, ОАЭ, Польши, скандинавских стран, Эстонский эксперимент. «Мозговые» атаки с участием широкой общественности, учёных, руководителей предприятий различных отраслей промышленности, экспертов, администраций регионов, позволили сформировать пакет предложений реформирования страны, ЗСНГК, и на их основе представить проект Указа Президента РФ, различные нормативные документы правительства РФ, описать механизмы и процедуры достижения целей. Дальнейшие события, в том числе встреча с правительственными чиновниками, советниками по экономике президентской администрации и правительства Гайдара накануне поездки Б. Ельцина в Тюменскую область показали, что никто из этих людей не имели, хотя бы примерного плана действий, тем более – выверенной концепции реформирования страны. В 1990 году, когда подготовленный наш вариант предложений рассматривался в Москве, тогдашний Государственный секретарь г-н Скоков после моего эмоционального выступления заявил, указывая почему–то пальцем вверх, что наши предложения наверно важны, но нас не поймут, кого он имел при этом ввиду, можно только догадываться. Как участник этих событий, могу заявить, он имел ввиду Гайдара, Чубайса, Нечаева Лопухина, позиция руководства области, в лице председателя Думы г-на Шафраника и председателя Тюменского облисполкома Л.Ю. Рокецкого была при этом весьма странной и противоречивой. В 90- е годы XX и в начале XX1 веков, без всякой подготовки ломались осколки основ социалистической экономики и советского общества. Но даже лучшие люди, такие как академик А. Сахаров, лауреат Нобелевской премии мира писатель А. Солженицын, известный в мире философ А Зиновьев и др., имели отрывочное представление о том,

как реформировать Союз с учётом исторического наследия и ментальности советских людей. В значительной степени непродуктивной оказалась позиция известных советских экономистов и социологов, чем воспользовалась амбициозная команда молодых российских реформаторов гайдаровской-чубайсовской школы, людей мало компетентных, не имеющих практического опыта управления реальными процессами.

Приступая в 1988 году к подготовке проекта реформирования Западно – Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) и Тюменской области при переходе к рыночной экономике, я и мои коллеги, не обладали достаточной информацией. Да, наша команда имела практический опыт по организации и управлению предприятиями различных отраслей промышленности, в определённой степени, нам был знаком и западный опыт. Понимая важность миссии, была сформирована команда единомышленников, которая побывала в различных странах мира, изучив опыт социально – экономического развития стран в условиях рыночнойэкономики.Из американского опыта тщательно был изучен опыт программы «Тенесси», весьма интересным был подход США, Канады, Норвегии, ОАЭ в области недропользования.

Краегольным камнем финского общества, является равноправие граждан, независимо от их места жительства и занимаемой должности. Тщательно удалось познакомиться с опытом Эстонии по подготовке к переходу Эстонской республики к отделению от Союза, подготовке населения к рыночной экономике. Разработчики Эстонской модели уделили большое внимание отработке всех процедур по формированию гражданского общества на основе местного самоуправления, предусмотрев постепенную передачу власти местным органам, с соблюдением подготовки их к взятию на себя ответственности за выполнение всех видов управленческой деятельности, в Германии был изучен опыт приватизации общенародной собственности в условиях объединения страны. Интересным был Польский опыт по ускоренному переходу страны к рыночной экономике. Известно, что президент Польши Лех Валенса, по своей жизни, не имел возможности быть знакомым с макроэкономикой в деталях. Однако, в отличие от Б. Ельцина, главной его задачей, смыслом жизни, стало обеспечение плавного перехода Польши к социально – рыночной экономике и вхождению страны в Европейское сообщество. Выходец из рабочих, патриот страны, Лех Валенса превосходно разбирался в человеческой природе. Именно поэтому, при проведении преобразований он понимал, что руководствоваться известным советским лозунгом: лес рубят – щепки летят, противоправно. Польским премьер – министром на начальном этапе был Тадеуш Мазовецкий, понимающий, что правительству нужен мотор для преобразований, свой Людвих Эрхард (министр экономики в послевоенной Германии, автор перехода страны к социально рыночной экономике), таким человеком стал Лешек Бальцерович, профессор Варшавской школы экономики и планирования. Лех Валенса,

Тадеуш Мазовецкий, Лешек Бальцерович руководствовались главным – выгоду от реформ должен получить польский народ. Как поразительно это отличается от руководства Россией в период Ельцинского правления. Как свидетельствует опыт стран переходящих к рыночной экономике, на начальном этапе важное значение имеет подготовка фундаментальной руководящей Концепции по преобразованию страны, широкое обсуждение её в обществе, что позволяет дать миллионам граждан страны представление о лежащих на сложном пути переменах. Для успеха дела желательно также внешняя помощь стране, ведь общество в период кризисов и преобразований, оказывается зачастую во власти могучих сил раздора. Не имея общей программы преобразований, не подобрав команду исполнителей, может произойти сползание к худшему варианту, что наглядно видно на примере российского опыта. О всех изменениях, произошедших в России и в мире на рубеже 1988 – 2015 годов, достаточно подробно написал в своей книге «Ключевой момент» и в статьях Бостонского альманаха «Lebed» за 2014- 2015 годы.

Не надо обладать особыми математическими способностями, чтобы представить какие поистине фантастические финансовые ресурсы формировались на уникальной во всех отношениях Тюменской области. Проблемы Тюменской области нельзя сравнивать ни с каким российским регионом, это важно как для ориентиров, так и понимания будущего этого региона и страны в целом. Данную территорию надо сравнивать с похожими в мировой практике анклавами : программой Тенесси США, развитием Техаса и Хьюстона, Норвегии, ОАЭ. Мировая практика свидетельствует что регионы, а тем более – государства, обладающие богатыми ресурсами,должны формировать внебюджетные средства. В Норвегии нефтегазовое месторождение «Экофикс» начали разрабатывать в 1969 году, почти одновременно с формированием ЗСНГК, это позволяет сравнивать конечные результаты двух проектов. Сегодня ВВП на душу населения Норвегии более 40 тыс. долл, за первые 30 лет доходы Норвегии от продажи нефти и газа составили 454,5 млрд. долл., на счёт каждого норвежца поступили по 100 тыс. долл. от прибылей, образование, медицинское и социальное обслуживание лучшие в мире. В отличие от России, норвежцы считают: природные ресурсы – достояние не отдельных лиц или компаний, а всего общества, и от их разумного использования зависит будущее страны, разведка и добыча углеводородов до сих пор находятся под контролем государства, а с частных иностранных компаний берут налоги в доход государства. Громадные средства нефтяного фонда вкладываются в государственные ценные бумаги развитых стран: 50–60% в Европу, 20–40% в США, 10–30% в Азию и Океанию. Только по итогам прошлого года дивиденды по этим ценным бумагам и проценты по вкладам превысили 3 млрд. долларов, сами доходы от деятельности нефтяной и газовой промышленности инвестируются в государственный пенсионный фонд будущих поколений. Ставки роялти, в другой стране, Канаде устанавливаются

дифференцированно для разных территорий и составляют от 10 до 45%. Одно из наших предложений по развитию Тюменской области было: создать «Фонд потомков». Расчёты показывали, что, получая 14% выручки от продажи тюменских углеводородов с 1965 года и тратя только половину этих средств на портфельные инвестиции в объекты за своими пределами, область могла бы, начиная с 1993 года, ежегодно иметь 50–60 млрд. К проекту Указа президента РФ «О развитии Тюменской области» мы просчитали общие социальные программы округов, юга :обеспечение жильём, коммунальными услугами, отселение избыточного населения, потребление основных продуктов в соответствии с нормами к 2000–2005 годам, здравоохранение, образование и подготовка кадров, культура и туризм, экология. Годовая стоимость этих программ составила около 40 млрд. долл. Словом, ежегодное наполнение «Фонда потомков» с лихвой финансировало бы все эти социальные программы, да еще оставалось бы на инвестиции. Как известно «Фонд потомков» в регионе так и не появился. За бесценок и без законодательного оформления, различные группы дельцов сумели захватить уникальные природные ресурсы стоимостью сотни миллиардов долларов, принадлежащие коренным народам Севера, старожильческому населению региона, Российскому государству в целом. Сегодня бюджет Российской Федерации представляет фактически сырьевую ренту предприятий, расположенных когда – то на единой Тюменской области и ренту сырьевую, которая забрана с этой территории федеральным центром с передачей Москве и Санкт-Петербургу столичных, искусственно сформированных статусов. На Тюменской земле произошёл почти никем не замеченный ещё один уникальный прецедент: при создании в России Федеральных округов Тюменскую область, ХМАО и ЯНАО отнесли к Уральскому федеральному округу. Вот такие довольно хитрые и ничем необоснованные государственные структуры были созданы в рамках бывшего единого Западно-Сибирского комплекса, что позволило с одобрения и с поддержкой государства произвести разграбление уникального по мировым меркам нефтегазового месторождения и в скором будущем централизовать федеральный бюджет. Хитрая централизация власти через федеральный бюджет оказалась в скором времени ловушкой для самого государства. Особая сверхцентрализация способствовала централизации бюджетов и на уровне регионального уровня, похоронив при этом уровень местного самоуправления, и этим самым был утрачен контакт власти с российским народом. Сверхцентрализация стоящая не на земле, а на голове, отстранила российскую государственную машину от живого человека, окончательно похоронив слабые ростки формировавшегося гражданского общества.

Нынешнее состояние России и российского общества нельзя описать известными в мировой науке и практике методами, здесь существует какая – то чисто российская ‘’ болезнь ‘’, с которой ещё никогда не сталкивалось ранее мировое сообщество. Главной проблемой России стали кадры,

сформировавшиеся по непонятно каким правилам, потеря профессионализма на всех уровнях государственного управления достигла чудовищного уровня. Российские лидеры не справились с возникшей для страны задачей по реформированию страны при переходе России к рыночной экономике, да и сама концепция либеральных ценностей, навязанная стране малоопытными реформаторами, не подходила к России.

Прежде чем перейти к изложению конкретных вопросов, считаю целесообразным дать моё понимание происходящих процессов в сегодняшнем мире. На наших глазах за последние 25 лет человечество пережило ряд тяжёлых катастроф, потрясений и катаклизмов, не укладывающихся в рамках существующих экономических, социальных теорий и фантастических предсказаний. Имея результат, зачастую не понятно, что даёт толчок ходу событий. Любое сужение окружающего мира приводит к взрывоопасным последствиям, поскольку исключает из общей картины некоторые источники неопределённости и этим заставляет неверно интерпретировать ткань из которой соткан мир. Мир вступает в новую эпоху развития. На смену нефтегазовой зависимости приходит эра новых технологий на основе инноваций. Вот краткие открытия, которые принесут принципиальные изменения в среду обитания человека: – переход на возобновляемую энергию, что внесёт принципиальные изменения в организацию малого и среднего бизнеса, и это реально может произойти в течение ближайших 15 – 17 лет, -технологическая революция в области использования и обновления всех видов транспорта, срок реализации программ- 13 – 14 лет,

– новые технологии в освоении космоса с посылкой человека на Марс, срок осуществления 12 лет, (Элон Маска, предприниматель, изобретатель и инвестор Space X, Telse Motors, Solary), – революция на рынке производства продуктов питания и в области медицины, срок внедрения до 10 лет и т.д.

Дерзкие революционные идеи приведут к новой технологической революции. А эти вещи требуют другой мотивации людей, создание атмосферы одухотворённости свободных людей, уход от ненужных цепочек в организации всех видов деятельности. Америка, например, творческая страна, более благосклонна к попыткам пробиться наверх путём проб и ошибок. Глобализация способствовала США специализироваться на креативе, на производстве концепций, идей, т.е. на масштабируемой составляющей продукции, и посредством экспорта рабочих мест выделить менее масштабируемые компоненты передав их тем, кто рад получить почасовую плату. Фирмы Найк, Делл, Боинг, Телсе,Майкрасофт и другие получают деньги за идеи, организацию и использование своих ноу-хау, в то время как субподрядные фабрики в развивающихся странах, выполняют по сути обезьянью работу. Американская экономика крепко завязана на генерацию идей, поэтому сокращение числа производственных мест сочетается с повышением жизненного уровня, и ничего здесь не поделаешь.

Уже сегодня возникла реальная необходимость формирования нового философского направления в области будущего человечества и бизнеса, инициатором новых идей в этом направлении стал американский практик и исследователь Нассим Талеб. Голос Талеба настолько сильный, а его идеи настолько мощны, оригинальны и правильны, соответствуют законам природы и просто логике жизни, что их достаточно, чтобы изменить наше понимание структуры мира, бизнеса, пониманию выживаемости человека в условиях неопределённости. Свои идеи, практические советы и рекомендации Талеб изложил в двух книгах «Чёрный лебедь» и «Антихрупкость», ставшие за короткий срок бестселлерами. Вот некоторые выжимки из книг Талеба. До открытия Австралии жители планеты были убеждены, что все лебеди на земле белые, уверенность была подкреплена опытом. Встреча с первым Чёрным лебедем многих специалистов удивила, она наглядно показывает, в каких жёстких границах наблюдений и опыта происходит наше обучение жизни, как относительны наши познания о современном мире. То что условно названо Талебом Чёрными лебедями, обладает следующими характеристиками :

– оно аномально, т.к. ничего в прошлом его не предвещало,

– обладает огромной силой воздействия,

– человеческая природа заставляет придумать объяснения случившемуся после того, как оно уже случилось.

Между тем эти явления объясняют почти всё на свете : от успеха идей и религий, до динамики исторических событий и деталей нашей личной жизни. Особенно возросла роль Чёрных лебедей в последнее время, тогда, когда повседневная жизнь, о которой мы говорили, думали, которую, стараемся планировать, сошла с наезженной колеи, а сам Мир, как бы сошёл с ума.

Давайте глянем на хронологию событий, оказавших решающее влияние на мир:

– мировая война 1914 года, в том числе участие в ней России,

– Октябрьская революция и гражданская война,

– приход Гитлера к власти и вторая мировая война,

– распад Советского блока и Советского Союза,

– крах рынка в 1987 и 1988 годах, теракты 11 сентября 2001 года,

– распространение интернета,

– война в Донбасе и т.д.

Сочетание малой предсказуемости подобных событий, с силой воздействия на человечество, превращает Чёрного лебедя в загадку, а представители общественных наук больше столетия делают вид, что их методами можно измерить неопределённость. Неспособность к прогнозам в среде, кишащей Чёрными лебедями, вместе с общим непониманием самой природы таких явлений, приводит к тому, что в обществе появляются так называемые профессионалы, считающие себя экспертами, хотя как свидетельствует практика, на самом деле, они таковыми далеко не являются.

Вопреки распространённому мнению либеральных экономистов и финансистов, почти все важнейшие открытия и технические изобретения не являлись результатом стратегического планирования, а являлись Чёрными лебедями. Мы слишком зациклены на известном, изучаем подробности происходящих событий, а не картину в целом. Сочетание малой предсказуемости, с силой воздействия, превращает Чёрных лебедей в загадку, однако мир сегодняшний, усиленно не хочет это признавать. Применение неконкретных наук к проблемам реального мира даёт разрушительный эффект, особенно это делается в области экономики и финансов сегодняшними представителями экономистов и финансистов, как теоретиками либеральной школы, так и представителями экономистов и финансистов в составе крупных компаний, просчитывающих риски на основе критериев, исключающей вероятность использования для прогнозов рисков, используя интеллектуальное надувательство, в дальнейшем превращая его в математические одежды, теории, расчёты. Гигантская зависимость целых государств от нефтегазовых ресурсов подходит к концу. Исторические факты свидетельствуют, что падение государств и целых империй, обычно происходят по внутренним причинам, в основном из – забездарности её правителей. Будущее стран в значительной степени будет определяться готовностью кадров к инновациям, восприятию нового, иначе любая страна окажется на обочине нового этапа научно – технического прогресса. Сам процесс подготовки к таким непростым преобразованиям носит комплексный характер, и на этом тернистом пути нет мелочей. Следует не забывать, что вопросы организации и управления различными видами деятельности, включая бизнес, всегда являлись застарелой советской болезнью. Ещё д.э.н, профессор В. Терещенко, при переезде на постоянное жительство из США в Советский Союз, напоминал, что во всём мире, и прежде всего в США, в области организации и управления создана и постоянно совершенствуется новая наука под названием Systems and procedures. В практической работе её принципами пользуются все организации, бизнес сообщество и руководство страной. Изучение всего сходного во введении дела разными и разнородными организациями имеет большое значение. Миром движет аномальное, неизвестное и маловероятное, а большинство людей проводит время в светских беседах дискуссиях, сосредоточившись на известном и повторяющемся. Наш разум превосходно объяснительная машина, способная найти смысл в чём угодно, истолковывать любой феномен, но абсолютно не может принять мысль о неопределённости. В условиях глобализации, весьма опасно проблемы каждой отдельной страны сводить к общему знаменателю. Но с другой стороны, если хочешь не остаться за бортом научно – технического прогресса, быть способным принимать участие на равных в отвоевывании мировых рынков сбыта, надо учиться, готовить себя и страну к этике международного бизнеса на основе общих правил.

Уважаемые коллеги!

Человек страдает недостатком: нам не под силу распознать идею, если она представлена в другом контексте, мы обречены обманываться, глядя лишь на внешнюю сторону вещей. Вот почему мы часто не видим антихрупкости там, где она слишком очевидна. Перемены и развитие начинаются с внутренней необходимости, их порождают действия непредвиденные, побочные явления, которые связаны с какими – то важными событиями, например, изобретениями. Перемены и инновации начинаются, когда гиперреакция на неурядицы высвобождает избыточную энергию. Мы склонны считать, что перемены – это бюрократическое финансирование и планирование, что надо выучить сотрудника в школе бизнеса, где учат профессора, в жизни не внедрившие ни одной инновации или нанять консультанта. Люди, как правило, сражаются с предыдущим самым опасным врагом, а природа, со следующим : можно ли предсказать последовательность экстремальных событий, исходя из прошлого – нет. Вот почему политические волнения и бунты часто бывают антихрупки и попытки подавить их с помощью грубой силы, не имеют смысла. В свою очередь информация антихрупка : попытка скрыть информацию делает её более значимой, чем попытка донести её широких масс. Правительство и большие корпорации не дооценивают, что информация оберегает себя и способна контролировать тех, кто пытается контролировать её. Когда мы наблюдаем, что правительство или большие корпорации,, погрязшие в долгах, пытаются укрепить доверие к ним, становится ясным : что структура хрупка, а значит, со временем, обречена. Многие явления : общество, экономика, рынки, культура хоть и созданы человеком, но развиваются сами по себе, в результате саморегуляции, растут и воспроизводятся (идеи, технологии, бизнес и т. д.). Искуственно созданные человеком механические и иные приспособления бывают и замысловатыми, но являются сложными, в них нет взаимозависимости. В сложных системах очень важна взаимозависимость и тут следует мыслить в терминах экологии (если уничтожить конкретный вид животных- пищевая цепочка нарушится, жертвы станут неконтролируемо размножаться, побочные явления пойдут косяком). Предсказать реакцию сложной системы со многими взаимодействующими частями трудно, т.к. она передаёт информацию компонентам, отдельным частям через стрессоры или посредством стрессоров : тело получает информацию об окружающей среде не через логику, разум и способность рассуждать, оценивать и вычислять, а через стресс посредством гормонов и других веществ, которые пока не открыты. Сложные системы строятся на информации, а передатчиков вокруг нас куда больше, чем мы замечаем. Разобраться с причинами и следствием сложно, отчего традиционные методы анализа, не говоря о стандартной логике, здесь непригодны. Конкретные события предсказать почти невозможно и причина здесь кроется в явлении каузональной непрозрачности, именно из – за этого, а также по причине нелинейности сложных систем, оценка

сложных систем требует большой прозрачности, а в реальной жизни мы постоянно сталкиваемся с повышенной непрозрачностью. Мы часто путаем экономику со стиральной машиной, которой нужен как бы ежемесячный осмотр. Но ведь по определению Адама Смита сложные системы непрозрачны и их компоненты взаимозависимы. Снова и снова мы слышим : кто нами правит, будто мир нуждается в управлении, думаем, что только правителям с абсолютной властью, доступна идея Блага. Нам тяжело понять, что колебания, настроение, печаль и тревога – это важный источник разума. Меры, призванные свести на нет перемены вокруг детей и внутри детей, сводят на нет любые перемены в нашем обществе Культурной Глобализации. Современный подход к людям, как устройствам с упрощёнными механическими реакциями и подробным руководством им пользователя – это систематическое избавление от случайности и неопределённости, попытка сделать реальность предсказуемой до мельчайших деталей, и всё это ради ложного комфорта, удобства и повышения эффективности. Это выхолащивает системы и организмы, любящие неопределённость и даёт иллюзию успеха. Главные виновники этого : система образования, планирование, финансовая поддержка тех или иных программ. Если вы живой человек, а не часы с кукушкой, нечто в глубине души любит случайность и хаос, неизвестность щекочет нервы и мы освобождаемся от тирании ясного и точного плана, чтобы черпать вдохновение из внутреннего непрозрачного источника.

Уважаемые коллеги!

В заключение, разрешите высказать некоторые идеи и подходы по развитию России и Тюменской области.

Все кто общается с русскоязычными за границей отмечают, как много среди них талантливых, обладающих большим потенциалом людей, но почему –то это всё никак не проявляется наружу в сложившейся социальной системе. Налицо кризис человеческих ресурсов, в котором потенциал людей просто не может раскрыться. Эффективность политики государства проявляется в повышении благосостояния и достатка людей, а в не укреплении центральной власти и идее национального величия при фактическом нищенском существовании основной массы своих граждан. Как изменить в этой ситуации обстановку в России, и здесь, как мне представляется, нет простого ответа. Выборы, как механизм смены власти, потеряли смысл, оболочка вроде существует, а смысла в деятельности, фактически нет. Смерть Б. Немцова, заявления и высказывания по этому поводу Ю. Афанасьева, Чубайса, М. Касьянова, А. Коха, И. Хакамады, М. Ходорковского и других, наглядно подтверждают, что в России, за 25 лет поисков и блужданий, не созданы условия для появления оппозиции, национальных лидеров, выразителей интересов граждан России.

В свою очередь внутренняя политика государства не связана с качеством жизни населения, устойчивостью системы к вызовам времени, стратегическая

слабость руководства страной маскируется под понятную для простых граждан тактическую силу. Система управления в России, будь то правительство, крупная или средняя фирма, чрезвычайно централизована, по своей сути с военной субординацией. Бюджетный федерализм, региональное развитие и программно – целевое управление, как метод обеспечения равных прав для всех граждан России, не освоен в стране, что даёт возможность органам власти в центре и на местах, постоянно корректировать законодательство, целевые программы, приводит к системной коррупции и бюрократизму, формализму, бесконечным управленческим играм. В книге «Ключевой момент» я попытался дать советы и рекомендации как действовать России в этой сложной ситуации. Мои предложения в основном сводятся к следующему: осуществить реформирование России через специальный управленческий проект. Сжатые сроки на подготовку материалов, необычность ситуации, острота проблем, требуют подойти к реформированию политической и социально -экономической системы Российской Федерации как осуществлению крупного проекта, все части которого должны быть увязаны в рамках единого организационного проекта. Мировая практика никогда ещё не сталкивалась с проектом такой сложности. Основанием для подобной позиции является: российское руководство растеряно, не знает, что надо делать, надо предпринять что –то неординарное, но в тоже время реальное, что может встряхнуть российское общество, сделает его граждан политически активнее. В сложившейся ситуации необходима перезагрузка государственной системы управления Российской Федерацией, инициатором должен выступить президент В.В. Путин, обладающий реальной властью и доверием значительной части населения. В изоляции, Россия способна совершить ряд принципиальных ошибок, чреватых деградацией страны, усилением дезинтеграционных процессов, использованием своих ядерных средств в ложных интересах.

«Пришло время сказать правду, всю правду откровенно и смело. Не пристало нам также уклоняться от честной оценки положения, в котором находится наша страна. Единственное, что следует бояться – самого страха безрассудного, безликого, неоправданного ужаса, который парализует усилия, необходимые для превращения отступления в наступление. Руководители обмена товарами провалились из-за собственного упрямства, своей неспособности, признали свой провал и бежали со своих высоких постов в храме нашей цивилизации». Франклин Рузвельт, президент США.

Это высказывание великого президента США Ф. Рузвельта напоминает обстановку периода, когда паралич сковал экономику страны. Причины ? Они в том, что «люди были охвачены погоней за незаработанным богатством, а их лидеры во всех сферах деятельности не желали ничего знать, кроме собственных корыстных интересов и лёгкой наживы».

Так же как президент США (Иннагурационная речь Франклина Делано Рузвельта, 1933 г.), президент России должен обратиться к нации, ко

всем гражданам страны, политическим партиям и общественным деятелям со специальным обращением и в нём изложить : проблемы, возникшие на пути преобразований, дать предложения по развитию страны. Честно и откровенно президент должен заявить, что в сложившейся ситуации, виноваты все граждане страны, в том числе и он лично. Политическая система России оказалась не работоспособной,, не выполнив главную задачу – формирование гражданского общества в интересах всех граждан страны, государственные и социальные институты принесли в общественную жизнь хаос, пропасть между властью и народом стала катастрофической.

В реформы должны быть заложены цели, имеющие определённую логику и закономерность. Выхватывание отдельных инициатив, без общего плана действий и механизмов реализации, обречены на провал. Надо переходить к созданию системы вокруг человека, в которой он формируется как личность, сохранение человека и его воспроизводство должны стать главными задачами государства. Надо начать формирование политической системы с местного самоуправления, поддержки на государственном уровне различных видов ассоциаций как производственного характера, так и выражающих личные интересы граждан. Это станет основой гражданского общества и на его основе – политических партий, выражающих интересы граждан. Вторая палата парламента, Совет Федерации, предназначена для выражения интересов регионов и нацменьшиств. Почему важно построение общества снизу вверх. Огромное государство не похоже на гигантское самоуправление, как младенец не похож на маленького взрослого, увеличение количества людей в сообществе, меняет характер отношений между ними. Вместо эффективных разговоров на конкретные темы, начинается обсуждение абстрактных понятий, разговоры становятся более интересными, более учёными, но увы менее плодотворными. Группы самоуправлений с провинциальными дрязгами, со внутренними спорами и враждующими по своему индивидуумами, образуют как бы стабильное мини – государство, но именно на этом уровне происходят ссоры и трения, касающиеся поведения дел. Решение местных проблем требует совершенно иного подхода, чем управление огромными и абстрактными государствами. Совокупность небольших групп с полунезависимыми колебаниями обладают совсем другими характеристиками риска, чем одна большая группа, или страна в целом. Правительство защищено от уколов совести, не краснеет от стыда, лишено эмоциональной реакции на перерасход средств, другие провальные шаги, убийства мирных жителей в войнах и т.д. Для чиновников цифры абстрактные понятия, а для представителя местной власти, может быть стыдно за свои ошибки перед людьми, с которыми они соприкасается постоянно. В рамках самоуправления биологическая реакция и тело останавливают человека от причинения вреда другим. У чиновника нет социального контакта с теми, чьи судьбы он решает, чиновник движим какой –то логикой, чем эмоциями, работает при этом с цифрами, графиками,

статистикой, теориями. Малое прекрасное во многих других отношениях, всё большое на деле обречено рано или поздно на разрушение. Это свойство доказано жизнью, человеческой практикой, касается как систем управления человеком, так и систем управления огромных корпораций, больших вертикально созданных правительств. С большим, абстрактным государством, связана ещё одна проблема – психологическая. Создавая бюрократию, мы обязываем государственных чиновников принимать решения на основе абстрактных и теоретических данных, при этом у чиновников возникает иллюзия, что его решения рациональны и логичны.

Одной из основных составляющих российской экономики является эффективная экономическая децентрализация. Этой теме посвятил свое завещание в последнем выступлении на заседании «Меркурий-клуба» академик Е.М. Примаков. Оптимизация отношений по линии центр-регионы важнейшая государственная задача, позволяющая скреплять страну в единое целое в условиях неопределённости.

Главной задачей президента становится формирование специальных структур по разработке и внедрению Фундаментальной Концепции преобразования страны, предъявление Концепции обществу для рассмотрения и поддержки, разработка базовых Законов и нормативных актов по реализации, подготовка управленческих кадров для работы в новых условиях хозяйствования. Наиболее предпочтительной формой организации исполнительной власти для России является американский опыт. Для выполнения возложенных задач президент формирует свой кабинет, в который вводится институт вице -президента, и кабинет министров при президенте. Вице -президент, заместитель президента по программному и организационному развитию, возглавляет также министерство финансов. В прямом подчинении президента находятся министерство иностранных дел и силовой блок. Состав, численность и принципы работы программно -целевых органов определяются соответствующими департаментами при вице-президенте. Эти органы представляет собой матрично-целевую структуру как из штатных работников программно-целевого блока, так и представителей министерств, ведомств, экспертов, учёных, гражданского общества и законодательных ветвей власти. Когда органы госуправления заработают в полную силу, структура этих органов претерпит изменения, количество специалистов значительно сократится. Подбор специалистов в программно-целевой блок должен быть избирательным, здесь помощь и поддержку может оказать многочисленная диаспора за рубежом. Важно иметь при вице -президенте Центр подготовки кадров новым методам хозяйствования. Цели реформирования политической и государственной системы управления должны быть публично доведены до западного общественного мнения и западных лидеров. Жизнь надо положить на действительность, чтобы двигаться вперёд, нужен анализ всех сторон деятельности на базе новой статистики, она должна

стать всеобъемлющей и разносторонней. Органы статистики и анализа должны существовать не только в составе органов госстатистики при президенте, а также в составе отдельных министерств, бизнес-ассоциаций и других структур, важно иметь конкретную аналитическую информацию для принятия стратегических решений при формировании целевых программ. Надо уделить большое внимание систематической работе по разъяснению гражданам, бизнесменам, депутатам всех уровней, прессе и телевидению каждого шага намеченных реформ, это значительно обеспечивает успех дела. Так действовал президент США Ф. Рузвельт в рамках своих еженедельных бесед у камина с американским народом, так работал вице-канцлер Людвиг Эрхард в Западной Германии, переводя страну на социально – рыночную экономику, так работали эстонцы и поляки.

Что касается Тюменского региона и тюменцев, это тему обойти мне нельзя. Отвечу пока кратко, более детально, постараюсь осветить в дискуссиях и ответах на конкретные вопросы по теме моего выступления. Прежде всего, важно понять ради будущего своих граждан : область и автономные округа держатся на гнилом фундаменте. Развитие региона, жизнь тюменцев, в решающей степени зависит от Федерального центра, и здесь, если смотреть правде в глаза, предстоят в недалёком будущем, далеко не лучшие времена. В этот ответственный момент, сегодняшнее большинство населения Тюменского региона – люди разных убеждений и взглядов, не привязанные корнями к этой прекрасной и особой территории, многие не понимают причинно – следственные связи происходящих событий, а ведь оплата за ренту, как основной доход территории, сокращается и окончательный процесс потери финансов за этот ресурс, не за горами. Тюменский регион в течение всего промежутка времени является нестабильным с точки зрения доходной части бюджетов территорий и искусственного перевода всех центров управления в Москву. С другой стороны, мировое общественное мнение никогда не простит России резкое ухудшение жизни тюменцев, прежде всего коренных народов Севера и старожильческого населения уникальной территории, и этим надо воспользоваться для поиска предложений по развитию Тюменского региона в условиях реальной непредсказуемости, пока ещё не совсем поздно. Эта тема специального разговора, давайте обсуждать этот вопрос вместе.

Спасибо за внимание.

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ: ПРОБЛЕМА РЕГУЛИРОВАНИЯ

А.А. Булашева –
аспирант кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета

«Под виртуальной реальностью понимается внутреннее состояние субъекта, которое может быть вызвано внешними причинами (природными явлениями, компьютерными технологиями, искусством и др.) или внутренними причинами (например, внутренними ощущениями, соматическим состоянием пользователя)» [4, с. 110].

Однако наиболее часто под виртуальной средой понимается создаваемый техническими средствами мир и передаваемый человеку через его привычные для восприятия материального мира ощущения: зрение, слух, обоняние и другие. Впервые этот термин употребил Жарон Ланье, специалист в области современных компьютерных технологий, в 1984 году. «Синонимом понятия «компьютерная виртуальная реальность» является киберпространство. Это термин ввел в оборот Уильям Гибсон [1, с. 110].

Согласно социологическим исследованиям ВЦИОМ в качестве целей использования Интернет респонденты называют в первую очередь поиск информации (65 %), во вторую — использование социальных сетей (54 %), и в третью — использование электронной почты и ведение переписки (31 %). Программами мгновенного обмена сообщениями пользуются только 10 % пользователей, а 82 % пользователей Интернета имеют хотя бы один аккаунт в социальной сети [2, с. 87].

Социальные действия в виртуальной среде совершаются не просто в определенных условиях, а с учетом ситуации их реализации. Как указывает С.С. Фролов, «ситуация входит в систему социального действия через ориентацию индивида» [3, с. 84]. Социальные действия всегда сознательны и целенаправленны. Порождая ответные реакции тех, на кого они направлены, они превращаются во взаимодействия.

Существует несколько видов социальных взаимодействий в виртуальной среде:

- общение по электронной почте. В настоящее время электронная переписка является самым популярным и доступным способом общения для пользователей сети Интернет;

- общение на форумах и интернет – сообществах с определенными тематиками. Существуют различные по тематике, контингенту участников и преследуемым целям форумы и интернет – сообщества. Тематика форумов

и интернет – сообществ чаще всего бывает социально- политическая, научная, повседневно – бытовая и затрагивающая темы здравоохранения;

- общение в социальных сетях. Влияние социальных сетей на общественно-политические процессы становится предметом изучения разных научных дисциплин, в том числе среди социологов. Особый интерес представляет совокупность интернет – ресурсов, представляющих собой своего рода площадки для общения групп людей в Интернете. Прорыв в развитии онлайновых социальных сетей начался в 2003 – 2004 гг. с появления сайтов MySpace, Linkedln, Twitter и, разумеется, Facebook, и с 2007 года «Вконтакте», который на сегодняшний день считается самой популярной онлайновой социальной сетью с ежемесячной аудиторией превышающей 1 млрд. пользователей. Эти сети предоставляют пользователям возможность презентации идентичности (через создание личной страницы участника), удобные инструменты коммуникации (личные сообщения, комментарии), возможность обмена ресурсами (записи, фото, видео, ссылками на сторонние ресурсы) и создания групп по интересам. Такие платформы постоянно создают и совершенствуют различные приложения, позволяющие участникам совершать многие действия: указывать места, в которых они находятся в данный момент, отмечать понравившийся контент специализированной кнопкой « Like» и т.д;

- общение в так называемых MUDs (от «multi-user dimension» – онлайн – ролевая игра). В данной игре много пользователей объединены в одном виртуальном простарнстве, которое близко к коммуникации в чате тем, что происходит «online», но отличается от него присутствием цели – стремлением выиграть.

С развитием компьютерных технологий отличительными чертами виртуальной среды стали – доступность, массовость и анонимность. Таким образом, вопрос об ответственности доменов перед обществом за содержание своих сообщений является очень важным. Знание и понимание структуры информационных систем, программного обеспечения, web –программирования, законодательства в области изучения социальных взаимодействий в виртуальной среде, специальных интернет – терминов требует изучения отношения экспертов к проблеме регулирования социальных взаимодействий.

В связи с этим целью социологического исследования наряду с рассмотрением нормативно – правовой базы в области интернет – коммуникаций в РФ стало изучение отношения экспертов – специалистов организаций Тюменской области, занимающихся научно- исследовательскими разработками в сфере информационных и интернет – технологий к социальным взаимодействиям в виртуальной среде и их правовому регулированию.

Анализ содержания основных законов показывает, что основными проблемами, связанными с правонарушениями в виртуальной среде являются:

1) распространение информации, запрещенной для просмотра детьми,
2) нарушение авторских прав в сети Интернет,

3) нарушение режима конфиденциальности персональных данных,

4) продажа контрафактных лекарств, наркотических и психотропных веществ,

5) свободный доступ к сайтам порнографического содержания.

Данные правонарушения необходимо устранять с помощью законотворческой деятельности государства.

В ходе проведения экспертного опроса «Регулирование социальных взаимодействий в сети Интернет» можно сделать следующие выводы:

Наиболее значимыми правовыми мерами, с точки зрения экспертов, являются: создание реестра доменных или универсальных указателей страниц сайтов сети Интернет и сетевых адресов сайтов, содержащих информацию, которая противоречит моральным и этическим нормам общества; приравнение блоггеров к СМИ; ограничения на распространение рекламы в виртуальной среде (сокращение ее объемов вплоть до полного запрета). Подобные меры позволяют создать довольно действенный механизм по предотвращению доступа к запрещенной информации участникам социальных взаимодействий в виртуальной среде.

Не получили одобрения среди специалистов в области информационных и интернет – технологий такие меры по регулированию и ограничению распространения информации в виртуальной среде, как ограничение на скачивание мультимедейной продукции, контроль над защитой авторских прав, строгое отношение государства к обработке персональных данных, использование сертифицированных продуктов защиты информации в сети Интернет, что предполагает большие материальные затраты и может создать технические проблемы для многих организаторов распространения информации в сети Интернет.

Большинство опрошенных нами экспертов одобряют меры по регулированию и распространению информации в виртуальной среде, принятые на государственном уровне. Однако, по их мнению, отечественная законотворческая деятельность в данном вопросе уступает другим странам. На наш взгляд, необходимо ужесточить наказание и ввести уголовную ответственность для блоггеров, которые совершают противоправные действия в сети Интернет, как, например, это принято в Китае.

Преимущества российского законодательства в регулировании социальных взаимодействий в виртуальной среде эксперты видят в эффективности законов, решений и постановлений Государственной Думы, которые ограничивают распространение недостоверной информации, интернет – контента, влияющего на здоровье и развитие детской психики; устанавливают контроль над общественными лидерами в виртуальной среде; обеспечивают защиту от оскорбительных высказываний других пользователей и пресекают призывы к террористической деятельности.

Недостатками российского законодательства в области интернет-коммуникаций, по мнению экспертов, являются сложность отслеживания блоггеров – трехтысячников в сети Интернет, отсутствие четких критериев отнесения интернет – ресурсов к средствам массовой информации, недостаточность контроля, осуществляющаяся преимущественно выездными проверками по постановлению Правительства РФ для составления реестра правонарушений в сети Интернет.

Все эксперты сошлись во мнении, что основная проблема правового регулирования заключается в том, что правоприменительная активность органов государственной власти в указанной сфере недостаточно высока, мало судебной практики, а профессиональные навыки желающих нарушить закон в сети Интернет часто выше профессиональных навыков тех, кто следит за его исполнением. Информации в виртуальной среде настолько много, что ее невозможно заблокировать, она может размещаться на зарубежных ресурсах, не подчиняющих законодательству РФ, кроме того, существуют методы обхода запретов.

В ходе проведения экспертного опроса было выявлено так же, что законодательная база РФ нуждается в совершенствовании и контроле над исполнениями законов, постановлений, решений в сфере регулирования социальных взаимодействий в виртуальной среде, а не только в их принятии на законодательном уровне.

Для совершенствования системы регулирования социальных взаимодействий в виртуальной среде необходимо сосредоточить усилия по регулированию взаимодействия в сети Интернет на наиболее приоритетных проблемах, таких как призывы к терроризму, детская порнография, разглашение сведений, составляющую государственную или иную специально охраняемую законом тайн; технически проработать механизмы регулирования социальных взаимодействий в виртуальной среде; анализировать опыт других стран в сфере регулирования интернет -коммуникаций в виртуальной среде; рекомендовать пользователям сети Интернет устанавливать специальные фильтр – программы, которые блокируют сайты террористической, экстремисткой направленности, а так же ресурсы, содержащие информацию, противоречащую этическим нормам общества; совершенствовать материальную базу для технического регулирования интернет – коммуникации и поддержки информационной безопасности на высоком уровне (защита от компьютерных вирусов, несанкционированного доступа к личной информации, взлома серверов и сетей).

Таким образом, главными трудностями в регулировании интернет -коммуникации является сложность установления и пресечения правонарушений в виртуальной среде, поскольку очень часто возникают технические, социальные, правовые проблемы, которые необходимо регулировать с помощью современных средств мониторинга и аудита.

Список литературы:

1. Биккулов, А.С. Интернет как средство массовой коммуникации / А.С. Бикулов. – М.: Эксмо-Пресс, 2009. – 302 с.

2. Корытникова, Н.В. Интернет как средство производства сетевых коммуникаций в условиях виртуализации общества / Н.В. Корытникова // Социологические исследования. – 2007. – № 2. – С. 85-93.

3. Липский С.С. Интернет-пространство как коммуникативная среда диалога культур/ С.С. Комисаренко.- М.: Эксмо-Пресс, 2012. – 151 с.

4. Чугунов А.В. Социология интернета: методика и практика исследования интернет – аудитории/ А.В. Чугунов– М.: Гардарики, 2013 – 459 с.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ, ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ОТРЕШЕННОСТЬ

Н.О. Вилков –
к.экон.н., доцент, кафедра
мировой экономики и международного
бизнеса Тюменского государственного
университета

Если рассмотреть экономику с позиций её общности с материальным миром, как образ деятельности по формированию материальных основ социума, формально абстрагировавшись на время от духовного поля экономической деятельности как подсистемы социума, то можно представить экономическую деятельность как процессы преобразования вещества и энергии. Но в этом случае социум предстаёт как разорванный на две части: материальную и духовную, что мешает целостному представлению не только социума, но и Мира в целом.

Надо отметить, что расширение поля деятельности экономики в духовную сферу не приводит к ревизии указанного представления, оно просто требует пересмотра, с одной стороны, экономических понятий, включения духовного воспроизводства в состав экономических понятий и деятельности. А с другой стороны, расширения понятий физики на духовную деятельность. Это необходимо для целостного представления социума и его взаимодействия с Природой в целом. Уже сейчас экологические проблемы показывают необходимость учета в экономической деятельности не только материальных результатов для человечества самого по себе, но и влияния этих результатов на Природу. Но изменение взаимодействия человечества с Природой требует изменения технологий. А указанный контекст, в свою очередь, требует расширения и понятия технологии. Собственно говоря, требуется качественное развитие системы экономических понятий, органичного включения их в понятия естественных наук и прежде всего физики.

Если принять, что первый закон термодинамики, представленный как всеобщий закон сохранения вещества и энергии, является законом, регулирующим любой вид деятельности, то это не оставляет возможности для исключения социальной деятельности из действия этого закона. Опасность сведения экономических определений к физическим заключается в потере экономического своеобразия действия закона сохранения вещества и энергии. Но на этом основании не рассматривать всеобщность закона сохранения вещества и энергии, значит, отказываться от представления социума в качестве органичной части мироздания. Социум тогда выделяется из природы как чуждое общим законам природы и возвышенное над её реальностью образование. Именно это состояние разорванности представления Мира на

материальную и духовную составляющие порождает идею о свободе науки от нравственности, а экономической деятельности от морали. Основой единения научных понятий о материальном и духовном мире представляется расширение понятия энергии на духовную сферу.

Можно утверждать, что де факто социальная энергия принята в качестве научного понятия, но на подсознательном уровне. Значимость духовной культуры для развития социума (хотя бы в определениях идеологии) является общепринятым. Это говорит об ученых как достаточно нормальных людях, которым свойственны и подсознательные процессы, составляющие значимую часть социальных наук, присутствующие в этих науках как констатация фактов проявления социальной энергии.

Отметим, что представлении о наличии различных форм энергии органично физическим представлениям о мире. Законы тепловой энергии в значительной степени отличаются от законов электрической энергии. Совершенно очевидно различие гравитационных и ядерных взаимодействий. Одной из кардинальных проблем физики в настоящее время является именно поиск единой теории поля. Продолжая этот логический ряд, духовная энергия может быть представлена как особая форма энергии Природы.

Исходя из представления экономики как поля перехода энергии из одной формы в другую, и принимая, что этот переход осуществляется в том числе и в поле социальной энергии, можно видеть, что в понятие богатства входит и социальная энергии. Любая форма энергии с позиций социума и его членов, рассматривается как возможность их воспроизводства. Богатство представляет собой определение энергии именно с этих позиций и потому представляет собой формы возможности для существования и развития социума и его членов. В экономическом поле это экономические возможности. В духовном поле – духовные возможности. Таким образом, духовное и экономическое богатство представляют собой две ипостаси социальных возможностей, социальной энергии.

Подобное определение богатства позволяет рассматривать в рамках единого понятии материальные и духовные процессы, которые как формы богатства предстают как материальные и духовные возможности. Кроме того, социальные и экономические процессы могут быть рассмотрены тогда на основе единой меры с физическими процессами, как процессы изменения форм энергии. Напомним, что в физике особой формой расходования энергии рассматривается работа. Под работой физики понимают расходование энергии, приводящее к однонаправленному движению рассматриваемой системы. Труд в экономическом поле измерений становится всеобщим понятием, представляя собой особую форму направленного расходования энергии – целесообразно расходуемую энергию. Как духовную, так и материальную. Таким образом, труд, как экономическое понятие «схватывает» в себе противоречие между физической и социальной формами движения материи. Также как и экономика.

В этой логике ресурсы могут быть определены как элементы богатства, возможностей для осуществления конкретного вида трудовой деятельности.

Структурируя это определение, можно сказать, что ресурс – это система трёх базовых элементов: природных вещества и энергии; людей, обладающими необходимыми знаниями, навыками и компетенциями; технологий, иначе говоря, способов взаимодействия людей друг с другом и природой для получения желаемого результата. Пусковым механизмом этой системы является интерес.

Важным моментом в этом определении является то, что полезные ископаемые в его рамках не могут непосредственно рассматриваться как ресурсы, так как в большинстве случаев сами по себе они не имеют возможности производить нужные людям продукты. Но и в случае собирательства уже готовых к потреблению продуктов (например, ягод), необходимы знания о том, какие ягоды можно есть.

Собственно говоря, индустрия как раз и представляет собой совокупное определение системы технологий. В сущности, если технология реализуется, то она представляет собой реализацию ресурсов. Сама технология есть ресурс и порождает ресурсы.

Технология всегда есть результат духовной деятельности людей, которая порождает и реализует способы взаимодействия людей с Природой и друг с другом. Поэтому, если принять, вслед за П.А. Сорокиным, что «культура – это то, что люди делают совместно», то технология является формой культуры и не только материальной, но и духовной. В технологии культура реализует себя предметно.

Если это так, то «индустриальный» период человеческой истории, это период освоения технологий, внешних для способа воспроизводства человеческой духовной природы. Но в настоящее время без воспроизводства духовного поля человечества нельзя развивать и его материальную культуру.

Можно сказать, что наступила эпоха социализации бизнеса.

Пределы технологий задаёт человек. Он сам, целесообразно используя свои социальные возможности, воспроизводит эти возможности как технологии. И в настоящее время значимость духовного поля культуру в этом процессе проступила совершенно очевидно.

Осознание этого обстоятельства тормозится феноменом «отрешенности», иначе говоря, феноменом использования в конкретной деятельности лишь «ключевых» факторов, отвлечения от «второстепенного», то есть, факторов, не влияющих существенно на получение желаемого результата. Это неизбежный подход, связанный с невозможностью в человеческой практике, хотя бы учитывать все типы взаимодействия Мира. Но развивая себя и свою практику, человек меняет и состав факторов, которые необходимо учитывать при планировании своей жизни.

В состав ключевых факторов, определяющих конкурентные позиции бизнеса (останемся пока в рамках традиционного представления о целях бизнеса) во всё большей мере входят социальные факторы и понятия, такие как корпоративная культура, социальная ответственность, учет особенностей национальной культуры при ведении бизнеса, учёт вообще интересов всех заинтересованных лиц (даже уже выработано для этого понятие «стейкхолдеры»). Таким образом, наблюдается социализация бизнеса, формирование единой социальной системы воспроизводства социума.

На общесоциальном уровне этот процесс выражен институциональными теориями. Совершенно очевидно, что лишь органичное взаимодействие институтов власти и бизнеса порождает устойчивость в развитии социума, в том числе, и прежде всего через устойчивость представления о факторах формирования будущего в социуме.

На региональном уровне в этот процесс активно включаются региональный власти. Можно утверждать, что иерархия власти взаимодействует с «иерархией» бизнеса: от крупного до малого, включая индивидуальных предпринимателей. Предыдущий этап индустриального развития ориентировался прежде всего на крупный бизнес, так как ключевыми факторами успеха для бизнеса было эффективное производство материальных продуктов. Это отражало значимость удовлетворения материальных потребностей для большинства человечества. Духовность не входила в экономические понятия вовсе. Речь шла, по сути дела, о простом физическом выживании. А потому главным фактором был эффект масштаба и размеры первоначального капитала для создания подобного бизнеса. Но уже и в эту эпоху получали преимущества те страны, в которых социальное поле взаимодействия людей было включено в процесс создания и распределения материальных благ. Пример тому Англия.

В современную эпоху государственная иерархия и иерархия бизнеса сближаются по всей своей вертикали и внутри каждой из них. И регионы не должны рассматриваться с точки зрения ограничений, которые препятствуют развитию нового социального организма. Они должны стать необходимыми элементами этого процесса, формируя на своей территории органичные системы взаимодействия власти и бизнеса как внутри территории, так и с другими субъектами мирового континуума.

Указанные процессы требуют их осмысления. Видимо, вообще нет смысла рассуждать о «постиндустриальном» этапе развития человечества. Речь, видимо, идёт о более глубоком процессе преобразования социума в целом, что требует и развития системы категорий. Именно подобная система и может адекватно отобразить столь системные изменения социума.

ПОСЛЕДСТВИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В «ОБЩЕСТВЕ РИСКА»: ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КАТАСТРОФЫ

Д. Б. Гейнц –
аспирантка кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики

Последствия социальных действий, приводящих к рискообразующим ситуациям, многими исследователями определяется как угроза аннигиляции общества. Жизненные стратегии, необходимые для преодоления катастрофических последствий (в случае, если они проявились вовне), а также преодоление угроз и катастроф, потенциально содержащихся внутри постиндустриального общества, должны вырабатываться согласно религиозно-нравственному императиву, присущему тому или иному культурному сообществу. Религиозная ориентация, которая была утеряна в России в XX столетии, во многих областях социальной жизни оставила последствия разрушительного характера.

Катастрофы возникают по разным причинам и кажутся на первый взгляд совершенно не похожими и далёкими друг от друга. Процесс модернизации вносит качественные изменения в общественное устройство, предвосхищая зарождение новых социальных ориентаций, постулирующих идеалы потребительского отношения и признание опасности, «…которая не признает охранных зон и дифференциаций современного мира»[1;1].

Переосмысление устоявшихся социальных парадигм в области экологии, безопасности, экономики необходимо рассматривать не только со стороны экономических выгод, диктуемых обществом потребления, но и со стороны устоявшихся традиций, которые в современном обществе лавируют в сторону глубокого кризиса. «Процессы общественного производства и воспроизводства рисков всеобщи (всеохватывающи) именно потому, что замыкаются через среду – природную, техническую, социальную» [2; 8]. Модернизация, зависящая от потребительских способностей, выступает не только как источник обновления разных сфер общественного устройства, смешивая традиции и нравы в одноликое социально-экономическое пространство, но и способствует формированию «общества риска». «В обществе риска утилитаризм становится главенствующим принципом организации социального порядка и поддерживающих его институций» [2; 10].

Детрадиционализация выступает как проявление этого принципа и необдуманных социальных действий. Риски разного уровня возрастают и оставляют после себя последствия в виде угроз и потенциальных катастроф. «Созидание и разрушение трактуются социологией риска как норма

общественного производства. Более того, я полагаю, что всякое общественное производство имеет двойственную, созидательно – разрушительную природу» [2; 6]. Вопрос состоит лишь в том, каким образом положительные стороны модернизационных процессов направить на улучшение и нейтрализацию ситуаций, порождающих риски разного уровня. Восстановление ценностно-нормативной системы и отказ от экстремистских проявлений в обществе, во многом определяет религиозно-культурная ориентация социальной жизни, которая является точкой опоры отдельного человека и общества в целом. В случае отсутствия или искусственной её ликвидации (как это случилось в России) сдерживание нежелательных ситуаций и последствий может быть значительно затруднено, потому как утилитарное мышление и «отбрасывание» религиозной традиции «назад» ведет к разрыву, как в области культуры, так и в других сферах общественной жизни.

«Умственный отрыв от патристики и византинизма был, я уверен, главной причиной всех перебоев и духовных неудач в русском развитии» [3; 10]. Этот разрыв, конечно, исторически связан с обновлением власти в начале XX века в России, и искажению культурных традиций.

Растущая перманентная неопределенность, двойственность социальных изменений, зависящая от вероятности, конструирует социальный настрой на то, «… что сегодня никакие проблемы не могут быть решены «полностью и окончательно». Соответственно, никакой социальный порядок, никакая модель общественного устройства не могут трактоваться как устойчивые и тем более как идеальные» [2;7].

Здесь важно заметить, что метафизические причины, помимо внешних проявлений, считываемых социологией, являются тем, на что в первую очередь необходимо обратить внимание, при исследовании «общества риска» и дальнейшей детрадиционализации в сфере религиозной жизни и проблем связанных с ними. Основания в разрыве связей можно выявить в том, что общий декаданс имеет причины не только в социальных процессах, преобразующих постиндустриальное общество до регресса и декаданса культуры, но и в том, что понятие риска можно «вписать» в область метафизики. Катастрофический исход может быть оправдан в случае, когда принятые решения и действия, содержащие в себе риск, выводятся из акта веры. Вера же, является ключевым метафизическим понятием в любой религиозной традиции и жизни человека. И это на наш взгляд самое важное. Это та метафизическая причина, которой необходимо посвятить, во-первых, больше времени для исследования (прибегнув к катафатическому богословию), во-вторых, с помощью акта веры (и религиозной герменевтики) описать и по возможности оправдать действие рискообразующей ситуации в качестве проявления метафизики свободного акта. «Бог и есть гарантия свободы личности от порабощения власти природы и общества, царства кесаря, мира объектности. Это происходит в царстве духа, а не в царстве объектного мира.

И никакие категории объектного мира не переносимы на эти внутренние экзистенциальные отношения. Ничто в объектном мире не является подлинным экзистенциальным центром» [4; 3].

Например, С. Кьеркегор выводил возможность свободы через страх. Мы же готовы описать метафизику свободы через актуализацию риска, которую берёт на себя человек. Важно увидеть не голые факты, содержащие в себе катастрофический исход, а то, что катастрофа может быть прочитана как эсхатологический знак последнего обновления. Проблема онтологического разрыва в ситуации риска приобретает негативное значение только для социальной жизни, но не для внутреннего преобразования. Намеренное уничтожение возможности избежать угрозу, в эсхатологической перспективе (здесь можно сослаться на пример веры Авраама) показывает путь обретения свободы. Трансформация катастрофических последствий теперь будет зависеть от свободы человека и выбранного им пути. «Трансцендирование есть активный, динамический процесс, есть имманентный опыт человека, в котором человек переживает катастрофы, переносится через бездны, испытывает прерывность в своем существовании, но не экстериоризируется, а интериоризируется. Лишь ложная объективация трансцендирования, выбрасывание его вовне создает иллюзию трансцендентного, подавляющего личность и господствующего над ней. Трансцендирование в экзистенциальном смысле есть свобода и предполагает свободу, есть освобождение человека от плена у самого себя. Но свобода тут не легкость, а трудность, она проходит через трагическое противоречие» [4; 3]. Трагическая «самонадеянность» человека не всегда может удовлетворять и приводить к желаемому результату. Это зависит не только от того, на какой стадии саморазрушения «самости» находится человеческое «Я», но и от того, насколько самосознание способно раскрыть свое конечное предназначение.

И такой способ бытия, благодаря которому человек восстанавливает или разрушает связь с Богом, выпадая из «всеобщего», определяется свободным выбором Entweder – Oder («или-или»). Или другими словами, действием, содержащим в себе риск полной утраты. Но предполагаемый выбор и риск как будто вводит человека в область должного, в сферу этики, которая противоречит истории, связанной с поступком Авраама, однако именно выбор, совершенный в ситуации риска останавливает и тормозит инерцию сознания, указывая дальнейший путь к преображению. «… над моральными предписаниями возникают некие новые долженствования, новые обязывающие начала, представляющие собой абсолютное и непререкаемое совершенство, явно превосходящее исторически ограниченное и конкретно эмпирическое предписание нормы» [5; 102].

Посредством веры происходит стирание границы «разрыва». Катастрофу заменяет свобода. «Вера сама по себе является опытом, ведь акт веры – это чистой воды рискованное предприятие, когда человек полностью полагается на

Слово. Это можно сравнить с попыткой научиться плавать. Бросаясь в глубокую воду, человек, уже не размышляет над своей попыткой поплыть. Он больше живет теорией плавания, а идет на риск и понимает, что не тонет, тем самым оправдывая свою попытку. Вера также поддерживает нас вопреки любому риску. Лютер даже говорит, что тот, кто уверен в себе, возможно, на самом деле совсем не имеет веры и живет, исходя из рациональной рефлексии, а не из акта веры»[6; 79].

Таким образом, можно заключить, что риск предшествует возможной катастрофе с одной стороны, с другой, открывает возможность обретения свободы. Негативные события, возникающие как следствия свободного выбора и риска, ведут к обновлению и наступлению новой жизни. Эсхатологическая цель, стоящая перед человеком нового формата состоит в том, чтобы «общество риска» со всем багажом негативных последствий явилось катализатором в преобразовании последних апокалипсических событий, открывающими путь дальнейшего воскресения.

Список литературы:

1. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н.Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с. – Пер. изд.: Beck U. Risikogesellschaft. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986.

2. Яницкий О.Н. Риск в современном обществе. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции. http://ecsocman.hse.ru/data/2011/01/11/1214867044/Yanitskiy.pdf

3. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 848 с.

4. Бердяев Н.А. http://fanread.ru/book/3928437/?page=3

5. Кьеркегор С. Страх и трепет / С. Кьеркегор. – М.: Республика, 1993. – 109 с.

6. Шварц. Мартин Лютер. Введение в жизнь и труды \ Пер. с нем. (Серия «История Церкви»). – М.: Издательство ББИ, 2014. – 244 с.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ИНТЕРНЕТ-СУБКУЛЬТУР В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ

А.Н. Герасимова –
магистрант Тюменского государственного университета

Многие процессы, протекающие в обществе находят своё отражение в Интернет-среде, группы по интересам, существующие в реальном мире успешно существуют и в виртуальном пространстве. Но Интернет не только заимствует элементы реальности, он успешно создаёт свои. Таким элементом стали молодёжные Интернет-субкультуры, получившие распространение относительно недавно, примерно в 2000-ых годах. К таким субкультурам можно отнести троллей, геймеров и падонков.

В данной работе под геймерами мы будем понимать молодых людей, которые: играют в многопользовательские он-лайн игры, знают специальные игровые термины, общаются с другими игроками на специальных сайтах и форумах. Под падонками мы понимаем молодых людей, которые злоупотребляют ненормативной лексикой, склонны к нонконформизму, проявляющемуся во вступлении в Интернет-сообщества, отрицающие социальные нормы, намеренно допускают большое количество орфографических ошибок. Под троллями мы понимаем молодых людей, которые часто и беспричинно оскорбляют других пользователей Интернета, активно вступают в спор, ради спора, предпочитают анонимность, то есть общаются с другими пользователями, используя ненастоящее имя.

Несмотря на то, что данные субкультуры существуют, по большей части, лишь в Интернет-пространстве, они оказывают огромное влияние на современную молодёжь, а, значит, требуют пристального внимания и изучения, особенно если брать во внимание динамику их распространения, прямо пропорциональную распространению недорогого домашнего Интернета. Нельзя не отметить и то, что если геймеры и падонки являются относительно «нейтральными» субкультурами (то есть скорее не несут явно отрицательного или положительного влияния на пользователей социальных сетей и Интернета в целом), то тролли являются деструктивной субкультурой, которая может негативно повлиять как на формирование определенных социальных норм, принятых в социальных сетях, так и на психологическое состояние тех пользователей, которые подверглись влиянию данной субкультуры. Для подтверждения этой идеи нами был проведён экспертный опрос, основной целью которого было определение степени влияния Интернет-субкультур на молодых людей за пределами Интернета.

В ходе исследования было опрошено 13 экспертов, среди которых преподаватели ВУЗов, методисты из деканатов, руководители молодёжных

организаций. Основной целью экспертного опроса было выявление признаков субкультур, которые бы проявлялись у работников и студентов за пределами Интернета, а также экспертная оценка процессов формирования и развития Интернет-субкультур.

Все эксперты указали, что общаются со студентами (либо молодыми сотрудниками) постоянно, при этом нередко обсуждают темы, которые касаются личной жизни и интересов. Некоторые эксперты пояснили, что в диалог вступают только с теми, кто расположен к беседе, двое указали, что дружеское общение составляет основу их организации (директора анти-кафе).

Наиболее яркими признаками, которые помогают выявить геймеров в реальной жизни, является употребление специфических терминов и постоянные разговоры об играх. На наличие таких признаков указали 5 экспертов. При этом трое отметили, что играют не все. На вопрос о том, считают ли эксперты, что их работники (студенты) уделяют много времени он-лайн играм, трое ответили, что согласны с этим утверждением, а ещё трое подчеркнули, что не все студенты уделяют много времени играм, больше времени они уделяют он-лайн общению. Также пятеро экспертов отметили, что часто слышат специфические игровые термины, ещё один эксперт отметил, что слышит такие термины, но редко.

Для выявления троллей в реальной жизни нельзя использовать анонимность, которая в Интернете позволяет почти однозначно утверждать, что перед нами тролль, либо человек, перенимающий поведение троллей. В реальной жизни потенциального тролля можно узнать только по беспричинным конфликтам, которые он старается разжечь на пустом месте, то есть переносит «троллинг» из виртуальной реальности в повседневную жизнь. Из 13 экспертов только один однозначно ответил, что наблюдал беспричинные конфликты между молодыми людьми, когда один намеренно оскорблял другого без видимой на то причины. Ещё два эксперта отметили, что редко становятся свидетелями конфликтов, но не уверены, что они происходили без причины. Также один эксперт отметил, что «между дружескими подколами и конфликтами очень тонкая грань».

Признак, по которому можно узнать падонков в реальной жизни, наиболее очевиден. Это употребление намеренно искажённых слов, то есть слов с нарушением орфографии. На такое поведение молодых людей указали четверо экспертов, при этом в качестве примера они привели такие выражения, как «аффтар», «камменты», «узбагойся». Ещё трое экспертов указали, что слышат подобное искажение слов очень редко и не уверены были ли эти искажения намеренными. Конкретных примеров они не смогли привести.

Для выяснения масштабов распространения субкультур экспертам были заданы вопросы о том, часто ли они сталкиваются с представителями Интернет-субкультур, а также согласны ли они с утверждением, что с дальнейшим распространением Интернета их число будет увеличиваться.

Чаще всего эксперты указывали, что сталкиваются с троллями. Один эксперт указал, что встречает их среди подростков и в реальной жизни, 6 экспертов отметили, что встречают троллей часто, при этом трое подчеркнули, что они есть почти во всех обсуждениях в социальных сетях, а один эксперт указал, что тролли появились почти одновременно с возникновением сетевого общения, когда появилась возможность действовать анонимно. Кроме того один эксперт отметил, что троллями являются организаторы группы «Подслушано» (подобного рода группы в социальных сетях были созданы для того, чтобы пользователи могли анонимно присылать свои мнения на различные темы). Он также подчеркнул, что они уже обратились по поводу данной группы, в которой в основном сидят студенты их ВУЗа, в полицию с тем, чтобы организаторы данной группы были найдены и эта группа закрыта. Ещё один эксперт указал, что сталкивается с троллями редко, а четверо, что не сталкивались с ними. Только четверо экспертов отметили, что сталкиваются с троллями, при этом двое из них отметили, что геймеры встречаются очень редко. Пятеро экспертов отметили, что сталкивались с падонками, трое подчеркнули, что встречали их в комментариях в социальных сетях, а ещё один эксперт указал на то, что падонки в основном встречаются на сайте udaf.com, на других сайтах вероятность встретить их очень мала, так как мода на них прошла, но «раньше целые рассказы писали с ошибками, но это оказалось трудно, поэтому сошло на нет». При этом примерно половина экспертов (7 человек) указали, что с дальнейшим распространением Интернета увеличиться и число молодых людей, которые относят себя к Интернет-субкультурам.

Одной из значимых задач экспертного опроса было выяснение причин возникновения Интернет-субкультур. Чаще всего эксперты в качестве причин указывали желание выделиться, выразить себя. Двое экспертов указали, что молодёжи хочется нового, поэтому они увлекаются Интернет-субкультурами, а ещё один эксперт отметил, что Интернет-субкультуры заменяют комсомол и пионеров. Двое экспертов указали в качестве причины чувство одиночества и стремление принадлежать к какой-то общности. Помимо перечисленных были названы такие причины, как «недостаток духовности», «появление свободы слова» и то, что «Интернет упрощает общение».

Экспертов спрашивали также о том, мешает ли принадлежность к субкультурам жизни, и как можно бороться с появлением субкультур. 7 экспертов считают, что Интернет-субкультуры мешают жизни, так как «Интернет воспринимается как вторая реальность, если не первая», «не выполняют реальную деятельность». Четверо экспертов отметили, что Интернет-субкультуры не мешают нормальной жизни. Они объяснили это тем, что «Интернет позволил слить агрессию», «постепенно из этого вырастают», «это нормально». Кроме того один эксперт указал, что субкультуры не мешают, а, наоборот, помогают в жизни, так как развивают креативность, позволяют

сформировать разносторонние взгляды, а ещё один эксперт отметил, что не может судить о том, мешает ли принадлежность к Интернет-субкультурам, так как не знаком с представителями Интернет-субкультур.

На вопрос о том, нужно ли бороться с появлением Интернет-субкультур, ответы экспертов также не были однозначны. Восемь экспертов отметили, что нужно бороться с появлением субкультур. В качестве основных методов были указаны следующие:

- включение студентов в совместную деятельность, создание кружков (2 эксперта);
- воспитание в семье, в школе (3 эксперта);
- пропаганда ЗОЖ, увлечений, спорта (1 эксперт).

Трое экспертов из отметивших, что нужно бороться с появлением Интернет-субкультур, указали, что бороться нужно только с троллями (на межличностном уровне: игнорировать их либо обращать их слова в шутку), а с падонками и геймерами бороться нет необходимости. Пятеро экспертов считают, что с появлением Интернет-субкультур нет необходимости бороться. Двое из них отметили это с оговоркой, что не нужно бороться, «пока это не мешает жизни других людей», один эксперт подчеркнул, что «бороться нет смысла, так как Интернет – лишь отражение общества, и если измениться общество, то изменится и Интернет». Ещё один эксперт отметил, что не нужно бороться, так как «человек постепенно вырастет из этого». Кроме того один эксперт объяснил свою позицию тем, что субкультуры не всегда несут только отрицательное.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Интернет-субкультуры получают всё большее распространение (большинство экспертов указывали, что встречают представителей субкультур в социальных сетях), но редко проявляют себя за пределами Интернета. Так, только 5 из 13 экспертов замечали за молодыми людьми признаки геймеров, один – признаки троллей и семь – признаки падонков. Основными причинами появления Интернет-субкультур эксперты считают ценности, которые существуют в обществе, а также потребность молодых людей находиться среди людей, близких им по духу, и потребность выражать себя. Не все эксперты воспринимают Интернет-субкультуры как деструктивное явление. Только половина экспертов отметили, что принадлежность к субкультурам мешает жизни, примерно столько же отметили, что принадлежность к субкультурам не мешает, а один эксперт указал, что она наоборот помогает в жизни. Необходимость борьбы с Интернет-субкультурами отмечали также не все эксперты, из них многие отмечали, что бороться нужно только с троллями. Основные методы борьбы, которые были указаны экспертами, заключаются в следующем: возрождение ценностей семьи, пропаганда здорового образа жизни, включение молодых людей в другую деятельность.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что Интернет-субкультуры проявляют себя в реальной жизни (наиболее часто заметны признаки падонков), но при этом тролли остаются только Интернет-субкультурой. Это связано с тем, что их упование на анонимность в Интернете в реальной жизни не действует, и они вполне могут быть наказаны за своё поведение. Бороться с Интернет-субкультурами нужно, так как они в большинстве случаев мешают нормально функционировать индивидам.

Список литературы:

1. Щепанская Т.Б. Традиции городских субкультур/ Т.Б.Щепанская // Современный городской фольклор, 2003. – № 1. – С.27 – 33.
2. Акулич, М.М. Интернет-троллинг: понятие, содержание и формы / М.М. Акулич // Вестник ТюмГУ. – 2012. – № 8. – С. 47-54.
3. Геймер. [Электронный ресурс] // Википедия, свободная энциклопедия. – Режим доступа: ru.wikipedia.org (Дата обращения: 14.04.14)
4. Падонки. [Электронный ресурс] // Википедия, свободная энциклопедия. – Режим доступа: ru.wikipedia.org (Дата обращения: 16.04.14)

ИЗМЕНЕНИЯ В МАТЕРИАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ ПЕДАГОГОВ В ГОДЫ РЕФОРМ: ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

М.А. Головчин –
к.экон.н., научный сотрудник Института социально-экономического развития территорий РАН,

Т.С. Соловьева –
младший научный сотрудник Института социально-экономического развития территорий РАН

Развитие кадрового потенциала сферы образования имеет особо важное значение для формирования инновационной экономики. Однако достижению данной цели препятствует целый ряд негативных тенденций общих для всех регионов России, таких как феминизация педагогической профессии, сокращение и старение учительства, нехватка педагогов начального образования, низкий уровень ротации педагогических кадров, нежелание молодых специалистов работать в сельских школах из-за низкого уровня жизни на селе.

За годы постсоветской трансформации государственных институтов и общественных отношений в России (с 90-х гг. XX в. по настоящее время) экономическое и социальное положение педагогов претерпело ряд качественных изменений. Все эти изменения имеют свои причины, следствия, подвержены определенной исторической логике и определены, прежде всего, этапами реформирования самой системы образования.

Российская классическая средняя школа, до недавнего времени являвшаяся самой консервативной частью института образования, на протяжении последних двух десятилетий стала центром внимания властей, пребывая в состоянии непрерывного реформирования, которое было инициировано органами власти с целью приведения трендов развития образовательной системы к требованиям и запросам времени.

В начале реформ преобразования носили скорее бессистемный, экспериментальный характер. Первые инициативы реформаторов становились предметом оживленных и серьезных дискуссий (особенно в профессиональной среде педагогов). По данным всероссийского опроса учителей, проведенного Институтом социологии РАН осенью 2011 – весной 2012 г. в 41 регионе РФ, большинство (54%) респондентов характеризовали сложившуюся вобразовании ситуацию как кризисную [2; 15].

Постепенно иссякал психологический потенциал учительства, основанный на доверии к государству, надеждах на лучшее будущее, позитивные перемены. По данным социологических измерений в 2011 г., политика Министерства образования и науки РФ вызывала наибольшее беспокойство у 81% российских учителей [4; 103].

Подобные оценки серьезно повлияли на дальнейшие реформаторские инициативы. Ведь без опоры на учителя как центральную фигуру образовательного процесса преобразования проводить было достаточно затруднительно. Учителя традиционно являются своего рода проводником государственной идеологии [1; 95].

Понимая важность решения сложившегося в 2000-е годы комплекса кадровых проблем системы образования, государственные органы власти предпринимают усилия по их преодолению. В частности, в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. №597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» предусмотривалось, что в 2012 году средняя заработная плата педагогических работников образовательных учреждений общего образования должна быть доведена до средней заработной платы в соответствующем регионе. В дальнейшем это положение было законодательно закреплено в Федеральном законе от 29.12.2012 г. «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ.

По итогам I кв. 2015 г. целевое соотношение (100% от среднего уровня по региону) было достигнуто в 71 субъекте Российской Федерации. В значительном числе регионов это значение превысило 100%. За период 2012-2014 гг. в Вологодской области зарплата учителей школ выросла в 1,5 раза (с 17,8 до 26,6 тыс. руб. соответственно). В I кв. 2015 г. соотношение между оплатой труда педагогов и средним уровнем по экономике региона составило 103%. Наиболее «отстающими» субъектами являются автономные округа Сибири и Дальнего Востока, а также республики Коми и Карелия, Псковская, Ивановская и Тюменская области [3; 158].

Наличие положительных изменений в оплате труда продемонстрировали данные двух волн опроса педагогов общеобразовательных учреждений Вологодской области, проведенного ИСЭРТ РАН в 2011-2015 гг. Так, если в 2011 г. увеличение оплаты труда отмечал 31% педагогов, то в 2015 г. их доля возросла до 49% (таблица). Однако рост произошел в основном за счет повышения удельного веса тех, кто считает увеличение заработной платы несущественным.

Распределение ответов на вопрос: «Как изменилась Ваша зарплата в течение последних трёх лет?» (в % от опрошенных педагогов)

Варианты ответов	2011 г.	2015 г.
Существенно увеличилась	1,5	7,3
Несущественно увеличилась	29,4	42,4
Осталась без изменений	27,4	20,8
Несущественно уменьшилась	13,7	11,2
Существенно уменьшилась	16,8	8,9
Затрудняюсь ответить	11,2	9,4

Источник: Данные мониторинга экономического положения и социального самочувствия педагогов общеобразовательных школ Вологодской области, ИСЭРТ РАН (2015 г. – 457 чел., 2011 г. – 394 чел.)

За рассматриваемый период времени выросла доля учителей, которые положительно характеризуют материальное положение своих семей (с 48 до 64%). Соотношение фактического дохода и прожиточного минимума всего населения Вологодской области в целом и учителей, в частности, показало разновекторные тенденции: в целом по населению региона снизилось (2011 г. – 1,4 раза, 2015 г. – 1,3 раза), а в группе педагогов – выросло (с 1,3 до 1,5 раз; табл. 6).

Однако следует отметить, что самооценка материального положения среди молодых учителей не столь высока в сравнении со «стажистами». Приемлемым свое финансовое положение считают 43% работающих в школе до 3-х лет и 70% – свыше 30 лет. Причиной этого является разрыв в заработной плате педагогов, получающих доплаты за квалификационную категорию, и преподавателей ее пока не имеющими.

В связи с этим, молодые специалисты находятся в неравном положении и в отношении покупательной способности своих заработков. Так, среди опрошенных педагогов со стажем до 3-х лет 32% могут позволить себе максимум приобретение продуктов питания. Среди педагогов со стажем подобным образом свои доходы оценивает лишь четверть (25%).

Это говорит о важности увеличения базовых окладов заработной платы педагогов, что сформировало бы приемлемые стартовые условия для молодых специалистов и их закрепление в профессии.

Список литературы:

1. Ежеленко, Б.Б. Учитель как субъект государственной политики в деле воспитания личности / Б.Б. Ежеленко // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2008. – №1. – С. 91-99.

2. Остапенко, А.А. Реформа глазами учителей / А.А. Остапенко // Директор школы. – 2014. – №1. – С. 15.

3. Типенко, Н.Г. Заработная плата в образовании в 2013 г.: межрегиональный анализ, тенденции и перспективы / Н.Г. Типенко // Вопросы образования. – 2014. – №4. – С. 148-169.

4. Хагуров, Т.А. Реформа образования глазами учителей и преподавателей / Т.А. Хагуров, А.А. Остапенко // Социологические исследования. – 2014. – №11. – С. 103-107.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

М.Н. Мокина –
студент магистерской программы
“Социология управления” Тюменского
государственного университета

Е.В. Голубкова –
студент магистерской программы
“Социология управления” Тюменского
государственного университета

Система высшего профессионального образования в России претерпевает существенные изменения. Институты становятся академиями, академии – университетами. Число государственных университетов растет. Российские вузы укрупняются, и эта тенденция будет усиливаться.

Особую поддержку государства получают федеральные и национальные исследовательские университеты.

Такие изменения обусловлены, в первую очередь, новыми социально – экономическими условиями деятельности ВУЗов, а именно:

- тесное взаимодействие вузов с предприятиями и организациями – работодателями, органами местной и федеральной власти. Потребность в высококвалифицированных и инициативных работниках обостряется в новых условиях, ведет к естественной интеграции вуза и основных работодателей, потребителей их услуг. Интеграция позволяет работодателям действенно участвовать в формировании и оснащении программы обучения, закладывать в условия специализации свои технологические «платформы», активно знакомиться с будущими выпускниками, привлекая их для прохождения практики и участия в проектах по своей проблематике;
- невозможность обеспечения эффективной деятельности вузовских кафедр и факультетов без учета внешней среды [1, с. 3]. Преподавателям вузов необходимо тесное взаимодействие с внешней средой, ведь только в этом случае они смогут дать объективные знания и умения на определенной ступени развития студентов в определенное время, с учетом изменения существующей действительности;
- рост численности преподавателей и сотрудников вузов в связи с наблюдавшимся в последние годы интенсивным ростом выпуска специалистов;
- появление большого количества новых факультетов и кафедр, массовое открытие новых специальностей. Для новых социально-экономических условий также характерно открытие множества новых

специальностей, это связано, во-первых, с тем, что наука не стоит на месте, она развивается, и поэтому создаются новые специальности для подготовки будущих поколений, во-вторых, образование становится более доступным, так как его можно получить на коммерческой основе, кроме того, сложившиеся стереотипы современного общества способствуют этому. Таким образом, увеличивается и преподавательский состав для обучения такого количества абитуриентов;

- оснащение вузов техническими средствами, вычислительной техникой, а также интенсивная компьютеризация учебного процесса и развитие информационных технологий. С развитием научно-технического прогресса в новых социально-экономических условиях вузы все больше и больше оснащаются компьютерами, проекторами, вычислительной техникой, в результате чего, происходит компьютеризация учебного процесса;
- рост значения и объема научных исследований на кафедрах, возрастание требований к качеству НИР, проверка работ на антиплагиат, повышение роли научной деятельности преподавателей и студентов при оценке высших учебных заведений. Для современного учебного курса также характерен рост значения и объема научных исследований на кафедрах, а также непосредственное привлечение студентов к данному делу. Возрастают требования к качеству научно-исследовательских работ, так как регулярно все письменные работы студентов проходят проверку в системе «антиплагиат»;
- необходимость решать проблемы финансового обеспечения и внебюджетного финансирования деятельности вуза, что способствует формированию и развитию коммерческой деятельности вуза;
- отсутствие централизованного распределения выпускников, необходимость такой их подготовки, чтобы они были востребованы работодателями;
- ужесточение порядка лицензирования, аттестации и аккредитации вузов в связи с развитием негосударственного образования;
- другой качественный состав студентов, возможность обучения на коммерческой основе;
- необходимость интеграции российского образования в мировой образовательный процесс.
- рост квалификации преподавателей, удельного веса лиц с учебными степенями и званиями, повышение уровня требований к организации учебно-воспитательного процесса. Система подготовки и аттестации научных кадров, как и система высшего профессионального образования, в последнее время испытывает большие потрясения и изменения, непосредственно связанные с социально-экономическими переменами в России.
- ясное и четкое профилирование вузов. Это, конечно, не исключает достаточно большого набора специализаций в вузах больших стран, т. е. стран, которые специализируются в производстве больших групп товаров и услуг;

- привлечение к процессу подготовки специалистов не только отечественных преподавателей, но и лучшей профессуры из других стран, т. е. значительное развитие международной мобильности профессорско-преподавательского состава;
- резкое усиление связи вузов со всеми реальными сферами жизнедеятельности общества, т. е. более широкое вовлечение в процесс обучения специалистов-«производственников» из этих сфер.

Высшее образование все более становиться массовым. Происходит динамичное преобразование высшего образования по институциональным формам, уровням и содержанию. Так же набирает силу тенденция интернационализации высшего образования, расширение его масштабов ставит проблему качества обучения и проблему финансирования растущих масштабов высшего образования.

Кроме того, оно испытывает все большее влияние профессиональных объединений, которые в свою очередь требуют от высшего образования ускорить вхождение учащихся и выпускников на рынок труда и повысить их готовность к работе в профессиональной среде.

Современная ситуация на рынке труда предъявляет серьезные требования к подготовке кадров в системе высшего профессионального образования. Все более востребованными становятся компетентные выпускники ВУЗов, способные эффективно работать в новых динамически изменяющихся социально-экономических условиях. В процессе их подготовки главенствующую роль приобретает ориентация на личность и компетентность, позволяющая существенно сократить период освоения профессии и повысить конкурентоспособность.

При переходе к инновационному развитию экономики обеспечение новых требований к кадровому потенциалу становится ключевым направлением воспроизводства работников с высшим образованием. Среди этих требований можно выделить, на наш взгляд, основные: компетентность, адаптивность, мобильность и инновационность.

Отличие компетентного специалиста от квалифицированного заключается в том, что первый не только обладает определенными знаниями, умениями и навыками, но и способен реализовать и постоянно реализует их в работе.

Компетентный специалист способен выходить за рамки предмета своей профессии, обладает творческим потенциалом саморазвития. Он несет самостоятельную ответственность за принятое решение, определяет цели, исходя из собственных ценностных ориентаций.

Компетентность предполагает наличие у человека внутренней мотивации к качественному осуществлению своей профессиональной деятельности, присутствие профессиональных ценностей и отношение к своей работе как к ценности. Любая модель компетенций останется нежизненной без

сильного желания специалиста преуспеть и его стремления идти к намеченной цели, невзирая на субъективные и объективные сложности. Поэтому основной задачей системы образования является формирование у студентов самомотивации, что позволит им в дальнейшем максимально раскрыть индивидуальные способности и претендовать на достойную занятость.

«Адаптивность – это способность человека быстро приспособиться к изменяющимся внешним условиям, новой ситуации и требованиям. Речь идет о гибкости, выносливости, умении выполнять задания достаточно быстро, но не опережая время, действуя по обстановке» [2, с. 20].

Под мобильностью понимается способность гражданина к перемене его трудовых функций по форме, содержанию и местоположению на основе сознательного выбора и условий для его реализации. Перемена труда может осуществляться во времени, в пространстве, а также во времени и в пространстве одновременно.

«Инновационность – это способность к усовершенствованиям, созданию нового в своей профессии, пусть даже в малых масштабах (новый метод, прием и т.д.), обладание навыками участия в проектных мероприятиях. Развитие инновационности происходит в пространстве всей мировой цивилизации, при этом решающая роль в этом процессе принадлежит высшему образованию, которое имеет возможность создать предпосылки для того, чтобы личность, ориентируясь на образцы, нашла свое место, научилась преобразовывать традиции, видеть перспективу» [2, с. 22].

В связи с развитием инновационности, следует обратить внимание и на тот факт, что в ходе реформ в нашей стране произошли большие потери в целях и ценностях, которые вкладываются в массовое сознание. В студенческой среде постепенно проявляются негативные тенденции: складывается утилитарный тип мышления, невостребованные творческие способности в условиях культа потребления постепенно угасают, торжествует идеология индивидуализма, отрицающая высокие достижения человеческого интеллекта и соответственно сам дух инновационности.

Достижение положительных результатов реформ в области высшего образования возможно при достижении соответствия между структурой выпуска из вузов и структурой спроса на кадры высшей квалификации на рынке труда. В свою очередь, это может быть достигнуто только за счет совершенствования планирования приема в высшие учебные заведения.

Подготовка высококвалифицированных научных кадров всегда была и есть приоритетной задачей, стоящей перед системой образования Российской Федерации. Одной из острейших проблем современной российской науки является необходимость сохранения и развития научных традиций и широкого спектра направлений научных исследований. Из-за хронического недофинансирования в 90-е годы прошлого века система воспроизводства научных кадров была подорвана.

Список литературы:

1. Барабанер, Х. Интеграция и модернизация высшего образования как важнейший элемент мировой системы антикризисных действий / Х. Барабанер // Партнерство цивилизаций. – 2013. – № 3. С. 70.

2. Бондырева, И. Б. Взаимодействие вузов и предприятий по подготовке кадров для инновационного развития / И. Б. Бондырева // Журнал «Теоретическая экономика». – 2011. – №3. – С. 19-22.

3. Нижегородцев, Р. М., Резник, С. Д. Управление высшим образованием и наукой: опыт, проблемы, перспективы: Моногр./ Р.М. Нижегородцев; Под общ. ред. Р.М. Нижегородцева, С.Д. Резника. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 400 с.

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОЦЕНКАХ РАБОТОДАТЕЛЕЙ ТРЕХ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

И.Д. Горшкова –
к.филос.н., доцент кафедры социологии
Российского технологического института
им. Д.И. Менделеева

Цель исследования состояла в изучении мнений работодателей о качестве подготовки молодых специалистов и опыте привлечения работодателей к созданию образовательных программ и организации образовательного процесса. Методом глубинного интервью летом 2012 года в Саратове, Екатеринбурге и Твери были опрошены 53 представителя организаций-работодателей, в чьи компетенции подбор и прием на работу персонала и следующих сфер деятельности: промышленность; машиностроение; техника и оборудование; производство оборудования для нефтегазовой отрасли; энергетика; связь; строительство; банковские услуги; страхование; консалтинг; конструкторские и научно-исследовательские разработки; учреждения образования и культуры; рекламные услуги; полиграфия; гостиничный бизнес; туризм; общественное питание; сельскохозяйственное производство.

Мнения работодателей об общем уровне подготовленности выпускников учреждений профессионального образования, различались: от полной удовлетворенности до резкой критики. Те респонденты, которые давали высокие оценки подготовленности выпускников, объясняли это или наличием тесной связи предприятия с конкретными учебными заведениями, или редким по нынешним временам качественным преподавательским составом, хорошо организованной практикой. Большую часть критиков не устраивало то, что у выпускников преобладают теоретические знания, не хватает знаний профильных предметов (много пробнлов), нет подкрепления теории практическими навыками. Наличие пробелов означает, что предприятию необходимо дополнительно вкладываться в выпускников – прикреплять кураторов, наставников, учить/переучивать, готовить заново для своих потребностей и при этом иметь риск, что через некоторое время обретшие опыт молодые специалисты эти предприятия покинут.

Звучали мнения, что проблемой образования является не только пробелы с практическими знаниями, но и невысокий уровень теоретических знаний выпускников, на что обращают внимание респонденты, прямо занятые со сферой научно-исследовательских работ.

Откровенные критики констатировали, что уровень подготовки и высшего, и среднего специального, и среднего общего по сравнению

с советскими временами резко упал, платность образования негативно отразилась на уровне подготовки студентов, а, значит, и выпускников, знания преподавательских кадров излишне академичны или устарели, учебники не отвечают требованиям современного уровня развития предприятий, методические рекомендации к учебному процессу не соответствуют духу времени.

Ниже, чем у инженерно-технических специальностей, оценивалась подготовка выпускников учреждений, которые дают экономическое, социально-гуманитарное знание, особенно это касается новых направлений, например, рекламы. Часто звучала негативная оценка подготовки по специальности менеджер. Выпускники с такой специальностью часто оказываются в ложном положении, когда претендуют на руководящую позицию, не имея практического представления о том, чем намереваются управлять. Распространенная проблема выпускников – неадекватные зарплатные (завышенные) ожидания, которые не соответствуют их опыту и компетенциям.

Представители предприятий, которые имеют филиалы в районах, жаловались на то, что выучившаяся в областном центре молодежь с крайней неохотой возвращается к себе в «глубинку».

Большинство респондентов подтвердило, что на их предприятиях и в организациях за последние годы заметно возрос уровень требований к работникам из-за внедрения современного оборудования, новых технологий, материалов, программного обеспечения, потребностей знания иностранных языков, знаний конкурентной среды. Очевиден запрос на более четкую профильную подготовку специалистов. Также указывалось на востребованность таких качеств как коммуникабельность, клиентоориентированность, неконфликтность, активность в командообразовании, креативность мышления, стрессоустойчивость, готовность к изменениям и пр.

Большинство опрошенных работодателей не имеют существенного опыта приема на работу бакалавров и магистров и сравнительного наблюдения за их успехами в работе. Основная часть респондентов заявляла, что для них важнее реальные люди, их поведение, знания, которые тестируются при приеме на работу, какие рекомендации дают преподаватели, что показывает испытательный срок.

Вместе с тем некоторые работодатели выражали настороженное отношение к диплому бакалавра. Особенно критичны были те респонденты, у кого собственные дети обучались по новой системе. Основная претензия – скомканность последних (главным образом специальных) курсов у бакалавров, неоправданная растянутость обучения в магистратуре. Однако были и респонденты, которые видели возможность рационального использования разного уровня подготовки выпускников вузов, полагая, что магистратура дает более широкий уровень образования и знаний, а бакалавры, не обладая

избыточными теоретическими знаниями, могут быть успешны там, где ценны конкретные практические навыки.

О существовании на текущий момент регламентов по должностному разделению при приеме бакалавров и магистров никто из опрошенных не сообщил. Вместе с тем отмечалось, что разница в подготовке в конечном счете отразится на восприятии выпускников разных ступеней и скажется на должностях, которые им будут предлагаться. Ряд работодателей полагают, что магистры все-таки имеют знания глубже, более сформированы как личности, а потому являются более предпочтительными кандидатами. Сообщалось, что крупные предприятия могут идти путем создания дружественной или своей собственной магистратуры, набирая в нее бакалавров, которые закончили обычные (нередко периферийные) учреждения профессионального образования.

Подготовка выпускников с высшим образованием, как правило, оценивалась выше, чем уровень подготовки выпускников со средним техническим образованием. Объяснялось это как большим объемом знаний, так и тем, что выпускники ВУЗов старше, а значит, серьезнее относятся к имеющемуся рынку труда. Однако в отдельных случаях приоритет отдавался выпускникам техникумов (в том числе, заочных отделений) при условии, что они обладали серьезным практическим опытом, который перевешивал ценность хоть и больших, но, как правило, слишком теоретических знаний студентов ВУЗов.

Большинство организаций в той или иной форме взаимодействуют с учреждениями профессионального образования. Главным образом назывались вузы, колледжи и лицеи своих городов. Однако в тех случаях, когда работодатели нуждались в редких специальностях, они сотрудничали с учебными заведениями (преимущественно вузами) из других городов, включая Москву и С-Петербург.

Некоторые предприятия имеют (или курируют) в ВУЗах свои кафедры, факультеты, другие поддерживают договорные отношения, у третьих отношения строятся на основе неформальных контактов, устных договоренностей. По большей части эти контакты стали складываться в самое последнее время, когда предприятия стали реально ощущать потребность в хорошо подготовленных кадрах и ставить перед своими кадровыми управлениями задачи привлечения перспективных молодых специалистов.

Характеризуя заинтересованность сторон и эффективность взаимодействия «учебное заведение – предприятие» респонденты высказывались по-разному, но чаще сдержанно. Для одних работодателей эти связи и взаимодействие – важные канал для подбора своих будущих кадров. Для других предприятий эти отношения нередко оборачиваются не вполне оправданной обузой. Иногда констатировалось отсутствие взаимной заинтересованности и пассивность в деле сотрудничества учебных заведений и

предприятия. В целом отмечалось, что все-таки именно предприятия (хотя и не все) чаще всего являются инициаторами контактов с учебными заведениями, хотя в последнее время стала наблюдаться активность и со стороны некоторых учебных заведений.

Основная форма взаимодействия учреждений профессионального образования и работодателей – производственная, в том числе, преддипломная практика. В числе других форм взаимодействия назывались:

- стажировки, организация летних студотрядов;
- программы поддержки (дополнительные стипендии для лучших студентов, аспирантов, гранты преподавателям);
- поддержка материально-технической базы учебного заведения;
- предоставление собственной материально-технической базы, материалов для подготовки дипломных работ;
- презентации, экскурсии на предприятия, проведение дней открытых дверей, приглашение в качестве зрителей на конкурсы профессионального мастерства, дни работы на предприятии;
- участие в учебной работе (проведение семинаров, практических занятий, деловых игр, ведение спецкурсов, чтение лекций, руководство курсовыми, дипломными работами) специалистов предприятий;
- участие представителей работодателей в экзаменах, при защите дипломов;
- участие в попечительских советах;
- приглашение для чтений лекций известных зарубежных и отечественных специалистов;
- конференции на базе предприятий с участием студентов, аспирантов, преподавателей, специалистов из других стран;
- проведение конкурсов, чемпионатов, организация клубной работы для студентов;
- участие в ярмарках вакансий, сотрудничество со студенческой биржей труда;
- трудоустройство выпускников через многостороннее сотрудничество (учебное заведение–центр занятости–предприятие);
- разработка и реализация учебных программ по дополнительной подготовке вузами специалистов предприятий, подготовка и переподготовка кадров, которые работают на предприятиях не по своей специальности.

Перспективы развития взаимодействия учреждений профессионального образования и предприятий-работодателей, помимо уже существующих форм, опрошенным видятся:

- в безусловном наращивании практического компонента в образовании, в большей ориентации на потребности реального рынка труда;

- в установлении более долгосрочных и основанных на заключении договоров отношений между руководством учреждений профессионального образования и предприятиями;

- в совершенствовании проведения производственной, преддипломной практики (включая, оплату практикантам, назначения кураторов за практику от учебного заведения);

- в более широком и последовательном вовлечении в учебные процессы специалистов-практиков путем создания соответствующей мотивации и дополнительной педагогической/тренерской подготовки;

- в совершенствовании форм переподготовки преподавателей на производственных базах, в организациях;

- в поддержке и развитии научных исследований, которые в том числе смогут усилить содержание учебных процессов;

- в организации шефства со стороны предприятий над отдельными учебными подразделениями, студенческими группами в целях последовательного формирования своих будущих специалистов;

- в целях повышения эффективности взаимодействия необходимо простраивать полную цепочку подготовки специалистов, а значит, учреждениям профессионального образования активнее работать со средними заведениями, школами;

- в готовности работодателей заблаговременно сообщать о своих потребностях в кадрах, при этом ожидается, что организация и координация такого сбора информации должна быть возложена на департаменты образования;

- в развитии гибкой системы целевой подготовки, при которой предприятия смогут более эффективно вкладывать свои средства, минимизируя риски приобретения кота в мешке;

- в поощрении (через систему льгот) обучения по интересующим предприятия специальностям детей сотрудников;

- в поиске современных форм, аналогичных советскому распределению и закреплению молодых специалистов;

- в развитии обучения без отрыва от производства;

- в налаживании эффективной обратной связи ВУЗы/СУЗы, с одной стороны, рынка труда, с другой стороны; в развитии служб занятости, которые смогут эффективно помогать подбирать предприятиям будущих сотрудников из числа выпускников учреждений профессионального образования;

- в усилении роли и ответственности государства за учебной процесс в части приобретения выпускниками практических навыков;

- в более широких пересмотрах политики в области образования и профессиональной деятельности.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ

И.Л. Грошев –
доцент, к.социол.н., доцент Тюменского государственного нефтегазового университета

И.А. Грошева –
докторант, к.социол.н., доцент Тюменского государственного нефтегазового университета

Центральным качеством любой социальной системы выступает «равновесие», формирующее согласованную и взаимосвязанную совокупность свойств каждого элемента, что в общем виде характеризует систему как уникальный и неповторимый субъект. Однако равновесие совершено не предполагает стремление к абсолютной стабилизации (устойчивости), скорее напротив – как ответная реакция на внешне воздействие, когда любой элемент системы испытывает деформирующее влияние, возникает группа сил, не только противодействующих вносимым изменениям, но и целенаправленно изменяющая свойства (в том числе и функциональную нагрузку) тех элементов, которые в данный момент не подвергались внешней агрессии. На выходе социальной системы окажутся безопасность, эффективное принятие решений и др. Это своеобразные социальные технологии в производственных цепочках. Но, как и производственные технологии, они имеют два специальных свойства. С одной стороны – это благо, расширяющее возможность выбора, с другой стороны, внедрение института, нового для общества может иметь отрицательные последствия [1; 410]. При таком положении, попытка усовершенствовать, как-то изменить свойства только одного элемента, пусть даже с весьма позитивными намерениями, приводит к перераспределению свойств, при котором сторонний элемент приобретает дополнительный набор негативных функций.

Например, борьба с коррупцией, имеющая циклический, выборочный эффект не решает проблему, а порождает своеобразную «волну», затрагивающую всю социальную систему и дающую прямо противоположный результат. Публично разрекламированные примеры поимки с поличным взяточников самых высоких уровней, не только не имеют воспитательного эффекта, а, скорее, создают опасный прецедент безнаказанности в сознании индивида. Иначе как можно объяснить, что за период с 01 сентября 2014 года по 31 августа 2015 года, средний размер взятки в России увеличился по сравнению с предыдущим аналогичным периодом на 40,7% и составил

613 000 рублей или 9 440 долларов США (за прошлый период средний размер взятки составлял 218 400 рублей или 5600 долларов США). Специалисты Всероссийской Антикоррупционной Общественной Приемной ЧИСТЫЕ РУКИ отмечают рост коррупционного оборота впервые с 2012 года: в 2012 году –52,6% ВВП, за период 2013-2014 гг. – 46% ВВП находились в коррупционной тени, за 2014-2015 гг. – 54% ВВП [2; 43]. Очевидно, что коррупция имеет устойчивый самоподдерживающийся характер, следовательно, возникает институциональная ловушка. Если в системе превалировала неэффективная норма, то при попадании в «институциональную ловушку» после сильного возмущения система может остаться в ней даже при отсутствии внешнего воздействия [3; 12].

Неэффективность декларируемых норм приводит к тому, что федеральные и региональные чиновники не только активно участвуют в коррупционных сделках, но и являются инициаторами создания коррупционных механизмов, демонстративно популяризируют их, вовлекают в эти процессы определённое количество участников. Например, попытка правительства и Президента осуществить импортозамещение столкнулась с внутрисистемным противодействием, мощным лобби в виде региональных властей, которые не заинтересованы в поддержке отечественного производителя, а наоборот – в вытеснении его с рынка. Выяснилось, что подавляющее большинство торговых сетей принадлежит, или находится под контролем губернаторов, ряда высокопоставленных чиновников правительства РФ, банков, которые стремятся сохранить налаженные торговые связи с зарубежными производителями, сохраняя тем самым товарооборот и прибыль для своих собственных торговых сетей. В результате отечественное производство, призванное осуществлять импортозамещение, за вышеуказанный период не увеличилось, а сократилось на 5%, в то время как импорт санкционной продукции в России увеличился на те же 5% [2; 32-33]. Фактически наблюдается тот же эффект институциональной ловушки: сложившиеся нормы фактически останавливают любые попытки внедрения новых механизмов развития. Тревожит и увеличение количеств банкротств и уголовных дел, заведённых на руководителей предприятий в регионах, которые в большинстве своём инициированы заинтересованными лицами. Заявления о коррупции в сфере импортозамещения в условиях современной России требуют особого внимания и проведения тщательного независимого расследования.

В эпоху перестройки (1985 г.) общепринятым было мнение о том, что теневая экономика это порождение, присущее советской системе, которую можно исправить путём либерализации и перевода экономических механизмов на частную основу. Считалось, что по мере продвижения страны к рыночным отношениям масштабы теневой экономики будут сокращаться, а легальной, соответственно возрастать. Спустя десятилетия стало

очевидным – это системное заблуждение. Экономику «лихорадит» регулярно, а власть вынуждена периодически возвращаться к опыту недавнего прошлого (плановой экономике и централизованному управлению). Главным итогом реформирования власти является ошибочный характер целеполагания и соответствующий набор средств достижения поставленных целей. Ущерб общественному развитию наносится не только за счёт увода значительной части финансовых средств в «теневую экономику», но и бесконтрольным расходованием ресурсов (природных, материальных, человеческих, информационных, временных), т.е. очевидное уменьшение ресурсного потенциала будущих поколений. Как полагает эксперт международного консорциума производителей древесины и природоохранных организаций Forest Trends А. Дэниелс, уже через 20-30 лет гигантский нелегальный бизнес может уничтожить самый большой лесной массив на планете [4], уже в настоящее время на 2500000 км^2 территории Российской Федерации отмечается негативная экологическая ситуация. Согласно мнению гендиректора «ТПП-Информ» (печатный орган Торгово-промышленной палаты РФ), профессора С. Небренчина, среднегодовые потери России от участия в международном инвестиционном обмене с 2004 по 2014 гг. составили почти 7% ВВП. Это немалый ресурс, за счет которого можно было провести новую индустриализацию страны и выполнить программу импортозамещения [5]. Страна имела значительное падение ВВП (с 2010 по 2015 гг. на 11,3 процентных пункта) при самой высокой инфляции и при самых высоких удельных расходах на преодоление кризиса.

В ноябре 2014 г. Банк России повысил прогноз чистого оттока капитала из России в 2014 г. с $90 млрд. до $128 млрд., однако в действительности, объём бегства капитала значительно превысил все прогнозы и составил $152 млрд. В целом, согласно сведениям председателя комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам С. Рябухина, с 1995 г. из России вывели более $1 трлн. [6]. Фактически назревает необходимость введения в особых случаях элементов прямого государственного контроля за трансграничным движением капитала, что уже используется во многих рыночных экономиках.

Так или иначе, эффекта институциональной ловушки можно избежать только в том случае, когда вся проблематика адекватно распределяется по типологическим группам в зависимости от специфики их появления и способов разрешения. Обозначим лишь контур этих групп (табл.).

Таблица

Типологизация проблем противодействия коррупции
на современном этапе развития социальной системы

Сфера, в которой проблема играет ключевую роль	Сущность проблемы противодействия
Традиционно-историческая	Система неформальных отношений обусловлена исторически и пронизывает практически все акты человеческого бытия
Нравственно-этическая	Коррупционная деятельность не отторгается с позиции морали, поскольку имеет позитивное обоснование
Логически-смысловая	Деятельность воспринимается как один из вариантов, существенно сокращающий дистанцию достижения личных целей
Информационная	Отсутствие полной, объективной и достоверной информации о реальном положении в изучаемом сегменте деловых отношений
Правовая	Неадекватность применения правовых норм, несоблюдение соотношения «преступление-наказание»
Организационная	Формализация процесса противодействия коррупции на основе отсутствия четких критериев, целей и задач
Функциональная	Прерогатива противодействия вменена исключительно государственным органам управления, исключительно в политических интересах отдельных кланов
Управленческая	Отсутствие специально подготовленных управленцев, имеющих достаточную самостоятельность в принятии управленческих решений, проблемы целеполагания и представления о результате
Личностно-бытовая	Готовность при первой возможности активно включиться в коррупционную деятельность для самообогащения
Неопределённая (неучтенная)	Группа сил, не попадающих в поле зрения исследователя, но в комплексе оказывающих влияние

В настоящей статье авторами затрагивается лишь информационная сфера, поскольку именно она предоставляет исходный аналитический материал, необходимый не только в процессе принятия управленческих решений, но и в организации эффективного контроля, отслеживании плановых параметров, возможности оперативной корректировки и, самое

главное, в целенаправленном, синхронизированном комплексном воздействии на заданную совокупность элементов с целью кардинального сдвига в распределении свойств структурных элементов системы. В частности, проблема возникает в самом механизме формирования количественных и качественных показателей, отражающих сущность явления.

Наиболее распространённым является индексный подход, позволяющий произвести сравнительный анализ ситуации в разных странах. Например, на экспертных оценках основаны: индекс восприятия коррупции Transparency International, рейтинги Freedom House, индекс конкурентоспособности WEF. Корректнее других озаглавлен индекс Transparency International, поскольку его название включает слово «восприятие». Он построен на субъективной оценке таких аспектов как частота бытового взяточничества, частота коррупции среди государственных институтов (политические партии, законодательная власть, государственные учреждения, судебная власть, государственные служащие). Согласно методике Всемирного банка, позиционирование индекса «Борьба с коррупцией» строится на совокупности субъективных суждений экспертов, собранных из двадцати одного источника: Economist Intelligence Unit Risk-wire & Democracy Index (EIU) (коррупция среди государственных служащих), Gallup World Poll (GWP) (степень распространённости коррупции в правительстве), Institutional Profiles Database (IPD) (уровень проявления коррупции), Global Insight Business Conditions and Risk Indicators (WMO) (количество бюрократических барьеров), Bertelsmann Transformation Index (BTI) (антикоррупционная политика) и др. [7].

В зарубежной социальной практике обращает на себя внимание тщательный подход к сбору и обработке данных по каждому показателю. Вызывает определённые вопросы методика проведения межстранового сравнения, так как Всемирный банк опирается на данные различных источников, применительно к различным странам. Не представляется возможным, на взгляд авторов, провести полноценное сравнение, когда применительно к так называемым странам «золотого миллиарда» (США, Норвегия и др.) используется один набор источников данных, а для иных стран (в том числе и России) индексы берут из других источников. Более того количество источников может различаться. Например, для Норвегии или Финляндии их количество может составлять восемь, а для России их насчитывается от двенадцати до четырнадцати. Однако рейтинг выстраивается для всех стран один. Тем не менее, такой подробный анализ позволяет учесть, несмотря на некоторую субъективность, более тонкие отличия стран. Опираясь на различные источники данных, применительно к России, можно выявить, тем не менее, недостатки в одних и тех же сферах. Причём индексы, полученные из одних структур, коррелируют с данными других.

В подавляющем большинстве авторами этих показателей, и аналитиками собранной информации являются американские исследовательские институты, что создаёт предпосылки для манипулирования результатами в интересах одной страны, одного финансового клана.

Очевидно, целесообразно формировать собственный, российский алгоритм количественно-качественного анализа, обладающего конкурентными преимуществами, ни в коем случае не дублирующим зарубежные аналоги. Качественным отличием и практической значимостью обладают лишь те методики, которые дают информацию не в виде данных для размышлений, а обладают безапелляционным управленческим действием.

В таком ключе, авторы полагают наиболее перспективным вариантом исследование не самих фактов коррупции, и даже не причинно-следственную связь, вызывающую такой род противоправных действий, а измерение коррупционного потенциала в динамике – как фундамент будущих социально-экономических и правовых отношений и соответствующих планово-предупредительных воздействий. Интерес к этому варианту тем выше, чем выше детализация типологических групп населения (активно и пассивно) участвующих в социальном взаимодействии. Сегментация по стандартному социологическому набору (пол, возраст, вид профессиональной деятельности, экономический статус и т.п.) не соответствует требованиям объективности отражения действительности, поэтому в каждом субъекте Российской Федерации, целесообразно самостоятельно, применительно к местной специфике, сегментировать респондентов.

Список литературы:

1. Клейнер Г.Б. Институциональные изменения: проектирование, селекция или протезирование? // Постсоветский институционализм: Монография/ Под ред. Р.М. Нуреева, В.В. Дементьева. – Донецк: Каштан, 2005. – 480 с.

2. Коррупция в России: независимый годовой доклад всероссийской антикоррупционной общественной приемной ЧИСТЫЕ РУКИ. 01 сентября 2014 г. – 31 августа 2015 г. // Ассоциация Адвокатов России за Права Человека. – Москва, 2015. – 46 с. URL: http://www.rusadvocat.com/node/1082 (дата обращения: 06.09.2015 г.)

3. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы. – М.: Российская экономическая школа, 1998. – 42 с.

4. Дэниелс А. Сибирским лесам угрожают нелегальные вырубки. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2009/12/091204_dalnerechensk_logging.shtml (дата обращения: 12.06.2015)

5. Эксперт ТПП: отток капитала – разворовывание России. 25.02.2015 г. // Официальный сайт «Вести. Экономика». URL: http://www.vestifinance.ru/articles/53781 (дата обращения: 12.06.2015)

6. МЭР: отток капитала из России в 2015 г. – $115 млрд. 23.03.2015 г. // Официальный сайт «Вести. Экономика». URL: http://www.vestifinance.ru/articles/54899 (дата обращения: 12.06.2015)

7. Worldwide Governance Indicators. URL: http://info.worldbank.org/governance/wgi/pdf/cc.pdf (дата обращения 10.10.2014)

ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ МОЛОДЁЖНЫМ БИЗНЕСОМ ПОСРЕДСТВОМ ПРОЛОНГИРОВАННОГО ПРИВИТИЯ БИЗНЕС-АКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Л.И. Грошева –
преподаватель Тюменского высшего военно-инженерного командного училища (военный институт) имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова

Развитие молодёжного бизнеса является одним из наиболее перспективных направлений инвестирования со стороны государства, поскольку способность молодых предпринимателей к быстрой адаптации, гибкости, умению адекватно реагировать на вызовы современности в большей степени отвечает потребностям современной российской экономики. В связи с этим актуализировалась необходимость совершенствования системы управления в сфере формирования бизнес-активного поведения для повышения интенсивности отдачи от инвестиций в данную сферу. Увеличение доли самозанятой молодёжи представляет интерес для органов власти и населения, так как в результате организуется новое производство: сервисное или промышленное, ввиду чего увеличивается разнообразие продукции и вероятность появления уникальных продуктов.

Несмотря на востребованность развития бизнес-активности среди молодёжи, управление в этой сфере сопряжено с некоторыми трудностями: недостаточный уровень образования, нежелание брать на себя ответственность, боязнь риска и др. В результате молодые люди предпочитают трудоустройство, не связанное с внешним и внутренним предпринимательством. Следует отметить, что стимулирование молодых людей к бизнес-деятельности в российской практике осуществляется посредством значительного количества социальных программ, однако контроль за эффективностью их реализации и поддержание обратной связи либо затруднены, либо отсутствуют. Имеющиеся программы поддержки носят отрывочный характер, попытки организации системной работы в этом направлении не увенчались успехом. В связи с выявленными недостатками автор статьи считает продуктивным обращение к имеющемуся зарубежному опыту организации бизнес-деятельности молодёжи.

В ходе проведённого автором статьи теоретического анализа различных источников, обобщающих зарубежный опыт формирования бизнес-активного поведения (нормативных актов, информационных бизнес-порталов, программных документов и др.), удалось выявить следующие

концептуальные подходы к работе с действующими и потенциальными молодыми предпринимателями. Во-первых, концепция максимизации экспорта (Китай), несомненным достоинством которой является преодоление такой проблемы как недостаточный спрос на продукцию молодёжного бизнеса. Среди существенных недостатков автор статьи отмечает неконтролируемый рост бизнес-единиц, благонадёжность которых не может быть учтена своевременно. Это приводит к изготовлению идентичной продукции сразу несколькими компаниями, что влечёт за собой снижение спроса и разорение малых предприятий. В итоге такая деятельность отрицательно сказывается на имидже экспортных сообществ в целом. Во-вторых, концепция максимизации дифференциации (в некоторых штатах США, Германия), где осуществляется индивидуализированный подход к различным видам молодёжного бизнеса. В частности, особый интерес представляет организация семейного молодёжного предпринимательства. Однако формирование бизнес-активности носит локальный характер, т.е. концепция применима для отдельных сообществ. В-третьих, концепция централизации поддержки молодёжного бизнеса (Сингапур, Австралия), где внедрена система «одного окна», что позволяет максимально сократить временные затраты на организацию бизнес-деятельности. Однако на практике эта концепция не имеет самостоятельного механизма самообновления и самокорректировки: изменения возможны только при участии государственных структур.

Самой обоснованной в теоретическом и практическом отношении, по мнению автора статьи, является концепция пролонгированного воспитания молодого бизнесмена. Подобная система управления широко применяется в Канаде, Великобритании (Шотландии), в ряде штатов США. Основная идея этой концепции состоит в том, что предпринимательская активность формируется как определённый стиль жизни на протяжении длительного периода времени.

Среди наиболее значимых принципов можно выделить следующие.

- Бизнес понимается как совокупность норм и ценностей, сформировавшихся в течение определённого времени в конкретной группе людей, что повышает их адаптивность в бизнес-среде.
- Наибольшей эффективностью отличается деятельность, вошедшая в привычку. Совершение ряда бизнес-операций регулярно, с постепенным усложнением процесса приводит к снижению страха риска [2].
- Бизнес определяет образ жизни. Поскольку жизнедеятельность бизнесмена происходит в условиях ограниченности ресурсов, значимым выступает сочетание креативного мышления со строгой самоорганизацией.
- Окружающая бизнес-деятельность среда изменяется по преимущественно прогнозируемой схеме, что позволяет проектировать карьеру молодого бизнесмена с ранних лет.

- Социальный капитал и коммуникативные сети, сложившиеся в течение длительного периода с юношеских лет, являются гарантами успеха человека в бизнес-сфере.

Управленческая система выполняет в этом случае задачу пролонгированного развития бизнес-активного поведения в течение всей жизни индивида. В системе следует выделить два макроблока: консультативно-регулирующий и финансово-консультативный, которые реализуются в ходе четырёх этапов, начиная с воспитанников детских садов и заканчивая молодыми специалистами.

Первый этап реализуют акторы консультативно-регулирующего блока. Образовательно-воспитательному учреждению отводится основная роль, выражающаяся в следующих функциях:

- образовательно-игровые программы, основывающиеся на интерактивных методах обучения;
- экскурсии на предприятия;
- создание полуавтономных бизнес-единиц игрового типа [3].

Косвенное влияние на воспитанников детских садов оказывается посредством нормативных актов, государственных и региональных программ, предназначенных для этой сферы. На этом этапе закладывается понимание основ конкурентоспособности, сущности бизнес-идеи и особенностей деловых коммуникаций.

Второй этап направлен на молодёжь, обучающуюся в общеобразовательных учебных заведениях и колледжах. Реализуют акторы консультативно-регулирующего блока с идентичными функциями. Бизнес-активное поведение в ходе реализации образовательных программ закрепляется путём освоения основ экономических знаний (учебные и факультативные занятия), где также обучаются составлению учебного аналога бизнес-плана. Кроме того, реализовать свои способности молодёжь может, принимая участие в днях предпринимательских идей, организации дней «точек продаж». Также на базе учебного заведения могут быть созданы полуавтономные бизнес-единицы, реализующие свою продукцию в рамках учреждения, в отдельных случаях – за её пределами.

На третьем этапе основным субъектом бизнес-активного поведения становится студенческая молодёжь. Образовательная система раскрывает особенности организации и делопроизводства в бизнесе, к этому процессу привлекаются некоммерческие организации и бизнес-ангелы. Деятельность некоммерческих организаций сосредоточена на оказании консультационных услуг, организации форумов, тренингов, клубов и др. Совместно с государственными структурами формирование бизнес-сетей между молодыми бизнесменами и внешней средой осуществляется путём привлечения их

к участию в специализированных мероприятиях: конкурс предпринимательских инициатив, бизнес-планов и др.

Бизнес-ангелы выполняют на данном этапе основную задачу финансовой поддержки путём получения дивидендов и участия в жизни проекта. Венчурные фонды предпочитают не принимать участие в финансировании молодёжного бизнеса, так как оценивают свои риски как слишком высокие в этой области (например, в России, Казахстане, Белоруссии). Особенностью деятельности бизнес-ангелов выступает то, что они преимущественно используют свои личные свободные финансовые средства для инвестирования в перспективные компании на ранней стадии развития, оказывают консультационные услуги, исходя из своего финансового опыта. Они могут работать самостоятельно или осуществлять инвестиции в рамках группы (синдиката). Финансирование предоставляется в обмен на пакет акций новой компании. Частный инвестор работает с командой стартапа, делится своим опытом в сфере организации и управления бизнесом, принимает участие в разработке ключевых решений для развития молодёжного бизнеса [1]. Фактически бизнес-ангелы выполняют наставнические функции, которые строятся на основе принципа взаимных интересов: субъект бизнес-деятельности – организация стабильного бизнеса и выход на точку безубыточности; бизнес-ангел – получение дивидендов от инвестиционного проекта. В результате функционирования сложившегося тандема, сокращаются не только финансовые, но и организационные риски создания молодёжного бизнеса.

На четвёртом этапе в качестве субъекта бизнес-деятельности выступает выпускник высшего или средне-специального учебного заведения, имеющий определённый опыт ведения бизнеса. Молодому предпринимателю доступен весь спектр возможных услуг, консультаций и организационной помощи. В некоторых странах (или отдельных регионах) готовность вкладывать средства в молодёжные бизнес-проекты уже на третьем этапе проявляют отдельные фонды и кредитные организации, но подавляющее большинство ориентировано на более образованную и состоявшуюся молодёжь.

Во избежание кастовости молодёжного бизнеса в данной концепции наблюдается некоторое дублирование ряда функций отдельных акторов (бизнес-ангелы и венчурные фонды). Но это осуществляется с целью формирования открытой и прозрачной системы поддержки молодёжных бизнес-проектов. В результате включение молодого человека в бизнес-деятельность гипотетически возможно на любой ступени. Специальные обучающие программы и мероприятия применяются в зависимости от уровня подготовки молодых людей, формируя тем самым пролонгированную систему бизнес-активного поведения. Наибольшее значение система приобретает при

формировании будущей бизнес-единицы на двух последних ступенях, благодаря чему обеспечивается основной принцип концепции – преемственность получаемых знаний и опыта.

Концепция пролонгированного воспитания бизнес-активного поведения снижает необходимость создания отдельных специализированных структур – бизнес-инкубаторов. В инкубационный период развития молодёжного бизнеса большую часть задач выполняют консультативные, образовательные учреждения, отраслевые объединения, а также институт бизнес-ангелов, поддерживающий молодёжные проекты ещё на 2-3 этапах развития.

Со стороны государственных органов управления имеется потребность в регулировании деятельности агентов поддержки и корректировке нормативных актов на всех этапах формирования бизнес-единицы в случае возникновения необходимости.

Наряду с очевидными преимуществами этой концепции, у неё имеется ряд недостатков. В том случае, если молодые люди войдут в бизнес-деятельность на более поздних этапах, для этого потребуются отдельные специализированные программы, содержание которых должно обладать определённой спецификой. Увеличение количества программ приведёт к усложнению и нагромождению образовательных стандартов. В том случае, если потенциальный молодой предприниматель пройдёт все этапы, но откажется от создания собственной бизнес-единицы, либо обанкротится в скором времени, потери инвестиционных вложений возрастут в кратном размере. Одним из существенных недостатков, применительно к российской бизнес-среде, выступает отсутствие стабильности. Достаточно сложно, а порой и невозможно формировать планы для ведения бизнеса на перспективу, охватывающую пять, десять и более лет. Стремительно изменяющаяся конъюнктура приводит к такой же стремительной утрате инновационности идей. Эффективность подготовки молодого предпринимателя отследить не представляется возможным ввиду существенной пролонгированности подготовительного процесса. Несмотря на указанные недостатки, пролонгированная подготовка кластера молодых предпринимателей, формирование основ предпринимательского поведения окажет благотворное влияние на степень адаптивности молодого человека к окружающей социальной среде, что создаст для него значительно больше шансов для перспективного трудоустройства. В дальнейшем это будет способствовать снижению уровня молодёжной безработицы и социальной напряжённости в обществе. Кроме того, концепция пролонгированного воспитания бизнес-активного поведения имеет благоприятный потенциал для внедрения в российскую систему поддержки молодёжного предпринимательства, что будет способствовать успешному развитию молодёжного бизнеса в России.

Список литературы:

1. Бизнес-ангельское инвестирование // Национальная ассоциация бизнес-ангелов. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rusangels.ru/naba/investors/business-angels-investment/ (дата обращения: 20.01.2015 г.).

2. Васильев М.В. Малый бизнес и современный политический процесс в США: совершенствование системы классификационных признаков малых фирм // Электронный научный журнал «Россия и Америка в XXI веке». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusus.ru/?act=read&id=171 (дата обращения: 24.08.2015 г.).

3. Официальный форум лидеров молодёжного бизнеса. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iblfrussia.org/programmes/current/detail.php?ID=290 (дата обращения: 25.02.2015 г.).

КОММУНИКАТИВНОЕ НЕРАВЕНСТВО В БЛОГОСФЕРЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С.И. Давыдова –
к.социол.н., researcher in ST Lab

Социология интернета является на сегодняшний день одной из наиболее перспективных отраслей, ориентированных не на ретроспективу, а на попытку спрогнозировать будущее развитие виртуальной среды и моделей поведения индивидов в ней. Социальная коммуникация, опосредованная гигабайтами информации, быстро меняет формат и аккумулируется в новые виртуальные сообщества. Последние – выстраиваются в системы связей, сетевую структуру, иногда повторяющую реальную, а иногда принципиально от неё отличающуюся.

Сложности, возникающие при попытке изучения виртуальной среды, обусловлены неприменимостью традиционных социологических методов, скоростью происходящих структурных изменений и в целом «текучестью» среды, невозможностью зафиксировать её в максимально неизменном виде даже на период изучения. Акторы этой системы коммуникации виртуальны и играют по особым правилам, в иной форме и с нечеткими границами участия. Одновременно с проникновением интернета в повседневную жизнь – меняются и условия игры для реальных индивидуумов, а также исследовательские стратегии понимания этих процессов.

Там, где появляются новые возможности для социального взаимодействия, распространения информации, – появляется и проблема неравенства, требующая качественного анализа подобных форм сотрудничества или противодействия. Несмотря на цифровой характер объекта исследования, для понимания процессов, происходящих в нем, количественных показателей недостаточно. Выражение социальных процессов через число заходов на страницу или участия в виртуальных сообществах не отражают настоящего положения дел и обусловлены технологическими особенностями среды. Такими как, к примеру, как явление «ложных сущностей» («ботов», «роботов», «фейков») [2], которыми изобилуют социальные сети. Поэтому методически нам кажется некорректным применять только количественный подход к изучению неравенства в интернете.

По статистике на весну 2015 года от 50 до 59% взрослого населения выходят в Глобальную сеть (около 68,7 млн. человек). Из них до 80% проявляют регулярную активность в социальных сетях как ключевом средстве прямой коммуникации и взаимодействия. Первое место по популярности занимает российская социальная сеть Вконтакте: её месячная посещаемость, по разным данным, от 53,6 до 314 млн. человек, а общее число зарегистрированных пользователей насчитывает более 277 млн. человек, что вдвое превышает

численность населения России [7]. Согласно данным, полученных нами в ходе массового опроса (более подробно о результатах далее) социальной сетью Вконтакте пользуется 61% наших респондентов (из них 57% – 18-26 лет, 29% – 27-40 лет). «Одноклассники» популярны у 58% (из них 35% – 27-40 лет, 30% – 41-54 года, 26% – 18-26 лет). Далее с существенным отставанием: Instagram (20%, из них 70% – 18-26 лет), Facebook (19%, из них 37% – 18-26 лет, 36% – 27-40 лет), Мой мир (19%, из них 32% – 41-54 года, 31% – 18-26 лет, 29% – 27-40 лет), Twitter (14%, из них 53% – 18-26 лет). Данные основаны на результатах исследования в рамках гранта РГНФ № 13-03-00593 (2013-2015 гг.) «Особенности коммуникативного неравенства в современной России».

Таблица 1

Популярность соцсетей по результатам массового опроса

В каких социальных сетях вы зарегистрированы и регулярно (как минимум раз в три дня, неделю) используете их для общения, развлечения, получения информации?				
	Всего	18-26 лет	27-40 лет	41-54 года
Вконтакте	61%	57%	29%	
Одноклассники	58%	26%	35%	30%
Instagram	20%	70%		
Facebook	19%	37%	36%	
Мой мир	19%	31%	29%	32%
Twitter	14%	53%		

В виртуальном пространстве человек может искать, может развлекаться или общаться, но может и манипулировать, контролировать, создавать информацию. В Сети можно учиться новому: неизмеримое количество знаний, накопленных за историю человечества, открыты и продолжают «оцифровываться» и пополняться. Пользователь может также стать обладателем одной из социальных форм неравенства – властью (возможностью управлять сообществом, инициировать и модерировать дискуссии или лишать права голоса их участников («бан»)). Виртуальная публичность с одной стороны даёт возможность для общения тем, кто лишен ее в оффлайне: людям с инвалидностью или визуальными дефектами, интровертам или живущим в небольших удаленных поселениях. Виртуальность может быть запутанной и малопонятной тем, кто за её пределами: но для инсайдеров пространство обретает физические черты и символические, но уже вполне четкие нормы, ценности и правила взаимодействия. Более того, даёт чувство причастности, связанность и разный формы идентичности его членам. Условие равенства выражается еще и в той особенности, что только сам человек, участвующий в виртуальном пространстве, может сказать, чувствует ли он себя частью того

или иного сообщества. Участники сами определяют смысл существования и идеологию виртуальной коммуникации, а также её символические процессы и оллективность.

Существует и иное понимание неравенства, разделяющее не в момент коммуникации, а в момент обращения к виртуальной среде в принципе. В 2001-м году Марк Пренски (Mark Prensky), американский писатель и эксперт по современным образовательным системам, предложил разделить новые общественные отношения, имея в виду прежде всего все более проникающий в них интернет, на Digital Natives и Digital Immigrants («Цифровых аборигенов» и «Цифровых иммигрантов») [1]. В тот период подобное разделение было не так очевидно, как почти 15 лет спустя, по той причине, что еще не выросло до сознательного возраста поколение, воспитанное в медиа среде и чувствующее ее как своё собственное пространство. Тогда общество только начинало познавать «азы» цифрового мира: мало у кого был дома «выделенный» интернет с регулярными разрывами модемных соединений, а о просмотре онлайн-трансляции матча в вагоне метро могли мечтать только фантазёры. Однако, постепенно это неравенство начало стираться: индивиды получили всё больше возможностей и ресурсов для полноценного общения, интернет охватил всё большее число жителей Земли и даже старшее поколение постепенно начало включаться в эту среду.

Суть неравенства, которое важно отметить, заключается именно в характере взаимодействия индивидов этих двух категорий: поколения Digital Natives и Digital Immigrants не смогут говорить на одном языке, поскольку первые впитали его, как ребенок впитывает родную речь в подсознание, а вторые – выучили и для общения применяют логику и полученные знания, а не интуицию. Immigrants – это все те, кто комфортно чувствует себя в этой среде: примерно от 14 до 30 лет. Язык новой мультимедийности они знают в совершенстве, учить начинали в раннем детстве, но он не врожденный. Как правило, у них еще было «дворовое детство», футбол на реальной спортивной площадке и куклы/машинки, не изображенные на экране. Natives – уже рождаются в этом потоке, научаясь «сёрфить» раньше, чем говорить. Различие между ними – в способе осознания мира: у Immigrants это клипово-ссылочное мышление, а вот способы мышления Natives пока мало изучены.

Те, кто по году рождения ближе к 80-м, чем к 2000-м, в виртуальной реальности уже полностью иммигранты, хотя и ассимилировавшиеся. У тех, кто еще старше, нет единого характера адаптации: все зависит от места жительства, работы, среды общения. Подобное деление в общем смысле верно только в крупных городах: некоторые населенные пункты, куда до сих пор не дотянули оптоволокно, могут еще нескоро получить возможность хотя бы базово адаптироваться к новой реальности, и имеют еще меньше равноправия в виртуальной среде, поскольку включены в нее минимально.

Среди поколений, рожденных до 60-х гг., адаптироваться в новом мире решаются единицы: он им, как правило, просто не нужен. Поэтому даже в городах коммуникативное неравенство может наблюдаться в рамках одной семьи: бабушки и внука. Непонимание сленга, терминов и стиля общения молодого поколения, несмотря на все технические возможности, ставит их на разные ступени. Поэтому коммуникативно жители провинций разных поколений, условно, «чуть больше равны» между собой, поскольку чаще всего одинаково не осведомлены и не обучены.

Другой тип разделения в сети – на «авторов» и «клакеров». Оно произошло несколько лет назад, после появившейся в социальных сетях моды на «лайки» (появления кнопок оценки записей). Первоначально аудитория блогплатформ только создавала контент, сама же его и комментируя: все читали друг друга. Однако затем в сообществах произошло отделение группы производителей картинок, ссылок и новостей. Основной функцией такой аудитории становится «апплодирование»: лайки, очевидные вопросы, бессмысленные и оценочные комментарии. Революционным коммуникативным разделением становится введение в Facebook кнопки «Мне нравится» под каждой записью: это нововведение «совпало с общемировой тенденцией перехода от письма (блогинга) к кураторству посредством коротких статусов, bon mots, аффективных всплесков, фоток, лайков, ссылок и расшаров» [4].

Наличие или отсутствие реакции на созданный контент является сегодня мерилом его значимости, а «популярные блогеры» становятся таковыми в том числе по подобной количественной оценке их успешности у аудитории: «Именно в фейсбуке-то и случаются чудеса. Здесь все возможно. Ведь «лайк» – это вовсе не то, что на самом деле человеку интересно. «Лайк» – это то, возле чего поставлен «лайк»» [5]. Со своей стороны, общество и государство также оказывают давление на таких блогеров: первые выражая сомнение в полезности подобного занятия, вторые – принимая дополнительные законы о контроле.

Ограничения и запреты

Еще в августе 2014 г. о законодательных ограничениях, наложенных на активных акторов интернет-коммуникации, большинство опрошенных слышало впервые [3]. Те, кто был об этом осведомлен, высказывались за усиление подобного контроля. Возможно, подобное отношение социума к свободе слова и коммуникативном равенстве в выражении своих идей и мыслей, и не приведет к деградации едва устоявшихся систем. Пока же пользователи слабо ощущают на себе запрещающие инициативы (блокировки сайтов, преследования правообладателей и «борьбу с экстремизмом») и продолжают развиваться в виртуальность.

Десятилетие глобализации и развития социальных сетей и веб-технологий отражает интегральные процессы стремительно меняющегося мира. Задачей нашего изучения коммуникативного неравенства в интернете было

формирование понимания, так ли значим разрыв во взаимодействии людей различного возраста, места проживания, социального слоя. В отличие от начала XXI века, на наш взгляд, сегодняшнее сетевое общение носит иной характер: его феномен заключается в постепенном «выравнивании» изначально неравных условий вхождения в эту среду за счет растущего охвата пользователей, развития обучающих программ и появления всё большего количества справочной информации, доступной всем желающим. Со временем в абсолютно новой социальной реальности сформировались «правила игры» и нормы, регулирующие как равноправие, так и избранность акторов в интернет-среде.

Одной из основных идей, ради которой несколько десятилетий назад создавалась World Wide Web (Всемирная Сеть), была идея равенства, достижимого через планетарность масштаба распространения сетевого общества, спонтанность (отсутствие контроля за организацией процессов), хаотичность взаимодействия (наличие случайных процессов). Эти феномены социального устройства, на наш взгляд, имеют достаточные шансы осуществиться в виртуальной реальности, несмотря на усилия отдельных государств по сокрытию информации и контролю за интернет-паутиной на законодательном уровне. Новые технологии рождают социально-интеграционные формы взаимосвязи и идентичности, возникающие в обществе, не привязанном к территориально-пространственному фактору, уплотняют общественные сети, развивая коммуникативные отношения в условиях, в которых ранее они были невозможны.

Первый этап: интервью

Исследователи различают разные типы онлайн-сообществ [6]: по принципу степени их включенности и участия в жизни онлайн-среды, степени закрытости, наличия оффлайнов (встреч) и пр. Многообразие виртуальных коммуникаций охватить одним исследованием не представляется возможным, в связи с чем на первом этапе была проведена серия глубинных полуструктурированных интервью с участниками виртуального коммуникативного пространства из разных городов России. Ввиду недостатка ресурсов для проведения большого количества интервью и пилотажного характера изучения предмета на этом этапе, было проведено 32 интервью, 16 в крупных городах (Москва, С-Петербург, Казань, Ростов-на-Дону, Екатеринбург, Новосибирск, Хабаровск), 16 в городах районного значения и с респондентами, проживающими в малочисленных населенных пунктах (Сергиев Посад, Орск, Бийск и др.). Возрастная квота была разделена на четыре интервала: до 20 лет, 21-35, 36-50 лет и 51+ в равной пропорции. В подобное разделение была заложена гипотеза, основанная на статистике крупнейших социальных сетей и поисковых систем, о проходящих на данный момент различиях именно в данных возрастных рамках. Несмотря на формализованность гайда, интервью чаще всего носило свободный характер:

данное условие было необходимо в условиях виртуального общения, чтобы настроить респондента на дружеский лад и получить более развернутую информацию, а не односложные ответы.

Тематика интервью была посвящена гипотезе ощущения людьми коммуникативного неравенства, с которым они могут сталкиваться в процессе виртуальной коммуникации, а также способам борьбы с ним и различиям, которые они могут делать между собой и другими пользователями. Также мы спрашивали о форме взаимодействия с сетью (создание или поглощение контента, полнота понимания процессов). В результате, несмотря на значительно бóльшую включенность молодых пользователей в коммуникацию в виртуальной среде, как такового неравенства, ущемления своих прав или непонимания происходящих в сети процессов практически не испытывает и старшее поколение (сюда мы не относим уровень навыков и умений пользования техническими средствами, т.к. речь идет именно о неравенстве в коммуникативных процессах). Респонденты двух старших квот (от 36 лет) упоминают случаи, происходившие с ними в процессе использования компьютера, связанные с техническими затруднениями или непониманием сленговых терминов, встречавшихся им в процессе работы/общения, однако не вызвавшие у респондентов критических затруднений и отказа от коммуникации. Если молодые пользователи решают подобные проблемы самостоятельно, пользователи старшего возраста, как правило, находят помощь в лице близких или знакомых. Кроме того, некоторые отмечают существенное изменение технологий в последние 3-5 лет, имея в виду более понятный и простой дизайн и техническое устройство приложений (user-friendly systems), появление большого количества инструкций и информации в сети, с помощью поиска по которой они решают многие вопросы без чужого вмешательства и помощи специалистов.

Что касается форм взаимодействия с Сетью – большинство респондентов склонялись к тому, что являются потребителями контента (то есть, отчасти, «клакерами»). Для них характерно изучение уже созданного контента, поиск информации и общение. «Авторов» в интернет-среде – не так много: создание качественного контента требует сил и времени, но мало кто так сильно заинтересован отдавать их виртуальной коммуникации.

Второй этап: массовый опрос

Учитывая результаты первого этапа, мы предположили, что те респонденты, которые могут испытывать затруднения в коммуникации через интернет – им и не пользуются. Поэтому внимание было обращено на результаты массового опроса, проведенного в г. Москве (128 респондентов), г. Белгороде (128 респондентов), г. Белёве (128 респондентов) и Белёвском районе (128 респондентов). Всего было опрошено 512 человек.

По результатам опроса пользуются интернетом 68%, не пользуются 32% респондентов. При этом заметно очевидное смещение числа пользователей в сторону мегаполиса и постепенное падение популярности интернет-коммуникации у жителей небольших городов и сёл.

Таблица 2

Использование интернета в разных регионах

Пользуетесь ли Вы интернетом?				
	Москва	Белгород	Белев	Белевский район
Да	87%	71%	59%	54%
Нет	13%	29%	41%	46%
Всего	100%	100%	100%	100%

Пользуются интернетом ежедневно 71% от общего числа опрошенных, еще 24% – несколько раз в неделю. При рассмотрении по городам мы обнаружили меньше различий в частоте пользования интернетом: от места проживания она не зависит.

Таблица 3

Частота использования интернета в разных регионах

Как часто Вы пользуетесь интернетом?	Москва	Белгород	Белев	Белевский район
Ежедневно	71%	75%	71%	66%
Несколько раз в неделю	19%	22%	27%	30%
Несколько раз в месяц	5%	2%	1%	3%
Несколько раз за последние 3 мес.	4%	1%		1%
Реже, чем несколько раз за 3 мес.	1%			
Всего	100%	100%	100%	100%

Существенная доля опрошенных использует для выхода в интернет мобильный доступ (телефон, планшет) – 45%, однако лидером пока является стационарный доступ из дома или с работы – 53%. Среди мотивации использования интернета нет единой ярко выраженной тенденции: 71% ищет в интернете нужную информацию, 68% общаются в социальных сетях, 49% используют интернет как развлечение во время досуга. 44% используют интернет для работы, а 37% для учебы.

Таблица 4

Мотивация использования интернета среди респондентов

Если вы пользуетесь интернетом, то...	абс.	%
использую его в рабочих целях	156	44%
использую его в учебных целях	129	37%
использую для общения в социальных сетях	238	68%
использую его как элемент своего досуга	172	49%
использую для поиска различного рода информации	249	71%
использую для покупки и/или оплаты товаров и услуг	65	19%
использую доступные госуслуги в интернете	32	9%

Отношение к интернету как к ресурсу у большинства опрошенных носит информационный характер: для 80% от общего числа опрошенных это возможность доступа к любому типу информации, а также коммуникативный (54% ищут в интернете общение и расширение круга друзей). Только 25% считают интернет-коммуникацию интеллектуальным ресурсом для развития и личностного роста. На этом этапе мы также получили подтверждение тезису о том, что «авторов» в Сети куда меньше, чем «клакеров».

При этом большинство (91%) согласны с тем, что общение и поиск информации на сегодняшний день доступны любому желающему, хотя в процессе общения и возникают иногда некоторые сложности в понимании других пользователей («иногда» – 52%, «почти никогда» – 44%). При этом на периодические трудности взаимопонимания обращают внимание бóльшее число респондентов, в то время как на сложности в использовании сайтов или блогов сетует только 42% респондентов (ответ «иногда»). Таким образом, мы не наблюдаем ярко выраженных разрывов в коммуникации, в том числе среди разных поколений.

Таблица 5

Сложности в понимании других пользователей

Возникает ли у вас при общении в Интернете сложности в понимании других пользователей	абс.	%
Да, регулярно	16	4%
Иногда	181	52%
Нет, почти никогда	153	44%

При возникающих сложностях с виртуальной коммуникацией респонденты склонны обращаться за помощью к близким людям и родственникам (57%), а 21% проявляет самостоятельность и ищет нужное решение в сети самостоятельно.

Предсказуемо, что для интернет-коммуникации оказался важен уровень образования. Респонденты, образование которых не выше среднего специального, отказываются от использования интернета ввиду нехватки навыков (90%), других предпочтений («я смотрю телевизор, мне хватает» – 90%) и просто «отсутствия интереса» (83%). Еще 79% респондентов с низким уровнем образования не имеют достаточно средств для оплаты услуг или устройств выхода в сеть.

Интересно, что число респондентов, которые считают, что необходимо ужесточать контроль над распространением информации в интернете – 60% (еще 24% затруднились ответить однозначно). Это подтверждает приведенные выше графики с результатами аналогичных вопросов ФОМа и, вероятно, говорит о потенциальной склонности общества к принятию регламентирующих процедур и усилению неравенства. За данное ограничение коммуникации выступают в равной степени, как мужчины, так и женщины, при этом зависимости и от уровня их образования, и даже от места проживания – не наблюдается.

Более того, в процессе наблюдения за онлайн-сообществами мы заметили, что в условно-устоявшихся виртуальных средах (группах, объединениях «по интересам») – со временем начинает рождаться внутренний регламент, отдельные формы самоуправления и модерирования, вытесняющие из коммуникации «чужаков» и рождающие в виртуальной среде формы коммуникативного расслоения, аналогичного расслоению социальному. То есть, по сути, любой пользователь может в определенный момент оказаться «в бане», став девиантным игроком одной среды, являясь при этом ключевым игроком соседней.

Выводы

В настоящее время мы можем наблюдать достаточно слабое различие между «виртуальными» и «реальными» взаимодействиями, поскольку термин «виртуальный» означает что-то вроде «нереального» и поэтому стилистически накладывает ограничение на коммуникацию. Это объяснение тем более уместно, поскольку многие Digital Immigrants в реальном мире склонны рассматривать онлайн-общение как сугубо виртуальное, то есть почти «искусственное», но участники интернет-общения расценивают его как вполне реальное. Если согласиться с тем, что коммуникация является основой любого общества, то виртуальное сообщество реально существует, предоставляя площадку для по-настоящему испытываемых чувств и поступков, которые вряд ли правильно считать менее значимыми, чем «реальные».

Участники же интернет-взаимодействий изначально не сталкиваются с препятствиями в коммуникации: заложенное в принцип интернета общественное соглашение о всеобщем равенстве на данный момент играет значительную роль. Однако, на практике российский социум склонен

самостоятельно рождать ограничения и формировать источники и факторы неравенства: при распространении физического доступа к виртуальной среде, идет и обратный процесс «блокирования» отдельных её сегментов по тем или иным причинам. Ограничение доступа поддерживается большой частью не только населения, но и самих пользователей. Чем они мотивированы и почему сами склонны строить «виртуальные стены» – тема наших дальнейших исследований.

Список литературы:

1. Афанасьва Е. Иммиграция в настоящее // TJ, ноябрь 2014. <http://tjournal.ru/paper/afanasyeva-digital> (дата обращения 08.09.2015)

2. Виноградов Д., Лавренчук Е. Ложные «стасы михайловы» и «дмитрии дюжевы» хотят с вами дружить. // «РИА Новости», очерки. 01.02.2013. <http://ria.ru/ocherki/20130201/920814038.html> (дата обращения 08.09.2015)

3. Закон о блогерах: Как россияне относятся к закону о блогерах? // ФОМ, 19 Августа 2014. <http://fom.ru/SMI-i-internet/11674> (дата обращения 08.09.2015)

4. Кушнарева И. Ко всему приделать лайки // Логос №2, 2012. <http://www.intelros.ru/readroom/logos/log-2-2012> (дата обращения 08.09.2015)

5. Меламед Ю. Перепостили — следовательно, существую // Логос №2, 2012. <http://www.intelros.ru/readroom/logos/log-2-2012> (дата обращения 08.09.2015)

6. Полухина Е. Онлайн-наблюдение как метод сбора данных. // ИНТЕР. 2014. №7. С. 95.

7. Социальные сети в России, весна 2015. Цифры, тренды, прогнозы // Brand Analytics, 06.06.2015. <http://br-analytics.ru/blog/socialnye-seti-v-rossii-vesna-2015-cifry-trendy-prognozy/> (дата обращения 08.09.2015)

ФАКТОРЫ СЕМЕЙНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ МОЛОДОЙ СЕМЬИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А.В. Демидова –
Могилевский высший колледж МВД
Республики Беларусь

Сегодня исследование факторов семейного благополучия молодой семьи является одним из приоритетных направлений напрямую связанное с укреплением семьи, созданием необходимых условий для ее успешного функционирования. На наш взгляд, социологический анализ благополучия семьи должен учитывать государственное понимание элементов семейного благополучия, интересы граждан, их взгляд на этот вопрос, а также мнение специалистов. Рассмотрим проблему семейного благополучия/неблагополучия с этих позиций.

По мнению экспертов [2, с. 92] «благополучная семья» должна обладать следующими признаками:

- семья гарантирует пополнение населения новыми поколениями в том объеме, который обеспечивает выживаемость нации;
- семья надлежащим образом выполняет функцию воспитания ребенка/детей;
- семья материально обеспечивает всех своих членов (не перекладывая на государство частично или полностью заботы о семейном достатке);
- семья предоставляет своим членам защиту, заботу социальную безопасность/защищенность, релаксацию и т.п.);
- члены семьи не совершают преступлений, противоправных действий;
- семья упорядочивает сексуальные отношения ее членов в соответствии с нормами и традициями.

Таким образом, при выработке системы мер семейной политики необходимо учитывать три основных этажа формализации понятия благополучие/неблагополучие семьи:

- общественный (государственная политика, идеология, культурные, религиозные особенности, специфика механизмов формирования общественного мнения);
- семейный (характеристика социальной группы: ее закрытость, сплоченность/разобщенность, традиции, социальный капитал и т.д.);
- личностный (социальные, психологические и физиологические особенности человека, которые формируют ожидания, ролевое поведение, удовлетворенность и прочее)[2, с. 93].

Не менее важным, как мы уже говорили выше, является мнение самих граждан на причины семейного благополучия и роль государства в его обеспечении. Конечно же, лучше всего это должны знать те, кто живет в семье или собирается ее создавать. По данным социологических исследований, проводимых в Республике Беларусь, все разнообразие представлений молодежи о благополучии собственных семей можно свести к нескольким основным характеристикам.

На первом месте – высокий материальный уровень жизни семьи (42,2 % ответов). Такая большая значимость материального достатка объясняется низким современным уровнем и качеством жизни в обществе. Привлекательность материального благополучия присутствует в любом социуме. Но для Беларуси достижение материального благополучия имеет особую актуальность в связи с тем, что большое количество респондентов рассматривают его не как стратегическую цель, а как необходимый элемент физического выживания.

На втором месте – гармонизация взаимоотношений между членами семьи (около 30 %). В это собирательное понятие вошли очень разные представления мужчин и женщин о том, как должны относиться люди друг к другу в семье, чем они должны руководствоваться при выборе брачного партнера, как должны строиться отношения между полами. Но все они были связаны с желанием сделать взаимоотношения между людьми такими, чтобы они чувствовали себя счастливыми.

Два названные элемента, которые составляют благополучие семьи, занимают первые места у всех категорий опрошенных: женатых, замужних, и у не состоящих в браке мужчин и женщин.

На третьем месте находится то, что связано с трудовой деятельностью людей. Респондентами это определялось как наличие хорошей и постоянной работы, высокого заработка, возможностей карьерного роста, достижение профессионализма.

На четвертом месте – здоровье всех членов семьи, которое сегодня оставляет желать лучшего. Нестабильность экономической и политической ситуации в начале 90-х годов, снижение уровня жизни населения, сложная экологическая ситуация – все это способствовало росту заболеваемости населения практически по всем классам болезней. В начале XXI столетия наблюдается рост первичной заболеваемости, особенно таких заболеваний как психические расстройства и расстройства поведения, новообразования и болезни системы кровообращения, болезни костно-мышечной системы, болезни крови, кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм. Наряду с этим ситуацию ухудшают все более распространяющиеся явления – алкоголизм и наркомания (рисунок 2.3.1).

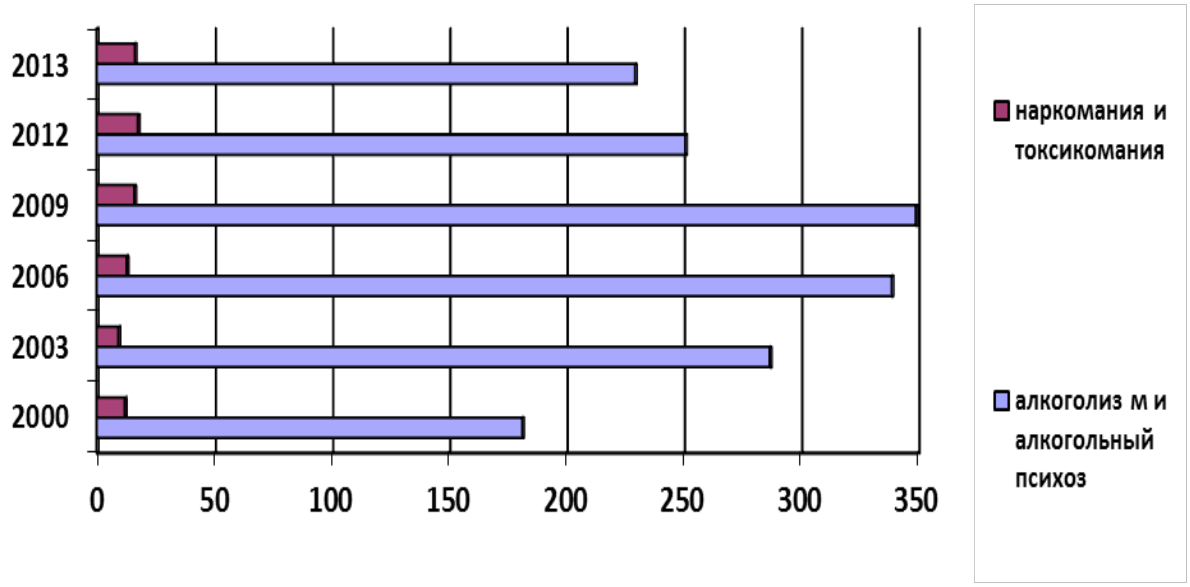

Рисунок 2.3.1 – Заболеваемость населения наркоманией и токсикоманией, алкоголизмом и алкогольным психозом
(численность заболевших на 1000 населения)[1]

На пятом месте – разные социальные преобразования: экономические, политические, правовые, идеологические, нравственные, культурные, которые респонденты связали с благополучием собственной семьи.

На шестом месте – все то, что составляет комфортность жизни: наличие хорошего жилья, автомобиля, предметов домашнего обихода и т. д. Для категории молодых семей проблема жилья, является одной из наиболее сложных и требующих больших материальных вложений. Количество семей, состоящих на учете и нуждающихся в улучшении жилищных условий, на конец 2013 года составило почти 773 тыс. граждан (семей). Из общего количества состоящих на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий 354,5 тыс. – молодые семьи (45,9%), 24,2 тыс. – многодетные семьи (3,1%), 20,1 тыс. – граждане, имеющие право на получение жилых помещений социального пользования (2,6%).

В результате проведения целенаправленной и планомерной политики, по решению данного вопроса, начиная с 2003 года в нашей стране наметилась положительная динамика – постепенное снижение количества семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий (рисунок 2.3.2).

[1] Составлена автором по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь

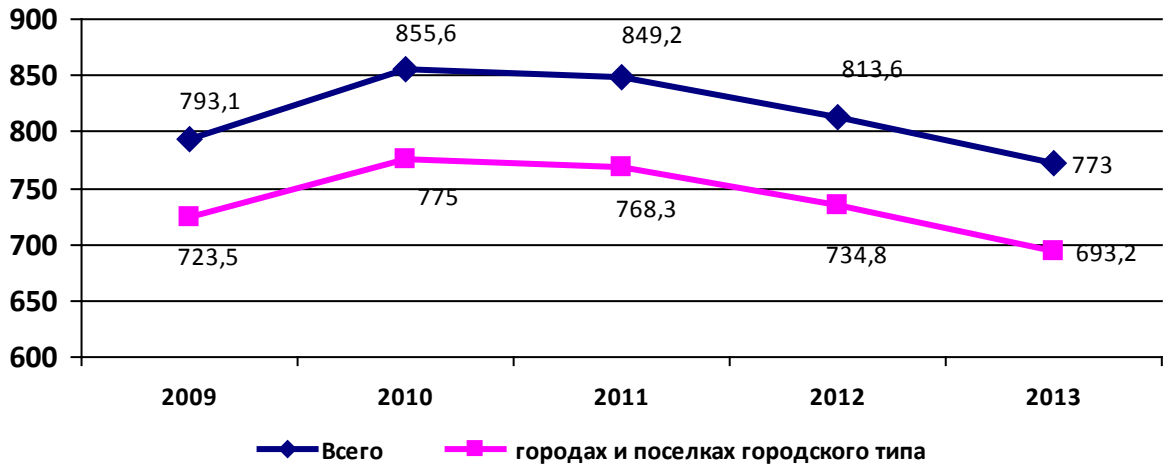

Рисунок 2.3.1 – Количество граждан (семей), состоящих на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий (тысяч))[1]

Соответственно наметился и рост количества семей получающих жилье и улучшающих свои жилищные условия. Так, если в 2003 году таких семей было 19,3 тысячи, в 2006 году – 34 тысячи, то к 2013 году их количество увеличилось до 38,7 тыс. семей, или 4,8% от общего количества состоящих на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий. Среди них 16,6 тыс. молодых семей, 4,6 тыс. многодетных семей, 2,7 тыс. семей, имеющих право на получение жилых помещений социального пользования[1]. И хотя до уровня 1990 года, когда за год 89 тысяч белорусских семей улучшили свои жилищные условия, еще далеко, наметившаяся тенденция позволяет надеяться на стабилизацию и постепенное решение данной проблемы.

В итоге нами рассмотрены шесть основных факторов благополучия, по мнению молодых людей белорусской молодежи. Каждая из этих шести названных позиций была отмечена более чем десятью процентами респондентов.

Среди других, менее популярных мнений о благополучии семьи были следующие ответы: наличие детей, их благополучие, внимание государства к детям; собственные усилия, совпадение удачи и возможности при достижении поставленной цели; доступность образования; хорошее медицинское обслуживание; возможность путешествовать, выезжать за границу и т.д.

Что же должно сделать государство, чтобы представления людей о благополучии своей семьи реализовались? Обратимся к довольно обстоятельным ответам респондентов.

[1] Составлена автором по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь

Прежде всего, нужно:

- стабилизировать экономику, провести необходимые экономические преобразования (35,3 % ответов от числа ответивших)
- изменить социальную политику государства (18,9 %);
- повысить стоимость рабочей силы (18,9 %);
- провести демократические преобразования (12,0 %).

Далее по убывающей идут следующие предложения молодежи:

- улучшить государственную жилищную политику,
- стабилизировать правовую базу страны,
- государство не должно людям мешать работать,
- сделать доступным и более качественным медицинское обслуживание,
- заботиться об экологии, о чистоте окружающей среды,
- вести борьбу с преступностью (коррупцией, взяточничеством и т.д.),
- войти в Евросоюз, объединиться с Россией,
- сделать доступным образование,
- обеспечить мир в стране и хорошие отношения с соседними государствами,
- больше заботиться о детях,
- организовать возможность хорошего досуга для граждан,
- поднять престиж семьи,
- повысить уровень правового сознания населения,
- улучшить демографическую политику,
- ввести нравственную цензуру в СМИ,
- обеспечить национальную солидарность,
- дать в собственность землю,
- обеспечить свободный выезд за границу.

Как видим, список довольно большой и содержит разнообразные предложения молодых людей. Большинство молодежи ожидает от государства преобразований, направленных на улучшение жизни, на повышение ее качества и уровня. Молодежь, не имеющая патерналистских наклонностей, ищет самостоятельные решения собственных проблем и предпринимает определенные шаги. Однако государство не должно оставаться в неведении относительно чаяний и надежд молодежи. Молодежь – это будущее каждой страны. И каким оно будет, во многом зависит от нынешней власти, которая должна не только декларировать права молодежи, но и создавать возможности для реализации этих прав. Это основной вывод, который можно сделать из исследования столичной молодежи, думающей о завтрашнем дне семьи.

Список литературы:

1. О количестве граждан (семей), состоящих на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий, получивших жилье и улучшивших жилищные условия за 2013 год [Электрон.ресурс] – Режим доступа : http://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/naselenie/zhilischnye-usloviya/operativnye-dannye_14/o-kolichestve-grazhdan-semei-za-2013-g/ – (дата обращения : 10.06.2014)

2. Отчет национального исследования причин семейного неблагополучия в Республики Беларусь / С. Н. Бурова [и др.]. – Минск : В. И. З. А. ГРУПП, 2009. – 352с.

ПОСТУРБАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОБЕГ ИЛИ НОВЫЕ ФОРМЫ ВОВЛЕЧЕННОСТИ?

Г.Н. Дончевский –
д.экон.н., профессор, зав. каф. управления
Южного федерального университета,

Л.В. Клименко –
к.социол.н., доцент каф. управления
Южного федерального университета,
доцент

В современной науке процессы постурбанизации, как правило, интерпретируются посредством анализа миграции населения из города в сельскую местность. Такой подход изучению феномена постурбанизации не является удовлетворительным при выявлении глубины, масштабов и перспектив данного явления, за которым уже можно разглядеть очертания мощного цивилизационного сдвига. Исследовательский коллектив сотрудников Южного федерального университета выдвинул гипотезу о том, что на фундаменте урбанизированного типа жизнеустройства уже возникли и множатся новые перспективные (их рабочее наименование – постурбанистические) формы организации жизни и деятельности сообществ людей.

Концептуальные рамки. В качестве ведущих признаков постурбанистических форм жизнедеятельности выступает уход от городской связанности и новые формы вовлеченности в урбанистическую среду. На наш взгляд, город, однажды явив такой новый тип внутренней связности людей, земли и капитала, который позволил сделать мощный рывок по пути роста производительности того, другого и третьего, затем (примерно в середине XX века) мало-помалу начал переходить эту меру связности, которая заложена в балансе качества внутренней связности с качеством вовлеченности (включенности) города в процессы внешней среды. Перестав быть базовым основанием такой вовлеченности (уступив место не- организационно-поселенческим, но информационно-технологическим решениям), город, оставаясь (продолжая восприниматься) главными типом связности, превратил эту связность из фактора обеспечения свободы (в нашем случае – свободы хозяйственно-экономической) в гнетущий фактор нарастающей зависимости и подавления.

Постурбанисты покидая город как место физического проживая или оставаясь в нем (в этом смысле постурбанисты делятся на две большие группы: на городских и сельских постурбанистов) не рубят связность, а если и рубят, то не с плеча и не сгоряча. Их главная цель даже (и вовсе) не связность. В центре

внимания постурбанистов – новые формы, уровни и типы вовлеченности во внешнюю среду, – то, чего город не может им дать, как таковой. Но исторической, образовательной, культурной, экономической и социальной предпосылкой чего он для постурбанистов является.

Важное место в моделях социально-экономической активности постурбанистов занимают современные технологические решения. Явление постурбанистической миграции (как сельской, так и внутригородской) строится на том, что покидая город (реально или номинально) люди сам факт своего освобождения от давления урбанистической связности используют для того, чтобы либо существенно (до экономически значимых пределов) расширить использование в своей жизнедеятельности тех современных технологий, с оторыми они имели дело в городе, либо даже перейти на новый, более высокий технологический уровень.

Методика эмпирического исследования. Исходя из выдвинутых концептуальных гипотез был разработан исследовательский инструментарий опроса представителей постурбанистических форм жизнедеятельности в России. Основным методом сбора эмпирического материала выступило проведение глубинных полуструктурированных интервью [1]. География опроса – Ростовская область, Краснодарский край, Калужская область, Московская область. Время проведения опроса – лето 2015 г. Всего опрошено 12 респондентов (5 из них проживают в городе и 7 – за городом, в родовых поместьях, экопоселениях [2] или просто в сельской местности). Кроме того, в целевых тематических поселениях реализовывалось невключенное наблюдение.

В качестве критериев отбора респондентов выступили следующие позиции. Первичные критерии: 1) новый тип деятельности, основанный на постиндустриальном технологическом укладе; 2) квалификация (компетенции) носителей основанные на образовании / знаниях, сформированных и транслируемых в урбанистической среде; 3) синкретизм работы и семьи (нет разделения работа – дом). Вторичные критерии: 4) все взрослые члены семьи заняты новыми формами семейно-трудового хозяйства; 5) за счет реализации нового технологического уклада бюджет семьи получает не менее 70% доходов (зрелая форма постиндустриальной формы жизнедеятельности).

Результаты исследования. Проведенные эмпирические замеры показали, что ведущим мотивом изменения образа жизни выступают потребности в самореализации, свободе, творчестве, достижение которых было затруднительно в условиях офисной работы. «Хотел обрести свободу… Работодатели решают куда двигаться, а не ты … Жизнь то моя. Она не такая длинная. Хочется не просто прожить её, но и каких-то результатов достичь, оставить какой-то след» (Влад, 28 лет, Ростов-н/Д). «Прошлая работа в большей части была просто с яркой и звучной должностью… Сейчас я занимаюсь тем,

что мне действительно интересно…, меня окружают творческие и интересные люди». (Александр, 32 года, Ростов-н/Д).

Значимым фактором пересмотра жизненной стратегии выступает также идея «ухода» от ограничений урбанизированной среды: пробки, плохая экология, мусор, внешний вид и плотность расположения построек, ритм жизни, характер коммуникаций и пр. «Тут такое скопление людей, иногда хочется побыть наедине с собой. А я не ощущаю, когда соседи кричат, что я наедине с собой». (Влад, 28 лет, Ростов-н/Д). «… со всеми «прелестями» городской жизни – шумом, грязью, машинами, загазованностью, праздношатающимися подвыпившими компаниями». (Сергей, 34 год, садоводческое поселение).

Многие из опрошенных посурбанистов отмечают существование наследственной/ генетической связанности с природой и землей. «Город меня напрягает с семи лет. Вот я себя как помню, в семь лет я оказался там, в какой-нибудь деревне или еще где-то на даче… Мне всегда было шикарно в деревне… Это скорее связано с какими-то генетическими, наследственными или еще чем-нибудь. У каждого совершенно свои приоритеты. Я не люблю шторы на окнах, я люблю смотреть далеко в пространство. Я когда выхожу на улицу, где-нибудь в поле, я себя чувствую прекрасно. А если я вижу какие-то дома перед собой, или лифт, или еще что-то, мне некомфортно». (Лев, 38 лет, Москва-Подмосковье). «…на генном уровне я чувствую землю, я люблю землю…, у меня это ярко выражено. Я всегда стремилась к земле». (Ольга, 54 года, пос. Эльбузд).

Степень дискомфорта от пространственно-коммуникативных ограничений городской среды разнится в зависимости от принадлежности опрашиваемых к одной из двух групп – проживающих в городе или уехавшим из него. Представители зарождающегося постурбанистического уклада в меньшей степени чувствуют «давление» города и стараются обойти существующие ограничения свободным графиком работы, возможность работать удаленно, частотой поездок на отдых и пр. Хотя и в этой группе часто встречаются ориентации на последующий переезд для жизни загородом (у четырех из пяти опрошенных «городских» постурбанистов).

В ряде случаев, особенно среди тех, кто переехал жить за город, проявляется мотив критичного восприятия существующего общества потребления, навязывающего людям потребности и стандарты. «Мы отвыкли от самостоятельности… Выбор еды, одежды, места жительства, веры, диктуется нам из вне. (…) Престижная работа, квартира с подземным гаражом, дача, очередная новая машина и уже немного приевшиеся поездки на море. Удачное замужество. Венеция на годовщину свадьбы. Дети в гимназии. Двадцать сапог, тридцать сумок. На сезон. Всё как у людей. (…) Но наши ли это желания? Или большинство наших стремлений это просто следствие беспощадной рекламы банков, производителей смартфонов, квартир и автомобилей?». (Володар,

41 год, родовое поселение «Миленки»). Поэтому в дискурсивных практиках жителей эко- и родовых поселений более выражен мотив поиска альтернативны урбанистической цивилизации.

В фокусе нашего исследования находятся носители иного типа жизнеустройства, которые, как уже отмечалась, ищут новые уровни и формы вовлеченности в социум, ориентированы на выстраивание многоуровневых коммуникаций с внешним, в т.ч. городским социумом. «Мы не против города, мы не отшельники или сектанты. (…) Идея не в том, чтобы отрезаться от общества, это новая социальная форма. (…) Я активно общаюсь с городскими знакомыми, они часто приезжают к нам в гости…, ищу клиентов в социальных сетях… Мы публично заявляем свою гражданскую позицию, взаимодействуем с властью, продвигаем законопроект о родовых поместьях». (Владислав, 31 год, родовое поместье «Росток»).

Ориентации на профессиональную самореализацию, тесно сопряженную с творчеством, ощущением свободы и удовлетворения от труда, красной нитью проходят через все интервью постурбанистов. «Есть какой-то порыв, в позитивном смысле «казаковать»… Творческая неподчиняемость каким-то рамкам строгим». (Сергей, 34 года, садоводческое поселение). Важно отметить, что для многих опрошенных, переезд и проживание за пределами города (реальные или проектируемые) совсем не означают отказ от прошлой профессии и переориентации на сельскохозяйственные работы. Наоборот, в новых условиях постурбанисты видят больше возможностей для реализации своих профессиональных и творческих устремлений.

Конституирующим параметром организации жизни в рамках постурбанистического уклада является задействование в профессиональной деятельности новейших технологических решений. Все респонденты в той или иной степени задействуют интернет-технологии в своей работе (занимаются программированием, наладкой софта, используют профессиональные программы, создают и обслуживают сайты, в том числе, для продвижения своих товаров или услуг и пр.). Не является этому помехой и жизнь в отдаленных от городской среды поселениях. «Уклад жизни в экологических поселениях не противоречит веку информатизации». (Веселин, 33 года, экопоселение «Цица»).

Отличительной чертой представителей зарождающегося хозяйственно-экономического уклада выступает также ориентация на значимую степень автономии – личностно-психологической, профессионально-трудовой и хозяйственно-бытовой. Не у всех респондентов она одинаково проявляется в трех указанных измерениях, но все ею обладают в первых двух выделенных проявлениях. Все принявшие участие в исследовании постурбанисты самостоятельно определяют вид своей деятельности, условия и график работы, с какими клиентами они работают, какие знания и инструменты развития им необходимы и пр.

Кроме того, в рамках эко- и родовых поселений носители постурбанистических практик (в отличие от «урбанолуддитов») также сохраняют большую степень социальной обособленности и не являются сторонниками хозяйственной и духовно-мировоззренческой общинности. «Все различается обустройством, укладом… Кто-то работает в городе, а поместье здесь. Кто-то здесь дело организовал. То есть это не община, и мы не живем по каким-то принципам общинного заработка. (…) Каждый планировал, видел свою мечту в шаблоне «родового поместья», но у каждого это видение очень разное». (Владислав, 31 год, родовое поместье «Росток»).

Выводы. Таким образом, осознанность (либо простое ощущение) постурбанистов внутренней связности, задаваемым городом, позволяет им осуществлять социальный трансфер из типичных урбанистических форм и видов связности, но не заменять их на другие, также ограничивающие свободу социокультурные системы. Тогда как ушедшие от городской цивилизации «урбанолуддиты» образовывают достаточно закрытые общности, более гомогенные по хозяйственно-бытовому укладу и мировоззренческим основаниям.

В качестве социокультурных факторов и ценностных оснований формирования постурбанистического уклада выступают: 1) ощущение давления и критическое осмысление ограничений городской цивилизации (ритм жизни, экология, коммуникации, потребительские стандарты и пр.); 2) потребности постурбанистов в профессиональной свободы и самореализации; 3) духовные поиски (тяга к земле, равновесие с природой, забота о будущем детей, преемственность поколений).

Причем, водоразделом между относительно малочисленной группой носителей постурбанистических практик и группами внутренних мигрантов из города в сельскую местность выступает нацеленность на трудовую деятельность, включающую в себя современные технологии, размывание границ между работой и семьей, а также открытость к социуму.

Список литературы:

1. Социологический инструментарий исследования разработан к. социол. н. Л.В. Клименко Л.В., к. социол. н. Сенченко И.Н., к.э.н. Ермишиной А.В.

2. В исследовании изучались поселения родовых поместий «Росток» (Ростовская область), «Милёнки» (Калужская область), экопоселение «Цица» (Краснодарский край).

САМООЦЕНКА МОЛОДЕЖНОГО ВЛИЯНИЯ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МЕГАПОЛИСА

С.В. Дорошенко –
д.экон.н, доцент, зав. сектором
региональной предпринимательской
политики Института экономики УрО РАН

Институтом экономики УрО РАН совместно с Уральским федеральным университетом в 2014-2015 гг. был проведен социологический опрос среди молодого населения г. Екатеринбурга (людей в возрасте 14-29 лет) с целью определить потенциал участия молодежи в развитии своего города, а также ее готовность к улучшению собственными силами качества жизни. Опрошено было порядка 400 молодых горожан, в большинстве – студентов ВУЗов.

Один из блоков вопросов касался оценки общего влияния молодых людей на развитие своего города, а также возврата молодежью вложенных в нее государством «инвестиций». По мнению респондентов, влияние молодежи на развитие Екатеринбурга в большей степени проявляется через активное участие в общественно-культурной жизни города – так считает 38,2% респондентов. Следующими по популярности оказались ответы, согласно которым, молодежь «оказывает негативное влияние на внешний вид населенного пункта – мусорит, учиняет беспорядки, совершает акты вандализма» (31,5%) и «привлекается различными организациями и структурами для создания «массовки» на мероприятиях» (29,2%) (табл.1).

Примечательно то, что примерно одинаковое количество респондентов выбрали варианты, по которым молодежь «не оказывает серьезного влияния» (на развитие города) и «вносит значительный вклад в экономическое развитие (как самая многочисленная экономически активная часть населения)» (по 18,0% ответивших), а также «принимает активное участие в благоустройстве населенного пункта на добровольных началах» (16,9%). Также почти равная доля опрошенных считает, что молодежь «являются гордостью населенного пункта в сферах науки/искусства/спорта и т.д.» (11,2%), «в значительной степени влияет на стратегию развития населенного пункта через различные общественные организации, инициативные группы, политические партии», но при этом «оказывает значительное влияние на увеличение уровня преступности в населенном пункте» (по 10,1% ответивших). Таким образом, екатеринбургская молодежь крайне неоднозначно определяет собственное влияние на развитие своего города.

Таблица 1

Самооценка влияния молодежи на развитие города

Варианты ответов	Ответы, %
– принимает активное участие в общественно-культурной жизни населенного пункта (акции, демонстрации, культурно-массовые мероприятия)	38,2
– привлекается различными организациями и структурами для создания «массовки» на мероприятиях	29,2
– оказывает негативное влияние на внешний вид населенного пункта – мусорит, учиняет беспорядки, совершает акты вандализма	31,5
– принимает активное участие в благоустройстве населенного пункта на добровольных началах	16,9
– не оказывает серьезного влияния	18,0
– вносит значительный вклад в экономическое развитие (как самая многочисленная экономически активная часть населения)	18,0
– в значительной степени влияет на стратегию развития населенного пункта через различные общественные организации, инициативные группы, политические партии	10,1
– являются гордостью населенного пункта в сферах науки/искусства/спорта и т.д.	11,2
– оказывает значительное влияние на увеличение уровня преступности в населенном пункте	10,1
– затрудняюсь ответить	11,2

На вопрос о сфере социально-экономического развития населенного пункта, где молодежь может принимать эффективное участие, в Екатеринбурге чаще других выбирался ответ «спорт» – 70,8%. Кроме него, в пятерку лидеров вошли такие варианты, как «образование» (50,6%), «развитие предпринимательства» (49,4%), «здравоохранение, здоровый образ жизни» (43,8%) и «культура, историческое наследие» (41,6%) (рис. 1).

Рис. 1. Сферы эффективного участия молодежи в жизни города

Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на то, что Екатеринбург является центром одного из старопромышленных регионов России, лишь 18,0% опрашиваемых молодых уральцев назвали развитие промышленности той сферой развития города, в которой молодежь может принимать эффективное участие (12-е место). Непопулярными оказались такие сферы эффективного участия представителей екатеринбургской молодежи, как «разработка бюджета области, планов и программ её развития» (13-е место с 16,9%), «жилищно-коммунальное хозяйство» и «социальная защита населения» (14-е место с 14,6%), «дороги, благоустройство, архитектурный облик» (15-е место с 12,4%).

Все выявленные показатели свидетельствуют о сферах социально-экономического развития, приоритетных как для Екатеринбурга в целом, так и для молодежи этого города, в частности. Молодые екатеринбуржцы весьма отдалены от сферы промышленности. В силу особенностей исторического и современного развития Екатеринбурга для его молодых жителей значимы такие сферы, как экология, культура и историческое наследие. В то же время молодые уральцы весьма озабочены благополучием своих земляков, в пользу чего свидетельствует отводимая ими значимость защите прав граждан, поддержанию

общественного порядка и (пусть и в меньшей степени) социальной защите населения. Что касается показателей по таким вариантам ответа, как «разработка бюджета области, планов и программ её развития» и «жилищно-коммунальное хозяйство», то данные показатели говорят о том, что молодые екатеринбуржцы воспринимают местную власть как, в достаточной мере, для них доступную и готовую к сотрудничеству с ними. Следовательно, для молодежи, по сравнению с представителями старшего поколения, менее характерны присущие россиянам патернализм и сознательная удаленность от сферы властных отношений.

При ответе на вопрос о возврате молодежью вложенных в нее «инвестиций» (в виде образования, льгот, молодежных программ) екатеринбуржцы чаще других выбирали вариант «возвращает частично, так как не все молодые специалисты востребованы и не все идеи молодежи поддерживаются» – 42,7% голосов. На втором месте оказался такой вариант, как «возвращает не полностью, так как у различных категорий молодежи разные возможности по доступу к мерам господдержки и, соответственно, разный уровень отдачи» – 33,7% голосов. Таким образом, в Екатеринбурге подавляющее большинство респондентов придерживается мнения о том, что молодежь возвращает вложенные в неё «инвестиции» не полностью или частично по не зависящим от неё причинам.

По вопросу о том, «чего не хватает молодежи, молодежным организациям для активного участия в социально-экономическом развитии населенного пункта» распределение наибольших вариантов ответов в Екатеринбурге выглядит следующим образом: «нет желания, пассивность самой молодежи» – 1-е место (52,8%), «нет реальных рычагов влияния, государство и общество не воспринимают молодежь всерьез» – 2-е место (46,1%), «не хватает знаний, навыков и умений» – 3-е место (41,6%) (табл. 2).

Таблица 2

Барьеры активного участия молодежи
в социально-экономическом развитии мегаполиса

Варианты ответов	Ответы, %
– нет реальных рычагов влияния, государство и общество не воспринимают молодежь всерьез	46,1
– нет желания, пассивность самой молодежи	52,8
– ограниченность возможностей привлечения финансирования для реализации собственных идей	30,3
– не хватает знаний, навыков и умений	41,6

– разрозненность действий, нет единой силы, которая бы объединяла и направляла молодежь	27,0
– не хватает объективной полной информации о положении дел и проблемах территории	24,7
– затрудняюсь ответить	4,5

На наш взгляд, отмечаемая большинством респондентов пассивность молодежи является следствием крайнего индивидуализма многих молодых людей, их озабоченности, в первую очередь, своими собственными проблемами. Таким образом, полученные нами в ходе опроса данные подтверждают тезис Е.К. Казариной-Волшебной, И.Г. Комиссаровой и В.Н. Туренко о снижении созидательно-альтруистической ориентации у современной российской молодежи [1].

В целом, результаты опроса показали высокий уровень тревожности молодых екатеринбуржцев по поводу текущей ситуации и перспектив развития их города. Что примечательно, молодежь отводит себе достаточно активную роль в развитии разных сфер жизни мегаполиса.

Список литературы:

Казарина-Волшебная Е.К., Комиссарова И.Г., Туренко В.Н. Парадоксы трансформации ценностных ориентаций российской молодежи. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2012/09/29/1251348844/Kazarina.pdf.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: ОТРАЖЕНИЕ В ПАМЯТИ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ РОССИИ (ПО ИТОГАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Н.В. Дулина –
доктор социологических наук,
профессор, заведующая кафедрой
«История, культура и социология»
Волгоградского государственного
технического университета

Е.Н. Икингрин –
кандидат социологических наук,
доцент, первый федеральный вице-
президент
Российского общества социологов

Великая Отечественная война и память о ней занимают особое место, как в истории России, так и структурировании пространства отдельных территорий страны. В настоящее время, когда коммуникативная память уступает свое место культурной памяти об этом событии, важно знать, что же знают и помнят современные студенты о тех страшных 1418 днях, которые не только оказались серьезной проверкой на прочность людей и страны, но и изменили судьбы многих народов. Напомним, что культурная память недолговечна и составляет всего 80–100 лет. А в этом году страна торжественно отмечала семидесятилетие Великой Победы. Бессмертный полк прошел по всей страны, подняв из глубин души память очень многих. Однако на фоне всеобщего праздника нельзя не принимать во внимание тот факт, что споры и столкновения мнений по поводу политики памяти как о Второй мировой войне в целом, так и о Великой Отечественной войне, с течением времени не стихают, а становятся все более интенсивными, свидетельствуя, с одной стороны, о желании что-то «подправить» в истории, переписав отдельные ее страницы, и, с другой стороны, в возникновении разрывов в преемственности культурного наследия.

В свете данных обстоятельств социологическое исследование отношения учащейся молодежи к событиям Великой Отечественной войны принимает особую актуальность. Одно из ряда таких исследований, а к 70-летию Победы их было проведено достаточно много [9], было инициировано Российским обществом социологов (РОС).

Полевой этап исследования прошел в ноябре 2014 года – январе 2015 года. Всего было опрошено около 5 тысяч (4754) студентов из полусотни

вузов почти 30 городов России. В исследовании не представлены только Северо-Западный и Крымский федеральные округа. Научные руководители проекта: Ю. Р. Вишневский (г. Екатеринбург, УрФУ), Е. Н. Икингрин (г. Нижневартовск, НВГУ), Н. В. Дулина (г. Волгоград, ВолгГТУ), Е. И. Пронина (г. Москва, ИС РАН). Технические параметры проведенного исследования представлены на официальном сайте РОС и опубликованных материалах (см. напр., [1]). Это исследование является продолжение двух предыдущих волн. Первая волна была проведена в канун 60-летия Великой Победы (в марте 2005 г.). Тогда было опрошено более 2000 студентов из разных регионов России. В 2010 году к 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне исследование повторили. Во второй волне проекта, приняли участие уже более 3500 студентов 36 вузов из 15 городов России. Во всех трех волнах проекта (2005, 2010, 2015 гг.) исследование носило зондажный характер. Задача репрезентации выборки не ставилась, полученные результаты могут распространяться только на исследованную совокупность, либо использоваться как справочные. Однако объем «поля» позволяет, как нам представляется, не только предложить достаточно большой объем информации для размышления, но и сделать вполне обоснованные выводы. Результаты исследования всегда выносятся на публичное обсуждение, докладываются на научных конференциях (см., напр., [2, 3, 5–9] и др.). Общее название проекта звучит следующим образом «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне».

В рамках данного материала мы хотели бы сравнить результаты, полученные в ходе исследования, только по двум городам – Волгограду и Нижневартовску. Объяснение такого желания довольно простое. Первое, очевидное, это, «привязка» авторов к этим городам (по месту проживания и работы на момент проведения исследования). Второе, с нашей точки зрения, более значимое обстоятельство: общее и особенное, что должно проявиться в мнениях студентов в зависимости от территории проживания (см., напр., [4]). Выбранные города по разному пережили «сороковые–пороховые». Волгоград (Сталинград) оказался на самом острие военных событий Великой Отечественной войны. Нижневартовск как город ведет свою историю только с 1972 года. Поселок, из которого вырос город, был в глубоком тылу, в стороне от фронтовых дорог. Еще одна особенность города Нижневартовска – в конце 80-х начале 90-х годов только 2% взрослого населения были местными жителями, т.е. большинство дедов и прадедов нынешних студентов, жили в разных регионах Советского Союза.

Дизайн выборки по городам исследования выглядит следующим образом. В Волгограде было опрошено 313 человек, в Нижневартовске – 395. Выборки несколько отличаются и по структуре. В Волгограде 46,4 % опрошенных составили юноши, 53,6 % – девушки. В Нижневартовске ситуация

отличается: юношей среди опрошенных оказалась только треть (30,6 %), девушек – две трети (69,4 %). И еще одно отличие. В Волгограде большая часть респондентов обучается на технических специальностях (53,4 %), в Нижневартовске – на гуманитарных (55,2 %).

Данные, полученные в ходе социологического исследования, позволяют сказать, что значимых различий в отношении ко Дню Победы и празднованию годовщины этого события у студентов двух городов не наблюдается (см. табл. 1). Считаем важным обратить внимание, что тема Великой Отечественной войны для молодежи важна, подавляющее большинство опрошенных студентов (84,8 % в Волгограде и 86,1 % в Нижневартовске) не поддержали мнение о том, что «Великая Отечественная война была давно, мне это не интересно» (см. табл. 1). Свидетельством того, что это поистине всенародный праздник является и то, что почти половина студентов (47 %) определяют 9 Мая как день памяти о родных, прошедших войну. Подтверждением этому является и то, что почти у половины семей до сих пор хранятся реликвии военных лет (см. табл. 2). В тоже время значимое число респондентов отметили, что «с годами память о войне все более стирается в сознании новых поколений, ее заслоняют иные события и проблемы» (с такой альтернативой согласились 16,1 % волгоградцев и 14,6 % респондентов Нижневартовска) и что «героизм и самопожертвования во время Великой Отечественной войны становятся чуждыми значительной части молодежи» (соответствено 8,9% волгоградцев и 6,9% нижневартовцев).

Таблица 1

Отношение студентов ко Дню Победы, %%

Вопросы, варианты ответа	Волгоград	Нижневартовск
Согласны ли Вы с мнением «Великая Отечественная война была давно, мне это не интересно»?		
Согласен	1,9	1,0
Не очень согласен	13,2	12,9
Не согласен	84,8	86,1
Чем для Вашей семьи является День Победы?		
«Праздник со слезами на глазах»	45,8	47,3
День памяти о родных, прошедших войну	46,7	47,0
Просто выходной	7,5	5,7
Приближается 70-летие Победы. Какие мысли и чувства вызывает у Вас эта дата?		
Память о минувшей войне сохранится в сознании моих сверстников	12,1	11,6

Подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут и в будущем примером для новых поколений	63,0	66,9
С годами память о войне все более стирается в сознании новых поколений, ее заслоняют иные события и проблемы	16,1	14,6
Героизм и самопожертвования во время Великой Отечественной войны становятся чуждыми значительной части молодежи	8,9	6,9

В семьях россиян хранятся реликвии военных лет – свидетели, соединяющие живых и мертвых во времени и пространстве. В основном это награды, фотографии, вещи военных лет и письма. Но, заметим, что о наградах и фотографиях в своих ответах студенты упоминали значительно чаще, чем о других реликвиях (см. табл. 2). Вполне ожидаемо, что в Волгограде в большем количестве семей хранятся реликвии военных лет (50,2 %), чем в семьях Нижневартовска (37,2 %). Полагаем важным хранение реликвий военного времени не только в музеях, но и в семьях, поскольку культурная память обязательно связана с социальными группами, для которых она служит условием самоидентификации, укрепляя в них ощущение единства и собственного своеобразия.

Таблица 2

Ответы студентов о хранении в их семьях реликвий военных лет, %%

Варианты ответа	Волгоград	Нижневартовск
Хранятся ли в Ваших семьях реликвии военных лет?		
Да	50,2	37,2
Нет	49,8	62,8
Какие реликвии у Вас хранятся?		
Письма	19,6	20,1
Фотографии	65,4	65,3
Награды	70,6	63,9
Вещи военных лет	32,7	26,4
Другое	3,9	3,5

Заметна разница в перечне тех реликвий, которые студенты отнесли в категории «Другое»: в Волгограде это (перечислено по степени убывания количества ответов): оружие, обмундирование (китель, пилотка, каска, шапка танкиста, погоны и т. д.); бытовые предметы (ложка, портсигар, бритва, карманные часы и т. д.); фронтовой дневник, тетрадь стихов, написанных

на войне; мемуары, воспоминания и др. (есть и такое: «орден с немца»…); в Нижневартовске перечень реликвий военных лет выглядит несколько иначе: мемуары, воспоминания, книги, монеты. В обоих городах в альтернативе «другое» четверть ответов составляют «ордена и медали», причем, как правило, это уточнение, например, «Орден Красного знамени». Хотя, как это можно заметить, среди предложенных альтернатив была обозначена и такая как «Награды». Видимо, для части студентов конкретный орден (медаль) – это не тоже самое, что награда вообще. Интересная деталь, которая нуждается в дополнительной проверке.

Цифры, приведенные в таблицах, вполне, как мы уже отметили выше, обнадеживающие. Но в сопоставлении с ответами студентов о качествах современного патриота, как-то заметно меркнут (см. табл. 3).

Таблица 3

Мнение студентов о том, что значит сегодня быть патриотом России, %%

Варианты ответа	Волгоград	Нижневартовск
Испытывать чувство ответственности за происходящее в стране	36,4	42,2
Быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны	40,9	38,9
Испытывать гордость за свою страну	71,1	78,5
Обладать чувством хозяина в своей организации, городе, стране	5,8	5,4
Покупать в основном отечественные товары	4,2	4,9
Уважать и знать историю России	79,9	81,3
Уважительно относиться к участникам ВОВ, людям пожилого возраста, инвалидам	64,9	74,6
Принимать участие в общественной и политической жизни страны	22,4	27,7
Не уклоняться от службы в армии	28,2	34,5
Честно и добросовестно трудиться	24,4	26,7
Что-то другое	1,9	2,1

Студенты Волгограда заявляют, как свидетельствуют полученные данные, чуть более активную позицию (но опять-таки, только на словах), чем студенты Нижневартовска. Но в целом портрет в обоих городах получается какой-то пассивный – «сделайте так, чтобы я мог гордиться своей страной».

Трети четверти опрошенных (71,1 % в Нижневартовске и 78,5 % в Волгограде) хотели бы испытывать гордость за свою страну, но значительно

меньше желающих принять на себя ответственности за происходящее в стране (42,2 % и 36,4 %, соответственно) или честно и добросовестно трудиться (24,4 % и 26,7 %, соответственно), также как и принимать участие в общественных делах (22,4 % и 27,7 %) и т. д. Этакий взгляд стороннего наблюдателя… Но справедливости ради, заметим, что такой же портрет патриота 5-ти или 10-ти летней давности выглядел еще более сумрачно. Так, например, если испытывать гордость за свою страну хотели также трети четверти опрошенных, то уважать и знать историю России – не более половины, быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны – не более четверти респондентов, испытывать чувство ответственности за происходящее в стране – не более трети, не уклоняться от службы в армии – от 5 % до 10 % по разным территориям исследования.

Полагаем, что заметный рост цифр, это «отклик» на огромные усилия, которые прикладывают, в том числе и преподаватели вузов, по воспитанию у студентов патриотических чувств к своему Отечеству, укреплению в их сознании патриотических ценностей.

К сожалению, в рамках одной отдельной статьи невозможно представить весь обширный материал, собранный в ходе всероссийского опроса студентов. Этот материал еще требует как дополнительно обработки, так и более глубокого анализа тех аспектов, которые выявлены в оценках и мнениях студентов. Но завершая представление небольшой части, полученных в ходе социологического исследования результатов, можно сказать, что память о Великой Отечественной войне объединяет студентов на разных территориях проживания, формируя ядро их общей памяти в истории страны. Нет оснований говорить о том, что память эта едина и монолитная, скорее, хрупкая и требующая чуткого и внимательного отношения со стороны социума, но эта память не что иное, как связующий компонент общества и одновременно залог его будущего.

Список литературы:

1. Вишневский, Ю. Р. Из опыта организации и проведения Всероссийским обществом социологов всероссийских социологических опросов / Ю. Р. Вишневский, Н. В. Дулина, Е. Н. Икингрин, Е. И. Пронина // V социологическая Грушинская конференция «Большая социология: расширение пространства данных». 12–13 марта 2015 г. – Материалы конференции. – М.: ВЦИОМ, 2015. – С. 450–453.

2. «Война была … вчера». Российское студенчество о Великой Отечественной войне / коллек. авторов под. общ. ред. Ю. Р. Вишневского и В. Т. Шапко // Новый ковчег. –2005. – № 2. – С. 8–13.

3. Война была позавчера… Российское студенчество о Великой Отечественной войне: Материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 312 с.

4. Дулина, Н. В. Великая Отечественная война: общее и особенное в мнениях студентов Федеральных округов России / Н. В. Дулина, С. В. Каргаполов, Е. В. Каргаполова, О. С. Хамзяева // Война была позавчера… Российское студенчество о Великой Отечественной войне: материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под общ.ред. Ю. Р. Вишневского. – Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2015. – С. 202–208.

5. Дулина Н. В. Не прошедшее время: студенчество о Великой Отечественной войне / Н. В. Дулина, Н. А. Овчар // Известия Волгоградского государственного технического университета: межвуз. сб. науч. ст. № 9 (69) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2010. – С. 164–166.

6. Дулина, Н. В. Патриотические ценности современной студенческой молодежи: между Россией и Западом (по итогам проведения социологического исследования) / Н. В. Дулина, Н. А. Овчар, В. В. Токарев // Материалы XVIII Международной конференции «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. / редакционная коллегия: Грунт Е. В., Кораблева Г. Б., Меренков А. В., Рыбцова Л. Л., Старшинова А. В. – Екатеринбург, УрФУ, 2015. – С. 167–177.

7. Икингрин, Е. Н. Актуальные проблемы патриотического воспитания молодежи / Е. Н. Икингрин, Е. И. Пронина // Современное российское студенчество: историческая память о Великой Отечественной войне и формирование патриотизма и гражданственности / под общей ред. Ю. Р. Вишневского. – Екатеринбург: УрФУ, 2011. – С. 199–203.

8. Саралиева, З. Х. Великая Отечественная Война в памяти поколений / З. Х. Саралиева, С. С. Балабанов, П. И. Куконков / Под ред. Е. В. Чупрунова. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, 2010. – 63 с.

9. Саралиева, З. Х. Учащиеся о Великой Отечественной войне / З. Х. Саралиева, Г. С. Широкалова, П. И. Куконков. – Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2015. – 49 с.

ОРГАНИЗАЦИЯ И УСЛОВИЯ ТРУДА УЧИТЕЛЕЙ ЮГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Г.З. Ефимова –
к.социол.н., доцент кафедры общей
и экономической социологии
Тюменского государственного
университета

Престиж профессии учителя в России долгое время был крайне низок. Однако, в последние годы уважение к педагогической профессии неуклонно возрастает. По результатам опроса Фонда общественного мнения при ответе на вопрос: «Профессия школьного учителя пользуется или не пользуется уважением?»: вариант ответа «не пользуется» в 2001 году выбрали 63% россиян, в 2006 – 55%, в 2012 – 47%, в 2014 году – лишь 7%. В 2014 году впервые количество респондентов, уверенных в высоком престиже профессии учителя составило 54%, превысив количество тех, кто придерживался противоположной точки зрения [1].

Престиж профессии – это отражение ее восприятия обществом, но наряду с этим важным показателем необходимо определить, как же сами учителя воспринимают свою работу и насколько удовлетворены отдельными ее аспектами. Для этого остановимся на анализе организации и условий труда педагогического коллектива общеобразовательных учреждений и уровня удовлетворенности ими. В Трудовом кодексе РФ «условия труда» определены как «совокупность факторов производственной среды и трудового процесса, оказывающих влияние на работоспособность и здоровье работника» [2].

На материалах социологического исследования, проведенного в 2015 году коллективом социологической лаборатории при кафедре общей и экономической социологии ТюмГУ (по изучению качества жизни учителей юга Тюменской области. Руководитель НИР: Академик РАО, доктор философских наук, профессор Шафранов-Куцев Г.Ф. [3]), рассмотрим основные переменные, характеризующие организацию и условия труда учителей: «качество питания в столовой», «обеспеченность методической литературой», «объем еженедельной нагрузки», «доля “бумажной” работы», удовлетворенность объемом учебной нагрузки и государственным управлением образования. Вместе с тем, немаловажным элементом для благоприятного трудового процесса является оснащенность рабочего места учителя если не по последнему слову техники, то как минимум не устаревшим оборудованием, компьютерными программами и техническими средствами, наличие в школьном здании Интернета (в т.ч. беспроводного), а также наличие необходимой методической литературы. Помимо названных индикаторов для

оценки организации и условий труда важно проанализировать количество часов, которые учитель еженедельно тратит на проверку тетрадей, внеклассную работу и различную «невидимую» «бумажную» работу. Как следствие для любого трудового процесса (особенно связанного с работой с детьми) – утомление и умственное напряжение.

Условия труда учителя можно разделить (с определенной долей условности) на три категории: санитарно-гигиенические (степень освещенности, шумового или вибрационного воздействия); организационные (режим труда, физическая и психическая нагрузка, особенности рабочей позы); социально-психологические (неформальные отношения с коллегами, руководителями, социально-психологический климат).

В основном учителя удовлетворены условиями труда – абсолютное большинство оценивают их как «хорошие» и «удовлетворительные». Однако наиболее высокой оценки заслужили именно санитарно-гигиенические условия (60% учителей охарактеризовали их как хорошие), социально-психологические (53%), а наиболее низкой – организационные (41%). Ответы мужчин и женщин на вопрос не имеют значимых статистических различий. Однако, чем старше учитель, тем менее позитивно он оценивает социально-психологические характеристики взаимоотношений в коллективе – как хорошие их оценили 60% учителей младше 30 лет и 51% учителей в возрасте 50-59 лет.

Высокое качество питания в столовой также важно для оценки условий труда учителя. Более 2/3 респондентов считают, что школьная столовая предоставляет качественное питание (69%), а затруднились с ответом 18% респондентов.

Обеспеченность методической литературой. Удовлетворены наличием в библиотеке школы необходимой по преподаваемому предмету методической литературы менее половины учителей (44%, из них полностью удовлетворены только 16%), не удовлетворены 50%, затруднились с ответом 6%.

Объем еженедельной поурочной нагрузки. В неделю большинство учителей (50%) ведут урочную нагрузку в размере от 21 до 30 часов. Прочие варианты загруженности представлены в идентичной процентной доле. Менее 17 часов – 17%, от 17 до 20 часов – 19%, более 30 часов – 14%. Трудовая загруженность связана с общим трудовым стажем учителя. Менее 17 часов в неделю урочной нагрузки выполняет лишь один из семнадцати молодых учителей (6% со стажем менее 5 лет) и каждый пятый учитель, проработавший более 20 лет (20%). С увеличением стажа работы снижается уровень нагрузки, выполняемой учителем. Среди мужчин уровень трудовой загруженности в 1,2 раза выше. Более 21 часа урочной нагрузки у 75% мужчин и 63% женщин.

Доля проверки тетрадей, работ учеников в структуре еженедельной занятости в основном занимает не более четырех часов (56%). От пяти до восьми часов на данную работу тратит 27% учителей, свыше восьми часов – каждый шестой педагог (17%). Итак, в основном проверка тетрадей и работ учеников занимает не более четырех часов в неделю. Однако женщины склонны

уделять этому занятию больше времени, чем представители сильного пола. Не более четырех часов в неделю на проверку заданий тратят 73% мужчин и 53% женщин. От пяти до восьми часов – 19% и 28% соответственно. Более восьми часов еженедельно расходуют 9% мужчин и 19% женщин. Количество респондентов, стремящихся максимально оптимизировать процесс проверки тетрадей учеников увеличивается с возрастом: от 48% в возрастной группе молодых учителей (до 30 лет) до 67% среди учителей старше 60 лет.

Доля внеклассной работы. В большинстве случаев учителя тратят от одного до четырех часов в неделю на внеклассную работу (50%), от пяти до восьми часов – менее трети школьных педагогов (29%). Свыше восьми часов – 9% респондентов, а 12% не ведут внеклассную работу. Различия в ответах респондентов на данный вопрос в зависимости от пола статистически не значимы, так как не превышают ошибку выборки. Исключение составляют респонденты, занятые внеклассной работой со школьниками более 8 часов в неделю. Такие варианты ответа выбрали 13% мужчин и лишь 9% женщин.

Доля «бумажной» работы. Учителям предложено указать количество часов в неделю, которое у них уходит на различного рода «бумажную» работу. Большинство учителей (50%) тратят на нее от 1 до 4 часов в неделю. Более трети респондентов загружены ею гораздо больше, уделяя от 5 до 8 часов (40%), а 10% вовсе не тратят время на подобную работу.

Рассмотрим подробно, какие именно поручения учителя понимают под «бумажной» работой: разработка анкет, а также опрос учителей и школьников по различным анкетам министерства, департамента и прочих учреждений; отчеты различного вида (по учебной, воспитательной работе) и в различные организации; составление тестов; составление планов (поурочные, годовые, воспитательные, индивидуальные, календарно-тематические); ведение бумажного и электронного журнала успеваемости; ведение табеля на питание в столовой; проведение различных мониторингов; протоколы педсоветов и совещания, мероприятий различного уровня; разработка поурочных конспектов; ведение карт реабилитации детей, заполнение карты здоровья и подсчет индекса здоровья учеников; оформление работ на конкурсы; составление и редактирование рабочих программ; работа с интернет-дневником, на сайте Web-школа; ведение портфолио учеников; заполнение документов; ответы или запросы в различные инстанции, а также обработка писем, информации; оформление кабинета, оформление залов, стендов, обновление раздаточного материала; протоколы родительских собраний, сбор различных согласий от родителей, заполнение актов посещения семей.

Перечисляя виды бумажной работы педагоги отмечают, что этот труд «никому не нужен и идет сразу же в архив, а потом – в мусорную корзину». («Бумажной работы очень много и она связана с работой учителя!»; «все трудно, пишем и пишем, а детей учить некогда»; «нужно прописывать каждый шаг»; «если нет бумажки о выполненной работе, то работы не было!»;

«с детьми работаем меньше, чем бумажки пишем»; «часто эти бумаги не имеют практического применения»). Максимальную загруженность «бумажной» работой учителя отмечают в конце каждой четверти. Причину роста количества отчетов и форм для заполнения учителя видят в частой смене стандартов, учебных программ и бюрократизации сферы образования.

Молодые учителя в наименьшей степени загружены «бумажной» работой, не связанной напрямую с их должностными обязанностями. Так, среди респондентов, имеющих стаж работы менее пяти лет, вовсе не тратит время на «бумажную работу» каждый шестой респондент (17%). Примечательно, что данный процент снижается с ростом педагогического стажа, достигая всего 8% у респондентов, работающих в педагогике дольше 20 лет. Соответственно, можно сделать вывод, что «бумажная работа» занимает достаточно много времени в графике современного учителя и часто дублируется как в печатном, так и в электронном виде. «Бумажной» работой загружены в наибольшей степени женщины – так, среди них 41% тратит на нее более 5 часов, а среди учителей-мужчин только 25%, что в 1,6 раза меньше.

Удовлетворенность объемом учебной нагрузки. В среднем по выборке две трети учителей удовлетворены объемом своей учебной нагрузки (76%), в том числе каждый четвертый высказал полную удовлетворенность (24%). Удовлетворены управлением образованием 60% учителей (доля респондентов, выбравших варианты ответов «полностью удовлетворен» и «скорее удовлетворен»). Высокую утомляемость на работе (вариант ответа «устаю практически всегда») отмечает каждый второй учитель (48%), «довольно часто» замечает усталость после трудового дня каждый третий педагог (35%). Иногда ощущают утомление 16% респондентов и практически никогда не устают 1%. Взаимосвязь переменной со стажем педагогической деятельности статистически не значима. Немного большую усталость от работы ощущают женщины. Так, они в 1,5 раза чаще по сравнению с мужчинами выбирали вариант ответа «устаю практически всегда» (50% против 34%).

В зависимости от возраста респондентов в наибольшей степени чувствуют усталость после рабочего дня респонденты 30-39 и 40-49 лет – при ответе на вопрос «Как часто устаете на работе?» они выбирали варианты ответов «довольно часто» и «практически всегда» в 87% и 89% случаев, что в 1,5 раза чаще респондентов старше 60 лет. Очевидно, что именно на учителей зрелого возраста (от 30 до 49 лет) ложится основная трудовая нагрузка. Более молодая возрастная группа респондентов пока не настолько компетентна, чтобы играть главную роль в трудовом процессе, а учителя предпенсионного и пенсионного возраста в большинстве своем, вынуждены ограничивать трудовое рвение из-за различных обстоятельств.

Оценка степени умственного напряжения. Абсолютное большинство респондентов высоко оценивают степень умственного напряжения на рабочем месте 99% (доля респондентов, выбравших варианты ответов «да» и «в основном да»).

Оснащенность школы компьютерными программами, техническими средствами можно оценить как недостаточную. Немногим более трети респондентов (39%) отметили, что в их школе «много оборудования, компьютерных программ и технических средств, используемых в образовательном процессе и доступных для учеников»; «много оборудования, которым может пользоваться только учитель» в каждом четвертом случае (23%). Такой вариант допустим в отношении высокотехнологичного оборудования, но если речь идет об ограничении доступа учеников к техническим средствам по причине нехватки их количества – это негативно отражается на образовательном процессе и, как следствие, на знаниях и навыках школьников. Об устаревшем оборудовании заявили 15% учителей, а каждый четвертый отметил, что оборудования мало или оно отсутствует (23%).

Соответственно, в группе риска по недоиспользованию современных технологий находятся школьники 38% опрошенных учителей. Разумеется, это проблема не самих учителей, а школ и муниципальных образований, в которых они расположены. Какими техническими устройствами оснащено рабочее место учителя? Наиболее распространенным элементом является учительский ноутбук (60%). На втором месте: принтер (48%), мультимедийный проектор (47%), экран (44%), демонстрационные материалы (42%), магнитная доска (41%). Только один из пяти учителей имеет доступ к сканеру и интерактивной доске (по 18%).

Рабочее место 80% учителей оснащено персональным компьютером. Навыками пользования компьютером владеют 98% респондентов. Всего 22 человека отметили, что не умеют работать с персональным компьютером. Их социально-демографический портрет: 17 человек из 22 работают в педагогике более 20 лет, четверо имеют стаж от 11 до 20 лет, а один человек работает учителем от 6 до 10 лет. Разумеется, стаж связан с возрастом респондента. Но связан ли он с компьютерной грамотностью? Итак, не обладают навыками работы за ПК: 11 учителей в возрасте от 50 до 59 лет, 4 человека старше 60 лет. Однако компьютерная неграмотность – отнюдь не возрастная характеристика: среди учителей в возрасте 30-39 лет не обладают соответствующими навыками 3 человека, а среди 40-49-летних учителей – 4 человека.

Доступ к сети Интернет имеют 69% учителей, наличие в школе Wi-Fi отметил каждый второй респондент (54%). Для работы школьный Wi-Fi использует только 16% учителей. Для чего же учителям нужен Wi-Fi? Для работы с сайтом Web-школа, заполнения электронного дневника, электронного журнала; подготовки к урокам (просмотр видео-, аудиозаписей, поиск актуальной информации); проверки электронной почты, ответов на письма по работе и запросы из вышестоящих структур, пересылки документов; обновления программ на компьютере; работы с ноутбуками в кабинете, для выполнения онлайн-заданий и тестов; сетевого взаимодействия педагогов; чтения электронных книг и журналов для обновления своих знаний.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о довольно высоком уровне удовлетворенности условиями труда учителей юга Тюменской области с перспективой его повышения.

Список литературы:

1. Учитель: престиж профессии и необходимые качества // Официальный сайт Фонда «Общественное мнение» // http://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/11773 (дата обращения 01.09.2015).

2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 №197-ФЗ (ред. от 13.07.2015) ТК РФ, Статья 209. Основные понятия // Сайт «Консультант ПЛЮС» // http://goo.gl/7nTNZs (дата обращения 01.09.2015).

3. Тюменское учительство: работа и качество жизни / под ред. Г.Ф. Шафранова-Куцева, академика Российской академии образования. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2015. – 264 с.

РОЛЬ ИНТЕРНЕТА В СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

М.С. Жулева –
к.ист.н., доцент кафедры социологии
Тюменского государственного
нефтегазового университета

Е.А. Политыко –
студентка 3 курса Тюменского
государственного нефтегазового
университета

Интернет в современных условиях влияет на жизнь огромного количества людей, став значительным актором социализации. Его распространение и, как следствие, рост интернет-зависимости, особенно среди молодежи, определяет актуальность заявленной темы.

Процесс социализации осуществляется в определенной предметно-пространственной среде. Интернет существенным образом изменил условия социализации:

- предметно-пространственную среду (природные, а особенно общественные и бытовые условия, определяются сегодня, прежде всего, информационными технологиями);
- социальные отношения (межличностное, производственное и даже семейное общение осуществляется через Интернет и социальные сети);
- социально-значимая информация потребляется также в значительной степени через Интернет. Традиционные СМИ (пресса, телевидение, радио) начинают отходить на второй план. Интернет становится важнейшим источником информации, средством обучения, например, преподавания через дистанционные формы.

Интернет изменяет характер и содержание этапов социализации:

1 этап – первичная социализация. Если раньше в детском возрасте семья, родители играли в первичной социализации ключевую роль, то сегодня возрастает значение Интернета, так как мультфильмы, фильмы, игры ребенок берет из всемирной паутины; став школьниками, при помощи Интернета дети готовятся к урокам, черпают оттуда самую разнообразную информацию (хобби, друзья, общение). Аналогичная работа ведется в будущем уже и студентами.

2 этап – вторичная социализация (связанная с формально-деловыми отношениями). Руководители организаций, учреждений нередко связываются со своими сотрудниками по электронной почте, требуют через нее же предоставлять отчеты и т.д. Распространенным явлением становятся ситуации, когда работодатели используют Интернет (социальные сети в том числе) при

принятии человека на работу. Официальные представители государства и его органов также переходят на электронный вариант документов, оплаты счетов, которые делаются через Интернет.

Даже когда прекращается активная трудовая деятельность, люди преклонного возраста не перестают активно общаться в Интернете. По результатам опроса, респонденты отметили, что почти 60% их родителей зарегистрированы в социальных сетях.

Интернет существует в собственном пространстве (киберпространстве), в котором осуществляется виртуальная компьютерная социализация – киберсоцализация [1; 22]. Интернет, как всемирная информационная система, образующая киберпространство, особую реальность, порождает киберкультуру со своими понятиями, ценностями, образом мысли и языком и является сегодня одной из главных составляющих становления информационного общества.

Межличностное взаимодействие в киберпространстве осуществляется виртуальными субъектами, полем коммуникации которых, в первую очередь, выступают социальные сети (Одноклассники, Вконтакте), занимающие ключевое место в формировании киберкультуры. Социальная группа, входящая в ту или иную сеть, характеризуется большой численностью, неустойчивостью, временной включенностью, отсутствием индивидуализации. Последнее особенно привлекает молодежь, так как позволяет конструировать свой образ, наделяя его положительными качествами, более высоким социальным статусом.

Социализация осуществляется в результате деятельности агентов социализации. Если традиционные агенты (люди, учреждения и др.) несут ответственность за последствия и конечный результат данного процесса, то в Интернете этого не предполагается.

Рассмотрим некоторые результаты (связанные с характеристикой Интернета как агента социализации) поискового социологического исследования влияния социальных установок студенческой молодежи в отношении нелицензионной продукции, проведенного авторами в январе-марте 2015 г. (методом анкетирования). Было опрошено 120 человек. Из них: 57,9% мужчин, 42,1% женщин. По социальному положению: студенты – 55,5%; рабочие – 21%; ИТР – 14,3%; руководители предприятий – 0,8%; предприниматели – 2,5%; домохозяйки – 0,8%. В возрасте до 20 лет – 41,1%, 20 -30 лет – 38,7%; 30-35 лет – 11,8%, от 36 до 50 лет – 2,5%, старше 50 лет – 0,8%. Проживают в Тюмени – 61,3%; на Юге Тюменской области – 4,2%; на Севере – 32,8%; в других регионах – 1,7%. В выборку (использовалась случайная, по принципу принадлежности) были включены как студенты, обучающиеся по компьютерным (59,6%), так и некомпьютерным специальностям (экономисты, геологи, транспортники и др. – 40,4%).

Интернет занимает большое место в жизни студенческой молодежи. 100% респондентов имеют к нему доступ. Ответы на вопросы, связанные со временем проведения в глобальной сети, показывают, что ежедневно

пользуются Интернетом – 89,1%; четыре – шесть раз в неделю – 7,6%; два – три раза – 2,5%; при этом 50% респондентов проводят в Интернете от 4,1 до 10 часов; 25% – от 10,1 до 17 часов; 8,3% – свыше 17 часов в день. Анализ этих результатов позволяет сделать вывод, что у определенной части формируется интернет-зависимость.

В ходе исследования выяснялись цели использования Интернета. Первое место занимает получение информации (63%); второе – досуг (52,9%); третье – знакомства и общение с друзьями (51,3%). Далее следует – скачивание ресурсов (игр, музыки, программ и т.п. – 45,4%). Так как 55,5% респондентов являются студентами – около 30% респондентов применяют Интернет для обучения. Определенное место занимают покупки – 22,7%. Незначительно используются возможности сети для работы, получения прибыли (5,9% – владельцы сайтов, а для 8,4% он – источник дополнительного заработка).

Исследования, проведенные другими авторами, также подтверждают, что у студентов, в отличие от других групп молодежи, цели, мотивы, интересы использования Интернета более широкие: поиск информации для учебной, научной работы; развлечения (музыка, видео); общение по электронной почте, на форумах, в чатах, блогах, телеконференциях и онлайн-играх и др. [2; 243].

Социализация, в том числе и в Интернете, связана с формированием «Я-концепции» (основой которой является личная и социальная идентичность). При социализации происходит формирование инициативы и самостоятельности у будущих специалистов, осуществляется их самоидентификация, человек осознает место в социуме, свое «Я», т.е. формируется его идентичность, развиваются отдельные способности, Я-концепция и мотивационная сфера в целом [3; 7-9].

Несмотря на то, что в результате межличностного взаимодействия, например, в социальных сетях, осваиваются социальные роли, права и обязанности, в Интернете не происходит интернализации – перехода на высшую стадию социализации, когда нормы, предписания становятся внутренней потребностью, убеждением, всё, как правило, остается в виртуальном пространстве, не затрагивая духовный мир человека.

К негативным последствиям социализации в Интернете относится возникновение интернет-зависимости.

Проблема интернет-зависимости разрабатывается сегодня, прежде всего, психологами, психиатрами, медицинскими работниками. В их исследованиях акцент сделан на физических, психофизиологических и психологических аспектах [4, 5].

Наиболее значимы, на наш взгляд, социальные последствия интернет-зависимости. Преимущества Интернета (общение с друзьями и близкими по Skype, решение любых проблем при помощи писем по e-mail, совершение покупок, не выходя из дома в интернет-магазинах и т.п.) ведет к утрате навыков реального общения, и, в конечном счете, к асоциальности. Интернет-

зависимость порождает сложность в общении с незнакомыми людьми, стрессовую ситуацию, изменяет социальные установки и ценностные ориентации, и в итоге нарушает системы социальных связей [6; 98]. При этом, в проводимом исследовании, 78,2 % респондентов среди форм проведения досуга отдают предпочтение компьютеру и Интернету, число тех, кто ориентирован на реальное общение почти в 2 раза ниже (42 %); не осознает своей зависимости от Интернета – 19,3%, вариант ответа: «скорее нет, чем да» выбрали 21,1 %, не определились 9,2%.

В то же время, у студенческой молодежи происходит процесс осознания своей зависимости (30,3 % выбрали ответ «да»; 34,8% «скорее да, чем нет»).

Интернет может сыграть положительную роль в социализации студенческой молодежи. Решению данной задачи могли бы способствовать:

- повышение уровня правовой информированности через часто посещаемые сайты и социальные сети, практической направленности правовых дисциплин в учебных заведениях (правоведения, правового обеспечения информационных технологий);
- использование социальных сетей в системе обучения студентов;
- создание условий для участия в создании нового знания широкому кругу пользователей;
- применение Интернета в активных формах и методах: исторические, производственные игры, коллоквиумы, пресс-конференции, форумы и др.

Список литературы:

1. Зелянина, В. А. Социально-философское измерение социализации личности. //Вестник Воронежского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2007. – № 2. – С. 22-28.
2. Данилова, М.А. Феноменология Интернета: стратегии использования сети в повседневной жизни. //Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2008. – №2(32). – Вып. 1. – С. 243-248.
3. Tajfel, H. The social identity theory of intergroup behavior. // Psychology of intergroup relations. – Chicago: Nelson-Hall, 1986. – P.7-24.
4. Карр Н. Великий переход. Что готовит революция облачных технологий. – М.: Изд-во Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 272 с.
5. Войскунский А.Е. Актуальные проблемы зависимости от Интернета. // Психологический журнал. – 2004. – № 1. – С.90-100.
6. Цой Н.А. Феномен интернет-зависимости и одиночество // Социологические исследования. – 2011. – № 12. – С. 98-107.

СУИЦИДАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ КАК ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РЕСУРСА В ПРОЦЕССЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Е.В. Иванова –
аспирант Новосибирского
государственного технического
университета

Суицидальные практики являются одной из самых актуальных, латентных и нераскрытых проблем. Данная практика представляет собой актуальность, как для социальных работников, социальных антропологов, психологов, так и для медицинских работников. Э. Дюркгейм, социолог, являющийся одним из фундаментальных исследователей данной проблематике в своей работе «Самоубийство. Социологический этюд» раскрыл определение данного понятия следующим образом «Самоубийство – это каждый смертельный случай, который непосредственно или опосредованно является результатом положительных или отрицательных поступков, совершенные самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах». [2,234] Число суицидальных практик обратно пропорционально степени религиозности общества, семейной интеграции, отсутствием политических и гражданских свобод.

Важным будет обратить внимание на цифры, представленные федеральной службой государственной статистики Росстат. В 2014 году в одной из многочисленных проблем смертности человека были суицидальные практики – 27 тысяч человек.[4] Если брать статистику по всему миру, то приблизительное количество человек в год, совершающих суицидальные практики – около 1 миллиона. Россия занимает одно из лидирующих мест по данным показателям. По мнению большинства социологов, официальные данные кардинально отличаются от реально существующих фактов смерти. Многие из них не фиксируется как суицидальная практика, также уточним, что попытки суицидальных практик также не имеют статистически реальных данных.

Существует множество статистических данных по учету времени года, время, места, а также способа осуществления и причин данной практики. В большинстве случаев основной причиной выдвигается депрессия, но депрессия насколько мы знаем, является побочным эффектом, эту депрессию порождаем ряд причин. И одной из основных задач для решения суицидальной проблемы является установление основных и решающих причин для суицидальной практики.

Суицидальные практики представляют собой важную задачу, так как являются закрытыми практиками, мы не всегда можем понять истинную причину деструкции, а также помыслы и вероятность «шантажа» или

реального намерения. В настоящее время не существует универсальной психодиагностической методики для определения суицидального риска. Наиболее распространенными методами являются анкеты и опросники (цветовой тест Люшера является одним из самых популярных). В России большая направленность на профилактические меры и традиционные модели методов выявления причин данных практик. И только после попытки суицидальной практики работа с самим случаем. Но данные методы в условиях трансформации и индустриализации опыта теряют свою актуальность. Одна из достаточно современных тенденции связана с развитием Интернет пространства, «виртуального мира», когда любой желающий может просмотреть легкодоступную информацию, касающеюся суицида. Многообразие форумов, пропагандирующих суицид, в которых можно обсудить данный вопрос, получить одобрение или найти соучастника и единомышленника по данному вопросу увеличивается с каждым годом.

По мнению исследователей из университетов Бристоля, Оксфорда и Манчестера, Интернет оказывает потенциально вредное влияние на психику людей с эмоциональными расстройствами и может подтолкнуть их к добровольному уходу из жизни. В особенности, данная проблема касается молодежи, которая чаще всего посещает Интернет-форумы и сайты с суицидальной направленностью.

Говоря о проблеме суицидальных практик в Интернете, необходимо учитывать то, что традиционные модели социальной работы в данном случае часто бездейственны. Эта сфера является специфической и необходимо наладить «виртуальный контакт». Поэтому является важным расширение сфер методик оказания терапевтических практик. Одним из основных положительных моментов данной деятельности, является возможность взаимодействия специалиста не только с одним человеком, но и с целой группой Интернет-пользователей.[1,121-123]

Одной из новых практик является планирование в российских школах введения должность специалиста по предотвращению детских суицидов. По данным ВОЗ, каждый год в нашей стране завершают жизнь самоубийством 200 детей и полторы тысячи подростков. По числу суицидов среди несовершеннолетних наша страна занимает первое место в Европе. Более 90 процентов случаев связаны с неблагополучием в семье, пьянством, финансовыми трудностями, жестокостью родителей. В общей сложности 45 процентов девушек и 27 процентов юношей в России задумывались о самоубийстве.[3]

В настоящее время участились случаи подключения межведомственной системы взаимодействия и способы профилактических мер расширяются.

Список литературы:

1. Александров И. А. Трансформация социальной работы в контексте виртуализации феномена суицидального поведения / Александров И. А. // Молодой ученый. — 2010. — №5. Т.2. — С. 121-123.

2. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. с сокр.; Под ред. В. А. Базарова. – М.: Мысль. – 1994. – С. 234

3. Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]: данные и статистика. – Режим доступа: www.who.int/ru/ – (12.03.14.)

4. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]: данные и статистика. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ – (10.07.15.)

ОБРАЗОВАНИЕ ЭПОХИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

С. Б. Игнатов –
к.пед.н., доцент кафедры социологии
Института менеджмента и бизнеса
Тюменского государственного
нефтегазового университета

Современный мир, стремительный, и деловой, оказался у опасной черты, имя которой – глобальный эколого-экономический кризис. Он вовлекает в свой водоворот не только природопользование, экономику и технологии, но и гуманитарные сферы жизни человека и сопровождается мощными социальными процессами негативного характера такими как: дегуманизация общественного сознания, осложнение межконфессиональных и межнациональных отношений, взрыв терроризма, рост преступности, кризис культуры и нравственности, изменение статуса и структуры семьи и др.

Синергия указанных факторов кратно усиливает разрушительные тенденции. Уже в восьмидесятые годы XX столетия стало очевидным, что развитие современного общества и всех его подсистем в условиях технократической модели обречено на поражение и подошло к своему закату. Техногенная цивилизация в том виде, в каком она складывалась последние триста – четыреста лет, исчерпала свои возможности, четко обозначились пределы роста ее количественных показателей, негативные процессы в системе «общество-природа» приобретают необратимый характер.

Это ставит современное общество перед лицом парадигмальных перемен. Мировая общественность связывает их с переходом к новой модели, которая в государственных документах России получила название «устойчивое развитие» (УР). Это управляемое экологодопустимое социоприродное развитие, обеспечивающее безопасность и долговременное выживание человечества в биосфере Земли. Оно предполагает единство триады взаимосвязанных, сбалансированных процессов – экономического, экологического и социального [5; 11].

В контексте УР должны подвергнуться трансформации все подсистемы общества, но, прежде всего образование как транслятор культуры и созидатель ее новых образцов, как сфера «производства» человека новой эпохи, которому присущи экологический стиль жизни, экоцентрическое мировоззрение, глобальное мышление, «здоровый» прагматизм, экономия, бережливость, экологически обоснованная деятельность, неукоснительное выполнение норм и требований экологического императива. Современному человеку необходимо не просто быть готовым к такому образу жизни, а уже сегодня

его вести, выстраивая свои жизненные стратегии и программы, личную жизнь и профессиональную деятельность в соответствии с его требованиями [1; 123].

Мировая педагогическая общественность связывает свои надежды с переходом к качественно новой модели образования. В международных и отечественных документах она получила название – *образование для устойчивого развития* (ОУР). 57-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН объявила десятилетие 2005-2014 г. г. «Декадой образования в интересах устойчивого развития» [6; 13]. Его стратегической целью объявлено формирование новой генерации граждан, ориентированных на непрерывное саморазвитие, прогресс общества и приоритет общечеловеческих ценностей, способных воспринимать и осуществлять на практике идеи УР и поддерживать качество жизненной среды. Практическая реализация этой целевой установки возможна лишь при условии перехода образования от технократической парадигмы к экокультурной, в контексте которой меняются базовая концепция и человека, и его деятельности [2; 31].

В международных и отечественных документах, посвященных проблемам трансформации образования в «переходный» период подчеркивается глобальный характер ОУР и отмечается ряд существенных моментов, которые должны быть учтены при проектировании и моделировании нового образования.

- Новое образование должно ориентироваться не только на завтрашний день науки, производства и цивилизации, но и на завтрашний день отдельной личности. Оно должно подготавливать сознание человека и общества к переходу на принципиально иной уровень жизнедеятельности, формировать те образцы деятельности и поведения, которые будут необходимы и приемлемы в новых цивилизационных условиях. А это требует его «футуризации». Если в предыдущие эпохи образование следовало за социальными практиками, то сейчас оно должно носить опережающий характер по отношению к ним. Только в этом случае оно станет действенным инструментом перехода к устойчивому развитию.

- В эпоху частых перемен человеку нужно быстро учиться новому, отучиваться кое от чего старого, доучиваться и переучиваться. Поэтому образование должно быть непрерывным, пронизывающим всю жизнь человека, и стать неотъемлемой частью образа его жизни. Только при этом условии он сможет быть востребованным и успешным, профессионально и социально мобильным в ситуациях любых перемен.

- Если сложившееся традиционное образование, развивавшееся в рамках технократической парадигмы, нацеливало в основном на приобретение знаний, умений и навыков, то новое образование ставит своей задачей формирование у выпускников образовательных учреждений ключевых, предметных и профессиональных компетенций. Компетентностный подход становится его важнейшим инструментом. Реализация компетентностного подхода

требует широкого использования технологий и методик, нацеливающих на деятельностную сторону образовательного процесса, развитие познавательной самостоятельности, овладение разными видами практической деятельностей в окружающей среде.

- С развитием информационных технологий и возможностью «легко» получать знания из разных источников, каждому необходимо научиться, имея *минимум* исходной информации о способах решения возникающих проблем, уметь самостоятельно найти возможности ее пополнения и *максимально* эффективно использовать для решения не только актуальных проблем сегодняшнего дня, но и ориентироваться на решение проблем будущего. Будущего, когда многое будут решать не только знания, а, прежде всего, владение современными информационными технологиями, эффективными способами извлечения знаний из разных источников и их творческого использования для разрешения нестандартных задач, интуиция, воображение, профессионализм, умение предвидеть грядущие перемены, перестраивать характер своей деятельности, упреждать ее возможные негативные последствия.

- Новое образование нацеливает на создание благоприятных условий для становления экологической культуры обучающихся, важнейшим критерием сформированности которой выступает их практическая экологически обоснованная деятельность (природоохранная, природопреобразующая, просвещенческая, продуктивная социальная и социально-политическая, участие в предотвращении или регулировании конфликтов правовыми методами, умение жить в многокультурном, многонациональном и многоконфессиальном обществе и т.д.). Оно носит социально-личностно ориентированный характер. Одна из его важнейших задач – приведение в соответствие интересов общества и личностных потребностей человека, учет его интересов и внутренних интенций. А это значит, должна быть усилена воспитательная сторона образовательного процесса. И в этом плане интеграция обучения и воспитания выступает императивным требованием [3;132].

- В документах, посвященных проблематике ОУР, подчеркивается, что эта модель – не альтернатива существующему экологическому образованию. Это его новая, более высокая ступень – *экологическое образование в интересах (для) устойчивого развития* (ЭОУР). Но чтобы подняться на нее, экологическое образование должно претерпеть существенные изменения, оно должно стать всеобщим, фундаментальным и всеобъемлющим. Должны измениться его концептуальные основы, структура и содержание, технологии, методики и формы его организации. Оно должно обрести опережающий характер и перейти:

- от ЗУН – парадигмы к формированию у молодежи *экологической компетенции* и готовности жить в мало предсказуемом будущем мире;
- от экологической грамотности – к умениям проектирования своей деятельности в окружающей среде с учетом ее экологических последствий;

- от описания и объяснения современных экологических проблем – к предвидению, моделированию и прогнозированию возможных негативных экологических ситуаций и их упреждению;
- от экологических проблем среды – к экологии человека, его культуре, здоровью и безопасности жизнедеятельности.

- Одним из приоритетных направлений деятельности и органов образования, и самих образовательных учреждений должно стать создание экокультурного образовательно-воспитательного пространства. А это значит, должны структурно и содержательно измениться и сама образовательно-воспитательная среда, и все ее элементы. Это обновление связано с поиском и активизацией резервов существующего образования, созданием новых его образцов, но при этом разумным сочетанием традиций и новаций, сохранением позитивного опыта, накопленного за многие века.

- В контексте УР важнейшими чертами человека становятся гражданская и экологическая ответственность, долженствование, законопослушание. В связи с этим значительный сегмент в структуре культуры должна занять *деонтологическая* составляющая [4;10]. Важнейшим инструментом реализации ее идей в педагогической практике является эколого-правовое образование, направленное на формирование *эколого-правовой компетентности* (ЭПК) обучающихся, которая в условиях перехода к УР обретает статус одной из ключевых и становится *атрибутом* культуры гражданина новой эпохи. Одним из критериев ее сформированности является *внутренняя убежденность* человека в необходимости следования требованиям экологического права и добровольного принятия общественно значимых норм поведения и деятельности.

- Трансформация образования в контексте УР требует фундаментализации его содержания, которая во многом связана с адаптацией в нем идей и методов постнеклассической науки, позволяющих подойти к пониманию обобщенной картины мира, облегчающих процесс формирования экоцентрического мировоззрения как базовой составляющей экологической культуры человека.

Оно должно быть выстроено на интегративно-гуманитарной основе и учитывать такие аспекты, как:

- взаимосвязь природного и социокультурного;
- гражданственность, ответственность и права человека;
- потребности и права будущих поколений;
- организация жизнедеятельности с минимальной нагрузкой на окружающую среду;
- экономное расходование природных ресурсов;
- удовлетворение потребностей ныне живущих поколений в пределах возможностей биосферы и обеспечение будущих поколений;
- культурное, социальное и природное разнообразие;

- качество жизни, равноправие и справедливость;
- ценностное отношение к окружающему миру;
- экологическая этика;
- позитивное видение будущего, понимание его прогнозируемости.

Реализация этих положений в образовательной практике требует создания учебников нового поколения, в которых будут наиболее полно реализованы идеи синтеза естественно-научного, технического и гуманитарного знания, содержание которых станет базой для интеграции обучения и воспитания. Наряду с этим нуждаются в совершенствовании технологии обучения и усиление практико-ориентированного характера деятельности обучающихся в социоприродной среде.

В современном отечественном образовании уже начинают просматриваться контуры перемен в контексте ОУР. Отмечается его направленность к вхождению в глобальное образовательное пространство. С большими трудностями, но оно переходит от ЗУН-парадигмы к методологии компетентностного подхода. Меняется содержание образования, усиливаются его интегративный характер и практическая направленность. Внедряются современные технологии обучения. Изменяются формы организации образования, усиливаются профилизация и предметно-профессиональный аспект подготовки в системе общего образования, активизируется переход на двухуровневую подготовку специалистов в вузах. Направляются усилия на создание крупных центров образования и науки федерального уровня, национально-региональных и исследовательских университетов. Углубляется взаимодействие образовательных учреждений с соседями ближнего и дальнего порядка – учреждениями дополнительного образования, социальными структурами, производственной сферой, различными корпорациями и объединениями. Интегративные тенденции и кластеризация образовательного пространства становятся неотъемлемыми признаками новой эпохи в развитии отечественного образования.

Хотя и медленно, но неуклонно оно разворачивается к новой модели функционирования. В его недрах вызревают *прообразы* его нового облика. Однако отечественному образованию необходимо «быстрее бежать», чтобы не опоздать. Но при этом необходимо научиться сочетать богатые традиции российского образования, опыт отечественной педагогической науки и необходимые новации. Устремляя обучающихся к повышению интеллектуального уровня, способствуя овладению методами получения новых знаний нельзя забывать и об обогащении их души. Поскольку только гармоничное сочетание интеллекта и духовности делает человека личностью, которая и есть главная цель и главный «продукт» образования в интересах устойчивого развития.

Список литературы:

1. Ващекин, Н. П., Делокаров, К. Х., Урсул, А. Д. Образование и устойчивое развитие. Концептуальные проблемы. / Н. П. Ващекин и др. – М.: МГУК, 2001. – 320 с.

2. Гершунский, Б. С. Философия образования для XXI века (в поисках практико-ориентированных образовательных концепций). / Б. С. Гершунский. – М.: Совершенство, 1998. – 608 с.

3. Игнатов, С. Б. Современное образование: трансформация в контексте устойчивого развития. / С. Б. Игнатов. // Философия образования. 2012, N 3 [42]. С. 130-136.

4. Игнатов, С. Б. Педагогический потенциал экологической деонтологии: монография. / С. Б. Игнатов. – Тюмень: ТГНГУ. – 2011. – 160 с.

5. Программа действий. Повестка дня на XXI век и другие документы конференции в Рио-де-Жанейро в популярном изложении. / Сост. М. Кинг. – Женева: Центр «За наше общее будущее», 1993. – 70 с.

6. Стратегия образования в интересах устойчивого развития. Материалы 57-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. – 2005. – 75 с.

СОЛИДАРНОСТЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

И.В. Ильина –
ст. преподаватель кафедры общей
и экономической социологии
Тюменского государственного
университета

Тема солидарности, в других вариантах соборности, всеединства достаточно органична для российской ментальности. Большинство представителей русской социально-философской мысли рассматривали данное явление с точки зрения духовных, культурных или социальных особенностей. Можно выделить два направления в развитии данной темы в нашей стране – утилитарное и экзистенциальное.

В утилитарном направлении для понимания солидарности характерен интерес к механизмам человеческого взаимодействия, солидарность является некой социальной технологией. Учение о солидарности развивается вместе с распространением в Российской империи социалистических идей – сначала у Герцена и петрашевцев, потом у народников и анархистов – П.Л. Лаврова, М.А. Бакунина, П.А. Кропоткина, Л.И. Мечникова, Н.К. Михайловского, Е.В. Де Роберти.

П. Л. Лавров, раскрывая смысл феномена солидарности, отмечает, что в условиях общественной солидарности личный интерес совпадает с интересом общественным, а личное достоинство поддерживается лишь при соблюдении достоинства всех солидарных с нами людей. Солидарность – это общность в привычках, интересах и убеждениях.

У М.М. Ковалевского солидарность понимается как стремление к единству и внутригрупповой замиренности, осознание общности интересов и взаимной зависимости друг от друга. Л.И. Мечников описывает солидарность как свободное объединение на основе общности интересов.

Один из представителей неокантианского направления – Новгородцев П.И. пишет о типе отношений, основанном на полной гармонии интересов, кроме сходства нравов и вкусов. При этом это свободный союз лиц, не допускающих над собою никакого высшего союза. Отдельные союзы должны быть органически связаны между собою и с целым, для всех должна быть основа для более широкого общения. Новгородцев осознает это как идеал вселенской солидарности [1].

П.А. Сорокин рассматривает солидарность как форму проявления социального аспекта любви, наравне с взаимопомощью, сотрудничеством, добрососедством. Он подразумевает под ней “осмысленное взаимодействие или взаимоотношения между двумя или более людьми, в которых ожидания

и устремления одного человека разделяются и получают поддержку в их реализации со стороны других людей”[2]. Сорокин высказывает мысли подобные Новгородцеву: если альтруизм (а значит и солидарность) ограничен рамками какой-либо группы (семья, род, партия, раса, нация и т.д.) и не распространяется на всё человечество, то со временем он демонстрирует тенденцию генерирования внегруппового антагонизма. И чем крепче внутригрупповая солидарность, тем неизбежнее оказываются конфликты с другими группами.

По Сорокину, альтруизация обязательно должна затрагивать три основных уровня: личность, общество (социальные группы и институты) и культуру. Альтруизация институтов и культуры возможна через внедрение соответствующих ценностных и идейных компонентов в их строение и функционирование. Среди социальных групп и институтов, которые аккумулируют и воспроизводят альтруизм, особо важной является семья [2].

Такой взгляд на солидарность как социальное явление, основанное на общности интересов, убеждений, взаимной зависимости, как взаимопомощь или проявление альтруизма, ближе к западноевропейской интеллектуальной традиции.

В русской традиции, напротив, она тяготеет к экзистенциальному, метафизическому и этическому истолкованию – как проявление соборности, всеединства, целостности и органичности бытия. Эта позиция усматривается у Г. Сковороды, в концепции соборности А. Хомякова, далее развивается в метафизике всеединства В. Соловьева, в культуре русского религиозно-философского ренессанса Серебряного века, у С. Франка, в философии «космизма», в философии «общего дела» Н. Федорова и учении В. Вернадского о ноосфере.

Русские религиозные философы рассматривали солидарность с позиций христианской этики в связи с проблематикой любви и добра как основ нравственной жизни. У В. Соловьева ближе к солидарности стоит понятие всеединства, которое имеет онтологическое содержание, это, прежде всего, единство творца и творения. Через осознание собственного несовершенства и преобразования себя человек может приближаться к всеединству.

Н.А. Бердяев рассматривает два понятия: коллективность, подразумевая под ней разъединение и разобщенность, и коммюнотарность или общинность или соборность – духовно-религиозная общность людей без управляющей над ней системой.

С. Л. Франк, раскрывая соборность как феномен российской традиции, полагает в нем принцип согласования и соотнесенности друг с другом, а также сочетание принципа личности с принципом нравственности. Он подчеркивал, что человек может состояться лишь в соборном бытии. «Соборное бытие» невозможно без наличия внутреннего чувства солидарности между людьми. Солидарность рождается из осознания сопринадлежности каждого члена общества к своей родине, к своей нации. Путь к соборности лежит через

взаимное понимание, «любовь к ближнему, как самому себе», усмотрение в другом человеке «ближнего», «себе подобного», через интуитивное восприятие взаимного внутреннего единства.

Он выделяет три формы соборности: единство брачносемейное, единство в религиозной общине и общность национально-государственная, основанная на историческом прошлом, культурных традициях [3].

Итак, понятие «солидарность» трактуются в следующих основных смыслах: с одной стороны, как интеграция на основе общности интересов индивидов, групп, обществ, а также взаимозависимости, ответственности за что-либо; как совместная деятельность для достижения определенной цели, будь то социальная, экономическая поддержка, взаимопомощь или проявление альтруизма; и с другой стороны, как единение на основе моральных ценностей сопереживания, понимания, сочувствия, любви к любому человеку, сопринадлежности своему народу и Отечеству, причем это последнее не приводит к противостоянию с другими народами, государственными общностями.

В современном российском обществе в большей мере проявляется стратегия поведения противоположная солидарности. Одной из значимых характеристик состояния современного российского общества является отчужденность людей друг от друга, духовная разочарованность. В исследованиях отмечается полное отчуждение между слоями населения, кризис межличностного доверия [4].

На авансцену общественных отношений в российском социуме вышел сегодня индивид, в известном смысле «никому и ничем не обязанный», и избирающий соответствующие жизненные стратегии. Слабеет или исчезает вовсе сочувствие по отношению к родственникам, коллегам, землякам и согражданам. Такой тип социального поведения является деструктивным как в личностном, так и в социетальном планах. В этом случае можно говорить об инерционном обществе, которое являет внешнюю целостность, не будучи скрепленным внутренними связями [5].

Причинами ослабления межличностных, межгрупповых связей, потери солидарности являются разрушение ядра общей культуры, уничтожение исторической памяти, размывание социальных идентичностей, относительный характер ценностей и норм и крайняя степень индивидуализации.

В сегодняшнем российском обществе существующая солидарность принимает преимущественно формы организации на микросоциальном уровне отдельных групп, коллективов в основном во внешнем ее аспекте и, как писали Новгородцев и Сорокин, объединения одних против других. Безусловно, важна и эта адаптационная поведенческая стратегия для большинства социальных групп и слоев российского общества. Благодаря ей люди сохраняют свою способность к кооперации и консолидации. [6]

Однако, солидарность органична для России, так как идущая из христианства идея ответственности каждого не только за себя, но и других, –

ответственности не юридической, а моральной – лежит в основе «русской идеи» [7].

Можно сказать, что явление солидарности в социальных отношениях было характерно на всех этапах развития нашей страны. В сравнении с индивидуализированными обществами западного типа российское общество в большей степени коллективистское, в нем идентичность базируется на ориентации на общность при уважении к различиям. Стихийная солидарность русских, российских людей, их способность и готовность к общению и взаимоподдержке, их осознание себя как части более широкого целого особенно проявлялись в трудные, кризисные периоды нашей истории.

По оценке многих отечественных специалистов происходящие ценностные переориентации новых поколений носят внешний характер, не затрагивают базовых ценностей (к которым относится и солидарность). Как отмечает М.К. Горшков, а также множество общероссийских мониторинговых и тематических опросов, осуществленных ИС РАН, традиционные ценности, несмотря на воздействие трансформационных процессов, постоянно восстанавливают свое влияние на общество, ценностносмысловое ядро российского менталитета продолжает демонстрировать устойчивость и непохожесть. [8, с. 13].

Отсюда следует, что одной из важных задач, стоящих перед государством, обществом и перед каждым человеком в отдельности, является актуализация базовой ценности солидарности и соответствующего содержания социальных отношений. Безусловно, стратегией социальной политики государственной власти должна быть поддержка и всяческое поощрение форм низовой кооперации, но и, одновременно, способствование развитию солидарности на макроуровне российского общества.

Еще С. Л. Франк обращал внимание на общественные объединения, местные организации, и подчеркивал необходимость участия каждого гражданина в жизни этих объединений, поскольку именно такое общение обеспечивает прочность и внутреннюю спаянность целого. Подлинное, прочное единство общественного бытия, по его мнению, возможно лишь при условии доступности для непосредственного личного опыта всех государственных инстанций, т. е. участия общества в функциях государственных органов [3].

Искание солидарности есть постоянная забота и труд для всех людей, причем, чем сложнее становится общество, тем труднее обретение солидарности. Солидарность создаётся через способность людей учитывать в своей деятельности интересы других, считаться с ними и готовность к совместным действиям по защите общих интересов, общую устремлённость на общие цели, общие ценности, через которую происходит объединение людей в единую общность. Солидарность предполагает свободу, веру и осознание глубинного единства народа.

Список литературы:

1. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. Электронный ресурс http://iph.ras.ru/elib/Novgorodtsev_Obshchestv_ideal.html. Дата обращения 18.09.2015

2. Долгов А.Ю. Историко-методологическая реконструкция теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина. //Социс. – 2014. – №9. – с. 104-114.

3. Попкова Т.В. «Солидарность» и «кооперативность» как модели социальной самоорганизации. http://cyberleninka.ru/article/n/solidarnost-i-kooperativnost-kak-modeli-sotsialnoy-samoorganizatsii. Дата обращения 18.09.2015

4. Минюшев Ф.И. Социальное отчуждение. Опыт нового прочтения // Социс. – 2011. – №4 – с. 3-13.

5. Кармадонов О.А. Солидарность, интеграция, конъюнкция //Социс. – 2015. – №2 – с. 3-12.

6. Зверев М.К. Особенности социальной солидарности в современном российском обществе. Электронный ресурс http://www.dissercat.com/content/osobennosti-sotsialnoi-solidarnosti-v-sovremennom-rossiiskom-obshchestve#ixzz3lFsVCF9m. Дата обращения 18.09.2015

7. Бабинцев В.П., Реутов Е.В. Региональное солидарное общество утопия или проект? http://cyberleninka.ru/article/n/regionalnoe-solidarnoe-obschestvo-utopiya-ili-proekt. Дата обращения 18.09.2015

8. Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 3. Ч. I. / отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М., 2008.

9. Алексеев А.Н.. Что такое социальная солидарность? http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/chto-takoe-socialnaya-solidarnost. Дата обращения 18.09.2015

10. Акулич М.М. Социология согласия. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2002, 240 с.

11. Жалкиев В.Т. Соотношение солидарности и соборности в концепциях представителей органического персонализма: Н.О. Лосского, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого. http://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-solidarnosti-i-sobornosti-v-kontseptsiyah-predstaviteley-organicheskogo-personalizma-n-o-losskogo-s-n-bulgakova-e-n. Дата обращения 18.09.2015

РАЗНОВОЗРАСТНЫЕ НЕФОРМАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА И ИХ ВОЗРАСТАЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ В НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

А.И. Канатов –
к.псих.н., ведущий научный сотрудник
Института управления образованием РАО
– СПб филиал

Все большее число представителей передовой педагогической науки в силу ряда объективных причин, ярко проявивших себя в новых экономических условиях, обращается к исследованию неформальных разновозрастных образовательных сообществ как образовательных структур, обладающих весьма существенными образовательными, развивающе–личностными, социально адаптирующими, а также профессионально развивающими возможностями. Опытно-экспериментальные исследования проведенные учеными РАО, в частности в СПб ИУО РАО в лаборатории теории формирования единого образовательного пространства СНГ, убедительно свидетельствуют, что «неформальное образование играет доминирующую роль в формировании стабильных отношений между государством и его гражданами» [6; 68]. Как один из наиболее мощных факторов становления разновозрастных образовательных сообществ рассматривается их включение в сетевое взаимодействие [3,4,6]. В связи с этим, следует отметить появление социально-психологической концепции *социального капитала личности* (Л.Г. Почебут, А.Л. Свенцицкий, Л.В. Марица, Т.В. Казанцева). Так, в монографии «Социальный капитал личности» (2014) наряду с исследованием имеющихся его определений, методов его изучения, а также анализом базисных теорий, исключительное внимание уделяется *проблеме доверия* как психологической основе социального капитала.

Таким образом, уровень проявления *доверия* позиционируется в последних отечественных исследованиях, пожалуй, наиболее последовательно проводимых на факультете психологии СПбГУ [3], как самый мощный структурирующий фактор этого социально-психологического феномена. Феномена, основная функция которого − «повышение продуктивности целенаправленных действий за счет использования отношений и структуры социальной сети, в которую входит индивид» [4; 86], что непосредственно относится, по мнению исследователей, к расширению возможностей получения недостающих, но необходимых знаний, а также умений, навыков, причем не только по отношению к отдельной личности, но и малой группы (сообщества), а также их определенных объединений. На теории социального капитала как своей основе активно разрабатывается, особенно в последнее время, концепция *социально – психологического капитала личности* (А.Н. Татарко,

Е.А. Петрова, М.А. Козлова и др.), понимаемого как «сбалансированный ресурс социально-психологических отношений личности к обществу в целом и к своему непосредственному окружению, основанный прежде всего на доверии, и способствующий взаимной поддержке… *основным эффектом социально-психологического капитала представляются гармоничные отношения с обществом в целом и непосредственным окружением»* [4; 78].

Проведенный исследователями вышеназванной лаборатории анализ показал, что научные разработки в области собственно социологических исследований тесным образом взаимоувязывают сотрудничество государственных институтов, общественных организаций, граждан, а также партий с эффективностью функционирования дискурсивно-коммуникативных практик в гражданском обществе. Причем передовые отечественные исследователи справедливо отмечают, что «общим существенным недостатком… исследований (как отечественных, так и зарубежных – А.К.) является то, что они рассматривают дискурсивно-коммуникативные практики и социальный капитал абстрактно, в отрыве от *социальных качеств субъектов деятельности* (курсив наш – А.К.)» [2; 10]. С чем хотелось бы выразить полное согласие, как и с постановкой соответствующего вопроса: а «какой тип человека способен быть ответственным и развивать дискурсивно-коммуникативные практики в обществе» [там же]? В социально-психологическом аспекте этот вопрос закономерно приобретает также и несколько более общий характер: чем же должны характеризоваться, на что должны быть ориентированы (в психологическом плане) неформальные образовательные сообщества, способствующие развитию подобных практик?

Таким образом, в психологической плоскости постановки вопроса о возможности развития сетевого взаимодействия конкретного неформального разновозрастного образовательного сообщества (или же их объединений) мы оказываемся перед задачей обоснованного выбора тех его социально-психологических особенностей, которые явились бы, образно говоря, «наиболее привлекательными» и послужили бы основой развития доверительных отношений с иными неформальными сообществами, а также и образовательными учреждениями, относящимися к сфере формального образования и т.п. Речь идет именно о социально-психологических основах, поскольку изначально по планам РАО была поставлена и решалась задача анализа теоретико-психологического, в том числе, социально-психологического обеспечения развития сетевых разновозрастных сообществ.

На современном этапе развития научно-психологического знания основное «богатство» разновозрастного неформального образовательного сообщества проявляется, как было установлено, прежде всего, в тех отношениях, которые в них складываются и непосредственно влияют на реализуемые образовательные процессы, определяя их эффективность и качество. И если они последовательно ведут к саморазвитию, самореализации

подавляющего большинства (конечно, оптимальным было бы – всех) его членов – подобное невозможно переоценить и невозможно «не заметить» со стороны социального окружения. Таким образом, наиболее вызывающим доверие с точки зрения современных психолого-теоретических, а также андрагогических концепций оказывается *эффективно развивающее* своих участников разновозрастное неформальное образовательное сообщество. Причем речь идет не только об усвоении определенных знаний, умений, навыков, но и о развитии личности в широком смысле этого слова. Как установила в проведенных исследованиях психолог А.Н. Татарко, «все компоненты структуры социально-психологического капитала личности либо логически пересекаются с понятием «социально-психологические отношения», либо формируются благодаря отношениям. Например, помощь от своего окружения (которую можно рассматривать в качестве ресурса) личность получает благодаря своим отношениям» [4; 92].

В связи с нарастающими социальными вызовами различного рода и толка − явлениями и процессами, в целом негативно влияющими на адаптивные и стабилизационные возможности личности, отметим, что сравнительно недавно начинаются исследования понятия *«психологический капитал»* (Avey, Luthans, Jensen, 2009)**,** описываемого как индивидуально-личностные характеристики, позволяющие преодолеть психологические трудности и повысить эффективность деятельности. В отечественных концепциях основная функция *психологического капитала* трактуется как повышение обучаемости, способности воспринимать фасилитативные воспитательные воздействия, а также рост у обучающегося общей продуктивности функционирования как индивидуальности – и прежде всего за счет способности индивида к совладанию с различными трудностями, повышенной его стрессоустойчивости.

Поскольку именно в разновозрастном, а тем более неформальном образовательном сообществе, включающем в себя как взрослых, так и детско-юношеский контингент, субъект-субъектная дистанция в межличностных взаимоотношениях в наибольшей степени минимизируется, сближается, − соответственно достаточно резко возрастает значение фактора *аутопсихологической компетентности* взрослого. Также это касается и более юных его членов, но прежде всего, конечно, речь следует вести о более старших поколениях. Ведь именно от старшего по возрасту мы вправе ожидать в аспекте межличностного взаимодействия более значительного формирующего, воспитывающего влияния, оказывающего фасилитативное развивающее воздействие на младшего. Аутопсихологическая компетентность в реальном процессе общения в таком сообществе становится весьма весомым фактором образовательно-воспитательных воздействий. Формирование подобной компетентности у взрослого, для чего, безусловно, необходима разработка индивидуально ориентированных образовательных маршрутов – составляет

важное направление, включающее в себя как определение адекватного содержания, так и соответствующих образовательных технологий.

Еще одно направление образовательных маршрутов связано с тем, что к важнейшим теоретическим позициям современности принадлежит идея о выходе субъекта за узкие рамки ограниченной деятельности в более широкий контекст жизнедеятельности. В нем психолог В.В. Знаков выделяет в качестве основных характеристик субъекта внутреннюю свободу, «сформированность способности осознавать совершаемые им поступки как свободные деяния, за которые он несет ответственность перед собой и обществом» [1; 99], принятие решений о способах взаимодействия с другими людьми на основе продуманных глубоко личностных убеждений. Адекватной позицией взрослого, соответствующей принципам позитивной психологии, в условиях межвозрастного неформального образования становится задача рефлексивного отражения психических, ментальных особенностей и ресурсов младшего (или старшего) партнера по общению. В связи с этим осознается насущная необходимость прежде всего взрослому контингенту сообщества иметь адекватные современным научным представлениям знания, причем как об общих особенностях возрастных этапов онтогенетического развития ребенка, подростка, юноши, так и соответствующих возрасту дифференциально-психологических особенностях, играющих, пожалуй, наиболее существенную роль в формировании крайне значимых для самореализации, становления аутопсихологической компетенции и т.д. − личностных качеств и свойств.

Как доказывают современные концептуально-теоретические разработки и построения и опирающиеся на них экспериментально-психологические исследования, оптимальную продуктивность образовательно-воспитательного воздействия во многом обеспечивают так называемые «ментальные ресурсы» личности, имеющие свою структуру и определенные механизмы функционирования. При этом они понимаются как «характеристики внутренней (интрасубъектной) и внешней (физической или социальной) среды, которые устойчиво связываются в ментальном опыте субъекта с позитивным эффектом, наличием ощутимого преимущества в условиях решения жизненно важных проблем» [5; 16]. Подчеркнем, что одно из активно развиваемых направлений – позитивная психология − достаточно серьезное внимание уделяет исследованию ресурсов индивидуальности. Акцентируя внимание на сильных сторонах личности, ведущих к эффективной адаптации к окружающему миру и успешному практическому овладению им, отмечается также профилактическая, иммунная, «буферная» функция ресурсов.

Общепсихологические теоретические ориентиры, служащие опорой при разработке диверсифицированных образовательных маршрутов для взрослых, участвующих в неформальных разновозрастных образовательных сообществах, должны учитывать, что одним из главных достижений гуманистической

психологии (А. Маслоу, К. Роджерс, Ш.Бюллер и др.), оказавшимся поистине новаторским, и не утерявшим свою ценность и в настоящее время, стала целевая направленность не только анализировать и трактовать человека, но и предлагать реальные пути, помогая ему в развитии тех психологических свойств и качеств, которые субъекту необходимы на пути к аутентичному становлению, реализации индивидуального творческого потенциала. Это подтверждалось как серьезными теоретическими исследованиями, так и эмпирическим материалом психологов, занимающихся процессом обучения, организацией общения, психологов-консультантов и т.д.

Если рассматривать особенности передачи определенных знаний, умений, навыков в неформальном разновозрастном образовательном сообществе, то достаточно быстро и практически без существенных проблем устанавливается приоритет в их передаче от конкретного участника (возможно, более старшего, возможно, более молодого) своему товарищу, что происходит в результате выяснения: «это я знаю – это я не знаю», «это я умею – этого я не умею». В то же время в отношении формирующего личностную (в широком понимании этого концепта) сферу развивающе-воспитательного воздействия принятие конкретной психолого-педагогической позиции далеко не столь однозначно. Это подтверждается как анализом современных психологических концепций, так и получаемыми на их основе эмпирическими данными. Причем оно не столь однозначно как по отношению взрослого к собственным личностным особенностям, так и по отношению к задачам развития, коррекции личностных особенностей у младших (или старших) участников разновозрастного образовательного сообщества. В том числе и поэтому исследователи утверждают, что «разработка диверсифицированных маршрутов неформального образования для разновозрастных сообществ открывает новые перспективы развития неформального образования» [6; 71].

Наряду с разработкой маршрутов *повышения аутопсихологической компетентности* взрослых необходима также разработка образовательных маршрутов, развивающих: *знания взрослых* наиболее существенных возрастных особенностей развития личности ребенка, подростка, юноши; *знания* дифференциально–психологических (типологических) особенностей ребенка, подростка, юноши; *умения адекватно* соотносить индивидуальные личностные качества с задачами развития в процессах общения не только познавательные качества и способности младшего, но и реализовывать коррекционно-развивающие стратегии, направленные на оптимизацию его личностных свойств; *перестройке* понимания, сложившегося на определенном жизненном этапе, личностных качеств как «застывшей окаменелости»; у*мения* корректировать собственные личностные качества и состояния, обладая соответствующими знаниями и навыками.

Список литературы:

1. Знаков, В.В. Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия / В.В. Знаков // Психологический журнал. 2003. – Т. 24, № 2.- С. 95-105.

2. Сабадуха, А.В. Дискурсивно-коммуникативные практики как механизм формирования социального капитала в современном мире / А.В. Сабадуха // Вестник Бурятского государственного ун-та, – 2013. – Вып. 6. – С. 9 – 13.

3. Социальный капитал личности: монография / Л.Г. Почебут, А.Л. Свенцицкий [и др.] – СПб., ИНФРА-М. – 2014 – 250 с.

4. Татарко, А.Н. Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе: дис. …д-ра психол. наук: 19.00.05 / Татарко Александр Николаевич. – М. – 2014. – 403 с.

5. Хазова, С. А. Ментальные ресурсы субъекта в разные возрастные периоды: дис. … д-ра психол. наук: 19.00.13 / Хазова Светлана Абдурахмановна. – Кострома, 2014. – 540 с.

6. Якушкина, М.С. Диверсифицированные маршруты неформального образования для разновозрастных сообществ как условие их социализации / М.С. Якушкина, М.Р. Илакавичус, Л.П. Будай // Человек и образование. – 2013. – № 2. – С. 68 – 71.

ЭФФЕКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ПОДГОТОВКИ И ЗАКРЕПЛЕНИЯ КАДРОВ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Н.П. Касаткина –
к.социол.н., ведущий научный сотрудник
отдела мониторинга территориального
управления ГКУ РМ «Научный центр
социально-экономического мониторинга»

Проблема кадрового обеспечения промышленных предприятий как фактора их устойчивого развития и формирования инновационного сектора экономики регионов в современных социоэкономических условиях приобретает особую значимость. В связи с этим сохраняют свою актуальность исследования, направленные на выявление дисбаланса между структурами подготовки кадров в системе профессионального образования и кадровой потребностью предприятий на текущий и перспективный периоды, на определение эффективных мер воспроизводства кадрового потенциала промышленных предприятий.

В соответствии с этими целями Государственным казённым учреждение Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга» в 2014 г. проведено социологическое исследование «Подготовка кадров для промышленности» (экспертный опрос в форме анкетирования, N=30, эксперты – руководители 30 крупнейших предприятий промышленности Республики Мордовия).

На основании полученных статистических и социологических данных выявляется дисбаланс образовательных структур подготовки и потребности в кадрах. Дисбаланс, в частности, выражается в избытке предложения специалистов с высшим образованием и недостатке рабочих кадров с начальным профессиональным. Если в структуре прогнозируемой потребности на 2015–2019 гг. доля востребованных работников с высшим образованием будет составлять 15–20 %, то в структуре будущего выпуска по области образования «Инженерное дело, технологии и технические науки» из учебных заведений всех уровней их удельный вес будет больше: от 25 до 35 %. Противоположная ситуация наблюдается относительно работников с начальным профессиональным образованием: их доля в общей потребности предприятий составит 25–40 %, а в структуре прогнозируемого выпуска не превысит 25 %.

Вместе с тем указанный «перекос» в подготовке кадров следует рассматривать скорее в положительном ключе, поскольку он способствует расширенному воспроизводству интеллектуальных ресурсов для развития и внедрения инноваций в сфере промышленности.

Более сбалансированными являются прогнозируемые профессионально-квалификационные структуры подготовки и потребности в кадрах. Анализ их

соотношения показывает, что по большинству востребованных в среднесрочной перспективе профессий и специальностей недостаток кадров потенциально может быть удовлетворен.

Исходя из вышеуказанного следует, что проблемы воспроизводства кадрового потенциала предприятий промышленности, отчасти, не связаны с дисбалансом профессионально-образовательных структур подготовки и потребности в кадрах. Они, на наш взгляд, в большей степени смещены в сферу формирования мотиваций, установок, ценностных ориентаций и расширения возможностей учащихся, студенческой молодежи и молодых специалистов в профессионально-трудовой и образовательной сферах. Об этом свидетельствует характер выявленных по результатам экспертного опроса сравнительно эффективных практик по подготовке и закреплению кадров, реализуемых на предприятиях промышленности.

Наиболее результативными являются практики, предполагающие осуществление научно-образовательного взаимодействия с учебными заведениями профессионального образования и связаны с широким вовлечением в производственный процесс студенческой молодежи. К ним, в частности, относятся: во-первых, такие наиболее распространенные среди предприятий мероприятия, как организация производственной практики и стажировок для студентов и выпускников образовательных учреждений-партнеров; во-вторых, сравнительно ресурсоемкие проекты, такие как создание базовых кафедр, лабораторий.

Относительно эффективными практиками также являются: участие ведущих специалистов предприятий в образовательном процессе профессиональных учебных заведений; организация летнего трудоустройства подростков; профориентационные мероприятия непосредственно на предприятии и в образовательных учреждениях, в СМИ; реализация совместных с образовательными учреждениями программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации. Указанные направления являются сравнительно менее распространенными, однако положительно оцениваются большей частью экспертов — представителей предприятий, их осуществляющих.

Позитивные результаты по привлечению кадров имеет практика целевой подготовки специалистов. Большинство экспертов — представителей предприятий, реализующих данную практику (12 из 14-ти), положительно оценивают данную практику. Основными ее преимуществами, по их мнению, являются: приобщение будущего работника к условиям работы на предприятии, его адаптация в коллективе; гарантированное поступление в учебное заведение выбранной кандидатуры и получение мотивированного работника; возможность получения специалистов, качество и специфика подготовки которых удовлетворяют потребностям производства; возможность получения подготовленного (с теоретической базой) стажера.

Вместе с тем, эксперты отмечают и недостатки данного вида подготовки, которые связывают с отсутствием нормативно-правовой базы, гарантирующей

продолжительный период работы на предприятии после окончания учебы и недостаточностью обязательств со стороны обучающегося трудоустроиться на предприятие.

Актуальной проблемой для исследуемых промышленных предприятий является закрепляемость молодых рабочих и специалистов. Почти половина (44,8 %) работников этих категорий, трудоустраивавшихся на исследуемые предприятия в течение трех лет (в 2011—2013 гг.), уволились.

Основной причиной увольнений, согласно объяснениям экспертов, служит низкая заработная плата (65,5 %). Следующими по распространенности основаниями являются призыв на «службу в Вооруженные силы РФ» (44,8 %) и «смена места жительства» (41,4 %). Более трети экспертов в качестве доминирующих мотивов указали на «семейные обстоятельства» (34,5 %), почти четверть — на то, что «не устраивает график работы» (24,1 %). Сравнительно менее значимыми являются «проблемы с проездом до места работы» (17,2 %), «неудовлетворенность выполняемой работой, содержанием труда» (6,9 %).

В связи с высокой текучестью молодых кадров, на большинстве исследуемых предприятий (на 17) реализуются меры поддержки молодых работников. Наиболее распространенной из них является «корпоративное обучение, повышение квалификации за счет работодателя», которое осуществляется на 15 предприятиях.

Другие меры поддержки являются сравнительно менее популярными. В частности, «выплата надбавок стимулирующего характера (единовременное пособие, подъемные, ежемесячная надбавка к ставке заработной платы и т. д.)» осуществляется на 7 предприятиях, «организация отдыха и оздоровления» – на 5. Содействие в решении жилищных вопросов оказывается только на 4 предприятиях. В неформализованном ответе один из экспертов указал на наличие и такой меры, как предоставление кредита от предприятия по низким процентным ставкам, причем она оценена им как наиболее результативная.

Анализ количества позитивных отзывов экспертов о результативности каждой из указанных практик, показывает, что наиболее эффективной мерой поддержки молодежи является выплата надбавок стимулирующего характера (единовременное пособие, подъемные, ежемесячная надбавка к ставке заработной платы и т. д.). Данная мера способствует повышению оплаты труда, низкий уровень которой является доминирующим негативным фактором закрепляемости молодых работников на предприятиях промышленности.

Таким образом, результаты исследования подтверждают значимость прямого участия предприятий в подготовке кадров. Разные формы и направления взаимодействия с образовательными учреждениями, реализация практик подготовки специалистов на основе договоров способствуют профессиональному самоопределению молодежи, ее адаптации в профессионально-трудовой сфере и расширению возможностей для самореализации, что также определяет воспроизводство кадрового потенциала реального сектора экономики.

ГЕНДЕРНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ ЖЕНЩИН В ИНЖЕНЕРИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ[1]

Е. В. Кеммет –
преподаватель кафедры социологии
и технологий государственного и
муниципального управления Уральского
федерального университета

Истоки социальной дискриминации принято искать еще в глубокой древности, подтверждение тому высказывание Сократа: «Три вещи можно считать счастьем: что ты не дикое животное, что ты грек, а не варвар, и что ты мужчина, а не женщина» [1, С.112]. Времени прошло много, а социальная дискриминация женщин и сейчас остается общепризнанной проблемой. Сегодня эта проблема имеет противоречивый характер. С одной стороны, идет претворение в жизнь принципа «равных прав и возможностей» полов, а, с другой стороны, продолжается фактическая дискриминация женщин в сфере труда и занятости, ущемление их социальных прав.

Руководствуясь международными документами и соглашениями, опираясь на анализ российской действительности, Правительство России в январе 1996 года приняло постановление «О концепции улучшения положения женщин в Российской Федерации» [2]. Согласно концепции права женщин, являются неотъемлемой частью общих прав человека. Полное и равноправное их участие в политической, экономической, социальной и культурной жизни на федеральном, региональном и международном уровнях должно стать главной целью государственной политики в области улучшения положения женщин в Российской Федерации.

По данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE) Высшей школы экономики на протяжение длительного периода уровни занятости как среди мужчин, так и среди женщин имели восходящую динамику, за период 2000—2009 гг. уровень занятости женщин вырос на 4,8 п.п. [3] А по данным Евростата, уровень занятости женщин в России находится на уровне чуть ниже среднего по Европейским странам (рис. 1) [4, С.73].

[1] Статья подготовлена в рамках проекта «Формирование профессионального этоса современного инженера: гендерный и функциональный аспекты», поддержанного РГНФ, № 15-03-0069

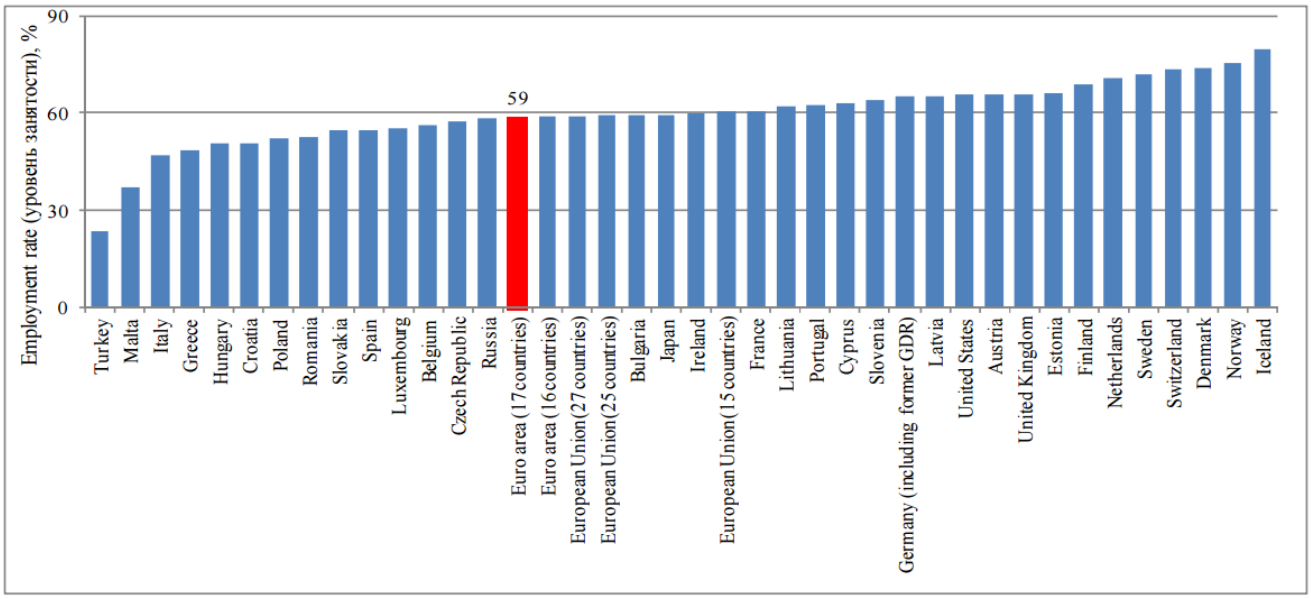

Рис. 1. Уровень занятости женщин в различных странах мира в 2009 г., %

Дискриминация женщин наносит ущерб экономике. Так, по оценкам Правительственной комиссии Великобритании по вопросам женщин и труда (Women and Work, 2006), потери экономики страны от наличия барьеров для женщин в сфере труда составили 25—40 млрд. долл. (имеются в виду все потери, а не только от дискриминации женщин через механизм вертикальной сегрегации) [5, С.7].

Профессиональная структура занятости в российской экономике в настоящий момент отличается доминированием профессий преимущественно физического труда. Одной из отличительных черт российского рынка труда является то, что концентрация мужчин в «мужских» отраслях заметно выше, чем концентрация женщин – в «женских». В рамках данной статьи хотелось бы представить данные с одной стороны давние, но все же актуальные и на сегодняшний день, и подтверждающие выше сказанное. Как следует из табл. 1, в 1990 г. 80,35% мужчин были сосредоточены в «мужских» отраслях, тогда как распределение женщин между двумя группами отраслей было более равномерным.

Таблица 1

Распределение занятых по гендерно-доминируемым отраслям России, 1990-2004 гг.(%) [6; С.59]

	1990		**2004**	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
«мужские» отрасли	80,35	50,32	76,29	43,65
«женские» отрасли	19,65	49,68	23,71	56,35

Анализ структуры занятости фиксирует наличие гендерно-доминируемых профессиональных групп. Согласно официальной статистке, значительная доля мужчин работают в инженерной сфере, в том числе на руководящих должностях, а женщины широко представлены в профессиях прочих специалистов высшего уровня квалификации.

Таким образом, налицо факт, что женская занятость на рынке труда в России сконцентрирована в более ограниченном числе отраслей. До 90% женщин не заняты в промышленности и попадают в другие сферы – образование, здравоохранение, торговля, связь и т.д. Подобный выбор определяется не только желанием самих женщин, но и социально-экономическими отношениями, политикой государства в целом.

В настоящее время в постиндустриальных странах (например, в Скандинавии) маргинализация женщин уже считается мифом, так как здесь изменилось положение женщины и отношение к ней общества, государства. И хотя проблема «стеклянного потолка» для шведок и датчанок не полностью изжита, сферы их деятельности перестают быть вторичными, а возможности социальной защиты ассоциируются не с институтом семьи, а с государством [7, С.75].

По данным гендерной статистики, в России среди занятых женщин почти половину (47 %) составляют специалисты высшего и среднего уровней квалификации, в то время как среди занятых мужчин таковых только четверть (25 %). Вместе с тем сохраняется отраслевая сегрегация женщин-специалистов высшего и среднего уровней квалификации. Так, среди женщин-специалистов высшего уровня квалификации лишь 3 % в сфере STEM-направлений (Science, Technology, Engineering and Mathematics) занятости, среди мужчин — 7 %. Исследователи оценивают эту тенденцию как сохранение «стеклянных стен» в профессиональной карьере женщин.(Таблица 2)

Таблица 2

Гендерная структура специалистов и руководителей (%)

Занятия в соответствии с Общероссийским классификатором занятий	Всего	Женщины	Мужчины
Руководители (представители) органов власти и управления, организаций, предприятий	8,7	6,9	10,5
Специалисты высшего уровня квалификации, в том числе:	20,6	25,5	15,8
Специалисты STEM высшего уровня квалификации	5,3	3,2	7,3
Специалисты высшего уровня квалификации в области биологических, сельскохозяйственных наук и здравоохранения	2,2	2,9	1,6
Специалисты высшего уровня квалификации в области образования	3,6	5, 8	1,4
Прочие специалисты высшего уровня квалификации	9,5	13,6	5,5

Специалисты среднего уровня квалификации, в том числе	15,4	21,2	9,7
Специалисты STEM среднего уровня квалификации	3,4	1,7	4,9
Прочие специалисты среднего уровня квалификации	12	19,5	4,8
Рабочие и служащие	55,3	46,5	64
Итого	100	100	100

Гендерная сегрегация в инженерии становится предметом активного интереса исследователей. Исследователи отмечают низкую представленность женщин в инженерной профессии, наличие структурных барьеров продвижения, устойчивых *гендерных стереотипов*, сохранение патриархальных структур доминирования мужчин.

Выводы автора опираются на данные экспертного опроса инженерных специалистов ряда региональных промышленных предприятий, проведенного исследовательским коллективом проекта летом 2013 года [8]. Среди опрошенных инженеров в равной степени представлены женщины и мужчины, что в целом соответствует гендерной структуре выпускников технических специальностей вузов, в отличие от феминизации общей структуры выпускников. Одной из задач проведенного опроса было выявление гендерных стереотипов в инженерной профессии.

Сравнительная характеристика женских и мужских оценок профессиональных качеств элитного инженера выявил совпадения и гендерные отличия. Опытные профессионалы как мужчины, так и женщины инженеры примерно на одном (среднем уровне важности) оценивают значимость коммуникативных качеств и мотивационных установок прожективного элитного инженера (Таблица 3).

Таблица 3

Оценки профессиональных качеств элиты инженерного корпуса (% лиц, выбравших каждый вариант)

Профессиональные качества	Женщины	Мужчины	Разница (п.п.)
Качества, более ценимые женщинами			
Естественно-научная, фундаментальность образования	56	27	+29
Интерес и навыки исследовательской деятельности	55	44	+11
Социально ответственное инженерное мировоззрение	24	15	+9
Качества, одинаково ценимые обоими гендерами			

Коммуникативные компетенции,	25	28	-3
Навыки профессионального общения на английском языке	1 0	10	0
Устойчивая мотивация к труду по полученной специальности	37	37	0
Качества, более ценимые мужчинами			
Высокая квалификация в сфере прикладных наук	24	49	-25
Нестандартное мышление	59	70	-11

Гендерные отличия в трактовке профессиональных качеств в основном соответствует интуитивному представлению «о женском и мужском» типах личности. Мужчины часто значительно лучше объясняют научные явления, в то время как женщины сильнее в определении научных проблем.

Вместе с тем, анализ данных опроса опытных женщин-инженеров выявил, что гендерные стереотипы в инженерии существуют не только как традиция («техника – дело мужское»), но они поддерживаются в индустрии, в том числе в крупных металлургических и машиностроительных корпорациях. Организация и кадровая политика компании («феминизация низших должностей», политика «липкого пола») приводит к снижению уровня самооценки, росту профессиональной неуверенности женщин-инженеров и является серьезной преградой на пути их карьерного роста, формируя внутренний барьер, препятствующий продвижению. При этом у опытных женщин-инженеров, сохраняется позитивное восприятие инженерной профессии как потенциально творческой и креативной [8, С.35].

Таким образом, можно сделать вывод, что гендерное неравенство сохраняется и продолжает доминировать на крупных российских индустриальных предприятиях, что поддерживает и делает возможным его воспроизводство.

Список литературы:

1. Силласте Г.Г., Кожамжарова Г.Ж. Социальная дсикриминация женщин как предмет социологического анализа. 1997. С.112-120

2. Концепция улучшения положения женщин в Российской Федерации. Утверждена Постановлением Правительства РФ от 8 января 1996 г. № 6. С. 1.

3. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Режим доступа: http://www.hse.ru/rlms/, http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms-hse

4. Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 2 [Электронный ресурс]:

сб. науч. ст. / отв. ред. П. М. Козырева. – Электрон. текст. дан. (объем 5,1 Мб). М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2012. 288 с.

5. Рощин С.Ю., Солнцев С.А. Кто преодолевает «стеклянный потолок»: вертикальная гендерная сегрегация в российской экономике. Препринт WP4/2006/03. М.: ГУ ВШЭ, 2006. 52 с.

6. Мальцева И.О. Гендерная сегрегация и мобильность на российском рынке труда. Гос. Ун-т. Высшая школа экономики. – 2-е изд. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ. 2007. 295 с.

7. Ярская В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р. «Не мужское это дело…» гендерный анализ занятости в социальной сфере // Социальная политика. 2002. С.74-82

8. Воспроизводство инженерных кадров: вызовы нового времени / под общ. ред. Л. Н. Банниковой. Екатеринбург : Изд‒во Урал. ун-та, 2015. 364 с.

ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА МОТИВАЦИИ РАБОТНИКОВ АГРАРНОЙ СФЕРЫ В УСЛОВИЯХ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

О.В. Кирилова –
к.экон.н., доцент, зав.кафедрой «Управления АПК» Государственного аграрного университета Северного Зауралья

Еще в 20-х годах XX века Э. Мейо было отмечено, что в условиях индустриальной революции смысл труда перемещается от процесса труда, как такового, в сторону социальных отношений. В аграрном производстве со специфическим укладом сформировавшимся у крестьянства как отдельного пласта он обострен измененными потребностями. По специфике мотивации и возможности участия в экономической деятельности население сельских территорий юга Тюменской области делится на группы: бизнес активное население (руководители коллективных хозяйств, главы фермерских хозяйств, индивидуальные предприниматели, владельцы товарных домашних хозяйств); работающие по найму (на постоянной основе, по временному договору, временно не работающие); слабо активное население (молодежь, трудоспособные пенсионеры).

Наиболее значимым для экономики области элементом трудовых ресурсов сельской территории являются бизнес активная группа, они ведут бизнес, сами создают рабочие места и формируют бюджеты всех уровней, имеют большое «мотивационное ядро», легко адаптируются к городской индустриальной среде. По нашим оценкам доходы превышают 120 тысяч рублей в месяц. Проведенные исследования показали, что основным мотивом к ведению аграрного производства стала не дифференциальная рента II, а ее модификации. Доход, полученный в результате перераспределения ресурсов, источником которых являются меры государственной поддержки, от одного сельхозпроизводителя в пользу другого. Источником образования ренты является воздействие государства на аграрный сектор в форме мер государственной поддержки. Помимо мер государственной поддержки сельхозпроизводители могут извлекать ренту из доходов, поступающих из других секторов экономики. Это происходит, когда сельхозпроизводитель имеет привилегированный доступ к личным связям с руководителями предприятий, находящимися в лучшем финансовом положении.

Большая часть населения сельских территорий, работающие по найму, мотивируются к самозанятости, через домашние и личные подсобные хозяйства. В структуре товарной продукции сельского хозяйства доля сельскохозяйственной продукции, производимой личными подсобными

хозяйствами, достигала в зависимости от видов 46 – 90 процентов. Мотивом к труду становится не денежное вознаграждение , а возможность пользоваться средствами и предметами труда работодателя для своей выгоды. Доходы не превышают 15 тысяч рублей в месяц. Низкая экономическая эффективность сельскохозяйственного производства, недостаточный уровень технического оснащения и износ основных фондов, кризисное состояние сельской социальной инфраструктуры препятствует созданию предпосылок для мотивации к аграрному труду и улучшению кадрового обеспечения в сельском хозяйстве.

Одна из главных проблем современной системы мотивации в аграрном производстве заключается в том, что она не учитывает современных требований вычленяя только отдельные элементы. Утрата трудовой мотивации способствует снижению притока молодых специалистов в сельскую местность.

В сельском хозяйстве одновременно существуют безработица и дефицит кадров, наблюдается дисбаланс между спросом и предложением специалистов и квалифицированных рабочих.

Подход к процессу мотивации остается еще с плановой экономики, когда предприятия испытывая потребность в специалисте сообщали об этом в соответствующие инстанции Госплан, те через регулятор – систему распределения – отправляло молодого специалиста в хозяйство, где он был обязан отработать определенный период в тех условиях какие ему предлагает хозяйство. Поступая в учебное заведение молодой человек знал, что ему придется отработать по распределению в том хозяйстве, где ему укажут –по месту его рейтинга в списке возможных мест работы, или в том хозяйстве которое его направило и оплачивало ему стипендию. Эта же система проецируется на современном этапе. Закрепился стереотип, что выпускник обязан пойти работать в аграрную сферу и не роптать о своих желаниях и потребностях, ведь он молод, неопытен, с низкой квалификацией. Вся ответственность за то, что молодой специалист оценил себя выше, чем его оценил аграрный работодатель теперь возложена на ВУЗ, он должен заменить регулятор рынка труда, с него спрашивают почему не трудоустроился выпускник.

Проблемы кадрового обеспечения аграрной сферы в основном сосредоточены вокруг ценности предложенного труда и его престижности. Молодой специалист как элемент рынка труда продает труд в соответствии со сложившейся конъюнктурой на этом рынке и работодателю необходимо осознать, что нет отдельно рынка рабочей силы для города, для деревни, медицины или животноводства. Если этот рынок предлагает цену за низкоквалифицированный труд продавец –консультант выше чем ветврач или зоотехник, то молодой специалист отложит свой диплом до лучших времен пока конъюнктура не изменится в пользу этого диплома. Надеясь на

те 1,9% абитуриентов, которые целенаправленно пошли учиться в аграрный ВУЗ, чтоб потом жить и работать на селе, мы ни когда не решим проблемы кадрового обеспечения.

Причина дисбаланса спроса и предложения на аграрном рынке труда в самих потенциальных работниках: одних не привлекают имеющиеся вакансии, в связи с несовпадением условий труда, личных перспектив на данном рабочем месте, уровня заработной платы с ожидаемыми; другие, наоборот готовы к трудоустройству, но возросли требования к образовательному и профессиональному уровню работников даже при трудоустройстве на рабочие места с простыми трудовыми функциями, и не только в сельском хозяйстве. Даже если количественные характеристики спроса и предложения на рынке труда будут совпадать, баланса потребности в рабочей силе может не быть в связи с ее низким качеством. Проведенные исследования, в период с 2011 по 2014 год, среди студентов последних курсов аграрных учебных заведений Курганской, Свердловской и Тюменской областей, выявили общие тенденции в получении специальных знаний:

- Специализированные издания (журналы и газеты по специальности) читают по собственной инициативе: регулярно (один раз в неделю и чаще)- 1,03%; раз в месяц – 12%; раз в год – 8%.

- Ходят в библиотеку учебного заведения в среднем 41%.

- При самостоятельной работе (написание рефератов, эссе, контрольных работ) используют только Интернет ресурсы – 87%.

- При использовании материала из Интернет ресурса: читаю только первые фразы копируемых текстов – 83,6%; прочитываю весь материал – 9,7%.

- Ни один из респондентов не отметил, что делится или обсуждает полученную информацию в неформальной обстановке с другими студентами.

В области наблюдается общемировая тенденция – интенсификации производства, снижение численности занятых в животноводстве и во всем сельском хозяйстве. Развитие крупных производств концентрируется у конъюнктурно благоприятных рынков ресурсов особенно рынка рабочей силы и квалифицированных кадров.

В среде неустойчивого развития сформировать эффективную систему мотивации невозможно. Устойчивость аграрного производства не может быть обеспечена без устойчивости сельских территории, поэтому необходимо в комплексе, системно решать эту проблему. Для эффективного и оптимального направления государственной поддержки необходимо выбрать приоритетные направления развития. Развитие и существование села во многом зависит от развития на его территории реального сектора экономики, а именно – животноводства. В современной России уже сложилась примета «уходит из села ферма деревня перестает развиваться и умирает». Эта отрасль в России как лакмусовая бумажка может показать на какой стадии воспроизводственный процесс экономики, наступает ли кризис, на сколько он тяжелый и на сколько

устойчива система. Нами было проведено исследование по двадцати районам Юга Тюменской области с 1993 года. Выявлена четкая зависимость, что через 7 лет после закрытия животноводческой фермы, численность жителей населенного пункта снижается каждый год на 14-17%. Итог 18 деревень перестали существовать, 123 деревни встали на путь угасания перешли из категории населенные пункты с численностью до 500 человек в категорию с численностью до 100 человек и 46 деревень из категории до 100 жителей перешли в категорию до 10 жителей. Без помощи государство сельское хозяйство не может решить все проблемы инфраструктуры села: строить детские сады, школы, дома культуры развивать транспортную и торговую инфраструктуру.

Опыт отдельных предприятий области наглядно доказывает, что финансовые результаты всего производства зависят от системы удовлетворения всего комплекса потребностей работников. Руководитель подбирает, сплачивает, мотивирует к карьерному росту и постоянному повышению квалификации.. Непрестижность труда в сельском хозяйстве формировалась не одно десятилетие и изменить его поддержкой в миллион рублей не удастся. Руководитель предприятия имея потребность в специалисте должен осознать, что без усилий по отбору специалиста, его мотивации, адаптации к коллективу и жизни на селе, эту потребность удовлетворить нельзя.

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Н.И. Киселёва –
к.социол.н., доцент кафедры «Прикладная социология» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доцент

Глобальные экономические и политические преобразования, начавшиеся в 1991 году, к началу XXI века не привели к формированию нового социального государства. Более того, накопившиеся социальные потрясения формируют серьезные вызовы не только населению, но и политической элите. К укрупненным группам социальных рисков и последствий либерализации экономического режима следует отнести следующие.

1. Сформировано транзитивное общество, характеризующееся высокой неустойчивостью и необратимостью социальных процессов. В нем реальность подменяется «мифами» о прошлом и будущем, и, как следствие, в массах доминирует эгоизм и антиномичность сознания и поведения.

2. Личность и целые социальные группы вынуждены формировать новые и новые качества и ценности, позволяющие адаптироваться в различных сферах жизнедеятельности. [5]

3. Отсутствие социальных лифтов, невозможность самореализоваться в условиях неопределенности и глобализации приводит к снижению адаптивности и массовой инфантильности, особенно молодежи (до 30 лет).

4. Стремление навязать высокую мобильность населения в сфере труда и занятости приводит к размыванию профессиональных качеств, к низкой профессионализации кадров. Так, невозможность реализоваться в рамках выбранной профессии, по которой получено образование, приводит к необходимости многократной смены профессиональной области, что снижает уровень профессиональных знаний.

5. Массовое снижение социального статуса гражданина в обществе. Поляризация общества по экономическому, культурному и образовательному уровню, отсутствие перспектив и новых горизонтов вначале приводят к росту внутренних, а затем и внешних конфликтов. Особенно острый является вопрос о причинах низкого материального дохода, социального статуса у россиян с высоким уровнем образованности. [1. С. 40-56].

6. Снижение трудовой активности населения при росте объема работ. Несовершенство системы социально-трудовых отношений, дискриминация на рынке труда, стремление к максимизации прибыли работодателя привели к росту трудового инфантилизма и социально-психологической неудовлетворённости. Так как для большинства населения высокая трудовая

активность не приводит к качественной жизни и росту статуса, то уровень, качество, производительность выполняемой деятельности не становятся мотивом трудовой деятельности.

7. Тотальный кризис недоверия всем социальным институтам сопровождается ростом доверия семье и близким, как более стабильной ценности. Как результат, снижение политический, финансовой и трудовой активности, отстранённость населения от проблем и задач всех социальных институтов, рост нетерпимости и апатии.

8. Нарушение эмоциональной сферы личности. Рост уровня тревоги, наличие тотально стрессового состояния является реакцией субъективного переживания угрозы организму, личности, возникающей при нарушениях интрапсихической регуляции или личностно-средового взаимодействия. Тревога и тревожность занимают одно из центральных мест в теоретической модели психической адаптации, поскольку являются важной характеристикой эмоционального проявления социально-стрессовой реакции, своеобразным эмоциональным откликом при нарушении психической адаптации.

Выраженные изменения уровня тревожности в сторону усиления или ослабления являются неблагоприятными признаками нарушения психического развития (дизонтогенеза) и могут свидетельствовать о регистре развивающихся психических расстройств. [4].

9. Рост социальных фобий. Страхи о нестабильности внутри страны, сумрачные перспективы развития общества (война, разделение территорий, захват, бунт, природные катастрофы), лихорадка рынка труда (риск увольнения, сокращения, безработицы, низкой оплаты труда) приводит к личным катастрофам (болезнь, старость, смерть, социальные лишения, разлука, одиночество).

10. Нарушение межличностной сферы. Категоричность восприятия «других»: от яростной нетерпимости к полному безразличию (усталость от новизны, пресыщенность информацией).

11. Снижение активности демографического поведения (брачного, репродуктивного, самосохранительного и миграционного) как результата трансформации системы ценности и качества жизни. [5].

12. Стремление личности и отдельных социальных групп к персонификации, индивидуализации при кризисе идентичности, месте и роли в обществе, фундаментальных основ личности. В тоже время активная пропаганда, стимулирование потребительской активности, привитие образа жизни буржуа, на фоне невозможности и недосягаемости качественной жизни. [6. С. 41-45].

Однако решение приведенных вышеперечисленных проблем не приведет к исправлению общей ситуации и будет носить лишь временный и «косметический» характер, так как это частные проблемы общества. Уже сейчас эти проблемы отразились на качестве и достижениях в сфере труда.

Либерализация всех уровней образования привела не только к упрощению и минимизации знаний, умений и владений молодого поколения, но и упрощению трудовых достижений.

Технологическая отсталость российской экономики так же определила характер научных исследований в сфере производства высокотехнологичных товаров и услуг. В результате большинство имеющихся разработок не востребованы в стране и не являются конкурентоспособным товаром на международном рынке. Поэтому выражен дефицит высококвалифицированных научных кадров из-за естественного ухода представителей старшего поколения и «утечки» молодых мозгов в мировые научные центры.

С каждым годом возрастает конфликт и разрыв между фундаментальными и прикладными исследованиями. Достижения в науке чаще архаичны, так как в условиях либерализации экономики нет воли на новые идеи, достижения, открытия, требующие «длинных» денег. Гуманитарные науки стали заложником отсутствия перспективного развития экономики и общества.

Возрастание общественно значимой роли трудовых ресурсов в условиях глобального цивилизационного кризиса и попытки новой индустриализации общества, основанного на современных знаниях и восприимчивого к процессу модернизации экономики, актуализирует процессы исследования закономерностей формирования и эффективной реализации трудовых ресурсов в России. Являясь основой развития общества, российское трудоспособное население на протяжении многих десятилетий демонстрирует характеристиками, отражающие текущее экономическое положение в стране и перспективность .

Так политические представления 30-60-х гг. XX века сформировали техническую интеллигенцию. Абсолютное большинство занятого населения в промышленности являлось образцом построения карьеры и жизненных достижений. В результате сформировалась традиция передавать профессию из поколения в поколение, что служило основанием образованию трудовых династий, а в рамках предприятий и организаций образовывались межпоколенческие трудовые коллективы. Эта традиция перешла и на другие сферы экономической деятельности (образование, наука, медицина, строительство, сфера услуг и др.). Тем самым включенность молодежи в трудовые отношения воспроизводили социально-профессиональную, а в конечном итоге – социально-классовую структуру общества.

Смена политических парадигм и экономического устройства государства существенно отразилось как на количественном, так и на качественном составе трудовых ресурсов. Так по данным Росстата за минувшие два десятилетия общая численность населения продолжает сокращаться, только за десять последних лет доля молодежи в возрасте от 15 до 19 лет. сократилась в три раза, а доля старших возрастных групп продолжает расти. Одновременно отмечается рост экономически активного населения до 75529 тыс.чел.

[7. С.13], при одновременном снижении уровня занятости населения с 67,1% до 62,7% [7. С.22]. Продолжающийся низкий уровень рождаемости и высокая смертность позволяют утверждать, что воспроизводство численности трудовых ресурсов, по самым оптимистическим прогнозам, нам не обеспечить на протяжении как минимум двух поколений. В таких условиях следует задуматься о ачественном составе (требовательность к рынку труда, уровень образования и образованности, мобильность, трудовые установки, работоспособность и др.) занятых в экономике.

Существующее распределение занятости трудовых ресурсов позволяет сформулировать несколько выводов.

- Труд перестал быть ценностью, ценностью в трудовой деятельности, особенно для молодежи, является включенность в распределительные отношения [2. С. 167]. Этим объясняется неравномерность социально-демографических особенностей на рынке занятости и профессий.
- Выявленная неравномерность имеет ряд особенностей. Чем выше уровень доходности по видам экономической деятельности, тем моложе средний возраст занятых в ней, существеннее возрастные диспропорции (доминирует молодежь), реже представлены межпоколенческие трудовые коллективы. Примерами таких сфер являются: финансовая деятельность, государственное управление, строительство и др. Чем ниже доходность вида экономической деятельности и статусность в обществе, тем чаще в них перевес старших возрастных групп и дефицит молодых (сельское хозяйство, образование, здравоохранение, рыболовство и др.). Экономическая деятельность с относительно высоким доходом (обрабатывающее производство, добыча полезных ископаемых, транспорт и связь, производство и распределение электроэнергии, газа и воды и др.) имеют самый высокий средний возраст (более 41 года) и нуждается в замещении молодыми кадрами. В тоже время отмечается равномерная представленность всех возрастных групп экономически активного населения только в строительстве и операциями с недвижимостью.
- Наличие межпоколенческих связей в различных сферах экономики обеспечивает оперативность принятия решений, уверенность в трудоустройстве, заинтересованность в работе и необходимость поддержания дружественных отношений в коллективе, что создает благоприятную атмосферу для высокой производительности труда.
- Не смотря на готовность россиян к новым экономическим идеям (реиндустриализация, и др.), анализ текущих вакансий рынка труда не демонстрирует, что наблюдаются изменения в этом вопросе. Ещё реже реализуются межпоколенческие связи в организациях.
- С учётом снижения качества жизни населения, сокращения доступа к социальным благам, приводящим к росту хронических заболеваний среди

молодых трудовых ресурсов и обесцениванию образования, качественные характеристики трудовых ресурсов России будут иметь тенденцию к снижению.

• В этих условиях стоит задача преодоления не только нарастающего дефицита трудоспособного населения, но и диспропорций в развитии отдельных её регионов, включая вакансии, уровень безработицы, возможность трудоустройства по полученной специальности, выравнивание производительности труда, уровня развития социально – трудовых отношений и доходности.

Опыт развития общества показывает, что преобразование обществ – это сложный и противоречивый процесс. Главная особенность заключается в сознательном участии миллионов в социальном творчестве, проявляющемся в разнообразных сферах, и в первую очередь в производственной деятельности. Текущее состояние экономики и общества является результатом доминирования либеральной парадигмы, где нет места реальной экономики (хозяйства).

Закон социального изменения возвратен, и историческая память населения не стерта, что позволяет утверждать, что есть ресурсы для реанимирования нашего общества и роста сознания населения.

Список литературы:

1. Беляева Л.А. Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство (часть 1) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. №2. С. 40-56
2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологически портрет. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.
3. Заславская, Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации: учеб. пособие. – М.: Дело, 2004. – 400 с.
4. Малкова, Е. Е. Тревожность и развитие личности / Е.Е. Малкова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. – 268 с.
5. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В.Синявской; Независимый институт социальной политики. – М.: НИСП, 2009.- 336 с.
6. Руткевич, М. Н. Трансформация социальной структуры российского общества // Социс. – 2004. – № 12. – С. 41-45.
7. Экономическая активность населения России (по результатам выборочных исследований). 2014: Стат.сб./Росстат. – М., 2014. – 143 с.

ВИРТУАЛЬНЫЕ ДЕНЬГИ БИТКОИН КАК АТРИБУТ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

М.Н. Кичерова –
к.социол.н, доцент
каф. общей и экономической социологии
Тюменского государственного
университета

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что развитие информационного общества стремительно привносит в повседневную практику новые технологии, к которым люди порой не готовы. Инновационные технологии, связанные в первую очередь с информатизацией, затрагивают все сферы жизни общества и влияют как на жизнь отдельного человека, так и на общество в целом. Среди таких технологий можно назвать электронные платежи, виртуальные деньги и криптовалюту.

Понятия «криптовалюта», «электронные деньги», «цифровые деньги», «виртуальные деньги» близки по смыслу, но не являются тождественными. Необходимо различать эти понятия. Термин «**криптовалюта**» образован от английского «*cryptocurrency*», что означает тип электронных денег, основанных на криптографии. Производство такой валюты (ее эмиссия) происходит за счет выполнения криптографических функций. Децентрализация является одним из основных принципов криптовалют. В отличие от привычных фиатных денег (рубли, доллары, евро), криптовалюты не печатаются на станках по распоряжению государства или финансовых институтов, а появляются за счет активности пользователей в компьютерной сети [2].

Одной из самых популярных криптовалют является биткоин (bitcoin, от английского bit – единица информации и coin – монета). Сокращенно биткоин обозначают BTC. Цифровые монеты добывают в результате «майнинга» (mining – горное дело), которым занимаются пользователи системы. Людей, добывающих биткоины, сравнивают с «современными старателями, напавшими на золотую жилу в интернете» [2]. Они нагружают свой компьютер специальными сложными вычислениями для подтверждения безопасности транзакций, каждый пользователь транслирует транзакции остальных. Вероятность «добычи» биткоинов тем выше, чем мощнее компьютер и чем дольше он занят этим процессом. Новые деньги генерируются сетевым узлом тогда, когда находится решение очередной задачи. Таким образом, для «добычи» новых виртуальных монет нужны особые ресурсы – вычислительная мощность компьютера.

В отличие от системы электронных платежей, которые представляют собой надстройку над национальными валютами, биткоин является и системой

платежей, и собственно деньгами. Пользоваться криптовалютой биткоин можно анонимно через защищенные интернет-протоколы.

По мнению западных исследователей информационного общества, таких как М.Кастельс (университет Беркли, США), П.Химанен (Хельсинки, Институт информационных технологий, Финляндия), Д.Джордженсон (Гарвардский университет, США) система ценностей и экономическое поведение людей будут трансформироваться, новые феномены виртуального потребления, виртуальных денег существенно изменят жизнь общества. Однако инновационные технологии не только являются прогрессивным шагом вперед, вместе с этим они несут определенные вызовы и угрозы. Таким образом, исследование социальных практик, связанных с применением виртуальной валюты биткоин, является сегодня весьма актуальным и значимым.

История становления и развития биткоин показывает, что виртуальная валюта достаточно быстро проникла в реальный мир. Биткоин появились в 2008 году, создателем считается японский программист (или группа) под всевдонимом Сатоши Накамото (Satoshi Nakamoto) [7]. Сначала биткоины распространялись очень медленно: участники могли только генерировать виртуальные деньги на своих компьютерах и передавать их друг другу напрямую. Курс биткоина публиковался на сайте New Liberty Standard и в 2009 года варьировался от 700 до 1600 единиц за один доллар. Вычислялся он следующим образом: средняя мощность, потребляемая процессором, умножалась на стоимость электричества в США и делилась на число биткоинов, которое генерировал компьютер создателя сайта.

В 2010 году появился первый обменный сервис Bitcoin Market. В этом же году состоялась и первая реальная сделка с использованием биткоин – американец купил за 10 тысяч биткоинов две пиццы. Покупка продуктов питания за виртуальные деньги показала, что биткоин проникает в социальную практику потребления. В 2011 году Джед МакКалеб открыл биржу MtGox, которая позволяла обменивать биткоины на «реальные» деньги и обратно. В этом же году биржа была продана японской компании Tibanne Co, и до настоящего времени эта площадка является одним из основных мест для ввода и вывода виртуальных денег, а также для оценки их курса. Следует отметить, что курс биткоин, как у любой валюты меняется, в 2011 году одна виртуальная «монета» выровнялась по стоимости с долларом, и в настоящее время её курс растет [7].

С 2012 года сначала в Нью-Йорке, а затем в европейских городах стали проходить конференции, посвященные использованию биткоин. В России первая конференция по вопросам применения биткоин прошла в 2014 году в Москве [3].

Краткий исторический экскурс показывает, что криптовалюта достаточно быстро внедряется в реальную социальную практику. Однако, важно отметить, что правовой статус виртуальной валюты до конца не

определен. Так, в США биткоины признаны «легальным средством обмена» [2]. Университет Никоси (Кипр) стал первым в мире вузом, который начал принимать биткоины в качестве оплаты за обучение. Правительство Таиланда запретило использование криптовалюты из-за невозможности контролировать оборот этих виртуальных денег. В России купить за биткоин реальные товары пока нельзя, однако можно обменять виртуальные деньги на реальные. Для этого можно воспользоваться одним из множества обменников. Самым популярным является японская биржа MtGox, которая взамен биткоинов высылает реальные деньги на банковский счет по курсу на момент сделки. Герман Греф не исключает, что «..сбербанк может выпустить собственную криптовалюту»[5], однако пока в России использование биткоин не имеет четкого правового регулирования.

Профессор К.К.Колин, изучая качество жизни в информационном обществе, отмечает, что современные инновационные технологии несут не только пользу, но и определенные вызовы и угрозы. Так, он указывает на проблемы информационного неравенства, манипуляция сознанием [1]. С.А.Логвинова, развивая идеи негативного влияния информационного общества, отмечает проблему виртуализации. Этот психологический феномен заключается в том, что реальные физические объекты подменяют виртуальными. Наряду с этим она пишет о новых киберболезнях, информационном терроризме, информационной преступности [4.с.20-21] Все эти явления связаны с развитием и распространением современных информационно-коммуникационных технологий.

Следует отметить, что использование биткоин, как инновационной технологии, может иметь негативные последствия для общества. Уже сегодня, по данным интернет-источников, цифровая валюта стала популярным средством для оплаты нелегальных услуг. Анонимность валюты в сочетании с анонимностью торговых площадок позволяет использовать биткоин для торговли запрещенными товарами, в том числе наркотиками и оружием [9,10]. Таким образом, биткоин стал широко применяться в теневой экономике, преступной деятельности, что представляет серьезную опасность для общества.

Научные исследования по проблемам применения биткоин пока немногочисленны. В США проводились опросы общественного мнения. В России исследование по изучению пользователей биткоин было проведено в 2014 году НИУ ВШЭ. Приведем некоторые результаты этого исследования. Так, по итогам опроса, проведенного студентами-социологами НИУ ВШЭ, был составлен социальный портрет, образ российского пользователя биткоин Всего было опрошено 206 респондентов. Так, в России, по данным опроса, среди пользователей биткоин 95% составляют мужчины и 5% женщины. Две трети пользователей виртуальными деньгами имеют высшее образование, их возраст от 17 до 40 лет и старше. 30% занимаются предпринимательством, 17% рабочие, 19% служащие, 6% назвали другие виды деятельности,

5% временно не работают. По результатам опроса, биткоин более популярен среди молодежи, чем среди людей зрелого возраста. 91% респондентов считают эту технологию инновационной. Интересно, что 65% пользователей биткоин проживают в регионах и 35% в Москве [8].

Учитывая, что большинство пользователей биткоин проживают в регионах, мы решили узнать отношение молодых людей к этому феномену и провели авторское пилотажное исследование среди студенческой молодежи г.Тюмени. Задачи исследования включали выявление социальных практик применения виртуальных денег, как молодежь оценивает применение биткоин, что более всего привлекает молодых людей в использовании этой криптовалюты, каким они видят будущее виртуальной валюты.

В анкетном опросе приняли участие студенты г.Тюмени, в возрасте от 17 до 25 лет. Использовалмя случайный тип выборки, объем выборки составил 185 человек. По результатам опроса было установлено, что 32 % знают о существовании криптовалюты биткоин, и только 8% пользуются биткоин. Интересно, что среди пользователей биткоин в нашем регионе оказалось 60% девушек и 40% юношей.

На вопрос о том, почему вы не пользуетесь биткоин, почти треть респондентов ответила, что не доверяют этой валюте, а две трети просто не умеют пользоваться. При этом все респонденты совершали покупки в интернет-магазинах, при этом расплачивались пластиковой картой или электронными деньгами (yandex деньги, webmoney и др.) Возможно, это связано с тем, что, несмотря на то, что молодые люди достаточно хорошо владеют современными информационными технологиями, применение биткоин требует специальных знаний и компетенций в области информатики и программирования.

В отношении перспектив развития биткоин, спектр мнений у молодежи следующий: малая часть тех респондентов, кто пользуется биткоином, считают, что «биткоину нельзя доверять, есть риск потерять свои деньги», таких всего 1%. Есть мнение, что «биткоин надежная система, за ним будущее», так ответили 67%. Интересно, что даже среди тех, кто сейчас не пользуется биткоин, преобладает оценочная позиция «я доверяю биткоину и готов хранить в нем часть своих сбережений». Таким образом, проведенный опрос показал, что молодые люди с интересом осваивают практику использования виртуальной валюты, проявляют к ней интерес, видят перспективы её развития.

В заключении хочется отметить, что использование виртуальной валюты нельзя оценить однозначно. Наряду с прогрессивным и полезным воздействием криптовалюты могут служить недобросовестным людям и представлять серьезную угрозу. Виртуальный мир вторгается в реальную жизнь. В информационном обществе изменяется социальное пространство и время. Можно согласиться с мнением С.Логвиновой, что «будущее приближается слишком быстро, не оставляя времени человеку, чтобы он смог психологически перестроиться для осмысления новой реальности, которая

уже наступила» [4, с.21]. Виртуальные деньги уже вошли в реальную жизнь людей, и этот социальный феномен требует дальнейшего изучения. Вместе с новыми возможностями необходимо изучать правовые, экономические, психологические, социальные аспекты этого явления, предвидеть возможные последствия применения виртуальной валюты.

Список литературы:

1. Колин К.К. Качество жизни в информационном обществе / К.К. Колин // Человек и труд. – 2010. http://metodist.lbz.ru/lections/10/files/3.doc
2. Зубков И. Монета-бита /Российская газета. Федеральный выпуск №6284(12) / http://www.rg.ru/2014/01/22/bitkoin.html (дата обращения 05.09.2014)
3. Итоги конференции Bitcoin Conference Russia 2014 http://bitcoininfo.ru/news/itogi-konferencii-bitcoin-conference-russia-2014 (дата обращения 10.09.2014)
4. Логвинова С.А. Проблемы современного информационного общества// Известия ВГПУ,№1(262)- 2014.// http://izvestia.vspu.ac.ru/docs/71cc051d-14c5-4f1b-81ec-51a8d9fa47f8/Проблемы%20современного%20информационного%20общества.pdf (дата обращения 05.09.2014)
5. Сбербанк допускает возможность эмиссии собственной виртуальной валюты // http://lenta.ru/news/2013/12/13/gref/ (дата обращения 18.09.2014)
6. https://bitcoin.org/bitcoin.pdf
7. http://tjournal.ru/paper/bitcoin-history
8. Образ российского пользователя биткоин: результаты опроса http://www.coinside.ru/2014/06/05/obraz-rossijskogo-polzovatelja-bitcoin-rezultati-oprosa/
9. http://xakep.ru/featured/silkroad-fail-story/
10. http://tjournal.ru/paper/bitcoin-assassination

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТА В КАЧЕСТВЕ ИСТОЧНИКА ИНФОРМАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Т.П. Кожина –
младший научный сотрудник лаборатории исследования социальных процессов и эффективности государственного управления ИСЭРТ РАН

Развитие информационных технологий создаёт предпосылки для существенных социальных и политических изменений в жизни общества. сфера взаимодействия граждан, а также государства и социальных и политических изменений в жизни общества. Формируется и развивается новая сфера взаимодействия граждан, а также государства и гражданского общества – интерактивное политико-информационное взаимодействие [3]. С расширением электронного доступа к информации и возможностей её широкого распространения возрастает вероятность роста гражданской активности населения.

Однако стремление индивида к свободному получению информации приобретает смысл лишь после удовлетворения базовых потребностей, что в свою очередь непосредственно связано с уровнем дохода и политической зрелостью» [2]. Зачастую «внедрение более сложных политико-коммуникативных технологий приводит человека в состояние апатии по отношению к политической жизни» [2]. В большинстве западных демократий наблюдается долговременная тенденция снижения электоральной явки, и меньше всего склонны голосовать бедные, безработные, молодежь – то есть именно те, кто должен быть в наибольшей степени заинтересован в использовании политической системы для улучшения своего положения [8]. Снижение интереса к политике, низкая явка на выборы, особенно регионального и муниципального уровней характерны и для России в целом, в первую очередь для крупных и средних городов, в том числе и для Вологодской области [10]. Российские исследователи отмечают такие факторы, как «информационноая аномия», архетипизированность публичного пространства, этатизм, синдром априорного доверия к официальным источникам, безынициативность граждан, усталость от перемен при желании жить лучше [7]. В этих условиях представляется важным рассмотреть вопрос о степени влияния информационных технологий на общественное мнение в региональном сообществе.

По результатам исследования ИСЭРТ РАН[1], в 2014 г. в качестве источника разнообразной информации (политической, экономической, спортивной, развлекательной) Интернет использовали в регионе 40% населения. Он занимает в этом качестве 3-е место после телевидения и печатных изданий (соответственно 88 и 45%). За последние 4 года (в период с 2010 по 2014 г.) популярность Интернета возросла (на 9 п.п.), в то время как популярность телевидения немного снизилась (на 4 п.п.). Особенно увеличилась роль Интернета как источника сведений о политической и экономической жизни (на 11 п.п., с 24 до 35%). В этом качестве он чаще используется людьми среднего достатка (58%) и лицами в возрасте 30 – 55 лет (51%). Молодых людей в возрасте 18 – 30 лет политическая и экономическая информация в сети интересует реже (38%), причём за два последних года их доля снизилась на 6 п.п.

В настоящей работе рассматриваются вопросы, связанные с влиянием Интернета на общественное мнение тех жителей региона, которые получают информацию политического и экономического характера преимущественно из всемирной сети.

В начале 2010-х годов в характере общественного мнения можно выделить два основных этапа, а именно:

- период подъёма протестного движения в России на волне обострения политической борьбы во время избирательной кампании 2011 – 2012 гг. и период последующего спада протестных настроений после избрания В. Путина на пост Президента РФ;

- период роста патриотических настроений и консолидации общества в связи с присоединением Крыма и политикой России в отношении Украины (2013 – 2014 гг.).

Социальные сети сыграли значительную роль в организации массовых протестных выступлений по итогам парламентских и президентских выборов 2011 – 2012 гг. [6]. В 2014 г произошла ретроспективная переоценка протестных акций 2011 – 2012 гг.: в 2012 г. их в той или иной степени одобряла значительная часть или большинство респондентов, то в дальнейшем наблюдается ярко выраженный протест против любой оппозиции – протест против протеста среди населения [9]. На фоне присоединения Крыма к России Интернет наряду с другими СМИ послужил фактором консолидации вокруг власти, прежде всего федерального уровня.

[1] Опросы по теме СМИ проводятся 2 раза в год, в апреле и октябре. Опрашивается по 1500 респондентов в возрасте 18 лет и старше в городах Вологде и Череповце и 8 районах области. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

В соответствии с обозначенными тенденциями в Вологодской области изменялось общественное мнение преимущественно тех людей, которые пользуются Интернетом как источником политической и экономической информации («заинтересованная», «информированная», или «активная» Интернет-аудитория), в то время как среди остальной части населения изменения были малозначительны. В первую очередь это касается отношения к власти, которое в категории активных интернет-пользователей в период с 2010 по 2011 г. существенно ухудшилось. Индекс[1] одобрения деятельности Президента РФ снизился на 10 пунктов (таблица), Правительства РФ – на 19 пунктов, губернатора области – на 25 п. (Для сравнения: среди остальных жителей области индексы уменьшились соответственно на 1, 9, 1 п.). При этом в 2011 – 2013 гг. оценки «активных» пользователей Интернета оставались значительно менее благоприятными по сравнению с остальными, однако в 2014 г. ситуация изменилась на противоположную: индекс одобрения деятельности президента, правительства, губернатора был выше на 11, 5, 12 п. По-видимому, данная аудитория в большей степени «включена» в события, происходящие в стране и мире, острее реагирует на социально-политические изменения и может рассматриваться как активная часть гражданского общества.

Таблица

Одобрение деятельности властных структур среди тех, кто использует Интернет в качестве источника политической и экономической информации, и остальной части населения (в % от числа опрошенных)

Уровень/индекс одобрения	2010 г.		2011 г.		2012 г.		2013 г.		2014 г.	
	Пользо-ватели	Осталь-ные	Пользо-ватели	Осталь-ные	Пользо-ватели	Осталь-ные	Пользо-ватели	Осталь-ные	Пользо-ватели	Осталь-ные
Президента РФ	55,6	58,3	51,6	59,4	51,2	55,1	53,1	57,4	70,3	64,1
Индекс, в пунктах	128,7	133,3	118,8	132,,0	119,0	123,6	121,9	129,5	153,0	141,5
Правительства РФ	50,0	46,9	39,9	43,0	37,1	41,6	40,4	45,1	51,0	47,7
Индекс, в пунктах	122,5	118,9	104,3	109,8	101,0	106,2	104,7	111,5	125,4	119,6
Губернатора	54,7	44,8	39,4	46,2	41,1	44,7	44,1	44,3	42,9	36,7
Индекс, в пунктах	128,0	115,6	103,1	114,7	106,8	111,4	109,7	111,2	108,2	95,5

[1] Индекс рассчитывается как разность долей (в %) положительных и отрицательных ответов («Полностью, в основном одобряю», «Полностью, в основном, не одобряю»). Затем к полученному результату прибавляется 100, чтобы избежать появления отрицательных значений индекса. Таким образом, индекс выше 100 пунктов означает преобладание положительных ответов, ниже 100 – отрицательных, равный 100 – равновесие тех и других.

«Активная» Интернет-аудитория отличается более высоким уровнем материального благополучия по сравнению с остальной частью населения. В среднем за 2010 – 2014 гг. здесь выше доля «богатых» и «людей среднего достатка» (52% против 40), реже встречаются «бедные» (39% против 50). Отношение к власти не обусловлено экономическими факторами: динамика оценок деятельности власти и материального положения имеет разнонаправленные векторы. Так, период с 2010 по 2011 г. оценки материального положения среди «активной» аудитории Интернета даже несколько улучшились: удельный вес тех, кто считает его «плохим», снизился с 29 до 25%. Напротив, в период с 2013 по 2014 г. на фоне позитивных изменений в оценке власти заметно увеличилась доля «бедных» (на 7 п.п.; с 38 до 45%). Выводы исследователей о том, что «уровень социального оптимизма теснее связан с оценкой населением деятельности власти, чем с материальным благополучием семьи респондента» [4], относятся в первую очередь к группе наиболее информированных граждан.

Различия между «активной» частью Интернет-аудитории и остальной частью населения проявились и на уровне партийно-политических предпочтений. В 2011 году в связи с выборами активизировалась деятельность оппозиционных политических партий. На этом фоне среди активных пользователей Интернета отмечен рост популярности ЛДПР (с 9 до 12%), «Справедливой России» (с 3 до 10%), КПРФ (с 2 до 5%) и снижение удельного тех, кто не отдаёт предпочтения ни одной из действующих партий (с 39 до 30%). При этом «Единой России» не удалось упрочить свои позиции: доля её сторонников немного снизилась (с 31 до 29%). В то же время среди людей, не использующих Интернет в качестве источника политической информации, на 4 – 6 п.п. увеличился уровень поддержки всех парламентских партий, кроме ЛДПР.

Фактор «протеста против протеста» и последующая волна патриотических настроений отразились на отношении к партии власти «Единой России»: в период с 2012 по 2014 г. уровень её поддержки в категории «активных» интернет-пользователей возрос с 28 до 38%. Среди остальной части населения доля тех, кто считает, что «Единая Россия» выражает их интересы, лишь вернулась на уровень 2012 г. (33%). В первой группе, в отличие от второй, малопопулярна КПРФ: в среднем за рассматриваемый период 5% против 12. Уровень поддержки ЛДПР в обеих группах в среднем составляет 7 – 8%, но отношение к ней в категории интернет-пользователей отличалось подвижностью: рост поддержки в начале 2010-х годов (с 9 до 12%) и спад к 2014 г. (до 7%).

«Активная» позиция людей, пользующихся информацией социально-политического характера из Интернета, проявилась и в более высоком уровне протестных настроений по сравнению с остальным населением. Исключением стал 2012 г., когда период активной протестной деятельности в стране сменился

разочарованием в ней: за год резко (более чем в полтора раза) снизилась доля тех, кто допускал возможность массовых протестных выступлений в месте своего проживания (с 32 до 20%). В последствии (2012–2014 гг.) уровень протестного потенциала увеличился в первой группе 20 до 25%, в то время как среди остального населения, напротив, снизился с 24 до 20%. Рост социальной напряжённости представляет потенциальную угрозу дестабилизации ситуации, возможности резкого перехода скрытых протестных настроений в открытые протестные действия [5]. Поддержку таких действий и участие в них с большей вероятностью можно ожидать от «активных» пользователей Интернета, несмотря на улучшение отношения к власти в свете международных событий. Катализатором может стать ухудшение социально-экономической ситуации в регионе.

Таким образом, мы видим, что Интернет как источник информации оказывает немаловажное влияние на общественное мнение. Всё возрастающая категория людей, интересующаяся социально-политической информацией в Интернете, отличается более активной жизненной позицией, «подвижностью» настроений, которые в значительной степени степени обусловлены конкретной социально-политической ситуацией в стране и регионе. В 2014 г. на волне патриотических настроений улучшились их социально-политические настроения, в том числе оценки деятельности власти федерального уровня. Вместе с тем сохраняется более высокий уровень протестных настроений и признаки деполитизации (примерно каждый второй не находит в существующих в настоящее время партиях выразителя его интересов). В свете приближающихся парламентских выборов 2016 г. эксперты Фонда ИСЭПИ прогнозируют долговременный характер наметившейся уже в сентябре 2014 г. тенденции к активизации политической жизни в центре и регионах и нарастающую необходимость уделять особое внимание социально значимой политике, а также актуальность повестки взаимодействия власти и гражданского общества [1].

Список литературы:

1. Бадовский, Д., Пожалов, А. Рейтинг – 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://expert.ru/expert/2014/42/rejting-2016/

2. Бронников, И. А. Будущее политических интернет-технологий: два сценария развития / И. А. Бронников // Власть, 2014, № 1. С. 46 – 50

3. Буренко, В.И., Бронников, И.А. Электронное гражданское общество: иллюзии или реальность? (Зарубежный опыт и отечественная практика. Политический аспект) // Информационный гуманитарный портал «Знание, понимание, умение», 2012. – №1. – С 44–51.

4. Гришин, В.В. Социальные настроения и общественно-политические процессы в период выборных кампаний 2011 – 2012 гг. / Гришин В.В. –

Восьмые губернаторские чтения «Потенциал государства и демократия». – Тюмень, 10 апреля 2012 г.

5. Дементьева И.Н. Потенциал протеста населения как угроза национальной безопасности территории [Текст] / И.Н. Дементьева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2015. – №1 – С. 109 – 118.

6. Доклад «Новая протестная волна: мифы и реальность» 6 декабря 2012 г. / Официальный сайт ФоРГО. – Режим доступа: // http://civilfund.ru/mat/view/37

7. Карпова, А. Ю. Информационная аномия: выбор на грани фола [Текст] // Власть, 2014, № 1. С. 41 – 46Крастев, И. Управление недоверием [Текст] – М., 2014, 128 с.

8. Крастев, И. Управление недоверием [Текст] – М., 2014, 128 с.

9. Мониторинг политических настроений россиян (декабрь 2014 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // http://www.slideshare.net/KomitetGI/2014-42991085

10. Шабунова А.А., Гужавина Т.А., Кожина Т.П. Доверие и общественное развитие в России [Текст] /А.А. Шабунова // Проблемы развития территории. – №2 (64). – 2015. – С.7 – 19

РАЗВИТИЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

Т.А. Козлова –
студентка Ростовского социально-
экономического института

Для эффективного развития современной системы российского образования в рамках компетентностного подхода необходимо осмысление как отечественного, так и зарубежного опыта.

История компетентностного подхода связана с развитием междисциплинарных исследований. Компетентностный подход, зародившись в исследованиях трансформационной грамматики (Н. Хомский), «был впоследствии экстраполирован в качестве научного метода, применимого к различным сферам знания, включая педагогику». В таблице 1 представлен анализ этапов становления и развития компетентностного подхода к образованию.

Таблица 1

Анализ этапов становления и развития компетентностного подхода к образованию [2; 203]

Этап	Характеристика	Представители
I этап конец XIX в -50 г. XX в	возникновение научных предпосылок компетентностного подхода	А. Маслоу, Ф. Тейлор, А. Гастев
II этап 50-70 гг. XX в.	формирование научной платформы для определения механизмов создания и совершенствования компетентности	Р. Уайт, Д. Макклеланд, Л. Питер
III этап 70-е г. – 2000 г.	выделение компетенции и компетентности в качестве предмета всестороннего рассмотрения и научного анализа	Л. Спенсер, А. Субетто
IV этап 2000 г. – наст. время	создание инструментов для практического его применения в области образования	О. Белова, Н. Кузьмина, А. Хуторской

Анализ этапов развития компетентностного подхода позволяет отметить единую точку зрения ученых на динамику изменений, происходящих с данной категорией.

Анализ изменений, произошедших в области образования в последние десятилетия, позволяет утверждать, что компетентностный подход является верным ответом соответстующим времени. «Ведущие страны вступили в эпоху постиндустриального развития, характерная особенность которой

– все большая наукоемкость производства и возможность экономического преобладания не только за счет ресурсной базы и промышленности группы «А», но и за счет организации производства и инноваций [4; 107].

Первый подход стал основой для реализации компетентностного подхода в европейском образовании, основу которого составляют национальная рамка и система квалификации. Второй реализуется в США, Канаде, Австралии. Поскольку в России принят курс на европейский профиль образования, то и работ, посвященных европейской системе, больше.

Следует отметить некоторые особенности систем исследуемых стран: прагматизм и предпринимательский подход к решению проблем; концентрация на индивидуальном характере и уникальности образовательной системы (к примеру, в Австралии нет единого языка для общения, а каждая провинция устанавливает свои требования к квалификациям); признании поведенческой доминанты в формировании компетенций.

Следует отетить, что компетентностный подход был разработан в США Дэвидом Макклелландом и впоследствии получил развитие в трудах Ричарда Боятциса. В их исследованиях за основу были взяты компетенции лучших работников. Сравнительный анализ лучших и посредственных исполнителей показал, что компетенции находятся вне зоны интеллекта и индивидуальности личности. Следовательно, компетенции являются результатом обучения [6; 36]. В США шло одновременное развитие в 80-х гг. прошлого столетия концепции «общих» и «ядерных» компетенций, результатом которой стало определение Американской ассоциацией менеджмента (AMA) пяти кластеров компетенций эффективного менеджера. С тех пор компетентностный подход стал активно продвигаться в американских школах бизнеса.

Таким образом, с начала XXI века в системе образования происходит становление так называемого компетентностного подхода. Цели, содержание образования, организации образовательного процесса определяются пониманием результатов образования, достигнутых человеком по завершении определенной образовательной ступени. Это результаты фиксируются сегодня в форме компетенций как целостных характеристик самого человека, а не в виде набора знаний, умений и навыков, как это было в образовании индустриальной эпохи.

Список литературы:

Золотова Е.Р.Особенности разработки модели компетенций в организации / Е.Р. Золотова. // European social science journal. – 2014. – № 7-1 (46). – С. 471-474. – [Электронный ресурс] – URL: http://elibrary.ru/item.asp?id=23005561

Козлова Т.А. Сущностные особенности компетентностного подхода к управлению человеческими ресурсами / Сборник Тезисов 4-й Всероссийской Интернет-конференции «Грани науки 2015» / Т.А. Козлова.

/ Отв. ред. А.В. Герасимов. – Издательство: Казань.: КФУ, 2015. – 203 – 204 с. – [Электронный ресурс] – URL: http://grani4.kznscience.ru/data/documents/ ezisy_GraniNauki-2015.pdf

Коротков Э.М. Управление качеством образования. Учебное пособие для вузов / Э.М. Коротков. – Издательство: М.: Академический проект, 2011. – 319 с. – [Электронный ресурс] – URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=223149&sr=1

Мушегян В.Л. Современный менеджмент. Методы управления и регулирования / В.Л. Мушегян. // Вестник евразийской академии административных наук. – 2014. – № 3 (28). – С. 107-114. – [Электронный ресурс] –URL: http://elibrary.ru/item.asp?id=22091562

Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация / Дж. Равен. / Пер. с анг. – Издательство: М.: Когито-Центр, 2002.

Ребко Л.В. Мировой опыт эффективного управления / Л.В. Ребко. – Издательство: М.: Лаборатория книги, 2012. – 93 с. – [Электронный ресурс] – URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=141449&sr=1

Хуторской А.В. Компетентностный подход в обучении. Научно-методическое пособие. / А.В. Хуторской. — М.: Издательство «Эйдос»; Издательство Института образования человека, 2013.

РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ЧЕРЕЗ НОВЫЕ ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

О.А. Коркина –
соискатель кафедры общей и
экономической социологии
Тюменского государственного
университета

После завершения года культуры, особое значение приобретает социокультурная сфера, так как именно здесь создаются условия для формирования интеллектуального потенциала нации и во многом определяется качество духовной жизни общества. Сейчас все больше актуализируются утверждения президента России В.В. Путина о том, что культура и просвещение, в широком смысле слова, формируют интеллект человека, его мировоззрение, жизненную позицию, а соответственно, и качественный состав общества [3]. Тем не менее, прежде всего культурную и духовную составляющую современного общества наиболее точно характеризует «культурная среда». Дадим ей определение в соответствии с концепцией федерально-целевой программы «Культура России (2012-2016 годы)». Во-первых, культурная среда является результатом всей совокупности культурной деятельности общества – прошлой и настоящей (включая инфраструктуру организаций культуры, произведения искусства, и т. п.); во-вторых, это институт приобщения граждан к нравственным ценностям, хранимым ею; в-третьих, это область творческой реализации духовного потенциала российских граждан, в том числе молодого поколения [1].

В этой связи формирование и развитие культурной среды становится важнейшим условием улучшения качества жизни в Российской Федерации. Безусловно, это зависит и от государственной поддержки, и от личного вклада каждого, и от усилий общественности.

Однако в настоящее время можно наблюдать значительные изменения в оказании государством поддержки, например, относительно одного из немногих межпоколенных проводников в историю и особенности русской культуры – социального института театра. Его основной функциональный стержень сохраняется на протяжении многих лет (интеграция, просвещение, развлечение, социальный контроль, творчество). Стоит отметить, что до начала перестройки существовали только государственные стационарные театры, строго определялись репертуар, количество премьер, спектаклей для детей, спектаклей по произведениям классиков русской литературы и т.д. Сейчас государственной поддержки недостаточно для полного обеспечения функционирования театров, поэтому они вынуждены принимать условия рыночной экономики. Следовательно, важность выполнения просветительской

функции стоит в одном ряду с компенсаторной. Это как раз определяют зрительские мотивы и предпочтения, на которые должен реагировать театр, чтобы оставаться конкурентоспособным на рынке индустрии развлечения.

Существуют не только государственные, но и частные театры. Нередко решение о составе репертуара принимается коллективом театра [3]. Также становятся распространенными новые театральные направления, чаще молодежные, новые зрелищные формы, нетрадиционные театральные площадки, перформансы, флешмобы с элементами инсталляций и др. Эта ситуация хоть и символизирует свободу творчества, но, с другой стороны, порождает состояние неопределенности. Данные направления, являются практически неконтролируемыми, в отличие от традиционных, которые еще могли бы быть полностью или частично применимы в качестве официального инструмента трансляции духовно-нравственных ценностей. Это требует, по-видимому, полного финансирования театральной деятельности, в обмен на формирование более определенного культурного капитала. Новые театральные направления, напротив, зарождаются стихийно, отличаются экспериментально-творческим характером и преимущественно определяются местной инициативой.

Пусть аудитория новых театральных практик пока несоизмерима по масштабу с публикой традиционных направлений, тем не менее, есть необходимость в выяснении ее потенциала (увеличении масштабов, прогноза развития), так как гипотетически существуют два варианта развития – в соответствии с функциями театра как социального института или в противовес им в качестве дисфункций.

Итак, с одной стороны, появление новых театральных практик несет негативные следствия, отвлекает внимание от основного классического жанра, а значит и от его первоначальных функций (при условии, если они не совпадают). С другой стороны, нельзя не принимать во внимание, что ведущей становится функция социального контроля как наиболее острое отражение поисков и проблем современного общества в инновационных художественных формах. Здесь очевиден расчет на «переворот» сознания, который поможет ориентироваться в жизни, адаптироваться к изменениям и более уверенно принимать решения [2]. Еще одной причиной отнесения новых театральных практик к положительной волне модернизационных процессов, можно считать занятость молодежи, не интересующейся обычным театром, либо не планирующей связывать основной род деятельности с большой сценой.

Таким образом, эти процессы неоднозначно влияют на современную ситуацию формирования системы ценностных ориентаций россиян и требуют всестороннего изучения.

По результатам интервью с актерами и руководителями авторских и любительских театров г. Тюмени, проведенных автором в 2014 году, стоит отметить, что, безусловно, есть аудитория, которая воспринимает

глубокую задумку режиссера и старания исполнителя, выраженные в нестандартных формах, исполненных на нестандартных сценах в виде развлекательного шоу. Тем не менее, они констатируют факт, что доля такого типа зрителей у новых театральных практик меньше, чем у традиционных классических театров. Однако именно новые театральные практики обладают потенциалом примирения противоречий между традициями и инновациями в социокультурной сфере. Во-первых, они направлены на сохранение традиций, самобытности культуры, но с помощью инновационных средств, которые готово воспринимать современное общество, в особенности молодежь. Во-вторых, экспериментальные театры с их парадоксальными нововведениями стимулируют интеллектуальную деятельность, помогают избавляться, с одной стороны, от «зашоренности» и стереотипности представлений, а с другой стороны, способствуют формированию жизненной позиции, в инновационном формате транслируя традиционные ценности. Следовательно, распространение новых театральных практик выступает фактором реализации стратегии повышения приоритетности и престижности культуры.

Список литературы:

1. Концепция федеральной целевой программы «Культура России (2012 – 2018 годы)» [Электронный ресурс]: утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации № 209-р от 22.02.2012. URL: http://fcpkultura.ru/new.php?id=8 (дата обращения: 12.03.2014).

2. Копалова О.С. Театр и зритель: институциональные аспекты взаимодействия. – Автореферат. – Екатеринбург, 2001. – 145 с.

3. Путин В. В. Видеоконференция по вопросам культуры [Электронный ресурс]. URL: http://nbulaev.ru/news/3390-vladimir-putin-provyol-videokonferencziyu-po-voprosam-kultury (дата обращения: 07.11.2013).

ПОСТВУЗОВСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Е.И. Кулько –
старший преподаватель кафедры истории и педагогики, Белорусской государственной сельскохозяйственной академии

Изменения образовательных стандартов высшего профессионального образования вносит существенные коррективы в образовательный процесс. В современных условиях востребован специалист, который обладает гибкостью и мобильностью на рынке труда и профессий, способный принимать самостоятельные решения, преобразовывать социальную среду и свою профессиональную деятельность, способен к эффективному профессиональному взаимодействию, общению, обучению и самообучению, оперативному поиску информации, её оценке и использованию для принятия конкретных практических решений. Следовательно, не только на экономические, но и на социальные институты, в частности на образование, возлагаются обязательства по обеспечению потребностей в специалистах для разных областей народного хозяйства. Это, в свою очередь, определяет необходимость совершенствования образовательного процесса, что может осуществляться через обновление его содержания, технологий, совершенствование механизмов взаимодействия учебных заведений и потребителей. Вместе с тем, чтобы сегодня осуществлять процесс подготовки высококвалифицированного специалиста с системным и даже глобально цивилизованным мышлением, нужно, чтобы и сами преподаватели были готовы к соответствующей организации процесса обучения. «Практика свидетельствует: сегодня учить студентов нужно не только менеджменту, педагогике или маркетингу, экономике или управлению персоналом, но и многому тому, на что раньше не было спроса: сотрудничеству, партнёрскому взаимодействию, умению постоянно учиться, умению работать в команде, коллективному принятию решений, умению быстро устанавливать контакты и вести переговоры, умениям осуществлять презентацию и самопрезентацию формировать имидж, быстро перестраиваться в связи с изменяющимися требованиями» [1, 83]. Следовательно, не менее значимым вопросом является организация обучения профессорско-преподавательского состава, работа по повышению их квалификации.

Сегодня Институты повышения квалификации должны выступать, как координационные центры по формированию эффективной региональной системы повышения квалификации и переподготовки кадров и реализации технологии непрерывной подготовки специалистов на ее третьем этапе – поствузовском. При определении тематики курсов повышения квалификации,

семинаров должны учитываются запросы преподавателей. Содержательная наполняемость курсов и семинаров отражает актуальные проблемы системы высшего и последипломного образования. При этом главным ориентиром является развитие профессиональной мобильности профессорско-преподавательского состава вуза, которую можно рассмотреть в двух аспектах.

1–способность ППС достаточно быстро откликаться на запросы рынка образовательных услуг. Преподаватели университетов, в том числе ИПК и ПК, должны тесно сотрудничать с учреждениями общего среднего, среднего специального, среднего профессионального, внешкольного образования, выступать с лекциями, принимать участие в семинарах, круглых столах, осуществлять консультационную деятельность.

2 – способность профессорско-преподавательского состава и сотрудников оперативно использовать в организации образовательного процесса новые достижения науки и практики. Реализация этого аспекта предполагает, прежде всего, повышение качества профессиональной подготовки кадров, в том числе опережающей.

Следует отметить, что успех преподавания той или иной дисциплины, осуществление того или иного вида подготовки, решения той или иной педагогической задачи зависит от реализации комплекса методов, методических приёмов, средств, организационных мер, адекватных поставленным целям и задачам. Успех обучения ещё более результативен при использовании образовательных технологий, которые сегодня являются необходимым инструментом не только школьного учителя, но и вузовского преподавателя, которые связывают в единую технологическую цепочку конкретную задачу обучения, отвечающее ей содержание, средства, деятельность педагога, деятельность обучающегося и ориентированные на достижение максимально высокого результата, отвечающего задаче. Они особенно эффективны в профессиональном обучении.

Сегодня преподавателю предлагается многообразие усовершенствованных и совершенно новых технологий обучения, поэтому умелое их использование требует определённой подготовки. Преподавателю важно знать качественное своеобразие технологий, принимать во внимание рамки их применения, знать условия эффективности их применения. Так, например, мы сегодня отмечаем, что широкое распространение получило использование интенсивных технологий обучения, преимущество которых связано, прежде всего, с развивающим потенциалом последнего. Следовательно, преподавателю важно иметь представление о спектре интенсивных обучающих технологий интерактивного характера, активизирующих учебный процесс (имитационные ролевые игры, тренинги и неимитационные технологии – игровое проектирование, мозговой штурм, творческие мастерские, мастер-классы, дискуссии и т.д.) и специфике их проведения; знать, что эффективность его работы в режиме интенсивного обучения будет определяться следующими

условиями: соответствием возможностей преподавателя целям и задачам данной технологии; наличием у преподавателя профессионального опыта участия в групповом взаимодействии; соответствующая личная направленность самого преподавателя. Использование интенсивных технологий в учебном процессе будет способствовать [2, 117]:

созданию у обучаемых целостного представления о профессиональных компетентностях, и мета компетентностях, их динамике и месте в реальной деятельности;

развитию профессионального, аналитического, практического мышления;

формированию познавательной мотивации, созданию условий для проявления личностной психологической установки;

выявлению новых смыслов общения и взаимодействия с деловыми партнерами.

Обсуждение этих аспектов вполне может быть предметом разговора на методических семинарах, круглых столах.

Однако еще раз хочется подчеркнуть, что активное и широкое применение технологий в образовательной практике – не может быть самоцелью, это средство повышения профессионального мастерства педагога и эффективности деятельности студентов, слушателей в достижении более высоких образовательных результатов, расширения возможностей для выбора более эффективных способов решения образовательных задач и оптимального использования ресурсов.

Список литературы:

1. Панфилова, А.П. Инновационные педагогические технологии: Активное обучение / А.П. Панфилова. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 192 с.

2. Современные образовательные технологии / коллектив авторов; под ред. Н.В. Бордовской. – 2-е изд. стер. – М.: КНОРУС, 2011. – 432 с.

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ТОВАРОВ И УСЛУГ СОСТОЯНИЕМ ЦЕНОВОЙ КОНКУРЕНЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

Н.А. Лимкина –
старший научный сотрудник ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга»

В настоящее время во всем мире получает развитие неценовая конкуренция, которая основана на предложении новых, более совершенных товаров, более разнообразных услуг, использовании более широкой рекламы.

В рамках реализации политики импортозамещения в Республике Мордовия также является актуальным развитие различных форм конкуренции (прежде всего – ценовой) на рынках товаров и услуг.

В апреле 2015 г. ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга» в соответствии с требованием 5 «Проведение мониторинга состояния и развития конкурентной среды на рынках товаров и услуг региона» Стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации проведено социологическое исследование потребительского рынка Республики Мордовия ($N = 384$), в ходе которого опрашивались потребители товаров и услуг.

В целях повышения объективности интерпретации и обобщения данных рассчитаны индексы ценовой конкуренции, удовлетворенности потребителей уровнем цен на товары и услуги.

Разброс цен. Большинство рассматриваемых рынков характеризуются незначительным разбросом цен на одинаковые по качеству товары и услуги разных производителей. По каждому из анализируемых рынков товаров доля респондентов, указавших на соответствующую оценку, является наибольшей и дифференцируется незначительно: от 43,8 до 60,6 %.

Сравнительно значительным разбросом цен на аналогичные товары разных производителей, по мнению респондентов, характеризуются рынки лекарственных препаратов (44,9 %), продуктов питания (42,1 %), одежды и обуви (40,8 %), мебели (31,1 %).

Колебания показателей, характеризующих разброс цен на рынках услуг, более существенные. Так, доля указавших на незначительный разброс цен варьируется от 35,0 % по услугам гостиниц до 65,3 % по услугам сотовой связи; доля оценивших разброс цен как значительный дифференцируется от 9,5 % относительно услуг кабельного телевидения до 29,5 % по услугам розничной торговли.

Следует отметить, что высока доля затруднившихся оценить сложившуюся дифференциацию цен. В частности, подобные ответы наиболее распространены по рынкам, которые характеризуются преимущественно низкой представленностью компаний (организаций, фирм), в частности, по услугам гостиниц и туристским услугам (42,1 и 42,6 % соответственно).

Расчет агрегированного показателя — индекса ценовой конкуренции – позволяет ранжировать рынки товаров и услуг и дифференцировать их на следующие условные группы:

- рынки товаров и услуг с относительно высоким уровнем ценовой конкуренции;
- рынки товаров и услуг со средним уровнем ценовой конкуренции;
- рынки товаров и услуг с относительно низким уровнем ценовой конкуренции (табл. 1, табл. 2).

Таблица 1

Индексы ценовой конкуренции на рынке товаров

Характеристика группы	Рынок товаров	Индекс
Высокий уровень ценовой конкуренции	Продукты питания	0,6118
	Лекарственные препараты	0,6067
	Одежда и обувь	0,5925
	Мебель	0,5000
	Бытовая техника	0,4672
	Строительные материалы	0,4417
Средний уровень ценовой конкуренции	Нефтепродукты	0,3560

Таблица 2

Индексы ценовой конкуренции на рынке услуг

Характеристика группы	Рынок услуг	Индекс
Высокий уровень ценовой конкуренции	Услуги розничной торговли	0,4550
	Медицинские услуги	0,4214
	Услуги общественного питания	0,4071
Средний уровень ценовой конкуренции	Парикмахерские услуги	0,3473
	Туристские услуги	0,2770
	Услуги сотовой связи	0,2731
	Услуги по ремонту бытовой техники	0,2549
	Услуги дошкольного образования	0,2410
	Услуги сети Интернет	0,2328
	Услуги дополнительного образования	0,2290
	Услуги по ремонту, пошиву одежды и обуви	0,2228
	Услуги культуры	0,2228
	Услуги ЖКХ	0,2051
Низкий уровень ценовой конкуренции	Услуги по перевозке пассажиров наземным транспортом	0,1958
	Услуги гостиниц	0,1904
	Услуги кабельного телевидения	0,1881
	Услуги цифрового телевидения	0,1672
	Услуги социального обслуживания	0,1178

Положительные значения индекса свидетельствуют о том, что на всех рынках в той или иной степени ценовая конкуренция присутствует. Сравнительно более выражена она на рынках продуктов питания, лекарственных препаратов, одежды и обуви, мебели, бытовой техники, строительных материалов, а также на рынках услуг розничной торговли, медицинских, общественного питания.

Удовлетворенность ценами. Рассматриваемые рынки товаров и услуг существенно дифференцируются по удовлетворенности потребителей уровнем цен.

В частности, относительно рынков товаров доминируют негативные оценки. По их количеству лидируют рынки лекарственных препаратов (58,2 %), продуктов питания (53,2 %).

Показатели удовлетворенности уровнем цен на услуги сравнительно более положительные: наиболее распространенной является оценка «частично удовлетворен».

По услугам кабельного, цифрового телевидения, сети Интернет полностью удовлетворены уровнем цен большинство респондентов, их приобретавших (44,3; 40,8 и 40,0 % соответственно).

Выделяются рынки услуг, где уровень цен является неприемлемым для большей части опрошенных потребителей: услуг ЖКХ (47,9 %), медицинских (47,6 %), туристских (39,5 %), по ремонту бытовой техники (37,5 %), гостиниц (31,8 %).

Расчет агрегированного показателя — индекса удовлетворенности уровнем цен на рынках товаров и услуг — позволяет дифференцировать исследуемые рынки на следующие условные группы:

- рынки товаров и услуг с преобладанием негативных оценок уровня цен и соответственно характеризуемые как рынки с выраженной неудовлетворенностью уровнем цен;
- рынки товаров и услуг с относительно низким уровнем удовлетворенности ценами;
- рынки товаров и услуг со средним уровнем удовлетворенности ценами;
- рынки товаров и услуг с относительно высоким уровнем удовлетворенности ценами (табл. 3, табл. 4).

Таблица 3

Индексы удовлетворенности потребителей уровнем цен на товары

Характеристика группы	Рынок товаров	Индекс
Выраженная неудовлетворенность уровнем цен	Строительные материалы	- 0,0597
	Бытовая техника	- 0,1150
	Мебель	- 0,1239
	Одежда и обувь	- 0,1573
	Нефтепродукты	- 0,2006
	Продукты питания	- 0,2421
	Лекарственные препараты	- 0,3361

Таблица 4

Индексы удовлетворенности потребителей уровнем цен на услуги

Характеристика группы	Рынок услуг	Индекс
Высокий уровень удовлетворенности	Услуги кабельного телевидения	0,4466
	Услуги сотовой связи	0,4378
	Услуги сети Интернет	0,4204
	Услуги цифрового телевидения	0,4077
Средний уровень удовлетворенности	Услуги культуры	0,3942
	Услуги по перевозке пассажиров наземным транспортом	0,3913
	Парикмахерские услуги	0,3048
	Услуги дополнительного образования	0,2769
	Услуги социального обслуживания	0,2544
	Услуги дошкольного образования	0,2172
Низкий уровень удовлетворенности	Услуги по ремонту, пошиву одежды и обуви	0,1510
	Услуги розничной торговли	0,0886
	Услуги общественного питания	0,0525
Выраженная неудовлетворенность	Услуги гостиниц	- 0,0190
	Услуги по ремонту бытовой техники	- 0,0818
	Медицинские услуги	- 0,1590
	Услуги ЖКХ	- 0,1722
	Туристские услуги	- 0,1738

Сопоставление показателей уровня ценовой конкуренции и удовлетворенности уровнем цен демонстрирует обратную зависимость: чем более интенсивно выражается ценовая конкуренция, тем ниже удовлетворенность потребителей уровнем цен. Подобная ситуация свидетельствует о том, что механизм конкуренции на большинстве рынков товаров и услуг в полной мере не функционирует.

Росту уровня удовлетворенности потребителей товаров и услуг состоянием ценовой конкуренции могут способствовать следующие стратегии:

- снижение себестоимости продукции,
- дифференциация продукции,
- сегментирование рынка,
- внедрение инноваций,
- ориентация на потребность рынка.

Исходя из полученных результатов анализа, для повышения уровня удовлетворенности потребителей товаров и услуг состоянием ценовой конкуренции необходимо:

- улучшить как качество товара, так и качество обслуживания при его продаже,
- продолжить оказание поддержки малому и среднему бизнесу в регионе.

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНЕ: МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Н.В. Мальцева –
к.социол.н., доцент,
доцент кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета

А.А. Чернышев –
к.истор.н., доцент,
доцент кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета

Риск как неотъемлемая часть социальной, экономической и политической жизни общества, неизбежно сопровождает все сферы деятельности человека. Субъектами риска являются отдельные индивиды и организации, активность которых выражается через категории действия и поведения. Главным фактором появления риска выступает неопределенность, обусловленная не только непредсказуемостью социальной среды, но и также ограниченными возможностями субъектов риска при выборе альтернативных вариантов действий и принятии решений.

В научной литературе сущность риска рассматривается в трех основных аспектах, а именно:

- как специфический процесс выбора альтернатив, вариантов действий: выбор альтернативы в ситуациях неопределенности, выбор действия, исход которого определяется случаем, единством обстоятельств и индивидуально-групповых предпочтений или критериев оценки ситуации, на основе которых принимается решение;
- непосредственное действие субъекта: действие наудачу, в надежде на счастливый исход, образ действий в неясной, неопределенной обстановке, поведение в условиях опасности, угрозы;
- вероятность отрицательного характера последствий: вероятность неуспеха в ситуации с несколькими альтернативами, ущерб, связанный с реализацией решения, нежелательные последствия в результате случайных факторов [2; 26].

Отсутствие среди исследователей единого мнения относительно природы риска объясняется неоднозначностью данного социального феномена, его недостаточной научной разработанности среди отечественных авторов и практически полным игнорированием присутствия риска в управленческой деятельности со стороны российского законодательства. Кроме того, риск

– это сложное явление, имеющее множество несовпадающих, а иногда противоположных реальных основ своего изучения.

Основными источниками риска являются спонтанность природных явлений; случайность; столкновение противоречивых интересов; вероятностный характер научно–технического прогресса; неполнота информации; ограниченность ресурсов; невозможность однозначного познания объекта при сложившихся в данных условиях уровне и методах научного познания; относительная ограниченность сознательной деятельности человека; различия в социально-психологических установках, идеалах, намерениях, стереотипах поведения.

В условиях реализации новых видов деятельности угроза риска возрастает многократно, поскольку невозможность заранее просчитать вероятный исход дела усложняется отсутствием отработанных схем поведения, ведущих к заранее заданным результатам. Следовательно, инновационные процессы напрямую связаны с социальным риском, и результаты их осуществления во многом зависят от эффективности, обоснованности и своевременности исполнения управленческих решений.

Социальные риски – это риски, в преодолении которых участвует все общество, большая часть населения подвержена им, поэтому для рисков характерна вероятность всеобщих потерь, затрагивающих различные элементы качества жизни людей, а также минимизация утрат при условии реализации социальной ответственности всех членов общества [3; 119].

В обществе можно выделить следующие наиболее распространенные типы социальных рисков, сопровождающих инновационные процессы: усиление конкуренции, маргинализация, глубокое расслоение общества по уровню доходов, безработица, вынужденная миграция, снижение уровня жизни населения. Указанные социальные риски еще больше усугубляют негативные последствия инновационных процессов в регионе и обществе в целом. Таким образом, возникает необходимость в их регулировании посредством осуществления целенаправленных действий со стороны государства.

Создание действенных механизмов управления рисками предполагает наличие в обществе социальных институтов, способных осуществлять эффективный контроль над поведением субъектов в ситуациях риска. По мнению Н. Лумана, такими институтами в социально-экономической сфере являются норма, собственность и контракт. Норма способствует стабилизации социальных ожиданий, собственность регламентирует отношения по поводу распределения общественных благ, а контракт диктует правила обменных операций, позволяя достигать компромисса при заключении соглашений. Для регуляции этих механизмов, действующих во всех сферах общественной жизни, используются правовые и финансовые средства [1; 169].

Особую роль в социальной регуляции рисков играют политические институты. Государство устанавливает условия приватизации собственности, определяет порядок лицензирования, охраняет права на использование

природных ресурсов и других общественных благ, ограничивая тем самым действие рыночных сил и снижая риски социально-экономического развития.

Управление риском предполагает проведение научно-обоснованных мероприятий по его оптимизации на всех этапах принятия и реализации экономического решения. Этой цели служат государственные программы социально-экономического развития, в том числе в сфере инновационной деятельности.

Региональная инновационная политика призвана обеспечить увеличение валового внутреннего продукта региона за счёт разработки новых видов продукции и технологий и последующего внедрения их в производство, расширения на этой основе рынков сбыта новых товаров.

Концепция региональных властей в области инновационной деятельности, утвержденная в виде правового акта в установленном законом порядке, должна определять организационные, правовые и экономические условия научно-технической и инновационной деятельности, обосновывать отношения между субъектами инновационной деятельности и органами государственной власти региона, направляя их на создание благоприятных условий для развития инновационной деятельности на территории области.

В этой связи можно выделить следующие основные направления региональной инновационной политики:

- разработка, принятие и совершенствование нормативно-правового обеспечения инновационной деятельности, механизмов ее стимулирования, системы институциональных преобразований, защиты интеллектуальной собственности в инновационной сфере и введение ее в хозяйственный оборот;
- создание системы комплексной поддержки инновационной деятельности, всестороннего развития производства, повышения конкурентоспособности и экспорта наукоемкой продукции;
- развитие инновационной инфраструктуры путем активизации деятельности и совершенствования систем информационного обеспечения, экспертизы, системы сертификации и продвижения разработок, финансово-экономическую системы, осуществления производственно-технологической поддержки, а также подготовки и переподготовки кадров;
- развитие малого инновационного предпринимательства путем формирования благоприятных условий для образования и успешного функционирования малых высокотехнологичных организаций и оказания им государственной поддержки на начальном этапе деятельности;
- совершенствование конкурсной системы отбора инновационных проектов и программ. Первостепенная реализация в отраслях экономики приоритетных, относительно небольших и быстро окупаемых инновационных проектов с совместным участием частных и государственных инвесторов позволит поддержать наиболее перспективные производства и организации, усилить приток в них частных инвестиций;

- реализация базовых технологий и приоритетных направлений, способных преобразовывать соответствующие отрасли экономики региона;

- использование технологий двойного назначения как для производства сложной передовой и специфичной техники и технологий, так и для продукции повсеместного спроса.

Создание эффективных механизмов оптимизации социальных рисков инновационных процессов в регионе требует принятия следующих мер:

- совершенствование нормативно-правовой базы для снижения экономических рисков, в частности, это касается определения статуса предприятий, правил осуществления сделок, защиты прав собственности, в том числе интеллектуальной, и обеспечения гарантий соблюдения контрактов;

- улучшение информационного обеспечения субъектов риска через создание доступных для граждан информационных баз рискологических данных и систем их измерения, а также реализацию права населения на получение полной информации об опасностях осуществления различного рода экономической деятельности;

- организация подготовки компетентных специалистов по исследованию рисков, способных разрабатывать конкретные рекомендации для практики управления и составлять экспертные заключения по поводу принимаемых руководителями решений;

- разработка новых методов анализа рисков, широкое внедрение в практику технологий антикризисного управления с целью обеспечения стабильной работы организаций;

- совершенствование техники и технологий в плане повышения их надежности, сокращения уровня производственной опасности и устранения вредных условий труда;

- проведение всестороннего анализа принимаемых социально-экономических решений посредством проведения опросов общественного мнения об отношении к рискам, получения экспертных оценок последствий реализации реформ и внедрения инноваций в регионе для повышения их качества и дальнейшей корректировки действий.

Список литературы:

1. Верховин, В. И. Экономическая социология: [монография] / В. И. Верховин, В. И. Зубков. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Изд-во РУДН, 2005. – 457 с.

2. Зубков В.И. Введение в теорию риска: социологический аспект / В. И. Зубков. – М.: ИНИОН, 1998. – 241 с.

3. Шарин В.И. Социальные риски как угрозы социальному положению и защита от них // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2013. – № 6. – С. 118-124.

РЕГИОНАЛЬНАЯ СФЕРА КУЛЬТУРЫ В ПЕРИОД КРИЗИСНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

В.А. Михайлов –
д.философ.н., профессор,
зав. кафедрой социологии
Тверского государственного университета

Авторы типовой программы и методики по составлению социокультурного портрета регионов Российской Федерации обосновывают целесообразность включения в проект данного проекта следующих разделов: 1. Общая характеристика региона. 2. Население, его этнокультурные и социальные особенности. 3. Уровень жизни и социальное самочувствие населения. 4. Культурный потенциал (капитал) населения и его использование для инновационного развития региона. 5. Мотивация трудовой деятельности и экономическая активность. 6. Социальная стратификация и мобильность. 7. Государственное регулирование и самоорганизация социальной жизни региона. 8. Общие выводы [1].

Отмечая теоретико-методологическую значимость подобного – чрезвычайно широкого – подхода, необходимо заметить, что под культурной сферой обычно понимается более узкий перечень социальных феноменов, в первую очередь, это – совокупность местных отраслей и их предприятий, производящих товары и услуги, необходимые для удовлетворения социокультурных потребностей местного населения.

Функционально региональная сфера культуры включает сохранение и использование культурно-исторического наследия (музейное, библиотечное и архивное дело, национальные и местные традиции, праздники и т.д.), художественное образование и детское творчество, искусство, творческую деятельность, исполнительство, концертную деятельность, организацию досуга и развлечений, любительство, этнографические искусства и ремесла и т.п. Фактически все перечисленное совпадает с тем, что у выше названных авторов обозначается как *массово-культурная жизнь населения*.

Представляется, что в настоящее время наиболее актуальным является анализ кризисных явлений в сфере культуры и поиск эффективных мер по выходу из него. Данное утверждение вытекает из того факта, что начавшийся в 2008 г. социально-экономический кризис и оказавший существенное влияние на состояние сферы культуры в различных регионах Российской Федерации так до сих пор и не преодолен. В связи с этим весьма интересно увидеть, как этот период оценивается руководителями и работниками сферы культуры и каковы их намерения по сохранению и поддержанию культурной сферы в период кризиса. Кафедрой социологии Тверского государственного университета в последние четыре года было проведено несколько исследований по данной

проблематике (экспертный опрос сотрудников Комитета по делам культуры Тверской области, аспирантка Е.С. Боброва и проч.). Ниже приводятся главные выводы по итогам некоторых из них.

60% опрошенных отметили явные изменения в области культуры в регионе. При этом наиболее важной проблемой эксперты назвали *«сокращение финансирования»* (53%). В качестве важных новаций были также названы *«уменьшение учреждений культуры» и «инновации в культуре»*.

Респондентам было предложено оценить *изменения в посещаемости трех сфер культурного комплекса региона* – культурных мероприятий, библиотек, музеев. Судя по ответам экспертов, наибольшим изменениям подверглась область музейного дела (53% респондентов отметили, что посещаемость музеев в Тверской области «немного сократилось»). Что касается посещаемости тверским населением библиотек, то 47% респондентов посчитали, что ситуация в данной области культуры не изменилась.

Самой пострадавшей областью была признано *народное творчество*: большинство экспертов оценили степень негативных изменений, возникших в народном творчестве в результате экономического кризиса, как значительную. В музейном и библиотечном деле, деятельности клубных учреждений и общественных объединений также проявились разрушительные последствия кризиса, однако они были минимальны. По мнению опрошенных, кадры и сфера образования в регионе никак не пострадали за рассматриваемый период.

Респондентам было предложено дать прогноз дальнейшего развития отрасли культуры в Тверской области. Прогнозы респондентов легко объединяются в три группы: 1) фиксируется стабильность в состоянии отрасли: *«кризис не отразится на культуре», «все останется на прежнем уровне»* (65% ответивших); 2) незначительные негативные изменения: *«снижение посещаемости учреждений культуры»*, «снижение пополняемости фондов», *«незначительно снизятся показатели»* (23% экспертов); 3) явные негативные тенденции: *«сокращение рабочих мест», «снижение всех показателей», «продолжится спад»* (12%).

Среди проблем и трудностей, возникающих в управленческой сфере, то более всего сотрудники Департамента волновало недостаточное финансирование отрасли, что было признано в качестве основной проблемы, мешающей проведению эффективной региональной культурной политики. Кроме лидирующего варианта *«сокращение финансирования»*, отмечались *«нехватка квалифицированных кадров для решения важных вопросов и разрешения трудностей»* (33%) и «*неразработанность антикризисных мер в культурной политике региона»* (33%).

Главным условием функционирования отрасли «Культура» в Тверской области была признана *финансовая поддержка федеральных властей*. Далее следовали: *«активность населения»* (33%), «*организационная поддержка*

государства» (20%) и «*поддержка негосударственных фондов*» (20%). При этом лишь треть из респондентов посчитало, что государство в состоянии на данный момент обеспечить необходимые условия. В своем большинстве (67%) эксперты ответили, что «перевод учреждений культуры на коммерческую основу» оказалось бы неадекватным вариантом развития.

Важно отметить, что социология позволяет увидеть и проанализировать как взгляды «сверху» (экспертное сообщество), так и мнения «снизу» (широкое общественное мнение). Реальная массово-культурная жизнь населения Твери как раз и должна стать отправной точкой при формулирования целей и задач местной культурной политики. Вот некоторые данные исследования 2013 г. «Влияние кинематографа на формирование ценностных ориентаций населения Твери».

На вопрос «Каковы Ваши любимые занятия в свободное время?» – большинство респондентов отметило, что таковым является посещение танцевальных клубов, дискотек (21%), баров, ресторанов (26%), кино, просмотр кинофильмов по телевидению (35%).

На вопрос «Как часто Вы посещаете кинотеатры в Твери за последние полгода?» – большинство ответили, что 2-3 раза в месяц (42%); на вопрос «Устраивает ли Вас стоимость билетов на киносеансы?» – да (43%); на вопрос «Достаточно ли кинотеатров в Твери?» – недостаточно (50%).

Если рассматривать общее число наименований кинофильмов, демонстрировавшихся за определенный период как показатель предложения, а число виденных респондентами фильмов в качестве показателя спроса, то обнаруживается интересная зависимость и динамика. Самым большим спросом у респондентов пользовались: фантастические (21%) и комедийные кинофильмы (36%).

За период проведения исследований в репертуаре местного кинопроката количество наименований нравственно-психологических западных фильмов сократилось в 1,5 раза, но при этом их предложение все равно превышало спрос населения. Предлагаемые кинопрокатом (совсем в небольшом количестве) фильмы политической тематики практически не были востребованы. В целом также крайне незначительным оказалось потребление нравственно-психологических (2%), приключенческо-детективных (4%) и фильмов ужасов (8%).

Для 50% тверской киноаудитории наиболее важным в современном кинематографе представляется интересный сюжет, для 25% опрошенных важнее всего спецэффекты, 16% – игра актеров, 5% – познавательный мотив просмотра кинофильма.

Итак, с помощью конкретно-социологических исследований, с одной стороны, мы видим реальное социокультурное пространство жизни населения региона, с другой – наблюдаем спорадические попытки управленческого воздействия (концепции, программы и проч.). Ясно, что второе должно

исходить и всемерно учитывать специфику первого, т.е. социокультурная среда региона должна описана и принята (как объект политического воздействия) в контексте наиболее волнующих население вопросов и его социокультурных запросов.

А. Иванов, В. Семенков отмечают, что в 40-60-е гг. XX столетия в отечественной теории и практике культура воспринималась и пропагандировалась как набор универсальных ценностей, которые необходимо донести до широких масс. Исходя из этого, культурная политика трактовалась как управление тем или иным видом культурной деятельности (политика в области театра, музыки, кинематографа, живописи, прикладного искусства, народного творчества и т.д.). В противоположность такому пониманию, сегодня культура предстает как «четвертое измерение социального проекта – наряду с рыночной экономикой, правовым государством и гражданским обществом». Свою же практическую пользу для развития региона культура обеспечивает в самых разнообразных проявлениях: как форма организации качественного досуга; как система информационного и образовательного наполнения; как база для развития этнического, культурного, религиозного, событийного туризма; как основа для сохранения и развития национальных культур, языка, традиций и промыслов [2].

Подытоживая сказанное, можно вспомнить теоретико-методологический и одновременно практический вывод Н.И. Лапина: для современного российского общества, пытающегося преодолеть системный и перманентный кризис, особую актуальность приобретает проблема разрывов между условиями жизни населения разных регионов, многократного отставания условий жизни россиян от условий жизни в развитых странах. Это вызов, ответ на который и должна дать модернизация страны в первой трети XXI века [3; 2].

Многие исследователи данной проблематики отмечают, что вопросы, волнующие население различных регионов Российской Федерации в отношении социокультурной сферы, в целом похожи, так как имеют общую основу, а различие состоит лишь в масштабности стоящих проблем и их особой иерархии в том или ином регионе. Так, территории, имеющие более высокий уровень социально-экономического развития, отличаются высоким уровнем притязаний населения. Напротив, в населенных пунктах с более глубокими проблемами запросы населения не могут быть большими, вследствие чего можно наблюдать снижение потенциала социокультурной среды [4].

М. Илле – на основе проведенных исследований – выделяет два основных сегмента в аудитории художественной культуры Петербурга, различающихся мотивами посещения театров, концертов и т.д.: в первом сегменте (преимущественно молодежном) общение с искусством – это, прежде всего, способ отдохнуть, развлечься. Свои потребности они чаще всего удовлетворяют посещением кинотеатров. Во второй сегмент входят люди разного пола, возраста, доходов, только образование у них выше среднего

уровня. Эти люди хотят от искусства чего-то большего, чем просто развлечения. Для них характерен интерес к опере, балету, музыке академических жанров [5]. Автор заключает, что их гораздо меньше, чем поклонников легких жанров, а проведенные местные исследования свидетельствуют, что их (по известным причинам) становится еще меньше. Недаром степень культурности россиян оценивается самими россиянами как не слишком высокая и имеющая тенденцию к снижению. По данным всероссийского опроса (http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114722) больше половины опрошенных (59%) считают, что за последние 3-5 лет в России стало меньше культурных людей [6].

Таким образом, можно сделать общее заключение: те тенденции, которые обнаружились в социокультурной сфере еще в начале 2000-х гг., продолжают свое действие и в настоящее время, но проявляются они теперь с гораздо большей интенсивностью и наглядной четкостью.

Список литературы:

1. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика. Сборник материалов конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». Москва, Институт философии РАН, Центр изучения социокультурных изменений. 27 июня – 1 июля 2005 г. Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: ИФРАН, 2006.

2. Иванов А., В. Семенков В. О задачах культурной политики в современном обществе // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев 2004. № 3 // http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/ article_content119808337243398file.pdf.

Лапин Н.И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии // http://ecsocman.hse.ru/data/2013/01/28/1251412165/Lapin.pdf/.

3. Шабунова А.А., Окулова Н.А. Оценка населением социкультурной среды региона // http://ecsocman.hse.ru/data/2011/10/21/1267239968/Shabunova_Okulova.pdf.

4. Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2000. № 5 // http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content 119061803 5348678 file.pdf.

5. Материалы и предложения к проекту «Основы государственной культурной политики». Научно-экспертное заключение // http://rusrand.ru/forecast/materialy-i-predlozhenija-k-proektu-osnovy-gosudarstvennoj-kulturnoj-politiki-nauchno-ekspertnoe-zakljuchenie.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО УСПЕШНОГО ОБРАЗА ПЕДАГОГА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА

А.С. Мищенко –
к.экон.н., ведущий научный сотрудник
филиала Института управления
образованием РАО в Санкт-Петербурге

Проблема формирования социально успешного образа российского педагога затрагивает учащихся и родителей, педагогические коллективы – всё наше общество. Для её предметного рассмотрения мы обратились к результатам мониторингового исследования школ, лицеев и колледжей Санкт-Петербурга. Оно проводилось автором совместно с коллегами по работе на экспериментальных площадках института в 1994 – 2015г.г.

Для исследования применялись две многокритериальные социологические анкеты. В ходе исследования было опрошено свыше 800 учащихся – выпускников и 583 педагога. На наш взгляд, собранные данные позволяют обосновать: критерии и уровни социальной успешности педагогов школ, лицеев и колледжей; показатели, по которым формируется представление об успешном педагоге у взрослых граждан и учащейся молодежи; важнейшие направления развития педагогов, благодаря которым они могут стать социально успешными специалистами. Рассмотрим последовательно предложенные позиции.

Критериальные уровни социальной успешности педагогов. Социальный успех педагога, как субъекта общества и учебного коллектива, на наш взгляд, имеет несколько критериальных уровней: об успехе можно говорить как об особой максимально возможной степени его самореализации, когда масштабом успеха выступает уровень его индивидуального личностного развития; успех педагога, как специалиста, – это, одновременно, достигнутый им результат, реализованные на практике цели профессиональной деятельности, которые имеют ценностную и положительную смысловую модальность не только для него самого, но и для его педагогического коллектива; успех педагога – это конкретная степень воплощения социально значимых целей деятельности, получившие признание в более широком профессиональном педагогическом сообществе, в других социальных слоях общества; успех педагога может быть рассмотрен также с точки зрения максимально возможного в данных исторических условиях достижения поставленных целей в задуманном и выполняемом им деле образования и воспитания молодежи; наконец, успех педагога неразрывно, связан не только с его жизненными, личностными, профессиональными и гражданскими успехами, но и с достижениями его учеников [4; 19 – 31].

Социально успешный педагог с точки зрения взрослых граждан нашего общества. Как показали исследования рекрутинговой компании “Superjob”, проведённые ею в 2011 году, педагогов социально успешными специалистами считал 21,0% наших сограждан, чаще всего это были респонденты среднего возраста (23,0% среди опрошенных имели возраст от 35 до 44 лет). Большая же часть россиян (64,0%) не относила учителей к социально успешным специалистам. Наиболее распространена эта точка зрения была среди россиян старше 45 лет (69,0%).Социальная успешность педагогов связывалась взрослыми гражданами нашего общества (обычно это были родители учащихся), как показали результаты данного исследования, со следующими их чертами (далее они расположены по мере убывания частоты их упоминания респондентами): терпение – 33,0% ответов; предметный профессионализм педагога – 30,0%; доброта и любовь к детям – 18,0%; выдержка и стрессоустойчивость – 11,0%; объективность в отношении учеников – 9,0%; интеллект и любовь к педагогической профессии – по 7,0%; порядочность – 6,0%; внимательность – 5,0% ответов. Наконец, только 4,0% респондентов отметили, чтобы педагог был социально успешным специалистом, он должен быть мудрым и понимающим, грамотным и общительным, ответственным и умеющим заинтересовать свою аудиторию. Среди других качеств социально успешного педагога россияне называли: чуткость, чувство юмора, вежливость, строгость, железное здоровье, уважение и умение найти свой подход к каждому учащемуся. Как видим, современным учителям есть к чему стремиться (смотри результаты опроса на сайте: Исследовательского центра портала Superjob.ru от 03 октября 2011 года).

Новые опросы научного коллектива портала “Superjob”, летом текущего 2015 года, в целом подтвердили данные 2011 года. Согласно им 64,0% российских граждан по-прежнему не рассматривают российских педагогов как социально успешных специалистов. Это связано с тем, что за последние десять лет качество и результаты образования молодёжи, по мнению респондентов, стали еще хуже. При этом 6,0% опрошенных полагают, что никаких изменений в системе образования молодежи за последние десять лет не произошло. Только каждый десятый респондент отметил, что образование молодежи по своему качеству и результатам за последнее десятилетие изменилось к лучшему. Оставшиеся 20,0% респондентов затруднились дать определённый ответ на поставленный вопрос (смотри результаты опросов на сайте: Исследовательского центр портала Superjob.ru от 27 августа 2015 года).

Социально успешный педагог с точки зрения учащихся общего и среднего профессионального образования. Несколько иначе рассматривают социальную успешность педагога учащиеся школ, лицеев и колледжей. С их точки зрения, как показали наши исследования, образ социально успешного педагога выражают следующие индикаторы: любовь педагога к своей профессии; уважение педагогом учащихся; доброта педагога в отношении учащейся молодежи; наличие у него чувства юмора и его профессионализм; честность и открытость

педагога; коммуникабельность педагога; его строгость и требовательность к учащимся; оригинальность личности педагога. При этом наивысшие оценки за период 1998 – 2006 годов получили следующие индикаторы (в скобках указан процент изменения показателя за период наблюдения, в сравнении с базовым – 1998 годом, равным 100%): любовь педагога к своей профессии (+114,8 %); уровень его профессионализма (+70,3 %); доброта педагога в отношениях с учащимися (+66,0%); открытость педагога в отношениях с учащимися (+57,7%); его коммуникабельность (+42,6%), строгость и требовательность (+39,%); его уважительное отношение к учащимся (+38,2 %).

Каковы же те направления развития педагогов, благодаря которым они могут стать социально успешными субъектами нашего общества в ближайшем посткризисном периоде его развития? Здесь мы выделили следующие три существенные позиции: изменение мотивации деятельности в сторону её творчески-инновационного характера; усиление непрерывности их образования; превращение педагогов в субъектов социокультурного развития территорий их проживания.

Творчески-инновационная мотивация педагога в деятельности. Такая мотивация педагогов органично связана с вопросами эффективности и результативности их учебной и воспитательной деятельности. Она сопряжена с: праксиологическими характеристиками педагогического труда; повышением профессионального уровня педагогов; ростом их потребностей в области творческой самореализации и т.д. Мы полагаем, что развитие такой мотивации необходимо рассматривать в контексте непрерывности социального прогресса и становления внутренних мотивов социального и профессионального самоутверждения педагогов, ценности их собственного «Я»; повышения их ответственности перед самими собой и своими учащимися. Это обусловлено расширением и углублением ценностно-смыслового содержания их учебной и воспитательной деятельности, привычкой педагогов добиваться успехов независимо от внешних стимулов, их возможностями в области реализации своего социально-гражданского, профессионального и личностного потенциала.

Усиление непрерывности образования педагогов. Данный аспект связан с вопросами педагогической социализации, с факторами инновационного решения проблем преемственности образовании педагога, с – принципами организации, так сказать, его «lifelong education». Здесь требуется исходить из системы взаимодействия педагогов со своими коллегами по образовательному учреждению, с другими доступными учебными и воспитательными институтами. Мы имеем в виду интернет, различные виртуальные сети общения, СМИ и т.п. Перманентность такой педагогической социализации связана с необходимостью постоянного самообучения и самовоспитания учителей. Это детерминировано тем, что педагоги выполняют самые разнообразные функции и роли. В частности, как показывают наши исследования педагогов Санкт-Петербурга

(опрос проведён весной 2015 года), наиболее распространены среди педагогов следующие функции и роли: учитель – профессионал (92,5%); воспитатель (83,0%); наставник (71,0%); организатор (68,5%); консультант (57,0%). В роли исследователя педагоги выступают только в 27,0% случаях из ста, а в роли лидера – только в 20,0% случаях из ста. Меньше всего педагоги выполняют роли и функции опекуна своих учащихся: только 13,0% случаев из каждых ста учебных и воспитательных ситуаций.

Педагоги как акторы социокультурного развития территорий. Здесь мы опираемся на важнейшие положения и идеи программы правительства Санкт-Петербурга, которая специально посвящена развитию городской сферы культуры – «Культурная столица». Её проведение предусматривалось в 2012 – 2014 годы [2]. Согласно ей педагоги школ, лицеев и колледжей должны были стать субъектом: художественного образования молодежи в городских учебных учреждениях; актором дополнительного эстетического и художественного образования детей, подростков и молодежи Санкт-Петербурга; “культурных центров” *шаговой доступности* не только для учащихся, но и для других групп населения нашего города (в особенности для инвалидов, людей пенсионного возраста и т.д.). Это позволило им повысить свою ответственность за формирование духовных и профессиональных ценностей учащейся молодежи нашего города. В живой практике и в научном исследовании отточить новые профессиональные качества и социально-личностные характеристики. Без этих усилий, как показывает опыт, вся культурная составляющая образовательного процесса и его субъектов неизбежно рассыпается, приобретает мозаичный и фрагментарный характер [3; 109].

Для дальнейшей реализации поставленных в программе задач, на наш взгляд, необходимо еще сильнее развивать культурологические модули в современном педагогическом образовании. Тем более это обусловлено, с одной стороны, ростом в наших школах, лицеях и колледжах численности учащихся – мигрантов, а с другой стороны, – наша учащаяся молодежь сама очень слабо знает отечественных представителей науки и культуры не только общенационального, но и регионального уровня.

Например, по данным наших исследований, опрошенные учащиеся не могли назвать: города, которые входят в «Золотое кольцо России», – таких респондентов оказалось 60,6%; указать точные даты основания Москвы и Санкт-Петербурга не смогли по 48,5% респондентов соответственно. Близкие данные были получены сотрудниками института социологии РАН. Они установили, что за пределами осознанного восприятия у современной молодежи остаются многие культурные феномены, книги и фильмы, в которых рассказывается о заметных персонажах нашей истории. Это – “Иван Грозный”, “Андрей Рублев”, «Война и мир”, “Тихий Дон”. Современные российские студенты (а это не учащиеся школ, лицеев и колледжей) не знают многих отечественных деятелей науки, инженерной

и гуманитарной мысли, живших в двадцатом веке. Это лишний раз подчеркивает слабую включенность современной молодежи в нашу давнюю и совсем недавнюю отечественную историю [1; 313 – 314].

Приведённые факты говорят о том, что педагогам общеобразовательных школ, профессиональных лицеев и колледжей, профессорам вузов, как субъектам образовательного и воспитательного процесса, приходиться работать (и через свою деятельность преодолевать) существенно обеднённый, а где-то и искажённый, фонд современных молодежных смыслов и символов. А они необходимы для выстраивания педагогами у современной молодёжи глубинных отечественных Я – и Мы – образов, помогающих сформировать, так сказать, единый масштаб (и горизонт) личностной идентичности современных россиян и мигрантов. Без этого мы не сможем сформировать у молодежи, проживающей в российских регионах, современное национальное и широкое гражданское самосознание, не сможем выработать правильный масштаб оценок явлений мировой культуры вообще и отечественной, в частности. По нашему мнению, современные педагоги во многих случаях должны коренным образом влиять на сложившуюся ситуацию. Она своими корнями уходит в двадцатилетнюю образовательную и межнациональную политику государства – в деформации эдукационных институтов общества, образовательных стандартов и школьных программ обучения и воспитания российской молодежи.

Мы полагаем, что в государственном образовательном стандарте подготовки педагогов необходимо более четко эксплицировать единую, новую систему имен – символов. Предметно прописать систему знаний, умений, навыков (если хотите, компетенций) всех педагогов, а не только педагогов – историков, в части их готовности, ответственности и способности восстановить (а для некоторых учащихся впервые установить) утраченную связь времен, воссоздать (а для многих подростков впервые создать) целостность их жизненного мира как российских граждан. Это должно помочь современной многонациональной молодежи, проживающей в нашей стране: переосмыслить прежние (советские) «имена – символы», олицетворявшие историю нашего отечества в двадцатом веке; сформировать общее историческое и культурное, ценностное и смысловое пространство единых имен – символов тысячелетней российской государственности. В настоящее время в государственных стандартах подготовки педагогов необходимо отразить, стоящую перед нашим обществом новую колоссальную мировоззренческую задачу, – воспитать у многонациональной и многоконфессиональной молодежи, живущей в России, многомерное (с гражданской и нравственной точек зрения) современное культурно-историческое сознание, отвечающее интересам всех её территорий и регионов.

Список литературы:

1. Андреев, А.Л. Российское образование: социально-исторические контексты. / А.Л. Андреев: Ин-т социологии РАН. – М.: Наука, 2008. – 359с.

2. Постановление правительства Санкт-Петербурга от 7.02.2012 № 113 о «Программе развития сферы культуры в Санкт-Петербурге «Культурная столица» на 2012 – 2014 годы. URL: http://docs.cntd.ru/document/537912883 (дата обращения: 07.09.2015).

3. Столович Л.Н. Философия. Эстетика. Смех. Санкт-Петербург – Тарту, 1999. – 384с.

4. Успешный педагог: монография / О.Б. Даутова, С.Ф. Касаткин, Н.П. Колесник, А.С. Мищенко, Л.Г. Панфилова, Н.М. Полетаева, Н.В. Циммерман; под общей редакцией И.И. Соколовой, О.Б. Даутовой. – СПб: ФГНУ ИПООВ РАО, 2013. – 112с.

ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Д. В. Моисеева –
старший преподаватель кафедры «Менеджмент, маркетинг и организация производства» Волгоградского государственного технического университета

Н. В. Дулина –
д,социол.н., профессор, заведующая кафедрой «История, культура и социология» Волгоградского государственного технического университета

В основе социально-экономического развития региона лежит развитая экономическая культура населения, также как и высокий уровень его финансовой грамотности. Поэтому успех таких масштабных преобразований как новая индустриализация невозможен без реализации программ повышения финансовой грамотности населения. Разработка подобных программ была инициирована в рамках проекта «Содействие повышению финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации», разработанным Министерством финансов РФ совместно с Всемирным банком. На следующем этапе осуществления проекта стоит задача отбора наиболее эффективных программ и распространение их по регионам РФ. Сложность реализации данной задачи заключается в сильной дифференциации регионов РФ по уровню социально-экономического развития и его проблематике. Универсальных программ не бывает, каждая из них направлена на решение строго определенных задач, без выяснения особенностей и специфики региона велика вероятность того, что программы, разработанные в регионах с одними социально-экономическими условиями и хорошо зарекомендовавшие себя там, окажутся малоэффективными в регионах с другими социально-экономическими условиями. По нашему мнению, наиболее рациональным решением поставленной задачи будет проведение перед запуском программ по повышению финансовой грамотности социологического исследования, направленного на определение уровня финансовой грамотности населения и выявление наиболее острых проблем в сфере финансового поведения. Реализация социологических исследований во всех регионах требует значительных финансовых затрат, поэтому на

сегодняшний день актуальность приобретают исследования, направленные на поиск показателей, по которым можно было бы сгруппировать регионы со сходными социально-экономическими условиями, где реализация определенных программ по повышению финансовой грамотности давала бы сходные результаты. И социально-экономическое развитие, и финансовая грамотность населения – это многокритериальные понятия, поэтому вариантов решения поставленной задачи множество, в данной работе авторами представлен лишь один из множества возможных.

При обсуждении проблем социально-экономического развития необходимо помнить, что в его основе лежит поведение людей. Основным фактором, обеспечивающим развитие региона, является высокий уровень активности проживающего в нем населения: экономической, политической и социальной. В регионах, где сложилась благоприятная обстановка для проявления разных видов активности, развитие идет быстрее, положительные социальные практики закрепляются и стимулируют новые виды деятельности. В регионах, где люди не сумели или плохо приспособились к изменившимся условиям хозяйствования, социально-экономического развития практически не происходит [1, 2, 4, 7].

Количественный анализ социально-экономического развития регионов в большинстве своем строится на стоимостных показателях, т. е. на измерении в денежном выражении. Сегодня наблюдается увеличение роли денег в жизни общества и широкое использование их в качестве универсального измерителя. Наличие денег в регионе необходимо расценивать как фактор, способствующий (стимулирующий) социально-экономическое развитие региона. Данный факт обосновывает необходимость учета денег, отношения к ним при качественном анализе социально-экономического развития. Одной из характеристик финансовой грамотности можно считать умение человека зарабатывать и преумножать деньги. В ходе анализа данных исследования уровня финансовой грамотности населения Волгоградской области, выполненного при участии авторов [3], была выявлена тесная связь между уровнем самооценки финансовой грамотности респондента и уровнем его дохода (коэффициент Крамера 0,417). При переходе с микроуровня (индивид) на макроуровень (регион) используется понятие «финансовая грамотность населения». Учитывая все выше сказанное, мы предполагаем, что финансовая грамотность населения региона отражается на темпах его социально-экономического развития, а также в современных условиях становиться фактором, обеспечивающим данное развитие.

Проблематика финансовой грамотности населения РФ начала обсуждаться с начала 2000-х годов. Задача межрегионального сравнения была поставлена в исследовании, выполненном по заказу Министерства финансов Российской Федерации Консорциумом компаний ЗАО «Демоскоп»

и ЗАО «Прогностические решения» в сентябре 2012 года. Оно включало в себя всероссийский опрос населения (N=6000 человек) и региональные опросы в Волгоградской, Калининградской, Оренбургской и Ярославской областях (N= 1500 человек в каждом из регионов). Особый интерес авторов вызвал следующий вывод: «Сравнение уровней индикаторов по четырем регионам показало, что лидирует Калининградская область, тогда как в Волгоградской области, наоборот, результаты по большинству индикаторов самые низкие» [6]. Опираясь на данные указанного исследования, мы сделали попытку сопоставления его результатов с темпами социально-экономического развития отобранных регионов.

Необходимо уточнить, что выбранные области, несмотря на разницу в географическом положении, размерах, структуре промышленности, численности населения и проч., по классификации Н. В. Зубаревич попадают в одну группу и относятся к более урбанизированным среднеразвитым промышленным регионам [8].

Для характеристики социально-экономического развития региона используется большое количество показателей, полагаем, что иллюстрация всех в рамках данной работы, небольшой по своему объему, просто нецелесообразна, поэтому для анализа нами было отобрано два показателя:

1) валовой региональный продукт на душу населения как мера эффективности труда жителей региона (см. табл. 1);

2) среднедушевые доходы населения в месяц и как мера вознаграждения за труд, и как мера финансовой грамотности населения региона (см. табл. 2).

Таблица 1

Валовой региональный продукт на душу населения (валовая добавленная стоимость в текущих основных ценах), рублей [5]

	2005	2010	2011	2012
Российская Федерация - всего	125659	263829	317515	348599
Волгоградская область	76740,6	166029	195464	221677
Оренбургская область	101110	224937	272897	311589
Калининградская область	87122,8	208193	255218	278319
Ярославская область	99335,1	187876	225778	255297

Таблица 2

Среднедушевые доходы населения (в месяц, руб.) [5]

	2005	2010	2011	2012
Российская Федерация - всего	8088	18958	20780	23221
Волгоградская область	5908	13775	14519	16011
Оренбургская область	5122	13557	14892	16542
Калининградская область	6481	16040	16880	19456
Ярославская область	6321	14491	15509	18605

В областях, где было реализовано межрегиональное сравнительное исследование, величина ВРП на душу населения и среднедушевых доходов населения (в месяц) ниже значения по Российской Федерации в целом. Во всех периодах (2005, 2010–2012 года) минимальные значения обоих показателей наблюдаются по Волгоградской области. Калининградская область лидирует по уровню среднедушевых доходов населения (в месяц), опережая Волгоградскую область на 21,5 %. Самый высокий уровень ВРП на душу населения демонстрирует Оренбургская область. Уровень ВРП на душу населения Калининградской области на 25,6 % выше, чем в Волгоградской области.

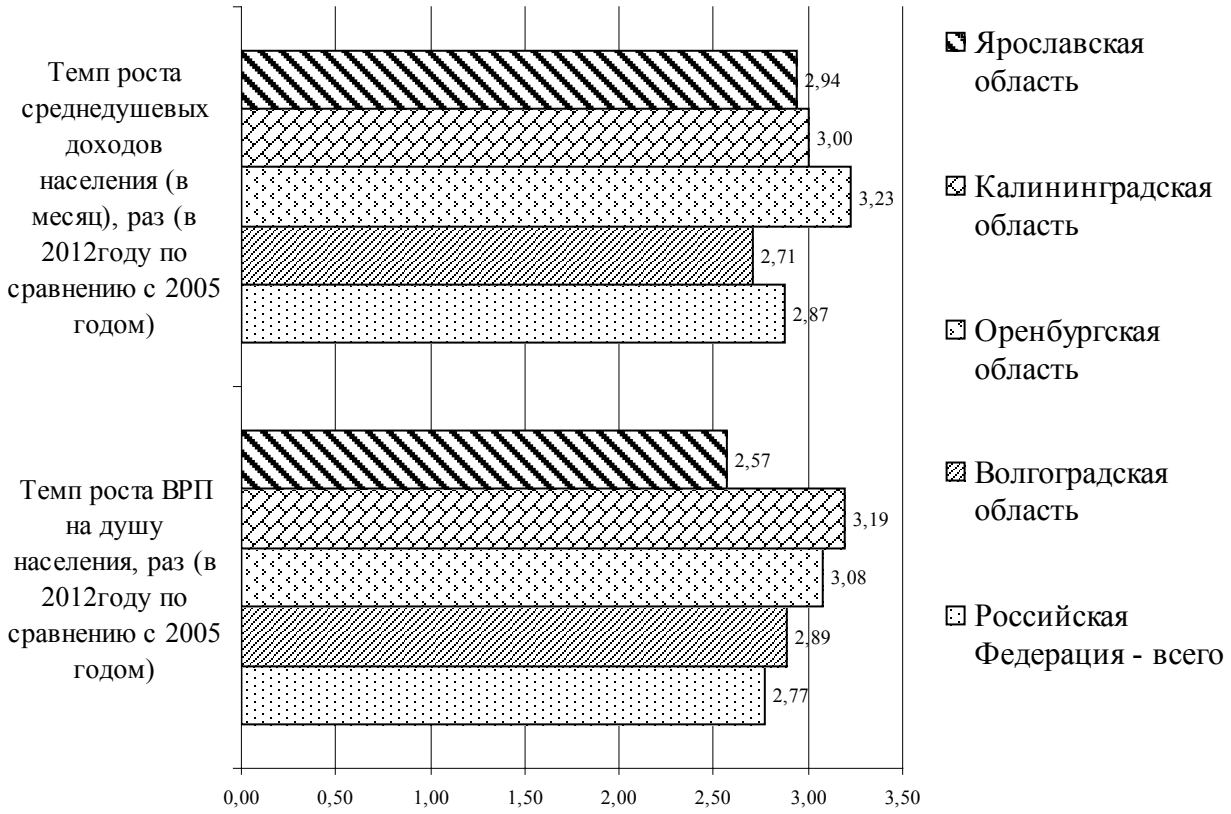

Рис. 1. – Темпы роста ВРП на душу и среднедушевых доходов населения

Социально-экономическое развитие Калининградской область можно охарактеризовать как опережающее (темпы роста обоих показателей выше, чем по РФ в целом) (см. рис.1). По Волгоградской области картина не однозначная: темпы роста среднедушевых доходов самые низкие среди областей, входящих в территорию исследования, и ниже, чем по РФ в целом, а вот темпы роста ВРП на душу населения не самые низкие и даже чуть выше, чем по РФ в целом.

Логика социально-экономического развития подсказывает, что для обеспечения ускорения процессов социально-экономического развития необходимо, чтобы темпы роста ВРП на душу населения опережали темпы роста среднедушевых расходов населения (по аналогии с коэффициентом опережения, т. е. соответствия между темпами роста производительности труда и средней заработной платы). Если проанализировать данные, представленные на рис. 1, видно, что для Калининградской и Волгоградской областей данное соотношение выполняется, а вот в Ярославской и Оренбургской, да и по РФ в целом – нет.

Принимая во внимание выше сказанное и приведенные результаты исследования, можно сказать, что в Калининградской и Волгоградской областях соотношение экономических пропорций способствуют дальнейшему развитию, в Ярославской, Оренбургской и по РФ в целом, имеет место рост доходов, необоснованный ростом реального сектора экономики. Причины возникновения описанных диспропорций имеют глубокие основания, и их анализ требует проведения самостоятельного исследования.

Завершая представление результатов анализа, можно заключить, что представленные данные:

1) убедительно подтверждают наличие взаимозависимости между уровнем доходов населения и уровнем его финансовой грамотности: в Калининградской области наблюдаются доходы и уровень финансовой грамотности, более высокие, чем в других областях, в Волгоградской области – при самых низких значениях большинства индикаторов, характеризующих финансовую грамотность, самые низкие доходы и темпы их роста. Следовательно, при принятии решения о разработке или передаче программ повышения финансовой грамотности в регионы необходимо обращать внимание на уровень среднедушевых доходов;

2) актуализируют дальнейшие исследования взаимозависимости между финансовой грамотности населения региона и его темпами социально-экономического развития.

Список литературы:

1. Дулина, Н. В. Между заторможенным ростом и модернизацией регионов. Южный федеральный округ / Н. В. Дулина, Е. В. Каргаполова // Социологические исследования. – 2015. – № 3. – С. 22 – 29.

2. Лапин, Н. И. Несбалансированность процессов модернизации регионов. Центральный Федеральный округ. Центральный район ЦФО/ Н. И. Лапин, Н. А. Касавина// Полис. Политические исследования. – 2015. – № 3. – С. 29–36.

3. Моисеева, Д. В. Финансовая грамотность и повседневные финансовые практики населения Волгоградской области (на материалах социологического исследования «Волгоградский омнибус») /Д. В. Моисеева, Н. В. Дулина // Философия социальных коммуникаций. – 2014.–№ 3. – С. 70–78.

4. Немировский, В. Г. Возможности модернизации регионов Сибирского федерального округа/ В. Г. Немировский, В. С. Половинко // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 1. – С. 27–34.

5. Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс]/Госкомстат. – www.gks.ru – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/04-02.htm, свободный. – Дата обращения: 12.08.2015 г.

6. Результаты базового исследования уровня финансовой грамотности россиян» [Электронный ресурс] / Консорциум компаний ЗАО «Демоскоп» и ЗАО «Прогностические решения». – www. opec.ru – Режим доступа: http://www.opec.ru/data/2014/10/28/1233966216/ВГ-ОК-%2023_10_2014.pdf, свободный. – Дата обращения: 12.08.2015 г.

7. Ромашкина, Г. Ф. Процессы модернизации в регионах Уральского федерального округа / Г. Ф. Ромашкина // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 1. – С. 19–26.

8. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? [Электронный ресурс] / Под ред. Н. В. Зубаревич. – М.: Поматур, 2005. – 280 с. – Режим доступа: http://www.socpol.ru/atlas/typology/Typology_tabl.htm, свободный. – Дата обращения: 12.12.2014 г. с середины 2000-х годов

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

М. Н. Мокина –
студент магистерской программы
“Социология управления” Тюменского
государственного университета

Е. В. Голубкова –
студент магистерской программы
“Социология управления” Тюменского
государственного университета

Система высшего профессионального образования в России претерпевает существенные изменения. Институты становятся академиями, академии – университетами. Число государственных университетов растет. Российские вузы укрупняются, и эта тенденция будет усиливаться.

Особую поддержку государства получают федеральные и национальные исследовательские университеты.

Такие изменения обусловлены, в первую очередь, новыми социально – экономическими условиями деятельности ВУЗов, а именно:

- тесное взаимодействие вузов с предприятиями и организациями – работодателями, органами местной и федеральной власти. Потребность в высококвалифицированных и инициативных работниках обостряется в новых условиях, ведет к естественной интеграции вуза и основных работодателей, потребителей их услуг. Интеграция позволяет работодателям действенно участвовать в формировании и оснащении программы обучения, закладывать в условия специализации свои технологические «платформы», активно знакомиться с будущими выпускниками, привлекая их для прохождения практики и участия в проектах по своей проблематике;
- невозможность обеспечения эффективной деятельности вузовских кафедр и факультетов без учета внешней среды [1, с. 3]. Преподавателям вузов необходимо тесное взаимодействие с внешней средой, ведь только в этом случае они смогут дать объективные знания и умения на определенной ступени развития студентов в определенное время, с учетом изменения существующей действительности;
- рост численности преподавателей и сотрудников вузов в связи с наблюдавшимся в последние годы интенсивным ростом выпуска специалистов;
- появление большого количества новых факультетов и кафедр, массовое открытие новых специальностей. Для новых социально-экономических условий также характерно открытие множества новых

специальностей, это связано, во-первых, с тем, что наука не стоит на месте, она развивается, и поэтому создаются новые специальности для подготовки будущих поколений, во-вторых, образование становится более доступным, так как его можно получить на коммерческой основе, кроме того, сложившиеся стереотипы современного общества способствуют этому. Таким образом, увеличивается и преподавательский состав для обучения такого количества абитуриентов;

- оснащение вузов техническими средствами, вычислительной техникой, а также интенсивная компьютеризация учебного процесса и развитие информационных технологий. С развитием научно-технического прогресса в новых социально-экономических условиях вузы все больше и больше оснащаются компьютерами, проекторами, вычислительной техникой, в результате чего, происходит компьютеризация учебного процесса;
- рост значения и объема научных исследований на кафедрах, возрастание требований к качеству НИР, проверка работ на антиплагиат, повышение роли научной деятельности преподавателей и студентов при оценке высших учебных заведений. Для современного учебного курса также характерен рост значения и объема научных исследований на кафедрах, а также непосредственное привлечение студентов к данному делу. Возрастают требования к качеству научно-исследовательских работ, так как регулярно все письменные работы студентов проходят проверку в системе «антиплагиат»;
- необходимость решать проблемы финансового обеспечения и внебюджетного финансирования деятельности вуза, что способствует формированию и развитию коммерческой деятельности вуза;
- отсутствие централизованного распределения выпускников, необходимость такой их подготовки, чтобы они были востребованы работодателями;
- ужесточение порядка лицензирования, аттестации и аккредитации вузов в связи с развитием негосударственного образования;
- другой качественный состав студентов, возможность обучения на коммерческой основе;
- необходимость интеграции российского образования в мировой образовательный процесс.
- рост квалификации преподавателей, удельного веса лиц с учебными степенями и званиями, повышение уровня требований к организации учебно-воспитательного процесса. Система подготовки и аттестации научных кадров, как и система высшего профессионального образования, в последнее время испытывает большие потрясения и изменения, непосредственно связанные с социально-экономическими переменами в России.
- ясное и четкое профилирование вузов. Это, конечно, не исключает достаточно большого набора специализаций в вузах больших стран, т. е. стран, которые специализируются в производстве больших групп товаров и услуг;

- привлечение к процессу подготовки специалистов не только отечественных преподавателей, но и лучшей профессуры из других стран, т. е. значительное развитие международной мобильности профессорско-преподавательского состава;
- резкое усиление связи вузов со всеми реальными сферами жизнедеятельности общества, т. е. более широкое вовлечение в процесс обучения специалистов-«производственников» из этих сфер.

Высшее образование все более становиться массовым. Происходит динамичное преобразование высшего образования по институциональным формам, уровням и содержанию. Так же набирает силу тенденция интернационализации высшего образования, расширение его масштабов ставит проблему качества обучения и проблему финансирования растущих масштабов высшего образования.

Кроме того, оно испытывает все большее влияние профессиональных объединений, которые в свою очередь требуют от высшего образования ускорить вхождение учащихся и выпускников на рынок труда и повысить их готовность к работе в профессиональной среде.

Современная ситуация на рынке труда предъявляет серьезные требования к подготовке кадров в системе высшего профессионального образования. Все более востребованными становятся компетентные выпускники ВУЗов, способные эффективно работать в новых динамически изменяющихся социально-экономических условиях. В процессе их подготовки главенствующую роль приобретает ориентация на личность и компетентность, позволяющая существенно сократить период освоения профессии и повысить конкурентоспособность.

При переходе к инновационному развитию экономики обеспечение новых требований к кадровому потенциалу становится ключевым направлением воспроизводства работников с высшим образованием. Среди этих требований можно выделить, на наш взгляд, основные: компетентность, адаптивность, мобильность и инновационность.

Отличие компетентного специалиста от квалифицированного заключается в том, что первый не только обладает определенными знаниями, умениями и навыками, но и способен реализовать и постоянно реализует их в работе.

Компетентный специалист способен выходить за рамки предмета своей профессии, обладает творческим потенциалом саморазвития. Он несет самостоятельную ответственность за принятое решение, определяет цели, исходя из собственных ценностных ориентаций.

Компетентность предполагает наличие у человека внутренней мотивации к качественному осуществлению своей профессиональной деятельности, присутствие профессиональных ценностей и отношение к своей работе как к ценности. Любая модель компетенций останется нежизненной без

сильного желания специалиста преуспеть и его стремления идти к намеченной цели, невзирая на субъективные и объективные сложности. Поэтому основной задачей системы образования является формирование у студентов самомотивации, что позволит им в дальнейшем максимально раскрыть индивидуальные способности и претендовать на достойную занятость.

«Адаптивность – это способность человека быстро приспособиться к изменяющимся внешним условиям, новой ситуации и требованиям. Речь идет о гибкости, выносливости, умении выполнять задания достаточно быстро, но не опережая время, действуя по обстановке» [2, с. 20].

Под мобильностью понимается способность гражданина к перемене его трудовых функций по форме, содержанию и местоположению на основе сознательного выбора и условий для его реализации. Перемена труда может осуществляться во времени, в пространстве, а также во времени и в пространстве одновременно.

«Инновационность – это способность к усовершенствованиям, созданию нового в своей профессии, пусть даже в малых масштабах (новый метод, прием и т.д.), обладание навыками участия в проектных мероприятиях. Развитие инновационности происходит в пространстве всей мировой цивилизации, при этом решающая роль в этом процессе принадлежит высшему образованию, которое имеет возможность создать предпосылки для того, чтобы личность, ориентируясь на образцы, нашла свое место, научилась преобразовывать традиции, видеть перспективу» [2, с. 22].

В связи с развитием инновационности, следует обратить внимание и на тот факт, что в ходе реформ в нашей стране произошли большие потери в целях и ценностях, которые вкладываются в массовое сознание. В студенческой среде постепенно проявляются негативные тенденции: складывается утилитарный тип мышления, невостребованные творческие способности в условиях культа потребления постепенно угасают, торжествует идеология индивидуализма, отрицающая высокие достижения человеческого интеллекта и соответственно сам дух инновационности.

Достижение положительных результатов реформ в области высшего образования возможно при достижении соответствия между структурой выпуска из вузов и структурой спроса на кадры высшей квалификации на рынке труда. В свою очередь, это может быть достигнуто только за счет совершенствования планирования приема в высшие учебные заведения.

Подготовка высококвалифицированных научных кадров всегда была и есть приоритетной задачей, стоящей перед системой образования Российской Федерации. Одной из острейших проблем современной российской науки является необходимость сохранения и развития научных традиций и широкого спектра направлений научных исследований. Из-за хронического недофинансирования в 90-е годы прошлого века система воспроизводства научных кадров была подорвана.

Список литературы:

1. Барабанер, Х. Интеграция и модернизация высшего образования как важнейший элемент мировой системы антикризисных действий / Х. Барабанер // Партнерство цивилизаций. – 2013. – № 3. С. 70.

2. Бондырева, И. Б. Взаимодействие вузов и предприятий по подготовке кадров для инновационного развития / И. Б. Бондырева // Журнал «Теоретическая экономика». – 2011. – №3. – С. 19-22.

3. Нижегородцев, Р. М., Резник, С. Д. Управление высшим образованием и наукой: опыт, проблемы, перспективы: Моногр./ Р.М. Нижегородцев; Под общ. ред. Р.М. Нижегородцева, С.Д. Резника. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 400 с.

ВИРТУАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ – НОВОЕ ЯВЛЕНИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

П. К. Моор –
доцент кафедры информационных систем ТюмГУ, к.физ.-мат.н., доцент

С. М. Моор –
д.социол.н., профессор кафедры социологии ТюмГНГУ, директор Центра дистанционного образования ТюмГНГУ, профессор

Дискуссия о вреде и пользе компьютера и Интернета, утратила свою актуальность, так как сегодня – это обычный инструмент и форма взаимодействия. Более проблематичными становятся вопросы конструктивного электронного общения, развитие сетевых технологий во всех сферах деятельности и, главным образом, в образовании, являющегося базой для инновационного развития и России, и ее регионов.

Развитие Smart-общества нацелено на интенсификацию использования электронных ресурсов. Причем темпы их развития настолько велики, что зачастую не зависят от воли людей, а сами процессы становятся неуправляемыми. Интернет, в свою очередь, завоевывает все новые и новые пространства жизнедеятельности людей.

Современная ситуация меняет отношение к использованию гаджитов как среди молодежи, так и среди людей более старшего возраста. В связи с этим одной из главных задач общества является обеспечение разумного использования электронных ресурсов. Причем необходим дифференцированный подход в решении тех или иных задач с участием субъектов разного возраста. Так, например, тезис для человека об обеспечении свободного доступа к знаниям на протяжении всей его жизни, с учетом его интересов, способностей, потребностей, содержит не только противоречия, но не представляется возможным для реализации в условиях платного предоставления большинства образовательных услуг.

Кроме этого, важнейшей миссией государства является создание условий своим гражданам для реализации права на труд и образование в соответствии с Конституцией РФ.

Вузы – важнейшие социальные институты, которые призваны притворять в жизнь решение жизненно-важных образовательных задач.

Темпы инноваций в современных условиях определяют вектор развития опережающего образования, что требует непрерывного повышения квалификации специалистов. Для решения данной проблемы необходима инновационная парадигма обучения. Полагаем, одним из перспективных

направлений является электронное образование, которое отвечает всем запросам нового поколения Y, которое нацелено на динамичное движение и быстрый карьерный рост.

На данный момент ситуация в образовательной сфере такова, что традиционные формы обучения не удовлетворяют возросшим потребностям в образовательных услугах, к их качеству, доступности, стоимости и процессу получения образования.

Выходом из сложившейся ситуации может быть использование дистанционных технологий обучения (как дополнение к традиционным формам образования), создание и развитие единой информационно-образовательной среды. В этом случае, организацию и проведение электронного образования должны брать на себя ведущие учебные заведения с опытом работы в сфере образования и соответствующей материальной базой.

Сегодня в мировом образовательном сообществе присутствуют различные формы открытых университетов.

С нашей точки зрения, открытый университет (ОУ) — это образовательное учреждение либо структурное подразделение образовательного учреждения для обеспечения более широкого доступа к высшему образованию: предоставление возможности получать образование людям, желающим учиться в удобном для них месте и в удобное время с помощью сети региональных офисов (ТПД – территориальных пунктов доступа) и образовательных партнеров за рубежом, реализуемое по заочной форме с использованием дистанционных образовательных технологий и других коммуникативных средств (электронное образование) с внедрением сетевых технологий, позволяющих интегрировать в образовательный процесс различные социальные институты и сообщества для развития партнерских отношений как на российском, так и международном уровне.

Форма заочного обучения была и остается весьма популярной, имеет богатые традиции и весьма востребована на современном уровне развития общества. Через систему заочного обучения прошли и в настоящее время проходят десятки тысяч человек различных сфер деятельности.

Заочная форма обучения позволяет пройти курс подготовки по какой-либо дисциплине без отрыва от производства. А это обстоятельство всегда привлекало, и будет привлекать потенциальных студентов. К успехам заочной формы обучения можно отнести отработанные методики обучения, которые апробированы во времени и применяются для больших групп обучаемых. В системе заочного образования накоплен большой опыт разработки методических и учебных материалов, заданий для самостоятельной работы, описаний лабораторных работ (виртуальных лабораторных работ), тестовых заданий.

В связи с бурным развитием каналов связи, широким распространением сети Интернет и других телекоммуникационных технологий заочное обучение стало переходить на новый виток своего развития – заочное образование

с использованием дистанционных технологий.

Следует отметить, что интерес к данной форме образования сформировался давно. Дистанционное обучение широко распространено в мировой практике и имеет давнюю историю, но не было реализовано в России вследствие слабого развития телекоммуникационных технологий, в том числе из-за отсутствия выделенных каналов сети Интернета, дорогого сетевого трафика, отсутствие электронных образовательных ресурсов и преподавателей, готовых к электронному взаимодействию.

Но ситуация в России кардинально меняется, и нам представляется, что подготовка специалистов отстает от развития техники, как всегда человеческий фактор и человеческий ресурс становится камнем преткновения.

Электронным образованием можно назвать образование, получаемое с помощью информационно-коммуникационных технологий, которые призваны обеспечивать эффективный доступ к образовательным ресурсам; интерактивное взаимодействие обучаемых и преподавателей; а также оценку их знаний и навыков в процессе обучения.

Электронное образование является частью всей системы образования, может использоваться во всех формах обучения в России, официально установленных: очной, очно-заочной, заочной и экстернате.

Технологии электронного образования могут использоваться как в «чистом» виде, так и в различных комбинациях с другими видами обучения.

Понятие – «образование по требованию» означает, что человек может получить любое образование в зависимости от потребностей и вызовов времени. Есть люди, которые могут учиться и работать только дома. Развитие Интернета и электронной среды в целом открывает новые возможности для данной категории населения. Поскольку и они, как все граждане, имеют право на образование и труд.

Наиболее важна электронная среда обучения для:

- людей с ограниченными возможностями;
- граждан, находящиеся в местах лишения свободы;
- потенциальных и кормящих матерей;
- военнослужащих;
- тех, кого не отпускают с работы и т. д.

В связи с тем, что в современных условиях дано право работодателю на решение вопроса: отпускать обучающегося сотрудника на сессию в оплачиваемый отпуск или нет, ситуация с последней группой людей меняет всю картину, а спрос на заочное обучение с использованием дистанционных технологий растет.

Дистанционные образовательные технологии позволяют повысить профессиональную квалификацию в соответствии с интересами и потребностями обучающихся, получить образование непосредственно по месту жительства, снизить стоимость обучения по сравнению с другими формами образования.

У такой формы обучения есть масса преимуществ: постоянная доступность учебных материалов; возможность посвящать важным темам больше внимания для углубленной проработки. Получать образование по узкопрофильному направлению, например, нефтегазовому, могут граждане, проживающие в разных городах и странах мира, что не требует больших финансовых и временных затрат. Если обычный студент-заочник постигает азы знаний самостоятельно, с помощью учебников, а задать вопросы преподавателям может только два или три раза в год, то человек, обучающийся дистанционно с помощью сети Интернета, имеет постоянный контакт с преподавателями в режиме on-line или of-line.

В целом электронное образование, в первую очередь, необходимо для людей, которые по состоянию здоровья или в силу жизненных обстоятельств не могут или не хотят воспользоваться традиционными формами обучения, до известной степени оно не конкурирует с очной формой обучения. Если отсутствует заочная форма обучения с использованием дистанционных технологий, вуз теряет данный контингент, он выпадает из образовательного пространства.

Помимо базовых знаний, обучающийся по удаленной системе, получает дополнительные дивиденды:

- приобретается опыт самоорганизации и самостоятельности;
- совершенствуются навыки пользователя современными ИКТ;
- снимаются психологические проблемы, связанные с коммуникативными качествами человека, такими как застенчивость, стеснительность, страх публичных выступлений и др.;
- возрастает положительная динамика карьерного роста людей, стремящихся к обновлению профессиональных знаний и совершенствованию навыков, но не имеющих возможности регулярно присутствовать на очных занятиях.

Важно заметить, что работодатели не очень спешат использовать дистанционные технологии, предпочитая организацию деятельности с помощью традиционных способов. Им важно, чтобы сотрудник сидел в офисе, находился в досягаемой зоне.

Все это отрицательно сказывается на продвижении виртуального взаимодействия и развитии Интерент-культуры в российском обществе.

При организации и проведении электронного обучения образовательное учреждение неизбежно сталкивается с определенными трудностями:

- дистанционное обучение требует инвестиций в дорогое аппаратное и программное обеспечение и более тщательного планирования учебного процесса;
- соединение пользователя с Интернетом может оказаться слишком медленным для некоторых видов учебной работы;
- некоторые программы требуют громоздких подключаемых модулей.

В современных условиях можно обозначить ряд проблем электронного взаимодействия в образовательном пространстве региона:

- отсутствует единая методика и требования к обучению;
- при использовании дистанционных технологий не всегда имеется возможность идентификации исполнителя;
- преобладание заочной конечной аттестации обучающихся может привести к снижению качества знаний;
- слабо развита система повышения квалификации преподавателей, их аттестации.

В связи с этим следует направить усилия на решение задач:

- обучения специалистов использованию современных информационных технологий в профессиональной деятельности;
- координации работы вузов по электронному образованию;
- оказания методической, информационной и технической помощи учебным заведениям в организации виртуального взаимодействия;
- внедрение информационных технологий с учетом особенностей создания учебных курсов на базе интерактивных сетевых технологий;
- разработки сетевых приложений для дистанционного тестирования знаний;
- выполнения совместных проектов высшими учебными заведениями в области электронного образования (создание курсов, модулей, виртуальных лабораторных работ и т. п.).

Выводы:

- электронное образование – одно из самых перспективных направлений обучения;
- электронное образование востребовано как обществом, так и аботодателями;
- электронное взаимодействие в образовании является самым демократичным видом обучения, которое позволяет получить образование широким слоям общества вне зависимости от места их проживания и физических возможностей;
- дистанционные технологии в обучении широко применяются не только в вузах, но также в системе подготовки управленческих кадров ведущих предприятий.

С целью успешного использования в учебном процессе новых технологий считаем необходимым принятие ряда организационных мер и положений, регламентирующих их продвижение, особенно на уровне региона, где консолидация усилий зависит только от воли руководителей, поскольку возможности электронного образования не только уникальны, но по своей сути представляют собой инновационное поле развития цивилизации.

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ: ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Ю.Н. Осокина –
студентка Уральсокго федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

В настоящее время технологический прогресс достиг достаточно высокого уровня, темпы развития общества увеличиваются с каждым годом. Для дальнейшего прогресса в экономической, политической, социальной и духовной сферах необходимо, в первую очередь, совершенствоваться человеку, чтобы быть в состоянии решить различные глобальные вопросы, постоянно возникающие на протяжении жизни.

Современному обществу нужны мобильные, предприимчивые, коммуникабельные и грамотные люди, способные к освоению новых знаний, принятию самостоятельных нестандартных решений с эффективным анализом их возможных последствий. И именно в формировании этих навыков наиболее значимую роль играет образование. Место образования в жизни общества во многом определяется той ролью, которую играют в общественном развитии знания людей, их опыт, умения, навыки, возможности развития своих профессиональных и личностных качеств. Информационная революция и формирование информационного типа общественного устройства принципиально изменило роль информации и знаний в социальном и экономическом развитии.

Сегодня современная экономика имеет прямую связь с научно-техническим прогрессом, что приводит к формированию новых отраслей промышленности и новых профессий. Эффективность промышленного производства ныне в целом существенно определяется развитием науки и уровнем образования персонала.

И все же, почему так важно иметь качественное образование, не преувеличиваем ли мы его значимость? Обучение – это общение, в процессе которого происходит управляемое познание, усвоение общественно-исторического опыта, воспроизведение, овладение той или иной конкретной деятельностью, лежащей в основе формирования личности[5, 1]. В процессе обучения и его организации существует чёткая направленность на реализацию ведущих компонентов содержания образования: знаний, способов деятельности, опыта творческой деятельности и опыта эмоционально-ценностных отношений. Умелый выбор формы процесса обучения позволяет осуществить данную направленность наиболее результативно. Результатом обучения является образование. Образование – единственный универсальный ресурс успешности

человека в современном мире, и в этом заключается главный социальный эффект, который необходимо получить от модернизации системы образования.

Образование как социальное явление – это, прежде всего, общественная ценность. Нравственный, интеллектуальный, научно-технический, духовно-культурный и экономический потенциал любого общества непосредственно зависит от уровня развития образовательной сферы. Образование отражает задачи социального развития, уровень экономики и культуры в обществе, характер его политических установок, так как и педагоги и воспитанники являются субъектами общественных отношений[2].Одна из главных целей современного образования состоит в развитии заинтересованности и потребности в самоизменении и саморазвитии, что обусловливает в дальнейшем становление человека как профессионала, способного к построению своей деятельности, ее изменению и развитию.

Таким образом, профессиональное развитие неотделимо от личностного, ведь в основе и того и другого лежит принцип саморазвития. Именно способность личности превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования является очень важным и необходимым элементов для развития личности и общества в целом. Помимо этого, всякое развитие направлено на самостоятельное продвижение человека, первым делом, в творчестве. Именно эта составляющая позволяет мыслить шире и глубже воспринимать происходящие процессы. Не менее важным здесь оказывается и духовное развитие человека, которое также способствует устранению узости мышления и переступания человека на новую ступень совершенствования.

Роль образования в современном мире нельзя недооценивать, поскольку этот процесс необходим в равной степени значимости, как для самого человека, так и для государства. На сегодняшний день недостаточно просто получить то или иное образование,прослушать какие-либо курсы, очень важно суметь применить полученные знания на практике, четко осознавая потребности общественного и экономического развития.

Образование необходимо и для сохранения престижа своей страны в числе ведущих стран мира. Только развитие познаний в различных сферах жизни будет способствовать полноценному продвижению и модернизации. Крылатым является тезис о том, что «кто владеет информацией, владеет миром», но, чтобы суметь правильно воспринять и переработать поступающие сведения, человеку необходимо образование. На современном этапе развития России образование, в его неразрывной связи с наукой, становится все более мощной движущей силой экономического роста, повышения эффективности и конкурентоспособности народного хозяйства, что делает его одним из важнейших факторов национальной безопасности и благосостояния страны, благополучия каждого гражданина. Потенциал образования должен быть в полной мере использован для сохранения единого социокультурного

пространства страны, преодоления этнонациональной напряженности и социальных конфликтов на началах приоритета прав личности.

В условиях реализации государственной образовательной политики, основным ориентиром является обеспечение устойчивого развития образования, доступности, эффективности и повышения качества предоставляемых образовательных услуг. Сегодня, меняются структура и содержание образования, вводятся новые федеральные государственные образовательные стандарты всех уровней образования, формируется независимая система оценки деятельности образовательной системы.

Драматизм ситуации заключается в том, что система образования, с которой связывали надежды на обновление общества, оздоровление нации, само оказалось в кризисном состоянии, находясь в ситуации постоянного реформирования. Состояние образования вызвало в последние годы резко негативную, а порой и неконструктивную критику в адрес всей российской системы образования.

Сегодня все чаще мы говорим о необходимости непрерывного образования, которое провозглашает учебную деятельность человека как неотъемлемую и естественную составляющую часть его образа жизни во всяком возрасте[3,1]. В качестве основной цели непрерывного образования рассматривается пожизненное обогащение творческого потенциала личности.

Однако в настоящее время в российской системе непрерывного образования очевидными оказались следующие проблемы:

1. Объем подготовки кадров не соответствует реальным потребностям рынка труда, что говорит, в том числе и об неэффективность использования финансовых ресурсов;

2. Присутствуют существенные претензии работодателей к уровню подготовки выпускников [6, 207-211];

3. На рынке труда остро ощущается дефицит руководителей высшего звена с высоким уровнем развития управленческой компетентности в различных отраслях экономики и квалифицированных рабочих, обладающих навыками работы на современном оборудовании по современным технологиям [1,18; 8, 362-368];

4. Качество организации и ведения профориентационной работы, направленной на оказание значимой помощи в процессах знакомства с миром профессий, а затем и с профессиональным выбором выпускников школ, не соответствует запросам современного общества [7, 374.].

Очевидно, что без радикальных изменений системы образования, позволяющих решить эти и другие проблемы, без придания ей должного качества и эффективности, гибкости и динамичности, без соответствия ее рынку труда, без всеобщего и непрерывного повышения профессионального уровня трудоспособного населения страны невозможно обеспечить инновационное развитие и конкурентоспособность России.

Качественные изменения в системе высшего образования мы можем проанализировать на примере образовательной деятельности Уральского федерального университета. Так, с 2015 года в университете вводится модульный тип обучения и обучение по **индивидуальным** образовательным траекториям **(ИОТ),** обеспечивающим персональный путь реализации личностного потенциала каждого студента в образовании. С другой стороны, обеспечение практико-ориентированной направленности образовательного процесса в Институте государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета позволяет удовлетворить запросы работодателей к качеству подготовки выпускников. Наиболее ярко данные задачи решаются в рамках организации всех видов практики. Особо стоит подчеркнуть, что все студенты, обучающиеся по направлению «Государственное и муниципальное управление» имеют возможность проходить практику по специальности: в муниципальных, региональных и федеральных органах власти. С этой целью Центр карьеры и социального партнерства (директор Тесленко И.В.) Института государственного управления и предпринимательства (директор Клюев А.К.) УрФУ только в 2015 году заключил более 40 договоров, среди которых договора с Федеральной антимонопольной службой, с Администрациями районов города Екатеринбурга и др.. Ключевыми партнерами уже в течение нескольких лет являются Аппарат Правительства Свердловской области, Департамент кадровой политики Администрации Губернатора Свердловской области, ряд региональных министерств (Министерство общего и профессионального образования, Министерство культуры, Министерство физической культуры, спорта и молодежной политики и др.), Департамент по труду и занятости Свердловской области. Студенты Института государственного управления и предпринимательства имеют возможность выбрать место прохождения практики в соответствии со своими интересами и стремлениями в профессиональной сфере. Таким образом, реальная связь с потенциальными работодателями и практическая составляющая обучения стали реальностью и обязательным элементом для ИГУП.

В процессе практики студенты узнают достаточно много дополнительной полезной информации, связанной с профессиональной деятельностью, которая, безусловно, сыграет положительную роль в процессе трудоустройства после окончания университета. Следует отметить доброжелательное отношение служащих органов власти к студентам института. И в Аппарате Правительстве Свердловской области и в Департаменте кадровой политики администрации Губернатора Свердловской области систематически оказывалась методическая и практическая помощь практикантам, наставники-консультанты – руководители практики помогали советами, давали наставления. В Департаменте кадровой политики наибольший опыт приобретается в работе с документами и выполнению различных

аналитических работ. Так, мной был проведен анализ мониторинга мнения государственных гражданских и муниципальных служащих Свердловской области в отношении организации обучения в образовательных организациях высшего образования г.Екатеринбурга по программам дополнительного профессионального образования. Итогом работы стало составление рейтинга образовательных организаций высшего образования, выявление проблем в организации обучения. Данная работа проводилась самостоятельно, итоговые аналитические материалы были предоставлены руководителю.

В Аппарате Правительства Свердловской области наибольшее внимание уделяется правовым знаниям и так же специфическим навыкам работы с документами, их проверкой. Значимым элементом в рамках приобретения новых профессиональных знаний и навыков стало ознакомление и работа с системой электронного документооборота (СЭД), на которую сейчас перешли все органы власти. Конечно, такой опыт помогает определиться с выбором места будущей работы и своей будущей профессиональной деятельности. Практика позволила понять, как функционирует система органов власти, начиная с того, как осуществляется делопроизводство, заканчивая, проведением собственных исследований. В данном случае следует констатировать положительные реформы высшего образования.

Говоря о переходе к непрерывному образованию нельзя не отметить и факт вхождения России в Болонский процесс в сентябре 2003 года, целью которого было построение европейской зоны высшего образования, развитие мобильности граждан, повышение престижности высшего образования и обеспечение конкурентоспособности вузов. Однако это принесло за собой множество других проблем, основной из которых, пожалуй, является уровень подготовки специалистов и бакалавров в восприятии работодателей, да и самих выпускников. Во многих европейских странах (например, во Франции, Греции, Сербии) преподаватели, студенты и школьники выступают с протестами в отношении к данной реформе образования[4].

С другой стороны, сегодня мы подходим к новому типу экономического развития, который вызывает необходимость для работников несколько раз в течение жизни повышать свою квалификацию или даже менять профессию. Актуальной становится система непрерывного образования, соответственно образовательная деятельность становится важной компонентой экономического развития.

Однако у каждой культуры есть своя, только ей присущая миссия, свой оригинальный вклад в развитие мировой культуры. И утрата даже одной национальной культуры под прессом глобализации – трагедия мирового масштаба. Нельзя не учитывать потребности нашей страны и анализировать положение на рынке образовательных услуг. Задача нашего государства состоит в том, чтобы приложить все усилия для оздоровления системы образования

и для того, чтобы добиться всех тех результатов, которые и планировалось достичь при модернизации такого важного института для страны, как институт образования.

Список литературы:

1. Белова Е.Н. Непрерывное профессиональное образование для инновационной России: проблемы и перспективы развития. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vypuskniki.kspu.ru/doc/rno_03_2010_01.pdf

2. Исаев И.Ф., Сластенин В.А., Шиянов Е.Н. Общая педагогика, часть I[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gigabaza.ru/doc/66686-pall.html

3. Кулешов И.В. Современная концепция непрерывного образования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sch1929.edusite.ru/DswMedia/kuleshov_3.doc

4. Реформа высшей школы и ее антиреформаторы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.saroblnews.ru/obshestvo/2696-2010-03-30-12-25-32

5. Солнцева Н.В.Управление в педагогической деятельности: учебное пособие. // Онлайн библиотека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/n_v_solnceva/upravlenie_v_pedagogicheskoy_deyatelnosti_uchebnoe_posobie/read_1/

6. Тесленко И.В. Особенности профессионального образования в сфере сервиса и туризма // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 14. С. 207-211.

7. Тесленко И.В. Портрет абитуриента 2013 года (выпускника школы, поступающего в учреждения СПО и ВПО): результаты исследования // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 4; URL: www.science-education.ru/110-9665 (дата обращения: 05.08.2015).

8. Тесленко И.В. Формирование кадрового потенциала в соответствии с потребностями рынка труда на примере Свердловской области // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 12–2. – С. 362-368; URL: www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=10005502 (дата обращения: 05.08.2015).

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЁЖИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА

М.А. Павлова –
заместитель директора филиала
Тюменского государственного
университета в г. Новый Уренгой по
научной работе

Освоение огромных природных ресурсов и возможностей Арктики становится одной из центральных энергоэкологических, геополитических и экономических проблем XXI века, как для Российской Федерации, так и для многих стран мира.

На Арктических территориях располагается до четверти мировых запасов углеводородного сырья, основная часть которых находится в России.

Развитие топливно-энергетического комплекса Приполярного региона страны является одним из основных направлений российской экономики на ближайшие десятилетия. Ключевую и лидирующую роль в этом процессе занимает Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО), поскольку на его территории сосредоточены основные российские запасы природного газа, нефти, конденсата и других природных ресурсов. Их добыча и обработка ведётся с конца 80-х годов XX века, за это время накоплен богатый опыт эффективного освоения энергоресурсов. Уже сегодня регион является топливно-энергетической основой современной российской экономики.

В последние годы автономный округ переживает новую волну социально-экономического развития. Планируется увеличить добычу газа к 2030 году в 1,5 раза. Для воплощения планов интенсивного освоения нефтегазовых месторождений регион остро нуждается в трудовых кадрах.

Во втором десятилетии двадцать первого века в пенсионный возраст начали массово вступать работники, приехавшие на Ямал в 70-е годы покорять Крайний Север. Сокращение численности населения трудоспособного возраста является дополнительным фактором увеличения потребности в трудовых ресурсах.

В 2010-2015 годы подросло новое поколение северян – дети новопоселенцев, покорителей Крайнего Севера. Родившееся и выросшее в экстремальных климатических условиях региона, обладающее более развитыми механизмами адаптации к суровому климату молодое поколение может обеспечить экономическое и социальное развитие Арктических территорий в будущем. Поэтому социальный потенциал ямальской молодёжи следует рассматривать как важнейшую составляющую социального потенциала региона.

Потенциал (от лат. potentia – сила) – совокупность возможностей, источников, средств, запасов и т.п., которые могут быть приведены в действие, использованы для решения определенных задач, достижения поставленных целей; возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области [3].

Л.М. Галиев рассматривает социальный потенциал как «систему элементов, непосредственно детерминирующих социальную активность личности и возможности получения ею социально значимых результатов в различных сферах общественного бытия – трудовой, интеллектуальной, общественно-политической, культурной, духовной и т. д.» [2].

С.А. Штырбул трактует данную дефиницию как систему отношений, «которые не ограничиваются рыночными и обеспечивают формирование новых стимулов и мотивов экономического развития, инноваций, обеспечивают новые формы соединения факторов производства и аллокации ресурсов»; как активную преобразовательную силу, представляющую собой «синергетический эффект от совокупности культурных, цивилизационных, общественных, экономических и природных факторов» [6].

Следующее определение предлагает Филиппов В.Э.: «Социальный потенциал молодёжи – есть интегральная характеристика совокупных качеств, резервов и возможностей (психофизических, образовательных, социально-экономических, общественно-политических и культурно-духовных) молодёжи как специфической социальной группы, формирующихся под воздействием внутренних («факторы личности») и внешних («факторы среды» и «институциональные факторы») факторов, реализующихся под влиянием микро- (семья, друзья, учебный или трудовой коллектив) и макро- (общественные институты, социально-экономическая политика государства, СМИ) условий и имеющих стратегическое значение для социального воспроизводства и устойчивого развития» [5].

Особенностью Ямало-Ненецкого автономного округа является относительная молодость его населения, около 30% которого составляют молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет. Уникальность социального потенциала молодёжи Крайнего Севера объясняется совокупностью двух составляющих: с одной стороны, социальные характеристики представителей молодого поколения северян сформировались под влиянием региональных особенностей социально-экономического развития (моноэкономика, особенности организации труда, ограниченность интеллектуального и духовного развития); с другой, – это поколение является, в том числе, неотъемлемой частью молодёжи новой российской истории в целом, чей социальный облик формируют отношения рыночной экономики и экономики знаний.

В регионе весьма ограниченны возможности получения молодыми людьми профессионального образования. Причинами подобной ситуации

являются ограниченный перечень предлагаемых специальностей и направлений профессиональной подготовки; недостаточное количество оборудованных площадей, отведённых под организацию учебного процесса в учреждениях профессионального образования; значительное сокращение в последние годы филиалов вузов. Многие молодые люди уезжают на обучение в высших учебных заведениях в другие регионы страны и зарубежья. Немногие из молодых специалистов возвращаются работать в автономный округ (по статистике – 2 человека из 10 молодых людей). В крупных городах более южных регионов страны для молодёжи, безусловно, открывается значительно больше возможностей для самоопределения и самореализации. Данная ситуация способствуют оттоку из региона значительного количества наиболее интеллектуально-развитых активных молодых людей.

Моноотраслевая экономика региона, ориентированная на нефтегазодобывающее производство, создаёт ситуацию ограниченности выбора рабочих мест: многие молодые люди испытывают серьёзные проблемы с трудоустройством, работают не по специальности или не могут найти более интересную работу, что вызывает чувство неудовлетворённости и невостребованности, невозможности профессионально-активной самореализации.

Удалённость автономного округа от ведущих научных центров страны имеет негативное значение для интеллектуального развития подрастающего поколения. Интенсивно развивающийся регион, являющийся энергетической основой современной российской экономики, не может не использовать потенциал науки, не внедрять инновационные подходы и технологии. Инновационные процессы в социально-экономической сфере обеспечивают профессионально подготовленные кадры для инновационной деятельности. В регионе практически отсутствуют организации (учреждения) высшего образования, которые готовят таких специалистов, не сформирована система подготовки кадров для инновационной деятельности. Потребность в высококвалифицированном персонале на предприятиях газового комплекса удовлетворяется, в основном, за счёт привлечения уже подготовленных специалистов, зачастую вахтовым методом. Такая ситуация не способствует развитию собственного научно-образовательного комплекса.

Сегодня на нефтегазодобывающие предприятия округа, в организации малого и среднего бизнеса, бюджетные социальные структуры приходят работники, которых условно можно разделить на две категории: рождённые и выросшие в условиях Крайнего Севера и мигрирующие из других регионов. Отмечено, что период профессиональной адаптации у первых проходит в более короткие сроки и не отягощается соматическими проявлениями [1]. Именно на эту категорию работников делается основной акцент региональной власти в вопросе стратегического социально-экономического развития

Арктической территории, от которого во многом будет зависеть экономическое будущее нашей страны и мира. В этой связи важно определить современное состояние социального потенциала представителей молодого поколения северян, проанализировать качественные и количественные социальные характеристики, сформированные под влиянием региональных географических, климатических и социально-экономических факторов; комплекса применяемых органами власти и организациями автономного округа мер по социальному развитию молодёжи Ямало-Ненецкого автономного округа.

Преимущественное большинство молодых людей, принявших решение работать на Крайнем Севере, стремятся трудоустроиться на предприятия нефтегазового комплекса. Как правило, в этом им помогают родители (родственники), долгое время работающие в нефтегазовой отрасли – действует корпоративная политика преемственности поколений работников.

Результаты эмпирических исследований молодых работников в возрасте от 22 до 34 лет (390 респондентов) предприятий газовой отрасли (ООО «Газпром добыча Уренгой», ООО «НОВАТЭК-Юрхаровнефтегаз»), проведённых автором, позволили сформировать социальный облик молодого поколения северян.

По полученным данным большинство респондентов проживают на Крайнем Севере более 15 лет (от 15 до 30 лет). Материальные возможности родителей позволили им получить высшее образование (99,5%), обучаясь в вузах крупных городов страны: Тюмени, Москве, Санкт-Петербурга и др. Большинство из опрошенных молодых людей работают по специальности (90%) на предприятиях нефтегазового комплекса. Более половины испытуемых к настоящему времени создали свои семьи и имеют детей.

Основными причинами работы молодёжи в северном регионе являются высокая заработная плата (70%), социальная стабильность (40%). При этом более половины опрошенных оценивают собственный уровень материальной обеспеченности как средний (60 %), около 30% – как обеспеченный. Таким образом, материальный достаток является одной из ведущих ценностей для молодых северян. Этот фактор влияет на все стороны их жизни, взгляды, предпочтения. Современное материальное положение молодёжи Крайнего Севера её в основном устраивает. Менее 10 % констатирует о неудовлетворённости в этом вопросе. Главный источник доходов у большинства молодых людей северян – заработная плата на основном месте работы.

Отношение к труду у работающей молодёжи определяется мотивами: работать для собственной самореализации (60 %); работать, чтобы быть самостоятельным (60 %); работать, чтобы зарабатывать большие деньги (30 %); работать, чтобы сделать карьеру (30 %). В основном у молодых работников преобладают меркантильные интересы в вопросе мотивации

работы. Только 20 % опрошенных готовы работать, чтобы приносить пользу людям. 90 % молодых работников считают, что добиваются карьерного роста благодаря своему профессионализму.

Более половины молодых северян волнуют проблемы завтрашнего дня – материальный уровень жизни, сохранность здоровья (проживание и работа в экстремальных климатических условиях, болезни), неясность будущего (реформы в стране, современная геополитическая ситуация), безработица (оптимизация производств, состояние здоровья и т.д.).

Важной ценностью для молодого поколения ямальцев является ценность здоровья. Его состояние волнует более половины опрошенных молодых людей. На газовых промыслах приходится работать в открытой тундре при очень низких температурах (-30-47 градусов), при этом решать сложные производственные задачи, преодолевать значительные расстояния – это требует огромной отдачи сил. Поэтому особое внимание уделяется здоровому образу жизни молодых работников – большинство из них в свободное от работы время активно занимаются спортом. Более половины испытуемых восстанавливают душевные и физические силы в общении с семьёй и детьми (68 %), с друзьями (62 %), отдыхают на природе (49 %), занимаются любимым делом (35 %). Отпуск молодые семьи газодобытчиков проводят в более тёплых регионах страны (91 %), путешествуют по зарубежным странам около половины (48 %).

На стабильность и безопасность жизни молодых работников и их семей влияют, по их мнению, рост преступности в связи с богатыми возможностями региона, его жителей и действующих предприятий (53 %), алкоголизация и наркотизация населения (48 %). Политическая ситуация в стране практически волнует 10 % испытуемых.

Более трети молодых работников (34 %) обеспокоены проблемами духовного развития – остро ощущается удалённость от культурных центров страны, ограниченность предлагаемых населению услуг в сфере культурного досуга. Население ЯНАО представляет собой многонациональное сообщество. Экстремальные условия проживания не способствуют активным межличностным контактам и коммуникациям различных слоёв населения округа. Приобщение к родной национальной культуре происходит в основном в кругу своей семьи, разговорах на национальном языке со своими близкими людьми, а также изучении родной культуры по Интернету, фильмам, в период отпуска на исторической родине своего народа. В сложившихся условиях молодое поколение северян обладает ослабленным национальным чувством. Наблюдается отчуждение от национальных традиций, что подтверждается мнением опрошенных: более половины из них (74 %) не ощущают разрыва с родной культурой, проживая на отдалённых от центра страны северных территориях, но 26 % респондентов нуждаются в более тесных контактах с представителями своего народа и национальной среде проживания.

Органами государственной власти автономного округа предпринимаются конкретные меры по решению актуальных молодёжных проблем. В то же время молодому поколению северян необходимо активнее включаться в процессы управления округом, влиять на принятие решений в области молодёжной политики. Характерно, что только половина опрошенных респондентов оценивают свой уровень социально-политической активности как средний, 12 % считают его высоким, а одна третья часть не проявляет свою активность при решении общественных проблем. Стимулами для участия молодых людей в социально-политической деятельности, по их мнению, могут являться: личный интерес к тому, что делаешь (50 %); приобретение нового знания, опыта управленческой деятельности (48 %); реализация своих жизненных принципов, идей (46 %); желание сделать жизнь более содержательной, интересное общение (34 %); будущий карьерный рост (25 %). В целом, указанные аспекты мотивации социально-политической деятельности нацелены на личностное развитие молодых людей, носят прагматический характер. Лишь треть респондентов (31 %) указывают, что для них является важным осознание конкретной пользы на благо общества, полезного вклада в общее дело, приобретение единомышленников, а также благодарность тех людей, кому они помогли. Незначительная часть представителей работающей молодёжи являются членами политических партий (10 %) и других общественных организаций (5 %). Согласно данным исследования более половины респондентов (65%) не готовы непосредственно участвовать в деятельности общественных организаций округа, а, следовательно, стать активными строителями гражданского общества в Арктическом регионе.

Новое поколение молодых северян связывают определённый период своей трудовой деятельности с работой на предприятиях нефтегазового комплекса Ямало-Ненецкого автономного округа, с созданием своего дома и семьи в городах, в которых они родились и выросли. При этом затрудняется определить длительность своей трудовой деятельности на Крайнем Севере половина опрошенных молодых людей (49 %). Одна третья часть испытуемых планирует прожить в автономном округе не более 10 лет; 7 % считают, что смогут работать в экстремальных климатических условиях до 20 лет трудоспособного периода жизни. И лишь 5 % работающей молодёжи думают, что будут трудиться в ЯНАО до пенсионного возраста. При этом, планируя свои жизненные траектории, молодые родители не хотели бы, чтобы их дети остались жить и работать на Крайнем Севере (90 % респондентов) [4].

Таким образом, формирование и развитие социального потенциала молодёжи следует рассматривать как фактор устойчивости и стабильности в освоении Арктических территорий. Он является основой для стратегического планирования развития всех сфер жизнедеятельности, обеспечении расширенного воспроизводства общества, одной из составляющих социального потенциала региона.

Органам государственной власти, общественным институтам ЯНАО в выработке инструментов социально-экономического развития автономного округа важно учитывать результаты социологических исследований, проводимых научным сообществом по изучению социального потенциала молодёжи. Необходимо создавать условия для развития социального потенциала молодёжи, обеспечивающие достойный уровень образовательной подготовки, получение профессионального образования, сохранение здоровья, возможности проживания молодых семей, воспитания духовности и культуры, экономического благополучия, вовлечения в социально полезную деятельность – другими словами, создавать условия для закрепления молодёжи на Арктических землях. Недостаточное внимание к решению молодёжных проблем со стороны органов власти и общественности приводят к серьёзным социальным последствиям – низкому уровню самосознания молодёжи, её девиантному поведению. В целом – неготовности молодых людей продолжить дело родителей, нежелание взять на себя ответственность эффективно трудиться.

Дальнейшее освоение природных богатств и логистических возможностей Арктических территорий, столь стратегически важных для современной экономики России, имеет смысл только при возможности их перспективного развития, которое способны обеспечить будущие поколения, молодёжь, рождённая и выросшая на этих землях. По убеждениям Ю.В. Яковца, лидера современной цивилизационной школы, доктора экономических наук, профессора, академика РАЕН, «осваивать ресурсы Арктики могут только люди, обладающие высокой квалификацией, инновационным духом и умением, смелостью и мужеством, чтобы жить и трудиться, продолжать род и содержать семью в суровых климатических условиях Арктики. … потребуется приток новых кадров, прежде всего высококвалифицированной и готовой к испытаниям молодежи. Одним вахтовым методом эту проблему не решить. Потребуется создать комфортные условия для труда и жизни десятков, а в перспективе и сотен тысяч людей, применить принципиально новые подходы к решению этой проблемы» [7].

Список литературы:

1. Боровикова, И.А. Особенности профессиональной адаптации молодых специалистов в северных широтах// Крайний Север: особенности труда и социализации человека // Под общей ред. Г.А. Дзида. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2010. С. 115-117.

2. Галиев, Л. М. Исследование понятия «потенциал» и «социальный потенциал» в социологии [Электронный ресурс] / Л. М. Галиев // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, организация. – 2006. – № 8 (24). – Режим доступа: sets.ru/base/24nomer/galiev_lm/2/1.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.).

3. Краткий словарь современных понятий и терминов. – 2-е изд. / Н.Т. Бунимович, Г.Г. Жаркова, Т.М. Корнилова и др.; сост. и общ. ред. В.А. Макаренко. – М.: Республика, 1995. – 510 с.

4. Павлова М.А. Социологический портрет второго поколения мигрантов Крайнего Севера// Вестник экономики, права и социологии, 2014. – № 2. – С. 188-193.

5. Филиппов, В.Э. Социальный потенциал современной молодёжи в условиях модернизации российского общества: социологический анализ: автореф. дис. … канд. соц наук / В.Э. Филиппов. – М., 2007. – 32 с.

6. Штырбул, С. А. Социальный капитал и социальный потенциал: субъекты и функции: автореф. дис. … канд. экон. наук / С. А. Штырбул. – М., 2010. – 25 с.

7. Яковец Ю.В. Арктическая цивилизация: особенности, исторические корни, перспективы. М.: МИСК, 2011, 72 с.

БАНКИ И НАСЕЛЕНИЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФИНАНСОВОГО ПОВЕДЕНИЯ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ

В.В. Пить –
к.экон.н., директор Научно-технического центра «Перспектива»

Ухудшение ситуации в российской экономике в конце 2014 – начале 2015 года и снижение платежеспособности граждан актуализирует вопрос взаимодействия населения, особенно социально уязвимых слоев, с финансово-кредитными организациями в части влияния экономического кризиса на характер этого взаимодействия. В условиях сложной экономической ситуации в поддержке со стороны государства нуждаются молодые и многодетные семьи, пенсионеры, жизненные потребности которых в силу разных обстоятельств обеспечиваются за счет кредитных средств. Немаловажным аспектом социальной поддержки является повышение правовой защищенности населения при взаимодействии с кредитно-финансовыми организациями в целях исключения мошеннических и неправомочных действий со стороны банков и иных организаций и физических лиц.

Именно ситуация финансово-экономической нестабильности повышает потребность в разработке специализированных программ поддержки социально уязвимых групп населения, в том числе в части взаимодействия с кредитными организациями. С целью изучения проблем в данной области важно своевременно и в полном объеме получать достоверную информацию о ситуации, как со стороны потребителей банковских услуг, так и со стороны кредиторов. В связи с этим особую значимость имеет мониторинг взаимодействия социально уязвимых слов населения с кредитующими организациями в первые месяцы экономического кризиса, проблем, возникших в данной сфере, потребностей населения и существующих возможностей банков.

В 2015 году Научно-техническим центром «Перспектива» на территории Челябинской области было проведено исследование, направленное на изучение вышеуказанной проблематики.

Основные результаты исследования можно сформулировать следующим образом:

1. За время экономического кризиса около четверти опрошенных жителей Челябинской области брали кредиты в финансовых организациях. Большинство из них имели неединичный опыт обращения за кредитами. Более 12% респондентов, получивших займы, можно отнести к социально уязвимым слоям населения – пенсионеры, молодые, многодетные и малообеспеченные семьи. Наиболее популярным видом кредита является потребительский.

2. К обращению в финансово-кредитные организации большинство респондентов толкает возникшая острая необходимость, реже – потребностью или желанием что-то приобрести, и крайне редко – видели в кредитных средствах выгодную возможность. При выборе кредитора опрошенные чаще всего руководствуются выгодными условиями кредитования и надежностью и репутацией банка. При этом уровень доверия высок к крупным банками, и очень низок к небольшим банкам и микрофинансовым организациям.

3. Среди условий кредитования респондентов не устраивает только размер процентной ставки. Тогда как сроки и суммы, на которые выдаются займы, вполне удовлетворяют их требованиям.

4. Степень лояльности банков к своим клиентам оценивается респондентами по-разному. Одинаково значимые доли опрошенных считают финансовые организации как лояльными, так и преследующими только свои интересы. Тем не менее, с работой коллекторских агентств абсолютное большинство респондентов не сталкивалось, также как практически никто не оценивает работу по невозвратным кредитам положительно.

5. Большинство опрошенных не сталкивались с действиями мошенников во время экономического кризиса в сфере кредитно-финансовых услуг. Доля респондентов, имеющих представление о том, куда следует обратиться в случае нарушений договоров со стороны кредиторов, невелика – 24%.

6. Пессимистические настроения в связи с возможными последствиями экономического кризиса не слишком распространены среди респондентов. Большая часть опрошенных склонна считать, что кризис не скажется негативным образом на их жизни. Кроме того, основная масса людей, взявших кредиты в последние полгода, уверены, что смогут выполнить свои обязательства перед финансовыми организациями в срок. Однако весьма невелика доля респондентов, полагающихся на возможность взять кредит в будущем. Тем не менее, более половины опрошенных допускают обращение за кредитными средствами в случае возникновения потребности или необходимости.

7. Отношение к кредитам как таковым весьма полярно. Около половины опрошенных оценивают кредиты негативно и более трети позитивно. Небольшую долю респондентов банковские займы оставляют равнодушными.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

С.В. Ровбель –
к. эконом.н., доцент,
доцент кафедры социальных
коммуникаций и социологии управления
Новосибирского государственного
университета экономики и управления

Телевидение на сегодняшний день остается средством массовой информации, имеющим значительную постоянную аудиторию, и привлекательным для размещения коммерческой информации. Телевидение остается привычной частью повседневной жизни большого количества людей и значимым фактором социокультурного развития общества [1; 428]. Функционирование телевидения всегда имеет конкретно-исторический характер и отражает сложившуюся в данном обществе систему отношений власти, СМК и общества. Традиционное выделение трех организационных моделей телевизионного вещания не теряет своей актуальности. Мировая практика демонстрирует успешность американской модели вещательной организации, ориентированной на извлечение коммерческой прибыли. Функционируют телевизионные организации, финансируемые бюджетными средствами государства и имеющие в качестве приоритетных цели поддержки существующей системы распределения властных ресурсов и полномочий, обеспечение информационного взаимодействия властных групп и общества. Данная модель была исключительной возможно для телевизионных организаций нашей страны советского периода. Европейская модель вещания, ориентируясь на определенный нормативный подход, сочетает возможности учета запросов массовой аудитории и контроля массового вкуса трансляцией общественно-значимой информационной и культурной политики.

Значимость для нашего государства данного социального института обозначается принятием и выполнением Федеральной целевой программы «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009–2015 годы» [2], которой предусмотрен полный переход от эфирного телевизионного вещания к его цифровым технологиям. Реализация программных мероприятий формирует технологически однородное информационное пространство, обеспечивает население многоканальным вещанием с гарантированным предоставлением общероссийских обязательных общедоступных телеканалов и радиоканалов заданного качества, повышает эффективность функционирования телерадиовещания.

Деятельность телевизионных компаний означает реализацию ряда институционально обусловленных функций. На основе обобщения существующих типологий наиболее концентрировано перечень функций массовой коммуникации, а, следовательно, и телевидения, на уровне общества и отдельного индивида представил М.М. Назаров [3; 28-29]. Автор в качестве общественно значимых функций выделяет информационную, социальной связи, обеспечения преемственности, рекреативную и мобилизационную. При этом не исключаются дисфункциональные проявления, «перерождение» функций в деятельности телевизионной организации.

В последние десятилетия динамика телевизионного пространства в нашей стране формируется целым рядом внешних и внутренних факторов медиасреды. Усложняется и становится разнородным состав собственников телевизионных организаций, которые активно влияют на формирование информационной политики органа массовой информации и рассматривают телевизионную организацию, в первую очередь, как бизнес-проект. Интенсивно меняется технологический базис вещательных организаций, что усиливает конкуренцию между средствами массовой коммуникации различного вида. Многократно увеличилось количество информационных источников для аудитории. Происходит ее фрагментация, дробление на узкие нишевые сегменты. Аудитория меняет характер медиапотребления. Она более активна в выборе источника информации, устройства ее получения, ориентируется на интерактивное взаимодействие со средствами массовой информации. Можно говорить о рутинизации телепросмотра для большинства представителей телевизионной аудитории. Просмотр телепередач становится фоном, на котором реализуются многие другие виды социальных практик. Но в то же самое время, телепередачи могут инициировать процесс интернет-поиска на других устройствах. Информация, полученная во время телепросмотра, формирует 22% поисковых запросов на смартфонах, 17% таких запросов связано с телевизионной рекламой [4]. Более дифференцированным будет поведение аудитории в разрезе возрастных групп, а также времени суток. Так среди постоянных телезрителей высока доля лиц старших возрастных групп. В дневное время суток численно преобладает интернет-аудитория, в вечернее время – телевизионная (по ведущим федеральным каналам), о взаимодействии с аудиторией телевидение актуализирует свои социальные функции и емонстрирует символическую власть. Транслируя массовую культуру, оно формирует зрителя-потребителя информации, индивидуальные и коллективные способы восприятия и картины мира, ценностную систему, которые характеризуют медиареальность, отличную от реальной.

Вследствие этого происходит изменение соотношения долей различных функций, реализуемых телевидением.

Выполнение информационной функции телевидением сегодня декларируется в качестве одной целевых установок его существования. Она иллюстрирует базовую особенность телевидения как социокультурного феномена [5]. Эта функция увеличила свою значимость вследствие меньшей выраженности, чем в советский период, функции пропагандистского воздействия средств массовой информации. Новость – как сообщение о неизвестном до сих пор неизменно привлекает внимание аудитории. Функционируют самостоятельные телевизионные каналы, позиционирующие себя в качестве новостных. Изображение в рамках экрана дробится, реализуется технология PiP (буквально «картинка в картинке»), позволяющая делить экран при трансляции на несколько независимых зон, трансляция дополняется строкой бегущей информации и т.д. Но именно выполнение телевидением данной функции в полном объеме сегодня затруднено. Телевидение, конкурируя с Интернетом в объеме аудитории (по ведущим телевизионным каналам), может проигрывать в оперативности опубликования новостной информации вследствие особенностей своего технологического процесса. Информационная функция, реализуемая в новостных выпусках и социально-политических программах, составляет 17,9% эфира, а на долю просветительской функции, к которой относят познавательные программы и детские передачи, приходится всего лишь 3,9% от всего эфирного времени [6].

Соизмерима с долей информационной, и значимость рекреативной, развлекательной функции телевидения. Большое количество телевизионных компаний в рамках конкурсной процедуры получения лицензии на вещание изначально заявляют разлекательную его концепцию и, тем самым демонстрируют ориентир на коммерческую модель функционирования данного канала. Развлекательные форматы заменяют собой детские, культурно-просветительские, научно-популярные передачи. Развлекательный телевизионный контент позволяет максимизировать доходы компании через рекламные механизмы. При этом собственно рекламная информация уже не только представлена отдельными тематическими блоками между программами сетки передач, но и встраивается в саму передачу, в ее содержательное наполнение. Подобная практика имеет правовую основу в виде законодательства о рекламе [7]. По оценкам исследователей, контент российского телевидения 2013 года примерно на 3/4 состоит из развлекательных элементов.

Телевидение, в сравнении с другими средствами массовой коммуникации, имеет в своем распоряжении больше выразительных средств и инструментов для трансляции развлекательных передач в разнообразных форматах, чаще приобретенных по лицензии у западных компаний. Наиболее распространенными форматами развлекательного

вещания в последнее десятилетие являются игры и викторины (с денежным выигрышем для победителя), эстрадно-юмористические программы, реалити-шоу, представляющие новые лица или известные лица в новом качестве. Такие популярные виды отечественного телевизионного продукта как многочисленные ток-шоу, реалити-шоу, ситкомы, конкурсные, развлекательные программы преимущественно созданы по купленным, то есть заимствованным иностранным форматам. Поэтому они являются полным аналогом зарубежной медиапродукции. Часто они являются неадаптированными к социокультурным условиям нашего общества, представляют выраженную ориентацию на потребительские ценности. Развлекательное содержание эфира позволяет каналу быстро «накопить» аудиторию, получить высокие рейтинговые оценки информационного продукта, и, соответственно, привлечь внимание рекламодателей.

Телевидение путем реализации функции социальной связи помогает современному человеку преодолеть дефицитом реального социального общения. В этой связи объяснима популярность таких телевизионных передач, как ток-шоу (чаще конфликтных), построенных в форме управляемого харизматическим ведущим полилога нескольких участников в присутствии зрителей в студии и перед экранами телевизора. Зритель получает возможность виртуального участия в обсуждении реальных проблем людей, которых он может идентифицировать как знакомых. Возникает иллюзия участия человека в общении, обмене мнениями. Этот эффект может усиливаться путем внесения в передачу элементов интерактивной связи с телезрителями, их активизации в определенный момент передачи.

Функция обеспечения преемственности слабо выражена в деятельности телевизионных каналов. Передачи соответствующего содержания чаще производятся теле-, кинокомпаниями в рамках грантовой поддержки со стороны государства. И поэтому они занимают незначительную часть эфирного пространства.

Результаты проведенного методом контент-анализа исследования содержания демонстрируемых на телеэкране художественных фильмов (по основным федеральным каналам) показали отсутствие выраженного жанрового разнообразия кино продукции. Комедии, мелодрамы, драмы, детективы, приключения занимают, в среднем, 80 и более процентов всех демонстрируемых фильмов. Практически на всех каналах преобладает доля комедийного жанра (около 42 процентов предлагаемых художественных картин). В целом по показу лидируют фильмы, произведенные в США. Однако по отдельным каналам ситуация наблюдается диаметрально противоположная. Все телеканалы ориентированы на показ современного кино (фильмов, произведенных после 2000 года). Если демонстрируются старые фильмы

(до 1970 года выпуска), то в подавляющем большинстве это фильмы советского производства. На стабильном фоне всего телевизионного сезона контекстуально и численно резко выделяются показом художественных фильмов две праздничные недели года: новогодняя и праздничная майская. Показатели демонстрации детских художественных фильмов находятся в границах погрешности исследования.

Указанные трансформационные тенденции в деятельности телевизионных организаций свидетельствуют о стремлении удержать накопленную аудиторию, постепенно расширяя возрастной диапазон входящих в нее групп.

Список литературы:

1. Ровбель С.В. Современное телевидение как социальная практика / Модернизация экономических отношений в отраслях народного хозяйства: сборник материалов ежегодной международной научной конференции. – Киев: Наука управления, 2012.

2. Федеральная целевая программа «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009-2015 годы» утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2009 г. N 985

3. Назаров М.М. Массовая коммуникация и общество: Введение в теорию и исследования. Изд. 4-е, перераб. и доп. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

4. Государство массовой информации – Отчет SOCIAL MEDIA 2012. Режим доступа: http://www.nielsen.com/us/en/insights/reports/2012/state-of-the-media-the-social-media-report-2012.html (дата обращения 05.07.2015)

5. Луков Вл. Л., Луков М.В., Луков А.В. Телевидение: конструирование культуры происходящего / Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение», 2008. №1. Философия. Политология. Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/ (дата обращения 05.07.2015)

6. Шариков А.В. Телевидение и общество: нравственный конфликт // Художественная культура, 2013. № 1 (6) Режим доступа: http://sias.ru/magazine/vypusk-6-2013/sotsialnaya-filosofiya-i-sotsiologiya/849.html (дата обращения 05.07.2015)

7. Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ. Ст.14 Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/advert/26_2.html#p234 (дата обращения 05.07.2015)

ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ЦЕННОСТИ СВОБОДЫ В 1990-Е – 2000-Е ГГ.

Д.В. Руденкин –
к. социол.н., старший преподаватель
кафедры социологии и политологии
факультета социологии
Уральского государственного
педагогического университета

Постсоветская история российского общества насчитывает менее трех десятилетий. Тем не менее, несмотря на столь скромный по историческим меркам возраст, история страны за прошедшие годы оказалась крайне насыщенной и сопровождалась неоднократными фундаментальными общественно-политическими трансформациями. Особенно отчетливо перемены, произошедшие за этот период в российском обществе, заметны при целенаправленном сопоставлении тех тенденций, которые были характерны общественно-политической жизни России в 1990-е и 2000-е гг. Пережив в 1990-е гг. ряд очень серьезных экономических потрясений и острых политических кризисов, в 2000-х гг. российское общество обрело относительную стабильность: масштабных проблем в экономике удавалось избегать, а политическая конкуренция в стране резко сократилась. Неудивительно, что в отечественном научном сообществе стали часто появляться работы, посвященные тому, как между 1990-ми и 2000-ми гг. менялись характеристики политического процесса или конфигурации социально-экономических институтов российского общества. Несколько меньшее внимание уделяется вопросу о том, как перемены в политической и экономической жизни отразились на особенностях мышления и поведения различных групп населения, и о том, похожи ли практики повседневной жизни россиянина 2000-х на практики жизни россиянина 1990-х. В данной работе мы намерены сосредоточить свой интерес на частном, но важном аспекте этого вопроса и сравнить особенности представлений о свободе, характерные российской молодежи в 1990-е и 2000-е гг.

Эмпирическую основу исследования, которое легло в основу наших рассуждений, составил анкетный опрос представителей молодежи 1990-х и 2000-х гг., проведенный нами в Екатеринбурге в 2013 г. Методологической особенностью исследовательского подхода стала попытка сравнить ретроспективные ответы российской молодежи 1990-х гг. (ныне фактически людей среднего возраста) о своих прежних настроениях с ответами современных молодых россиян об их актуальных настроениях. Имея лишь такую возможность узнать мнения представителей молодежи 1990-х гг., мы учитывали именно анамнестические ответы респондентов этого сегмента,

то есть воспоминания о том, как они рассуждали в прошлом. При этом мы допускаем, что взгляды человека могут меняться в течение жизни и он не всегда способен точно воспроизводить настроения, которые были у него несколько лет назад. Поэтому для большей корректности своих выводов о настроениях молодежи 1990-х гг. мы по возможности осуществляли вторичный анализ данных и сопоставляли высказанные респондентами воспоминания с теми выводами, которые социологи делали о взглядах молодежи непосредственно в тот временной период. Тем самым, как мы полагаем, была обеспечена относительная корректность сравнений ответов молодежи 1990-х и 2000-х гг. Как в сегменте молодежи 1990-х гг., так и в сегменте молодежи 2000-х гг. было опрошено по 300 человек. В обоих случаях мы попросили респондентов ответить на серию взаимосвязанных вопросов, прямо или косвенно характеризующих их отношение и к общей идее свободы, и к различным формам ее воплощения свободы в конкретном социуме. Итоговые данные, полученные в результате этого исследования, позволяют сделать как минимум два примечательных заключения.

Прежде всего, у представителей российской молодежи 1990-х и 2000-х гг. сложилось разное эмоциональное отношение к как таковой идее свободы. В частности, это видно по ответам опрошенных на вопросы о ценностях, которые должны служить опорой государства в идеале, и ценностях, которые прослеживаются в качестве идейной основы российского социума. Несмотря на отчетливую фундаментальную схожесть представлений об идеальных и реально наблюдаемых ценностях, в настроениях молодежи 1990-х и 2000-х гг. выявилось как минимум одно принципиальное расхождение, связанное именно с ценностью свободы. Хотя доли респондентов, отмечающих наличие в современном обществе ценности свободы, в обоих сегментах оказались близки, молодежь 2000-х гг. относила свободу к ценностным основам идеального общества гораздо чаще, чем это оказалось свойственно молодежи 1990-х гг. Причем долевые разрывы в данном случае получились относительно большими: идеальному обществу ценность свободы приписали 25,4% молодежи 1990-х гг. и 50,3% молодежи 2000-х гг., тогда как в российском обществе ее увидели, соответственно, 37,6% и 26,10%. Фактически это свидетельствует о том, что, если молодежь 2000-х гг. чаще ощущает нехватку свободы в нынешнем российском обществе, то молодежь 1990-х гг. – наоборот, по собственным воспоминаниям, чаще считала, что свободы в обществе слишком много.

Второе примечательное обстоятельство, выявленное по итогам анализа данных, заключается в существовании у большинства опрошенных дифференцированного отношения к идее свободы, которое предполагает в целом благосклонное восприятие одних ее проявлений, сопровождающееся критической оценкой других. Соответствующий вывод следует из результатов вычисления условного индекса ценностного отношения респондентов к

различным особенностям политической жизни российского общества. Поясним: сам индекс вычислялся с помощью сопоставления степеней согласия, которое представители российской молодежи 1990-х гг. и 2000-х гг. выразили по отношению к двум противоположным по смыслу суждениям, охватывающим разные стороны политической реальности российского общества. Вариантам ответа, которые характеризуют степень с первым суждением, был приписан индекс от «-2» (максимальное согласие) до «+2» (минимальное согласие). Вариантам ответа, которые характеризуют степень согласия со вторым суждением, шкала приписывалась в обратно порядке – от «+2» (максимальное согласие) до «-2» (минимальное согласие). Соответственно, значения индекса потенциально могли колебаться в континууме между «-4» и «+4». Значение «-4» могло получиться в том случае, если абсолютно все ответившие максимально согласились с первым суждением, но категорически отвергли второе. Значение «+4» – наоборот, могло получиться в том случае, если абсолютно все отвергли первое суждение, но поддержали второе суждение. Результаты вычисления индекса представлены в таблице 1.

Таблица 1

Ценностное отношение российской молодежи 1990-х – 2000-х гг. к различным особенностям политической жизни государства

Основание для сравнения	Рассчитанное значение индекса среди представителей молодежи 1990-х гг.	Рассчитанное значение индекса среди представителей молодежи 2000-х гг.
Выбор между суждениями: 1. «Государством должен управлять один лидер, власть которого не ограничена» 2. «Государству нужно четкое разделение властей»	+ 0,96	+ 0,89
Выбор между суждениями: 1. «Порядок для государства важнее, чем реформы» 2. «Реформы государству необходимы, ради них можно пожертвовать порядком»	- 0,69	+ 0,04
Выбор между суждениями: 1. «Основой российского общества должна стать культура русского народа» 2. «Роль ни одного народа в российском обществе не может становиться доминирующей»	+ 0,60	+ 0,26

Выбор между суждениями: 1. «Приоритетом расходования средств в государстве должна быть модернизация экономики» 2. «Главные расходы государства должно составлять повышение качества жизни граждан»	- 0,23	+ 0,13
Выбор между суждениями: 1. «Бизнесмены должны находиться под жестким контролем государства» 2. «Бизнес имеет право на автономию от государства»	+ 0,90	+ 0,95
Выбор между суждениями: 1. «В основе нравственности российского общества должна лежать религиозная этика» 2. «Нравственность общества должна быть свободна от религии»	+ 0,82	+ 1,32
Выбор между суждениями: 1. «Современное российское общество нуждается в серьезном укреплении нравственности» 2. «В нравственном плане современное российское общество вполне комфортно»	- 2,21	- 2,15

Вычисленные значения индекса показывают, что у обоих постсоветских поколений российской молодежи прослеживается фактически одинаковое дифференцированное отношение к конкретным воплощениям свободы в социуме. Как видно, российская молодежь 2000-х гг. поддерживает идею о том, что обществу необходимо серьезное укрепление нравственности, настолько же явно, насколько ее, по собственным воспоминаниям, поддерживала и молодежь 1990-х гг. То есть большинству респондентов в обоих сегментах оказалось не свойственно одобрение свободы как нравственного релятивизма. При этом так же в абсолютно равной мере и молодые россияне 1990-х гг., и молодые россияне 2000-х гг. согласились с тем, что бизнесменам нужна более широкая автономия, чем ее реально предоставляет государство. Наконец, и те, и другие в равной степени склонялись к тому, что государству необходимо разделение властей, а не единоличное правление одного человека. Эти результаты позволяют выявить характерное воспроизводящееся противоречие, даже своего рода устойчивый парадокс в культуре политического сознания российской молодежи 1990-х – 2000-х гг.: большинство молодых россиян стабильно считают, что обществу необходима свобода в политической сфере и экономике, но при этом свободу нравственную, духовную, они скорее

отвергают и склоняются к тому, что нравственность в обществе должна быть крепкой и унифицированной.

В целом получается, что и молодым россиянам 1990-х гг., и российская молодежь 2000-х гг. оказалось характерным чувство противоречия противоречие между тем, как в идеале должна быть выражена свобода (понимаемая ими в первую очередь как самостоятельность экономической и политической деятельности), и тем, как эта свобода, по их ощущениям, выражена в актуальном для них российском социуме. Тем не менее, характер этого противоречия у российской молодежи 1990-х гг. и российской молодежи 2000-х гг., судя по нашим данным, противоположен: первые ощущали, что свободы как таковой в российском обществе слишком много, а вторые – наоборот, полагают, что ее слишком мало и что в идеале ее должно быть гораздо больше. Эти отчетливо прослеживающиеся модальности в отношении к свободе у представителей российской молодежи 1990-х и 2000-х гг. показательны. Во-первых, они свидетельствуют о том, что базовые коннотации свободы в восприятии молодежи на протяжении постсоветского периода оставались некой константой: одобрение свободы именно как независимости политических и экономических действий у молодых россиян фактически устоялось и продолжает воспроизводиться, тогда как свобода в нравственной и духовной сфере большинству из них скорее не приятна. Во-вторых, эти результаты показывают, что представления о распространенности свободы в российском обществе у большинства молодых россиян за постсоветский период эволюционировали от чувства избыточности до ощущения болезненного дефицита.

Первое из этих обстоятельств, как мы полагаем, объясняется относительно слабой верификацией молодыми россиянами принципов демократической политической культуры. Получается, что, в целом признавая свободу экономической деятельности и свободное, демократическое правление государством, они отрицают свободу самовыражения и поведения. Это позволяет предположить, что демократические взгляды либо пока не в полной мере отражаются в культуре политического сознания российской молодежи, либо возникают там в каком-то особом, искаженном виде. В свою очередь, совпадение молодежи 1990-х гг. и 2000-х гг. в отношении к этим аспектам свободы говорит о том, что перемены, которые произошли в российском обществе между 1990-ми и 2000-ми гг., мало повлияли на настроения в молодежной среде. Впрочем, стоит заметить, что культурная, нравственная свобода в России на протяжении 1990-х – 2000-х гг. практически не сокращалась, тогда как преобразования в экономической и политической жизни были несколько серьезнее.

Второй же факт, как мы полагаем, объясняется определенной зависимостью культуры политического сознания молодежи от настроений, преобладающих в обществе в целом. Говоря об избыточности свободы

в обществе, молодежь 1990-х гг., по всей видимости, воспроизводила черту российской политической культуры, которая проявилась незадолго до прихода к власти В.В. Путина, то есть непосредственно в период вступления в жизнь многих представителей этого поколения: уставшее от непрерывных кризисов и реформ, российское население было готово отказаться от хотя бы части своей свободы в обмен на реставрацию социальных гарантий по советскому образцу и экономическую стабильность (эту черту российского политического сознания вполне отчетливо видно по исследованиям, например, Г.Г. Дилигенского [2; 13] и Ю.А. Левады [3; 37]). И в отношении молодежи 1990-х гг., по всей видимости, можно согласиться с мнением Л.Д. Гудкова, Б.В. Дубина и А.Г. Левинсона [1; 28]: какая-то часть этих людей учитывала опыт 1990-х гг. и стала разделять страхи и предубеждения, которые были характерны тому времени. В то же время, молодежь 2000-х гг. вступала в свою сознательную жизнь уже в другой период, поэтому у нее в меньшей степени выражены предубеждения в отношении свободы.

В итоге можно констатировать, что проблематика свободы остается одной из важных для российской молодежи на протяжении всего постсоветского этапа развития страны. Отношение к свободе со стороны молодых россиян по-своему парадоксально, непоследовательно и избирательно. Скорее не одобряя свободы людей в нравственности и стиле жизни, большинство представителей российской молодежи стабильно высоко оценивают важность самостоятельности экономической и политической деятельности. Нравственные ориентации большинства молодых россиян в постсоветский период оказались запутанны и сложны, что, видимо, и не позволило многим из них выработать однозначное системное отношение к вопросу свободы. Тем не менее, исследование отчетливо показывает их неравнодушие к вопросу свободы и, видимо, некоторый мировоззренческий поиск.

Список литературы:

1. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левинсон А.Г. Фоторобот российского обывателя // Мир России. 2009. № 2. С. 22-33..

2. Дилигенский Г.Г. Реформы и общественная психология // Власть. 1998. № 5. С. 8-17.

3. Левада Ю.А. Десять лет перемен в сознании человека // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 28-44.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКА ТРУДА И ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ

Н.Г. Хайруллина –
д.социол.н., профессор, Тюменского государственного нефтегазового университета

Регулирование регионального рынка труда является сложной задачей для органов государственной власти, поскольку они зачастую ограничены имеющейся в их распоряжении информационной базой, состоящей исключительно из статистических показателей, в то же время личностные ожидания и предпочтения населения остаются неучтенными [2]. Сложившиеся ориентации, мнения населения обуславливают их реакции и поведение на рынке труда, но их изучению, как правило, не придается должного значения. Без внимания практически остаются такие важнейшие характеристики рынка труда, как общественное мнение безработных, инвалидов, пенсионеров, взгляды населения на предлагаемые государством меры воздействия на рынок труда и т.п. [1]. Это актуализировало проведение социологического исследования с целью анализа проблем занятости и безработицы на юге Тюменской области. В анкетном опросе приняли участие 500 респондентов. Для опроса использовался целевой тип выборки с квотами по территориальному и половозрастному признаку.

Первоначально выявлялись настроения, доминирующие среди безработного населения Тюменской области, в целом они свидетельствуют об относительной стабильности настроений в среде безработных и отсутствии крайних проявлений пессимизма. Число уверенных в завтрашнем дне респондентов («вполне уверен в завтрашнем дне» 17,8% и «скорее уверен» (25,2%)) превышает количество выбравших позиции «пожалуй, не уверен» (25,4%) и «совершенно не уверен» (13,2%). Каждый шестой респондент (17,6%) не смог определить своего отношения к данному вопросу и выбрал вариант ответа «не могу сказать, уверен или нет» и лишь 0,8% не ответили на этот вопрос.

Анализ ответов на данный вопрос в зависимости от пола респондентов выявил следующие тенденции. В завтрашнем дне чаще уверены мужчины, чем женщины (51,0 и 33,1% соответственно). Как и следовало ожидать, женщины менее уверены в завтрашнем дне, чем мужчины (31,5 и 45,6% соответственно). При этом неуверенность в ответах – «не могу сказать, уверен или нет» – продемонстрировала каждая пятая женщина (20,0%), среди мужчин таких 15,5%.

Распределение ответов респондентов на вопрос «Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?» в зависимости от возраста позволило выявить

следующие тенденции. Во-первых, чем старше респонденты, тем реже они проявляют уверенность в завтрашнем дне. Так, если в возрастной категории от 18 до 25 лет уверены в той или иной мере 61,% респондентов, в возрастной категории от 16 до 35 лет 40,8%, то среди респондентов, достигших 51 года и старше таких только четверть опрошенных (24,9%). Соответственно среди молодых меньше неуверенных, а среди представителей старшего поколения их в два раза больше. Во-вторых, неуверенность в завтрашнем дне чаще испытывают респонденты более старших возрастных категорий.

В следующем вопросе респондентам было предложено несколько суждений, отражающих отношение к работе. Распределение ответов на этот вопрос оказалось достаточно предсказуемым, как мы и ожидали, материальный стимул для безработных является основным: позицию «работа – прежде всего источник получения средств к существованию» выбрали более половины опрошенных респондентов – 61,4%. Примерно равное количество участников анкетного опроса выбрали позиции «работа для меня важна и интересна сама по себе, независимо от оплаты» и «работа для меня – не самое главное, в моей жизни есть вещи, значащие для меня гораздо больше, чем работа» – 14,0 и 14,6% соответственно. Всего для 3% респондентов работа – это «неприятная обязанность», а 7% затруднились с ответом на этот вопрос.

Важным моментом является мнение безработных по поводу изменения ситуации с занятостью в Тюменской области. Улучшение ситуации отметили 40,4% респондентов (позицию «стало значительно лучше» выбрали 10%, а «стало немного лучше, количество рабочих мест увеличилось» – 30,4%). Четверть опрошенных (24,8%) считают, что «положение не изменилось, осталось прежним». Негативное мнение высказал каждый шестой участник опроса (17,4%) («стало хуже, количество рабочих мест уменьшилось» – 12,6% и «стало значительно хуже, рабочих мест очень мало» – 4,8%).

Среди причин, по которой респонденты остались без работы, были указаны следующие: «уволили по сокращению штатов» – 20,4%, «уволили в связи с закрытием предприятия» – 12,6%, «в связи с окончанием срока временного трудового договора» – 11,4%. Реже остаются без работы молодые люди после армии и те, кто окончил учебное заведение (в совокупности 10%). Отметим, что в данном вопросе предполагался открытый вариант ответа, наиболее распространенным ответом был: наличие инвалидности, которая служит серьезным препятствием в трудоустройстве; чуть реже упоминался низкий уровень заработной платы на предыдущей работе; увольнение по причине беременности; плохие условия труда. В единичных случаях респонденты указывали на отсутствие в городе потребности в специальности, которую получил респондент; нарушения трудового законодательства со стороны работодателя, увольнения без объяснения причин.

Достаточно интересно выглядит распределение респондентов по времени поиска работы. Оказалось, что четверть опрошенных ищет работу

более года (23,4%), в два раза реже упоминались такие позиции как «от трех месяцев до полугода», «от полугода до девяти месяцев» и «от девяти месяцев до года». Доля тех, кто ищет работу относительно недолго («менее месяца» и «от месяца до трех») или работу не искал вообще, снова возрастает. На основании представленных данных можно сделать вывод о том, что в службы занятости обращаются, как правило, люди, потерявшие работу «только что» и те, кто уже долго не может найти работу.

Основными каналами поиска работы, по мнению половины участников опроса, являются, служба занятости (53,4), по мнению каждого третьего опрошенного – обращение непосредственное на предприятие (32,8%), и обращение за помощью к друзьям, родным, знакомым (32,0%). В два раза меньшее число опрошенных следили за информацией о вакансиях, давали информацию о себе в соответствующие структуры. Необходимо отметить, что данный вопрос подразумевал множественные ответы, поэтому общий процент по столбцу более 100%.

Для выявления ценностных суждений респондентов о соотношении уровня заработной платы и гарантий, связанных с трудовой деятельностью, в анкету был включен специальный вопрос, предполагающий выбор суждений. Распределения ответов респондентов на этот вопрос показывают, что основной потребностью безработной категории граждан является стабильность. Вариант «иметь пусть небольшой, но твердый заработок» выбрала почти половина респондентов (48,2%). Чуть больше трети респондентов желают «много работать и хорошо зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее» – 31,4%. И только 6,4% респондентов выбрали позицию «иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск».

В настоящее время образование является важнейшим каналом социальной мобильности в трудовой сфере. Именно образование позволяет приспосабливаться к динамично изменяющимся условиям на рынке труда, адаптироваться под запросы конкретного работодателя. Проведенный опрос показал, что большая часть безработных за последние три года вообще не получала профессиональную подготовку в какой-либо форме (63,2%). Данное обстоятельство говорит о необходимости совершенствования системы образования для безработного населения, пропаганды необходимости получения профобразования среди безработной категории граждан. Сказанное подтвердим ответами респондентов на следующий вопрос анкеты «Что в большей степени способствует трудоустройству?». Четверть респондентов считают, что в большей степени способствует трудоустройству профессия, которая пользуется спросом на рынке труда (29%). Второе место в этом рейтинге занимает позиция «высокое качество знаний, полученных во время обучения» (10,8%). Таким образом, на рынке труда возникает ситуация, при которой безработные понимают необходимость наличия хорошей профессии, а соответственно и качественного образования, но при этом, по разным

причинам, не получают профобразования. Необходимо так же отметить, что в ответах на данный вопрос достаточно большой рейтинг имеет позиция «личные связи», ее выбрал каждый шестой ответивший.

В отсутствии официальной работы чуть более третьей части опрошенных респондентов занимается домашним хозяйством (38,8%), каждый пятый (18,8%) перебиваются случайными заработками, а каждый десятый (12,4%) ничем не занимается, ожидая помощи от друзей и родственников. Анализируя ответы на данный вопрос, следует обратить внимание на достаточно низкую долю респондентов, занимающуюся общественной работой (2,4%). Возможно, это связано с низким предложением общественной работы безработным гражданам государственной службой занятости или низкой информированностью о таких работах.

С правами человека сегодня связаны многие общественные процессы и явления, их изучают с самых широких и разнообразных позиций в аспекте сущности и явления власти, принципов перестройки правовой системы, проведения социально-экономической и культурной политики и др. Посредством знаний о правах человека решаются ряд внутренних, международных и глобальных задач. Права человека обнаруживают свое присутствие практически в каждой сфере жизнедеятельности человека и носят политико-юридический, этико-нравственный, духовно-психологический, воспитательно-педагогический характер.

Знание человеком своих прав является важным условием существования на рынке труда, который в настоящее время носит конкурентный характер. С целью выявления правовой грамотности в среде безработных юга Тюменской области, в анкету был включен соответствующий блок вопросов.

Полученные данные подтверждают низкий уровень осведомленности правами в среде безработных юга Тюменской области. На вопрос «Знаете ли Вы о своих правах как человека, имеющего статус «безработный»?», каждый третий ответил отрицательно или указал на частичное знакомство с ними (35,0 и 38,2% соответственно) и лишь каждый пятый (21,4%) ответил на данный вопрос утвердительно.

Следующие несколько вопросов были призваны раскрыть уровень осведомленности респондентов законодательной базой, регулирующей трудовые отношения и отношением к ней. Оказалось, что не знакомы или частично знакомы с законодательными нормами равное количество респондентов (39,0 и 40,8% соответственно), в совокупности они составляют почти 80%. Лишь каждый шестой (17,2%) указал, что знаком с нормами, а 3% не ответило на этот вопрос. Среди тех, кто оказался знаком с законодательством, полностью удовлетворены законодательными нормами и правилами лишь 5,6% респондентов, частично удовлетворены 29,4%. Затруднились с ответом на этот вопрос каждый третий респондент (32,6%).

Готовность пойти на переподготовку для получения специальности, с гарантией последующего трудоустройства выразили почти половина ответивших (47,6%), отказались ее пройти в два раза меньшее число участников опроса (24,6%). Отметим, что каждый четвертый респондент (24,8%) затруднился с ответом на этот вопрос.

В следующем вопросе респондентам было предложено оценить качество работы государственных органов в области содействия занятости и социальной защиты безработных. Чуть более десяти процентов опрошенных оценили качество работы как «выше среднего» (14,6%), каждый десятый на второе место по популярности выбрал позицию «среднего уровня» (10,8), а 7% оценили качество как высокое. Низко оценили работу государственных служб занятости 10,8% – это две позиции «не очень хорошее» и «низкое» выбрали 4,2% и 6,6% соответственно.

В заключение отметим, что проведенное социологическое исследование, направленное на изучение мнений жителей юга Тюменской области по вопросам занятости населения, позволило разработать рекомендации для совершенствования государственного регулирования рынка труда в Тюменской области.

Список литературы:

1. Россия – Тюмень: векторы евразийского развития. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2015. – 324 с.

2. Современный менеджмент и инновационная, научно-техническая политика / Земенков Ю.Д., Курушина В.А., Вылегжанина А.О., Барменкова В.В., Хайруллина Н.Г. – Saint Louis, MO: «Publishing House Science Innovation Center». – 2013.

3. Социально-гуманитарные проблемы современности: личность и общество. Книга 2: монография /Н.Г. Хайруллина, А.К. Москатова, А.Г. Недосекина и др. – Saint-Louis, MO, USA: Publishing House Science and Innovation Center, 2013.

РАЗВИТИЕ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОСТИ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

М.А. Шаталов –
к.экон.н., доцент Воронежского
экономико-правового института

С.Ю. Мычка –
ст. преподаватель Воронежского
экономико-правового института

Инвестиционная деятельность является базисом активного развития любой экономической системы, обеспечивая высокую конкурентоспособность, как государства в целом, так и в региональном разрезе [1; 11].

Перспективы эффективного роста и развития российской экономики в большинстве своем измеряются направлением и тенденциями инвестиционного климата в ее регионах.

Оценки состояния и направленности регионального инвестиционного климата складываются из показателей инвестиционной активности и привлекательности регионов. Данные оценки рассматриваются нами как комплексные. Инвестиционная активность оценивается не только годовыми объемами капиталовложений, но и физическими составляющими (объемы строительных работ, спрос на инвестиционную продукцию); региональная инвестиционная привлекательность,- характеристиками его потенциального спроса на инвестиции.

Состояние регионального инвестиционного климата на сегодняшний день является отражением общего положения инвестиционного кризиса. Однако на общем фоне можно выделить области его условного «перегрева» и «переохлаждения», что показывает разбалансированность характеристик инвестиционной активности и инвестиционной привлекательности.

В связи с этим необходимо особое внимание уделять инвестиционному климату, стремясь улучшить и повысить его [2; 7]. Одной из главных задач механизма формирования благоприятного регионального инвестиционного климата является увеличение инвестиционной активности, которая выражается в росте удельного веса инвестиционных ресурсов, привлекаемых в инвестиционные проекты региона (Рисунок 1).

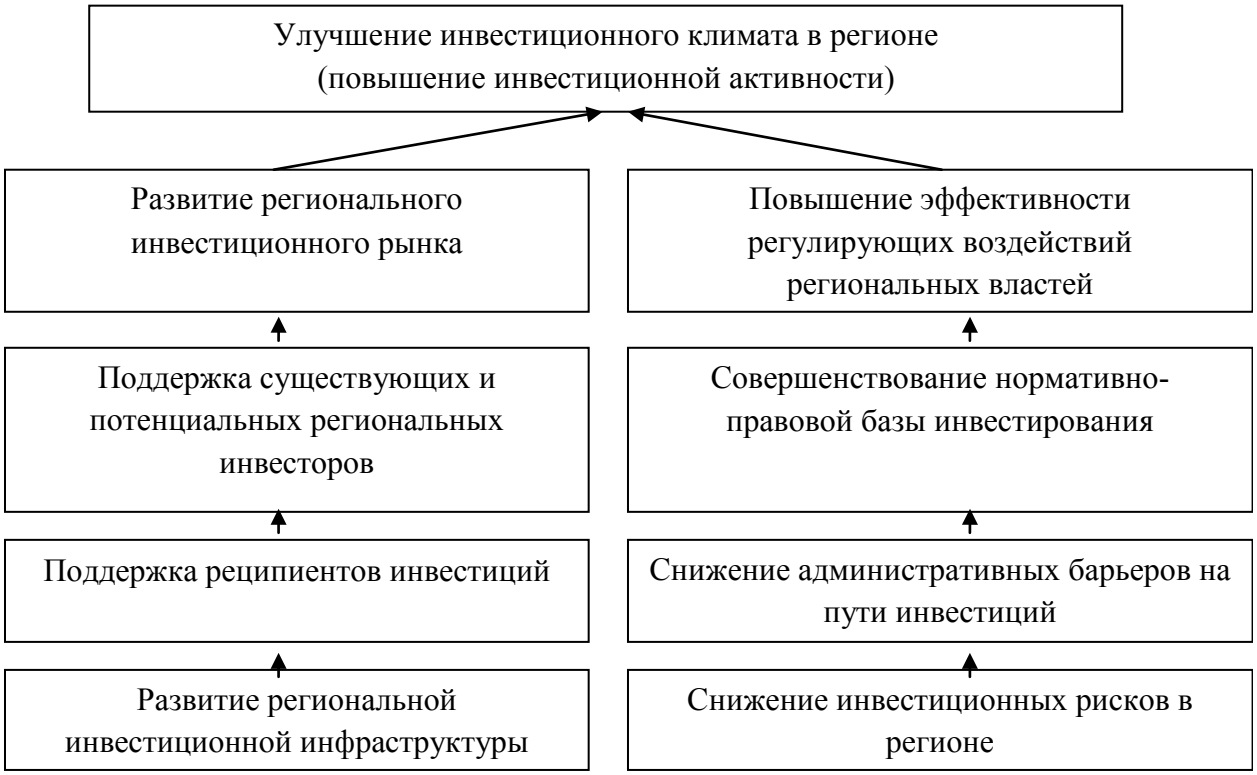

Рисунок 1. Базовое дерево целей и задач механизма формирования благоприятного инвестиционного климата в регионе

Оценка инвестиционной привлекательности субъектов РФ базируется на официальных данных Росстата и федеральных ведомств, например, Министерства экономического развития РФ. Кроме того, свои независимые оценки проводят экспертные агентства. В общем виде инвестиционную привлекательность регионов можно рассмотреть следующим образом (Рисунок 2).

Рисунок 2. Механизм оценки инвестиционной привлекательности региона

По данным «Эксперт РА», в рейтинге впервые резко замедлилось снижение среднестрановых рисков инвестирования, а в 2014 году прогнозировался их рост в пределах 2%. Показатели производственного сектора за 2013 год худшие с 2009 года. Очевидно, что инвестиционная активность снижается. Объем российского экспорта за январь-сентябрь 2013 сократился на 1,3%. Динамика промышленного производства находится в пределах статистической погрешности – 0,1%. Число регионов с негативной динамикой в промышленности – максимальное с 2009 года. Затухающий рост промышленности пока сохраняется у лидеров инвестиционной привлекательности прошлых лет. По итогам 9 месяцев 2013 года спад инвестиций в основной капитал составил 1,4%, около половины субъектов показывают отрицательную динамику.

Стагнация российской экономики совпала с завершением государственных мегапроектов и инвестиционных циклов в ряде ключевых отраслей и усилилась в связи с проведением санкционной политики в отношении РФ, которая резко ограничивает возможность инвестиционных заимствований за рубежом. [3; 99].

Таким образом, инвестиционный климат складывается под влиянием региональных факторов и региональной политики.

Существуют основные отрицательные тенденции, препятствующие развитию инвестиционного процесса в российских регионах [4; 482]:

- низкий удельный вес конкурентоспособной продукции на рынках с устойчивым спросом;
- низкая эффективность инвестиционных ресурсов, вкладываемых в производство товаров и услуг;
- высокая степень инвестиционных риской во многих российских регионах.

На настоящий момент в условиях введенных санкций в особой мере необходима такая инвестиционная политика со стороны государства, способствующая в стратегическом плане формированию внутренних механизмов, которые будут стимулировать рост эффективности производства с максимизацией заинтересованности хозяйствующих субъектов в результативной инвестиционной деятельности. Такая политика, безусловно, приведет к повышению конкурентоспособности экономики и ее регионов.

Еще одним перспективным направлением инвестирования в региональном разрезе – это создание кластеров, что позволяет повысить экономический уровень, как региона, так и страны и, соответственно, дать инвесторам дивиденды.

Особенности кластерного подхода в региональном разрезе характеризуются следующими особенностями:

- наличие концентрации основной массы хозяйствующих субъектов – участников кластерной системы;
- наличие организации – лидера, который определяет различного рода стратегии развития: хозяйственную, инновационную, управленческую, техническую и другие;
- наличие крепких хозяйственных связей в долгосрочном масштабе в области кластерной организации, которые включают ее связи на межрегиональном и международном уровне;
- наличие координации взаимоотношений в долговременной перспективе всех членов кластерной организации в разрезе из внутрирегиональных и национальных планов развития;
- наличие эффективного менеджмента организации в рамках кластера, обеспечивающего контроль процессов функционирования предприятия, а также постоянного мониторинга деятельности организации в рамках кластерной системы региона.

Исследования и практика показывают существование прямой зависимости между объектами, источниками, методами инвестирования и способами привлечения инвестиций. Только при анализе этих зависимостей можно рассчитывать на эффективность инвестиционной политики.

Управление инвестиционной деятельностью в регионе невозможно без комплекса современных форм организации инвестирования, которые отвечают условиям рынка, а также без совершенствования практики регулирования икоординирования инвестиционных процессов.

Список литературы:

1. Ахмедов А.Э., Ахмедова О.И., Смольянинова И.В. Инвестиции в инновационные изменения как ключевой фактор развития региональной экономики // Территория науки. 2014. № 4. С. 11-18.

2. Мычка С.Ю., Шаталов М.А. Инвестиции в инновационные изменения как ключевой фактор развития перерабатывающих предприятий АПК//Агропродовольственная экономика. 2015. № 2. С. 5-12.

3. Овсянников С.В., Давыдова Е.Ю. Рост ресурсного потенциала и управление инновациями как основа формирования инвестиционной стратегии кризисоустойчивого развития// Организатор производства. 2015. № 2 (65). С. 95-101.

4. Шаталов М.А., Мычка С.Ю. Проблемы современного менеджмента в условиях инновационного развития региона// Наука. 2014. № 4-3. С. 481-483.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО АСПЕКТА КОММУНИКАТИВНОГО НЕРАВЕНСТВА В РОССИИ

В.А. Шилова –
к.социол.н., доцент,
ст.научный сотрудник Института
социологии Российской академии наук

В силу очень высокой скорости развития и внедрения новых информационных технологий, роста их потребления, глобализации пространств, в современных обществах сохраняется высокий уровень социальной динамики. Коммуникативное пространство России постоянно меняется, появляются новые коммуникативные стратегии, коллективные и индивидуальные акторы, возникают новые векторы и формы его формирования. Направленность России на инновационность и модернизацию создают условия для формирования новых социальных феноменов, одним из которых и является коммуникативное неравенство.

В настоящее время в России проявили себя иные социальные дифференции. Материальное положение людей, их культурный и духовный мир теперь «измеряются» по новой «шкале»: возможностям и способам использования самых разных сведений, доступу к технологиям, обеспечивающим такое использование. Исследование нового феномена позволит создать предпосылки для устранения причин, формирующих и поддерживающих коммуникативно-информационное неравенство в России, будет способствовать развитию государства и общества на основе позитивной конкурентной политической и экономической среды, гарантирующей равный доступ к коммуникациям и информационным ресурсам для всех граждан, организаций, социальных групп, а также снятию социального напряжения в обществе, порождаемого неведением, слухами, домыслами и искажением информации.

Постановка исследовательской проблемы коммуникативного неравенства затрагивает три направления научной рефлексии. Первое – это исследования социального неравенства. Здесь мы можем выделить значимый вклад, которые внесли К. Маркс и М. Вебер в концепциях «эксплуатации» и «жизненных шансов». Представляет интерес постановка данной проблематики в работе Э. Райта, который в концепцию К. Маркса вводит понятие «прав собственности». Дж. Голдторп развил теорию М. Вебера, сделав акцент на возрастании роли дополнительного и профессионального образования, что послужило возникновению нового вектора анализа неравенства. Огромное внимание проблеме неравенства уделяет в своих работах П. Бурде. В «теории капиталов» он отмечает, что обладание капиталом (накопленным трудом в его материализованном или инкорпорированной

в самом индивиде форме (по П. Бурдье)) определяет более высокое положение индивида в структуре. П. Бурдье выделяет культурный и социальный капиталы, которые при определенных условиях конвертируются в экономический [1; с.125-166] . Из современных концепций социального неравенства, на наш взгляд, представляют интерес классовая структура Д. Гилберта-Дж. Каля, работы В. Томпсона и Дж. Хики, Г. Маршалла, С. Робертса и К. Берджена. Из Российских социологов для нас представляют интерес работы, затрагивающие проблемы социального неравенств и стратификации общества О.И. Шкаратана, Т.И. Заславской, Н.Е., Тихоновой, В.В. Щербины, М.К. Горшкова, М.Ф. Черныша и др.

Второе направление – это исследования коммуникаций. Сразу же после широкого распространения телевидения, а затем и Интернета возник огромный интерес к формированию новых информационных и коммуникативных пространств, а также к изучению их влияния на человека, появились концепции М. Маклюэна, Т. Ньюкомба, Ю. Хабермаса, Ж. Бодрияра, Т. Дридзе. Возникло несколько научных направлений, изучающих эффекты и эффективность массовой коммуникации. Однако феномен социальных дистанций в нформационной сфере стал предметом рассмотрения ученых только недавно. Такие исследователи, как Н. Винер, М. Маклюэн, У. Шрамм, Г. Шиллер и другие, свое внимание уделяли макро- и микропроцессам в переживавшем преобразования человеческом сообществе: изменениям структуры социума, его культурной и производственной динамике или, напротив, психологическим трансформациям личности в связи с интенсификацией обменов сведениями. Проблема влияния современных коммуникативных технологий на формирование новых социальных общностей и групп изучается и в психологическом, и социально-психологическом аспектах. Известны работы западных ученых, посвященные этой проблематике Е. Аронсона, М. Грам и Х. Нисс, Д. Майерса, Т. Питерсона и многих других.

Третье направление – это исследования процессов глобализации и модернизации. Здесь для нас представляют огромный интерес концепции Э. Кастельса, И. Валлерстайна, С. Хантингтона. Проблемам модернизации Российского общества посвящены работы Э.А. Паина, Н.Е. Покровского, Н.Е. Тихоновой и другие.

В настоящий момент тема коммуникативного неравенства разрабатывается научно-исследовательским коллективом в рамках проекта «**Особенности коммуникативного неравенства в современной России»** под руководством В.А. Шиловой, грант РГНФ № 13-03-00593 (2013-2015 гг.)

Прежде всего, важно провести диагностику «болевых точек», связанных с информационными потребностями граждан, общественных организаций и негосударственных бизнес-структур, со сложностями в получении ими необходимой жизненно важной информации и в донесении своих интересов до

органов государственной власти всех уровней, госкорпораций, СМК и структур гражданского общества.

Информационное общество отражает сегодня проблемы социальных отношений: имея огромный внутренний демократический потенциал, позволяя сделать открытым для граждан любое государственное учреждение или частную компанию, благодаря обнародованию разнообразных сведений и организации доступа к ним, это общество, как и традиционные, оказалось неоднородным, поделенным на страты, на богатых и бедных. Граница пролегает теперь между теми, кто располагает техническими возможностями и необходимым образовательным уровнем для пользования интернетом, и теми, кто из-за отсутствия средств на приобретение компьютеров и низкой квалификации в области информационных технологий не имеет выхода в глобальную Сеть. Это неравенство проявляет себя и в использовании новой телефонии, и в получении сведений из различных источников информации, в том числе и из прессы, чья розничная цена недоступна для широкого круга покупателей. В последнее время разрыв между богатыми и бедными в сфере информации стал все больше и больше обусловливаться технологическими характеристиками, когда быстрое распространение средств коммуникации стало охватывать лишь некоторые слои пользователей, в то время как прочие вынуждены довольствоваться стремительно устаревающей техникой.

Новая цифровая коммуникативная среда, выстроенная усилиями сотовых операторов, интернет-компаний, государственных программ по интернетизации и телефонизации, подготовила настоящую географическую революцию. В настоящий момент можно говорить о преодолении информационного отставания регионов. Но по-прежнему остается актуальным коммуникационное неравенство как между федеральным центром и регионами, так и между самими регионами. Как объективно диагностировать масштаб этих разрывов, какие существуют современные эффективные технологии и практики их преодоления – это и стало конкретными задачами нашего проекта.

Первые результаты исследования, подтверждающие наличие коммуникативного неравенства мы получили в 2014 год в ходе массового опрос населения, проведенного по специально разработанной квотной жестко структурированной выборке.

В ходе исследования был использован метод индивидуального интервьюирования в формате Face to Face. В ходе интервьюирования респондента допускалось использование интерактивных средств связи – Skype (в формате видеосвязи).

При формировании конкретных объектов исследования был использован территориально-административный принцип. В соответствии с задачами исследования нам необходимо было провести опрос в крупном городе (мегаполисе), среднем городе, малом городе и сельском населенном пункте. В качестве таких объектов исследования были отобраны следующие четыре

территориально-административные единицы: крупный город – Москва; средний город – Белгород (Белгородская область); малый город – Белев (Тульская область), Сельское поселение – села Белевского района Тульской области.

Объем и характеристика выборки. Общий объем выборки составил 640 респондентов. При этом в Москве было прошено 256 респондентов, в городах Белгород и Белев по 128 респондентов и в селах Белевского района 128 респондентов. В качестве основы при формировании выборки была использована квотная жестко структурированная выборка. В основе выборки лежал принцип формирования отдельных квотных групп, формируемых по следующим признакам (квотам): пол, возраст (граждане от 18 лет и старше), уровень образования. Данные признаки стали основой для формирования таких групп. Стоит отдельно отметить, что для Москвы в отличие от остальных объектов исследования был несколько видоизменен параметр квоты по уровню образования. Для данного города был добавлен в шкалу параметр «ученая степень». Это связано с тем, что для столицы (в отличие от других городов, попавших в исследование) характерно наличие большого количества людей с двумя-тремя высшими образованиями и ученой степенью, которые нам необходимо было охватить для целей нашего исследования.

В результате было сформирована первая база данных, которая состояла из равнообъемных групп, отобранных по территориальному признаку (128 респондентов, проживающих в Москве, 128, проживающих в Белгороде, 128 проживающих в Белёве, 128 проживающих в сёлах и деревнях Белёвского района – всего 512).

Основной гипотезой, которую мы хотели проверить, моделируя первую базу – это отличие коммуникативных жизненных стратегий у жителей мегаполиса, областного, районного центра и сельской местности, обусловленное их коммуникативным неравенством.

Коммуникативное неравенство мы трактуем, как дифференциацию, при которой отдельные индивиды, социальные группы, слои, классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии и обладают неравными жизненными шансами и возможностями в получении и распространении социально значимой информации. Признаками коммуникативного неравенства являются сбои, разрывы, барьеры (например, между центром и периферией), и как результат – общественное недоверие.

Первый аспект, который лежит в основании коммуникативного неравенство – это владение средствами коммуникации и(или) финансами для их приобретения, чтобы получить доступ к информации: покупка газет, владение оборудованием для прослушивания радио, просмотра ТВ, общения по телефону, использования Интернета.

Итак, в Москве тех, «кто может покупать себе всё, что хотел бы читать» из прессы – 53%, в Белгороде – 40%, в Белёве – 29%, в сельской местности –

41%; тех, кто не может себе позволить ничего из того, что хотелось бы читать в Москве – 5%, в Белгороде – 6%, в Белёве – 9%, в сельской местности – 6%.

Магнитолу в машине, что позволяет прослушивать радио, имеют близкое по количеству человек в разных типах территориальных поселений от 40% до 31%, а вот ФМ радио в мобильном телефоне имеют в Москве – 41%, в Белгороде – 27%; в Белёве – 17%; в сельской местности – 22%, ответили, что нет аппаратуры для прослушивания радио в Москве – 18%, Белгороде – 20%, в Белёве – 43%; в сельской местности – 43%. Имеют стационарный телефон в Москве – 69%, Белгороде – 41%, в Белёве – 46%, в сельской местности – 38%.

Мобильный телефон есть у 100% москвичей, у 96% белгородцев, 98% жителей Белёва и 89% жителей сельской местности. Жители всех территориальных поселений имеют оборудование, осуществляющее доступ к ТВ. Отличия заключаются в том, что жители Белгорода, Белёва и сельской местности чаще имеют обычной телевизор, жители мегаполиса обладают плазменными панелями, ноутбуками, планшетами и смартфонами.

Телефон (модель смартфона) стал неотъемлемой частью жизни современного делового человека. И в нашем исследовании мы можем наблюдать разные территориально оправданные стратегии использования телефона. Жители Москвы и Белгорода чаще используют функцию СМС-сообщений, фотокамеру, видеокамеру, а календарь напоминаний чаще используют белгородцы и жители села. Функцию электронные деньги используют 32% жителей Москвы, 20% белгородцев, 10% жителей Белёва и 15% жителей села. Мобильный интернет используют – 63% жителя Москвы, 54% – белгородцев, 35% жителей Белёва и 41% жителей села.

Второй аспект: различие информационно-коммуникативных потребностей респондентов в зависимости от места их проживания. Наиболее интересной для жителей Москвы из городской информации являются новости погоды (72%), политические новости (70%), криминальные новости (69%), социальные новости (67%), новости медицины (53%). Для белгородцев на первом месте стоят новости погоды (63%) и социальные новости (63%), для (49%) интересны политические новости, для (47%) – криминальные новости, (41%)- новости культуры. Для жителей Белёва на первом месте социальные новости (65%), на втором месте информация о погоде (63%), важны новости медицины для (60%), новости образования для (53%), политические и криминальные новости для (52%). Для жителей села на первой месте информация о погоде (55%), новости социальной сферы (50%), медицины (45), политические (42%), о сельском хозяйстве (39%).

Среди жителей Москвы только 10% считают, что им не достаточно информации о жизни района, округа, города, 20 % белгородцев, 14% жителей Белёва, 12 % сельчан.

Третий аспект, какие источники являются значимыми для получения актуальной информации, пользуются доверием у респондентов разных территориальных поселений. Так у жителей мегаполиса (Москва) наибольшим доверием пользуются личные наблюдения (84%), информация от родственников и друзей (77%), местное телевидение (50%), федеральное телевидение (48%), информация от соседей и знакомых (41%). Жители областного центра (Белгород) наибольшим доверием наделяют также личные наблюдения (54%), на втором месте федеральное телевидение (52%), родственникам и друзьям доверяют (47%), местному телевидению (31%), радио (22%). У респондентов, проживающих в районном центре (Белёв), наибольшим доверием пользуется федеральное телевидение (72%), местное телевидение (50%), родственникам и друзьям доверяют (48%), личным наблюдениям (47%), местным газетам (43%). Жители сельской местности склонны доверять в наивысшей степени родственникам и друзьям (54%), личным наблюдениям (44%), федеральному телевидению (40%), соседям и знакомым (31%), местному телевидению (21%).

Не пользуются уважением у москвичей рекламные издания, им не доверяют (58%), зарубежным сайтам, журналам, зарубежным изданиям не доверяют (31%). Белгородцы не доверяют рекламным изданиям (48%), соседям и знакомым (36%), зарубежным сайтам (34%), зарубежному телевидению (29%). Жители Белёва не верят рекламным изданиям (48%), соседям и накомым (41%), российским сайтам Интернета и зарубежным изданиям (25%). Жители сельской местности больше всего не доверяют рекламным изданиям (56%), соседям и знакомым (36%), журналам (26%), иностранным изданиям (21%).

Четвертый аспект, который мы смогли вычленить и оценить – это коммуникативные практики, которые используют респонденты во взаимодействии с окружающей их средой. В таблице 1 приведены % респондентов, использующих перечисленные формы активности хотя бы один раз.

Таблица 1

Использование форм коммуникативной активности
жителями разных территориальных поселений (%)

Вид коммуникативной активности:	Жители Москвы	Жители Белгорода	Жители Белёва	Жители сельской местности
пишут, звонят в редакции (радио, ТВ)	15%	19%	7%	4%
участвуют в съемках ТВ-передач	14%	3%	3%	2%

ходят на митинги	26%	17%	9%	8%
ходят на встречи с кандидатами	10%	25%	43%	8%
ходят на прием к депутатам	10%	17%	21%	7%
выступают на конференциях, собраниях	33%	24%	21%	3%
организовывают деловые/дружеские встречи	57%	48%	16%	7%
ведут открытый для всех блог	20%	6%	6%	1%
проводят/посещают тренинги/лекции	27%	25%	9%	6%

Из Таблицы 1 следует, что наиболее коммуникативно-активными являются жители мегаполиса и областного центра. Жители Москвы более активны в посещении митингов и в меньшей степени активны во встречах с кандидатами и депутатских приёмах. Жители районного центра (Белёв) демонстрируют высокую активность, наоборот, в общении с потенциальными и реальными представителями власти (Табл. 2). Жители сельской местности демонстрируют низкую коммуникативную активность по всем измеренным нами параметрам.

Таблица 2

Политическая активность жителей
разных территориальных поселений (участие в последних выборах) (%)

Принимали участие в последних выборах:	Жители Москвы	Жители Белгорода	Жители Белёва	Жители сельской местности
президента РФ	58%	67%	70%	67%
депутатов Государственной думы РФ	40%	50%	63%	50%
депутатов городского законодательного собрания	18%	38%	56%	46%

депутатов областного законодательного собрания	12%	40%	54%	46%
депутатов местного самоуправления	20%	52%	58%	52%

Наименьшую гражданскую активность в участии в выборах демонстрируют жители Москвы, выше процент активности у жителей сельской местности и районного центра. Из таблицы 3 следует, что москвичи чаще обращаются письменно в органы власти разных уровней, белгородцы и жители Белёва предпочитают обращаться к работникам муниципальных органов власти, а жители села к работникам государственных.

Таблица 3

Гражданская активность жителей
разных территориальных поселений (%)

	Жители Москвы	Жители Белгорода	Жители Белёва	Жители сельской местности
Обращались письменно в органы власти различного уровня	10%	6%	5%	2%
Обращались к депутатам	2%	3%	4%	1%
Обращались к работникам государственных органов власти	8%	7%	6%	10%
Обращались к работникам муниципальных органов власти	6%	10%	14%	6%
Выступали на различных собраниях	2%	1%	2%	2%

Пятый аспект, насколько жителями разных территориальных поселений ощущается сокрытие от них какой-либо информации. Из таблицы 4 следует, что наиболее информированная и коммуникативно-активная группа москвичей,

особенно остро ощущает сокрытие информации отдельной направленности от населения. Считают, что скрывается информация о содержании опасных веществ в пищевых продуктах 75%, а факты проведения опасных научных экспериментов – 60%. Белгородцы встревожены, прежде всего, сокрытием информации о реальной политической ситуации в мире – 57%. Жители Белёва и сельской местности примерно в два раза меньше встревожены сокрытием информации по тем же вопросам, что и москвичи. Большее число респондентов всех территориальных поселений обеспокоены сокрытием информации о способах получения страховых выплат. В целом жители села в меньшей степени склонны считать, что от них скрывается какая-либо информация.

0Таблица 4

Считаете ли Вы, что некоторая информация
специально очень часто скрывается от населения? (%)

Скрывается следующая информация:	Жители Москвы	Жители Белгорода	Жители Белёва	Жители сельской местности
Внешний долг государства	31%	35%	18%	15%
Изменение ВВП	23%	19%	10%	9%
Способы получения страховых выплат	38%	28%	12%	16%
Содержание опасных веществ в пищевых продуктах	75%	48%	30%	27%
Факт проведения опасных научных экспериментов	60%	42%	25%	22%
Исторические факты	24%	27%	5%	7%
Реальная политическая обстановка в мире	39%	57%	16%	15%
Скандалы с участием известных людей, политических лидеров	20%	26%	10%	9%
Катастрофы, число жертв, факты убийств и пр.	24%	37%	9%	10%

Шестой аспект, ощущение причастности, включенности в управленческие процессы, учёт мнения респондентов при принятии решений разных уровней. Таблица 5 наглядно показывает нам, насколько велик процент респондентов, которые считают себя отчужденными от процессов принятия управленческих решений. Наиболее сильно ощущают, что их мнение никак не учитывается жители сельской местности, наименее белгородской области.

В целом таблица рисует тревожную картину, указывающую на оторванность государственных и муниципальных управленческих элит от выражения мнения и решения проблем населения.

Таблица 5

Считают, что их мнение абсолютно не учитывается
при принятии законопроектов, решений,
респондентами разных территориальных поселений: … (%)

Считают, что мнение абсолютно не учитывается:	Жители Москвы	Жители Белгорода	Жители Белёва	Жители сельской местности
Государственной Думой	57%	49%	64%	69%
Президентом РФ	46%	41%	60%	56%
Правительством РФ	50%	46%	61%	62%
Советом Федерации РФ	64%	45%	64%	69%
Региональной Думой	65%	45%	64%	71%
Губернатором	52%	40%	61%	65%
Мэром города	49%	39%	59%	66%
Префектурой	59%	38%	62%	73%
Управой района	62%	34%	58%	70%
ЖКУ	67%	40%	61%	68%
На предприятии (организации), где Вы работаете	21%	22%	26%	45%
При принятии градостроительных решений	45%	43%	65%	66%

Анализ информационных потребностей и возможностей, коммуникативных практик, субъективных оценок респондентов разных территориальных поселений, наглядно показал нам признаки коммуникативного неравенства.

Первый аспект указывает на то, что в зависимости от того, где проживает респондент, он испытывает или не испытывает ограничения во владении коммуникативными устройствами. В выигрышной ситуации оказываются жители мегаполисов и областных центров, в проигрышной ситуации оказываются жители малых городов и сельской местности.

Второй аспект связан с информационными потребностями жителей разных территориальных поселений, указывает на то, что уровень

информационных притязаний намного выше у жителей мегаполиса и областного центра, потребности жителей малого города и сельской местности минимальны.

Третий аспект анализа даёт возможность оценить, каким источникам информации доверяют смоделированные нами группы. И здесь мы, также наблюдаем различия. Москвичи, например, склонны в большей степени доверять информации полученной в ходе личных наблюдений и межличностной коммуникации (tet-a-tet), что в меньшей процентной значимости свойственно и жителям сельской местности. Жители областного и районного центра доверяют наравне с межличностными коммуникациями, федеральному и местному телевидению.

Четвертый аспект затрагивает формы и виды коммуникативных практик, мы можем наблюдать очень низкий уровень общественной активности у жителей сельской местности и низкий уровень политической активности у москвичей.

Пятый аспект указывает на то, что, чем больше потребность в информации у группы, тем больше вероятность ощущения сокрытия информации государством.

Шестой аспект демонстрирует то, насколько глубоко ощущение разных территориальных групп отчужденности от принятия управленческих решений. Значительно выше число респондентов в сельской местности и районном центре, считающих, что их мнение никак не принимается во внимание органами власти.

Список литературы:

Бурдье П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / Пер. с фр. // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии. — М.: Институт экспериментальной социологии]; СПб.: Алетейя, 1999. — С. 125—166.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ[1]

Р.Р. Яппарова –
канд. соц. Наук, начальник ОСЭИ НИЦ
ПУ и ГС ГБОУ ВПО
Башкирской академии государственной
службы и управления при Президенте
Республики Башкортостан

Исследования жизненных стратегий молодежи в современных условиях представляется особо актуальными для социологической науки. Молодежь выступает субъектом общественного воспроизводства и гарантом его развития. Жизненные стратегии молодежи являются важнейшим индикатором существующих и будущих тенденций развития и общей направленности всего общества. От них во многом будут зависеть будущая структура социальных отношений и преобразований. Изучение жизненных ориентиров молодых поколений дает возможность прогнозировать будущие социальные процессы [9; 94]. С нашей точки зрения исследования жизненных стратегий сельской молодежи являются особо значимыми, так как российское село уже более двадцати лет находится в тяжелом, кризисном или, как сегодня стало «модно говорить», турбулентном состоянии. Условия жизни, несомненно, оказывают глубокие воздействия на формирование жизненных ориентиров молодого поколения.

В данной статье затронуты некоторые методологические проблемы анализа жизненных стратегий молодежи, среди которых выделим следующие.

Во-первых, в научной литературе существуют различные определения стратегии, понимаемой в большинстве случаев как искусство проведения больших операций, включающих их подготовку, организацию и использование имеющихся в распоряжении средств таким образом, чтобы в фактически существующих условиях достигнуть поставленной цели [7]. Стратегия всегда предполагает выбор, причем выбор целерациональный по типологии М. Вебера. Однако определение жизненной стратегии нуждается в переосмыслении и уточнении. Его нередко отождествляют с такими дефинициями как «жизненные траектории», «жизненные ориентации», «жизненные сценарии», «жизненные перспективы», «жизненные цели» и др.

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-12-02018

Термин «жизненная стратегия» впервые ввела в научный оборот отечественный психолог К.А. Абульханова-Славская, которая понимала под ней «способность к самостоятельному построению своей жизни, к принципиальному, осмысленному ее регулированию в соответствии с кардинальным направлением» [1]. Стратегия жизни состоит в способах изменения, преобразования условий, ситуаций жизни в соответствии с ценностями личности…». Таким образом, ядром жизненных стратегий выступают ценности и ценностные ориентации, направляющие человека на определенные цели [8].

Во-вторых, существуют методические трудности в измерении и классификации жизненных стратегий личности. Наиболее часто упоминаемой являются классификация Ю.М. Резника, который говорит о стратегиях жизненного благополучия (жизнеобеспечение), жизненного успеха (жизнестроительство) и жизненной самореализации (жизнетворчество) [6; 101]. В то же время возникает вопрос о том, какой тип жизненной стратегии признать наиболее эффективным? На сегодняшний день большинство психологов все чаще склоняются к мнению, что эффективность жизненной стратегии определяется гармоничным развитием всех составляющих человека: тела, разума и души и, соответственно, всех аспектов его жизни: здоровья, работы, человеческий взаимоотношений.

В качестве критерия оценки жизненных стратегий предлагается чувство удовлетворенности. В то же время, как отмечает Е.И. Головаха, удовлетворенность жизнью практически не связана с уровнем притязаний. Жизнью равно удовлетворены или не удовлетворены и те, кто хотят добиться многого, и те, кто ограничивается малым [3].

В-третьих, есть определенные трудности в определении степени и характера влияния внешних условий на формирование и реализацию жизненных стратегий. Психологи А. Адлер и Э. Берн, например, считали, что модели жизненных сценарий людей («стиль жизни» по А. Адлеру) формируются в детстве, в первую очередь, под воздействием воспитания и практически не меняются в будущем…. [4]». По мнению же К.А. Абульхановой-Славской, личность выступает активным субъектом своей жизни, способным к самоорганизации и саморегуляции. Ее качества как субъекта деятельности не зависят напрямую от возрастных этапов или стадий жизненного пути. В концепции субъекта, предложенной С.Л. Рубенштейном, личность рассматривается как активный субъект своей жизни, то есть человек сам строит свою жизнь и свое отношение к ней.

Сегодня многие ученые, признавая тот факт, что человек является активным субъектом своей жизни и судьбы, не умаляют роль внешних факторов, подчеркивая, что они во многих случаях являются определяющими. Вопрос влияния внешних социальных условий на индивида – один из основных в социологии, а в условиях смены парадигм и глобальной перестройки всей

общественной системы он приобрел особую остроту. Н.Ф. Наумова, например, считает, что в современном российском обществе жизненная стратегия выстраивается как процесс адаптации или не адаптации к происходящим реформам.

Влияние социальной среды на формирование и реализацию жизненных стратегий изучается достаточно активно и в целом есть экспериментальные данные, доказывающие, что качество семейного воспитания, уровень образования родителей, взаимоотношения в семье, а также уровень жизни непосредственно и напрямую влияют на содержание жизненных стратегий [3]. Н.И. Легостаева в статье «Жизненные стратегии «дневной» и «ночной» молодежи Санкт-Петербурга» предлагает выделять полифакторный и монофакторный типологии к классификации подходов, рассматривающих факторы, влияющие на процесс формирования и реализации жизненных стратегий личности. К монофакторному подходу автор статьи относит работы Н.М. Арсентьевой, В.П. Бусыгина, И.И. Харченко, А.В. Мудрика, которые доминирующую роль в формировании и реализации жизненных стратегий личности отводят типу и размерам населенного пункта (мегаполис, средний, малый город). К сторонникам полифакторного подхода она предлагает отнести Г.А. Ельникову и Ш.И. Алиева, которые выделяли мегафакторы (Интернет), макрофакторы (общество), мезофакторы (регион проживания личности), микрофакторы (семья, референтные группы) и другие [5]. Анализ различных подходов к изучению факторов, формирующих и влияющих на жизненные стратегии индивидов, показывает, что место жительство, размер населенного пункта, с точки зрения исследователей, играют значимую роль в жизненных ориентациях молодежи. Действительно, если сравнивать условия жизни городской и сельской молодежи, то становится очевидным, что молодежь села находится в сегодняшних российских условиях в особо затруднительном положении, что, несомненно, влияет на формирование и реализацию ее жизненных стратегий. С точки зрения наличия ресурсов, необходимых для полноценного формирования личности, сельская молодежь представляет собой малоресурсную группу. В настоящее время социальное развитие села отстает от города, наблюдается глубокая дифференциация в уровне и качестве жизни городских и сельских жителей. Отсутствие возможностей, обусловленных социально-экономическим кризисом села и неразвитостью социальной инфраструктуры способствуют формированию у молодых сельчан так называемой субкультуры бедности или снижение планок устремлений индивидов, их ориентацию на потребление и стремление к максимальному удовлетворению материальных, сиюминутных потребностей. С точки зрения автора, несмотря на актуальность, данный вопрос в литературе достаточно не исследован.

В-четвертых, многие представители науки согласны с тем, что сегодня глобальное общество переживает период кризиса, причем кризис этот системный, затрагивающий все стороны жизнедеятельности человека. В этих условиях общественные отношения представляют собой клубок противоречий и неопределенностей, в результате чего снижается возможность адекватной рефлексии индивида на происходящее. В этом отношении молодежь представляется особо уязвимой группой в силу специфики ее роли и места в обществе. Волокитина А.А., например, отмечает, что высокая доля случайных факторов и эскалация риска на институциональном уровне снижает предсказуемость индивидуальных выборов и решений. Это порождает многочисленные противоречия в жизненных стратегиях молодежи, нарушая их внутреннюю логику и целостность. Поиск путей преодоления неопределенности активизирует новые формы организации жизнедеятельности и находит отражение в новых образцах жизненных стратегий [2; 218].

С этой позиции в особо невыгодном положении оказывается сельская молодежь, так как на селе уже четверть века наблюдается состояние перманентного кризиса. Моноотраслевой характер экономики, затянувшийся кризис в сельском хозяйстве стали препятствием на пути инновационного развития сельскохозяйственного производства, также оказали непосредственное влияние на занятость, заработную плату, доходы, уровень потребления сельчан, доступность медицинских, образовательных и иных услуг, т.е. на те индикаторы, которые определяют уровень социального и человеческого развития и непосредственно влияют на формирование и реализацию жизненных стратегий. В этих условиях активная молодежь ищет свои пути преодоления турбулентного состояния – массового уезжает из села. В условиях безработицы увеличивается трудовая миграция сельской молодежи в более благополучные в социально-экономическом отношении регионы. Оставляя свои семьи трудовые мигранты, в основном – молодые сельские мужчины, вынуждены ездить на заработки. Эти процессы негативно отражаются на сельской семье как социальном институте, и прежде всего на ее функциях воспроизводства и социализации молодых поколений. Результатом глубокого кризиса является также снижение адаптационного потенциала, рост девиантного, асоциального поведения среди сельской молодежи.

В-пятых, положение молодежи в современных условиях весьма противоречиво. С одной стороны, в нестабильных условиях глобализации она оказалась в особо затруднительном положении, но, с другой стороны, в условиях необыкновенно большого числа альтернатив развития она получила и широкие возможности конструирования своей биографии. Трансформационные процессы и кризисы для одних оборачиваются крахом, но для других предоставляются небывалые возможности проявить свою активность и достичь своих целей. Но, необходимо отметить, что для сельской молодежи эти возможности существенно ограничены.

В-шестых, российские исследователи признают, что переход на рыночные отношения привел к коренным качественным изменениям жизни людей, причем, весьма противоречивым. Исследования социологов подтверждают значительные массовые трансформации в менталитете и сознании россиян. Происходит ломка ценностных ориентаций, их перестройка. Однако для того, чтобы «новые ценности» утвердились в массовом сознании необходимо время. В этих условиях массовое сознание отличается аморфностью, маргинальностью. Современная молодежь сформировалась в политических и социально-экономических условиях, связанных с распадом государства, глобальной трансформацией всей общественно-политической системы и социально-экономических связей. Безусловно, эти процессы отразились на мышлении и поведении молодежи. С точки зрения многих исследователей, внешняя среда коренным образом изменила менталитет и представления молодых россиян. Современной молодежи гораздо труднее реализовать свои цели и достичь успеха на том или ином поприще. Да и цели жизни претерпели существенные изменения.

Результаты различных исследований автора [9], показывают, что в условиях турбулентного состояния общества сельская молодежь характеризуется разнонаправленностью векторов реализации жизненных стратегий, низкими показателями осмысленности своей жизни и ориентиров, не говоря уже об уровне самоконтроля в реализации поставленных целей. Анализ результатов исследования позволяет автору утверждать, что система приоритетных ценностей сельской молодежи часто конфликтуют с внешними обстоятельствами, сельским образом жизни, безработицей, вынужденными трудовыми миграциями и т п.

Отсутствие перспектив, безработица, бедность, неустроенность жизни приводят к тому, что стратегия жизнеобеспечения, реализуемая многими молодыми людьми, переходит в стратегию выживания, к тому, что предел реализации своего человеческого потенциала молодые сельчане видят в обеспечении себя самыми необходимыми средствами [9; 93].

В-седьмых, молодежь, как уже было отмечено, занимает специфичное и особое положение в социально-экономическом развитии общества. С точки зрения изучения жизненных стратегий особенность молодежи как социально-демографической группы определяется активным процессом социализации. На данном этапе происходит процесс формирования и развития личности как таковой и ее жизненных целей в частности. Именно в подростковом и юношеском возрасте происходит осознанный или не всегда осознанный выбор человеком своего пути и места в жизни. При исследованиях молодежи необходимо иметь в виду, что рассматриваемая социальная группа не является однородной по своему составу. Ее представителям характерны различные наборы социальных статусов, функций и ролей, которые соответствуют этапам взросления и становления личности. Наряду с обозначенной возрастной

дифференциацией существуют также определенные различия в условиях и качестве жизни молодежи в зависимости от типа и численности сельского населенного пункта. Также не стоит обходить вниманием и дифференциацию в уровне доходов, которая на взгляд автора, оказывает несомненное влияние на жизненные стратегии молодежи. Следует различать уровень притязаний и жизненные стратегии благополучной в материальном отношении молодежи и неблагополучной молодежи.

Таким образом, анализ проблемы жизненных стратегий молодежи является весьма необходимой, но, трудной задачей для ее исследователей.

Список литературы:

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. Издательство «Мысль», 1991.

2. Волокитина А.А. Жизненные стратегии молодежи в условиях профессионального выбора // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 4. С. 218.

3. Головаха Е. И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев, Наукова думка, 1988.

4. Лари Хьелл, Дэниел Зиглер Теории личности. Основные положения, исследования и применение. L.Hjelle, D.Ziegler. Personality Theories: Basic Assumptions, Research, and Applications 3th ed.: McGrow-Hill, 1992; СПб.: Питер Пресс, 1997,. К.: PSYLIB, 2006.

5. Легостаева Н.И. Жизненные стратегии «дневной» и «ночной» молодежи Санкт-Петербурга // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 8(114) март-апрель.

6. Резник Т.Е., Резник Ю.М. Жизненные стратегии личности // Социологические исследования. 1995. № 12. С. 101.

7. Стратегический менеджмент. Учебное пособие. Под ред. М. А. Чернышева. Ростов, 2009. 265 с. http://portal-u.ru/strtitul.

8. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М.С. Яницкий. - Кемерово, 2000.

9. Яппарова Р.Р. Жизненные стратегии сельской молодежи: опыт социологического исследования // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2014. № 4. С.94-100.

Подготовлено в соответствии с планом
редакционно-издательской деятельности
Тюменской областной Думы на 2015 год,
утвержденным распоряжением председателя областной Думы
от 05.02.2013 № 18-рп

Социальные вызовы и ограничения новой индустриализации в регионах России

Компьютерная верстка
и техническое редактирование: Елисеева Т.П.

Материалы публикуются в авторской редакции

Подписано в печать 25.09.2015.
Тираж. 250 экз.

Электронная версия
Тюменская областная Дума,
625018, г. Тюмень, ул. Республики, 52
тел. 46-32-82